

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

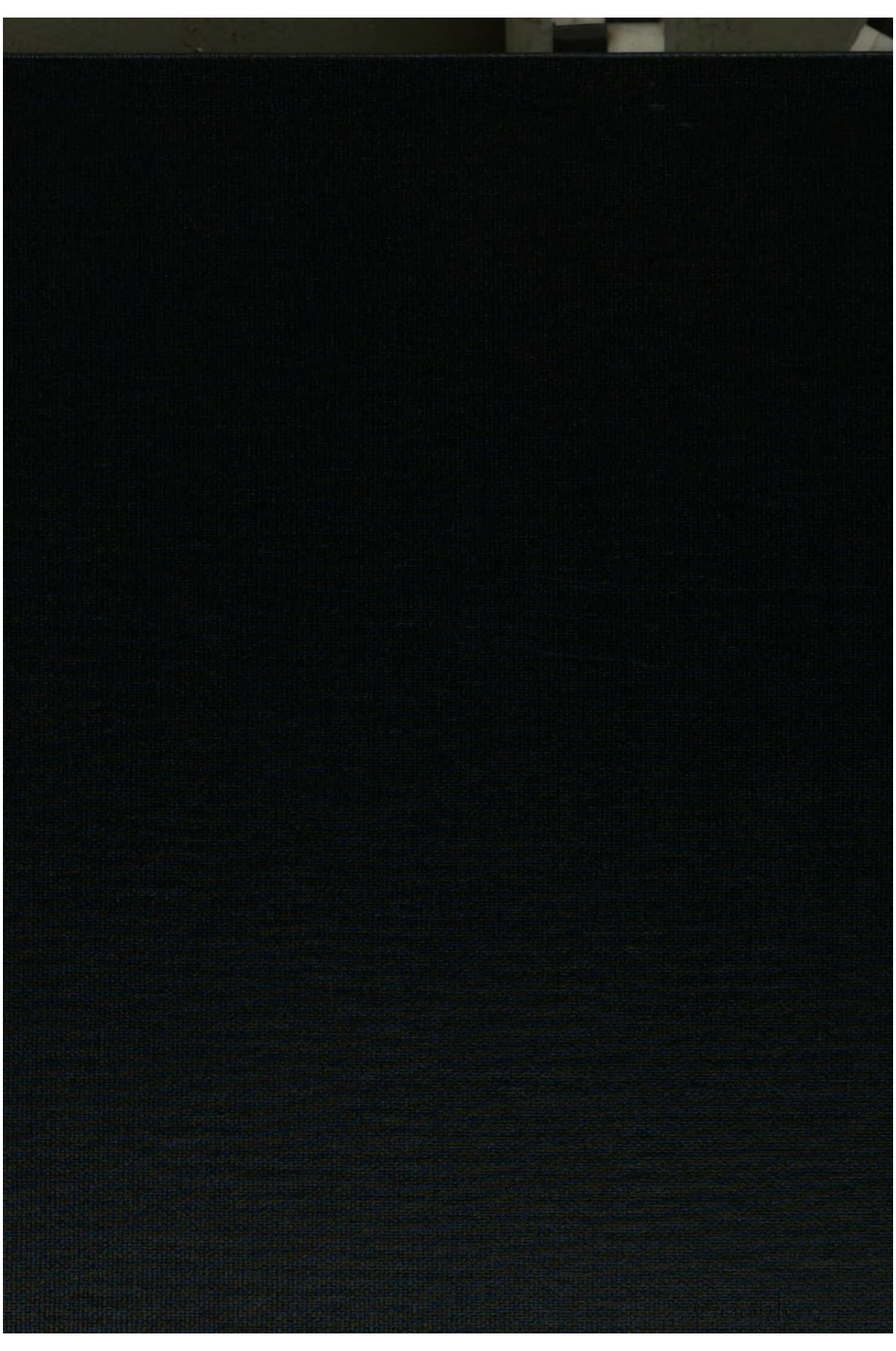
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

1174
1874

P Slav 318.10

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

МАРТЪ

1874.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1874.

Printed in USSR
(Russia)

СОДЕРЖАНИЕ.

- ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.
- Политическое устройство Германской имперіи (Продолженіе). А. Д. Градовскаго.
- Древне-русскія отреченныя вѣрованія и календарь Брюса. I. О. Керенскаго.
- Очерки художественной жизни современной Европы. I. А. В. Прахова.
- Критическія и библиографическія замѣтки:
Замѣтки по исторической грамматикѣ русскаго языка:
1) очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе. Соч. М. Колоцова. Варшава, 1872. 2) Starobulgarská fonologie se stáleм zretelem k jazyku Litevskému. Sepsal dr. Leopold Geitler. v. Praze, 1873. А. А. Потевни.
- Религія востока: конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ. Сочиненіе В. Васильева. С. Петербургъ, 1873. И. П. Минаева.
- Техническія учебныя заведенія въ Европѣ. (Продолженіе.) А. М. Гезена.
- Къ вопросу о нормальной школьной мебели Н. Н. Новикова.
- Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты, б) низшія училища.
- Адресъ Императорскаго Историко-филологическаго института И. Д. Делянову.
- Письмо изъ Парижа Л. Л.—ра.
- Отдѣлъ классической филологіи. (См. на 3-й стр. обѣртки).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛХХІІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).
1874.

~~Harvard~~

✓
P Slav 318.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COLESLICE FUND
Jul. 25, 1933

23329
37.1

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (21-го декабря 1873 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Архангельской женской гимназій.*

Бывшая попечительница Архангельской женской гимназій, супруга потомственного почетнаго гражданина Анна Абрамовна Грибанова, пожертвовавъ 5% банковый билетъ 1-го выпуска за № 102440, ходатайствовала объ учрежденіи изъ процентовъ съ этого капитала стипендіи ея имени въ помянутой гимназій, для взноса платы за ученіе одной ученицы, содержаніе ея и приобрѣтеніе для нея учебныхъ пособій.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министромъ народнаго просвѣщенія ходатайства о семъ начальства С.-Петербургскаго учебнаго округа, въ 21-й день декабря 1873 года, Высочайше соизволивъ на приведеніе означеннаго ходатайства въ исполненіе, Всемилостивѣйше повелѣлъ благодарить жертвовательницу.

2. (21-го декабря 1873 года). *О предоставленіи лицамъ, какъ служащимъ въ женскихъ гимназійхъ и прогимназійхъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ и прослужившимъ въ нихъ не меньше десяти лѣтъ,—права безплатнаго обученія дочерей ихъ въ этихъ заведеніяхъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу

министра народнаго просвѣщенія, основанному на отзывахъ учебно-окружныхъ начальствъ, Высочайше соизволилъ на предоставленіе лицамъ, какъ служащимъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ и прослужившимъ въ нихъ не менѣе десяти лѣтъ, если сіи послѣдніе представляютъ свидѣтельство о бѣдности,—права бесплатнаго обученія дочерей ихъ въ этихъ заведеніяхъ.

3. (21-го декабря 1873 года). *О наименованіи устроеннаго купцомъ Подарусевымъ училища въ Тюменскомъ округѣ, Тобольской губерніи, Алексѣевскимъ.*

По случаю посвѣщенія Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ села Персваловскаго, въ Тюменскомъ округѣ, Тобольской губерніи, 5-го іюля 1873 года, Тюменскій первой гильдіи купецъ Подарусевъ имѣлъ счастье лично заявить Его Высочеству желаніе свое выстроить на свой счетъ, въ названномъ селѣ, зданіе для сельскаго приходскаго училища, съ двумя отдѣленіями для мальчиковъ и для дѣвочекъ мѣстныхъ крестьянъ Успенской волости, снабдить это училище на первый разъ всѣми необходимыми принадлежностями, а для обезпеченія этого учебнаго заведенія, на будущее время, внести въ Тюменскій общественный банкъ, на вѣчныя времена, *двѣ тысячи* руб. сер., для назначенія изъ процентовъ съ этого капитала одной половины на жалованье законоучителю, мѣстному священнику, а другою — сельскому учителю, въ добавокъ къ жалованью, которое должно производиться отъ казны.

Исполнивъ изложенное намѣреніе, Подарусевъ просилъ о присвоеніи упомянутому училищу наименованія «Алексѣевскаго», въ честь Имени Его Императорскаго Высочества.

По доведеніи объ этомъ со стороны генераль-губернатора Западной Сибири до свѣдѣнія Государя Великаго Князя Алексія Александровича, Его Высочество съ особымъ удовольствіемъ изъявилъ согласіе на наименованіе упомянутаго учи-

лица «Алексѣевскимъ», если на это будетъ испрошено Высочайшее Государя Императора разрѣшеніе.

Имѣя въ виду, что по отзыву генераль-губернатора Западной Сибири, сказанное училище уже устроено, министр народнаго просвѣщенія имѣлъ счастье всеподданнѣйше испрашивать Высочайшее Государя Императора соизволеніе на присвоеніе училищу, учрежденному Тюменскимъ первой гильдіи купцомъ Подаруевымъ, въ селѣ Переваловскомъ, въ память посвѣщенія названнаго села Ею Императорскимъ Высочествомъ, Государемъ Великимъ Княземъ Алексіемъ Александровичемъ, 5-го іюля 1873 года, наименованія «Алексѣевского», по Имени Ею Высочества.

Государь Императоръ на сіе Высочайше соизволилъ, при чемъ Ею Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть благодарить Подаруева.

4. (21-го декабря 1873 года). *Объ учрежденіи трехъ стипендій при Московскомъ университетѣ.*

Совѣтъ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, представивъ въ Московскій университетъ 5.300 руб., въ закладныхъ листахъ Московскаго земельного банка, съ наросшими за одинъ годъ процентами, просилъ о покупкѣ на эти проценты еще четырехъ таковыхъ же листовъ сторублеваго достоинства для увеличенія капитала и объ учрежденіи, на проценты онаго, двухъ стипендій въ память заслугъ, по политехнической выставкѣ въ Москвѣ сказаннаго общества, профессоровъ Московскаго университета, одной — имени Г. Е. Щуровскаго, а другой — А. П. Богданова, и единовременной преміи въ 300 р. имени профессора того жъ университета, А. Ю. Давидова.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министромъ народнаго просвѣщенія представленія о семъ попечителя Московскаго учебнаго округа, Высочайше соизволилъ

на учрежденіе, изъ процентовъ означеннаго капитала, при Московскомъ университетѣ двухъ стипендій имени Г. Е. Щуровскаго и А. П. Богданова и единовременной преміи въ 300 руб. имени А. Ю. Давидова.

5. (21-го декабря 1873 года). *Объ открытіи въ городѣ Ригѣ двухъ начальныхъ училищъ съ наименованіемъ оныхъ «Петровскими».*

Попечитель Дерптскаго учебнаго округа донесъ министерству народнаго просвѣщенія, что по просьбѣ многихъ жителей гор. Риги ознаменовать празднованіе двухсотлѣтней годовщины дня рожденія Императора Петра Великаго, учрежденіемъ двухъ начальныхъ училищъ, съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ, которыя могли бы, въ память преобразователя Россіи, именоваться «Петровскими», городское управленіе, по согласію со стороны представителей города въ обѣихъ гильдіяхъ, постановило: открыть въ одномъ изъ предмѣстій г. Риги, гдѣ наиболѣе сосредоточивается населеніе русскаго происхожденія, два одноклассныя начальныхъ училища, съ отпускомъ изъ городскихъ суммъ пятисотъ рублей единовременно на устройство этихъ училищъ и по тысячѣ рублей ежегодно на содержаніе каждаго изъ нихъ.

По предварительномъ соглашеніи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, министръ народнаго просвѣщенія имѣлъ счастье о вышеизложенномъ предположеніи жителей г. Риги повергнуть на Всемилоствивѣйшее благоусмотрѣніе Государя Императора.

Его Императорское Величество Высочайше соизволилъ: 1) на открытіе въ г. Ригѣ, на счетъ мѣстныхъ городскихъ средствъ, двухъ начальныхъ училищъ: одного для мальчиковъ и одного для дѣвочекъ, съ присвоеніемъ этимъ училищамъ наименованія «Петровскихъ», въ память совершившагося, 30-го мая 1872 года, празднованія двухсотлѣтней годовщины дня рожденія Императора Петра Великаго, и 2) на предоставленіе

учителямъ этихъ училищъ правъ по чинопроизводству и пенсіи, присвоенныхъ учителямъ приходскихъ училищъ.

6. (21-го декабря 1873 года). *Объ учрежденіи стипендіи въ Симбирской гимназіи.*

Должностныя лица Симбирской губерніи, желая выразить глубокое уваженіе къ бывшему начальнику губерніи, дѣйствительному статскому совѣтнику Еремѣеву, и сохранить память о трехлѣтнемъ управленіи его Симбирскою губерніей, собрали по подпискѣ 340 руб. съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала была учреждена въ Симбирской гимназіи одна стипендія имени Д. П. Еремѣева.

Его Императорское Величество, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше на сіе соизволилъ.

7. (21-го декабря 1873 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Керченской Александровской гимназіи.*

Потомственный почетный гражданинъ Алексѣй Константиновъ, желая сохранить память покойнаго брата своего, бывшего первымъ почетнымъ попечителемъ Керченской Александровской гимназіи, Константина Константинова, построилъ, съ разрѣшенія попечителя Одесскаго учебнаго округа, во дворѣ означенной гимназіи, на свой счетъ, пять каменныхъ магазиновъ, съ тѣмъ, чтобы изъ доходовъ отъ найма оныхъ, которые будутъ простираться ежегодно свыше 600 руб., 150 руб. въ годъ употреблялись на содержаніе причта при гимназической церкви, а остальные доходы, за исключеніемъ расходовъ на ежегодный ремонтъ магазиновъ, поступали въ полное распоряженіе гимназическаго начальства, и употреблялись преимущественно на учебныя пособія и на уплату за право ученія бѣднѣйшихъ, но отличнѣйшихъ по успѣхамъ и поведенію учениковъ означенной гимназіи, въ количествѣ 40 руб. на каждаго, съ присвоеніемъ этимъ ученикамъ наименованія стипендіатовъ «Константина Константинова».

Его Императорское Величество, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 21-й день декабря 1873 года, Высочайше на сіе соизволилъ и повелѣлъ благодарить жертвователя.

8. (31-го декабря 1873 года). *Объ описаніи медали для награжденія студентовъ Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ утвердить новый рисунокъ медали для награжденія студентовъ Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, въ замѣнъ рисунка медали, Высочайше утвержденнаго 12-го марта 1873 года.

О П И С А Н І Е

МЕДАЛИ ДЛЯ НАГРАЖДЕНІЯ СТУДЕНТОВЪ ИНСТИТУТА СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА И ЛѢСОВОДСТВА ВЪ НОВОЙ АЛЕКСАНДРІИ.

I. На лицевой сторонѣ медали вокругъ надпись: «Новоалександр. инст. сельскаго хозяйства и лѣсоводства». Въ полѣ, окруженномъ означенною надписью, изображенъ улей съ пчелами (эмблема трудолюбія); по обѣимъ сторонамъ улья по одному снопу сжатого хлѣба (эмблема успѣшныхъ результатовъ труда); возлѣ сноповъ съ одной стороны—дубъ, съ другой—сосна (эмблема лѣсоводства). Внизу улья—плугъ, грабли, серпъ, лопата и коса (эмблема земледѣлія).

II. На оборотной сторонѣ медали посрединѣ изображенъ государственный гербъ, а внизу, въ окружающемъ его ободкѣ, надпись: «преуспѣвшему».

9. (31-го декабря 1873 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Орловскомъ реальномъ училищѣ.*

Министръ внутреннихъ дѣлъ передалъ на распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія ходатайство Орловской город-

ской думы объ учрежденіи, въ ознаменованіе открытія Орловскаго реальнаго училища 30-го августа 1873 года, въ день тезоименитства Его Императорскаго Величества, Государя Императора и Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, при Орловскомъ реальномъ училищѣ, на счетъ городскихъ средствъ, одной стипендіи Имени Его Императорскаго Величества, для обученія одного стипендіата изъ бѣдныхъ жителей г. Орла, и о наименованіи сего училища «Александровскимъ», по Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича.

По предварительномъ о семъ сношеніи съ гофмаршаломъ двора Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, отозвавшимся, что Его Высочество изволилъ изъяснить предварительное свое согласіе на наименованіе Орловскаго реальнаго училища Александровскимъ, и по всподаннѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Государь Императоръ, Высочайше соизволилъ какъ на учрежденіе при Орловскомъ реальномъ училищѣ, на счетъ городскихъ средствъ, одной стипендіи Имени Его Императорскаго Величества, для обученія одного стипендіата изъ бѣднѣйшихъ жителей г. Орла, такъ и на наименованіе училища «Александровскимъ», по Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить Орловскую городскую думу.

10. (31-го декабря 1873 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Александровскомъ двухклассномъ мужскомъ училищѣ въ г. Курскѣ.*

Министерство внутреннихъ дѣлъ сообщило министерству народнаго просвѣщенія ходатайство Курской городской думы объ учрежденіи при Александровскомъ двухклассномъ мужскомъ учц-

лицѣ въ г. Курскѣ, на счетъ процентовъ съ капитала, въ количествѣ *трехъ тысячъ* рублей, пожертвованнаго вдовою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Устимовича, Надеждою Устимовичъ, нѣсколькихъ стипендій, во всякомъ случаѣ не менѣе четырехъ, съ наименованіемъ оныхъ стипендіями Надежды Григорьевны Устимовичъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія объ этомъ ходатайствѣ, Высочайше соизволилъ, на учрежденіе при названномъ училищѣ не менѣе четырехъ стипендій имени Н. Г. Устимовичъ.

11. (31-го декабря 1873 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Тобольской губернской гимназій.*

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири передалъ на распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія ходатайство священника и жителей села Самарова, Тобольской губерніи, объ учрежденіи на счетъ процентовъ съ собраннаго капитала въ 3.000 руб. при Тобольской губернской гимназій одной стипендіи Имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича, для воспитанія въ пансіонѣ означенной гимназій одного крестьянскаго мальчика по выбору общества Сахаровской волости, въ память посѣщенія села Самаровскаго Его Императорскимъ Высочествомъ.

По предварительномъ о семъ сношеніи министра народнаго просвѣщенія съ попечителемъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича, оговаривавшагося, что Его Высочество изволилъ изъявить предварительное свое согласіе на учрежденіе таковой стипендіи, и по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Государь Императоръ, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Тобольской губернской гимназій, на счетъ процентовъ съ капитала въ 3.000 р., собраннаго священникомъ и жителями села Самаровскаго, Тобольской губерніи, одной стипендіи Имени Его Императорскаго Высочества Великаго

Князя Алексія Александровича, для воспитанія въ пансіонѣ Тобольской гимназіи одного крестьянскаго мальчика, по выбору общества Самаровской волости.

Видѣсть съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

12. (9-го января 1874 года). *Объ учрежденіи въ г. Ревель трехклассной женской прогимназіи.*

Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ городѣ Ревель трехклассной женской прогимназіи, *мнѣніемъ положилъ:*

1) учредить въ г. Ревель трехклассную женскую прогимназію, преподаваніе въ которой должно производиться на рускомъ языкѣ;

2) прогимназію сію образовать на основаніи Высочайше утвержденнаго 24-го мая 1870 года положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, съ нижеслѣдующими лишь отступленіями: а) права и обязанности попечительныхъ совѣтовъ при женскихъ гимназіяхъ, указанныя въ ст. 15-й вышеозначеннаго положенія 24-го мая 1870 года возлагаются на директора Ревельской Александровской гимназіи съ тѣмъ, чтобы предположенія его по предметамъ, указаннымъ въ пунктахъ 2-мъ и 6-мъ этой статьи, приводились въ исполненіе не иначе, какъ по утвержденіи ихъ попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа, и б) обученіе французскому и нѣмецкому языкамъ обязательно для ученицъ прогимназіи, безъ особой за то платы;

3) потребную на содержаніе прогимназіи сумму, въ количествѣ *четырехъ тысячъ восьмисотъ шестидесяти* руб. отпускать ежегодно изъ казны, начиная съ 1-го января 1874 года, вносящую въ подлежащія подраздѣленія финансовой смѣты министерства народнаго просвѣщенія;

4) утвержденіе распредѣленія суммы на потребности заведенія, а равно на жалованье начальницъ и прочимъ должностнымъ

лицамъ, предоставить министру народнаго просвѣщенія, съ правомъ дѣлать въ этомъ распредѣленіи измѣненія по указаніямъ опыта.

Государь Императоръ таковое мнѣніе государственнаго совѣта, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

28-го декабря 1873 года (№ 15). *Производятся за отличіе: въ тайные совѣтники: дѣйствительные статскіе совѣтники: заслуженные ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, сверхштатный, Карль Кесслеръ, Московскаго, Іосифъ Варвинскій и Новороссійскаго, Алексѣй Куницынъ.*

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники: ректоры и ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, Николай Кремлевъ и Новороссійскаго, Осдоръ Леонтовичъ, вице-директоръ департамента народнаго просвѣщенія Алексѣй Дыжовъ, окружной инспекторъ Московскаго учебнаго округа Іаковъ Вейнбертъ, директора училищъ губерній: Астраханской, Андрей Петерманъ и Воронежской, Алексѣй Бьлзоровъ, директора гимназій: Императорской Казанской первой, Генрихъ Крелленбергъ, Варшавской шестой мужской, Юлій Бекманъ, Усть-Медвѣдичкой, Арстархъ Протопоповъ, директоръ второй Виленской дирекціи училищъ и Виленскаго реальнаго училища Василій Лашинъ, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ Леопольдъ Шренкъ, проректоръ и ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Николай Ойрсовъ, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Андрей Бекетовъ, Московскаго, Николай Любимовъ, Казанскаго, Юлій Микушевичъ и Михайль Никольскій, Харьковскаго, Альбертъ Питра, св. Владиміра: Юрій Сидоренко и Михайль Ващенко-Захарченко, Дерптскаго: Артуръ Бетхеръ и

Константинъ *Грецинкъ*, директоръ Гатчинской учительской семинаріи Алексѣй *Садоковъ* и почетный попечитель Астраханской гимназіи Никита *Сертьевъ*.

Въ статскіе совѣтники: коллежскіе совѣтники: начальникъ Холмской учебной дирекціи Сергѣй *Марковъ*, учитель Варшавской третьей мужской гимназіи Кипріанъ *Издебскій*, учитель Варшавской первой мужской прогимназіи Юліанъ *Окунескій*, учитель Варшавской третьей женской гимназіи, надворный совѣтникъ Александръ *Тимаевъ* и неимѣющіе чиновъ: начальникъ Сѣдлецкой учебной дирекціи Петръ *Рублевскій* и директоръ Варшавской первой мужской гимназіи Ефимъ *Крыжановскій*.

Въ коллежскіе ассессоры: дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Александръ *Катенинъ*, со старшинствомъ съ 22-го мая 1873 года.

Въ коллежскіе секретари: столоначальникъ канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа, губернской секретарь Николай *Харламповичъ*, со старшинствомъ, съ 24-го іюля 1873 года.

Въ губернскіе секретари: помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій регистраторъ Ефремъ *Мининъ*, со старшинствомъ, съ 13-го ноября 1873 года.

1-го января 1874 года (№ 1). *Назначаютя:* попечитель Московскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ князь *Ширинскій-Шихматовъ* — товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, съ увольненіемъ отъ должности попечителя; помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа, въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь *Мещерскій* — попечителемъ сего округа; дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Пемеллеръ* — дѣлопроизводителемъ V класса сего департамента.

Производятся за отличіе: въ тайные совѣтники: дѣйствительные статскіе совѣтники: почетный попечитель коллегіи Павла Галагана, Григорій *Галашичъ*, и состоящій при Царскосельской Николаевской мужской гимназіи и при тамошнихъ уѣздомъ и

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

приходскомъ училищахъ врачемъ, почетный лейбъ - хирургъ Теофиль Жуковский-Вольский.

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники: главный инспекторъ училищъ Восточной Сибири, Ричардъ Маакъ, окружный инспекторъ С.-Петербургскаго учебнаго округа Петръ Носовъ, инспекторъ Императорскаго историко-филологическаго института, экстраординарный профессоръ сего института Николай Некрасовъ, бывший начальникъ Калининской учебной дирекціи Эрнестъ Беръ, редакторъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія Евгенийъ Θεоктистовъ, членъ совѣта попечителя Кіевскаго учебнаго округа по управленію фундами Осипъ Романевичъ, бібліотекаръ Императорской Публичной бібліотекки Федоръ Вальтеръ и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія Аполлонъ Зѣлинцевъ.

Въ коллежскіе совѣтники: почетный попечитель Глуховской прогимназіи, Глуховскій городской голова, членъ Глуховскаго училищнаго совѣта, потомственный дворянинъ Николай Терещенко.

Командируются на два года за границу съ ученою цѣлю: доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра Фортинскій, съ 16-го января 1874 года.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію: дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лефевръ, съ 31-го декабря 1873 года, по болѣзни.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ,

Всеми удостоившіе пожалованны въ 28-й день декабря 1873 года, согласно удостоенію комитета гг. министровъ.

Произведены за отличіе: въ тайные совѣтники: дѣйствительные статскіе совѣтники: заслуженные ординарные профессеры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго — сверхштат-

ный, Карль *Кесслеръ*, Московскаго—Юсифъ *Варвинскій* и Новороссійскаго—Алексѣй *Куницынъ*.

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники: ректоры и ординарные профессеры Императорскихъ университетовъ: Казанскаго—Николай *Кремлевъ* и Новороссійскаго—Федоръ *Леонтовичъ*, вице-директоръ департамента народнаго просвѣщенія Алексѣй *Дьяковъ*, окружный инспекторъ Московскаго учебнаго округа Яковъ *Вейнбергъ*, директоры училищъ губерній: Астраханской—Андрей *Петерманъ* и Воронежской—Алексѣй *Бѣлозоровъ*, директоры гимназій: Императорской Казанской первой—Георгіхъ *Крелленбергъ*, Варшавской шестой мужской—Юлій *Бекманъ*, Усть-Медвѣдицкой—Аристархъ *Протопоповъ*, директоръ второй Виленской дирекціи училищъ и Виленскаго реального училища Василій *Латынъ*, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ Леопольдъ *Шренкъ*, проректоръ и ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Николай *Фирсовъ*, ординарные профессеры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—Андрей *Бекетовъ*, Московскаго—Николай *Любимовъ*, Казанскаго—Юлій *Микшевичъ* и Михаилъ *Никольскій*, Харьковскаго—Альбертъ *Питра*, св. Владимира—Юрій *Сидоренко* и Михаилъ *Ващенко-Захарченко*, Дерптскаго—Артуръ *Бетхеръ* и Константины *Гревинкъ*, директоръ Гатчинской учительской семинаріи Алексѣй *Садоковъ* и почетный попечитель Астраханской гимназіи Никита *Сергеевъ*.

Въ статскіе совѣтники: коллежскіе совѣтники: начальникъ Холмской учебной дирекціи Сергѣй *Марковъ*, учитель Варшавской третьей мужской гимназіи Кириіашъ *Издебскій*, учитель Варшавской первой мужской прогимназіи Юліашъ *Скупевскій*, учитель Варшавской третьей женской гимназіи, надворный совѣтникъ Александръ *Тимаевъ*, и не имѣющіе чиновъ: начальникъ Сѣдлецкой учебной дирекціи Петръ *Рублевскій* и директоръ Варшавской первой мужской гимназіи Ефимъ *Крыжановскій*.

Въ коллежскіе ассессоры: дѣлопроизводитель VIII класса де-

партаменту народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Александръ Катенинъ, со старшинствомъ съ 22-го мая 1873 года.

Въ коллежскіе секретари: столоначальникъ канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа, губернской секретарь Николай Харламовичъ, со старшинствомъ съ 24-го іюля 1873 года.

Въ губернскіе секретари: помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій регистраторъ Ефремъ Мининъ, со старшинствомъ съ 13-го ноября 1873 года.

Пожалованы, за отлично усердную службу и труды, начальствомъ засвидѣтельствованные: знаками ордена св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною: дѣйствительные статскіе совѣтники: окружные инспекторы учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго Никаноръ Сагиновъ и Московскаго — Василій Кулинъ, директоръ училищъ Нижегородской губерніи Константинъ Садоковъ, директоръ С.-Петербургской Ларинской гимназіи Иванъ Кнорринъ, директоръ коллегіи Павла Галагана Семень Шафрановъ, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета Владиславъ Юревичъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, деканъ Александръ Селинъ, и членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія Александръ Бяляевъ; статскіе совѣтники: директора гимназій: Московскій первой — Иванъ Лебедевъ, Кіевскій второй — Николай Кустовъ, Рижскій Александровскій — Николай Гамбургъ и Александровскій Смоленскаго земства въ Вязьмѣ — Оскаръ Гебель, директоръ Ровенскаго реальнаго училища Яковъ Суцескій, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго — Иванъ Зарубинъ, Казанскаго — деканъ Сергѣй Шилевскій, С.-Петербургскаго — Александръ Савьтовъ и Константинъ Бестужевъ-Рюминъ, Новороссійскаго — Алексѣй Павловъ и Егоръ Сабининъ, Дерптскаго — деканъ Карлъ Паукеръ, Александръ Брикнеръ и Юганъ Гольстъ, Варшавскаго — Николай Алексеевъ и Московскаго — Григорій Захаринъ, сверхштатный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Левъ Ценковъ

скій, инспекторъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ Георгій *Канановъ*, инспекторъ студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета Феодоръ *Рогожинъ*, директоръ училищъ Эстляндской губерніи Леопольдъ *Галмбекъ*, инспекторъ С.-Петербургской третьей гимназіи Капитонъ *Смирновъ*, учителя гимназій: Московской третьей—Феодоръ *Чемолосовъ* и Калужской—Семень *Шереметевскій*; коллежскіе совѣтники: окружный инспекторъ Виленскаго учебнаго округа Константинъ *Голубиновъ*, директоръ Ришельевской гимназіи Николай *Поручковъ*, врачъ Минской гимназіи Вильгельмъ *Фохтъ* и учитель С.-Петербургскаго перваго реального училища Иванъ *Томасъ*; надворные совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Владиславъ *Тырховскій* и директоръ Прибалтійской учительской семинаріи Петръ *Занцевичъ*; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, деканъ, коллежскій ассесоръ Владиміръ *Бродовскій* и директоръ Одесскаго коммерческаго училища, исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета, не имѣющій чина Робертъ *Орбинскій*.

Орденомъ св. Анны 2-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: директоръ училищъ Олонецкой губерніи Владиміръ *Елецкій* и начальникъ Сувалкской учебной дирекціи Петръ *Щебальскій*; статскіе совѣтники: директора училищъ губерній: Ярославской—Иванъ *Звонниковъ* и Пензенской—Карль *Бауеръ*, директоръ Каменецъ-Подольской гимназіи Владиміръ *Должиковъ*, проректоръ и ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета Освальдъ *Шмидтъ*, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго — Александръ *Петровъ* и Николай *Ковалевскій*, св. Владимира — Владиміръ *Бецъ*, Михаилъ *Авенаріусъ* и Илья *Борцовъ*, Дерптскаго — Альфредъ *Фюель* и Петръ *Гельмлинъ*, директоръ Кіевскаго реального училища Иванъ *Палиенко*, директоръ Байрамчской учительской семинаріи Константинъ *Титаренко*, инспекторы гимназій: С.-Петербургской второй—Феодоръ *Постельсъ*, Вологодской — Николай

Левицкій, Шавельской — Германъ *Шейбе* и Слуцкой — Григорій *Забѣлинъ*, инспекторъ народныхъ училищъ Пензенской губерніи Владимиръ *Хохряковъ*, учителя гимназій: С.-Петербургской второй — Александръ *Кургановичъ*, Нѣжинской — Климентій *Мошинскій* и Харьковской второй — Василій *Стояновъ* и учитель С.-Петербургскаго перваго реального училища Карлъ *Маакъ*; коллежскіе совѣтники: окружный инспекторъ Виленскаго учебнаго округа Кирилль *Мысовскій*, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія Василій *Григорьевъ*, директоръ С.-Петербургской первой гимназій Александръ *Чистяковъ*, директоръ Молодечненской учительской семинаріи Ѳедоръ *Ставровичъ*, директоры училищъ губерній: С.-Петербургской — Петръ *Калябинъ*, и Курляндской — Степанъ *Сабининъ*, директоръ Николаевской Либавской гимназій Николай *Ленстремъ*, инспекторъ Бобруйской прогимназій Ипполитъ *Бордоносъ*, инспекторы народныхъ училищъ губерній: Тверской — Александръ *Дружининъ* и Херсонской — Ѳедоръ *Соловьевъ*, дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія Александръ *Икорниковъ* и правитель канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа Михаилъ *Селецкій*; надворные совѣтники: директоры гимназій: Бердянской — Дмитрій *Коловничъ* и Ревельской Александровской — Иванъ *Гюберъ-фонъ-Грейнфенфельсъ*; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго — Емельянъ *Адамовъ*, Николай *Осокинъ* и Адольфъ *Осиповъ* и Варшавскаго — Николай *Андреевъ*, директоръ Самарской учительской семинаріи Егоръ *Парамоновъ*, инспекторы народныхъ училищъ губерній: Ярославской — Владимиръ *Шпееръ* и Таврической — Александръ *Соичъ*, дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія Гавріиль *Дукшта-Дукшинскій*, правитель канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа Константинъ *Волковъ*, доцентъ Императорскаго Московскаго университета Карлъ *Герцъ*, учитель С.-Петербургской Ларинской гимназій Алексѣй *Адамовъ* и врачъ Московской второй гимназій Сергѣй *Соколовъ*; коллежскіе ассессоры: инспекторъ училищъ города Варшавы — Николай *Горнбертъ* и врачъ департа-

мента народнаго просвѣщенія Петръ *Добротворскій*, директоръ Варшавской третьей мужской гимназій титулярный совѣтникъ Митрофанъ *Стефановичъ*; не имѣющіе чиновъ: директоры гимназій: С.-Петербургской шестой—Лукіанъ *Лавровскій* и Сѣдлецкой мужской—Даніилъ *Пономаревъ*, ординарные профессеры Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго—Игнатій *Яличъ* и Иванъ *Некрасовъ* и Варшавскаго—Генрихъ *Отруевъ*.

Знаками ордена св. Станислава 2-й степени съ Императорскою короною: статскіе совѣтники: директоръ училищъ Самарской губерніи Александръ *Соколовъ*, директоръ Аренбургской гимназій Иванъ *Зембуицъ*, инспекторы гимназій: Ярославской—Илья *Розинниковъ*, Императорской Казанской первой—Сергѣй *Горскій*, Симбирской—Веніаминъ *Позняковъ*, Воронежской—Павель *Гавриловъ* и Усть-Медвѣдицкой—Антопъ *Юрилевскій*, исправляющій должность инспектора С.-Петербургской пятой гимназій, учитель сей гимназій Александръ *Радонежскій*, инспекторы прогимназій: Одесской первой—Михаилъ *Федорченко* и Кіево-Подольской—Николай *Александровичъ*, бібліотекарь Императорскаго Новороссійскаго университета Виталій *Шмиковскій*, учителя гимназій: С.-Петербургскихъ, третьей—Павель *Юрьевъ*, пятой—Александръ *Меландеръ* и Василій *Филиппьевъ*, Московской первой—Іоакимъ *Черняковскій*, Калужской—Федоръ *Штраухъ*, Симбирской—Николай *Степановъ* и Черниговской—Константинъ *Крыловъ* и врачъ Ковенской гимназій Николай *Поповъ*; коллежскіе совѣтники: дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія Федоръ *Гавриловъ*, инспекторъ студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Николай *Озерскій*, Гродненскій директоръ народныхъ училищъ Осипъ *Демьяновичъ*, инспекторы гимназій: Московской четвертой—Алексѣй *Кашкадамовъ* и Рижской Александровской—Викторъ *Москвинъ*, инспекторы прогимназій: Златопольской—Рудольфъ *Труль* и Острогской—Петръ *Лысенко*, бывшій инспекторъ Пинчовской мужской классической прогимназій Францъ *Дембицкій*, бібліотекарь Императорскаго Харьковскаго университета Яковъ *Баласный*, инспекторъ Вилен-

ской дирекціи народныхъ училищъ Евстафій *Янучковъ*, инспекторъ и старшій учитель Митавской гимназіи Юлій *Фогель*, учитель Кишиневской прогимназіи Михайлъ *Сырбъ* и врачъ Днябургскаго реального училища Людвигъ *Пультрскъ*; надворные совѣтники: директоръ училищъ Рязанской губерніи Сергій *Гулевичъ*; директоры гимназій: Немировской — Николай *Шульженко* и Варшавской четвертой мужской — Михайлъ *Булмерингъ*, директоръ Херсонской учительской семинаріи Александръ *Леонтовичъ*, экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ Александръ *Штраухъ*, инспекторъ Кіевской второй гимназіи Онисимъ *Пясецкій*, инспекторъ Рязанской прогимназіи Афанасій *Миротворцевъ*, инспекторы народныхъ училищъ губерній: Олонецкой — Николай *Артемовъ* и Вологодской — Ерминияльдъ *Тимофьевъ*, доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Василій *Васильевскій*, членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія Иванъ *Беллярминовъ*, учителя гимназій: Гродненской — Сергій *Грузовъ*, Немировской — Антонъ *Юрковскій*, Кіевской первой — Юлій *Фунжъ* и экзекуторъ комитета правленія Императорской академіи наукъ Иванъ *Кейзеръ*, правитель канцеляріи попечителя Казанскаго учебнаго округа коллежскій ассессоръ Алексій *Троицкій*; титулярные совѣтники: исправляющій должность инспектора и учитель Ломжинской мужской гимназіи Василій *Царевскій* и правитель канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа Леонидъ *Пинаевъ*; лекторъ Императорскаго Варшавскаго университета коллежскій секретарь Николай *Бергъ*; почетный смотритель Херсонскаго уѣзднаго училища коллежскій регистраторъ Николай *Карповъ*; не имѣющіе чиновъ: исправляющій должность правителя канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа Сергій *Никольскій* и доценты Императорскаго Варшавскаго университета: лѣкарь Петръ *Зейфманъ* и Людовикъ *Нейебауэръ*.

Орденами: св. Станислава 2-й степени съ Императорскою короною: Статскіе совѣтники: ординарные профессоры Императорскаго университета св. Владиміра: Василій *Модестовъ*, Ни-

кифоръ *Хржонцевскій* и Александръ *Кистяковскій*, сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Илья *Ціонъ*, исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго университета св. Владиміра Василій *Яроцкій*, Виленскій директоръ народныхъ училищъ Константинъ *Снитко* и учитель С.-Петербургской Введепской прогимназіи Вильгельмъ *Штернъ*; коллежскіе совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Валеріанъ *Лашкевичъ*, инспекторъ Витебской гимназіи Александръ *Андрущенко*, учитель Слуцкой гимназіи Николай *Протопоповъ* и наставникъ Молодечненской учительской семинаріи Иларіонъ *Мизещій*; надворные совѣтники: директоръ училищъ Смоленской губерніи Василій *Басовъ*, директоръ Новгород-Сѣверской гимназіи Владиміръ *Порскаловъ*, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Иванъ *Востоковъ*, экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго—Александръ *Стольтовъ* и Казанскаго—Арсеній *Щербаковъ*, инспекторъ Виленскаго реального училища Сергѣй *Дурасовъ* и инспекторъ народныхъ училищъ Казанской губерніи Иліодоръ *Износковъ*; инспекторъ татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ казанскаго учебнаго округа коллежскій ассессоръ Василій *Радловъ*; титулярные совѣтники: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго—Матвѣй *Ковалскій* и Варшавскаго—Викентій *Макушевъ*; директоръ Тотемской учительской семинаріи коллежскій секретарь Фортунать *Слупскій*; неимѣющіе чиновъ: директора училищъ губерній: Новгородской—Николай *Аничковъ* и Владимірской—Николай *Заксъ*, ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета Густавъ *Тейхмюллеръ*, экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Карлъ *Арнштейнъ* и инспекторъ С.-Петербургской третьей прогимназіи Михаилъ *Костевъ*.

Св. Станислава 2-й степени безъ короны: Статскіе совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго историко-филологическаго института Луціанъ *Миллеръ*, инспекторъ Черни-

говской гимназіи Иванъ *Македонскій*, Инспекторъ Киевской прогимназіи Александръ *Михайловъ*, инспекторъ Гродненской дирекціи народныхъ училищъ Александръ *Ивановъ*, учителя гимназіи: Московскихъ: первой — Михаилъ *Студениковъ* и Оттонъ *Шталь*, третьей — Иванъ *Фидлеръ*, Пензенской — Иванъ *Короваевъ*, Саратовской — Адольфъ *Бьядовскій*, Самарской — Михаилъ *Крыловъ*, Казанской второй — Эдуардъ *Боржимовскій*, Вятской — Фабіанъ *Барановскій*, Киевской первой — Людвигъ *Резае*, Полтавской—Эрнестъ *Гобманъ*, Каменецъ-Подольской—Карлъ *Петре*, Гродненской—Эмилиі *Либеманъ*, Ришельевской—Іона *Галаганъ* и бывший учитель Кишиневской гимназіи Дмитрій *Бьлюсовъ*; коллежскіе совѣтники: исправляющій должность директора училищъ Тульской губеріи Александръ *Новоселовъ*, экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Иванъ *Клейнъ*, исправляющій должность инспектора Ришельевской гимназіи Карлъ *Бьлицкій*, инспекторъ Ананьевской прогимназіи Александръ *Блохинъ*, доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра Эдуардъ *Неметти*, инспекторъ Гродненской дирекціи народныхъ училищъ Григорій *Польховскій*, помощникъ проректора Императорскаго Казанскаго университета Александръ *Зоммеръ*, лекторъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Оедоръ *Кельзи*, учителя гимназій: Вологодской—Николай *Соболевъ*, Симферопольской—Владиміръ *Гадкевичъ*, Варшавской пятой мужской—Казиміръ *Полевичъ*, Рижской Александровской—Орестъ *Милевскій* и Кишиневской женской—Петръ *Сорокинъ*, учителя прогимназій: Харьковской — Михаилъ *Косенко*, Острожской — Антонъ *Бурчакъ-Абрамовичъ* и Мозырской — Александръ *Славинскій*, учитель Бѣлостокскаго реальнаго училища Александръ *Бреннеке*, врачи гимназій: Новгородской и благороднаго при оной пансіона—Карлъ *Шиллингъ* и Нижегородской—Егоръ *Вейденбаумъ* и старшій учитель Ревельскаго рыцарскаго домскаго училища Карлъ *Миллеръ*; надворные совѣтники: бібліотекаръ Императорской публичной бібліотеки Эрнестъ *Боннель*, бібліотекаръ Императорскаго С.-Петер-

бургскаго университета Мейнгардтъ *Пахтъ*, инспекторы гимназій: Немировской — Иванъ *Ничипоренко* и Николаевской — Алексѣй *Месняевъ*, исполняющій обязанности инспектора Московской шестой гимназіи Василій *Рязанцевъ*, инспекторъ Херсонской прогимназіи Александръ *Сутруненко*, исправляющій обязанности инспектора Вѣлоцерковскаго реального училища, учитель сего училища Михаилъ *Самчевскій*, дѣлопроизводители департамента народнаго просвѣщенія VII класса—Петръ *Новицкій* и VIII класса—Яковъ *Терешинъ*, лекторъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Карлъ *Тернеръ*, учителя гимназій: Новгородской—Викторъ *Любицкій*, Николаевской Царскосельской — Алексѣй *Смирновъ*, Олонецкой — Николай *Первовъ*, Московскихъ, первой — Павелъ *Истринъ* и Александръ *Тверской*, шестой—Карлъ *Нитрамъ*, Ярославской—Павелъ *Кремлевъ*, Императорской первой Казанской—Владиміръ *Владиміровъ*, Екатеринбургской — Юлій *Кумберъ* и Михаилъ *Голубковъ*, Симферопольской мужской — Луи *Пекюсъ*, Кишиневской мужской — Константинъ *Поповъ*, Елецкой — Θεоктистъ *Красный*, Могилевской—Эрнестъ *Земель*, Новгород-Сѣверской—Титъ *Коссовскій*, Михаилъ *Лазаренко* и Анатолій *Ассинъ*, Киевской второй—Андрей *Юркевичъ*, Никифоръ *Тумасовъ*, Константинъ *Воскресенскій* и Павелъ *Житецкій* и Маріампольской мужской — Квирилъ *Пржегорскій*, учителя реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго перваго—Василій *Геннинъ*, Виленскаго—Семень *Шожовичъ* и Динабургскаго — Онисимъ *Араловъ*, учителя прогимназій: Бобруйской—Каллиникъ *Шейковскій* и Мозырской—Яковъ *Пузовъ*, учитель Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Иванъ *Шмидтъ*, наставникъ Прибалтійской учительской семинаріи Николай *Зююкинъ*, врачъ С.-Петербургской пятой гимназій Цезарь *Станевичъ*, врачъ Московскаго учительскаго института Иванъ *Клименковъ*, почетный смотритель Лужскаго уѣднаго училища Константинъ *Табеницкій* и врачъ Кролевецкаго уѣднаго училища Ѳеодоръ *Карповскій*; коллежскіе ассессоры: чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія Ѳеодоръ *Минковъ*, секретарь совѣта и правленія Императорскаго Варшав-

скаго университета Иванъ *Прокофьевъ-Прокопенко*, бібліотекаръ Императорскаго Дерптскаго университета Гуго *Канцъ*, инспекторъ Воронежской прогимназіи Игнатій *Рошупкинъ*, инспекторъ народныхъ училищъ Владимірской губерніи Николай *Мельничій*, инспекторъ Витебской дирекціи народныхъ училищъ Флоръ *Штаркъ*, учителя гимназій: Сувалкской мужской—Францъ *Мисениевичъ* и Варшавской первой мужской—Каллистратъ *Ямевичъ*, исправляющій должность учителя Орловской гимназіи Дмитрій *Ильченко*, врачъ Керченской Александровской гимназіи Людвигъ *Джаммалова*, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія Андрей *Песоцкій* и штатный смотритель Полтавскаго уѣзднаго училища Діонисій *Тирютинъ*; титулярные совѣтники: инспекторъ Кишиневской прогимназіи Николай *Алаевъ*, юридическій дѣлопроизводитель канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа Иванъ *Кинель*, учитель Сѣдлецкой мужской гимназіи Георгій *Машиновскій*, почетный смотритель Московскаго третьяго уѣзднаго училища Бенедиктъ *Гивартовскій* и писмоводитель медицинскаго факультета Императорскаго Московскаго университета Иванъ *Масловъ*; коллежскіе секретари: директоръ Калишской мужской гимназіи Александръ *Савицкій*, экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Августъ *Вржешновскій*, инспекторъ народныхъ училищъ Вятской губерніи Сергѣй *Нурминскій*, дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія Александръ *Блокъ* и почетный смотритель Александрійскаго уѣзднаго училища Иванъ *Курисъ*; почетный смотритель Таганрогскаго уѣзднаго училища отставной поручикъ Александръ *Фурсовъ*; не имѣющіе чиновъ: директоръ Плоцкой мужской гимназіи Игнатій *Федынскій*, экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго—Николай *Яцкевичъ*, Варшавскаго—Антонъ *Окольскій*, Митрофанъ *Ганинъ* и Михаилъ *Андреевскій*, экстраординарный профессоръ Демидовскаго юридическаго лица Михаилъ *Владимірскій-Будановъ*, исправляющіе должности инспекторовъ, учителя гимназій: Варшавской первой мужской Петръ *Веденя-*

нинъ, Варшавской пятой мужской—Иванъ *Семеновичъ* и Сувальской мужской—Павель *Моссаковский*, инспекторы прогимназій: Пултуской мужской—Николай *Савинъ* и Замостской мужской—Степанъ *Шаринъ*, наставникъ-руководитель въ гимназіи Императорскаго историко-филологическаго института Іосифъ *Шиховскій*, инспекторъ народныхъ училищъ Оренбургской губерніи Ѳедоръ *Кудъевскій*, исправляющій должность доцента Императорскаго Новороссійскаго университета Никодимъ *Кондаковъ*, доцентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Николай *Гудковъ*, инспекторъ-руководитель Холмской учительской семинаріи Дмитрій *Гулминскій*, помощникъ инспектора и учителя Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Константинъ *Маржевичъ*, учителя гимназій: Варшавскихъ, первой мужской—Иванъ *Барсовъ* и Максимъ *Свидерскій*, третьей мужской—Алексѣй *Мазюкевичъ*, Кѣлецкой мужской—Станиславъ-Викторъ *Шперль* и штатный учитель Кѣлецкой женской прогимназіи Иванъ *Соломоновскій*.

Св. Анны 3-й степени: статскіе совѣтники: учителя гимназій: Московской шестой—Ѳедоръ *Будде* и Уфимской—Николай *Блажовицкскій*; коллежскіе совѣтники: помощникъ бібліотекаря Императорскаго Московскаго университета Михаилъ *Черновъ*, учителя гимназій: Вологодской—Мелетій *Прохницкій* и Плоцкой мужской—Ѳома *Буцельскій*, бывшій учитель Холмской мужской классической гимназіи Павелъ *Вагнеръ*, учитель Мозырской прогимназіи Густавъ *Прейзинъ*, врачи гимназій: Костромской и пансіона при сей гимназіи—Иванъ *Персіанцевъ*, Пензенской—Ѳедоръ *Штольцъ* и Рителъевской—Іосифъ *Філковскій* и учитель Дерптской гимназіи Августъ *Саже*; палатныя совѣтники: инспекторъ Рязанской гимназіи Иванъ *Сыроучковскій*, помощникъ проректора Императорскаго Московскаго университета Алексѣй *Ѳедоровъ*, учитель Нижегородскаго Александровскаго института Викторъ *Васильевъ*, учителя гимназій: Московскихъ, второй—Ѳедоръ *Хандриковъ*, Александръ *Ѳивейскій* и Владиміръ *Повалевъ* и пятой—Ефремъ *Шато*, Тульской—Михаилъ *Пинья*, Калужской—Павель

Симсонъ, Ярославской—Николай Парковъ и Николай Петровъ, Смоленской—Сергѣй Преображенскій, Саратовской—Антонъ Вакуленко и Иванъ Зелинскій, Казанской второй—Петръ Адіасъ-вичъ, Пензенской—Казиміръ Мартуръ, Плоцкой мужской—Оскаръ Шулицъ, Варшавской четвертой мужской—Яковъ Зальскій, Таганрогской—Эдмундъ Держинскій, Керченской Александровской—Альфредъ Меттро, Харьковской первой—Константинъ Медвѣдевъ, Воронежской—Иванъ Чеботаревъ, Каменецъ-Подольской—Григорій Голубовскій и Ревельской Александровской—Маркъ Залмъ, учителя прогимназій: Пензенской—Александръ Глѣбовъ, Херсонской—Николай Шиповъ и Кіевской—Германъ Саксъ, учителя реальныхъ училищъ: Виленскаго—Маврикій Питомъ и Ровенскаго—Антонъ Лангъ, врачъ Пермской гимназіи Корнилій Осиповичъ, врачъ Брестъ-Литовской прогимназіи Степанъ Солодкевичъ, штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: Слонимскаго—Константинъ Зеньковичъ и Себежскаго—Осипъ Мальчевскій, штатный смотритель и учитель Новоградъ-Волинскаго двукласснаго городского училища Акимъ Домбровский, учителя Рижской городской реальной гимназіи: Робертъ Гроссъ и Готгардъ Шведеръ, старшій учитель Рижской губернской гимназіи Рихардъ Медеръ, учителя главнаго пѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Иванъ Давыдовъ и Евгений Биберъ, учитель С.-Петербургскаго реформатскаго училища Вольдемаръ Крихъ и учитель Нарвскаго высшаго уѣзднаго училища Федоръ Реддеръ; коллежскіе ассессоры: помощникъ проректора Императорскаго Новороссійскаго университета Степанъ Маньковскій, лекторъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Мирза Мухамедъ Шафи-Гашипанъ, лаборанты Императорскаго С.-Петербургскаго университета Густавъ Шмидтъ и Гавріилъ Густавсонъ, преподаватель Императорскаго историко-филологическаго института Василій Голубовъ, учителя гимназій: Пензенской—Андрей Сатурновъ, Плоцкой мужской—Константинъ Дылевскій, Люблинской мужской—Юліанъ Доборжинскій, Керченской Александровской—Павелъ Христицъ, Симферополь-

ской—Флорентій *Шатовъ*, Харьковской первой—Иванъ *Прокоповичъ*, Житомирской—Францъ *Зенфтлебенъ*, Орловской—Евгеній *Гейслеръ* и Новочеркасской—Алексѣй *Донецкій*, учитель Ровенскаго реального училища Владиміръ *Иматовичъ-Завилейскій*, учителя прогимназій: Казанской—Иванъ *Ивановъ*, Кіевской—Андрей *Трубинъ* и Иванъ *Давидовичъ* и Кіево-Подольской—Тихонъ *Тихомировъ*, воспитатель и преподаватель коллегіи Павла Галагана Рафаилъ *Чернявскій*, воспитатель Московской второй гимназіи Николай *Квятковскій*, врачъ Псковской гимназіи и состоящаго при ней пансіона Отто *Гиренсонъ*, почетный смотритель Крестецкаго уѣзднаго училища Романъ *Раши*, штатные смотрители училищъ: Невельскаго уѣзднаго—Платонъ *Обухъ* и Таращанскаго двухкласснаго городскаго, учитель сего училища Порфирій *Ганько*, секретарь по студентскимъ дѣламъ Императорскаго Московскаго университета Александръ *Головинъ*, бухгалтеръ и казначей Императорскаго историко-филологическаго института Александръ *Кедоровъ*, старшій учитель Рижской губернской гимназіи Альфредъ *Бютнеръ*, учителя гимназій: Симферопольской—Константинъ *Маларъ* и С.-Петербургской третьей—оставшійся за штатомъ Александръ *Бодановъ*, учитель С.-Петербургской второй прогимназіи Андрей *Рѣдковскій*, столоначальникъ канцеляріи попечителя Казанскаго учебнаго округа Николай *Аплавинъ*, штатные смотрители училищъ: Кадниковскаго уѣзднаго—Никифоръ *Ивановъ*, Царевкококшайскаго уѣзднаго—Егоръ *Сильвестровъ* и Донецкаго окружнаго—Иванъ *Бьжадоровъ*, учителя гимназій: Дерптской—Эдуардъ *Финнеръ*, Оттонъ *Германсонъ* и Густавъ *Блумбергъ* и Ревельской губернской—Фридрихъ *Фелдманъ*, учитель главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Августъ *Бонжуръ*, учителя С.-Петербургскаго реформатскаго училища Карлъ *Бауманъ* и Ричардъ *Гаге*, учителя уѣздныхъ училищъ: С.-Петербургскаго Рождественскаго—Николай *Мъшакинъ* и Рижскаго втораго—Иванъ *Зандеръ*, титулярные совѣтники: инспекторъ Дерптскаго ветеринарнаго института Иванъ *Гиндрихсонъ*, штатный ординаторъ факультетской

клиники Императорскаго Московскаго университета Иванъ *Карчагинъ*, учитель С.-Петербургской третьей гимназій Николай *Потановъ*, штатные смотрители училищъ: Рѣжиднаго уѣзднаго — Готфридъ *Наумовъ* и Лужскихъ — Алексѣй *Михельсонъ*, архитекторъ Одесскаго учебнаго округа Демосеенъ *Мазировъ* и помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа Ѳома *Госнавскій*; коллежскіе секретари: дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія Сергѣй *Тюльмановъ*, дѣлопроизводитель канцеляріи Калышской учебной дирекціи Викторинъ *Мировскій*, учителя гимназій: Радомской мужской—Гилярій *Альфаошкій* и Варшавской шестой мужской — Максимъ *Покровскій*, наставникъ учительской семинаріи въ с. Алферовѣ, Вяземскаго уѣзда, Василій *Савельевъ*, учитель Варшавской учительской семинаріи Николай *Балаянскій*, почетный смотритель Симбирскаго уѣзднаго училища Владимиръ *Юрловъ*, учитель Московской второй гимназій Семень *Измайловъ*, столоначальникъ канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа Дмитрій *Никитчиковъ* и помощникъ столоначальника той же канцеляріи Иванъ *Бодановъ*; губернскіе секретари: чиновникъ особыхъ порученій при попечителѣ Виленскаго учебнаго округа Николай *Чайковскій*, учитель Минской гимназій Николай *Осмоловскій*, воспитатель Пензенской гимназій Христіанъ *Ваагъ*, учитель Гомельской прогимназій Эдуардъ *Решъ*, штатный учитель Варшавской четвертой женской гимназій Александръ *Семіановскій*, почетный смотритель С.-Петербургскаго Никольскаго уѣзднаго училища Константинъ *Бенардаки*, столоначальникъ канцеляріи попечителя Харьковскаго учебнаго округа Петръ *Малиновскій* и письмоводитель попечительнаго совѣта Одесскаго коммерческаго училища Семень *Брунертъ*; неимѣющіе чиновъ: доцентъ Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Осипъ *Кратовскій*, лекторъ Императорскаго Новороссійскаго университета Луи *Вишневскій-де-Турнефоръ*, учитель Московскаго учительскаго института Ѳедоръ *Егоровъ*, исправляющій должность учителя института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой

Александріи Оттонъ *Кубицкій*, учителя гимназій: С.-Петербургской Ларинской—Александръ *Маакъ*, Олонецкой—Станиславъ *Новаковскій*, Императорскаго Человѣколюбиваго Общества—Евгеній *Виссъ* и Александръ *Никитскій*, Московскихъ: третьей—Юрій *Ходобай*, четвертой—Семень *Васильковскій*, пятой—Владиміръ *Зубковъ* и шестой—Максимъ Эмилиі *Киндлеръ*, Тульской—Иванъ *Гайчманъ*, Владимирской—Александръ *Свиридовъ*, Тверской—Константинъ *Войнаховскій* и Іоакимъ *Квичала*, Костромской—Владиміръ *Демидовъ*, Павелъ *Прокшинъ* и Александръ *Вороновъ*, Смоленской—Іосифъ *Гобза*, Императорской первой Казанской—Максимиліанъ *Писецкій*, Таганрогской—Эмилиі *Штейнъ*, Херсонской—Григорій *Соколовскій* и Иванъ *Тимошенко*, Николаевской—Провъ *Гайдебуровъ*, Ришельевской—Станиславъ *Опанкій*, Елецкой—Василій *Клушинъ*, Виленской—Николай *Лискевичъ*, Кіевскихъ: первой—Владиміръ *Бачинскій* и Даниилъ *Синицкій* и второй—Левъ *Допатинскій*, Рижской Александровской—Людвикъ *Кортези*, Нѣжинской—Яковъ *Гадзинскій*, Сувалекской мужской—Казиміръ *Вишницкій*, Бѣльской мужской—Петръ *Волошановичъ* и Варшавской шестой мужской—Генрихъ *Гольдбергъ*, исправляющій должность учителя Новгородской гимназіи Петръ *Стойновскій*, оставшійся за штатомъ учитель Маріампольской мужской классической гимназіи Эдуардъ *Плевинскій*, воспитатель и преподаватель коллегіи Павла Галагана Василій *Синовскій*, учитель Виленскаго реального училища Николай *Успенскій*, учителя прогимназій: Московской—Константинъ *Руже*, Одесской первой—Александръ *Балькъ* и Феликсъ *Хедоровичъ* и Корочанской—Сигизмундъ *Городецкій*, учителя женскихъ гимназій: Псковской Маріинской—Андрей *Положенскій*, Симферопольской—Веніаминъ *Авдіевъ*, Варшавской третьей—Леопольдъ *Миллеръ*, Сѣдлецкой—Евгеній *Стефановичъ* и Люблинской—Иванъ *Розановъ*, штатный учитель Петровской женской прогимназіи Николай *Лучинскій*, учителя Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Григорій *Иматовскій* и Василій *Бьленковъ*, штатный учитель Сѣнидской учительской семинаріи Кронидъ *Кашкаровъ*, настав-

никъ Бѣлгородской учительской семинаріи Ѳедоръ *Армитъ*, учитель-инспекторъ Варшавскаго трехкласснаго городского училища Николай *Вариулевичъ*, учителя Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ Фялиппъ *Шиманскій* и Казиміръ *Михальскій* и надзиратель за приходящими учениками Архангельской гимназіи Иванъ *Протопоповъ*.

Св. Станислава 3-й степени: врачъ Орловской гимназіи и пансіона при оной коллежскій совѣтникъ Алексѣй *Лебединскій*; надворные совѣтники: лаборантъ Императорскаго университета св. Владиміра Хрисанфъ *Зоммеръ*, учителя гимназій: Александровской Смоленскаго земства въ Вязьмѣ—Фридрихъ *Боссе*, Уфимской—Николай *Новиковъ* и Астраханской—Иванъ *Томасъ*, учитель Глуховской прогимназіи Карлъ *Глюкке*, наставникъ Карачевской учительской семинаріи Александръ *Петровъ* и помощникъ классныхъ наставниковъ Витебской гимназіи Петръ *Бабичевъ*; коллежскіе ассессоры: учитель Московской первой гимназіи Александръ *Любимовъ*, старшій надзиратель Московской первой гимназіи Иванъ *Галли*, врачъ Мглинскаго уѣзднаго училища Петръ *Водень*, штатный учитель Андреевской учительской семинаріи Дмитрій *Гасаненко*, учителя гимназій: Тульской—Василій *Видовъ*, Черниговской—Николай *Александровъ*, Курской—Иванъ *Лебедевъ*, Новгородсѣверской—Олимпій *Тимофѣевъ*, Новочеркасской—Фердинандъ *Нейаръ*, Могилевской—Елеазаръ *Силиковичъ*, Витебской—Иванъ *Рѣдковскій* и Житомирской—Осипъ *Собекъ-Собкевичъ*; архитекторъ Кіевскаго учебнаго округа Павелъ *Шлейферъ*, бухгалтеръ Императорскаго университета св. Владиміра Николай *Стрижесскій*, казначей правленія Императорскаго Харьковскаго университета Иванъ *Коптевъ*, экзекуторъ Императорскаго Дерптскаго университета Артуръ *Дшюльцъ*, штатные смотрители училищъ: Вытегорскаго и Пудожскаго уѣздовъ Николай *Шелмовъ*, Валдайскихъ—Петръ *Пономаревъ*, Порховскихъ—Гавріилъ *Поповъ* и Тотемскихъ—Петръ *Блиновъ*, штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: Дмитровскаго—Ѳедоръ *Можжухинъ*, Коломенскаго—Василій *Калайдовичъ*, Лихвинскаго—Николай *Амминовъ*,

Боровскаго — Александръ *Толмачевъ*, Суздальскаго — Александръ *Рюминскій*, Скопинскаго — Николай *Темяшовъ*, Ядринскаго — Левъ *Леонтьевъ*, Елабужскаго — Владиміръ *Стржалковскій*, Вѣльскаго — Спиридонъ *Адобашъ*, Славяносербскаго — Петръ *Авиловъ*, Орѣвскаго — Иванъ *Сербъ*, Тираспольскаго — Михаилъ *Ходжи-Коли*, Ростовскаго на Дону — Фѣдоръ *Маринаки*, Волчанскаго — Михаилъ *Сорокинъ*, Зміевскаго — Иванъ *Павловскій*, Льговскаго — Яковъ *Букрѣевъ*, Новооскольскаго — Иванъ *Богословскій*, Новохоперскаго — Митрофанъ *Ульянщевъ*, Тамбовскаго — Филиппъ *Казанскій*, Шатскаго — Аполлонъ *Гессинъ*, Изюмскаго — Василій *Нестеровъ*, Хорольскаго — Модестъ *Дымскій*, Кобелякскаго — Даниилъ *Колесниковъ* и Лохвицкаго — Андрей *Ивченко*, учителя уѣздныхъ училищъ: С.-Петербургскаго Никольскаго — Александръ *Ивановъ*, С.-Петербургскаго Владимірскаго — Алексѣй *Тулиновъ*, Вытегорскаго — Павелъ *Прилежайевъ*, Богучарскаго — Александръ *Ульянщевъ* и Якобштадтскаго — Карлъ *Вихманъ*; титулярные совѣтники: врачи гимназій: Московской четвертой — Андрей *Поляковъ*, Тверской — Августъ *Пецолдъ*, учитель Московскаго учительскаго института Алексѣй *Павловъ*, учителя гимназій: Ковенской — Андрей *Веберъ* и Николаевской Царскосельской — Алексѣй *Захаровъ*, казначей Императорскаго Московскаго университета Алексѣй *Кудряцевъ*, врачъ для студентовъ Императорскаго Казанскаго университета Александръ *Кремлевъ*, учитель главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Николай *Федоченко*, учитель Варшавскаго рисовальнаго класса Александръ *Каминскій*, помощникъ дѣлопроизводителя канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа Богуславъ Донатъ *Богаревичъ*, штатный смотритель училищъ Олонскаго и Лодейнопольскаго уѣздовъ Николай *Токаревъ*, смотритель и учитель Виндавскаго уѣзднаго училища Георгій *Книппе*, архивариусъ Императорскаго университета св. Владиміра Иванъ *Иванченко*, учитель училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ Карлъ *Вестбергъ*, помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Московской четвертой — Константинъ *Ва-*

ильевъ и Нижегородской—Василій *Шундиковъ*, бухгалтеръ Кіевской первой гимназіи Харитонъ *Дюдинъ*, письмоводители гимназій: Кіевской второй—Александръ *Франковскій* и Николаевской—Герасимъ *Фокинъ* и учитель Рязскаго городского начальнаго училища св. Гертруды Юлій *Гедебергъ*; почетный смотритель Усть-медвѣдскаго окружнаго училища отставной сотникъ Ефимъ *Насльдышевъ*, исправляющій должность штатнаго смотрителя Калмыцкаго окружнаго училища, учитель сего училища сотникъ Михаилъ *Денисовъ*; коллежскіе секретари: воспитатель С.-Петербургской третьей гимназіи Павелъ *Миллеръ*, исправляющіе должности воспитателей той же гимназіи Андрей *Кеммерлингъ* и Генрихъ *Кейзеръ*, учитель приготовительнаго класса Люблинской мужской гимназіи Максимъ *Каминскій*, младшій наблюдатель Главной физической обсерваторіи Дмитрій *Горбаченко*, учитель гимназіи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества Иванъ *Шнелъ*, учитель Рязанской прогимназіи Николай *Черновъ*, столоначальникъ канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа Викентій *Каменецкій*, штатный смотритель Ахтырскаго уѣзднаго училища Иванъ *Шимановъ*, помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Московской третьей — Николай *Покровскій*, Харьковской третьей — Иванъ *Дмитріевъ* и Каменецъ-Подольской — Георгій *Бутовичъ*, помощникъ классныхъ наставниковъ Вѣлостокскаго реальнаго училища Михайлъ *Васильевъ*, письмоводители Московскихъ гимназій: первой—Павелъ *Поповъ* и пятой—Иванъ *Пасежій*, учитель приготовительнаго класса Черниговской гимназіи Иванъ *Абрамовичъ* и учителя училищъ: Гатчинскаго уѣзднаго — Дмитрій *Александровъ* и Нижнечирскаго окружнаго — Ѳедоръ *Безсмертновъ*; губернскіе секретари: штатный учитель Холмской учительской семинаріи Антонъ *Енько*, учитель С.-Петербургской Введенской прогимназіи Стратонъ *Степановъ*, штатный смотритель Хоперскаго окружнаго училища Степанъ *Дьяконовъ*, исправляющій должность помощника бухгалтера департамента народнаго просвѣщенія Дмитрій *Зеленинъ*, учитель и помощникъ воспитателя Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ Герасимъ *Арзангуловъ*, помощ-

никъ классныхъ наставниковъ Таганрогской гимназіи Евлампій *Дробязкинъ* и учитель приготовительнаго класса Бердянской гимназіи Егоръ *Недерица*, исправляющій должность архитектора при Императорской академіи наукъ коллежскій регистраторъ Феодоръ *Больтемагенъ*; не имѣющіе чиповъ: помощникъ прозектора Императорскаго университета св. Владимира Василій *Проценко*, учителя Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ Сергѣй *Маньянъ* и Ставро *Сакоовъ*, учителя гимназій: Кронштадтской—Александръ *Удальцовъ*, Оренбургской—Августъ *Генжель*, Ломжинской мужской—Пій *Витковскій* и Александръ *Кернъ*, Радомской мужской—Павелъ *Пюркъ*, Петроковской мужской—Иорданъ *Канскій*, Влоцлавской реальной—Феликсъ *Вильчковскій*, Левъ *Шиперскій* и Гавріилъ *Яворскій*, Каменецъ-Подольской—Михаилъ *Фирсовъ*, Сувалкской мужской—Иванъ *Пожерскій*, Варшавской четвертой мужской—Эмилианъ *Конопчинскій*, Маріампольской мужской—Антонъ *Горошевичъ* и Григорій *Трохановскій*, дѣлопроизводитель канцеляріи Радомской учебной дирекціи Адамъ *Стебловскій*, старшіе учителя гимназій: Перновской—Алонсъ *Шиллингеръ*, Митавской—Генрихъ *Зеземанъ* и Генрихъ *Дидерихсъ*, исправляющій должность учителя Варшавскаго ветеринарнаго училища Элеазаръ *Гольдсobelъ*, хранитель зоологическаго кабинета Императорскаго Варшавскаго университета Владиславъ *Тачановскій*, учитель Люблинской мужской гимназіи Петръ *Колчинъ*, учитель Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Ильи *Оленевъ*, инспекторъ и учитель Вейсенштейнскаго уѣзднаго училища Людовикъ *Юренсъ*, учителя гимназій: Аренбургской—Францъ *Фрейтагъ* и Митавской—Карлъ *Даненбергъ* и совѣтникъ правленія Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ, потомственный почетный гражданинъ Мелькомъ *Паниевъ*; послѣдній съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены ст. 204 учред. орден. и др. знак. отл. Св. Зак. т. I, изд. 1857 года.

Обыкновеннымъ подаркомъ въ двести пятьдесятъ рублей изъ спеціальныхъ средствъ Курской гимназіи: комнатный надзиратель при Курской гимназіи Николай *Блюкетъ*.

часть СLXXII, отд. 1.

3

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (13-го октября 1873 года). *Положеніе о стипендіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина при Вятской Маріинской женской гимназіи.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, при Вятской Маріинской женской гимназіи учреждается стипендія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Стипендія при Вятской Маріинской женской гимназіи учреждается изъ процентовъ съ капитала, собраннаго по подпискѣ сослуживцами Вятскаго вице-губернатора дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина, въ ознаменованіе 25-лѣтняго служенія его въ сей должности, на который будетъ приобрѣтено по 2 билета 1-го и 2-го внутренняго государственнаго 5% съ выигрышами займа, а всего 4 билета (по номинальной цѣнѣ на чetyреста рублей) и которые ежегодно будутъ давать процентовъ 20 руб.

2) Капитальъ этотъ, состоящій изъ 4-хъ билетовъ (по номинальной цѣнѣ 400 руб.) долженъ находиться въ завѣдываніи педагогическаго совѣта гимназіи съ участіемъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина, пока послѣдній находится на жительствѣ въ Вятской губерніи.

3) Если какіе изъ вышесказанныхъ 4-хъ билетовъ выйдутъ въ тиражъ, то совѣтъ гимназіи долженъ замѣнить ихъ новыми билетами, а въ случаѣ, если полученная при этомъ за нихъ сумма на покупку новыхъ билетовъ будетъ недостаточна, то она должна быть хранима въ одномъ изъ кредитныхъ учреждений до тѣхъ поръ, пока отъ приращенія процентами изъ нея составитъ капиталъ, потребный на покупку новыхъ билетовъ съ выигрышами; когда же продажа на биржѣ билетовъ съ выигрышами

прекратится, то совѣтъ постановляетъ, какъ поступить съ этою суммою, примѣнительно сему положенію.

4) Равнымъ образомъ, когда на билеты послѣдуетъ выигрышъ, то изъ него, за отчисленіемъ одной половины въ пользу той воспитанницы, за обученіе коей вносятся проценты съ сего билета (§ 12), другая половина выигрыша обращается въ процентныя бумаги (преимущественно билеты 1-го и 2-го займовъ съ выигрышами) и проценты съ нихъ выдаются бывшимъ стипендіатамъ г. Батурина.

5) Въ случаѣ, если выигрышъ на билеты будетъ значительный (свыше 10-ти тысячъ руб.), то половина онаго, остающаяся за вычетомъ указанной въ § 12 части въ пользу стипендіатки, раздѣляется слѣдующимъ образомъ: $\frac{1}{3}$ ея поступаетъ въ пользу заведения, $\frac{1}{3}$ въ пользу бывшихъ стипендіатокъ г. Батурина и $\frac{1}{3}$ съ Высочайшаго каждый разъ разрѣшенія, выдается ближайшимъ начальницамъ стипендіатки—начальницѣ и классной дамѣ гимназіи. Съ дальнѣйшими выигрышами на эти билеты, во все время содержанія на оныя стипендіатки, должно быть поступаемо такимъ же порядкомъ, какъ указано въ настоящемъ и предыдущемъ §§.

6) Всѣ распоряженія этимъ капиталомъ дѣлаются совѣтомъ, съ согласія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина, а въ случаѣ его выbytія изъ Вятской губерніи, съ участіемъ Вятскаго вице-губернатора (§ 2).

7) Стипендія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина учреждается при Вятской Маріинской женской гимназіи для уплаты за обученіе въ семъ заведеніи одной воспитанницы изъ дѣтей чиновниковъ, служащихъ или служившихъ въ Вятской губерніи по министерству внутреннихъ дѣлъ, въ размѣрѣ 20 руб. въ годъ.

8) Воспитанница гимназіи, содержащая на счетъ означенной стипендіи, именуется стипендіаткою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина.

9) Назначеніе стипендіатки въ гимназію въ теченіе времени,

пока дѣйствительный статскій совѣтникъ Батуриный будетъ находиться въ Вятской губерніи, предоставляется самому г. Батуриному и дѣлается по непосредственному его усмотрѣнію, или по предложенію совѣта гимназіи; но при этомъ соблюдаются, кромѣ указанныхъ въ § 7 сего положенія, и всѣ тѣ условія, которыя постановлены дѣйствующими правилами относительно приѣма воспитанницъ въ гимназію. За выбытіемъ же изъ губерніи г. Батурина, рекомендація о стипендіаткахъ предоставляется губернскому правленію, которое своимъ журнальнымъ постановленіемъ и опредѣляетъ, кого принять на открывшуюся вакансію.

10) Принятія въ гимназію стипендіатки остаются въ семь заведеній до окончанія полнаго курса наукъ; но онѣ могутъ оставить заведеніе и во всякое время, по волѣ ихъ родителей или опекуновъ, или по распоряженію завѣдывающаго стипендіями начальства. Въ послѣднемъ случаѣ причинами увольненія стипендіатокъ изъ заведенія могутъ быть неуспѣшность и дурное поведение ихъ. Выбывшая стипендіатка теряетъ право на стипендію, которая за симъ уже переходитъ къ воспитанницѣ, заступившей мѣсто вышедшей, кромѣ случаевъ, указанныхъ въ §§ 12-мъ и 13-мъ сего положенія.

11) О принятіи каждой воспитанницы въ число стипендіатокъ должно быть составляемо особое постановленіе совѣтомъ гимназіи, съ участіемъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина, и въ этомъ постановленіи, кромѣ занесенія представленныхъ о принимаемой воспитанницѣ документовъ и согласія г. Батурина на принятіе ея, непременно должно быть объясняемо, съ какого именно времени и на сколько лѣтъ воспитанница зачисляется стипендіаткою, какая сумма имѣетъ быть ежегодно за нее уплачиваема и изъ процентовъ съ какихъ именно билетовъ, то-есть, какихъ именно №№ серій и билетовъ. Журналъ этотъ своевременно публикуется со всею полнотою въ губернскихъ вѣдомостяхъ, копія съ него передается къ дѣламъ губернскаго правленія, а стипендіаткѣ выдается свидѣтельство о томъ, на счетъ процентовъ съ какихъ именно билетовъ будетъ производиться

плата за обученіе ея въ гимназіи и при какихъ условіяхъ и на какую часть выигрыша по симъ билетамъ, во время состоянія ея стипендіаткой, она имѣетъ право,—на тотъ предметъ, чтобы въ случаѣ выигрыша на билеты не могло быть никакихъ недоразумѣній. Съ оставленіемъ же заведенія стипендіаткою, свидѣтельство это отъ нея отбирается.

12) Когда на билеты, назначенные на содержаніе стипендіатки, во время нахождения ея въ заведеніи, послѣдуетъ выигрышъ, то изъ него половина отчисляется въ пользу той стипендіатки (§ 4), и объ этомъ также публикуется въ губернскихъ вѣдомостяхъ и выдается свидѣтельство стипендіаткѣ; а копія съ журнала о семъ совѣта гимназіи передается къ дѣламъ губернскаго правленія.

13) Поименованная половина выигрыша, назначенная стипендіаткѣ, выдается послѣдней при выходѣ изъ гимназіи и по предъявленіи означеннаго выше свидѣтельства (§ 12). До того же времени, подлежащая въ выдачу воспитанницѣ, сумма должна бытъ обращена въ процентныя бумаги, преимущественно въ билеты съ выигрышами, которые и выдаются, при выходѣ изъ гимназіи, ея родителямъ или попечителю, съ тѣмъ, чтобы до достиженія совершеннолѣтія ей выдавались проценты съ заключающейся въ сихъ билетахъ суммы; въ случаѣ же смерти воспитанницы до полученія выигрыша, половина ея части поступаетъ ея родственникамъ не далѣе 5-го колѣна, а другая половина раздается поровну всѣмъ ея соученицамъ гимназіи, которыя были съ нею въ одномъ классѣ по списку, составленному въ годъ ея поступленія, гдѣ бы они ни находились, хотя бы и выбыли изъ гимназіи, но лишь были бы въ живыхъ; но если родственниковъ у умершей не окажется, то вся слѣдовавшая умершей стипендіаткѣ часть выигрыша дѣлится между означенными ея соученицами.

14) Въ случаѣ окончательнаго вычитія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина изъ Вятской губерніи, всѣ распоряженія о стипендіяхъ его имени при Вятской Маріинской женской гимназіи предоставляются губернскому правленію (§ 9), наравнѣ

съ прочими производящимися въ ономъ дѣлами, а въ совѣщательныхъ дѣлахъ совѣта гимназіи (§ 6 и 11) онъ замѣняется Вятскимъ вице-губернаторомъ.

2. (13-го октября 1873 г.). *Положеніе о стипендіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина при Вятской гимназіи.*

Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, при Вятской губернской гимназіи учреждается стипендія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Стипендія при Вятской губернской гимназіи учреждается изъ процентовъ съ капитала, собраннаго по подпискѣ сослуживцами Вятскаго вице-губернатора дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина, въ ознаменованіе 25-ти лѣтняго служенія его въ сей должности, на который будетъ приобрѣтено по 2 билета 1-го и 2-го внутренняго государственнаго 5% съ выигрышами займа, а всего 4 билета (по номинальной цѣнѣ на четыреста рублей), и которые ежегодно будутъ давать процентовъ по 20 р.

2) Капиталь этотъ, состоящій изъ 4-хъ билетовъ (по номинальной цѣнѣ 400 р.), долженъ находиться въ завѣдываніи педагогическаго совѣта гимназіи съ участіемъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина, пока послѣдній находится на жительствѣ въ Вятской губерніи.

3) Если какіе изъ вышесказанныхъ 4-хъ билетовъ выйдутъ въ тиражъ, то совѣтъ гимназіи долженъ замѣнить ихъ новыми билетами, а въ случаѣ, если полученная при этомъ за нихъ сумма на покупку новыхъ билетовъ будетъ недостаточна, то она должна быть хранима въ одномъ изъ кредитныхъ учрежденій до тѣхъ поръ, пока отъ приращенія процентами изъ ней составится капиталъ, потребный на покупку новыхъ билетовъ съ выигрышами; когда же продажа на биржѣ билетовъ прекратится, то со-

вѣтъ постановляетъ, какъ поступить съ этою суммою, примѣнительно сему положенію.

4) Равнымъ образомъ, когда на билеты послѣдуетъ выигрышъ, то изъ него, за отчисленіемъ одной половины въ пользу того воспитанника, за обученіе коего вносятся проценты съ сего билета (§ 12), другая половина выигрыша обращается въ процентныя бумаги (преимущественно билеты 1-го и 2-го займовъ съ выигрышами) и проценты съ нихъ выдаются бывшимъ стипендіатамъ г. Батурина, поступившимъ въ университетъ, на содержаніе ихъ.

5) Въ случаѣ, если выигрышъ на билеты будетъ значительный (свыше 10 т. р.), то половина оная, остающаяся за вычетомъ указанной въ § 12 части въ пользу стипендіата, раздѣляется слѣдующимъ образомъ: $\frac{1}{3}$ часть ея поступаетъ въ пользу заведенія, $\frac{1}{3}$ въ пользу бывшихъ стипендіатовъ г. Батурина и $\frac{1}{3}$ часть, съ Высочайшаго каждый разъ разрѣшенія, выдается ближайшимъ начальникамъ стипендіата—директору и инспектору гимназіи. Съ дальнѣйшими выигрышами на эти билеты, во все время содержанія на оные стипендіата, должно быть поступаемо такимъ же порядкомъ, какъ указано въ настоящемъ и предыдущемъ §§.

6) Всѣ распоряженія этимъ капиталомъ дѣлаются совѣтомъ, съ согласія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина, а въ случаѣ его выбытія изъ Вятской губерніи, съ участіемъ Вятскаго вице-губернатора (§ 2).

7) Стипендія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина учреждается при Вятской губернской гимназіи для уплаты за обученіе въ семъ заведеніи одного воспитанника изъ дѣтей чиновниковъ, служившихъ или служащихъ въ Вятской губерніи по министерству внутреннихъ дѣлъ, въ размѣрѣ 20 р. въ годъ.

8) Воспитанникъ гимназіи, содержимый на счетъ означенной стипендіи, именуется стипендіатомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина.

9) Назначеніе стипендіата въ гимназію въ теченіе времени, пока дѣйствительный статскій совѣтникъ Батурина будетъ нахо-

дятся въ Вятской губерніи, предоставляется самому г. Батурину и дѣлается по непосредственному его усмотрѣнію или по предположенію совѣта гимназій; по при этомъ соблюдаются, кромѣ указанныхъ въ § 7 сего Положенія, и всѣ тѣ условія, которыя постановлены дѣйствующими правилами относительно приѣма воспитанниковъ въ гимназію. За выбытіемъ же изъ губерніи г. Батурина, рекомендація о стипендіатахъ предоставляется губернскому правленію, которое своимъ журнальнымъ постановленіемъ и опредѣляетъ, кого принять на открывшуюся вакансію.

10) Принятые въ гимназію стипендіаты остаются въ семъ заведеніи до окончанія полнаго курса наукъ, но они могутъ оставить заведеніе и во всякое время, по волѣ ихъ родителей или опекуновъ, или по распоряженію завѣдывающаго стипендіями начальства. Въ послѣднемъ случаѣ причинами увольненія стипендіатовъ изъ заведенія могутъ быть неуспѣшность и дурное поведеніе ихъ. Выбывшій стипендіатъ теряетъ право на стипендію, которое за симъ уже переходитъ къ воспитаннику, заступившему мѣсто выбывшаго, кромѣ случаевъ, указанныхъ въ §§ 11 и 12 сего Положенія.

11) О принятіи каждаго воспитанника въ число стипендіатовъ должно быть составляемо особое постановленіе совѣтомъ гимназій съ участіемъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина; въ этомъ постановленіи, кромѣ занесенія представленныхъ о принимаемомъ воспитанникѣ документовъ и согласія г. Батурина на принятіе его, непременно должно быть объяснено, съ какого именно времени и на сколько лѣтъ воспитанникъ зачисляется стипендіатомъ, какая сумма имѣетъ быть ежегодно за него уплачиваема и изъ процентовъ съ какихъ именно №№ серій и билетовъ. Журналъ этотъ своевременно публикуется со всею полнотою въ губернскихъ вѣдомостяхъ; копія съ него передается къ дѣламъ губернскаго правленія, а стипендіату выдается свидѣтельство о томъ, на счетъ процентовъ съ какихъ именно билетовъ и на какую часть выигрыша по симъ билетамъ, во время состоянія его стипендіатомъ, онъ имѣетъ право,—на тотъ пред-

метъ, чтобы въ случаѣ выигрыша на билеты не могло быть никакихъ недоразумѣній. Съ оставленіемъ же заведенія стипендіата, свидѣтельство это отъ него отбирается.

12) Когда на билеты, назначенные на содержаніе стипендіата во время нахождения его въ гимназій, послѣдуетъ выигрышъ, то изъ него половина отчисляется въ пользу того стипендіата (§§ 4), и объ этомъ также публикуется въ губернскихъ вѣдомостяхъ и выдается свидѣтельство стипендіату, а копія съ журнала о семъ совѣта гимназій передается къ дѣламъ губернскаго правленія.

13) Поименованная половина выигрыша, назначенная стипендіату, выдается послѣдному при выходѣ изъ гимназій и по предъявленіи означеннаго выше свидѣтельства (§§ 11). До того же времени, подлежащая въ выдачу воспитаннику сумма должна быть обращена въ процентныя бумаги, преимущественно въ билеты съ выигрышами, которые и выдаются, при выходѣ изъ гимназій, его родителямъ или попечителю, съ тѣмъ, чтобы до достиженія совершеннолѣтія ему выдавались проценты съ заключающейся въ сихъ билетахъ суммы; въ случаѣ же смерти воспитанника до полученія выигрыша, половина его части поступаетъ его родственникамъ не далѣе 5-го колѣна, а другая половина раздается поровну всѣмъ его соученикамъ гимназій, которые были съ нимъ въ одномъ классѣ по списку, составленному въ годъ его поступленія, гдѣ бы они ни находились, хотя бы и вышли изъ гимназій, но лишь были бы въ живыхъ; но если родственниковъ у умершаго не окажется, то вся слѣдовавшая умершему стипендіату часть выигрыша дѣлится между означенными его соучениками.

14) Въ случаѣ окончательнаго выbytія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина изъ Вятской губерніи, всѣ распоряженія о стипендіяхъ его имени при гимназій предоставляются губернскому правленію (§ 9), на равнѣ съ прочими, производящимися въ ономъ дѣлами, а въ совѣщательныхъ дѣлахъ совѣта гимназій (§§ 6 и 11) онъ замѣняется Вятскимъ вице-губернаторомъ.

3. (19-го января 1874 года). *Уставъ ссудо-сберегательной кассы при Воронежской прогимназіи.*

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Ссудо-сберегательная касса учреждается съ цѣлію доставить возможность добровольнымъ ея участникамъ: а) помѣщать въ ней на сбереженіе извѣстную долю своего содержанія и б) дѣлать въ ней займы при временной надобности въ деньгахъ.

2) Участниками кассы могутъ быть всѣ лица, по собственному желанію, служація при Воронежской прогимназіи.

3) Всякій участникъ кассы можетъ выбыть изъ числа ея членовъ во всякое время, по желанію, но обратно поступить въ члены кассы можетъ только въ томъ случаѣ, если имъ будетъ внесена въ кассу вся сумма, вынутая имъ изъ кассы.

4) Каждый участникъ обязанъ вносить, во все время его пребыванія членомъ кассы, ежемѣсячно по 5% со всего дѣйствительно получаемого имъ содержанія.

5) Всякій членъ кассы имѣетъ право, въ первые три года существованія кассы, дѣлать заемъ въ кассѣ въ размѣрѣ не свыше мѣсячнаго дѣйствительнаго его содержанія совмѣстно со вкладомъ его.

6) Проценты на выданную ссуду взыскиваются впередъ за мѣсяцъ по копѣйкѣ съ рубля съ выдаваемой суммы.

7) Кассиръ, по внесеніи заявленія на выдачу ссуды, выставляетъ объявленіе, и не позже, какъ по истеченіи трехъ дней, если не встрѣтятся заявленій со стороны другихъ членовъ, мѣшающихъ выдачѣ ссуды, выдаетъ требуемую ссуду.

8) При выдачѣ ссуды наблюдается очередь, чтобы одно и то же лицо, пользуясь часто средствами кассы, не отнимало возможности и другимъ прибѣгать къ ней, то-есть, чтобы бравшіе передъ тѣмъ ссуду устранялись на послѣднюю очередь передъ тѣми, которые не пользовались ссудой.

9) Если желаній получить ссуду будетъ изъявлено на сумму ббльшую, чѣмъ оказывается на лицо въ кассѣ, то распределеніе.

ссуды между желающими должно быть произведено въ общемъ совѣтѣ членовъ по взаимному соглашенію.

10) Кассиръ дѣлаетъ заемъ въ кассѣ для себя на общихъ условіяхъ.

11) Для облегченія расчетовъ, заемъ дѣлается цѣлыми рублями; процентъ на сумму менѣе рубля взимается за рубль, дроби копѣекъ при всѣхъ вообще расчетахъ считаются за цѣлыя копѣйки.

12) Желающій получить ссуду долженъ заявить объ этомъ кассиру заблаговременно, по крайней мѣрѣ, за день, чтобы на случай неимѣнія наличныхъ денегъ можно было получить ихъ изъ кредитныхъ учрежденій, куда онѣ вносятся для приращенія процентами.

13) Возвратъ занятой суммы производится или всей за одинъ разъ по волѣ заимодавца, или обязательнымъ ежемѣсячнымъ вычетомъ изъ получаемого всего дѣйствительнаго содержанія въ размѣрѣ одной трети содержанія изъ первой, слѣдующей за займомъ выдачи жалованья, если заемъ былъ сдѣланъ до 15-го числа включительно, и изъ второй за займомъ выдачи жалованья, если заемъ былъ сдѣланъ послѣ 15-го числа.

14) Проценты взыскиваются за нѣсколько дней мѣсяца, какъ за цѣлый мѣсяцъ. Если ссуда возвращается по частямъ, то взявшій оную вносить % на ту сумму, которую онъ еще не возвратилъ.

15) Деньги, возвращаемыя въ срединѣ мѣсяца, хранятся на рукахъ кассира, если онъ того пожелаетъ, до срока внесенія вкладовъ.

16) Всѣ суммы кассы вносятся въ одно изъ мѣстныхъ кредитныхъ учрежденій для приращенія процентами.

17) Выбывшій изъ числа членовъ кассы, по какимъ бы то ни было причинамъ, получаетъ всѣ свои вклады вмѣстѣ съ причитающимися на его долю процентами, по общему расчету, пропорціонально времени и суммѣ его взносовъ, и затѣмъ не имѣетъ никакого отношенія къ кассѣ.

18) Для завѣдыванія кассой и счетоводствомъ ежегодно избив-

раются большинствомъ голосовъ, изъ числа участниковъ, кассиръ, кандидатъ къ нему и два постоянныхъ члена. Независимо отъ этого, каждый же годъ большинствомъ голосовъ избираются два члена, имѣющіе право всякое время контролировать дѣйствія кассира. Въ случаѣ же болѣзни кассира и одновременно его кандидата, собирается экстренное собраніе, и на время болѣзни или отпуска этихъ двухъ лицъ избирается временный кассиръ.

19) Никто изъ членовъ кассы не имѣетъ права отказываться отъ избранія въ должность кассира, исключая инспектора прогимназій и того, который уже былъ годъ передъ тѣмъ кассиромъ, или же по особеннымъ исключительнымъ обстоятельствамъ, если они таковыми будутъ признаны собраніемъ членовъ кассы.

20) За свою должность кассиръ не получаетъ никакого вознагражденія и не пользуется никакими преимуществами передъ другими членами кассы.

21) Ежемѣсячно, предъ выдачей жалованья, кассиръ составляетъ вѣдомость о томъ, сколько слѣдуетъ удержать изъ жалованья каждаго члена въ кассу, и передаетъ кому слѣдуетъ для взысканія.

22) Всѣ разчеты по вкладамъ и выдачѣ ссуды, а также всѣ остальные дѣла по кассѣ, ведутся кассиромъ въ особыхъ зашнурованныхъ книгахъ, скрѣпленныхъ подписями и печатами кассира и членовъ контрольной комиссіи; книги эти опредѣляются на каждый годъ и въ продолженіе года хранятся у кассира, а по окончаніи года сдаются въ архивъ прогимназій для храненія.

23) Деньги кассы должны быть вносимы въ какое-либо кредитное учрежденіе и вынимаемы изъ онаго кассиромъ при документѣ за подписью съ приложеніемъ именныхъ печатей двухъ избранныхъ постоянныхъ членовъ.

24) Въ случаѣ смерти члена, всѣ его вклады съ причитающимися процентами передаются наслѣдникамъ его, а если послѣднихъ нѣтъ, то вносятся въ государственный банкъ на выдачу изъ причитающихся процентовъ пособій или стипендій одному или нѣсколькимъ болѣе нуждающимся воспитанникамъ Воронеж-

скої прогимназіи, съ наименованіемъ стипендіи именемъ вкладчика, если таковое будетъ разрѣшено правительствомъ.

25) Каждый членъ кассы, кромѣ обязательнаго взноса въ кассу извѣстнаго процента изъ его содержанія (ст. 3), можетъ дѣлать и добровольные взносы въ кассу въ размѣрѣ по желанію.

26) Капиталъ, образовавшійся изъ добровольныхъ вкладовъ, возвращается весь или часть его по востребованію вкладчика съ причитающимися процентами на общихъ основаніяхъ, если окажутся деньги на лицо въ кассѣ; въ противномъ же случаѣ удовлетворяется требованіе изъ первыхъ поступившихъ суммъ въ кассу.

27) Въ случаѣ растраты суммы, принадлежащей кассѣ, виновный подвергается отвѣтственности на основаніи общихъ законовъ.

28) Въ случаѣ прекращенія существованія кассы, всѣ суммы ея раздѣляются между членами, соразмѣрно ихъ вкладамъ и времени.

29) Наблюденіе за правильнымъ и точнымъ исполненіемъ статей настоящаго устава возлагается на совѣтъ, состоящій изъ членовъ кассы, какъ полныхъ хозяевъ своей собственности.

30) Совѣтъ членовъ кассы, по мѣрѣ надобности, созывается кассиромъ, или по заявленію $\frac{2}{3}$ членовъ, при чемъ кассиръ дѣлаетъ доклады по дѣламъ кассы. Публикація о времени и мѣстѣ совѣта производится посредствомъ особой книги, гдѣ должны росписаться всѣ члены совѣта, что во-время было получено ими объявленіе.

31) Совѣтъ по управленію всѣми дѣлами, относящимися къ кассѣ, признается состоявшимся, если въ немъ участвовало не менѣе двухъ третей всѣхъ членовъ кассы, и рѣшенія его имѣютъ обязательную силу для остальныхъ членовъ.

32) Въ концѣ года кассиръ представляетъ въ общее засѣданіе членовъ кассы годовой отчетъ о состояніи кассы.

33) Положенія о кассѣ принимаются въ видѣ опыта на три года, съ предоставленіемъ общему собранію членовъ ея ходатай-

ствовать нынѣ же чрезъ ближайшее начальство предъ правительствомъ объ окончательномъ утвержденіи ихъ, и по прошествіи 3-хъ лѣтъ, буде явится надобность въ измѣненіи ихъ, измѣнить и снова ходатайствовать предъ правительствомъ объ утвержденіи.

4. (19-го января 1874 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго генераль-губернатора Восточной Сибири, генерала отъ кавалеріи Николая Петровича Синельникова.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 1-й день августа 1873 года, учреждается стипендія при Якутской прогимназіи, въ память празднованія 50-лѣтняго служенія бывшаго генераль-губернатора Восточной Сибири, генерала отъ кавалеріи Николая Петровича Синельникова.

2) Стипендіальный капиталъ составляютъ собранныя для этой цѣли по подпискѣ чиновниками и другими лицами области 1.750 руб.

3) Стипендіальный капиталъ долженъ быть обращенъ въ процентныя бумаги и храниться въ Якутскомъ областномъ казначействѣ.

4) Стипендіей пользуется одинъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ безъ различія происхожденія, отличный по успѣхамъ и поведенію.

5) Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ прогимназіи, о чемъ увѣдомляется Якутскій губернаторъ.

6) Стипендія выдается по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, или по полугодно, или въ концѣ учебнаго года.

7) Избранный стипендіатъ сохраняетъ право на полученіе стипендіи во все время прогимназическаго курса, и можетъ лишиться его, по опредѣленію педагогическаго совѣта, только лишь за слабыя успѣхи въ наукахъ и неодобрительное поведеніе.

б. (2-го февраля 1874 года). *Инструкція совѣту Харьковскаго ветеринарнаго института.*

(Утверждена г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Совѣтъ института, состоящій изъ профессоровъ, доцентовъ и прозектора, имѣеть свои засѣданія въ дни, назначаемые директоромъ, по мѣрѣ надобности и накопленія дѣлъ, въ часы, свободные отъ преподаванія лекцій.

2) Всѣ члены совѣта обязаны посѣщать засѣданія. Не явившіеся, по уважительнымъ причинамъ, теряютъ право голоса по дѣламъ, въ этомъ засѣданіи рѣшеннымъ.

3) О дѣлахъ, имѣющихъ рѣшаться баллотированіемъ, члены совѣта извѣщаются заблаговременно. Не явившіеся въ засѣданіе при рѣшеніи такихъ дѣлъ могутъ передавать шаръ одному изъ присутствующихъ членовъ, о чемъ письменно извѣщается директоръ предъ началомъ засѣданія.

4) Директоръ, какъ предсѣдатель совѣта, открываетъ и закрываетъ засѣданія и наблюдаетъ за сохраненіемъ въ нихъ порядка; онъ же распоряжается собираніемъ голосовъ, начиная съ младшихъ членовъ совѣта.

5) Каждый членъ имѣеть право предлагать на обсужденіе совѣта вопросы, входящіе въ кругъ его дѣятельности, предварительно заявляя о томъ изустно или письменно директору, который назначаетъ очередь для обсужденія сихъ вопросовъ въ ближайшемъ засѣданіи совѣта.

6) Директоръ, какъ предсѣдатель совѣта, руководитъ совѣщаніями, и въ случаѣ разногласія въ мнѣніяхъ, предлагаетъ рѣшеніе по большинству голосовъ.

7) Кромѣ занятій, исчисленныхъ въ §§ 18-мъ и 19-мъ положенія о Харьковскомъ и Дерптскомъ ветеринарныхъ институтахъ, Высочайше утвержденнаго въ 8-й день мая 1873 года, на членовъ совѣта возлагается обязанность присутствовать при экзаменахъ: а) при испытаніяхъ полугодовыхъ и годовыхъ быть ассистентомъ одному; б) при испытаніяхъ же на ученые степени

необходимо присутствіе двухъ ассистентовъ, въ числѣ ихъ долженъ быть директоръ или заступающій его мѣсто.

6. (2-го февраля 1874 года). *Инструкція директору Харьковскаго ветеринарнаго института.*

(Утверждена г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Директоръ наблюдаетъ за успѣшнымъ и постояннымъ ходомъ преподаванія, за точнымъ и своевременнымъ исполненіемъ предписаній высшаго начальства и вообще за исполненіемъ всѣми служащими при институтѣ возложенныхъ на нихъ обязанностей.

2) Директоръ обращаетъ неослабное вниманіе на прилежаніе и нравственность учащихся, содѣйствуя преуспѣванію ихъ всѣми отъ него зависящими способами.

3) Директоръ употребляетъ, въ случаѣ несправности преподавателей и чиновниковъ, напоминанія, а при неуспѣшности ихъ—замѣчанія; въ обстоятельствахъ же, превышающихъ его власть, онъ сообщаетъ совѣту и доводитъ до свѣдѣнія попечителя. Онъ же ходатайствуетъ чрезъ попечителя о награжденіи отличныхъ изъ преподавателей и другихъ лицъ, служащихъ при институтѣ.

4) Директоръ вскрываетъ всѣ поступающія на имя института бумаги, означаетъ на нихъ день полученія и передаетъ ихъ по принадлежности, назначая имъ очередь для обсужденія и рѣшенія.

5) Директоръ назначаетъ для засѣданій время, свободное отъ учебныхъ занятій, открываетъ и закрываетъ засѣданія совѣта, а о дѣлахъ, требующихъ серьезнаго обсужденія, предварительно доводитъ до свѣдѣнія членовъ совѣта.

6) Директоръ предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ, хранитъ большую для дипломовъ печать и вскрываетъ поступающія въ оный бумаги.

7) Директоръ можетъ собственною властію за преступленія и проступки студентовъ и фельдшерскихъ учениковъ, какъ въ вѣдѣніяхъ института, такъ и внѣ его, дѣлать выговоръ и подвергать даже аресту отъ 1-го до 7-ми дней.

7. (2-го февраля 1874 года). *Положеніе о курсѣ повивальнаго искусства при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) При медицинскомъ факультетѣ Казанскаго университета существуетъ курсъ повивальнаго искусства для вольноприходящихъ ученицъ, содержащихся на собственномъ иждивеніи, съ цѣлію умноженія образованныхъ повивальныхъ бабокъ, число коихъ въ семь краѣ весьма недостаточно.

2) Ученицы повивальнаго искусства при Казанскомъ университетѣ принимаются изъ всякаго состоянія, возрастомъ не моложе 18-ти и не старѣе 45-ти лѣтъ.

3) Желаящая поступить въ число ученицъ подаетъ въ началѣ учебнаго года, не позже 1-го сентября, ректору университета на простой бумагѣ прошеніе, къ которому прилагаются: 1) письменный видъ на проживаніе, 2) метрическое о рожденіи и крещеніи свидѣтельство, 3) свидѣтельство о хорошемъ поведеніи отъ мѣстнаго начальства, гдѣ проживала въ послѣднее время.

4) Отъ желающихъ поступить въ число ученицъ акушерскаго класса требуется знаніе обязательныхъ предметовъ курса женской прогимназіи; окончившія же курсъ женской прогимназіи, а также ученицы высшихъ классовъ женскихъ гимназій, принимаются безъ экзамена.

5) Медицинскій факультетъ, по полученіи отъ ректора университета списка принятыхъ имъ лицъ въ ученицы повивальнаго класса, уведомляетъ объ этомъ профессора акушерства, прочихъ профессоровъ, у которыхъ онѣ слушаютъ лекціи, и проректора, съ представленіемъ росписанія часовъ и мѣстъ для преподаванія.

6) Полный курсъ ученія совершается въ два года. Въ первомъ году ученицы слушаютъ у профессора акушерства, отдѣльно отъ студентовъ, полную теорію повивальнаго искусства по программѣ, утвержденной медицинскимъ факультетомъ. Въ томъ же году ученицы повивальнаго класса слушаютъ: а) анатомію тазовой области, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на устройство

и строеніе женскихъ органовъ; б) физиологію въ соотвѣтствующихъ ихъ образованію размѣрахъ, а именно: общія и краткія понятія о главнѣйшихъ функціяхъ человѣческаго тѣла. Во второмъ году онѣ упражняются въ клиникѣ: а) въ изслѣдованіи женскихъ половыхъ частей и таза, равно въ изслѣдованіи маточнымъ зеркаломъ, въ выслушиваніи біеній младенческаго сердца и проч.; б) учатся принимать при родахъ подъ руководствомъ профессора и занимаются повтореніемъ пройденной въ первомъ году теоріи; въ томъ же году слушаютъ краткое ученіе о болѣзняхъ женскихъ половыхъ органовъ.

7) Всѣ предметы ученицы повивальнаго искусства проходятъ отдѣльно отъ студентовъ.

8) Ученицы участвуютъ, подъ руководствомъ фельдшерницъ, въ исполненіи фельдшерскихъ обязанностей. Онѣ учатся принимать въ родахъ и ведутъ при этомъ очередь, росписываясь въ назначенной для этого книгѣ.

9) По окончаніи курса, ученицы подаютъ ректору университета прошеніе о допущеніи къ экзамену изъ пройденнаго ими.

10) За симъ ученицы, по предложенію ректора университета, подвергаются, въ присутствіи депутата отъ факультета, испытанію и, по удовлетворительномъ выдержаніи онаго, удостоиваются званія повивальной бабки, со всѣми правами и преимуществами, дарованными сему званію въ Россійской Имперіи. На это званіе онѣ получаютъ отъ университета установленныя свидѣтельства. Тѣ изъ ученицъ, которыя не выдержатъ испытанія, оставляются въ курсѣ еще на годъ, но если и по истеченіи сего срока не выдержатъ, то увольняются изъ курса безъ дипломовъ.

11) За обученіе повивальному искусству при Казанскомъ университетѣ никакой платы съ ученицъ не полагается.

У. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1-го января 1874 года (№ 1). *Назначаются:* причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, членъ особаго отдѣла ученаго комитета сего министерства по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, коллежскій ассесоръ *Авсьенко* — чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ членомъ особаго отдѣла ученаго комитета; *по департаменту народнаго просвѣщенія:* дѣлопроизводитель VII класса, титулярный совѣтникъ *Оношковицъ-Яцъна* — дѣлопроизводителемъ VI класса; дѣлопроизводитель VIII класса, коллежскій секретарь *Тюлпановъ* — дѣлопроизводителемъ VII класса, и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Камовскій* — дѣлопроизводителемъ VIII класса; *по ученому комитету министерства народнаго просвѣщенія:* инспекторъ С.-Петербургскаго I реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Дмитріевъ* и доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, надворный совѣтникъ *Васильевскій* — членами этого комитета, а младшій цензоръ С.-Петербургскаго комитета цензуры иностранной, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Майковъ* — членомъ особаго отдѣла того же комитета по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, изъ нихъ *Дмитріевъ* съ 15-го декабря 1873 года; всѣ трое съ оставленіемъ въ занимаемыхъ ими нынѣ должностяхъ.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія, изъ отставныхъ: губернский секретарь *Льсковъ* — съ назначеніемъ членомъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія.

Увольняются, согласно прошеніямъ: члены ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія: тайный совѣтникъ *Чебышевъ* и причисленный къ сему министерству, коллежскій совѣтникъ *Вессель* — отъ званія членовъ ученаго комитета; первый съ

8-го декабря 1873 года, съ назначеніемъ, съ 21-го декабря 1873 года, почетнымъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, а послѣдній съ 18-го декабря 1873 года, съ отчисленіемъ отъ министерства народнаго просвѣщенія.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія въ 21-й день декабря 1873 года, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку портретовъ въ актовыхъ залахъ: Полтавской гимназій, С.-Петербургской 4-й прогимназій и С.-Петербургскаго 2-го реальнаго училища — его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, а также въ залахъ Калишской мужской гимназій, Одесскаго и Кіевскаго реальныхъ училищъ портретовъ министра народнаго просвѣщенія и попечителей учебныхъ округовъ: первой—Варшавскаго, тайнаго совѣтника сенатора *Θ. Θ. Витте*, втораго—Одесскаго, тайнаго совѣтника *Голубцова* и третьяго—Кіевскаго, генераль-лейтенанта *Антоновича*.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія въ 21-й день декабря 1873 года, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку, иждивеніемъ членовъ педагогическаго совѣта Александровской Старобѣльской прогимназій, въ залѣ этого учебнаго заведенія, портрета бывшаго почетнаго попечителя ея *Н. А. Дьякова*.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія въ 21-й день декабря 1873 года, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку портрета въ залѣ Пермской Маріинской женской гимназій директора училищъ Пермской губерніи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Грацинскаго*.

По всеподданнѣйшему докладу военнаго министра, Государь Императоръ, въ 6-й день декабря 1873 года, Высочайше повелѣть соизволилъ:

Ученикамъ Каменской и Нижнечирской прогимназій, а также гимназіямъ и прогимназіямъ, открываемымъ въ войскѣ Донскомъ, имѣть форму обмундированія, одинаковую съ Высочайше утвержденною 8-го августа 1869 г. для учениковъ Новочеркасской и Усть-Медвѣдицкой гимназій, съ соответствующимъ лишь измѣненіемъ буквъ въ знакахъ на фуражкахъ.

— Г. попечитель Одесскаго учебнаго округа довелъ до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, что Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Александра Іосифовна осчастливила своимъ посѣщеніемъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1873 г., Николаевскую Маріинскую женскую гимназію.

— Курское губернское земское собраніе, въ засѣданіи 10-го декабря 1873 года, постановило: принести благодарность правительству, отъ лица Курскаго земства, за открытіе въ 1873 году реального училища въ г. Курскѣ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ ввести въ Кронштадтскомъ реальномъ училищѣ преподаваніе, согласно прим. 2 прил. къ ст. 12 по Высочайше утвержденному 15-го мая 1872 года Уставу реальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, сверхъ двухъ новыхъ иностранныхъ языковъ, нѣмецкаго и англійскаго, еще третьяго — французскаго языка для желающихъ, за особую плату.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать, въ 1-го января 1874 года, за право ученія въ Оренбургской гимназій съ учениковъ приготовительнаго класса по *двадцати руб.* въ годъ съ cadaго, а съ учениковъ остальныхъ классовъ — по *тридцати руб.* въ годъ съ cadaго; въ Кіевской 2-й гимназій — по *пятнадцати руб.* въ годъ съ cadaго ученика приготовительнаго класса и по *тридцати руб.* въ годъ съ cadaго ученика остальныхъ классовъ, и въ Черниговской гимназій — по *двадцати руб.* въ годъ съ cadaго ученика; за ученіе въ лексѣевскомъ Екатеринбургскомъ реальномъ училищѣ по — *двадцати руб.* въ годъ съ cadaго ученика.

— Г. министр народнаго просвѣщенія разрѣшилъ учредить при Виленской прогимназіи ссудо-сберегательную кассу, съ при-
мѣненіемъ къ ней устава такой же кассы Виленскаго реального
училища, утвержденнаго его сіятельствомъ 5 мая 1873 г. и на-
печатаннаго въ *Журналъ министерства народнаго просвѣщенія*,
1873 г., часть CLXVX, ноябрьская книжка.

— Г. министр народнаго просвѣщенія получилъ отъ Ко-
стромскаго городского головы г. Набатова, отъ 3 февраля, 1874
года, слѣдующую телеграмму:

«Празднуя освященіе дома и открытіе реального училища, Ко-
стромичи считаютъ долгомъ принести вашему сіятельству глубо-
чайшую признательность за ваше особое вниманіе и содѣйствіе
къ открытію училища».

— 16-го декабря 1873 года Чернухское земское училище
преобразовано въ одноклассное народное, въѣдомства: министр-
ства народнаго просвѣщенія; для помѣщенія училища построены
новый домъ; на отпущенную министерствомъ сумму (400 р.);
библіотека этого училища снабжена уже въ значительномъ количе-
ствѣ наиболѣе полезными и необходимыми для учениковъ и пре-
подавателей книгами; учащихся въ училищѣ 72 мальчика и 10
дѣвочекъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ¹⁾.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Реакція. — (1849 — 1858 гг.)

I.

Положеніе Германскихъ государствъ послѣ распущенія національнаго собранія. — Планы прусскаго кабинета. — Радовицъ и его проектъ. — «Союзъ трехъ королей». — Готская партія. — Колебанія Фридриха-Вильгельма. — Теорія реакціонной партіи. — Распоряженіе о выборѣ депутатовъ въ народную палату. — Политика Австрійскаго кабинета. — Ея ближайшія цѣли и средства. — Interim. — Союзъ трехъ королей пачинаеть распадаться. — Унія и Эрфуртскій парламентъ. — Берлинскій конгрессъ и его послѣдствія. — Австрія созываетъ чрезвычайное собраніе Plenum'a. — Гольштинскій и Кургессенскій вопросы. — Сеймъ желаетъ вмѣшательства. — Протестъ Пруссіи и воинственныя заявленія Радовица. — Демонстрація въ Брегенцѣ. — Война готова вспыхнуть. — Варшавское свиданіе. — Отставка Радовица. — Мантейфель — министръ иностранныхъ дѣлъ. — Паденіе Уніи. — Свиданіе въ Ольмюцѣ. — Дрезденская конференція. — Возстановленіе союза и сейма. — Г. Бисмаркъ назначенъ прусскимъ уполномоченнымъ.

Послѣ того, какъ національное собраніе сказало во Франкфуртѣ свое заключительное слово, германскія государства остались, такъ сказать, въ „естественномъ“ состояніи. Между ними не существовало даже той слабой федеративной связи, какая была дана имъ союзнымъ устройствомъ. Теперь отдѣльнымъ правительствамъ представлялся широкій просторъ; отъ нихъ зависѣло дать „общему отечеству“ ту форму, какая наиболѣе соотвѣтствовала ихъ интересамъ. Но эти интересы были, какъ и всегда, различны.

Стремленія Пруссіи и Австріи были диаметрально противоположны; виды второстепенныхъ правительствъ расходились со взглядами

¹⁾ *Продолженіе.* См. *Журналъ Мин. Народн. Просв.* январь и февраль 1874 года.

какъ Австріи, такъ и Пруссіи. На первое время Пруссія была предоставлена нѣкоторая свобода дѣйствій. Ея главный соперникъ — Вѣнскій кабинетъ былъ еще связанъ итальянскимъ движеніемъ, и грознымъ возстаніемъ въ Венгріи. Саксонскій дворъ былъ обязанъ прусскимъ войскамъ подавленіемъ Дрезденской революціи; Ганноверское правительство нуждалось въ помощи Пруссаго короля. Въ такомъ же положеніи находились Кургессенъ и Баденъ. При нѣкоторой рѣшительности, Прусскій король успѣлъ бы образовать „союзное государство въ союзѣ“, но, какъ и всегда, онъ отступилъ предъ крутыми мѣрами.

Сначала прусскій дворъ заявилъ рѣшительное намѣреніе не отступать отъ своихъ плановъ. Въ прокламаціи 15-го мая 1849 года онъ высказалъ слѣдующія мысли. Правительство его величества короля должно прервать всякія сношенія съ національнымъ собраніемъ, явно вступившимъ на путь революціи. Но этотъ разрывъ не измѣняетъ его намѣренія провести, съ согласія прочихъ правительствъ, союзное устройство, удовлетворяющее потребностямъ Германскаго народа. Основными условіями этого союзнаго устройства должны быть единство Германіи, представляемое сильною центральною властью, и свобода, обеспечиваемая народнымъ представительствомъ. Затѣмъ прокламація заявляла, что въ основаніе будущей конституціи будутъ положены начала, выработанныя Франкфуртскимъ парламентомъ, съ нѣкоторыми необходимыми измѣненіями.

Для осуществленія этой мысли король обратился не къ министру Мантейфеля, явно враждебному всѣмъ новымъ идеямъ, а къ своему другу, генералу *Радовицу* (1797 — 1853). Радовицъ былъ человекъ, наиболѣе способный взять въ свои руки общегерманское дѣло въ эту трудную минуту. Искренно преданный идеѣ національнаго единства, онъ, однако, не могъ внушать ужаса и консерваторамъ. Въ національномъ собраніи онъ принадлежалъ къ крайней правой сторонѣ; когда оно приступило къ выбору императора, онъ, съ 15-ю товарищами, протестовалъ противъ этого акта, доказывая, что собраніе переступаетъ за предѣлы своихъ полномочій. Въмѣстѣ съ королемъ онъ находилъ, что многія начала Франкфуртской конституціи нуждаются въ коренныхъ измѣненіяхъ. Въ этомъ духѣ и былъ имъ составленъ новый проектъ. Прежде всего нужно было польстить самолюбію отдѣльныхъ государствъ. Для этой цѣли предполагалось раздѣлить власть главы союза между прусскимъ королемъ

и коллегією князей (Fürstencollegium), имѣвшею 6 голосовъ.¹⁾ Самый титулъ императора былъ устраненъ; его предполагалось замѣнить титуломъ имперскаго правителя (Reichsvorstand). Это званіе должно было принадлежать Фридриху-Вильгельму, но вопросъ о наслѣдственности былъ оставленъ открытымъ. Франкфуртская конституція давала имперскому правительству самостоятельные доходы, составлявшіеся какъ изъ таможенныхъ сборовъ, такъ и изъ другихъ налоговъ. Проектъ Радовица устранилъ это право. Въ вторыхъ, новый проектъ устранилъ изъ конституціи начала, признанія республиканскими и революціонными. Именно, согласно желанію короля, устранено было всеобщее избирательное право и избирательный законъ примѣненъ къ началамъ прусской трехъ-классной системы. Затѣмъ правителю имперіи предоставлялось безусловное veto.

При такихъ условіяхъ прусское правительство надѣялось привлечь на свою сторону большинство германскихъ правительствъ. Первыми приступили къ новому союзу Ганноверъ и Саксонія (26-го мая). Онъ получилъ названіе „Союза трехъ королей“ (Dreikönigsbündniss). Но союзъ трехъ королей далеко не былъ искрененъ. Кабинеты Саксонскій и Ганноверскій уступили желанію Фридриха-Вильгельма какъ будто на время и съ разными оговорками. Саксонскій министръ, баронъ *Бейстъ*²⁾, оговорилъ вступленіе Саксоніи въ союзъ тѣмъ условіемъ, чтобы Баварія также приступила къ нему. Ганноверскій уполномоченный сдѣлалъ нѣсколько оговорокъ; всѣ онѣ имѣли тотъ смыслъ, что обѣ державы отпадутъ отъ союза при первой возможности. Не смотря однако на это, союзъ имѣлъ большую будущность, въ виду безусловнаго согласія другихъ государствъ. Въ теченіе лѣта къ союзу приступили Вадень, Кургессенъ, Нассау, Брауншвейгъ, Гес-

¹⁾ Эти шесть голосовъ распределялись слѣдующимъ образомъ: Пруссія и Баварія получали по одному, Ганноверъ, Саксонія и Виртембергъ съ сосѣдними имъ второстепенными государствами—три, Кургессенъ, Гессенъ-Дармштадтъ и прочія мелкія государства—одна.

²⁾ Баронъ (впослѣдствіи графъ) Фридрихъ-Фердинандъ Бейстъ родился въ 1809 году и рано вступилъ въ дипломатическую службу. Въ 1849 году онъ занялъ мѣсто саксонскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Ему принадлежитъ одна изъ видныхъ ролей въ реакціонномъ движеніи того времени. Послѣ событій 1866 года онъ вступилъ въ австрійскій кабинетъ, гдѣ сначала занялъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ—перваго министра; въ 1867 году сдѣланъ имперскимъ канцлеромъ.

сеиъ - Дармштадтъ, Мейленбургъ - Шверинъ, Саксонскія герцогства, Ольденбургъ и вольные города Бременъ и Гамбургъ.

Для того, чтобы составить могущественное ядро будущаго союза, согласія этихъ государствъ было вполне достаточно. Затѣмъ Пруссія, по договору 26-го мая, получила одно чрезвычайно важное право. Въ силу этого договора предположено было учредить для веденія текущихъ дѣлъ правительственный совѣтъ (Verwaltungsath), составленный изъ уполномоченныхъ всѣхъ союзныхъ державъ. Высшая исполнительная власть была предоставлена на годъ Пруссіи. 18-го іюня этотъ совѣтъ уже собрался и Пруссія могла дѣйствовать вполне свободно. ¹⁾ Конечно, самую настоятельную необходимостію въ данную минуту представлялось созваніе новаго сейма, который долженъ былъ обсудить проектъ конституціи. Заранѣе можно было надѣяться на сочувствіе значительной части нѣмецкаго общества, а слѣдовательно, и на удовлетворительные выборы депутатовъ сейма. Въ концѣ іюня, въ Готѣ, собралось до 150 членовъ прежняго центра Франкфуртскаго парламента. Здѣсь были и прежніе предводители этой партіи — Гагернъ и Дальманъ. Собраніе постановило составить и объявить резолюцію, въ силу которой германское общество, призывалось всѣми силами содѣйствовать осуществленію прусскаго проекта. Правда, такая резолюція шла въ разрѣзъ съ постановленіемъ Франкфуртскаго парламента 3-го мая 1849 года, возвѣщавшимъ о рѣшимости національнаго собранія поддерживать проектъ имперской конституціи. Но „Готская партія“, какъ ее немедленно прозвали, громко высказывала то убѣжденіе, что не время держаться за *формы*, когда должно спасти самое дѣло и сущность Германскаго единства. Подобное рѣшеніе имѣло большой вѣсъ, особенно въ виду того, что вліятельные и даровитые представители знаменитаго „центра“ усердно поддерживали и распространяли свою идею всѣми зависящими отъ нихъ способами.

Но всѣхъ этихъ благоприятныхъ условій было мало для того, чтобы побудить Фридриха-Вильгельма къ энергичному образу дѣйствій. Нерѣшительный и уступчивый, король никогда не отдавался ни идеѣ, ни человѣку настолько, чтобы въ самыя рѣшительныя минуты не слушать голоса другихъ партій. А въ людяхъ, явно враждебныхъ проекту Радовица, не было недостатка. Противъ него была

¹⁾ Кроме правительственнаго совѣта, былъ открытъ союзный судъ въ Эрзуртѣ.

могущественная партія, впоследствии получившая название „юнкерской“. Для ознакомленія съ ея идеями лучше всего выслушать талантливѣйшаго изъ ея ораторовъ, всецѣло служившаго тогда ея интересамъ, именно г. *фонъ-Бисмарка*, будущаго князя и канцлера Германской имперіи. Вотъ его слова:

„По моему мнѣнію, природа движущихъ принциповъ 1848 года была болѣе *соціальная*, нежели *національная*. Національное движеніе ограничилось бы тѣсными сферами немногихъ, но выдающихся людей, если-бы почва не была потрясена подъ нашими ногами чрезъ внесеніе въ это движеніе соціального элемента; если-бы зависть небогатыхъ къ богатымъ не была подстрекаема (*aufgestachelt*) ложными представленіями и жадностью неимущихъ къ чужому добру,—и эти страсти распространились тѣмъ легче, что питаемое сверху свободомысліе уничтожило всякій элементъ сопротивленія въ человѣческомъ сердцѣ. Я не думаю, чтобы это зло могло быть уничтожено демократическими уступками и проектами Германскаго единства; корень болѣзни глубже. Но я оспариваю то, чтобы въ Прусскомъ народѣ существовала потребность національнаго возрожденія по образцу Франкфуртскихъ теорій. Здѣсь часто упоминаютъ о политикѣ Фридриха II, отождествляя ее съ проектомъ Уніи ¹⁾. Я думаю скорѣе, что Фридрихъ II обратился бы къ наиболѣе выдающимся особенностямъ прусской народности, къ воинскому ея элементу и (сдѣлалъ бы это) не безъ успѣха. Онъ зналъ бы, что еще тепорь, какъ во времена нашихъ отцовъ, звукъ трубъ, призывающій подъ знамена государя, не потерялъ своей прелести для прусскаго уха,—идетъ ли дѣло о защитѣ нашихъ границъ, или о славѣ и величіи Пруссіи. Онъ, по выбору своему, послѣ разрыва съ Франкфуртомъ, или присоединился бы къ старой военной союзницѣ (?) — Австріи, чтобы принять на себя блестящую роль, разыгранную русскимъ императоромъ ²⁾—подавленія въ союзѣ съ Австріею общаго врага революціи; или, онъ могъ бы, съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ завоевалъ Силезію, послѣ отказа отъ франкфуртской короны, повелѣть Нѣмцамъ, какова бы ни была затѣмъ ихъ конституція, въ виду опасности, бросить мечъ на вѣсы. Это была бы національная прусская политика! Она дала бы Пруссіи вмѣстѣ съ Австріей, или ей одной, правильное положеніе,

¹⁾ То-есть, съ проектомъ Радовица.

²⁾ Речь была произнесена Бисмаркомъ 6-го сентября 1849 года; следовательно, послѣ подавленія венгерскаго возстанія.

для доставленія Германіи силы, подобающей ей въ Европѣ. Проектъ униі уничтожаетъ das spezifische Preussenthum“.

Эта знаменитая рѣчь, кромѣ одного ея мѣста, превосходно выражала все настроеніе прусской консервативной партіи. Въ ея глазахъ идеи національнаго собранія отождествлялись съ самыми опасными соціально-демократическими идеями; проектъ Радовица былъ вредною уступкою этимъ стремленіямъ. Онъ отдавалъ Пруссію на жертву отвлеченному общегерманскому идеалу, уничтожалъ das spezifische Preussenthum и дѣлалъ ея богобоязненное, легитимистическое правительство слугою революціи. Мѣсто Пруссіи — въ ряду другихъ германскихъ государей и особенно подлѣ Австріи, ради подавленія опасныхъ стремленій. Такія цѣли осуществляются не призывомъ депутатовъ и палатскими разсужденіями, а военною силою. Рѣшительная и оригинальная натура Бисмарка высказалась, впрочемъ, и тогда. Его Фридрихъ II могъ, между прочимъ, „бросить мечъ на вѣсы судьбы“, чтобы создать для Пруссіи и Германіи приличное положеніе въ Европѣ, но, конечно, не большинство прусской консервативной партіи и не самъ король были согласны на такой шагъ. Придворная партія горѣла сочувствіемъ и состраданіемъ къ Австріи. Она дѣйствовала на короля не указаніями на „воинственный элементъ“ прусской народности, а сентиментальными разсужденіями о долгѣ прусскаго правительства по отношенію къ его союзнику. Благородно ли приступить къ рѣшительной организаціи „союзнаго государства въ союзѣ“ въ ту минуту, когда Австрія, подавленная возстаніемъ въ Венгріи и Италіи, не можетъ сказать ничего ни за, ни противъ? Когда короли Саксонскій, Баварскій и Виртембергскій также еще не оправались отъ революціоннаго разгрома? И король рѣшился ждать. Только 19-го октября 1849 года правительственный совѣтъ издалъ предписаніе о выборѣ въ союзныхъ государствахъ депутатовъ въ народную палату (Volkshaus). Но теперь время было пропущено.

Австрія, фактически не существовавшая лѣтомъ 1849 года, теперь была восстановлена. Русское оружіе подавило возстаніе Венгровъ; 11-го августа Гѣргей сдался на капитуляцію. 24-го августа Венеція, до тѣхъ поръ поддерживаемая ея героическимъ диктаторомъ Манипомъ (1804—1857), сдѣлала тоже. Слѣдя за этою работою австрійскаго кабинета, мы должны сойдти съ почвы реальныхъ силъ и вступить въ область юридическихъ тонкостей, изъ которыхъ опытная рука князя Шварценберга выковала себѣ могущественное оружіе.

Мы должны припомнить, что прусское правительство не объявляло

германскій союзъ невозможностію. Оно задумало создать новое учрежденіе съ союзъ, привлекло къ себѣ нѣсколько германскихъ государствъ и теперь рѣчь шла о разсмотрѣніи проекта конституціи этого „тѣснѣйшаго союза“. Эти обстоятельства ясно опредѣляли задачу австрійскаго кабинета. Ему предстояло, съ одной стороны, добиться фактическаго признанія, что „обширный“ союзъ еще существуетъ; съ другой стороны, ему необходимо было отвлечь отъ союза „трехъ королей“ наибольшее количество государствъ. Затѣмъ ему уже легко было возстановить *in integrum* старый союзъ съ его сеймомъ. Все это было выполнено въ точности.

Дѣло началось съ возстановленія союзной власти. Правда, сеймъ, съ 12-го іюля 1848 года, уже не существовалъ и пока не могъ быть созванъ. Но центральная союзная власть еще оставалась въ рукахъ эрцгерцога Іоанна, который, конечно, не зналъ, что ему дѣлать съ этимъ залогомъ. Австрія рѣшилась воспользоваться имъ. Она предложила Пруссіи совмѣстно временное союзное правительство (*ad interim*), которому эрцгерцогъ и передалъ бы свои права. Прусскій кабинетъ обѣщалъ свое согласіе подъ тѣмъ условіемъ, чтобы австрійское правительство, съ своей стороны, согласилось на учрежденіе „тѣснѣйшаго союза“, проектированнаго Пруссіею. Условіе это не было принято и прусскій кабинетъ рѣшился приступить къ учрежденію „временнаго правительства“ и безъ него. 30-го сентября между двумя дворами былъ заключенъ договоръ, въ силу котораго обѣ державы обязывались взять въ свои руки временную власть, во имя всѣхъ союзныхъ правительствъ.

Конечно, оба двора не торопились приводить въ исполненіе заключенный договоръ; эрцгерцогъ передалъ свои права австро-прускимъ комиссарамъ только 20-го декабря ¹⁾. Но для Австріи необычайно важенъ былъ самый актъ признанія правъ союза въ принципѣ. Тенерь положеніе ея было опредѣленно и выгодно сравнительно съ положеніемъ Пруссіи. Австрійскій кабинетъ, въ глазахъ всей Европы и отдѣльныхъ правительствъ Германіи, представлялъ интересы общаго и законнаго государственнаго устройства, утвержденнаго трактатами Вѣнскаго конгресса; прусскій—ратовалъ за какое-то новое государство, еще нуждавшееся въ признаніи и вызывавшее сомнѣніе въ самихъ участникахъ его. Благодаря договору 30-го сентября, Австрія

¹⁾ Этими комиссарами были: со стороны Австріи—генералъ Шенгальсъ (Schönbals), со стороны Пруссіи—Редовицъ.

получила возможность обсуждать всѣ мѣры прусскаго правительства по устройству „тѣснѣйшаго союза“, съ точки зрѣнія правъ германскаго союза и обязанностей его членовъ; она могла призвать къ тому же другія правительства и не замедлила это сдѣлать.

Послѣдствія уступчивости прусскаго кабинета скоро обнаружались. Не успѣлъ „правительственный совѣтъ“ издать предписанія о выборахъ депутатовъ въ народную палату, какъ на другой же день (20-го октября) уполномоченные Саксоніи и Ганновера протестовали противъ этого акта и объявили о своемъ выходѣ изъ совѣта. Пруссія рѣшилась, однако, дѣйствовать и безъ „двухъ королей“. Она опиралась еще на согласіе Бадена, двухъ Гессенскихъ дворовъ, Саксонскихъ герцогствъ, двухъ Шварцбурговъ, Рейссовъ, Нассау, Брауншвейга, Ольденбурга, двухъ Мекленбурговъ и трехъ вольныхъ городовъ. Ихъ уполномоченные засѣдали еще въ правительственномъ совѣтѣ и послѣдній, 17-го ноября, предписалъ произвести выборы депутатовъ къ 31-му января 1850 года. Мѣстопробываніемъ народной палаты назпачался Эрфуртъ.

Австрія немедленно (28-го ноября) протестовала противъ этого распоряженія, какъ не согласнаго съ началами союзнаго устройства. Саксонія и Ганноверъ не допустили производства выборовъ въ своихъ земляхъ и скоро вовсе отказались отъ исполненія договора 26-го мая. Выборы были произведены во всѣхъ означенныхъ выше государствахъ и дали результатъ, чрезвычайно благопріятный для Пруссіи. Но послѣдняя долго медлила созваніемъ депутатовъ. Уступая внѣшнему давленію, совѣтъ видоизмѣнилъ первоначальный проектъ конституціи имперскаго союза, который долженъ былъ теперь называться *униєю* (26-го февраля). Еще мѣсяць прошелъ въ непонятныхъ ожиданіяхъ. Въ теченіе этого времени дѣятельная пропаганда противъ униі сдѣлала большіе успѣхи. 27-го февраля кабинеты баварскій, саксонскій, виртембергскій и ганноверскій подписали противу-проектъ союзнаго устройства, извѣстный подъ названіемъ *Мюнхенскаго* ¹⁾. Онъ напоминалъ одинъ изъ многихъ проектовъ, возникавшихъ въ 1814—1815 гг. и, очевидно, не могъ удовлетворить никого ²⁾. Но, какъ

¹⁾ Подробный разборъ Мюнхенскаго проекта см. у Цёполя, назв. соч. т. I, стр. 513 — 526 пятаго изданія. Авторъ относится къ проекту довольно благоклонно.

²⁾ Основанія проекта слѣдующія: союзъ обнимаетъ всѣ земли, входившія до сихъ поръ въ его составъ и организуется на началахъ конфедераціи. Союзная

средство агитации и раздора, онъ представлялъ большія выгоды. Затѣмъ, короли Баварскій и Виртембергскій громко высказались въ своихъ тронныхъ рѣчахъ противъ унii.

При такихъ условiяхъ, 20-го марта были, наконецъ, открыты засѣданiя эрфуртскаго парламента. Президентъ его — Радовицъ произнесъ пламенную рѣчь. При общемъ настроенiи собранiя трудно было ожидать продолжительныхъ пренiй; всѣ боялись безъ того великой потери времени. Парламентъ рѣшился принять проектъ конституцiи безъ измѣненiй и вотировалъ его къ 29-му апрѣля. На этотъ разъ прусскiй кабинетъ не имѣлъ основанiя жаловаться на медленность и строптивость собранiя; болѣе покорной палаты еще не встрѣчалось. Но камень преткновенiя былъ въ самомъ прусскомъ дворѣ. Для посторонняго наблюдателя вопросъ объ унii представлялся конченнымъ. Конституцiя, составленная по соглашенiю со всѣми союзными правительствами, была принята парламентомъ. Но Фридрихъ-Вильгельмъ остановился предъ оппозицiею Австрiи и четырехъ королевствъ. Вслѣдствiе этого онъ рѣшился на шагъ, окончателно погубившiй унii. Всѣ ея члены были приглашены въ Берлинъ для совѣщанiя о способахъ приведенiя въ дѣйствиe союзнаго устройства. Совѣщанiе открылось рѣчью короля, которая собственно была *вопросомъ*, обращеннымъ къ его царственнымъ гостямъ — желаютъ ли они, въ виду современныхъ обстоятельствъ, остаться въ унii? Итакъ вопросъ, уже рѣшенный, повидимому, въ подробностяхъ, признанъ нерѣшеннымъ въ принципѣ. Черезъ нѣсколько дней (16-го мая), берлинскiй конгрессъ разошелся, постановивъ, что унii должна остаться пока при временномъ правительствѣ.

Въ то время, какъ Фридрихъ-Вильгельмъ отсрочивалъ рѣшенiе жизненнаго для него вопроса, Австрiя успѣшно работала надъ восстановленiемъ союза въ старой его формѣ, хотя и увѣряла, что ея

власть предоставлялась семи членамъ: Австрiи, Пруссiи, Баварiи, Саксонiи, Ганноверу, Кургессону и Гессенъ-Дармштадту. Они представляли въ правительствѣ не только свои интересы, но и интересы прочихъ государствъ, которымъ предоставлялось, по добровольному соглашенiю, пристать къ тому или другому самостоятельному государству. Рядомъ съ союзнымъ правительствомъ учреждалось народное представительство изъ 300 депутатовъ—100 отъ Австрiи, 100 отъ Пруссiи и 100 отъ прочихъ государствъ. Депутаты должны были избираться народными представительствами отдѣльныхъ государствъ. Союзная палата участвовала въ рѣшенiи законодательныхъ вопросовъ и разсматривала бюджетъ. Наконецъ, проектъ предлагалъ учрежденiе и союзнаго суда.

цѣль—обновленіе Германіи чрезъ *новое* союзное устройство. За нѣсколько дней предъ тѣмъ, какъ Эрфуртскій парламентъ кончилъ свою работу (26-го апрѣля), князь Шварценбергъ послалъ ко всѣмъ членамъ прежняго Германскаго союза приглашеніе на чрезвычайное засѣданіе сейма *in pleno*. Уполномоченные должны были собраться 11-го мая во Франкфуртъ. Прусскій кабинетъ отвѣтилъ, что онъ готовъ послать своего уполномоченнаго, но во-1-хъ, не можетъ признать въ предполагаемомъ Франкфуртскомъ съѣздѣ *plenum'a* стараго сейма; во-2-хъ, онъ требовалъ, чтобы его уполномоченный былъ признанъ представителемъ „униі“ и дѣйствовалъ въ этомъ качествѣ; въ 3-хъ, прусская нота устраняла предсѣдательство Австріи на съѣздѣ.

Но австрійская нота достигла своей цѣли. Она соединила всѣ элементъ, дружественные политикѣ австрійскаго двора и внесла разединеніе въ „унию“. Курфирстъ Гессенскій, замышлявшій уже свой „государственный переворотъ“, не замедлил воспользоваться свободою дѣйствій, предоставленною членамъ униі постановленіемъ Берлинскаго конгресса, и сталъ на сторону австрійскаго предложенія. Нечего говорить, что Данія, надѣявшаяся на покровительство Австріи, поспѣшила прислать своего уполномоченнаго за Гольштейнъ. Такимъ образомъ, Австріи удалось собрать во Франкфуртъ уполномоченныхъ отъ Баваріи, Саксоніи, Ганновера, Виртемберга, Кургессена, Гессенъ-Дармштадта ¹⁾, Лимбурга, Лихтенштейна и Гамбурга. Чрезвычайное засѣданіе сейма было открыто.

Въ Германіи было теперь два союза и двѣ союзныя власти. Вопросъ о томъ, кто возьметъ верхъ — старый союзъ или уния, сводился на вопросъ объ относительной силѣ двухъ державъ, стоявшихъ во главѣ того и другаго союза—Австріи и Пруссіи. Первая, съ самаго начала франкфуртскихъ засѣданій, не скрывала уже своего плана — возстановить старый союзъ *in integrum*. Въ теченіе лѣта 1850 года, между Франкфуртомъ и Берлиномъ происходилъ оживленный обмѣнъ нотъ, причеиъ прусское правительство рѣшительно протестовало противъ замысловъ Австріи. Но, по мнѣнію франкфуртскихъ уполномоченныхъ, сеймъ не только фактически былъ возстановленъ, но даже *не прекращалъ* своего существованія. Событія 1848 года только временно приостановили его дѣятельность. Поэтому сеймъ, созданный теперь во Франкфуртъ, имѣлъ право принять къ своему разсмотрѣ-

¹⁾ Гессенъ-Дармштадтъ присоединился къ Австріи уже послѣ открытія *plenum'a*.

нію общегерманскія дѣла; а такими дѣлами, на первый случай, представлялись *юльштинскій вопросъ и курьессенское столкновение*. Такимъ образомъ, споръ между Австрією, какъ представительницею союза, и Пруссією, какъ главою уніи, изъ области отвлеченныхъ принциповъ переходилъ на почву практическую.

Разрѣшеніе гольштинскаго вопроса было приостановлено перемиріемъ въ Мальмѣ. Срокъ перемирія истекалъ въ апрѣлѣ 1849 года. Съ двухъ или, лучше сказать, съ трехъ сторонъ дѣлались приготовленія къ упорной борьбѣ. Нечего говорить, что слабая Данія напрягла на этотъ разъ всѣ свои силы. Франкфуртское правительство назначило въ герцогствѣ намѣстничество (Stathalterschaft), состоявшее изъ двухъ лицъ ¹⁾, и ввело туда союзную армію, состоящую изъ контингентовъ Пруссіи, Баваріи, Виртемберга и Ганновера. Наконецъ, сами герцогства составили армію въ 14.000 человекъ, начальство надъ которою было поручено прусскому генералу Бонину ²⁾. Результаты этого новаго похода были, однако, неудачны. Мы не говоримъ о военныхъ успѣхахъ, которые, конечно, были на сторонѣ преобладающей силы нѣмецкихъ войскъ. Но эти успѣхи остались безъ послѣдствій. Дипломатическое вмѣшательство Англіи и Россіи напомнило германскимъ правительствамъ, что датская территорія обезпечена трактатами вѣнскаго конгресса. Главнокомандующій союзными войсками, прусскій генералъ Притвицъ ³⁾, не обнаруживалъ особенной энергіи. 10-го іюля Пруссія заключила новое перемиріе, кончившееся Берлинскимъ миромъ 2-го іюля 1850 года. Въ силу мирнаго договора, Шлезвигъ отданъ былъ въ распоряженіе Даніи и отдѣленъ отъ Гольштейна. Датскій король обязывался дать Шлезвигу особое устройство, но герцогство признано было составною частью датской монархіи (Данія до Эйдера). Гольштейнъ былъ пока предоставленъ собственной судьбѣ; нѣмецкія войска не защищали его болѣе. Намѣстничество не признало Берлинскаго мира и рѣшилось продолжать сопротивленіе своими силами. Нѣтъ ничего удивительнаго, если впоследствии борьба Гольштинцевъ была приравнена къ мятежу противъ правительства.

¹⁾ Графъ Ревентловъ-Преца и Вильгельмъ Безелера, брата известнаго намъ депутата.

²⁾ Эдуардъ Бонинъ (1793—1865), съ 1859 г. прусскій военный министръ.

³⁾ Карлъ Эрнстъ Притвицъ (1790—1871), ветеранъ войны за освобожденіе 1813-го и слѣдующихъ годовъ.

Таковъ былъ первый вопросъ, оставшійся неразрѣшеннымъ въ то время, какъ Австрія подготавливала возстановленіе союза. Второй вопросъ, не менѣе важный, былъ возбужденъ кургессенскимъ столкновениемъ. Извѣстно, что курфирсть Фридрихъ-Вильгельмъ I¹⁾ присталъ къ уніи вовсе не отъ чистаго сердца. Союзъ съ Пруссією былъ союзомъ, вынужденнымъ внѣшними обстоятельствами; съ 1848 г. курфирсть находился подъ давленіемъ либеральнаго движенія, заставившаго его согласиться на разныя видоизмѣненія въ конституціи 1832 года и учрежденіе новаго министерства. До тѣхъ поръ, Вильгельмъ I, во многомъ напомилавшій своего предшественника, правилъ страню чрезъ ненавидимое всѣми министерство Гассенпфлуга и его преемниковъ. При первой возможности выйдти изъ подъ непривычной зависимости и законности, курфирсть 22-го февраля 1850 г. послѣшилъ призвать Гассенпфлуга, проживавшаго тогда въ Пруссіи. Одно имя этого челоуѣка возбудило всеобщее негодованіе. Затѣмъ, рѣшительный разрывъ между курфирстомъ и палатами послѣдовалъ послѣ того, какъ первый сталъ на сторону Австріи и отдѣлился отъ уніи. Не однѣ палаты были противъ политики новаго министерства; — чиновничество и даже армія были на сторонѣ уніи. Взаимное неудовольствіе и отдѣльныя столкновения разрѣшились, наконецъ, отказомъ въ податяхъ (31-го августа). Курфирсть немедленно объявилъ страну на военномъ положеніи, началъ преслѣдовать военно-суднымъ порядкомъ депутатовъ, чиновниковъ и военныхъ, оставшихся вѣрными конституціи. Палаты были распуцены и министерство получило полномочіе собирать подати собственною властью. Но сопротивленіе народа было не менѣе сильно. Курфирсть бѣжалъ во Франкфуртъ, чтобы ходатайствовать о союзной помощи (21-го сентября).

Сеймъ въ это время былъ уже въ сборѣ. Еще 14-го августа Австрія отпранила ко всѣмъ государствамъ приглашеніе прислать своихъ уполномоченныхъ къ 1-му сентября. На этотъ разъ прямо заявлялось, что сеймъ есть единственная законная власть союза, что уполномоченные имѣютъ составить какъ *plenum*, такъ и „тѣсный совѣтъ“ стараго сейма. Пруссія, отъ имени уніи, отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. Но затѣмъ государства, участвовавшія въ *plenum*'ѣ 11-го

¹⁾ Сынъ и наследникъ извѣстнаго намъ курюрста Вильгельма II, род. въ 1802 году. Съ 1831 г. сдѣлался, по случаю бѣгства отца, регентомъ; съ 1847 г. — курюрстомъ. По правамъ напоминалъ своего предшественника. Онъ женился на разведенной жентъ прусскаго поручика Лемана — Гертрудѣ, пожалованной титуломъ княгини Гонау. Въ настоящее время живетъ въ Богеміи.

мая, успѣли воспользоваться приглашеніемъ. Уполномоченные застали во Франкфуртѣ ходатайство Даніи о внимательствѣ союза въ гольштинскія дѣла. Вскорѣ съ подобною же просьбою обратился къ нимъ и курфирстъ Гессенскій. Австріи представлялся превосходный случай ослабить значеніе Пруссіи въ той части Германіи, гдѣ она думала имѣть преобладающее значеніе. Возстановить Данію въ прежнемъ ея объемѣ, значило—создать почтенный противовѣсъ прусскимъ стремленіямъ къ „нѣмецкому морю“; возстановить авторитетъ курфирста въ Гессенѣ, значило—пріобрѣсти Австріи вѣрнаго и благодарнаго союзника. И то, и другое вмѣстѣ имѣло еще одно немало-важное значеніе. Подавляя сопротивленіе Гольштинцевъ и Кургесенцевъ, Австрія могла разыграть роль защитницы законнаго порядка и бросить Пруссіи обвиненіе въ союзѣ съ революціею. Такое обвиненіе было тѣмъ удобнѣе, что, выставляя его, Австрія могла рассчитывать на поддержку русскаго кабинета и консервативныхъ элементовъ, какъ во всѣхъ союзныхъ государствахъ, такъ и въ Пруссіи.

Но рѣшительный образъ дѣйствій былъ пока неудобенъ. Партіи униі сдѣлала въ Пруссіи рѣшительное усиліе. Она нашла себѣ, на этотъ разъ, поддержку въ кронпринцѣ, будущемъ королѣ Вильгельмѣ I¹⁾. Принцъ въ 1848 г. былъ рѣшительнымъ врагомъ народнаго движенія. На время онъ долженъ былъ даже уѣхать въ Англію (мартъ — іюнь 1848 года). Затѣмъ, ему поручено было усмиреніе возстанія въ Ваденѣ и Пфальцѣ. Но въ данную минуту онъ ясно видѣлъ, что честь Пруссіи не позволяетъ ей безъ боя отказаться отъ разъ заявленныхъ намѣреній, и что тѣмъ менѣе возможна эта уступка въ виду плановъ князя Шварценберга, проповѣдывавшаго крестовый походъ противъ Пруссіи. Уступая этому движенію, король назначилъ Радовица министромъ иностранныхъ дѣлъ (27-го сентября). Генералъ громко заявлялъ о своемъ твердомъ намѣреніи не уступать противнику безъ борьбы.

Князь Шварценбергъ увидѣлъ въ назначеніи новаго министра иностранныхъ дѣлъ демонстрацію противъ Австріи и рѣшился сдѣлать своему врагу демонстрацію въ противоположномъ смыслѣ. 11-го и 12-го октября было устроено пышное свиданіе императора австрійскаго, королей Баварскаго и Виртембергскаго въ Брегенцѣ²⁾. Результатомъ этого

¹⁾ Братъ короля Фридриха-Вильгельма IV; род. 1797 г.

²⁾ Главный городъ Форальберга въ Тироля, на берегу Боденскаго озера; жителей 4:000 жителей. Римскій Brigantium.

свиданія былъ союзъ, заключенный тремя монархами, которые обязались выставить, въ случаѣ необходимости, 200.000 войска. Вѣжайшею цѣлью союза объявлено усмиреніе Кургессена. Затѣмъ, 25-го октября состоялось постановленіе сейма о союзной экзекуціи въ непокорной странѣ. Австро-баварскія войска вступили въ курфиршество.

Пруссійскій кабинетъ протестовалъ противъ этой мѣры, впервыхъ, потому, что онъ не признавалъ существованія сейма; вторыхъ, потому, что австрійскій походъ былъ явно направленъ противъ уніи и Пруссіи. Для поддержанія своего протеста, прусское правительство предписало мобилизацію части своихъ войскъ и заняло нѣкоторыя мѣста въ Кургессенѣ. Эти мѣры, повидимому, предвѣщали общую войну уніи съ Австріею и ея союзниками. Но мысль о такомъ шагѣ испугала нерѣшительнаго Фридриха-Вильгельма. Вліянію кронпринца и Радовица противодѣйствовало вліяніе реакціонной партіи и опасенія, внушаемыя полятикою русскаго двора, принявшаго подъ свою защиту австрійскіе интересы. Король рѣшился прибѣгнуть къ посредничеству русскаго правительства. Австрія изъявила свое согласіе на эту мѣру и 26-го октября открылась конференція въ Варшавѣ. Уполномоченнымъ отъ Пруссіи былъ посланъ графъ Бранденбургъ. Онъ явился въ Варшаву съ предложеніемъ различныхъ уступокъ; но послѣднія не были приняты, и графъ, раздраженный неудачею, возвратился въ Берлинъ, гдѣ и умеръ въ тяжкихъ страданіяхъ, сопровождавшихся бредомъ о мщеніи врагу (6-го ноября).

Вѣсть о неудачѣ Варшавской конференціи привела въ смятеніе прусское правительство. 2-го ноября былъ созванъ совѣтъ министровъ, гдѣ Радовицъ, поддерживаемый кронпринцемъ, умолялъ короля не уступать безъ боя своего положенія въ Германіи. Но противная партія, увѣренная въ успѣхъ, настойчиво и грубо отвергла это предложеніе. Разказываютъ слѣдующій анекдотъ, характеризующій упоманутую партію. Радовицъ, увлекшись однажды своимъ краснорѣчіемъ, убѣждалъ короля „перейти Рубиконъ, подобно Цезарю“. На это генералъ Раухъ возразилъ слѣдующее: „Я не знаю молодца (Kcpl), именующагося Цезаремъ, ни молодца, называющагося Рубиконемъ; но человекъ, дающій такой совѣтъ, не можетъ быть истиннымъ Пруссакомъ!“

Засѣданіе 2-го ноября было послѣднимъ усиленіемъ партіи Радовица. Онъ подалъ въ отставку и получилъ ее. Мѣсто его занялъ

известный намъ Мантейфель. Новое министерство немедленно употребило всѣ средства для примиренія съ Австріею. Но князь Шварценбергъ заявилъ такія требованія, что честь Пруссіи не позволяла принять ихъ. Политика ея, въ ноябрѣ 1850 года, представляла странное зрѣлище. Съ одной стороны, заносчивое поведеніе князя Шварценберга снова подало надежду партіи войны, поддерживаемой наследнымъ принцемъ. 6-го ноября король издалъ повелѣніе о мобилизаціи арміи. Съ другой стороны, Мантейфель не отступалъ отъ своего плана „мира, во чтобы то ни стало“ и подъ рукою заявлялъ князю Шварценбергу, что мобилизація предписана только ради успокоенія и отвлеченія общественнаго мнѣнія, и что она нисколько не помѣшаетъ соглашенію двухъ государствъ. Командующему прусскими войсками въ Кургессенѣ, генералу Грѣбену, посланъ былъ приказъ бездѣйствовать. Въ то время какъ Пруссаки, вслѣдствіе декрета 6-го ноября, усердно шли къ оружію, Мантейфель униженно просилъ своего счастливаго соперника о мирѣ. Замѣчательно, что въ палатѣ поведеніе Мантейфеля находило горячаго защитника въ Бисмаркѣ, который, вмѣстѣ съ первымъ министромъ, видѣлъ въ „уніи“ революціонную затѣю.

Князь Шварценбергъ отказался вступить въ переговоры, пока существуетъ прусская унія; на этотъ разъ онъ потребовалъ формальнаго ея уничтоженія. Прусское правительство уступило. 15-го ноября была созвана „коллегія государей“ и прусскій уполномоченный заявилъ, что его правительство оставляетъ унію и предоставляетъ прочимъ ея членамъ сдѣлать то же. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній они послѣдовали ея примѣру (23-го ноября).

Теперь Мантейфель думалъ добиться согласія Австріи на мирное и согласное съ интересами Пруссіи рѣшеніе важнѣйшихъ общегерманскихъ вопросовъ. Пруссія все еще не отказывалась отъ мысли, что германскій союзъ, въ прежнемъ его видѣ, не можетъ быть восстановленъ и что организація общаго союза, построеннаго на началахъ конфедеративныхъ, не исключаетъ возможности образованія въ предѣлахъ его тѣснѣйшаго союза. Затѣмъ, по мнѣнію прусскаго кабинета, разрѣшеніе голштинскаго и кургессенскаго вопросовъ не могло быть предоставлено собранію, называвшему себя франкфуртскимъ сеймомъ и въ которомъ Австріи имѣла рѣшительное преобладаніе. Въ виду этихъ соображеній, Мантейфель обратился къ Шварценбергу съ слѣдующимъ предложеніемъ. Представители обѣихъ дер-

жавъ имѣють съѣхаться для свиданія и соглашенія въ Ольмиуцѣ ⁴⁾. При будущемъ соглашеніи предполагалось имѣть въ виду слѣдующія условія: 1) устройство союза должно быть обсуждено на особыхъ конференціяхъ; 2) всѣмъ германскимъ государствамъ должно предоставить право тѣснѣйшаго соединенія между собою въ предѣлахъ союза; 3) Кургессенъ долженъ быть занятъ совместно войсками Австріи и Пруссіи; 4) гольштинскій вопросъ долженъ быть обсужденъ на особыхъ конференціяхъ. Такова была инструкція, данная Мантейфелю, при отправленіи его въ Ольмиуцъ.

Свиданіе состоялось 28-го ноября. 28-е и 29-е прошли въ совѣщаніяхъ, результатъ которыхъ былъ крайне неблагопріятенъ для Пруссіи. Кургессенскій вопросъ былъ переданъ на обсужденіе союзному правительству, а впредь до образованія его, Пруссія обязалась не препятствовать австро-баварской экзекуціи, возстановлявшей курфирста. Въ Гольштицію положено отправить австрійскаго и прусскаго комиссаровъ, которые должны были прекратить военныя дѣйствія подъ страхомъ экзекуціи. Единственный пунктъ, удостоившійся одобренія князя Шварценберга, касался созванія конференціи для обсужденія союзной конституціи.

Конференція собралась въ Дрезденѣ 23-го декабря 1850 года и продолжала свои работы до 12-го мая 1851 года. Врядъ ли слѣдуетъ останавливаться на ея исторіи. Всѣ совѣщанія, споры, проекты, противупроекты, поправки и т. д., привели къ тому, что правительства согласились возстановить старый союзъ, съ прежнимъ его устройствомъ. 14-го мая прусскій уполномоченный, генеральъ Роховъ, занялъ свое мѣсто во Франкфуртѣ. Съ нимъ пріѣхалъ, въ качествѣ перваго секретаря посольства, г. фонъ-Бисмаркъ. Разказываютъ, что когда онъ явился къ послу первенствующей державы, графу Тупу, послѣдній принялъ его сидя, продолжалъ важно курить сигару, и даже не пригласилъ гостя сѣсть. Бисмаркъ спокойно вынулъ сигару и сказалъ графу: „Darf ich um Feuer bitten, Excellenz!“ Графъ смутился, подалъ огня и началъ разговоръ съ гостемъ.

Таковъ, если вѣрить біографу, былъ первый шагъ молодаго дипломата въ мѣстѣ, гдѣ онъ ближе всего могъ узнать истинныя пружины австрійской политики и ея отношенія къ Пруссіи. Эта школа была въ высшей степени поучительна, тѣмъ болѣе, что она продолжалась

⁴⁾ Окружной городъ въ Моравіи, крѣпость.

долго. Через три мѣсяца послѣ своего назначенія, Бисмаркъ смѣнилъ Рохова въ качествѣ посла и сохранилъ это званіе до событій 1859 года.

II.

Разрѣшеніе датскаго вопроса. — Его сущность. — Политика сейма относительно положенія герцогствъ въ Даніи. — Лондонскій протоколъ. — Кургессенское столкновение. — Союзная экзекуція. — «Политическій комитетъ» и его дѣятельность. — Отмѣна Австрійской конституціи и централизационная политика Шварценберга и Баха. — Таможенный вопросъ. — Намѣренія Австріи и причины несогласія Пруссіи. — Австрійская агитація между союзными государствами. — Конференціи и ихъ неудачи. — Торговый трактатъ 19-го февраля 1853 г. и его значеніе. — Заключеніе. — Признаки новаго времени. — Крымская война.

Два года нужно было князю Шварценбергу и его союзникамъ для подавленія остатковъ движенія 1848 года. Въ маѣ 1849 года Франкфуртское собраніе превратилось въ „охвостье“ (Rumpfparlament), докопчившее свое жалкое существованіе въ Штутгардѣ только въ маѣ 1851 года. Сеймъ снова вступилъ въ свои права. Съ тѣмъ большею ревностію приступилъ теперь сеймъ къ разрѣшенію внутреннихъ и частныхъ вопросовъ въ смыслѣ общихъ началъ политики Шварценберга. На очереди стояли вопросы Гольштинскій и Кургессенскій.

Гольштинскій вопросъ, какъ мы видѣли, представлялся наиболѣе сложнымъ. Его нельзя было признать *только* внутреннимъ вопросомъ Германскаго союза. Европейскія державы, опредѣлившія нѣкогда *территориальный объемъ* Датской монархіи, имѣли право требовать, чтобы онъ не видоизмѣнялся безъ ихъ согласія. Это требованіе опиралось на начала международнаго права, выразившіяся въ трактатахъ вѣнскаго конгресса. Слѣдовательно, опредѣленіе принадлежности или отдѣленіе герцогства отъ Даніи не подлежало компетенціи сейма. Но трагическая сторона Датскаго вопроса, — сторона, ярко выступившая въ 1848 году, — состояла въ томъ, что начала стараго международнаго права, освященныя вѣнскимъ конгрессомъ, столкнулись съ новыми требованіями, которыя не только не были приняты въ расчетъ дипломатами 1851 года, но считались продуктомъ революціонныхъ измышленій. Система, созданная трактатами вѣнскаго конгресса, носитъ названіе системы *политическаго равновѣсія*. Этимъ терминомъ прикрывается начало, прямо противоположное началу *народности*, какъ нормальной основѣ государства, которое, по идеѣ своей, есть не что иное, какъ внѣшняя организація опредѣленной національности. Дипломаты вѣнскаго конгресса, увлекаясь невозможною цѣлью

установить механическое равновѣсіе между главными, по крайней мѣрѣ, державами Европы, для предотвращенія гегемоніи одной изъ нихъ, создали систему *искусственныхъ* государствъ, нисколько не соображаясь съ естественными стремленіями народностей. Вѣнскій конгрессъ размежевывалъ разныя земли, вовсе забывая о томъ, что съ землею размежевывались люди, имѣвшіе свои преданія, свои симпатіи и антипатіи. Эта ошибка дала себя почувствовать въ 1848 году, когда народы заявляли или о своемъ *различіи*, какъ въ Австріи, или о своемъ *единствѣ*, какъ въ Италіи. Въ такомъ же положеніи находились и герцогства. Но здѣсь, какъ мы видѣли выше, столкновение національнаго принципа съ старыми преданіями явилось въ довольно оригинальной формѣ. Германскій союзъ ничего не имѣлъ противъ внѣшняго соединенія герцогствъ съ Датскою короною, лишь бы *внутреннее* ихъ устройство было согласно съ мѣстными привилегіями. Соединеніе это могло бы продолжаться вѣчно, если бы датское правительство рѣшилось бережно охранять полуфеодалныя привилегіи Шлезвигъ-Гольштейна и, впрочемъ, еслибы существовавшее различіе въ законахъ о престолонаслѣдіи не влекло за собою сложный территоріальный вопросъ. Но демократическій духъ датскаго народонаселенія, характеръ Фридриха VII, согласный съ характеромъ его народа, шли въ разрѣзъ съ строго-аристократическими учрежденіями и убѣжденіями герцогствъ. Затѣмъ, какаѣ судьба ожидала герцогства въ ту минуту, когда бездѣтный представитель царствовавшаго дома, Фридрихъ VII, сойдетъ въ могилу? Если законы о престолонаслѣдіи останутся неизмѣненными, — Даніи грозило распаденіе. Поэтому, со стороны датскаго правительства было понятно стремленіе ввести герцогства въ общій составъ датской монархіи. Но этотъ результатъ противорѣчилъ интересамъ Германіи. Допустить инкорпорацию герцогствъ, значило отказаться на всегда отъ очень важной части германской территоріи. Но какъ предупредить подобный исходъ, въ виду возможнаго вмѣшательства прочихъ европейскихъ державъ? Этотъ вопросъ остался не разрѣшеннымъ до событій 1851 года, когда онъ разрѣшился не въ пользу Германіи.

На первый разъ сеймъ, руководимый Австріей, вознамѣрился покончить съ *внутренними* отношеніями Гольштейна къ Даніи. Союзнымъ комиссарамъ поручено было, такъ сказать, усмирить Гольштейнъ и водворить въ немъ повиновеніе законному правительству. Они прибыли сюда еще въ январѣ 1851 года. Въ теченіе года они возстановили старый порядокъ и 18-го января 1852 года передали управ-

леніе въ руки датскаго правительства. Предрѣшеніе же дальнѣйшей судьбы Даніи сдѣлалось предметомъ совѣщанія и соглашенія первенствующихъ европейскихъ державъ. 8-го мая 1852 года уполномоченные Австріи, Англіи, Франціи, Россіи и Швеціи подписали въ Лондонѣ трактатъ ¹⁾, въ силу котораго герцогства признавались неразрывно связанными съ датскою короною. На случай бездѣтной кончины короля Фридриха VII, наследованіе переносилось на принца Христіана Глюксбургскаго ²⁾ и его мужское потомство. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній и прусскій уполномоченный подписалъ этотъ трактатъ. Такимъ образомъ, сеймъ даже не былъ спрошенъ по вопросу, конечно, касавшемуся общихъ германскихъ интересовъ. Ниже мы увидимъ, какое употребленіе сдѣлалъ Бисмаркъ изъ этого обстоятельства.

Въ Кургессенѣ сеймъ поспѣшилъ сдѣлать употребленіе изъ ст. 26 и 56 В. З. А. ³⁾. Отказъ въ податяхъ былъ приравненъ къ мятежу и союзная экзекуція должда была возстановить порядокъ. Въ заключеніе сеймъ принялъ къ своему разсмотрѣнію конституціонные законы курфиршества, причемъ подвергъ пересмотру не только законы, изданные въ 1848 и 1849 годахъ, но и признанную всѣми конституцію 1831 года. Вся совокупность этихъ законовъ была признана несогласною съ монархическимъ принципомъ; союзнымъ постановленіемъ конституція 1831 года, со всѣми послѣдовавшими къ ней дополненіями, отмѣнена (27-го марта 1872 года) и курфирсту дано на волю издать новую, болѣе приличную обстоятельствамъ и духу союзаго устройства.

Не ограничиваясь этими частными мѣрами, сеймъ рѣшился подвергнуть пересмотру всѣ условія политическаго быта въ Германіи. Слѣдственныя комиссіи, временъ Меттерниха, служили въ этомъ отношеніи образцомъ. Въ средѣ сейма былъ образованъ особый „политическій комитетъ“, которому поручено было привлечь, такъ сказать, къ суду и слѣдствію все, что произошло въ Германіи съ 1848 года. Комитету представлялась большая жатва, такъ какъ 1848 годъ оставилъ ему обильный посѣвъ. Въ каждомъ Германскомъ государствѣ онъ произвелъ болѣе или менѣе существенныя измѣне-

¹⁾ Известный подъ именемъ *Лондонскаго протокола*.

²⁾ Принцъ Христіанъ (1818), сынъ герцога Фридриха-Вильгельма Гольштейнъ-Глюксбургскаго, женился на принцессѣ Луизѣ, дочери ландграфа Вильгельма Гессенскаго и жены его Луизы-Шарлоты, рожденной принцессою Датскою, дочерью короля Христіана VIII, т. е., сестры Фридриха VII.

³⁾ См. выше, глава вторая, II.

нія. Вопервыхъ, чтобы начать съ общихъ вопросовъ, франкфуртское собраніе оставило въ наслѣдство всему Германскому народу его „основныя права“. Нѣкоторыя государства признали силу этого законодательнаго акта. По предложенію политическаго комитета, сеймъ отмѣнилъ его обязательную силу (23-го августа 1851 года). Въ тотъ же день сеймъ принялъ другое предложеніе, въ силу котораго союзныя правительства приглашались къ тщательному пересмотру всѣхъ измѣненій, послѣдовавшихъ, въ 1848 году, въ государственномъ законодательствѣ, и къ отмѣнѣ ихъ, если они не согласны съ „общимъ духомъ“ союзнаго устройства. Весьма многія правительства отвѣчали на этотъ призывъ полнымъ согласіемъ. Одни произвели соотвѣствующія измѣненія своею силою, другія — при помощи сейма.

Но самая радикальная перемѣна была осуществлена австрійскимъ правительствомъ. Постановленіе сейма облегчало его задачу — покончить со всѣми остатками недавняго движенія. Такимъ „остаткомъ“ была конституція Австрійской имперіи, октроированная Францомъ-Иосифомъ въ 1849 году. Кабинетъ князя Шварценберга поспѣшилъ исполнить приглашеніе сейма и конституція была отмѣнена (31-го декабря 1851 года). Мы видѣли, что она была результатомъ такъ называемой Кремзирской программы, общемою цѣлью которой было признано уничтоженіе мѣстной самостоятельности областей. Нарушеніе правъ отдѣльныхъ народностей въ 1849 году было прикрито либеральными формами, конечно, не способными замѣнить для націй ея самобытность. Теперь и это было отнято у народовъ Австрійской имперіи. Началомъ правительственной программы провозглашена была строгая централизація. Дѣйтельными проводниками этихъ началъ сдѣлались князь Шварценбергъ, умершій въ 1852 году, и Бахъ ¹⁾. Дѣятельность послѣдняго наполняетъ періодъ времени съ 1852 по 1859 годъ, когда высшія обстоятельства принудили Австрію усвоить другую политическую систему.

Такимъ образомъ, Австрія была реставрирована въ полномъ смыслѣ слова. Внутри она возвратилась къ политическимъ формамъ, завѣщаннымъ княземъ Меттернихомъ; она сдѣлала даже шагъ впередъ сравнительно съ системою 1815—1848 гг. Революціонное движеніе принесло реакціи великую пользу въ томъ смыслѣ, что теперь она могла сбросить послѣднюю задержку абсолютизма — мѣстныя

¹⁾ Бахъ (род. въ 1813 году) сдѣланъ министромъ внутр. дѣлъ въ 1849 году; вышелъ въ отставку въ 1859 году.

особенности, признававшіяся еще, хотя въ видѣ мертвой буквы. Реакціонное движеніе выдвинуло вполне идею централизованнаго государства. Опираясь на свою преобразованную силу, австрійскій кабинет снова могъ получить преобладающее значеніе въ Германіи вообще и во Франкфуртскомъ сеймѣ въ особенности. Подъ его вліяніемъ сеймъ продолжалъ работу, начатую въ 1851 году. Преслѣдованіе всякаго движенія въ національномъ смыслѣ сдѣлалось главною его задачею. Особенною рѣшительностью отличались мѣры сейма противъ печати и ассоціацій.

Сильная внутри и вліятельная извнѣ, Австрія могла теперь попытаться одержать побѣду надъ своею соперницею въ такой области, гдѣ послѣдняя до сихъ поръ имѣла верхъ. Именно, еще въ 1849 г. австрійскій кабинетъ задумалъ ввести свое государство въ составъ Германскаго *таможеннаго союза*. Обстоятельства, повидимому, благоприятствовали этому намѣренію. Министерство торговли было ввѣрено одному изъ способнѣйшихъ государственныхъ людей, какіе когда либо занимали мѣсто въ австрійской администраціи, именно—барону *Бруку*. Личные таланты и обширное образованіе дали ему возможность обновить финансовую администрацію Австріи началами, соответствующими духу и потребностямъ времени. Онъ могъ устранить, и во многихъ отношеніяхъ устранилъ, важное препятствіе къ вступленію Австріи въ составъ таможеннаго союза—отсталость ея торговаго законодательства. Присоединеніе Австріи къ союзу, разсматриваемое съ чисто коммерческой точки зрѣнія, представляло теперь многія выгоды для всей Германіи. Обширная и богатая страна являлась сама по себѣ выгоднымъ рынкомъ. Кромѣ того, она обладала выгодными гаванями, открывавшими широкій доступъ ко всемірной торговлѣ на Средиземномъ морѣ. Но смыслъ, приданный Австріею этому намѣренію, и весь образъ ея дѣйствій, не зависѣвшій, разумѣется, отъ Брука, сразу возбудилъ цедовѣріе Пруссіи.

Срокъ двѣнадцатилѣтняго періода таможеннаго союза истекалъ въ 1853 г. Къ этому времени австрійское правительство думало приготовить новую его организацію, построенную на совершенно иныхъ началахъ. Мы видѣли выше, что Цолльферейгъ былъ дѣйствительно „тѣснѣйшимъ союзомъ въ союзѣ“, -- союзомъ организованнымъ, правда, въ виду *одной* практической цѣли, но выдѣлявшимся изъ прочихъ учреждений общаго союза. Онъ былъ основанъ на частномъ соглашеніи германскихъ правительствъ, добровольно присоединившихся къ прусской таможенной системѣ. Онъ былъ единственною

областью, гдѣ Пруссія занимала первенствующее положеніе, уступая Австріи первенство въ общесоюзныхъ дѣлахъ. Мало того. Таможенный союзъ, полный жизни и надеждъ, являлся въ глазахъ Пруссіи надежнымъ основаніемъ и поводомъ къ дальнѣйшей организаціи „союза въ союзѣ“, какъ это и доказала недавняя исторія уніи, при учрежденіи которой Пруссія очевидно руководилась примѣромъ Цолльферейна. Сдѣлать изъ него учрежденіе общесоюзное, придаточное установленіе къ сейму, очевидно, было не въ интересахъ Пруссіи. Хлопотать о преобразованіи и улучшеніи стараго союза и сейма, на который она послала своего уполномоченнаго не особенно охотно, не входило теперь въ ея планы. Мы увидимъ ниже, что Пруссія держалась въ сторонѣ отъ всѣхъ плановъ преобразованія союза, потому что видѣла несостоятельность самыхъ его началъ. Ея политика сдѣлалась элементомъ *разложенія* союзнаго устройства, которое въ теченіе пятидесятихъ годовъ доставило ей столько горя. Могла ли она отдать сейму самое дорогое чадо своей политики? Между тѣмъ австрійскій кабинетъ рѣшился преобразовать таможенный союзъ именно въ послѣднемъ смыслѣ. Въ 1850 г. онъ обратился съ своимъ предложеніемъ не къ таможенному правительству, а къ *сейму*, приглашая его исполнить требованіе извѣстной намъ XIX-й статьи Союзнаго акта. Пруссія, очевидно, должна была отнестись къ этому предложенію враждебно. Во первыхъ, въ 1850 г. сеймъ еще не имѣлъ легальнаго существованія; во Франкфуртѣ засѣдалъ чрезвычайный *plenim*, не признанный Пруссією. Поэтому австрійская нота имѣла характеръ агитаціи между правительствами, и безъ того враждебно расположенными къ берлинскому двору. Поэтому, въ теченіе 1850 г. всѣ попытки сблизиться съ прусскимъ правительствомъ остались тщетными. Оба правительства приготовлялись къ борьбѣ. Австрія старалась устранить указанныя Пруссією препятствія ко вступленію ея въ таможенный союзъ и поддерживать между германскими правительствами сильное раздраженіе противъ своего врага. Пруссійскій кабинетъ смотрѣлъ однако на эту агитацію довольно спокойно. Какъ ни сильно было неудовольствіе, вызванное его политикою въ 1849 г., но экономическіе интересы, связывавшіе его съ членами союза, были слишкомъ крѣпки, чтобы послѣдніе рѣшились порвать ихъ ради отвлеченныхъ политическихъ цѣлей.

Ходатайство Австріи повело, однако, къ тому, что южногерманскія государства рѣшились настаивать на вступленіи ея въ союзъ (7-го іюня 1851 г.). Тогда прусскій кабинетъ прибѣгнулъ къ рѣши-

тельной мѣрѣ. Мы видѣли, что нѣкоторые сѣверогерманскія государства (Ганноверъ, Ольденбургъ и т. д.) составили особый отъ Цольферейна союзъ, извѣстный подъ именемъ *Steuerverein'a*. Примечь эту группу государствъ къ таможенному союзу было не менѣе выгодно и важно, чѣмъ включить въ его составъ области Австрійской имперіи. 7-го сентября 1851 г. Пруссія заключила съ ними договоръ, составленный на выгодныхъ для нихъ условіяхъ, и затѣмъ объявила членамъ союза, что она готова возобновить таможенный договоръ на новый срокъ подъ условіемъ включенія въ составъ союза названныхъ государствъ.

На первый разъ эта мѣра доставила новое оружіе австрійскому кабинету. Договоръ 7-го сентября былъ заключенъ безъ предварительнаго соглашенія съ членами Цольферейна—явное доказательство прусскаго самовластія! Какое право имѣетъ берлинскій дворъ принимать однихъ, исключать другихъ, и притомъ первенствующихъ членовъ союза? Германскимъ государствамъ было поставлено на видъ, что Австрія сдѣлала все, что нужно для экономическихъ выгодъ Германіи. Новый, болѣе либеральный тарифъ обнародованъ (25-го ноября); таможенная линія между австрійскими землями и Венгріею уничтожена. Въ началѣ 1852 г. члены Цольферейна получили приглашеніе прислать уполномоченныхъ въ Вѣну для включенія Австріи въ составъ союза. Пруссія и на этотъ разъ отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. Она готова была выслушать предложенія Австріи, но не прежде, чѣмъ таможенный союзъ организуется на новый срокъ, со включеніемъ *Steuerverein'a*. Съ своей стороны, она пригласила членовъ союза на конференцію въ Берлинъ.

Они явились съ предложеніями, доказывавшими, что ихъ намѣренія не измѣнились. Нѣкоторые государства (Баварія, Саксонія, Виртембергъ, Кургессенъ, Гессенъ-Дармштадтъ, Нассау и Гамбургъ), на предварительныхъ совѣщаніяхъ въ Дармштадтѣ и Бамбергѣ, рѣшились поддерживать требованія Австріи. Они доказывали въ Берлинѣ, что рѣчь идетъ теперь не о *возобновленіи* таможенного договора на новый срокъ, а объ учрежденіи *новаго* союза. Сама Пруссія, говорили они, подала поводъ къ такой постановкѣ вопроса, самовольно заключивъ договоръ 7-го сентября. Пруссія прервала дальнѣйшія совѣщанія, отсрочивъ ихъ до августа (апрѣль 1852 г.). Въ теченіе этого времени тонъ австрійской политики нѣсколько измѣнился. Князь Шварценбергъ умеръ 5-го апрѣля 1852 года; съ нимъ исчезло безу-

словно враждебное настроеніе противъ Пруссіи, выразившееся въ извѣстной его фразѣ: „il faut avilir la Prusse et après la démolir“. Кромѣ того интересы торговли страдали отъ всеобщей неизвѣстности относительно судьбы таможенного союза. Какъ ни сильно были раздражены политическія страсти разныхъ кабинетовъ, они должны были уступить экономическимъ нуждамъ народовъ. Августовскія конференціи членовъ союза открылись при лучшихъ условіяхъ. Теперь никто не возбуждалъ рѣчи о „новомъ Цолльферейнѣ“. Защитники австрійскихъ интересовъ говорили только о желательности *особаю* торговаго трактата съ Австріею, выгоднаго для обѣихъ сторонъ. Трудно предположить, чтобы прусскій кабинетъ въ глубинѣ души былъ противъ такого компромисса. Эта сдѣлка сохраняла таможенный союзъ въ прежнемъ его видѣ и смыслѣ; Австрія заключала торговый трактатъ въ качествѣ посторонней союзу державы и не видоизмѣняла, поэтому, первенствующаго положенія Пруссіи въ Цолльферейнѣ. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени, она согласилась на подобный исходъ таможенного кризиса. Но въ данную минуту она не могла принять предложенія союзныхъ державъ, въ виду невыгодной для нея постановки вопроса. Договоръ съ Австріею могъ быть принятъ ею въ качествѣ добровольной, но не вынужденной подъ давленіемъ нѣсколькихъ державъ, уступки. Конференціи и на этотъ разъ кончились безуспѣшно. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло въ непрерывныхъ колебаніяхъ, вызвавшихъ страшные кризисы въ торговомъ мірѣ. Наконецъ Австрія рѣшилась избрать единственно возможный для нея путь, а именно, путь непосредственныхъ сношеній съ прусскимъ дворомъ. Брукъ началъ дѣятельные переговоры и подготовилъ свиданіе двухъ монарховъ, Франца-Иосифа и Фридриха-Вильгельма, которое и состоялось въ Берлинѣ (февраль 1853 г.). Результатомъ этого свиданія былъ торговый договоръ между Австріею и Пруссіею 19-го февраля 1853 года. Теперь ничто не препятствовало прочимъ державамъ возобновить таможенный союзъ. Одинъ кабинетъ за другимъ заявлялъ Пруссіи о своемъ согласіи и союзъ былъ возобновленъ на новыя 12 лѣтъ, то-есть, до 1865 года.

Договоръ 19-го февраля былъ дѣйствительнымъ компромиссомъ между двумя соперниками. Въ немъ нельзя видѣть ни особеннаго успѣха Пруссіи, ни торжества Австріи. Пруссія устранила невыгодную для нея *постановку* вопроса и несогласную съ ея интересами *форму* возобновленія таможенного союза. Но такъ или иначе, она при-

соединила Австрію къ области этого союза. По формѣ своей, договоръ 19-го февраля былъ трактатомъ между двумя посторонними государствами; но по содержанию онъ соответствовалъ началамъ условий, на которыхъ держался Цолльферейнъ. Одна изъ статей его (25-я) предвѣщала даже возможность органическаго сліянія Австріи съ таможеннымъ союзомъ. Съ другой стороны, Австрія не достигала своей цѣли — сдѣлать изъ Цолльферейна органическое установленіе при сеймѣ и лишить Пруссію разъ занятаго ею положенія. Въ этомъ отношеніи политика князя Шварценберга потерпѣла полное крушеніе. Но договоръ 1853 года доставилъ ей болѣе выгодное положеніе сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда она вовсе была отстранена отъ экономическаго общенія съ Германією. Въ результатѣ можно сказать, что, въ политическомъ отношеніи, Пруссія, заключая договоръ 1853 года, только ничего не проигрывала, тогда какъ Австрія приобрѣтала извѣстныя выгоды, которыя она могла въ послѣдствіи развить и увеличить.

Въ общемъ итогѣ поле битвы осталось пока за Австрією. Народныя движенія внутри имперіи были подавлены, казалось, на долго. Въ Германіи сеймъ былъ послушнымъ орудіемъ ея политики. Внѣшнія сношенія были вполнѣ удовлетворительны. Первенствующій кабинетъ на востокѣ Европы, русскій кабинетъ, видѣлъ въ Австріи главную основу европейскаго мира и порядка. Какъ воспользуется она своимъ первенствомъ и сколько времени продолжится оно?

Политическая исторія второй половины XIX столѣтія шла быстро. Система „равновѣсія“ явно отживала свой вѣкъ и новыя требованія, заявляемыя новыми силами, явились на свѣтъ. На французскомъ престолѣ сидѣлъ человекъ, громко заявившій о своей „ненависти“ къ трактатамъ 1815 года и вынужденный самымъ своимъ положеніемъ призвать себя на помощь начало, паружно побѣжденное въ 1849 году — начало народности. Національное движеніе въ Италіи далеко не прекратилось послѣ побѣдъ Радецкаго и репрессивныхъ мѣръ Фердинанда Неаполитанскаго. Агитаціи дѣйтельно продолжалась, и въ 1850 году пашла себѣ новый и прочный центръ. Въ этомъ году молодой Сардинскій король, Викторъ Эммануилъ, призвалъ въ свой кабинетъ графа Кавура, который скоро показалъ, какъ государственный человекъ долженъ пользоваться здоровыми общественными движеніями. Скоро между нимъ и главными двигателями національнаго единства — Маниномъ, Ла-Фаринюю, Паллавичини и друг., установились постоян-

ныя сношенія. Наконецъ, возникалъ снова восточный вопросъ — это вѣчное пугало западно-европейскихъ государствъ. При такихъ обстоятельствахъ, нельзя было ограничиваться тѣми отрицательно-дипломатическими мѣрами, которыя составляли отличительный признакъ политики Меттерниха.

Не успѣлъ австрійскій кабинетъ кончить важный для него таможенный вопросъ, какъ вниманіе не только его, но и всѣхъ европейскихъ дворовъ должно было обратиться на востокъ. Лѣтомъ 1853 года началась война между Россією и Турцією, перешедшая затѣмъ въ европейскую войну. Здѣсь не мѣсто слѣдить за всѣми фазисами этой несчастной, но не безславной для насъ борьбы. Цѣль этого труда заставляеть насъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи Германіи къ событіямъ 1853—1856 гг. Державою, наиболѣе заинтересованною въ исходѣ восточнаго вопроса, была, конечно, Австрія. Остальная Германія, не смотря на возгласы многихъ ея публицистовъ о необходимости „униженія“ Россіи, врядъ ли была близко заинтересована судьбою „больнаго человѣка“. Изъ всѣхъ германскихъ государствъ наименѣе, въ данномъ случаѣ, затрогивались интересы Пруссіи.

Такимъ образомъ, по самому положенію вещей, Австрія одна должна была принять участіе въ великой борьбѣ. Въ виду ея географическаго положенія, даже нельзя было отрицать ея *права* на это участіе. Все зависѣло, однако, отъ его *формы*. Австрійскій кабинетъ могъ вступить въ непосредственныя сношенія съ русскимъ правительствомъ, заботиться о своихъ интересахъ, затронутыхъ войною и занятіемъ Дунайскихъ княжествъ, и стремиться къ совмѣстному и согласному съ выгодами обоихъ государствъ разрѣшенію вопроса. Но австрійскій кабинетъ счелъ за лучшее поставить вопросъ иначе. Изъ своихъ пограничныхъ интересовъ онъ сдѣлалъ общегерманское дѣло, но германскія правительства отозвались на этотъ призывъ не особенно сочувственно. Второстепенныя государства обнаруживали чувства, вовсе не враждебныя Россіи. Австрія добилаься только временнаго союза съ Пруссією, который, однако, прекратился послѣ того, какъ русскія войска очистили Дунайскія княжества (августъ 1854 г.). Послѣ того Австрія была совершенно изолирована въ Германіи и въ Европѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

„Министерство новой эры“.

I.

Перемѣна правленія въ Пруссіи.—Болѣзнь Фридриха-Вильгельма IV и назначеніе регента.—Личныя качества и политическія мнѣнія принца-регента.—Составъ новаго министерства.—Рѣчь принца.—Отношеніе Пруссіи къ германскимъ государствамъ.—Они выясняются во время итальянской кампаніи.—Австрія хочетъ сдѣлать защиту своихъ итальянскихъ интересовъ союзною обязанностью германскихъ государствъ.—Второстепенныя государства раздѣляютъ этотъ взглядъ.—Въ прусскомъ обществѣ высказываются другія воззрѣнія.—Письмо Бисмарка къ Шлейнницу.—Прусское правительство отвергаетъ мысль о «союзной обязанности» и желаетъ сохранить свободу дѣйствій.—Условія, предъявленныя сейму и Австріи.—Планы посредничества.—Мобилизація.—Предостереженіе Бисмарка.—Значеніе попытки прусскаго вмѣшательства.

Въ этой и слѣдующей главахъ будетъ идти рѣчь о длинной и сложной драмѣ, которая перешла, наконецъ, въ Шлезвигъ-Гольштейнскую трагедію, — прологъ ко всѣмъ другимъ трагедіямъ нашего времени. Трудно перечислить всѣ условія, всѣ внѣшнія и внутреннія событія, вліявшія на развитіе германскаго вопроса въ небольшой періодъ времени отъ 1858 до 1865 годовъ. Національное движеніе въ Италіи, быстрое развитіе политическихъ ассоціацій въ Германіи, борьба партій въ Пруссіи, видоизмѣнившіяся отношенія европейскихъ державъ, личныя качества государственныхъ людей,—все это должно быть принято въ соображеніе и выяснено, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ.

Прежде всего, необходимо остановиться, конечно, на положеніи страны, завоевавшей себѣ первенствующую роль въ Германіи и Европѣ, — на положеніи Пруссіи.

Вскорѣ послѣ заключенія Парижскаго мира, въ Пруссіи произошла важная перемѣна. Состояніе здоровья короля Фридриха-Вильгельма до такой степени ухудшилось, что еще въ 1857 г. онъ долженъ былъ поручить управленіе государствомъ своему брату—наслѣдному принцу; въ 1858 году принцъ, силою закона, былъ возведенъ въ званіе регента. Въ Пруссіи фактически началось новое царствованіе. Въ лицѣ принца-регента страна приобрѣтала правителя, съ личными качествами и убѣжденіями котораго она была давно знакома. Самъ принцъ не былъ въ томъ возрастѣ, когда убѣжденія еще составляютъ и видоизмѣ-

няются. Ему было 60 лѣтъ. Онъ прошелъ долгую карьеру въ прусскомъ войскѣ, начиная съ войны за освобожденіе 1813—1815 гг.

Личныя его убѣжденія вполне соответствовали сферѣ, въ которой онъ выросъ и дожилъ до старости. Онъ не любилъ „общаго отечества“ тою нѣсколько романтической любовью, какою отличался его братъ. Его не увлекали ни воспоминанія о „священной Римской имперіи“, ни пѣсни Арндта, ни „древности“ Гримма. Прежде всего, онъ былъ Пруссакъ, хотя сознавалъ обязанности Пруссіи по отношенію къ Германіи. Но это сознаніе не приводило его къ убѣжденію въ необходимости пожертвовать Пруссіею общему отечеству. Его постоянно занимала мысль, *какое мѣсто* займетъ Пруссія въ единой Германіи? И всѣ преданія подсказывали ему готовый отвѣтъ—положеніе это должно быть первенствующее. Занять и охранять это первенствующее положеніе казалось необходимымъ и для пользы Пруссіи, и для блага Германіи. Для достиженія этой цѣли ему казалось необходимымъ опереться на элементъ, который, какъ гласили преданія, создалъ Пруссію—элементъ военный. Преобразование и усиленіе арміи,—вотъ первая задача прусскаго правительства, и эту задачу онъ ясно выставилъ съ самаго вступленія своего въ управленіе.

Прочіе вопросы внутренней политики также были давно рѣшены въ области его убѣжденій. Можетъ быть, онъ не согласился бы на уступки, сдѣланныя его братомъ въ 1848 году. Но конституція была дана; онъ ей присягнулъ. Этимъ фактомъ опредѣлялась роль законнаго короля. Согласно съ своими убѣжденіями, онъ долженъ былъ стойко охранять и поддерживать конституціонныя прерогативы короны, не допуская новыхъ захватовъ со стороны палатъ. Но, съ другой стороны, необходимость требовала признать и права этихъ палатъ. Принцъ долженъ былъ выйти изъ того ненормальнаго положенія, въ какомъ находился, въ послѣднее время, его братъ, — признавать конституціонныя учрежденія и управлять страной чрезъ ультра-реакціонное министерство.

Первою мѣрою принца была отставка министерства Мантейфеля. Новый кабинетъ былъ составленъ изъ лицъ, способныхъ внушить довѣріе странѣ и палатамъ. Его называли министерствомъ новой эры. Мѣсто перваго министра занялъ бывший владѣтельный князь Антонъ Гогенцоллернъ-Зигмарингенскій ¹⁾. Министерство иностранныхъ дѣлъ

¹⁾ Изъ *Шаабской*, до 1849 г. владѣтельной, линіи Гогенцоллерновъ. Въ этомъ году Гогенцоллерны, по фамильному договору, уступили свои владѣнія прусскому

было вѣрено Шлейницу, внутреннихъ дѣлъ—графу Шверину, которые оба принадлежали къ либеральному лагерю ¹⁾). Прочіе члены кабинета также пользовались общимъ уваженіемъ ²⁾). Первое засѣданіе совѣта министровъ было открыто рѣчью, въ которой принцъ выяснилъ свою программу, вполне согласную съ его убѣжденіями. Онъ указывалъ на необходимость воинской реформы; армія одна можетъ поддержать достоинство Пруссіи въ рѣшительный моментъ. Въ иностранной политикѣ Пруссія должна сохранять дружбу со всѣми государствами, но дѣйствовать самостоятельно и независимо отъ постороннихъ вліяній. Въ Германіи она должна „дѣлать нравственные завоеванія, чрезъ мудрое законодательство у себя, чрезъ возвышеніе всѣхъ нравственныхъ элементовъ и пользованіе всѣми элементами *единства*, каковъ таможенный союзъ, нуждающійся, впрочемъ, въ реформѣ. Миръ долженъ знать, что Пруссія готова вездѣ защищать право. Твердый, послѣдовательный и, если нужно, рѣшительный образъ дѣйствій въ политикѣ, сопровождаемый благоразуміемъ и умѣренностію, должны доставить Пруссіи политическое уваженіе и могущество, которыхъ она не можетъ достигнуть одними своими матеріальными средствами“.

Эта рѣчь, конечно, не заключала съ себѣ всей правительственной программы, но достаточно ясно указывала на характеръ новой политики. Принцъ не обнаруживалъ никакихъ завоевательныхъ замысловъ, но заявилъ о намѣреніи не дѣлать и уступокъ тамъ, гдѣ было затронуто право Пруссіи. Это скоро обнаружилось въ большомъ столкновеніи съ Австріею по поводу Раштадта ³⁾).

дому. Князь Антонъ (род. 1811 г.) извѣстенъ былъ своимъ либеральнымъ направленіемъ.

¹⁾ Баронъ Шлейницъ (род. въ 1807 г.) и графъ Максимилианъ Шверинъ (1804—1872) оба принадлежали къ такъ называемой старо-либеральной партіи (въ отличіе отъ позднѣе образовавшейся «партіи прогресса»). Графъ Шверинъ былъ впоследствии однимъ изъ видныхъ членовъ оппозиціи противъ Бисмарка. Ему принадлежить знаменитое выраженіе, что по началамъ бисмарковской политики «сила идетъ впереди права», *Macht geht vor Recht*.

²⁾ Остальными членами министерства были: военный министръ—извѣстный намъ *Бонинъ*, народнаго просвѣщенія—знаменитый юристъ *Бетманъ-Гольвегъ*, министръ финансовъ—*Патовъ*. Въ помощь князю Гогенцоллерну назначенъ былъ испытанный и знаменитый на службѣ и какъ депутатъ Рудольфъ Ауэрвальтъ (1795—1866).

³⁾ По закону занятіе этой союзной крѣпости было предоставлено Австріи и Пруссіи. Но съ 1850 г. Австрія фактически занимала ее одна, а затѣмъestre-

Регентъ сказалъ нѣсколько опредѣленныхъ словъ о необходимости пользоваться „элементами единства“ и дѣлать извѣстныя „нравственныя“ завоеванія въ Германіи, но не выразилъ яснаго намѣренія преобразовать Германскій союзъ въ виду требованій національнаго единства. Мы увидимъ ниже, что Пруссія, до знаменитаго дня 14-го іюня 1866 года, постоянно держалась въ сторонѣ отъ преобразовательныхъ плановъ, усердно предлагавшихся другими государствами. Причину этого факта понять не трудно. Правительство, ставившее исходною точкою и цѣлью своей политики собственные интересы, не могло не понять, что союзныя учрежденія не дадутъ странѣ никакихъ выгодъ, что такъ называемыя союзныя обязанности, при добросовѣстномъ ихъ исполненіи, могутъ сдѣлаться тяжкимъ бременемъ, безъ всякаго вознагражденія, достойнаго великой державы. Какъ бы ни было преобразовано союзное устройство, оно не могло удовлетворить Пруссію, если начала его не дозволяли совмѣстить политики союзной съ ея собственными интересами, какъ великой европейской державы. О подчиненіи какой-то отвлеченной „центральной власти“, съ этой точки зрѣнія, не могло быть и рѣчи. Не могло быть рѣчи и о *принятіи* союзной власти *отъ Германіи*, въ качествѣ дара, налагавашаго тяжкія обязанности. Оставаясь на почвѣ *своей* государственной политики, Пруссія могла только *создать* союзъ, на своихъ условіяхъ, какъ нѣкогда былъ созданъ Цолльферейнъ. Вотъ почему Пруссія сохранила молчаніе или отвѣчала отказомъ въ то время, когда проекты слѣдовали за проектами, сходки за сходками, манифесты за манифестами. Въ данный часъ она вышла изъ своего затворничества во всеоружіи и шумъ рѣчей замѣнила громомъ пушекъ.

Отношенія Пруссіи къ союзу рельефно опредѣлились скоро послѣ того, какъ принцъ принялъ на себя обязанности регента, именно по поводу итальянской войны 1859 года. Война застала Австрію въ невыгодномъ положеніи. Она имѣла предъ собою арміи двухъ союзниковъ, изъ которыхъ одна считалась непобѣдимой. Русскій кабинетъ сохранилъ нейтралитетъ, неблагоприятный теперь для австрійскихъ интересовъ. Итальянскія правительства, состоявшія подъ опекой Австріи, не могли подняться противъ Піемонта; народное движеніе готово было унести эти престолы, которыми такъ долго приносилось въ жертву единство Италіи. При такихъ условіяхъ, Австрія

милась къ тому, чтобы сеймъ призналъ за нею исключительное право. Но Пруссія настояла на своемъ правѣ.

болѣе, чѣмъ когда нибудь, нужна была поддержка Германіи. Австрійскій кабинетъ, при первыхъ же признакахъ войны, постарался сдѣлать все, что нужно для отождествленія своихъ интересовъ съ интересами союза. Подручная журналистика проповѣдывала, а дипломаты писали, что посягательство на любую часть австрійской территоріи есть посягательство на безопасность и честь всего германскаго отечества. Часть Германіи легкомысленно и съ непонятнымъ повинизмомъ приняла эти увѣренія за чистую монету. Въ Баваріи, Виртембергѣ, Нассау, даже въ Ганноверѣ, поднялся всеобщій вопль о необходимости противопоставить франко-итальянской силѣ силу всего союза. Каждый, кто не сочувствовалъ австрійской политикѣ въ Италиі, объявлялся измѣнникомъ „общему отечеству“. Органомъ подобныхъ стремленій явились не только газеты, въ родѣ „Allgemeine Zeitung“, но и палаты разныхъ государствъ.

При такой постановкѣ вопроса, положеніе Пруссіи дѣлалось серьезно и затруднительно. Если защита Австріи въ Италиі объявлялась *союзною обязанностью*, Пруссія должна была покорно выставить свой контингентъ, лить кровь и тратить свое достоиніе, какъ и гдѣ это будетъ указано другими. Мало того, каждому, сколько нибудь дальновидному, политику было ясно, что при первомъ выстрѣлѣ союзныхъ войскъ на Рейнѣ итальянская война отступить на задній планъ и вся тяжесть военныхъ дѣйствій обрушится на Германію, и въ Германіи — на Пруссію, потому что Австрія, какъ это показалъ опытъ ея исторіи, всегда умѣла оставлять своихъ союзниковъ и разчитываться съ побѣдоноснымъ врагомъ средствами сосѣдей. Неудивительно, что прусское правительство и общество отнеслись къ союзной агитаціи скептически и недружелюбно. Замѣчательнѣйшіе умы разныхъ партій поняли одинаково ея ложь и одинаково взглянули на практическія задачи Пруссіи.

Въ этомъ отношеніи сошлись между собою Фердинандъ Лассаль и Бисмаркъ. Лассаль, въ своей брошюрѣ „Der italienische Krieg und die Aufgabe Preussens“, доказывалъ, съ свойственною ему энергіей, что задача Пруссіи состоитъ не въ подавленіи національнаго движенія въ Италиі, а въ признаніи начала народностей, опираясь на которое, она можетъ совершить свое призваніе въ Германіи. Пусть карта Европы передѣлывается, во имя національнаго принципа, на югѣ; это ослабитъ Австрію и дастъ возможность Пруссіи передѣлать сѣверъ Европы. Бисмаркъ, хорошо изучившій роль Австріи въ союзѣ и смыслъ самаго союза, открыто высказывалъ

свои симпатіи къ Италіи во Франкфуртѣ, гдѣ онъ былъ посломъ. Осторожный берлинскій кабинетъ перевелъ его въ Петербургъ (мартъ 1859 г.). Отсюда онъ написалъ, 12-го мая 1859 года, къ прусскому министру иностранныхъ дѣлъ Шлейницу знаменитое письмо (оно было опубликовано въ 1866 г.), въ которомъ настойчиво указывалъ на необходимость для Пруссіи воспользоваться современными обстоятельствами и разомъ измѣнить свое положеніе въ союзѣ.

Приведемъ здѣсь важнѣйшія его мѣста.

„Изъ восьмилѣтней службы во Франкфуртѣ я вынесъ, какъ результатъ моего опыта, убѣжденіе, что союзныя учрежденія составляютъ для Пруссіи обременительныя, а въ критическія времена опасныя оковы, не доставляющія намъ никакого эквивалента, какой Австрія, при несравненно большей свободѣ дѣйствій, извлекаетъ изъ нихъ. Обѣ великія державы измѣряются государями и правительствами меньшихъ государствъ не равною мѣрою; истолкованіе цѣлей и законовъ союза видоизмѣняется согласно потребностямъ австрійской политики...“ Затѣмъ, напоминая о поведеніи союза по важнѣйшимъ вопросамъ внѣшней и внутренней политики съ 1850 г., Бисмаркъ продолжаетъ: „мы постоянно имѣли противъ себя то же компактное большинство, то же притязаніе на уступчивость Пруссіи... Развитие союзныхъ отношеній съ австрійскимъ главенствомъ составило естественную цѣль нѣмецкихъ государей и ихъ министровъ; оно можетъ быть осуществлено въ ихъ духѣ только на счетъ Пруссіи и по необходимости направлено противъ нея, какъ скоро Пруссія не хочетъ ограничиваться выгодною задачею доставлять своимъ равноправнымъ сочленамъ гарантіи противъ чрезмѣрнаго преобладанія Австріи и, повинувся желаніямъ большинства, сносить несоотвѣтствіе своихъ правъ и обязанности съ неутомимою услужливостію. Это направленіе политики второстепенныхъ государствъ будетъ выступать послѣ каждаго переходящаго колебанія съ постоянствомъ магнитной стрѣлки, потому что оно не есть случайный продуктъ отдѣльныхъ условій или лицъ, но составляетъ естественный и необходимый результатъ союзныхъ отношеній для меньшихъ государствъ. *Мы не имѣемъ средствъ раздѣлаться съ нею прочно и удовлетворительно въ предѣлахъ существующихъ союзныхъ договоровъ*“.

Затѣмъ авторъ письма высказываетъ мысль, что современныя политическія условія представляютъ случай, какого, можетъ быть, никогда не представится, разрѣшить всѣ затрудненія въ пользу Пруссіи, и жалѣетъ объ уклончивости правительства.

„Я захожу“, продолжаетъ онъ „можетъ быть, слишкомъ далеко, выражая взглядъ, что мы должны бы пользоваться каждымъ законнымъ случаемъ, чтобы добиться такой перемены нашихъ взаимныхъ отношеній, въ какой нуждается Пруссія, дабы имѣть возможность жить съ меньшими государствами въ опредѣленныхъ отношеніяхъ. Я думаю, мы должны поднять добровольно перчатку и считать не несчастьемъ, но успѣхомъ кризиса, если большинство во Франкфуртѣ сдѣлаетъ постановленіе, въ которомъ мы найдемъ превышеніе его компетенціи, произвольное измѣненіе союзной цѣли и нарушеніе союзныхъ договоровъ. *Тѣмъ несомнѣннымъ обнаружится нарушеніе, тѣмъ мучше.* Мы не легко найдемъ опять въ Австріи, Франціи и Россіи болѣе благопріятныя условія для улучшенія нашего положенія въ Германіи, и наши сочлены по союзу сами готовы дать намъ законный въ тому предлогъ, если даже мы и не будемъ пособлять ихъ кичливости....

„Я боюсь, что вы, по поводу этого письменнаго набѣга въ область моей прежней дѣятельности, мысленно возгласите не *sator ultra speridam*¹⁾; но я и не хотѣлъ дѣлать должностнаго доклада, а желалъ только представить показаніе свѣдущаго челоуѣка противъ союза. Я вижу въ нашихъ союзныхъ отношеніяхъ болѣзнь Пруссіи, которую мы должны будемъ, рано или поздно, лечить *ferro et igni*, если не предпримемъ своевременнаго леченія въ благопріятную часть года. *Если бы союзъ съ настоящимъ время былъ только отмененъ*, то думаю я, что даже на основаніи этого отрицательнаго успѣха могли бы установиться болѣе благопріятныя отношенія Пруссіи къ ея сосѣдямъ, чѣмъ настоящія“.

Но подобные голоса были еще преждевременны для прусскаго правительства. Были только нѣкоторыя начала, отъ которыхъ оно рѣшилось не отступать. Оно готово было помочь Австріи даже путемъ вооруженнаго вмѣшательства; личные и письменные переговоры относительно условій этого вмѣшательства дѣятельно велись съ весны 1859 года. Но правительство не хотѣло признать такую помощь союзною обязанностью; оно не желало выставить своего контингента, какъ часть союзныхъ войскъ, и отдавать его подъ начальство главнокомандующему, назначенному не имъ. Вмѣшательство Пруссіи долженствовало быть вмѣшательствомъ великой и независимой европейской державы, вполнѣ свободной въ своихъ дѣйствіяхъ.

¹⁾ Поговорка, смыслъ которой соответствуетъ нашему: «всякъ сверчокъ знай свой шестокъ».

Такое направленіе правительства было поддержано и палатой. Министерство внесло предложеніе о чрезвычайномъ кредитѣ въ 40 мил. талеровъ на случай вооруженнаго виѣшательства (5-го мая 1859 года). Докладчикъ комиссіи, разсматривавшей этотъ вопросъ, Бюргерсъ, высказалъ тотъ взглядъ, что участіе Пруссіи въ итальянской войнѣ было бы гибельно для ея интересовъ, особенно въ виду положенія, принятаго Россією и Англією; но она обязана сказать свое слово, если война приметъ оборотъ, неблагоприятный интересамъ Германіи. Симсонъ заявилъ, что Пруссія обязана защищать цѣлость и безопасность Германіи, но что онъ и его друзья протестуютъ противъ ея участія въ итальянской войнѣ подъ предводительствомъ Австріи. Кредитъ былъ утвержденъ единогласно. Пруссія заявляла о своей готовности защищать Германію, но съ тѣмъ, чтобы германскія войска были отданы въ ея распоряженіе. Въ началѣ мая министерство начало одновременно переговоры съ германскими государствами и съ Австрією. Первымъ сообщалось о готовности Пруссіи стать на сторонѣ германскихъ интересовъ; второй внушалось, что прусское правительство готово будетъ оказать ей содѣйствіе, если она измѣнитъ свою реакціонную политику какъ въ итальянскомъ, такъ и въ другихъ вопросахъ. И тамъ, и здѣсь Пруссія встрѣтила противодѣйствіе. Второстепенныя государства высказались противъ прусскаго руководства и устами главнаго органа своего, Бейста, ратовали за самостоятельность своей политики. Австрійскій кабинетъ на отрѣзъ отказался отъ какихъ бы то ни было уступокъ и выразилъ подозрѣніе относительно стремленій Пруссіи къ преобладанію.

При такихъ условіяхъ самое „виѣшательство“ Пруссіи должно было превратиться въ безплодную демонстрацію. Между тѣмъ Пруссія, по принципу, не отступила отъ попытокъ этого рода. Въ іюнѣ успѣхи франко-итальянскаго оружія приняли угрожающіе размѣры. Миланъ былъ взятъ и принялъ торжественно союзниковъ. Австрійскій кабинетъ обнаружилъ нѣкоторую уступчивость относительно своей итальянской политики. Прусское правительство издало предписаніе о мобилизаціи шести корпусовъ, заявило дворамъ петербургскому и лондонскому о необходимости посредничества и обратилось къ сейму съ предложеніемъ поставить на военную ногу весь союзный контингентъ, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ отданъ подъ главное начальство Пруссіи. Но эта демонстрація не имѣла успѣха, благодаря новому упорству Австріи. Англія и Россія отклонили отъ себя предложеніе. Австрія увидѣла въ требованіи главнаго начальства надъ союзными войсками новое посягательство прусскаго двора и отвѣтила рѣзкою нотой, гдѣ

доказывалось, что Пруссія обязана, въ качествѣ члена союза, гарантировать Австріи цѣлость ея итальянскихъ владѣній. Съ этого момента „посредничество“ теряло всякій смыслъ. Пруссія, очевидно, не знала, что ей дѣлать съ мобилизованными корпусами. Это весьма хорошо понялъ Бисмаркъ, написавшій къ одному дипломату слѣдующее письмо, отъ 1-го іюля 1859 года:

....„Наша политика до настоящаго времени была правильна (korrekt), но я съ опасеніемъ смотрю на будущее: мы вооружились слишкомъ скоро и слишкомъ сильно и тяжесть принятаго нами бремени влечетъ насъ внизъ по наклонной плоскости. Мы начнемъ наконецъ войну, чтобы занять ландверъ, потому что мы стѣсняемъ просто отослать его домой. Мы будемъ тогда не только австрійскимъ резервомъ, — мы пожертвуемъ собою за Австрію, возьмемъ отъ нея войну. Съ первымъ выстрѣломъ на Рейнѣ, нѣмецкая война сдѣлается главнымъ предметомъ, такъ какъ она грозитъ Парижу. Австрія выйдетъ на волю и воспользуется ли она своею свободой, чтобы содѣйствовать блеску нашей роли? Не будетъ ли она скорѣе стремиться къ тому, чтобы урѣзать мѣру и направленіе нашихъ успѣховъ, согласно специально австрійскимъ интересамъ? Въ случаѣ же неудачи, союзныя государства отпадутъ отъ насъ, какъ увидѣши слышны отъ вѣтру, и каждый, въ чьей столицѣ будетъ французскій построй, станетъ спасаться на паромѣ новаго рейнскаго союза“....

Но опасенія „наклонной плоскости“ не оправдались. Упрямство Австріи спасло Пруссію отъ европейской войны. Новые переговоры, начатыя въ іюль, не привели къ удовлетворительнымъ результатамъ. Австрія уступила Ломбардію и поспѣшила заключить миръ, осыпая упреками своекорыстіе Пруссіи.

Вмѣшательство Пруссіи не было, конечно, мастерскимъ дипломатическимъ актомъ. Оно было построено цѣликомъ на ложныхъ основаніяхъ. Оно исходило изъ весьма проблематической солидарности австрійскихъ интересовъ въ Италіи съ интересами Германіи. Псевдо-патріотическіе крики германской печати, странное пастроеіе германскихъ государствъ, поддерживаемое Австрію, заставило Пруссію взяться за исполненіе какого-то патріотическаго долга, смыслъ котораго оставался неясенъ для дѣйствительныхъ патріотовъ. Вся Германія попала въ весьма ложное положеніе. Ложь этого положенія отразилась и на Пруссіи. Но въ данномъ случаѣ нельзя не замѣтить рѣзкой черты различія между политикою новаго и прежняго правительства. Во всѣхъ переговорахъ и дѣйствіяхъ его видно

рѣшительное намѣреніе обсуждать всѣ вопросы внѣшней политики съ точки зрѣнія прусскихъ интересовъ. Правительство беретъ за общегерманское дѣло съ тѣмъ, чтобы за Пруссією была сохранена полная свобода дѣйствій, чтобы ея первенство было признано всѣми другими союзными державами. Она не хочетъ знать „союзныхъ обязанностей“, которыми фактически обезпечивались только интересы ея соперницы. Это направленіе новой политики опредѣлило навсегда взаимныя отношенія Пруссіи къ союзу. Нуженъ былъ только энергическій толчекъ и сильная воля, чтобы вывести изъ этихъ данныхъ надлежащія послѣдствія.

Послѣ заключенія мира, въ пражской официальной газетѣ была напечатана корреспонденція изъ Вѣны, гдѣ говорилось, между прочимъ: „Послѣ протеста Пруссіи на наше предложеніе передать ей начальствованіе союзною армією союзнымъ постановленіемъ, невозможно уже было обманываться относительно прусской политики. Этотъ протестъ представлялъ ясное доказательство, что Пруссія стремится къ гегемоніи въ союзѣ, слѣдовательно, къ исключенію Австріи изъ Германіи. Такъ какъ вѣроломная Ломбардія значитъ для насъ безконечно меньше, чѣмъ утвержденіе нашего положенія въ Германіи и поддержаніе союза, то мы уступили се, чтобы добиться мира, сдѣлавшагося для насъ, вслѣдствіе поведенія Пруссіи, настоятельною необходимостію“.

II.

Послѣдствія итальянской войны для Германіи. — Общественное движеніе. — «Народный союзъ». — Мысли о преобразованіи таможеннаго союза. — Съѣздъ юристовъ. — Проекты союзной реформы исходятъ отъ второстепенныхъ государствъ. — Причины и значеніе этого движенія. — Положеніе Пруссіи относительно этихъ событій. — Нѣкоторые рѣшительные шаги въ области союзныхъ дѣлъ. — Уклончивость относительно плановъ общаго преобразованія союза. — Внутренняя политика прусскаго правительства. — Планы воинской реформы и причины, ее вызвавшія. — Содержаніе проекта. — Ландтагъ отвергаетъ проектъ. — Компромиссъ. — Новые успѣхи оппозиціи. — Принцъ-регентъ дѣлается королемъ; новыя надежды и требованія. — Ландтагъ 1861 года. — Новый и послѣдній компромиссъ. — «Партія прогресса» и ея программа. — Протестъ феодальной партіи. — Заявленіе короля во время праздниковъ коронаціи. — Ландтагъ 1862 года. — Вопросъ о воинской реформѣ переходитъ въ бюджетный вопросъ. — Начало разрыва между палатой и правительствомъ. — Распушеніе палаты и новое министерство. — Новая палата дѣйствуетъ въ прежнемъ духѣ. — Бисмаркъ назначенъ первымъ министромъ. — Разборъ постановленій прусской конституціи относительно бюджета и отвѣтственности министровъ.

Итальянская война оставила народы и правительства Германіи въ сильнѣйшемъ возбужденіи. Не военные успѣхи франко-итальян-

скаго оружія ослѣпили ихъ. Результаты этихъ успѣховъ были не особенно велики. Уступка Ломбардіи и двусмысленный Виллафранкскій миръ, за которымъ видѣлся безсильный „итальянскій союзъ“, съ явнымъ преобладаніемъ Австріи, — вотъ все, что пожаловалъ Италіи ея великодушный союзникъ. Такіе успѣхи заставили графа Кавура подать въ отставку. Если чрезъ нѣсколько времени онъ снова сталъ во главѣ управленія, то это объясняется тѣмъ, что итальянское движеніе не было приостановлено мирнымъ договоромъ и неудержимо шло впередъ. Бывшія королевства, герцогства и княжества присоединялись къ Пьемонту. Успѣхъ этихъ патриотическихъ союзовъ, этой *società nationale*, не остался безъ вліянія на Германію. Вскорѣ послѣ окончанія итальянской войны, члены разныхъ оттѣнковъ либеральной ея партіи образовали такъ называемый народный союзъ, *National-Verein*. Послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ собраній въ разныхъ мѣстахъ, союзъ окончательно организовался на сѣздѣ во Франкфуртѣ, 16-го сентября 1859 года. Программа его, очевидно, находилась въ связи съ идеями 1848 года. Образованіе сильной союзной власти, общегерманскаго представительства, основаннаго на прямой и всеобщей подачѣ голосовъ, были главными его требованіями. Средствами для достиженія этой цѣли союзъ полагалъ устную и печатную пропаганду общегерманской идеи для воздѣйствія на правительственныя и общественныя сферы. Кромѣ постоянныхъ сѣздовъ и сходовъ, предположено было издавать постоянный органъ союза. Такими органами явились *Wochenschrift* и *Flugblätter*. Для веденія текущихъ дѣлъ избранъ особый комитетъ, председателемъ котораго, до 1867 года, былъ Рудольфъ ф. Венингсенъ ¹⁾. Въ цвѣтущее время союзъ насчитывалъ до 20,000 членовъ.

Вліяніе этого союза на популяризацію идеи германскаго единства несомнѣнно. Каждое подобное общество важно въ томъ отношеніи, что собираетъ и организуетъ единомыслящія силы, возбуждаетъ въ остальной массѣ если не опредѣленные представленія, то извѣстныя инстинкты, которые могутъ быть утилизированы въ благоприятное время. Но несомнѣнно также, что союзъ, имѣвшій вліяніе на развитіе извѣстныхъ общихъ, болѣе или менѣе отвлеченныхъ, стремленій, былъ слабъ именно тамъ, гдѣ сильны были итальянскіе союзы — на

¹⁾ Глава оппозиціонной партіи въ Ганноверѣ. Род. въ 1824 году. Съ 1868 года второй вице-президентъ союзнаго сейма.

почвѣ практики. Союзъ выставлялъ требованіе сильной центральной власти. Но кому должна принадлежать эта власть? Патриоты 1859 года ушли, конечно, дальше политиковъ 1848 года, полагавшихъ, что такая власть можетъ быть „создана“ творческимъ актомъ народной воли, и что сознаніе патриотическаго долга побудитъ всѣ правительства подчиниться этому центральному установленію. Большинство членовъ союза сознавало необходимость возложить всѣ надежды на Пруссію, какъ на дѣйствительную силу, способную къ борьбѣ и дѣйствию. Но одна часть союза боялась оскорбить своихъ южно-германскихъ сочленовъ, не хотѣвшихъ слышать о главенствѣ Пруссіи. Поэтому вопросъ о реальномъ центрѣ единенія остался открытымъ. Затѣмъ программа союза, даже въ общей и неопредѣленной ея формѣ, вызвала протестъ со стороны партикуляристовъ, стоявшихъ за неприкосновенность федеративнаго начала. Они возлагали свою надежду единственно на Австрію. Выраженіемъ этихъ стремленій явился другой союзъ, извѣстный подъ именемъ Reformverein'a. Онъ образовался въ моментъ сильной союзной агитаціи, именно 28-го октября 1862 года.

Кромѣ этихъ союзовъ, общественное движеніе проявлялось въ другихъ формахъ. Впервыхъ, въ сферѣ экономической. Какъ ни благодѣтельно было учрежденіе таможеннаго союза, но формѣ его управленія, организованная по образцу германскаго сейма, не удовлетворяла уже общественнымъ потребностямъ. Торговые классы и ассоціаціи стали громко заявлять о необходимости народнаго представительства при таможенно-союзномъ управленіи, т. е., таможеннаго парламента (1861 года). Торговый съѣздъ представилъ объ этомъ всѣмъ германскимъ правительствамъ. Почти одновременно состоялся съѣздъ юристовъ въ Дрезденѣ, заявившій о необходимости общегерманскаго законодательства по гражданскому, торговому праву и процессу. Развитію національной идеи содѣйствовали гимнастическія общества, общества стрѣлковъ и т. д.

Въ правительственныхъ сферахъ эти симптомы общественнаго движенія произвели неблагоприятное впечатлѣніе. Нѣкоторыя заявленія оставались безъ вниманія, другія вызвали репрессивныя мѣры. Особеннымъ преслѣдованіямъ подвергся народный союзъ. Правительства возбудили преслѣдованія противъ отдѣльныхъ его членовъ и настояли на запрещеніи собираться его съездамъ и засѣдать его комитету во Франкфуртѣ. Только герцогъ Эрнстъ Саксенъ-Кобургскій далъ

ему приютъ, и Кобургъ надолго сдѣлался центромъ національной агитации ¹⁾).

Но преслѣдуя революціонныя стремленія, подъ именемъ которыхъ разумѣлись стремленія національныя, правительства не могли уже успокоиться на простыхъ запретительныхъ мѣрахъ, какъ дѣлали это правительства времяя священнаго союза. Силою вещей они теперь должны были выступить на путь преобразованій. По крайней мѣрѣ нужно было сдѣлать видъ, что преобразование союза, приноровленное къ требованіямъ времени, готовится. Австрія и второстепенныя государства нуждались, если не въ дѣйствительной реформѣ союза, то въ *проектѣ* такой реформы. Австріи это было необходимо для того, чтобы спасти свое убывающее вліяніе въ Германіи; второстепеннымъ государствамъ для того, чтобы спасти принципъ федерализма нѣкоторыми уступками унитарному движенію. Къ этому присоединялось стремленіе второстепенныхъ государствъ занять независимое положеніе относительно двухъ великихъ державъ, взять въ свои руки политику Германіи. Эта идея нашла себѣ энергическаго представителя въ лицѣ саксонскаго министра Бейста. Онъ издавна радѣлъ объ эманципации второстепенныхъ государствъ и въ союзѣ ихъ видѣлъ оплотъ противъ гегемоніи двухъ державъ. Никогда еще министерство иностранныхъ дѣлъ маленькаго саксонскаго королевства не раздражалось такими энергическими, вызывающими нотами, какъ во время управленія г. Бейста. Ему удалось устроить соглашеніе трехъ правительствъ: саксонскаго, баварскаго и гессенъ-дармштадтскаго.

Бейстъ, ф. д. Пффордтепъ и Дальвигъ дѣятельно агитировали въ пользу союзной реформы, инициатива которой принадлежала бы второстепеннымъ государствамъ. Дѣйствительно, начиная съ 1859 года, не прекращались слухи о проектахъ союзной реформы. Самый замѣчательный изъ нихъ принадлежалъ Саксоніи и былъ предложенъ сейму 15-го октября 1861 года. Какъ проектъ, такъ и объяснительная къ нему записка были направлены къ сохраненію мѣстной автономіи. Объяснительная записка доказывала полную невозможность „союзнаго государства“ съ сильною и единою центральною властью. Не удов-

¹⁾ Эрнстъ IV, нынѣ царствующій герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, род. въ 1818 г., вступ. на прест. въ 1844 г. Отличался всегда либеральными и національными стремленіями. Извѣстенъ, кромѣ того, какъ музыкантъ и покровитель наукъ.

летворивъ никого, проектъ былъ отвергнутъ, подобно многимъ другимъ.

Положеніе Пруссіи во время этого всеобщаго движенія было своеобразно. По внѣшности оно напоминало изолированное положеніе Австріи въ 1848—1849 гг. Всѣ ждали отъ нея рѣшительнаго слова, котораго она не давала и не хотѣла дать; всѣ сознавали, что союзная реформа не мыслима безъ ея согласія, но она постоянно уклонялась отъ разсмотрѣнія проектовъ или отвергала ихъ. Но сходство было только наружное. Изолированность Австріи въ 1848 г. зависѣла отъ неудовлетворительности ея внутренняго состоянія, отъ явнаго противорѣчія ея правительственной системы съ идеями, усвоившими германскимъ обществомъ. Пруссія, по строю своей правительственной системы, по своему государственному хозяйству и экономической политикѣ, опередила не одну европейскую державу. Ея по испугалъ бы теперь самый либеральный проектъ союзной реформы. Ея уклончивость и обособленіе въ данную минуту зависѣли отъ другихъ причинъ. Сознаніе своихъ практическихъ интересовъ препятствовало ей принести себя въ жертву идеальной единой Германіи съ идеальной союзною властью. Съ другой стороны, всѣ проекты, предлагавшіеся союзными государствами, исходили изъ началъ, не ладившихъ съ идеями, усвоенными Пруссіею въ 1848 году. Первые были построены на федеративныхъ началахъ; послѣдніе клонились къ дѣйствительному объединенію. Это ясно видно изъ возраженій, сдѣланныхъ въ свое время Пруссіею на разные проекты. Еще въ концѣ 1859 г., когда съѣздъ уполномоченныхъ отъ второстепенныхъ державъ въ Вюрцбургѣ развѣстилъ о предстоящей реформѣ союза, Пруссія отвергла его предложенія, за исключеніемъ одного—преобразованія союзнаго войска. Событія 1859 года ясно показали безсиліе и полную „номинальность“ этого учрежденія. Пруссія настаивала на необходимости коренной его реформы, главнымъ образомъ, на сосредоточеніи командованія войскомъ въ рукахъ двухъ первенствующихъ державъ. Но предъ этимъ предложеніемъ отступили всѣ горячіе сторонники союзной реформы. Затѣмъ, при обсужденіи знаменитаго саксонскаго проекта 1861 года, прусское правительство, опровергая его, высказало идеи, сходныя съ началами, положенными въ основаніе извѣстной намъ униіи 1850 года. По мнѣнію прусскаго кабинета, единственнымъ выходомъ изъ союзныхъ затрудненій представлялось образованіе „тѣснѣйшаго союза“ въ общемъ союзѣ, путемъ свободнаго соглашенія отдѣльныхъ государствъ.

Эта мысль, конечно, привела въ большое волненіе и негодованіе второстепенныхъ государствъ.

Заявляя подобныя воззрѣнія, Пруссія должна была или явно вступить въ борьбу съ своими сочленами по союзу, или держаться въ сторонѣ. Явный разрывъ съ союзомъ, а тѣмъ болѣе планы насильственнаго объединенія, были далеки отъ мыслей Вильгельма I. Богобоязненный и державшійся строгой законности король былъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ правамъ другихъ государей.

Но въ теченіе короткаго промежутка времени отъ конца итальянской войны до министерства графа Бисмарка, прусское правительство успѣло обнаружить свою стойкость по двумъ важнымъ вопросамъ германской политики. Впервыхъ, оно настояло въ сеймѣ на необходимости принудить курфирста гессенскаго возвратить своимъ подданнымъ отнятую у нихъ конституцію 1831 г., съ измѣненіями 1849 г. Союзное постановленіе было поддержано вооруженнымъ вмѣшательствомъ Пруссіи. Вовторыхъ, прусскій кабинетъ умѣлъ провести въ таможенномъ союзѣ торговый трактатъ съ Франціею, не смотря на сопротивленіе Австріи, одно время поддержанной второстепенными государствами. Вообще же Пруссія, при всякомъ удобномъ случаѣ старалась заявлять о своемъ миролюбіи. Изолированное и таинственное ея положеніе невольно подавало поводъ къ самымъ тревожнымъ предположеніямъ на ея счетъ. Говорили о какихъ-то воинственныхъ ея замыслахъ, грозящихъ независимости среднихъ государствъ. Дѣло дошло до того, что ганноверскій министръ, графъ *Боррисъ*, торжественно заявилъ въ палатѣ, что второстепеннымъ государствамъ придется спасать свою независимость въ союзѣ съ иностранными государствами (конечно съ Франціею). Это заявленіе въ свое время произвело большой скандалъ и сильно компрометировало партикуляристовъ¹⁾. Говорили также о прусско-франко-русскомъ союзѣ, имѣвшемъ будто бы цѣлю обезпечить главенство Пруссіи въ Германіи.

Вильгельмъ I пошелъ на встрѣчу этимъ подозрѣніямъ. Въ Баденѣ было устроено свиданіе французскаго императора и принца-регента, сопровождавшееся съѣздомъ германскихъ государей. Результаты съѣзда были успокоительнаго характера. Не менѣе успокоительное впечатлѣніе произвело свиданіе Вильгельма I съ императоромъ австрійскимъ

¹⁾ Графъ Фридрихъ Боррисъ (Borries), въ настоящее время членъ прусской палаты господъ, род. въ 1802 году.

въ Теплицѣ, гдѣ, какъ говорятъ, принцъ-регентъ обѣщаль Францу-Иосифу обезпеченіе его венеціанской области.

Но главный интересъ не только прусской, но и германской исторіи сосредоточивался на внутреннихъ событіяхъ въ Пруссіи. Здѣсь начиналась борьба, къ разрѣшенію которой призванъ былъ человѣкъ, полный непреклонной энергіи.

Съ самаго своего вступленія въ управленіе, принцъ-регентъ заявилъ о необходимости преобразовать войско, какъ основу прусскаго могущества, какъ условіе, при которомъ возможно вѣдшее вліяніе и самостоятельная политика. Событія 1859 года еще болѣе утвердили его въ этомъ убѣжденіи. Въ концѣ означеннаго года, министерство внесло на обсужденіе палатъ проектъ воинской реформы, выработанный новымъ военнымъ министромъ *Ф. Роономъ* ¹⁾. Для ясности послѣдующаго разказа необходимо изложить сущность плановъ правительства.

Военная организація Пруссіи, созданная закономъ 1814 г., была разчитана на оборонительную, а не наступательную войну. Всеобщая воинская повинность предполагала сокращеніе срока дѣйствительной службы и, пропорціонально, незначительный объемъ дѣйствующей арміи. Главное достоинство системы 1814 г. заключалось въ томъ, что правительство могло, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, располагать массой лицъ, прошедшихъ уже воинскую школу въ дѣйствующей арміи и находящихся внѣ службы, именно могло разчитывать на *ландверъ*. Но призваніе ландвера предполагало крайнюю осмотрительность со стороны правительства. Ландверъ состоялъ изъ людей, уже посвятившихъ себя какому-нибудь занятію, семейныхъ, связанныхъ извѣстными отношеніями и обязанностями. Призваніе ландвера было сопряжено съ разстройствомъ и ущербомъ многихъ интересовъ,—это обстоятельство связывало руки правительству въ случаѣ продолжительной и отдаленной войны.

Правительство принца-регента имѣло въ виду именно увеличеніе дѣйствующей арміи чрезъ увеличеніе срока службы и самаго числа армейскихъ полковъ. По плану г. Роона, число лѣтъ обязательной службы предполагалось увеличить съ 7 на 8, а время нахождения на дѣйствительной службѣ съ 2 на 3 года. Затѣмъ, численность арміи пред-

¹⁾ Графъ Альбрехтъ Роонъ (Roop), род. въ 1803 г., военный министръ Пруссіи (временно, въ 1873 г., былъ министромъ—президентомъ), извѣстенъ и какъ писатель по военнымъ наукамъ, особенно по части военной статистики.

полагалось увеличить слѣдующимъ образомъ. Число пѣхотныхъ баталіоновъ должно было возрасти съ 135 до 253, а общее количество кавалерійскихъ полковъ увеличиться 18 новыми. Конечно, эта реформа требовала и увеличенія денежныхъ средствъ.

Проектъ закона, представленный въ такомъ видѣ ландтагу, произвелъ въ нижней палатѣ неудовольствіе. Для уравниванія его причинъ должно принять въ разчетъ много условій. Вопервыкъ, нельзя не вспомнить, что перемѣна царствованія въ Пруссіи возбудила сильныя надежды либеральной и національной партіи. Многія реформы стояли на очереди. Всѣ желали лучшаго устройства общиннаго и окружнаго управленія (Kreisordnung), расширенія правъ народнаго представительства, болѣе дѣятельнаго участія Пруссіи въ дѣлѣ союзной реформы. Между тѣмъ первая реформа, предложенная правительствомъ, направлена была къ увеличенію военныхъ силъ, которыми оно могло бы располагать свободно. Для чего, спрашивала оппозиція, пужны эти силы правительству? Оно не обнаруживаетъ стремленій стать во главѣ общаго отечества; стало-быть, армія нужна ему не для тѣхъ цѣлей, какія дѣйствительно способны вызвать самопожертвованіе. Затѣмъ реформа несомнѣнно увеличитъ тяжесть бюджета, и притомъ круглою цифрою 10 мил. талеровъ, до 5 мил. одновременно.

На первый разъ, впрочемъ, столкновеніе между правительствомъ и палатой высказалось не особенно рѣзко. Палата была наполнена либералами старой школы; они же занимали главныя мѣста въ министерствѣ „новой эры.“ Палата рѣшилась на компромиссъ: отвергнувъ, почти единогласно, проектъ новаго закона, она вотировала однако „довѣріе“ къ министерству, а вмѣстѣ съ довѣріемъ — чрезвычайный кредитъ на военные издержки. Послѣдствія этого компромисса не замедлили обнаружиться. Правительство воспользовалось чрезвычайнымъ кредитомъ для сформированія новыхъ баталіоновъ и полковъ; они стали совершившимся фактомъ, устранить который было уже не легко. По крайней мѣрѣ г. Бисмаркъ впоследствии ссылался на этотъ фактъ, какъ на серьезный аргументъ противъ палаты ¹⁾.

Оппозиція росла съ каждымъ днемъ. Возможности компромиссовъ предвидѣлся скорый конецъ, потому что составъ палаты, до сихъ поръ слагавшейся изъ членовъ умѣренно-либеральной партіи, готовъ

¹⁾ Ср. Die Reden des Grafen von Bismarck-Schönhausen, I, стр. 20—21 второго изданія.

былъ видоизмѣниться при новыхъ выборахъ. Даже требованія умѣренно-либеральной партіи возрасли со смертью Фридриха-Вильгельма IV (2-го января 1861 г.), Но Вильгельмъ I ни въ манифестѣ своемъ, ни въ тропной рѣчи, которою открыта была сессія палаты (14 января 1861 г.), не высказалъ обѣщаній ни относительно внутреннихъ ни внѣшнихъ реформъ. Только проектъ воинской реформы по прежнему поставленъ былъ на очередь. Палата депутатовъ, въ адресѣ своемъ, заявила о неудовлетворительномъ впечатлѣніи, произведенномъ на нее тронною рѣчью. Уклончивый отвѣтъ правительства раздражилъ палату. Взаимныя отношенія ихъ сдѣлались таковы, что проектъ воинской реформы, вновь предложенный на обсужденіе ландтага, не могъ надѣяться на успѣхъ. Онъ былъ отвергнутъ. Правительство добилося только прошлогодняго результата: именно, палата утвердила и на 1861 г. добавочный кредитъ въ 7 съ небольшимъ милліоновъ талеровъ на увеличеніе арміи ¹⁾).

Подъ вліяніемъ возраставшаго недовольства, въ Пруссіи образовалась новая партія, готовившаяся занять мѣсто старой либеральной. Она усвоила себѣ названіе партіи прогресса, Fortschrittspartei. Значеніе ея въ данную минуту было особенно важно по той причинѣ, что въ странѣ начиналась всеобщая агитація по поводу новыхъ выборовъ.

Въ іюнѣ избирательный комитетъ этой партіи издалъ воззваніе къ избирателямъ, въ которомъ заключалась ея программа. Существенныя ея черты состояли въ слѣдующемъ: во внѣшней политикѣ признавалось необходимымъ стремиться къ объединенію Германіи подъ главенствомъ Пруссіи и къ образованію общегерманскаго народнаго представительства. Во внутренней политикѣ предполагалось необходимымъ достигнуть большаго развитія общественной свободы и правъ народнаго представительства посредствомъ закона объ отвѣтственности министровъ, преобразованія палаты господъ, органовъ мѣстнаго управленія, утвержденія равноправности всѣхъ вѣроисповѣданій, отдѣленія церкви отъ государства и введенія обязательнаго гражданскаго брака.

Конечно, такая программа должна была возбудить недовольствіе и даже страхъ въ партіяхъ противоположнаго характера. Предводители юнкерской партіи издали другой манифестъ, въ которомъ осуж-

¹⁾ Правительство требовало 8.151,000 тал. Палаты утвердили это требованіе, убавивъ его на 750,000 тал.

дались всё начала партіи прогресса. Единство Германіи должно быть достигнуто не „огнемъ и мечомъ“, подобно итальянскому единству, а свободнымъ соглашеніемъ государей и народовъ. Во внутренней политикѣ слѣдуетъ строго держаться началъ, выработанныхъ преданіемъ. Права короны должны быть сохраняемы: а съ ними не согласна отвѣтственность министровъ предъ палатами. Школа должна быть основана на началахъ христіанской религіи, безъ всякаго разрыва между государствами и церковью.

Король, съ своей стороны, воспользовался случаемъ заявить свои взгляды на отношенія короны къ палатамъ. Въ октябрѣ 1861 года было назначено торжество коронаціи въ Кёнигсбергѣ. Принимая депутацію палатъ, онъ сдѣлалъ заявленіе, во многихъ отношеніяхъ тождественное съ программой консервативной партіи ¹⁾.

Всѣ элементы политической жизни стояли теперь въ явномъ и и едва ли, примиримомъ противорѣчій между собою. Столеновеніе не замедлило обнаружиться. 14-го января 1862 года палаты были созваны. Большинство палаты депутатовъ состояло изъ членовъ партіи прогресса, рѣшившейся энергически поддерживать свои идеи. Тронная рѣчь произвела неудовлетворительное впечатлѣніе, особенно та ея часть, гдѣ говорилось объ отношеніи прусскаго правительства къ союзной реформѣ. Палата представила министерству заявленіе о необходимости болѣе энергической политики въ союзныхъ дѣлахъ; отвѣтъ правительства имѣлъ цѣлю отклонить заявленныя требованія.

Теперь вопросъ о воинской реформѣ и даже о цѣломъ бюджетѣ принялъ другой оборотъ. Что проектъ воинской реформы не пройдетъ, въ этомъ не было никакого сомнѣнія. Но правительство желало, по крайней мѣрѣ, спасти „фактъ“, созданный уже предшествующею палатой, то - есть, фактическое увеличеніе арміи посредствомъ чрезвычайнаго кредита, дважды утвержденного. Поэтому означенныя сверхсмытныя издержки были просто внесены въ годовую роспись на 1862 годъ, а самый проектъ воинской реформы былъ переданъ первоначально на обсужденіе палаты господъ, гдѣ правительство надѣялось имѣть полный успѣхъ. Такимъ образомъ, споръ о законѣ военномъ перешелъ и разросся въ бюджетный вопросъ, вслѣдствіе чего были затронуты самые основные конституціонные вопросы.

Палатѣ трудно было устранить проектъ государственной росписи. Она обсуждала и утверждала роспись не спеціально, по статьямъ, а

¹⁾ Ср. Блюппель, наз. соч. I, 231 — 238.

потому не имѣла возможности вывести наружу прибавку, назначенную на содержаніе арміи. Она рѣшилась постановить, что на будущее время роспись должна быть обсуждаема по статьямъ, прибавивъ, что это правило должно дѣйствовать съ будущаго года. Но депутатъ *Гагенъ* предложилъ прибавку, составленную въ томъ смыслѣ, что постановленіе палаты должно быть примѣнено и къ рассмотрѣнію росписи на 1862 годъ. Не смотря на возраженіе министерства, предложеніе это было принято, а затѣмъ имѣлось въ виду исключеніе чрезвычайнаго кредита на военное вѣдомство. Министерство подало въ отставку (8-го марта), и тотчасъ же (11-го марта) палата депутатовъ была распущена.

Король принялъ отставку министровъ. Въ числѣ ихъ было много членовъ либеральной партіи, которые, какъ онъ полагалъ, не способны къ борьбѣ, въ неизбѣжности которой никто не сомнѣвался. Новое министерство было составлено 18-го марта. Уже въ это время говорили о предстоящемъ назначеніи министромъ-президентомъ г. Бисмарка, который въ это время былъ посломъ въ Петербургѣ. Но пока (не надолго) назначеніе это было отложено и Бисмаркъ былъ назначенъ посломъ въ Парижъ. Въ составъ новаго министерства вошли нѣкоторые члены прежняго, удовлетворявшіе условіямъ предстоящей борьбы: таковы военный министръ Роонъ и министръ финансовъ Гейдтъ. Министромъ юстиціи былъ назначенъ графъ Линне, внутреннѣйшій дѣлъ — Яговъ, земледѣлія — Ицентлицъ, народнаго просвѣщенія — Мюллеръ, первымъ министромъ — бывший предсѣдатель палаты господъ князь Гогенлоэ-Ингельфингенъ.

Новые выборы не создали, однако, болѣе уступчивую палату, не смотря на то, что правительство упрекали въ прямомъ и косвенномъ вліяніи на выборы. Она состояла почти исключительно изъ оппозиціонныхъ органовъ. Всѣ правительственныя предложенія, касавшіяся увеличенія средствъ на содержаніе арміи и учрежденіе флота, были отвергнуты (23-го сентября). Распущеніе палаты представлялось теперь неудобнымъ. Правительству представлялся тревожный въ конституціонномъ государствѣ вопросъ: „что будетъ, если палата не утвердитъ бюджета?“ Министерство, наскоро сложившееся 18-го марта, съ ужасомъ отступило предъ этою дѣйствительно мудреною загадкой. Но король обратился къ человѣку, который быстро и по своему отвѣтилъ на это „что будетъ?“ 24-го сентября г. Бисмаркъ былъ назначенъ министромъ-президентомъ.

Разсмотримъ здѣсь вкратчѣ сущность бюджетнаго вопроса, согласно началамъ *прусской* конституціи.

Исключительное право разсмотрѣнія и утвержденія бюджета издавна составляетъ силу палаты общинъ въ Англіи. Благодаря этому условію, дѣйствительная власть управленія принадлежитъ коммонерамъ. Министерство можетъ существовать только подъ тѣмъ условіемъ, если оно располагаетъ большинствомъ въ нижней палатѣ. Хотя корона *de jure* имѣетъ право избирать своихъ совѣтниковъ совершенно свободно, *de facto* кабинетъ составляется изъ членовъ даннаго „большинства“. Оно—дѣйствительный повелитель страны, отъ одобренія или неодобренія котораго зависитъ сила каждой правительственной мѣры и даже существованіе министерства. Зависимость послѣдняго отъ своего дѣйствительнаго владыки увеличивается точными и строгими законами объ отвѣтственности. Все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ изъ Англіи страну не только представительнаго, но парламентарнаго управленія, то-есть, отдаетъ правительственную власть въ руки большинства палатъ ¹⁾.

Понятно само собою, что устройство и прерогативы англійской палаты общинъ служатъ идеаломъ для каждой „нижней палаты“, думающей обезпечить свое политическое значеніе. Въ борьбѣ, начинавшейся теперь въ Пруссіи, типъ англійскаго парламентаризма имѣлъ огромное вліяніе на умы. Одни къ нему стремились, другіе стра-

¹⁾ Конечно, здѣсь мы говоримъ о фактическихъ, лучше сказать, обычныхъ отношеніяхъ, установившихся между палатами. По закону, палата лордовъ имѣетъ право по крайней мѣрѣ *отвергать* финансовыя законы, принятыя нижней палатою (иниціатива этихъ законовъ во всякомъ случаѣ принадлежитъ нижней палатѣ). Палата лордовъ еще въ 1860 году воспользовалась своимъ правомъ и отвергла билль объ отмѣнѣ пошлины съ бумаги. Нижняя палата, привыкшая съ давнихъ поръ къ другимъ обычаямъ, назначила комиссію для изслѣдованія вопроса. Она нашла въ парламентскихъ архивахъ много старыхъ прецедентовъ, говорившихъ въ пользу палаты лордовъ, но другія преданія и прецеденты говорили противъ, и нижняя палата, по предложенію Пальмерстона, приняла слѣдующія резолюціи: 1) что право ассигновать деньги для короны принадлежитъ *исключительно* коммонерамъ; 2) что хотя лорды иногда отвергали различные билли, но нижняя палата постоянно смотрѣла на это, какъ на посягательство на право коммонеровъ ассигновать суммы и заботиться о средствахъ и способахъ (*ways and means*) удовлетворенія государственныхъ потребностей; 3) что эта палата сама имѣетъ власть улучшать и составлять законы о налогахъ и освободить отъ податей, и что право коммонеровъ самостоятельно утверждать все, что касается свойствъ, размѣра и настоятельности налоговъ, — должно оставаться неприкосновеннымъ.

пились. Но и тѣ, и другіе должны были видѣть, что духъ и буква прусской конституціи, преимущественно же ея постановленія относительно бюджета, имѣютъ мало общаго съ началами англійскаго права.

Порядокъ разсмотрѣнія государственной росписи опредѣляется 99-ю ст., редактированной слѣдующимъ образомъ: „всѣ государственныя доходы и расходы должны быть опредѣлены заранее на каждый годъ и вписаны въ государственную роспись. Послѣдняя ежегодно утверждается *закономъ*“. Слѣдовательно, 99-я ст. предписываетъ разсмотрѣніе росписи законодательнымъ порядкомъ. Порядокъ этотъ указываетъ 62-я ст., гдѣ говорится: „законодательная власть отправляется совмѣстно королю и двумя палатами. Соглашеніе короля и двухъ палатъ необходимо для каждаго закона. Финансовыя проекты и государственныя росписи предлагаются первоначально второй палатѣ; послѣднія (то-есть, государственныя росписи) принимаются или отвергаются первою палатою въ цѣломъ своемъ составѣ (im Ganzen)“.

Изъ этого видно, что 62-я ст. дѣлаетъ нѣкоторыя исключенія въ порядкѣ разсмотрѣнія финансовыхъ законовъ и государственныхъ росписей, но исключенія эти нисколько не увеличиваютъ *власти* нижней палаты. Что дѣлетъ ей 62-я ст.? Проекты общихъ законовъ могутъ быть предлагасмы на *первоначальное* обсужденіе какъ верхней, такъ и нижней палатѣ безразлично; государственныя росписи должны быть предлагаемы первоначально непременно нижней палатѣ. Ей принадлежитъ подробное ихъ разсмотрѣніе. Палата господъ можетъ принять или отвергнуть роспись только въ цѣломъ ея составѣ, не позволяя себѣ никакихъ поправокъ и измѣненій въ частностяхъ. Но затѣмъ общій принципъ законодательнаго порядка остается неизмѣненъ. Для утвержденія государственной росписи, какъ и всякаго закона, необходимо соглашеніе трехъ элементовъ законодательной власти—короля и двухъ палатъ.

Но какія средства даетъ конституція для разрѣшенія того случая, когда такого „соглашенія“ не послѣдуетъ? Какой изъ элементовъ законодательной власти долженъ уступить? Вопросъ этотъ кажется нѣсколько банальнымъ. Можно смѣло сказать, что на него не отвѣтитъ *ни одна* изъ европейскихъ конституцій, не исключая и англійской. И въ Англійи бюджетъ разсматривается и утверждается *одною* нижнею палатою только фактически. Юридически (оставляя даже въ сторонѣ безсильную палату лордовъ) финансовыя биллы, по разсмотрѣніи ихъ въ палатѣ, утверждаются королевою. Когда спикеръ нижней палаты подаетъ королевѣ финансовый билль, клеркъ возглашаетъ отъ ея имени:

„la reine remercie ses loyaux subjects, accepte leur benevolence, et aussi le veut“. Стало быть, и здѣсь предполагается „соглашеніе“, а потому и возможность несоглашенія. Что же послѣдуетъ изъ несоглашенія, то-есть, изъ того обстоятельства, что правительство останется безъ бюджета, слѣдовательно, безъ законной возможности собирать доходы и расходовать ихъ на государственныя потребности? Для каждаго не предубѣжденнаго (и даже предубѣжденнаго) ума ясно, что въ данномъ случаѣ всѣ юридическія и конституціонныя соображенія умолкаютъ. Они не разрѣшаютъ и не могутъ разрѣшить ничего. Когда между элементами государственной власти не состоялось „соглашеніе“ по такому предмету, отъ котораго зависятъ всѣ годовыя средства *существованія* государственной машины, ясно, что эти элементы стоятъ между собою въ непримиримомъ противорѣчій, что между ними начинается серьезная борьба. Въ такой моментъ ищутъ средствъ не для „разрѣшенія“ вопроса, а средствъ для борьбы съ противникомъ. Въ такой моментъ считаютъ не права, а количество оружія и отъ него зависитъ весь исходъ столкновенія. Въ Англии шансы для такой борьбы оказались бы противъ правительства. За нижнюю палату (если общественное мнѣніе на ея сторонѣ) оказались бы: 1) установившійся съ давнихъ временъ принципъ, что каждая подать можетъ быть взимаема только въ силу парламентскаго акта, а этотъ принципъ привелъ бы къ тому, что правительство, не имѣющее росписи, осталось бы безъ доходовъ; 2) отсутствіе въ Англии постоянной и не зависящей отъ парламента арміи, такъ какъ существованіе имѣющихся въ Англии войскъ зависитъ отъ ежегодно утверждаемаго парламентскаго акта; 3) общіе конституціонныя обычаи, сдѣлавшіеся второю природою англійскаго общества. На сторонѣ правительства было бы одно средство: распущеніе несговорчивой палаты, съ цѣлью наполнить новую (если общественное мнѣніе настроено въ пользу правительства) депутатами, болѣе согласными съ видами министерства.

Въ прусской конституціи шансы расположены иначе. Пересмотримъ ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ. Во-первыхъ, предъ нами 100-я ст. конституціи: „палоги и подати могутъ быть взимаемы въ государственное казначейство лишь тогда, когда они внесены въ государственную роспись, или установлены особыми законами“. Повидимому, эта статья говоритъ въ пользу того, что „безбюджетное“ правительство должно остаться безъ доходовъ. Но она имѣла бы этотъ смыслъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы ея редакція закапчивалась словами: „въ государственную роспись“. Но 100-я ст. говоритъ о правѣ взимать

подати еще на основаніи нѣкоторыхъ „особыхъ законовъ“. Смыслъ этихъ словъ раскрывается изъ 109-й ст., гдѣ говорится: „*существующіе налоги и подати будутъ взиматься (werden forterhoben)* и всѣ постановленія существующихъ сборниковъ законовъ, отдѣльныхъ законовъ и распоряженій, не противорѣчающія настоящей конституціи, остаются въ силѣ, пока они не будутъ видоизмѣнены закономъ“. Вотъ одинъ изъ прямыхъ отвѣтовъ на вопросъ „что будетъ“, если по государственной росписи не состоится соглашенія. Налоги все-таки *будутъ взиматься* ¹⁾.

Правительство не останется безъ денегъ; но будетъ ли оно имѣть право *расходовать* ихъ? Конституція отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно; уполномочивая взиманіе податей, она нигдѣ не разрѣшаетъ расходованіе ихъ, безъ утвержденной росписи ²⁾. Но какія же средства дастъ прусская конституція воспренятствовать министерству расходовать собираемые налоги?

Съ юридической стороны этотъ вопросъ разрѣшался постановленіями объ *отвѣтственности* министровъ. Мы должны оговориться. Здѣсь рѣчь идетъ не о той широкой отвѣтственности предъ палатами, какал установилась въ Англіи, — отвѣтственности не только юридической, въ силу которой становятся неприкосновенны конституція и законы страны, но и политической, обезпечивающей согласіе министерства съ направленіемъ палатъ. Въ Англіи министръ отвѣтствуетъ не только въ томъ смыслѣ, что онъ будетъ преданъ суду за нарушеніе закона и злоупотребленіе власти, но и въ томъ, что онъ, вслѣдствіе не ловкой политической мѣры, лишится довѣрія палатъ, останется безъ большинства и долженъ будетъ подать въ отставку. Другими словами, въ Англіи министерства не только *предаются суду* (случай рѣдкій, издавна не слыханный), но *падаютъ*, вслѣдствіе пораженія въ палатѣ.

Въ Пруссіи не можетъ быть рѣчи объ отвѣтственности послѣдняго рода. Конституція сосредоточиваетъ всю исполнительную власть въ рукахъ короля (ст. 45-я). Онъ назначаетъ и увольняетъ министровъ, по своему усмотрѣнію, не только *de jure*, но и *de facto*. Общія и частныя измѣненія въ министерствѣ совершаются независимо отъ соображенія съ настроеніемъ большинства палатъ. Графъ

¹⁾ Этого права «взысканія», на основаніи 109-й ст., не отрицаетъ и лучшій знатокъ прусскаго государственнаго права—Рёнио. I, § 65.

²⁾ Ср. Рёнио, тамъ же.

Бисмаркъ справедливо говорилъ нижней палатѣ: „мы не *ваши* министры; мы министры его величества короля“. Поэтому прусскіе министры и не связаны солидарностью взглядовъ и отвѣтственности, какъ въ Англіи. Министерство можетъ быть составлено изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Каждый занимаетъ свой постъ, пока пользуется личнымъ довѣріемъ короля.

Но и юридическая отвѣтственность поставлена здѣсь въ весьма неопредѣленные условія. Вотъ относящіяся сюда постановленія: 44-я ст. говоритъ, что „министры короля отвѣтственны“; 61-я ст. постановляетъ: „министры могутъ быть обвинены приговоромъ одной изъ палатъ за нарушеніе конституціи, подкупъ (*Bestechung*) и измѣну. По этому обвиненію произносится рѣшеніе высшимъ судомъ монархіи въ соединенныхъ палатахъ. *Ближайшее опредѣленіе случаевъ отвѣтственности, порядка процесса и наказаній предоставляется особому закону*“.

Ясно само собою, что практическое значеніе 44-й и 61-й статей поставлено въ зависимость отъ словъ, отмѣченныхъ курсивомъ, то-есть, отъ того, будетъ или не будетъ изданъ „особый законъ“, опредѣляющій „ближайшимъ образомъ“ отвѣтственность министровъ. Но такого закона не издано до настоящаго времени. Проектъ его былъ составленъ въ свое время, но отвергнутъ палатою господъ.

Ко всѣмъ этимъ условіямъ должно присоединить еще одно и весьма важное. Прусская конституція признала существованіе постоянной, зависящей отъ одного короля, арміи (ст. 34—36, 46, 47) и постановила, что армія не присягаетъ въ вѣрности конституціи (108).

Таковы были шансы двухъ сторонъ, когда начался конфликтъ, къ разрѣшенію котораго былъ призванъ графъ Бисмаркъ. Лучше сказать, таковы были шансы одной изъ сторонъ, потому что существованіе „шансовъ“ у другой было весьма сомнительно. Палата могла утѣшать себя только тѣмъ, что *расходованіе* собираемыхъ палатой и податей безъ утвержденной росписи было дѣйствительно противно конституціи. Но она тщетно стала бы искать въ конституціи средствъ устранивъ это обстоятельство.

А. Градовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДРЕВНЕ-РУССКІЯ ОТРЕЧЕННЫЯ ВѢРОВАНІЯ И КАЛЕНДАРЬ БРЮСА.

I.

Область отреченныхъ вѣрованій древне-русскаго человѣка обширна. Въ ея предѣлы входятъ всѣ вѣрованія языческой старины, отринутыя христіанствомъ, и всѣ ученія ложно-христіанскія или апокрифы. Обличенія языческихъ вѣрованій появляются въ самыхъ раннихъ памятникахъ русскои христіанской проповѣди и проходятъ чрезъ всю древне-русскую письменность, первую задачу которой было ввести въ жизнь русскаго народа вѣрованія христіанскія вмѣсто языческихъ. Тверды и закоснѣлы были преданія языческой старины, и христіанское ученіе лишь медленно входило въ жизнь крещенаго русскаго человѣка; между тѣмъ какъ лучшіе люди всѣмъ существомъ своимъ отдавались интересамъ новаго ученія, для массы народной, напротивъ того, всѣ запретныя вѣрованія дѣлались еще болѣе заманчивыми и дорогими. Отрекаясь отъ нихъ вѣявъ, въ глазахъ церковныхъ учителей, народъ въ тайнѣ цѣлко держался за свои вѣрованія, или по христіанскому попятію, суевѣрія. Въ эту область устремилась потомъ вся народная фантазія; изъ преданій родной старины черпала она всѣ мотивы поэтическаго творчества, строго осужденнаго и запрещеннаго христіанствомъ. Неудержимая сила поэтической фантазіи народа переступала даже за границы языческихъ преданій, незамѣтно вторгаясь въ область христіанства и по-своему поэтизируя его высокое ученіе. Произведенія этой поэзіи быстро расходились въ народѣ, тѣсно сливаясь съ его практической жизнью. Въ этой работѣ народной фантазіи для насъ важна одна сторона — живучесть древнихъ языческихъ вѣрованій, крѣпость и сила, съ какими вѣрованія эти являются въ жизни народа. Во многихъ памятникахъ отреченной литературы вѣрованія языческія выступаютъ на мѣсто болѣе видное,

чѣмъ вѣрованія христіанскія. А если послѣднія и прививались къ понятіямъ Русскаго народа, то далеко не въ чистомъ видѣ, но съ значительною примѣсью вѣрованной старины.

Имѣя въ виду эти обстоятельства, трудно согласиться съ мнѣніемъ, будто языческая религія Русскихъ стояла на самой низшей степени развитія, будто вѣрованія и обряды ея были слишкомъ слабы и неопредѣленны въ ту пору, когда застигло ихъ христіанство. Мнѣніе это служить исходнымъ пунктомъ для объясненія причинъ безотпорнаго и быстрого распространенія христіанства на Руси. Дѣйствительно, русское язычество не богато было внѣшнею обстановкой: у него не было ни богатыхъ капищъ, ни вполне опредѣленныхъ и художественныхъ кумировъ, не было строго сословной жреческой іерархіи и опредѣленнаго кодекса религіозныхъ ученій. Но при всемъ томъ, вѣрованія русскихъ язычниковъ могли быть и были зрѣлы, тверды и разнообразны безъ внѣшней религіозной обстановки. Подобною обстановкой мало отличалась религія и другихъ Славянскихъ народовъ; только о храмахъ этихъ народовъ имѣются болѣе подробныя и разнообразныя извѣстія, чѣмъ о храмахъ русскихъ ¹⁾. Съ другой стороны, и о послѣднихъ есть ясныя, хотя краткія, напомниманія. О русскихъ третищахъ говоритъ Новгородская лѣтопись, о капищахъ — митрополитъ Иларіонъ въ Слово о законѣ Моисеомъ даннѣмъ, о капищахъ въ Ростовской области, разрушенныхъ чудотворцемъ Исаіей, — Кіевскій Патерикъ и т. д. Самое подробное извѣстіе о русскихъ языческихъ храмахъ находится въ сагѣ объ Олавѣ Тригвесонѣ. Олавъ, сказано тамъ, ѣздилъ всегда къ храму съ княземъ Владиміромъ, но никогда не входилъ въ русскій храмъ, а стоялъ за дверьми, пока Владиміръ приносилъ богамъ жертвы ²⁾. Намъ кажется, что при самой строгой организаціи языческой религіи, при всей видной обстановкѣ ея, нельзя было ждать со стороны Русскихъ упорной борьбы за прадѣдную вѣру. Подобная борьба была не въ характерѣ народа, много лѣтъ прожившаго въ условіяхъ родоваго быта, основнымъ принципомъ котораго было полное подчиненіе младшихъ членовъ главѣ семьи и общины. Главныя черты родоваго быта хранили свою силу и въ періодъ первыхъ князей. Князю Владиміру, рѣшившему окрестить русскій народъ, пришлось только воспользоваться народною уступчивостію княжеской волѣ. Въ слезахъ и рыданіяхъ по старой вѣрѣ, но безотла-

¹⁾ *Срезневскаго*, Святнища и обряды древнихъ Славянъ, стр. 42.

²⁾ *Срезневскій*, Святнища и обряды, 42.

гательно, Кіевляне шли креститься, ибо всѣмъ были извѣстны слова князя: „Аще не обратится кто рѣцѣ, противенъ мнѣ да будетъ“¹⁾. Но не то было въ областяхъ, удали отъ княжескаго глаза. Тамъ и послѣдующіе ревнители по вѣрѣ христіанской нерѣдко кровію обогрѣли языческія кумирницы, прежде чѣмъ обрацали ихъ въ христіанскіе храмы. На проповѣдниковъ христіанства народъ смотрѣлъ косо, всячески старался выпроводить ихъ изъ земли своей, какъ враговъ старой вѣры, не боясь даже при случаѣ поднимать на нихъ насильственную руку. Такая непріязнь къ христіанскимъ проповѣдникамъ вытекала единственно изъ желанія народа отстоять свои старыя вѣрованія.

При этихъ условіяхъ, даже въ болѣе позднюю пору русской жизни, тѣ произведенія христіанской литературы, въ которыхъ крылись древне-языческія воззрѣнія, легче усвоились въ Русскомъ народѣ, чѣмъ памятники чистаго христіанскаго ученія. Такъ-называемые апокрифы ближе всего подходили къ понятіямъ древне-русскаго челоувѣка; они нравились ему именно потому, что напоминали старыя, не-христіанскія вѣрованія. Сильная распространенность апокрифическихъ произведеній, ихъ авторитетность въ глазахъ русскихъ грамотниковъ доказываютъ, въ свою очередь, крѣпость и живучесть отреченныхъ вѣрованій. Эти-то вѣрованія, и именно тѣ изъ нихъ, которыя выросли на чисто мірской языческой почвѣ, мы намѣрены разсмотрѣть въ настоящемъ трудѣ, при чемъ не ограничимся извѣстными индексами отреченныхъ вѣрованій, но обратимъ вниманіе и на вѣрованія, указавшыя древне-русскою проповѣдію.

До сихъ поръ древняя русская жизнь представляется многимъ совершенно безличною, по всецѣлой зависимости своей отъ вліянія византійскаго. Всѣ народныя воззрѣнія на міръ физическій и нравственный, всѣ отреченныя христіанскія вѣрованія, народныя примѣты или суевѣрія, все это предпологается цѣлякомъ перешедшимъ изъ Византіи, такъ что во всей грудѣ чужихъ духовныхъ продуктовъ не оказывается ничего почти своего, русскаго. Такія мѣшпія заявляются преимущественно въ тѣхъ видахъ, чтобы возмысливъ западъ, гдѣ иные изслѣдователи видятъ самыя лучшія, чистыя и разумныя начала жизни. Они желали бы, чтобы и въ древнее время Россія ближе встала подъ этотъ чистый западный горизонтъ, который озарилъ бы ее истиннымъ свѣтомъ разума. Но они не видятъ или не хотятъ видѣть, что и въ

¹⁾ П. С. Р. Л., I, стр. 82.

западной жизни, современной древней Россіи, было много такихъ же грубыхъ суевѣрій, какія были въ жизни Русскаго народа.

Но если принять въ разчетъ, что разнаго рода суевѣрія существовали какъ въ Византіи, куда перешли изъ древне-языческаго міра, такъ и на западѣ, гдѣ также были остатками древняго язычества, то необходимо признать, что древняя Россія ни въ какомъ случаѣ не миновала бы тѣхъ суевѣрныхъ ученій, которыми, думаютъ, обогатила ее Византія, — не миновала-бы и въ томъ случаѣ, еслибы ранѣе вошла въ тѣсныя связи съ западомъ. Но сущность вопроса не въ этомъ, а въ томъ — можно ли вообще допустить, что суевѣрія русскія имѣютъ не русское происхожденіе, иначе — что они заимствованы Русскими у тѣхъ народовъ, съ которыми Русскіе приходили въ соприкосновеніе въ теченіе своей исторической жизни?

Еще Сахаровъ въ Словѣ къ Русскимъ людямъ, которымъ открывается первый томъ „Сказаній Русскаго народа“, замѣтилъ, что въ повѣртіяхъ нашего народа отражается общая міровая жизнь. Эти слова почтеннаго археолога потеряютъ всякій смыслъ, если мы будемъ смотрѣть на народныя повѣртія, какъ на рабски заимствованныя изъ Греціи или съ запада. Въ такомъ случаѣ мы должны будемъ отнять у Русскаго народа всякую гарантію на самостоятельное развитіе, даже и въ ту отдаленную пору, когда Русскій народъ жилъ безъ всякаго столкновенія съ Греціей и западною Европой. Достовернѣе то, что древне-русскій человѣкъ въ своихъ воззрѣніяхъ на міръ внѣшній и внутренній также самобытенъ, какъ Грекъ, Римлянинъ и всякій Европеецъ, и если суевѣрія русскія представляютъ много общаго съ суевѣртіями другихъ народовъ, то это объясняется кореннымъ сродствомъ племенъ, раскрытымъ въ новѣйшее время сравнительнымъ языкознаніемъ, сравнительною мифологіей и сравнительною этнографіей. Эти науки указали славянству, и въ томъ числѣ Русскому народу, законное мѣсто въ индо-европейской семьѣ; а вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилось и то, какъ должно понимать сходство русскихъ суевѣрій съ суевѣртіями другихъ индо-европейскихъ народовъ.

Это обстоятельство, впрочемъ, не исключаетъ возможности появленія въ русской жизни и такихъ суевѣрій, которыя были бы занесены къ намъ изъ другихъ странъ. Таковы преимущественно тѣ изъ нихъ, которыя шли въ Россію путемъ литературнымъ, и въ особенности — съ загада. Многія изъ нихъ долгое время не дѣлались достоинствомъ всего народа и оставались только въ рукахъ книжниковъ и начетчиковъ. Были въ числѣ этихъ повѣртіи и такія, которыя, прійдя къ намъ

книжнымъ путемъ, нашли себѣ близкую аналогію въ самостоятельно развившихся вѣрованіяхъ Русскаго народа.

Теперь подробнѣе прослѣдимъ судьбы древне-русскихъ отреченныхъ вѣрованій, въ ихъ связи съ русскими отреченными книгами. Древне-русскихъ письменныхъ памятниковъ, съ указаніями на отреченныя вѣрованія, не слишкомъ много. Наша христіанская письменность, какъ извѣстно, была исключительно посвящена интересамъ религіознымъ, которые въ жизни нашихъ предковъ представляли за собою всѣ другіе. Христіанскіе учителя нашихъ предковъ смотрѣли на себя, какъ на провозвѣстниковъ ученія Христова, и особо говорить о чемъ-либо другомъ—значило для нихъ унижать себя и свою высокую профессію. Съ другой стороны, и апологетовъ языческой религіи у насъ почти не было; первобытныя религіозныя вѣрованія старины хранились и защищались самою жизнію. Совсѣмъ не то мы видимъ въ первые вѣка христіанства. Отцы и учителя церкви вселенской облакались во всеоружіе языческой философіи и риторскаго краснорѣчія, чтобъ успѣшнѣе побороть неменѣе ихъ вооруженныхъ враговъ христіанства. Обладая всѣми средствами своихъ противниковъ, защитники христіанства мало боялись ихъ: они умѣли смѣло отражать заблужденія Эллиповъ эллинскою же мудростію. Поэтому у отцовъ и учителей церкви часто приводятся длинныя тирады изъ сочиненій языческихъ философовъ, поэтовъ и ораторовъ, съ цѣлію указать въ этихъ сочиненіяхъ слабыя стороны всего языческаго ученія. Такой характеръ первыхъ христіанскихъ писателей чрезвычайно важенъ въ томъ отношеніи, что знакомитъ изучающаго отцевъ и учителей церкви съ ученіемъ языческихъ мудрецовъ, даже такихъ, цѣльныя сочиненія которыхъ въ послѣдствіи утратились. Въ сочиненіяхъ отцовъ церкви выводилась, кромѣ того, наружу вся обрядовая сторона древней и современной начальному христіанству языческой жизни, о которой притомъ имѣлось довольно и прямыхъ сочиненій у языческихъ писателей. На основаніи такихъ данныхъ вся до-христіанская жизнь древнихъ народовъ воспроизведена теперь съ возможною полнотою и ясностью. Напротивъ того, до сихъ поръ мы плохо знаемъ до-христіанскую жизнь Русскаго народа и именно потому, что наши источники очень ограничены и бѣдны. Пришлось набожному лѣтописцу, церковному проповѣднику или простому христіюбцу вымолвить два-три слова о погански живущихъ современникахъ, и мы ищемъ въ этихъ словахъ ту или другую черту мало знакомой намъ фізіономіи русскаго язычника. Какъ ни много успѣла собрать

наша литература подобныхъ чертъ, все-таки ихъ недостаточно для яснаго представленія духовнаго облика древне-русскаго человѣка. Гораздо живѣе и ярче, чѣмъ въ духовной письменности, рисуются черты древне-русскаго человѣка въ единственномъ почти свѣтскомъ памятникѣ нашей древней литературы—въ Словѣ о полку Игоревѣ. Но и здѣсь пѣвецъ коснулся религиозныхъ сторонъ и обрядовъ жизни только вскользь, отдавъ все вниманіе свое судьбѣ князей и ихъ войска, ихъ отчаянной борьбѣ за отчизну. Указанія Слова важны для насъ въ томъ отношеніи, что подтверждаютъ дѣйствительное существованіе въ русской жизни XII вѣка тѣхъ суевѣрій, которыя обличала духовная письменность,—что, стало быть, письменность эта держалась на русской почвѣ, а не повторяла только заимствованное изъ письменности византийской или какой-либо другой. Византийская проповѣдь давала только общій тонъ проповѣди русской, направляя обличенія послѣдней противъ того, что не подходило подъ аскетическій характеръ христіанства. Частное же содержаніе для своихъ поученій русскіе проповѣдники черпали изъ русской жизни. Само собою понятно, что замѣчаніе это касается только проповѣдей нравственныхъ; ибо догматическія, по самому характеру своему, не могли ничего имѣть собственно русскаго. Въ первый разъ встрѣчаемъ мы обличенія языческихъ вѣрованій Русскаго народа въ поученіяхъ преподобнаго Феодосія Печерскаго. Онъ обличаетъ вѣру въ чехъ, во встрѣчу, воронограй и пр. Эти же суевѣрія указаны потомъ въ словѣ о мытарствахъ Кирилла Туровскаго, который причислилъ ихъ къ ересямъ или къ 15-му мытарству. Угрожающее направленіе древней русской проповѣди, обличавшей языческія повѣрья, проходитъ чрезъ всю дальнѣйшую нашу письменность. Всѣ общественныя невзгоды и политическія бѣдствія понимались ими, какъ пощущенія Божіи за грѣхи двоевѣрно живущихъ. Даже на кровавую бурю злой татарщины проповѣдники и лѣтописцы смотрѣли, какъ на Божію немилость за поганскіе обычаи.

Но не смотря на всѣ строгія обличенія языческихъ вѣрованій, послѣднія жили въ Русскомъ народѣ, многія живутъ и до сихъ поръ. Они не только не поддавались вліянію духовнаго слова, но даже втягивали самую проповѣдь въ свою запретную область. Люди книжные, но несильные въ пониманіи книгъ, часто сбивались съ праваго пути и незамѣтно заходили сами въ отреченный міръ народныхъ суевѣрій. Люди эти, въ понятіяхъ массы, брали верхъ надъ проповѣдниками христіанскаго ученія во всей чистотѣ его. Ученіе послѣднихъ мало прививалось къ понятіямъ русскаго человѣка; отреченная же

литература быстро охватывала весь духовный міръ его, давая обильную пищу его уму и воображенію. Оказывалось, что тѣмъ больше появлялось на Руси запрещенныхъ ученій, тѣмъ глубже укоренялись въ духѣ древне-русскаго человѣка отреченныя вѣрованія, тѣмъ упорнѣе потомъ онъ долженъ былъ отстаивать ихъ отъ преслѣдованій церкви и правительства. Въ этой упругости старшихъ убѣжденій и въ необходимости борьбы изъ-за нихъ заключается причина односторонняго направленія нашей древней письменности. Она не могла, еслибъ и пожелала, входить въ разсмотрѣніе другихъ сторонъ жизни, когда самая важнѣйшая сторона—религіозная, требовала отъ нея самой сильной и дѣйтельной помощи. Исключительность духовной письменности древней Руси обусловливается поэтому не однимъ вліаніемъ Византіи, но и условіями русскаго жизни, гдѣ грамотные люди не знали и не могли знать никакихъ другихъ интересовъ, кромѣ религіозныхъ. Но при всей исключительности христіанской письменности, христіанскія вѣрованія туго входили въ русскую жизнь. На усиленіе отреченныхъ вѣрованій въ Русскомъ народѣ много вліяла потому религіозная рознь, отторгавшая народъ отъ православныхъ учителей и сближавшая его съ тѣми невѣждами, которые своимъ авторитетомъ поддерживали суевѣрныя ученія.

Напрасно нѣкоторые изъ нашихъ историковъ выражаютъ сожалѣніе, что скудно, даже во многихъ отношеніяхъ нелѣпо было христіанское умственное развитіе нашего простаго народа въ древней Руси, и что при всемъ томъ много онъ усвоилъ понятій ложныхъ, превратныхъ. Дѣйствительно, христіанское развитіе древняго русскаго человѣка было бѣдно, и съ этою бѣдностью онъ не въ состояніи былъ выйти изъ первобытнаго, дѣтски-невѣжественнаго состоянія, не могъ самъ собою домыслиться до свѣтлыхъ и разумныхъ воззрѣній на природу и на самого себя. Но съ другой стороны, не въ этой бѣдности христіанскаго развитія лежитъ причина живучести суевѣрій Русскаго народа. Народъ ни откуда не усвоилъ ихъ, у него не было даже средствъ къ такому усвоенію; онъ росилъ только искони присущее ему, свои древнія вѣрованія, которыя одновременны, можно сказать, съ его жизнію. Сами грамотники наши, которыхъ почему-то считаютъ изобрѣтателями и пропагандистами суевѣрныхъ ученій, были первыми суевѣрами, а грамота ихъ только систематизировала, вводила въ литературную форму то, что давно было извѣстно всѣмъ и каждому. Само собою разумѣется, что древнія русскія вѣрованія во многомъ измѣнялись, обновлялись и ослоялись при-

мѣсью извращеннаго христіанскаго ученія, но основа для нихъ была доморощенная. Присматриваясь ближе къ древней отреченной литературѣ, не трудно замѣтить, что не книжники христіанскіе распространили народныя суевѣрія, а наоборотъ, господство въ народѣ этихъ суевѣрій расплодило книжниковъ. Люди эти такъ глубоко проникались своими воззрѣніями на міръ внѣшній и на человѣка, что у нихъ естественно рождалась потребность выражать свои воззрѣнія литературнымъ путемъ, потребность общаго съ другими тѣми завѣтными взглядами, которые пріисущи были имъ самимъ и толпѣ. Такимъ образомъ, произведенія нашихъ суевѣрныхъ книжниковъ не содержали въ себѣ ничего совершенно новаго; чисто христіанское ученіе мало интересовало невѣжественную массу. Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ развитіи этой мысли, что въ циклѣ отреченныхъ вѣрованій, помѣщенныхъ письменными памятниками XVI и XVII вѣковъ, нѣтъ ничего такого, чему не было бы задатковъ въ древнѣйшихъ языческихъ суевѣріяхъ не только у Русскихъ, но и у другихъ родственныхъ имъ народовъ.

Еще менѣе основаній думать, что русскія суевѣрія проявились преимущественно, развились и окрѣпли въ расколѣ, дали пищу и силу этому явленію—именно тогда, когда началъ озарять Россію первый лучъ просвѣщенія. Между расколомъ и суевѣріями не было и не могло быть ничего общаго. Суевѣрія были вѣковѣчнымъ достояніемъ всего Русскаго народа, а расколъ, въ началѣ своемъ, былъ дѣломъ горсти людей, а потомъ вербовалъ подъ знамена свои только извѣстную часть Русскаго народа, имѣвшую побужденія преимущественно личные и общественно-экономическія не уживаться съ православнымъ обществомъ и особенно съ правительствомъ. Притомъ, если бы дѣйствительно въ основѣ раскола лежала суевѣрная мгла, то безъ всякаго сомнѣнія, дальнѣйшая дѣятельность расколоучителей развила-бы еще больше эту мглу, даже, можетъ-быть, возвела бы нѣкоторые изъ суевѣрій въ ученіе сектантовъ. Ничего подобнаго не случилось. Если и имѣются въ раскольническихъ сборникахъ статьи отреченнаго характера, то тамъ ихъ не больше, если даже не меньше, чѣмъ въ сборникахъ не раскольническихъ. А нелѣпыя бредни нѣкоторыхъ раскольническихъ сектъ относительно вѣры и нравственности не имѣютъ ни малѣйшей связи съ древне-отреченными вѣрованіями; онѣ явились или какъ отраженіе древнихъ христіанскихъ ересей, или какъ самобытныя выдумки тѣхъ невѣждъ, мужиковъ и бабъ, которыя въ расколѣ были большими охотниками и охотницами побогословствовать. Изъ всего сказаннаго видно, что древне-русскія отреченныя вѣрованія крѣпко дер-

жались въ жизни народа, и что на крѣпость и разрастаніе ихъ мало вліяли литературныя сношенія съ другими народами и даже религіозно-общественныя волненія Русскаго народа.

Наплывъ западныхъ книгъ суевѣрнаго содержанія въ XVI и XVII вѣкахъ только придалъ разнообразіе и уяснилъ прежде извѣстныя суевѣрія. Этого было довольно для того, чтобы вызвать противъ отреченныхъ книгъ обличенія русской проповѣди. Но помимо своего содержанія, книги тѣ, какъ продуктъ народовъ еретическихъ, поганыхъ, вызвали отпоръ съ другой стороны: церковная и правительственная власть поздвигла на нихъ гоненія. Читающіе и держащіе эти книги причислялись къ еретикамъ, даже ко врагамъ частнаго и общественнаго благополучія. На древнія вѣрованія стали смотрѣть, какъ на бѣсовскія коби, разсѣиваемыя еретиками на пагубу вѣрныхъ. Въ этомъ обобщеніи отреченныхъ книгъ съ ихъ западными редакторами была главная причина строгаго преслѣдованія ихъ въ XVI и XVII вѣкахъ. Русская церковь и правительство преслѣдовали здѣсь не столько самыя вѣрованія, сколько связи, поддерживавшія ихъ, связи запада съ Русью. Это видно изъ того именно, что отреченныя книги и вѣрованія существовали у насъ гораздо раньше знакомства съ западомъ, и между тѣмъ прежде смотрѣли на нихъ только какъ на душевную тлю, гибельную для христіанина. Въ русскомъ словѣ св. Ефрема, по Паисіевскому сборнику XIV вѣка, идетъ длинный перечень отреченныхъ книгъ и вѣрованій. „А отреченныя книги“, говоритъ проповѣдникъ, „не припикати отинудъ; отреченныя же книги суть: острономѣи, звѣздочетъи, сонникъ волховникъ, птичїи чаровѣ, землемѣрье, чаромѣрье, стѣнемъ знамянье, лунное и солнечныя,.... зелейникъ, колядникъ, громникъ и прочая книги, ими же бѣси привабливають и бесѣдуютъ съ ними, суть же и въ святыхъ книгахъ вписана джива, на соблазну перазумнымъ чловѣкомъ“¹⁾). Предлагаая этотъ перечень, проповѣдникъ хочетъ только, чтобы чада его разумѣли, како есть добро вѣровати. Отреченныхъ книгъ, которыя въ первый разъ являютъся въ XVI вѣкѣ, очень немного; онѣ указаны въ Стоглавѣ; это—рафли, шестокрылъ, зодїи, альманахъ, Аристотелевы врата и пр. И эти книги были новостью для русскаго чловѣка только по заморскимъ названіямъ; сущность же содержанія ихъ была въ извѣстной степени знакома русскому чловѣку и прежде. То же слѣдуетъ сказать о козняхъ бѣсовскихъ, которыя запрещаетъ Домострой. Между другими

¹⁾ Историч. Христоматїя *Буслаева*, 533.

кознями, онъ указываетъ на стрѣлки громныя, топорки, усовники, два каменіе, кости волшебныя. Не имѣя данныхъ для уясненія того, что такое усовники и два каменіе, о прочихъ указанныхъ повѣрьяхъ знаемъ, что они были извѣстны гораздо раньше Домостроя. Напрасно издатель Луцидаріуса, г. Тихонравовъ, замѣчаетъ, что выраженіемъ *стрѣлки громныя и топорки*—этимъ не вполне яснымъ наставленіемъ, въ которомъ названія книгъ смѣшаны съ названіями суевѣрій, — указывается на Луцидаріусъ, потому что именно въ этомъ памятникѣ находится осуждаемое Домостроемъ толкованіе о стрѣлкахъ громныхъ и топоркахъ ¹⁾. Подобное указаніе едва-ли можетъ имѣть значеніе, если мы вспомнимъ, что тѣ же суевѣрія указаны уже въ болѣе древнемъ памятникѣ русской письменности; именно, въ Кормчей, конца XV или начала XVI вѣка, читаемъ написаніе Аѳанасія мпиха о наузѣхъ и о стрѣлѣхъ громныхъ: „стрѣлки и топоры громніи нечестивая и богомерская вещь, аще недугы и подсыванія и огненныя болѣсти лѣчить“ ²⁾. Послѣ этихъ словъ трудно положительно утверждать, что Домострой Сильвестра, упоминая о топоркахъ и стрѣлкѣхъ громней, указываетъ непременно на Луцидаріусъ, и что послѣдній въ XVI вѣкѣ былъ ужъ извѣстенъ въ русскомъ переводѣ ³⁾. Въ этомъ случаѣ можно считать болѣе вѣрнымъ указаніе Востокова, который нашелъ Луцидаріусъ на русскомъ языкѣ въ Руминцевскомъ сборникѣ половины XVIII вѣка, подъ заглавіемъ: Книга именуемая Лусидариусъ, сирѣчь златый бисеръ. Книга эта—переводъ съ латинской: *Elucidarius dialogicus theologiae tripartitus* ⁴⁾. Въ доказательство поздняго появленія Луцидаріуса въ русскомъ переводѣ можно еще указать на свидѣтельство извѣстнаго западнаго писателя конца XV и начала XVI вѣка Пики Мирандоли. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ о Луцидаріи, какъ книгѣ новой для современныхъ ему читателей, которые, какъ видно, различно думали о томъ, кто—авторъ этой книги. Мирандола называетъ его Алліаценсомъ (*Alliacensis auctor Elucidarii*) ⁵⁾. Едва-ли подобная книга могла бы уже попасть въ руки Сильвестра.

¹⁾ *Летописи русской литературы и древности*, издан. Тихонравовымъ. Т. I, 34.

²⁾ *Востоковъ*, Описание Рум. Муз., стр. 283.

³⁾ *Летописи*, изд. Тихонравова т. I, 34.

⁴⁾ Описание Рум. Муз., стр. 550.

⁵⁾ *Joannis Pici Mirandoli opera. Disputationum adversus astrologos libri duodecimi, liber quintus, cap. VII.*

И другія отреченныя вѣрованія, начало которыхъ многіе видятъ въ книгахъ XVI и XVII вѣковъ, восходятъ къ болѣе отдаленному времени,—только ими до указанной эпохи мало занимались наши древніе грамотники. XVI и особенно XVII вѣка представляютъ, сравнительно съ временемъ предшествующимъ, кипучую дѣятельность въ списываніи и редактированіи отреченныхъ тетрадей на Руси. Въ известной мѣрѣ, это даже дѣлало честь тогдашнимъ грамотникамъ, которыхъ интересовала книжная работа, хотя, разумѣется, работа эта брала фальшивое направленіе, не согласное съ видами церкви и правительства; грамотные люди, особенно члены церковныхъ причтовъ съ ихъ дѣтми, наскучивъ однообразнымъ и мало для нихъ понятнымъ ученіемъ церкви, искали разумной самодѣтельности; будучи неспособны, по невѣжеству своему, къ толковой самодѣтельности, они усердствовали въ списываніи прежнихъ и въ составленіи новыхъ отреченныхъ тетрадей; на такомъ поприщѣ представлялось полное раздолье русскому суевѣрному уму, свыкшемуся съ исконными вѣрованіями, близкими къ народной массѣ, — и наши умники-грамотѣи, „мпищисся учителя“, по словамъ князя Курбскаго, „болше и въ болгарскіи басни, або наче въ бабскіи бредни упражняются, прочитають и похваляютъ ихъ, нежели въ великихъ учителяхъ разумехъ наслаждаются“¹⁾. Усердіе къ отреченной письменности еще болѣе усиливалось потому, что произведенія этого рода скоро и прибыльно сбывались съ рукъ; наше нищенствовавшее приходское духовенство не пренебрегало поэтому издательскимъ промысломъ, когда онъ былъ легче и прибыльнѣе всякаго другаго. Произведенія отреченной литературы вошли, въ XVI и XVII вѣка, въ большое употребленіе. Но это не даетъ права заключить, что съ этой поры оживленной письменной дѣятельности усиливаются, или точнѣе сказать, возникаютъ многія изъ отреченныхъ вѣрованій. Отреченныя вѣрованія росли не потому, что росла литература ихъ, а наоборотъ—литература усиливалась отъ того, что наступила пора высказать давнія и созрѣлыя вѣрованія, чувствовалась потребность дать имъ книжную форму. Литература только уясняла то, чего слишкомъ было много въ темной области народнаго невѣжества. Все запосное, не отиѣчавшее русскому взгляду на известный суевѣрный предметъ, не находило сочувствія и въ отреченной литературѣ. Наши древніе книжники отличались такимъ же консерватизмомъ въ своемъ дѣлѣ, какимъ отличалось все русское об-

¹⁾ Описаніе Рум. Музея, стр. 212.

щество въ другихъ условіяхъ жизни. Въ своихъ книжныхъ заплѣтахъ они строго и работливо сдерживали книгой то, что изстари держалось въ народномъ быту. Этимъ и объясняются всѣ симпатіи древнерусскаго человѣка къ запрещенной грамотѣ,—тѣ симпатіи, которыхъ не было и нѣтъ до сихъ поръ въ народѣ къ письменнымъ произведеніямъ иного рода.

Необходимо и здѣсь замѣтить, что сказанное не касается отреченной литературы христіанскаго характера или апокрифовъ. Эта литература принималась народомъ вслѣдствіе увлеченія его ложно-христіанскими понятіями, которыя однакожь сами стояли въ тѣсной зависимости отъ произведеній той литературы, которую разбираемъ здѣсь. Между тѣмъ какъ литература апокрифическая, тѣсно связанная съ христіанствомъ, свободно проходила въ народъ, не преслѣдуемая много церковною властью, между тѣмъ какъ сами представители этой власти нерѣдко принимали памятники апокрифическіе за чисто-христіанскіе, — литература отреченная, стоявшая на древне-языческой почвѣ, всегда и всѣми была строго осуждаема. Явишіеся потомъ индексы ложныхъ книгъ ясно различали книги апокрифическія отъ другихъ, которыя Кириллова Книга называетъ прямо еретическими. Относительно первыхъ въ индексахъ имѣется замѣтка, что „между божественными писаніи ложная писаніи написана отъ еретикъ на пакость невѣжамъ попомъ и дьякомъ тольстивыи изборники, сельскіи худше мапанануици, по молитвенникомъ сельскихъ поповъ живи молитвы о трясавицахъ и о нежитѣхъ и о недузѣхъ, имиже еретицы исказили церковная преданія и апостольская правила, пишущи ложная словеса“¹⁾. Послѣ такого предостереженія относительно книгъ, которыми искажены церковныя правила, индексъ перечисляетъ мірскія еретическія книги, „ихъ же не подобаетъ чести православнымъ“. Сюда входятъ всѣ тѣ книги и вѣрованія, начала которыхъ коренились въ языческой жизни нашихъ предковъ; только немногія изъ нихъ касаются библейскаго содержанія, и тѣ въ отличіе отъ чисто народныхъ названы болгарскими баснями. Во всѣ эти отреченныя еретическія книги заповѣдано „не принимати, еже есть врази Божіи“.

По различію запрещенныхъ книгъ различно относились къ нимъ и ихъ читателямъ церковная и свѣтская власть въ древней Руси. Имѣется нѣсколько данныхъ въ подтвержденіе того, что отреченныя вѣрованія языческой старины были преслѣдуемы строже, чѣмъ апокрифы. Между

¹⁾ *Православ. Собрания*: 1858 г., часть II, 457.

тѣмъ, какъ послѣдніе нерѣдко были принимаемы и читаемы людьми, призванными учить другихъ, и заносились даже въ церкви,—вѣрованія языческія были ясно понимаемы и отвергаемы, какъ дьявольское навожденіе. Тетради, хранившія эти вѣрованія, составляли въ древности родъ подпольной литературы; за списываніе и держаніе ихъ грозили всякому кандалы, пытки и ссылка на черныя монастырскія работы. Вотъ какъ, напримѣръ, относился къ запретнымъ тетрадамъ пѣкій дьячекъ Семейка Григорьевъ, потерпѣвшій за нихъ горькую участь. Онъ „тѣ тетради, рафли, въ пынѣшнемъ во 136 году марта въ 4-й день, поднялъ на Печерской дорогѣ, въ Дмитровской въ каменной башнѣ, перешедъ Каменной мостъ, въ каменному щиту, въ заворотѣ, связаны и оберчены бумагою, и про тѣ де онъ тетради скazyвалъ головнику, старцу Исихью, да тому Кіевленину старцу Варсунофью, а память де полсема строки писана въ борбѣ, и далъ ему каргопольскій стрѣлецъ, Оедкою звали, прозвище Молодой, и того де стрѣльца убили литовскіе люди...“¹⁾ Какъ ни бережно скрывались гадалыныя тетради въ каменной башнѣ, въ каменномъ щиту, въ заворотѣ, связанные и обернутыя бумагой, какъ ни хитрилъ потомъ съ ними Семейка-дьячекъ,—онъ не ускользнулъ отъ преслѣдованій власти и былъ строго наказанъ за свое вольнодумство. Патріаршая грамота приказывала взять дьячка и сковать въ ножныя желѣза и быть ему въ монастырскихъ черныхъ службахъ годъ. Къ вѣщшей бѣдѣ дьячка, вслѣдствіе сжечь всѣ дорогія для него тетради.

Трудно, однако, предположить, чтобы судьи Семейки, эти строгіе пуристы древне-русской письменности, эти русскіе инквизиторы анти-религіозныхъ ученій, дѣйствовали съ сознательнымъ пониманіемъ вреднаго содержанія такихъ невинныхъ вещей, каковы Рафли. Всѣ напасти на отреченныя тетради дѣлались, намъ кажется, вслѣдствіе укоренившагося предубѣжденія противъ чужеземнаго вліянія, и потомъ, вслѣдствіе естественнаго желанія духовной власти вырывать изъ русской жизни все, что напоминало языческую старину. Подобнаго стремленія нельзя объяснять однимъ вліяніемъ Византіи. Конечно, силенъ былъ примѣръ Византіи, но и безъ него въ русскомъ обществѣ должны были образоваться непріязненные взгляды на отреченныя тетради, свои и заносныя. Такая непріязнь естественна въ каждомъ обществѣ, рано замкнувшемся въ тѣсномъ кругу національности. Подъ вліяніемъ ея, передовые люди XVI и XVII вѣковъ,

¹⁾ Акты Археогрѣ. Эксп., III, № 176.

люди властные, не переставали обличать всё преданія старины, какъ ересь. Не поддавалась эта старина уликамъ древней проповѣди,— и теперь противъ нея заговорили устроители домашняго и общественнаго благочинія; заговорилъ церковный соборъ въ лицѣ самаго царя, требовавшаго радикальныхъ мѣръ къ исправленію общества; заговорили противъ старины патріаршія и восводскія грамоты XVII вѣка: „Въ городѣхъ и уѣздѣхъ“, гласитъ одна изъ нихъ, „отъ прелестниковъ и отъ малоумныхъ дѣлается бѣсовское сонмище, сходятся многіе люди мужскаго и женскаго полу по зоримъ и въ почи чародѣйствуютъ, съ солнечнаго схода перваго дни луны смотрятъ и въ громное громленіе на рѣкахъ и въ озерахъ купаются, чають себѣ отъ того здравія, съ серебра умываются, и медвѣди водятъ, и съ собачками пляшутъ, и зерпью, и карты, и шахматы, и лодыгами играютъ.... И многіе человѣцы неразумемъ вѣрують въ сонъ, и въ стрѣчу, и въ полазъ, и въ птичей грай, и загадки загадываютъ и сказки сказываютъ не былыя...“¹⁾

При всѣхъ строгихъ преслѣдованіяхъ старины, Русскіе XVI и XVII вѣковъ не могли, однако, выйдти изъ чарующаго круга языческихъ воззрѣній на природу. Она сильно манила ихъ къ себѣ своимъ могучимъ вліяніемъ на человѣческую жизнь. Только строгіе аскеты мѣнили магическую силу природы на силу мнимо-христіанскихъ молитвъ и обрядовъ. Но и изъ нихъ многіе, отрѣшившись отъ вѣры въ чудесное природы, легко вѣрили въ чудесные вымыслы мнимо-христіанской мистификаціи. Этими вымыслами кстати богата была наша мнимо-литература XVI и XVII вѣковъ. Рядомъ же съ подобными произведеніями продолжали существовать толстые сборники — травники, зелейники и т. п., въ коихъ трактовалось о чудесныхъ предметахъ, обладавшихъ сверхъестественными силами. Такіе сборники были любимымъ чтеніемъ въ нашей древности. Желающій находилъ въ нихъ цѣлительное слово или чудное зелье, на пользу себѣ и другимъ. Знахари и знахарки черпали изъ нихъ свои чудесническія знанія, или по крайней мѣрѣ, оправдывали книгою давно ходячія шарлатанства. Нужна ли была помощь страшливому воину,—ему давалась былинка, которая „въ непріятельскаго войска строй ввержена, боязнь и трепеть на воиновъ всѣхъ наводитъ“. Нужно ли было придать смѣлости охотнику-звѣробойцу,—для него прискивалась другая былинка, „о пей же вси дивіе звѣріе трепещуть, когда предъ ними повержена бываетъ“.

¹⁾ Акты Историческіе, т. IV, № 55.

часть СЛХХІІ, отд. 2.

Страдалъ ли человѣкъ трясавицей, — ему стоило взять злое зелье, щепотка коего или „привязанія къ лѣвому плечу недугующихъ трясавицей во здравіе приводятъ“. Подозрѣвалъ ли ревнивецъ-мужъ въ вѣрности жену свою, — ему стоило только найдти чудесную траву, и тайна открыта: „Аще хочешь вѣрность жены своей извѣдати, привяжи ей у горла въ маломъ пузырькѣ склянномъ кафра; аще кафръ счезнетъ, тогда нѣтъ отъ ней вѣрности, аще же цѣль будетъ, то есть, вѣрность“. Наступала ли болѣзненная и опасная пора женскихъ родовъ, — спѣшили запастись такою травой, которая „скорое и легкое невѣстамъ тяжелымъ порожденіе творить“. Въ травникахъ и зелейникахъ были указываемы даже такія травы и корни, цѣлительная сила которыхъ простиралась на многіе недуги и на природные недостатки, ничѣмъ другимъ не излѣчимые. Такъ, каламуль-травя, между множествомъ другихъ болѣзней, „тяжесть языка легчить и рѣчь тяжелую исправляетъ, и острость подаетъ и тѣлесну похоть возбуждаетъ“. На счетъ тѣлесной похоти и виннаго хмѣлю особенно много въ старинныхъ сборникахъ разныхъ притокъ и зелей. Здѣсь фантазія русскаго человѣка разыгрывалась иногда до болѣзненнаго изступленія. Между другими быліями, имѣвшими отношеніе къ плотской похоти, было нѣкое быліе, „кое вкусившему человѣку можно семьдесятъ кратъ со женою совокупиться“. Были, съ другой стороны, и такіе травы и корни, которыми можно было усмирить грѣховную страсть. Такъ, одно быліе (спинная вошь) „огнь въ удахъ слитисъ на нихъ охлаждадо, въ глазахъ огонь укрощало“¹⁾.

Вольшинство древне-русскихъ грамотниковъ и народъ больше вѣрили и сочувствовали подобнымъ ученіямъ, нежели наставленіямъ чисто-христіанскимъ. Послѣднія, въ свою очередь, были иногда до нелѣпности искажаемы образами живой и грубой фантазіи, и это привлекало къ нимъ вниманіе невѣжественныхъ грамотниковъ, падкихъ на все чудесное. Между тѣмъ чудесные разказы, съ примѣсю христіанскаго содержанія, мало или совсѣмъ не были преслѣдуемы ни церковію, ни правительствомъ. Въ народѣ ходили толстые сборники, полные чудовищныхъ разказовъ о чудесныхъ явленіяхъ, исцѣленіяхъ и проч. Были терпимы, и вѣроятно, даже уважаемы большинствомъ грамотѣевъ разказы въ родѣ повѣсти о нѣкоемъ попѣ, „ниже крещая жены соблазняшеса“. При крещеніи дѣвicy - Персіянки попъ такъ соблазнился, что не могъ помазать ногу ея святымъ масломъ и убѣ-

¹⁾ Травникъ Соловецкой бібліотеки, № 44 (1562 г.).

жалъ; но на дорогѣ схватилъ грѣшнаго бѣглеца св. Іоаннъ и оградилъ его крестнымъ знаменіемъ. На другой день послѣ того попъ крестилъ Персіанку, „никако разумѣвъ, яко жена есть естествомъ“¹⁾. Такимъ образомъ, чудесная вѣра въ христіанскую помощь замѣнила вѣру въ помощь отъ чудесныхъ силъ природы. И тамъ, и здѣсь чело­вѣкъ одинаково былъ суевѣренъ. Въ первомъ случаѣ суевѣріе его брало себѣ пищу изъ понятій религіозныхъ, во второмъ — изъ воз­зрѣній азычской старины. На сторонѣ послѣдней было большинство грамотныхъ и особенно неграмотныхъ.

Церковная власть, сообща съ гражданскою, должна была обра­щаться къ сильнымъ мѣрамъ для подавленія въ Русскомъ народѣ его вѣрованій въ чарующія силы природы. Она смотрѣла на всѣ вѣро­ванія этого рода, какъ на волшебство и чародѣйство и виновныхъ пре­давала суду и наказанію. Любители цѣлительныхъ травъ, подобно любителямъ подпольныхъ тетрадей, прятали свои сокровища далеко отъ зоркихъ глазъ властныхъ людей, а люди эти не упустили случая подвести подъ арестъ и судъ всякаго, у кого находили подозритель­ное зелье. Достаточно здѣсь указать на слѣдующій случай, одинъ изъ многихъ: Верхотурскій воевода доносилъ князю Пожарскому, что онъ нашелъ у проѣзжаго протопопа Якова въ коробѣ „траву багрову, да три корени, да комокъ пухчевать бѣлъ, и того протопопа распра­шивали: какаѣ трава и корень, и у кого взялъ, и какое угодье“. Оказалось, что далъ протопопу подозрительныя вещи Тобольскій ка­закъ Степанко Козыи Поги. Воевода приказалъ „того протопопа Якова и коробю, что у него вынято съ воровскимъ кореньемъ, прислать къ Москвѣ съ приставомъ“²⁾. Дальнѣйшая судьба протопопа Якова съ его коробей не извѣстна. Для насъ важенъ этотъ фактъ, какъ доказательство сильнаго преслѣдованія не на словахъ только, какъ дѣлали прежніе проповѣдники, а на самомъ дѣлѣ, преслѣдованія приверженцевъ старины, тѣхъ людей, которымъ тяжело было отрѣ­шаться отъ всякихъ связей съ природою, манившю ихъ къ себѣ своими завѣтными чарами.

Мы уже сказали выше, что какъ среди русскихъ людей XVI и XVII вѣковъ, такъ и среди современныхъ имъ народовъ запада, суе­вѣрныя воззрѣнія на природу были въ большемъ ходу. Не меньше,

¹⁾ Цвѣтникъ, сборникъ Солов. библ., № 1139, л. 200.

²⁾ Акты Историч., III, № 137.

чѣмъ у насъ, было и тамъ письменности, которая занималась описаніемъ чудесныхъ травъ, звѣрей, камней и т. п. Западная церковь не меньше, если не больше нашей, усиливалась искоренить запретныя писанія. Какой преукрашенной фантастичности достигали западныя сказанія о чудесахъ, напримѣръ, травахъ, можно ясно видѣть изъ ходячаго между западными книжниками разказа о чудесной травѣ Агнусъ. Мы приводимъ его здѣсь, какъ наиболее интересный. Трудно сказать, какъ сложилась въ западной литературѣ чудная сказка объ Агнусѣ или баранцѣ-травѣ; еще труднѣе согласиться съ словами г. Костомарова ¹⁾, будто Русскіе, въ XVI вѣкѣ, увѣряли иностранцевъ, что на низовьяхъ Волги растеть животное-растеніе баранецъ,— такъ какъ на западѣ усилились слухи о чудесной травѣ гораздо раньше XVI вѣка. Западный писатель Сурій (Surius) говоритъ о ней въ сочиненіи своемъ 1504 года, пользуясь при этомъ свидѣтельствомъ тѣхъ, которые раньше его знали о баранцѣ (*qui id povergant*). Одерикъ Виталій еще раньше Сурія говорилъ о томъ, что баранецъ растеть на Каспійскихъ горахъ (?). Намъ кажется, что западныя разказы объ этой травѣ, извѣстныя въ XV, а можетъ-быть, и въ XIV вѣкѣ, сложились инымъ путемъ, а не по разказамъ самихъ Русскихъ; скорѣе — иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію, спрашивали о подробностяхъ про чудный Агнусъ, о которомъ слышали они дома. Одинъ изъ западныхъ книжниковъ держитъ такую повѣсть о баранцѣ: не далеко отъ Казанскихъ Татаръ (а *Cazanensibus Tartaris*), на одномъ островѣ, найдено сѣмя, похожее на сѣмя дынь, только немного больше и покруглѣе послѣдняго; изъ него вырастаетъ что-то весьма похожее на ягненка, поставленнаго на землю, пяти ладоней въ вышину; растеніе это имѣетъ и голову, и глаза, и уши, и все прочее въ формѣ недавно рожденнаго ягненка; даже имѣетъ оно тончайшую шерсть, которую многіе въ тѣхъ мѣстахъ употребляютъ для головныхъ шляпъ. При этомъ растеніе то, если только его можно такъ назвать, мяса не имѣетъ, но за то имѣетъ кровь, вѣсто же мяса на немъ есть какаля-то матерія, очень похожая на мясо раковъ (*persimilem сапсгогит сагні*); копыта же у него мясныя, а не какъ у барана. Корни у баранца—у пупка или на середивѣ живота. Живетъ то растеніе не долго; корень его, пожравши травы вокругъ себя, за неимѣніемъ пищи, засыхаетъ. Имѣетъ тотъ баранецъ удивительную сладость, которая приманиваетъ къ растенію волковъ и другихъ хищныхъ четвер-

¹⁾ Очеркъ жизни Великорусскаго народа, гл. XXI.

роногихъ. Все это, включаетъ разказчикъ, могло бы казаться вымышленнымъ, еслибы не подтверждалось благонадежными людьми. Да и можетъ ли быть что-либо невозможное для всемогущаго Бога? Его и должны мы прославлять и удивляться дѣламъ его... ¹⁾). Съ такою наивностію говорили о дивахъ природы лучшіе люди запада, и въ словахъ ихъ не меньше сусвѣрной жи, чѣмъ въ словахъ любого изъ нашихъ авторовъ отреченныхъ тетрадей.

Благодаря извѣстнымъ неблагоприятнымъ условіямъ, въ которыя поставлена была наша древняя письменность вообще, вліяніе собственно письменности отреченной на народъ едва-ли было велико. Письменность эта долго была достояніемъ незначительнаго кружка грамотниковъ, и сусвѣрныя понятія держались жизнью народа и получали различныя варіаціи, благодаря традиціи устной, а не письменной. Поэтому ни церковная, ни свѣтская власть не могли легко и скоро истребить незначительнаго сперва количества отреченныхъ книгъ. Книги эти отставала народная вѣра въ ихъ ученіе, знакомое народу раньше всякихъ книгъ, вѣра въ кудесниковъ и знахарей, часто на практикѣ примѣнявшихъ отреченныя знанія. Всѣ репрессивныя мѣры правительства достигли только одного: русскій чело-вѣкъ мало по малу начиналъ смотрѣть на свои вѣковыя вѣрованія, какъ на что-то темное, бѣсовское, за что грозили ему кандалами и пытками при жизни и злыми муками ада по смерти. Поэтому, любители старины начинаютъ глубоко скрывать опасныя, но дорогія для нихъ вѣрованія и тетради и ни за что не хотятъ разстаться съ ними.

Еще живучѣе и крѣпче были древне-русскія астрологическія вѣрованія. Причина этой живучести заключалась въ близости ихъ къ жизни чело-вѣка. Происхожденіе и этихъ вѣрованій нельзя объяснять единственно вліяніемъ византійскихъ и западныхъ книгъ. Если и являлись на Руси такія книги, то не въ большомъ количествѣ, только для записныхъ книжниковъ, и притомъ въ довольно позднюю пору, въ XVI и въ XVII вѣкѣ по преимуществу. Въ иноземныхъ книгахъ русскіе грамотники получали одни литературныя, систематическія изложенія тѣхъ астрологическихъ вѣрованій, которыя, въ извѣстной мѣрѣ, были уже знакомы Русскому народу издавна. Одна часть ихъ возникла въ періодъ язычества, другая же, и самая большая, есть естественный результатъ народныхъ наблюденій надъ звѣзднымъ небомъ и надъ вліяніями его на землю и на самого чело-вѣка. Астро-

¹⁾ Разказъ Одерика, записанный у *Симона Маіона*, т. I, 343.

логическія вѣрованія вполнѣ естественны въ ранней жизни каждаго народа. Начало ихъ, говорятъ Байли, заключается въ свойственной каждому человѣку склонности связывать со всѣмъ существующимъ то, что касается жизни и участи человѣческой, въ желаніи поднять завѣсу, которая скрываетъ нашу будущность ¹⁾. При одинаково сильномъ у всѣхъ народовъ желаніи поднять заманчивую завѣсу, самые способы поднимать ее у разныхъ народовъ различны, то-есть, различны ученія и обычаи, цѣль которыхъ—проповѣдать будущее. Первоначальною причиною такого различія служитъ разность климатическихъ и топографическихъ условій страны, потомъ—условія общественной жизни народа и его нравственный характеръ. Эту черту заимѣли еще Цицеронъ; „Мнѣ кажется“, говоритъ онъ, „что отъ самыхъ мѣстностей, заселенныхъ народами, произошло различіе въ предсказаніяхъ; Египтяне и Вавилоняне, обитавшіе на открытыхъ равнинахъ, все усердіе свое приложили къ распознаванію звѣздъ, когда на землѣ не выдавалось ни что такое, что могло бы мѣшать наблюденію неба; Этрусски же всецѣло отдались изученію внутренностей животныхъ, ибо, наученные религіи, они часто и рачительно закадали животныхъ; Арабы, Фригійцы и Каликійцы, переходя лѣтомъ и зимою съ своими стадами горы и поля, всего больше наблюдали за лѣтніемъ и полетомъ птицъ; то же было въ Писидіи и Умбріи. Вся же Карія и особенно Телмессы искусно наблюдали за разными предзнаменованіями, ибо они заселили самыя тучныя и плодоносныя поля, на которыхъ вдоволь родилось всего“... ²⁾. Ясно, что астрологическія вѣрованія составляютъ, подобно другимъ, необходимое явленіе въ жизни каждаго народа, вызываемое физическими условіями странъ и образомъ жизни ихъ обитателей. Они необходимо должны были возникнуть рано и въ жизни Русскаго народа, будучи вызваны открытыми равнинами его родины, на которыхъ не было помѣхъ для наблюденій звѣзднаго неба; притомъ, эти вѣрованія возникли въ русской жизни самостоятельно, и безъ сомнѣнія, задолго до внесенія ихъ въ памятники древней письменности. Впрочемъ, и письменныя указанія по этому дѣлу восходятъ къ очень древней порѣ. Еще черноризецъ Кирікъ въ XII в. коснулся повѣрья, связаннаго съ астрологіей: онъ осудилъ вѣрившихъ въ счастливые и несчастливые дни по отреченнымъ книгамъ.

¹⁾ Статья *Astrologie* въ *Johann Samuel Fraugott Gehler's Physikalische Wörterbuch*.

²⁾ *Ciceronis Opera Philosophica. De divinatione liber I, 571—572.*

„Прочтохъ“, говоритъ Кирикъ, „изъ нѣкоторой заповѣди: оже въ недѣлю и въ субботу и въ пятокъ лежитъ человекъ, а зачнетъ дитя,—будетъ либо тать, либо разбойникъ, либо блудникъ, либо трепетивъ; а родителя опитетъ два лѣта. А ты книги годятся съжечи“¹⁾. Что за книги здѣсь разумѣются—свои или занесенныя изчужа, рѣшить трудно. Извѣстно, что ученіе о днѣ и часѣ, въ который зачинается человекъ, было усердно разрабатываемо западными астрологами. Такъ-называемый фатальный часъ, *hora fatalis*, считался необходимымъ условіемъ для всякаго дѣла; но особенно важенъ онъ былъ своимъ влияніемъ на зачатіе человека. Западные схоласты вели жаркіе споры о томъ даже, къ какому времени отнести тотъ моментъ изъ жизни человека, который называется *hora fatalis*. Одни относили его къ тому времени, когда мужчина въ первый разъ соединяется съ женщиной; другіе же принимали за *hora fatalis* весь періодъ времени, въ которое мужескій плодъ растетъ во чревѣ матери, и проч.²⁾ Кирикъ, какъ видно, указываетъ на мнѣніе мыслителей перваго рода; но дѣло въ томъ, что въ XII вѣкѣ едва ли были извѣстны указанныя ученія западныхъ книжниковъ, а тѣмъ болѣе едва ли могли они перейти въ ту пору къ намъ. Такимъ образомъ, если мнѣніе о русскомъ происхожденіи книгъ, которыя, по словамъ Кирика, годятся сожечи, покажется слишкомъ смѣлымъ, то позволительно думать съ полною вѣроятностью, что онѣ были греческаго или южно-славянскаго происхожденія. Въ отреченныхъ книгахъ позднѣйшаго времени не видно указаній на дни добрые и недобрые по влиянію ихъ на зачатіе и рожденіе человека; но что вѣра въ различіе этихъ дней существовала, на это указываетъ извѣстная поговорка: „Такъ на роду написано“.

Потому ли, что астрологическія вѣрованія Русскихъ не высказывались слишкомъ рельефно, или потому, что имъ не придавали особенной важности и грѣховности,—только наши обличители языческихъ суевѣрій въ XII, XIII и XIV вѣкахъ мало говорятъ противъ астрологическихъ примѣтъ и наблюденій. Между другими обличеніями древнѣйшихъ календарныхъ вѣрованій можно указать на слова Серапіона. Онъ говоритъ въ своемъ словѣ о маловѣрїи слѣдующее: „Егда кая на насъ казнь отъ Бога прїидеть, то болѣе прогнѣваемъ, извѣтъ кладуче, того ради ведро, сего дѣля дождь, того дѣля жито

¹⁾ Памятники Русской Словесности XII вѣка, 188.

²⁾ P. Miranduli, lib. sextus, cap. II.

не родиться,—и бываете строители Божіей твари, а о безумьи своемъ почто не скорбите.“¹⁾ Два-три голословныя указанія древнерусскихъ проповѣдниковъ могутъ все-таки служить сильнымъ доказательствомъ того, что астрологическія вѣрованія существовали не только въ практическомъ быту Русскаго народа, въ его примѣтахъ и гаданіяхъ, но и въ письменныхъ памятникахъ древней Руси. Русское Слово св. Ефрема о книжномъ ученіи, между прочимъ, говоритъ: „Отреченныя же книги суть: остроноумья, звѣздочетья, стѣнемъ знамяне, лунное и солнечная, яко 3 бываютъ солнца, или волосы простирая, или погарая, колядникъ, громникъ“ и пр.²⁾ Расходясь по Русской землѣ, астрологическія вѣрованія обложнялись потомъ сродными имъ вѣрованіями чужеземнаго свойства, изъ чужеземныхъ книгъ. Въ нашихъ древнихъ сборникахъ много разнообразныхъ статей астрологическаго содержанія. Таковъ между прочимъ, по указанію г. Буслая, одинъ синодальный сборникъ XVI в., въ комъ помѣщены статьи: Премудраго Георгія Писиды о широтѣ и о долготѣ, о земномъ устроеніи, о мланіи, о грому сказаніе, о трехъ кружѣхъ—о солнечномъ и луннѣмъ, и земномъ, о солнечныхъ знаменіяхъ, о лунныхъ знаменіяхъ, о двюнадесять зодіахъ и т. п.³⁾ Въ XVII вѣкѣ книжныхъ статей такого рода являлось еще больше—уже съ запада. Была извѣстна, напримѣръ, нашимъ предкамъ „Великая и предивная наука“ Раймунда Луллія (Raymundus Lullus), по рукописи XVII вѣка⁴⁾.

Съ XVI же вѣка начинаются, однако, и литературныя обличенія астрологическихъ вѣрованій Русскаго народа. Самое почетное мѣсто въ ряду другихъ обличителей принадлежитъ Максиму Греку. Обличенія Максима были вызваны не изученіемъ нашей народной жизни, которой онъ, какъ пришлецъ, не зналъ, а знакомствомъ съ книжнымъ ученіемъ западныхъ еретиковъ, сочиненія которыхъ проникли въ Россію. Какъ сочиненія эти, такъ и обличенія ихъ ученими Грекомъ не могутъ вѣрно знакомить насъ съ тѣми дѣйствительными повѣрьями Русскаго народа, съ которыми была связана вся жизнь нашихъ предковъ, и которыя вошли потомъ въ русскій народный календарь. Отличаясь книжнымъ характеромъ, сочиненія Максима не проникали въ народъ. Ихъ мало почтили своимъ вниманіемъ

¹⁾ Слово Серапіона о маловѣрїи.

²⁾ Буслая, Историч. Христоматїя, стр. 533.

³⁾ Тамъ же, 693.

⁴⁾ Тамъ же, 694.

и наши древніе книжники, вопервыхъ, потому, что многіе изъ нихъ, по степени умственнаго развитія своего, не въ состояніи были понимать автора обличительныхъ сочиненій, и поэтому, не могли соглашаться съ нимъ; а вовторыхъ, потому, что Максимъ Грекъ не пользовался довѣріемъ не только у современниковъ своихъ, но и въ ближайшемъ потомствѣ, „аки хульникъ и святыхъ писаній глитель“. Немного имѣли значенія и другія литературныя обличенія древне-русскихъ астрологическихъ примѣтъ и суевѣрій. Поэтому, въ письменности XVII вѣка мы видимъ множество неизвѣстныхъ прежде тетрадей, со всевозможными толками о звѣздныхъ и атмосферныхъ явленіяхъ. Въ этой письменности оказались „астрономія солнечному и лунному и звѣздному теченію и вся небесная двизанія по зодіамъ планеть“. Здѣсь были предсказанія о погодѣ, о плодородіи земномъ, объ удачѣ или неудачѣ въ предпріятіяхъ по положенію планеть, и проч. ¹⁾. Явилась сказка о Соломоновой печати, на которой якобы изображены были разныя астрономическія выкладки; тутъ сказано, что въ суткахъ считается 24 большихъ часовъ, а въ большемъ часу по 66 дробныхъ часовъ, а во всякой дроби по 72 точки ²⁾. Въ одномъ сборникѣ XVII вѣка въ первый разъ оказалось извѣстіе о чудесной звѣздѣ Чигирь ³⁾. О ней писали, что „есть великая мудрость, аще кто добръ гораздъ и разумѣтъ мѣсячному народженію той, и кій кругъ водить сія звѣзда Чигирь“. Астрологическія наблюденія вошли въ народную медицину. Ими опредѣлялось, напримѣръ, время кровопусканія, или какъ выражались въ старину, „снисканіе искусныхъ врачевское время кровь пускати“. ⁴⁾ Въ XVII вѣкѣ редактируются разнаго рода колядники, наблюденія „о Рождествѣ Христовѣ—въ который день прилучится“. ⁵⁾ Досужіе грамотники XVII вѣка уносились въ такую высь астропомическихъ изчисленій, что старались высчитать, во сколько лѣтъ обновляется небо, земля, море, воды, солнце, луна, звѣзды и вѣтры. ⁶⁾ Въ области чисто народныхъ воззрѣній XVII вѣка мы видимъ также не убыль, а прибыль отреченныхъ вѣрованій. Въ длинномъ перечнѣ народныхъ суевѣрій,

¹⁾ Описаніе Рум. Музея, стр. 14.

²⁾ Тамъ же, 15.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, 365.

⁵⁾ Тамъ же, 539.

⁶⁾ Тамъ же, 553.

по списку Румянцевскаго музея, указаны небывалыя прежде примѣты: „Громъ слыша валяются, мышь въ живѣ высоко гнѣздо совѣтъ — снѣгъ великъ будетъ и погода будетъ“. Много было и другихъ примѣтъ къ погодію: „И берегъ подымается, и море дичится, и вѣтры сухіе и мокрые тянуть, и облака дождевныя, и снѣжныя, и вѣтренныя, и громъ гремитъ, и буря вѣтъ.... и плодовъ въ лѣтѣ коемъ не будетъ, и зори смотрять, небо дряхлуетъ—ведро будетъ, платья моютъ до солнца и моются сами“ и проч. ¹⁾.

Не имѣя большаго количества данныхъ, чтобы заключать, что XVII вѣкъ благоприятствовалъ размноженію отреченныхъ вѣрованій въ Русскомъ народѣ, мы естественно приходимъ къ иному взгляду на это дѣдо. Письменныя произведенія и житейская наблюдательность дѣйствительно могли способствовать росту вѣрованій астрологическихкихъ, но на дѣлѣ выходило не то: запреты и гоненія, направленныя церковною и свѣтскою властью противъ отреченныхъ тетрадей, сильно парализировали астрологическія вѣрованія древней Руси. Церковь русская считала ихъ, по обыкновенію, бѣсовскою ересью, грозила за нихъ отлученіемъ отъ церковнаго общенія и вѣчными муками ада. Но страшнѣе всего были угрозы правительства. На этомъ пунктѣ особенно ясно сказалась вся смутность понятій древне-русскаго человѣка, вся его умственная малорослость и неразвитость. Съ одной стороны, онъ искренно вѣрилъ самымъ нелѣпнымъ примѣтамъ и ученіямъ, съ другой—сильно боялся ихъ, особенно когда видѣлъ, что ученія и примѣты эти есть у западныхъ еретиковъ. Сами Русскіе цари, окружая себя звѣздознатцами и различными кудесниками, довѣряя ихъ шарлатанскимъ бреднямъ, были неумолимыи карателями безбожныхъ читателей заморскихъ тетрадей, съ суевѣрными гаданіями. Іоаннъ Васильевичъ Грозный, болѣзнуя о заблужденіяхъ своихъ подданныхъ, жалуется отцамъ Стоглаваго собора, что де „волхвы и чародѣйники по Аристотелевы врата и въ рафли смотрять, и по звѣздамъ и по планитамъ глядають, и смотрять дне и часовъ“; и этотъ самый царь трепещетъ при небывалой прежде звѣздѣ, чая въ ней предвѣстницу близкой кончины своей. Положительно можно сказать, что не только простой народъ того времени, но и люди высшихъ сословій, вмѣстѣ съ царственными особами, мало подвинулись впередъ на пути умственнаго развитія: они по прежнему вѣрили во вліяніе на человѣка луны и прочихъ планетъ, наблюдали за небесными знаменіями и дома, и на войнѣ; по-

¹⁾ Описаніе Рум. Музея, 550.

добно героямъ Слова о полку Игоревѣ и сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, они опредѣляли этими знаменіями успѣхъ или неуспѣхъ своихъ предпріятій, однимъ словомъ, были суевѣрны съ ногъ-до головы. Но разница между Русскими XVI и XVII вѣковъ и ихъ предками заключалась въ двойственности понятій первыхъ. Предки въ вѣрованіяхъ своихъ не двоедушничали, прямо и безбоязненно смотрѣли на явленія природы, не видя въ томъ никакой грѣховности; а потомки этихъ людей осуждали, гнали и проклинали то, чему въ то же время вѣрили. Дома, въ тихомолку, въ кругу людей близкихъ, они слушали гадателей и чародѣевъ, сами гадали, держались различныхъ суевѣрныхъ обычаевъ, а въ обществѣ, на глазахъ у другихъ, серьезно толковали о злоторности всѣхъ сатанинскихъ обычаевъ. Желанныя результаты такой дѣятельности лучшихъ людей русскаго общества не замедлили сказаться. Народъ сталъ смотрѣть на свои вѣрованія, какъ на бѣсовское навожденіе, навѣянное яко-бы извнѣ, отъ поганыхъ еретиковъ; сталъ бояться и отвращаться того, что взростила и взлѣляла вся прошлая его жизнь, что издавна соизуствовало всей народной дѣятельности, что сродно каждому человѣку, по самой природѣ своей близко поставленному подъ вліяніе небесной тверди, что разумный человѣкъ долженъ только осмыслить, а не отвергать, какъ бѣсовщину и заморскую погань. Простяки совсѣмъ отступились отъ связей съ литературой запада, боясь подвергнуться за нее гнѣву высшихъ властей; но люди болѣе смѣлые и дѣльные не покидали заманчивыхъ толковъ о явленіяхъ природы и не боялись заручаться западными тетрадами отреченнаго характера. Многое изъ этихъ тетрадей вошло въ календари новаго времени. Литвинъ Маскѣвичъ сообщилъ весьма интересную замѣтку о судьбѣ западныхъ календарей въ Россіи въ началѣ XVII вѣка. „Науками въ Москвѣ“, говоритъ онъ, „не занимаются; онѣ даже запрещены. Бояринъ Головинъ разказывалъ мнѣ, что въ правленіе извѣстнаго тирана (Ивана IV) одинъ изъ нашихъ купцовъ, пользовавшихся правомъ пріѣзжать въ Россію съ товарами, привезъ съ собою въ Москву кипу календарей. Царь, узнавъ о томъ, велѣлъ часть этихъ книгъ принести къ себѣ. Русскимъ онѣ казались очень мудренными; самъ царь не понималъ въ нихъ ни слова; почему опасаясь, чтобы народъ не научился такой премудрости, приказалъ всѣ календари забрать во дворецъ, купцу заплатить сколько потребовалъ, а книги сжечь“¹⁾. Замѣтка Маскѣ-

¹⁾ Сказанія современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ, ч. V, стр. 67.

вѣща, какъ намъ кажется, показываетъ не то, что содержаніе чужихъ книгъ было совершенно ново для Русскихъ и ихъ царя, а то, что книги эти были писаны, вѣроятно, на латинскомъ языкѣ, знаніе котораго въ ту пору было у насъ необыкновенною рѣдкостію. Дѣло въ томъ, что царь одинаково сталъ бы преслѣдовать чужеземные календари и въ томъ случаѣ, еслибъ они были писаны на языкѣ, для него понятномъ. Переводомъ иностранныхъ книгъ на русскій языкъ занимались у насъ любители интересныхъ книгъ, эти древніе литературные смѣльчаки. Однимъ изъ такихъ, по замѣчанію Маскѣвича, былъ бояринъ Головинъ, у котораго онъ видѣлъ потомъ одну изъ тѣхъ книгъ, которыя царь велѣлъ сжечь за ихъ нерусское происхожденіе.

Въ XVII столѣтіи еще болѣе усилилось преслѣдованіе нечестивыхъ астрономейныхъ и другихъ знахарствъ; но и это опять не доказываетъ того, чтобы русскіе люди, даже сами охранители русской нравственности, по понятіямъ своимъ стали выше своихъ предковъ. Мы знаемъ, что сами монархи этого времени часто любили понавѣдаться о разныхъ хитростныхъ мудростяхъ не только отъ людей русскихъ, но и отъ иностранцевъ. Благочестивый Михаилъ Ѳеодоровичъ не боялся пускаться въ алхимическія бредни иноземныхъ шарлатановъ; онъ читалъ, и вѣроятно, вѣрилъ изъясненіямъ голландскаго Нѣмчина фонъ-деръ-Гейдена объ алхимической мудрости или о философскомъ камнѣ, врачующемъ всѣ болѣзни. Въ распросѣ, сдѣланномъ Гейдену отъ царскаго лица, заѣзжій Нѣмчинъ сказалъ даже о томъ, какъ ему философскую мудрость сдѣлать изъ свинцу, олова и желѣза, а изъ мѣди и ртути — серебро и золото. При таковой мудрости, по увѣренію алхимика и астролога, принимали дѣятельное участіе семь главныхъ планидъ. „А сперва“, говоритъ фонъ-деръ-Гейденъ, „объявится изъ того дѣла, яви камень цвѣтомъ бѣлы и красенъ, и именуется тотъ камень философы камень премудрый; потому что тѣ преждеименованныя скудѣли (здѣсь безсмыслица отъ какого-то пропуска) . . . дѣлѣ къ семи планидамъ: Кронъ, Севесъ, Арисъ, Афродитъ, Ерминъ, луна и солнце. Изъ того камня выдетъ потомъ масло, и то масло изцѣляетъ отъ всякихъ немощей, какія ни буди, и соблюдаетъ человѣка въ добромъ здоровѣ“¹⁾. Тотъ же царь приглашалъ Адама Олеарія къ себѣ на службу придворнымъ астрологомъ.

Еще болѣе высказывалось со стороны русскаго правительства до-

¹⁾ *Ризтеръ*, Исторія медицины въ Россіи, II, приложенія, стр. 20.

вѣрія къ астрологическимъ вѣрованіямъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Въ 1654 году разнеслась по Москвѣ молва объ имѣющемъ скоро быть моровомъ повѣтріи; оробѣвшій царь, этотъ строгій хранитель православія и благочестія, не замедлилъ дать приказъ распросить заморскаго доктора Энгелгардта о перемѣнахъ, имѣющихъ быть въ предбудущемъ году ¹⁾. Энгелгардтъ отвѣчалъ на вопросы письменно, по-латини, и предсказывалъ ужасный моръ, котораго не минуешь и Россія. На страхъ Русскихъ людей и самого царя, предсказаніе сбылось. Въ 1655 году грѣхъ ради на Москвѣ начался моръ, „измраку мнози люди, ихъ же число Богъ вѣсть“, и т. д. Докторъ, мѣткій угадчикъ будущаго, заинтересовалъ царя, и онъ предложилъ Энгелгардту нѣсколько вопросовъ о кометахъ и о предсказываніяхъ въ разсужденіи будущихъ въ свѣтѣ перемѣпъ и о будущемъ подъ осень моровомъ повѣтріи. Въ длинномъ письмѣ къ царю Энгелгардтъ постарался изложить все ученіе тогдашнихъ астрологовъ о занимавшихъ царя вопросахъ. Сначала онъ сказалъ о самой важности астрологическихъ наблюденій словами Корнелія Геммы (Cornelius Gemma): „Значеніе планетъ обширнѣйшее, смыслъ неудобопонятенъ, наблюденіе же не только полезно, но и необходимо“. Между предвѣстіями, которыя указываются кометами, перечислены слѣдующія: кометы указываютъ на три главнѣйшія бѣдствія: на войну, моръ и голодъ; указываютъ потомъ на смерть царей, вельможъ и другихъ высокихъ особъ; кометы предвѣщаютъ великія перемѣны въ дѣлахъ церковныхъ и гражданскихъ, опустошенія и гибель великихъ государствъ; предвѣщаютъ далѣе неслыханныя землетрясенія и наводненія; наконецъ, подъ вліяніемъ планетъ рождаются цари и другіе великіе дѣятели, отъ которыхъ зависятъ великія дѣянія и славныя реформы ²⁾. Всѣ эти тезисы развиты потомъ въ подробностяхъ. Подробности уяснены примѣрами изъ жизни самого автора и другихъ извѣстныхъ личностей. Особенно подробно развивалъ Энгелгардтъ тѣ стороны вопроса, о которыхъ толковали отреченныя книги, и которыя вошли потомъ, какъ увидимъ, въ календарь Брюса. Хитрый астрологъ объяснялъ царю, что знатоки астрологіи очень часто указываютъ не только особамъ знатымъ, но и каждому человѣку мѣсто и время его рожденія; они могутъ предвидѣть счастливыя и несчастныя обстоятельства изъ жизни человѣка—его женитьбу, болѣзни и самую смерть.

¹⁾ Тамъ же, 137.

²⁾ Исторія медицины, II, приложенія стр. 96.

Не знаемъ, какъ отнесся Алексѣй Михайловичъ къ мудрованію заморскаго звѣздознатца, но несомнѣнно то, что царь увлекался тѣми астрологическими вѣрованіями и гаданіями, которыя царскими же указами были строго запрещаемы.

Милостивыя, но только домашнія, отношенія благочестиваго царя къ звѣздочетцамъ особенно не правились старовѣрамъ. Они упрекали Алексѣя Михайловича въ томъ, что онъ любилъ альманашниковъ. А понъ Лазарь безъ церемоніи взывалъ къ царю такъ: „Царю благородный! Како время сего не испытуетъ: имѣши у себя мудрыхъ философовъ, разсуждающихъ лица небесе и земли, и звѣздъ хвосты аршиномъ измѣряющихъ: сихъ Спасъ глаголетъ лицемѣры быти, яко времени не изгадають. Государь! Таковыхъ ли въ чести имаши и различными брашны питаеши, и хоцещи виѣшними ихъ плечами власть свою миру управити. Ни, ни...!“

Это личное увлеченіе суевѣрнаго Русскаго царя западными альманашниками не прекращало однако строгихъ правительственныхъ мѣръ противъ отреченныхъ вѣрованій народа и особенно противъ иноземныхъ астрологическихъ тетрадей. Разумѣется, мѣры эти не достигали вполнѣ своихъ цѣлей. Если не было на Руси до XVIII вѣка ходячихъ, не запрещенныхъ календарей, то во всей силѣ были изстари вѣковъ жившія въ практической жизни народа, календарныя знанія. Только всѣ эти астрологическія вѣрованія, всѣ эти гаданія по взгляду на небо, по атмосфернымъ явленіямъ, по вліянію луны и другихъ планетъ, съ теченіемъ времени, сдѣлались для русскихъ людей чѣмъ-то темнымъ, связующимъ человѣка съ невидимою, нечистою силою, которая способна морочить грѣшнаго человѣка на всѣхъ пунктахъ жизни его. Въ силу такой запуганности оказалось, что между небомъ и землею, между человѣкомъ и свѣтлымъ міромъ небожителей, живетъ неслѣтное населеніе духовъ тьмы; они царятъ въ воздушномъ пространствѣ и оттуда строятъ козни земнороднымъ. Для разъясненія этого возрвнія достаточно указать здѣсь слѣдующее мѣсто изъ Луцидаріуса, близкое къ понятіямъ древняго русскаго человѣка: Ученикъ вопроши: „есть ли на двухъ небесѣхъ что сотворено?“ Учитель рече: „отъ земля даже до луны лукавіи души, идѣже именуются и демони, и тѣ суть тамо поставлены, даже человѣки отъ юностныхъ дней отъ воздуха прельщающе души, а отъ луны даже до звѣздъ, воздухъ есть, огнѣнь вельми: тамо пребываютъ святіи ангели; сѣи суть поставлены, да человѣки хранятъ отъ лукавихъ бѣсовъ...“¹⁾ Во мно-

¹⁾ Луцидаріусъ въ *Памяти. Русск. Лит.*, изд. Тихомирова, т. I.

гихъ руководительныхъ книгахъ древней Руси, подобныхъ Домострою, звѣздочетѣе приравнивалось, какъ тяжкій грѣхъ, къ блуду, къ скаканію и гудѣнію, конскому уристанію, чарованію и волхвованію ¹⁾. Такимъ образомъ, упреки звѣздочетью хотя и не уничтожили въ Русскомъ народѣ стремленія провѣдывать въ явленіяхъ природы извѣстные знаки въ пользу или во вредъ себѣ, и не могли разорвать крѣпкой, вѣковой связи между природою и человѣкомъ, но за то посѣяли недовѣріе къ книжнымъ ученіямъ этого рода. Знанія природы и ея явленій по прежнему были заманчивы, но взятыя за книжную обработку ихъ, особенно съ помощію западныхъ книгъ, едва-ли бы кто осмѣлился изъ самыхъ умныхъ русскихъ людей XVII вѣка.

Таковъ дѣйствительно былъ результатъ долгой, замкнутой жизни древне-русскаго человѣка, и съ такимъ складомъ понятій застигла русскаго человѣка реформа Петра. Самъ Петръ, если судить строго, былъ грубымъ суевѣромъ, пока мощный духъ его не вышелъ на настоящую дорогу разумныхъ знаній. Даже и эти знанія не могли совсѣмъ отрѣшить великаго человѣка отъ увлеченій звѣздочетствомъ. Гороскопъ Петра служитъ въ томъ уликою. Но въ суевѣрїи этомъ не было фарисейства. Петръ не боялся астрологическихъ бредней, не пугалъ за нихъ и другихъ, не боялся называть эти бредни русскими и не чернилъ ими иностранцевъ. При немъ вольно было всякому высказывать свою вѣру въ звѣзды и мѣсяцы и разчитывать гаданья, „потребныхъ ради и миролюбивыхъ дѣлъ, роженіе мѣсяцу, рекше, молоду, усматривать полнаго мѣсяца и въ то время потребная своя сотворять, изжидать ветхаго мѣсяца, или ущерба, сиречь, перекрая, наблюдать звѣздное хоженіе, считать добрые часы и злые“ ²⁾. Вообще при Петрѣ не запрещалось читать и писать календарныя тетради, вѣрить и учить тому, за чтѣ до него грозили всѣми муками ада. Этимъ и объясняется составленіе въ Петровскую эпоху особой русской книжки суевѣрнаго и гадательнаго содержанія, подъ заглавіемъ „Брюсова календаря“.

Ө. Керенскій.

¹⁾ Сборникъ Солов. библіотски (см. у Шапова въ Очеркахъ народнаго мирозерцанія, 65).

²⁾ Поученіе къ вѣрующимъ отъ прелестнаго разума въ роженіе мѣсяца и т. д. Лѣтописи Тихонравова, т. V.

ОЧЕРКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ.

Живопись и валяніе на Вѣдской всемірной выставкѣ ¹⁾

I.

Международный Олимпъ.

Сколько мнѣ извѣстно, въ первый разъ передъ избраннымъ обществомъ образованныхъ русскихъ людей раздается публичная рѣчь о современномъ европейскомъ искусствѣ. Предметъ, къ которому я далъ бы привлечь вниманіе, такъ новъ, что мнѣ кажется излишнимъ сказать нѣсколько словъ въ объясненіе, почему я остановился на немъ.

Безъ сомнѣнія, никого не удивило бы, еслибы, по установившемуся обычаю, кто-нибудь вздумалъ занять благосклонное вниманіе слушателей бесѣдой объ искусствѣ, получившемъ уже въ исторіи право гражданства, объ искусствѣ Ассирійанъ и Вавилонянъ, Египтянъ и Грековъ. Но какъ можно говорить о новѣйшемъ, какъ его любить укорять, „подражательномъ“ искусствѣ?!

Не говоря ужъ объ искусствѣ какихъ-либо другихъ временъ и народовъ, если остановиться на двухъ величайшихъ проявленіяхъ эстетическаго начала, то-есть, на искусствѣ Эллады и эпохи возрожденія, и сопоставить съ ними наше новѣйшее творчество, то какъ ни уступало бы оно имъ съ точки зрѣнія идеала, оно все-таки имѣетъ для насъ то преимущество, что только въ немъ бьется наше собственное сердце, только оно одно представляетъ намъ эстетическое выраженіе волнующихъ насъ интересовъ. Кто не любитъ искусства въ настоящемъ, тотъ не полюбитъ его и въ прошедшемъ.

¹⁾ Публичныя лекціи, къ чтенію конхъ приступилъ авторъ въ Императорской Академіи Художествъ.

А любимъ ли мы искусство въ настоящемъ? По видимому, въ послѣднее время и въ нашемъ отечествѣ настали лучшія времена для художественной дѣятельности. Появилось извѣстное число любителей, которые ревнивымъ окомъ слѣдятъ за всѣмъ, чтоъ появляется новаго въ области русскаго творчества; но рядомъ съ этимъ, конечно, весьма утѣшительнымъ явленіемъ, есть одинъ фактъ, который не говоритъ въ нашу пользу. Не далѣе, какъ три мѣсяца тому назадъ, закрылась Вѣнская всемірная выставка, представившая богатый, если и не совсѣмъ полный, сборъ всего, чтоъ произвело искусство въ послѣднее десятилѣтіе. Германія, Франція, даже Италія явились на эту выставку не для того только, чтобы себя показать, но также, чтобы и другихъ поглядѣть. Свое участіе въ чужой дѣятельности, желаніе сдѣлать ея результаты общимъ своимъ достояніемъ, онѣ выразили тѣмъ, что въ каждой изъ этихъ странъ появились спеціальныя изданія, частью иллюстрированныя, старавшіяся наперерывъ сообщить просвѣщенному міру послѣднее слово образованности и его эстетическаго отраженія—искусства. Мы же ограничились тѣмъ, что послали въ Вѣну коллекцію художественныхъ произведеній, какъ будто мы стоимъ ужъ на такой высотѣ, что намъ не остается ничего больше, какъ показывать міру свое совершенство, и совсѣмъ не имѣемъ нужды знать о томъ, чтоъ дѣлается за предѣлами нашего отечества.

Исправить эту ошибку, на сколько это въ нашихъ силахъ, есть задача предполагаемыхъ чтеній.

Конечно, не мы одни спѣшили на выставку съ нѣкоторымъ сердечнымъ волненіемъ, съ жаждою сильныхъ впечатлѣній и съ тайною боязнью, что намъ готовится разочарованіе. Послѣ Мюнхенской международной художественной выставки 1869 года, въ Европѣ совершились такія колоссальныя событія, что можно было ожидать чего-нибудь новаго, потрясающаго, созданнаго подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ только что пролетѣвшей бури. Представлялся вождѣланный случай ощущать, такъ-сказать, пульсъ современнаго общества, посмотрѣть чрезъ золотую раму искусства, на сколько велики и высоки его идеалы и гдѣ именно, у какого народа всего жизненнѣе бьется этотъ пульсъ. Отъ высоты и величія идей, волнующихъ въ извѣстное время общество, зависитъ, конечно, и характеръ художественнаго творчества.

Отвѣчая на эту мысль, Вѣнская выставка собрала въ колоссальную часть СЛХХІІ, отд. 2.

нѣйшей изъ залъ, посвященныхъ искусству, все, что каждая нація считала у себя лучшимъ, чѣмъ она надѣялась съ честью помѣряться на этомъ турнирѣ съ своими соперниками. Естественно, что три страны, служившія средоточіемъ новѣйшаго искусства, — Франція, Бельгія и Германія, — явились и на этомъ состязаніи первыми бойцами: Французъ *Кабанель* (Cabanel), Нѣмецъ *Пилоти* (Piloty) и Бельгіецъ *Виртцъ* (Wiertz) были посланы своими соотчичами оспаривать палму художественнаго первенства. Этотъ выборъ, какъ увидимъ, нельзя не считать знаменательнымъ.

Что могла бы выставить своимъ девизомъ Франція, разоренная и униженная врагомъ, съ тяжкою раню въ своемъ политическомъ и общественномъ принципѣ? Какую-нибудь историческую картину? Но мы увидимъ, что историческихъ картинъ нѣтъ теперь въ странѣ, въ которой только 18 лѣтъ тому назадъ скончался творецъ новѣйшей исторической живописи! Съ Іюльскою монархіею сошла въ могилу и эта живопись. Ея блестящее процвѣтаніе въ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ было не случайнымъ явленіемъ: оно служило выраженіемъ торжества средняго сословія, буржуазіи, какъ представительницы имуществва и вѣковой образованности. То было время обдуманной обстановки, жажды понять событія, и отсюда вышло то поголовное историческое направленіе, которое охватило всѣ наличныя силы въ литературѣ, наукѣ, искусствѣ и на самую политическую арену, во главу правленія, ставило историковъ. 1848 годомъ кончается это успокоеніе на лаврахъ и углубленіе на досугѣ въ прошедшее. Новѣйшее поколѣніе французскаго общества, отлученное отъ общественныхъ интересовъ и дѣлъ въ недавнюю эпоху наполеонскаго режима, какъ бы утратило чутье къ прошедшему: пріобрѣтаетъ и легкомысленно наслаждаться пріобрѣтеннымъ, — вотъ что было его лозунгомъ. А тутъ еще изъ нѣдръ общества поднялось чудовище въ крови и пламени и стоитъ донинѣ страшнымъ призраккомъ. Гдѣ тутъ до исторіи! Придетъ ли въ голову заниматься геологіею вулкана, который дрожить и реветъ подъ ногами, жжетъ подошвы? Дать развѣ мѣсто этой дѣйствительности, какъ очередному общественному вопросу? Но какъ можно пускаться на всемірную выставку Жоржа Курбе (Courbet), когда Рошфора отсылаютъ въ Новую Каледонію? Случайное ли это дѣло, или имѣетъ глубокое основаніе, но только на международное состязаніе Франція выставила на этотъ разъ, главнымъ своимъ бойцомъ, представителя того направленія, которое, можно сказать, выручило ее въ послѣднихъ испытаніяхъ. Извѣстно, что почти поло-

вину своих доходовъ, изъ которыхъ и были уплачены знаменитые 5 миллиардовъ, Франція получаетъ отъ художественной индустріи, высокое развитіе коей стоитъ всегда въ прямой связи съ высокимъ развитіемъ искусства, особенно одной его отрасли, а именно—искусства монументальнаго. Связанное съ архитектурой, искусство это всегда служитъ поприщемъ для выработки стиля, то-есть, является прямымъ выраженіемъ изящнаго вкуса.

Извѣстна природная эстетическая даровитость Французовъ, любовь и смыслъ къ красотѣ формы, которая ставитъ ихъ на одинъ уровеньъ съ такими народами, какъ Греки и Италіанцы. Въ художественномъ творествѣ способность эта выразилась направленіемъ, проходящимъ чрезъ все новѣйшее французское искусство, видоизмѣняясь лишь сообразно съ настроеніемъ и характеромъ различныхъ эпохъ. Это какъ-бы одинъ и тотъ же лучъ красоты, пронизывающій новѣйшее французское искусство, только различно окрашенный, смотря по тому, чрезъ какую призму ему суждено было проходить. Въ эпоху первой революціи направленіе это носило классическій характеръ. Эпоха реставраціи, обращеніе къ средневѣковой мистикѣ отъ современнаго язычества, набросили на него колоритъ италіанскихъ идеаловъ. Нынѣшнимъ его выраженіемъ служитъ колоссальный плафонъ, написанный Александромъ Кабанелемъ для Лувра.

Въ голубомъ простраствѣ эфира, по палево-розовымъ, какъ пухъ легкимъ облакамъ, ѣдетъ на золотой, триумфальной колесницѣ розоиспкая дѣва—Флора; отвѣсно, какъ низвергающійся на свою добычу хищникъ, летитъ къ ней съ привѣтомъ крылатый Зефиръ. Ее сопровождаетъ цѣлая свита ликующихъ мужчинъ и женщинъ, частью въ идеальномъ костюмѣ праотцевъ, частью въ различныхъ розоватыхъ, голубоватыхъ, зеленоватыхъ и т. п. одеждахъ, среди которыхъ особенно неприятно поражаетъ красный жилетъ... я хотѣлъ сказать панцирь, въ которомъ, не извѣстно почему, оцѣтился одинъ изъ боговъ. Всѣ они, съ колесницей Флоры въ челѣ, везомою нѣсколькими дѣвами на постромкахъ изъ цвѣточныхъ гирляндъ, несутся прямо въ обитель солнца, гдѣ, въ верху холста, паритъ самъ лучезарный богъ. Отъ всего этого огромнаго, овальнаго пятна вѣетъ салономъ, моднымъ будуаромъ. Вы видите, что стильное искусство съ патетически взволнованнаго форума, чрезъ церковь, попало, наконецъ, въ элегантный салонъ. Честь этого принадлежитъ Кабанелю.

Въ Кабанелѣ нельзя отрицать ни большаго формальнаго, такъ-сказать, декоративнаго таланта, ни строгой школы; но подкладкой

его стили служить не какое-нибудь сильное выраженіе натуры—ни политическій паэосъ, ни религиозное чувство, ни даже просто сильная чувственность, но элегантная, миловидная, нѣсколько сластолюбивая благопристойность свѣтской гостини. Вотъ почему никто изъ современныхъ художниковъ не могъ въ такой степени, какъ Кабанель, уловить грацію послѣднихъ законодательницъ парижскихъ салоновъ. Его свѣтскіе дамскіе портреты, какъ, напримѣръ, портретъ М-me Pinchot (въ флорентинскомъ костюмѣ), какъ разъ передаетъ то пресловутое, но „невыразимое нѣчто“, которое состоитъ въ чрезвычайно эластичной, игривой серединѣ между матроной и кокеткой.

Въ эту-то среду, блестящую атласомъ, благоухающую тончайшими ароматами, переноситъ Кабанель всякое содержаніе: и типы и эпизоды христіанской легенды, и мифологическіе сюжеты, и жанръ. Недостатокъ натуры, страсти, сказывающійся и въ безхарактерной изысканности рисунка, и въ слабосильномъ розовато-серебристомъ колоритѣ, стѣсняетъ область сюжетовъ, доступныхъ таланту художника. Всякій разъ, какъ только принимается онъ за сюжетъ, въ основѣ котораго лежитъ сильное проявленіе страсти, онъ терпитъ полнѣйшую неудачу. Вотъ почему такъ слабы его „Смерть Франческа ди Римини“ и „Іоаннъ Креститель“, также бывшіе на выставкѣ.

Первая картина представляетъ то мгновеніе, когда ревнивый супругъ, отодвигая занавѣсъ, смотритъ на результатъ своего подвига, опираясь на мечъ, съ котораго еще течетъ теплая кровь. Лицо его свирѣпо, какъ оно и подобаетъ ревнивцу, хотя скорѣе можно было бы ожидать, что оно изобразитъ просто изумленіе; ибо за занавѣской оказывается не убитая, а скорѣе въ охмѣленіи задремавшая нарочка, съ пятнами краснаго вина на платкѣ. Можно любоваться изящнымъ, чистымъ рисункомъ, но это не Франческа и не Паоло, это и не ревнивый мужъ, а просто опратно сдѣланныя восковыя куклы. Неистовый взрывъ страсти требовалъ бы и страстной передачи, и прежде всего, сильнаго, мистически-страстнаго колорита. Точно также „Іоаннъ Креститель“, Кабанеля, въ видѣ дикаго, задумчиваго мальчика, мечтательно поднявшаго глаза къ небесамъ, сидя среди скалистой пустыни, привлекаетъ превосходнымъ рисункомъ, солидностью общаго тона и извѣстною поэзіей выраженія, но нието, конечно, не повѣрить, чтобъ изъ этого юноши могъ выйти пламенный проповѣдникъ, беспощадный обличитель властителей міра.

Какъ извѣстно, Кабанель впервые приобрѣлъ себѣ извѣстность

хорошо выпколенного таланта картинами религіознаго содержанія¹⁾, мало своеобразными, но тщательно исполненными и не лишенными извѣстной грандіозности. Слѣдовавшія затѣмъ произведенія художника, частью изъ итальянской жизни, въ благодарномъ костюмѣ эпохи возрожденія, были уже больше разчитаны на вкусъ публики. Такова его „Вдова капельмейстера“, таковъ и „Флорентинскій поэтъ“ въ обществѣ изящныхъ людей, предающихся наслажденію жизнью. Черезъ всѣ подобныя картины проходитъ идеальная черта: онѣ проникнуты легкимъ поэтическимъ настроеніемъ, переходящимъ въ элегію.

Но настоящая слава Кабанеля началась только съ тѣхъ поръ, какъ онъ обратился къ воссозданію въ элегантныхъ формахъ красоты нагаго человѣческаго тѣла, по преимуществу красоты женской. Его „Нимфа, похищаемая Фавномъ“ (1861 года), его знаменитое „Рожденіе Венеры“ не лишены извѣстной декоративной прелести. Вотъ въ этомъ-то элегантномъ декоративномъ стилѣ, который прикрываетъ фривольное содержаніе извѣстной элегической поэзіей, и такимъ образомъ пролагаетъ ему доступъ въ салонъ,—и состоитъ сила художника. Его жанръ, въ одно и то же время, льститъ тайнымъ движеніямъ сластолюбія и является въ такой изящной формѣ, что не можетъ оскорбить даже самый утонченный вкусъ.

Избирая А. Кабанеля, какъ отличнаго рисовальщика, какъ чловека, одареннаго изящнымъ вкусомъ, стремящагося, по-своему, къ монументальному стилю, своимъ рыцаремъ на международномъ турнирѣ, не хотѣла ли Франція сказать тѣмъ самымъ, что какъ бы ни колебалось ея значеніе въ политикѣ, какъ бы ни измѣнилась ея роль въ руководствѣ реальными интересами чловечества, она все-таки остается образцомъ въ дѣлѣ художественной школы, законодательницею вкуса, и потому, первое мѣсто отводитъ вождю того направленія, которое составляетъ художественную школу въ настоящемъ смыслѣ слова, ибо оно вырабатываетъ форму, то-есть, основу всякаго нагляднаго искусства?

Попасть изъ чистаго, изящнаго салона въ пространство, наполненное чадомъ и мракомъ, кишущее нагими тѣлами, которыя заставляютъ васъ опасаться за чистоту воздуха—подобный переходъ ни для кого не привлекателенъ, но намъ нельзя избѣжать его, такъ какъ

¹⁾ Смерть Моисея (1852 года), Апоеоза короля Людовика Святаго (1855 года), — въ Люксембургскомъ дворцѣ.

нѣчто подобное представляютъ произведенія втораго изъ конкурентовъ, Бельгійца Виртца.

Представьте себѣ колоссальный, сверху закругленный холстъ, на которомъ въ грубыхъ, подражательно-рубенсовскихъ формахъ изображена свалка нагихъ тѣлъ, то искрасна-кирпичныхъ, то изжелта-бѣлыхъ, съ отвратительными розоватыми ссадинами въ разныхъ мѣстахъ. Таково первое впечатлѣніе отъ „Низверженія падшихъ ангеловъ“ этого художника. Сверху добрые ангелы, съ оружіемъ и трубами, низвергаютъ грѣшниковъ въ адъ. Борьба въ полномъ разгарѣ, За низвергающимися внизъ діаволами летятъ цѣлыя скалы, которыя, ударяясь о встрѣчающіяся имъ препятствія, мечутъ искры и молніи; а снизу, изъ горящей бездны, видны змѣиныя пасти, увѣсистые кулаки.

Нельзя отрицать, что въ художникѣ, постоянно находившемся въ какомъ-то горячечномъ бреду, жила фантазія, способная на богатырскій размахъ; но онъ не совладалъ съ своимъ образцомъ — Рубенсомъ: печальное явленіе, съ которымъ намъ не разъ еще придется встрѣтиться!

Горячечное воображеніе художника витало исключительно въ мірѣ фантастическомъ, заимствуя образы изъ греческихъ мифовъ или изъ христіанскихъ легендъ, или же создавая свои собственные аллегоріи для выраженія какой-нибудь общей идеи. Таково, напримѣръ, его „Маякъ Голгоѳы“ (le Phare de Golgotha): въ темномъ пространствѣ воздымается колоссальный крестъ съ распятіемъ, и только въ лучахъ исходящаго отъ него свѣта, мелькаютъ призрачныя тѣни тѣснящихся къ нему духовъ. На другой картинѣ вы видите множество полунагихъ фигуръ, въ неистовомъ полетѣ касающихся рукою какой-то планеты,—это значитъ „Человѣческая мощь не имѣетъ предѣловъ“ (la puissance humaine n'a pas de limites). Или вотъ еще его „Самубійца“. Предъ вами полунагой человѣкъ, только что выстрѣлившій себѣ въ голову, совершенно пропавшую въ облакѣ дыма, въ которомъ разлетаются какіе-то куски. По обѣимъ сторонамъ стоитъ по ангелу—свѣта и тьмы, изъ которыхъ одинъ съ ужасомъ закрываетъ лицо руками; другой, сжавъ кулаки, какъ-бы ожидаетъ только мгновенія, чтобъ яростно ринуться на свою жертву.

Какъ извѣстно, Виртцъ пользуется большимъ уваженіемъ въ своемъ отечествѣ: всѣ его картины собраны послѣ его смерти въ Брюсселѣ, въ бывшей его колоссальной мастерской, получившей названіе Musée Wiertz. Правительство оказало помощь фотографу, взду-

мавшему издать альбомъ всѣхъ произведеній художника ¹⁾, вида въ этомъ родѣ патриотическаго подвига. Виртцъ явился на выставкѣ представителемъ бельгійскаго искусства.

Ни содержаніемъ, ни формою, то-есть, чисто художественнымъ достоинствомъ, нельзя объяснить подобнаго вниманія къ произведеніямъ Виртца. Ключъ къ этой загадкѣ даетъ намъ исторія новѣйшаго бельгійскаго искусства.

Бельгійская школа, какъ извѣстно, возникла, послѣ поголовнаго подражанія французскому искусству, только въ 30-хъ годахъ, благодаря обращенію къ традиціямъ старыхъ мастеровъ XVII вѣка. И вотъ съ *Ваннера*, создавшаго новую эпоху тѣмъ, что онъ прикнулъ къ Рубенсу, образовалось въ Бельгій два направленія, соответствующія двусоставности бельгійскаго народа: одно находится въ тѣснѣйшей связи съ искусствомъ французскимъ, другое изъ всѣхъ силъ стремится быть національнымъ, то-есть, фламандскимъ. Фламандская, или иначе, германская струя, беретъ нынѣ, какъ увидимъ, перевѣсъ; и вотъ чѣмъ объясняется важное значеніе Виртца, этого колоссальнаго, по крайней мѣрѣ по размѣрамъ, подражателя старому веселому боготворителю плоти, Рубенсу. При этомъ, повторилась извѣстная исторія: стараясь говорить непремѣнно по-французски или непремѣнно по-нѣмецки, люди забываютъ говорить по-человѣчески.

Если Кабанель, не смотря на недостатокъ оригинальнаго таланта, является все-таки представителемъ высокаго развитія художественныхъ средствъ, художественныхъ элементовъ во французской школѣ,— по преимуществу элемента пластическаго, который, впрочемъ, и составляетъ главную ея силу; если Виртцъ свидѣтельствуетъ своею дѣятельностію, что какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ, Бельгія поглощена антагонизмомъ двухъ народностей, вошедшихъ въ ея составъ,—то ни то, ни другое направленіе не можетъ овладѣть вполне нашимъ вниманіемъ, привлечь къ себѣ всецѣло наши симпатіи.

Не говоря ужь о бельгійской школѣ, но даже интересъ, преслѣдуемый школой, къ которой принадлежитъ Кабанель, а именно совершенство пластическихъ формъ, способенъ вызвать въ массѣ только холодное, такъ-сказать, отвлеченное изумленіе. Мы слишкомъ мало цѣнимъ красоту въ жизни, чтобы полагать за нее свою душу

¹⁾ «Musée Wiertz, photographié par E. Fierlants sous le patronage du gouvernement Belge. 1867, Bruxelles» съ портретомъ художника. Содержитъ «фотографіи съ 30 картинъ».

въ искусствѣ. XIX вѣкъ представляетъ, съ этой стороны, особенно сильное оскуднѣніе начала прекраснаго. Въ добрыя старыя времена, начиная съ живописной одежды человѣка до различныхъ явленій общественной жизни, все носило эстетическій отпечатокъ, потому что самъ человѣкъ обращалъ больше вниманія на внѣшность. Современные люди, напротивъ того, какъ-бы убѣжденные въ своемъ внутреннемъ достоинствѣ и значеніи, пренебрегаютъ внѣшностью, и эстетическій элементъ допускается въ жизни только какъ роскошь или развлеченіе. Вообще декоративность свойственна болѣе раннимъ, наивнымъ эпохамъ въ развитіи человѣческихъ обществъ. Но отступленіе на второй планъ красоты внѣшней, пластической, основывается и на внутренней причинѣ, коренится въ измѣненіи идеаловъ человѣка. Религія, какъ самосознаніе и самоопредѣленіе человѣка по отношенію къ Богу и природѣ, составляетъ средоточіе всей его духовной жизни. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, что съ измѣненіемъ религіозныхъ представленій, измѣняется и искусство, составляющее только внѣшнее, наглядное отраженіе живущихъ въ насъ идеаловъ. Такъ, у Грековъ, религія которыхъ состояла въ обоготвореніи силъ природы, боги которыхъ были лишь воплощеніемъ стихій, идеаломъ физическаго совершенства,—естественно долженъ былъ развиваться интересъ къ тѣлесной красотѣ, какъ внѣшнему выраженію этого физическаго совершенства, тѣмъ болѣе, что въ основѣ типовъ божествъ лежала не кака-нибудь дѣйствительная личность, а общія идеи. Благодаря только этой основной причинѣ, въ Элладѣ идея божественнаго нашла себѣ вполне соответствующее выраженіе — отождествилась съ идеей прекраснаго.

Но вотъ является христіанство съ совершенно инымъ принципомъ. На мѣсто обоготворенія плоти, оно ставитъ служеніе духу. О физическомъ совершенствѣ нѣтъ и помина. Напротивъ, оно вызываетъ преслѣдованія, какъ начало враждебное. Только осѣненіе божественною благодатью, то-есть, великое откровеніе духа въ дѣйствительныхъ, историческихъ лицахъ, одѣваетъ ихъ вѣнцомъ безсмертія и святости.

Позднѣе, произошло еще одно событіе, измѣнившее, если не вполне, то отчасти, идеалы человѣка. Я разумѣю умственный и политическій переворотъ въ концѣ прошлаго вѣка. Главные нравственные результаты этой эпохи состоятъ въ освобожденіи человѣческой личности и въ рѣшительномъ обращеніи къ дѣйствительности, въ отрезвленіи человѣческаго сознанія. Міръ заоблачный, міръ лучезар-

нихъ грѣзъ, навсегда исчезъ подѣ безпощаднымъ анализомъ трезваго разсудка. Рушилась совершенно грань, раздѣлившая священную исторію отъ мірской. Искусство отвѣтило на это небывалымъ развитіемъ исторической живописи, выводящей на всепародныя очи величіе, доблесть и подвиги, низость и малодушіе человѣческаго рода, какъ то и другое проявлялось въ дѣйствительности. Это самый высокій и единственный объективно-идеальный родъ, до котораго дозрѣло современное человѣчество.

Къ этому роду принадлежитъ картина третьяго изъ корифеевъ Вѣнской выставки — „Туснельда“ Карла Пилоти.

Если судить по ея размѣрамъ, то можно назвать ее колоссальнымъ отзвонкомъ на колоссальныя, совершившіяся недавно событія. Художникъ задумалъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ приподнять завѣсу вѣковъ и показать своимъ соотечественникамъ одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ эпохи перваго столкновенія Германскаго племени съ Романскимъ. Варьируя извѣстную тему „горе побѣдителямъ“ (*vae victoribus*), столь же старую, какъ и другая: *vae victis*, онъ изобразилъ на громадномъ холстѣ тотъ триумфъ Германика, главнымъ украшеніемъ котораго была супруга Арминія — Туснельда. Извѣстно, съ какимъ уваженіемъ говоритъ о ней Тацитъ.

Мы находимся передъ помостомъ, на вершинѣ коего, въ тѣни шатра, сидитъ на тронѣ, въ серебристо-бѣлой тогѣ, съ золотымъ вѣнкомъ на головѣ, блѣдный Тиверій. Его окружаетъ придворный штатъ, среди котораго выдается цѣлый цвѣтникъ римскихъ красавиць. На лѣво отъ него — временщикъ Сеянъ; передъ нимъ отецъ Туснельды, предатель Сегестъ, который, измѣнивъ отечеству, былъ причиною плѣна своей дочери. Свирѣпый Тиверій, въ одно время и завистливо, и съ затаенною злобою, косится изподлобья, на показывающагося вдали (съ лѣвой стороны), триумфатора; въ то же время онъ видимо любитъ душевною пыткой, которую устроилъ Сегесту, заставляя его быть зрителемъ позора собственной дочери. Отецъ не выдержалъ пытки и боязливо отворачивается, чтобы не встрѣтиться со взоромъ Туснельды, которая какъ разъ въ эту минуту проходитъ мимо императорской трибуны.

Ей предшествуютъ, на первомъ планѣ, германскіе витязи, забытые, какъ дикіе звѣри, въ постыдное ярмо; еще ближе къ зрителю — скованный маститый бардъ, котораго римскій солдатъ со смѣхомъ треплетъ за его длинную бороду, ведя другою рукою на цѣпи медвѣдя. Но какъ ни рельефна послѣдняя группа, она едва останавли-

ваетъ взоры зрителя. Вниманіе его обращено къ высокой, какъ ослѣпительная звѣзда сіяющей, фигурѣ Туснельды, которая, блѣдная, съ опущеннымъ взоромъ и съ сжатыми губами, величаво и медленно ведетъ за руку маленькаго своего сына Тумелика, прижимающагося къ матери и озирающагося, какъ волчонокъ. Такимъ образомъ, среди своего несказаннаго горя, она является истиннымъ триумфаторомъ, предвѣстницей той Германіи, чья мощная десница разбила въ дребезги римскаго гиганта и на его обломкахъ создала новый міръ.

За Туспельдой слѣдуютъ другія германскія женщины: дикая робость, страхъ, гнѣвъ и гордость чередуются на ихъ лицахъ. Далѣе за ними, предъ самою колесницей, рядъ знатныхъ плѣнниковъ, мрачныхъ и съ угрозою во взорахъ, какъ будто они увѣрены въ своей мести, не смотря на цѣпи. За ними, наконецъ, силуэтомъ показывается триумфальная колесница съ торжествующимъ Германикомъ, окруженнымъ своими пятью сыновьями. Онъ только что проѣхалъ триумфальную арку, за которой, среди величественныхъ дворцовъ, открывается необъятная процессія. На него сыплются вѣнки, его оглушаютъ восторженныя привѣтствія толпы, тѣснящейся на заднемъ планѣ, за трибуной императора, ядовитые взоры котораго уже впередъ даютъ понять зрителю, что предстоитъ Германнику. Подъ ложей, занятою римскими красавицами, стоитъ Страбонъ, которому мы обязаны описаніемъ этого триумфа, и толкуеть происходящее одному изъ своихъ учениковъ.

Вотъ что хотѣлъ представить художникъ: его картина должна была явиться выраженіемъ ликующаго патріотизма. Естественно, что благодарные соотечественники отнеслись къ ней въ высшей степени сочувственно ¹⁾. Содержаніе картины уже располагало ихъ въ ея пользу.

Вглядимся же въ нее пристальнѣе. Зрѣлище происходитъ, разумѣется, днемъ, — и увы, вы не видите дневнаго свѣта. Вы готовы обернуться и искать глазами, гдѣ это электрическое солнце, которое такъ удачно пущено на сцену: довольно ужъ этого, чтобы перенести картину изъ живой дѣйствительности на театральные подмостки. И вотъ, подъ токомъ электрическаго свѣта, стоитъ вся въ бѣломъ, элегантно-подобранномъ подъ поясъ платьѣ, съ волосами blond d'alle-

¹⁾ См. *Pecht*, «Kunst und Kunstindustrie auf Wiener Weltausstellung», 1873 г., откуда заимствованы нами патетическія выраженія, долженствующія передать замыселъ художника.

mande, украшенными зеленымъ вѣнкомъ, ловкая, изящная Туснельда, видно, основательно обдумавшая свою прическу и костюмъ къ настоящему случаю. Не узналъ бы Тацитъ въ этой кокеткѣ своей добродѣтельной Туснельды, но едва ли узналъ бы онъ и Римлянокъ. „Me misegum“, сказалъ бы онъ, — „неужто это мои соотечественницы тѣсняты въ далекой трибунѣ? бьюсь объ закладъ, что онѣ родились не на берегу Тибра, а на берегу Изара, и скорѣе отъ Римлянъ Моисеева закона, чѣмъ отъ поклонниковъ Юпитера!“ А оба барда съ связанными руками, — одинъ, оборачивающійся къ Туснельдѣ, другой, въ отчаяніи кинувшійся на кучу трофеевъ, — какъ ловко заучили они свою роль, какъ изящно раскинули платья, чтобы съ длиннымъ шлейфомъ другаго барда, ведомаго за бороду, составить красивую, плавную линію. Прибавьте ко всему этому дряблый рисунокъ и противный, слащавый колоритъ! Все это вмѣстѣ внушаетъ мысль, что предъ вами не дѣйствительно историческое событіе во всей его животрепещущей силѣ, а лишь банально-патетическое представленіе его на сценѣ...

Пусть вспомнитъ Пилоти, чѣмъ произвелъ онъ эпоху въ нѣмецкомъ искусствѣ. Тогдашніе художники, которыхъ и имена теперь забыты, точно также изображали историческія событія въ видѣ „октябрьскихъ праздниковъ“, по мѣстному Мюнхенскому выраженію, въ видѣ выложенныхъ, разукрашенныхъ героевъ, съ развѣвающимися знаменами и трубнымъ звукомъ. И вдругъ хлынула свѣжая струя; патетическая, страстная дѣйствительность воскресла передъ глазами оторопѣлыхъ зрителей въ первомъ произведеніи Пилоти „Сени предъ трупомъ Валленштейна“, и побѣда была одержана! Теперь Пилоти готовъ, какъ ветеранъ, пріобщиться къ стану своихъ прежнихъ, давно забытыхъ сотоварищей по искусству, а услужливая критика, подъ вліяніемъ патетическаго увлеченія только и понимающая, что картины, годныя для триумфальныхъ арокъ, куритъ ему олимпамъ. Павось пламенной души — вотъ что видятъ критики въ картинахъ Пилоти, вотъ что заставляетъ ихъ забыть о всѣхъ ея несовершенствахъ! Для зрителя безпристрастнаго лучшею частію въ картинахъ является воспроизведеніе стороны отрицательной: коварная, зловѣщая фигура императора Тиверія, въ самомъ дѣлѣ, намекаетъ на жизненную правду.

Итакъ, прекрасный замыселъ и плохое исполненіе — явленіе не новое въ нѣмецкомъ искусствѣ. Сами Нѣмцы говорятъ, что неравновѣсіе между желаніемъ и умѣньемъ составляетъ давнишній недоста-

токъ ихъ живописи: „Der Unterschied zwischen Wollen und Können ist das alte Fluch der deutschen Malerei“. Винить въ этомъ слѣдуетъ пренебреженіе средствами искусства, отсутствіе строгой и серьезной школы, которая, если и существуетъ гдѣ-либо въ современной Европѣ, то единственно во Франціи. Но объ этомъ рѣчь впереди. Теперь намъ предстоитъ обратиться къ явленію, на которомъ еще рѣзче отразился тотъ же недостатокъ.

Если Австрія вынуждена была щеголять на международномъ Олимпѣ лишь двумя портретами да картиною, свидѣтельствующею больше о ея благочестивомъ направленіи, чѣмъ о совершенствѣ ея художественной дѣятельности ¹⁾, то это случилось только потому, что прославленная колоссальная картина теперешняго корифея Вѣнской школы была отдана въ руки барышниковъ, устроившихъ изъ корыстныхъ цѣлей особую выставку.

И разумѣю картину *Ганса Макарта* (Hans Makart): „Прощальный праздникъ, данный Венеціей въ честь Катерины Корнаро“.

Гансъ Макартъ! При этомъ имени слышатся самыя противоположныя мнѣнія: „Шарлатанъ“, кричатъ съ одной стороны. „Геній“, кричатъ съ другой. Чтò же такое въ самомъ дѣлѣ Гансъ Макартъ? Прежде всего считаемъ необходимымъ сказать два слова о его жизни; то-есть, объ его отрочествѣ и юности, такъ какъ ему теперь всего только 32 года.

Рожденный въ бѣдномъ семействѣ, маленькій Гансъ съ ранняго возраста обнаруживалъ страсть къ искусству и потому былъ предназначенъ родителями въ граверы. Случилось такъ, что у него былъ дядя археологъ. Дядя желалъ помочь племяннику, и чтобы развить вкусъ въ будущемъ граверѣ и рисовальщикѣ, давалъ ему копировать лучшія украшенія изъ старинныхъ книгъ и манускриптовъ. Это повліяло на всю дѣятельность художника. Декоративное направленіе и связь съ старыми мастерами—эти отличительныя его черты, коренятся, конечно, въ привычкахъ, образовавшихся отъ первыхъ его занятій. Пребываніе въ Мюнхенѣ рѣшило судьбу гравера: онъ сдѣлался живописцемъ и уже на 26 году отъ роду возбудилъ много толковъ своими тремя циклическими картинами „Чума во Флоренціи“ ²⁾. Ультрамонтаны, которыми такъ обилуетъ Monachium, возопили о развращеніи нравовъ, подняли почти крестовый походъ противъ художника,

¹⁾ Мы разумѣемъ картину «die Loge Johannis» *Каннона* (Cannon).

²⁾ Во Флоренціи у банкира Ландауера (Landauer).

не позабывъ, конечно, обругать при этомъ и Францію, яко бы она была причиною появленія подобныхъ безобразій. Коммиссія всемірной Парижской выставки 1867 года, въ свою очередь, отказала художнику принять его картину за „безнравственность“. Картины эти въ свое время были въ Петербургѣ, такъ что я не считаю нужнымъ излагать ихъ содержаніе. Скажу только, что, при всей фривольности своего сюжета, онѣ оставляютъ впечатлѣніе никакъ не чувственное, напротивъ—сильнѣйшее чувство тоски и грусти, родъ мучительнаго наслажденія охватываетъ васъ при первомъ взглядѣ на „Флорентинскую чуму“. Дѣло въ томъ, что содержаніе теряется за аккордомъ тоновъ колорита и свѣтотѣни. Съ тѣхъ поръ образованное общество стало внимательно слѣдить за Макартомъ. Казалось, какъ будто появилась новая богатырская сила, которая готова помочь намъ заглянуть въ таинственную бездну нашего собственнаго духа...

Въ современномъ человѣкѣ, рядомъ съ самыми реальными, практическими и трезвыми наклонностями, постоянно сказывается стремленіе къ таинственному, безотчетному, и замѣчательно, что тамъ, гдѣ сильнѣе дѣйствуетъ одно изъ этихъ направленій, доходитъ до крайности и другое. Въ Америкѣ самая трезвая практичность не исключаетъ широкаго развитія спиритизма. Это обращеніе духа къ таинственному міру находится, кажется, въ связи съ утратой опредѣленныхъ, пластически выработанныхъ идеаловъ, съ низведеніемъ всѣхъ интересовъ къ заботамъ о практическомъ благоустройствѣ. Сознаніе разрушило прежнія вѣрованія и ничѣмъ ихъ не замѣнило, а жажда остается все та же,—и вотъ человѣкъ обращается къ той сторонѣ своей духовной жизни, въ которой непосредственно сказывается связь съ безконечнымъ. Подобные идеалы можетъ выразить только музыка и до нѣкоторой степени параллельная ей въ пластическихъ искусствахъ живопись. Я разумѣю живопись въ собственномъ смыслѣ слова, какъ непосредственное выраженіе душевнаго настроенія въ соотвѣтствующемъ подборѣ тоновъ свѣта. Въ переливахъ свѣтотѣни мелькаетъ подъ часъ завѣтная мечта, чувствуется мистическая связь съ безконечнымъ...

Первые опыты Макарта намекали, что художникъ пойдетъ именно по этому пути. Картины, появившіяся послѣ „Флорентинской чумы“, не смотря на неприятельность замысловъ, только могли усилить эти сжиданія. Таковы были, на примѣръ, его „Грезы поэта“. Молодой поэтъ, въ костюмѣ XVI вѣка, задремалъ на берегу озера, въ прозрачной тѣни деревьевъ, и воть осторожно, какъ тѣни, подкра-

дываются къ нему русалки изъ тростника, испещренного чудными прозорами свѣта. И эти пятна свѣта, и этотъ человѣкъ въ темно-красной одеждѣ, заснувшій съ мандолиной въ рукахъ, въ таинственной глуши, и эти русалки, полныя нѣги и страсти въ загадочныхъ глазахъ,—все это вдругъ подхватываетъ васъ, какъ вихрь, и переноситъ изъ міра дѣйствительнаго въ какой-то другой, невѣдомый, но родной вамъ міръ чарующихъ грезъ: фантастическіе переливы таинственной горячей мглы, шелестъ тростника, серебристые прозоры свѣта и смѣхъ, и счастливыя слезы, и мука, и блаженство безъ конца! Въ этой картинѣ художникъ передалъ самаго себя: этотъ поэтъ—онъ самъ, русалки—музы его искусства, обращеннаго къ міру таинственному....

Въ томъ же родѣ была его „Giulietta“, которую утромъ въ день свадьбы находятъ умершею. Небольшая картинка хватаетъ васъ за сердце, какъ чудная симфонія ¹⁾. Не лишена той же предести и „Любимый нажъ“ (Lieblingspage) ²⁾.

Послѣ этого легко можно себя представить, съ какимъ нетерпѣніемъ желала публика увидѣть послѣднее колоссальное произведеніе Макарта — „Прощальный праздникъ въ Венеціи въ честь Катарини Корпаро“, молодой красавицы, вышедшей за мужъ за Кипрскаго короля и отправляющейся въ свои владѣнія. На сколько сбылись ожиданія каждаго—это другой вопросъ

Громадный холстъ занятъ венеціанскою архитектурою, ложей какого-нибудь дворца. Въ срединѣ, на возвышеніи, сидитъ юная, едва шестнадцатилѣтняя Катарина, окруженная знатными дамами и важными сановниками, и принимаетъ привѣтствія дѣвушекъ, подносящихъ ей на колѣняхъ цвѣты и другіе подарки. Кругомъ стоитъ народъ. Палѣво нѣсколько мальчугановъ—одинъ изъ нихъ съ мандолиной — взобрался на пьедесталъ колонны; направо, на первомъ планѣ, женщина съ собакой и красный гондольеръ на носу золотой гондолы съ балдахинномъ изъ ярко-синяго шелка.

Вся картина горитъ, сверкаетъ блескомъ матерій, бѣлоснѣжными и черными лицами, чудными венеціанскими тканями и счастливымъ небомъ „царицы морей“, и все-таки, въ концѣ концовъ, хотя этотъ блескъ и ошеломляетъ васъ въ первую минуту, ничего не остается

¹⁾ Въ Вѣнскомъ Бельведерѣ.

²⁾ Въ Вѣнѣ въ частныхъ рукахъ.

въ душѣ, кромѣ сердечной пустоты и опасенія, что гениальная сила можетъ дѣйствительно потратиться на гениальное шарлатанство!

Въ Макартѣ, сказали мы, обнаруживалась могучая, мистическая фантазія,—и вотъ тотъ самый Макартъ, въ которомъ готовилось проявиться новое откровеніе живописнаго начала, въ произведеніяхъ котораго колоритъ чуть не сдѣлался элементомъ, аналогичнымъ музыкальному, стоитъ теперь надъ обрывомъ, обѣщаетъ превратиться въ декоратора. Чѣмъ, какъ не декорацией, слѣдуетъ назвать картину, гдѣ нѣтъ ни малѣйшаго рисунка,—гдѣ лица похожи на маски, лишены индивидуальнаго выраженія,—гдѣ отдѣльныя фигуры не имѣютъ между собою связи, условливаемой самимъ дѣйствіемъ,—гдѣ, за малыми исключеніями, нѣтъ ничего, кромѣ смѣси различныхъ воспоминаній о венеціанскихъ и фламандскихъ колористахъ....

Отсутствіе школы, довольствованіе жалкимъ à peu-près, это дѣйствительно ужасное „проклятіе“, тяготѣющее надъ нѣмецкимъ искусствомъ. Но Гансъ Макартъ еще очень молодъ. Въ новой его картинѣ при всѣхъ ея коренныхъ недостаткахъ, которые можно выразить словами: „парадъ вмѣсто поэзіи“,—сказывается такой громадный успѣхъ во внѣшнемъ владѣніи кистью, что нельзя не возлагать на него надежды.

Итакъ, вотъ чтó выставили особенно замѣчательнаго націи, стояція во главѣ современной образованности. Кто же, на этомъ состязаніи, служилъ представителемъ Славянскаго племени?

Еслибы собрать всѣхъ находившихся на Вѣнской выставкѣ, конечно, смыслящихъ въ искусствѣ, Славянъ и предложить имъ пустить этотъ вопросъ на голоса, то несомнѣнно, что приговоръ оказался бы въ пользу двухъ художниковъ—Краковскаго Поляка *Яна Матейки* и Русскаго *И. Рѣпина*. И тотъ, и другой служили вѣрными выразителями своихъ народностей. Матейко, отвернувшійся отъ современной ему дѣйствительности, живетъ идеалами прошлаго; И. Рѣпинъ, не заботящійся пока о прошломъ, весь погруженъ въ пастоянціе интересы своего народа, просыпающагося послѣ великихъ реформъ, которыя совершились на нашихъ глазахъ. Съ одной стороны, магнаты и паны со всею страстью и силою вызваны опять къ призрачной жизни магической кистью художника; съ другой—взлелѣяны съ такою же любовью простыя волжскіе бурляки...

Янъ Матейко, какъ австрійскій Полякъ, формально принадлежитъ къ австрійскому отдѣлу искусства, но тѣмъ не менѣе онъ отнюдь не вышелъ изъ Вѣнской школы. Онъ представляетъ явленіе до такой

степени одипкое и оригинальное, что рядомъ съ нимъ нельзя поставить ничего, не только въ Вѣнской школѣ, но даже на всей выставкѣ. Художникъ этотъ, такъ-сказать, спасъ историческую живопись на всемірномъ состязаніи и поддержалъ, съ русскимъ своимъ товарищемъ, честь Славянскаго имени. Сильный, вполне самородный, драматическій талантъ самоучки, горячее патріотическое сердце — вотъ отличительныя его черты.

Любовь къ родинѣ стоитъ у него на первомъ планѣ. Естественно, что подъ вліяніемъ этого чувства онъ долженъ былъ обратиться къ пышнымъ событіямъ прошлаго, и дѣйствительно, съ любовью выбираетъ онъ сюжеты, дѣлающіе честь его родинѣ, или вдругъ, какъ вопль отчаянія, вырвется у него картина, представляющая моментъ, когда судьба отечества была поставлена на карту. Отвлеченно-эстетическихъ цѣлей Матейко не знаетъ; онъ весь погруженъ въ избранный имъ предметъ, и форма выливается у него сама собою, болѣе сильная или слабая, смотря по степени одушевлявшаго его энтузіазма, болѣе или менѣе совершенная, смотря по тому, какой степени художественной опытности принадлежитъ то или другое изъ его произведеній.

Уроженецъ города Кракова (род. въ 1838 году), Янъ Матейко учился нѣкоторое время въ Мюнхенѣ, но незамѣтно, чтобы пройденная имъ школа оставила на немъ глубокіе слѣды: неуклюжестью, своеобразиемъ, но въ то же время силой и свѣжестью самоучки отличаются всѣ его картины. Какъ извѣстно, первый огромный успѣхъ доставила ему, на Парижской всемірной выставкѣ 1867 года, его „Проповѣдь іезуита Петра Скарги при дворѣ Сигизмунда III изъ дома Вазы“.

Сцена происходитъ въ придворной королевской капеллѣ. Справа на возвышеніи, сплюну къ алтарю съ горящими свѣчами, озаренный прокравшимися солнечнымъ лучомъ, весь въ черномъ, проповѣдуетъ Скарга. Онъ дошелъ до паюса, глаза горятъ подъ высокимъ умнымъ челомъ съ развѣвающимися свѣдыми волосами, онъ поднялъ вверхъ руки и вотъ, собравъ всѣ силы, сейчасъ грянетъ потрясающимъ громомъ своей рѣчи по сердцамъ слушателей, которые совершенно отдались проповѣднику. Налѣво самъ Сигизмундъ въ черномъ платьѣ, въ черной французской шапочкѣ, развалившись въ креслѣ, весь погруженъ во вниманіе. Между нимъ и проповѣдникомъ — мажордомъ въ золотой, парчевой одеждѣ, съ маршальскимъ жезломъ въ рукѣ, также видимо находится подъ магическимъ дѣйствіемъ страстной рѣчи. Кругомъ вельможи свѣтскіе и духовные; а выше, на обитыхъ малино-

вымъ штофомъ хорахъ, королева съ своими дамами. Я не помню, чтобы гдѣ-нибудь проповѣдь была передана съ такою потрясающею силою: черная фигура Скарги съ поднятыми руками неизгладимо врѣзывается въ память.

Слабую сторону картины составляетъ несовершенство техники; рисунокъ неудовлетворителенъ, а еще болѣе неприятно дѣйствуетъ холодный темно-фіолетовый, какой-то чернильный колоритъ, отъ котораго художникъ освобождается лишь въ самыхъ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ.

Но какъ ни замѣчательна „Проповѣдь Скарги“, она, какъ оказалось, была только прелюдіей къ пламенному взрыву страсти, до которой Матейко уже не доходилъ болѣе въ послѣдующихъ своихъ трудахъ, такъ что его „Сеймъ въ Варшавѣ 1773 года“¹⁾ до сихъ поръ остается кульминаціонною точкою его таланта.

Вотъ содержаніе этой картины. Съ правой стороны у двери, упалъ на полъ депутатъ Рейтанъ, и разорвавъ кунтушъ и рубаху, обнажаетъ грудь; въ его воспаленныхъ глазахъ, обращенныхъ къ небу, читаешь его слова: „Убейте меня, но я не возьму назадъ своего veto!“ Предъ нимъ, слѣва, столпились трое вельможъ въ нѣмецкомъ платьѣ; двое молодыхъ не смѣютъ взглянуть ему въ глаза, и только средній, старый сеймовый маршалъ, Понинскій, весь въ красномъ, золотомъ шитомъ мундирѣ, приказываетъ арестовать Рейтана, повелительно протягивая руку къ полураскрытымъ дверямъ, изъ-за которыхъ медленно выступаютъ солдаты. Понинскій въ бѣшенствѣ; еслибы не рука сзади стоящаго епископа, который пытается его успокоить, то, по всему вѣроятію, онъ привелъ бы въ дѣло судорожно сжатую имъ суковатую палку. Очевидно, что катастрофа наступила внезапно, какъ взрывъ, ибо на первомъ планѣ вы видите опрокинутый стулъ Понинскаго съ упавшимъ на полъ портфелемъ, заключавшимъ въ себѣ политическія бумаги, изъ которыхъ на одной читаемъ S. Petersbourg, а по всему полу разсыпались крупные, блестящіе имперіалы, выскочившіе изъ кошелька, спрятаннаго въ трехъугольную шляпу, которая упала на полъ вмѣстѣ со стуломъ. Лѣвѣе — маститый, сѣдолосый магнатъ въ національной одеждѣ, весь трясется отъ гнѣва, съ блуждающими глазами, выставивъ впередъ руки, какъ-бы въ темнотѣ ища дороги. уходятъ отъ стола, а подлѣ него молодой аббатъ, косясь въ его сторону, какъ-бы ненарокомъ, протягиваетъ къ нему ладонь съ обсыпаннымъ

¹⁾ Въ Вѣнскомъ Бельведерѣ.

бриллиантами портретомъ императрицы Екатерины. Дальше, на второмъ планѣ, среди всеобщей сумятицы, король съ часами въ рукахъ всталъ съ своего трона. Нѣсколько головъ и рукъ протягиваются къ нему съ пѣвчимъ, грознымъ или умоляющимъ вопросомъ, а онъ стоитъ, опустивъ глаза, съ выраженіемъ и скорби, и полного безсилія. Въ глубинѣ комнаты, подъ ложей, занятой тремя дамами и важнымъ саповникомъ въ красномъ мундирѣ, юноша отозвался на протестъ Рейтана, высоко поднявъ шапку и саблю; но старый отецъ или другъ старается удержать его, съ ужасомъ косясь на сцену, происходящую на первомъ планѣ. И надъ всей этою сценою разлагающагося государственнаго организма, падъ этимъ хаосомъ разнузданныхъ страстей, какъ проклятiе пророка, послета слова: *finis Poloniae!*

Согласно содержанію, и самая техника возвысилась въ этой картинѣ до крупной, грандіозной пластики; колоритъ несомнѣнно лучше сравнительно съ „Скаргоу“, но главное достоинство картины заключается въ томъ, что она до послѣднихъ мелочей проникнута драматическимъ движеніемъ. По силѣ и непринужденности композиціи, по свѣжести и художественному совершенству типовъ видно, что произведеніе, о которомъ говоримъ мы, вырвалось у художника внезапно.

Послѣдующіе труды Матейка, представляя постоянный успѣхъ въ technikѣ, носятъ скорѣе характеръ эпическій, впрочемъ — соответствующій изображеннымъ въ нихъ событіямъ. Такова его „Люблинская унія 1569 года“.

Посреди просторной залы, съ гербами польскихъ провинцій по стѣнамъ, освѣщенной дневнымъ свѣтомъ (часы показываютъ полдень), въ которомъ тонуть огоньки зажженныхъ свѣчей, стоитъ въ черной бархатной, подбитой соболемъ шубѣ, величавая фигура Сигизмунда-Августа. Онъ совершенно спокоенъ: видно, что дѣло долгихъ думъ и происковъ увѣнчалось, наконецъ, успѣхомъ, и только въ сосредоточенномъ заботливомъ взглядѣ можно прочесть, что торжество далось ему недешево. Высоко подпявъ въ правой рукѣ распятіе, лѣвою придерживая соболю шапку и мечъ, онъ слушаетъ актъ присяги, которую читаетъ подлѣ него Краковскій епископъ, Филиппъ Подневскій, до половины видный изъ-за аналая, съ раскрытымъ Евангеліемъ, на которое положили руку старый согнувшійся примасъ Яковъ Уханскій, опустившійся на одно колѣно Краковскій вастелянъ Мартинъ Зборовскій, держащій пергаментный свитокъ договора, съ огромною печатью. Рядомъ съ нимъ, опустившись на колѣна, стоятъ великій коронный гетманъ Николай Мелецкій, опираясь рукой на

скипетръ, и на первомъ планѣ рыжеволосая и рыжебородая фигура Виленскаго воеводы, литовскаго гетмана Михаила Радзивилла, опустившаго въ знакъ клятвы обнаженный мечъ. Эта центральная группа заканчивается вверху знаменемъ, которое держитъ закованный въ доспѣхи князь Романъ Сангушко.

Направо отъ этой центральной группы—ложе, въ которой стоитъ королева Анна Ягеллонова съ ея придворными дамами. Подъ ложей толпа вельможъ, а въ правомъ углу перваго плана—старикъ Фрицъ Морджевскій вводитъ мужика, проникнутаго изумленіемъ.

Налѣво отъ главной группы, на первомъ планѣ, дряхлый Вилецскій епископъ Валеріанъ Проташевичъ, одѣтый въ синюю шубу, опускается, съ помощью стоящаго на одномъ колѣнѣ Яна Ласкаго, на скамейку передъ его кресломъ. Позади его, занимая всѣ лѣвую стѣну, толпятся воеводы и князья. Прежде всего кидается въ глаза иронически улыбающійся диссидентъ Янъ Фирлей, великій коронный маршалъ; за нимъ, въ роскошной красной одеждѣ, покровитель іезуитовъ, Варшавскій епископъ Станиславъ Гозиушъ; опустившись въ кресло, онъ протягиваетъ, благословляя, свои одѣтыя въ красныя перчатки руки, съ умиленнымъ выраженіемъ въ лицѣ, плохо прикрывающемъ присущее ему коварство. На спинку его кресла оперлась богатырская, львиная фигура Санѣги. Далѣе, въ свѣтло-голубой шубкѣ, отрокъ князь Острожскій, на плеча котораго оперся старый согбенный отецъ его, и наконецъ, изъ верхней группы высоко поднимаетъ руку, въ знакъ клятвы, покоренный прусскій герцогъ Альбрехтъ.

Мы должны были вдаться въ нѣсколько длинное, и можетъ-быть, отчасти утомительное описаніе картины въ ея подробностяхъ; но это было необходимо для того, чтобы характеризовать взглядъ Полька Матейки на Люблинскую унию. Онъ изобразилъ ее съ своей точки зрѣнія, безъ драматизма, а потому безъ художественнаго интереса въ собственномъ смыслѣ слова.

Нѣсколько оживленнѣе, и такъ-сказать, нивантиѣе четвертая картина художника, представляющая „Пословъ Ивана Грознаго передъ Стефаномъ Баторіемъ во время осады Пскова“.

Дѣло происходитъ зимнимъ днемъ. Передъ открытою королевскою палаткой, наполненною ратными сподвижниками короля; на раскинутой по снѣгу медвѣжьей шкурѣ сидитъ на походномъ стулѣ, широко разставивъ ноги, горбатый „воинственный Стефанъ“. Въ латахъ и парчевой шубѣ, съ собольею шапкой на головѣ, онъ оперся рукою на лежащій у него на колѣняхъ обнаженный мечъ; предъ нимъ стоитъ

іезуитъ Поссевинъ, съ обнаженною блѣдною, зловѣщею головою, и какъ-бы благословляя, протягиваетъ сухую, костлявую руку надъ хлѣбомъ и солью, которыя подноситъ королю русскій епископъ въ полномъ облаченіи, ставшій на поверженный русскій стягъ. За нимъ двое бояръ: одинъ изъ нихъ въ собольей шубѣ бьетъ челомъ, другой въ серебряной глазетовой, какъ-то неохотно нагибаясь, имеетъ въ рукахъ, нестрѣвающихъ перстнями, мѣховую шапку. Изъ-за его спины показывается третій, высоко поднимая царскую грамоту, на которой написанъ годъ. Направо, съ выраженіемъ глубокаго отвращенія къ тому, что происходитъ, стоитъ въ стальныхъ досиѣхахъ воевода Псковскій, князь Ѳедоръ Оболенскій-Лиховъ, опустивъ въ знакъ покорности обнаженный мечъ рукояткою внизъ. Подлѣ него уродливый, пузатый карликъ, въ золотой парчѣ, держитъ передъ собою щитъ съ двуглавымъ орломъ. На свѣтлой дали съ силуэтомъ Пскова, изъ воротъ котораго движется процессія духовенства въ пышномъ облаченіи, видѣнъ цѣлый лѣсъ крылатыхъ гусаръ, трубачей и нѣсколько конныхъ воеводъ, а надъ всѣмъ этимъ столбъ дыма, подвившись изъ горящаго города, омрачаетъ блѣдно лазуревое небо.

Въ первую минуту картина кажется плоскимъ ковромъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутовъ и только мало-по-малу вы начинаете различать фигуру за фигурой, одинъ замѣчательный типъ за другимъ. Но это приходится дѣлать всякій разъ, какъ смотришь на картину. Очевидно, художникъ желалъ передать зимнее освѣщеніе, которое, если нѣтъ солнца, не сосредоточено, но дробится на миллионъ рефлексовъ: въ дѣйствительности и при такомъ освѣщеніи каждый предметъ выступаетъ отдѣльно, чувствуется различіе воздушныхъ плановъ, глубина перспективы; но передать воздухъ, перспективу на этотъ разъ художнику не удалось.

Но самое плоское, самое прозаичное изъ всѣхъ произведеній Матейки, это — послѣдняя его картина „Коперникъ“, въ лунную ночь, на вершинѣ башни, внезапно освѣщенный новою мыслью о движеніи небесныхъ тѣлъ. Слабо переданное выраженіе наитія гениальной мысли не можетъ искупить крайне прозаическаго исполненія. Матейко не поэтъ, не колористъ, его талантъ болѣе всего годится для передачи драматическихъ движеній.

Кромѣ исчисленныхъ нами картинъ, выставка представляла рядъ чрезвычайно оригинальныхъ портретовъ того же художника. Изъ нихъ самые замѣчательные — портретъ мужчины въ черномъ платьѣ и портретъ трехъ дѣтей: двухъ дѣвочекъ и мальчика въ красномъ

кунтушѣ, подлѣ которыхъ спать ихъ другъ и сторожъ — лягавый песъ.

Если бы поставить зрителя предъ картинами Матейки, не предупредивъ, кто ихъ авторъ, то несомнѣнно, всякій узналъ бы въ немъ Славянина, Русскаго или Поляка. Не говоря ужъ о томъ, что славянскіе типы можетъ изобразить такъ рельефно только Славянинъ, но Славянинъ сказывается и въ совершенномъ отсутствіи школы, и болѣе всего, въ холодномъ, желто-бѣлесоватомъ колоритѣ ¹⁾).

Говорить еще разъ о „Бурлакахъ“ Рѣпина, значило бы повторить избитыя мѣста... На золотомъ фонѣ великолѣпнаго заката солнца, надъ широкимъ раздольемъ Волги, вырѣзывается темнымъ, рдѣющимъ силуэтомъ вереница загорѣлыхъ, краспокожихъ человѣческихъ фигуръ. Вниманіе и любовь, съ которыми возсозданы огрубѣлыя отъ неуставной работы человѣческаго существа, эта, такъ сказать, черноземная сила Русскаго народа, заслуживаютъ полнаго сочувствія. Въ отношеніи чисто-художественномъ, картина представляетъ самыя серьезныя достоинства: она добросовѣстно нарисована и написана хотя и не совсѣмъ свободно, но талантливо, съ богатырскимъ размахомъ, — качества, которыми, какъ извѣстно, не балуютъ насъ русскіе художники...

Итакъ, вотъ въ нѣсколькихъ словахъ международный Олимпъ. Мы упомянули о самыхъ характерныхъ образцахъ. Французы, сознавая, что главная сила ихъ художественнаго генія состоитъ въ чуткѣ пластической формы, внѣшней красоты, и что первымъ условіемъ, возвысившимъ ихъ искусство до классическаго совершенства, было постоянное примѣненіе его для монументальныхъ задачъ, — выступили на международную арену съ стильнымъ, монументальнымъ направлениемъ. Мы увидимъ, впрочемъ, что значительнѣйшее явленіе современнаго французскаго искусства принадлежитъ не къ этой области. Бельгійское искусство, провозглашенное одно время образцомъ для всеобщаго подражанія, явилось съ весьма притязательною, но пустою и скучною манерою. Нѣмцы, слабые въ пластическѣ, но за то одаренные высокимъ полетомъ фантазій, даромъ изобрѣтенія и глубокимъ

¹⁾ Читатели, конечно, замѣтятъ, что авторъ, разсматривая произведенія Матейки, воздержался отъ критики ихъ съ исторической точки зрѣнія. Въ русской литературѣ уже были высказаны справедливыя замѣчанія о нарушеніи исторической истины въ картинахъ польскаго художника. Цѣлью же г. Прахова было представить оцѣнку ихъ въ чисто-художественномъ отношеніи, соответственно тому (весьма не вѣрному) пониманію истории, которое усвоено Матейкою. *Ред.*

чувствомъ, представили патетическій, прекрасно задуманный эпизодъ изъ исторіи, не удавшійся вслѣдствіе вѣковаго пренебреженія средствами искусства и еще менѣе удавшійся, по тѣмъ же причинамъ, образецъ, такъ-сказать, музыкальнаго направленія въ живописи. Наконецъ, Славяне явились чистокровными реалистами-самоучками, выходящими не изъ отвлеченныхъ эстетическихъ соображеній, но изъ страстнаго отношенія къ тому или другому явленію минувшей или живой дѣйствительности.

Но этими, такъ-сказать, казовыми концами не исчерпывается ни количество направленій, преслѣдуемыхъ въ искусствѣ, ни число замѣчательныхъ произведеній на Вѣнской выставкѣ. Къ разсмотрѣнію того и другаго нужно обратиться подробнѣе.

Адріанъ Праховъ.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ¹⁾.

ЗАМѢТКИ ПО ИСТОРИЧЕВОЙ ГРАМАТИКѢ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе. Соч. М. Колосова. Варшава, 1872. XII, 190.

Starobulgaraká fonologie se stálym zretelem k jazyku litevskému. Sepsal dr. Leopold Geitler, v. Praze. 1873.

V.

Глухіе звуки ъ и ь при плавныхъ р, л между двумя друими согласными.

Вопросъ о мѣстѣ глухихъ при плавныхъ г. Колосовъ считаетъ существеннымъ въ исторіи русскаго языка. Онъ держится того взгляда, что въ словахъ *триъ, вѣкъ* и т. п. гласная есть не *р, л, а ъ*, что и мнѣ кажется несомнѣннымъ. Приводя мое мнѣніе (Два изслѣд., 138), что особенность древняго русскаго по отношенію къ старо-славянскому состоитъ въ постановкѣ *ъ, ь* передъ плавными въ большинствѣ случаевъ, г. Колосовъ спрашиваетъ, о какихъ исключеніяхъ здѣсь рѣчь, — о тѣхъ ли, кои принадлежатъ самому языку, или о тѣхъ, которыя суть лишь слѣдствіе неустановившагося правописанія, — и рѣшаетъ вопросъ въ мою пользу (Оч., 23). Дѣйствительно, было бы довольно странно съ моей стороны въ число особенностей языка ставить малограмотность писцовъ. Впрочемъ, я не давалъ повода къ самому вопросу, потому что то меньшинство случаевъ, въ которомъ *ъ* и *ь* стоятъ въ древнемъ русскомъ послѣ плавныхъ, было указано мною въ томъ же сочиненіи (Два изслѣд., 34). Въ числѣ приведенныхъ тамъ словъ есть и пять изъ тѣхъ семи, которыя приводитъ г. Колосовъ на стр. 26.

¹⁾ Продолженіе. См. Журналъ Мин. Народн. Просв. за октябрь 1873 года, отд. II, стр. 302—326.

Нынѣшнія русскія нарѣчія почти единогласно предполагають въ однихъ словахъ глухой звукъ передъ плавною, въ другихъ—послѣ нея. Для сравненія съ этимъ я бралъ старо-славянскій языкъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дѣйствительно встрѣчается въ задунайскихъ памятникахъ, и какъ его понимаетъ Миклошичъ, который по написанію не дѣлаетъ разницы между *плькъ* = русск. *полкъ*, и *пльть*, = русск. *плоть*. Указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на то, что гдѣ въ русскомъ замѣна *ъ*, *ь*—послѣ плавной, тамъ въ польскомъ она большею частію или стоитъ на томъ же мѣстѣ, или выпускается, я тѣмъ самымъ признавалъ, что это свойство не исключительно русское. Только выводы изъ этого представляются мнѣ теперь нѣсколько иные, чѣмъ прежде.

1. *Глухіе послѣ плавныхъ въ такихъ случаяхъ, какъ брѣвъ* и проч. Г. Дювернуа (Система основн. элементовъ и формъ слав. нарѣчій) представляетъ слѣдующее положеніе: „Славянское полугласіе находится въ тѣсной зависимости отъ кирилловскаго преданія. Степенью точности въ воспроизведеніи кирилловскихъ элементовъ *ъ*, *ь* легко измѣряется древняя литературная связь славянскихъ племенъ съ проповѣдью и ученіемъ блаженныхъ первоучителей славянскихъ“ (2). Подробнѣе, хотя не убѣдительнѣе, сказано объ этомъ тамъ же на стр. 87—88: „Для древней области Славянъ Верхнепаннонскихъ чешско-моравское нарѣчіе есть на столько же вѣрное хранилище кирилловскаго преданія, на сколько словинское нарѣчіе для области Славянъ Нижнепаннонскихъ. Въ древнѣйшихъ памятникахъ чешской письменности кирилловскіе полугласные элементы имѣютъ замѣны... въ гласной *е*, которая... постоянно сопровождаетъ произношеніе гласныхъ элементовъ *ъ*, *ь* и образуетъ изъ нихъ отдѣльный, независимый отъ предшествующаго, слогъ, и именно въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ современное нарѣчіе чешско-моравское не сопровождаетъ ничѣмъ гласные элементы, сами по себѣ слога не составляющіе¹⁾. Таковы, напримѣръ, рѣченія Суда Любушина и другихъ древнѣйшихъ памятниковъ чешско-моравскаго на-

¹⁾ Какъ понять, что такъ-называемый авторомъ гласный элементъ не составляетъ слога, напримѣръ, въ *vik*? Чтò же тутъ составляетъ слогъ, если не *і*? Чтобы имѣть право думать, что *ь* не составляетъ здѣсь слога, нужно считать его согласнымъ звукомъ, сопровождаемымъ или предшествуемымъ глухимъ гласнымъ, хотя бы и малозамѣтнымъ. Или авторъ хочетъ сказать, что въ чешскомъ *р* въ началѣ слова не составляетъ слога, между тѣмъ какъ въ сербскомъ оно можетъ его составлять (по нашему—потому, что имѣетъ при себѣ глухой гласный звукъ), напримѣръ, въ словѣ: *р-вати*?

рѣчія, первоначертанныя руками латинскихъ клериковъ по слѣдамъ свѣжаго преданія кириллицы: *plezne, pleki, bred, prevensu, dlesno* ¹⁾. Это начертаніе (а выше говорилось о произношеніи *e* при *r, l*), „зависшее вполнѣ и безраздѣльно отъ кирилловскаго преданія, такъ укоренилось въ правописаніи, что ясные его слѣды остаются на намѣтникахъ гораздо позднѣйшаго времени. Такъ, въ глоссахъ „*Mater verborum*“ 1202 года встрѣчаемъ: *plet (vatos), trest (arundo), drebne (vigil)*. Кроме того, находимъ и понынѣ въ чешскомъ лексиконѣ нѣсколько такихъ кирилловскихъ рѣченій, унаслѣдованныхъ изъ глубины среднихъ вѣковъ: *krev* (вмѣсто *krv*). Тѣмъ яснѣе это заимствованіе изъ кириллицы, что нарѣчіе чешское въ тѣхъ случаяхъ, когда гласные элементы *r, l* имѣютъ благозвучную потребность превратиться въ согласные, примѣняютъ для ея удовлетворенія свое, специфически свойственное средство, — гласную *u*: *slunce, chlum* и т. п.²⁾. Выходитъ, какъ будто и при *r* примѣняется тоже средство.

Если и допустить вмѣстѣ съ Шафарикомъ и Палацкимъ (*Die ältest. Denkmäler der Böhm. Sprache*), что въ Судѣ Любуши и отрывкѣ глоссы къ Евангелію отъ Іоанна, относимыхъ къ одному времени, написаніе *le* между двумя согласными есть лишь подражаніе старославянскому правописанію (*plezne, wletaou, pleki, hlemca; dlesno, mleni, naplenila, se pleti; cresnosi, bred, preuencu; mreuich, zreno, oturedi, zredce, neuiveglise*), то это подражаніе окажется далеко не вѣковѣчнымъ, ибо не видно возможности отнести къ нему изображеніе глухаго звука посредствомъ *i* передъ *l, r* въ глоссахъ Вацерада: *dilli, pilst, birdo, birui* и пр. Я не могу согласиться съ г. Гейтлеромъ (*Phonologie*, § 38), что въ этихъ случаяхъ *ir, il* звучало именно какъ *ip, ol*, и изъ тождества написанія словъ, какъ *sirtwa* (= *жертва*) и *tirh* (= *тѣрѣ*), вывожу, что разница между *ь* и *э* здѣсь не сказывается, что *i* выражаетъ здѣсь глухой звукъ вообще. Когда Вацерадъ въ нѣсколькихъ словахъ, имѣющихъ въ ст.-слав. *э* при *p, л* между согласными, пишетъ не такъ, какъ выше, то и въ этомъ не могу усмотрѣть кирилловскаго вліянія, а вижу частію слѣдствіе неопредѣленности произношенія (*wilchuss* при *wilchuss, slich* = *зльчъ*), частію совершенно опредѣленныхъ звуковыхъ явленій, именно: а) появленіе *lu* на мѣстѣ *ь*: *slunek (člunek, — navis), umluua, slutek (člutek)*, и б) появленіе чистаго *e* на мѣстѣ глухаго звука *осль p, л*: *drebni* (нынѣ

¹⁾ И тутъ же подъ рядъ примѣры безъ *l, r*: *kegl, okence, desky*. О чемъ же рать?

drěbnu), trest, plet (vates). Что *re, le* въ этихъ послѣднихъ словахъ есть не какая-либо случайность, которую можно было бы объяснить литературнымъ вліяніемъ, а явленіе, вытекающее изъ большей глубины языка, это видно не столько изъ самого чешскаго языка, сколько изъ его срапненія съ русскимъ, польскимъ и лужицкимъ.

Въ большей части случаевъ, гдѣ въ русскомъ *o, e* вмѣсто *ъ, ь* передъ главными между двумя согласными, тамъ замѣны глухихъ на томъ же мѣстѣ въ польскомъ (кромѣ случаевъ *tu, to*, о чемъ скажемъ ниже) и лужицкихъ, — тамъ глухіе при *u*, отчасти и при *l*, остаются нѣ чешскомъ ¹⁾ (кромѣ случаевъ *lu* и нѣкоторыхъ другихъ). Напротивъ, гдѣ *o, e* вм. *ъ, ь* послѣ плавныхъ въ русскомъ, тамъ въ польскомъ и лужицкихъ или замѣна глухаго звука на томъ же мѣстѣ, или его опущеніе; иногда то же и въ чешскомъ, хотя и съ меньшей правильностію, такъ какъ и въ этомъ случаѣ глухой звукъ въ чешскомъ можетъ оставаться.

а) *pr*: русск. *бровь*—бровь, польск. *brw*, род. *brwi* (одинъ слогъ), полаб. мн. ч. *brawoj*, по Шлейхеру *brāvai* и *brāvāi*, но въ чешск. *brv*.

дрѣзь, дрѣжати—дрожь, дрожать, польск. *dreż* и *dreszcz*,—*u*, *dreśc*, *i*, *drzać* (одинъ слогъ) и *drgać*, *drgnąć* (1 слогъ), в.-луж. *vžec* (1 слогъ), н.-луж. *džas*.

дрѣва—дрова, польск. *drwa* (1 слогъ), *drewno* (то-есть. дръвно, не смѣшивая съ *drzewo* = дръво — дерево), *drewniany*, н.-луж. *drejany* = польск. *drewniany*, полабск. *drava*, *drova*, по Шлейхеру *drāva* (дрова), но чеш. *drvo* (2 слога).

крѣштити—крошить, польск. *krzyc*; *крѣжа*—кроха, польск. *krzypa* (2 слога), *krzta* (1 сл. = крѣхта?), *krzypa* (2 слога); *крѣхий* (крѣх—) и въ чешск. съ *e* послѣ *r*: *křechký* (нишуть *křehký*).

крѣвь—кровь, кровавый, польск. *krew*, род. *krwi* (1 слогъ), *krwawy* (2 слога), н.-луж. *krej*, *kšej*, *kšew*, *kšawy*, *kšawis*, *krawnik*, *kšawnik* (= польск. *krwawnik*, *achillea millefolium*), в.-луж. *krej*, *krew*, *krwawy* (2 слога). Въ чешск. *krev* согласно относительно замѣны *ъ* съ русск., польск. и луж., но *krvi*, *krve* (род.), съ сохраненіемъ глухаго звука, двусложно. Полабск. *krōi*, *krōi*, по Шлейхеру *kāgāi*, есть, быть можетъ, форма, буквально равная не основной формѣ *крѣ* (*Schleicher*, *Polab. Spr.*, 240), а формѣ *крѣвь*, луж. *kvej*.

¹⁾ Или, если угодно такъ выравнаться, тамъ *u, l* имѣютъ гласное произношеніе въ чешскомъ.

Тръсть—трость, тростина, чешск. *trest* (чистая гласная, замѣняющая глухую, стоятъ послѣ р), *titi* (= трѣстиѣ), съ опущеніемъ глухого, какъ въ польскомъ и лужицкомъ: польск. *trzcina* (старин., одинъ слогъ), *trzcina*, в.-луж. *třcinina* (3 сл.), н.-л. *šcina*.

трѣст, русск. *троицить* сродно съ предыдущимъ. Ср. польск. *tręść*, род., съ удержаніемъ чистой замѣны ера, *tręści* (хотя можно бы ожидать *trzcici*), собственно выжатый сокъ, откуда—содержаніе, извлеченіе, смыслъ, сущность, чешск. *trest'*, род. *tresti*. Къ той же основной формѣ относительно корня (*трѣст*) принадлежитъ польск. *trestkać*, *trestać*, чешск. *trestati*—наказывать.

крѣтъ—кротъ, польск. *kret*—род. *kreta*, н.-луж. *kšet*, но чешск. *krt* (съ глухимъ звукомъ).

Въ русскомъ къ такимъ словамъ съ основнымъ *ръ* принадлежать, между прочимъ, мал.-русск. *брость*, род. *сти*, сербск. *брст.*, и вел.-русск. *кострома*, въ коемъ происхожденіе второго *о* изъ *э* подтверждается чешск. *kostřbatý*, косматый. *Ъ* въ этомъ словѣ относится къ *у* въ мал.-русск. *коструб*, *кострубонько* (миеологическое лицо Кострома), *кострубатый* (косматый), какъ *крѣх-* къ *крух*, *круицить*.

б) *ръ*: *крѣсть*, крестъ, -ить, польск. *chrzest*, род. *chrztu* (крещеніе), *chrzeić* в.-луж. *chcic*, *kcu*, ниже-луж. *kšcic*, *kšcōny*, чешск. *krést*, *křtu* (одинъ слогъ). Сюда жъ относится и польск. *kręszyc*—выя, затылокъ, волосы (какъ падающіе по плечамъ?), колтунъ, ниже-луж. *kšica*—крестецъ. Что до полабскаго *wakarst*, *wakorst*, по Шлейхеру *vākārst*, окрестъ, то здѣсь гласная + р есть позднѣйшая перестановка изъ р + гласная.

хрѣбтъ, хребеть, польск. *chrzept* (стар.) и *grzbiet* (1 слогъ), н.-луж. *kšebiat*, *chrebiat*, в.-луж. *khribiet*, *khriebiet*, полабск. *gribiat*, чешск. *hřbet* (1 слогъ).

грѣмѣти, гремѣть, польск. *grzmić* (1 слогъ), чешск. *hřmėti* (2 слога). Хотя *і* въ н.-луж. *se grimas*, *se grimotas*, в.-луж. *so hrīma*, *hrimot*, *hrīpanje*, не есть діалектическая замѣна глухаго звука, а равносильно съ *и* (*и*) въ мал.-русск. *гримати*, съ *и* въ—бирать и т. п., но оно указываетъ на мѣсто, гдѣ стоялъ глухой звукъ въ болѣе первообразной формѣ. Полабск. *grame*, по Шлейхеру *grāmī*, гремитъ.

скрѣжеть, скрежетъ, скрежетать, польск. съ опущеніемъ перваго глухого *zgrzytać*, чешск. *křehot*.

Польск. *grzmić* предполагаетъ не *э* = русск. *о* (мал.-русск. *стріміти*), а *э* = *е* (стрѣмѣти); въ чешскомъ удержанъ глухой звукъ: *strněti*; ср. однако *střmiti*, *třmiti* по *sem*—сильно желать.

Русск. стринадка, птичка изъ рода синиць (Даль), вѣроятно, правильнѣе *стренадка*, польск. trznadel, н.-луж. tšnarł, šnarł, в.-луж. sknadž, но чешск. strnad (2 слога).

дрьст- (въ нынѣшнемъ русск. только производная форма *дристать*), польск. trzpać (то-есть, дрьстнѣ—).

Хотя въ русскомъ обыкновенно *стержень* (то-есть, стържень, съ ъ передъ р), но мал.-русск. *стрижень* и вел.-русск. *стрезжа*, *стрезжь*, *стрезжень*—указываютъ на возможную форму *стържьнь*, которая подтверждается опущеніемъ глухаго звука въ польск. zdrzeń, drzeń, rdzeń, н.-луж. džen.

При нѣсколькихъ польскихъ словахъ, въ конхъ, по видимому, опущенъ глухой звукъ послѣ р, стоятъ русскія съ е основнымъ, а не изъ ъ послѣ р: brpać (брести), и вѣроятно, относящееся сюда ubrdać sobie (угодіе собіе, ср. бредить)—изъ *брьд*,—при чемъ ъ опущено еще пз то время, когда р (г) въ польскомъ еще не ассимилировалось; въ старо-русскихъ памятникахъ хотя и встрѣчается *брьсти*, *прибрьде*, но правильность ъ здѣсь сомнительна; въ польскомъ brpać глухой звукъ послѣ р, потомъ утраченный, могъ возникнуть подъ вліяніемъ характера $\frac{не}{нѣ}$. Польск. drwić — трунить (вѣроятно, изъ *дрьв*, какъ выше),

при в.-р. *дрезить* сердце, раздражать. Польск. trwoga, русск. тревога, можетъ быть тоже изъ тръвога. Польск. trwać (одинъ слогъ), чешск. trvati (3 слога) и польск. trwonić, расточать имущество—изъ *тръв*,—но вовсе не имѣютъ противней въ русскомъ, такъ какъ мал.-русск. *тривати*—ждать, заимствовано, а мал.-русск. *теревені правити*—говорить пустяки, далеко и по смыслу, и по формѣ. Польск. trzpiot, вертопрахъ, изъ тръпеть съ ассимиляціей р, какъ grzmot и пр. При е въ русск. и ст.-сл. трепеть, чешск. třepetati, н.-луж. tšepetaš. Польск. trzmiel—шмель и trzpień—шпень, сюда жь относятся и *rz* (вмѣсто sz) въ нихъ не можетъ быть оправдано.

в) *лз*: *блѣха*—блоха, польск. pszta (перестановка формы błcha, одинъ слогъ), pleszka, чешск. blecha (по словен. blcha), в.-луж. pka, bka, н.-луж. pcha (изъ błcha), полабск. по Шлейхеру blācha.

лзт—глотать, глонуть, польск. pochłonać, но чешск. съ удержаніемъ глухаго звука pohltnouti.

яблѣко, яблоко, польск. jabłko (2 слога), jabko, чешск. jablko (2 слога?), полабск. jobki, по Шлейхеру jobku (i изъ o). Въ луж. jabłuko и, можетъ-быть, столь же поздно, хотя и не такого происхож-

денія, какъ и мал.-русск.: *y* изъ *o* въ яблукo. Я думаю, что лужицкая форма изъ *jablko* (2 слога).

плоть, *плотъ*, польск. *plęс*, род. *plęci* (1 слогъ), чешск. *plet'*, н.-луж. *plęс*.

Польск. *plęta*, чешск. *plí'* не имѣетъ соотвѣтствія въ русскомъ, такъ какъ въ *плотъ o* врядъ ли изъ *э*, а скорѣе тождественно съ польск. *o* въ *plot*.

г) *ль*: *блѣвати*, *плѣвати*, *кльвати*, польск. *plwać*, *klwać* (1 слогъ), полабск. по Шлейхеру *blawe* (= блъветь).

клянчу, откуда *клену* и *повднѣ клянчу*, польск. *klnę* (1 слогъ).

слъза, *слеза*, польск. *łza*, род. мн. *łez* (изъ *slza*), н.-луж. *slđza*, *dza*, *za*, полабск. по Шлейхеру *slđdza*, *slāza*, но въ чешск. *slza* съ глухимъ звукомъ; в.-луж. *selza*, *syłza*, предполагаетъ форму близкую по неопредѣленности гласнаго звука къ чешской и уже черезъ посредство этой восходитъ къ *слъза*. Польская и верхне-лужицкая формы твердостью *ł* какъ будто указываютъ на *э*, а не на *ь* послѣ *л* (*слъза*); однако вѣроятнѣе, что въ этихъ нарѣчіяхъ *л* изъ средняго, какое требовалось слѣдующимъ *э*, превратилось по опущеніи *ь* въ твердое, чѣмъ то, что изъ твердаго (въ предполагаемомъ *слъза*) оно въ русскомъ языкѣ безъ видимой причины стало среднимъ и небнымъ въ *слеза*, *слѣзы*.

Изъ всего этого я вывожу слѣдующее: въ случаяхъ, когда чешская форма, какъ *brv*, которая одинаково могла возникнуть и изъ *брьь* и изъ *брььь*, не даетъ яснаго указанія на мѣсто глухаго звука въ болѣе древнемъ языкѣ, она не уничтожаетъ опредѣленности указаній, получаемыхъ нами отъ нарѣчій русскаго, польскаго, лужицкаго, полабскаго, и не противорѣчитъ имъ. Когда жъ и въ чешскомъ находимъ *e*, какъ замѣну глухаго звука послѣ *p*, *л*, или опущеніе этого звука, тогда всѣ названныя нарѣчія единогласно заставляютъ принять основную форму съ *э*, *ь*, послѣ *p*, *л*, какъ *блха*. Вообще, отъ одного какого-либо нарѣчія нельзя заключать о мѣстѣ *э*, *ь* при плавныхъ въ болѣе древнемъ языкѣ. Слѣдуетъ смотрѣть какъ на исключеніе на то, что напримѣръ, не смотря на *gr* въ русск. *гъртань*, *гортань*, въ польск. *krtań* (1 слогъ) и сродныхъ (*kręczyć*, давить за горло, *krzusić się*, *krztusić się*, давиться, першить; ср. также *grdyca*—кадыкъ, *grdać*, дергать, о дергачѣ), глухой звукъ не замѣненъ, какъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ (*gardło*), а опущенъ, какъ еслибъ основная форма была *грътань*. То же въ чешскомъ *křtan* (1 слогъ)

при *hrtan*, *hrtal* (2 слога). Исключеніе и то, что въ чешскомъ *křeč*, *e* стоитъ послѣ *r*, не смотря на русск. кърчъ, корчи, польск. *kurz*.

II. Глухіе звуки передъ плавными въ такихъ случаяхъ, какъ: *вѣлкѣ*, *тѣрѣ*.

A. Выше мы не нашли ни одного случая, въ которомъ русскому сочетанію *лѣ=ла* между двумя согласными въ польскомъ и чешскомъ соотвѣтствовало бы *lu*, *lu*. Напротивъ, именно русскому сочетанію *зл* соотвѣтствуетъ польск. чешск. *lu*, *lu*.

Въ чешск. *lu=зл* въ началѣ XIII вѣка уже существовало, но не во всѣхъ словахъ, въ коихъ оно теперь, у Вацерада: *dilh*, нынѣ *dluh*. Въ Судѣ Любуши и Глоссахъ на Евангеліе отъ Іоанна этого *lu* еще нѣтъ, изъ чего можно заключить, что оно появилось позже этихъ памятниковъ (по мнѣнію И. И. Срезневскаго, Судъ Любуши не X, а XI или XII вѣка), но до начала XIII вѣка. Та же относительная новость *lu* видна и изъ того, что при нынѣшнихъ чешскихъ *dluh*, *dlouhý*, *slunce*, *sloup*, *tlustý*, *zluc* въ ближайшемъ къ чешскому нарѣчіи—словенскомъ—*dlh*, *dlhý*, *slnce*, *stlp*, *zlc*, формы, которыя, по вышесказанному, могли бы безразлично предполагать и *зл*, и *лѣ*. Сравненіе чешскаго съ польскимъ и сравненіе этихъ нарѣчій, взятыхъ частью вмѣстѣ, частью порознь, съ лужицкими, полабскими и русскимъ также ведетъ къ заключенію о новости *lu*, *lu* и о возникновеніи его изъ *зл*. Такимъ образомъ къ мнѣнію, что на примѣръ, въ *бѣзха* з послѣ *л* есть черта, предшествующая раздѣленію нарѣчій, прибавляется здѣсь другое, что на примѣръ, въ *пѣлкѣ* з передъ *л* свойственно не одному русскому, но и западнымъ нарѣчіямъ, почему здѣсь сочетаніе *зл* слѣдуетъ признать болѣе древнимъ, чѣмъ *лѣ*. По видимому, подобнаго мнѣнія былъ и Шлейхеръ, когда говорилъ, что *вѣлкѣ* точнѣе (*gepluег*), чѣмъ *вѣлкѣ* (*Polab. Spr. 158*). Я не отвергаю того, что послѣдняя форма можетъ быть совершенно правильна для старо-славянскаго, какъ одного изъ славянскихъ нарѣчій опредѣленнаго времени; но думаю теперь, въ отличіе отъ прежняго своего мнѣнія, что она никогда не была общеславянскою, и что *вѣлкѣ* древнѣе.

Переходя къ частностямъ, мы видимъ:

а) Русск. *зл=ол=*польск. *oł*, *oł* (иногда лужицк. *oł*, полаб. *ŕu*), =чеш. *l* составляющему слогъ, и вообще согласіе между нарѣчіями почти полное.

пѣлкѣ—полѣ, польск. *pełny*, *pełen*, в.-луж. *połny* (*rowné*), во *pjelnic*, н.-луж. *połny*, *rowný*, *rełniś*, полаб. *raun*, *roun*, по Шлейхеру *raun.*, чеш. *plný*.

волна (lana)=вѣлна, польск. wełna, в.-луж. wołna (wowna), н.-луж. wołna (wałna, wawna), полабск. wauno, по Шлейхеру wáuno, чешск. vlna.

волна (fluctus)=волна́, ст.-польск. wełn, wełn, чешск. vlna.

болтать (бѣлт), *бѣлкать*, *болкнуть* (молвить глупое слово), польск. bełk-ot и проч.

кол(б)нуть (обл.=хѣлб), *колыхнуть*, польск. chełbać.

пѣлсти, *ползти*, *ползать*, польск. pełzać, pełznąć (идти—о волосахъ), чешск. plzniti.

колбъ (хѣлбъ), польск. kiełb'—рыба.

болботать (в.-русск. бормотать, болтать пустое), польск. bołbotać (мутить, мѣшать жидкость), чешск. blbati (бормотать, занкаться), blb—дураковатый.

кѣлткъ, м.-русск. ковтки (серьги), польск. kołtka.

колтунъ (кѣлт—), польск. kołtun, слово, которое можетъ, однако, быть и заимствованнымъ изъ русскаго: „gościec, wieszczycze, krzyczycze, albo Ruski kołtun“ (у Линде).

зѣлз—?, польск. zołza, родъ конской болѣзни, чирей, н.-луж. załze, zawze, опухшія желѣзы, в.-луж. zawzi.

мѣлная, полабск. mēlna (Schleicher), ст.-чешск. mlín.

б) Русск. эл=ол=польск. el и ol, чешск. lu:

хѣлмъ—ходмъ, польск. chełm, в.-луж. chołm, чешск. chlm.

пѣлкъ—полѣ, польск. pełk въ Swiętopełk и rułk (вѣроятно, изъ рѣлк), чешск. pluk.

зѣлкъ—юлкъ, ст.-польск. giełk, н.-польск. zgiełk, чешск. hluk.

колзатъ, *колзатъ* (обл.=кѣлз-), польск. kiełzać, kiełznąć się, чешск. kluzeti—скользить.

мѣлвити—молвить, польск. mówić изъ mołwić, в.-луж. mołwić, чешск. mluviti.

Польск. ie въ kiełb', zgiełk и проч., совершенно равносильно съ e=ъ и возникло изъ твердаго e=ъ, какъ въ кѣду, стар. кеду =кѣ-ды, въ силу наклонности гортанной къ переходу въ гортанно-небную.

Нѣкоторое отклоненіе отъ предыдущихъ представляетъ слово *колбаса* (кѣлб-), польск. kiełbasa, в.-луж. kowbas, н.-луж. kiałbas, kiawbas, но чешск. klobasa.

в) Русск. эл=ол=польск. lo,=луж. lo и lu,=чешск. lu:

сѣлнце—солнце, польск. słońce, в.-луж. słońco, swońco, н.-луж. slunce, slunco, чешск. slunce, словацк. slnce. Если въ полабскомъ не

окажется *ŕu*, то это почти единственный случай, въ коемъ русская форма съ *ъл=ол* стоитъ въ ряду сравниваемыхъ нарѣчій уединенно.

г) Русск. *ъл=ол*=польск. *lu*, луж. *lu* и *oŕ*, полабск. *ŕu*, чешск. *lu*.

дълъ—долгъ, польск. *dług*, н.-луж. *dług*, *dwug*, чешск. *dluh*, в.-луж. *dol*, *dów* (изъ *dowh*), полабск. *daug*, по Шлейхеру *dług*.

дългъ—долгий, польск. *długi*, н.-луж. *dłujki*, *dłejki*, *dwejki*, чешск. *dlouhý* (*dlúhý*), в.-луж. *doŕhi*, *dowhi*, полабск. *daudja*, по Шлейхеру *dług'ý*.

дълбсти—долбить, долбать, польск. *dłubać*, н.-луж. *dłupać*, *dwupać*, (изъ *dłubać*), чешск. *dlubati*, в.-луж. *dowbać*.

тълчи, польск. *tluc*, н.-луж. *tlukać*, в.-луж. *tofc*.

тълсть—толсть, польск. *tlusty*, чешск. *tlustý*, н.-луж. *tlusty*, *kłusty*, в.-луж. *tołsty* (*towsty*), полабск. по Шлейхеру *tlustý*, *tust*.

стълъ—столпъ, польск. *słup* (изъ *słup*), н.-луж. *słup*, чешск. *sloup*, в.-луж. *stoŕp*, *stowp*, *stup*.

тълна—толна, польск. *tlum*. Быть можетъ, съ этимъ, черезъ посредство значенія *втолмить*, *втолковать*, *внушить* (какъ-бы *втолпнить*, *втѣснить* въ умъ), находится въ связи и *толмачъ*, — ить, польск. *tlumacz*.

д) Русск. *ъл=ол*, польск. *il*, полабск. *ŕu*, чешск. *l*:

вълкъ, польск. *wilk*, в.-луж. *wjelk*, н.-луж. *welk*, полабск. *wŕuk*, *wuk*, чешск. *vlk*.

вълм—волгло (сыровато), м.-русск. *вошкий* (изъ *вовшкий*), польск. *wilgoć*, *odwilż* и проч., в.-луж. *włoha*, *włóha*, *wuha*, н.-луж. *łoga*, чешск. *vlh*.

Мълк—молчать, польск. *milczeć*, в.-луж. *mjelceć*, н.-луж. *mełcać*, полабск. причастіе наст. времени *mŕućiaci*, чешск. *mlčeti*.

Полсть, польск. *pilśc*, чешск. *plst'*.

Ивома (-вълга), польск. *wilga*, *wywilga*, чешск. *vlha*.

Полабскія формы съ *ŕu=ъл* и отчасти н.-луж. (*welk*) показываютъ, что и для польскаго слѣдуетъ принять здѣсь основную форму *ъл*, при чемъ мягкость замѣны *ъ* посредствомъ *і* и *іе* въ польскомъ и .-лужицкомъ слѣдуетъ приписать (какъ въ польскомъ *kiedy*, *kieł*, *kierz*) влиянію предыдущей согласной, въ настоящемъ случаѣ губной, въ польскомъ языкѣ наклонпой къ переходу въ небно-губную. Нужно думать, что въ первое время по замѣнѣ въ польскомъ *ъ* черезъ *і* за нимъ слѣдовало еще *ł*, а не *l*, сначала *wilk*, потомъ *wilk*. Ошибочно непосредственное сближеніе *і* въ этой формѣ съ *і* въ литовскомъ *wilks*.

Б. ър и ѣр между согласными.

Уже, говоря о случаяхъ *крѣсть*, *смаза*, мы перешли въ область вопроса, который не существуетъ для теоріи гласности *р*, *л* (*Mikl. Vergl. Gr. I, 41*), но не для насъ, именно въ область вопроса о различіи *э* и *ь* при плавныхъ. Я думаю, что какъ безразличіе случаевъ *крѣсть* и *трѣсть* относительно мѣста глухого звука, такъ и безразличіе *трѣсть* и *трѣнь* относительно ихъ качества, суть явленія не общеславянскія, а позднѣйшія. Къ этому заключенію можно прійдти съ двухъ сторонъ: съ точки сравненія русскаго языка съ польскимъ, лужицкими и полабскимъ и на основаніи старо-славянскихъ задунайскихъ памятниковъ.

а) Русск. *ѣр* = *ор* въ польскомъ, лужицкихъ и полабскомъ или имѣеть при себѣ твердую замѣну *ера*, или предполагаетъ ее тамъ, гдѣ мы находимъ мягкую. Въ большинствѣ случаевъ въ польскомъ языкѣ здѣсь *ar* и на оборотъ польск. *ar* = чешск. *г* заставляетъ ожидать въ русск. *ор*: польск. *barki*, плечи, чешск. *brk*, маховое перо, русск. *баркѣ*; *боркѣ*? *борицѣ*; польск. *barszcz*, куда, быть можетъ, относится и н.-луж. *barsc*, нѣм. *Forste* (имя города); *борз* — польск. *bardzo*, *barzo*, в.-луж. *bórzu*; *хортѣ* — польск. *chart*, н.-луж. *chart*, в.-луж. *chort*; польск. *charkać*, н.-луж. *charchnuś*; *горбѣ* — польск. *garb*, в.-луж. *horb*; *горло* — польск. *gardło*, в.-луж. *hordło*; *гордѣ* — польск. *gardzić* (между тѣмъ какъ *h* въ *hardy* несогласно съ польскою фонетикою), в.-луж. *hordy*; *горнецѣ*, *горшокѣ* = м.-русск. *горшѣк* (изъ *горничѣкѣ*), польск. *garnek*, *garniec*, полабск. *gōrnak*, по Шлейхеру *gārnāk*, в.-луж. *hornc*, *hornik*; *горнѣ* (м.-русск. *горнута*, (при)гортати), польск. *garnąć*; сюда же *горсть*, польск. *garść*, в.-луж. *horśc*; польск. *karcić* (?); польск. *karł*, в.-луж. *kerk*, *kyrk* (?); *кормѣ*, польск. *karmia* и проч. в.-луж. *corn*; польск. *karpa* (корчѣ), *karpić się* (= *brytować się o ziemi*); сюда, быть можетъ, *Karpaty*, *Karpat* (гора) (?); *корпѣ*, польск. *karpić nad szém*; *корчѣ* (пень), польск. *karcz*, в.-луж. *kirg*; сюда же *корчма* (съ первоначальнымъ значеніемъ осѣдлости: „сидѣть на корю“), польск. *karczma*, в.-луж. *korčma*; польск. *karw* (старый волъ); польск. *Karwat* (Хорватъ); польск. *marzać*, *marzać* (влиять хвостомъ, сербск. *мрдати*, *врдати*); *моркотнѣ*, польск. *markotno*; в.-луж. *markotać* (ворчать); польск. *marcha* (плохая кляча, надалѣ), чешск. *mrecha*; *морцимѣ*, польск. *marzyczyć*, в.-луж. *morčić*; *портѣ*, польск. *part*, *partacz* (плохой кэртной); польск. *parukać* н.-луж. *parukaś*, (фыркать); *порскѣ*, польск. *pausk* (жарь); *сморчокѣ*, польск. *smardz*, *smarz*, н.-луж. *smaržl* (чешск. *šmrť*; *šmrha*); *сморканѣ*, польск. *smarkać*, в.-луж. *smarkaś*;

ЧАСТЬ СЛХХІІ, ОТД. 2.

8

торъ, польск. *targ*, в.-л. *torh*; — *торать*, польск. *targać*, в.-луж. *torhać*, н.-луж. *tergaś*, полабск. *dargne*, по Шлейхеру *tãrgne*, *erhechelt*; м.-русск. *торкати*, н.-луж. *starcuś*, *starkaś* (толкать); *ворчать*, польск. *warszeć*, н.-луж. *warćaś*; *Воризъ* (польское личное имя въ Ипатьевской лѣтописи), польск. *Warsz*, откуда *Warszewa*, *Warszowa*, нынѣ искаженное и непонятное относительно второго *a* *Warszawa*. Небность *z*, *x*, въ нижне-лужицкомъ *gjarb*, *gjadło*, *gjardy*, *gjarnc*—*gjanс*, *gjarśc*, *kjarcma*, *kjarmis* предполагаетъ формы=польск. *ga*, *ka* и есть явленіе столь же позднее, какъ и небность *k* въ польск. *kieł* = кѣль (клякъ). Къ разряду словъ *эр*=польск. *ar* отнесены въ польскомъ и заимствованныя слова, въ коихъ новый верхне-нѣмецкій языкъ представляетъ *er*: польск. *karb* (откуда м.-русск. карбовати), *karbacz*, *warchlak*, *marchew* (н.-луж. *marchej*, в.-луж. *morchwa*, чешск. *mrkev*, морковь).

Гораздо рѣже на мѣстѣ *эр* въ польскомъ *or*, *ur*, *ru*, *er*, *ur*. *Or* въ польскомъ, въ отличіе отъ в.-луж., даже сомнительно, такъ какъ *korczować* (при *karczować*) можетъ быть руссизмомъ, равно какъ и *portki* (при *part*), *storczeć* (при *stark*, *sterk*, *styrk* — что торчить и въ этомъ смыслѣ помѣха, *starczeć*, *stérczeć*, *styczeć*); *korczak* и *kord* могутъ предполагать *ор*, а не *эр*.

Ur въ польскомъ *kurcz*, *kurczyć* (корчить), *purchawka* (в.-луж. *porchara*, *lucoperdon*, русск. порховка, порховица, порхлякъ; между тѣмъ польск. *prochno*=русск. порохно, порохня), *szturhać* (м.-русск. штовхати), *kurp* (лапотъ, постоль, сербск. крпье — родъ лыжъ, чешск. *krpec*; сюда—польск. *Kurp*—имя жителей нѣкоторыхъ поселеній около Цѣханова и Ломжи).

Ru въ польскомъ *pruchać* (при *purchawka*), *mrugać* (моргать, при *margać*), *mrukać* (при *markotać*) аналогично съ *ru* въ *dług* (при основаніи дългъ) и подобно этому *ru* заставляеть предположить основное *z* передъ плавною.

Польское *er* (откуда, по видимому *ér*, *ur*)=*эр* аналогично съ *eł* (*plęny*) = эл: *sterczeć*, *stérczeć*, *styczeć*; *merskać* (н.-луж. *marśkaś*, чешск. *mrskati*, сѣчь розгами, хлестать), ст.-польск. *mercha*, *myrcha* (при *marcha*, падалъ, распутная жепщина).

Старо-польское *kirsć* („*łgdzwie abo kirsć, za którą ubranie zachodzić ma*“) можетъ предполагать *кърсть* (а не кырсть) и въ такомъ случаѣ относительно *i* сходно съ *wilk*.

б) Замѣны *эр*.

Если имѣть въ виду только одинаковость замѣны глухого звука

въ польск. *martwy* и *martwyszyc*, то попытка подтвердить польскимъ языкомъ древность различія между ъ и з, указываемаго русскими формами *мѣртвъ* и *мѣрзити*, покажется напрасною. Однако дѣло это не такое отчаянное.

а) Прежде всего бросается въ глаза нѣкоторое число случаевъ, въ конхъ русскому *ѣр*=*er* въ польскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ только *ier* (*iers*), *iar*, то-есть, *er*, *ar* съ предыдущею небною согласною. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что на мѣстѣ русск. *ѣр*=*or* мы въ польскомъ этихъ сочетаній *ier*, *iar* вовсе не встрѣчали. Сравнимъ: *бѣрѣзно*, польск. *biegwno*, *biezno*; *стерня*, польск. *ściern*, *ciern*, в.-луж. *šcerńišo*, н.-луж. *šciernie*; *тырн*, — польск. *cierniec*, в.-луж. *šerpic*, н.-луж. *šerpés*; *тырн*—терпнуть, польск. *ciernąć*, *cierniec*, существ. *ciarki* (мурашки по тѣлу), н.-луж. *šcierpnus* (съ...); *сверчокъ*, польск. *świerzcz*, *świercz*, в.-луж. *šwierc*, н.-луж. *šwierc*; сюда же польск. *świerczec*, н.-луж. *šciŗec* (то-есть, *šwierc*); *дѣръ*, польск. *dzierg* (узель), *dziergać*; *держакъ*, польск. *dzierkacz* (и *derkacz*, которое можетъ быть русизмомъ); *держати*, польск. *dzierzeć*, в.-луж. *dzerzác*; н.-луж. *žagžas*, *мѣрк* — польск. *zmierzch*, в.-луж. *so smerka*; *мѣрз* — польск. *mierzć*; в.-луж. *mjerzác*, *мѣрв* — м.-русск. *мерва*, *мервица*, польск. *mierzwa*, н.-луж. *mérwa*, чешск. *mřva* (вымолоченная солома, околоть); *мѣрд* — польск. *pierdzić*, *piardnąć*, в.-луж. *pérdzić* (*pie...*), (н.-луж. *p'erd* (*pierd*), *p'erdnus*; *мѣрси*—польск. *piers*; *мѣрть* (прахъ, земля), в.-луж. *pjerść*; *мѣрв*—польск. *piegw*, *piewicj*, *piewszy*, н.-луж. *pérv*, *pérvoj*, *pérej* и проч.; *перга*, польск. *piezga*; *мѣрх* — польск. *pierszyć*=чешск. *prěti*; *стерво*, польск. *ściern*, в.-луж. *šcerb*, н.-луж. *šciern*, *šerwišo*; *сѣрпъ*, польск. *sierp*, в.-луж. *šerp*, н.-луж. *šerp*; *на-сѣрбъ*, польск. *pašerb* (ср. в.-луж. собств. *Serb*, *Serbski*, н.-луж. *Serbski*, *Serski*); польск. *sierść*, *sierć*, в.-луж. *šerstka*; польск. *sierszeń*, *szerszeń*, в.-луж. и н.-луж. *šeršēn*; польск. *šwierzbiec*, в.-луж. *šverbic*; *сѣркъ* (?)—польск. *šwierk*, (между тѣмъ какъ польск. *smrek*, *smrok* = м.-русск. *смерекъ*; ст.-сл. *сѣрѣтъ*); *верша*, польск. *wiersza*, *wierzba*, в.-луж. и н.-луж. *wierba* (*vérba*); польск. *wierzch*, в.-луж. и н.-луж. *wierch* (*werch*); *вѣрн*—польск. *wierzgac* (лягать), н.-луж. *wérgas* (бросать); польск. *ziarno*, *ziernisty*, полабск. *ziorni*, *ziurni*, по Шлейхеру *žárnü*, н.-луж. *zerno*, в.-луж. *zorno*; *зерцало*, польск. *zwierciadło*.

Слова съ основнымъ *ѣр* послѣ шипящей, вслѣдствіе твердости этой послѣдней въ польскомъ, имѣютъ въ этомъ языкѣ не *ier*, а *er*: *чѣрмень*, польск. *czermieniak* (растение); *сѣрпакъ*; *сѣрстwu*, в.-луж. *šerstwu*; *сѣрво* *сѣрwień*, *сѣрwony*, в.-луж. *šerw*, *šerwony*, н.-луж. *šerw*,

szegwény, serény; szczyb, н.-луж. *šecrba, šerbina; ierdź*, в.-луж. *ierdź* н.-луж. *ierž*. Сюда жъ относятся польск. *serkiew* и *serce* (такъ уже въ XV в. *serce*) Первое совершенно правильно, такъ какъ основное с въ польскомъ постоянно твердо; вмѣсто второго можно бы скорѣе ожидать *sierce*, но *ie* находимъ только въ *siertzić się*. Сходство словъ, какъ польск. *szegwony*, относительно замѣны глухого звука, съ тѣми немногими, въ концѣ *ьр*—польск. *er* (*sterczeć*), только мнимое, потому что еслибы въ послѣднихъ польскихъ словахъ была замѣна *ьр* (а не *ьр*), то мы имѣли бы *ścierczeć*, а не *sterczeć*.

Какъ въ велико-русскихъ говорахъ, наклонныхъ къ неорганическому смягченію гортанныхъ и губныхъ въ случаяхъ, гдѣ основное *ьр* стоитъ передъ губнымъ или гортаннымъ звукомъ, этотъ послѣдній смягчаетъ предшествующее *р* (верхъ, = *werch*, червь= *ćęćw*); такъ и въ польскомъ *r* (въ сочетаніи—основ. *ьр*) передъ *ch, g, m, b, w* (не вездѣ) смягчается въ *rz*=*rz*: *wierzch, zmierzch, pierzga, wierzgać, bierzmo, mierzwa* (но *szegwony*), *swierzbi, wierzba* (но *pasierb*). Хотя, по сказанному, *rz* условлено слѣдующею согласною, однако оно было бы не возможно, если бы въ основной формѣ стояло не *ьр*, а *ьр*, какъ напримѣръ, въ *parch*.

Ier=*ьр* въ польскомъ не непосредственно примыкаетъ къ *ьр*, а черезъ посредство другаго сочетанія. Это *ier* оказывается болѣе позднимъ, чѣмъ другія польскія замѣны глухого звука при плавномъ. Именно въ польскихъ памятникахъ XV вѣка замѣны сочетаній не только *рь* (*krwic*, 1 слогъ), *ль, рь, ьр* (*ar*), *ьл* (*ct, lu, il*), но и *ьр*—польск. *iar* (въ перев. Вислицк. стат. 1449 г. *szarna, zaņa* = *ziarna, Lelwcl*, *Księgi ustaw*, 61), вообще такія, какъ и нынѣ; но на мѣстѣ нынѣшняго *ier* = *ьр* съ большимъ постоянствомъ ставится *ir*. Такъ въ переводѣ статутовъ (*Lelwcl*, *ib.*) читаемъ: *ryzwej, rigwe, rygwyn; dzirzan, odzirzi, dzirzecz, dzirzewczą; czyręcemu, sczirzy* (нынѣ *ścierpi*); *geną cziwirtną* (= *ćwiertnią*), *czwirdzancz; ku myrszacczce* (= *ku mierzaccze*); *czyrwonosczą; cirkew* и пр. То же и въ другихъ памятникахъ того времени (*Maciejowski, Dodatki do piśmennictwa, passim*). Линде занесъ въ свой словарь, какъ архаизмы, *mirkmirsch, czirwienic, czyrwiwy, wirsza* и нѣкоторыя другія. Впрочемъ, уже въ XV вѣкѣ находимъ при *ir* и *ier*: *dzyerzelij* (*Maciejowski*, 108 = *dzierzeli*) и проч. Я считаю это *ir* = *ьр* за особенность фонетическую, а не графическую, и такое мнѣніе едва ли можетъ быть опровергнуто тѣмъ, что и основное *ie* (= *ѣ, ꙗ*) кое-гдѣ изображается въ видѣ *i, y*: *dzywka* (*Maciejowski*, 110), *Wylkocz* (*ib.* 108), *ogarnyenyum, ryenyum*

(ib. 161). Въ этихъ случаяхъ тоже слѣдуетъ предположить произношеніе, близкое къ *i*. Нѣсколько случаевъ съ *ir*=*ьr* есть и въ полабскомъ языкѣ: *dirze* (по Шлейхеру *dirzi*, держать), *dirzol sa*, *wirgene*, *wirgenunt* (выгнетъ, выгниати), *wasirgene* (=польск. *piezgnie*, лопнуть; треснетъ), Шлейхеръ, *Polab. Spr.* 33.

Въ чешскомъ языкѣ сочетанія *ьr* и *ьr* послѣ какой-либо согласной, кромѣ шипящей, одинаково соотвѣтствуютъ *r* (*trh* = тѣргъ, *trn* = тѣрнъ), такъ что въ этихъ случаяхъ чешскій языкъ—со счетовъ долъ; но *ьr* послѣ шипящей, и по видимому, вслѣдствіе ея вліянія въ Чешскомъ языкѣ замѣнилось посредствомъ чистаго *e+r*: *čermák*, *černupá*, *černupá*, *černák*, *čerstvý*, *čert*, *červ*, *červený*, *šterba*, *šterk* (польск. *szczerk*, дресва), *šerpiřý* (шерсткій), *žerd*, *žerna*. Послѣ *s* изъ *š* стоитъ не *er*, а *r*: *srst'*, *srěn*.

В. Чередуваніе *ier* и *iar*, *ar* (= *ьr*) въ польскомъ языкѣ.

Относительно такихъ случаевъ, какъ польск. *ziarno* и *ziernisty*, я тою мнѣнію, что въ послѣднемъ словѣ *iar* хотя и не передаетъ болѣе древняго произношенія *ir*, а тѣмъ менѣе *ьr*, но болѣе близко къ этому послѣднему, чѣмъ *iar* въ *ziarno*.

Въ *ziernisty*, безъ сомнѣнія, мы имѣемъ случай регрессивной ассимиляціи, то-есть, вліянія послѣдующаго слога на предыдущій; но здѣсь вліяніе мягкаго слога состоитъ не въ приближеніи *iar* къ *i*, а лишь въ удержаніи сочетанія, происшедшаго изъ *ьr* на степени болѣе близкой къ *i*, чѣмъ *iar*. Поэтому съ такимъ же или съ еще болѣе большимъ основаніемъ можно назвать *iar* ассимиляціей, происшедшею подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго слога.

Иѣчто совершенно сходное съ этимъ въ измѣненіи въ южн. вел.-русск. основнаго *e* (ѣ) ударяемаго въ *ë* (*jù*) передъ твердымъ слогомъ: хотя вклі отличается отъ основной формы болѣею мягкостью *e* или болѣею небностью предыдущей согласной, но все жъ эта форма ближе къ основной *вемі*, чѣмъ *вѣл* (*v'ol*). Въ польскомъ языкѣ измѣненіямъ, аналогичнымъ съ *ziarno*—*ziernisty*, подчинено основное *e* (*wiedli*—*wiodł*, *weselszy*—*wesoły*; въ послѣднемъ *o*, а не *jo*, какъ въ *serce e*, а не *ic*) и основное *ь*. По *ia*, *a* въ *biały*, *sały* измѣняются въ *ie*, *e* (*bieł*, *selc*, цѣликъ, цѣлипа) подъ вліяніемъ слѣдующей мягкой согласной, а *ie*, *e* удерживаются слѣдующею мягкой согласною на степени болѣе близкой къ первоначальному произношенію *ь*, чѣмъ другая замѣна этого *ь*, именно *ai*, *a*. Одинаково съ согласными явственно небными дѣйствуютъ въ польскомъ на *ь* тѣ согласные, которыхъ небность, такъ-сказать, скрыта, то-есть, которые и

не принимая той ярко небной окраски, какая, напримѣръ, въ *b*, (*goląb'*), тѣмъ не менѣе близки къ небности. Таковы губные и гортанные: *chléb* (а не *chliab*), *grzech* (а не *grzach*). Доказательствомъ того, что исходною точкою для польскаго языка было произношеніе *ь* не за *ia*, а за звукъ близкій *e*, хотя и отличный отъ него (какъ и для русскаго языка), служатъ, во первыхъ, удержаніе *ie*, *e* = *ь* на концѣ словъ, а во вторыхъ то, что основное *ia*, равно какъ и *ia* (*ja*), стяженное изъ *ъa*, *ъa*, по правилу, не подлежитъ вліянію слѣдующаго мягкаго слога и остается передъ нами неизмѣннымъ: *zapałać*, *zapałali*, *zapałali*; *chwiać* (= хвѣтати), *chwiali*, *chwiał* (Małeckі, Gram. § 70), — такъ что лишь немногія слова съ основнымъ *ia* (гер. *a* послѣ шипящихъ) увлечены аналогіей съ *ъ*: *czas*—*wcześnie*, *do* *czesny*; *czasza*—*czesnik*. Сходство отношеній старо-чешскаго *viace* къ новому *vis* и польскаго *biały* къ *bielié* лишь поверхностное, ибо чешск. *ia* = *ъ*, болѣе древне и близко къ основному произношенію *ъ*, чѣмъ чешск. *i* = *ъ*; между тѣмъ въ польскомъ на оборотъ *ie* въ *biel* болѣе близко къ основному *ь*, чѣмъ *ia* въ *biały*. Съ тѣмъ, что говорить объ этомъ г. Дювернуа (система основныхъ элементовъ и формъ слав. нарѣчій, 43), молчаливо слѣдуя Миклошичу (Vergl. Gramm. I, 460), именно, что *siedli* происходитъ изъ *siadł*, я не согласенъ, ибо, кромѣ вышеприведенныхъ *wcześnie* *czesnik*, всѣ остальные примѣры съ *ia*—*ie* (*ludojedź*, *jęć*, *jedli*, *jedziesz*; у Миклошича еще *miedźwiedz*, *drzeć*) обнаруживаютъ чередованіе *ie* и *ia*, потому что имѣютъ основное *ь*, а не *ia*. Что же касается *czekać*, при чагати, то *e* въ польскомъ словѣ нисколько не сходно съ *e* изъ *a* = *ia* въ *czesnik* и есть основное, общеславянское *e*. Извѣстно, что здѣсь и русск. („быть чеку“ — ошибочно у Даля „на чикю“ — якобы отъ *чикъ*) и сербск. (чекати) имѣютъ *e*.

Шипѣющему твердому произношенію шипящихъ и *rs* = *r* въ польскомъ предшествуетъ произношеніе болѣе небное, явственные слѣды коего есть еще въ XV вѣкѣ (*Zyądaly* 1449; *uzryala*=*uzrzała* 1450 и т. п.). Поэтому *a* и *e* (= *ъ*) послѣ шипящихъ (*czagny*—*czern*) этимологически равносильны съ *ia* и *ie* = *ь* въ *ziarno*—*ziernisty*, и сходство между *czagny* и *targ* относительно замѣны глухаго звука только мнимое. Гораздо болѣе отклоненіе отъ случаевъ *ziarno*—*ziernisty* представляютъ тѣ слова, въ коихъ и послѣ согласныхъ не шипящихъ *ier* = *ьr* чередуется не съ *iar*, а съ *ar*: *twierdzic*—*twardy*.

Основываясь на случаѣ, впрочемъ рѣдкомъ, какъ стар.-польск. *miartwy* („*myarliwe a dokonane rzeczy*“ 1449 г., Lelew. księgi ustaw, 42) вмѣсто нов.-польск. *martwy*, а равно и на полабскихъ формахъ:

eu m'artŃ (въ польск. было бы umarty), tjárdŃ (польск. twardy), cet-jártŃ (zittjoarte) (Schleicher, Polab. Spr. § 17), можно думать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ польскомъ сначала ѣр передъ твердымъ согласнымъ замѣнилось черезъ *iar*, а потомъ это *iar* отвердѣло: *мъртвѣи*, *миартвоу*, *мартвоу*. Этого предположенія я не обобщаю. Въ другихъ случаяхъ, между прочимъ тамъ, гдѣ не только въ польскомъ, но и въ лужицкихъ и полабскомъ замѣна ѣ тверда, можно допустить переходъ ѣ въ э до замѣны глухаго звука чистымъ. Разсматривая польскій языкъ въ нынѣшнемъ его состояніи, нельзя сказать, чтобы этотъ предполагаемый переходъ ѣр въ ѣр совершился непременно подъ влияніемъ слѣдующаго твердаго слога. Напротивъ того, есть возможность думать, что во время этого перехода регрессивная ассимиляція, какую мы видимъ въ *wiódł—wiedli*, *biały—biel*, *czwartu—ćwierc*, — еще не дѣйствовала. Предполагаемый переходъ возникъ тогда, когда въ польскомъ *d*, *t* передъ мягкими гласными еще сохраняли свое произношеніе и не измѣнялись въ *dź*, *ć*; въ противномъ случаѣ мы имѣли бы формы въ родѣ *carćica* вмѣсто наличной *tarćica*. Такъ какъ различіе двухъ указанныхъ возможностей (то-есть, перехода *iar* (=ѣр) въ *ar* и перехода ѣр непосредственно въ ѣр и затѣмъ въ *ar*) въ частностяхъ кажется затруднительнымъ, то я приведу примѣры чередованія *ier* и *ar* = ѣр, не пытаюсь распредѣлять ихъ по этимъ разрядамъ: *тър*—, польск. *cierlica*, но *tarł*, *tarli*, *tarty*, *tarka*, *tarćica*, *tarlica*, (= *ciarlica*), н.-луж. *tarlica*; *търн*—, польск. *cierń* (н.-луж. *šierń*) и *tarnic*, *tarnina*, *tar(n)ka* (н.-луж. *tarnik*, по и съ мягкою замѣною *ternik*, *ternka*); полабск. *drén* (*dorn*) можетъ относиться не сюда, не къ *търнѣ*, а къ *дрнѣ*, русск. *деренъ*; *четвѣрт*—, *ćwierc*, *ćwier-tować* и *ćwiartować*, *czwartu*, в.-луж. *štwórty*, н.-луж. *stworty*; *чѣрн*—, польск. *czern*, *czernić*, *czerniejszy* и *czarnu*, н.-луж. *čornu*, полабск. *czuignu*, *czorna*, *cornu*, по Шлейхеру *č'arnu*, то-есть, съ мягкимъ *ч*; *дѣр*—, польск. *zdzierstwo* и *darł*, *darli*, *darty*; сюда жъ и *дѣрнѣ* (верхній пластъ, проросшій травой, *сдираемый* съ цѣлины), польск. *darń*, *ia* и *iu*, в.-луж. *deru*, *derno* и *dorn*, н.-луж. *deru* мужескаго рода и *derno* средняго рода; *дѣрѣ*—, *dziarski* и *darski*; *мѣр*—, польск. *smierc*, *umarł*, *umarli*, *umarty*, *martwu*, в.-луж. *šmierc*, *mordwu*, н.-луж. *šmierc*, *humarły*; *нѣрх*— (перхоть и проч.), польск. *pierzchnice* (родъ сыни) и *parch*, *park*, *parkot* (в.-русс. *парши* повидимому изъ польск.), н.-луж. *parch*; *нѣрстѣ*, польск. *pierścień*, *pierśc* (щепоть) и *parastek*, в.-луж. *pić-šceń*, *porat*, н.-луж. *pierścień*, полабск. *porstin*, *parstfn*, по Шлейхеру *pārstfn*; *смѣрд*— польск. *śmierdziec*, *smierd*, *smard*, в.-луж. *smierdzu*,

smierdzawy, п.-луж. smierziś, полабск. smârde, по Шлейхеру smârdŕ; *тверд*—польск. twierdzić, twardy, п.-луж. twardy, twarziś, в.-луж. twerdy; *врт*—польск. wiercieć, (п.-луж. wiercieś) и wart (zakręt głównege nurtu rzeki), wartki.

γ) Въ польскомъ одно *ar*=*yr*.

Подобно тому, какъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ, еслибъ и не было въ польскомъ чередованія *ier* и *ar* (twiedza, twardy), мы для *ar* припили бы за основную форму *yr*, основываясь на согласіи русскаго тверд=тверд—съ в.-луж. twerdy и полабск. tjârdŕ, — подобно этому мы заключаемъ и въ слѣдующихъ случаяхъ: польск. szart, в.-луж. cart, но в.-луж. ċert, чешск. ěrt, русск. чѣрт = чьртъ; польск. marznąć, в.-луж. marznuć, полабск. marze, marzne (мерзеть), но в.-луж. mierznuć, полабск. ejmerzon (ist gefroren), русск. мерз=мьрз.—

Бываютъ случаи, когда слова, несомнѣнно родственныя между собою, имѣютъ въ корнѣ при плавнои одни—ъ, другія—ъ, напримѣръ, м.-русск. *мершій* (скорѣе, отъ значенія стегать, хлестать, какъ и нарѣчія *шибко*, *хлестко*) предполагаетъ форму *мърск*, что и подтверждается в.-лужицкимъ mersno (miersno), in'ersnej, скоро—ѣй; но м.-русск. *морскасти*, стегать, южн. в.-русск. *морснуть*, стегнуть, ударить, польск. merskać (=чешск. mrskati), в.-луж. marskaś, сѣчь, стегать розгой, а равно и в.-луж. marsny, maśny, скорый, быстрый,—предполагаютъ мърск. Здѣсь первенства одного изъ двухъ еровъ мы доказать не можемъ; но такіе случаи рѣдки, и обыкновенно или одно ь, или одно ѣ проходитъ черезъ весь рядъ словъ, ближайшимъ образомъ сходныхъ. Основываясь на этомъ, мы разсуждаемъ такъ: если русскій языкъ доселѣ оказывался вѣрнымъ руководителемъ при отыскиваніи основнаго сочетанія *yr*, то мы полагаемся на него и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его свидѣтельство не находитъ поддержки въ другихъ сравниваемыхъ нами нарѣчійхъ. При этомъ не утверждаемъ, чтобы такая поддержка и не могла быть найдена: въ однихъ словахъ она просто намъ неизвѣстна (*бердо* ткацкое, польск. bardo; *берлога*, польск. barłog, в.-луж. barłog, в.-луж. borło (h); *пар*—польск. parł, party; *серна*, польск. sarna, в.-луж. sarna, в.-луж. sorna; *верста*, польск. warsta, warstwa); для другихъ (какъ польск. żarłok, żarzarty, żarna) ниже приведемъ основанія, требующія и независимо отъ русской формы *жср* предположенія основнаго *yr*. Ужь изъ предыдущаго видно, что переходъ *yr* въ *yr* (или же переходъ мягкой замѣны ь въ твердую?) имѣетъ мѣсто не въ одномъ польскомъ, но и въ лужицкихъ и, прибавлю, въ полабскомъ, гдѣ: szerwena, но и sarwena (Шлейхеръ

не раздѣляетъ этихъ формъ и ставитъ вмѣсто обѣихъ твердую замѣну глухаго звука: *sârwenŭ*); *cartiw*, *cart'aj* (по Шлейхеру *sârkûw*), ст.-польск. *circiew*; *sarsin*, по Шлейхеру *sârsin*, шершень; *wârch*, *wârsak* (верхъ, вершокъ), *wârchene* (по Шлейхеру *wârchni*, верхній); *paга*, по Шлейхеру *pârŭ*, первый. Впрочемъ, какъ я старался показать, эти нарѣчія далеко не доходятъ до того почти полного отождествленія ъ съ ь, какое находимъ въ сербскомъ. Нижне-лужицкое здѣсь весьма близко подходитъ къ польскому, зимѣняя *ɔp* черезъ *ar* (*chart*, *gjarb*), *ɔp* частью посредствомъ *ar* (*twardy*), частью посредствомъ *ier* (*wétch*). Въ в.-лужицкомъ *ɔp=or* (*horb*), *ɔp=* частью *er* (*twerdy*), частью, преимущественно, но не исключительно передъ твердыми—*or*: *porst*, *stwórtty*, *worsta*, *sorna*, *borŭo* (*h*), *mordwy*, *dorn*, *worcu*, *stwórc* (*Misl.*, V. Gr. I, 488). Слѣдуетъ полагать, что въ этомъ нарѣчьи *o*, замѣняющее ъ въ *ɔp* (*zórŭo*, *ócogny*) и въ другихъ случаяхъ (*pos*, род. *psa*, *śoŭ* (шьль), *lohki*) возникло изъ *ie* подобно тому, какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и основное *ie* и *ie* изъ *ia* (на концѣ) измѣняются въ *o* (*lód*, *pśoŭa*, *préos*, *polo*, *płomjo*), и что *zórŭo*, *ócogny* предполагаютъ такія же формы съ *er*, какія мы дѣйствительно находимъ въ *éerstwy*, *żerdź*, *ścerb*, *śert*. Въ польскомъ языкѣ число словъ съ *or = ɔp* весьма незначительно; сравнительно съ тѣми, гдѣ *ɔp=ar*: *sorbać* и *serbać*, но *sarbać*, *sarbać* (хлебаť), м.-русск. *сѣрбати*; *szorstki* и *szerstki*, *sierśc*.

В. ѡ послѣ шиплящихъ=польск. *oi*. Въ немногихъ случаяхъ, относящихся сюда, польскій языкъ согласенъ съ лужицкими, какъ относительно *o=ь*, такъ и относительно происхожденія этого *o* изъ *e=ь*. Мы выше видѣли, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ и *ѡ*=польск. *oi* (польск. *moŭic* изъ *moŭic*, в.-луж. *moŭic*), но здѣсь *o* непосредственно примыкаетъ къ ъ; слѣдовательно, сходство между *moŭic* и *zoŭty* (откуда *zólty*) лишь въ результатѣ, а не въ процессахъ. *Чьльнъ*, польск. *czóŭn*, *czóŭno*, в.-луж. *čoŭn*—*cowin*, *čownik*, н.-луж. *soŭn-cown*; *чьль?* (=русск. *чълъ*—), польск. *czoŭgać się*; *жьльнъ*, польск. *zólty*, в.-луж. и н.-луж. *zoŭty-zowty*; *жьльчъ*, польск. *zólć*, в.-луж. *zoleć*—*zowé*, н.-луж. *zoleć*; *жьльна*—польск. *zólna*, н.-луж. *zólma*. Сюда же въ польскомъ относится стар. *zelw'ia*, *zelwica*, *zólwica* (золонка), предполагающее *жьльна*. Русское *золонка* имѣетъ полногласіе не такое, какъ въ *золото*—*злато*, а такое позднѣйшее, какъ *полонъ* = *чълнъ*; оно соответствуетъ, крѣмъ окончанія, сербскому *заова* и вмѣстѣ съ нимъ предполагаетъ форму *зглавъ*. Такимъ образомъ, русскій языкъ здѣсь расходится съ польскимъ. Обѣ формы слѣдуетъ, по видимому, отнести ко времени до начала замѣны глухихъ звуковъ чистыми. Въ польскомъ языкѣ

нѣтъ ни одного слова, въ коемъ бы $\text{sl} = \text{ʃu}$ (какъ sl), но въ чешскомъ slun , ʃlutu , ʃluna , ʃlupa ,—изъ чего видно, что и здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, это нарѣчіе менѣе польсваго склонно къ различенію z и ʃ при плавныхъ.

Г. Перехожу къ упомянутому подѣ *Б* доказательству съ точки зрѣнія общеславянской, что разница между z и ʃ при плавныхъ и постановка ихъ передъ *p*, *l* есть явленіе не исключительно русское, но общеславянское.

Шмитъ въ статьѣ „Объ образованіи первоначального *j* въ славянскомъ и литовскомъ языкахъ“ (*Beitr. sur Vergl. Spr.* VI, 143—14) говоритъ: „Нерѣдко мы находимъ передъ *p*, *l*, *v* ассимиляцію гортанныхъ безъ присутствія (за этимъ сочетаніемъ) такой гласной, которая могла бы причинить это измѣненіе гортанныхъ. Между тѣмъ многочисленныя сочетанія *k*, *z*, *p*, *l*, *v* въ началѣ словъ доказываютъ, что сами по себѣ *p*, *l*, *v* вовсе не необходимо ассимилируютъ предыдущіе гортанные... По моимъ наблюденіямъ, количество случаевъ, въ коихъ гортанные и свистящіе остаются неизмѣнными, приблизительно равно числу тѣхъ случаевъ, въ коихъ они измѣнены. Здѣсь я укажу извѣстные мнѣ случаи, въ коихъ слова того же корня, а частью и того же образованія, то удерживаютъ гортанный, то ассимилируютъ его. Шлейхеръ (*Comp.* 2, 303) приводитъ: *цѣтъ* и чешск. *květ*, *цѣлѣти* и ст.-чешск. *kvělitī*, *члостъкъ* (кор. *кру*, *слу*), *чрътати* и *кратъкъ*.... Изъ Миглошича (*V. Gr.* I. 199) заимствую *жръло* и *ръло*. Я самъ замѣтилъ *жръти*, *жръл* (*deglutire*) при *рътань*...., *жръти*, *жръл* (*sacrificare*; ср. литовск. *girti*, хвалить, санскр. *ग्रन्* ми — хвалю. *Curtius*, *Grundz.* 2, 162) при *рай*; *жльдати* при *ладъ*; *шръшенъ* при *сръшенъ*; *чръпъ* при русск. *кырничъ*. Относительно чръпъ можно бы, быть можетъ, принять, что въ немъ ассимилирующая сила *ь* подѣйствовала на гортанную черезъ *p*. Такъ какъ мы видимъ, что обыкновенно *ч*, *ж*, *ш* возникаютъ только передъ *j* и небными гласными, то я заключаю, что *p*, *l*, *v*, гдѣ они ассимилируютъ предыдущіе согласные, имѣли лотоподобный звукъ, то-есть, что изъ нихъ развилось паразитное *j*. Это *j* на письмѣ не обозначалось, какъ нерѣдко не обозначается и основное *j* при *p*, *l*, напримѣръ, въ *бура* вмѣсто *бурѣа*, *вола* вмѣсто *волѣа*; но какъ въ послѣднихъ случаяхъ *p*, *l* имѣютъ значеніе *ʃj*, *lj*, такъ они могли имѣть это значеніе и въ вышеупомянутыхъ *жръло*, *жльдати*“. Въ подтвержденіе Шмитъ приводитъ еще польск. *chrzązacz*, *grzbiet* и кое-что, вовсе не подходящее.

Здѣсь сначала отдѣлимъ діалектическія явленія отъ общеславянскихъ, въ той увѣренности, что тѣ и другія въ дѣйствительности раздѣлены временемъ и причинами. Къ первымъ относится *z*, *k* въ случаяхъ, какъ польскія *gwiazda*, *kwiat*. Удержаніе этихъ гортанныхъ точно предполагаетъ въ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ раннее появленіе небности губнаго звука и наклонность гортанныхъ къ палатализму. Далѣе, нѣкоторыя изъ живыхъ нарѣчій показываютъ, что въ *бура*, *вола* начертаніе есть слѣдствіе произношенія: *pa* вмѣсто *pa* свидѣтельствуетъ о потерѣ смягчаемости *p*, какъ между прочимъ въ нѣкоторыхъ западно-малорусскихъ говорахъ; *la* вмѣсто *la* говоритъ объ образованіи въ говорѣ писца звука средняго между твердымъ и небнымъ *l*, и о потерѣ обоихъ крайнихъ. *Чловѣкъ* предполагаетъ *чловѣкъ* или *человѣкъ*, а потому здѣсь можетъ быть рѣчь не о паразитномъ *j* при *l*, или изъ *l*, какъ въ италіанскомъ *fioge*=*flogem*, а развѣ о появленіи мягкаго гласнаго передъ *l*; *кирничъ* есть заимствованіе изъ турецко-татарскаго и не имѣетъ ничего общаго съ *чрътъ*. Затѣмъ остаются только случаи, какъ *жръло*, *жльдати*. Противъ Шмита говорятъ то, что въ формахъ, соотвѣтствующихъ формѣ *жръло* *p* не смягчается ни въ одномъ славянскомъ нарѣчій. Относительно *l* я держусь того мнѣнія, что древнѣйшее, общеславянское его произношеніе передъ твердыми гласными есть то, которое существуетъ теперь въ русскомъ языкѣ (кромѣ немногихъ пограничныхъ говоровъ) и польскомъ и явно предполагается лужицкими и полабскимъ. Въ *жльтъ* и т. п. *l* рѣшительно было твердо долгое время послѣ измѣненія гортаннаго въ шипящій. Поэтому, принявъ за основную форму *жльтъ*, невозможно объяснить появленія *ж* изъ *z* свойствами звука *l*. Это будетъ невозможно и въ томъ случаѣ, если допустимъ основную форму *жльтъ*. *z* принадлежитъ къ одному разряду съ *e*, *u*, *ъ*, *л*. Между тѣмъ сочетанія гортаннаго съ *p*, или *l*+*e*, *u*, *ъ*, *л* — остаются неизмѣнными, такъ что мы имѣемъ только такія основныя (и относительно гортанной, до нынѣ общеславянскія) сочетанія, какъ *крило*, *кривъ*, *кръсъ*, *кльтъ* и т. п., а не *чрило* и пр. Исключеніе составляютъ только тѣ слова съ *рѣ*, коимъ въ русскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ *ере* : *жръбѣ* (а не *чръбѣ*, какъ *чръхъ*)=*жеребѣ*, а почему такъ — объ этомъ рѣчь впереди. Поэтому, еслибы когда-либо существовала общеславянская форма *льтъ*, то она и осталась бы съ *z* (а не *ж*), какъ остались *z*, *x* въ *чръбѣтъ*, *grzbiet*. Итакъ, если *l*, *p* въ *жльтъ*, *чръта* всегда было твердо; если даже мягкій гласный послѣ *l*, *p* (какъ въ *кръсъ* и пр.) не могъ бы измѣнить гортаннаго въ шипящій,

то остается принять, что формы *жельтъ*, *чръта* не основныя, а диалектическія и позднѣйшія. Какія древнѣе ихъ, мы старались показать выше, именно: гдѣ общеславянское слово имѣеть въ себѣ сочетаніе шипящаго съ *р*, *л* и глухимъ звукомъ, тамъ первоначально глухой звукъ стоялъ передъ *р*, *л* въ непосредственной близости къ шипящему и былъ не *ъ*, а *ь*: основная форма есть не *жельтъ*, а *жельтъ* изъ *ьельтъ*. Такимъ образомъ мы получаемъ увѣренность, что различіе между *гърло* и *жърло* древнѣе ихъ безразличія относительно *сровъ* въ написаніи *гърло*, *жърло*. Если жъ это такъ, то и различіе *сровъ* въ другихъ случаяхъ, не послѣ гортанныхъ и шипящихъ, указываемое русскимъ и другими нарѣчіями (*първыи* и *пъртъ*), древнѣе ихъ безразличія въ *първыи*, *пъртъ*.

Сказанное здѣсь нѣсколько отлично отъ того, что говоритъ о томъ же предметѣ г. Гейтлеръ.

„Слова съ начальными сочетаніями *чр*, *жр*, уже своимъ *ч* и *ж* обнаруживаютъ, что въ корнѣ ихъ было нѣкогда *с*: *чрътати* возникло изъ *чъртати*, которое изъ *чъртати*, *чертати*, какъ показываетъ русское *черта*. Это послѣднее изъ *kertati* (ср. лит. *kertu*, неопред. *kirsi*, съ ослабленіемъ *е* въ *i*)... Перестановки плавнаго звука въ томъ видѣ, какъ мы ее (обыкновенно) представляемъ, не было: ибо, еслябъ *ъ* былъ основнымъ въ корнѣ, то какъ мы оправдаемъ *ч*, которое можетъ возникнуть передъ мягкимъ гласнымъ, но никакъ не передъ *л*, *р*, или *ъ*? Какъ могло развиться *чрът* — изъ санскр. *кърт*, если не признаемъ русской формы *черт* — старѣйшею? Я корня *кърт* ослабѣло до *е* уже во времена до-славянскія; изъ *kert* (ср. лит. *kertù*) на славянской почвѣ прежде всего образовалось *черт*; на этой ступени стоитъ русскій языкъ; отсюда *чрът*, *чъртъ*, *чрът*... Подобнымъ образомъ развилось *чрътати*, русск. черп, чешск. *čerpati*; *чръченъ*, чешск. *červený*; *чръвъ*, лит. *kirvis*, русск. червь, чешск. *červ*; *жельтъ*, лит. *geltas*, желтъ; *жърныи* изъ *жъръни*, *жърни*, *жерни*, русск. жерновъ, чешск. *žernov*, лит. *gīrnos* изъ *geipnos*... а въ польск. *martwy* и пр. этому не противорѣчитъ, потому что образовалось внутри польскаго языка“ (Fonol., § 45). „Русскія формы *смертъ* и пр., по коренной гласной и по несовершенствою въ нихъ перестановкѣ, не одною, а нѣсколькими ступенями древнѣе соответственныхъ словъ староболгарскихъ, между тѣмъ какъ чешскій языкъ, относительно паденія гласныхъ, пошелъ степеню дальше, потерявъ и другую полугласную (*смрътъ*), вытѣснившую полугласную коренную: *smit'* и пр. Только словами, какъ *červ*, въ конхъ *с* весьма древне, чешскій языкъ вмѣстѣ

съ русскимъ превосходить древностю древнѣйшія славянскія нарѣчія“ (Fonol., § 46).

Кромѣ отрицанія перестановки, это намъ и прежде было извѣстно изъ трудовъ покойнаго Максимовича.

Г. Гейтлеръ спутываетъ двѣ вещи: изъ того, что *чръъ* и *червь*, относительно мѣста гласнаго звука передъ *р*, древнѣе, чѣмъ *чръъ*, отсюда не слѣдуетъ, что *е* въ *червь* древнѣе *ь* въ *чръъ*. Съ мнѣніемъ о до-славянскомъ происхожденіи *е* въ чешск. *červ* и пр. слѣдуетъ сравнить сказанное г. Гейтлеромъ въ § 38. Здѣсь приводятся слова съ *iv*, *il* между двумя согласными (изъ *Mater Verborum*), относительно которыхъ авторъ убѣжденъ, что въ нихъ звучало *ь*: *čiv* = *чръъ*. Стало бытъ выходить, что въ чешскомъ нѣкогда былъ червь, потому *чръъ* (въ началѣ XIII вѣка), потомъ опять *червь*.

Что русское *е* въ *червь* не древнѣе *ь*, а предполагаетъ его, равно какъ *о* въ *торъ* предполагаетъ *ь*,—это, на нашъ взглядъ, совершенно доказано, вопервыхъ, свидѣтельствомъ русской письменности до XIII вѣка включительно. Я не вижу слабыхъ сторонъ въ извѣстныхъ уже соображеніяхъ такого рода: сравнимъ, напримѣръ, отрывокъ изъ житія Бориса и Глѣба XII вѣка съ тѣмъ же мѣстомъ по списку половины XIV вѣка (*Срезневскій*, Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, XXIII и сл. и 65 и сл.; формы XIV вѣка ставлю въ скобкахъ) и спросимъ себя, откуда, если не изъ своего собственнаго говора и слуха, писцы могли взять такое написаніе, какъ почърнѣло (почернѣло), мъртвыхъ (мертвыхъ), върхоу (верху), сьрны (серны), държявно (державно), утвърженіе и утверженіе (утверженіе), дързость (дерзость), плътоядьца, плътскы (плотоядца, плотскы), скърбящихъ (скорбящихъ)? Оставляемъ въ сторонѣ случаи, гдѣ *ь* и *ь* не при плавныхъ: шьдъше (шедше) и пр.. Мы не можемъ, подобно тѣмъ, которые опровергають глухіе звуки въ древне-русскомъ, замѣтить здѣсь ничего школьнаго, условнаго, никакого посторонняго вліянія. Это—прямое отраженіе народнаго выговора, отраженіе вѣрное, благодаря чуткости писца.. Вовторыхъ, малорусское нарѣчіе въ наиболѣе чистыхъ своихъ говорахъ довольно строго отличаетъ *о*, *е* основныя отъ тѣхъ *о*, *е*, которые соотвѣтствуютъ ерамъ древнихъ русскихъ памятниковъ и, какъ мы думаемъ, произошли изъ этихъ глухихъ. Оно почти всегда измѣняетъ въ *у*, *ю*, *і* и пр. только основныя *о*, *е* (см. мои „Два изслѣдованія“, 96, и „Замѣтки о мало-русскомъ нарѣчій“, 11 и сл.), и это, по моему, происходитъ, между прочимъ, отъ того, что въ жизни этого на-

рѣчія никогда не было такого времени, когда бѣ основное *o*, *e* ничѣмъ не отличалось отъ *o*, *e* = *ъ*, *ь*.

По г. Гейтлеру *e* въ жерновъ, чешск. *žerнов*, есть то же самое, что и *e*, предполагаемос литовскимъ *i* въ *gignos* (изъ *gegnos*), откуда можно заключить, что литовск. *i* и *e* въ *ir*, *er* соотвѣтствуютъ именно *er* и славянскому *e* въ *ър*, *ер*. Конечно, я ошибался въ своей статьѣ о полногласіи („Два излѣдованія“, 15—16), считая вѣроятнымъ, что образование глухихъ гласныхъ относится къ до-славянскому времени. Эта ошибка была замѣчена г. Личемъ (*Rad. jugoslav. Acad. XIV, 203—204*). Въ литовскомъ и латышскомъ еще нѣтъ глухихъ гласныхъ. Однако, есть значительная степень соотвѣтствія между литовско-латышскимъ *e*, *i* передъ плавными между двумя согласными и славянскими глухими на томъ же мѣстѣ. Только соотвѣтствіе это никакъ не простирается до специально славянскаго различенія *ь* и *ъ*. Этого различенія нѣтъ никакихъ слѣдовъ въ литовско-латышскомъ. Правда, что при формахъ, какъ *мъртъ*, мы встрѣчаемъ литовскія съ *ir* (*er*): *wirbas*, *wirwas* (литовск. *wir'we*), *wirszus* (латышск. *wir'sus*), *pirmas* *pirsztas* (латышск. *pir'ksts*), *kirnis* (латышск. *cer'me*, *cerme*), *szirdis* (латышск. *si'rds*) и пр.; но значеніе этого факта опредѣляется тѣмъ, что въ то же время при славянск. *ъ* (въ *ъл*, *ър*) мы находимъ въ литовск. тоже *i*: *wilkas*, *wilgyti*, *wilna*, *wilnis*, *pilnas*, *milži*, латышск. *wilks* и проч.; литовск. *mirk-s-y-ti*—мър-гати (но *mirgėti*—мърк въ мърцати); лит. *tirsztas*, густой о пивѣ или молокѣ, крутой—о кашѣ, густой—о дымѣ, хлѣбъ, хлѣбъ = *тѣлтъ*, которое въ русск. между прочимъ—о пивѣ, сметаѣ, голосѣ, звонѣ, дымѣ, снѣ (мал.-русс. „то за тим, то за сим, то за сном товстим“, народная пѣсня); лит. *pirksė-nis* = русск. *пърскъ* (пърскъ), горячая зола и мѣсто въ печи, куда она сгребается, чешск. *prsk*—очагъ и пр.

Допустивши вмѣстѣ съ Гейтлеромъ, что литовск. *gignos* (латышск. *dzirna*)—изъ *gegnos* и т. д., мы найдемъ, что и это предполагаемое *e* соотвѣтствуетъ отнюдь не въ частности славянскому *ь*, герм. *e*, а безразлично и звукамъ *ъ* = русск. *o* и *ь* = *e*. Такимъ образомъ, если съ одной стороны литовск. *el*, *er* соотвѣтствуютъ славянскимъ *ъл*, *ър* (*geltas*, *geltonas*, латышск. *dze'ltens*, жьлтъ: *perdziu*—*persti*, латышск. *per'du*, *perdu*, *pi'rst*—пърд-); то, съ другой—при литовск. *gerkle* находимъ славянск. гърло, при *merkłi*, *merkėti* (и *mirkstyti*)—мъргати.

Принимая такого рода соотвѣтствіе между славянскими глухими и литовско-латышскими ослабленіями болѣе древнихъ основныхъ гласныхъ, не слѣдуетъ ожидать, что это соотвѣтствіе найдемъ во всѣхъ

сродныхъ словахъ. Напротивъ, основному славянскому *мѣрс* (русск. *морса*, *сокъ*, напримѣръ, малиновый (Домострой), старо-слав *мѣрсити* и пр.) = литовск. *smars* въ *smarsas*, жиръ, заправка, окраса кушанья (санскритск. *marshi-ati*, *spargere*, *effundere*, *irrigare*, основная форма *smars-*); славянскому *върста* соотвѣтствуетъ литовск. *warstas*, поворотъ плуга, гоны и пр. Итакъ, если вообще литовско-латышскій языкъ не указываетъ на различіе *э* и *ѣ* въ славянскомъ, то онъ не можетъ и въ частности служить доказательствомъ, что *ѣ* въ *чѣръѣ* возникло изъ славяно-литовскаго *е*. Затѣмъ входятъ въ силу изложенныя выше (§ IV) соображенія, что *е* = *ѣ* въ славянскомъ вообще новѣ этого *ѣ*.

А. Потебня.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Религіи востока; конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ. Сочиненіе В. Васильева. Санктпетербургъ. 1873.

Всестороннее изученіе религіи восточныхъ народовъ ведетъ къ постиженію наиболѣе таинственныхъ сторонъ душевной жизни человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ, открываетъ передъ изслѣдователемъ и другой кругозоръ: и въ этой области нашихъ знаній мы слѣдимъ за ростомъ человѣчества; не всюду и не всегда человѣкъ понималъ одинаково свое значеніе здѣсь, на землѣ; различно представлялъ онъ себѣ свои отношенія къ міру загробному; не въ одинаковой степени и весьма разнообразно сознавалась и сознается людьми взаимная связь и отношенія конечнаго существованія съ безконечнымъ, безусловнымъ. Наука далеко еще не овладѣла этимъ полемъ нашихъ будущихъ свѣдѣній о человѣкѣ; усиленными трудами ученыхъ съ каждымъ годомъ накаплиются матеріалы для будущаго зданія; но всѣ попытки выяснить порядокъ, царствующій въ этомъ космосѣ душевныхъ явленій, классифицировать религію и такимъ образомъ опредѣлить, въ чемъ состоитъ сущность религіи и какъ она развивается,—до сихъ поръ остались безуспѣшными. И если методъ сравнительнаго изученія явленій, давшій блестящіе результаты въ наукахъ сопредѣльныхъ, каковы миеология и языковѣдніе, будучи приложенъ къ изученію религіи пока не далъ никакихъ результатовъ, то этотъ неутѣшительный фактъ не только объясняется сущностью явленій, подлежащихъ изученію, но и долженъ быть поставленъ въ зависимость отъ непрямаго, не вполне безпристрастнаго отношенія къ дѣлу. Изучая эту область

человѣческаго творчества, весьма часто становятся на такія точки зрѣнія, съ которыхъ дѣло религіи является исключительно какъ праздное измышленіе пѣкотораго разумнѣйшаго меньшинства, или что почти то же, какъ печальное заблужденіе неразумнаго большинства, руководимаго своскорыстнымъ меньшинствомъ,—и исторія религіи такимъ образомъ превращается во всеобщую исторію людскаго безумія. Въ такого рода ошибки особенно часто впадали авторы, писавшіе съ цѣлью опровергнуть чуждыя имъ религіи, обыкновенно обозначаемыя неточнымъ, а потому и ненаучнымъ терминомъ: „язычество“. При представленіи язычества, изъ множества подробностей выбирали только то, что могло выставить его въ самомъ печальномъ свѣтѣ. Выходило такъ, что если одна часть человѣчества обладаетъ истинной, то другая коснѣетъ въ совершенной лжи; результатъ получался очень выгодный для преслѣдуемыхъ авторами цѣлей, не имѣющихъ, однакоже, ничего общаго съ наукой. При такой задачѣ авторы, понятно, не могли свободно относиться къ изучаемому предмету; уже самая задача придавала особый характеръ ихъ трудамъ, и не смотря на множество свѣдѣній, на огромную затрату труда, предметъ являлся въ искаженномъ видѣ; при этомъ въ изложеніи часто чувствуется какое-то глумленіе, и чѣмъ чловѣкъ не свободнѣе въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, тѣмъ менѣе онъ способенъ щадить религіозное чувство другаго. Нисважал и смѣялся надъ чужою святыней, онъ не хочетъ узнать — почему же эта святыня была святыней для столькихъ людей, и притомъ такъ долго. Но самое дѣло мстило за себя: такое представленіе фактовъ вызывало множество вопросовъ и не разрѣшало ни одного изъ нихъ. Передъ читателемъ возникалъ не образъ чловѣка-брата, а какого-то ограниченнаго, низшаго по достоинству существа.

Должно сознаться однакоже, что въ послѣднее время для изученія религіи наступилъ новый періодъ; съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обнародываются и дѣлаются общедоступными религіозные памятники восточныхъ литературъ: наши свѣдѣнія о народахъ, стоящихъ на низшей ступени развитія, растутъ и становятся все болѣе и болѣе достоверными; все это даетъ возможность являться попыткамъ сравнительнаго изученія религіи. А потому попытка дать общій очеркъ трехъ важнѣйшихъ религіи крайняго востока, попытка, сдѣланная однимъ изъ извѣстнѣйшихъ знатоковъ своего дѣла, естественно должна считаться явившеюся какъ нельзя болѣе кстати. Нашъ извѣстный сипологъ, авторъ спеціальнаго

труда о Буддизмѣ, пользующагося извѣстностью и вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ всюду, гдѣ интересуются этимъ предметомъ, авторъ китайскаго словаря, построеннаго на основаніи новаго метода, и многихъ другихъ вѣскихъ трудовъ, взялся за перо, съ цѣлью дать русской публикѣ изложеніе трехъ религій—конфуціанства, буддизма и даосизма. „Охватить существенное значеніе каждой религій въ ея полномъ составѣ безъ всякихъ лишнихъ цитатъ, не обращая вниманія на мелочи“, говоритъ авторъ на стр. 2 своего труда, — „вотъ цѣль настоящей статьи“. Нѣсколько же далѣе пр. Васильевъ замѣчаетъ о себѣ, что, „пиша для публики, онъ однако сообщаетъ въ этомъ трудѣ многое неизвѣстное и ученому міру, вноситъ иногда новые взгляды, новые факты“.

Итакъ, онъ хотѣлъ представить намъ въ своей книгѣ религіозный міръ крайняго востока. Извѣстно, что конфуціанство и даосизмъ суть двѣ религій Китая. Буддизмъ — религія индѣйская по своему происхожденію, но уже давно распространенная главнымъ образомъ въ Индіи: въ Тибетѣ, Китаѣ, Японіи, Цегу, Бирмѣ, Сіамѣ и т. д. Въ Индіи она удержалась на двухъ оконечностяхъ: въ Непалѣ — на сѣверѣ и на островѣ Цейлонѣ — на югѣ. Весь крайній востокъ Азіи долженъ былъ предстать передъ нами въ книгѣ уважаемаго автора, — предстать своею свѣтлою, высоко человѣчною стороною, открыть намъ свои высокіе идеалы, показать, какъ и тамъ безусловное, безконечное отразилось въ умѣ конечномъ и условномъ.

Книга, какъ заявляетъ самъ авторъ, написана для публики; къ сожалѣнію цѣль эта не всегда достигается при не всегда ясномъ изложеніи. Разчитывая на кругъ читателей неспеціалистовъ, авторъ старательно удалилъ изъ своей книги всѣ цитаты, весь ученый аппаратъ; на сколько проиграла отъ этого его книга и именно въ тѣхъ частяхъ, гдѣ сообщаются новые факты, отчасти изъ такихъ источниковъ, которые пока доступны одному автору, — догадаться не трудно; эти факты утратили половину своей цѣны, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ ними является давно извѣстное, и притомъ въ нѣсколько искаженномъ видѣ. Такъ, авторъ утверждаетъ на примѣръ, слѣдующее: „Китай во времена дѣли постоянно простираетъ свое владычество до Киргизскихъ степенъ и Байкала, распоряжается даже въ самой Индіи“ (стр. 9); или: „о сношеніяхъ съ одною только Бактріаной и толкуютъ ихъ (Индѣйцевъ) древнія легенды“ (стр. 10); или еще „нѣкоторые (въ Европѣ уже) выдумали Ади-Будду“ (стр. 50, имя, попадающееся даже на монетахъ). Нельзя требовать отъ автора по-

пулярной книги, чтобъ онъ передавалъ одни общепринятые воззрѣнія; но если онъ сообщаетъ новыя взгляды, новыя положенія, лично ему принадлежащія, то читатели въ правѣ ждать, чтобъ или онъ доказывалъ и старался оправдать ихъ въ другихъ своихъ твореніяхъ, или же давалъ бы въ самой книгѣ подтвержденіе этой новизны. Бездоказательно высказанные новыя взгляды, и притомъ противурѣчащія фактамъ общепринятымъ и не опровергнутымъ самимъ авторомъ, легко могутъ быть приняты не болѣе, какъ за оригинальничаніе.

Изъ трехъ религій, разобранныхъ пр. Васильевымъ, наименѣе удачно, по нашему мнѣнію, разобранъ буддизмъ, хотя ему и посвящено болѣе трети всей книги. Излагая конфуціанство, авторъ старался критически отнестись къ подлежащимъ ему источникамъ; но и здѣсь онъ явился болѣе скептикомъ, нежели научнымъ критикомъ: сокрушительно разбивъ вѣру въ древность классическихъ книгъ, авторъ тутъ же говоритъ въ такихъ выраженіяхъ объ эпохѣ Конфуція, сравнивая ее съ нашимъ временемъ (стр. 24), такъ живо рисуетъ Конфуція, называя его то странствующимъ искателемъ приключеній (стр. 25), то большимъ педантомъ (стр. 26),—что невольно при этомъ задаетъ себѣ вопросъ: если всѣ тѣ книги, о которыхъ сейчасъ толковалъ авторъ, подложныя и принадлежатъ эпохѣ позднѣйшей, на основаніи какихъ же данныхъ и эпоха, и самая личность Конфуція такъ ясно рисуется пр. Васильеву? Если онъ зналъ новыя, можетъ быть, доселѣ никѣмъ не тронутыя источники, то зачѣмъ онъ не назвалъ ихъ? Нужно замѣтить, что, трактуя о конфуціанствѣ и даосизмѣ, авторъ изрѣдко приводитъ источники, что во многомъ увеличиваетъ достоинство этой части книги, безспорно лучшей. О даосизмѣ мало было писано, и еще менѣе издано въ Европѣ памятниковъ этой религіи, а потому нельзя не быть глубоко признательнымъ автору за массу новыхъ фактовъ, сообщаемыхъ имъ, хотя и здѣсь пр. Васильевъ остался вѣренъ самъ себѣ: онъ скептикъ во всѣхъ вопросахъ хронологическихъ, и излагая религиозное ученіе, старается сообщить читателю не только характерныя черты, но и какъ можно болѣе курьезныхъ. Его задача ограничивается какъ будто подмѣчиваніемъ тѣхъ абсурдовъ, до которыхъ доводитъ религиозное чувство человѣческую фантазію.

Высказавъ общее впечатлѣніе, получаемое при чтеніи книги пр. Васильева, мы обратимся теперь къ той части, содержаніе которой наиболѣе доступно намъ, именно къ отдѣлу о буддизмѣ.

I.

Прочитавъ со вниманіемъ новую книгу пр. Васильева, мы пришли къ убѣжденію, что онъ приступалъ къ своему дѣлу съ предвзятыми идеями, именно хотѣлъ доказать своимъ читателямъ превосходство запада надъ востокомъ и исконное цивилизаторское вліяніе перваго на послѣдній. Въ тѣсной связи съ этою задачей явилась и другая. Пр. Васильевъ—слишкомъ глубокой знатокъ востока и того предмета, о которомъ онъ писалъ, чтобы для полнаго доказательства перваго не преслѣдовать еще второй цѣли: все хорошее и разумное на востокѣ очень *не древне* и пришло съ запада; для достиженія второй цѣли или второй половины своей задачи, автору понадобились и Египеть, и Греки, и христіанство. Благодаря неточности индѣйской хронологіи, автору удалось провести многое, только въ рѣдкихъ случаяхъ слишкомъ шокируя внимательнаго читателя. Даже въ имени Индія пр. Васильевъ увидалъ подтвержденіе своей теоріи; на стр. 50 онъ говоритъ: „Имя Индіи (луны) перенесено съ запада, такъ какъ цивилизаторы ея не были аборигены, а пробирались въ нее съ запада“.... Для тѣхъ изъ читателей, кому не знакома санскритскій языкъ, мы считаемъ нелишнимъ сдѣлать слѣдующую пояснительную замѣтку: луна по санскритски *indu*; но нами заимствованное названіе „Индія“ искажено изъ санскритскаго *Sindhu*—рѣка и имѣло долгую исторію, а потому всякое сближеніе „Индія“ и „indu“ есть вполнѣ ненаучная игра словъ; впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что пр. Васильевъ не придаетъ никакого научнаго значенія своей этимологіи, и вѣроятно, былъ вовлеченъ въ этотъ каламбуръ Сванъ-цзаномъ. На слѣдующей страницѣ (51) мы встрѣчаемъ у него рядъ гипотезъ, высказанныхъ самымъ положительнымъ тономъ; люди, не близко знакомые съ дѣломъ, легко могутъ принять совершенно цевѣронтныя гипотезы автора за окончательные выводы науки. Еще прежде (на стр. 10) авторъ высказывалъ: „Изъ Бактріаны Индѣйцы заимствовали письменность.... у Грековъ они познакомились съ поэзіей, метафизикой, философией, риторикой и грамматикой“. Въ другомъ мѣстѣ относительно письма высказывается другая гипотеза; говоря о Панини, пр. Васильевъ роняетъ такое предположеніе (стр. 53); „а можетъ-быть, онъ еще только изобрѣтатель алфавита!“. Такимъ образомъ, письмо въ Индіи можетъ быть двоякаго происхожденія: оно или явилось изъ Бактріаны, или было изобрѣтено въ самой Индіи грамматикомъ Па-

нини. Мы сейчас увидимъ, что авторъ не прочь допустить и третье предположеніе о происхожденіи письма въ Индіи. Изъ книги пр. Васильева мы узнаемъ и время его появленія, то-есть, до III в. до Р. Х.; по мнѣнію пр. Васильева: „письма рѣшительно не было въ Индіи“ (стр. 51). Забывъ невыгодныя для него извѣстія Грековъ, авторъ какъ будто доказываетъ свое положеніе рядомъ фактовъ. Такъ, онъ говоритъ: „Первые послѣдователи этой вѣры (то-есть, буддизма) были *шраваки*, то-есть, слушатели, которые должны были затверживать наизусть то, что имъ преподавалось, и преподавать это другимъ также изустно“ (стр. 51). „*Шравака*“—слушатель, какъ древнѣйшее наименованіе послѣдователей Будды, и самый фактъ устной проповѣди не подлежатъ сомнѣнію; но какимъ образомъ то или другое можетъ служить доказательствомъ несуществованія письма въ Индіи, это не совсѣмъ понятно. Устная проповѣдь была самымъ удобнымъ для тѣхъ временъ средствомъ пропаганды; первоначальный буддизмъ обращался къ той средѣ, которой чуждо было литературное образованіе; за первыми вѣстниками всеобщаго освобожденія шли главнымъ образомъ тѣ, кому не могла быть доступна брахманская ученость. Не говоритъ ли Кумарила, что слово Будды предназначено для рабовъ (судръ)? Проповѣдь, не касаясь философскихъ вопросовъ и дѣйствуя болѣе на чувство и фантазію, выливалась въ простой и изящной формѣ; метръ давалъ возможность затверживать и хранить ее въ памяти. Не писали потому, что большинство тѣхъ, кто шелъ подъ защиту вѣщаго, закона и общества нищенствующихъ, не умѣло писать. Но, была ли уже въ то время письменность въ Индіи? Это совершенно иной вопросъ. Ученики пр. Васильева, пока они находятся въ аудиторіи и внимаютъ его словамъ, называются такъ-же слушателями; едва ли было бы вѣрно однакоже заключеніе о письменности, сдѣланное на основаніи обще принятаго академическаго названія. Но сверхъ того, мы рѣшаемся напомнить пр. Васильеву общее названіе буддійскаго священнаго писанія—„питака“, то-есть, „коробъ“, „сосудъ“; для того, чтобъ ученіе можно было хранить въ коробѣ или сосудѣ, нужно было его записать. Это названіе, конечно, явилось не на первыхъ порахъ, хотя на сколько оно не древне и когда явилось въ первый разъ, едва ли и пр. Васильевъ сумѣетъ доказать. Второй фактъ, которымъ проф. Васильевъ оправдываетъ свое положеніе, еще менѣе доказателенъ и врядъ ли можетъ послужить ему въ пользу: „Да и отчего же первый памятникъ, приписываемый Асокѣ, относится, однакоже, несомненно только къ 260 году до нашей эры“? (ibid). Совершенно вѣрно,

первыя надписи относятся къ этому времени; болѣе древнихъ до сихъ поръ не найдено. Въ надписяхъ именно Асоки есть, однакожь одно мѣсто, на которое пр. Васильеву слѣдовало бы обратить вниманіе: царь говоритъ, что не только онъ пишетъ эдикты, но и до него великіе люди побѣждали, писали и заставляли писать (см. *Lotus de la bonne foi*, стр. 752). Изъ этого мѣста мы въ правѣ заключить, что письмо было извѣстно въ Индіи до Асоки Великаго; самъ Асока хотя и глухо, но упоминаетъ о томъ, что писалось до него. „Въ Индіи“, говоритъ пр. Васильевъ, — „не находимъ мы ни клинообразныхъ, ни египетскихъ, ни китайскихъ знаковъ“. (*ibid.*) Совершенно вѣрно; не находя въ Индіи постепеннаго развитія письма, а разомъ встрѣчаясь тамъ съ алфавитомъ, самое большее, что можно предположить, — что алфавитъ въ Индію занесенъ изъ-внѣ. Но когда? и откуда? Факты, приводимые пр. Васильевымъ, не достаточны для рѣшенія вопроса въ его смыслѣ. Пр. Васильевъ, высказавъ съ полною увѣренностью два предположенія о началѣ письма въ Индіи, не прочь, какъ мы уже упомянули выше, допустить еще и третье: „Нѣтъ ни одной монеты, ни одного памятника раньше владычества Грековъ въ Бактріи“ (*ibid.*) Мало выставить такой синхронизмъ, нужно еще доказать, что азбука этихъ монетъ, этихъ памятниковъ сводится къ греческой; что ея знаки суть видоизмѣненные греческія начертанія однихъ и тѣхъ же звуковъ, — и тогда греческое вліяніе въ этомъ отношеніи будетъ для каждаго несомнѣнно. Доказательства же пр. Васильева не могутъ быть даже опровергаемы: „Взгляните на санскритскій алфавитъ“, говоритъ пр. Васильевъ, — „онъ буквенный, и буквы въ немъ расположены правильно, гласныя отдѣлены отъ согласныхъ, послѣднія раздѣлены на гортанныя, зубныя, губныя и т. д. Не доказываетъ-ли это, что онъ образовался позднѣе греческаго алфавита, въ которомъ гласныя еще смѣшаны съ согласными“? Дѣйствительно, Индѣйцы классифицировали звуки своего языка гораздо правильнѣе, нежели Греки. Но та классификація звуковъ, которая перешла изъ туземныхъ грамматикъ въ наши европейскія грамматики санскритскаго языка, явилась не вдругъ, а выработывалась мало по малу, и объяснять ея появленіе вліяніемъ народа, который самъ не додумался ни до чего подобнаго, черезчуръ оригинально.

Такъ неудовлетворительно объяснивъ начало письма въ Индіи и время его перваго появленія, пр. Васильевъ идетъ далѣе; онъ склоненъ думать, что даже индѣйская грамматика обязана своимъ происхожденіемъ греческому вліянію (стр. 10). Нигдѣ, ни прежде, ни въ

настоящей книгѣ онъ не пытался доказать этого, а было бы весьма любопытно послушать его доводы. Теперь же это бездоказательно высказанное положеніе кажется безусловно невѣроятнымъ, и мы отвѣтимъ на него однимъ общимъ соображеніемъ. Не пужно имѣть глубокихъ познаній въ граматической литературѣ Индѣйцевъ для того, чтобы выяснитъ себѣ, какъ мало сходнаго между индѣйскою и греческою граматикой. Вслѣдствіе совершенно различныхъ поводовъ начались изслѣдованія языка въ Греціи и въ Индіи. Индѣйцы, создавшіе такое чудо человѣческаго слова, какъ санскритъ, уже въ періодъ ведическій боготворили *рѣчь*. Богини *Vac*, *Bharati* воспѣвались уже на берегахъ Пятирѣчья; нѣсколько позднѣе богиня „*Рѣчь*“ получила космическое значеніе, и славили ее такъ: „былъ единъ владыка существъ“ (*praḥarati*); вторая ему была „рѣчь“ (*vac*); съ нею онъ соединился; и отошла она отъ него и создала она эти существа и вернулась опять къ *Prāḥarati* (*Kathaka*, 12, 5; см. *Weber*, *Indische Studien*, IX, 477). Въ Индіи граматика, возникнувъ вслѣдствіе практическихъ нуждъ, имѣла другое значеніе и другой характеръ: ею занимались не въ силу одной пытливости; Греки же обратились къ изслѣдованію языка, побуждаемые духомъ пытливости; въ самыхъ древнѣйшихъ, дошедшихъ до насъ и прямо относящихся къ ведамъ, граматическихъ сочиненіяхъ Индѣйцевъ сказывается тотъ характеръ изслѣдованія, который былъ усвоенъ Греками лишь гораздо позднѣе; вопросовъ философскихъ Индѣйцы въ граматикѣ, не касались и только описывали явленія языка. Греки начали философіей языка и закончили описательными работами; Индѣйцы начали съ наблюденій звуковъ языка и мало по малу, столѣтіями создали такое изумительное и законченное зданіе, какъ граматическій трудъ Панини; подобнаго труда нѣтъ въ литературѣ Грековъ, обратившихся въ конечнымъ вопросамъ науки въ то время, когда ими не была признана научная разница между именемъ и глаголомъ. Различныя начала, естественно, дали и совершенно противоположные результаты. Пусть профессоръ Васильевъ докажетъ фактами греческое вліяніе въ индѣйской граматической литературѣ, на примѣръ, въ трудѣ Панини, или *Prātisakhjah*, и тогда ему будетъ принадлежать честь очень важнаго открытія; до тѣхъ же поръ мы въ правѣ считать его утвержденіе невѣроятнымъ и въ высшей степени страннымъ.

Увлеченный западничествомъ, профессоръ Васильевъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ: „Мы увидимъ“, говоритъ онъ, „что и буддизмъ

есть произведеііе толчка, даннаго западомъ“ (стр. 10). Ступы напоминаютъ ему заимствованія съ запада (стр. 55), и вообще профессору Васильеву „ясно, что науки двигались въ Индію съ запада“ (стр. 72). И все это высказано безъ доказательствъ: нигдѣ авторъ не намекнулъ даже, какимъ образомъ западъ повліялъ на возникновеніе новаго религіознаго ученія въ Индіи, не показалъ, почему ступы должно производить отъ египетскихъ пирамидъ, когда самое названіе встрѣчается въ литературѣ добуддійской, и въ самой Индіи разсѣяны во множествѣ тѣ памятники доисторической древности, курганы съ грубыми каменными оградами, съ которыми было бы всего ближе связать ступы и стройныя колонады, окружающія ихъ. Не знаемъ, покажется ли читателямъ яснымъ движеніе наукъ въ Индію съ запада, но не можемъ не замѣтить, что извѣстіе объ этомъ поразило насъ неожиданностью и темнотою.

Мы остановились на этихъ частныхъ, хотя и очень важныхъ, вопросахъ съ тѣмъ, чтобы показать общую точку зрѣнія автора. Порѣшивъ по-своему вопросы, освѣщающіе состояніе культуры Индіи въ эпоху добуддійскую, авторъ переходитъ къ изложенію буддійскаго ученія. Появленію буддизма и первому развитію посвящены въ его книгѣ стр. 50—72, то-есть, всего 22 страницы. Тантрійское ученіе, излагается на стр. 104—150, то-есть, на 46 страницахъ. Почему отдано такое преимущество тантрійской литературѣ, почему именно это ученіе нужно считать за конечные результаты, за то, до чего дошелъ буддизмъ въ своемъ крайнемъ развитіи (стр. 104), а не за исключительную принадлежность одной части буддистовъ, за сектаторскую литературу, возникшую среди особенныхъ историческихъ и географическихъ условій,—авторъ всего этого не разъяснилъ. Но такъ какъ именно эти буддійскіе памятники всего менѣе извѣстны намъ въ оригиналахъ, за неимѣніемъ большинства ихъ въ европейскихъ бібліотекахъ, то и въ настоящемъ своемъ видѣ эта часть книги профессора Васильева должна считаться весьма важнымъ вкладомъ въ науку.

Профессоръ Васильевъ начинаетъ свое изложеніе буддизма, вопросомъ хронологическимъ. Такъ какъ авторъ вѣруетъ (хотя и не доказываетъ этого) въ появленіе буддизма вслѣдствіе толчка запада, то естественно, онъ долженъ отвергать извѣстія преданія о времени начала этой религіи. Свое ученіе онъ старается подтвердить извѣстіями Даранаты (тибетскаго историка конца XVI и начала XVII столѣтія), въ книгѣ котораго мы не нашли, однакоже, ничего оправ-

дывающего оригинальность воззрѣній автора. „Исторія Даранаты, падѣемъ“, говоритъ онъ, „высидеть всякаго безпристрастнаго изъ пристрастія къ древности цейлонской“, и (стр. 52 *ibid.*) далѣе: „Цейлонцы выдумали двухъ Асокъ, Индѣйцы знаютъ только одного, но вѣдь Индѣйцамъ ближе знать буддизмъ, такъ какъ послѣдній перешелъ въ Цейлонъ очень поздно“. Что Дараната здѣсь совершенно не при чемъ, едва ли будетъ оспаривать профессоръ Васильевъ; хронологической системы у него нѣтъ никакой, и не было у него никакой охоты разбивать какую бы то ни было древность. Профессоръ Васильевъ утверждаетъ, что Дараната заслуживаетъ большаго предпочтенія предъ цейлонскими извѣстіями; палийскія хроники, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, можно называть цейлонскими только по мѣсту ихъ теперешняго находженія. Происхожденія же ихъ несомнѣнно нужно искать на материкѣ самой Индіи, и несомнѣнно также, что эти хроники гораздо древнѣе Даранаты. Извѣстія о первыхъ судьбахъ буддизма, находимыя въ *Mañavaṃsa*'ѣ, или въ *Dīraṃsa*'ѣ, встрѣчаются также у Буддагоши, и какъ онъ самъ упоминаетъ, взяты имъ изъ книгъ древнихъ или пуранъ. Въ одной новѣйшей хроникѣ (*Sasaṃavaṃsa*; рукопись принадлежитъ Р. Чильдерсу, R. Childers) приводится еще больше палийскихъ древнихъ хроникъ: *culavaṃsa*, *rajaṃvaṃsa*, *sasaṃavaṃsa*, *paṃaṃavaṃsa*, *buddhaghosupattikathā*, *kalyāṇisilālekhaṇa*, *maṃaṃavaṃsa* и т. д. Можно ли въ настоящее время прослѣдить точно также источники Даранаты? Мы оставляемъ этотъ вопросъ на разрѣшеніе профессора Васильева. Мы увидимъ сейчасъ, что, разрѣшая вопросъ о томъ, когда явился Будда, профессоръ Васильевъ совсѣмъ не руководствуется какими бы то ни было извѣстіями преданія. Преданіе дошло до насъ не вполнѣ, а потому о безусловной точности дошедшихъ до насъ датъ не можетъ быть и рѣчи; давно уже различные ученые заподозрѣвали точность года смерти Будды (543 до Р. Х.). Такъ, напримеръ, Максъ Мюллеръ предлагалъ замѣнить его 477 г., Вестергаардъ 370—378 до Р. Хр. Мы не будемъ входить въ подробный разборъ ихъ мнѣній; замѣтимъ только, что какъ тотъ, такъ и другой ученый не отвергали окончательно преданія, не ломали исторію, а старались согласить индѣйскія извѣстія съ западными. Профессоръ Васильевъ пришелъ къ противоположнымъ результатамъ совершенно инымъ путемъ, и на сколько онъ правъ въ своихъ выводахъ, и какъ бойко онъ отнесся къ фактамъ несомнѣннымъ, мы увидимъ тотчасъ.

Въ числѣ магадскихъ царей есть нѣсколько именъ, особенно важныхъ для рѣшенія даннаго вопроса; мы знаемъ, что Будда былъ со-

временникомъ двухъ царей, Бимбисары и Ажаташатру. Послѣ этихъ царей до Р. Х. царствовалъ въ Паталипутрѣ современной Патнѣ, Чандрагупта современникъ Селевка Никатора; такъ какъ при его дворѣ жилъ Мегасенъ, то эпоха царя можетъ быть опредѣлена. Одинъ изъ его послѣдующихъ преемниковъ Ашока (III вѣкъ), въ *Dīvaṃś'ī* называется также *piyadaśin*; эпитетъ этотъ Ашока удержалъ за собою въ своихъ извѣстныхъ эдиктахъ, гдѣ онъ также называетъ своихъ западныхъ современниковъ: Антиоха Θεоса (212—247), Антигона Гонната (278—239), Мага (308—258). Такимъ образомъ время этого царя также извѣстно. „У Даранаты“, говоритъ профессоръ Васильевъ, — „мы находимъ, что царь Аджаташатру, современникъ и покровитель Шакіямунни, назывался Пріядаршинъ, то-есть, тотъ Піядаси, современникъ Птоломея и Мага, который встрѣчается и на первыхъ письменныхъ памятникахъ Индіи; слѣдовательно это не Ашока...“ (стр. 52). Въ собственномъ переводѣ профессора Васильева, на стр. 7, мы находимъ, что Аджаташатру назывался *Кшемадаршинъ*. Въ оригиналѣ же не стоитъ даже и этого санскритскаго слова, а есть тибетскій эпитетъ, по русски означающій: „одаренное зрѣніемъ благо“ (см. *ibid.* стр. 7, прим. 8). Въ 1869 году въ предисловіи къ переводу Даранаты, на стр. IV, профессоръ Васильевъ писалъ: „Мы не смѣемъ почти и заикнуться о томъ предположеніи, что подъ именемъ извѣстнаго Піядаси едва ли надобно разумѣть Ашоку, а не Аджаташатру, котораго нашъ авторъ величаетъ благовиднымъ...“ Въ примѣчаніи же къ этому мѣсту стоитъ: „Сумба Кутукту въ своей исторіи называетъ его просто Виднымъ“. Дараната говоритъ (по-тибетски), что Ажаташатру назывался „благовиднымъ“; другой историкъ, также тибетскій, даетъ ему эпитетъ „видный“. Профессору Васильеву слѣдовало доказать: 1) что *пріядаршинъ* именно значить „благовидный“, и 2) что „благовидный“ можетъ быть передано и передавалось только однимъ сложнымъ словомъ „пріядаршинъ“. Допустивъ тождество Ажаташатру съ Піядаси, куда же отнести Чендрагупту, царствовавшаго послѣ Ажаташатру? Объ этомъ профессоръ Васильевъ не сказалъ ни слова; тутъ ему и Дараната не поможетъ. О Чандрагуптѣ, впрочемъ, авторъ на стр. 53 сказалъ нѣсколько въ высшей степени загадочныхъ словъ, видимо смѣшавъ содержаніе одной извѣстной индѣйской драмы съ буддѣйскими извѣстіями и принявъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ драмы: *артхасиддха* за Сиддхарту, или Сакјамунни (сличи предисловіе въ Даранатѣ, стр. IV). Разрѣшивъ такимъ образомъ хронологическій вопросъ, авторъ продолжаетъ перестраивать исторію:

буддизмъ могъ родиться и внѣ Индіи, онъ могъ быть и пришлою вѣрою. Саки и Сакји одно и то же. Не доказалъ ли г. Григорьевъ ихъ тождество, избобрѣтя курьезъ доисторическаго буддизма? Не тотъ же ли ученый писатель рядомъ столькихъ любопытныхъ этимологій убѣдилъ русскую публику въ славянствѣ Саковъ=собаки? Но этимологическіе скачки г. Григорьева ничто въ сравненіи съ сближеніями профессора Васильева; имя города Капила-Васту напоминаетъ послѣднему „кобылку пасту“ и Вируддака — выродка (стр. 53 прим.). И понятно, что съ такими приемами не дойдешь до объясненія началъ буддизма; онъ будетъ казаться пришлецомъ съ запада. Какъ будто такой отвѣтъ разъясняетъ, что-либо. А если буддійское ученіе пришло съ запада, то почему жъ оно принялось въ Индіи и стало народною религіей? Почему же въ настоящее время то же самое не повторяется съ христіанствомъ?

II.

Начало религіознаго движенія всюду и всегда трудно прослѣдить; какъ всякое зарожденіе оно не подлежитъ непосредственному наблюденію. Тѣмъ болѣе затруднительны такого рода розысканія въ исторіи народа, не имѣвшаго исторіографіи и строго послѣдовательной хронологіи. Лишенные этихъ важныхъ пособій, изслѣдователи должны обращаться къ догадкамъ, отъ которыхъ переходъ къ произвольному искаженію фактовъ весьма легокъ. Относительно индійской исторіи вообще и буддизма въ частности изслѣдователь поставленъ въ нѣсколько болѣе счастливое положеніе. Индѣйцы, какъ извѣстно, имѣли громадную литературу, памятники которой относятся какъ къ порѣ до-буддійской, такъ и къ по-буддійской. Въ ведахъ, брахманахъ, нѣкоторыхъ упаниадахъ найдется довольно данныхъ, чтобы охарактеризовать тотъ общественный бытъ, то умственное состояніе, словомъ—тѣ условія, среди которыхъ возникъ и развивался порвоначальный буддизмъ. Изученіе сейчасъ названныхъ памятниковъ поставляетъ въ совершенную невозможность признать вѣрными тѣ окончательные выводы, до которыхъ дошелъ профессоръ Васильевъ. Порѣшивъ такъ хронологическій вопросъ, авторъ начинаетъ намъ рисовать картину первоначальнаго буддизма: въ этотъ отдаленный періодъ буддизмъ характеризовался для него двумя признаками: 1) невѣжествомъ поклонниковъ и 2) аскетизмомъ монастырской жизни. На стр. 61 читаемъ: „Для спасенія нужно знать—отчего спастись, и куда

стремиться. Правда, какъ спасаться, теперь мы знаемъ, но для того, чтобъ опредѣлить цѣль и исходную точку, нужно знаніе, нужно отчетливое ученіе, *а объ этомъ нельзя сказать утвердительно, чтобы оно было высказано въ самомъ началѣ буддизма*. И только уже гораздо позднѣе произошло слѣдующее: „Всѣ буддисты, когда имъ пришлось давать отчетъ о своей системѣ, чувствовали *необходимость выдумать, что-нибудь необыкновенное, чтобы отличиться отъ другихъ религій или сектъ*. И безъ того уже они отличались наружностью отъ другихъ; *надобно было что-нибудь придумать особенное и для убѣжденій*“ (стр. 63). Ниже мы увидимъ, какое значеніе авторъ придаетъ аскетизму въ буддизмѣ; теперь же укажемъ на то, какъ авторъ объясняетъ его происхожденіе (стр. 62): „самое устройство монастырской жизни... пришло также съ запада“.

Такимъ образомъ, по мнѣнію проф. Васильева, буддизмъ явился вслѣдствіе толчка съ запада; въ III в. до Р. Х. невѣжественныя массы, Богъ знаетъ почему, завели у себя монастырскую жизнь и уже потомъ, желая чѣмъ-нибудь отличиться, выдумали себѣ ученіе. Но представляя начальныя судьбы буддизма въ такомъ видѣ, проф. Васильевъ не могъ окончательно не обратить вниманія на нѣкоторые факты; исторія связываетъ начало буддизма съ извѣстною личностью, и не сказать хотя бы нѣсколько словъ объ этой личности не возможно. „Что мы можемъ“, спрашиваетъ онъ, „вывести изъ всѣхъ разказовъ о Буддѣ, отдѣливъ ихъ отъ всѣхъ прикрасъ, выросшихъ со временемъ?“ (стр. 54). Вслѣдъ за вопросомъ слѣдуетъ и отвѣтъ: „Былъ онъ царевичъ, покидаетъ свое царство—изъ того ли, какъ говорятъ легенды, что увидѣлъ суету міра, или потому, что спасся отъ истребленія своего рода Вирудакой, или по невѣрности жены, которая, по легендамъ, отъ скорби по разлукѣ съ нимъ, родила только черезъ шесть лѣтъ послѣ этого. Фактъ тотъ, что онъ бѣжалъ, скитался, былъ нищимъ“ (ibd.). Все это мы дѣйствительно знаемъ изъ легендъ (только соображенія о невѣрности жены принадлежатъ пр. Васильеву); но кромѣ этого факта, мы знаемъ и иное: мы знаемъ, какъ понимали Будду его поклонники въ различныя времена; знаемъ, что о событіяхъ его жизни слагались пѣсни; и Будда, и его жизнь, и его сущность были предметомъ споровъ, начавшихся очень рано. „Будда“, говоритъ пр. Васильевъ, — „былъ брахмачарьемъ, но не такимъ, какими бывали до него: онъ не походилъ на другихъ, онъ не былъ огнепоклонникомъ; онъ былъ основателемъ ордена нищихъ“ (стр. 55). И до Будды бывали въ Индіи учителя; вокругъ нихъ собирались послѣ-

дователи, припимавшіе обѣты нищенства и цѣломудрія; но ни одна изъ этихъ школъ не разрослась въ такое могущество, какъ буддійская Санга, не перешла за предѣлы Индіи и не утвердилась въ столькихъ странахъ отдаленнаго востока. Отчего жъ это случилось? Почему растеть и утверждается въ странѣ религія, та религія, начала которой профессоръ Васильевъ характеризуетъ такъ: „Вся ихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы жить на кладбищахъ или подъ деревомъ, на открытомъ полѣ, въ извѣстномъ разстояніи отъ человѣческаго жилища, въ которое они должны были ходить каждое утро для испрошенія милостыни на столько, на сколько нужно, чтобы быть сытымъ, поѣвъ одинъ разъ въ день, прежде полудня. Платье ихъ должно было состоять изъ лоскутковъ, вынутыхъ изъ помойныхъ ямъ или валявшихся на кладбищахъ. Вотъ все, въ чемъ состояли ихъ первыя постановленія“ (стр. 55). Во имя чего же все это дѣлалось? Гдѣ та цѣль, или тѣ принципы, которые объединяли первыхъ прозелитовъ, заставляли ихъ накладывать на себя такія тяготы и терпѣливо выносить лишения? По мнѣнію профессора Васильева, эти обязанности „не имѣли назначенія быть собственно только вспомогательными средствами къ достиженію главной цѣли буддизма, но самымъ выполненіемъ этой цѣли, — другими словами: *отъ бикшу сначала ничего, кромѣ этого, даже и не требовалось*“ (стр. 61). Если бы профессору Васильеву удалось доказать такую послѣдовательность въ развитіи буддизма, ему опять принадлежала бы честь весьма важнаго открытія. Мы полагаемъ однакоже, что развитіе буддизма шло болѣе естественнымъ и обыкновеннымъ порядкомъ.

Люди дѣлались прозелитами, имѣя цѣлью не только простое выполнение трудностей аскетической жизни, а нѣчто болѣе близкое сердцу каждаго; и самая аскетическая жизнь была вызвана теоретическими соображеніями и имѣла въ началѣ глубокой смыслъ,—не тунецы одни удалялись отъ злобы дни. Иначе, какъ объяснить себѣ великое значеніе буддизма для индѣйской исторіи, чего, конечно, и профессоръ Васильевъ не станетъ отрицать. Не потому же съ буддизма начинается новая эра, что нѣкіе безумцы и невѣжды приняли монастырскій образъ жизни, съ запада? Сжѣмъ думать, что въ данномъ случаѣ профессоръ Васильевъ не съ достаточною ясностью представилъ своимъ читателямъ то, въ чемъ состояло первое ученіе буддистовъ и каково значеніе этого религіознаго движенія, почему успѣхъ учителя былъ вѣренъ, и его проповѣдь съ самаго начала вызвала послѣдователей. За Учителемъ или за Вѣщимъ, какъ его величали

ученики, шли, покидая дома, богатства, всѣ мірскія радости, шли потому, что въ Индіи, среди сложившихся уже тогда кастъ, Сакьямуни призывалъ всѣхъ ко спасенію. Открывая всѣмъ путь ко спасенію, онъ обращался къ совѣсти cadaго; не училъ завоевывать себѣ удѣлъ въ спасеніи вѣшними средствами; возвеличивая человѣка, онъ указывалъ, что спасеніе зависитъ отъ нравственныхъ качествъ. Буддизмъ не внесъ въ сознаніе своихъ поклонниковъ какихъ-либо новыхъ нравственныхъ правилъ, но взглянулъ на существовавшія до него съ новой точки зрѣнія. Десять добрыхъ дѣлъ буддизма или восемь членовъ его пути ко спасенію были извѣстны и до буддизма; но прежде неисполненіе этихъ дѣлъ влекло за собою рядъ очистительныхъ обрядовъ или наказаній: строгимъ же исполненіемъ не достигалось полное спасеніе, для чего требовались еще дѣла чисто вѣшнія, исполненіе религіозныхъ предписаній, культъ боговъ. Буддизмъ, возвысивъ мораль до средства ко спасенію, тѣмъ самымъ открывалъ путь ко спасенію всѣмъ, безъ различія кастъ; и въ этомъ нельзя не видѣть великаго значенія буддизма, и вотъ почему его по справедливости считаютъ такою радикальною реформою въ индѣйской жизни. вмѣстѣ съ другими философскими школами, понимая жизнь какъ скорбь, буддизмъ не задавался задачей соціальной реформы; эта реформа явилась, какъ отдаленное, но необходимое послѣдствіе проповѣданыхъ имъ принциповъ. Естественно думать, что память о человѣкѣ, задавшемся такою широкою задачей и ученіе котораго не погибло вмѣстѣ съ ними, должна была пережить вѣка. И мы думаемъ, что хотя нѣтъ данныхъ для полнаго восстановленія исторической личности перваго учителя, но возможно представить себѣ, какъ эта личность, симпатичная массамъ обиженныхъ, рисовалась въ ихъ воображеніи, какой образъ придавала учителю фантазія поклонниковъ. Уже первые поклонники слагали пѣсни о своемъ учителѣ. „Стану пѣть“ или „Стану славить“ (kitayissāmi) есть обычное начало многихъ палійскихъ легендъ о Буддѣ; до сихъ поръ производнымъ словомъ отъ этого корня называютъ бенгальскихъ пѣвцевъ (kirtan). Эти легенды не дошли до насъ, конечно, не искаженными; ихъ первоначальный характеръ измѣнялся подъ вліяніемъ развитія культа и догмата.

Профессоръ Васильевъ, полагая, что аскетизмъ наполнял собою всѣ помыслы буддистовъ первыхъ вѣковъ, и что они были аскетами ради одного того, чтобы быть таковыми, видитъ подтвержденіе своему мнѣнію въ томъ, что первые споры буддистовъ касались дисци-

лицинарныхъ учреждений. Представивъ намъ развитіе монастырскаго устава, онъ говоритъ (стр. 58): „Всѣ эти отступленія не обошлись безъ споровъ; спорили, какъ должно полагать, даже о числѣ лоскутовъ въ платѣ, спорили о пищѣ, спорили о сборѣ денежномъ (соборъ Вайталійскій)“. Въ примѣчаніи къ этому мѣсту замѣчено: „Послѣ споръ перешель на догматы“. Преданіе говоритъ, что споры, какъ тѣ, такъ и другіе, начались одновременно, и нѣтъ никакого основанія заподозрѣвать точность преданія въ этомъ случаѣ. Конечно, если принять вмѣстѣ съ профессоромъ Васильевымъ, что буддизмъ въ началѣ не имѣлъ никакого ученія, то естественно, споръ о догматахъ не могло и быть на первыхъ порахъ.

Буддисты, раздѣлившись на секты въ эпоху царя Пидаси или Асоки великаго, расходились въ мнѣніяхъ по различнымъ поводамъ: нѣкоторые допускали уклоненія отъ строгихъ дисциплинарныхъ учреждений, и это подавало поводъ къ распрямъ; неодинаково понимали слово *архатъ*, „почтенный“, и это было началомъ еще большихъ споровъ. Слово *arhat* существовало въ языкѣ еще до появленія буддизма, который, усвоивъ его, придалъ ему специальное значеніе: въ началѣ, быть можетъ, это былъ именно тотъ эпитетъ, которымъ называлъ себя самъ великій учитель; въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ развитіемъ буддійскихъ догматовъ, архатомъ стали называть тѣхъ святыхъ, но не Буддъ, которымъ уже не предстояло болѣе раждаться въ мірѣ. Секты высказывали крайне противоположныя мнѣнія объ архатахъ: „незнаніе можетъ быть достоинствомъ архата“; „въ немъ можетъ быть вождельніе“; „архатъ можетъ подпадать вліянію другихъ“. Все это утверждалось сектою Pubbaseliya. Нѣкоторые шли еще далѣе; часть секты Махасангиковъ, Vajjiputtiya, Sammitiya, Sabbatthivadino полагала, что „архатъ можетъ лишиться своей святости“; „онъ можетъ лишиться своей святости вслѣдствіе дѣлъ“ (Pubbaseliya и Aragaseliya); „архатомъ можетъ сдѣлаться мирянинъ“ (Uttarāpadhaka); „онъ не свободенъ отъ похотливости“ (Pubbaseliya и Aragaseliya); этого, впрочемъ, не допускали въ сектѣ Uttarāpadhaka, которая учила: „духи подъ видомъ архатовъ свершаютъ актъ нецѣломудрія“. „Архатъ можетъ совершенствоваться“ (Andhakā) и т. д. Смыслъ всѣхъ этихъ мнѣній одинъ: за архатомъ хотѣли удержать человѣческій характеръ; но рядомъ съ этою мыслью возникали и другія, діаметрально противоположныя ученія; въ той же сектѣ Uttarāpadhaka учили: „во чревѣ матери возможно полное достиженіе истинъ“, и „во чревѣ матери возможно достиженіе архат-

ства. „Архатъ не можетъ подвергаться безвременной смерти“ (Rajagirika). „Будда“, говорили Махасангики,—„чудотворецъ, онъ живеть цѣлую калпу“. „Его рѣчь не отъ міра сего“ (Andhaka). „Не утверждайте“, говорила секта Verullaka,—„что Будда, господь жилъ въ мірѣ семь“. „Не утверждайте, что законъ преподай имъ“. Другіе же, напротивъ, утверждали, что Будды являются во всѣхъ странахъ свѣта (Махасангики) и т. д. (Всѣ цитаты взяты изъ Kathāvatthura-kāpā). Ученіе о Буддѣ развивалось еще далѣе; образъ его обставлялся все болѣе и болѣе чудесными подробностями, и Будда махаянистовъ, мистиковъ, тантристовъ—не одно и то же созданіе. Такой ходъ развитія догмата, понятно, долженъ былъ вліять на первоначальный характеръ легендъ; сообразно съ развитіемъ догмата онѣ обставлялись такими подробностями, за которыми скрывался почти волюнѣ ихъ первоначальный смыслъ. Но кромѣ того, Будда еще въ послѣдніе вѣка, до начала нашей эры, сталъ предметомъ культа. Профессоръ Васильевъ говоритъ: „Богослуженія въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ, собственно нѣтъ“ (стр. 60); но, прибавляетъ онъ далѣе, „есть обряды“. И древнѣйшимъ обрядомъ, безъ сомнѣнія, нужно считать обрядъ посвященія (rabbaḥja). Для того, чтобы положить предѣлъ скорби, нужно было отказаться отъ мірской жизни. Въ началѣ обрядъ совершался весьма просто: люди, рѣшившіеся предаться служенію извѣстной идеи, спасти себя, принимали двѣ защиты; въ легендахъ первые послѣдователи идутъ подъ защиту Будды и закона. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ разрасталось число поклонниковъ, можетъ-быть, даже послѣ смерти учителя, къ двумъ защитамъ стали прибавлять даже третью: „общество духовныхъ“, и обрядъ сталъ усложняться новыми подробностями. Не всякій могъ быть принятъ въ общину, община должна была дать свое согласіе на принятіе новаго члена; такимъ образомъ, возникъ обрядъ четверократнаго возглашенія имени; общинѣ возвѣщалось, что такой-то желаетъ быть принятымъ въ ея среду и испрашиваетъ ея согласія на то. Такова форма обряда, которая сохранилась въ Кампавасѣ (см. *Dickson, The Urasampadā Kamāvācā*). Еще позднѣе, въ нѣкоторыхъ школахъ посвящаться можно было и у одного учителя; форма принятія трехъ защитъ осталась и тамъ, но обрядность увеличилась: ищущій посвященія долженъ былъ облечься въ чистое платье, въ уединенномъ мѣстѣ поклониться образу Будды и затѣмъ говорить такъ: „Я такой-то по имени, начиная съ этихъ поръ и до тѣхъ поръ, пока не восяду на престолъ Будды, поступаю подъ за-

щиту Будды, Господа, всезнающаго, всевѣдущаго, неустрашимаго и не гнѣвающагося, величайшаго изъ людей, того, чье тѣло не уязвлено и высочайше, поступаю подъ защиту верховнаго изъ людей; иду подъ защиту закона лучшаго изъ безстрастностей; иду подъ защиту санги, лучшей изъ общинъ“ (*ādīkarmarādīra*, рукопись библиотеки Азіатскаго общества въ Лондонѣ). Въ тантрахъ тотъ же обрядъ описывается еще съ большими подробностями: посвящаемый принимаетъ три защиты, десять заповѣдей и затѣмъ говоритъ: „Въ чистотѣ, какъ Будда училъ, я сохранию это, этимъ я одержу побѣду надъ злымъ Мага и, достигнувъ высочайшаго прозрѣнія, стану защитою для людей...“ Затѣмъ его кропятъ водою, надѣваютъ вѣнокъ, даютъ въ руку мечъ—на побѣду враговъ, всережку—вязать враговъ, и новое имя (*Candamahāroshanā-tantra*; рукопись библиотеки Азіатскаго общества въ Парижѣ). Читлся не только Будда, читлись его брвенные останки; ступы воздвигались надъ ними, ихъ называли „высочайшею обителью“ побѣдителя; костямъ Будды молились, и о чудотворной силѣ ихъ слагались цѣлыя легенды. Изъ всѣхъ вещей, пользовавшихся уваженіемъ буддистовъ, особенно замѣчательна чаша Будды; о ней разказывали, что Будда получилъ ее въ даръ отъ боговъ, и была она зеленого цвѣта; въ нее онъ принялъ первое приношеніе и съ нею сотворилъ такое чудо: приглашенный брахманомъ Пурна, Будда накормилъ до тысячи нищихъ, и при этомъ чаша оставалась полною (*avadana śataka*, рукопись India office Library). Фасьянъ разказываетъ, что нѣкоторые могли наполнить ее однимъ цвѣткомъ, другіе же не могли переполнить десятию тысячами ведеръ; она была и въ *Vāiṣali* и въ *Mithilā*, въ городѣ *Kuṅg* и въ странѣ *Vajjagā*. Фасьянъ видѣлъ ее еще и въ столицѣ страны Гандхаръ; онъ же намъ передалъ, что разъ Юе-чжійскій царь, овладѣвъ Пешаверомъ, захотѣлъ присвоить себѣ эту драгоценность; поставили чашу на слона, но слонъ палъ, не могши сдвинуть чаши. Въ VII в. Сюанте-цзанъ не нашелъ чаши въ Гандхарѣ; онъ говоритъ, что она хранится въ столицѣ персидскаго царя, а изъ другихъ источниковъ извѣстно, что Хозрой Нуширванъ вмѣстѣ съ баснями Видпай получилъ въ даръ изъ Индіи какую-то чашу. Еще въ наши дни мусульмане въ Кандагарѣ поклоняются какой-то чашѣ (см. *Archeological Survey of India*, vol. I, стр. 88). Когда слово Будды было записано, оно стало также предметомъ культа. Передъ *grājñā rāgamitā* возжигались свѣтильники; кпигу украшали цвѣтами, и къ ней возносились благоуханія. И это цѣнилось даже выше воздвиженія ступъ или молитвеннаго покло-

ненія имъ (praññā pāramitā, рукопись въ Британскомъ музеѣ, oriental 87).

Какъ скоро Будда сдѣлался предметомъ культа, что весьма естественно ожидать, что его образъ сталъ одаряться всѣми признаками величія; на помощь къ вѣрующему духу явилась фантазія, и подъ вліяніемъ того и другаго историческія воспоминанія о немъ совершенно искажались; но и въ нашихъ источникахъ возможно еще доискаться отрывковъ, въ которыхъ онъ является такимъ, какимъ его понимали его ближайшіе по времени послѣдователи; мы могли бы доказать это рядомъ выписокъ, но ограничимся указаніемъ на первую главу четвертой книги Виная питаки (Mahāvagga). Какъ скоро къ Буддѣ стали обращаться съ молитвой, онъ сталъ превыше боговъ, и разказы о немъ не начинались уже съ того времени, какъ жизнь проповѣдника была у всѣхъ на глазахъ и могла многими помниться. Исторія Будды начинается до его рожденія: передъ его рожденіемъ боги-хранители возвѣщали людямъ: „смертные, чрезъ тысячу лѣтъ родится вѣщій“. Онъ рождается отъ непорочнаго зачатія. Въ моментъ его зачатія, земля потряслась, распространился блескъ въ міръ, прозрѣли слѣпые, дабы зрѣть его величіе, слышали глухіе, заговорили нѣмые, выпрямились горбатые, разслабленные стали ходить... во всѣхъ адахъ погасъ огонь.... животные не ощущали страху, и люди стали безболѣзненны.... (jâtaka-atthakathâ). Родился вѣщій въ загородномъ саду, куда отправилась его мать; на небѣ показались тучи, и небесная вода омыла его и мать (ibd.). Чудеса продолжаются: боги приходятъ ему поклониться; его видитъ мудрецъ Асита, и плачетъ и радуется старецъ: „Блаженны тѣ люди и боги, говоритъ онъ,—кто узритъ его сидящимъ среди избранныхъ и раздѣляющимъ безсмертіе. Я же старъ, потому и плачу“ (Mahâ vastu).

Вѣрующая фантазія не ограничилась однимъ украшеніемъ земной жизни учителя всѣми атрибутами величія. Явился болѣе трудный вопросъ,—что за человѣкъ этотъ вѣщій? Какимъ образомъ онъ сталъ такимъ? И въ отвѣтъ на этотъ вопросъ создается рядъ оригинальныхъ, въ высшей степени интересныхъ сказаній о прежнихъ существованіяхъ Будды—Жâтаки. Это первый актъ міровой драмы, главный герой которой—вѣщій, а окончательная развязка—спасеніе рода человѣческаго. Въ массѣ этихъ легендъ, вѣками разросставшихся, легко найдти руководящую идею; вѣщій, какъ спаситель, какъ страдающій искупитель, является намъ и тутъ, является намъ онъ тѣмъ, за что укорялъ его Kumârilla, приводя его же слова: „Да падутъ на меня

часть CLXXII, отд. 2. 10

грѣхи міра, но да спасется міръ!" (см. *Muir, Original Sanskrittexts*, vol. I, 509). То онъ является какъ мудрецъ толка терпѣнія (IV, 2, 3) и проповѣдуетъ незлобіе на тѣхъ, кто поноситъ, бьетъ и ругаетъ его; послѣ ряда мученій, воздвигнутыхъ на него царемъ Kalābu, онъ произноситъ стихъ: „Долго да живетъ тотъ царь, кто мнѣ руки, ноги, уши и носъ отсѣкъ, мнѣ подобные не гнѣваются!“ То рождается онъ великимъ подателемъ милостыни и подаетъ се даже тогда, когда богъ Индра отнялъ у него все богатство (IV, 4, 10).

„О! Visayha“, говоритъ ему Индра, „давалъ ты дары сперва, и погибли твои достатки у тебя дарующаго; не даруй даровъ теперь; у тебя сдержавшагося возникнутъ богатства!“

„Тысячсокій“, отвѣчаетъ Visayha, „бѣднякъ, но чистый, не должсъ творить нечистаго, такъ говорятъ. Не то богатство, ради наслажденія, чѣмъ мы должны оставить чистоту!“

Съ характеромъ искушителя вѣщій является во многихъ другихъ перерожденіяхъ: Sampreyaka, Bhugidatta, Vessantara и т. д.

Такъ росла и развивалась легенда о Буддѣ въ эпоху, обыкновенно называемую хинанной. Съ махаяной въ буддизмъ явились новые вопросы; но новые вопросы не устранили окончательно старыхъ, и легенда не утратила своего значенія, особенно въ практикѣ вѣры; къ ней обращались прозелиты, и прежде всѣхъ тѣ, которыхъ мы знаемъ около пачала нашей эры на сѣверо-западѣ Индіи. Можеть-быть, со временемъ намъ удастся ближе опредѣлить отношенія буддизма къ нѣкоторымъ парсійскимъ религіознымъ созданіямъ, теперь же ограничимся указаніемъ нѣкоторыхъ паралельныхъ явленій. Отношенія древнихъ Персовъ къ Индіи заслуживаютъ глубокаго и тщательнаго разсмотрѣнія, что, при малой разработанности вопроса, не можеть быть сдѣлано въ предѣлахъ краткой журнальной статьи. Персы и Индѣйцы, какъ народы сосѣдніе, начиная съ глубокой древности не прерывали сношеній. Сношенія эти были двухъ родовъ—торговныя и литературныя. Въ эпоху Сассанидовъ эта взаимная связь двухъ сосѣднихъ странъ выступаетъ съ особенною ясностью: къ этому времени относятъ вторичное редактированіе или собраніе Авесты, забытой при предшествовавшихъ чужеземныхъ диктатурахъ. Хинанническое ученіе о Буддѣ окончательно сложилось задолго до того времени.

Древніе Персы также знали, какъ извѣстно, будущаго спасителя, но не искушителя. Отъ дѣвы (Farvardin Jasht, 142) чудеснымъ образомъ долженъ родиться сынъ Заратуштры Çaoshyanç. Сѣмя пророка тысячи лѣтъ хранилось въ озерѣ, и дѣва зачала, выкупавшись въ томъ

озерѣ. Также точно, чудеснымъ образомъ рождается Будда — его мать удалилась отъ мужа и непорочно зачала его; прободавъ ея лѣвый бокъ, искупитель нисшелъ въ утробу, въ видѣ бѣлаго слона.

Парскій спаситель называется Śaoshyañç, потому, что онъ исцѣлитъ (усилитъ) весь міръ тѣлесный (Fagr. J., 119). Его имя есть Parte fut, отъ корня çu, (скр. çavas сила); буквально это имя значитъ: „пользу приносящій“; çwtîr и trâtâ, встрѣчающіяся на монетахъ Селевкидовъ выражаютъ ту же идею; но trâtâ, сверхъ того, извѣстно есть эпитетъ самого Будды, съ которымъ парскій спаситель имѣетъ и другія общія наименованія. Такъ, Śaoshyañç называется „побѣдителемъ“ (verethgaja); его задача побѣдить ненависть демоновъ въ роду людскому и приготовить людей къ воскресенію, — и Будда называется побѣдителемъ (jina), и онъ сокрушаетъ власть князя мірскихъ страстей Mâru. Śaoshyañç создаетъ новый міръ — міръ, не старѣющій и не умирающій; онъ приходитъ, и за нимъ слѣдуетъ величіе, возстанутъ мертвые, и безсмертіе станетъ удѣломъ живущихъ (Zan. V., 83—96). Таковыя благія послѣдствія связаны съ пришествіемъ Будды; они рисуются другими словами, по сущности одна и та же. Śaoshyañç, будущій создатель воскресенія, носитъ также названіе ačvat-ereto, „высочайшій изъ одаренныхъ тѣломъ“; dvipadottama, „высшій изъ двуногихъ“, есть эпитетъ Будды. Не только существа неземныя, но и люди могутъ быть друзьями будущаго парискаго спасителя. И боги, и люди слѣдуютъ за Буддой и внимаютъ ему. Śaoshyañç не только имѣетъ явиться, но и прошедшее имѣло своихъ спасителей, именовавшихся также. И Буддъ было много, ихъ владычество принадлежитъ прошедшему, настоящему и будущему.

Выпустивъ изъ своего изложенія центральный догматъ, профессоръ Васильевъ представилъ древнѣйшій буддизмъ въ неистинномъ свѣтѣ, а потому и могъ сказать: „Является буддизмъ и гонитъ прочь всѣ эти утѣшительныя напѣвы, (авторъ передъ тѣмъ говорилъ о перерожденіи душъ), слышанныя съ того свѣта, бичуетъ розовыя надежды утѣшеннаго, загнанаго люда, который только въ фикціяхъ религіи и находилъ утѣшеніе своихъ горестей“ (стр. 63). Мы предоставляемъ читателю судить, на сколько такая характеристика согласна съ истиной. Намъ она кажется тѣмъ болѣе странною, что самъ авторъ допускаетъ господствующее значеніе того догмата, о которомъ мы сейчасъ говорили. Онъ касается этого догмата мелькомъ, на стр. 107, и осудивъ его, какъ мысль дерзкую и богохульную, прибавляетъ: „Эта мысль могла возникнуть только за грани-

нами запада“ .. (ibd.). Не понятно намъ, однакоже, негодованіе автора; великія идеи всегда плохо понимались массами и давали поводъ къ злоупотребленіямъ. Грязные нищіе эксплуатируютъ карманъ вѣрующаго и обѣщаютъ довѣрчивому высокой удѣль, а фариसेи кричали: долженъ есть оумрети, іако себе Снѣ Бжій сотвори...

III.

Наша небольшая замѣтка о книгѣ глубоко уважаемаго нами автора касается собственно только нѣсколькихъ страницъ въ ней, именно тѣхъ, на которыхъ излагаются судьбы первоначальнаго буддизма. Затѣмъ, кромѣ этого, въ книгѣ—*первые* въ Европѣ—излагается таптрійское ученіе въ его полномъ объемѣ, даосизмъ и конфуціанство. И если намъ удалось указать автору нѣсколько неточностей или невѣрныхъ оригинальностей, то само собою разумѣется, это нисколько не можетъ умнѣшать значенія тѣхъ частей его книги, въ которыхъ онъ является такимъ, какимъ мы давно привыкли знать—вооруженнымъ громадною эрудиціей и изумительно зоркимъ изслѣдователемъ. Профессоръ Васильевъ—одинъ изъ немногихъ русскихъ ориенталистовъ, которые самостоятельно работали надъ источниками; при всѣхъ своихъ оригинальностяхъ и подъ часъ со всѣми своими крайностями, книги этихъ изслѣдователей всегда будутъ читаться и изучаться съ пользою, хотя и не добьются, той эфемерной славы, которая выпадаетъ на долю книгъ, написанныхъ гладко, но съ великими претензіями и малымъ знаніемъ дѣла. Въ русской ориентальной литературѣ книги, подобныя труду г. Васильева, встрѣчаются очень рѣдко. Мы привыкли встрѣчаться въ ней большею частью съ другаго рода изслѣдованіями—съ мыслями, на прокатъ взятыми у англійскихъ или нѣмецкихъ ученыхъ и съ полемикой противъ разныхъ ученыхъ ничтожествъ. Всего этого, конечно, не найдется въ книгѣ профессора Васильева. Онъ слишкомъ много работалъ и слишкомъ много знаетъ для того, чтобы такими средствами создавать себѣ репутацію изслѣдователя съ критическимъ талантомъ.

И. Минаевъ.

ТЕХНИЧЕСКІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ ЕВРОПѢ ¹⁾.

II.

БЕЛЬГІЯ.

Я выѣхалъ изъ Ахена и прибылъ въ Люттихъ ¹⁴/₂₆-го іюня. Тамъ прежде всего я имѣлъ случай познакомиться съ г. Альфонсомъ Ле-Роа, профессоромъ философіи и педагогики, весьма уважаемымъ преподавателемъ и писателемъ, хорошо извѣстнымъ и въ Германіи, особенно по сотрудничеству въ педагогической энциклопедіи Шмида, гдѣ ему принадлежатъ статьи о Бельгіи, Голландіи, Португаліи, Испаніи, Южной Америкѣ и т. д. Г-ну Ле-Роа уже прежде былъ извѣстенъ планъ нашихъ реальныхъ училищъ, о чемъ упомянуто и въ отчетѣ покойнаго Н. В. Штейнмана, на стр. 13-й, гдѣ также изложено мнѣніе Бельгійскаго ученаго о лучшемъ подготовленіи къ политехническимъ институтамъ, въ каковомъ отношеніи онъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе гимназическому образованію предъ реальнымъ. Въ разговорѣ со мною онъ доказывалъ справедливость этого своего мнѣнія, кромѣ причипъ, приведенныхъ въ статьѣ г. Штейнмана, преимущественно соображеніями объ историческомъ развитіи европейской цивилизаціи. „Вся наша цивилизація“, сказалъ онъ, „зидается на трехъ основахъ, какъ-бы на треножникѣ. Эти основы суть: Востокъ, Греція, Римъ; отнимите какую либо одну изъ нихъ, и все зданіе рушится, какъ не удержится треножникъ, если вы отнимете одну изъ его ножекъ“. Говоря о попыткахъ замѣнить изученіе древнихъ классиковъ переводами ихъ на языки новѣйшіе, я выразилъ мнѣніе, что лишь знаніе древнихъ языковъ можетъ дать намъ полное вѣрное понятіе о значеніи столь многихъ заимствованныхъ изъ нихъ словъ и выраженій, сдѣлать эти слова какъ бы прозрачными

¹⁾ Продолженіе. См. *Журналъ Мин. Народн. Просв.* февраль 1874 года.

для нашего умственного взора и такимъ образомъ уяснить намъ самую ихъ сущность. Ученый профессоръ вполне согласился съ этимъ мнѣніемъ и, примѣняя его къ естественнымъ и техническимъ наукамъ, указалъ на обиліе греческихъ и латинскихъ словъ, получившихъ право гражданства въ этихъ наукахъ. *Сознательное* пониманіе всѣхъ этихъ словъ невозможно безъ знанія древнихъ языковъ, но притомъ не слѣдуетъ забывать, что эти же языки обладаютъ и вообще столь великою образовательною силою, какал не присуща никакому другому учебному предмету.

Относительно важности и полезности, для всякаго образованнаго человѣка, изученія логики и особенно теоріи познанія, онъ вполне раздѣляетъ вышеизложенное мнѣніе д-ра Шеллена въ Кѣльнѣ, и въ этомъ изученіи видитъ одно изъ лучшихъ средствъ противъ современнаго матеріализма.

Бесѣда съ г. Ле-Роа произвела на меня самое пріятное впечатлѣніе и была тѣмъ болѣе полезна, что онъ сообщилъ мнѣ множество свѣдѣній какъ объ устройствѣ бельгійскихъ учебныхъ заведеній, такъ и о лицахъ, къ коимъ мнѣ предстояло обратиться не только въ Люттихѣ, но и въ Брюсселѣ и даже въ Парижѣ. При этомъ онъ подарилъ мнѣ исторію Люттихскаго университета, изданную имъ въ 1869 году по поводу 50-ти лѣтняго юбилея этого университета, подъ заглавіемъ: „Liber memorialis. L'université de Liège depuis sa fondation“. Это трудъ весьма обширный (слишкомъ 50 листовъ большаго формата), содержащій подробный біографическій словарь всѣхъ преподавателей Люттихскаго университета, умершихъ и нынѣ живущихъ, и исторію этого учрежденія во всѣхъ его частяхъ. Одну изъ этихъ частей составляетъ Люттихскій политехнический институтъ, носящій названіе „училище искусствъ, мануфактуръ и горной техники, состоящее при Люттихскомъ университетѣ“. (Ecole des arts et manufactures et des mines, annexée à l'université de Liège).

Люттихскій политехнический институтъ.

Это училище находится въ живой связи съ университетомъ, не только потому, что оно помѣщается въ одномъ съ нимъ зданіи, но что профессора обоихъ учреждений одни и тѣже, и правительственный администраторъ (administrateur-inspecteur) университета вмѣстѣ съ тѣмъ — директоръ политехническаго института. И хотя 15 лѣтъ эту должность занималъ не техникъ, но историкъ — недавно умершій

г. Поленъ (Polain), однако подчиненіе Люттихскаго политехническаго института университетскому начальству не только не имѣло послѣдствіемъ односторонняго теоретическаго направленія въ преподаваніи, но смѣло можно сказать, что это направленіе въ свой практичности не уступаетъ ни одному изъ политехническихъ училищъ нѣмецкихъ или французскихъ, а механическое отдѣленіе Люттихскаго института даже обладаетъ машинною мастерскою, гдѣ воспитанники сами работаютъ и *на дѣлѣ* изучаютъ машиностроеніе, чего нѣтъ ни во французскихъ, ни въ нѣмецкихъ *высшихъ* политехническихъ училищахъ. Въ вышепомянутомъ историческомъ сочиненіи г-на Ле-Роа (стр. 1.013—1.048) подробно изложены постепенныя улучшенія въ устройствѣ Люттихскаго училища, изъ коихъ отмѣчу слѣдующія: въ 1863 году введено спеціальное преподаваніе машиностроенія¹⁾; въ 1864 году учреждена особая лабораторія для производства самостоятельныхъ химическихъ изслѣдованій отличнѣйшими учениками; въ 1867 году введено преподаваніе желѣзнодорожной техники и т. д.

Люттихскій институтъ состоитъ изъ трехъ главныхъ отдѣленій, которыя называются: 1) пригготовительное училище; 2) спеціальное горное училище, и 3) спеціальное училище искусствъ и мануфактуръ. Последнее подраздѣляется на отдѣлъ собственно искусствъ и мануфактуръ (section des arts et manufactures), и отдѣлъ для механиковъ.

Курсъ *приготовительнаго* училища продолжается: 1) для горнаго отдѣла два года; 2) для отдѣла искусствъ и мануфактуръ и 3) для отдѣла механики по одному году.

Курсъ *спеціальныхъ* училищъ: для 1-го отдѣла—три года; для 2-го отдѣла—три года; для 3-го отдѣла—два года. Такимъ образомъ полный курсъ ученія горныхъ инженеровъ продолжается пять лѣтъ; гражданскихъ инженеровъ искусствъ и мануфактуръ (т. е., фабрикантовъ)—четыре года, и гражданскихъ инженеровъ-механиковъ—три года.

Приготовительный курсъ горныхъ инженеровъ потому продолжается два года, что отъ нихъ требуются такія познанія изъ высшей математики, какихъ не требуется отъ фабрикантовъ и механиковъ. Даже при вступительномъ экзаменѣ въ приготовительный отдѣлъ *юрнаго* училища требуются болѣе обширныя познанія изъ математики, чѣмъ для приготовительнаго класса прочихъ отдѣленій,

¹⁾ Почти въ то же время, въ 1864 году, введено въ Берлинѣ преподаваніе пневматики, какъ выше было указано.

какъ видно изъ ниже помѣщенной сравнительной таблицы, которой считаю, однако, необходимымъ предпослать краткое объясненіе способа, какимъ производятся экзамены или, точнѣе сказать, какимъ оцѣниваются познанія испытуемыхъ на экзаменахъ въ специальныхъ училищахъ (по крайней мѣрѣ высшихъ) въ Бельгіи и Франціи. Этотъ способъ, который можно бы назвать способомъ коэффиціентовъ, состоитъ въ томъ, что каждому предмету, смотря по большей или меньшей его важности при данномъ экзаменѣ, присвоивается особое число единицъ или долей (точекъ, points), служащее коэффиціентомъ, на который множится число балловъ, полученное испытуемымъ изъ подлежащаго предмета. Такъ, на примѣръ, для техника, коего ближайшая специальность химія, эта наука считается втрое важнѣе, чѣмъ для механика, и потому коэффиціентъ химіи на экзаменѣ инженера искусствъ и мануфактуръ = 30, на экзаменѣ инженера - механика = лишь 10, такъ, что если оба получаютъ по 5 балловъ, то первому зачтется 150 долей, послѣднему только 50. Такъ какъ здѣсь важна лишь относительная величина коэффиціентовъ, то абсолютную величину ихъ назначаютъ обыкновенно такую, чтобы ихъ итогъ былъ = 100 или 50.

Экзаменъ для поступающихъ въ приготовительное отдѣленіе горнаго отдѣла отличается отъ экзамена поступающихъ въ прочіе отдѣлы тѣмъ, что, сверхъ общихъ для обѣихъ категорій предметовъ, кандидаты горнаго отдѣла испытываются изъ *сферической* тригонометріи, аналитической и начертательной геометріи. При этомъ, по программѣ текущаго года, установлены слѣдующіе коэффиціенты разныхъ предметовъ на экзаменахъ для поступленія: а) въ отдѣлы искусствъ и мануфактуръ и механики и б) въ отдѣлъ горный.

	Коэффиціенты	
	а.	б.
1) Языкъ французскій	20	20
2) „ латинскій, фламандскій, нѣмецкій или англійскій	12	12
3) Исторія и географія.	8	8
4) Ариѳметика.	12	10
5) Алгебра	12	10
6) Геометрія	18	14
7) Тригонометрія (для б и сферическая).	8	6
8) Геометрія аналитическая	—	10
9) „ начертательная.	—	4
10) Рисованіе и черченіе	10	6
Итого.	100	100

Такъ какъ высшій баллъ въ Бельгiи обыкновенно = 20, то на экзаменѣ никакъ нельзя получить болѣе чѣмъ $20 \times 100 = 2.000$ долей, изъ коихъ для поступленія необходимо имѣть $\frac{3}{5}$ или 1.200. Кромѣ того, наблюдается: 1) по отдѣлу *a*, чтобы число долей по №№ 1, 2 и 3, взятымъ вмѣстѣ, было не менѣе средняго (*la moyenne des points*) или половины полнаго числа, то-есть, не менѣе $\frac{40 \times 20}{2} = 400$; точно также по №№ 4 и 5, ($\frac{24 \times 20}{2} = 240$), а равно и по №№ 6 и 7, ($\frac{26 \times 20}{2} = 260$). 2) По отдѣлу *b* требуется также среднее число по №№ 1, 2 и 3 вмѣстѣ, а также по №№ 4, 5, 6 и 8-му.

На переводныхъ и выпускныхъ экзаменахъ требуется среднее число по всѣмъ предметамъ вмѣстѣ, то-есть, 50% или 500 изъ 1.000 долей, для полученія аттестаціи *удовлетворительной* (*satisfaisante*); 680 изъ 1.000 для отличія (*distinction*), 780 для большаго отличія (*grande distinction*) и 860 для наибольшаго отличія (*la plus grande distinction*).

Профессоровъ при Люттихскомъ политехническомъ училищѣ около 14-ти и столько-же репетиторовъ. Большинство профессоровъ состоятъ вмѣстѣ и при университетскомъ факультетѣ наукъ, соответствующемъ нашему физико-математическому факультету. Число студентовъ въ 18⁷⁰/₇₁ году было 246, а въ 18⁷¹/₇₂ году 220 человекъ.

Предметы обученія по программѣ 1873 года слѣдующіе:

а) въ училищѣ искусствъ и мануфактуръ: *въ приготовительномъ классѣ*: элементы анализа, элементарная механика, физика, химія, работы въ химической лабораторіи, начертательная геометрія и черченіе; *въ 1-мъ классѣ*: прикладная начертательная геометрія, прикладная механика, промышленная физика, минералогія, пробирное искусство, работы въ лабораторіи, черченіе, языки англійскій и нѣмецкій; *во 2-мъ классѣ*: геологія, промышленная химія, часть металлургіи и горной техники, черченіе, языки англійскій и нѣмецкій; *въ 3-мъ классѣ*: окончаніе металлургіи и горной техники, топографія, промышленная архитектура, ученіе о желѣзныхъ дорогахъ, промышленная экономія, законы о горнозаводствѣ и промышленности, черченіе, проектированіе заводовъ, посѣщеніе и описаніе горныхъ заводовъ, работы въ химической лабораторіи, языки англійскій и нѣмецкій.

б) въ училищѣ механиковъ: *въ приготовительномъ классѣ*: то же, что въ отдѣленіи искусствъ и мануфактуръ; только химія и работы

въ лабораторіи замѣнены работами въ механической мастерской, и сверхъ того преподается дифференціальное и интегральное исчисленіе; *въ 1-ю классъ*: прикладная начертательная геометрія, прикладная механика, промышленная физика, неорганическая химія, черченіе машинъ, работы въ мастерской, машиностроеніе, языки англійскій и нѣмецкій; *во 2-ю классъ*: промышленная архитектура, топографія, ученіе о желѣзныхъ дорогахъ, проектированіе машинъ, машиностроеніе, работы въ мастерской, черченіе, промышленная экономія, промышленные законы, языки англійскій и нѣмецкій.

в) въ горномъ училищѣ *въ спеціальныхъ классахъ* тѣ же предметы, что и въ отдѣленіи искусствъ и мануфактуръ, но приготовительный курсъ, какъ уже выше упомянуто, продолжается два года. Въ немъ проходится *въ теченіе 1-го юда*: высшая алгебра, аналитическая геометрія въ пространствѣ, начертательная геометрія, дифференціальное и интегральное исчисленіе, элементарная физика, черченіе и эпюры начертательной геометріи; письменныя упражненія (сочиненія) на французскомъ языкѣ; *во 2-й юдъ*: приложенія начертательной геометріи къ разрѣзкѣ камней, къ ученію о перспективѣ и тѣняхъ и т. д., аналитическая механика, элементарныя свѣдѣнія изъ астрономіи и геодезіи, общая химія, работы въ лабораторіи, эпюры прикладной начертательной геометріи, языки англійскій и нѣмецкій.

Преподаваніе распредѣлено такимъ образомъ, что большею частію утромъ, въ промежутковъ между 8 часами и 1 часомъ по полудни, читаются двѣ полутора-часовыя лекціи профессорами изъ главныхъ предметовъ, остальное время какъ до 1 часа, такъ и отъ 3 до 6 часовъ послѣ обѣда посвящено частію практическимъ занятіямъ самихъ студентовъ, частію занятіямъ съ репетиторами, которые въ Бельгіи, какъ и во Франціи, играютъ весьма важную роль при преподаваніи. Они обязаны объяснять учащимся болѣе подробно то, о чемъ профессора не имѣли времени достаточно распространиться, наблюдать за работами и дѣлать репетиціи. Вообще студенты подлежатъ строгому контролю какъ относительно посѣщенія лекцій, такъ и относительно занятій и работъ. Въ репетиторы избираются люди, вполне обладающіе своимъ предметомъ. — Я познакомился съ репетиторомъ химіи, г. Франкеномъ, который, за отсутствіемъ профессора, обязательно предложилъ мнѣ свое руководство для осмотра лабораторіи и другихъ частей училища. Онъ завѣдываетъ также химическими работами и издастъ очень хорошее руководство къ химіи.

Еще я познакомился съ бывшимъ репетиторомъ, нынѣ профессоромъ начертательной геометріи Шмидтомъ, издающимъ весьма замѣчательный учебникъ по этому предмету. Этотъ ученый еще съ 1840 года началъ излагать въ Люттихѣ аксонометрическіе способы проекцій, слѣдовательно, за четыре года до выхода въ свѣтъ извѣстнаго сочиненія Вейсбаха.

Изъ учебныхъ пособій при училищѣ находится довольно полный физическій кабинетъ; лабораторіи довольно обширны, но не совсѣмъ удобны по своему расположенію, нѣсколько разбросанному. Минералогическій кабинетъ очень богатъ, но за недостаткомъ мѣста не весь разобранъ; такъ и механической кабинетъ частію помѣщается еще на чердакѣ. Самая замѣчательная принадлежность института есть механическая мастерская, помѣщаемая въ особомъ флигелѣ, на постройку коего въ 1838 году городъ Люттихъ пожертвовалъ 125.000 фр.; провинціальный совѣтъ въ томъ же году пожертвовалъ 28.000 фр. на покупку машинъ, необходимыхъ для мастерской. Она состоитъ изъ двухъ довольно обширныхъ помѣщеній, снабженныхъ машинами и орудіями, необходимыми для машиностроенія, какъ-то: паровую машину, строгальную машину, токарными станками и т. д.

Эта мастерская отдается правительствомъ по условію на извѣстное число лѣтъ въ распоряженіе образованнаго механика, получающаго 1.500 фр. жалованья и право пользоваться мастерскою и находящимися въ ней машинами и орудіями. Въ замѣнъ того онъ обязанъ, непрерывно и на свой счетъ, производить работы по постройкѣ разныхъ, въ томъ числѣ и большихъ, машинъ по заказамъ постороннихъ лицъ, и притомъ постепенно приучать воспитанниковъ механическаго отдѣла ко всѣмъ практическимъ работамъ механика и строителя машинъ.

При другомъ правительственномъ въ Вельгін университетѣ, то-есть, Гентскомъ, учреждена также спеціальная школа, но она менѣе значительна, чѣмъ Люттихская. Она состоитъ изъ трехъ отдѣловъ, называемыхъ также училищами: 1) приготовительное (Ecole préparatoire) съ двухлѣтнимъ курсомъ для гражданскихъ инженеровъ, и одногодичнымъ для инженеровъ искусствъ и мануфактуръ или индустриальныхъ; 2) училище гражданскихъ инженеровъ (Ecole spéciale du génie civil) съ трехлѣтнимъ курсомъ, для образованія инженеровъ путей сообщенія и архитекторовъ; 3) училище искусствъ и мануфактуръ (Ecole spéciale des arts et manufactures) съ двухлѣтнимъ кур-

сомъ, для образованія инженеровъ промышленности или фабрикантовъ (*ingénieurs industriels*).

Изъ двухъ свободныхъ бельгійскихъ университетовъ Лёвенскій (католическій) открылъ спеціальную школу еще въ 1865 году; при Брюссельскомъ подобная школа должна была открыться лишь въ октябрѣ 1873 года.

Осмотрѣвъ еще, кромѣ политехническаго училища, королевскій атеней, я отправился ¹⁶/₂₈ іюня въ Брюссель, гдѣ въ тотъ же день былъ у главнаго директора народнаго просвѣщенія (*directeur général de l'instruction publique*) г. Совёра, который съ большою готовностію обѣщаль доставить мнѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія о народномъ просвѣщеніи въ Бельгii. Между тѣмъ я сталъ посѣщать разныя спеціальныя училища, и узнать слѣдующее объ организаціи этихъ училищъ:

Для средняго спеціальнаго образованія въ Бельгii существуютъ 2 разряда школъ: 1) собственно такъ-называемыя среднія школы (*Ecoles moyennes*), и 2) промышленныя отдѣленія королевскихъ атенеевъ, — то-есть, гимназій — (*Sections professionnelles des athénées moyennes*) ¹⁾.

Среднія школы.

Среднія школы составляютъ низшую степень спеціальныхъ училищъ; въ нихъ преподаются:

1) Законъ Божій. 2) Языкъ французскій. 3) Языкъ фламандскій или нѣмецкій. 4) Исторія и географія. 5) Математика: а) ариметика; б) алгебра до уравненій 1-й степени включительно; в) геометрія съ приложеніемъ ея началъ къ искусствамъ, къ землемѣрію и съемкѣ плановъ. 6) Естественныя науки: а) свѣдѣнія изъ зоологii и ботаники; б) физика; в) химія съ производствомъ опытовъ для ознакомленія воспитанниковъ со свойствами и способами приготовленія веществъ, наиболѣе употребительныхъ въ промышленности. 7) Коммерческія науки: бухгалтерія простая и двойная и коммерческое письмоводство съ практическими упражненіями; торговые законы. 8) Рисованіе, чер-

¹⁾ Подъ названіемъ промышленныхъ училищъ (*ecoles industrielles*) въ Бельгii существуетъ около двадцати школъ, въ коихъ молодые рабочіе, а иногда и взрослые, въ свободныя отъ работъ часы (большею частію вечеромъ) обучаются въ продолженіе 2 до 4 лѣтъ прикладной математикѣ, физикѣ, химii, механикѣ, черченію, причемъ всегда обращается вниманіе на мѣстныя отрасли промышленности, такъ что эти школы не имѣютъ общей программы, цѣль же ихъ заключается въ сообщеніи нѣкотораго научнаго образованія рабочимъ.

ТЕХНИЧЕСКІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ ЕВРОПѢ.

ченіе и чистописаніе. 9) Пѣніе (по 2 часа) и гимнастика (по 3 часа въ недѣлю).

Для поступленія въ среднія школы требуется: 1) возрастъ не менѣе десяти лѣтъ; 2) умѣнье читать и писать довольно правильно подъ диктовку; 3) четыре правила ариметики надъ цѣлыми числами; 4) знаніе законныхъ вѣсовъ и мѣръ; 5) начала французской грамматики до спряженій включительно; 6) элементы нѣмецкаго или фламандскаго языка, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эти языки въ общемъ употребленіи.

Курсъ ученія продолжается три года, и учебные предметы распределены въ трехъ классахъ слѣдующимъ образомъ:

Предметы.	Классы.			ВСЕГО.
	1-й.	2-й.	3-й.	
1) Законъ Божій.	2	2	2	6
2) Языкъ французскій	10	8	8	26
3) > фламандскій или нѣмецкій ¹⁾	4	4	3	11
4) Исторія и географія	2	2	3	7
5) Математика	6	6	6	18
6) Естественныя науки	—	1	2	3
7) Коммерческія науки	—	2	2	4
8) Рисованіе и черченіе.	3	3	3	9
9) Чистописаніе	4	3	2	9
Итого	31	31	31	93

Въ послѣднемъ трехгодичномъ отчетѣ министерства о среднемъ обученіи въ Бельгіи, изданномъ въ 1871 году, говорится о среднихъ училищахъ, что результаты преподаванія предметовъ, входящихъ въ ихъ программу, весьма удовлетворительны. По классу отечественнаго языка успѣхи болѣе замѣтны относительно грамматики, чѣмъ относительно сочиненій, что и естественно, ибо послѣднія требуютъ гораздо большаго умственнаго развитія. Замѣчательны успѣхи по разнымъ

¹⁾ Обязательно лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ одинъ изъ этихъ языковъ въ общемъ употребленіи.

отраслямъ математики. Ариѳметическія правила прилагаются къ задачамъ практическимъ, наибаче представляющимъ въ обиходной жизни. На урокахъ геометріи учениковъ знакомятъ съ формулами, употребляемыми при рѣшеніи задачъ, относящихся къ промышленности, искусствамъ, землѣмѣрю, сѣмѣмъ плановъ. Съ большою охотою ученики изучаютъ бухгалтерію, причемъ практическія упражненія служатъ имъ вмѣстѣ для улучшенія почерка.

При многихъ изъ среднихъ школъ находится еще приготовительное отдѣленіе изъ двухъ классовъ съ 4-лѣтнимъ курсомъ, куда принимаются дѣти шестилѣтняго возраста. Всѣхъ среднихъ школъ въ Бельгіи: а) содержимыхъ правительствомъ — 50, въ нихъ было въ 1870 году 2.800 учениковъ, кромѣ приготовительныхъ отдѣленій, въ коихъ было 5.600, всего 8.400; б) содержимыхъ общинами, большею частію съ пособіемъ отъ казны — 16, въ нихъ учениковъ 670, а въ приготовительныхъ классахъ 1.470, всего 2.140 учениковъ.

Промышленные отдѣленія королевскихъ атенеевъ.

Высшую степень среднихъ спеціальныхъ училищъ составляютъ промышленныя отдѣленія королевскихъ атенеевъ. Ихъ существуетъ въ Бельгіи десять, и они въ 1870 году имѣли 1.750 учениковъ; 17 общественныхъ коллегій, получающихъ вспомошествованіе отъ правительства, имѣли въ томъ же году въ промышленныхъ отдѣленіяхъ 495, а 7 коллегій іезуитовъ — 905 учениковъ. Если эти *отдѣленія* помѣщены не вмѣстѣ съ гуманистическими отдѣленіями атенеевъ, но въ особыхъ зданіяхъ, то ихъ называютъ обыкновенно *промышленными атенеями*. Въ обоихъ случаяхъ учебные предметы въ нихъ слѣдующіе: 1) Законъ Божій. 2) Риторика и французскій языкъ, а равно фламандскій или нѣмецкій въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ одинъ изъ этихъ языковъ въ общемъ употребленіи, и языкъ англійскій. 3) Математика элементарная и, сверхъ того, аналитическая и начертательная геометрія, сферическая тригонометрія, съ приложеніями ихъ къ искусствамъ, промышленности и торговлѣ. 4) Основанія физики, механики, химіи, естественной исторіи и астрономіи. 5) Бухгалтерія, начала торговаго права и политической экономіи. 6) Элементы исторіи и новѣйшей географіи, въ особенности Бельгіи; свѣдѣнія о конституціонныхъ и административныхъ учрежденіяхъ. 7) Рисованіе, черченіе и чистописаніе, пѣніе и гимнастика.

Для поступленія въ низшій или первый классъ, называемый при-

готовительнымъ ¹⁾, требуется 10-лѣтній возрастъ и тѣ же познанія, какъ для поступленія въ среднія школы.

Курсъ ученія продолжается 6 лѣтъ, но до высшихъ классовъ доходитъ лишь незначительное число учениковъ. По этому поводу въ вышеупомянутомъ отчетѣ сказано въ объясненіе устройства промышленнаго отдѣленія атенеевъ:

„Этотъ фактъ ²⁾ проявился и въ промышленныхъ отдѣленіяхъ огромною и рѣзкою разницею между количествомъ воспитанниковъ въ высшихъ и низшихъ классахъ. Изъ этого можно заключить, что $\frac{5}{6}$ изъ воспитанниковъ тѣхъ отдѣленій принадлежатъ къ семействамъ, желающимъ какъ можно скорѣе извлекать пользу изъ работы своихъ дѣтей. Въ предвидѣніи того, что случилось, промышленное отдѣленіе было раздѣлено на два отдѣла: низшій, заключающій въ себѣ первые четыре класса, и высшій—состоящій изъ пятого и шестаго классовъ. Въ низшемъ отдѣлѣ математика преподается преимущественно съ цѣлю практической и прикладной. Въ 3-мъ и 4-мъ классахъ воспитанники обучаются бухгалтеріи, въ 4-мъ имъ сообщаются свѣдѣнія изъ зоологіи и ботаники; тамъ же они приступаютъ къ физикѣ. Тѣ, кто оставляетъ ученіе, пройдя четыре класса низшаго отдѣла, тѣмъ не менѣе выносятъ изъ атенеевъ такія научныя свѣдѣнія, безъ которыхъ въ наше время не можетъ обойтись образованный челоуѣкъ“.

„Воспитанники, поступающіе въ высшій отдѣлъ, распадаются на двѣ группы и составляютъ: одни—отдѣлъ научный, другіе — отдѣлъ промышленный и торговый. Послѣдніе доканчиваютъ курсъ физики и приступаютъ къ курсу химіи, продолжающемуся два года; они изучаютъ высшія коммерческія науки, вопросы торговые и торговое право, политическую экономію, коммерческую и промышленную географію и исторію Бельгіи. Для нихъ изученіе математики уже прекратилось. Но въ отдѣлѣ научномъ изученіе математики продолжается съ цѣлю подготовить молодыхъ людей къ экзамену для поступленія въ училища: горное, искусствъ и мануфактуръ, гражданскихъ инженеровъ и военное. Воспитанники этого отдѣла получаютъ болѣе глубокое и обширное научное образованіе. Въ продолженіе послѣдняго года они повторяютъ ариметику и пополняютъ изуче-

¹⁾ Classe préparatoire; слѣдующіе затѣмъ классы называются: 5-й, 4-й, 3-й, 2-й, 1-й. По нашему обычаю, я буду ихъ называть въ обратномъ порядкѣ: 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ, 4-мъ, 5-мъ и 6-мъ.

²⁾ То-есть, постепенное уменьшеніе числа учениковъ по мѣрѣ перехода ихъ въ высшіе классы.

ніе алгебры и геометріи; имъ преподается курсъ аналитической геометріи и сообщаются достаточныя свѣдѣнія изъ начертательной геометріи, къ чему прибавляется необязательный курсъ механики“.

Изложивъ, словами отчета, устройство промышленнаго отдѣленія атенеумъ, считаю нужнымъ сообщить и учебный планъ этихъ заведеній:

Предметы.	Отдѣленіе низшее.					Отдѣленіе высшее.					
	Классы.				Всего въ 4-хъ клас.	Отдѣлъ коммерческ. и промысл.			Отдѣлъ научный.		
	1.	2.	3.	4.		5.	6.	Всего въ 6 класс.	5.	6.	Всего въ 6 кл.
1) Законъ Божій	2	2	2	2	8	2	2	12	2	2	12
2) Языкъ французскій . . .	9	8	6	6	29	5	6	40	5	6	40
3) » фламандскій	3	2	2	2	9	2	2	13	2	2	13
4) » нѣмецкій	—	4	4	3	11	2	2	15	2	2	15
5) » англійскій	—	—	2	2	4	3	3	10	3	3	10
6) Исторія и географія . . .	2	2	2	3	9	2	2	13	2	2	13
7) Математика	5	5	5	5	20	—	—	20	5	6	31
8) Физика	—	—	—	2	2	2	—	4	2	—	4
9) Химія	—	—	—	—	—	4	4	8	—	—	—
10) Естественная исторія . .	—	—	—	2	2	—	—	2	—	—	2
11) Астрономія	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	1
12) Механика (необязательно)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2
13) Начертательная геометрія	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2
14) Бухгалт. и письмоводство . .	—	—	3	2	5	—	—	5	—	—	5
15) Коммерческія науки . . .	—	—	—	—	—	5	3	8	—	—	—
16) Политическая экономія . .	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—
17) Числоисаніе	6	2	2	—	10	—	—	10	—	—	10
18) Рисованіе и черченіе . . .	2	4	4	3	13	3	4	20	5	5	23
Итого	29	29	32	32	122	30	31	183	28	33	183

Относительно преподаванія языковъ слѣдуетъ замѣтить, что распредѣленіе, обозначенное въ этой таблицѣ, относится къ провинціямъ съ фламандскимъ населеніемъ; въ остальныхъ же (валлонскихъ) на французскій языкъ положено въ 1-мъ классѣ 12 часовъ, вмѣсто 9-ти, но за то фламандскій языкъ начинается лишь со 2-го класса.

Преподаваніе химіи сопровождается работами учениковъ, на которыя обыкновенно употребляется половина всего времени, назначеннаго на этотъ предметъ, то-есть, по 2 часа въ недѣлю. Большею частію готовятъ тѣ вещества, о которыхъ преподаватель въ то же время читаетъ; анализовъ дѣлаютъ мало, за недостаткомъ времени; впрочемъ, ученики упражняются, по мѣрѣ возможности, въ титрованіи и преимущественно въ алкаиметриі. Въ Брюссельскомъ промышленномъ атенеѣ я видѣлъ цѣлую коллекцію препаратовъ, приготовленныхъ воспитанниками.

Инспекція атенеевъ.

Бельгійскіе атенеи подвергаются строгому контролю со стороны администраціи. Этотъ контроль ввѣренъ одному главному инспектору (*inspecteur général*) и двумъ инспекторамъ. Изъ послѣднихъ одинъ наблюдаетъ за ходомъ преподаванія гуманистическихъ предметовъ (*inspecteur pour les humanités*), другой—за преподаваніемъ математики и естественныхъ наукъ. Въ отношеніи администраціи и дисциплины контроль производится равно всѣми инспекторами. По закону, всѣ десять *казенныхъ* атенеевъ посѣщаются, по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ, *каждымъ* изъ инспекторовъ; остальные же равныя имъ училища также, по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, *однимъ* изъ этихъ чиновниковъ. И этотъ контроль производится весьма серьезно. Инспекторы постоянно въ разъѣздахъ, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться, познакомившись съ однимъ изъ нихъ, г. Дюмономъ, который, во время моего пребыванія въ Брюсселѣ, ежедневно ѣздилъ въ Антверпенъ и оставался тамъ все классное время. Онъ былъ такъ обязателенъ, что показывалъ мнѣ составляемыя имъ во время посѣщенія атенеи замѣтки, изъ коихъ было видно, что онъ предлагалъ ученикамъ вопросы по всѣмъ предметамъ обученія и дѣлалъ подробныя отмѣтки о ихъ успѣхахъ. Эти отмѣтки, по окончаніи ревизіи, представляются въ министерство.

Инспектора по части математики, г. Венсотта, я не видалъ, потому что онъ былъ въ отлучкѣ.

Какъ опредѣленіе и перемѣщеніе учителей атенеевъ и среднихъ школъ, такъ и всѣ вопросы о методахъ преподаванія и т. д., подлежатъ прерварительному обсужденію главнаго инспектора и того изъ инспекторовъ, до котораго данный вопросъ касается.

Кромѣ того, для совѣщаній по вопросамъ, касающимся народнаго просвѣщенія, въ Бельгіи существуютъ совѣты для усовершенствованія высшаго и средняго обученія (conseils de perfectionnement de l'enseignement supérieur et de l'instruction moyenne).

Нормальныя школы.

Для приготовленія учителей среднихъ училищъ и атенеевъ существуютъ особыя учебныя заведенія, называемыя нормальными школами средняго обученія низшей и высшей степени (Ecoles normales de l'enseignement moyen du degré inférieur et supérieur). И тѣхъ, и другихъ въ Бельгіи по двѣ: низшей степени—въ Нивеллѣ и Брюгге; высшей степени, то-есть, для учителей атенеевъ—въ Люттихѣ и Гентѣ.

Изъ послѣднихъ Люттихская нормальная школа (Ecole normale des humanités) приготовляетъ учителей по предметамъ гуманистическимъ—языкамъ древнимъ и французскому, по исторіи и географіи; Гентская нормальная школа (Ecole normale des sciences), состоящая въ связи съ тамошнимъ университетомъ, готовитъ способныхъ молодыхъ людей къ должностямъ учителей наукъ, преподаваемыхъ въ атенеяхъ. Такъ какъ въ этой школѣ подготавливаются учителя по специальнымъ предметамъ и для *промышленныхъ* отдѣленій атенеевъ, то считаю необходимымъ сообщить объ ней нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія.

Для поступленія въ Гентскую нормальную школу наукъ нужно выдержать вступительный экзаменъ, къ коему допускаются молодые люди отъ 18 до 23 лѣтъ, выдержавшіе испытаніе изъ предметовъ гимназическаго курса (gradués en lettres). Это условіе устраняетъ отъ поступленія въ школу всѣхъ, не получившихъ классическаго образованія, ибо степень gradué en lettres обусловливается выдержаніемъ экзамена изъ языковъ латинскаго, греческаго, французскаго и фламандскаго или нѣмецкаго, изъ геометріи и изъ алгебры до уравненій второй степени включительно.

Вступительный экзаменъ производится изъ ариѳметики, геометріи, прямолинейной тригонометріи, алгебры, аналитической геометріи, французскаго языка и литературы и изъ рисованія.

Курсъ ученія продолжается три года и заключаетъ слѣдующіе предметы:

I. Въ первомъ классѣ:

1) Психологія и логика; 2) алгебраическій анализъ; 3) аналитическая геометрія; 4) начала начертательной геометріи; 5) экспериментальная физика; 6) ботаника; 7) упражненія въ элементарной математикѣ; 8) рисованіе и черченіе.

II. Во второмъ классѣ:

1) Дифференціальное исчисленіе и 1-я часть интегральнаго; 2) статика; 3) начертательная геометрія; 4) методологія математики; 5) химія неорганическая и органическая; 6) минералогія; 7) упражненія въ элементарной и высшей математикѣ; 8) рисованіе и черченіе.

III. Въ третьемъ классѣ:

1) Интегральное исчисленіе (2-я часть), исчисленіе вариационное и вѣроятностей; 2) рациональная механика; 3) начала астрономіи; 4) начала геологіи; 5) зоологія; 6) практическія химическія работы; 7) приемы употребленія физическихъ инструментовъ; 8) упражненія въ преподаваніи; 9) упражненія въ интегральномъ исчисленіи и механикѣ.

Въ концѣ каждаго года воспитанники подвергаются экзамену; не выдержавшіе переводнаго экзамена во 2-й классъ исключаются изъ школы, въ которую вообще принимается лишь очень ограниченное число воспитанниковъ, опредѣляемое ежегодно министромъ по мѣрѣ надобности въ учителяхъ. Обыкновенно ихъ во всѣхъ курсахъ не болѣе 5-ти или 6-ти.

Кромѣ воспитанниковъ нормальной школы, къ экзамену на званіе учителя атенея допускаются также лица, выдержавшія, по крайней мѣрѣ за годъ передъ тѣмъ, экзаменъ на кандидата физико-математическихъ наукъ (Candidat en sciences physiques et mathématiques). А такъ какъ и сей послѣдній экзаменъ могутъ держать только бывшіе *gradués en lettres*, то и этимъ путемъ достигнуть учительскаго званія по спеціальнымъ предметамъ даже въ промышленныхъ атенеяхъ могутъ лишь лица, получившія классическое образованіе. Это заслуживаетъ вниманія въ особенности потому, что Бельгія есть та страна, въ которой промышленность развита и процвѣтаетъ болѣе, чѣмъ въ какомъ либо изъ прочихъ государствъ материка Европы.

Рисовальныя школы.

Не могу не упомянуть еще объ одномъ учрежденіи, принесшемъ огромную пользу бельгійской промышленности: это рисовальныя школы и академіи художествъ. Главное изъ этихъ учреждений есть академія художествъ въ Антверпенѣ, которая состоитъ подъ управленіемъ извѣстнаго живописца де-Кейзера, а въ числѣ членовъ своихъ считаетъ такихъ художниковъ, каковы: Галле и Вербукговенъ. Въ 1841 году ее посѣщали лишь 443 ученика; въ 1850 — 1.060; въ 1860—1.274; въ 1865—1.634; въ 1870—1.588. Изъ нихъ около половины занимаются орнаментальнымъ рисованіемъ; по промысламъ же наиболѣе крупную цифру составляютъ плотники и столяры, коихъ было съ 1860 — 1870 гг. ежегодно отъ 229 до 352; за ними слѣдуютъ живописцы-декораторы въ числѣ 100 до 144, потомъ уже живописцы — 72 до 84 ¹⁾; каменщики—64 до 90; архитекторы, скульпторы и т. д.

Кромѣ Антверпенской академіи, было рисовальныхъ школъ: въ 1840 году—37, съ 5.761 учениками; въ 1850—42, съ 6.302; въ 1860—44, съ 7.351; въ 1869 г. было 69 рисовальныхъ школъ съ 9.389 учениками. Въ Брюсселѣ такихъ школъ нѣсколько, содержимыхъ разными общинами или приходами (cantons) города. Къ сожалѣнію, во время моего пребыванія въ Брюсселѣ, въ этихъ школахъ не было ученія; тѣмъ не менѣе, я имѣлъ случай посѣтить одну изъ нихъ (помѣщаемую въ обширномъ зданіи, вмѣстѣ съ элементарною школою прихода St. Josse-ten-Noode), благодаря предупредительному вниманію учителя рисованія, г. Пайёна, который, не смотря на вакаціонное для этихъ школъ время, приѣхалъ нарочно съ дачи и показывалъ мнѣ работы учениковъ какъ по рисованію, такъ и по моделированію изъ глины и камнетесаю. По всѣмъ этимъ частямъ ученики достигаютъ замѣчательныхъ результатовъ, что г. Пайёнъ приписываетъ превосходству метода обученія рисованію своего учителя, г. Гендрякса; но съ этимъ мнѣніемъ далеко не всѣ согласны. Я бесѣдовалъ о методахъ обученія рисованію съ весьма компетентнымъ человѣкомъ, именно директоромъ художественныхъ учреждений въ Бельгіи, г. Ванъ-Сусть де-Боркенфельтомъ, который говоритъ, что вопросъ о тѣхъ методахъ разсматривается, но не рѣшенъ еще въ Бельгіи; по его же мнѣнію, рисованіе идетъ почти одинаково успѣшно при всѣхъ методахъ, лишь

¹⁾ Замѣчательно, что въ 1850 году живописцевъ было еще 171, но съ 1860 года не было болѣе 84-хъ.

бы учитель былъ способный и любящій свое дѣло. Последнее сго мнѣніе не могло бы найти себѣ лучшаго подтвержденія, какъ въ успѣхахъ учениковъ г. Пайдена, ибо трудно себѣ представить чело-вѣка, болѣе преданнаго своему дѣлу, какъ этотъ почтенный препода-ватель. Но нельзя не отдать и должной дани уваженія гражданамъ Брюсселя и другихъ городовъ Бельгіи, жертвующимъ значительныя суммы на содержаніе училищъ.

Выше я упомянулъ, что главный директоръ народнаго просвѣ-щенія, г. Совѣръ, обѣщался доставить мнѣ подробныя свѣдѣнія о на-родномъ образованіи въ Бельгіи. Г. Совѣръ нѣсколько знакомъ съ нашимъ отечествомъ, бывши въ С.-Петербургѣ на статистическомъ конгрессѣ. Онъ исполнилъ свое обѣщаніе самымъ щедрымъ обра-зомъ, снабдивъ меня не только множествомъ небольшихъ брошюръ о разныхъ отдѣльных предметахъ, но и слѣдующими значительными изданиями: 1) *Almanach royal officiel*. 2) *Annuaire statistique de la Belgique, 1872*. 3) *Discussion de la loi sur l'enseignement superieur en 1835*, 1 томъ въ большую 8^о и 1.400 стр. 4) Трехгодичные отчеты министра внутреннихъ дѣлъ ¹⁾ о народномъ образованіи: а) высшемъ, за 1859—61, 1865—70 г., 3 тома въ листъ; б) среднемъ, за 1861—69, 3 такіе же тома; в) низшемъ, за 1858—69 гг., 4 тома въ листъ.

Особенно интересно послѣднее изданіе, то-есть, отчеты о на-родномъ образованіи. Они заслуживаютъ подробнаго разсмотрѣнія тѣмъ болѣе, что въ нихъ содержатся не только всѣ законы и распо-ряженія по всѣмъ степенямъ народнаго образованія, но и свѣдѣнія о методахъ преподаванія и ихъ результатахъ, и общія обзоренія и рапорты даже о нѣкоторыхъ не бельгійскихъ училищахъ, изслѣ-дованныхъ разными лицами по порученію бельгійскаго правительства. Такъ, въ послѣднемъ отчетѣ о состояніи средняго обученія въ 1867 — 69 годахъ, изданномъ въ 1871 году, напечатаны, по поводу предполагавшагося тогда преобразованія атенеевъ, очень интересные рапорты о среднемъ образованіи во Франціи, Германіи и Голландіи. Послѣдній, написанный въ концѣ 1868 года г. Грейсономъ, секретаремъ совѣта для усовершенствованія средняго образованія, содержитъ весьма подробныя и любопытныя свѣдѣнія объ устройствѣ голланд-скихъ гимназій. При бѣгломъ просмотрѣ этого рапорта, мнѣ броси-

¹⁾ Въ Бельгіи къ министерству внутреннихъ дѣлъ относятся управленія на-роднымъ просвѣщеніемъ, художественными и земледѣльческими учрежденіями.

лось въ глаза то обстоятельство, что въ голландскихъ гимназіяхъ учебный планъ не вездѣ одинаковъ, но вообще отличается значительнымъ числомъ уроковъ, назначенныхъ на греческій языкъ, сравнительно съ латинскимъ. Въ двухъ гимназіяхъ, Гаагской и Лейварденской, на греческій языкъ положено даже 1-мъ часомъ болѣе, нежели на латинскій. Считаю не лишнимъ представить сущность выведеннаго въ рапортѣ г. Грейсона заключенія, въ коемъ онъ излагаетъ мнѣнія голландскихъ педагоговъ о классическомъ образованіи и объ отношеніяхъ его къ реальному и спеціальному. Они боялись, чтобы, при предстоявшемъ тогда преобразованіи бельгійскихъ атенеевъ, не было уменьшено значеніе классическаго курса ученія, что могло бы возбудить охоту къ подражанію и въ Голландіи. Соглашаясь, что въ наше время нужно расширить объемъ преподаванія повѣйшихъ языковъ и математики, всѣ они были убѣждены, что при этомъ, однако, классическій курсъ не только долженъ быть удержанъ, но даже усиленъ, посредствомъ увеличенія числа лѣтъ гимназическаго курса. Прусскій законъ 1819 года требуетъ, чтобы греческій языкъ былъ изучаемъ, какъ и латинскій, основательнымъ образомъ, не только какъ языкъ, пужный для каждаго ученаго, но какъ одно изъ средствъ, необходимыхъ для общаго и высокаго образованія. Есть возрастъ, въ которомъ воображеніе наиболѣе жаждетъ впечатлѣній: это возрастъ гимназиста. Возможно ли дать ему удовлетвореніе болѣе благородное, болѣе возвышенное, какъ посвященіе его въ тайны той поэзіи, того краснорѣчія Грековъ, которыя побудили Горанція сказать:

Graius ingenium. Graius dedit ore rotundo

Musa loqui

Ректоръ Лейварденской гимназіи сообщилъ г. Грейсону наблюденіе, сдѣланное профессорами точныхъ наукъ, что въ математикѣ почти всегда наиболѣе успѣваютъ тѣ воспитанники, которые прошли всѣ классы гимназіи. При этомъ онъ же припомнилъ извѣстный фактъ, что 19-го февраля 1852 года во Франціи студенты медицины были освобождены отъ предварительнаго экзамена на бакалавра словесности, но что уже черезъ шесть лѣтъ медицинскіе факультеты и знаменитѣйшіе врачи объявили, что умственный уровень медицинскаго сословія понизился. Почтенный ректоръ прочелъ затѣмъ г. Грейсону рапортъ министра Рулана, представленный имъ при проектѣ закона отъ 23-го августа 1858 года, коимъ было опредѣлено требовать по прежнему отъ студентовъ медицины представленія диплома бакалавра словесности.

Въ заключеніе своего рапорта, г. Грейсонъ приводитъ раздѣляемое и имъ мнѣніе того же ректора, что было бы желательно, чтобы всѣ, участвующіе въ управленіи дѣлами, представляли *одинаковыя* гарантіи умственной культуры.

То же мнѣніе высказалъ мнѣ и министръ, г. Делькуръ, которому я имѣлъ честь представиться передъ своимъ отъѣдомъ, чтобы засвидѣтельствовать передъ нимъ о моей благодарности къ г. Совѣру. Онъ прибавилъ, что и въ Бельгіи приходилось бороться противъ направленія, стремящагося къ ослабленію классическаго образованія, направленія, навѣваемаго изъ Франціи и усвоиваемаго, по выраженію г. министра, съ особеннымъ сочувствіемъ преимущественно матеріалистами.

III.

ФРАНЦІЯ.

^{31-го іюня}
_{3-го іюля} я выѣхалъ изъ Брюсселя и вечеромъ того же дня прибылъ въ Парижъ. Нигдѣ ознакомленіе съ разными учебными заведениями не сопряжено съ такими затрудненіями, какъ въ столицѣ Франціи, частію по обширности самаго города, частію потому, что училища подчинены разнымъ вѣдомствамъ.

Политехническая школа.

Во Франціи уже давно были заведены спеціальныя школы: такъ, съ 1747 года существовало училище гражданскихъ инженеровъ; съ 1748—училище военныхъ инженеровъ; съ 1756—артиллерійское и съ 1780 г. горное училище. Но революціонный погромъ разстроилъ всѣ эти заведенія, на мѣсто коихъ, по совѣту Монжа, Фуркроа и друг., національній конвентъ рѣшилъ учредить центральную школу публичныхъ работъ, получившую въ 1795 году названіе политехнической школы (Ecole polytechnique). Сначала она состояла изъ трехъ годичныхъ курсовъ и должна была замѣнить всѣ спеціальныя училища, которыя тогда были упразднены. Но вскорѣ эта мысль была оставлена, и политехническая школа получила организацію, которую она *въ сущности* сохранила и до настоящаго времени. Она вовсе не походитъ на высшія техническія училища, которыя существуютъ подъ тѣмъ же названіемъ въ Германіи, Швейцаріи и Австріи; но имѣетъ единственною задачей подготовленіе молодыхъ людей, оказавшихъ особенныя дарованія въ математикѣ и естественныхъ наукахъ, къ поступленію въ высшія спеціальныя училища, учрежденныя

для технической государственной службы, гражданской и военной. Для этой цѣли воспитанники занимаются весьма обширнымъ и подробнымъ изученіемъ чистой и прикладной математики, геометріи и физики; а сверхъ того, имъ дается общее техническое образование посредствомъ чтеній о химіи, механикѣ и т. д., причѣмъ они и практически занимаются черченіемъ, рисованіемъ и работами въ химической лабораторіи. Курсъ ученія продолжается два года, а приемный экзаменъ производится по конкурсу и съ необыкновенною строгостію, какъ это и не можетъ быть иначе при ограниченномъ числѣ учениковъ, принимаемыхъ въ школу, именно 120 ежегодно, тогда какъ желающихъ бываетъ очень много. Окончившіе курсъ въ политехнической школѣ и успѣшно выдержавшіе экзаменъ могутъ поступить въ любую изъ высшихъ специальныхъ школъ, гражданскихъ или военныхъ, и получаютъ отъ 100 до 150 франковъ ежемѣсячнаго содержанія. Изъ этихъ стипендіатовъ, и почти исключительно изъ нихъ, назначаются впоследствии чиновники по всѣмъ отраслямъ технической государственной службы, что составляетъ громадную выгоду для бывшихъ воспитанниковъ политехнической школы.

Изъ высшихъ специальныхъ училищъ въ Парижѣ особенно замѣчательны: училище путей сообщенія (Ecole des ponts et chaussées), горное училище (Ecole des mines) и центральное училище искусствъ и мануфактуръ (Ecole centrale des arts et manufactures). Первые два заведенія служатъ почти исключительно для подготовленія молодыхъ людей къ государственной службѣ по вѣдомствамъ путей сообщенія и горному; дѣятели же частной промышленности получаютъ высшее образование преимущественно въ центральномъ училищѣ.

Центральное училище искусствъ и мануфактуръ.

Это училище замѣчательно тѣмъ, что оно обязано своимъ существованіемъ частной инициативѣ. Оно было основано въ 1829 году молодыми тогда учеными Оливье, Пеклѣ и знаменитымъ химикомъ Дюма, при содѣйствіи богатаго капиталиста Лаваллѣ. Не смотря на сравнительную незначительность употребленнаго капитала (отъ 150 до 200.000 франковъ) и на страшное нашествіе холеры въ 1832 году, успѣхъ новой школы былъ самый блистательный, что зависѣло, конечно, отъ того, что она, съ одной стороны, отвѣчала дѣйствительной потребности, а съ другой — въ числѣ своихъ преподавателей могла указать на такихъ ученыхъ, какъ Бекерель, Броньяръ, Миальн-Эдвардсъ, Плузъ, Реньйо, Пайенъ, Пелиго, Пеклѣ и мн. др.

Въ 1857 году, по условію съ основателемъ г. Лаваллѣ, школа поступила въ казенное вѣдомство и была подчинена министерству торговли.

При самомъ основаніи, центральная школа имѣла уже 147 воспитанниковъ; во время холеры, въ 1832 году, число ихъ упало до 45; въ 1840 году было 125; въ 1845 — 152; съ 1853 — 1863 г. число воспитанниковъ колебалось между 200 и 220, а въ послѣдствіи доходило до 500 и, не смотря на высокую плату—800 франк. за одно лишь ученіе, ибо всѣ воспитанники приходящіе,—ежегодно является столько кандидатовъ, что часто приходится отказывать половинѣ желающихъ.

Кандидаты, какъ Французы, такъ и иностранцы, принимаются въ училище не иначе, какъ въ 1-й курсъ и по конкурсу, который назначается ежегодно два раза—въ началѣ и передъ концомъ вакаціоннаго времени, въ августѣ и октябрѣ. Испытанія при этомъ производятся письменныя и словесныя изъ слѣдующихъ предметовъ: 1) французскій языкъ; 2) ариметика; 3) геометрія; 4) алгебра до общей теоріи уравненій включительно; 5) прямолинейная тригонометрія; 6) аналитическая геометрія до общихъ понятій о поверхностяхъ, второго порядка включительно; 7) начала начертательной геометріи; 8) физика; 9) химія о металлоидахъ; 10) естественная исторія; 11) рисованіе и черченіе. Сверхъ того, испытуемый долженъ сдѣлать чертежъ архитектурный и эпюру по начертательной геометріи.

Курсъ ученія продолжается три года и на каждый предметъ определено известное число полутора-часовыхъ лекцій. По послѣдней программѣ, изданной въ 1867 году, предметы и лекціи распределены слѣдующимъ образомъ:

I. Первый годъ:

	Число лекцій.
1) Анализъ, дифференціальное и интегральное исчисленіе и общая механика	60
2) Начертательная геометрія.	60
3) Общая физика.	60
4) Общая химія	60
5) Кинематика ¹⁾	24

¹⁾ Въ концѣ программы кинематики упоминается о результатахъ трудовъ г. Чебышева о параллелограммахъ.

	Число лекцій.
6) Машиностроеніе	20
7) Гигіена и прикладная естественная исторія	20
8) Минералогія и геологія	30
9) Архитектура	10
10) Промышленное рисованіе и черченіе	20
Итого	364

Во 2-мъ и 3-мъ курсѣ много общихъ предметовъ, и потому ихъ удобнѣе сопоставить въ одной таблицѣ:

	Число лекцій.		
	2-го года.	3-го года.	ВСЕГО.
1) Прикладная механика	60	60	120
2) Сопротивленіе матеріаловъ при постройкѣ машинъ и зданій	24	—	24
3) Машиновѣдѣніе и машиностроеніе	60	55	115
4) Аналитическая химія	40	20	60
5) Химія промышленная и земледѣльческая	30	30	60
6) Металлургія общая и желѣзовѣдѣніе	20	60	80
7) Гражданскія и общественныя постройки, пути сообщеній	60	60	120
8) Промышленная физика	45	—	45
9) Промышленные законы	25	—	25
10) Гончарное и стеклянное производства	18	—	18
11) Красильное и набивное искусство	12	—	12
12) Горная техника	20	20	40
13) Паровыя машины	—	35	35
14) Желѣзныя дороги	—	40	40
15) Кораблестроеніе	—	25	25
Итого	414	405	819

Слушаніе всѣхъ этихъ лекцій одинаково обязательно для всѣхъ воспитанниковъ, къ какой бы спеціальности они себя ни предназначали; лишь при практическихъ работахъ въ 3-мъ курсѣ допускается нѣкоторая спеціализація, какъ ниже будетъ сказано. Этимъ центральная школа существенно отличается не только отъ нѣмецкихъ политехническихъ училищъ, гдѣ господствуетъ полная свобода ученія, но и отъ люттихскаго училища искусствъ и мануфактуръ, гдѣ учебный планъ механическаго отдѣла значительно разнится отъ прочихъ. Вотъ какимъ образомъ учредители центральной школы, еще въ первой своей программѣ, отзывались объ этой особенноти: „Всѣ учебные курсы училища въ сущности составляютъ лишь одинъ и тотъ же курсъ; промышленная наука одна; каждый промышленникъ долженъ знать ее цѣликомъ, подъ опасеніемъ отстать отъ конкурента, который вступитъ съ нимъ въ борьбу въ лучшемъ вооруженіи. Искусства, по видимому весьма отдаленныя другъ отъ друга, нуждаются иногда въ однородныхъ дѣйствіяхъ, а между тѣмъ часто употребляютъ весьма различные методы. Общее образованіе, даваемое въ центральной школѣ научаетъ вносить въ каждую отрасль промышленности усовершенствованные методы всѣхъ другихъ отраслей“. Въ 1864 году тогдашній директоръ училища, извѣстный инженеръ и писатель по части желѣзныхъ дорогъ г. Пердонне писалъ объ этомъ же вопросѣ слѣдующее: „Остается рѣшить вопросъ, хорошо ли обизывать учениковъ, какъ это дѣлается въ центральной школѣ, слушать всѣ курсы и подвергаться экзаменамъ изъ всѣхъ этихъ курсовъ, какая бы ни была ихъ спеціальность, — или же не лучше ли, какъ въ Германіи, требовать отъ учениковъ только слушанія курсовъ ихъ спеціальности? Этотъ вопросъ, безъ сомнѣнія, важенъ, и мы вполне понимаемъ, что мнѣнія о немъ различны. Взглянемъ на причины, побудившія центральную школу предпочесть первую систему.

„Можно сказать, что человекъ всю свою жизнь находится въ школѣ. Познаніи, приобретаемая имъ въ собственно такъ-называемыхъ школахъ, начальной, средней и высшей, въ дѣйствительности составляютъ лишь подготовку, болѣе или менѣе полную, къ тѣмъ познаніямъ, которыя онъ приобрететъ практикою въ продолженіе всей своей жизни.

„Въ школахъ начальныхъ или среднихъ образованіе должно быть вполне общее; въ школахъ, которыя однѣ заслуживаютъ названіе спеціальныхъ, каковы школы центральная, политехническая, юриди-

ческая, медицинская ¹⁾ и т. д., образование отчасти теряет характер общности, но все-таки сохраняет его въ известной степени, особенно въ школахъ центральной и политехнической, гдѣ по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ еще образовывать людей вполне спеціальныхъ, но людей способныхъ обнять совокупность спеціальностей, имѣющихъ между собою нѣкоторую связь. Такъ въ политехнической школѣ подготавливаются артиллерійскіе и инженерные офицеры, и точно также инженеры путей сообщеній и горные. Въ центральной школѣ должно образовывать людей способныхъ къ разнымъ отраслямъ промышленности. Училища вполне спеціальныя, вполне практическія для воспитанниковъ политехнической школы, суть училища Мецское (военное), горное и путей сообщенія; для воспитанниковъ же центральной школы таковыми училищами должны быть верфи, постройки, мастерскія.

„Основатели центральной школы, въ вышеприведенномъ мѣстѣ своей первой программы, вѣрно указали на тѣсную связь между всѣми отраслями промышленности и на необходимость изучить ихъ всѣ, по крайней мѣрѣ съ известной общей точки зрѣнія, даже для тѣхъ, кто будетъ заниматься лишь одною изъ этихъ отраслей. И такъ не безъ важныхъ причинъ они, съ самаго начала, обязывали своихъ воспитанниковъ слѣдить за всѣми лекціями.

„Чтобъ убѣдиться въ основательности ихъ мысли, стоитъ только обратить вниманіе на различныя спеціальности, избранныя нашими воспитанниками. Оказывается, что изъ 1147 воспитанниковъ (о дальнѣйшей судьбѣ конхъ можно было имѣть свѣдѣнія) 293 съ успѣхомъ перемѣнили свою спеціальность.

„Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ для опредѣленія подобнымъ образомъ результатовъ обученія въ политехническихъ училищахъ Германіи и для сравненія ихъ съ результатами обученія въ нашей школѣ“.

Кромѣ слушанія вышеозначенныхъ лекцій, воспитанники центральной школы обязаны еще заниматься слѣдующими практическими работами.

1-й годъ:

- 1) Упражненія въ производствѣ химическихъ и физическихъ опытовъ.

¹⁾ Во Франціи юридическіе и медицинскіе университетскіе факультеты также называются школами.

2) Рисованіе и черченіе: а) промышленное; б) архитектурное; в) топографическое; г) эшюры начертательной геометріи, какъ теоретической, такъ и прикладной, въ примѣненіи къ перспективѣ, тѣ-пямъ, разрѣзкѣ камней и т. д.

3) Рѣшеніе задачъ, относящихся къ дифференціальному и интегральному исчисленію, къ общей механикѣ и физикѣ.

Въ продолженіе года каждый воспитанникъ подвергается частному экзамену, или репетиціи приблизительно 1 разъ въ недѣлю, но изъ разныхъ предметовъ не одинаково часто, а именно:

Изъ дифференціального и интегральнаго исчисленія	въ годъ 3	раза.
„ общей механики	„ „ 3	„
„ начертательной геометріи	„ „ 5	„
„ общей физики	„ „ 5	„
„ „ химіи	„ „ 6	„
„ минералогіи и геологіи	„ „ 2	„
„ кинематики	„ „ 2	„
„ машиностроенія.	„ „ 1	„

Кромѣ этихъ частныхъ экзаменовъ, въ концѣ года сами профессора подвергаютъ каждаго воспитанника общему экзамену изъ всего ими пройденнаго.

Въ теченіе вакацій послѣ перваго учебнаго года, воспитанники должны снимать чертежи со строеній и машинъ и написать разсужденіе о вопросахъ, касающихся сопротивленія матеріаловъ.

2-й годъ:

1) Упраженія по части промышленной физики. 2) Съемка топографическаго плана и измѣреніе значительнаго тока воды, съ объяснительною запискою. 3) Посѣщеніе механическихъ мастерскихъ для ознакомленія съ практическими приѣмами машиностроенія. 4) Упраженія въ химическомъ анализѣ. 5) Черченіе и проектированіе частей машинъ и зданій.

Частныхъ экзаменовъ въ продолженіе 2-го года:

Изъ прикладной механики	4
„ машиностроенія.	4

Изъ аналитической химіи	2
„ промышленной химіи	3
„ горной техники	2
„ архитектуры	4
„ промышленной физики	2

Въ теченіе вакаціи воспитанники должны посѣщать заводы и мастерскія и къ началу 3-го года представить: 1) Журналъ или краткій отчетъ о посѣщенныхъ заводахъ и сдѣланныхъ наблюденіяхъ. 2) Альбомъ сдѣланныхъ на мѣстѣ замѣтокъ и эскизовъ. 3) Детальныя чертежи замѣчательныхъ предметовъ, находящихся въ альбомѣ. 4) Разсужденіе о вопросахъ прикладной механики.

3-й годъ. Составленіе проектовъ.

Проекты распадаются на двѣ серіи: къ первой относятся четыре проекта, требуемые отъ всѣхъ воспитанниковъ 3-го курса; ко второй—три проекта различные, смотря по специальностямъ, избираемымъ воспитанниками. Такихъ специальностей четыре: механика, инженерно-строительное искусство, металлургія и химія.

Сверхъ того, воспитанники 3-го года, удовлетворившіе всѣмъ требованіямъ программы, допускаются къ составленію большого проекта на конкурсъ. Такой проектъ долженъ состоять изъ чертежей и диссертаций на заданную тему. Эти работы разсматриваются подлежащими профессорами, а оцѣнка ихъ производится публично совѣтомъ присяжныхъ, составленнымъ изъ нѣсколькихъ профессоровъ.

Частныхъ экзаменовъ на 3-мъ курсѣ:

Изъ прикладной механики	3
„ машиностроенія	2
„ химіи аналитической	1
„ „ промышленной	2
„ металлургіи	3
„ горной техники	1
„ строительнаго искусства	3
„ желѣзно-дорожной техники	2
„ ученія о паровыхъ машинахъ	2
„ кораблестроенія	1

По послѣдней программѣ при центральной школѣ состояло 28

профессоровъ, столько же репетиторовъ и наблюдателей за работами (chefs de travaux) и три лаборанта. До какой степени преподаваніе подробно, тому доказательствомъ служитъ, что по различнымъ вѣтвямъ механики и машиностроенія -- восемь профессоровъ и семь репетиторовъ; по химіи -- шесть профессоровъ и столько же репетиторовъ и т. д. Значеніе репетиторовъ точно также важно, какъ и при бельгійскихъ спеціальныхъ школахъ. Воспитанники должны записывать всѣ лекціи профессоровъ и тетрадки ихъ просматриваются сначала профессоромъ (слегка), потомъ репетиторомъ, и еще профессоромъ передъ экзаменомъ. За прилежаніемъ и успѣхами всѣхъ воспитанниковъ главный надзоръ принадлежитъ директору учебныхъ занятій (directeur des études) ¹⁾, который съ большимъ вниманіемъ слѣдитъ (какъ я имѣлъ случай убѣдиться лично) за занятіями учениковъ и дѣлаетъ замѣчаніе всякому, получившему плохую отмѣтку на репетиціи, а въ случаѣ надобности даетъ знать о немъ совѣту училища. Онъ же записываетъ въ особую книгу результаты всѣхъ репетицій, экзаменовъ и упражненій всѣхъ воспитанниковъ, изъ коихъ каждому отведенъ особый листъ въ означенной книгѣ, на подобіе текущаго счета. По желанію родителей, имъ сообщаются выписки изъ этихъ отмѣтокъ, которыя служатъ также для окончательной оцѣнки успѣховъ воспитанника при выходѣ его изъ школы.

Консерваторія искусствъ и ремеслъ.

Весьма замѣчательное учрежденіе по части технического образованія -- такъ-называемая консерваторія искусствъ и ремеслъ (Conservatoire des arts et métiers). Это собственно -- весьма богатый музей промышленности, содержащій огромное собраніе моделей и машинъ, бібліотеку и собраніе болѣе 7.000 рисунковъ и чертежей. При этомъ музей существуетъ школа технического рисованія, открытая еще въ 1796 году, а съ 1819 года было учреждено публичное и даровое преподаваніе наукъ въ приложеніи къ промышленности. Сначала были открыты лишь 3 кафедръ: прикладной механики, химіи и промышленной экономіи; въ 1829 году -- курсъ прикладной физики, а въ 1836 году -- курсы: земледѣлія, земледѣльческой механики и архитектуры и земледѣльческой химіи. Впоследствии было еще открыто преподаваніе начертательной геометріи, технологіи, промышленнаго зако-

¹⁾ Въ родѣ нашего инспектора классовъ.

новѣдѣнія, пряденія и тканья, крашенія, набивки и отдѣлки тканей, зоологіи въ приложеніи къ земледѣлію и промышленности и строительнаго искусства.

Лекціи читаются въ двухъ амфитеатрахъ, изъ коихъ одинъ вмѣщаетъ 700, а другой 360 слушателей, и притомъ по вечерамъ, за исключеніемъ лѣтняго времени, чтобы дать возможность и рабочимъ слѣдить за преподаваніемъ. Это преподаваніе, за неравностію подготовки слушателей, можетъ быть лишь популярное. О трудности такого преподаванія директоръ консерваторіи, генераль Моренъ, писалъ въ 1864 году слѣдующее: „Излагать начала начертательной геометріи и механики, а также ихъ приложенія, не прибѣгая къ научнымъ формамъ, слишкомъ возвышеннымъ для большинства слушателей; выводить изъ нѣсколькихъ общихъ понятій и изъ фактовъ наблюденія, законы явленій природы и на нихъ основывать рациональные способы производствъ въ промышленномъ дѣлѣ,—однимъ словомъ, излагать простымъ способомъ, доступнымъ неразвитому уму, строго научное преподаваніе, не прибѣгая къ вычисленіямъ или къ разсужденіямъ, за коими слишкомъ трудно слѣдить,—все это представляеть значительныя затрудненія, въ коихъ не даютъ себѣ достаточнаго отчета люди науки, не приступавшіе къ подобнаго рода преподаванію“. На сколько такое преподаваніе можетъ быть вообще успѣшно, объ этомъ судить съ точностію едва-ли возможно, ибо лекціи посѣщаются всѣми желающими безъ всякаго контроля; съ другой стороны, нельзя сомнѣваться въ томъ, что даровитые рабочіе и вообще достаточно развитые слушатели выносятъ изъ этихъ лекцій не мало полезныхъ свѣдѣній.

Училища искусствъ и ремеслъ.

Сосѣмъ инымъ, преимущественно практическимъ, направленіемъ отличаются такъ называемыя училища искусствъ и ремеслъ (*Ecoles d'arts et métiers*). Эти училища имѣютъ цѣлію образованіе хорошихъ подмастерьевъ, чертежниковъ и въ особенности практическихъ механиковъ. Для поступленія въ нихъ нужно быть французскимъ подданнымъ, въ возрастѣ отъ 14-ти до 16-ти лѣтъ и имѣть нѣкоторый навыкъ въ ручной работѣ. Вступительный экзамень производится по конкурсу изъ слѣдующихъ предметовъ: 1) чтеніе, 2) письмо, 3) орѳографія, 4) ариметика до пропорцій и извлеченія квадратныхъ корней, 5) начальная геометрія до плоскостей включительно, 6) начала

рисованія и черченія, 7) ручное издѣліе изъ желѣза или дерева, соотвѣтственное тому ремеслу, коему обучался испытуемый. Коэффициенты послѣднихъ четырехъ предметовъ (отъ 4-го до 7-го) вдвое болѣе первыхъ трехъ. Всѣ ученики живутъ въ училищѣ съ платою по 600 фр. въ годъ и, сверхъ того, при вступленіи вносятъ 330 фр. единовременно. Ученіе продолжается три года и распадается на теоретическое и практическое.

а) *Теоретическое* ученіе продолжается ежедневно $5\frac{1}{2}$ часовъ, изъ коихъ $4\frac{1}{4}$ часа утромъ и $1\frac{1}{4}$ вечеромъ. Предметы обученія: 1) законъ Божій; 2) чистописаніе въ продолженіе первыхъ двухъ лѣтъ, причѣмъ въ послѣднемъ семестрѣ оно примѣняется къ промышленному счетоводству; 3) французская грамматика—всѣ 3 года; 4) ариѳметика и алгебра до уравненій второй степени включительно; 5) геометрія (по руководству Бобилье) до кривыхъ второй степени; 6) прямолинейная тригонометрія; 7) начала начертательной геометріи по Оливье; 8) кинематика или геометрическая механика; 9) въ послѣднемъ курсѣ промышленная механика, въ особенности гидравлическія и паровыя машины; 10) изъ физики общія понятія и весьма подробно статьи о теплѣ; 11) нѣкоторыя понятія изъ химіи, относящіяся преимущественно къ матеріаламъ; 12) рисованіе и черченіе; исполнительные чертежи машинъ и основанія топографіи.

б) *Практическое* обученіе происходитъ ежедневно утромъ отъ $10\frac{1}{2}$ до 2-хъ часовъ, и послѣ обѣда отъ $3\frac{1}{2}$ до 7 часовъ. Оно состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: 1) работы по дереву; 2) кузница; 3) литейная; 4) машинная мастерская.

Во Франціи существуютъ три училища искусствъ и ремеселъ, въ Шалонѣ, Анжерсѣ, Эсѣ (Aix). Въ каждое изъ этихъ училищъ принимается ежегодно около 300 учениковъ. Окончившіе въ нихъ курсъ ученія помѣщаются очень легко мастерами, подмастерьями и рабочими въ мастерскихъ, на заводахъ и на желѣзныхъ дорогахъ, также чертежниками и механиками во флотѣ. Многіе въ послѣдствіи занимали видныя мѣста по части промышленности, особенно механической и желѣзнодорожной. Нѣкоторые доканчивали свое теоретическое образованіе въ центральной школѣ.

Училище промышленныхъ искусствъ въ Лиллѣ.

Среднее мѣсто между центральной школою и училищами искусствъ и ремеселъ занимаетъ училище промышленныхъ искусствъ (Ecole des arts

industriels et des mines) въ Лиллѣ, о которомъ я могу сообщить лишь нѣкоторыя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ отчета объ изслѣдованіи промышленнаго образованія, произведенномъ во Франціи въ 1863—1864 годахъ (Enquête sur l'enseignement professionnel). Въ Лилльскомъ училищѣ обученіе имѣетъ характеръ болѣе практической, чѣмъ въ центральной школѣ, и болѣе научный, чѣмъ въ училищахъ искусствъ и ремеслъ. Въмѣсто семи часовъ, посвящаемыхъ въ сихъ послѣднихъ на ручныя работы, въ Лиллѣ ученики проводятъ лишь отъ 2½ до 3 часовъ ежедневно въ мастерскихъ или въ лабораторіи, смотря по спеціальности, къ какой они себя предназначаютъ. Такихъ спеціальностей четыре: 1) машиностроеніе; 2) пряденіе и тканье; 3) химія промышленная и земледѣльческая; 4) горная техника. Курсъ ученія продолжается отъ 2 до 3 лѣтъ. Изъ математики проходитъ не только алгебра, начертательная и аналитическая геометрія, но и основанія дифференціального и интегрального исчисленія; затѣмъ преподаются для всѣхъ воспитанниковъ: теоретическая механика, коммерческое счетоводство, промышленная экономія, прикладная физика и химія, фабричная гигиена и промышленная архитектура, — и, сверхъ того, спеціальныя науки и умѣнія по вышеозначеннымъ четыремъ отраслямъ промышленности. Касательно высшаго промышленнаго обученія вообще директоръ Лилльскаго училища, г. Берно, говоритъ положительно, что оно должно ограничиваться одними спеціальностями. „Все, что *предшествуетъ* этимъ спеціальностямъ, подлежитъ вѣдѣнію университета. Онъ владѣетъ методами, которые стремятся уравнивать развитіе способностей юношества, а равно и сообщать ему обиходныя свѣдѣнія. Онъ *образуетъ* человека, спеціальное же обученіе образуетъ дѣятеля известной спеціальности“. Если принять во вниманіе, что во Франціи подъ именемъ университета разумѣются не одни только факультеты, но и среднія учебныя заведенія, соотвѣтствующія нашимъ и нѣмецкимъ гимназіямъ, то мысли французскаго педагога о наилучшей подготовкѣ къ высшему техническому образованію совершенно совпадаютъ съ мнѣніемъ профессора Клаппа и другихъ, о коихъ было и будетъ еще упомянуто.

Лицен и коллегіи.

Что касается собственно средняго спеціального образованія, то для него во Франціи существуютъ разныя учебныя заведенія. Если мы обратимъ вниманіе на тѣ училища, въ коихъ преимущественно

дается подготовительное образованіе къ поступленію въ высшія спеціальныя школы, то въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ классическимъ гимназіямъ, называемымъ во Франціи лицеями (если онѣ казенныя) или коллегіями (если содержатся общинами). При многихъ изъ нихъ состоятъ особые дополнительные классы математики, въ коихъ молодые люди, кончившіе классическій курсъ ученія, проходятъ еще въ продолженіе одного года или двухъ лѣтъ, — смотря потому, въ какое изъ высшихъ спеціальныхъ училищъ они готовятся поступить, — болѣе или менѣе подробный курсъ высшей арифметики, алгебры, геометріи, тригонометріи, аналитической и начертательной геометріи, механики, физики и химіи, рисованія и черченія. Первый годъ этого курса называется классомъ *элементарной*, а второй — *спеціальной математики*. Но такъ какъ во Франціи, съ одной стороны, гимназическій курсъ продолжается девять лѣтъ, а съ другой, для поступленія въ нѣкоторыя высшія училища опредѣленъ возрастъ, старше котораго кандидаты не принимаются; то ученикамъ лицеевъ предоставляется льгота, съ согласія ихъ родителей, переходить уже по окончаніи 7-го или даже 6-го класса гимназіи въ особый *приготовительный* математическій классъ, въ коемъ они обучаются тѣмъ научнымъ предметамъ, которые проходятся въ 7-мъ, 8-мъ и 9-мъ классахъ гимназіи. Сверхъ того, какъ въ этомъ *приготовительномъ*, такъ и въ слѣдующемъ за нимъ классѣ *элементарной математики*, занятія латинскимъ языкомъ продолжаются, только менѣе усиленно, а краткій курсъ философіи (психологія, логика, ученіе о нравственности, теодицея) проходится вмѣстѣ съ гимназистами 9-го класса (*classe de philosophie*). Сообщая объ этой льготѣ начальникамъ лицеевъ, министръ предлагаетъ имъ поставять на видъ родителямъ, что ученики, которые воспользуются тою льготою, въ надеждѣ выгадать время въ сравненіи съ товарищами, легко могутъ подвергнуться горькому разочарованію, и что они, во всякомъ случаѣ, потеряютъ въ будущемъ то время, которое, такимъ образомъ, выиграли въ лицѣѣ.

Спеціальныя лица.

Въ нѣкоторой связи, но болѣе наружной, съ классическими лицеями, состоятъ спеціальныя ихъ отдѣленія, называемыя также спеціальными лицеями или коллегіями. Онѣ получили окончательное устройство закономъ отъ 21-го іюня 1865 года и учреждены въ

пользу тѣхъ дѣтей, которыя, по выраженію циркуляра министра Дюрюи, „не имѣютъ въ своемъ распоряженіи такого значительнаго запаса времени и денегъ“, какой нуженъ для того, чтобы пройти классическій курсъ ученія. „Многіе не дойдутъ до конца учебнаго курса, нѣкоторые даже пробудутъ въ училищѣ лишь одинъ или два года. Поэтому нужно было распредѣлить предметы обученія такимъ образомъ, чтобы каждый учебный годъ составлялъ законченное цѣлое и чтобы самыя необходимыя предметы были помѣщены въ низшихъ классахъ. Такимъ образомъ, если обстоятельства жизни принудятъ воспитанника оставить преждевременно спеціальную коллегію, онъ во всякомъ случаѣ вынесетъ изъ нея познанія непосредственно полезныя. Объемы спеціальнаго обученія въ разныхъ классахъ составятъ какъ бы совокупность концентрическихъ круговъ.

„Обученію предметамъ словесности дано болѣе мѣста въ низшихъ классахъ, а значеніе научныхъ предметовъ возрастаетъ вмѣстѣ съ лѣтами воспитанниковъ. На рисованіе и черченіе, эти письмена промышленности, въ первые три года назначено по 4 и 5 часовъ въ недѣлю, а въ двухъ высшихъ классахъ по 6 часовъ.

„Преподаватели никакъ не должны забывать, что спеціальная школа не имѣетъ задачей образовывать, какъ классическіе лицеи, такихъ людей, которые стремятся посвятить себя изученію высшихъ областей науки или словесности, но *промышленниковъ, неюціантовъ, сельскихъ хозяевъ*“.

Воспитанники поступаютъ въ спеціальный лицей изъ элементарной школы въ возрастѣ отъ 11-ти до 12-ти лѣтъ; они уже изучали катехизисъ, начала грамматики, четыре правила ариметики надъ цѣлыми числами и дробями и метрическую систему. Курсъ спеціальнаго обученія продолжается пять лѣтъ, но первый классъ называется приготовительнымъ, а высшій—четвертымъ. Предметы обученія распредѣлены по слѣдующему плану, въ которомъ высшій классъ, по возрасту воспитанниковъ, соотвѣтствуетъ 6-му классу нашихъ реальныхъ училищъ.

Предметы.	Классы.					Всего.
	1-я.	2-я.	3-я.	4-я.	5-я.	
1) Законъ Божій	1	1	1	1	1	5
2) Языкъ французскій	6	5	4	3	2	20
3) » иностранный	4	4	4	4	4	20
4) Исторія и географія	2	3	4	3	2	14
5) Ученіе о нравственности	—	—	—	1	1	2
6) Ариметика и геометрія	4	5	5	—	—	} 27
7) Алгебра, начертательная геометрія, тригонометрія	—	—	—	4	5	
8) Механика	—	—	—	2	2	
9) Физика и химія	—	2	4	4	5	15
10) Космографія	—	—	—	1	—	1
11) Естественная исторія	2	2	2	2	2	10
12) Счетоводство, бухгалтерія, финансы	—	1	1	1	1	} 5
13) Политическая экономія	—	—	—	—	1	
14) Законы гражданскіе, торговые, промышленные	—	—	—	1	1	2
15) Рисованіе и черченіе	4	4	5	6	6	25
16) Чистописаніе	4	2	1	—	—	7
17) Пѣніе и гимнастика	4	2	2	2	2	12
Итого	31	31	33	35	35	165

По всѣмъ этимъ предметамъ въ 1866 году были изданы министерствомъ весьма подробныя программы и учебныя планы. Эти программы составлены весьма тщательно и съ большимъ знаніемъ дѣла; но опытъ въ нѣкоторыхъ училищахъ показалъ, что онѣ для многихъ воспитанниковъ слишкомъ обширны, почему и предполагается въ скоромъ времени подвергнуть ихъ пересмотру и сокращенію.

Къ означеннымъ пяти классамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ быть прибавлены дополнительные курсы, о коихъ въ концѣ учебныхъ плановъ сказано слѣдующее: „Въ училищахъ, имѣющихъ значительное число воспитанниковъ, почти всегда бываютъ такіе, которые отличаются особенно замѣчательными способностями и которыхъ, по этому, было бы полезно, какъ для нихъ самихъ, такъ и въ интересахъ общества, обратить на широкій путь высшаго научнаго образования. При нѣсколько усиленныхъ особенныхъ занятіяхъ подобные умы, уже созрѣвшіе и хорошо подготовленные серьезными трудами, смогутъ изучить въ короткое время на столько латинскаго языка, сколько требуется для экзамена на бакалавра наукъ. Такимъ образомъ доступъ въ спеціальныя научныя школы будетъ открытъ для тѣхъ изъ учениковъ спеціальныхъ лицеевъ, которые обнаружили бы къ тому дѣйствительное призваніе. Даже тѣ школы, гдѣ требуется дипломъ бакалавра словесности, не останутся закрытыми для способнаго воспитанника, который, окончивъ въ 16-ти-лѣтнемъ возрастѣ спеціальныя курсы, посвятить еще два года классическому курсу ученія. Большія учебныя заведенія могли бы имѣть, для отличнѣйшихъ воспитанниковъ, классическій курсъ ученія, какъ увѣнчаніе спеціальнаго“.

Такъ какъ все сказанное здѣсь, по самой сущности дѣла, можетъ относиться лишь къ отличнѣйшимъ и особенно даровитымъ воспитанникамъ, какіе весьма рѣдко встрѣчаются, то на дѣлѣ дополнительные курсы очень мало посѣщаются. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ г. директоромъ средняго обученія, лишь „весьма ограниченное число“ воспитанниковъ спеціальныхъ отдѣленій лицеевъ поступаютъ, вмѣстѣ съ воспитанниками 6-го класса гуманистическаго отдѣленія, въ вышеупомянутый *приготовительный* математическій классъ, составляющій первую степень „дополнительныхъ курсовъ“. Очевидно, что такими исключеніями не измѣняется первоначальная и главная цѣль спеціальныхъ лицеевъ, то-есть, образованіе „промышленниковъ, негоціантовъ и сельскихъ хозяевъ“.

Во Франціи въ настоящее время существуютъ 81 лицей, изъ коихъ при 76 состоятъ спеціальныя отдѣленія, и 244 коллегіи—всѣ съ такими отдѣленіями. Воспитанниковъ было:

	в ъ о т д ѣ л е н і я :	
	а) въ лицейхъ:	классическомъ. спеціальномъ.
Въ 1865 г. (кромя Эльзаса). . .	26.543	4.688
„ 1872 „	29.469	7.287
„ 1873 „	29.796	7.918

	в ъ о т д ѣ л е н і и :	
	классическомъ.	спеціальному.
б) въ коллегіяхъ:		
Въ 1865 г.	14.999	11.088
„ 1872 „	13.310	11.767
„ 1873 „	13.437	12.198

При сравненіи этихъ цифръ оказывается, что въ коллегіяхъ число воспитанниковъ спеціального или, какъ мы привыкли выражаться, реального отдѣленія, немногимъ меньше числа воспитанниковъ классическаго отдѣленія, тогда какъ въ правительственныхъ лицеяхъ число первыхъ, то-есть, реалистовъ, составляетъ лишь около $\frac{1}{6}$ части общаго числа воспитанниковъ. Всего и тѣхъ, и другихъ въ 1873 г. было:

въ 81 лицей	37.714
а въ 244 коллегіяхъ лишь	<u>25.635</u>
Итого 63.349,	

изъ коихъ 20.116—менѣ одной трети—въ спеціальныхъ отдѣленіяхъ.

Лицея, какъ заведенія правительственныя, имѣютъ болѣе средствъ, чѣмъ коллегіи, изъ коихъ многія лишены даже полнаго числа классовъ лицейскаго курса, а равно и дополнительныхъ математическихъ курсовъ для подготовки къ поступленію въ высшія спеціальныя училища. Такъ въ 1873 г. во всѣхъ коллегіяхъ на этихъ курсахъ было:

въ классѣ элементарной математики	726	учениковъ,
„ „ спеціальной „	34	„
Всего 760 учениковъ;		

въ лицеяхъ же было на этихъ курсахъ:

въ классѣ элементарной математики	3.195	учениковъ,
„ „ спеціальной „	736	„
Всего 3.931 ученикъ.		

Выше уже показано, на сколько меньше общее число воспитанниковъ въ коллегіяхъ сравнительно съ лицеями; среднимъ же числомъ на каждый лицей приходится 465, а на каждую коллегію лишь 105 воспитанниковъ.

Изъ Парижскихъ лицеевъ только при одномъ, именно при лицей Карла Великаго (lycée Charlemagne) открыто подобное отдѣленіе, но оно привлекаетъ мало учениковъ: въ 1865 г. ихъ было всего 105 изъ 900, и во время моего пребыванія въ Парижѣ директоръ этого лицея, г. Нузейль, сообщилъ мнѣ, что и въ послѣдніе годы въ спеціальному отдѣленію бывало не болѣе 100—120 учениковъ. Притомъ

на этихъ учениковъ воспитанники классическаго отдѣленія смотрять съ пренебреженіемъ, называя ихъ лавочниками и безлатынниками (*épiciers, palatins*, то-есть, *pas-latins*).

Причину такой безлѣности единственнаго въ Парижѣ спеціальнаго лица, по всей вѣроятности, слѣдуетъ искать въ существованіи тамъ другихъ училищъ, основанныхъ городомъ и весьма схожихъ со спеціальными лицеями по своему учебному плану, по крайней мѣрѣ въ четырехъ низшихъ классахъ, коими ограничивается время ученія большей части воспитанниковъ. Эти училища называются муниципальными.

Муниципальныя училища Тюрго и Кольбера.

Первое изъ нихъ, училище Тюрго (*Ecole municipale Turgot*), основано въ 1839 году, перестроено и увеличено въ 1866 и прошлымъ лѣтомъ опять перестроивалось. Такъ какъ въ этомъ училищѣ уже въ 1863 г. было 740 воспитанниковъ, то городъ рѣшился основать другое, совершенно подобное, которое и было открыто въ 1868 году, подъ названіемъ *училище Кольбера*. Въ оба училища принимаются воспитанники 12-ти-лѣтняго возраста, подготовленные также, какъ для спеціальныхъ лицеевъ. Курсъ пятилѣтній; а предметы распределены по слѣдующему учебному плану:

Предметы.	Классы.					ВСЕГО.
	1-й.	2-й.	3-й.	4-й.	5-й.	
1) Законъ Божій.	1	1	1	1	—	4
2) Языкъ французскій.	6	6	3	3	1	19
3) > англійскій или нѣмецкій.	—	3	3	3	—	9
4) Исторія	2	2	2	2	—	} 16
5) Географія	4	2	1	1	—	
6) Математика	6	5	5	4	16	} 39
7) Механика	—	—	—	2	1	
8) Физика и химія	—	1	3	2	2	8
9) Естественная исторія	2	2	1	1	2	8
10) Счетоводство и бухгалтерія . .	—	1	2	2	—	5
11) Политическая экономія	—	—	—	1	—	1

Предметы.	Классы.					Всего.
	1-я.	2-я.	3-я.	4-я.	5-я.	
12) Законовѣдѣніе	—	—	—	1	—	1
13) Рисованіе	2	2	2	2	2	} 24
14) Черченіе	2	2	4	4	2	
15) Чистописаніе	1	1	1	1	—	4
16) Пѣвіе.	2	2	2	1	—	7
Итого	28	30	30	31	28	145

Разница между этимъ учебнымъ планомъ и планомъ спеціальныхъ лицеевъ вообще значительна лишь въ числѣ часовъ, положенныхъ на иностранныя языки—9 и 20, а затѣмъ только 5-й классъ представляетъ рѣзкія отличія. Въ 5 классѣ муниципальныхъ училищъ, который называется *дополнительнымъ*, на математику назначено 16 часовъ и въ программѣ положено пройти: биномъ Ньютона, начертательную геометрію (начала разрѣзки камней, теорія тѣней и перспективы) и аналитическую геометрію. Такое необычайное усиленіе математики имѣетъ цѣлю дать возможность способнѣйшимъ мальчикамъ приготовиться къ экзамену для поступленія въ нѣкоторыя спеціальныя училища, не требующія при вступительномъ экзаменѣ свидѣтельства объ окончаніи классическаго курса ученія. Изъ этихъ училищъ въ программѣ названы: центральная школа искусствъ и мануфактуръ, нормальная школа въ Кюни (для подготовленія учителей спеціальныхъ лицеевъ), училище художествъ, училища искусствъ и ремеслъ, земледѣльческія и т. д. Но не смотря на заманчивость такой неестественной, скороспѣлой подготовки, дополнительный классъ посѣщается сравнительно незначительнымъ числомъ воспитанниковъ: въ вышеупомянутомъ отчетѣ объ изслѣдованіи промышленнаго образованія помѣщенъ отзывъ бывшаго директора школы Гурго, г. Маргерена, въ которомъ сказано, что изъ 740 воспитанниковъ этой школы лишь двадцать находились въ дополнительномъ классѣ. А въ іюлѣ 1873 года директоръ школы Кольбера, г. Фосильонъ, сообщилъ мнѣ, что тамъ изъ 500 учениковъ въ дополнительномъ классѣ лишь около тридцати.

Объ названныя муниципальныя школы помѣщаются въ большихъ красивыхъ зданіяхъ и снабжены всѣми необходимыми учебными посо-

біями, даже хорошо устроенными химическими лабораторіями, въ коихъ воспитанники работаютъ два дѣта по 2 часа въ недѣлю. Учебные планы, какъ уже упомянуто, совершенно одинаковы въ обѣихъ школахъ; но въ школѣ Кольбера есть особое отдѣленіе, въ коемъ, начиная съ 3 класса, нѣкоторые ученики готовятся къ поступленію въ Шалонскую школу искусствъ и ремеслъ, и для того ежедневно по 3 часа занимаются практически кузнечными и слесарными работами, съ цѣлю приобрести умѣнія, какія требуются отъ желающихъ поступить въ школы искусствъ и ремеслъ.

Воспитанники муниципальныхъ школъ большею частію дѣти средней буржуазіи: мелкихъ фабрикантовъ, мелочныхъ торговцевъ, второстепенныхъ должностныхъ лицъ, подмастерьевъ и т. п. лицъ, которымъ было бы трудно расходовать на ученіе своихъ дѣтей болѣе 15 франковъ въ мѣсяцъ, платимыхъ въ означенныя школы. Для дѣтей болѣе богатой буржуазіи существуетъ другое муниципальное учебное заведеніе:

Коллегія Шапталя (Collège Chaptal).

Это училище было основано городомъ Парижемъ въ 1844 году и въ настоящее время имѣетъ около 600 пансіонеровъ и столько же приходящихъ. Первые платятъ, смотря по классамъ, отъ 1.050 до 1.200 фр., а приходящіе отъ 250 до 350. Средства училища таковы, что оно расходуетъ ежегодно около 300.000 фр. на жалованье преподавателямъ и, сверхъ того, остается около 100.000 фр. чистаго барыша.

Въ коллегію Шапталя принимаются дѣти, начиная отъ девятилѣтняго возраста; курсъ ученія продолжается шесть лѣтъ. Четыре первые класса составляютъ курсъ ученія особенный, законченный, промышленно-торговый, съ направленіемъ болѣе практическимъ, имѣющимъ въ виду тѣхъ воспитанниковъ, которые посвящаютъ себя поприщамъ, не требующимъ высшаго образованія.

Эти молодые люди принадлежатъ обыкновенно такимъ семействамъ, кои не въ состояніи жертвовать деньгами на дальнѣйшее образованіе своихъ дѣтей. Курсы пятого и шестаго классовъ посвѣщаются воспитанниками, желающими получить высшее образованіе, или для того, чтобы приступить прямо къ дѣятельности коммерческой, промышленной, сельско-хозяйственной, или чтобы получить дипломъ бакалавра наукъ (baccalauréat ès-sciences), или же для поступленія въ училища центральное искусствъ и мануфактуръ, политехническое, высшее нормальное и т. д. Учебные предметы распределены по слѣдующему плану:

Предметы.	Классы.				Всего.	Классы.		
	1.	2.	3.	4.		5 научн.	5 промышл.	6.
1) Законъ Божій	1	1	1	1	4	1	1	1
2) Философія	—	—	—	—	—	2	—	—
3) Языкъ латинскій	—	—	3	3	6	3	—	—
4) > французскій	4	4	3	4	15	1 ^{1/2}	2	1 ^{1/2}
5) > нѣмецкій или англійскій	4	4	3	3	14	2	2	2
6) Языкъ итальянскій или испанскій	—	—	—	2	2	2	2	2
7) Исторія	2	2	1	1 ^{1/2}	13 ^{1/2}	1 ^{1/2}	1 ^{1/2}	—
8) Географія (съ 3-го класса промышленная, коммерческая и статистическая).	2	2	1	2		2	2	—
9) Исторія литературы и искусствъ въ древности	—	—	2	—	2	—	—	—
10) Математика	6	6	6	7	26 ^{1/2}	7	7	8
11) Механика	—	—	—	1 ^{1/2}		1 ^{1/2}	1 ^{1/2}	—
12) Физика и химія	—	2	3	3	8	3	1 ^{1/2}	6
13) Естественная исторія	2	—	—	1	3	1	—	2
14) Космографія	—	—	—	—	—	1	—	—
15) Технологія	—	—	—	—	—	—	2	—
16) Счетоводство и бухгалтерія	—	—	1	1	2	—	1	—
17) Политическая экономія и законовѣдѣніе	—	—	—	1	1	—	1	—
18) Рисованіе	2	2	1 ^{1/2}	1 ^{1/2}	14	1 ^{1/2}	1 ^{1/2}	2
19) Черченіе	2	2	1 ^{1/2}	1 ^{1/2}		1 ^{1/2}	1 ^{1/2}	3
20) Чистописаніе	2	2	—	—	4	—	—	—
21) Пѣніе	1	1	1	1	4	1	1	1
Итого	28	28	28	35	119	32 ^{1/2}	28 ^{1/2}	28 ^{1/2}

Этотъ учебный планъ представляетъ двѣ весьма замѣтныя особенности, въ сравненіи съ учебными планами другихъ специальныхъ училищъ: латинскій языкъ и философію. Я имѣлъ случай говорить объ этихъ особенностяхъ съ директоромъ коллегіи г. Монжаномъ, весьма опытнымъ и добросовѣстнымъ педагогомъ. По его словамъ, цѣль, для которой введены въ кругъ преподаванія латинскій языкъ, философія и еще политическая экономія, одна и та же, какая имѣлась въ виду въ Барменскомъ промышленномъ училищѣ при введеніи обязательнаго и послѣдовательнаго чтенія древнихъ писателей въ нѣмецкихъ переводахъ, то-есть, идеализація или облагороживаніе духовныхъ стремленій молодыхъ людей, лишенныхъ возможности получить классическое образованіе; отвлеченіе, по крайней мѣрѣ временное, юныхъ умовъ отъ матеріальныхъ интересовъ, въ кои они слишкомъ легко погружаются, занимаясь исключительно математическими и естественными науками.

Хотя на латинскій языкъ назначено всего по 3 урока въ продолженіе трехъ лѣтъ, но такъ какъ изученіе его для Французовъ гораздо легче, чѣмъ для мальчиковъ не-романскихъ племенъ, то воспитанники все-таки достигаютъ возможности понимать тѣхъ авторовъ, которые переводятся при экзаменѣ на бакалавра наукъ; съ другой же стороны, знаніе латинскаго языка рѣшительно необходимо, какъ средство для отчетливаго уразумѣнія языка французскаго, ибо большинство формъ этого языка совершенно непонятны и необъяснимы безъ латинскаго. Послѣдняя причина мнѣ кажется весьма основательною; и у насъ встрѣчается совершенно подобное явленіе относительно языка славянскаго, безъ котораго мы не можемъ объяснить себѣ такихъ измѣненій формъ, какъ, на примѣръ, *съмя-съмени, взять-возьму, жить-жну* и т. д., точно также, какъ для Француза безъ латинскаго языка необъяснимы не только самыя обыкновенныя формы глаголовъ: *sommes, êtes*, и т. п., но и вообще всѣ особенности столь трудной французской орфографіи.

Весьма важное значеніе для облагороживанія молодыхъ умовъ г. Монжанъ придаетъ политической экономіи и въ особенности философіи, относительно которой онъ совершенно сходится съ директоромъ Шелленомъ въ Кельпѣ и профессоромъ Ле-Роа въ Люттихѣ. Политическую экономію преподаетъ членъ института Бодрильяръ по собственному руководству, а философію — авторъ курса философіи г. Пеллисъе. Во Франціи въ этотъ курсъ въ классическихъ лицеяхъ и коллегіяхъ входитъ обыкновенно краткая психологія, логика, этика

и теодицея; въ спеціальныхъ же лицахъ преподается лишь ученіе о нравственности въ 4 и 5 классахъ по одному часу. Но мнѣ кажется, что изложеніе нравственнаго закона съ философской точки зрѣнія только тогда можетъ имѣть значеніе, когда оно будетъ въ связи съ другими частями философіи, особенно съ теодицеею. Поэтому я полагаю, что система, принятая въ спеціальныхъ лицахъ, не достаточна, и что слѣдуетъ или изложить, хотя въ сокращеніи, весь философскій курсъ классическихъ лицеевъ, какъ это дѣлается въ коллегіи Шапталя, или же ограничиться однимъ преподаваніемъ закона Божія.

Г. Монжанъ, для нравственнаго воспитанія ввѣреннаго его попеченіямъ юношества, имѣетъ въ виду не одно умственное ихъ развитіе, но старается дѣйствовать и на сердце молодыхъ людей, между прочимъ, возбужденіемъ и усиленіемъ въ нихъ одного изъ благороднѣйшихъ нашихъ чувствъ—любви къ отечеству. Для этой цѣли въ двухъ высшихъ классахъ преподается спеціальнѣйшій курсъ исторіи Франціи и воспитанники съ 4-го класса приучаются къ воинскимъ приемамъ и упражненіямъ, о коихъ ведется подробный журналъ.

Высшее коммерческое училище.

Кромѣ коллегіи Шапталя и спеціальныхъ муниципальных школъ, основанныхъ городомъ, въ Парижѣ существуютъ двѣ школы, назначенныя собственно для образованія торговаго сословія, находящіяся въ вѣдѣніи парижской торговой палаты (*Chambre de commerce*). Первая изъ нихъ, по времени основанія, есть *высшее коммерческое училище* (*Ecole supérieure de commerce*), учрежденное въ 1820 году Лафиттомъ, Шапталею, Казиміромъ Перье и др. Оно имѣетъ цѣлію образованіе какъ негоціантовъ, такъ и чиновниковъ по части финансовой и вообще административной, консуловъ и т. д. Воспитанники принимаются не моложе 15-ти лѣтъ, окончившіе курсъ элементарной школы, имѣющіе хорошія познанія изъ грамматики, ариметики и географіи. Плата за полный пансіонъ 200 фр. въ мѣсяць, за полупансіонъ—100 фр. Курсъ ученія продолжается три года и раздѣленъ на 3 класса или 3 *конторы*. Въ 1-мъ—исправляется почеркъ и преподается исторія, географія, ариметика, начала счетоводства, физики и химіи, иностранныя языки, рисованіе и черченіе. Во 2-мъ—къ предыдущему прибавляются начала торговаго писмоводства, французская литература, приложеніе ариметики и алгебры ко всѣмъ тор-

говымъ и банковымъ оборотамъ, теоретическое счетоводство, коммерческая географія и исторія торговли, торговые законы, физика, химія, товаровѣдѣніе. Въ 3-мъ классѣ проходятся: аналитическая химія въ приложеніи къ испытанію товаровъ и открытію подмѣсей; приложенія счетоводства къ торговлѣ, банкамъ и промышленности; курсы и арбитражи, начала механики въ приложеніи къ потребностямъ торговли и промышленности; изъ технологій—главныя отрасли промышленности; торговое и морское законодательство; политическая экономія; внутренняя и вѣшняя торговля; статистика и т. п. При этомъ каждый воспитанникъ упражняется въ книговодствѣ и всѣхъ торговыхъ и банковыхъ операціяхъ, самыхъ трудныхъ и разнообразныхъ. Одинъ разъ въ недѣлю воспитанники высшаго класса посѣщаютъ, подъ руководствомъ профессора технологій, важнѣйшіе заводы въ Парижѣ и окрестностяхъ. Учебные предметы распредѣлены по слѣдующему плану:

Предметы.	Классы.			Всего.
	1-й.	2-й.	3-й.	
1) Языкъ французскій	4½	2	1½	8
2) > англійскій	4½	3	3	10½
3) > нѣмецкій	4	3½	3½	11
4) > итальянскій или испанскій	—	2	3	5
5) Элементарныя науки	4½	—	—	4½
6) Исторія и исторія торговли . .	1½	1½	—	3
7) Географія и коммерческая географія	2	3	3	8
8) Ариѳметика и алгебра	4½	4½	1	10
9) Книговодство и счетоводство . .	3	3	3	9
10) Курсы, арбитражи, банковые расчеты	—	1½	1	2½
11) Законовѣдѣніе	1	1	1	3
12) Внутренняя и вѣшняя торговля	—	—	2	2
13) Статистика и политическая экономія	—	1½	1½	3

Предметы.	Классы.			Всего.
	1-й.	2-й.	3-й.	
14) Финансовыя операціи	—	—	1	1
15) Прикладная физика	—	1½	1½	3
16) Промышленная химія	—	1½	1½	3
17) Товаровѣдѣніе	—	1½	1½	3
18) Технологія	—	—	1	1
19) Механика	—	—	1	1
20) Рисованіе	1½	1½	1½	} 9
21) Черченіе	1½	1½	1½	
22) Чистописаніе	3	4½	1½	9
Итого	35½	38½	35½	109½

По этому учебному плану болѣе всего времени посвящается на языки, именно около 32%; на естественныя науки, а также на математику, около 9%, причемъ замѣчательно, что въ программѣ не упоминается о геометріи, хотя въ высшихъ курсахъ преподается физика, даже механика; собственно на коммерческіе предметы, считая и коммерческую географію и исторію торговли, назначено около 26% и эти науки проходятся довольно подробно; но позволительно усомниться, достаточно ли подготовлены для успѣшнаго усвоенія столь многихъ предметовъ 15-лѣтніе воспитанники, поступающіе изъ элементарной школы. Впрочемъ, такъ какъ по причинѣ высокой платы въ это высшее коммерческое училище могутъ поступать лишь дѣти богатыхъ родителей, то большинство воспитанниковъ подготовлены гораздо лучше. По той же причинѣ высокой платы число учениковъ лишь около 100.

Торговое училище.

Для облегченія бѣдныхъ родителей, желающихъ дать коммерческое образованіе своимъ дѣтямъ, парижская торговая палата учре-

дила въ 1864 году другое, подъ именемъ *Ecole commerciale*, коммерческое или торговое училище, въ коемъ за ученіе платится лишь 20 фр. въ мѣсяцъ. Учениковъ въ немъ около 500 и только приходящіе, большею частію дѣти самыхъ мелкихъ торговцевъ и вообще тѣхъ классовъ парижскаго населенія, которые отличаются большею или меньшею наклопностію къ идеямъ соціалистскимъ и коммунистскимъ. На это обстоятельство директоръ училища, г. Журданъ, человекъ еще молодой и ревностно занимающійся своимъ дѣломъ, обратилъ особенное вниманіе. Для противодѣйствія вредному вліянію такой домашней среды на молодые умы воспитанниковъ, г. Журданъ полагаетъ наиболѣе дѣйствительными слѣдующія мѣры: 1) При преподаваніи закона Божія начинать съ объясненія ученикамъ семейныхъ обязанностей. Какъ бы отецъ ни былъ грубъ и какъ бы онъ ни пренебрегалъ религіею, онъ будетъ очень доволенъ слышать отъ сына, что священникъ училъ его повиноваться родителямъ, заботиться о нихъ и т. п. Такимъ образомъ, священникъ приобрететъ довѣріе самихъ отцовъ, которые затѣмъ уже не будутъ противорѣчить и другимъ наставленіямъ законоучителя. 2) Стараться внушать воспитанникамъ здравныя понятія о политической экономіи, какъ это дѣлается въ англійскихъ среднихъ и даже высшихъ школахъ. 3) По вечерамъ учреждены чтенія избранныхъ съ педагогическою цѣлію мѣстъ изъ французскихъ классическихъ авторовъ, могущихъ имѣть благотворное вліяніе на облагороженіе вкуса и вообще на характеръ воспитанниковъ.

Полный курсъ ученія продолжается пять лѣтъ, но въ послѣднемъ классѣ, называемомъ высшимъ (*coûrs supérieur*), бываетъ не болѣе 10—20 учениковъ при общемъ числѣ около 500, ибо большинство воспитанниковъ не ищутъ высшаго образованія, а торопятся приступить къ практической дѣятельности. Первый классъ называется пригособительнымъ и въ него принимаются мальчики отъ 10-ти до 12-тилѣтняго возраста. Учебный планъ торговаго училища:

Предметы.	Классы.				Всего.	
	Приготовительн.	1.	2.	3.		4.
1) Законъ Божій и ученіе о нравственности	1	1	1	1	1	5
2) Языкъ французскій	4	4	3	3	3	17
3) Литература	—	2	2	2	2	8
4) Языкъ англійскій	2	2	3	3	3	13
5) » нѣмецкій	2	2	3	3	3	13
6) » испанскій	—	—	—	3	2	5
7) Исторія французская и исторія торговли	3	2	2	2	2	11
8) Географія всеобщая и коммерческая	3	2	2	1	1	9
9) Арифметика, алгебра, начала геометріи	4	4	3	3	3	17
10) Книговодство, счетоводство, банковыя операціи	—	2	2	2	2	8
11) Законовѣдѣніе	—	—	—	2	2	4
12) Политическая экономія	—	—	—	—	2	2
13) Рисованіе и черченіе	2	2	2	2	2	10
14) Чистописаніе	3	3	3	3	3	15
15) Литературныя чтенія	—	1	1	1	1	4
Итого	24	27	27	31	32	141

По этому плану на языки и литературу употребляется болѣе 42% всего учебнаго времени и почти половина изъ нихъ на языкъ французскій, тогда какъ въ высшемъ коммерческомъ училищѣ на французскій языкъ назначено менѣе $\frac{1}{4}$ всего времени, посвященнаго языкамъ. Такая разниця объясняется тѣмъ, что воспитанники торговаго училища получили весьма плохую домашнюю подготовку. На математику назначено 12% и преподаются начала геометріи уже во 2-мъ классѣ; но за то на собственно коммерческіе предметы определено

лишь 13%, на половину меньше, если же считать абсолютныя цифры то на одну треть меньше, чѣмъ въ высшемъ коммерческомъ училищѣ. Г. Журданъ придаетъ географіи весьма важное значеніе для торговца, и потому, для облегченія ея изученія, въ нѣкоторыхъ классныхъ комнатахъ на стѣнахъ написаны фрески, изображающія географическія карты въ весьма большихъ размѣрахъ.

Клюнійская нормальная школа.

Во Франціи, какъ и въ Бельгіи, существуетъ особая нормальная школа для образованія учителей спеціальныхъ лицеевъ. Она находится въ древнемъ Клюнійскомъ аббатствѣ и потому называется *Ecole normale de Cluny*. Отъ Гентской нормальной школы она отличается, во-1-хъ, тѣмъ, что въ нее принимаются не только молодые люди, окончившіе курсъ классическаго лица, но и выдержавшіе экзаменъ по предметамъ спеціального отдѣленія, въ возрастѣ отъ 18-ти до 25-ти лѣтъ.

Клюнійская нормальная школа основана въ 1866 году и состоитъ изъ двухъ отдѣленій—научнаго и словеснаго. Кандидаты, желающіе поступить въ научное отдѣленіе, подвергаются четырремъ испытаніямъ: тремъ письменнымъ и одному словесному. Письменныя имѣютъ предметомъ: 1) элементарный вопросъ изъ исторіи и географіи Франціи; 2) вопросъ изъ прикладной ариметики и изъ геометріи (по программамъ спеціальныхъ лицеевъ); 3) рисунокъ и чертежъ. На каждое изъ этихъ испытаній полагается по три часа.

Словесное испытаніе, публичное, продолжается одинъ часъ изъ слѣдующихъ предметовъ: 1) исторія и географія Франціи; 2) физика по программѣ перваго года спеціальныхъ лицеевъ; 3) химія по программѣ втораго года; 4) обиходныя свѣдѣнія изъ естественной исторіи. На вступительномъ экзаменѣ въ Бельгійской нормальной школѣ требуется изъ математики прямолинейная тригонометрія и начертательная геометрія.

Курсъ ученія продолжается два года, по истеченіи коихъ воспитанники должны выдержать экзаменъ на право преподаванія. Готовящимся къ званію адъюкта (*agrégé*) средняго спеціального обученія дозволяется пробыть еще одинъ годъ, но для нихъ нѣтъ особаго курса; они слушаютъ лекціи, назначаемыя имъ профессорами, коихъ попеченію они поручаются. Учебный планъ научнаго отдѣла Клюнійской нормальной школы:

Предметы.	Классы.		Всего.
	1-я.	2-я.	
1) Ученіе о нравственности	1	1	2
2) Литература	2	2	4
3) Исторія	1	1	2
4) Законовѣдѣніе.	1	1	2
5) Математика.	5	4	} 15
6) Начертательная геометрія	—	2	
7) Механика	2	2	
8) Физика	2	2	4
9) Химія	2	3	5
10) Естественная исторія	2	2	4
11) Рисованіе.	3	3	} 16
12) Черченіе.	4	6	
Итого	25	29	54

Въ официальной запискѣ о Клюбійской школѣ сказано, что въ продолженіе перваго года воспитанники изучаютъ науки математическія и физическія болѣе теоретически, а въ продолженіе втораго года болѣе съ точки зрѣнія прикладной.

Практическія упражненія состоятъ въ работахъ по части физики, химіи, естественной исторіи и механики въ лабораторіяхъ и въ мастерскихъ, устроенныхъ для изготовленія потребныхъ училищу моделей, при чемъ имѣется въ виду не научать воспитанниковъ какому-либо искусству или мастерству, но лишь развить въ нихъ способность къ разнымъ ручнымъ работамъ. Упоминается еще и о графическихъ работахъ; но касательно математики сдѣлано довольно странное замѣчаніе, что изъ нея слѣдуетъ исключать слишкомъ возвышенныя теоріи.

Сравнивая все здѣсь изложенное съ тѣмъ, что было сказано о бельгійской нормальной школѣ въ Гентѣ, мы найдемъ, что послѣдняя

стоитъ гораздо выше Клюнійской, ибо 1) требованія для поступленія въ Гентскую школу строже и она доступна лишь молодымъ людямъ, получившимъ классическую подготовку; 2) курсъ ея продолжается два года, и 3) высшая математика не только не изгоняется, но требуется серьезное изученіе дифференціального, интегрального и варіаціоннаго изчисленія и теоріи вѣроятностей; сверхъ того, преподается во 2-мъ классѣ методологія математики, а въ 1-мъ—психологія и логика и т. д. Впрочемъ, описанное здѣсь устройство Клюнійской школы лишь временное. Предполагается измѣнить и окончательно установить ея учебный планъ, для чего назначена особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ знаменитаго химика Дюма. Воспитанниковъ въ этой школѣ въ настоящее время—42.

Инспекція лицеевъ.

Для наблюденія за преподаваніемъ какъ въ университетскихъ факультетахъ, такъ и въ лицеехъ и коллегіяхъ, существуютъ инспекторы высшаго и средняго обученія. Но первые рѣдко выѣзжаютъ изъ Парижа, ибо всѣ они имѣютъ еще другія должности; поэтому, на дѣлѣ, ревизованіе факультетовъ и лицеевъ поручается однимъ и тѣмъ же инспекторамъ средняго обученія, которые разъѣзжаютъ по городамъ и даютъ весьма подробные отчеты какъ объ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и о служащихъ при нихъ лицахъ.

Въ заключеніе моихъ замѣтокъ о спеціальныхъ училищахъ Франціи, считаю долгомъ выразить мою глубокую признательность всѣмъ тѣмъ лицамъ, коихъ благосклонному содѣйствію я обязанъ всѣми свѣдѣніями, которыя мнѣ удалось собрать въ продолженіе кратковременнаго пребыванія моего въ Парижѣ. Съ обычною ему привѣтливостію принялъ меня нашъ посоль князь Н. А. Орловъ и, узнавъ о цѣли моего путешествія, самъ предложилъ мнѣ свое содѣйствіе. А такъ какъ ему черезъ нѣсколько дней предстояло уѣхать изъ Парижа въ Югенгеймъ, чтобы представиться Его Императорскому Величеству, то онъ, не дождавшись моей просьбы, прислалъ мнѣ письмо къ г. Батби, министру народнаго просвѣщенія. Я доставилъ это письмо г. министру, который очень интересовался положеніемъ учебнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ и самъ сообщилъ мнѣ любопытныя свѣдѣнія и предположенія объ устройствѣ французскихъ высшихъ и среднихъ училищъ. Съ полною готовностію снабдили меня весьма важными изданіями по разнымъ отраслямъ высшаго, средняго и спеціального

обученія высшіе чиновники министерства народнаго просвѣщенія — гг. Дюмениль, директоръ высшаго обученія, и Муриё, директоръ средняго обученія; по министерству земледѣлія и торговли—гг. Лефевръ (Lefèbvre de S-te-Marie), директоръ земледѣлія, и Дюмутъё (Dumoustier de Frédilly), директоръ внутренней торговли. Изъ лицъ, состоящихъ при разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, мнѣ особенно были полезны: гг. Ковё, инспекторъ классовъ въ центральной школѣ; Каллонъ, профессоръ машиностроенія при той же школѣ; Монжанъ, директоръ коллегіи Шапталя; Журданъ, директоръ торговаго училища; Самаленсъ, инспекторъ училища Тюрго, и Лекіенъ, учитель рисованія при томъ же училищѣ и вмѣстѣ директоръ муниципальной рисовальной школы XI округа, снабдившій меня экземпляромъ изданнаго имъ полнаго курса орнаментальнаго рисованія.

А. Гезенъ.

КЪ ВОПРОСУ О НОРМАЛЬНОЙ ШКОЛЬНОЙ МЕБЕЛИ.

Мысль о необходимости устроить такую классную мебель, которая соответствовала бы учебным, воспитательным и, следовательно, санитарным целям учебных заведений каждого разряда, принадлежит по преимуществу нашему времени и лишь в последние годы вошла в состав научных требований прикладной, или школьной педагогики (Schulkunde). В Швейцарии и в Германии, а частью и в других странах, она вызвала целые ряды попыток удовлетворить, по мѣрѣ средствъ, этимъ требованіямъ. То, что гдѣ-либо выработано наукою, извѣстно и у насъ. Доказательствомъ тому служатъ труды и произведенія гг. Фену и К^о, Андрияшева, Соковнина и нѣкоторыхъ другихъ. Но все это въ Петербургѣ, Москвѣ и Киевѣ и со всѣмъ этимъ не всѣ наши педагоги могутъ знакомиться наглядно, то-есть, въ готовыхъ образцахъ. Для теоретическаго знакомства съ этимъ дѣломъ, то-есть, для изученія и повѣрки основаній для такого или иного устройства учебныхъ столовъ, у насъ сдѣлано весьма мало. Отъ этого, между прочимъ, происходитъ и то неутѣшительное явленіе, что при устройствѣ новыхъ, и особенно начальныхъ или народныхъ, училищъ жертвователи-попечители и строители ихъ весьма рѣдко соображаются съ законными требованіями школьной науки. Безъ опасенія впасть въ ошибку и вызвать возраженія, можно сказать, что самые ревностные строители училищъ у насъ ограничиваютъ свои заботы устройствомъ просторныхъ, хоть и не всегда целесообразныхъ, школьныхъ помѣщеній и почти не обращаютъ вниманія на правильное устройство нормальной классной мебели. Ссылка на недостатокъ денежныхъ средствъ служитъ стереотипнымъ отвѣтомъ на всѣ вопросы и просьбы о ней. Не можетъ быть сомнѣнія, что въ этомъ отвѣтѣ много живой правды; но не менѣе живой и пове-

гѣвающей правды заключается и въ той аксіомѣ, что устройство *какой-нибудь* классной мебели есть затрата, не только непроезводительная и безцѣльная, но и вредная, даже губительная для здоровья обучающихся въ школахъ дѣтей. Если бы весь вредъ *какой-нибудь* классной мебели былъ достаточно извѣстенъ всѣмъ и каждому, то строители училищъ предпочли бы не устраивать никакой мебели и на какихъ училищъ прежде, чѣмъ найдутся достаточныя денежные средства для устройства цѣлесообразныхъ училищныхъ помѣщеній съ нормальною классною мебелью. Само собою ясно, что въ этомъ, какъ и во всякомъ другомъ важномъ дѣлѣ, глубоко сознавая потребность создала бы средства для своего удовлетворенія. Въ этомъ убѣжденіи, привѣтствуя всѣ попытки и достигнутые результаты нашихъ педагоговъ, мы полагаемъ не лишнимъ еще разъ обратиться къ вопросу о неотвратимомъ и непоправимомъ вредѣ *какой-нибудь* классной мебели. Мы полагаемъ, что для такой цѣли не бесполезно будетъ знакомить читающую публику съ исторіею этого вопроса и съ попытками его практическаго разрѣшенія у разныхъ народовъ обоихъ материковъ. Чтобы откровеннѣе высказать нашу мысль, прибавимъ, что мы имѣемъ въ виду не однихъ педагоговъ по профессіи, не однихъ строителей и блюстителей училищъ, но всю читающую публику, и въ средѣ ея, главнымъ образомъ, тѣхъ специалистовъ, которые занимаются санитарными вопросами и считаютъ своею обязанностію постановлять и теоретически разрѣшать жизненныя задачи общественной гигиены.

Эпизодъ изъ исторіи вопроса объ улучшеніи классной мебели,—который составляетъ содержаніе нашей замѣтки,—мы признаемъ интереснымъ, потому что онъ фактами убѣждаетъ, въ какой мѣрѣ вопросъ о классной мебели важенъ не только для педагоговъ, гигиенистовъ и врачей, но и для каждаго отца семейства, стало быть, для всего общества. Подробности избраннаго нами эпизода лучше всякихъ словъ убѣдятъ, что къ участію въ правильномъ разрѣшеніи вопроса о нормальной мебели, такъ или иначе, хотя бы то голосомъ общественнаго мнѣнія, должны быть призваны не только педагоги, но и гигиенисты, ортопедисты, врачи вообще и архитекторы, а съ ними и заинтересованныя лица гражданской и общественной администраціи.

Эпизодъ, излагаемый ниже, взятъ изъ школьной жизни Германіи и относится къ недавнему прошлому. Это даетъ поводъ замѣтить, что и въ Германіи вопросъ о нормальной школьной мебели недавно

сдѣлался насущнымъ и общественнымъ. Послѣдующее изложеніе докажетъ, что для разрѣшенія его потребовалось не мало ученыхъ спеціалистовъ, не мало общественного вниманія и возбужденія, не мало труда и осмотрительности, не мало настойчивости и умѣлости, и ко всему этому не мало дорогаго времени: общество не съ разу приняло выработанныя наукою положенія и не безъ оглядки рѣшилось сообразно съ ними постанавлять свои рѣшенія.

Въ апрѣлѣ 1869 года городской магистратъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ обратился къ городской думѣ (Stadtverordnetenversammlung) съ просьбою объ ассигнованіи 187 гульденовъ на устройство шести обыкновенныхъ большихъ классныхъ столовъ со скамьями для одной изъ городскихъ общественныхъ школъ. По этому поводу одинъ изъ членовъ, врачъ по профессіи, обратился къ собранію городскихъ гласныхъ съ предложеніемъ, въ которомъ выяснилъ, что наукѣ извѣстны положительныя доказательства неотразимаго вреда, причиняемаго здоровьемъ многомѣстными или классными столами, ибо послѣдніе не могутъ быть сдѣланы соотвѣтственно возрасту и росту дѣтей; что въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи и за предѣлами ея выработаны различныя системы устройства классной мебели; что всѣ эти системы, исходя изъ одного воззрѣнія на вредныя для здоровья дѣтей большіе столы и сходясь въ существенномъ, расходятся въ частностяхъ; что, по примѣру сосѣдей, и франкфуртскому обществу на будущее время слѣдовало бы расходовать общественныя деньги на устройство не тѣхъ учебныхъ столовъ, какіе существовали въ училищахъ почти со времени основанія ихъ, но такихъ, которые слѣдуетъ признать наиболѣе соотвѣтствующими современнымъ требованіямъ науки. Предложеніе было принято и сообщено магистрату, а магистратъ немедленно обратился съ запросомъ къ начальнику (Oberlehrer) того училища, для котораго требовались столы, и къ хозяйственному комитету, завѣдующему расходами на содержаніе училищъ (ökonomische Schuldeputation). Стало быть, дѣлу дано было самое правильное направленіе. Къ сожалѣнію, среда, отъ которой осмотрительный магистратъ имѣлъ право ожидать компетентныхъ указаній, оказалась ниже своего назначенія. Незадолго до разказываемаго нами эпизода, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ была открыта образцовая школа съ учебными столами швейцарской системы. Но училищный начальникъ, къ которому обратился магистратъ, не потрудился изучить достоинства и недостатки этихъ столовъ и увлекъ за собою хозяйственный комитетъ. Въ послѣдовавшемъ отъ нихъ отвѣтѣ на распросы

магистрата, къ удивленію немногихъ знакомыхъ съ дѣломъ членовъ, голословно было сказано, что столы швейцарской системы весьма мало соотвѣтствуютъ своему назначенію и что для школы нужны такіе же столы, какіе находились въ мѣстной городской школѣ (Bürgerschule). Согласно съ этимъ заявленіемъ, дума готова была мотивировать свое постановленіе простымъ соображеніемъ, что въ одной классной комнатѣ неудобно ставить столы различныхъ формъ и что, вмѣсто 187 гульденовъ на шесть, нужно выдать 470 флориновъ и 24 крейцера на устройство шестнадцати новыхъ однообразныхъ столовъ. Такъ дѣло, по началу направленное весьма правильно, едва не разрѣшилось распоряженіемъ, по меньшей мѣрѣ страннымъ, — и это потому, что начальникъ школы и хозяйственный комитетъ были новичками въ данномъ дѣлѣ. Къ счастью, тотъ же членъ, который поднялъ вопросъ въ думѣ и былъ знакомъ съ его практическимъ разрѣшеніемъ въ разныхъ школахъ, въ новомъ предложеніи выяснилъ, что высшая учебная администрація въ Баваріи, Баденѣ и особенно въ Виртембергѣ смотритъ на дѣло иначе, что она отдаетъ должную справедливость столамъ швейцарской системы, и свое предпочтеніе основываетъ на самыхъ мельчайшихъ измѣреніяхъ, а потому и предписываетъ устраивать классную мебель согласно указаннымъ размѣрамъ, даннымъ рисункамъ, моделямъ и даже готовымъ образцамъ. Благодаря этому заявленію, дума поручила одному изъ своихъ отдѣловъ (dem Ausschusse der Stadtverordnetenversammlung) подробнѣе разработать представившійся вопросъ. Отдѣлъ не положился на своихъ сочленовъ и, признаваясь въ своей некомпетентности, просилъ думу предложить магистрату составить для того особую комиссію изъ практиковъ-учителей, съ приглашеніемъ къ участію въ занятіяхъ ея врачей и архитекторовъ. Такъ и было сдѣлано. Комиссія открыла свои занятія только въ августѣ того же 1869 года въ составѣ шести учителей, четырехъ врачей, двухъ архитекторовъ и одного химика.

Извиняемся предъ читателями за эти мелочныя подробности изъ чуждой намъ жизни чужаго города. Но безъ нихъ мы не могли бы представить фактическихъ доказательствъ того серьезнаго и дѣятельнаго участія, съ какимъ франкфуртское городское общество, въ лицѣ своихъ выборныхъ, отнеслось къ одному изъ вопросовъ школьной жизни. Для насъ эти подробности свидѣтельствуютъ, что школа можетъ найти для себя достаточное всякаго рода обезпеченіе тамъ, гдѣ она пустила глубокіе корни въ жизни, гдѣ она вошла въ

составъ насущныхъ общественныхъ потребностей, гдѣ она создается ими и сама творить ихъ, гдѣ, стало быть, общество и школа растутъ вмѣстѣ. Что дѣло школы во Франкфуртѣ-на-Майнѣ есть общее дѣло, всего лучше доказывается слѣдующимъ фактомъ. Едва въ городской думѣ заговорили объ устройствѣ удобнѣйшихъ училищныхъ помѣщеній и удобнѣйшей классной мебели, какъ въ томъ же апрѣлѣ 1869 года общество франкфуртскихъ врачей поручило особой комиссіи изъ своихъ сочленовъ разработать вопросъ о школьныхъ постройкахъ съ точки зрѣнія общественной гигиены. Прошло четыре-пять мѣсяцевъ, и эта комиссія напечатала, а общество врачей представило по начальству ученое свое заключеніе, подробно опредѣливъ и точно высказавъ въ немъ всѣ гигиеническія требованія, обязательныя при устройствѣ школьныхъ помѣщеній. Въ этомъ рефератѣ врачи не коснулись только классной мебели, потому что это не входило въ программу, имъ назначенную.

Докладъ особаго отдѣла городской думы по тому же предмету послѣдовалъ въ мартѣ 1870 года, то-есть, спустя почти годъ послѣ того, какъ вопросъ былъ поднятъ въ думѣ. Къ докладу были приложены ученое заключеніе общества франкфуртскихъ врачей и два особенныхъ печатныхъ реферата того гласнаго, которымъ поднятъ былъ вопросъ. Во всѣхъ этихъ документахъ представлены подробныя и основательно мотивированныя соображенія о наиболѣе удобныхъ мѣстахъ для постройки школьныхъ помѣщеній, о лѣстницахъ, классныхъ комнатахъ, окнахъ, объ освѣщеніи и отопленіи, объ особенныхъ помѣщеніяхъ для верхней одежды воспитанниковъ, о ретирадахъ и о площадкахъ для гимнастики. Докладъ не забылъ и о классной мебели. Упомянувъ о ней, онъ выразилъ довѣрчивое ожиданіе, что этотъ вопросъ будетъ подробно разработанъ назначенною для него специальною комиссіею. При этомъ отдѣлъ высказалъ, однакожь, совершенно рѣшительно, что *классныя ученическіе столы должны быть двумѣстные и соразмѣренные съ ростомъ каждою отдѣльнаго ученика* и что отъ комиссіи ожидается подробное указаніе высоты, широты и вообще всѣхъ размѣровъ стола и скамьи въ опредѣленныхъ цифрахъ. Въ заключеніи докладъ выразилъ желаніе, чтобы на будущее время *для дѣтей обоюаго пола устраивались не смѣшанныя, но двойственныя школы*, то-есть, такія, въ которыхъ дѣти разныхъ половъ обучались бы въ разныхъ помѣщеніяхъ.

Городская дума согласилась со всѣми положеніями доклада и предложила магистрату принять ихъ на будущее время къ руководству

и исполненію. Въ іюнѣ того же 1870 года магистратъ довелъ до свѣдѣнія думы, что съ своей стороны не встрѣчаетъ къ тому препятствій.

Еще чрезъ годъ, стало быть, слишкомъ чрезъ два года послѣ того, какъ вопросъ былъ постановленъ въ городской думѣ, то есть, въ іюнѣ 1871 года представленъ былъ магистрату печатный докладъ спеціальной комиссіи по вопросу объ учебной мебели. Съ этимъ докладомъ мы и познакомимъ читателей. По нашему мнѣнію, онъ заслуживаетъ полнаго вниманія спеціалистовъ не только по сдѣланнымъ въ немъ выводамъ, но и по способу отысканія данныхъ, даже по самому приступу къ дѣлу.

Чтобы основательно разрѣшить какой-либо вопросъ, прежде всего необходимо постановить его на той почвѣ, на которой онъ по существу своему рѣшается. Почвою въ данномъ случаѣ служили тѣ условія, при исполненіи которыхъ учебная мебель можетъ удовлетворять научнымъ требованіямъ прикладной педагогики и общественной гигиены. Слѣдовательно, настояла необходимость подмѣтить и опредѣлить всѣ тѣ моменты, въ которые классная мебель можетъ быть полезна или вредна съ точки зрѣнія обѣихъ наукъ. Такъ какъ одна и та же мебель можетъ имѣть то и другое вліяніе не только въ разные моменты, но и въ одно и то же время, то слѣдовало предположить всей работѣ изученіе самихъ дѣтей въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ они могутъ находиться въ классной мебели. Эти отношенія суть: возрастъ дѣтей, ростъ ихъ въ одномъ и томъ же возрастѣ и, наконецъ, возрастъ и ростъ вмѣстѣ, но въ разныхъ классахъ. Исходя изъ этихъ соображеній, комиссія начала свои изслѣдованія съ измѣренія 5907 учащихся. Конечно, измѣрились ростъ и тѣ части тѣла, съ которыми должны быть соразмѣрены части классной мебели.

Замѣтимъ мимоходомъ, что припатыи комиссіею приемъ не былъ новостію для Германіи. Въ богатой нѣмецкой ученой литературѣ насчитывается нѣсколько таблицъ измѣренія дѣтей. Изъ числа ихъ наибольшую извѣстностію пользуются:

составленная Кономъ (Cohn)	съ	10.060	учащихся.
„ Фарнеромъ (Fahrner)	„	1.789	„
„ Германомъ (Hermann)	„	1.043	„
„ Гильомомъ (Guillaume)	„	731	„
„ Кунце (Kunze)	„	362	„

Не будемъ говорить о томъ, что цифры, добытыя франкфурт-

скою комиссіею составляютъ не маловажный вкладъ въ массу матеріаловъ для антропологическихъ и статистическихъ изслѣдованій. Для насъ важно только, что своимъ почтеннымъ и кропотливымъ трудомъ франкфуртская комиссія приобрѣла такое количество данныхъ, которое, по меньшей мѣрѣ, достаточно для того, чтобы полученные ею средніе выводы были по возможности вѣрны.

Итакъ, члены комиссіи имѣли добросовѣстность и терпѣніе подвергнуть измѣренію всѣхъ дѣтей, обучавшихся въ то время въ общественныхъ школахъ Франкфурта-на-Майнѣ, а обучалось тогда въ однѣхъ этихъ школахъ 3.459 мальчиковъ и 2.448 дѣвочекъ, всего 5.907 дѣтей. Измѣреніе производилось съ помощію особаго измѣрительнаго стула (Messstuhl). Къ этому стулу были придѣланы три масштаба въ сантиметрахъ ¹⁾. Одинъ масштабъ, приспособленный съ задней стороны стула, служилъ для измѣренія длины тѣла, то-есть, цѣлаго роста. Чтобы получить точную цифру истиннаго роста, комиссія постановила считать толщину обуви среднимъ числомъ въ 2 цент. Другой масштабъ, привѣренный спереди и съ боковъ стула, служилъ для измѣренія длины тѣла отъ колѣней до пятокъ, или, другими словами, для опредѣленія высоты скамьи. Для этого измѣренія каждое дитя сажали на относительно-высокій измѣрительный стулъ и подъ свѣсившіяся ноги подлаживали подвижную на винту подставку или подножку до той высоты, на которой висящія ноги дитяти принимали пертикальное относительно подножки положеніе, и тогда записывали съ масштаба длину голени. Третьимъ масштабомъ измѣрялась длина руки отъ плеча до локтя. Для этого измѣренія каждое дитя должно было положить переднюю часть руки на придѣланную къ стулу подвижную горизонтальную доску (на подобіе стола) такъ, чтобы измѣряемая или локтевая часть руки находилась въ вертикальномъ относительно доски положеніи. Изъ этого видно, сколько обдуманнхъ соображеній понадобилось для устройства измѣрительнаго стула и сколько нужно было времени, добросовѣстности и труда, чтобы найти и записать цифры измѣренія 5.907 дѣтей.

Такъ какъ у насъ еще ни разу не было опубликовано таблицъ относительнаго роста дѣтей обоого пола въ разные годы учебнаго возраста, то составленныя франкфуртскою комиссіею таблицы могутъ и для насъ имѣть нѣкоторое значеніе.

¹⁾ Известно, что 9 цент. = 2 нашихъ вершкамъ; слѣд., 1 цент. = $\frac{1}{9}$ верш.

Таблица 1-я. Средніе размѣры 3.459 мальчиковъ.

Возрасть.	Число.	Ростъ.	Высота скамьи.	Высота стола.	Разность.	Группы.	Ростъ.	Высота скамьи.	Высота стола.	Разность.
6—7	96	111,5	29,7	45,1	15,4	} I	117,3	31,3	48,7	16,4
7—8	8349	117,3	31,1	46,3	15,2					
8—9	409	122,3	33,2	48,3	15,3	} II	126,3	34,3	52,5	17,1
9—10	452	126,4	34,2	50,4	16,2					
10—11	438	131,3	36,5	52,3	15,3	} III	135,9	38,1	56,7	18,3
11—12	407	135,3	38,1	54,3	16,7					
12—13	389	140,3	39,9	57,3	17,3	} IV	146,3	42,2	62,0	19,3
13—14	388	147,0	42,3	60,2	17,9					
14—15	357	152,3	44,4	62,3	18,4	} V	159,3	45,9	66,9	21,0
15—16	153	167,7	46,5	65,7	19,2					
16—17	66	165,0	47,0	66,3	19,3	} VI	167,3	47,4	70,1	22,7
17—18	31	169,1	47,4	67,7	20,3					
18—19	13	167,6	48,0	70,3	22,3	} VII	169,3	47,4	72,1	24,3
19—20	5	171,3	47,3	71,0	23,7					
20—21	6	169,1	47,1	69,3	22,3					
Среднія цифры ежегоднаго увеличенія		5,3	1,7	2,06	—					

Таблица 2-я. Средніе размѣры 2.448 дѣвочекъ.

Возрасть.	Число.	Ростъ.	Высота скамьи.	Высота стола.	Разность.	Группы.	Ростъ.	Высота скамьи.	Высота стола.	Разность.
6—7	44	115,0	30,9	47,2	16,3	} I	117,5	30,3	49,5	18,7
7—8	304	116,3	30,2	46,3	16,3					
8—9	353	121,2	31,3	48,3	17,2	} II	125,3	32,9	52,0	19,1
9—10	335	121,5	33,1	49,2	16,1					
10—11	345	129,3	34,4	52,5	18,1	} III	135,5	35,2	56,7	21,5
11—12	307	135,7	33,2	54,7	21,5					
12—13	305	141,1	38,3	57,0	18,7	} IV	145,1	39,9	60,3	20,9
13—14	233	143,4	40,3	59,1	18,3					
14—15	151	150,9	41,4	60,5	19,1	} V	154,3	42,7	64,3	21,3
15—16	49	156,3	43,4	62,3	19,3					
16—17	16	156,5	43,4	63,7	20,3	} VI	157,7	41,5	64,1	22,3
17—18	4	161,2	43,7	64,6	20,9					
18—19	2	155,5	37,5	58,0	20,5					
Среднія цифры ежегоднаго увеличенія		4,3	1,1	1,33	—					

Таблица 3-я. Наименьшій ростъ.

М а л ь ч и к и.						Д ѣ в о ч к и.					
Воз- расть.	Число.	Ростъ.	Высота скамьи.	Высота стола.	Раз- ность.	Воз- расть.	Число.	Ростъ.	Высота скамьи.	Высота стола.	Раз- ность.
6—7	1	100,0	26,0	47,5	21,5	6—7	1	101,5	30,0	47,0	17,0
7—8	1	103,0	27,5	41,5	14,0	7—8	1	99,0	24,0	40,0	16,0
8—9	1	104,5	29,5	44,0	14,5	8—9	1	106,0	27,0	45,0	18,0
9—10	1	104,0	28,0	43,0	15,0	9—10	1	106,0	25,0	42,0	17,0
10—11	1	114,5	30,5	46,5	16,0	10—11	1	112,0	29,0	50,0	21,0
11—12	1	111,0	29,0	44,5	15,5	11—12	2	118,0	29,0	46,0	17,0
12—13	2	122,0	35,0	53,0	18,0	12—13	1	124,0	33,0	54,0	21,0
13—14	1	129,0	36,5	51,0	14,5	13—14	1	119,0	37,0	51,0	14,0
14—15	1	122,5	44,7	65,0	20,5	14—15	1	122,0	39,0	53,0	14,0
15—16	1	137,0	45,5	59,0	13,5	15—16	1	142,0	39,0	62,0	23,0
16—17	1	132,4	37,5	54,0	17,1	16—17	2	151,0	45,5	62,5	17,0
17—18	1	145,0	35,7	58,5	22,8	17—18	1	153,5	42,0	63,0	21,0
18—19	1	146,0	46,5	70,5	24,0	18—19	1	154,0	38,0	60,5	22,5
19—20	1	167,0	47,0	71,5	24,5	—	—	—	—	—	—
20—21	1	166,5	48,0	70,0	22,0	—	—	—	—	—	—

Таблица 4-я. Наибольшій ростъ.

М а л ь ч и к и.						Д ѣ в о ч к и.					
Воз- расть.	Число.	Ростъ.	Высота скамьи.	Высота стола.	Раз- ность.	Воз- расть.	Число.	Ростъ.	Высота скамьи.	Высота стола.	Раз- ность.
6—7	1	126,2	32,5	49,7	17,2	6—7	2	124,0	32,5	52,4	19,5
7—8	1	134,5	31,0	48,0	16,4	7—8	1	129,0	30,0	49,0	19,0
8—9	2	141,4	40,0	52,5	12,5	8—9	1	139,0	36,0	53,5	17,5
9—10	1	144,5	33,0	46,5	13,5	9—10	3	140,1	37,0	52,1	15,1
10—11	1	153,0	44,5	61,5	16,0	10—11	1	156,5	36,0	56,0	20,0
11—12	1	164,5	49,5	70,5	21,0	11—12	1	154,0	43,0	63,0	20,0
12—13	1	178,0	51,0	78,0	27,0	12—13	1	161,0	42,0	65,0	23,0
13—14	1	172,5	50,0	67,5	17,5	13—14	1	170,0	48,0	73,0	25,0
14—15	1	172,0	49,0	72,0	23,0	14—15	1	169,0	48,5	70,4	21,5
15—16	1	184,0	51,0	66,0	15,0	15—16	1	172,2	50,0	69,0	19,0
16—17	1	181,5	50,0	70,0	20,0	16—17	1	166,5	44,5	65,5	21,0
17—18	1	185,0	51,0	75,5	24,5	17—18	1	170,0	46,0	70,0	24,0
18—19	1	179,0	49,5	69,5	19,7	18—19	1	157,0	37,0	55,5	18,5
19—20	1	178,0	49,5	71,0	21,5	—	—	—	—	—	—
20—21	1	172,5	45,5	70,0	24,5	—	—	—	—	—	—

Затѣмъ, въ слѣдующихъ двухъ таблицахъ комиссія представила размѣры наименьшей и наибольшей классной мебели, соответствующей двумъ, выше показаннымъ, предѣламъ роста.

Таблица 5-я. Размѣры наименьшей мебели.									
Возрастъ.	Ростъ.	Высота скамьи.	Высота стола.	Разность.	Группы.	Ростъ.	Высота скамьи.	Высота стола.	Разность.
7—8	99,о	24,о	40,о	16,о	} I	106,1	27,7	43,о +2	15,1
6—7	111,о	29,7	45,1	15,4					
8—9	104,1	29,о	44,о	14,1					
Таблица 6-я. Размѣры наибольшей мебели.									
17—18	185,о	51,о	75,о	24,о	} VII	178,1	49,7	74,о +2	25,1
19—20	171,о	47,1	71,о	23,7					
12—13	178,о	51,о	78,о	27,о					

Послѣ всего комиссія сравнила найденныя ею цифры съ цифрами, вычисленными извѣстнымъ статистикомъ Кетле (Quetelet) изъ длиннаго ряда измѣреній дѣтей въ различныхъ слояхъ населенія въ Бельгiи. Изъ сравненiя, показаннаго въ слѣдующей таблицѣ, видно, что существуютъ довольно значительныя различiя между соответствующими возрастными дѣтьми обоего пола въ Бельгiи и Франкфуртѣ-на-Майнѣ и что преимущество и въ этомъ отношенiи остается на сторонѣ городского населенiя. Дѣти сравнительно болѣе достаточнаго городского населенiя во Франкфуртѣ оказались крупнѣе дѣтей не только сельскаго, но и силошнаго населенiя въ Бельгiи.

Таблица 7-я. Средній ростъ дѣтей въ Вельгін и Франк-фуртѣ-на-Майнѣ.

Воз- расть.	М а л ь ч и к и		Ежегодное увели- ченіе роста.		Д ѣ в о ч к и.		Ежегодное увеличе- ніе роста.	
	Въ Вель- гін.	Во Франк- фуртѣ.	Въ Вель- гін.	Во Франк- фуртѣ.	Въ Вель- гін.	Во Франк- фуртѣ.	Въ Вель- гін.	Во Франк- фуртѣ.
6—7	104,7	109,4	—	—	103,1	112,5	—	—
7—8	110,5	114,5	5,8	5,4	108,6	113,6	5,5	1,5
8—9	116,5	120,5	5,7	5,5	114,1	118,7	5,5	4,6
9—10	121,9	123,9	5,7	3,6	119,5	122,6	5,4	3,9
10—11	127,5	128,5	5,6	4,6	124,5	127,5	5,5	4,6
11—12	133,0	133,5	5,5	4,5	129,0	133,5	5,1	5,0
12—13	138,5	138,1	5,5	4,6	135,5	138,6	5,4	5,4
13—14	143,5	144,5	5,4	6,4	140,5	140,9	5,0	2,5
14—15	149,5	149,5	5,4	5,6	145,5	148,4	5,0	7,5
15—16	154,5	159,5	5,5	9,4	149,9	154,1	4,5	5,7
16—17	159,4	162,5	4,9	3,5	153,5	154,0	3,5	0,1
17—18	163,4	166,6	4,0	4,1	155,5	158,7	2,0	4,7
18—19	165,5	165,1	2,4	—	156,4	150,0	0,0	—
Ежегодное среднее увеличеніе роста			5,00	5,5	—	—	4,4	4,5

Изъ приведенныхъ таблицъ видно, какъ велика бываетъ разница въ ростѣ дѣтей одного и того же возраста. Такъ, наименьшій ростъ 8-лѣтняго мальчика составляетъ 104, а наибольшій 144 см.; въ 10-лѣтнемъ возрастѣ разница еще значительнѣе, т. е., 111 и 164,5 см.; въ 11-лѣтнемъ—122 и 178 см.; въ 13-лѣтнемъ — 122,8 и 178 см. Время отъ 8 до 13-лѣтняго возраста у насъ въ Россіи составляетъ средній учебный возрастъ для начальныхъ или народныхъ училищъ. И въ этомъ-то учебномъ возрастѣ разность въ ростѣ дѣтей одноклассныхъ училищъ простирается приблизительно до 40, 55, 56 и 49 см.; а между тѣмъ, за рѣдкими исключеніями, дѣти всѣхъ возрастовъ въ одноклассныхъ начальныхъ училищахъ сидятъ на одинаковыхъ

скамьяхъ. Однимъ по неволѣ приходится сгибаться и горбиться, а другимъ непомярно вытягиваться и все-таки горбиться отъ сидѣнья по нѣскольку часовъ съ висящими безъ опоры ногами. Не жестоко ли, не сурово ли поступаютъ съ дѣтьми наши школы, разсаживая ихъ на одинаковой и какой-нибудь мебели и не заботясь о томъ, что у нихъ портится зрѣніе, слабѣетъ становой хребетъ, утомляются дыхательные органы и легкія, неправильное кровообращеніе отзывается на сердцѣ; а необходимость учиться въ этой истомѣ всего тѣла раздражаетъ желчь и портитъ желудокъ, — и все это въ отроческомъ возрастѣ! Не забудемъ при этомъ, что школьныя помѣщенія у насъ нерѣдко низки, темны, тѣсны, сыры, холодны, и что отъ верхняго платья и обуви спирается въ нихъ нестерпимая духота. Не забудемъ также, что у насъ очень рѣдко, лишь въ немногихъ начальныхъ училищахъ дѣти упражняются въ гимнастикѣ. Среди такой обстановки нашей бѣдной сельской школы, *какая-нибудь* классная мебель можетъ надолго, если не безвозвратно губить здоровье и силы дѣтей. И все это изъ-за недостатка средствъ на устройство самой простой мебели? Намъ кажется, что вся бѣда происходитъ не столько отъ недостатка средствъ, сколько отъ незнанія свойствъ и послѣдствій этой бѣды для здоровья дѣтей.

Но возвратимся къ докладу франкфуртской комиссіи. Въ таблицахъ ея не находимъ указаній на тѣ различія, которыя встрѣчаются въ ростѣ дѣтей одного и того же возраста, или, — что одно и то же, — въ ростѣ дѣтей каждой одноклассной школы. Этотъ пробѣлъ объясняется весьма просто: комиссія имѣла въ виду однѣ франкфуртскія начальныя училища, а во Франкфуртѣ на-Майнѣ изъ общественныхъ школъ нѣтъ ни одной одноклассной. Мы можемъ пополнить этотъ пробѣлъ изслѣдованіями Фарнера. Онъ вычислилъ приблизительно наименьшій, средній и наибольшій ростъ дѣтей въ одномъ и томъ же классѣ, или въ одноклассной школѣ. По его показаніямъ, крайніе предѣлы роста въ каждомъ классѣ составляютъ не болѣе 10% — 15%; большинство же разнится въ ростѣ отъ 10 до 27 см.

Первая изъ приведенныхъ выше таблицъ указываетъ, между прочимъ, тѣ размѣры, которые, по мнѣнію франкфуртской комиссіи, слѣдуетъ назначить для отдѣльныхъ частей классной мебели. Сверхъ семи разныхъ размѣровъ, соответствующихъ среднему росту въ семи разныхъ возрастахъ, франкфуртская комиссія рекомендуетъ еще два нормальныхъ размѣра для дѣтей исключительно малаго и исключительно большаго роста. Полагаемъ, что съ этими заключеніями нельзя

не согласиться, но лишь для Франкфурта, для Германіи и для всѣхъ тѣхъ странъ, въ которыхъ обязательный учебный возрастъ составляетъ отъ 7 до 9 лѣтъ (начиная съ пяти и оканчивая тринадцати и пятнадцатилѣтнимъ возрастомъ). У насъ девять нормальныхъ размѣровъ классной мебели могутъ понадобиться только въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но не въ низшихъ начальныхъ или элементарныхъ училищахъ, ибо у насъ бытовныя условія сельскаго населенія обуславливаютъ четырехлѣтній учебный возрастъ, то есть, отъ 8 до 12 лѣтъ. Исключенія въ пользу 6-лѣтняго учебнаго возраста весьма рѣдки.

Разсмотримъ теперь подробнѣе рекомендуемыя франкфуртскою комиссіею размѣры нормальной мебели.

Высота сидѣнья, или скамьи, опредѣлена комиссіею по высотѣ ноги отъ колѣна до пятки; высота стола—по разстоянію вертикально направленнаго къ полу локтя у сидящаго ребенка отъ пола, или отъ подножки. Разность между высотами скамьи и стола вымѣрена комиссіею отъ поверхности скамьи до нижняго края стола. Само собою очевидно, что при разнородныхъ учебныхъ упражненіяхъ эта разность измѣняется. Наибольшимъ измѣненіямъ она подвергается при писаніи, черченіи и рисованіи. Пишущій, чертащій или рисующій ученикъ отодвигаетъ локоть руки отъ корпуса и чрезъ то увеличиваетъ разстояніе локтя отъ пола или подножки, стало быть, измѣняетъ найденную комиссіею высоту стола. Такъ какъ эта высота имѣетъ только относительную важность, т. е., лишь при письменныхъ, чертежныхъ и рисовальныхъ занятіяхъ дѣтей, то нужно опредѣлить дѣйствительное отдаленіе локтя отъ корпуса во время этихъ занятій; съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣлится, насколько поверхность учебнаго стола должна быть выше истиннаго разстоянія между нижнимъ его краемъ и поломъ или подножкой. Франкфуртская комиссія опредѣлила эту разность въ 2 см. Это значитъ, что учебные столы должны быть такъ устраиваемы, чтобы обращенный къ ученику край поверхности каждаго стола былъ на 2 см. выше найденнаго разстоянія между локтемъ и поломъ или подножкой. Съ другой стороны, это не значитъ, чтобы столовая доска была непременно въ 2 см. толщины. Толщина ея должна быть только достаточною, а для дѣла безразлично, насколько выше или ниже будетъ нижнее бедро столовой доски. По какимъ соображеніямъ франкфуртская комиссія опредѣлила подъемъ поверхности стола надъ разстояніемъ отъ локтя до пола въ 2 см., намъ неизвѣстно. У другихъ изслѣдователей этотъ

подъемъ опредѣленъ иначе. Такъ Фарнеръ полагаетъ, что отдаленіе локтя отъ корпуса при соотвѣтствующихъ упражненіяхъ, или, что то же, подъемъ поверхности стола относится къ росту учащихся у мальчиковъ какъ 1:7,9 и до 8,3, а у дѣвочекъ какъ 1:6,6 и до 7,7. Цвецъ (Zwez) утверждаетъ, что это отношеніе къ росту мальчиковъ составляетъ 1:7,4, а у дѣвочекъ — 1:6,7. Виртембергская учебная администрація опредѣляетъ интересующую насъ разницу еще болѣшимъ отношеніемъ, а именно: какъ 1:6. Если вычислить разницу между отношеніемъ, принимаемымъ въ Виртембергѣ, и отношеніемъ, найденнымъ во Франкфуртѣ, то среднее отношеніе для мальчиковъ составитъ 1:6,3 до 6,7, а для дѣвочекъ 1:5,6 до 6,5; стало быть, значительно болѣе противъ Фарнера и Цвеца ¹⁾).

Выше мы упустили изъ виду замѣтить, что франкфуртская коммиссія, наравнѣ со всею Германіею, признала необходимость строить учебную мебель такъ, чтобы скамьи были непремѣнно скрѣплены со столами, чтобы поверхность стола была наклонна и чтобы подъемъ одного его края составлялъ также 2 см. Замѣтимъ мимоходомъ, что подъемъ могъ бы быть и выше на одинъ сантиметръ.

Не менѣе интересно заключеніе коммиссіи о томъ, нужно ли какое-нибудь разстояніе между краемъ стола и ближайшимъ къ нему краемъ скамьи. По мнѣнію коммиссіи, негативное разстояніе невозможно, т. е., край стола не долженъ выдаваться долѣе края скамьи, ибо безъ этого ученикамъ было бы трудно вставать. Коммиссія приняла, что разстояніе между краями стояла и скамьи должно равняться нулю, т. е., чтобы между краями стола и скамьи, кромѣ подъема одного надъ другою, не было его вовсе, чтобы обращенныя другъ къ другу края стола и скамьи находились въ одной, вертикальной къ полу, плоскости. Такъ какъ при этомъ условіи встающимъ, по вызову наставниковъ, дѣтямъ нельзя прямо стоять, то коммиссія потребовала, чтобы столы были непремѣнно двумѣстные и чтобы встающія по вызовамъ дѣти выходили при этомъ направо или налево въ промежутки между столами. Чтобы эти выходенія могли

¹⁾ Для ясности считаемъ нелишнимъ показать значеніе приведенныхъ отношеній на примѣрахъ. Если ростъ дитяти будетъ 6,3 четверти аршина, то поднятіе локтя при письменныхъ упражненіяхъ, или разница между высотой стола и разстояніемъ локтя отъ пола, будетъ равно отношенію $\frac{1}{4}$ къ 6,3 аршина. Другой примѣръ: если бы ростъ дитяти былъ ровенъ $1\frac{3}{4}$ аршина, то подъемъ руки при письменныхъ упражненіяхъ составилъ бы $\frac{1}{4}$ аршина.

происходитъ безъ задержки и ушибовъ, комиссія постановила, чтобы концы столовъ и скамей были закруглены и чтобы скамья была короче стола на 8, а въ младшихъ классахъ и на 10 см. При всемъ нашемъ уваженіи къ добросовѣстнымъ трудамъ комиссіи, не можемъ не удержаться отъ замѣчанія, что въ сужденіяхъ о разстояніи между учебными столами и скамьями она вдалась въ такія мелочныя подробности, которыя весьма мало значать при вставаніяхъ и выходахъ дѣтей изъ-за стола. Извѣстно, что и не развитыя гимнастическими упражненіями дѣти быстрѣе и легче въ движеніяхъ, нежели взрослые.

Еще одно изъ положеній комиссіи не можетъ не казаться страннымъ, и вызвало возраженія въ отдѣлѣ думы. По соображеніямъ дисциплинарнымъ, экономическимъ и слишкомъ теоретическимъ, комиссія признала необходимость лопаточныхъ или верхнихъ поперечниковъ въ спинкѣ скамьи и отвергла пользу крестцовыхъ, поясничныхъ, или нижнихъ поперечниковъ въ задкахъ скамьи. Эти послѣдніе, по мнѣнію комиссіи, только защемляли бы дѣтей въ тѣсныхъ промежуткахъ между краями столовъ и спинками, только стѣсняли бы дѣтей при вставаніяхъ и выходахъ. Но мы уже замѣтили, что вставанія и выходы для дѣтей не то же, что для взрослыхъ; а теперь прибавимъ, что нужно особенно заботиться, чтобы становой хребетъ дѣтей не утомлялся при классныхъ занятіяхъ. Въ этомъ соображеніи и отдѣлъ франкфуртской городской думы постановилъ устраивать скамьи не только съ верхними, но и съ нижними поперечниками въ задкахъ, и притомъ такъ, чтобы первые были на высотѣ лопаточныхъ костей, а вторые—на высотѣ поясницы или крестца, чтобы задки были непременно отклонены назадъ и чтобы отклоненіе верхняго края въ верхнемъ поперечникѣ отъ вертикальной къ полу плоскости, въ которой находится ближайшій къ скамьѣ край стола, составляло 4 см.

Въ заключительныхъ выводахъ своихъ комиссія предложила слѣдующіе размѣры для учебной мебели:

Группы.	Ширина по- верхности стола.	Вышина задка въ скамьѣ.	Ширина доски въ скамьѣ.	Эта же шири- на въ Вир- тембергѣ.
I	42,5 см.	32 см.	27,5 см.	23,4 см.
II	45,0 "	34 "	28,0 "	25,3 "
III	45,0 "	35 "	28,0 "	27,1 "
IV	45,0 "	37 "	30,0 "	29,3 "
V	48,0 "	39 "	32,0 "	31,8 "
VI	53,0 "	39 "	32,5 "	33,4 "
VII	53,0 "	44 "	36,0 "	34,0 "

Здѣсь кстати замѣтимъ, что франкфуртская коммиссія сравнила свои выводы съ предписаніями виртембергской учебной администраціи, потому что начальныя школы въ Виртембергѣ по справедливости считаются достигшими высшаго уровня, чѣмъ гдѣ-либо въ Германіи. Виртембергская учебная администрація требуетъ, чтобы ширина классныхъ скамей равнялась $\frac{1}{6}$ роста учащихся.

Замѣтимъ также, что въ ширинѣ классныхъ столовъ франкфуртскою коммиссіею допущена нѣкоторая роскошь. Само собою понятно, что эта роскошь не вредитъ дѣлу: чѣмъ шире учебные столы, тѣмъ лучше, лишь бы ширина ихъ не мѣшала дѣтямъ доставать перьями чернилицы.

Нельзя того же сказать о роскоши, допущенной франкфуртскою коммиссіею въ указываемой ею нормѣ ширины учебной скамьи. Въ этомъ отношеніи роскошь не извинительна: слишкомъ широкія скамьи еще болѣе утомляютъ, нежели слишкомъ узкія. Впрочемъ, для рѣшительнаго слова объ этомъ нужны еще опыты. Для тѣхъ любителей школьнаго дѣла, которые интересуются подобными опытами и не стѣсняются въ денежныхъ средствахъ, мы приведемъ имѣющіеся у насъ подъ руками размѣры ширины классныхъ скамей, рекомендуемые разными изслѣдователями и употребляемые въ разныхъ странахъ.

Ваденская учебная администрація требуетъ		
классныхъ скамей шириною	отъ 24	до 27 см.
Д-ръ Фрей (Freu)	" 21	" 27 "
Д-ръ Конъ (Kohn)	" 26,1	" — "
Шведскія учебныя скамьи	" 26,1	" 29 "
Сѣверо-американскія	" 23,5	" 26,1 "
Прусскія	" 23,5	" — "

Затѣмъ франкфуртская коммиссія высказалась противъ учебныхъ столовъ съ отдвижными крышками (которые были впервые рекомендованы г. Кунце) и, наоборотъ, признала пользу столовъ съ корпусами, поднимающимися на нѣсколько сантиметровъ. Первые, очевидно, не прочны и не нужны; вторые, напротивъ, устраняютъ необходимость изготовлять учебные столы для каждаго исключительнаго роста. Образцы такихъ столовъ не новостъ и у насъ, но по цѣнѣ они недоступны, по непрочности невыгодны для училищъ, а подъ часъ могутъ дать поводъ къ нарушенію классной дисциплины.

Коммиссія не высказала своего мнѣнія о столахъ съ желѣзными, или чугунными остовами. Въ Европѣ и у насъ были попытки ввести ихъ, но, конечно, со стороны только тѣхъ школъ, которыя не нуждаются въ денежныхъ средствахъ. Можно рекомендовать ихъ не ради лишь одной ихъ прочности. Если обязательно серьезно думать объ учебныхъ столахъ и скамьяхъ, вполне соответствующихъ всѣмъ строгимъ и законнымъ требованіямъ прикладной педагогики и общественной гигиены, то сама собою выступаетъ необходимость такой точности и отчетливости въ исполненіи всѣхъ частей въ столахъ и скамьяхъ по нормальнымъ размѣрамъ, что деревянные столы обойдутся не дешевле столовъ съ чугунными остовами. Если матеріалъ для послѣднихъ относительно не дешевъ, то отливка ихъ при большихъ заказахъ обойдется несравненно дешевле, нежели медленная и отчетливая ручная работа надъ каждымъ отдѣльнымъ деревяннымъ столомъ. И, кромѣ того, еслибы правительство какой-либо страны обязало ввести деревянную учебную мебель во всѣхъ безъ исключенія училищахъ, то какое множество рабочихъ рукъ и сколько дорогаго времени потребовалось бы на изготовленіе десятковъ, даже сотенъ тысячъ такихъ столовъ? Въ виду этихъ затрудненій, въ богатыхъ мѣстностяхъ Швейцаріи начали запасаться нормальными учебными столами съ чугунными и желѣзными остовами, и если другія, опередившія насъ въ школьномъ дѣлѣ и не менѣе Швейцаріи расчетливыя, страны не перешли къ такимъ же столамъ вмѣсто обыкновенныхъ деревянныхъ, то, всего вѣрнѣе, потому, что вопросъ о наилучшихъ размѣрахъ нормальной учебной мебели еще не рѣшенъ окончательно. И въ Европѣ и у насъ серьезные педагоги дѣятельно трудятся надъ его разрѣшеніемъ и, можетъ быть, лѣтъ черезъ десять о нормальныхъ размѣрахъ учебной мебели не будетъ спора. Въ ожиданіи этого, просвѣщенныя общества во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ слѣдуетъ замѣнить многомѣстные деревянные учебные столы деревянными же, но двумѣстными и по нормамъ той или другой системы. Пожелаемъ, чтобы и у насъ доброты-строители училищъ въ устройствѣ классной мебели соображались съ нормами той или другой системы: нужно же когда-нибудь убѣдиться, что школы губительны, если обращаютъ одностороннее вниманіе на *mentem sanam* и портятъ *corporis sanitatem*. Пожелаемъ также, чтобы наши педагоги, теоретики и практики, подѣлились съ обществомъ своими соображеніями о томъ, какую изъ существующихъ системъ устрой-

ства классной мебели должно признать наиболее соответствующую особенностям учащихся дѣтей въ нашемъ отечествѣ.

Въ то время, какъ эта статья была уже готова, до насъ дошло извѣстiе, что въ засѣданiи Силезскаго общества отечественной культуры (Schlesische Gesellschaft für vaterländische Cultur), 7-го ноября прошлаго года, д-ръ Конъ читалъ свой рефератъ объ образцовыхъ училищныхъ домахъ и учебныхъ столахъ, бывшихъ въ педагогическомъ отдѣлѣ прошлогодней всемирной выставки въ Вѣнѣ. Въ непродолжительномъ времени мы надѣемся познакомить читателей съ содержаниемъ этого любопытнаго реферата. Теперь же, считаемъ не лишнимъ пополнить нашу статью новыми выводами д-ра Кона.

На Вѣнской всемирной выставкѣ оказалось 47 различныхъ системъ учебныхъ столовъ. Д-ръ Конъ подробно изучалъ всѣ системы, сдѣлалъ измѣренiя и чертежи столовъ каждой изъ нихъ и представилъ о нихъ свои заключенiя съ точки зрѣнiя удобствъ или неудобствъ для воспитанниковъ. Десять системъ онъ призналъ *безусловно-негодными* (absolut-schlecht) и въ томъ числѣ систему такъ называемыхъ новыхъ берлинскихъ столовъ. Столы этихъ системъ безусловно негодны потому, что не могутъ быть приближаемы къ скамьямъ такъ, чтобы край стола выступалъ на 2 дюйма далѣе края скамьи; а безъ этого условiя при писанiи, черченiи и рисованiи у дѣтей неминуемо развивается или усиливается близорукость. Столы остальныхъ 37-ми системъ оказались болѣе или менѣе удовлетворительными. Между ними есть неподвижные и подвижные. Изъ подвижныхъ д-ръ Конъ отдаетъ преимущество столамъ учебной администрацiи въ Базельскомъ кантонѣ и профессоровъ Буля (Buhl) и Линсмейера (Linsmeier) въ Мюнхенѣ. Столы этихъ двухъ системъ признаны удобнѣйшими и даже совершенно удобными для продолжительнаго сидѣнiя въ классѣ. Такъ какъ, при вставанiи изъ-за этихъ столовъ ученики должны непременно выходить прямо или влѣво, то столы могутъ быть только двумѣстные.

Для домашняго обученiя предпочтительнѣе всякихъ другихъ признаются столы съ подъемными корпусами. Въ этихъ видахъ д-ръ Конъ рекомендуетъ столы директора, учителя семинарiи, д-ра Зандберга въ Стокгольмѣ и Биттгорна въ Бреславлѣ. Д-ръ Конъ выражаетъ желанiе, чтобы и въ училищахъ постепенно вводились столы съ подъемными корпусами. На возраженiе экспертовъ, что эти столы

слишкомъ дороги, слишкомъ много занимаютъ мѣста и требуютъ слишкомъ просторныхъ классныхъ комнатъ, д-ръ Конъ, какъ гигиенистъ по профессіи и по страсти, замѣчаетъ, что о дороговизнѣ столовъ и о недостаточности средствъ не должно быть рѣчи, когда является нужда предотвратить близорукость, которая, при нинѣшней шести или восьмилѣтней начальной школѣ, развивается между дѣтьми въ ужасающей прогрессіи. Съ своей точки зрѣнія д-ръ Конъ самымъ рѣшительнымъ образомъ предостерегаетъ учебную администрацію отъ новыхъ берлинскихъ столовъ, такъ какъ они почти не выдерживаютъ сравненія съ самыми негодными изъ англійскихъ и несомнѣнно вредны для дѣтей.

Насъ не можетъ не поражать, съ какою быстротою въ практическомъ своемъ разрѣшеніи выросъ въ Германіи и вообще въ западной Европѣ вопросъ объ удобнѣйшей учебной мебели. Еще недавно, на Парижской всемірной выставкѣ, было всего 3 системы учебныхъ столовъ, а на прошлогодней выставкѣ въ Вѣнѣ оказалось уже 47 системъ. Для насъ даже почти непонятна какая-то щепетильная, почти мелочная и въ то же время ревнивая до соперничества заботливость, съ которою заграничные, европейскіе и американскіе педагоги относятся къ вопросу объ учебной мебели. Вотъ почему считаемъ не лишнимъ въ немногихъ словахъ припомнить, какъ и почему избрана была, а потомъ и утвердилась та точка зрѣнія, съ которой не только спеціалисты-педагоги, но и ученые знаменитости по другимъ профессіямъ разсматриваютъ теперь не только важнѣйшіе, но и мельчайшіе, повидимому, вопросы школьной организаціи.

Серьезное и всестороннее изученіе простой начальной школы составляетъ совершенно новую черту въ исторіи европейской цивилизаціи и всецѣло принадлежитъ нашему столѣтію. Благодаря тому великому подвижнику во имя воспитанія дѣтей, который въ концѣ прошлаго и въ первой четверти текущаго столѣтія всецѣло посвятилъ себя теоріи и практикѣ воспитанія, — который, столько же своимъ ученіемъ, сколько и всею жизнію пробудилъ одновременно въ обоихъ полушаріяхъ небывалое дотошъ общественное вниманіе къ начальной школѣ, — вопросъ о воспитательномъ обученіи и народномъ образованіи въ тѣсномъ смыслѣ этого термина поставленъ въ Европѣ и Америкѣ на высоту, равную со всѣми вопросами государственной важности. Вотъ почему со времени Песталоцци и до нашихъ дней не было ни одного государственнаго человѣка, ни одного политика, философа, публициста, который не заплатилъ бы дань генію этого

отца современной педагогики и не посвятилъ бы своей мысли той или другой изъ задачъ семейнаго, общественнаго и народнаго воспитанія. Въ наше время статистическими выкладками неоспоримо доказано, что чрезъ вліяніе на умственное, нравственное и матеріальное благосостояніе народовъ школа вліяетъ и на тѣлесную ихъ силу, бодрость, ростъ, красоту, здоровье, нарожденіе и смертность. Честь впервые усмотрѣть, а потомъ и доказать истину, принадлежитъ французскимъ ученымъ. Въ самый годъ смерти Песталоцци, Дубль и Мелье (Melier) впервые указали на вліяніе народнаго образованія на относительную силу смертности въ населеніи. Первый высказалъ свое мнѣніе въ общихъ выраженіяхъ. Промышленность, по его мнѣнію, какъ результатъ образованія, превращаетъ вредныя для здоровья мѣстности въ безвредныя и чѣмъ болѣе распространяетъ благосостояніе и увеличиваетъ удобства жизни, тѣмъ болѣе обезсиливаетъ болѣзненность и смертность, тогда какъ, при невѣжествѣ и бѣдности эти бичи человѣчества владычествуютъ надъ людьми безъ всякаго съ ихъ стороны отпора. То же доказывалъ и Мелье, но болѣе методично и научно. Онъ нашелъ по каждому изъ 85-ти департаментовъ Франціи отношенія числа обучающихся въ школахъ дѣтей и общаго числа умирающихъ во всѣхъ возрастахъ къ массѣ сплошнаго населенія и, расположивъ департаменты по относительной величинѣ цифръ въ обоихъ столбцахъ, убѣдился, что въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ обучается наибольшее число дѣтей, число умирающихъ значительно менѣе числовой величины средней смертности въ сплошномъ населеніи Франціи. Въ послѣдніе 2—3 года ученый Дю-Мениль (Du Mesnil) провѣрилъ это заключеніе и получилъ еще болѣе определенныя и точныя выводы. Для этой цѣли онъ собралъ данныя другихъ категорій, а именно, онъ сравнилъ департаменты Франціи по отношенію числа учащихся дѣтей къ средней продолжительности жизни и къ среднему росту населенія. Изъ сравненія департаментовъ въ этихъ отношеніяхъ онъ пришелъ къ заключенію, что въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ число обучавшихся было наибольшее, средняя продолжительность жизни оказалась кратчайшею и ростъ наименьшимъ (что въ извѣстной степени конечно могло зависѣть еще отъ вліянія многихъ различій въ свойствахъ мѣстныхъ породъ и бытовыхъ условій) и что только тѣ департаменты, которымъ принадлежитъ первое мѣсто по образованію (впрочемъ, за исключеніемъ большихъ густо населенныхъ и тѣсныхъ городовъ), отличаются наибольшею среднею продолжительностію жизни и наибольшимъ среднимъ ростомъ населенія.

Стало быть, продолжительность жизни увеличивается не тамъ, гдѣ наибольшее число школъ, но только тамъ, гдѣ онѣ наилучшія. Затѣмъ Дю-Мениль расположилъ департаменты по среднему числу умершихъ въ теченіе 1851—1860 годовъ и сравнилъ полученную имъ таблицу съ первою. Въ третьей таблицѣ, полученной имъ изъ сравненія двухъ первыхъ, наибольшее число умершихъ совпало съ наименьшею степенью образованія. Посредствомъ того же сравнительнаго способа онъ нашелъ, что и наибольшее число негодныхъ къ военной службѣ падаетъ на департаменты, въ которыхъ наименѣе развито образованіе. Эти открытія гигиенической статистики привели къ слѣдующимъ, весьма интереснымъ числовымъ сопоставленіямъ и выводамъ. Въ 1838 году во Франціи считалось 33,540,000 душъ сплошнаго населенія; съ тѣхъ поръ ежегодное приращеніе его составляло 0,44%. Въ тотъ же періодъ времени населеніе Пруссіи увеличилось съ 13,589,000 до 19,250,000 душъ; стало быть, ежегодное приращеніе сплошнаго населенія въ Пруссіи составляло 1,62%. По выводу, полученному Леруа-Болье (Leroy-Beaulien), оказывается, что народонаселеніе Пруссіи увеличивается въ три съ половиною раза скорѣе, чѣмъ во Франціи и что для Франціи нужно 160, а для Пруссіи 42 года, чтобъ населеніе той и другой страны удвоилось. Въ виду этихъ послѣднихъ цифръ нельзя сомнѣваться, что если Пруссаки со времени Наполеоновскихъ войнъ, т. е. въ короткій періодъ времени сдѣлались наиболѣе могущественнымъ и образованнѣйшимъ народомъ въ цѣлой Европѣ, то этимъ они обязаны системѣ обязательнаго обученія, которая утвердилась въ Пруссіи не ранѣе 30 лѣтъ назадъ.

Заключимъ словами знаменитѣйшаго изъ современныхъ европейскихъ статистиковъ. Еще въ 1865 году въ своихъ *Statistische Nachrichten* (№ 6, 1865 г.) д-ръ Энгель сказалъ: „Ist Wissen also wirklich Macht, so ist der Elementarunterricht auch eine Grundlage der Macht, des Vermögens und des Reichthums der Einzelnen wie der Nationen“, т. е. если знаніе есть дѣйствительная сила, то и элементарное обученіе есть основаніе силы, могущества и богатства какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и народовъ. Прибавимъ къ этому, что не менѣе знаменитый въ наши дни Мольтке, почти на дняхъ, въ назиданіе всему міру, призналъ за школою значеніе „точки опоры для рычага, коимъ мы можемъ оградить себя отъ внутреннихъ опасностей, которыя не менѣе грозны, какъ и внѣшнія опасности, — отъ притязаній социалистовъ и коммунистовъ“.

И. Новиковъ.

СОВРЕМЕННОЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

Постановленныя совѣтомъ университета св. Владиміра условія для занятія должности лектора иностранныхъ языковъ.—Особый курсъ химіи для студентовъ медицинскаго факультета университета св. Владиміра.—Учрежденіе пропедевтической клиники при кафедрѣ врачебной діагностики въ Московскомъ университетѣ.—Свѣдѣнія о дѣятельности попечительства о недостаточныхъ студентахъ при Новороссійскомъ университетѣ въ 1873 году.—Новыя пожертвованія въ пользу Московскаго университета.

— Ординарный профессоръ по кафедрѣ римской словесности г. *Модестовъ* вошелъ въ историко-филологическій факультетъ университета св. Владиміра съ слѣдующимъ предложеніемъ. 13-го сентября 1873 года минуло ровно пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ опредѣленіемъ совѣта этого университета отъ лицъ, ищущихъ должности лектора одного изъ иностранныхъ языковъ, постановлено требовать: 1) чтобы они вполнѣ владѣли языкомъ русскимъ и имѣли, по крайней мѣрѣ, степень кандидата филологическаго факультета; и 2) чтобы каждый изъ нихъ представлялъ доказательства основательнаго своего знакомства съ литературою, которую онъ намѣренъ преподавать. Въ теченіе означеннаго срока не явилось ни одного соискателя для занятія вакантныхъ лекторскихъ должностей ни по французскому, ни по итальянскому языкамъ изъ лицъ иностраннаго происхожденія, имѣющихъ степень кандидата какого-либо русскаго университета. Есть много причинъ полагать, что, при существованіи этого условія, подобныхъ лицъ не найдется и въ будущемъ (за исключеніемъ лишь лекторовъ

нѣмецкаго языка, благодаря тому, что языкъ этотъ господствуетъ въ университетѣ Дерптскомъ и есть не мало лицъ нѣмецкаго происхожденія, обучающихся въ другихъ нашихъ университетахъ). Но тотъ же питательный опытъ доказалъ, что нельзя разчитывать на замѣщеніе должности лекторовъ Русскими. Людямъ, имѣющимъ степень кандидата и получившимъ хорошее литературное образованіе, нѣтъ расчета занимать упомянутую должность, скудно оплачиваемую и при томъ одинаковымъ жалованьемъ въ теченіе всей службы, когда они могутъ пользоваться бѣльшимъ окладомъ жалованья, поступивъ въ учителя гимназій, не говоря уже о многихъ другихъ профессіяхъ. Для этихъ лицъ особенно затруднительно второе изъ приведенныхъ выше условій, а именно, что они должны вполнѣ владѣть языкомъ и литературой, преподаваніе которыхъ принимаютъ на себя. Находились, конечно, и между лицами русскаго происхожденія желавшія занять должность лектора французскаго или итальянскаго языка, но ни изъ чего не видно, чтобы они серьезно хлопотали объ этомъ, ибо прекращали свое ходатайство прежде, чѣмъ историко-филологическій факультетъ могъ приступить къ разсмотрѣнію ихъ правъ. Итакъ, какимъ же образомъ университетъ можетъ замѣщать вакантныя должности лекторовъ, когда лицамъ иностраннаго происхожденія фактически закрыть къ тому путь требованіемъ отъ нихъ ученой степени русскихъ университетовъ, а Русскіе или чуждаются этихъ должностей, или ищутъ ихъ только по случайнымъ обстоятельствамъ, а не въ силу спеціального къ нимъ приготовленія? Лекторы иностранныхъ языковъ, говоритъ г. Модестовъ, повсюду выбираются изъ уроженцевъ той страны, языкъ и литературу которой они преподають, и занимають эти должности на основаніи дипломовъ отъ отечественныхъ учебныхъ заведеній, главное же на основаніи представляемыхъ ими доказательствъ, что они вполнѣ знакомы съ своимъ дѣломъ. Дѣйствительно, что требуется отъ хорошаго лектора какого-либо новаго иностраннаго языка? Прежде всего, чтобы онъ владѣлъ этимъ языкомъ со всѣми его особенностями и идиотизмами, чтобы онъ былъ знакомъ основательно съ его литературой и умѣлъ бы преподавать его, какъ живой языкъ. Лектору нѣтъ надобности быть записнымъ ученымъ. Филологическое изученіе языка преподается съ профессорскихъ, а не съ лекторскихъ кафедръ. Лекторъ долженъ научить своихъ слушателей живому пониманію языка, владѣть имъ въ письмѣ и словѣ и познакомить съ замѣчательнѣйшими явленіями его литературы, и этимъ цѣль его достигнута. Опытные лекторы языка французскаго,

покойные—Марго въ С.-Петербургскомъ университетѣ и Бушо въ Педагогическомъ институтѣ и Александровскомъ лицѣй—люди, оставившіе замѣтные слѣды своей дѣятельности въ хорошихъ учебникахъ и руководствахъ, имѣли основательное литературное образованіе, но не были учеными. Такъ всегда бываетъ и у насъ, и за границею. Г. Пинто, извѣстный лекторъ итальянскаго языка въ Петербургѣ, Фабруччи въ Берлинѣ и другіе—не филологи, а просто образованные люди, хорошо владѣющіе языкомъ своей страны. На какомъ же основаніи Кіевскій университетъ долженъ требовать отъ лекторовъ ученыхъ степеней, да еще — русскихъ университетовъ? Постановленіе 1868 года сдѣлано, конечно, въ видахъ пріобрѣтенія лекторовъ изъ среды природныхъ Русскихъ: желаніе хорошее, но, къ сожалѣнію, неосуществимое. Факультетъ давно уже сознаетъ разныя неудобства, проистекающія изъ столь долговременнаго незамѣщенія должностей лекторовъ французскаго и итальянскаго языковъ. Отзываясь на студентахъ всѣхъ факультетовъ, столь ненормальное явленіе особенно чувствительно для студентовъ факультета историко-филологическаго.

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній, г. Модестовъ просилъ факультетъ войти съ представленіемъ въ совѣтъ университета, не сочтетъ ли онъ полезнымъ измѣнить постановленіями имъ условія для пріобрѣтенія лекторскихъ должностей? Факультетъ согласился съ мнѣніемъ профессора Модестова, что строгость условій была до нѣкоторой степени причиною того, что должности лекторовъ французскаго и итальянскаго языковъ оставались въ продолженіе пяти лѣтъ не замѣщенными. По мнѣнію факультета, есть не мало иностранцевъ, получившихъ за границею солидное образованіе, научившихся въ Россіи говорить по-русски, и которые не домогаются сдѣлаться лекторами только потому, что имъ предстоитъ еще выдержать кандидатское испытаніе. Но съ другой стороны справедливо, кажется, требовать отъ подобныхъ лицъ, чтобъ они исполнили владѣли преподаваемыми ими языками и были основательно знакомы съ ихъ литературою. Посему факультетъ ходатайствовалъ предъ совѣтомъ объ отмѣнѣ того изъ его распоряженій, по которому должность лектора можетъ быть предоставляема только лицамъ, имѣющимъ, по крайней мѣрѣ, степень кандидата, полученную на филологическомъ факультетѣ одного изъ русскихъ университетовъ; остальные же условія могли бы быть оставлены въ прежней силѣ.

Для обсужденія изложеннаго вопроса, совѣтъ назначилъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ ректора изъ четырехъ профессо-

ровъ, въ томъ числѣ и г. Модестова, и согласно съ заключеніемъ этого комитета, постановилъ слѣдующія правила: 1) иностранецъ, желающій занять мѣсто лектора, долженъ представить: а) аттестатъ объ окончаніи курса гимназіи или дипломъ на степень бакалавра; б) рукописное или печатное сочиненіе по языку или по литературѣ, которые онъ намѣренъ преподавать. 2) По признаніи историко-филологическимъ факультетомъ упомянутаго сочиненія удовлетворительнымъ, ищущій должности допускается къ защитѣ его и тезисовъ, которые, по одобреніи факультетомъ, должны быть напечатаны. Диспутъ происходитъ въ собраніи факультета и въ присутствіи какъ депутатовъ отъ каждаго изъ факультетовъ, такъ и другихъ членовъ совѣта. При этомъ отъ диспутанта требуется, чтобы онъ понималъ возраженія, дѣлаемыя ему на русскомъ языкѣ, и отвѣчалъ непременно на языкѣ, который намѣренъ преподавать. 3) Послѣ успѣшной защиты онъ обязанъ прочитать въ присутствіи факультета двѣ лекціи: одну—по языку, другую—по исторіи литературы, послѣднюю на языкѣ своего преподаванія. На пробной лекціи по языку требуется доказать умѣнье переводить съ русскаго на иностранный и съ иностраннаго на русскій. Темы для обѣихъ лекцій назначаются факультетомъ, но преподавателю дается время, необходимое для приготовленія къ нимъ. Для приготовленія же къ лекціи по языку назначается время непосредственно передъ самою лекціею. Настоящія правила примѣняются къ лицамъ, окончившимъ курсъ гимназій или высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи.

— Медицинскій факультетъ университета св. Владиміра, при обсужденіи вопроса о распредѣленіи преподаванія вспомоgetельныхъ предметовъ въ первомъ и второмъ курсахъ, счелъ необходимымъ организовать особый курсъ химіи для своихъ студентовъ отдѣльно отъ студентовъ факультета физико-математическаго, состоящій изъ теоретическаго изложенія неорганической и органической химіи на первомъ курсѣ и практическихъ занятій на второмъ. И то, и другое признано необходимымъ поручить лицу, завѣдывающему практическими занятіями студентовъ въ химической лабораторіи. Совѣтъ университета, большинствомъ 21 голоса противъ 14, призналъ это распоряженіе факультета основательнымъ и вошелъ къ попечителю Кіевского учебнаго округа съ ходатайствомъ по сему предмету. Министерство предоставило г. попечителю сдѣлать зависящія отъ него распоряженія къ осуществленію вышеизложеннаго.

— На медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета пре-

подается врачебная діагностика, но при этой кафедрѣ не имѣется подобной существующимъ при С.-Петербургской медико-хирургической академіи и нѣкоторыхъ заграничныхъ университетахъ пропедевтической клиники, въ которой преподаватель могъ бы руководить начинающихъ изучать медицину въ способѣ обозначенія болѣзненныхъ явленій и опредѣленія болѣзней. Посему, и имѣя въ виду заявленіе профессора Захарьина, что безъ ущерба для преподаванія можно отдѣлить изъ 50-ти кроватей терапевтической факультетской клиники 16 для клиники пропедевтической, при чемъ устройство этой послѣдней не потребуетъ никакихъ новыхъ расходовъ, начальство Московскаго учебнаго округа вошло въ министерство съ представленіемъ объ учрежденіи, на вышеизложенныхъ основаніяхъ, пропедевтической клиники. Ходатайство это было удовлетворено.

— Сообщаемъ свѣдѣнія о дѣятельности попечительства о недостаточныхъ студентахъ при Новороссійскомъ университетѣ въ 1873 году. По прежнему неуклонно стремилось оно къ выполненію двухъ задачъ: а) оказывать вспомошествованіе всѣмъ истинно нуждающимся студентамъ, и б) увеличивать, по возможности, основной капиталъ. Для достиженія первой цѣли, правленіе, прежде назначенія пособій, собирало справки о просителяхъ чрезъ инспекцію и канцелярію университета, а также и чрезъ своихъ членовъ; возможно успѣшное исполненіе второй задачи, главнымъ образомъ, принадлежитъ предсѣдателю попечительства, С. П. Голубцову, который, сверхъ отчисленія отъ поступавшихъ пожертвованій извѣстнаго процента въ основной капиталъ, обращался съ просьбою объ увеличеніи онаго къ лицамъ, извѣстнымъ своею благотворительностію. Вслѣдствіе того капиталъ возросъ въ 1873 году на сумму свыше 5 т. руб. Между прочимъ, одинъ изъ жертвователей, графъ М. М. Толстой назначилъ 5 т. руб., до времени передачи коихъ въ вѣдѣніе попечительства изъявилъ, чрезъ своего отца, графа М. Д. Толстаго, желаніе уплачивать на нихъ 8%, то-есть, по 400 руб. въ годъ, для доставленія на эти деньги возможно дешевыхъ обѣдовъ студентамъ, помѣщеннымъ въ домахъ Когановскихъ учреждений. Съ своей стороны правленіе попечительства отчислило изъ своихъ суммъ для той же цѣли по 400 руб. въ годъ. Такъ какъ комитетъ означенныхъ выше учреждений, при всей готовности своей употребить означенныя деньги по назначенію, не могъ достигнуть этой цѣли, то графъ М. М. Толстой выразилъ желаніе, чтобы проценты съ пожертвованнаго имъ капитала были обращаемы на уплату за квартиры студентовъ въ домѣ Когановскихъ учреждений,

отопленіе, освѣщеніе ихъ и содержаніе прислуги, впредь до возможности употреблять ихъ согласно первоначальному назначенію. Въ отчетномъ году 3 лица избраны въ почетные члены попечительства, 7 — въ число дѣйствительныхъ членовъ и 8 — внесены въ списокъ жертвователей.

— Въ пользу Московскаго университета сдѣланы въ послѣднее время слѣдующія пожертвованія: 1) Императорское общество любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, имѣя въ виду, что зоологическій музей университета, вслѣдствіе значительнаго обогащенія своего, сдѣлался тѣсенъ, что при немъ недостаетъ отдѣльныхъ комнатъ для работъ, для энтомологическихъ собраній, складовъ дублестовъ и вещей, находящихся въ распоряженіи профессора по занасамъ для практическихъ занятій, заявилъ, что членъ его П. I. Губонинъ пожертвовалъ 15.000 руб., а членъ г. Цермикинъ—10.000 руб. на различныя улучшенія и пристройки къ зоологическому музею. 2) Одинъ благотворитель, пожелавшій остаться неизвѣстнымъ, представилъ совѣту Московскаго университета, въ 5⁰/₁₀₀ бумагахъ, капиталъ въ 3.000 руб. и особо въ такихъ же бумагахъ капиталъ въ 1.500 руб., всего 4.500 руб., ходатайствуя объ учрежденіи при университетѣ на первый изъ этихъ капиталовъ одной стипендіи на медицинскомъ факультетѣ подъ названіемъ „Константино-Варваринская“, а на второй—единовременныхъ ежегодныхъ пособій для оканчивающихъ курсъ трехъ студентовъ медицинскаго факультета.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Сообщаемъ свѣдѣнія о сѣздѣ учителей и учительницъ земскихъ сельскихъ школъ Олонецкой губерніи, происходившихъ въ августъ и сентябрь 1873 года.

Уже въ 1872 году учрежденъ былъ подобный сѣздъ для преподавателей училищъ Вытегорскаго уѣзда означенной губерніи и принесъ весьма полезныя результаты. Олонецкое губернское земское собраніе, которому былъ представленъ отчетъ о занятіяхъ этого сѣзда, обратило вниманіе на то, что многія земства уѣздныя не могутъ учредить у себя подобныхъ сѣздовъ, какъ потому, что не обладаютъ необходимыми для этой цѣли средствами, такъ и потому, что число ихъ школъ довольно ограничено. Чтобы дать возможность наставникамъ ссельскихъ земскихъ училищъ познакомиться съ лучшими приема-

ми преподаванія и вообще съ лучшимъ устройствомъ школъ, оно ассигновало изъ своихъ суммъ 1.000 руб. на устройство *общаго* сѣзда сельскихъ земскихъ учителей всей губерніи съ распредѣленіемъ этихъ денегъ на проѣздъ ихъ, содержаніе во время сѣзда, возвращеніе къ мѣстамъ своей должности и на другіе расходы.

Время открытія сѣзда и мѣсто для его занятій губернское земское собраніе предоставило усмотрѣнію г. инспектора народныхъ училищъ. Онъ нашелъ, что самымъ удобнымъ для того пунктомъ можетъ быть селеніе Девятины, Вытегорскаго уѣзда, расположенное въ центрѣ губерніи и гдѣ домъ однокласснаго училища, по общирности своей, весьма удобенъ для занятій наставниковъ. И дѣйствительно, въ означенномъ селѣ открытъ былъ сѣздъ въ половинѣ августа 1873 года и продолжался три недѣли подъ личнымъ руководствомъ и наблюденіемъ инспектора.

Земское собраніе, учреждая сѣздъ, имѣло въ виду не однихъ только земскихъ учителей, но и преподавателей училищъ, содержаемыхъ другими вѣдомствами; но губернская земская управа, исчисливъ предстоящіе по этому предмету расходы, не могла пригласить къ участію въ сѣздѣ наставниковъ городскихъ приходскихъ, сельскихъ одноклассныхъ и двуклассныхъ и церковно-приходскихъ школъ, такъ какъ 1.000 руб., ассигнованныхъ собраніемъ, оказалось бы далеко недостаточно.

15-го августа въ Девятинахъ г. инспекторъ нашелъ въ сборѣ почти всѣхъ преподавателей и утромъ 16-го числа назначилъ открытіе сѣзда. Въ этотъ день явилось 39 учителей земскихъ училищъ, 1 учитель двукласснаго училища, 1 — однокласснаго (мѣстнаго) и 5 учительницъ; затѣмъ прибыли еще 2 учителя земскихъ училищъ и 1 учитель городской приходской школы. Изъ числа учителей, окончившихъ полный курсъ семинаріи было 22 ¹⁾, обучавшихся въ другихъ духовныхъ училищахъ—17, въ гимназіяхъ—1, въ уѣздныхъ училищахъ—2, и учительницъ, окончившихъ курсъ въ Вытегорской женской прогимназіи—2, въ Каргопольской духовной женской школѣ—1 и домашняго образованія—2. Открывалъ сѣздъ, г. инспекторъ объяснилъ учителямъ тотъ порядокъ, въ которомъ должны происходить занятія и характеръ этихъ занятій, предложивъ присутствовав-

¹⁾ Въ томъ числѣ одинъ священникъ—учитель земскаго сельскаго училища Пудожскаго уѣзда.

шимъ высказывать свои сужденія свободно, но, конечно, не уклоняясь отъ дѣла и безъ всякихъ личныхъ пререканій.

Первое засѣданіе происходило въ тотъ же день вечеромъ. Чтобы губернское земство могло имѣть правильное понятіе о состояніи народныхъ школъ губерніи, въ засѣданіи этомъ и послѣдующемъ были выслушаны свѣдѣнія учителей о состояніи ихъ училищъ въ учебномъ, хозяйственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, по предварительно для сего приготовленной программѣ. Отъ учителей же Вытегорскаго уѣзда, кромѣ того, потребованы были ихъ заключенія о томъ, насколько пригодны оказались на дѣлѣ и какую принесли пользу тѣ положенія, какія были выработаны на сѣздѣ ихъ въ минувшемъ году. Свѣдѣнія, представляемыя наставниками всѣхъ уѣздовъ, кромѣ Вытегорскаго, дали слѣдующіе результаты: училища находятся вообще не въ удовлетворительномъ состояніи; приемъ учащихъ не ограниченъ никакимъ опредѣленнымъ срокомъ: они поступаютъ въ теченіе всего года, когда родители пожелаютъ отдать своихъ дѣтей въ школы; посѣщеніе классовъ самое не аккуратное; мѣръ, которыя бы содѣйствовали къ искорененію такого зла, нигдѣ доселѣ не принималось; на помѣщенія училищъ не обращалось никакого вниманія—вездѣ опѣтъ тѣсны, мрачны и для классныхъ занятій мало приспособлены. Петрозаводскаго уѣзда Великогубское училище постоянного помѣщенія вовсе не имѣетъ; зимой оно помѣщается въ избѣ одного крестьянина, темной и грязной, а лѣтомъ переводится въ тотъ домъ, гдѣ расположено волостное правленіе, но въ которомъ нѣтъ печи. Въ селѣ Сѣнной-губѣ подъ училище отведена одна комната въ крестьянской избѣ,—тѣснота и сырость нестерпимыя, нитейное заведеніе по сосѣдству; въ Остречинахъ—дѣти занимаются въ кухнѣ хозяина дома; въ Каргопольскомъ уѣздѣ въ помѣщеніи Рѣчно-Георгіевской школы зимою бываетъ такой холодъ, что ученикамъ и учителю приходится сидѣть въ шубахъ и теплыхъ сапогахъ.

Сочувствіе крестьянъ къ грамотности обнаруживается разнѣ только тѣмъ, что они не препятствуютъ своимъ дѣтямъ посѣщать школу. Осязательныхъ же фактовъ, которые свидѣтельствовали бы о сознаніи ими пользы ученья, весьма мало. Тѣмъ утѣшительнѣе остановиться на этихъ фактахъ: въ Шелтоверѣ, Петрозаводскаго уѣзда, на наемъ квартиры для училища общество платитъ по 2 коп. съ души; въ Рыбей-рѣкѣ, того же уѣзда, крестьяне занимаютъ для училища домъ за 24 руб. въ годъ; въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ, въ селеніи Сермаксѣ, купленъ домъ для школы и крестьяне дѣлаютъ ежегодный

обязательный взносъ до 200 руб. на ея содержаніе; въ селеніи Шуньгѣ, Повѣнецкаго уѣзда, крестьяне жертвуютъ 54 руб. на наемъ квартиры; что касается до одного изъ уѣздовъ—Вытегорскаго,—то тамъ дѣло идетъ очень хорошо: въ этомъ уѣздѣ только Чернослободское, Шильдское и Палтогское сельскія общества ничѣмъ не заявили себя въ 1873 году въ пользу благоустройства школъ; всѣ же остальные общества, у которыхъ есть земскія училища, принимаютъ въ нихъ дѣятельное участіе; удобныхъ помѣщеній для школъ здѣсь гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ; одно изъ обществъ приступило къ постройкѣ для училища особаго дома и, кромѣ того, еще у двухъ существуетъ такое же намѣреніе.

До сихъ поръ не удастся только достигнуть, чтобы при всѣхъ училищахъ были попечители съ обязательнымъ въ пользу ихъ взносомъ денегъ. Лишь въ одномъ Вытегорскомъ уѣздѣ избраны съ обязательнымъ взносомъ попечители: при Вытегорскомъ училищѣ 4, при Коштугскомъ—2, при Мегорскомъ—1 и при Палтогскомъ—1; при нѣкоторыхъ другихъ есть также избранные сельскими обществами попечители, но безъ обязательныхъ взносовъ, и хотя нѣкоторые изъ нихъ дѣлали пожертвованія, но крайне незначительныя.

Конечно, всего, что необходимо было бы для удовлетворительной организаціи училищъ, съѣздъ не имѣлъ возможности выполнить по той причинѣ, что и школы находятся еще въ плачевномъ состояніи и сами учителя не достигли еще надлежащаго уровня развитія и познаній, чтобы уяснить себѣ правильный взглядъ на свои обязанности. Положенія, выработанныя съѣздомъ и касающіяся вышшняго благоустройства земскихъ школъ, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Учебный годъ начинается съ 1-го сентября и продолжается непрерывно до 15-го іюня. На съѣздѣ 1872 года было, между прочимъ, постановлено, чтобы во время весеннихъ посѣвовъ давать дѣтямъ двухнедѣльный роспускъ, ибо тогда весьма малое число учениковъ посѣщаетъ классы; но, по всестороннемъ обсужденіи этого вопроса, съѣздъ пришелъ къ заключенію, что во время весеннихъ посѣвовъ не приходятъ въ школу такъ-называемые подростки, помогающіе уже своимъ родителямъ въ полевыхъ работахъ; дѣти же, которыя еще не участвуютъ въ этихъ работахъ, могутъ посѣщать училище и поэтому учитель всегда будетъ имѣть возможность продолжать ученье съ младшимъ и среднимъ отдѣленіями. При этомъ было замѣчено, что одною изъ главныхъ причинъ неаккуратнаго посѣщенія дѣтьми классовъ нужно считать такъ-называемые деревенскіе

часовенные праздники, число конхъ у насъ весьма значительно, и чѣмъ обширнѣе населеніе прихода, тѣмъ больше бываетъ въ той мѣстности праздниковъ, иногда до 30-ти въ годъ и болѣе. Праздники, обязательные для освобожденія учащихся отъ классныхъ занятій во всѣхъ вѣдомствахъ, тѣмъ не менѣе, въ простомъ народѣ пользуются большимъ уваженіемъ. Понятно само собою, какъ вредно отзывается это на ходѣ ученія. Нѣкоторые изъ преподавателей утверждали на сѣздѣ, что принуждать учениковъ посѣщать въ эти дни школу, значило бы подрывать коренныя вѣрованія нашихъ простолюдиновъ; но большинство держалось совершенно противнаго мнѣнія, а именно, что въ упомянутые праздники, когда воспитанники всѣхъ вообще учебныхъ заведеній не освобождаются отъ занятій, необходимо вести обученіе и въ сельскихъ школахъ, дѣйствуя вмѣстѣ съ тѣмъ словомъ разумнаго убѣжденія на родителей, чтобы они не оставляли своихъ дѣтей дома.

2) Сѣздъ единогласно требовалъ установить единовременный срокъ для поступленія дѣтей въ училища, ибо только при этомъ условіи можно вести съ учениками запятія въ опредѣленномъ правильномъ порядкѣ и постепенности, тогда какъ теперь приходится дѣлить ихъ на нѣсколько группъ, вслѣдствіе чего преподаватель вынужденъ бросаться отъ одной группы къ другой и очень часто непроизводительно тратитъ время. Для устраненія этого весьма важнаго недостатка сѣздъ призналъ необходимымъ назначить пріемъ учащихся одинъ разъ ежегодно—въ теченіе сентября мѣсяца; начиная же съ 1-го октября пріемъ прекращать.

3) До настоящаго времени не былъ еще опредѣленъ возрастъ, когда дѣти могутъ съ пользою для себя заниматься учебнымъ: обыкновенно бываетъ такъ, что они поступаютъ въ школу и 6, и 9, и 10 лѣтъ отъ роду. Раннее поступленіе, при весьма низкомъ уровнѣ развитія крестьянъ, вредитъ дѣлу тѣмъ, что дѣти оказываются весьма непонятливыми при сообщеніи имъ даже самыхъ простыхъ свѣдѣній; съ другой стороны, поступленіе позднее влечетъ за собою тотъ недостатокъ, что родители позволяютъ сыновьямъ своимъ учиться только одинъ, полтора, и самое большее — два года, а въ такое короткое время пѣтъ мальчику никакой возможности пройти весь курсъ начальной школы. Съ цѣлью достигнуть возможно лучшихъ результатовъ, сѣздъ, имѣя въ виду, во-1-хъ, физическое развитіе дѣтей, во-2-хъ, тотъ возрастъ ихъ, когда они становятся необходимыми для

домашнихъ работъ, опредѣлять принимать въ школу мальчиковъ не моложе 8-ми, а дѣвочекъ—7-ми лѣтъ.

4) Прошлогдній сѣздъ справедливо замѣтилъ, что неаккуратное посѣщеніе классовъ учениками ставитъ преподавателя въ необходимость часто возвращаться назадъ при изложеніи какого-нибудь предмета и сосредоточивать вниманіе на нѣсколькихъ ученикахъ въ ущербъ остальнымъ; дѣти пропускаютъ часто значительное число уроковъ не по какой-либо уважительной причинѣ, а просто или по собственному нерадѣвію, или по небрежности своихъ родителей. Для устранения этого, было признано полезнымъ—тѣхъ учениковъ и ученицъ, которые прервутъ посѣщеніе сразу на 10 и болѣе дней и не представятъ уважительныхъ причинъ своего долгаго отсутствія, увольнять изъ школы до слѣдующаго учебнаго года. Эта мѣра, какъ было заявлено теперь преподавателями, возбудила въ населеніи не мало толковъ. Родители были очень огорчены ею и настойчиво просили не увольнять своихъ дѣтей, обѣщаясь впредь не удерживать ихъ дома. Все это убѣдило сѣздъ, что означенная мѣра была своевременна и полезна въ томъ отношеніи, что заставила крестьянъ смотрѣть на обученіе болѣе серьезно, а не относиться къ нему съ небрежностью, какъ было до сихъ поръ. вмѣстѣ съ тѣмъ сѣздъ постановилъ, чтобы родители непременно сами явились къ учителю съ дѣтьми, когда пожелаютъ отдать ихъ въ школу, а учитель обязанъ выяснитъ имъ тѣ требованія школьнаго порядка, какія признаны необходимыми для правильнаго хода обученія, и тѣ мѣры, какія установлены для устранения неаккуратнаго посѣщенія классовъ. Затѣмъ, когда учитель по справкѣ въ дневномъ журналѣ замѣтитъ, что кто-либо изъ учениковъ уже нѣсколько дней сразу не посѣщаетъ школу, онъ обязанъ предостеречь родителей, что сынъ ихъ подвергнется исключенію; независимо отъ сего, онъ обязанъ, при встрѣчѣ съ родителями, всячески, словомъ разумнаго убѣжденія, доводить ихъ до сознанія, что тогда только ученіе можетъ быть успѣшно, когда дѣти подъ предлогомъ разныхъ домашнихъ недосуговъ не будутъ уклоняться отъ ученія.

5) Крайнее неудобство напѣвшихъ училищныхъ помѣщеній не можетъ не обращать на себя вниманія. Конечно, было бы весьма хорошо, еслибы вездѣ училищныя зданія были такіи, какія устраиваются для одноклассныхъ и двухклассныхъ школъ министерства народнаго просвѣщенія, и земство оказало бы великую услугу своими пожертвованіями для этой цѣли. Но пока этого еще нѣтъ, желательно, по

крайней мѣрѣ, чтобы земскія управы нанимали квартиры для школъ болѣе удобныя и не безъ совѣщанія съ учителями. При удобствѣ квартиръ, мальчики пѣть дальнихъ деревень могли бы имѣть въ нихъ пристанище для ночлега. Стоило бы только земству вносить въ контрактъ свой съ квартирными хозяевами или сторожами училищныхъ домовъ слѣдующій пунктъ: „ученикамъ, приходящимъ изъ дальнихъ деревень, позволять ночлегу въ училищномъ домѣ, доставлять сѣно или солому для ихъ постелей, и если у кого изъ нихъ будетъ принесена съ собою пища сырыми продуктами, то готовить оную, какъ слѣдуетъ“. Такая мѣра была бы полезна еще и въ томъ отношеніи, что ученики въ свободное время послѣ классовъ не были бы безъ надзора со стороны наставника, который также долженъ имѣть квартиру при училищѣ, на что, какъ оказывается, до настоящаго времени земствами обращалось мало вниманія, и что, напротивъ, положеніемъ о двухклассныхъ и одноклассныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія поставляется условіемъ первой необходимости.

6) Необходимо, чтобы земскіе фельдшера съ наступленіемъ теплыхъ дней прививали ученикамъ оспу. Преподаватели, собравшіеся на сѣздѣ, являли сами желаніе заняться этимъ не мудрымъ дѣломъ въ свободное отъ уроковъ время, еслибы только земскія управы снабдили ихъ оспенною лимфою и ланцетами и поставили бы въ обязанность земскимъ врачамъ сообщать имъ, при своихъ объѣздахъ по уѣздамъ, необходимыя свѣдѣнія. Это было бы полезно еще и въ томъ отношеніи, что развило бы оспопрививаніе въ средѣ крестьянъ и помогло бы учителямъ стать ближе къ населенію и утвердить въ немъ свой авторитетъ.

7) Сѣздъ выработалъ распредѣленіе учебныхъ занятій такъ, чтобы, во-1-хъ, избѣжать продолжительности урока, утомляющаго вниманіе дѣтей, во-2-хъ, переменною занятій заохочивать ихъ къ большому вниманію, и въ-3-хъ, самымъ разнообразіемъ достигать возможно лучше тѣхъ требованій, которыя признаны наукою о воспитаніи, какъ непреложныя истины въ отношеніи одновременнаго обученія чтенію, письму и счисленію. Съ этою цѣлью учителями было составлено нѣсколько росписаній учебныхъ часовъ съ распредѣленіемъ занятій въ школъ съ двумя и тремя отдѣленіями, и по разсмотрѣніи ихъ постановлено было слѣдующее: начало уроковъ не подлежитъ строгому опредѣленію; оно можетъ измѣняться по мѣстнымъ обстоятельствамъ и по времени года. Крайніе же предѣлы положены: для начала уроковъ отъ 8¹/₂ и 9¹/₂ часовъ утра, а для конца отъ 2¹/₂

до 3¹/₂ часовъ по полудни. Въ этотъ промежутокъ времени назначается пять уроковъ, а именно: 1-й урокъ, въ 9 часовъ утра, продолжается 50 минутъ, за нимъ 10 минутъ перемѣны; 2-й—въ 10 часовъ, съ такою же перемѣною; 3-й урокъ, въ 11 часовъ, и послѣ него наступаетъ полуторачасовой отдыхъ; 4-й урокъ начинается въ 1 часъ и оканчивается въ 2 часа; за нимъ перемѣна въ ¹/₄ часа; послѣдній же 5-й начинается по истеченіи 10 минутъ 3-го и оканчивается въ 3 часа. Число уроковъ, въ отдѣльности по каждому предмету, полагается слѣдующее: для закона Божія—6, по 2 въ каждомъ отдѣленіи; для чтенія объяснительнаго и механическаго въ 1-мъ отдѣленіи—6, во 2-мъ и 3-мъ по 4 урока; для ариметики въ каждомъ отдѣленіи по 2 урока и для славянскаго чтенія во 2-мъ и 3-мъ отдѣленіяхъ по 2 урока; всего въ недѣлю 30 уроковъ. Подробное же росписание учебныхъ часовъ предоставляется усмотрѣнію учителей и законоучителей.

При распредѣленіи занятій, многими учителями было заявлено слѣдующее обстоятельство: „А какъ поступить, если въ классѣ не имѣется часовъ“? Дѣйствительно, неимѣніе часовъ въ школахъ дѣлаетъ немислимымъ точное распредѣленіе; отступленіе же отъ разъ навсегда установленнаго росписанія учебнаго времени, въ свою очередь, не допускаетъ надлежащаго порядка при обученіи. Очевидно, что приобрѣтеніе часовъ для земскихъ школъ составляетъ такую же необходимость, какъ и устройство классной мебели или закупка учебныхъ пособій и классныхъ принадлежностей.

8) Послѣдовательному преподаванію предметовъ учебнаго курса весьма много помогаютъ подробныя записи послѣ каждого урока о томъ, что въ извѣстный урокъ было преподано. Для этой цѣли въ каждой школѣ необходимо имѣть особую книгу, въ которой каждому мѣсяцу должна предшествовать таблица дней, со спискомъ всѣхъ учениковъ, и въ которой ежедневно отмѣчается, кто не былъ въ классѣ и сколько сдѣлалъ упущеній. Такія таблицы полезны еще и въ томъ отношеніи, что могутъ служить мѣриломъ усидчивости учениковъ, ибо чаще всего случается, что аккуратно посѣщающій школу мальчикъ отличается и прилежаніемъ.

9) Въ 1872 году учителя Вытегорскаго уѣзда справедливо заявили о несвоевременной доставкѣ имъ книгъ, учебныхъ руководствъ и классныхъ принадлежностей; нимѣ же подобныхъ жалобъ уже не было слышно, такъ какъ Вытегорская земская управа своевременно распорядилась покупкою и доставкою всего необходимаго для школъ;

за то преподаватели сельскихъ училищъ другихъ уѣздовъ единогласно утверждали, что они сильно нуждаются въ руководствахъ и пособияхъ и что недостатокъ этотъ составляетъ одну изъ важныхъ причинъ, вредно вліяющихъ на успѣхи учащихся. При этомъ обнаружилось, что нѣкоторые уѣздныя земства совсѣмъ не назначаютъ особой ассигновки для пріобрѣтенія бумаги, перьевъ, карандашей, чернилъ, и т. п., а иныя даже и книгъ. Крайне необходимо, чтобы земства устранили этотъ недостатокъ и учредили бы особыя склады книгъ и классныхъ принадлежностей. Весьма полезно было бы также выписывать книги въ переплетахъ, что предохраняло бы ихъ отъ скорой порчи и дѣлало бы ихъ годными къ употребленію на долгое время. Какія нужно имѣть книги для школьныхъ библиотекъ, это можно видѣть изъ каталога, ежегодно издаваемого министерствомъ народнаго просвѣщенія.

10) Весьма уважительною причиною неаккуратнаго посѣщенія дѣтьми классовъ служить ихъ бѣдность, неизбѣние ими теплой одежды и обуви для зимняго времени. Устранить, по мѣрѣ возможности, это грустное явленіе можетъ только частная благотворительность. Первыми благотворителями сельскихъ школъ могутъ быть ихъ попечители. Правда, они состоятъ при многихъ школахъ, но такъ какъ обязательныхъ взносовъ не дѣлаютъ, то и не приносятъ пользы. А между тѣмъ обязанности ихъ весьма важны: служить посредниками между школою и сельскимъ населеніемъ, нравственно вліять на родителей, съ цѣлью расположить ихъ къ обученію своихъ дѣтей, выяснять имъ необходимость аккуратнаго посѣщенія дѣтьми классовъ, устранять матеріальною помощію вопіющія пужды школы, благотворительно вѣдѣть бѣднымъ дѣтямъ и, наконецъ, ходатайствовать предъ земствами и начальствомъ о лучшемъ устройствѣ училищъ. Во многихъ сельскихъ обществахъ между мѣстными жителями найдутся люди, пожелающіе приять на себя званіе попечителей. Отъ земскихъ собраній зависитъ назначеніе ихъ даже независимо отъ выбора ихъ въ эти должности сельскими обществами. Но особенно необходимо, чтобы уставовленъ былъ при этомъ обязательный для нихъ взносъ не менѣе 25 руб. въ годъ.

11) Учительницы, бывшія на съѣздѣ, заявили, что въ числѣ ихъ обязанностей лежитъ лишняя противъ учителей задача—пріучать дѣвочекъ къ рукодѣлію, но на необходимыя для этого матеріалы онѣ ничего не получаютъ; дѣло идетъ поэтому не такъ, какъ бы слѣдовало; оно пойдетъ гораздо лучше и успѣшнѣе, если земства назначать

единовременно по 25 руб. на каждую школу; тогда вещи, приготовленные ученицами, могут быть продаваемы, а на вырученные деньги можно будет приобретать новые материалы.

Обсудивъ вопросы, касающіеся лучшаго благоустройства земскихъ школъ, приступлено было къ составленію распisanія для практическихъ занятій на сѣздѣ съ учениками Девятинскаго однокласснаго сельскаго училища, которыхъ, по степени развитія и по познаніямъ, было предположено раздѣлить на три группы. На основаніи этого распisanія положено было на первую недѣлю по 4 часовыхъ урока въ день, а на вторую по 5—въ $\frac{3}{4}$ часа каждый.

Прежде чѣмъ преподаватели приступили къ дѣлу, г. инспекторъ счелъ необходимымъ выяснитъ имъ нѣкоторые педагогическія требованія, а именно, чтобы при занятіяхъ своихъ они имѣли въ виду природныя свойства дѣтей; что всякое обученіе должно начинаться съ самаго легкаго и простаго и постоянно переходить къ болѣе трудному и сложному; что во время уроковъ слѣдуетъ поддерживать и укрѣплять въ дѣтяхъ самостоятельность, постоянно возбуждать ихъ вниманіе, упражнять мыслительныя ихъ способности и приучать ихъ въ отвѣтахъ своихъ выражаться внятно и кратко; что, наконецъ, обученіе тогда только не наскучитъ дѣтямъ, когда оно будетъ достаточно оживлено и, по возможности, ведено наглядно, особенно въ самомъ началѣ. Затѣмъ, чтобы еще болѣе познакомить учителей съ требованіями народной школы, имъ даны были для чтенія журналы и книги педагогическаго содержанія. Каждый данный урокъ подвергался общему обсужденію преподавателей, при чемъ уясняемы были его хорошія и слабыя стороны. Такимъ занятіямъ посвящались вечера и дни воскресные, когда ученики были свободны отъ занятій. Всѣхъ вечернихъ бесѣдъ было 18.

Какъ уже замѣчено выше, ученики раздѣлялись на три группы: къ первой принадлежали вновь поступившіе, ко второй — учившіеся одинъ годъ, а къ третьей — учившіеся два года. 20-го августа явилось въ школу 49 мальчиковъ, ихъ нихъ вновь поступившихъ 15; учениковъ средняго отдѣленія 22; составившихъ старшее или 3-е отдѣленіе 12. Первый урокъ во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ данъ былъ учителемъ Девятинской школы И. Смирновымъ; цѣль его состояла въ томъ, чтобы показать, какъ слѣдуетъ одновременно заниматься со всѣми тремя группами, задавая самостоятельныя работы двумъ старшимъ и сосредоточивая вниманіе преподаватели главнымъ образомъ на младшей. Второй урокъ (учителя Острякова) былъ посвященъ

обученію грамотѣ. На прошлогоднемъ съѣздѣ руководствомъ по этому предмету была принята книга барона Корфа, какъ лучшая и болѣе распространенная въ сельскихъ школахъ. Предполагая, что она уже достаточно знакома всѣмъ учителямъ, что приступить къ урокамъ по этой книгѣ значило бы повторять старое, г. инспекторъ счелъ за лучшее познакомить учителей съ новымъ способомъ обученія грамотѣ по методѣ Бунакова. Учитель Остряковъ успѣлъ ознакомиться съ этою методою изъ чтеній самого г. Бунакова на педагогическихъ курсахъ Московской политехнической выставки въ 1872 году. Преимущество ея самъ авторъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ ¹⁾: „Обученіе начинается не съ книги, не съ буквъ, даже не съ звуковыхъ упражненій, а съ предметныхъ уроковъ: разговоръ учителя съ дѣтьми по поводу предметовъ, находящихся предъ глазами дѣтей, затрогиваетъ ихъ наблюдательность, мышленіе, память, воображеніе, даръ слова, возбуждая ихъ къ самодѣятельности и къ самообученію; разговоръ сопровождается и перемежается разказами учителя, рисованіемъ и пѣніемъ. Отъ предметнаго урока и устныхъ упражненій переходятъ къ названіямъ предметовъ и изученію ихъ: разлагая слово на части, доходятъ до понятія о звукѣ, какъ недѣлимомъ элементѣ человѣческой рѣчи; знакомятся со звуками, легко произносимыми отдѣльно, и приголосками, затруднительными для отдѣльнаго произношенія; комбинируютъ въ разнообразныя сочетанія знакомые звуки, образуя новыя слова, изъ которыхъ каждое опять разсматриваютъ, какъ сложное цѣлое, вникая въ его значеніе и разлагая на звуки. Приобрѣтая навыкъ въ сложении и разложеніи словъ, ясное понятіе о звукѣ вообще и о разнообразіи звуковъ и сочетаній, знакомятся съ письменнымъ и печатнымъ начертаніемъ буквъ, какъ знаковъ, дѣлающихъ звуки доступными зрѣнію, при чемъ роль ребенка не остается только пассивною: онъ выбираетъ изъ массы знаковъ знакомыя буквы, комбинируетъ ихъ, копируетъ, пишетъ, слагаетъ и разлагаетъ слова и фразы, читаетъ комбинаціи свои или товарищей, объясняетъ значеніе словъ, припоминаетъ и повторяетъ содержаніе предметныхъ уроковъ“ и т. д.

Уроки, данные Остряковымъ, на опытѣ показали учителямъ достоинства этого метода, какъ дѣйствительно возбуждающаго къ самодѣятельности и въ то же время интересующаго и не утомляющаго

¹⁾ «Родной языкъ, какъ предметъ обученія въ народной школѣ, съ 3-хъ годичнымъ курсомъ», Бунакова.

учениковъ. Доказательствомъ его пригодности послужило и то, что впоследствии преподаватели держались того же метода. Не смотря на то, на второй недѣлѣ былъ назначенъ особый урокъ, съ цѣлью убѣдиться, на сколько преподавателями былъ усвоенъ звуковой способъ барона Корфа.

Третій урокъ ежедневно посвященъ былъ занятію съ только что поступившими 6-ю дѣвочками; приемы учительницъ отличались правильностью и отчетливостью.

При распредѣленіи практическихъ занятій, большее число уроковъ было дано по объяснительному чтенію. Замѣчено при этомъ, что у учителей не совсѣмъ еще установился правильный взглядъ на то, какъ слѣдуетъ вести этотъ предметъ: одни изъ нихъ старались, по поводу прочтенной статьи, сообщить дѣтямъ возможно болѣе свѣдѣній; другіе, не отступая отъ статьи, подробно объясняли въ ней почти каждое слово; пѣкоторые, наконецъ, задавшись мыслию приучить учениковъ къ сознательному и толковому чтенію и въ то же время сообщать имъ полезныя свѣдѣнія, не достигали ни того, ни другаго, и въ объясненіяхъ своихъ только путались и сбивались. Въ виду всего этого, г. инспекторъ счелъ нужнымъ познать преподавателей съ чтеніями г. Бунакова на Московской политехнической выставкѣ, въ которыхъ весьма ясно изложено былъ взглядъ на объяснительное чтеніе въ начальной школѣ и указаны способы, какъ слѣдуетъ, приучать учениковъ къ сознательному чтенію. Въ свою очередь, всѣ упомянутые уроки подвергались подробному обсужденію и результатомъ этого было то, что учителя усвоили себѣ вполне правильный взглядъ на объяснительное чтеніе, цѣлью коего должно быть постепенное расширеніе свѣдѣній и понятій, достаточное пониманіе читаемаго и наконецъ пріобрѣтеніе новыхъ знаній. Не упущено изъ виду и то, какъ наставники должны приступать къ изученію стихотвореній и басенъ наизусть; все, что можно было по этому поводу уснить изъ педагогическихъ статей, было прочтано, приложено на дѣлѣ и опять, въ свою очередь, критически разобрано.

Много занималъ также присутствовавшихъ вопросъ, что должно предшествовать—объяснительное чтеніе или механическое? Для разрѣшенія его были разобраны и обсуждены приемы Ушинскаго, Корфа и Бунакова. Начальная школа обязана научить дѣтей бѣглому, правильному и разумному чтенію; но ребенокъ приучается къ нему лишь тогда, когда предметъ избранной статьи вполне имъ усвоенъ. На этомъ основаніи признано было болѣе правильнымъ вести обученіе

часть CLXXII, отд. 4.

такъ, чтобы дѣти сперва были ознакомлены съ предметомъ избранной статьи, потомъ, посредствомъ объяснительнаго чтенія уяснено имъ содержаніе самой статьи, и наконецъ, уже посредствомъ повтореній, подъ руководствомъ наставника, выучивались бы они читать бѣгло, правильно и выразительно.

Уроковъ церковно-славянскаго чтенія было дано два, при чемъ было постановлено: обученіе церковно-славянскому чтенію начинать по усвоеніи учениками механическаго чтенія, то есть, въ концѣ перваго года. Когда дѣти ознакомятся съ буквами, то слѣдуетъ объяснить имъ надстрочные знаки, главнѣйшія сокращенія и затѣмъ уже приступить къ церковно-славянской грамотѣ. Избираемый текстъ долженъ быть какъ можно болѣе для нихъ понятенъ, вслѣдствіе чего нужно начинать съ историческихъ повѣствованій и притчей изъ Евангелія, а уже позднѣе давать имъ въ руки апостольскія посланія, часы, шестопсалміе,—старшихъ учениковъ весьма полезно практиковать въ церковномъ чтеніи во время богослуженія.

При тѣхъ руководствахъ и пособіяхъ, какія существуютъ теперь по ариѳметикѣ, можно весьма легко и скоро научить дѣтей счисленію. Руководствомъ на сѣздѣ служила книга Евтушевскаго, а пособіями—ариѳметическій ящикъ въ тысячу кубиковъ и большіе счеты для обученія цѣлымъ и дробнымъ числамъ. Образцовые уроки были по большей части удачны. Нѣкоторые изъ преподавателей вполне достигали того, что дѣти, нисколько не путаясь, могли рѣшать довольно сложныя задачи. Было постановлено обученіе ариѳметикѣ начинать съ самаго поступленія дѣтсй въ школу и вести въ томъ порядкѣ, какой былъ указанъ на сѣздѣ 1872 года.

На урокахъ объяснительнаго чтенія были избираемы статьи историческаго и географическаго содержанія, а также по естествознанію. Естественнo, явился при этомъ вопросъ, въ какомъ порядкѣ и до какихъ предѣловъ можетъ простирается въ сельской школѣ ознакомленіе дѣтей съ отечественною географіею и исторіею. Вести это дѣло въ систематическомъ порядкѣ невозможно, какъ потому, что означенные предметы не входятъ въ курсъ начальной народной школы, такъ и потому, что у преподавателей не хватило бы для этого времени; не смотря на то, они могутъ знакомить учениковъ съ особенно важными историческими событіями въ той формѣ, какъ они изложены у Ушинскаго въ его книгѣ „Дѣтскій міръ“, у Петрушевскаго въ его „Разказахъ про старое время на Руси“ и у Водозова въ „Разказахъ изъ русской исторіи“. Того же правила слѣдуетъ держаться и

для ознакомленія съ отечественною географією. Присутствовавшіе на съѣздѣ не вполне ясно отдавали себѣ отчетъ, что должны они подразумѣвать подъ родиновѣдѣніемъ. Поэтому была прочтена имъ изъ книжки „Воспитаніе и начальное обученіе“ статья Шарловскаго, въ которой говорится, что дѣти должны привыкнуть обращать по возможности вниманіе на тѣ обыденные предметы, которые имъ попадаются на каждомъ шагу и при тщательномъ разсмотрѣніи коихъ представится не мало для нихъ любопытнаго. Учитель можетъ обратить вниманіе дѣтей на почву, цвѣты, травы, деревья и на ту пользу, какую получаетъ человекъ отъ земли и ея произведеній; встрѣчаясь съ животными, онъ объяснить, какіе животныя и птицы полезны человеку и какъ избавляться отъ вредныхъ для сельскаго хозяйства звѣрей, птицъ и насѣкомыхъ; что большую услугу окажутъ они съ своей стороны, если займутся собираніемъ коллекцій разнаго рода минераловъ, растений и т. п., — если, словомъ, они сами не будутъ безсознательными зрителями того, что находится у нихъ предъ глазами.

Къ сожалѣнію, нельзя было познакомить присутствовавшихъ на съѣздѣ съ тѣмъ, какъ слѣдуетъ имъ вести въ школахъ церковное пѣніе, ибо не оказалось между ними никого, кто былъ бы знакомъ съ нимъ. Они слышали только пѣніе учениками Девятинской школы, подъ руководствомъ учителей Смирнова и Васильевскаго, почти всѣхъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ „Родномъ словѣ“ Ушинскаго.

Сложныя занятія не позволили всѣмъ учителямъ дать пробныя уроки по чтенію и арифметикѣ; но чтобы судить, насколько усвоены ими выработанные приемы обученія, г. инспекторомъ было предложено, чтобы они составили письменные уроки по тѣмъ предметамъ, по которымъ они не давали уроковъ устныхъ. Къ назначенному дню всѣ они исполнили это требованіе и два дня посвящены были чтенію и обсужденію ихъ работъ. Многіе изъ нихъ оказались такъ удачны, что не оставляли желать ничего лучшаго.

Въ антрактахъ между уроками ученики, а во время вечернихъ занятій и сами учителя, подъ руководствомъ одного изъ окончившихъ курсъ въ Олонецкой семинаріи, упражнялись въ гимнастикѣ. Сперва имъ выяснено было понятіе о необходимости и цѣли гимнастическихъ упражненій, какъ средствъ, съ одной стороны, укрѣплять физическія силы дѣтей, развивать ихъ организмъ, сообщая тѣлу гибкость и ловкость, а съ другой — приобретать навыкъ дѣйствовать согласно въ тактъ, подчиняться общимъ постановленіямъ, что, конечно, не остается

безъ вліянія и на нравственность дѣтей. Упомянутыя упражненія не могли быть выполнены во всѣхъ своихъ частяхъ, за неимѣніемъ гимнастическихъ приборовъ, а ограничились только движеніями головы, шеи, рукъ и ногъ; нѣкоторыя изъ этихъ тѣлодвиженій весьма удобно употреблялись учителями впоследствии во время самыхъ уроковъ, какъ хорошее средство оживленія и восстановленія вниманія дѣтей, когда было замѣчаемо, что они утомлялись и бывали разсѣянны.

Въ совѣщательныхъ запискахъ съѣзда дѣятельное участіе принимали члены Вытегорскаго уѣзднаго училищнаго совѣта—священники Щукинъ и Тихомировъ. Своими практическими совѣтами, опытностію и вѣрнымъ пониманіемъ задачи начальной школы они весьма много помогли учителямъ въ ихъ обсужденіи вопросовъ о благоустройствѣ школъ и правильномъ преподаваніи. На съѣздѣ почти всегда можно было видѣть лицъ постороннихъ, видимо интересовавшихся его записками. Такое вниманіе публики не останется также безъ добрыхъ послѣдствій. Гимнъ „Боже Царя храни“ и многія изъ народныхъ пѣсень, исполняемая въ антрактахъ вечернихъ засѣданій, по большей части продолжительныхъ, ежедневно оживляли занятія и заставляли публику интересоваться ими.

Сообщаемъ нѣсколько краткихъ свѣдѣній о состояніи начальныхъ школъ Вологодской губерніи въ 1872 году. Школы эти можно подраздѣлить на два разряда: однѣ изъ нихъ (двухклассная Подосиновская и одноклассныя Черевковская, Пошульская, Леденчская, Устьянская и Хруповская) были содержимы на суммы министерства народнаго просвѣщенія и находились въ исключительномъ вѣдѣніи мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ; за другими же инспекторъ наблюдалъ совместно съ губерпскимъ и уѣзднымъ училищными совѣтами.

Что касается до первыхъ, то не останавливаясь на каждомъ изъ нихъ въ подробности, замѣтимъ только, что вообще школы эти находились въ удовлетворительномъ состояніи. Онѣ имѣли отдѣльныя помѣщенія; классною мебелью и учебными пособиями были снабжены вполне достаточно, мѣстныя общества относились къ нимъ съ видимымъ довѣріемъ. Успѣхъ каждой школы зависитъ прежде всего отъ преподавателей, и отрадно видѣть изъ отчета г. инспектора, что въ этомъ отношеніи министерскія школы Вологодской губерніи обставлены очень хорошо. Для примѣра приведемъ то, что говоритъ г. ин-

спекторъ о Хрѣновскомъ одноклассномъ училищѣ: „Весьма пріятное впечатлѣніе производитъ пріемъ учителя дѣйствовать на душу дѣтей. Вопросы ставитъ онъ такимъ образомъ, что изъ всякаго отвѣта стараются, по возможности, вывести какое-либо доброе наставленіе.... Дѣти весело смотрятъ на законоучителя, любятъ его и любимы имъ; хотя онъ живетъ въ 5 верстахъ отъ школы, но это обстоятельство не препятствуетъ ему исполнять свои обязанности съ крайнею добросовѣстностью“. Такой же отзывъ находимъ мы въ отчетѣ и объ учителѣ Хрѣновской школы: „Нѣкоторые изъ дѣтей живутъ далеко отъ училища, а потому въ училищѣ отведена для нихъ комната, гдѣ они остаются иногда по цѣлой недѣлѣ. Здѣсь-то наставникъ замѣняетъ имъ, въ полномъ смыслѣ слова, отца: онъ читаетъ съ ними назидательныя статьи, занимается ихъ разказами, наблюдаетъ за ихъ нравственностью“. При посѣщеніи Хрѣновской школы г. инспекторомъ, такихъ мальчиковъ проживало въ школѣ около 40.

Переходя къ другимъ школамъ, находящимся въ завѣдываніи училищныхъ совѣтовъ, прежде всего необходимо упомянуть о городскихъ въ самой Вологдѣ. Въ отчетѣ своемъ за 1871 годъ г. инспекторъ упоминалъ, что имъ предположено было открыть, при каждомъ изъ мужскихъ училищъ, женскія отдѣленія и что для этой цѣли была уже собрана небольшая сумма отъ частныхъ пожертвованій; съ своей стороны, и городское общество выразило готовность оказать поддержку этому благому начинанію, отпустивъ на каждое изъ отдѣленій по 150 руб. Г. инспектору удалось, въ 1872 году, осуществить свою мысль, и этимъ онъ былъ обязанъ преимущественно частной благотворительности. Такъ, напримѣръ, Вологодскій купецъ П. А. Вѣлозеровъ пожелалъ, чтобы было открыто не только женское отдѣленіе при мужской приходской школѣ, но особое женское училище, и приобрѣлъ для него домъ, который, съ различными исправленіями, стоилъ не менѣе 6.000 руб. Этимъ не ограничились пожертвованія П. А. Вѣлозерова. Онъ внесъ въ Вологодскій общественный банкъ, на вѣчныя времена, 2.000 руб., съ тѣмъ, чтобы проценты съ этой суммы были расходуемы на потребности учрежденнаго училища, и озаботился заготовить для него, въ достаточномъ количествѣ, мебель и учебныя пособія. Попечительница училища, С. Н. Леденцова, внесла для него въ общественный банкъ 500 руб.; пожертвованіе сдѣлано было также епископомъ Вологодскимъ, преосвященнымъ Палладіемъ: всѣ эти суммы, вмѣстѣ съ 150 руб., ассигнованными городскимъ обществомъ, дали возможность открыть женское (Успенское) училище

19-го февраля 1872 года. Въ послѣдующіе мѣсяцы средства его еще болѣе увеличились, такъ что къ 1-му января 1873 года капиталъ его возросъ до 3.049 руб.

Независимо отъ этого, 5-го марта открыто было женское отдѣленіе при 1-мъ приходскомъ училищѣ и попечитель этого отдѣленія, купецъ Т. Е. Колесниковъ, обязался отпускать на него ежегодно по 100 руб.

Такимъ образомъ, въ 1872 году находились въ Вологдѣ слѣдующія начальныя училища: 3 мужскихъ приходскихъ, 2 женскія отдѣленія, Успенское женское приходское училище, школа при Кирилло-Рощенской церкви и нѣсколько школъ, содержимыхъ частными лицами.

Что касается сельскихъ училищъ, то и о нихъ можно сказать не мало утѣшительнаго. До 1872 года существовало въ Вологодской губерніи 11 центральныхъ школъ, а въ упомянутомъ году присоединилось къ нимъ еще три — въ волостяхъ Оларевской, Нефедовской и Березниковской. Училища эти находятся въ весьма удовлетворительномъ состояніи; преподаватели относятся къ дѣлу съ усердіемъ, а если иногда и охладѣваютъ къ нему, то происходитъ это отъ непривлекательной обстановки нашихъ селъ, отъ столкновенія съ зажиточными, но невѣжественными крестьянами, старающимися подчинить себѣ учителей. Большую пользу принесли устроенныя на средства земства учительскіе съѣзды въ Вологдѣ и Сольвычегодскѣ: замѣтно, что преподаватели, участвовавшіе въ этихъ съѣздахъ, повели дѣло гораздо успѣшнѣе сравнительно съ прежнимъ.

Отрадное явленіе представляютъ церковно-приходскія школы въ Вологодской губерніи, обязанныя существованіемъ своимъ безкорыстной дѣятельности духовенства и неутомимому вниманію преосвященнаго Палладія, предлагающаго причту не останавливаться ни предъ какими препятствіями въ преслѣдованіи высокаго дѣла народнаго образованія. Священнослужители не только принимаютъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ съ дѣтьми, но отводятъ въ домахъ своихъ помѣщенія для школъ и снабжаютъ даже эти школы книгами; многіе изъ нихъ слѣдятъ за тѣмъ, что выходитъ въ печати, стараются усвоить себѣ рациональные методы преподаванія, а въ иныхъ случаяхъ, если, отвлекаемые исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей, не могутъ преподавать сами, то приглашаютъ для занятія съ дѣтьми постороннихъ лицъ. Г. инспекторъ упоминаетъ, между прочимъ, въ отчетѣ своемъ о слѣдующемъ фактѣ: священнослужители 5-го благочинническаго округа Устюжскаго уѣзда рѣшились, по предложенію

благочиннаго, открыть на общія свои средства хотя одну, но хорошо организованную школу, съ тѣмъ, чтобы въ ней обучались желающіе дѣти изъ всѣхъ приходовъ упомянутаго благочинія. Для занятій въ школѣ приглашена была вдова священника, получившая образованіе въ Ярославскомъ духовномъ училищѣ. Къ приведеннымъ здѣсь свѣдѣніямъ г. инспекторъ прибавляетъ, что не малымъ препятствіемъ успѣху церковно-приходскихъ школъ является то обстоятельство, что въ Вологодской губерніи приходы и помѣщенія священнослужителей расположены особнякомъ, вдали отъ крестьянскихъ домовъ.

**АДРЕСЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
И. Д. ДЕЛЯНОВУ.**

Императорскій Историко-филологическій институтъ представилъ слѣдующій адресъ И. Д. Деляннову, по случаю оставленія имъ должности товарища министра народнаго просвѣщенія.

VIBO EXCELLENTISSIMO

IOANNI DELIANOFF DAVIDIS F.

NUPER COLLEGÆ MINISTRI

INSTITUTIONIS PUBLICÆ

NUNC SOCIO CONCILII SUMMI PUBLICI

IN IMPERIO ROSSICO

S. D. P.

IMPERATORII INSTITUTI - HISTORICI - PHILOLOGICI

PROFESSORES ET DOCTORES.

Vir Excellentissime! Augustissimi Imperatoris voluntate cum Tu ex loco, quem hactenus obtinueras, in alium vel ampliorem sis traductus, liceat sociis Instituti Historici Philologici, cuius Tu fuisti inter auctores, paucis ac simplicibus declarare verbis, quo affectu animorum tencantur decedente Te a munere, quo per annos plus septem functus es.

Tu—qui iam a prima inde iuventa, nulla necessitate ductus neque cupidine gloriolæ, sed ut civium Tuorum inservires commodis, munera obisti publica — quamvis paterent Tibi omnes honorum viæ, semper tamen studio ac voluntate ad ea potissimum ferebaris ministeria, quæ

dicata sunt disciplinis, litteris, artibus in maximo hoc imperio alendis, firmandis, provehendis.

Et profecto animi illum igneum vigorem non dictis tantum, sed factis comprobasti. Nam et litterarum studiis, quoad per negotia immensa licebat, vacare nunquam desiisti, et omni vitæ tempore in muneribus gravissimis amplissimisque tale semper præbui humanitatis ac suavitatis exemplum, ut nemo umquam, quantum per Te staret, a limine Tuo tristis discederet.

Neque tamen firmitate pectoris, ubi opus erat ea, destituebaris. Ita ferunt olim Mæcenatem, virum mitissimum et pacis amantissimum, quandocumque res poscebat, negotiis vel gravissimis pares adsumpsisse spiritus.

Huius constantiæ ut alia multa in rebus dubiis documenta edidisti, ita luculentissimum fuit specimen in ea causa tutanda, quæ proprie pertinet ad Institutum nostrum.

Nempe ab anno inde MDCCCLXVI Minister Institutionis Publicæ, Illustrissimus Comes Tolstoy, cum id omnibus ageret viribus, ut in imperio Rossico studia antiquitatis Græcæ ac Latinæ, quæ per aliquod tempus iacuerant prope neglecta, denuo restaurarentur utque eis tamquam fundamento omnis solidioris doctrinæ veræque humanitatis uteretur iuventus nostra, sicut cum insigni commodo in multis Europæ partibus videmus fieri, cumque Te advocasset socium laborum et contentionum, quæ plurimæ erant sustinendæ contra adversarios consilii illius et numero et viribus notabiles, numquam Tu defuisti, quin partes susceptas tuereris quam acerrime, memor semper illius Horatiani „iustum et tenacem propositi virum non civium ardor prava iubentium mente quatit solida“, donec Augustissimi Imperatoris auctoritate rationes Vestræ plene comprobarentur.

Hac occasione ut alia multa sunt reperta ad studia antiquitatis promovenda et penuriam præceptorum proba sermonis Græci et Latini peritia instructorum minuendam, Illustrissimo Comite Tolstoy et Te auctoribus conditum est Institutum Historicum Philologicum; quod si quid utilitatis aut præbuit aut præbiturum est Imperio Rossico, id potissimum deberi rationibus prudentissimis maximeque liberalibus, quæ in eo instaurando sunt observatæ, Professores eius et Doctores profiteremur libentissime.

His meritis Tuis, quæ laude omni sunt potiora, breviter adumbratis cuinam erit mirum, quod maiore etiam quam ceteri pietate decedentem de statione pristina Te, Vir Excellentissime, prosequimur?

Rogamus enixe, hac persuasione ut imbuas animum, nobis in disciplinis humanitatis tradendis semper observaturam esse Tui memoriam, qui tam insigne es exemplum humanitatis.

Denique sicut nos semper Tui amantes erimus ac reverentes, Tu ut eodem studio, cuius plurima nobis dedisti documenta, etiam in novo magistratu Instituto nostro patrocinari pergas, precibus oramus omnibus.

Vale, Vir Excellentissime, ac fave!

(Слѣдуютъ подписи и. директора и профессоровъ Института).

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

10/22-го февраля 1874 года.

I.

Въ нашемъ учебномъ мѣрѣ не произошло въ послѣднее время ничего особенно замѣчательнаго. На дняхъ собирався высшій совѣтъ народнаго просвѣщенія, но засѣданіе его не ознаменовалось никакою важною мѣрою; онъ постановилъ, впрочемъ, что отнынѣ могутъ быть допускаемы въ училища лишь одобренныя имъ самимъ учебныя руководства, послѣдствіе чего предстоитъ ему учредить нѣсколько специальныхъ комиссій для разсмотрѣнія упомянутыхъ руководствъ. Комиссія, обязанная указывать министерству на тѣ лица, которыя могутъ быть удостоиваемы командировокъ съ ученою цѣлью, уже вполне сформирована; она въ состояніи принести существенную пользу, ибо при теперешнемъ порядкѣ вещей непрерывно смѣняющіеся у насъ министры народнаго просвѣщенія—люди исключительно политическіе,—мало знакомы съ корпораціею нашихъ ученыхъ. Комиссія, состоящая изъ специалистовъ, должна судить о достоинствѣ тѣхъ ученыхъ, которые ищутъ командировокъ, и снабжать ихъ болѣе или менѣе подробными инструкціями; затѣмъ, по возвращеніи ихъ, она будетъ разсматривать представляемые ими отчеты, рѣшать, какіе изъ этихъ отчетовъ могутъ быть удостоиваемы напечатанія и кто изъ командированныхъ лицъ заслуживаетъ особою награды.

Затѣмъ, состоялось другое министерское распоряженіе. По приказанію министра, тѣ воспитанники лицеевъ, которые живутъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, должны ежемѣсячно дѣлать большія военныя прогулки. Мѣра эта, имѣющая цѣлью содѣйствовать военному воспитанію молодежи, не лишена значенія теперь, когда во Франціи вводится общая воинская повинность.

Вотъ и все, чѣмъ исчерпывается административная учебная дѣятельность за прошлый мѣсяцъ. Перехожу теперь къ событіямъ въ академическомъ мѣрѣ.

Французская литература и наука понесли тяжкую утрату въ лицѣ историка Мишле, одного изъ немногихъ, остававшихся въ живыхъ, представителей знаменитой школы тридцатыхъ годовъ, сообщившихъ столь сильное движеніе поэзіи, драматическому искусству и историческимъ изслѣдованіямъ. Онъ родился въ Парижѣ, въ 1798 году; отецъ его былъ типографъ и хотѣлъ пустить сына по своимъ слѣдамъ, но не таково было призваніе молодого Мишле. Окончивъ съ блестящимъ успѣхомъ классическій курсъ наукъ (паставниками его были, между прочимъ, Викторъ Леклеръ и Кузень), онъ занялъ въ 1821 году мѣсто преподавателя исторіи въ парижскомъ Collège Rollin. Въ 1824 году онъ издалъ первый свой трудъ „Синхроническія таблицы новой исторіи“—трудъ, теперь почти забытый, но который послужилъ ему основою для двухъ другихъ: „Краткое обзорѣніе новой исторіи“ и „Обзорѣніе исторіи Франціи“, выдержавшихъ нѣсколько изданій. Въ то же время занимался онъ переводомъ сочиненій итальянскаго философа Вико, съ которыми впервые познакомили нашу публику. Всѣ эти труды обезпечили ему, послѣ июльскаго переворота, быстрое повышеніе: онъ занялъ должность начальника историческаго отдѣла королевскихъ архивовъ и вслѣдствіе того получилъ доступъ къ огромной массѣ еще не издаваемыхъ, или мало доступныхъ, документовъ. Приступивъ къ ихъ разработкѣ, Мишле одновременно съ тѣмъ, дѣятельно трудился въ Нормальной школѣ, гдѣ онъ подготовилъ цѣлое поколѣніе преподавателей исторіи, которымъ суждено было пробудить и поддерживать въ обществѣ любовь къ этой наукѣ: въ числѣ ихъ находился и будущій министръ, г. Дюрюи, извѣстный своею коллекціею руководствъ по части исторіи. Вслѣдъ затѣмъ г. Гизо избралъ молодого ученаго своимъ помощникомъ въ Сорбоннѣ. Въ 1837 году Мишле издалъ первый томъ своей „Исторіи Франціи“, которая доставила ему неоспоримое право на громкую извѣстность, а въ 1838 занялъ каедру Дону въ Collège de France и былъ избранъ въ члены Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ.

Къ сожалѣнію, пламенное воображеніе Мишле побуждало его скорѣе къ роли политическаго, философскаго и соціальнаго проповѣдника, чѣмъ къ спокойному и безпристрастному изложенію своей науки. Подъ вліяніемъ идей, распространявшихся тогда въ обществѣ

и долженствовавшихъ вызвать революцію 1848 г., Мишле бросился въ демократическую и анти-клерикальную пропаганду, которая, поразительными своими крайностями, навлекла на него порицанія не со стороны только какихъ-нибудь іезуитовъ, но даже со стороны людей истинно либеральнаго образа мыслей. Къ этому времени принадлежатъ три его памфлета, нынѣ совсѣмъ забытые, по тогда произведшіе сильное впечатлѣніе, а именно: „Іезуиты“, „Священникъ, женщина и семейство“, „Народъ“. Правительство встревожилось. Въ 1846 году отнято было право читать лекціи у г. Кине, въ тѣсномъ союзѣ съ которымъ Мишле производилъ свою отчаянную агитацію; но Мишле продолжалъ свой курсъ. Завидуя успѣху, доставшемуся на долю „Исторіи жирондистовъ“ Ламартина, онъ, въ свою очередь, написалъ (1847—1853) „Исторію революціи“, отличающуюся крайне демократическимъ направленіемъ.

Начиная съ 1850 года, консервативная партія господствовала во Франціи, и тогдашнее правительство сочло полезнымъ прекратить лекціи г. Мишле, не смотря на всѣ его протесты. Онъ поступилъ очень умно, отказавшись отъ кандидатуры въ Національное Собраніе, потому что не былъ созданъ для политической жизни. Послѣ переворота 2-го декабря, онъ не захотѣлъ принести присягу Лудовику-Наполеону и долженъ былъ покинуть свое мѣсто въ государственныхъ архивахъ. Г. Мишле жилъ, съ этихъ поръ, въ уединеніи, занимаясь исключительно своею исторіею, а также другими произведеніями, не имѣвшими съ исторіею ничего общаго (*L'oiseau, L'insecte, La mer, La montagne*), въ которыхъ онъ съ лирическимъ пафосомъ изображалъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ своихъ путешествій, изъ продолжительнаго своего пребыванія въ деревнѣ. Два сочиненія: *L'amour* и *La Femme*, затрогивавшія самые сокровенные вопросы супружеской жизни съ рѣзкостью, къ которой не приучена французская публика, породили не малый скандалъ. По поводу ихъ выражались, что Мишле, вмѣсто исторической литературы, началъ заниматься литературою *истерическою*.

Не смотря на все это, онъ не забывалъ своего главнаго труда— „Исторіи Франціи“; въ 1867 году онъ издалъ послѣдній его томъ, доведя разказъ до революціи. Немедленно вслѣдъ затѣмъ занялся онъ „Исторіею XIX вѣка“, первый томъ которой появился въ 1872 году подъ заглавіемъ: „Директорія и происхожденіе Бонапартовъ“. Увѣряютъ, что послѣ него осталось много рукописей.

Къ исчисленнымъ уже мною произведеніямъ знаменитаго исто-

рика нужно присоединить нѣсколько другихъ: „Легенды сѣвера“, „Библия человечества“, „Римская исторія“, въ которой можно было бы указать много прекрасныхъ страницъ, французскій переводъ занисокъ Лютера, и т. д. Мансра Мишле напоминаетъ отчасти Шатобриана и Августина Тьерри, а отчасти Вольтера. Весьма мѣтко сказалъ о немъ извѣстный нашъ критикъ, Тенъ, что онъ — великій поэтъ, писавшій прозою. Это дѣйствительно такъ: едва-ли у кого изъ современныхъ нашихъ поэтовъ найдутся такія поэтическія страницы, какъ описаніе Франціи, которымъ начинается второй томъ „Исторія“ Мишле; многіе эпизоды, какъ наприимѣръ, сумасшествіе Карла VI, судьба Іоанны Даркъ, изложены съ поразительнымъ искусствомъ. Къ сожалѣнію, съ подобными похвалами можно отнестись далеко не ко всему, что вышло изъ подъ пера Мишле: увлеченный успѣхомъ своихъ книгъ и преподаванія, онъ началъ писать съ-плеча и очень часто грѣшилъ не только противъ требованій изящнаго вкуса, но даже и противъ здраваго смысла. Этимъ объясняются, особенно въ послѣднихъ его произведеніяхъ, всѣ странности его стили, эти рубленныя фразы, это сбивчивое, утомительное изложеніе... Впрочемъ, указанные нами недостатки, а также политическій образъ мыслей автора, закрыли ему доступъ во Французскую Академію, гдѣ засѣдаютъ иногда люди менѣе талантливые.

Кстати объ этой Академіи. На дняхъ, а именно 22-го (10-го января) происходилъ въ ней торжественный пріемъ г. С. Рене-Тальяндье, профессора французской литературы въ Сорбоннѣ и извѣстнаго публициста, много писавшаго для *Revue des deux mondes*, постоянно заботившагося о томъ, чтобы знакомить нашу публику съ иностранными литературами, преимущественно съ германскою и славянскихъ странъ. Любопытно, что отвѣтная рѣчь новому академику была прочитана г. Низаромъ — человекомъ, менѣе всего знакомымъ съ умственнымъ движеніемъ за границею, твердо убѣжденнымъ, что единственный центръ цивилизаціи — Франція, а все, что находится внѣ ея — варвары, къ которымъ онъ питаетъ глубокое презрѣніе.

Г. Тальяндье занялъ мѣсто о. Гратри, произведенія коего представляли интересъ только для католиковъ, и при томъ для католиковъ извѣстнаго оттѣпка. Обязанный произнести похвальное слово своему предшественнику, новый академикъ довольно ловко справился съ этою задачею. Что касается г. Низара, то ему приходилось говорить и объ о. Гратри, и о г. С. Рене-Тальяндье, и рѣчь его была исполнена поразительныхъ странностей. Вместо того, чтобы

оцѣнить пользу, какую приноситъ Франціи изученіе иностранныхъ литературъ, онъ отнесся къ этому предмету съ крайне невѣжественнымъ легкомысліемъ. „Потомокъ латинской расы,— и нужно сознаться, потомокъ неисправимый“, воскликнулъ онъ, — „я не могу отдѣлаться отъ предубѣжденія древнихъ Латинянъ противъ варваровъ. Ваше (обращаясь къ г. Тальяндье) литературное заискиванье у Нѣмцевъ напоминаетъ мнѣ визиты, которые приходится дѣлать людямъ, не имѣющимъ привычки отдавать ихъ.... Я не понимаю, что могла бы приобрести для себя Франція отъ умственного общенія съ Германіею“. Вотъ какую мудрость высказываютъ наши ученые даже теперь, послѣ всѣхъ испытанныхъ нами бѣдствій....

Академія не раздѣляетъ, конечно, странныя воззрѣнія г. Низара. Еще не далѣе, какъ на дняхъ, она доказала это тѣмъ, что приняла въ свою среду одного изъ профессоровъ иностранныхъ литературъ, г. Мезьера. Нужно было, именно, выбрать трехъ кандидатовъ на мѣсто гг. Лебрена, Вите и С. Марка-Жирардена,—и выборъ академіи остановился на гг. Дюма (извѣстный драматическій писатель), Каро и Мезьерѣ. Въ пользу г. Тена, пользующагося особеннымъ покровительствомъ г. Гизо, было подано только 5 или 6 голосовъ, и такую же неудачу потерпѣлъ г. Гастонъ Буассье. Если академія отвергла г. Тена и предпочла ему г. Каро, то объясняется это тѣмъ, что послѣдній всегда былъ ревностнымъ поборникомъ спиритуализма въ философіи, тогда какъ его соперникъ слыветъ за матеріалиста. Что касается до г. Мезьера, то онъ уже достаточно извѣстенъ весьма почтенными трудами о Шекспирѣ, Петраркѣ и Гете. Г. Каро, одинъ изъ ревностныхъ сотрудниковъ *Revue des deux mondes*, издалъ нѣсколько сочиненій, между которыми особенно замѣчательны: „Etudes morales et litteraires“, „L'idée de Dieu“, „La philosophie de Goethe“. Считаю бесполезнымъ говорить объ удостоившемся избранія, вмѣстѣ съ названными мною лицами, г. Александрѣ Дюма.

Во Collège de France назначены два новые профессора, а именно г. Масперо—на кафедре египетской археологіи и филологіи и г. Вильгельмъ Гизо (сынъ знаменитаго историка и государственнаго чловека)—на кафедре „нарѣчій и литературъ германскаго происхожденія“. Послѣднее изъ этихъ назначеній породило много толковъ. По дѣйствующимъ нынѣ закопеніямъ, назначеніе профессоровъ Collège de France происходитъ такимъ образомъ: всѣ преподаватели этой высшей школы, изъ которыхъ образуется ея совѣтъ, представляютъ министру двухъ кандидатовъ; съ другой стороны, отдѣленіе членовъ-

корреспондентовъ Института представляетъ отъ себя такое же число кандидатовъ, и министръ дѣлаетъ выборъ по своему усмотрѣнію. Въ настоящее время, когда особенно сильно ощущается у насъ потребность основательнаго знакомства съ Германіею, позволительно было надѣяться, что вакантная кафедра будетъ отдана кому либо, кто уже заявилъ себя болѣе или менѣе самостоятельными трудами о нѣмецкой литературѣ. Къ сожалѣнію, такихъ людей у насъ очень мало, — въ сущности ихъ всего только двое: г. Мезьеръ, о которомъ я сейчасъ упоминалъ, и г. Гейприхъ, деканъ Лионскаго словеснаго факультета; но ни тотъ, ни другой не явились для соисканія кафедры. Однимъ изъ кандидатовъ былъ г. Гизо. Конечно, это весьма талантливый писатель: онъ перевелъ Маколея, написалъ диссертацию о Менандрѣ и греческой комедіи, монографію объ англійскомъ королѣ Альфредѣ великомъ; къ тому же онъ уже извѣстенъ съ очень хорошей стороны въ Collège de France, ибо въ званіи помощника г. Ломени читалъ тамъ курсъ французской литературы, — но вся бѣда въ томъ, что онъ не знаетъ ни единого слова по нѣмецки! Повидимому, это не малое неудобство для профессора германской литературы... Но у г. Гизо не было опасныхъ соперниковъ, ибо лица, домогавшіяся кафедры, не отличались ни свѣдѣніями, ни талантомъ, и преподаватели Collège de France рѣшились уже подавать голоса за него, какъ вдругъ явился новый кандидатъ — г. Боссертъ, профессоръ словеснаго факультета въ Дуэ. По происхожденію, онъ — Эльзасецъ, слѣдовательно, хорошо знаетъ нѣмецкій языкъ; многосторонность своихъ свѣдѣній онъ уже достаточно обнаружилъ въ цѣломъ рядѣ сочиненій: „Тристанъ и Изельда“, „Средневѣковая германская литература“, „Гете, его предшественники и современники“, „Гете и Шиллеръ“ и т. д. Имѣя предъ собою столь серьезнаго кандидата, профессора Collège de France сочли долгомъ энергически поддерживать его права, и дѣйствительно, онъ былъ избранъ большинствомъ двухъ третей голосовъ.

Затѣмъ предстояло сдѣлать выборъ Институту, а въ Институтѣ отецъ г. Гизо пользуется огромнымъ вліяніемъ. Только этимъ и можно объяснить, что выборъ оказался тамъ въ пользу молодого Гизо, который тотчасъ же и былъ утвержденъ министромъ. Говорятъ, что онъ принялъ при этомъ обязательство выучиться какъ можно скорѣе по нѣмецки, и очень желательно, чтобы это ему удалось, ибо иначе какую же пользу можетъ онъ принести на кафедру?

Очень естественно, что вся эта исторія породила не малый скан-

далъ въ нашемъ ученomъ мiрѣ, и Нѣмцы болѣе чѣмъ когда-нибудь имѣютъ право укорять насъ въ легкомысліи.

II.

Обращаюсь затѣмъ къ литературнымъ новостямъ. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ принадлежатъ къ области исторіи и первое мѣсто между ними занимаетъ трудъ, о которомъ я уже упомянулъ вскользь въ послѣднемъ своемъ письмѣ, а именно издавшая гг. *Жефруа* и *Арнетомъ* „Секретная корреспонденція между Маріею-Терезіею и графомъ Мерси-д'Аржанто, съ приложеніемъ переписки Маріи-Терези съ Маріею-Антуанетою“ (*Correspondance entre Marie Thèrese et le comte Mercy Argenteau avec les lettres de Marie Thèrese et Marie Antoinette, 3 vol*). Арнетъ завѣдуетъ въ настоящее время императорскими архивами въ Вѣнѣ; что касается до г. Жефруа, то онъ — профессоръ парижскаго словеснаго факультета и извѣстенъ преимущественно своими изслѣдованіями о скандинавской исторіи. Путешествуя по Швеціи, онъ попалъ тамъ на значительное число неизданныхъ документовъ о Лудовикѣ XVI и королевѣ Маріи-Антуанетѣ; они были обнародованы имъ отчасти въ его „Замѣткахъ и извлеченіяхъ изъ рукописей, сохранившихся въ Швеціи, Давіи и Норвегіи“ (*Notices et extraits des manuscrits, qui sont conservés en Suède, en Danemark et en Norvège*), а отчасти въ его монографіи „Густавъ III и французскій дворъ“ (*Gustave III et la cour de France*). Г. Арнетъ не могъ выбрать болѣе дѣльнаго сотрудника для изданія тѣхъ архивныхъ свѣдѣній о Маріи-Антуанетѣ, которыя нужно было собрать въ Парижѣ. Не разъ уже дѣлаемы были попытки изложить біографію этой королевы, но для этого приходилось довольствоваться мемуарами, появившимися спустя много лѣтъ послѣ ея кончины, и написанными подѣ вліяніемъ, съ одной стороны, энтузіазма и благоговѣнія къ ея памяти, а съ другой — озлобленныхъ революціонныхъ страстей. Въ послѣднее время нѣкоторые лица ¹⁾ занимались фабрикаціею подложныхъ документовъ о Маріи-Антуанетѣ, но что касается до появившихся нынѣ въ свѣтъ, то подлинность ихъ не можетъ быть подвергнута ни малѣйшему сомнѣнію. Они заимствованы изъ Вѣнскихъ архивовъ, гдѣ хранится корреспонденція лицъ царствующаго дома и куда, по смер-

¹⁾ Корреспондентъ нашъ имѣетъ, конечно, тутъ въ виду Фелье де-Конша, который былъ разоблаченъ знаменитымъ нѣмецкимъ историкомъ Зибелемъ.

Ред.

ти австрійскаго посланника Мерси-Аржанто, поступили также и его письма. Этотъ дипломатъ имѣлъ, какъ извѣстно, порученіе отъ Маріи-Терезіи руководить своими совѣтами несчастную королеву Марію Антуанету, когда она сочеталась бракомъ съ дофиномъ, впослѣдствіи королемъ Лудовикомъ XVI. Слѣдствіемъ этого была весьма дѣятельная корреспонденція, прекратившаяся только съ кончиною императрицы (1770—1780); она чрезвычайно интересна не только по содержащимся въ ней подробностямъ о тогдашнемъ французскомъ дворѣ, но также и по весьма важнымъ свѣдѣніямъ о политикѣ того времени (особенно много говорится въ письмахъ о Польшѣ и дѣйствіяхъ кабинетовъ С.-Петербургскаго и Берлинскаго). Вообще же, обнаруженная нынѣ корреспонденція производитъ впечатлѣніе, весьма благоприятное для королевы Маріи-Антуанеты, точно также какъ и для императрицы, ибо всѣ ея письма свидѣтельствуютъ о томъ, что вмѣстѣ съ пѣжною материнскою заботливостію она обнаруживала высокую политическую провицательность. И къ ней можно примѣнить то, что было сказано о Екатеринѣ II: *femina sexu ingenio vir.*

Изданіе гг. Арнета и Жефруа имѣло у насъ большой успѣхъ, отчасти, быть можетъ, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ. Легитимисты постарались какъ можно лучше воспользоваться этою книгою для своихъ цѣлей.

Недавно появилось также посмертное изданіе корреспонденціи Проспера Мериме, подъ заглавіемъ: „Письма къ незнакомкѣ“ (*Lettres à une inconnue*). Письма эти были адресованы къ дамѣ, которая, издавая ихъ, разчитывала сохранить свое инкогнито, что однако ей не удалось; въ нихъ разсѣяно много весьма любопытныхъ подробностей о литературномъ движеніи во Франціи въ царствованіе Наполеона III. Продолжается также изданіе переписки Ламартина: недавно появился третій ея томъ, обнимающій время отъ 1820 до 1826 годовъ. Она становится все болѣе интересною по мѣрѣ того, какъ вырастаетъ литературная репутація автора и какъ начинается онъ принимать участіе въ политическихъ событіяхъ своей страны. Въ вышедшей нынѣ книгѣ есть любопытныя свѣдѣнія о поэмѣ „*Visions*“, которую Ламартинъ обдумывалъ въ теченіе многихъ лѣтъ, но успѣлъ написать только два отрывка „*Jocelyn*“ и „*Chute d'un ange*“.

Приведено къ концу и новое изданіе мемуаровъ С. Симона. Первое изъ этихъ изданій появилось въ 1829 году и отличалось весьма важными недостатками: въ немъ выщущены были цѣлыя отрывки, искажены собственныя имена и даже мѣткій и оригинальный слогъ

автора подвергся самымъ негѣлымъ „исправленіямъ“. Гораздо позднѣе (1856—1860 гг.) г. Шершель рѣшился снова издать С. Симона, но, къ сожалѣнію, опъ не достаточно тщательно просмотрѣлъ текстъ; только теперешнее изданіе можно считать вполнѣ удовлетворительнымъ, ибо оно отличается замѣчательною вѣрностью текста, раздѣлено на главы и кромѣ того снабжено необходимыми примѣчаніями. Предисловіемъ къ нему служитъ этюдъ С. Бѣва. Тѣмъ изъ читателей, которые не сочли бы возможнымъ прочесть всѣ 20 томовъ С. Симона, а между тѣмъ желаютъ составить себѣ понятіе объ одномъ изъ оригинальнѣйшихъ нашихъ писателей, я укажу на книгу „Regentъ и французскій дворъ во время малолѣтства Лудовика XV. Портреты, анекдоты, сужденія, заимствованныя изъ мемуаровъ С. Симона“ („Le regent et la cour de France sous la minorité de Louis XV. Portraits, jugements, anecdotes, extraits des mémoires de Saint-Simon“).

Изъ другихъ произведеній, относящихся къ исторіи, я считаю справедливымъ упомянуть о книгѣ г. Дантье объ Италиі (L'Italie, études historiques, par Dantier). Авторъ давно уже занимается средними вѣками, преимущественно исторіею духовныхъ орденовъ. Въ 1846 году правительство поручило ему отправиться въ Италію, съ цѣлью изучить тамъ древнѣйшіе памятники христіанской эпиграфики; а позднѣе этому же ученому было поручено заняться собраніемъ неизданной корреспонденціи ордена Бенедиктинцевъ, оказавшаго столь великія услуги наукѣ. Результаты своихъ изслѣдованій г. Дантье изложилъ въ двухъ сочиненіяхъ: „Etudes sur les Bénédictins“ и „Les monastères bénédictins d'Italie“,—и за послѣдній изъ этихъ трудовъ была ему присуждена премія французской Академіи. Но и кромѣ того авторъ весьма тщательно изучалъ Италію, какъ видно изъ появившихся нынѣ двухъ томовъ, въ которыхъ изложены главнѣйшіе эпизоды изъ исторіи этой страны отъ вторженія варваровъ до паденія Венеціанской республики. Особенно любопытны главы о норманскомъ владѣствѣ на Аппенинскомъ полуостровѣ, ломбардскихъ коммунахъ, отношеніяхъ римскаго престола къ Флоренціи и т. д.

Не мало появляется у насъ также изслѣдованій и о Германіи, но, къ сожалѣнію, авторы ихъ преслѣдуютъ при этомъ цѣли, не имѣющія ничего общаго съ наукою. Замѣчаніе это относится, между прочимъ, и къ книгѣ г. Целлера („Histoire d'Allemagne“), о которой мнѣ приходилось уже упоминать и которая подверглась недавно весьма строгому и основательному разбору въ *Revue critique*. Но нельзя, кажется, сказать того же самаго о новой книгѣ г. Жефруа: „Римъ

и варвары; изслѣдованіе о Тацитовской Германіи" (*Rome et les barbares, études sur la Germanie de Tacite*), которая составила изъ лекцій, читанныхъ авторомъ въ Сорбоннѣ еще въ 1869 году. Въ началѣ занимается онъ оцѣнкою знаменитаго труда Тацита и вопросомъ о томъ, какое впечатлѣніе долженствовали произвести на Римлянъ совершенно новый для нихъ германскій міръ, затѣмъ онъ излагаетъ, по Тациту, религіозныя вѣрованія Германцевъ, ихъ нравы, обычаи, а также различные эпизоды борьбы, происходившей между ними и Римомъ въ теченіе I-го вѣка; все это оканчивается изслѣдованіемъ о завоеваніи Римской имперіи германскими племенами. Последняя глава представляетъ значительный интересъ. Какъ извѣстно, во Франціи существуютъ двѣ школы, изъ которыхъ одна старается доказать, что французское общество сложилось подъ влияніемъ германскаго элемента, а по мнѣнію другой, Германцы были совершенно поглощены Галло-римлянами и играютъ лишь второстепенную роль въ исторіи нашихъ учрежденій. Школы эти существовали еще въ XVIII вѣкѣ (аббатъ Дюбъ и Монтескье), а въ настоящую минуту представителями послѣдней изъ нихъ являются гг. Литре и Фюстель де-Куланжъ. Г. Жефруа подробно разбираетъ ихъ теорію и слѣдя за семейнымъ бытомъ, наследственнымъ правомъ, судебными учрежденіями въ средніе вѣка, доказываетъ, что Германцы явились въ предѣлахъ имперіи не союзниками, а въ полномъ смыслѣ слова завоевателями.

Профессоръ исторіи въ одномъ изъ провинціальныхъ факультетовъ, г. Рамбо, авторъ книги „Французы на Рейнѣ“, издалъ теперь новое сочиненіе: „Германія во время владычества Наполеона I“ (*L'Allemagne sous Napoleon I*), въ которомъ излагаетъ попытки императора организовать, подъ своимъ покровительствомъ, извѣстный Рейнскій союзъ. Роль государствъ, вошедшихъ въ этотъ союзъ, участіе ихъ въ войнѣ противъ Россіи и образъ ихъ дѣйствій въ событіяхъ 1813 и 1814 годовъ—все это изображено авторомъ съ замѣчательнымъ талантомъ. Цѣль его — показать, что хотя тиранія Наполеона и подорвала то влияніе, которое приобрѣтено было Франціею, когда республиканскія ея арміи впервые появились на германской почвѣ, но что тѣмъ не менѣе влияніе это и впоследствии отражалось весьма сильно на политическихъ идеяхъ и законодательствѣ этой страны, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, наполеоновскій кодексъ, пустившій глубокіе корни въ прирейнскихъ областяхъ. Странно, если нѣмецкіе историки, въ своемъ патріотическомъ увлеченіи, отрицаютъ

этотъ фактъ. Книга г. Рамбо наполнена множествомъ интересныхъ подробностей о придворной жизни во второстепенныхъ германскихъ государствахъ того времени, особенно о дворѣ Вестфальскомъ.

Нельзя не упомянуть также о новой книгѣ г. Гейнриха, а именно о третьемъ томѣ его „Исторіи германской литературы“. Два первые тома появились въ 1870 году и доставили автору премію Французской академіи.

Соотечественникъ вашъ, г. Лучицкій, напечаталъ недавно, на средства нашего протестантскаго историческаго общества, „Не изданные документы для исторіи Лангедока и Ла-Рошели послѣ варооломеевской ночи“ (Documents inédits sur l'histoire du Languedoc et de La Rochelle après la Sainte-Barthélemy, 1572—1574),—документы, заимствованные имъ изъ С.-Петербургской публичной бібліотеки. Кромѣ того, я слышалъ, что возвратившійся недавно изъ Петербурга г. Бертранъ намѣренъ издать подробный каталогъ французскихъ рукописей, хранящихся въ той же бібліотекѣ.

Л. Л-ръ.

ПОПРАВКИ.

Въ февральской книжкѣ, въ статьѣ «Политическое устройство Германской имперіи», на стр. 323, строка 5-я снизу, и за тѣмъ въ 1-мъ примѣчаніи къ той же страницѣ:

Напечатано: Дѣмеръ

Читай: Рѣмеръ.

Въ статьѣ «Обозрѣніе дѣятельности мин. нар. просв.», на стр. 87, стр. 6 снизу:

Напечатано: 300.000

Читай: 360.000.

Въ той же книжкѣ, въ статьѣ «Каннибализмъ въ греческихъ мифахъ», на стр. 91, стр. 11 снизу, въ примѣчаніи:

Напечатано: Зевсъ и Геркулесъ

Читай: Зевсъ и Гера.

ЧАСТЬ CLXXII, ОТД. 4.

3*

ОТДѢЛЪ
КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О САТИРАХЪ Д. Ю. ЮВЕНАЛА.

РАЗВОРЪ МНѢНІЙ ОТТО РИББЕКА.

Est modus in rebus, sunt certi denique fines,
Quos ultra citraque nequit consistere rectum.

Hor. Sat. II, I, 106—107.

Объщанное Отто Риббекомъ ¹⁾ еще въ 1859 году критическое изслѣдованіе объ Ювеналѣ появилось въ 1865 году подъ заглавіемъ: „Der echte und der unechte Juvenal. Eine kritische Untersuchung. Berlin“. Въ этомъ разсужденіи авторъ старается подтвердить мысль, высказанную имъ еще въ 1859 году, что не всѣ 16 сатиръ, обыкновенно приписываемыя Ювеналу, должны считаться настоящими его произведеніями. За подлинныя онъ принимаетъ только девять первыхъ и одиннадцатую, которую называетъ десятою, тогда какъ 10-ю, 12-ю, 13-ю, 14-ю и 15-ю Риббекъ считаетъ подложными. Но, какъ кажется, этотъ ученый слишкомъ увлекся критическимъ направленіемъ нашего времени при изученіи памятниковъ древней литературы; по крайней мѣрѣ, тѣ доводы, которыми старается онъ опровергнуть подлинность сатиръ Ювенала, дѣйствительно, поражая насъ только замѣчательнымъ остроуміемъ автора, никакъ не могутъ отличаться тою основательностью, которая можетъ быть плодомъ лишь вѣрнаго взгляда на самый предметъ.

Доводы эти заключаются главнымъ образомъ въ томъ, что въ нѣкоторыхъ сатирахъ Ювенала мы встрѣчаемъ мѣшѣ упоминаній и намековъ на личности и событія той эпохи, въ которую жилъ самъ Ювеналъ; что мнимый декламаторъ, — дѣйствительный, по мнѣнію Риббека, авторъ пяти подложныхъ сатиръ, — отличаясь не талантомъ,

¹⁾ При изданіи имъ Ювенала: „Juvenalis Saturae. Editio Stereotypa“. Lipsiae, 1859.

но начитанностью, упоминаетъ только о такихъ историческихъ данныхъ, которыя онъ почерпнулъ изъ разныхъ сочиненій, имѣющихъ вообще мало отношенія къ эпохѣ самого Ювенала; что онъ и по своему міросозерцанію совсѣмъ не похожъ на Ювенала (между прочимъ, Риббекъ видитъ въ немъ отъявленнаго пессимиста); отличается крайнею вычурностію слога и притомъ нерѣдко пренебрегаетъ строгимъ употребленіемъ словъ и оборотовъ языка сообразно съ ихъ значеніемъ, вслѣдствіе чего слогъ его страдаетъ иногда неясностію или даже совершенною неслѣбностію.

Оставляя пока въ сторонѣ разрѣшеніе вопроса о предполагаемомъ дуализмѣ въ сатирахъ Ювенала, я скажу только, что тщательное изученіе произведеній этого поэта дѣйствительно заставляетъ меня признать въ нихъ нѣкоторый дуализмъ, который, однакожь, при сопоставленіи послѣднихъ сатиръ съ первыми, я объясняю себѣ не подложностію второй половины этихъ сатиръ, а тѣмъ предположеніемъ, что послѣднія сатиры относятся къ временамъ глубокой старости поэта, которая наложила на нихъ довольно своеобразный отпечатокъ, болѣе или менѣе отличный отъ раннихъ произведеній Ювенала. Постараюсь критически разобрать упреки, дѣлаемые имъ Риббекомъ.

I.

На стр. 4-й своего сочиненія Риббекъ говоритъ: „Der Verfasser jener ersten Hälfte schwingt, als erklärter Nachfolger des Lucilius, die blutige Geißel über seine Mitbürger, und wenn er sich auch bei so veränderten Zeiten aus Vorsicht bescheiden muss, nur bereits Verstorbene bei Namen zu nennen, so treffen doch seine Streiche stets solche Personen, die ihm und den Zeitgenossen in jüngster Erinnerung leben. Die Helden seiner Satire finden wir grösstentheils bei Tacitus, Sueton, dem jüngeren Plinius, Martial wieder, — ein Beweis, dass ihre Züge allen Zeitgenossen geläufig waren. Aber alle Erinnerung scheint ihm versiegt, der Pinsel vertrocknet zu sein in der zweiten Hälfte unserer Sammlung. Die wenigen Namen, die man auf Zeitgenossen beziehen mag, sind mit dürftigen Ausnahmen gänzlich unbekannt: nicht einmal der Scholiast weiss über sie etwas zu sagen“. Затѣмъ Риббекъ самъ приводитъ, въ видѣ исключенія, цѣлый десятокъ извѣстныхъ именъ изъ второй половины сатиръ. Далѣе (на стр. 5-й) онъ говоритъ: „Ueber den Rest, etwa anderthalb Dutzend Namen (въ скобкахъ приведены указанія на мѣста, въ которыхъ эти имена попадаютъ) schweigt

die Geschichte, und liefert auch der Satiriker selten mehr, als die trockene Angabe der Kategorie“. „Desto mehr (стр. 8-я) liebt es der Verfasser der zweiten Hälfte unserer Satirensammlung auf die ältere römische und griechische Geschichte und auf die mythische Vorzeit zurückzugehen. Auch (стр. 9-я) die Mythologie wird in einem Umfange von ihm geplündert, wie es der Leser bisher nicht gewohnt war. Besonders Homer, Vergil und die Tragiker liefern Stoff und Personal“.

Чтобы показать, на самомъ дѣлѣ, на сколько основательны эти замѣчанія Риббека, — я приведу нѣсколько примѣровъ изслѣдованій, произведенныхъ мною надъ именами, встрѣчающимися въ различныхъ сатирахъ Ювенала изъ первой половины.

Такъ сатира III, состоящая изъ 322-хъ стиховъ, заключаетъ въ себѣ 44 имени, изъ которыхъ только 10 могутъ считаться извѣстными и относящимися къ эпохѣ Ювенала, а именно: Умбриція (ст. 1) знаетъ Плиній (X, 6), Тацитъ (Hist. I, 27) и Плутархъ (Galba, t. I, p. 1064); Деметрія и Стратокла (ст. 99) знаетъ Квинтилианъ (Inst. XI, 3), П. Эгнація Целера и Бареса Сорана (ст. 116)—Тацитъ (Annal. XVI, 21), Протогена (121)—Діонъ (LIX); Кальвину (133) Линсій старается сопоставить съ однимъ лицомъ у Тацита (Annal., XII, 4, 8); Хіонэ (136) знаетъ Марціалъ (I, III и пр.), Фабриція Вейептона (185)—Плиній (Ep. IV, 22, IX, 13) и Тацитъ (Annal. XIV, 50); Т. Клавдія Друза Цезаря — Светоній (Claud. V, VIII) и другіе. Затѣмъ 10 именъ въ этой сатирѣ взяты изъ міеологіи, именно: Камены (16), Эгерія (17), Дедалъ (25), Лахеза (27), Фортуна (40), Геркулесъ и Аутей (90), Миперва (139), Портмей (266), Пелидъ (280). 9 именъ почерпнуты изъ исторіи и литературы: Пума (11), Верресъ (53), Изей (74), Таида (93), П. К. Сципіонъ Назика (137), Л. Цецилій Метеллъ (139), Отонъ (159), Евфраноръ и Поликлитъ (217). Далѣе, 15 именъ совсѣмъ неизвѣстны, а выдуманы или употреблены въ нарицательномъ значеніи, именно: Арторій (29), Катулъ (30), Антіохъ (98), Гемонъ (99), Дифилъ и Гермархъ (120), Альбина и Модія (130), Коціена (138), Коссъ (184), Укалеговъ (199), Кодръ и Прокула (203), Астурикъ (212), Персикъ (221). Такимъ образомъ, число именъ, современныхъ Ювеналу и извѣстныхъ намъ, составляетъ весьма незначительную часть общей суммы всѣхъ собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ этой сатирѣ.

Въ сатирѣ VII, заключающей въ себѣ 243 стиха и 71 имя, только 8 именъ могутъ быть приписаны лицамъ, современнымъ поэту и вообще извѣстнымъ; такъ, Цезарь (ст. 1) въ началѣ сатиры, какъ это

доказалъ К. Фр. Германнъ ¹⁾, есть Траянъ; Марка Аннея Лукана (79) знаетъ Тацитъ (Annal. XVI, 17); впрочемъ, имя это встрѣчается здѣсь почти въ нарицательномъ значеніи; Серана (80) знаетъ Марціалъ (IV, 37); Салея Басса (80) — Квинтилианъ (X, 1 и Dial. de Orat. V, IX) и Марціалъ (III, V и др.). Стацій (83) — авторъ Тебанды, котораго имя, впрочемъ, здѣсь употреблено въ нарицательномъ значеніи; Парисъ (87) — извѣстный любимецъ Домиціана, упоминаемый въ біографіи Ювенала, Матонъ (129) извѣстенъ Марціалу (IV, 81, VIII, 41) и встрѣчался уже въ сат. I, 32. Секундъ Карринатъ (204) извѣстенъ Діону (LIX) и Тациту (Annal. XV, 45). Кв. Реммія Палемона (215) хвалитъ Светоній (De illustr. gram., с. XXIII), но и этотъ былъ уже поименованъ въ сат. VI, 452.

Скудость намековъ на своихъ современниковъ поэтъ восполняетъ въ этой сатирѣ обиліемъ именъ, взятыхъ изъ мифологіи, которая доставила ему 21 имя, именно: Камены (2), Аганиппе (6), Кліо (7), Венера и Телезинъ (25), Юнопа (32), Музы и Аполлонъ (37), Аониды (59), владѣтели Цирры и Низы (64), Эрини (68), Аяксъ (115), Фортуна (197), Ахиллесъ (210), учитель Ахиллеса (212), Анхизъ и его кормилица (234), Анхемонъ и его мачиха (235). Исторія и литература доставили 19 именъ: Гомеръ (38), Горацій (62), Рутуль (68), Вергилій (69), Меценатъ и Прокулей (94), Фабій, Котта и Лентуль (95), Цицеронъ (139), Ганнибалъ (159), Феодоръ (177), Вентидій и Туль (199), Тразимахъ (204), Сократъ (по другимъ — Карринатъ) (205), Флаккъ и Маронъ (227), Ацестъ (235). Затѣмъ 23 имени — неизвѣстны или же безъ всякихъ чертъ индивидуальности, что, однакожь, Риббекъ ставитъ въ упрекъ позднѣйшимъ сатирамъ Ювенала. Имена эти слѣдующія: Махера (9), Пакцій и Фавстъ (12), Рубренъ Липпа (27), Пумиторъ (74), Квинтилія (75), Камерины и Барей (91), Пелопса и Филомела (92), Лацерна (114), Эмилиій (124), Педонъ (129), Тонгилій (130), Павслъ (143), Галль (144), Базиль (145), Веттіій (150), Хризогонъ и Полліонъ (176), Квинтилианъ (186, — въ нарицательномъ значеніи), Руфъ (213), Целадъ (215).

Точно такимъ же образомъ мы найдемъ, что изъ 92 именъ VIII сатиры, заключающей въ себѣ 275 стиховъ, извѣстны только 10, изъ которыхъ, впрочемъ, 3 уже встрѣчались и въ предъидущихъ сатирахъ, именно Маріій Прискъ (I, 47), Катулль (IV, 113) и Тимеле

¹⁾ De Juvenalis satirae septimae temporibus. Gottingae, 1843.

(I, 36; VI, 66); 51 почерпнуты изъ исторіи и литературы; 21 изъ области міеологіи; а совсѣмъ неизвѣстны—10.

Изъ 21 именъ IX сатиры, состоящей изъ 150 стиховъ, только 3 извѣстны и современны поэту, но одно изъ нихъ уже встрѣчалось раньше (Сауфея, VI, 320); изъ міеологіи—12, изъ исторіи и литературы—2, совсѣмъ неизвѣстны—4.

Изъ 23 именъ XI сатиры, имѣющей 208 стиховъ, извѣстны и современны Ювеналу только 2, при чемъ и эти два имени уже упоминались Ювеналомъ раньше (Курцій Монтанъ IV, 107, и Матонъ VII, 129); изъ міеологіи — 7, изъ исторіи и литературы — 7, совсѣмъ неизвѣстны, выдуманы или употреблены въ нарицательномъ значеніи — 7.

Приведенные мною примѣры взяты изъ большей части сатиръ, признаваемыхъ и Риббекомъ, и потому даютъ мнѣ право опредѣлить вообще среднее число собственныхъ именъ различныхъ категорій и указать взаимное отношеніе послѣднихъ въ первой половинѣ сатиръ Ювенала. Вообще видно, что число именъ неизвѣстныхъ въ любой сатирѣ почти всегда гораздо больше, чѣмъ извѣстныхъ, и что какъ первыя, такъ и вторыя имена составляютъ незначительную часть въ сравненіи съ именами, взятыми изъ міеологіи, исторіи и литературы. Поэтому-то мнѣ кажется, что мнѣніе Риббека не совсѣмъ вѣрно,— потому что и въ первыхъ сатирахъ намеки на личности далеко не такъ часты, какъ это утверждаетъ изслѣдователь. „За исключеніемъ двухъ-трехъ случаевъ“, говоритъ Низаръ ¹⁾,— „Ювеналъ никогда не называетъ по имени живыхъ личностей. Это онъ дѣлаетъ по той же причинѣ, по которой не посвящалъ своихъ сатиръ ни одному вліятельному человѣку (въ чемъ онъ отличался отъ Горациа); быть можетъ, онъ не хотѣлъ компрометировать ни ихъ, ни себя,— быть можетъ, во всемъ современномъ ему Римѣ не было ни одной такой личности, которую бы онъ считалъ достойною сдѣлаться сообщникомъ въ протестахъ честнаго человѣка“. Риббекъ забываетъ, что преемникъ Луціліа, жившій во времена императоровъ, не могъ не уклонно идти по слѣдамъ своего предшественника, такъ какъ Луціліа окружали совсѣмъ другія условія соціальной жизни. Самъ Юве-

¹⁾ Études de mœurs et de critique sur les poètes latins de la decadence. Paris. 1867.

наль въ первой своей сатирѣ призадумывается надъ этимъ и говорить (I, 150):

«Dicas hic forsitan: unde
Ingenium par materiae? unde illa priorum
Scribendi quodcumque animo flagrante liberet
Simplicitas, cujus non audeo dicere nomen?»

И далѣе (I, 170):

«Experiar quid concedatur in illos,
Quorum Flaminia tegitur cinis atque Latina».

Однако, и тутъ онъ принужденъ былъ не разъ обуздывать упоминаемую „simplicitatem scribendi“, такъ какъ еще жили дѣти, родственники и сторонники тѣхъ, которыхъ прахъ уже покрыла Фламиніева или Латинская дорога, и, конечно, если на нихъ не лежала опала цезаря, могли быть опасны нашему сатирику. Поэтому-то мы дѣйствительно и замѣчаемъ, что Ювеналъ выводитъ на сцену только такихъ людей своей эпохи, которыхъ память уже вполне была осуждена общественнымъ мнѣніемъ. Правда, въ первыхъ сатирахъ, благодаря гуманному правленію Траяна, излилась желчь, долго кипѣвшая въ поэтѣ, и мы встрѣчаемъ здѣсь болѣе намековъ на современниковъ,—но это не во всѣхъ сатирахъ, преимущественно только въ первой и четвертой, и притомъ вслѣдъ за первымъ негодованіемъ, эти намеки становятся все рѣже и рѣже,—что можно наблюдать даже на приведенныхъ мною примѣрахъ. Во второй же половинѣ сатиръ, какъ написанной, вѣроятно, въ поздней старости, намеки становятся еще болѣе рѣдкими. Къ этому взгляду пришелъ и Руперти: „Virus quoque acerbitalis“¹⁾, говоритъ онъ,—„in primis potissimum satiris evomuit; in iis, quae viri aetate provectoris maturiorisque ingenii fetus videri possunt, irae aestus fere deferbuit et frigori cessit declamationis: in his etiam rarius singuli, et dente minus meladico acutoque carpuntur, ut in Horatii epistolis“.—Совершенно то же замѣчаетъ Мейнертцъ²⁾: „Mihi, ut statim dicam, quod sentio, priores ejus satirae ab iis, quae postea scriptae possunt existimari, similiter distare videntur ac satirae Horatianae ab epistolis; namque in illis et saepius et majore cum acerbitate in singulis hominibus castigandis versatur; in his contra, ubi irae veementia et indignationis vis, quae

¹⁾ Classici Rom. Scriptores. Götting. 1803. Vol. I. Juvenalis et Persii Satirae. Стр. 58.

²⁾ Vindiciae Juvenalianae. Diss. inaug. philolog. Regim. Pr. 1866. Стр. 4.

antea poetam stimulaverat, paene elanguisse declamationemque interdum luxuriantem sine vi reliquisse videtur, raro tantum stulti cujusquam aut scelesti mentionem facit“.

Какъ въ числѣ героевъ сатиры Ювенала, такъ равно и между тѣми, къ которымъ онъ обращаетъ свои сатиры, часто попадаются неизвѣстныя личности, что опять-таки не можетъ служить доказательствомъ подложности нѣкоторыхъ изъ этихъ сатиръ. Такъ, въ XIV и другихъ позднѣйшихъ сатирахъ мы встрѣчаемъ неизвѣстную личность Фусцина, къ которому обращена сатира. Но вѣдь мы точно также не знаемъ ничего и о Постумѣ, къ которому обращена VI сатира, о Персикѣ XI-й сатиры и Понтикѣ VIII-й, хотя изъ смысла этой послѣдней видно, что Понтикъ принадлежалъ къ числу знатныхъ людей своего времени. За то нѣкоторыя извѣстныя личности, которымъ поэтъ посвящалъ свои сатиры, встрѣчаются безъ различія какъ въ первой, такъ и во второй половинѣ сатиръ Ювенала; опять доказательство, что и въ этомъ отношеніи нельзя проводить строгаго различія между тѣми и другими сатирами. Такъ, Умбриція, которому посвящена III сатира, знаетъ Тацитъ (Hist. I, 27), Плиній (X, 6) и Плут. (Galba, т. I, р. 1064); Невола IX сатиры знаетъ Марціалъ (Epigr. I, 98; II, 49 etc.); Кальвина, къ которому обращена сатира XIII, знаетъ Марціалъ (VII, 89). Точно также, хотя мы и не знаемъ, кто былъ собственно Волузій, къ которому обращена XV сатира, но прозвище „Вионяскаго“ позволяетъ смотрѣть на него, какъ на дѣйствительную личность. Вообще извѣстныхъ личностей, къ которымъ поэтъ обращалъ свои произведенія, очень мало, потому что Ювеналъ не имѣлъ Меценатовъ, какъ Вергилій или Гораций. Да и кому, спрашивается, изъ современной знати поэтъ могъ посвящать свои произведенія, когда леств не обуздывала языка, смѣло говорящаго слова правды? Сколько можно судить по біографіямъ Ювенала, кружокъ его друзей, которымъ большею частью и посвящены его сатиры, были, подобно ему самому и его произведеніямъ, въ первое время мало извѣстны большинству римской публики, чѣмъ и объясняется скудость извѣстій о тѣхъ личностяхъ, къ которымъ обращены сатиры Ювенала.

На стран. 6-й Риббекъ говоритъ: „Eben so unergiebig ist jene zweite Hälfte für die Kenntniss gleichzeitiger Einrichtungen, Sitten, Zustände oder Vorfälle in Rom, wofür in der ersten fast jede Zeile so reichen Stoff bietet“.

Риббекъ отчасти правъ, именно въ томъ отношеніи, что наме-

ковъ на римскую жизнь, преимущественно современную поэту, во второй половинѣ сатиръ Ювенала менѣе, чѣмъ въ первой. Но и это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣднія сатиры писаны подъ старость, когда круговоръ поэта становится шире, — когда, оставляя отчасти собственно территорію Рима, онъ выходитъ на общечеловѣческую почву, и на недостатки римской жизни смотритъ скорѣе, какъ на недостатки, общіе всей жизни человѣческой, что легко замѣтить и на самыхъ сюжетахъ позднѣйшихъ сатиръ. Такъ, въ X-й опъ нападаетъ на человѣческія страсти, которыя не удовлетворяются никакими границами, предписываемыми благоразуміемъ; въ XIII—на нечестность людей; въ XIV—на неблагоразуміе родителей, своимъ собственнымъ примѣромъ научающихъ дѣтей разнымъ порокамъ, преимущественно же скупости; въ XV-й сатирѣ онъ осмѣиваетъ нелѣпость различныхъ религіозныхъ суевѣрій и показываетъ, насколько онѣ могутъ развивать въ человѣкѣ фанатизмъ, доводящій его иногда до звѣрскаго одичанія. Понятно, что при задачахъ подобнаго рода, въ позднѣйшихъ сатирахъ было бы странно ожидать отъ Ювенала такихъ же подробностей изъ римской жизни, какъ и въ первыхъ, содержаніе которыхъ преимущественно требовало этого. И не смотря на это, самъ же Риббекъ насчитываетъ довольно много указаній изъ второй половины сатиръ на жизнь современнаго поэта Рима, причемъ, нужно замѣтить, онъ помѣстилъ еще далеко не все то, что можно было бы извлечь изъ нихъ. Было бы очень утомительно указывать Риббеку на всѣ подробности изъ позднѣйшихъ сатиръ Ювенала; я замѣчу только, что сатиры эти могутъ похвалиться такими мастерски обработанными указаніями на явленія римской жизни, какихъ и въ первой половинѣ сатиръ найдется немного. Такова, на примѣръ, картина паденія Сеяна ¹⁾, которую Низаръ, причисляющій всю X сатиру къ лучшимъ произведеніямъ Ювенала, называетъ сокровищемъ латинской поэзіи ²⁾. Такова же ироническая характеристика (XII, 93—130) корыстолюбцевъ, заискивающихъ расположеніе бездѣтныхъ богачей (*peredipetas*), и нѣкоторыя другія мѣста. Въ XIV сатирѣ, не смотря на то, что тема ея выходитъ далеко за предѣлы римской жизни, черты этой послѣдней, однакожь, не разъ выражаются очень ясно: вспомнимъ характеристику римскаго гаспрома (ст. 6—10), отношенія господъ къ рабамъ (15—24), страсть

¹⁾ Сат. X, 56—90.

²⁾ *Études de moeurs et de critique etc.* Т. II, стр. 47.

Римлянъ тратить огромныя деньги на пышныя постройки (86—95), описаніе ужина римскаго скушца, описаніе скудной поземельной собственности и скромнаго образа жизни древнѣйшихъ Римлянъ (160—172), патриархальныя черты земледѣльческаго быта древнихъ обитателей Италіи (179—184). Сюда же слѣдуетъ отнести намекъ на умерщвление Кальпурніемъ Вестіемъ своей жены (221—222), намекъ на разграбленіе храма Марса, — разграбленіе, хотя и не засвидѣтельствованное другими источниками, но тѣмъ не менѣ никакъ не принадлежащее къ области вымысловъ, что уже видно изъ самой формы намека (261—262). Таково же упоминаніе о храмѣ Кастора (260), служившемъ Римлянамъ хранилищемъ драгоценностей, намекъ на театральннй законъ народнаго трибуна Луція Росція Отона (ст. 324), постановленный въ 686 году отъ осн. Р. (lex Roscia). Таково, наконецъ, и упоминаніе о томъ, что Клавдій, подстрекаемый Нарциссомъ, рѣшился на убіеніе Мессалины (329—331).

„Desto mehr, говоритъ Риббекъ на стр. 7, „liebt es der Verfasser der zweiten Hälfte unserer Satirensammlung auf die ältere römische und griechische Geschichte und auf die mythische Vorzeit zurückzugehen — und die Darstellung ihrer Schicksale nimmt oft einen breiten Raum ein“.

Но уже Мейнертцъ ¹⁾ показалъ, на сколько справедливо это послѣднее замѣчаніе.

Относительно собственно историческаго матеріала въ сатирахъ Ювенала, нужно сказать, что онъ выступаетъ въ нихъ по двумъ причинамъ: во первыхъ, вслѣдствіе убѣжденій самого поэта, который, въ особенности на первыхъ порахъ, озлобленно и безнадежно смотритъ на современную ему жизнь и только въ прошедшемъ своего народа видитъ хорошее, на что указываетъ и Мериваль ²⁾; во вторыхъ, вслѣдствіе риторическаго направленія поэзіи Ювенала, который по привычкѣ, внушенной воспитаніемъ въ тогдашнихъ школахъ, очень часто обращается къ историческимъ примѣрамъ. Благодаря этимъ двумъ мотивамъ, мы дѣйствительно находимъ во всѣхъ сатирахъ Ювенала большое количество примѣровъ изъ исторіи, преимущественно римской, и Риббекъ не имѣетъ основанія приисывать этого рода фактъ исключительно только второй половинѣ сатиръ Ювенала. Риббекъ правъ, говоря, что историческія событія и лица слу-

¹⁾ *Vindiciae Juvenalianae*. Стр. 6.

²⁾ *History of the Romans*.

жили темою для упражненій въ риторическихъ школахъ; но и мы не менѣе будемъ правы, если скажемъ, что эту привычку украшать свои декламации историческими примѣрами Ювеналъ вынесъ именно изъ римскихъ школъ. Риббекъ не правъ утверждая, что въ первыхъ сатирахъ господствуетъ правильный взглядъ автора на явленія римской исторіи, а во вторыхъ — полное отсутствіе подобнаго взгляда. Что историческія представленія Ювенала могли быть во многихъ случаяхъ невѣрными — въ этомъ едва-ли кто нибудь будетъ сомнѣваться, потому что кто же изъ Римлянъ избѣжалъ этой ошибки? И лучшіе изъ ихъ историковъ, смотря на историческіе объекты съ своей тенденціозной точки зрѣнія, очень часто искажали ихъ. Но посмотримъ, какіе упреки въ этомъ отношеніи дѣлаетъ Риббекъ автору второй половины сатиры. „Nur (стр. 8) einem sehr oberflächlichem Kenner der römischen Geschichte konnte Catilina's wahrlich nicht gewöhnliche Figur so ins Allgemeine verblassen, dass er XIV 54—56 (41—43) behaupten konnte: „Catilinam quocumque in populo videas, quocumque sub axe, sed nec Brutus erit Bruti nec avunculus usquam“, was weder in der Affirmative, noch in der Negative wahr ist.“ — Я не понимаю, что Риббекъ находитъ въ Катилинѣ „wahrlich nicht gewöhnliches?“ Вѣдь и мы въ настоящее время большею частью смотримъ на Катилину только какъ на авантюриста, и было ли что нибудь въ немъ больше этого, сомнѣваются многіе. Правда, Наполеонъ III полагаетъ, что Катилина имѣлъ въ виду извѣстную политическую программу; но это, быть можетъ, потому, что въ заговорѣ Катилины замѣшанъ былъ, какъ думаютъ многіе, любимый герой Наполеона — Юлій Цезарь, а поэтому Наполеонъ и защищалъ товарищей Катилины противъ Цицерона. Наконецъ, яснѣе всего можно усмотрѣть взглядъ Ювенала на Катилину изъ II сат. (ст. 24):

«Quis tulerit Gracchos de seditione querentes?
 Quis coelum terris non misceat et mare coelo,
 Si fur displiceat Verri, homicida Miloni,
 Clodius accuset moechos, Catilina Cethegum,
 In tabulam Syllae si dicant discipuli tres?»

Уже одно такое общество, въ которое нашъ поэтъ помѣстилъ Катилину, показываетъ, что онъ его считалъ негодяемъ. Что касается Брута и Катона, то первый, какъ идеаль республиканецъ, очевидно, долженъ былъ казаться чуть ли не сверхчеловѣческимъ существомъ Ювеналу, отъявленному стороннику сенатской партіи;

а второй еще и нами, до недавняго времени, считался идеаломъ римской доблести.

„Wunderbar“, говоритъ Риббекъ на 9 стр., „dass derselbe Dichter, der in der VII Satire 155 (160) ff. seinen Rhetor über den „dirus Hannibal“ klagen lässt, der ihm einmal in jeder Woche seine Deliberationen zu hören gebe „an petat urbem a Cannis, an post nimbos et fulmina cautus circumagat madidos a tempestate cohortes“, sich entschliessen konnte, diese „crambe repetita“ in zwanzig eigenen Versen (XI (X). 147—167) seinem Leser aufzutischen mit dem naiven Selbstgeständniss am Schluss (166): „i demens et saevas curre per Alpes, ut pueris placeas et declamatio fias!“ Мѣсто это, какъ нельзя лучше, доказываетъ только то, что Ювеналъ, подсмѣивавшійся надъ декламаторствомъ, самъ не былъ свободенъ отъ него. Что же касается самого Ганнибала, которымъ пользуется авторъ, какъ примѣромъ, то дѣйствительно, онъ приходится ему очень кстати — показать ничтожество человѣческихъ желаній и заботъ на примѣрѣ такого человѣка, который, покрывъ себя бессмертною славою, долженъ былъ кончить жизнь въ отчаяннн.

Относительно мнѳологическаго матеріала въ сатирахъ Ювенала я уже и выше показалъ, что мнѳологическія лица занимаютъ много мѣста вообще во всѣхъ сатирахъ; позднѣйшія изъ нихъ въ этомъ отношеніи не представляютъ ничего особеннаго въ сравненіи съ другими, — съ тѣми, подлинность которыхъ признаетъ самъ Риббекъ. Во всѣхъ произведеніяхъ Ювенала мнѳологія составляетъ только риторическую прикрасу, обличающую въ немъ наклонность къ декламаторству. Напрасно говоритъ Риббекъ, что съ этою школьною слабостью Ювеналъ разстался въ зрѣломъ возрастѣ, въ подтвержденіе чего ученый критикъ и приводитъ 5-й и 52-й стихи изъ первой сатиры, гдѣ поэтъ относится иронически къ мнѳамъ. Здѣсь опять слѣдуетъ замѣтить, что хотя Ювеналъ и сознавалъ цельность мнѳологическихъ прикрасъ, но все-таки, въ силу долгой привычки, часто и въ первой половинѣ своихъ сатиръ онъ приводитъ мнѳологическія имена и мнѳы въ серьезномъ значеніи, что обличаетъ въ немъ только ритора и верѣдко поражаетъ насъ многими странностями. Такъ, въ VII-й сатирѣ, гдѣ противопоставляется современное пренебреженіе дѣтей къ своимъ наставникамъ съ древнею дисциплиною, онъ говоритъ (ст. 207):

•Di, majorum umbris tenuem et sine pondere terram
•Spirantesque crocos et in urna perpetuum ver,

•Qui praeceptorem sancti voluere parentis
 •Esse locol Metuens virgae jam grandis Achilles
 •Cantabat partriis in montibus et cui non tunc
 •Eliceret risum citharoedi cauda magistri.

Я готовъ былъ бы считать поэта въ ту минуту, когда онъ разсуждаетъ подобнымъ образомъ, лишеннымъ здраваго смысла, если бы не имѣлъ въ виду того, что это только рабское слѣдованіе невольной привычкѣ, укрѣпившейся самою продолжительностью времени. Подобный примѣръ мы встрѣчаемъ и въ сатирѣ VI, ст. 1:

Credo Pudicitiam Saturno rege moratam
 In terris visamque diu, quum frigida parvas
 Praeberet spelunca domos ignemque laremque
 Et pecus et dominos communi clauderet umbra.

Дальше (ст. 11) онъ продолжаетъ:

Quippe aliter tunc orbe novo coeloque recenti
 Vivebant homines qui rupto robore nati
 Compositive luto nullos habuere parentes.

На сколько въ такихъ примѣрахъ соблюдается та серьезность, которую авторъ предположилъ себѣ въ началѣ рѣчи, я предоставляю судить всякому.

На стр. 16-й и 17-й Риббекъ замѣчаетъ, что въ первой половинѣ сатиръ Ювеналъ изображаетъ боговъ въ серьезномъ видѣ и сообразно съ представленіями, питаемыми самою римскою религіею, тогда какъ во второй половинѣ къ богамъ онъ относится скептически, а къ философіи съ довѣріемъ, что чуждо первой половинѣ сатиръ. Въ первомъ замѣчаніи Риббекъ не правъ. Кто изучалъ сатиры Ювенала, тотъ никакимъ образомъ не будетъ сомнѣваться въ томъ, что Ювеналъ утратилъ уже вѣру въ мифическія сказанія римской религіи. Это и не удивительно. Неужели человѣкъ, жившій въ I и II столѣтіяхъ по Р. Х.,—человѣкъ мыслящій и знакомый съ философіею, могъ сохранить довѣріе къ этому отжившему, официальному культу, могущему снабжать своими мифами поэзію, но не дававшему рѣшительно никакого отвѣта на моральныя и социальныя вопросы современниковъ Ювенала? Поэтъ говоритъ искренно о мифологіи только тамъ, гдѣ онъ смѣется или подшучиваетъ надъ ней, а такихъ примѣровъ мы встрѣчаемъ очень много и не только во второй, но и въ первой половинѣ его сатиръ. Такъ и Ригальціусъ ¹⁾ гово-

¹⁾ De Satira Juvenalis dissertatio. Amstel., 1684.

рять: «*Omnia igitur toto illo versuum ambitu proba et recta, quibus adeo monentur posteri, tam stulta et vana esse, quae de natura deorum poëtae comminiscantur, ut pietatem jam tum ab orbe condito hominum mentibus insitam funditus eradiscant. Hasce ergo fabulas ut perniciosissimas Juvenalis explodit: neque ullam occasionem praetermittit, quin eas aut subsannet, aut conspuat.*» — Дѣйствительно, въ X-й сатирѣ, по поводу намека на прелюбодѣевъ, онъ медлитъ приводить известный случай, когда Марсъ и Венера были захвачены Солнцемъ въ любовной связи (X, 310 и слѣд.):

I nunc et juvenis specie laetare tui, quem
Majora expectant discrimina: fiet adulter
Publicus et poenas metuet quascumque maritis
Iratias debet, nec erit felicius astro
Martis, ut in laqueos numquam incidat.

И Низаръ ¹⁾ говоритъ: «*Je ne sais s'il a rien écrit de plus fin et même de plus gai que cette raillerie sur l'état des dieux avant que le monde fût corrompu: sat. XIII, 38—49:*

«*Quondam hoc indigeno vivebant more, priusquam
Sumeret agrestem, posito diademate, falcem
Saturnus fugiens; tunc quum virguncula Juno
Et privatus adhuc Idacis Jupiter antris:
Nulla super nubes convivium Coelicolarum:
Nec puer Iliacus, formosa nec Herculis uxor
Ad cyathos, et jam siccato nectare tergens
Brachia Vulcanus Liparaeâ nigra tabernâ
Prandebat sibi quisque Deus: nec turba Deorum
Talis ut est hodie; contentaque sidera paucis ..
Numinibus miserum urgebant Atlanta minori
Pondere.*»

Но подобное изображеніе боговъ мы находимъ не только во второй, но и въ первой половинѣ сатиры. Вспомнимъ сат. II, 29 и слѣд.:

Qualis erat tragico nuper pollutus adulter
Concubitu, qui tunc leges revocabat amaras
Omnibus atque ipsis Veneri Martique timendas etc.

или сат. VI, 55:

Magna tamen fama est cujusquam rure paterno
Viventis. Vivat Gabiis, ut vixit in agro;

¹⁾ Études de mœurs et de critique s. l. p. l. d. l. d. стр. 59.

Vivat Fidenis, et agello cedo paterno.
 Quis tamen affirmat, nil actum in montibus aut in-
 Speluncis? adeo senuerunt Jupiter et Mars?

Нерѣдко этотъ религиозный скептицизмъ Ювенала принимаетъ форму жестокаго упрека богамъ, рисующаго ихъ ничтожество. Такъ во II сат., 126, мы читаемъ:

«O Pater Urbis!
 Unde nefas tantum Latii pastoribus? unde
 Haec tetigit, Gradive, tuos urtica nepotes?
 Traditur ecce viro clarus genere atque opibus vir?
 Nec galeam quassas, nec terram cuspide pulsas,
 Nec quereris patri? Vade ergo et cede severi
 Jugeribus campi, quem negligis....»

Такое пренебреженіе къ римскимъ мѣологическимъ вѣрованіямъ происходитъ у Ювенала не вслѣдствіе поклоненія философіи, ибо подобное пренебреженіе встрѣчается и въ первой половинѣ сатиръ, гдѣ, какъ замѣчаетъ самъ Риббекъ, поэтъ вовсе не находится подъ вліяніемъ философіи. Это только вслѣдствіе того, что здравый смыслъ и практическая мудрость являются у Ювенала главными руководителями его міросозерцанія. Такъ и Ригальціусъ ¹⁾ говоритъ: «Quae omnia sic accipienda sunt tamquam profecta ab rigido veritatis cultore, qui Naturam ducem secutus, Virtutem pro summo nomine habebat, fucum et imposturas detestabatur.» И однакожь, рядомъ съ этими насмѣшками и пренебреженіемъ къ богамъ, мы нерѣдко находимъ у Ювенала и такія мѣста, въ которыхъ онъ говоритъ о богахъ совершенно серьезно. Такъ въ III сат., 329 и слѣд., серьезно трактуется о поклоненіи жителями Авинума Церерѣ и Діанѣ. Во II сат., 126, поэтъ съ торжественнымъ тономъ обращается къ Марсу:

«O Pater Urbis!
 Unde nefas tantum Latii pastoribus? unde
 Haec tetigit, Gradive, tuos urtica nepotes?

(Но вслѣдъ за этими словами идутъ бранчивыя выходки противъ Марса, приведенныя мною уже выше).

То же въ сатирѣ VI, 393:

Dic mihi nunc quaeso, dic, antiquissime Divam,
 Respondes his Jane pater? Magna otia coeli; (съ иронією)
 Non est, ut video, non est, quod agatur apud vos,
 Haec de comoedis te consulit; illa tragoedum
 Commendare volet: varicosus fiet haruspex.

¹⁾ De Satira Juvenalis dissertatio. Amstel. 1684.

Въ сат. XIII, 31, поэтъ серьезно отзывается о правосудіи боговъ:

«Nos hominum Divūmque fidem clamore ciemus».

Или въ той же сат., ст. 33, онъ говоритъ съ иронією:

«Dic senior bullā dignissime: nescis
Quas habeat veneres aliena pecunia? nescis
Quem tua simplicitas risum vulgo moveat, quum
Exigis a quoquam ne pejeret, et putet ullis.
Esse aliquod numen templis atæque rubenti?»

Вслѣдъ за этимъ онъ сейчасъ же приводитъ насмѣшливую характеристику боговъ (ст. 38), упомянутую мною выше. Странно, въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ Ювеналъ послѣ этой характеристики опять приниматься за „grandiloquentiam cothurni“, съ грустію указывая на то, что преступникъ, совершивъ злодѣяніе, въ то же время клянется всѣми богами, что онъ невиновенъ. Ст. 75:

Tam facile et proum est superos contemnere testes,
Si mortalis idem nemo sciat! Adspice, quantā
Voce neget, quæ sit ficti constantia vultūs.
Per Solis radios Tarpejaque fulmina jurat,
Et Martis frameam, et Cirrhaei spicula vatis,
Per calamos venatricis pharetramque puellæ,
Per tuum, pater Aegæi Neptune, tridentem:
Addit et Herculeos arcus, hastamque Minervæ,
Quidquid habent telorum armamentaria Coeli.

Но что же означаютъ эти серьезные отзывы о богахъ, сопровождаемые нерѣдко торжественностью рѣчи, которая—еслибы мы только не знали того, что авторъ въ другихъ мѣстахъ шутитъ надъ своими богами,—заставила бы насъ придти къ заключенію, что онъ говоритъ съ убѣжденіемъ? Конечно, это фразы; но гдѣ же источникъ этихъ фразъ? Къ счастью, его открыть не трудно. Вспомнимъ, что Ювеналъ былъ римскій политическій Гамлетъ. Скорбь о порчѣ древне-римскаго характера, о напояненіи Рима Греками и варварами, скорбь о другихъ подобныхъ же явленіяхъ римской жизни въ періодъ императоровъ и становясь въ ряды защитниковъ ненарушимости древне-римской цивилизации, онъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, долженъ былъ стать и въ ряды защитниковъ древне-римской религіи и, такимъ образомъ, сдѣлаться не только политическимъ, но и религіознымъ римскимъ Гамлетомъ. Одно безъ другаго было невозможно. Но что же вышло изъ всего этого? Жалкая мелодрама: Ювеналъ думалъ, что можно въ одно и то же время и шутить надъ мифами, и заставлять вѣрить въ боговъ; что

можно было своими фразами внушить другимъ вѣру въ то, во что онъ самъ и не пытался уже вѣрить. Улыбаться мифамъ, оставаясь при вѣрѣ въ боговъ, еще могъ, пожалуй, Грекъ; но тамъ религія удовлетворяла не только нравственно-религіозному, но и эстетическому чувству, чего для Римлянъ религія не имѣла никогда и что Ювеналь упускалъ изъ виду. „Ce n'est pas la seule inconséquence religieuse de notre poète“, говоритъ Низаръ ¹⁾: „seulement, quand il est incrédule, sa franchise perce à travers ses précautions, on remarque sur les lèvres un sourire de dédain pour ce culte usé, qui s'en va en superstitions de vieille femme depuis que les moeurs ne le soutiennent plus. Au contraire, quand il affecte de la foi, on sent qu'il se sert des noms officiels de la religion païenne pour s'adresser au dieu inconnu de Socrate, ou plutôt que les dieux ne lui sont venus à l'idée que comme un des lieux communs de l'école, du développement le plus facile et le plus à effet“.

Такимъ является Ювеналь по отношенію къ римской религіи во второй половинѣ своихъ сатиръ. Отъ философіи онъ отвращается, или, по крайней мѣрѣ, показывается видѣ, что отвращается отъ нея, такъ какъ философія была произведеніемъ греческаго духа, ничтожнаго въ глазахъ потомка Катонъ и Маріевъ. Понятно, что при такомъ направленіи онъ долженъ былъ крайне озлобляться на жизнь. Люби только прошедшее, ища только этого прошедшаго въ современной жизни и нигдѣ не находя его, — съ другой стороны, закрывъ глаза на все то, что было хорошаго въ современной ему жизни и только потому, что это хорошее не было достояніемъ Сципіоновъ, Катонъ, Деціевъ и Куріевъ, отвернувшись отъ будущаго, Ювеналь долженъ былъ злиться и раздражаться ругательствами противъ окружавшей его среды. Придумать же средство помочь этому злу, онъ не давалъ себѣ труда; при своихъ тенденціяхъ, онъ и не былъ въ состояніи посовѣтовать квинритамъ что-нибудь лучше, какъ удалиться вторично на Священную Гору, что онъ и дѣлаетъ въ сат. III, ст. 162. Поэтому, не смотря на обиліе матеріала, которое мы замѣчаемъ въ первой половинѣ его сатиръ, чтеніе этихъ послѣднихъ какъ-то утомительно и скучно. Но нимъ можно видѣть, что поэтъ не имѣлъ никакого положительнаго идеала, но ругался и бранился только потому, что изливаемое имъ негодованіе служило ему перѣдко для оживленія скучной и безплодной его декламации. Поэтому, Миллеръ

¹⁾ Études de moeurs, etc., стр. 60.

совершенно справедливо замѣчаетъ: „Den Gemälden Juvenals der Hintergrund einer schönen und erhebenden Vorstellung von Rom, wie es sein sollte, fehlt“. Но это вѣрно только по отношенію къ болѣе раннимъ его сатирамъ. Дѣйствительно, даже тамъ, гдѣ онъ противопоставляетъ испорченной современности картины прежней римской жизни или быта древнѣйшихъ обитателей Италіи, у него часто является только притворное убѣжденіе и реторика, искажающая и тѣ мѣста, въ которыхъ излилось истинное чувство поэта. Весьма рѣдко въ первой половинѣ сатиръ можно встрѣтить положительную мысль, высказываемую имъ, какъ критерій, которымъ онъ мѣрилъ нравственныя достоинства человѣка и который могъ бы служить регулятивомъ чловѣческихъ дѣйствій. Напротивъ, во второй половинѣ своихъ сатиръ поэтъ оставляетъ свою обычную брань; мѣсто жестокихъ сарказмовъ заступаетъ часто тонкая иронія. Такъ и г. Драгомановъ ¹⁾ говоритъ: „Сравнивая Ювенала и Тацита, Мериваль замѣчаетъ, что сочиненіи историка, если ихъ разсмотрѣть хронологически, — Діалогъ объ ораторахъ, Агрикола, Исторіи, Анналы, — представляютъ возрастаніе желчнаго отношенія къ дѣйствительности, тогда какъ Ювеналь, по крайней мѣрѣ, если принять обычный порядокъ сатиръ его за хронологическій, переходитъ изъ роли обличителя въ роль проповѣдника высокой морали, а потому становится мягче, гуманнѣе и менѣе безнадежно-озлобленно смотритъ на жизнь“. Въ этихъ произведеніяхъ Ювеналь не разъ сходитъ на почву философіи, чего мы почти не замѣчаемъ въ первыхъ его сатирахъ и что Риббекъ ставитъ ему въ вину.

Откуда же такая перемѣна въ Ювеналѣ? Причина ея есть старческаго опыта и философіи, — та именно философія, къ которой, какъ я замѣтилъ уже выше, Ювеналь даже и въ тѣхъ своихъ первыхъ сатирахъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ не обращается къ ней спиною, показывалъ видъ, что отвращается отъ нея. Впрочемъ, и тутъ нѣтъ такого рѣзкаго различія между первыми и послѣдними сатирами, какъ это думаетъ Риббекъ. Даже и въ первыхъ своихъ сатирахъ авторъ насмѣхается не надъ философіею вообще, а только надъ современными ему философами, которыхъ вся мудрость заключалась въ костюмѣ, въ длинной бородѣ и вообще во внѣшнемъ образѣ жизни, отличавшемъ ихъ отъ остальной массы, — которые подъ маскою суровой нравственности скрывали отвратительное ханжество и грубую по-

¹⁾ Вопросъ объ историч. значеніи Римской имперіи и К. К. Тацитъ, стр. 5.

рочность. Низаръ ¹⁾ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ современную Ювеналу философію: „Des sectes, mais point de philosophie pratique; des stoiciens portant une longue barbe, un sourcil froncé, un manteau troué, mais n'ayant rien au cœur“. Такъ и Руперти говорить о насмѣшкахъ Ювенала надъ философами ²⁾: „Ille (Персій) sævo vitæ ac disciplinæ stoicorum amore captus non videt, quid in hac vel illa re displicere possit: his (Ювеналу и Горацию) philosophorum, præcipue stoicorum cynicorumque mores, habitus, paradoxa, argutiæ, adrogantia, dissimulatio aliæque vitia largam ridendi irascendique materiam præbent“. Вѣроятно, имѣя въ виду эти общіе недостатки современныхъ ему циниковъ и стоиковъ, Ювеналь говорить въ сат. XIII, ст. 120:

«Accipe, quæ contra valeat solatia ferre,
Et qui nec cynicos, nec stoica dogmata legit
A cynicis tunica distantia» etc.

Надъ этимъ насмѣхается Риббекъ, усматривая здѣсь непониманіе различія, существующаго между циническою и стоическою школою. Но дѣло въ томъ, что поэтъ здѣсь только шутитъ, а не приводитъ характеристики той и другой философской школы. Впрочемъ, весьма возможно, что Ювеналь, не будучи адептомъ ни той, ни другой, мало былъ знакомъ съ главнѣйшими особенностями ихъ ученія. Какъ бы то ни было, но однако мы нигдѣ не видимъ, чтобы Ювеналь искренно порицалъ философію, въ смыслѣ здравыхъ нравственныхъ принциповъ; даже въ первой половинѣ своихъ сатиръ, гдѣ онъ старается держать себя въ сторонѣ отъ философіи, изрѣдка попадаются мѣста, доказывающія, что Ювеналь не былъ чуждъ здравыхъ философскихъ понятій. Такъ, онъ оказывается поклонникомъ умѣреннаго пифагорейскаго образа жизни, особенно въ тѣхъ, что и ставитъ въ примѣръ не только въ своихъ позднѣйшихъ сатирахъ (XV, 173), но и въ III, 229, гдѣ считаетъ совершенно умѣстнымъ показать приглашенному на пиръ другу, что провозглашаемая имъ на словахъ умѣренность въ тѣхъ соблюдается и на дѣлѣ. И дѣйствительно, этотъ, описываемый имъ, пиръ (сат. XI) сострипанъ по правиламъ чисто пифагорейской умѣренности. Такимъ же духомъ отличается и пропо- вѣдуемая имъ спокойная сельская жизнь въ сат. III. Въ VIII сатирѣ благородство вытекаетъ у него исключительно изъ добродѣтели

¹⁾ Études de mœurs, etc. т. II, стр. 7.

²⁾ De satiris Horatii, Persii et Juvenalis.

и даже отождествляется съ нею: „nobilitas sola et atque unica virtus“, говоритъ онъ въ 20-мъ стихѣ этой сатиры, которая вообще вся имѣетъ задачей подтвержденіе этого общаго положенія. Выходя съ этой точки зрѣнія, онъ нападаетъ на силъ знатныхъ, считающихъ заслуги предковъ своими собственными, и, не смотря на свое поклонничество всему древне-римскому, поэтъ оканчиваетъ сатиру такими словами (ст. 270 и слѣд.):

«Malo pater tibi sit Thersites, dummodo tu sis
 Aeacidae similis Vulcanique arma capessas,
 Quam te Thersitae similem producat Achilles.
 Et tamen, ut longe repetas longeque revolvas
 Nomen, ab infami gentem deducis asylo:
 Majorum primus, quisquis fuit ille, tuorum
 Aut pastor fuit aut illud quod dicere nolo.

Въ VI сатирѣ онъ обнаруживаетъ такіа понятія о рабствѣ, которыя могъ почерпнуть только изъ философіи, но отнюдь не изъ римскаго міросозерцанія. Такъ, съ величайшимъ негодованіемъ говоритъ онъ о жестокости женщины, которыя ради прихоти готовы казнить раба. Ст. 219:

«Pone crucem servo. Meruit quo crimine servus
 Supplicium? quis testis adest? quis detulit? audi,
 Nulla umquam de morte hominis cunctatio longa est.
 O demens, ita servus homo est? nil fecerit, esto:
 Hoc volo, sic jubeo; sit pro ratione voluntas.»

Въ XI сат., 27, онъ приводитъ извѣстное γυνή θεαυτόν и показываетъ важность его въ практическомъ примѣненіи. Онъ говоритъ: „E caelo descendit γυνή θεαυτόν¹⁾, figendum et memori tractandum rectore“. Развѣ отношеніе поэта къ философіи здѣсь другое, чѣмъ въ XIII сат., на которую нападаетъ Риббекъ: „Magna quidem, sacris quae dat praecipua libellis, victrix fortunae sapientia?“ Эта же мысль поясняется имъ и ниже, XI, 35: „Noscenda est mensura sui spectandaque rebus in summis minimisque“, каковую сатиру поэтъ и оканчиваетъ замѣчаніемъ, совершенно въ духѣ эпикуреизма (ст. 208): „Voluptates commendat rarior usus!“

Вотъ, стало быть, тѣ сѣмена философіи, которыя мы замѣчаемъ уже въ первыхъ сатирахъ Ювенала и которыя, развиваясь, явля-

¹⁾ Развѣ это не то же самое, что «divina sapientia» позднѣйшихъ сатиръ, надъ которою смѣется Риббекъ?....

ются намъ уже въ болѣе формулированномъ и наглядномъ видѣ въ его позднѣйшихъ сатирахъ. Но и тутъ Ювеналъ вовсе не обазивается адентомъ какой-нибудь философской школы, посвященнымъ во всѣ тайны ея ученія. Риббекъ, говоря (на стр. 18): „er giebt sich sogar (XV, 106) mit einigem Selbstgefühl für einen Schüler des Zenon aus“, слишкомъ поспѣшно дѣлаетъ этотъ выводъ. Онъ основывается на словахъ Ювенала: „Melius nos Zenonis præcepta movent“, но вѣдь здѣсь *nos*—въ смыслѣ вообще мыслящихъ людей. Въ XIII сат., 120-й ст., Ювеналъ просто называетъ себя человѣкомъ, „qui nec cynicos, nec stoïca dogmata legit, а cynicis tunica distantia, non Epicurum suscipit“. Самъ Риббекъ, на основаніи этихъ словъ, замѣчаетъ, что Ювеналъ дѣйствительно мало былъ знакомъ съ философіею; нигдѣ онъ не развиваетъ передъ читателемъ философскихъ теорій, а изъ всѣхъ извѣстныхъ ему философскихъ системъ беретъ только то, что мирилось съ его собственными взглядами и убѣжденіями. Конечно, я не отрицаю, — напротивъ, даже утверждаю, что и эти послѣдніе стали опредѣленнѣе и сильнѣе отъ вліянія на нихъ философскихъ понятій. Философія Ювенала—философія практическая. Онъ нигдѣ не пускается въ философскія разсужденія, но, желая провести извѣстныя понятія, ставить въ примѣръ самихъ философовъ, подобно тому, какъ онъ приводитъ и другіе факты, взятые изъ области исторіи. Такъ, желая показать (сат. X) ничтожество многихъ человѣческихъ желаній и заботъ, онъ приводитъ изъ области исторіи философіи вслѣдъ за извѣстнымъ примѣромъ Демокрита и Гераклита, изъ которыхъ первый смѣялся надъ человѣческими заботами и недостатками, а второй плакалъ; по рядомъ съ этимъ онъ ту же самую мысль, развиваемую имъ во всей десятой сатирѣ, старается утвердить и *многими* примѣрами изъ исторіи Рима и Греціи. Если бы авторъ этой сатиры былъ поклонникомъ философій, въ смыслѣ какой-нибудь точно опредѣленной доктрины, развѣ онъ такъ обработалъ бы тему „о желаніяхъ?“ Онъ наполнилъ бы всю сатиру философскими мудрствованіями и цитатами изъ философскихъ сочиненій. Такъ въ XIV сатирѣ, изображая многочисленныя опасности, которымъ подвергаются люди жадные и корыстолюбивые, онъ совѣтуетъ подражать Диогену: „Dolia nudi non ardent cynici; si fregeris, altera fiet cras domus, atque eadem plumbum commissa manebit“. Желая показать (въ той же сатирѣ), какъ мало надо человѣку, ведущему умѣренный образъ жизни, онъ приводитъ въ примѣръ Эпикюра и Сократа (ст. 315):

«Mensura tamen quae
 Sufficiat census, si quis me consulat, edam:
 In quantum sitis atque fames et frigora poscunt,
 Quantum, Epicure, tibi parvis suffecit in hortis,
 Quantum Socratici ceperunt ante penates.
 Nunquam aliud natura, aliud sapientia dicit.

За послѣдній стихъ нападаетъ на него Риббекъ, замѣчая, что подобное мнѣніе совершенно въ духѣ стоицизма. Слово „sapientia“ ни тутъ, ни въ другихъ мѣстахъ—нигдѣ не понимается Ювеналомъ въ смыслѣ школьной философской учености, а только въ смыслѣ тѣхъ здравыхъ принциповъ, которые мыслящій человѣкъ можетъ протнвупоставить мелочнымъ стремленіямъ массы. Такъ, въ VI сат., 444 ст., онъ говоритъ: „Imponit sapiens finem et rebus honestis“.

Философія, повліявъ на Ювенала, не сдѣлала его адептомъ какой нибудь особой ея школы; Риббекъ поступаетъ поэтому неосторожно, позволяя себѣ даже назвать по имени ту школу, къ которой будто бы принадлежалъ нашъ поэтъ. Если философія и помогла Ювеналу, подъ старость, примириться съ жизнью, то въ этомъ дѣлѣ примиренія она не была единственнымъ мотивомъ; многолѣтняя опытность и вся жизнь принимали здѣсь не менѣе дѣятельное участіе, чѣмъ и сама философія. И ничто такъ не убѣждаетъ насъ въ этомъ, какъ сатира XIII. Тамъ (16 ст.) онъ возражаетъ Кальвину, жалующемуся на недобросовѣстность одного изъ друзей, который не возвратилъ ему ввѣренныхъ на храненіе денегъ:

*Stupet haec, qui jam post terga reliquit
 Sexaginta annos, Fontejo consulo natus:
 An nihil in melius tot rerum proficis usu?
 Magna quidem, sacris quae dat praecepta libellis,
 Victrix fortunae sapientia; dicimus autem,
 Hos quoque felices, qui ferre incommoda vitae
 Nec jactare jugum vita didicere magistra.*

Въ другомъ мѣстѣ (ст. 71) онъ говоритъ:

*Intercepta decem quereris sestertia fraude
 Sacrilega? quid si bis centum perdidit alter
 Hoc arcana modo? majorem tertius illa
 Summam, quam patulae vix ceperat angulus arcae?*

Такою же старческою опытностію дышать и слѣдующія слова (ст. 140):

*Ten, o delicias extra communia censes
 Ponendum, quia tu gallinae filius albae,
 Nos viles pulli, nati infelicibus ovis?*

Преимущественно я пользуюсь XIII-ю сатирой, чтобы показать, какого рода та философія Ювенала, на которую нападает Риббекъ, основывая большее число своихъ упрековъ опять таки на этой сатирѣ. Сатира эта, написанная поэтомъ въ глубокой старости, содержитъ въ себѣ утѣшенія, которыя онъ предлагалъ своему другу Кальвину, — утѣшенія, даваемые старцемъ, испытаннымъ въ продолжительномъ бою съ жизнью и уже наученнымъ этою жизнью (ст. 22), какъ переносить горе. Старческая серьёзность понуждаетъ его обращаться отчасти и къ пасталленіямъ, предлагаемымъ философіей, по все-таки гораздо болѣе значенія онъ приписываетъ религіи¹⁾, которая учитъ, что боги наказываютъ преступниковъ, а равно и самой совѣсти, терзающей преступника. Поэтъ подробно и картинно описываетъ тотъ ужасъ, который нападаетъ на злодѣевъ при каждомъ случаѣ, такъ какъ они повсюду предусматриваютъ время своего наказанія. Жизненный опытъ рекомендуется менѣе, чѣмъ философія и религія. Созерцаніе преступленій уже не могло въ дряхлой старости вызывать взрыва негодованія и ругательства, обращенныхъ къ преступникамъ. Долгая, проведенная въ оскорбленіи нравственнаго чувства, жизнь научила поэта съ спокойнымъ умомъ переносить новыя бѣдствія и страданія и искать утѣшенія въ самомъ себѣ. А гдѣ же лучше искать этого утѣшенія, какъ не въ религіи, философіи и въ старческой опытности, которая наиболѣе способна примириться съ жизнью?..

На 17-й стран. Риббекъ замѣчаетъ, что въ связи съ философскими тенденціями мнимаго декламатора, и фортуна понимается имъ иначе, чѣмъ въ первой половинѣ сатиръ, гдѣ это божество изображается совершенно согласно съ понятіями римской религіи. Въ этомъ отношеніи Риббекъ правъ. Но я уже выше показалъ, какъ много вѣры можно придавать Ювеналу, когда онъ изображаетъ боговъ по народнымъ римскимъ понятіямъ. Въ такомъ случаѣ подъ этими представленіями можно понимать, пожалуй, Сократово божество, какъ замѣтилъ Низаръ; но только въ представленіи этого божества онъ пользуется готовыми терминами римской мифологіи. Однакожь, очель часто толки о богахъ составляютъ у Ювенала просто одну только реторику. Такъ мы должны понимать и то, что онъ говоритъ въ первыхъ сатирахъ о фортунѣ.

¹⁾ Конечно, подъ этимъ словомъ я не понимаю непременно религію въ формѣ римскаго ооциальнаго культа.

Именно въ VII сатирѣ, ст. 188:

Unde igitur tot
 Quintilianus habet saltus?—Exempla novorum
 Fatorum transi; felix et pulcher et acer,
 Felix et sapiens et nobilis et generosus,
 Appositam nigrae lunam subtexit alutae;
 Felix orator quoque maximus et jaculator;
 Et, si perfrixit, cantat bene. Distat enim, quae
 Sidera te excipiant modo primos incipientem
 Edere vagitus et adhuc a matre rubentem.
 Si Fortuna volet, fies de rhetore consul;
 Si volet haec eadem, fies de consule rhetor.
 Ventidius quid enim? quid Tullius? anne aliud quam
 Sidus et occulti miranda potentia fati?
 Servis regna dabunt, captivis fata triumphum.
 Felix ille tamen corvo quoque rarior albo.

Кто обратитъ вниманіе на связь этого мѣста со всею VII сати-рою, тотъ не соблазнится этими толками о фортунѣ. Задача поэта заключается въ томъ, чтобы показать жалкое положеніе ученыхъ и поэтовъ, для которыхъ въ его время уже не было Меценатовъ; когда даже гениальное дарованіе не помогало ему, когда все общество было равнодушно къ его таланту, когда оно считало потерянною каждую копѣйку, израсходованную на воспитаніе дѣтей или на поддержку поэта. Но противъ подобныхъ упрековъ громко говорилъ примѣръ Квинтиліана ¹⁾, получавшаго за преподаваніе реторики 100,000 се-стерцій годичнаго жалованья и достигнувшаго консульскаго достоин-ства. Поэтому поэтъ говоритъ, что подобные факты составляютъ только дѣло случая и никакъ не противорѣчатъ общему современному положенію ученыхъ. „Felix ille tamen corvo quoque rarior albo“, замѣчаетъ онъ. Вотъ настоящая мысль поэта, которую онъ выражаетъ въ этомъ мѣстѣ VII сатиры, — все же остальное только реторика.

Таковъ же смыслъ и другихъ мѣстъ, приводимыхъ Риббекомъ для указанія, какъ поэтъ понимаетъ фортуна: III, 38, VI, 605. Въ нихъ фортуна равносильна случаю. Въ IX, 148, фортуна состоитъ только изъ угожденія народнымъ мифологическимъ понятіямъ.

Таково значеніе фортуны въ первыхъ сатирахъ нашего поэта, гдѣ, дѣйствительно, онъ далеко отступалъ отъ философскаго взгляда на жизнь. Коль же скоро старческая опытность направила его гамлетов-

¹⁾ Впрочемъ, весьма вѣроятно, что здѣсь говорится не о М. Фабіи Квинтиліанѣ, а о другомъ; но для насъ это все равно.

скую роль въ пользу большей гуманности и болѣе глубокаго взгляда на вещи, уже притворятся въ своихъ взглядахъ на фортуна сдѣлалось невозможнымъ. Имена другихъ боговъ могли еще скрывать подъ собою понятіе о богѣ философіи; но понятіе о фортунѣ, какъ объ источникѣ случайнаго, должно было сдѣлаться предметомъ его насмѣшекъ,—и онъ рѣшился теперь уже съ полною откровенностью высказать свое мнѣніе объ этомъ божествѣ въ сатирѣ X, ст. 365:

Nullum numen habes, si sit prudentia; nos te,
Nos facimus, Fortuna, deam coeloque locamus.

Въ этихъ словахъ поэтъ сбрасываетъ личину притворства, которое онъ соблюдалъ въ первой половинѣ своихъ сатиръ, употребляя термины римской мѣологии. Эта мысль сдѣлалась любимой мыслью его старости, когда онъ уже учитъ читателей быть собственными судьями своихъ поступковъ и проводить ту мысль, что отъ насъ самихъ зависитъ наше счастье или горе. Поэтому, поэтъ еще разъ въ такой же формѣ приводитъ ее въ сатирѣ XIV, 315.

„Auf der andern Hälfte unserer Sammlung“, говоритъ Риббекъ на стр. 11-й, „liegt ein unerquicklicher Bücherstaub: man erkennt noch an manchen Stellen die mühsam verarbeiteten Excerpte, und gar zu oft werden wir in plumper Weise mit einem Brocken nüchterner Schulgelchrsamkeit überrascht“. Не смотря на тщательность, съ которою Риббекъ всегда отыскиваетъ слабыя мѣста во второй половинѣ сатиръ Ювенала, на этотъ разъ ему, однакожъ, не удалось отыскать болѣе примѣровъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что едвали гдѣ-либо Риббекъ, при указаніи различія между первыми и послѣдними сатирами Ювенала, былъ менѣе правъ, чѣмъ здѣсь. Ювеналь вездѣ обнаруживаетъ большую начитанность: привести цитату или воспользоваться какою-нибудь мыслью изъ любого писателя для него не составляетъ труда. Поэтому, какъ въ первыхъ, такъ и въ послѣднихъ сатирахъ, мы находимъ много мыслей, заимствованныхъ изъ разныхъ сочиненій. Самъ Риббекъ приводитъ нѣсколько такихъ примѣровъ изъ первой половины сатиръ, но ихъ можно привести гораздо больше. Кромѣ того, нерѣдко мы встрѣчаемъ у Ювенала различные способы выраженія, остроты, риторическія троичныя и фигуры, которыми онъ обязанъ другимъ писателямъ.

Такъ, во II сатирѣ, 25-й стихъ: „Quis coelum terris non misceat et mare coelo“—обязанъ своимъ происхожденіемъ Ливію (IV, 3), у котораго читаемъ „coelum ac terras miscere“, или Лукіану (Про-

мет., 9), гдѣ говорится: „τῆ γῆ τὸν οὐρανὸν ἀναμεμίχθαι“. Въ той же сатиры 40-й стихъ „Tertius e caelo cecidit Cato!“ составленъ, быть можетъ, по образцу Горациевой шутки (Sat. II, III, 296):

«Sertinius sapientum octavus»;

100-й и слѣд. стихи:

«Ille tenet speculum, pathici gestamen Othonis,
Actoris Aurunci spoliū, quo se ille videbat
Armatum, quum jam tolli vexilla juberet»,—

составлены подъ вліяніемъ Вергиліева мѣта и выраженія (Aen. III, 286): „Aere cavo clupeum, magni gestamen Abantis etc.“.

Въ IV сат., 34 и слѣд. ст., шуточное призваніе Музъ напоминаетъ подобную же остроу Горация (Sat. I, V, 51):

nunc mihi paucis
Sarmenti scurrae pugnam Messique Cicirri,
Musa, vefim memores etc.

Въ 22-мъ стихѣ V сатиры: „facilem si praebeat aurem“ можетъ считаться заимствованнымъ изъ Горация (Sat. I, I, 21):

neque se fore posthac
Tam facilem dicat, votis ut praebeat aurem.

Въ 11-мъ стихѣ VI сат.: „orbe novo caeloque recenti“—почти цѣлкомъ заимствовано изъ Лукреція (V, 905):

«tellure nova caeloque recenti».

Въ 316-мъ ст. VI сат.: „scinēque rotant ululantque Priari Maenades“, Ювеналъ выразился словами Лукана (I, 566): „scinēque rotantes Sanguini populis utularunt tristia Galli“.

Въ VIII сатиры, направленной противъ спѣси знатныхъ, встрѣчается не одна мысль, высказываемая Саллюстіемъ въ рѣчи Маріи (D. V. Jug. LXXXV).

Хотя такихъ примѣровъ можно было бы привести гораздо болѣе, но, я полагаю, и этихъ будетъ достаточно для того, чтобы показать, что подражаніе другимъ писателямъ свойственно не только автору второй, но и первой половины сатиры.

На страницѣ 13-й у Риббека мы находимъ новый упрекъ, дѣлаемый имъ мнимымъ декламациямъ: „Je weniger wir in den späteren Satiren aus und über Rom erfahren, desto reichlicher werden wir über das Ausland unterrichtet“. Этими словами Риббекъ хочетъ сказать, что авторъ мнимыхъ декламаций не знаетъ ничего о современномъ

Римъ, но за то много знаетъ объ иностранныхъ земляхъ. Страшно, что на этотъ разъ Риббекъ не высказывается вполне и не говоритъ утвердительно, что предполагаемый имъ декламаторъ былъ житель какой-нибудь, а пожалуй даже и *какой именно* провинціи. Въдъ мы видѣли, что при оцѣнкѣ философіи въ сатирахъ Ювенала, Риббекъ называлъ декламатора не просто философомъ, а гораздо точнѣе — стоикомъ.

По поводу этого упрека слѣдовало бы замѣтить, что уже и было сдѣлано мною выше, а именно, что во второй половинѣ сатиръ Ювеналь касается не одного только Рима, а общечеловѣческихъ недостатковъ; поэтому весьма естественно, что сцѣпа жизни, изъ которой онъ беретъ матеріалы для своихъ сатиръ, должна уже перешагнуть предѣлы Рима и значительно расшириться. Но однакожь, не смотря на это, извѣстій объ иностранныхъ земляхъ, какихъ-нибудь особенныхъ о нихъ свѣдѣній во второй половинѣ сатиръ мы встрѣчаемъ ничуть не болѣе, чѣмъ въ первой. Число Египетскихъ воротъ или устьевъ Нила (XIII сат.) было „*vel tironibus*“ извѣстно; пути, по которому Гангисъ направилъ свои походы (X), не могъ не знать всякій Римлянинъ, знакомый сколько-нибудь съ своею исторіею. Упоминаемыя въ XIV сатирѣ моря, по которымъ Римляне производили торговлю, безъ сомнѣнія, были всѣмъ извѣстны. Но любопытно особенно то, что въ числѣ этихъ *иностранныхъ извѣстій* Риббекъ считаетъ и битву Пигмеевъ съ журавлями (XIII сат.); особенно же онъ указываетъ на XV сатиру, которая имѣетъ своимъ сюжетомъ Египетъ. Но что же удивительнаго, что Ювеналь, находясь въ Египтѣ, говоритъ о Египтѣ? Ибо что касается этого послѣдняго пункта, то какъ ни удовлетворительно рѣшаетъ Карлъ Фридр. Германнъ ¹⁾ нѣкоторые запутанные вопросы изъ біографіи Ювенала, — все-таки, по крайней мѣрѣ, меня онъ не могъ разубѣдить въ томъ, что Ювеналь не былъ въ Египтѣ въ изгнаніи, что засвидѣтельствовано большинствомъ біографій и всею XV сатирою. Этотъ упрекъ сдѣлала Германну и ученая критика въ лицѣ Гертцберга ²⁾.

Впрочемъ, не трудно показать, что и въ первой половинѣ сатиръ подобныя извѣстія объ иностранныхъ земляхъ попадаются не рѣдко, что и объясняется образованіемъ Ювенала, для котораго міръ, безъ сомнѣнія, не ограничивался предѣлами одного только вѣчнаго города.

¹⁾ De Juvenalis Satirae VII temporibus. Gott., 1843.

²⁾ Philologus. 2 Jahrg., 1847, стр. 578.

Такъ въ I, 44, онъ упоминаетъ о происходившемъ въ Лугдунѣ, при жертвенникѣ Августа, состязаніи риторовъ, учрежденномъ Калигулой. Въ сат. III, 69, жалуясь на наполненіе Рима Греками, онъ говоритъ, что они стекаются въ Римъ изъ Сикіона, Амидоне, Андра, Самоса, Триллѣ и Алабандѣ. Въ 54—55 ст. той же сатиры онъ упоминаетъ о золотоносномъ Тагѣ. Въ 144 ст., не довольствуясь клятвой именемъ римскихъ боговъ, онъ, неизвѣстно почему, заставляетъ человѣка клясться богами Самоеракійскими. Мнимаго декламатора Риббекъ упрекаетъ въ томъ, что онъ знаетъ хорошія свойства Апдалузскихъ овецъ (XII); но для меня это ничуть не удивительно въ человѣкѣ, который знаетъ, что лучшая слоновая кость привозится изъ Сіенѣ, Мавританіи, Индіи и Аравійскихъ лѣсовъ, и различаетъ Цирцейскія устрицы отъ Лукринскихъ и Рутунскихъ (въ Британіи) (IV, 140). Съ точки зрѣнія Риббека, важна борьба Пигмеевъ съ журавлями (XIII); но въ такомъ случаѣ ему слѣдовало бы указать также и на яблоки, созрѣвшія при вѣчной веснѣ Фесаковъ (V, 151) или въ садахъ Гесперидѣ (V, 151). Риббекъ указываетъ на корыстолюбиваго купца, плавающего по Карпатскому и Гетулійскому морямъ и перешедшаго даже за столбы Геркулеса (XIV); странно, что при этомъ онъ не упоминаетъ о жепѣ Фабриція Вейнтонна, которая вмѣстѣ съ рабомъ Сергіемъ несется черезъ Средиземное море и достигаетъ Фароса, Нила и Александрии, „правы которой осуждаетъ даже извѣщенный Канопъ“. Риббекъ нападаетъ на декламатора за то, что онъ сравниваетъ морщины старика со щечками Табракскихъ обезьянъ въ Нумидіи, и въ то же время позволяетъ автору VI сатиры (156 ст.) приводить въ числѣ драгоценностей, продаваемыхъ въ Римѣ во время сатурналій, алмазъ, подаренный Агриппой сестрѣ въ той странѣ, гдѣ цари съ босыми ногами празднуютъ собать и гдѣ не употребляютъ въ пищу свиного мяса. Риббекъ порицаетъ также и намекъ на большія сосцы женщинъ въ Мерозѣ (XIII, 163), голубые глаза Германцевъ (XIII, 164) и зобъ Альпійскихъ горцевъ. Эти извѣстія очень скудны и употреблены мимоходомъ, тогда какъ сатира VI представляетъ поразительный въ этомъ отношеніи примѣръ: значительная часть ея (ст. 511 — 590) посвящена описанію иностранныхъ культовъ, при чемъ сообщено и много другихъ свѣдѣній объ иностранныхъ земляхъ. Ювеналъ приводитъ здѣсь Галловъ (жрецовъ, учрежденныхъ впервые во Фригіи и Сирии и затѣмъ появившихся въ Греціи и Римѣ), — Фригійскіе тимпаны и тіару, теплую воду въ Мерозѣ, храмъ Изиды, жреца Иэиды и Ози-

риса, еврейскую ворожею, Комагенскаго и Армянскаго птицегадатель, Халдейскаго астролога, долго скитавшагося въ изгнаніи на Серифѣ и на другихъ Цикладскихъ островахъ, наконецъ, Индійскаго и Фригійскаго авгуровъ. Всѣ эти факты показываютъ, что Риббекъ, разъ прійдя къ тому убѣжденію, что существуетъ дуализмъ между первыми и послѣдними сатирами Ювенала, видитъ этотъ дуализмъ тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ,—на чтò, впрочемъ, мы будемъ имѣть возможность указать еще не разъ. „Der Declamator“, говоритъ онъ на 22 стр., „*liebt allgemein moralisirende Themata, wie sie vor ihm zum Theil Horaz und Persius und vor allen Seneca, der Philosoph, abgehandelt haben*“. Этотъ упрекъ одинъ изъ лучшихъ, на которыхъ Риббекъ основываетъ свое мнѣніе о подложности сатиръ. Но все таки и тутъ нужно замѣтить, что мораль понадается и въ тѣхъ сатирахъ, которыя Риббекомъ признаются настоящими. Такъ III, 54:

Tanti tibi non sit opaci
Omnis arena Tagi quodque in mare volvitur aurum,
Ut somno careas ponendaque praemia sumas
Tristis et a magno semper timearis amico.

Наставительнымъ духомъ проникнуто и слѣдующее мѣсто VII сатиры, 207:

Di majorum umbris tenuem et sine pondere terram
Spirantesque crocos et in urna perpetuum ver,
Qui praecceptorem sancti voluere parentis
Esse loco.

Конечно, эти нравоченія нѣсколько другаго характера, чѣмъ въ послѣднихъ сатирахъ, и притомъ, кромѣ приведенныхъ мною примѣровъ, едва-ли изъ первыхъ семи сатиръ можно еще привести что-нибудь въ этомъ родѣ. Но VIII сатира вся, отъ начала до конца, представляетъ поразительный примѣръ въ этомъ отношеніи, и Риббекъ поступилъ непослѣдовательно, признавъ эту сатиру подлинною, тѣмъ болѣе, что она страдаетъ и другими недостатками, которые онъ считаетъ исключительною принадлежностію послѣднихъ сатиръ. Въ какомъ смыслѣ Риббекъ называетъ, на примѣръ, X сатиру философско-нравочительною декламациею на тему „*orandum est, ut sit mens sana in corpore sano*“,—въ такомъ точно смыслѣ можно назвать VIII сатиру такою же философско-нравочительною декламациею на тему, резюмируемую однимъ изъ первоначальныхъ стиховъ этой сатиры (ст. 20): „*nobilitas sola est atque unica virtus*“. Въ самомъ дѣлѣ, почти все, высказанное поэтомъ въ этой сатирѣ, вращается около

этой темы и представляет только различныя ея варіаціи. Въ 21 ст. онъ говоритъ:

Paulus, vel Cossus, vel Drusus moribus esto;
Hos ante effigies majorum pone tuorum;
Praecedant ipsas illi te consule virgas.
Prima mihi debes animi bona; sanctus haberi,
Justitiaeque tenax factis dictisque mereris:
Agnosco procerem.

Та мысль, что заслуги человѣка зависятъ не отъ его происхожденія, поясняется на примѣрѣ животныхъ, которыхъ мы цѣнимъ только изъ за ихъ собственныхъ качествъ. Замѣчательно, что подобное поясненіе мысли примѣрами животныхъ мы встрѣчаемъ и въ XIV сатирѣ (ст. 74—85). Это обыкновенный декламаторскій приѣмъ. Въ сатирѣ VIII есть такое мѣсто (ст. 56):

Dic mihi, Teucrorum proles, animalia muta
Quis generosa putet, nisi fortia? nempe volucrem
Sic laudamus equum, facili cui plurima palma
Fervet et exsultat rauco victoria circo.
Nobilis hic, quocumque venit de gramine, cujus
Clara fuga ante alios et primus in aequore pulvis.
Sed venale pecus Corytae posteritas et
Hirpini, si rara jugo victoria sedit.
Nil ibi majorum respectus, gratia nulla
Umbrarum; dominos pretiis mutare jubentur
Exiguus; trito ducunt ephredia collo
Segnipedes, dignique molam versare nepotes.

Съ 79 стиха мы находимъ правоученіе болѣе положительнаго свойства и совершенно похожее на правоученіе, находящееся въ сатирѣ XIV, 70, гдѣ Ювеналъ говоритъ:

Gratum est, quod patriae civem populoque dedisti,
Si facis, ut patriae sit idoneus, utilis agris,
Utilis et bellorum et pacis rebus agendis.

VIII сатиры 79 стихъ:

Esto bonus miles, tutor bonus, arbiter idem integer.

Далѣе поэтъ даетъ такое наставленіе, что скорѣе слѣдуетъ лишиться жизни, чѣмъ стыда:

Summum crede nefas animam praeferre pudori
Et propter vitam vivendi perdere causas.

Замѣтимъ, что это послѣднее правило очень походитъ на философское понятіе о жизни. Его усвоила себѣ и христіанская философія. Между прочимъ, подобный совѣтъ даетъ и Іоаннъ IV Курбскому въ своемъ посланіи.

Съ 86 до 125 ст. поэтъ даетъ обширныя наставленія Римляину, какъ онъ долженъ вести себя въ томъ случаѣ, если ему придется быть правителемъ провинціи: онъ не долженъ подражать Верресу и другимъ грабителямъ, тѣмъ болѣе, что провинціи теперь уже совсѣмъ ограблены и жители ихъ не имѣютъ почти ничего; если же ограбить и лишитъ ихъ и этихъ послѣднихъ остатковъ прежняго богатства, то все-таки у нихъ останутся щиты, племни и стрѣлы, отъ которыхъ можетъ пострадать грабитель, выведшій провинціаловъ изъ террипія. Эти длинныя наставленія поэтъ заключаетъ замѣчаніемъ, что сказанное имъ должно быть принято слушателями не какъ совѣтъ или наставленіе человѣка, а какъ изреченіе Сивиллы. Затѣмъ (125 — 145), поэтъ останавливается надъ тою мыслію, что только люди правственные и достойные могутъ хвастаться знатнымъ происхожденіемъ, которое, однаковъ, не можетъ замѣнять въ человѣкѣ отсутствія хорошихъ качествъ.

Точно такого же правоучительнаго свойства и замѣчаніе о томъ, что юности позволительны нѣкоторые недостатки, но что они не должны долго оставаться въ человѣкѣ, а должны исчезать вмѣстѣ съ первою бородою (ст. 165: „breve sit, quod turpiter audes. Quaedam cum prima rescentur crimina barba. Indulge veniam pueris“).

Приводимыя затѣмъ многочисленныя примѣры изъ римской исторіи имѣютъ цѣлью доказать то правоученіе, что добродѣтель не зависитъ отъ происхожденія, а является сама собой. Философски-правоучительнымъ характеромъ проникнуто и слѣдующее мѣсто XI-й сатиры (ст. 27):

Ex coelo descendit γυνή: σεαυτόν,
Figendum et memori tractandum pectore.

Та же мысль поясняется нѣсколько ниже (ст. 35):

Noscenda est mensura sui spectandaque rebus
In summis minimisque.

Въ 44 ст. поэтъ замѣчаетъ мотамъ, противъ которыхъ и направлена эта сатира, что для нихъ старость гораздо опаснѣе, чѣмъ преждевременная смерть. Это мѣсто напоминаетъ X-ю сатиру, гдѣ доказывается, что людямъ незачѣмъ требовать отъ боговъ поздней ста-

рости и что многія изъ личностей, съ которыми знакомить насъ исторія, испытали бѣдствія именно только въ этомъ возрастѣ.

XI-я сатира заключается правоученіемъ въ духѣ эпикуреизма, что удовольствіе только тогда можетъ быть названо этимъ именемъ, когда мы рѣдко вкушаемъ его: „*Voluptates commendat rarior usus*“ (ст. 208). Вообще, что касается поучительнаго тона сатиръ Ювенала, то нельзя не замѣтить, что подобный тонъ — необходимое требованіе такой сатиры, какъ сатира нашего поэта, которая не шутитъ, подобно Гораціевой, а обличаетъ глубокое нравственное паденіе цѣлаго общества, и при томъ такого общества, для котораго, по причинѣ его нравственной несостоятельности, одни сарказмы могли быть часто непонятны, такъ какъ они не всегда могли вызывать въ представленіяхъ тѣ моральные принципы, уклоненіе отъ которыхъ изображалось въ самой сатирѣ. Какъ могли, напримѣръ, Рубеллы¹⁾, воспитанные въ узкихъ сословныхъ предразсудкахъ римской знати, додуматься до мысли, что настоящее и единственное благородство заключается въ добродѣтели, если бы имъ этого не доказывалъ Ювеналъ? Какъ могли Неволы²⁾, для которыхъ безнравственный образъ жизни сдѣлался насущнымъ хлѣбомъ, догадаться, что найдутся также сатирики, которымъ ихъ промыселъ покажется неприличнымъ человѣческому достоинству? Какъ могъ Римлянинъ, для котораго рабъ не былъ человѣкомъ, дойти до той мысли, что душа и тѣло раба ничѣмъ не разнятся отъ души и тѣла потомковъ Цесарей и Сципіоновъ, — если-бы ему этого не сказала философія³⁾ устами Ювенала? Ювеналъ самъ хорошо понималъ, что его насмѣшки могли часто озадачивать тѣхъ, которыхъ собственно онъ имѣлъ въ виду. Онъ усматриваетъ, выражаясь словами Гоголя, что лице надменнаго патрона превращается въ вопросительный знакъ, какъ скоро Ювеналъ начинаетъ доказывать, что ему не слѣдуетъ презрительно обращаться съ своими кліентами. Поэтому онъ и разрѣшаетъ его недоумѣніе словами (V, 108):

*Nemo petit, modicis quae mittebantur amicis
A Seneca, quae Piso bonus, quae Cotta solebat
Largiri; namque et titulis et fascibus olim
Major habebatur donandi gloria: solum*

¹⁾ См. сат. VIII, 39.

²⁾ См. сат. IX, 1.

³⁾ См. сат. XIV, 16.

*Poscimus, ut coenes civiliter; hoc face et esto,
Esto, ut nunc multi, dives tibi pauper amicis!*

Нисколько не утверждая того, что сатира должна быть декламацией, составленною на какую-нибудь правоучительную тему, я тѣмъ не менѣе утверждаю, что извѣстная доля морали должна принадлежать отрицательной литературѣ, въ которой не всѣ умѣютъ отыскать положительный идеалъ, и которая, поэтому, не разъ подвергалась нападеніямъ со стороны критики, примѣромъ чего можетъ служить упрекъ, дѣлаемый сатиры аббатомъ Баттѣ (Batteux)¹⁾: „Je crois, говорятъ онъ, 1-о, qu'il y a dans le caractère du satirique un certain germe de cruauté enveloppé, qui se couvre de l'intérêt de la vertu, pour avoir le plaisir de déchirer au moins le vice; 2-о, que si, par hazard, les satires rendaient les hommes meilleurs, tout ce que pourroit faire alors le satirique, ce seroit de n'en être pas fâché“. Безъ сомнѣнія поэтъ, вносящій этотъ правоучительный элементъ въ свою поэзію, рискуетъ превратить ее въ голую и скучную мораль. Но гарантіей противъ этого служитъ самое искусство поэта, долженствующее умѣть примирять съ моралью художественныя требованія поэзіи, сохраняя при этомъ ея свѣжесть и картинность. Конечно, Ювеналъ не принадлежалъ къ числу очень даровитыхъ поэтовъ; притомъ и воспитаніе испортило въ немъ даже природнаго дарованіе. Оттого нѣкоторыя изъ его сатиръ, благодаря внесенію въ нихъ наставительнаго элемента, потеряли много въ художественномъ отношеніи и превратились дѣйствительно въ декламации на правоучительныя темы. Таковы сатиры VIII и X.

Такимъ образомъ, что касается правоучительнаго элемента въ сатирахъ Ювенала, то я уже показалъ выше, что этотъ элементъ является у него вслѣдствіе необходимыхъ требованій и встрѣчается не только въ позднѣйшихъ сатирахъ, но и въ признаваемыхъ Риббекомъ, что замѣтилъ и Дюзоль²⁾, который говоритъ о Ювеналѣ: „Non content d'avoir combattu les vices les plus odieux et généralement reconnus pour tels, il comprit qu'il falloit encore remonter à la source du mal et dissiper les prestiges de l'opinion; car il faut, dit Montaigne, ôter les masques aussi bien des choses que des personnes: de-là ces satires, ou plutôt ces belles harangues contre nos vains préjugés, plus

¹⁾ Principes de la littérature. T. III, стр. 326.

²⁾ Discours sur les satiriques latins, suivi de quelques reflexions sur l'art de traduire. Paris, 1872. Стр. CXIII.

forts et bien autrement accrédités que la saine raison". Любопытно, что въ выноскахъ, показывающей, какія сатиры авторъ понимаетъ подъ словомъ „ces belles harangues“, между прочимъ, приводится и VIII сатира.

И такъ Риббекъ не правъ, утверждая, что правоучительное направление недостойно сатиръ Ювенала и принадлежитъ исключительно только позднѣйшимъ изъ нихъ. Безъ сомнѣнн, этого направления мы очень мало встрѣчаемъ въ первыхъ семи сатирахъ; но это доказываетъ только, что Ювеналъ въ послѣдствн, съ теченiемъ времени, пришелъ къ убѣжденiю въ необходимости вносить въ сатиру побольше морали, что, безъ сомнѣнн, находится въ связи съ участiемъ философи въ его произведенiяхъ. Я выше показалъ, что это явленiе свойственно болѣе позднему возрасту нашего поэта, именно, когда онъ пересталъ безутѣшно-озлобленно смотрѣть на жизнь, и началъ мириться съ нею. При этомъ поворотѣ не осталось уже у него болѣе мѣста для прежней брани и ругательствъ, которыя, какъ долженъ былъ замѣтить въ старости поэтъ, не удовлетворяютъ задачѣ старика —человѣка, стоящаго въ нравственномъ или умственномъ отношенiи выше своего общества. Поэтъ созналъ, что далеко недостаточно только смѣяться, что вмѣсто прежнихъ взрывовъ саркастическаго хохота, лучше будетъ противопоставить современной порчѣ положительную мораль, которой запасъ, накопленный житейскимъ опытомъ старца, увеличился отчасти и его знакомствомъ съ философию, въ которой онъ, дѣйствительно, подъ старость пересталъ относиться съ прежнимъ пренебреженiемъ. Ко всему этому могъ присоединиться еще и обильный материалъ тѣхъ темъ, которыя не разъ приходилось разрабатывать ему въ школѣ, въ молодомъ возрастѣ, вслѣдствiе чего Риббекъ, можетъ быть, и не ошибается, усматривая известное сходство между нѣкоторыми мыслями, высказываемыми Ювеналомъ, и обычными темами риторовъ-декламаторовъ. Но такого рода явленiе должно было совершиться не вдругъ, а постепенно. Оттого мораль, сначала почти незамѣтная въ его сатирахъ, возрастаетъ, такъ сказать, въ своемъ объемѣ уже и въ позднѣйшихъ изъ тѣхъ сатиръ, которыя признаются Риббекомъ (VIII и XI); наконецъ, она получаетъ преобладающее значенiе въ сатирахъ, написанныхъ поэтомъ подъ старость, вслѣдствiе чего мы и находимъ въ пяти позднѣйшихъ болѣе правоучительнаго материала, чѣмъ въ десяти первыхъ. Этотъ взглядъ на мораль Ювеналовскихъ сатиръ внушило мнѣ тщательное ихъ изученiе, и я съ особеннымъ удовольствiемъ замѣчаю, что къ

такому же взгляду пришелъ и Мериваль, говоря, что Ювеналь, если принять обычный порядокъ его сатиръ за хронологическій, переходитъ изъ роли обличителя въ роль проповѣдника высокой морали и начинаетъ менѣе озлобленно смотрѣть на жизнь.

„Der philosophische Declamator“, говоритъ Риббекъ на 31-й стр., *hat überhaupt eine wahrhaft grinsende Weltanschauung: er ist der widerwärtigste Pessimist; mit kühlem Blute erklärt er die ganze Menschheit für Schurken und Narren*“: X, 96. Странно, что Риббекъ, знакомый съ Ювеналомъ, придаетъ такъ много значенія встрѣчающимся у него фразамъ и назначаетъ въ этомъ отношеніи рѣзкіе предѣлы между первою и второю половиною его сатиръ. Я уже говорилъ, что Ювеналь не чуждъ извѣстнаго пессимистическаго настроенія; но слѣды его мы гораздо чаще находимъ въ первыхъ сатирахъ, чѣмъ въ послѣднихъ. Тамъ онъ въ высшей степени озлобленно смотритъ на жизнь и болѣе останавливается на картинахъ, изображающихъ самое глубокое паденіе человѣка, при чемъ нельзя не замѣтить, что эти картины часто ему очень нравятся. Въ нихъ нерѣдко находило себѣ обильную пищу риторическое направленіе нашего поэта, которое часто заставляло его „къ былямъ небылицъ безъ счету прилагать“, вслѣдствіе чего онъ и является еще болѣе пессимистомъ въ своихъ фразахъ, чѣмъ былъ имъ на самомъ дѣлѣ. Дѣйствительно, вспомните длинную вереницу пороковъ, исчисляемыхъ Ювеналомъ, которыми онъ думалъ охарактеризовать современное ему общество: вы не найдете ошибокъ, легкаго недостатка, слабости, погрѣшности, какъ у Горация; ваши глаза будутъ поражены пороками истинно чудовищными. Правда, римское общество, современное поэту, въ нравственномъ отношеніи стояло низко; но неужели же въ самомъ дѣлѣ въ немъ не могло встрѣтиться такихъ людей, которые, при самомъ глубокомъ своемъ паденіи, все-таки имѣли нѣкоторыя хорошія черты? У Ювенала часто мы встрѣчаемся съ личностями, не имѣющими рѣшительно, буквально ничего хорошаго, — и это при изображеніи не безчеловѣчныхъ только злодѣевъ. И у Шекспира вы найдете много злодѣевъ, но все-таки они не перестаютъ быть людьми; у Ювенала же совсѣмъ не то: кого коснется его перо, тотъ выйдетъ непремѣнно олицетвореніемъ зла, ходячимъ порокомъ, напоминающимъ собой героевъ французской псевдоклассической драмы. Дюволь замѣчаетъ, что Ювеналь изображаетъ такихъ людей, которыхъ какъ не терзаетъ перо поэта, все-таки они не въ состояніи вызвать въ насъ состраданія. Слѣдовательно, онъ искажаетъ истину

и измышленныя имъ самимъ черты порока прилагаетъ къ людямъ. Онъ осмѣлился сказать, что бываютъ люди, совершающіе злодѣянія не подъ вліяніемъ страстей, слабостей, а въ силу того, что зло составляетъ ихъ стихію.... Но вѣдь это только фразы. Перо его—большій пессимистъ, чѣмъ онъ самъ. Какъ ни ужасенъ самъ по себѣ поступокъ жены Дриміона, отравившей по смерти мужа двоихъ дѣтей, чтобы воспользоваться ихъ имѣніемъ и выйти замужъ за любимаго ею человека; какъ ни отвратителенъ онъ, даже при простой передачѣ, но Ювеналъ не довольствуется этимъ. Посмотрите, что вышло изъ этой женщины подъ его перомъ (VI, 638):

Nos utinam vani sed clamat Pontia: feci,
 Confiteor, puerisque meis aconita paravi,
 Quae deprensa patent: facinus tamen ipsa peregi.
 Tunc duos una, saevissima vipera, coena?
 Tunc duos? Septem, si septem forte fuissent.

И неужели поэтъ вѣрилъ въ возможность существованія такой матери? Ювеналъ хотя и не говоритъ, что означаютъ слова Понціи: „Feci, confiteor, puerisque meis aconita paravi“, но онъ, вѣроятно, означаютъ то, что Понція, мучимая совѣстью, донесла на саму себя и открыла себѣ вены. А что же значитъ: „septem, si septem forte fuissent?“ Это уже только фразы.

Посмотримъ на другой примѣръ. Кто слышалъ когда-либо, чтобы преступникъ дѣлался бодрѣе и смѣлѣе отъ того, что его схватываютъ на мѣстѣ преступленія? Конечно, побуждаемый отчаяніемъ и предстоящимъ судомъ, онъ можетъ рѣшиться на большее преступленіе, въ надеждѣ скрыться или какъ-нибудь избѣжать заслуженной кары; но чтобы онъ *тѣмъ смѣлѣе оправдывался*—это невозможно. И однакожъ, Ювеналъ (или точнѣе—его фразы) утверждаетъ, что это возможно и что въ этому способны женщины.

Еще примѣръ. Возможно ли, чтобы Эппія, жена сенатора, покинувъ своего мужа, рѣшилась бѣжать въ Египетъ съ рабомъ, въ котораго она влюбилась, несмотря на то, что этотъ рабъ уже начиналъ старѣться, имѣлъ безобразное лицо, лобъ съ бороздою отъ шлема, огромный нарывъ между ноздрями и глаза, непрерывно испускавшіе зловонную жидкость? Ювеналъ объясняетъ такую любовь высокопоставленной женщины къ подобному рабу тѣмъ, что этотъ рабъ былъ гладиаторомъ.....

Далѣе, VI сатиру поэтъ посвящаетъ намѣревающемуся жениться Постуму. Сатира эта самая длинная изъ всѣхъ (въ 660 стиховъ); здѣсь

онъ доказываетъ, что не стоить жениться, потому что не только въ Римѣ, но и въ деревенской глуши, во всей Римской имперіи нѣтъ ни одной честной женщины.... Или, всѣмъ молодымъ людямъ, имѣющимъ большое состояніе, поэтъ совѣтуетъ остерегаться кушаній, предлагаемыхъ рукою матери, потому что въ нихъ скрывается ядъ; нужно, чтобъ присматривающій за дѣтьми рабъ предварительно пробовалъ чашу, которую получаетъ изъ рукъ матери для ея же дѣтей. Примѣры эти, взятые изъ сатиръ, признаваемыхъ Риббекомъ, показываютъ, какимъ пессимистомъ Ювеналъ смотрѣлъ на людей. Впрочемъ, онъ самъ высказываетъ свой взглядъ на современную ему жизнь въ сат. I, 147:

Nil erit ulterius, quod nostris moribus addat
Posteritas; eadem facient cupientque minores.
Omne in praecipiti vitium stetit; utere velis,
Totos pande sinus!

Развѣ такой взглядъ лучше, чѣмъ замѣчаемый Риббекомъ въ X, 96: „et qui nolunt occidere quetquam posse volunt“? Ювеналъ смотритъ на жизнь, какъ на трагическую сцену и говоритъ, что преступленія людей нисколько не менѣе тѣхъ, которыя изображаются въ трагедіяхъ. Такъ въ сат. VI, 634, мы читаемъ:

Fingimus haec altum satira sumente cothurnum
Scilicet et finem egressi legemque priorum
Grande Sophocleo carmen bacchamur hiatu,
Montibus ignotum Rutulis coeloque Latino?
Nos utinam vani! sed clamat Pontia: feci etc.

Этотъ взглядъ Ювенала повліялъ на рѣчь его и выработалъ реторическій тонъ. Подъ вліяніемъ реторики, его картины получаютъ много эффектныхъ сторонъ и чтобы достигнуть этого эффекта, Ювеналъ часто заходитъ слишкомъ далеко и говоритъ такіа фразы, въ безсодержательности которыхъ убѣжденъ, конечно, самъ. Поэтому, чтобы не ошибиться при характеристикѣ взглядовъ поэта, надо быть очень осторожнымъ и умѣть отличать то, что дѣйствительно хотѣлъ изобразить или выразить поэтъ, отъ того, что есть чистѣйшій плодъ однихъ только реторическихъ фразъ. Въ этомъ отношеніи не разъ погрѣшилъ Риббекъ, хотя ему, конечно, избѣгнуть такой ошибки было гораздо легче, чѣмъ многимъ другимъ. Кромѣ того, хотя дѣйствительно во второй половинѣ сатиръ пессимистическаго взгляда, вслѣдствіе примиренія поэта съ жизнью, несравненно

меньше, чѣмъ въ первой, однакожь, Риббекъ часто представляется не понимающимъ многихъ явленій и считающимъ ихъ не согласными съ характеромъ первыхъ сатиръ. Такъ, онъ видитъ крайній пессимизмъ въ томъ, что въ XIV сатирѣ молодой человекъ, которому отецъ съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ внушалъ страсть къ корыстолюбію, становится наконецъ способнымъ дѣлать ложныя свидѣтельства, нарушать клятву и даже задушить ночью свою жену (ст. 223), чтобы только завладѣть ея приданымъ. Но развѣ мало такихъ или даже гораздо болѣе возмутительныхъ примѣровъ находимъ мы въ первой половинѣ сатиръ? Развѣ менѣ отвратительны тѣ, которые я привелъ для сравненія изъ одной только VI сатиры? Наконецъ, что касается послѣдняго случая (XIV, 223), то быть можетъ здѣсь заключается намекъ на дѣйствительное происшествіе, по которому Кальпурій Бестія задушилъ ночью жену съ такою же цѣлюю.

„Er kennt denn auch eigentlich“, говоритъ Риббекъ на 31 стр., „kein anderes Laster als die Habsucht, auf die er immer wieder kommt: sie ist ihm die Quelle *aller Verbrechen*“. При этомъ Риббекъ ссылается на XIV, 173:

Inde fere scelerum causae; nec plura venena
Miscuit aut ferro grassatur saepius ullum
Humanae mentis vitium, quam saeva cupido
Immodici census.

Уже одно приведеніе этого мѣста показываетъ, что Риббекъ очень старался опираться, больше даже, чѣмъ слѣдуетъ, на мысли, здѣсь заключающейся. Точно также странно и то замѣчаніе Риббека, что мнимый декламаторъ не знаетъ никакого другаго порока кромѣ корыстолюбія. Съ большею основательностію могъ бы Риббекъ замѣтить, что корыстолюбіе чаще другихъ пороковъ навлекаетъ на себя нападки поэта,—это совершенно справедливо не только относительно послѣднихъ, но и первыхъ сатиръ Ювенала,—въ чемъ однакожь, нѣтъ ничего удивительнаго. Замѣчаніемъ Ювенала (XIV, 173) о корыстолюбіи едва ли кто откажетъ въ справедливости. Этотъ порокъ сдѣлался любимой его темой. Такъ, онъ нападаетъ во многихъ мѣстахъ своихъ сатиръ на искателей чужаго наслѣдства (*heredipetae*), на мужей, которые позволяютъ своимъ женамъ развратничать, на матерей, убивающихъ своихъ дѣтей изъ корыстолюбія, на скупость патроновъ, на то жалкое содержаніе, которое обыкновенно получаютъ

рабы отъ скупцевъ господъ и проч.; наконецъ, слѣдующій взглядъ на корыстолюбіе выражается въ сат. VI, 643:

*Credamus tragicis, quidquid de Colchide torva
Dicitur et Proene: nil contra conor; et illae
Grandia monstra suis audebant temporibus; sed
Non propter nummos. Minor admiratio summis
Debetur monstris, quoties facit ira nocentem
Hunc sexum; rabie jecur incendente feruntur
Præcipites, ut saxa jugis abrupta, quibus mons
Subtrahitur clivoque latus pendente recedit.
Illam ego non tulerim, quæ computat etc.*

Въ числѣ недостатковъ, будто бы принадлежащихъ только послѣднимъ сатирамъ Риббекъ считаетъ и то обстоятельство, что поэтъ во многихъ мѣстахъ приводитъ одинаковые факты, мысли и выраженія, въ чемъ и видитъ бездарность мнимаго декламатора, не имѣющаго средствъ обходиться своими собственными силами. Онъ обвиняетъ автора послѣднихъ сатиръ за то, что тотъ компилируетъ прежнія сатиры (стр. 26). — И здѣсь упрекъ, дѣлаемый Риббекомъ позднѣйшимъ сатирамъ, не имѣетъ основанія. Вѣдь и въ первыхъ изъ нихъ мы очень часто встрѣчаемся съ однѣми и тѣми же мыслями, а нерѣдко—и съ фактами; но изъ этого еще никто не выводитъ того заключенія, что такого рода явленія составляютъ компиляцію. Какъ легко замѣтить по всему духу произведеній Ювенала, онъ отличается большою впечатлительностью; а такіе люди всегда бываютъ особенно склонны къ тому, чтобы останавливаться на извѣстныхъ мысляхъ и всевозможнымъ образомъ перетолковывать ихъ, такъ что эти мысли дѣлаются наконецъ ихъ всегдашнею темою и получаютъ такое право гражданства въ представленіяхъ человѣка, что всегда приходятъ ему въ голову, какъ при удобномъ, такъ даже и при неудобномъ случаѣ. Кромѣ того, иногда сходство самого сюжета можетъ породить сходныя мысли и выраженія.

Наконецъ, Ювеналъ, не отличавшійся особенно богатою, поэтическою фантазіею, могъ не разъ ощущать недостатокъ въ сюжетѣ и потому приходилось обращаться къ тому, о чемъ онъ говорилъ уже раньше. Но все-таки, это еще не составляетъ отличительнаго свойства послѣднихъ сатиръ, а принадлежитъ точно въ такой же мѣрѣ и первымъ.

Такъ, къ числу особенно излюбленныхъ темъ Ювенала принадлежитъ и прелюбодѣяніе женщинъ, которое дѣйствительно стало его

idée fixe; нападки на женщинъ наполнена вся VI сатира, самая длинная изъ всѣхъ. Но не довольствуясь этимъ, онъ снова говорить объ этомъ же предметѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ XI сатиры, именно въ ст. 135, 80 и 25 и вообще во многихъ другихъ мѣстахъ первой половины сатиръ. Объ оскверненіи храмовъ женскимъ развратомъ онъ говоритъ въ сат. IX, 22, VI, 314 и VII, 310. Исканіе чужаго наслѣдства составляло тоже любимѣйшій сюжетъ Ювенала; онъ вставляетъ его вездѣ, даже тамъ, гдѣ мы менѣе всего ожидали бы этого. Такъ въ сат. V, гдѣ говорится объ унижительномъ обращеніи богатаго патрона съ кліентами, онъ находитъ удобный случай потолковать и объ этомъ (ст. 140). Къ этому же онъ обращается и въ сатирѣ IV (18), при нападкахъ на римскую гастрономію. Тотъ же сюжетъ включенъ имъ и въ сат. III (ст. 129), толкующую о неудобствахъ жизни въ Римѣ; мы находимъ его и въ сат. VI (ст. 39), посвященной изображенію недостатковъ женщинъ. Нападки на чрезмѣрное преклоненіе предъ деньгами мы находимъ въ сатирѣ I, 112, V, 136 и III, 140. Важно и то, что онъ выражаются въ очень однообразной формѣ; такъ I, 112, читаемъ: „Quandoquidem inter nos sanctissima divitiarum majestas“; въ V, 136: „O nummi, vobis hunc praestat honorem!“ въ III, 140: „Protinus ad censum, de moribus ultima fiet quaestio“.—„Graeca fides“ подвергается нападкамъ въ VI, 16 и III, 88—108.

Мысль, что мужья позволяютъ женамъ развратничать ради денегъ, приводится имъ въ сатирѣ I, 55 и VI, 136. Негодование на частые разводы, къ которымъ прибѣгали Римляне безъ достаточно серьезныхъ причинъ, выражается въ сат. VI, 149 и 229. Циническое замѣчаніе (безъ котораго, впрочемъ, могла бы и совсѣмъ обойтись эта сатира), что плотская любовь для женщинъ привлекательнѣе, чѣмъ для мужчинъ, помѣщается онъ въ сат. XI, 168 и VI, 254, и даже въ очень похожей формѣ (XI: „major tamen ista voluptas alterius sexus“ и VI: „nam quantula nostra voluptas?“). Женскія любовныя письма являются въ VI, 141 и 277; отравленіе дѣтей матерями въ VI, 133 и 628. Наполненіе вѣчнаго города иностранцами вызываетъ очень схожія жалобы въ двухъ мѣстахъ: III, 62: „Jam pridem Syrus in Tiberim defluxit Orontes“ etc. и VI, 295: „Hinc (Romam) fluxit ad istos et Sybaris colles, hinc et Rhodos et Miletos atque coronatum et petulans madidumque Tarentum“. Мистеріи „Bonae Deae“ съ ихъ каннибальскою обстановкой фигурируютъ: II, 86 и VI, 314. Рослые рабы—носильщики являются въ VI, 351 и III, 240. Плодо-

виталя свинья изъ Вергилиевой Энеиды, вызвавшая замѣчаніе со стороны Риббека, описывается не только въ XII, 73, но и въ VI, 177. Отравленный грибъ, предложенный императору Клавдію женой, является въ сатирѣ V, 147 и VI, 620. Отзывъ объ Іудеяхъ съ ихъ скуднымъ пожиткомъ („*quorum corpinus foenitque supellex*“), приводимый въ сат. III, 18, повторяется въ VI, 542 sq. („*corpino foenoque relicto, arcanaam Judaea tremens mendicat in aurem*“ etc.).

Полагаю, что и этихъ примѣровъ будетъ достаточно для того, чтобы показатьъ ошибочность мнѣнія Риббека, по которому повтореніе однихъ и тѣхъ же фактовъ и мыслей въ произведеніяхъ Ювенала, составляетъ отличительное свойство второй половины его сатиръ. Я считаю лишнимъ указывать на повтореніе выраженій въ родѣ „*mare coelo miscere*“ II, 25 и „*mare coelo confundere*“ II, 283, или повторенія однихъ и тѣхъ же мнѣній. Такихъ примѣровъ можно привести очень много. Но я считаю гораздо болѣе важнымъ обратить вниманіе читателя на то обстоятельство, что и нѣкоторыя лица упоминаются Ювеналомъ по нѣскольку разъ не только въ послѣднихъ, но и въ первыхъ сатирахъ: такъ Фабрицій Вейентонъ упоминается въ сат. III, 185; IV, 113 и VI, 113; императоръ Клавдій—въ сат. V, 147 и VI, 115; Криспий—въ V, 26, IV, 1, 108; Котта—въ V, 109, VI, 95; Неронъ—IV, 137, VI, 615, VIII, 72, 170, 193, 212, 223; Марій Прискъ—I, 49 и VIII, 120; граматикъ Палемонъ—въ VI, 452 и VII, 215; пантомимъ Парисъ—VI, 87 и VII, 87; Квиптилианъ—VI, 75, 280 и VII, 186; Сауфей—VI, 320 и IX, 117; Сенекъ—въ V, 109, VIII, 212; Вентидій—VII, 199 и XI, 22 и проч. Слѣдовательно, если мы и въ первыхъ сатирахъ такъ часто встрѣчаемся съ повтореніями, то нисколько не удивительно, что не лишены такихъ повтореній и послѣднія, тѣмъ болѣе, что онѣ принадлежатъ къ старости, нѣкоторыя же изъ нихъ даже и къ дряхлой старости нашего поэта, а этотъ возрастъ, какъ хорошо извѣстно, особенно склоненъ часто возвращаться къ своему прошлому, останавливаться на минувшихъ явленіяхъ жизни. Понятно, что для нашего поэта въ числѣ такихъ воспоминаній не было ничего дороже, какъ результаты, добытые имъ на поприщѣ дѣятельности сатирика, — тѣ мысли, которыя соврѣли когда-то въ головѣ юноши и мужа. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что люди, которыхъ взглядъ на вещи вполне сложился и достигъ извѣстной округленности, стройности, системы, всегда полагаютъ извѣстнымъ количествомъ такихъ идей, которыя управляютъ остальными и, стало быть, составляютъ нѣчто въ родѣ то-

чекъ прикосновенія для этихъ послѣднихъ. Эти-то мысленные узлы сложнѣшагося міросозерцанія въ человѣкѣ можно назвать въ извѣстномъ смыслѣ его коньками, такъ какъ мысль человѣка, при обращеніи отъ однихъ объектовъ къ другимъ, должна всегда переходить черезъ эти общіе центры, связующіе всю сѣть остальнаго міровоззрѣнія. Такимъ образомъ, и у Ювенала встрѣчаются иногда повторенія прежнихъ мыслей, но только въ частностяхъ; поэтому Риббекъ произвольно объясняетъ это явленіе компилированіемъ, не дѣлая того же самаго упрека первымъ сатирамъ, въ которыхъ такія же повторенія нисколько не рѣже, чѣмъ и въ послѣднихъ. Риббекъ, работая надъ Ювеналомъ большею частью съ предвзятою мыслью, не всегда провѣрялъ ее на фактахъ, а напротивъ, давалъ этимъ фактамъ такой видъ, чтобы они служили подтвержденіемъ его мысли. Указывая на нѣкоторыя мѣста въ Ювеналѣ, дѣйствительно сходныя, онъ усматриваетъ это сходство и тамъ, гдѣ его никто и не замѣтитъ, напримѣръ, въ сат XIII, 33: *Dic, senior bulla dignissime, necis, quas habeat veneres aliena pecunia*“ и сат. VI, 28: *„ихогет, Postume, ducis? dic, qua Tisiphone, quibus exagitare colubris?“* и проч. Указанія Риббека часто совсѣмъ маловажны. Такъ, кто заподозритъ компиляцію въ томъ, что въ сат. XIII, 140 поэтъ иронически обращается къ человѣку съ эпитетомъ *„o delicias!“*, а въ VI, 47, встрѣчается выраженіе *„delicias hominis?“* или, что въ сат. VIII, 158, встрѣчается *„pervigiles popinae“*, а въ XV, 43—*„pervigili toro?“*

С. Опацкій.

КАННИБАЛИЗМЪ ВЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МИФАХЪ ¹⁾.

ОПЫТЪ ПО ИСТОРИИ РАЗВИТІЯ НРАВСТВЕННОСТИ.

§ 12.

Продолженіе. Автоликъ.

Въ одномъ мѣстѣ Иліады Ахиллъ, обращаясь къ хитрому и изворотливому Одиссею, говоритъ, между прочимъ, слѣдующія слова:

«Тотъ ненавистенъ мнѣ, какъ врата ненавистнаго ада,
Кто на душѣ сокрываетъ одно, а вѣщаетъ другое;
Я же скажу вамъ прямо, что почитаю я лучшимъ» и т. д. ²⁾.

Можно было бы подумать, что здѣсь выразился взглядъ тогдашняго времени на ложь, какъ на нѣчто достойное порицанія ³⁾. Но если мы обратимся къ другимъ даннымъ и постараемся прослѣдить повнимательнѣе, какое значеніе имѣетъ въ гомеровскихъ пѣсняхъ ложь и вообще обманъ, то придемъ къ совершенно противоположному заключенію и должны будемъ признать за приведенными словами Ахилла характеръ частнаго изреченія, рисующаго намъ только личное настроеніе героя, который, замѣтимъ мимоходомъ, если бы и приложилъ даже всѣ усилія для придуманья хитрой лжи, то все-таки никогда не могъ бы сравняться въ этомъ отношеніи съ

¹⁾ *Продолженіе.* См. *Журналъ Мин. Народн. Просв.* декабрь 1873 года и январь и февраль 1874 года.

²⁾ *Иліада*, IX, 312 слл. въ переводѣ Гмндича.

³⁾ Такой выводъ и дѣлаетъ *Негельсбахъ*, *Not. Theol.*, стр. 229 (2-е изд. 1861 г.), гдѣ указано еще нѣсколько примѣровъ, ровно ничего не доказывающихъ.

Одиссею¹⁾. На самомъ дѣлѣ, кто не удивлялся, при чтеніи гомеровскихъ пѣсней, изворотливости и хитрости Одиссея, этого любимца греческаго народа, этого народнаго героя, котораго похождения воспѣвались и въ Иліадѣ и, сверхъ того, въ цѣлой эпопее, посвященной исключительно ему одному. Для насъ чрезвычайно интересно, что этотъ любимецъ греческаго народа является внукомъ чрезвычайно хитраго и вороватаго Автолика. Поэтъ, описывая посѣщеніе Одиссею Автолика, называетъ этого послѣдняго „благороднымъ отцомъ Одиссеевой матери, мужемъ, который превзошелъ всѣхъ людей воровствомъ и умнымъ вывертываться посредствомъ хитрыхъ клятвъ“: „Это умное“, замѣчаетъ пѣвецъ, „досталось ему отъ самаго бога Гермеса“²⁾. Этого Автолика, имѣющаго въ Одиссеѣ то же самое значеніе, какъ въ Иліадѣ Сисифъ, „хитрѣйшій изъ мужей“³⁾,

¹⁾ Самъ Ахиллъ признается, что, отличаясь преимущественно силою тѣла, онъ не обладаетъ особенною силою соображенія. *Iliad.* XVIII, 105:

τοῖος ἐὼν οἷος οὐ τις Ἀχαιῶν χαλκοχιτώνων
ἐν πολέμῳ· ἀγορῇ δὲ τ' ἀμείνωνές εἰσι καὶ ἄλλοι.

²⁾ *Odys.* XIX, 394:

... Αὐτόλυκον...
μητρὸς εἰς πατέρ' ἐσθλόν, δε ἀνδρώπους ἐκέκαστο
κλεπτοσύνη θ' ὄρκῳ τε· θεὸς δὲ οἱ αὐτὸς ἔδωκεν
Ἑρμείας.

Гиннз, говоря объ Автоликѣ, имѣлъ, вѣроятно, это мѣсто передъ глазами; у него читаемъ (fab. 201): *Hermes muneri dedit (Autolyco) ut furacissimus esset nec deprehenderetur in furto*, «... что его нельзя было уличить въ кражѣ». Послѣднія слова стоятъ въ замѣнъ греческаго слова ὄρκος, «клятва», которое въ нашемъ мѣстѣ Гомера соответствуетъ, повидимому, нѣмецкому: sich verschwören въ образѣ: er verschwur sich hoch und theuer, литовскому—užsikėjkti, польскому—zaklinać się = клясться въ невинности.

³⁾ *Iliad.* VI, 153, говорится объ аргосскомъ городѣ Эфирѣ,

ἐνθα δὲ Σίσυφος ἔσχεν ὁ κέρδιτος γένετ' ἀνδρῶν,
Σίσυφος Αἰολίδης.

Θεομimῶς (въ VI стол. до Р. Хр.) приводитъ Сисифа, какъ *μυθρημίαιο* человека, который даже счумѣлъ возвратиться, послѣ смерти, опять на этотъ свѣтъ: *Theogn.* 701:

οὐδ' εἰ σφροσύνην μὲν ἔχοις Ῥαδαμάνθου αὐτοῦ,
πλείονα θ' εἰδείης Σίσυφου Αἰολιδέω,
ὄστε καὶ ἐξ Ἀΐδεω πολυῖδρήσαν ἀνήλθεν κ. τ. λ.

знаеть также и Гезіодъ. Онъ о немъ говоритъ, какъ о человѣкѣ, „умѣвшемъ такъ запрятать вещь, что уже никто ее не увидитъ“¹⁾.

Въ высшей степени для насъ важно въ этическомъ отношеніи и то *стараніе*, какое прилагалось древними Греками для того, чтобы выставить своего героя произшедшимъ не только отъ Автолика, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отъ Сисифа, то-есть, именно отъ тѣхъ двухъ лицъ, которыя служатъ олицетвореніемъ величайшей хитрости въ самомъ неблагоприятномъ смыслѣ этого слова. Одинъ схолиастъ передаетъ намъ слѣдующее сказаніе, по которому Одиссей является просто сыномъ Сисифа и внукомъ Автолика: „Говорятъ, что Антиклія (дочь Автолика), высланная изъ Аркадіи въ Итаку къ Лаэртию, чтобы выйти за него замужъ, совокупила по дорогѣ съ Сисифомъ, такъ что Одиссей былъ собственно побочнымъ сыномъ Сисифа. Этотъ Сисифъ, царь Коринескій, былъ способенъ на все; Гомеръ называетъ его „хитрѣйшимъ изъ мужей“. У принадлежащихъ ему животныхъ онъ отмѣчалъ свое имя посредствомъ одного знака подъ копытомъ животнаго. Въ то же самое время Автоликъ „отличался воровствомъ и ложными клятвами“, и все имъ украденное измѣняло видъ. Укравши, такимъ образомъ, и у Сисифа стадо, и превративши это послѣднее, онъ не перехитрилъ, однако, Сисифа. Тотъ узналъ свое стадо по мѣткамъ. Автоликъ, желая затѣмъ задобрить Сисифа, угостилъ его и предоставилъ ему свою дочь Антиклію. Когда она сдѣлалась отъ него беременною, онъ ее выдалъ за Лаэртия, вслѣдствіе чего Одиссей есть сынъ Сисифа (а не Лаэртия)“²⁾.

¹⁾ *Tsets.* Lyc. 344 (= *Hesiod.* fr. 68, ed. Lehrs): ὁ Αὐτόλικος κλεπτοσύνη πάντας ὑπερέβαλε, ὡς φησι Ἡσιόδος:

πάντα γὰρ ὅσα λάβασκεν εἶδελα πάντα τίθεσσε.

Позднѣйшія понятія Грековъ объ Автоликѣ, какъ не имѣющія для нашей цѣли никакого значенія, мы можемъ оставить въ сторонѣ. Указанія можно найти въ наданіяхъ отрывковъ Эврипида, которымъ написалъ цѣлую сатирическую драму подъ заглавіемъ: «Автоликъ», — ed. Matth., стр. 99; Bothe, стр. 90; Nauck, стр. 350.

²⁾ *Schol Soph. Aj.* 190: λέγεται γὰρ ἡ Ἀντίκλεια ἀποστελλομένη ἀπὸ Ἀρκαδίας ἐπὶ Ἰθάκην πρὸς Λαέρτην ἐπὶ γάμον, κατὰ τὴν ὁδὸν Σισύφῳ συνελθεῖν, ἐξ οὗ ἦν φύσει ὁ Ὀδυσσεύς. ὁ δὲ Σίσυφος Κορίνθου βασιλεὺς πανούργος ἀνὴρ, περὶ οὗ φησιν Ὅμηρος «ὁ κέρειστος γένετ' ἀνδρῶν»· ὅστις ὑπὸ τοὺς δνοχας καὶ τὰς ὀπλάς τῶν ζώων ἑαυτοῦ μονογράμματον ἔγραψε τὸ ὄνομα αὐτοῦ. Αὐτόλικος δὲ κατ' ἐκεῖνο καιροῦ «ἐέχεαστο κλεπτοσύνη θ' ὄρχε τε», καὶ αὐτὰ τὰ κλεπτόμενα παρ' αὐτοῦ τὴν μορφήν ἤλλασσε. κλέψας οὖν καὶ Σισύφου θρήμματα καὶ μεταβαλὼν, ὁμοίως οὐκ ἔλαθε τὸν Σίσυφον·

Существованіе въ греческихъ сказаніяхъ подобной тенденціи — производить своего царя отъ этихъ двухъ олицетвореній лжи, обмана и воровства, преимущественно же отъ Автолика, заставляетъ насъ внимнуть поглубже въ значеніе этого послѣдняго. Имя Автолика означаетъ собственно „самъ волкъ“, что мы лучше передадимъ посредствомъ „истый волкъ“¹⁾.

Прежде чѣмъ обратимъ вниманіе на этическое значеніе этого имени, мы должны замѣтить, что слово λύκος, „волкъ“, не только послужило къ образованію замѣчательнаго множества миеологическихъ именъ собственныхъ, сложныхъ и производныхъ, но и употреблялось очень часто прямо, какъ имя собственное, въ неизмѣненномъ видѣ. Уже это одно обстоятельство могло бы возбудить въ насъ догадку, не слѣдуетъ ли въ Автоликѣ видѣть именно олицетвореніе или идеаль самого народа греческаго въ извѣстный періодъ его развитія. Въ этой догадкѣ насъ подтверждаетъ еще и множество другихъ соображеній, изъ которыхъ укажу только на слѣдующія. Что когда-то Греки сравнивали себя охотно съ волками, этому мы имѣемъ неопровержимое свидѣтельство въ Илиадѣ, гдѣ храброе войско Мирмидоновъ, предводительствуемыхъ самимъ Ахиллесомъ, уподобляется волкамъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя устраняютъ всякое сомнѣніе²⁾. Въ поэмѣ Ликофрона, лучшаго знатока греческихъ древ-

ἐπέγνω γὰρ αὐτὰ διὰ τῶν μονογραμμάτων. ἐπὶ τούτοις δὲ ἐξευμενίζόμενος τὸν Σίσυφον, ἐξένισεν αὐτὸν, καὶ τὴν θυγατέρα αὐτοῦ Ἀντίκλειαν συγκατέκλειεν αὐτῷ, καὶ ἔχουσιν ἐξ αὐτοῦ γενομένην τὴν παῖδα συνώφισα Λαέρτη, δι' ὃ Σίσυφου ὁ Ὀδυσσεύς. Это мѣсто для насъ замѣчательно не въ одномъ лишь вышеуказанномъ отношеніи. Въ немъ мы находимъ слѣды первобытныхъ семейныхъ отношеній, которыя намъ напоминаютъ важное мѣсто у Геродота, гдѣ говорится о нѣкоторыхъ народахъ Θρακίαι, Herodot, V, 6: τῶν δὲ δὴ ἄλλων Θρητικῶν ἐστὶ ὅδε ὁ νόμος· πωλεῖσι τὰ τέχνα ἐπ' ἐξαγωγῇ (въ Греціи же подкидываніе), τὰς δὲ παρθένους οὐ φυλάσσει, ἀλλ' ἰῶσι τοῖσι αὐταὶ βούλονται ἀνδράσι μίσγεσθαι τὰς δὲ γυναῖκας ἰσχυρῶς φυλάσσει, καὶ ὠνεόνται τὰς γυναῖκας παρὰ τῶν γονέων χρημάτων μεγάλων. καὶ τὸ μὲν ἐστίχθαι εὐγενὲς κέρριται, τὸ δ' ἄστικτον ἀγενές. ἀργὸν εἶναι κάλλιστον, γῆς δὲ ἐργάτην ἀτιμώτατον. τὸ ζῆν ἀπὸ πολέμου καὶ ληιστύος κάλλιστον. Можно полагать, что все, здѣсь сказанное (за исключеніемъ татуированія?) приложимо и къ отдаленной эпохѣ Грековъ или ихъ предковъ. См. *Bachofen*, Mutterrecht, подъ сл. *Helärisimus der Urzustände* (въ *Sachregister*). На счетъ различныхъ формъ брака у теперешнихъ дикарей см. *Lubbock*, *Origin of Civilisation* (2-е изд. 1870 г.), гл. III: *Marriage and Relationship*, стр. 58 слл.

¹⁾ *Amis*. въ прим. къ *Odys.* XIX, 396 (Anhang): «leibhafter Wolf».

²⁾ *Iliad*. XVI, 156 — 167; см. ниже.

ностей, жившаго около 300 лѣтъ до Р. Хр., Касандра въ одномъ мѣстѣ аллегорически обозначаетъ Грековъ словомъ „волки“: она говоритъ о томъ, какъ въ Авлидѣ Калхантъ „скрѣпилъ (?) клятву волковъ“¹⁾. У Эсхила встрѣчается даже воззваніе къ богу Аполлону: „Будь для вражьяго войска волкомъ (собственно волчьимъ)“, то-есть, страшнымъ²⁾. Замѣчательнъ въ разсматриваемомъ отношеніи и древній обычай Аркадійцевъ одѣваться въ мѣха волковъ и медвѣдей: Павзаній, по крайней мѣрѣ, разказываетъ, что въ первой мессенской войнѣ жители аркадскихъ горъ, пришедшіе Мессенцамъ на помощь, имѣли вмѣсто щитовъ и панцирей волчьи и медвѣжьи кожи³⁾. Если самъ фактъ и не исторически вѣренъ, то послѣдняя черта тѣмъ не менѣе для насъ важна. Въ несомнѣнной связи со всѣмъ этимъ находятся и сказанія о превращеніи людей въ волковъ,—сказанія, которыя особенно часто встрѣчаются въ аркадскихъ мифахъ о Зевсѣ Ликейскомъ, то-есть, „волчьемъ“ (ибо — какъ уже давно доказано — не иначе это имя понималось самими Греками)⁴⁾. Павза-

¹⁾ *Lucophr. Cass.*, 329: Λύκοις τὸ πρωτόφακτον (?) ἄρκιον σχάσας. Ср. *Reischard* къ этому м., гдѣ ошибочно утверждается, будто Греки такъ же назывались и въ Эврипидовой Ионгеніи Таврической.

²⁾ *Aesch. Sept. Adv. Theb.* 145:

καὶ σὺ, Λύκει' ἀναξ, λύκειος γενοῦ
στρατῶ δαίφ' στόνων αὐτᾶς.

Ср. *Herodot.* λυκείων φοβερόν.

³⁾ *Paus.* IV, 11, 3: θώρακα γὰρ ἢ ἀσπίδα εἶχεν ἕκαστος, ὅσοι δὲ ἠπόρουσαν τούτων, περιεβέβληγτο αἰγῶν νάκας καὶ προβάτων, οἱ δὲ καὶ θηρίων δέρματα, καὶ μάλιστα οἱ ὄρεινοὶ τῶν Ἀρκάδων λύκων τε καὶ ἀρκῶν.

⁴⁾ Насчетъ Ликантропіи смотри *Welcker*, *Kleine Schriften*, III (1850), стр. 157 — 185: *Lykanthropie, ein Aberglaube und eine Krankheit*. Очень поверхностно судить объ этомъ предметѣ Кохъ: *George W. Cox*, *The Mythology of the Argian Nations*, I (1870), стр. 429, говорится о «confusion between Leukos, bright, as a general epithet, and the same [?!] word Lukos, as a special name for the wolf, from which sprung first the myth of the transformation of Lykâôn, and then probably the wide-spread superstition of Lykanthropy». Связь со сказаніями объ оборотнѣ (Wârwolf), на которую указывали нѣкоторые ученые, онъ вполне отрицаетъ и относитъ эти послѣднія въ иную категорію, см. тамъ же стр. 459. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что уже и въ древности подобныя сказанія существовали не у однихъ только Грековъ. Нѣчто подобное существовало, должно быть, и у древнихъ Невровъ. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ изъ Геродота, что Греки и Скионы приписывали каждому изъ этихъ народовъ свойство превращаться въ волка и затѣмъ опять въ человѣка. *Herodot.* IV, 105: κινδυνεύουσι δὲ οἱ ἄνθρωποι οὗτοι (Νευροὶ) γόητες εἶναι. λέγονται γὰρ ὑπὸ Σκυθῶν καὶ

нѣй, говоря объ основаніи Ликоріи, древнѣйшаго, по преданію, города Греціи, приводитъ сказаніе, по которому жители этого города спасались, во время Девкаліонова потопа, на гору Парнасъ „подъ предводительствомъ волковъ“ ¹⁾. У того же писателя сохранилось и слѣдующее преданіе: Данаѣ приходитъ въ Аргосъ, желая овладѣть престоломъ Геланора, тамошняго царя. Когда народъ колебался, кого изъ нихъ предпочесть, появившійся откуда-то волкъ бросился предъ его глазами на быка, находившагося во главѣ стада, и растерзалъ его. Уподобляя Данаю волку, а Геланора быку, Аргосцы рѣшились отдать престолъ Данаѣ ²⁾. Тѣлохранители тирановъ носили на щитахъ изображеніе волка ³⁾. Мы знаемъ даже, что при многихъ судилищахъ находились изображенія „героя“ Лика, „который имѣлъ видъ волка“ ⁴⁾. Полагаютъ, что этотъ волкъ былъ ничто иное, какъ „сим-

Ἑλλήνων τῶν ἐν τῇ Σκυθικῇ κατοικημένων ὡς ἕτερος ἐκάστου ἀπαξ τῶν Νευρῶν ἕκαστος λύκος γίνεται ἡμέρας ὀλίγας καὶ αὐτὸς ὀπίσω ἐς τὸ αὐτὸ κατίστανται. ἐμὲ μὲν νῦν ταῦτα λέγοντες οὐ πείθουσι, λέγουσι δὲ οὐδὲν ἔσσαν, καὶ ὀμνῦσι δὲ λέγοντες. Ср. *Welcker*, въ указ. соч., стр. 171.

¹⁾ *Paus.* X, 6, 2: τῶν δὲ ἀνθρώπων ἔσοι διαφυγεῖν τὸν χειμῶνα ἠδυνήθησαν, λύκων ὠρυγαῖς ἀπεσώθησαν ἐς τοῦ Παρνασοῦ τὰ ἄκρα ὑπὸ ἡγεμόσι τῆς πορείας τοῖς θηρίοις, πόλιν δὲ ἦν ἔκτισαν, ἐκάλεσαν ἐπὶ τούτῳ Λυκῶρειαν. Το обстоятельство, что весь мифъ является здѣсь догадкою для этимологическаго объясненія имени Лυκῶρεια, не мѣшаетъ видѣть въ немъ остатки, можетъ быть, очень древняго преданія.

²⁾ Тамъ же, II, 19, 3: Δαναὸς δὲ ἰδρῶσατο Λύκιον Ἀπόλλωνα ἐπ' αἰτίῳ τοιαύτῃ παραγενόμενος ἐς τὸ Ἄργος ἡμφισβήτησε πρὸς Γελάνορα τὸν Σθενέλα περὶ τῆς ἀρχῆς. ῥηθέντων δὲ ἐπὶ τοῦ δήμου παρ' ἀμφοτέρων πολλῶν τε καὶ ἐπαγωγῶν, καὶ οὐχ ἦσαν δίκαια λέγειν τοῦ Γελάνορος δόξαντος, ὁ μὲν δῆμος ὑπερέθετο, φασί, ἐς τὴν ἐπ.οῦσαν κρίναιν ἀρχομένης δὲ ἡμέρας ἐς βοῶν ἀγέλην νεμομένην πρὸ τοῦ τείχους ἐπίπτει λύκος (картина восходящаго солнца?), προσπεσῶν δὲ ἐμάχετο πρὸς ταῦρον ἡγεμόνα τῶν βοῶν. παρίσταται δὲ ἡ τοῖς Ἀργείοις τῷ μὲν Γελάνορα, Δαναὸν δὲ εἰκάσαι τῷ λύκῳ, ὅτι οὔτε τὸ θηρίον τοῦτό ἐστιν ἀνθρώποις σὺντροφον οὔτε Δαναὸς σφισιν ἐς ἐκεῖνο τοῦ χρόνου. ἐπεὶ δὲ τὸν ταῦρον κατειργάσατο ὁ λύκος, διὰ τοῦτο ὁ Δαναὸς ἔσχε τὴν ἀρχήν. Тутъ каждая черта дышетъ первобытностью.

³⁾ *Suid.* подъ сл. Λυκόποδες: οὕτως ἐκάλουσαν τοὺς τυράννων δουροφόρους, τοὺς γὰρ ἀκμάζοντας τῶν οἰκετῶν ἐπὶ τῇ τοῦ σώματος φυλακῇ ἔλαβον. Λυκόποδες δὲ ἐκαλοῦντο, ὅτι διὰ παντός εἶχον τοὺς πόδας λύκων δέρμασι κακαλλυμένους... ἢ διὰ τὸ εἶχειν ἐπὶ τῶν ἀσπίδων ἐπίσημον λύκον.

⁴⁾ *Наррос:* подъ сл. δεκάζων Ἐρατοσθένης δὲ (въ III столѣтн до Р. Хр.) ἐν τοῖς περὶ τῆς ἀρχαίας κωμφιδίας, πόθεν τὸ πρᾶγμα εἴρηται, δηλοῖ, οὕτω λέγων

воль^а самого Аполлона¹⁾, какъ и вольѣ, изображаемый на аргосскихъ монетахъ²⁾, и золотой вольѣ, находящійся въ дельфійскомъ храмѣ³⁾. Сюда, можетъ быть, слѣдуетъ отнести и того „героя“ Ли-

λύκος ἐστὶν Ἦρωσ πρὸς τοῖς ἐν Ἀθήναις δικαστηρίοις, τοῦ θηρίου μορφήν ἔχων κ. τ. λ. Ср. *Poll.* VIII, 121; *Hesych.* подъ сл. Λύκου ζέχας; *Suid.* подъ сл. Λύκου δέχας. παροιμιῶδες. ἐπεὶ Λύκος ὁ ἦρωσ ὄφρυτο παρὰ τοῖς δικαστηρίοις ἐνθα προσήδρευον οἱ σοχοφάνται κ. τ. λ.; *Aristoph.*, *Vesp.* 389: ὃ Λύκα δέσποτα γείτων ἦρωσ· οὐ γάρ ἄσπερ ἐγὼ κερήρασι τοῖς βακχούοισιν τῶν φευγόντων ἀεὶ καὶ τοῖς ὀλοφυροῖς.

1) Замѣчательно, какъ *Преллеръ*, считая волка олицетвореніемъ силы *ображдебной* Аполлону, признаетъ его, однако, *символомъ* Аполлоновскаго культа и связанныхъ съ нимъ учрежденій. *Griech. Mythol.* I (3-е изд. 1872 г.), стр. 202: Und zwar scheint das scheue (?) und gefräßige Thier des Waldes und des Winters (!)... eine der lichten Gewalt des Apollo widerstrebende Macht des Winters, der *gefressigen Pest* und anderer Plagen bedeutet zu haben, welche Apollo in siegreicher Majestät *vertreibt und abwährt* (? Въ Иліадѣ, напротивъ, самъ Аполлонъ виновникъ чумы). *Indessen hatte es, wie die meisten Ortslegenden beweisen, vorherrschend die Bedeutung eines scheuen, flüchtigen angenommen, welcher bei Apollo als dem Schutzgotte der Flüchtigen und Bittenden (φύγιος) Gnade findet* [странно]: eine Vorstellung die sich von selbst aus den leitenden Ideen der Apollinischen Mord-sühne erklärt, nach welchen *für den flüchtigen Verbrecher*, nachdem er sich der Vorgeschiedenen Busse und Sühne unterzogen, *Schutz und Wiederherstellung möglich wurde*; daher in Athen der Wolf des Apoll oder der aus ihm entstandene Heros Wolf sogar zum Sinnbilde des Schutzes der Gerichtshöfe überhaupt geworden war. Ср. II, 157, прим. 1. Единственнымъ подтвержденіемъ мнѣнія, что вольѣ считался праждебнымъ Аполлону, является у *Преллера* указаніе на одно мѣсто у *Софокла* (El., 6), гдѣ Аполлонъ называется Λυκοτόνος, то-есть, «убивающій волковъ». Въ такомъ случаѣ слѣдовало ему, однако, указать и на *Hesych.* Λυκοτόνου θεοῦ· Σοφοκλῆς Ἠλέκτρῳ. Ἀρίσταρχος, διὰ τὸ τὸν θεὸν νόμιον εἶναι καὶ τῶν βοσκημάτων φυλακὴν ποιούμενον τὸν Ἀπόλλωνα, ἀναιρεῖν αὐτοῦς. οὐ καλῶς ἐστὶ γὰρ ὁ λύκος ἱερὸν Ἀπόλλωνος. Ср. *Müller*, *Dor.* I, стр. 306: Minder alt ist sicher die Sikyonische Sage von dem die Wolfe *abhaltenden* Apollo, und das Epitheton Λυκοτόνος (Lupercus [?]) bei Sophokles und Andern. Сказаніе о томъ, какъ Аполлонъ освободилъ жителей Сикіона отъ частыхъ нападеній волковъ см. *Paus.* II, 9, 7: ...ὁ θεὸς τόπον τινα εἰπὼν ἐνθα ἔκειτο αὖτον (?) ξύλον, τοῦτου φλοιὸν ἔχρησε τοῦ ξύλου καὶ κρίας ὁμοῦ προθεῖναι τοῖς θηρίοις. τοὺς μὲν αὐτίκα, ὡς ἐγέουσάντο, διέφθειραν ὁ φλοιός. Можно было бы подуматъ, что Греки знали средство, какъ отравлять волковъ, чему, однако, противорѣчатъ слѣдующія затѣмъ слова: τὸ ξύλον δὲ ἔκεινο ἔκειτο μὲν ἐν τῷ ἱερῷ τοῦ Λυκίου (въ храмѣ Ликійскаго Аполлона въ Сикіонѣ), ὃ τι δὲ ἦν δένδρον, οὐδὲ οἱ τῶν Σικυωνίων ἐξηγήται συνίεσαν.

2) *Preller*, I, 202, прим. 3.

3) *Del.* V, Н. X, 26: χαίρειν δὲ αὐτῷ (ἄφ Λύκῳ) καὶ τὸν Ἀπόλλω λόγος, καὶ ἡ αἰτία διαρρέουσα καὶ εἰς ἐμὲ ἀφίκετο. τὸν γὰρ τοι θεὸν τοῦτον τεχθῆναι φασὶ τῆς Ἀητοῦς μεταβαλούσης τὸ εἶδος ἐς λύκαιναν... ταυτῇ τοι καὶ ἐν Δελφοῖς ἀνακίσθαι

васа въ сикелійскомъ городѣ Темезѣ, о которомъ намъ сообщаетъ Павзаній, что онъ изображался въ волчьемъ мѣху и что ему приносились когда-то въ жертву дѣвицы ¹⁾).

Подобныхъ данныхъ, подтверждающихъ, что Греки и самихъ себя, и своихъ героевъ сравнивали съ волками, можно было бы привести безчисленное множество. Мало того: даже старинныя прозванія самыхъ высшихъ и какъ разъ самыхъ древнѣйшихъ божествъ ²⁾, Зевса (Λύκαιος) и Аполлона (Λύκαιος, Λύκιος), находятся, очевидно, въ столь тѣсной связи съ понятіемъ „волкъ“ (λύκος), что, не смотря на всѣ усилія, ученые не могли опровергнуть глубокаго значенія этой связи ³⁾. К. О. Мюллеръ, говоря объ Аполлонѣ, справедливо замѣчаетъ, что невѣроятно, чтобы волкъ сдѣлался символомъ Аполлона только вслѣдствіе случайнаго сходства слова λύκος „волкъ“ съ λύχη „свѣтъ“, какъ это утверждали и утверждаютъ нѣкоторые до сихъ поръ ⁴⁾. Что понятія „свѣтъ“ и „волкъ“ оба одинаково важны при

λύκων' πέκυσαι χαλκοῦν, τὴν τῆς Λητοῦς ὠδίνα αἰνιτιτόμενον. οἱ δὲ οὐ διὰ τοῦτο φασιν, ἀλλὰ ἐπεὶ κλαπέντα ἀναθήματα ἐκ τοῦ νεῶν καὶ κατορυθέντα ὑπὸ τῶν ἱεροσύλων λύκος τὸ ζῶον κατερήνοσε, παρελθὼν εἰς τὸν νεῶν καὶ τῶν προφητῶν τινα τῆς ἐσθῆτος τῆς ἱεράς ἐκλύσας τῆ στόματι, καὶ προσαγαθὼν μέχρι τοῦ τόπου, ἐν ᾧ τὰ ἀναθήματα ἐκέκρυπτο, εἶτα τοῖς προσθίοις ᾠρτυεν αὐτόν. Ср. *Ael. N. A.* XII, 40; τιμῶσι δὲ ἄρα Δελφοὶ μὲν λύκων... Δελφοῖς μὲν χρυσίον ἱερὸν σεουλημένον καὶ ἐν τῇ Παρνασσῷ κατορυγμένον ἀνίχνευον [ὁ] λύκος; *Paus.* X, 14, 7 (4), гдѣ разказывается даже, что этотъ волкъ растерзалъ вора. Особенно важно извѣстіе *Plut.*, *Pericl.* 21, что Лакедемоняне и Аониняне, желая присвоить себѣ право первенства у дельфійскаго оракула (προμαντεία), помѣщали соответствующія тому надписи именно на этомъ золотомъ изображеніи волка въ Дельфахъ.

¹⁾ *Paus.* VI, 6, 7—11, гдѣ Павзаній, между прочимъ, разказываетъ, что самъ видѣлъ копию старинной картины съ изображеніемъ Ликиса: τότε μὲν ἦκουσα, γραφῆ δὲ τοιαύτη ἐπιτοχῶν οἶδα. ἦν δὲ αὕτη γραφῆς μίμημα ἀρχαίας. νεανίσκος Σύβαρις καὶ Κάλαβρός τε ποταμὸς καὶ Λύχα πηγῆ, πρὸς δὲ ἡρῶν τε καὶ Термеса ἦν ἡ πόλις ἐν δὲ αἴφαι καὶ δαίμων (Λύκας), οὗτινα ἐξέβαλεν ὁ Εὐθύμοσ, χρῶν τε δεινῶς μέλας καὶ τὸ εἶδος ἄπαν ἐς τὰ μάλιστα φοβερός, λύκου δὲ ἀμπίσχετο δέρμα ἐσθῆτα: ἐτίθετο δὲ καὶ ὄνορα Λύχαν τὰ ἐπὶ τῇ γραφῇ γράμματα.

²⁾ К. О. Müller, *Dor.* I, стр. 311.

³⁾ Этому вопросу посвящено соч. *Jurgewicz*, *De Jovis Lycaei natura cognominis hujus ratione* (1867). Ср. *Heinr. Dietr. Müller*, *Mythologie griechischer Stämme*, II (1-ste Abtheilung, 1861), стр. 81 слл. Къ этому вопросу мы еще возвратимся ниже (въ IV главѣ), гдѣ будемъ говорить о Ликаонѣ и Зевсѣ Ликейскомъ.

⁴⁾ К. О. Müller, *Dor.* I, стр. 307: Was nun den Wolf betrifft, so ist nicht glaublich, dass er seine Stelle als Symbol des Apollon bloß einer zufälligen Namens-

объясненіи природы и Аполлона, и Зевса, это кажется ему несомнѣннымъ. Объяснить, однако, эту связь двухъ, повидимому, столь различныхъ понятій ему не удается, не смотря на все остроуміе, съ которымъ онъ напираетъ на дуализмъ въ этихъ божествахъ. Но если мы допустимъ тотъ выводъ, къ которому насъ склоняютъ всѣ вышеприведенные факты, именно, что Греки когда-то называли сами себя волками, что волкъ служилъ высшимъ идеаломъ человѣчества, что названіе „волкъ“ когда-то считалось лучшею похвалою, какую только можно было придумать, то вся трудность исчезнетъ: Зевсъ и Аполлонъ могли называться уже и потому „волчьими“ божествами, что были божествами народа, который называлъ самъ себя волками. Къ тому замѣтимъ еще, что Зевсъ и Аполлонъ суть, очевидно, божества солнца¹⁾. Но неужели певѣроятно, что само солнце называлось волкомъ, когда извѣстно, что тучи, съ которыми оно вѣчно борется, назывались „коровами“? Въ поясненіе уважу только на вышеприведенное сказаніе о Данаѣ, гдѣ говорится о томъ, какъ „рано утромъ волкъ бросился предъ стѣною (города) на стадо коровъ“. Видя въ этомъ слѣды какого-нибудь гимна, воспѣвающаго восходящее солнце, я нахожу сравненіе солнца съ волкомъ очень естественнымъ, по крайней мѣрѣ, вполне соответствующимъ тѣмъ наивнымъ понятіямъ, которыя мы уже привыкли предполагать у первобытныхъ народовъ. Быстро воздвигающееся среди кровавыхъ облаковъ солнце — это волкъ, кинувшійся на стадо бѣлыхъ, истекающихъ кровью коровъ; все же дѣйствіе происходитъ не на землѣ, а за видимыми предѣлами ея — „за стѣнами“²⁾.

Но если мы не допустимъ подобнаго отождествленія божества, въ

gleichheit zu verdanken hat, und etwa als ein Beispiel der sogenannten Paronomasie in der griechischen Symbolik zu betrachten ist, sondern es muss der lebhaft auffassende und combinirende Sinn des alten Volkes wirklich irgend eine Beziehung und Analogie zwischen Wolf und Licht gefunden haben. На счетъ этимологій словъ: λύκος (санскритск. वृका, «волкъ», ср. «влеку») и ἥλιος (ср. «лучь») см. *G. Oertling, Grundzüge der griechischen Etymologie*, 3-е изд. (1869), стр. 152 сл.

¹⁾ На счетъ Аполлона въ этомъ отношеніи не существуетъ сомнѣнія. О солнечномъ же значеніи Зевса Ликейскаго мы еще будемъ говорить ниже; см., по Камъстзъ, *Hahn, Sagw. Stud.* стр. 505 сл.

²⁾ *Pauly*. II, 19, 3. См. выше прим. 15.—Въ одномъ ведическомъ гимнѣ (*Rigv.* I, 92), гдѣ утрення заря уподобляется стаду свѣтлыхъ коровъ, говорится, между прочимъ: «освѣщающая весь свѣтъ заря отворила темноту (выступила изъ темноты), подобно *коровамъ* (выступающимъ) изъ *коровника*». Въ греческомъ сказаніи коровникъ замѣняетъ *городомъ*, окруженнымъ стѣнами.

понятіи младенческаго народа, съ волкомъ, то и не должны говорить о волкѣ, какъ о символѣ известнаго божества. Что значить символъ, не означающій самой природы, самаго существа того предмета, знаменіемъ котораго онъ считается? Мыслимъ ли къ тому еще символъ, находящійся даже въ противорѣчій съ означаемымъ предметомъ?

Сказаннаго мною считаю достаточнымъ для того, чтобы убѣдить, что волкѣ служилъ когда-то олицетвореніемъ греческаго идеала. Сообразно съ этимъ убѣжденіемъ я смотрю и на значеніе имени Автолика.

Итакъ Автоликъ, то-есть, „самъ волкъ“ (подобно тому какъ, напримеръ, у насъ говорятъ „самъ чортъ“), представляетъ намъ идеалъ первобытнаго Грека. Посмотримъ теперь, какія этическія понятія связывались первоначально съ понятіемъ „волкъ“. Въ древнѣйшемъ, дошедшемъ до насъ греческомъ памятникѣ, въ Илиадѣ, войны Ахилла сравниваются, какъ мы уже замѣтили, съ волками. Вотъ то мѣсто, гдѣ поэтъ разказываетъ намъ какъ Ахиллъ вооружалъ своихъ Мирмидоновъ для предстоящаго сраженія:

„Ахиллъ же, ходя вдоль всѣхъ шатровъ, вооружалъ Мирмидоновъ. Тѣ же—словно волки кровожадные (собственно, ѣдящіе сырое мясо), которыхъ сердце исполнено неизмѣримой отважности, и которые грызутъ большаго рогатаго оленя, повергнутаго ими въ горахъ. У всѣхъ щеки замазаны кровью. Вотъ идутъ они толпою къ темной водѣ источника локать сверху темную воду, изрыгая при этомъ кровь растерзаннаго животнаго! Въ груди у нихъ — неустрашимое сердце; переполненные желудки раздуты! Такovy были и предводители, и старшіе Мирмидоновъ, обступившіе храбраго слугу быстрого Ахилла“¹⁾.

¹⁾ *Iliad.* XVI, 155:

Μυρμιδόνας δ' ἄρ' ἐποιχόμενος θώρηξεν Ἀχιλλεύς,
πάντας ἀνά κλισίας σὺν τεύχεσιν. οἱ δὲ λύκοι ὡς
ὠμοφάγοι, τοῖσιν τε περὶ φρεσὶν ἀσπετος ἀλκή,
οἳ τ' ἔλαφον κεραὸν μέγαν οὖρεσι δρώσαντες
δάπτουσιν· πᾶσιν δὲ παρήιον αἵματι φοινόν·
καὶ τ' ἀγαθὸν ἴασιν ἀπὸ κρήνης μελανοῦδρου
λάφοντες γλώσσησι ἀραιῆσιν μέλαν ὕδωρ
ἄκρον, ἐρευγόμενοι φόνον αἵματος· ἐν δὲ τε θυμός
στήθεσιν ἀτρομός ἐστι, περιστένεται δὲ τε γαστήρ·
τοῖσι Μυρμιδόνων ἡγήτορες ἠδὲ μέδοντες
ἀμφ' ἀγαθὸν θεράποντα ποδώκεος Διάκλιδάο
βῶοντ'.

Въ другомъ мѣстѣ (въ той же пѣсни), гдѣ описывается побѣда Грековъ надъ Троянцами, поэтъ, представивъ возмутительно обстоятельную картину ожесточенной рѣзни, уподобляетъ наконецъ всѣхъ греческихъ предводителей волкамъ, ворвавшимся въ стадо овецъ или козъ, въ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ:

„Каждый изъ этихъ предводителей Данайцевъ поражалъ своего противника. Подобно тому, какъ хищные волки нападаютъ на ягнятъ и козлятъ, вырываютъ ихъ изъ стада, разсѣявшагося въ горахъ по неопытности пастуха, и, чуть увидавши, сейчасъ уносятъ безпомощныхъ (животныхъ); такъ и Данайцы напали на Троянцевъ. Тѣ съ крикомъ бросились въ бѣгство, не думая (больше) о защитѣ¹⁾).

Изъ этихъ двухъ мѣстъ мы можемъ составить себѣ понятіе о тѣхъ качествахъ, представителемъ которыхъ считался волкъ. Вотъ они: *хищность, кровожадность, свирѣпость, обжорливость*, и при всемъ томъ, замѣтимъ, *неустрашимость*²⁾. Слѣдовательно, Автоликъ служилъ первоначально олицетвореніемъ именно всѣхъ этихъ качествъ, которыя, за исключеніемъ неустрашимости, кажутся намъ теперь пороками, но въ извѣстное время, должно быть, считались достоинствами.

Но если мы опять обратимся къ тому Автолику, котораго намъ передаютъ пѣсни Гомера и Гезіода, то найдемъ изображеніе этого героя значительно смягченнымъ. Неустрашимость, правда, осталась;

¹⁾ Тамъ же, 351.

οὗτοι δ' ἄρ' ἠγεμόνες Δαναῶν ἔλον ἄνδρα ἕκαστος.
ὥς δὲ λύκοι ἄρνεσσι ἐπέχραον ἢ ἐρίφοισιν
αἰνται, ὑπὲρ μῆλων αἰρούμενοι, αἱ τ' ἐν δρᾶσιν
ποιμένος ἀφραδίῃσι διέτριψαν· οἱ δὲ ἰθόντες
αἶψα διαρπάξουσιν ἀνάγκησιν θυμὸν ἔχουσας·
ὥς Δαναοὶ Τρώεσσιν ἐπέχραον. οἱ δὲ φόβοιο
δοσσελάδου μνήσαντο, λάθοντο δὲ θούριδος ἀλκῆς.

²⁾ Голодные волки, какъ извѣстно, отличаются замѣчательною безбоязненностью.—Нельзя, правда, отрицать, что съ понятіемъ о волкѣ со временемъ стало соединяться понятіе о боязливости, собственно, бѣгствѣ. Но эта сторона въ характерѣ животнаго могла выдвинуться только тогда, когда всѣ прочія качества его перестали уже считаться идеаломъ. Что первоначально волкъ, должно быть, не признавался трусливымъ; на это указываетъ между прочимъ и слово *λυοβρασῆς* ии. *λυοβρασῆς*, то-есть, «смѣлый, какъ волкъ» и множество именъ собственныхъ, сложныхъ со словомъ «волкъ», которыя, какъ наприимѣръ, нѣм. *Wolfhart*, «волчье сердце» (въ *Nibelungenlied*), были бы не мыслимы, если-бы волкъ считался трусливымъ животнымъ.

мы ее узнаемъ, по крайней мѣрѣ, въ смѣлости, необходимой для клят-вопреступленій, которыми отличался Автоликъ. Но хищность и жадность превратились въ вороватость и хитрость, сопровождаемую ложью и обманомъ. О свирѣпости, кровожадности и обжорливости гнѣтъ уже больше и рѣчи. Съ теченіемъ времени Автоликъ подвергнулся еще большому измѣненію: за нимъ остался только неопредѣленный характеръ хитрости, измѣнившейся, наконецъ, въ мудрость или всевѣдѣніе ¹⁾).

Но дѣйствительно ли мы имѣемъ достаточное основаніе приписывать первоначальному Автолику всѣ вышеуказанныя безнравственныя качества? Вслѣдствіе отсутствія въ древнѣйшихъ памятникахъ данныхъ, которыя бы прямо подтверждали мое предположеніе о первоначальномъ характерѣ Автолика, подобный вопросъ все еще могъ бы казаться, на первый взглядъ, довольно умѣстнымъ. Но стоитъ только обратить вниманіе на другія міеологическія имена, сложныя съ словомъ *λόχος*, чтобы убѣдиться, что съ большею частью ихъ связаны самыя ужасающія воспоминанія, вслѣдствіе чего и становится понятнымъ, почему эти герои являются иногда даже просто врагами всякаго порядка и подвергаются зато печальной участи. *Ликопей* (*Λοχπέος*, „волчеглазый“), сынъ Агрія (то-есть, „свирѣпаго“), убитый вмѣстѣ съ братьями Діомедомъ ²⁾; *Ликионъ* („хищный или обжорливый какъ волкъ“? ср. *λοχόν*), пожирающій дѣтей и наказанный зато Зевсомъ; вышеупомянутый герой *Ликасъ*, о которомъ мы знаемъ, что ему когда-то приносились въ жертву дѣвицы и что Гераклъ убилъ его, и мпожество другихъ именъ вполне убѣдительно говорятъ, какія качества приписывались первоначально и Автолику. Тотъ фактъ, что Автоликъ является лишенимъ особенно поразительныхъ чертъ грубости, дѣлаетъ намъ его еще болѣе важнымъ, какъ доказательство нашего предположенія объ идеальномъ его значеніи. Народъ до того привыкъ видѣть въ немъ свой идеалъ, что рѣшился лучше умолчать о всѣхъ болѣе безнравственныхъ сторонахъ своего героя, чѣмъ представлять его силою враждебною. Особенно интересно, что мы не имѣемъ почти никакихъ преданій о поступкахъ Автолика, игравшаго, по видимому, столь важную роль. Это могло произойти только вслѣдствіе того, что всѣ рассказы, связанные съ именемъ этого героя, отличались, должно быть, особенною дикостью. Нѣчто подобное мы смѣло

¹⁾ См. выше, прим. 5.

²⁾ *Apollod.* I, 8, 6.

можемъ предположить и о другомъ мнѣнскомъ лицѣ, а именно о *Ликѣ*, сынѣ Посейдона и Келэны, о которомъ мы знаемъ, что онъ былъ перенесенъ на острова блаженныхъ, но за какія заслуги—неизвѣстно ¹⁾).

Изъ всего этого я считаю уже очевидно вытекающимъ, что такъ же точно догомеровскій свирѣпый Автоликъ считался въ свое время нравственнымъ идеаломъ, какъ и въ гомеровское время онъ является идеаломъ въ болѣе смягченномъ видѣ. Но, зная глубоко укоренившееся слишкомъ оптимистическое направленіе нашей науки, я не могу надѣяться, что это покажется одинаково убѣдительнымъ для всѣхъ читателей. И не говоря уже о первоначальномъ Автоликѣ, какимъ онъ намъ представляется на основаніи приведенныхъ соображеній, слѣдуетъ, къ сожалѣнію, признаться, что и Автоликъ гомеровскихъ временъ не только не считается *дѣйствительнымъ* греческимъ идеаломъ какого-либо времени, но и отрицается даже самъ фактъ, что по крайней мѣрѣ *въ греческихъ сказаніяхъ* онъ играетъ подобную, то-есть, идеальную роль.

Въ Одиссеевѣ говорится объ Автоликѣ, что онъ „превозмогъ всѣхъ людей воровствомъ и ложными клятвами“. Воровство и ложь совершаются въ гомеровскихъ пѣсняхъ, какъ извѣстно, самыми знаменитыми героями. Какъ нарочно еще самъ поэтъ прибавляетъ на счетъ Автолика, что это искусство въ кражѣ и клятвopреступленіяхъ „ему далъ самъ богъ Гермесъ“. Можно ли ожидать лучшаго доказательства, что по крайней мѣрѣ *въ преданіи* эти качества считались хорошими? Вѣдь и Гермесъ, будучи еще въ пеленкахъ, дастъ въ гомеровскомъ гимнѣ ложную клятву предъ глазами самого Зевса, который восклицается хитростью и лживостью ребенка ²⁾).

Замѣчательно, какъ смотритъ на эти данныя Нэгельбахъ. Отстаивая въ своей „Гомеровской теологіи“ правдолюбіе греческихъ героев,—причемъ онъ указываетъ преимущественно на тѣ случаи, когда они „не скрываютъ притворно даже безнравственныхъ поступковъ и

¹⁾ *ApoIlo*d. III, 10, 1; *Heune*, *Observ.*, къ этому м. стр. 272.

²⁾ *Hytn. hom. in Merc.*, 385:

ὡς οὐκ αἰτίος εἰμι· μέγαν δ' ἐπιδώσομαι ὄρκον·
οὐ μὰ τὰδ' ἀθανάτων ἕκασμητα προθύρατα.
καὶ ποῦ ἐγὼ τούτῳ τίσῃ ποτὲ νηλεὰ φέρην,
καὶ κρατερῆ περ ἴοντι· σύ δ' ὀπλοτέροισιν ἄρηγε.
ὡς φάτ' ἐπιλλίζων Κολλήνιος Ἀργειφόντης·
καὶ τὸ σπάρρανον εἶχεν ἐπ' ὠλένη οὐδ' ἀπέβαλλε.
Ζεὺς δὲ μέγ' ἐξεγέλασσεν ἰδὼν κακομηδέα παῖδα.

страстей" ¹⁾),—онъ продолжаетъ: „болѣе или менѣе это правдолюбіе есть характеристическое качество всѣхъ гомеровскихъ героевъ... То мѣсто, гдѣ говорится объ Автоликѣ, дѣдѣ Одиссея, δὲ ἀνθρώπου ἐχέ-
хαστο κλεπτοσύνη θ' ὄρχεται, противорѣчитъ сказанному только на видѣ. Что его хитрость (Verschmitztheit) считалась необыкновеннымъ, ему только одному доставшимся искусствомъ, на это указываютъ слова: θεὸς δὲ οἱ αὐτὸς ἔδωκεν, Ἑρμείας, вслѣдствіе чего оно является исклю-
ченіемъ, только подтверждающимъ общее правило еще болѣе" ²⁾). Конечно не мыслимо, чтобы способность *превосходить всѣхъ* въ чемъ бы то ни было могла считаться *не исключеніемъ*, а общимъ правиломъ. Поэтому, *превосходство* Автолика является тутъ дѣйствительно исключеніемъ и особеннымъ даромъ бога; но какъ изъ этого можно заключить, что сами тѣ качества, въ которыхъ Автоликъ превосходилъ *всѣхъ другихъ*, считались непозволительными или даже *небывальными*—это непонятно ³⁾. Да и вообще ненаучность приемовъ Нэгельсбаха должна бы казаться непонятною, если бы мы не привыкли уже давно къ подобнымъ вещамъ у всѣхъ представителей спиритуалистическаго направленія.

Оставивъ гомеровское время въ сторонѣ, посмотримъ теперь, какіе слѣды сохранились въ исторической Греціи этой, всего ярче бросающейся въ глаза, стороны Автолика, вслѣдствіе которой онъ является какъ бы отцомъ всѣхъ клятвопреступниковъ.

Лучшимъ сочиненіемъ относительно значенія клятвы у Грековъ считается трудъ Лазо, посвященный этому предмету ⁴⁾. „Правдивость

¹⁾ Nägelsbach, H. Th. стр. 229: . . . so findet auch kein heuchlerisches Verdecken und Bemänteln unsittlicher Leidenschaften oder Zustände statt, sondern es herrscht in dieser Hinsicht eine *ausserordentliche Ehrlichkeit* (!).

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Издатель этой книги, Ауценригъ, дѣлаетъ здѣсь еще примѣчаніе, что если Автоликъ называется «благороднымъ», то это ровно ничего не значить, «πατήρ ἐσθλός» heisst er doch wohl *nach der stehenden Formel, also ohne Bezug auf den Relativsatz*; при этомъ онъ указываетъ на три мѣста: *Od.* I, 115; II, 46; XVI, 214, гдѣ Телемахъ называетъ своего отца благороднымъ.—Итакъ это *stehende Formel!*

⁴⁾ Laseus, Der Eid bei den Griechen, помещено въ его Studien des class. Altersh. (1854), стр. 177—205. Тамъ же стр. 177, прим. 1, указана и предшествовавшая литература. Сравни Nägelsbach въ указ. м., гдѣ указана и неизвестная мнѣ диссертация Putsche, De vi et natura juramenti Stygii etc. (1844); Nägelsb. Nachh. Th. (1857) стр. 241 сл.; Hermann, Gr. Ant. II, § 22 (3 изд. 1858, стр. 119 сл.).

въ мысляхъ и поступкахъ, говорить онъ въ началѣ, „считалась у Грековъ главнѣйшимъ постулатомъ настоящей нравственности, правдолюбіе считалось основаніемъ всѣхъ великихъ добродѣтелей“. Съ этимъ мнѣніемъ мы никакъ не можемъ согласиться безусловно. Что въ подтвержденіе подобнаго неопредѣленнаго мнѣнія можно привести множество доказательствъ, это понятно само собою. Дѣйствительно, были люди, которые придерживались такого взгляда. Но если бы мы отсюда заключили, что правдолюбіе пользовалось такимъ признаніемъ *всегда и во всей Греціи*, что оно было требованіемъ не отдѣльныхъ только, болѣе развитыхъ, личностей и частей общества, а качествомъ, лежавшимъ въ основаніи характера всего греческаго народа съ самыхъ древнѣйшихъ поръ, то подобный выводъ оказался бы въ высшей степени ошибочнымъ. Въ подтвержденіе стѣнитъ указать только на матеріалъ, собранный самимъ Лазо¹⁾. Изъ него явствуетъ (хотя нѣкоторыя ссылки и не вполне удачны), что изрѣченіе Эврипидовой Ифигеніи: „вся Греція вѣроломна“, не можетъ считаться преувеличеннымъ²⁾. Извѣстный лакедемонскій предводитель Лизандръ, отличавшійся строгимъ соблюденіемъ старинныхъ народныхъ обычаевъ, могъ утверждать, что „гдѣ недостаточно лвиной кожи, тамъ слѣдуетъ къ ней пришить лисью“; что „дѣтей слѣдуетъ обманывать игральными костями, взрослыхъ же клятвами“³⁾. Лживость Критянъ перешла даже въ пословицу. Такъ же извѣстны были Тессалійцы своимъ непостоянствомъ и вѣроломностью. Подобныхъ примѣровъ у Лазо указано множество. Неудивительно, если Цицеронъ, признавая за Греками всевозможныя превосходства, утверждаетъ однако, что „эта нація никогда не уважала святости свидѣтельствъ и обѣщаній (то-есть,

¹⁾ Въ указ. соч. стр. 203—206.

²⁾ *Eurip. Iphig.*, Тагг. 1205: πιστόν Ἑλλάς οἶδεν οὐδέν. Это изрѣченіе нельзя извинять исключительностью положенія Иенгеніи. Сама Иенгенія, прозисноя эти слова предъ царемъ Фивятомъ, старается обмануть его.

³⁾ *Plut. Apophth. Lac., Lys.*, 3 (Moral., изд. Дидд, стр. 281 слл.): Πρὸς δὲ τοὺς ψέγοντας αὐτὸν ἐπὶ τῇ δι' ἀπάτης τὰ πλείστα πράττειν, ὡς ἀνάξιον τοῦ Ἡρακλέους, καὶ δόλῳ, οὐκ ἀντικρῖς κατορθοῦντι, γελῶν ἔλεγεν, ὅπου μὴ ἐφικνεῖται, τῇ λεοντῇ προσραπέον εἶναι τὴν ἀλωπεκῆν. ἀπομεμφομένων δ' ἐτέρων αὐτὸν ἐπὶ ταῖς παραβάσει τῶν ὀρκῶν, οὓς ἐν Μιλήτῳ ἐποίησατο, ἔλεγε, τοὺς μὲν παῖδας ἀστραγάλοις θεῖ ἔξαπατᾶν, τοὺς δὲ ἄνδρας ὀρκοῖς. Ср. *Lys.* 7, 5; 8, 4 (гдѣ Плутархъ замѣчаетъ: οὐδὲ Λακωνικόν τὸ χρῆσθαι τοῖς θεοῖς ὡπερ τοῖς πολεμίοις, μᾶλλον δὲ ὑβριστικώτερον, чему однако, противорѣчатъ многіе факты); *Moral.*, изд. Дидд, стр. 229, ст. 27.

клятвъ) и что она вовсе не понимаетъ значенія и вѣса подобныхъ вещей⁴⁾.

Какъ неуваженіе клятвъ, такъ и прочія качества Гермеса и Автолика не лишены основанія въ обычаяхъ древнихъ Грековъ. Множество историческихъ данныхъ изъ бытовой жизни этого народа подтверждаютъ, что *воровство, разбой* и т. п. считались когда-то дѣлами позволительными. Секстъ Эмпирикъ, который напрасно лишается учеными почти всякаго авторитета, очень справедливо замѣчаетъ, что благодушіе, съ которымъ въ Одиссеѣ Несторъ спрашиваетъ Телемака и его товарищей, не занимаютъ ли они *υραβεжомъ*, становится понятнымъ только въ случаѣ позволительности этого запятія⁵⁾. Лучшимъ же примѣромъ изъ позднѣйшей исторической жизни служить то обстоятельство, что въ Спартѣ, какъ извѣстно, не только ловкое воровство, но и всевозможныя насилія сыновей Спартиатовъ противъ Гелотовъ были поощряемы. Замѣчательно, что и тутъ Секстъ Эмпирикъ видитъ уже *связь съ этическою стороною религіозныхъ понятій*⁶⁾. Новѣйшіе же, вмѣсто того, чтобы признать въ этомъ обычай остатки древнѣйшаго состоянія нравственности, довольствуются замѣчаніемъ, что Спартапци, одичавшіе вслѣдствіе Мессенскихъ войнъ, допускали эти насилія только противъ Гелотовъ, которыхъ они считали своими *врагами*. Но тутъ-то и важно, что одинъ народъ смотритъ на другой, покоренный имъ народъ, *постоянно какъ на*

⁴⁾ Cic. pro Flacco 4, 9: hoc dico de toto genere Graecorum: tribuo illis litteras, do multarum artium disciplinam, non adimo sermonis leporem, ingeniorum acumen, dicendi copiam; denique etiam si qua sibi alia sumant, non repugno: *testimoniorum religionem et fidem nunquam ista natio coluit, totiusque hujusce rei quae sit vis, quae auctoritas, quod pondus, ignorat.*

⁵⁾ Sext. Emp. Inst. Pyrrh. III, 214: τό τε ληστεύειν παρ' ἡμῖν μὲν παράνομον καὶ ἀδικόν ἐστι, παρὰ δὲ πολλοῖς τῶν βαρβάρων οὐκ ἄποπον φασὶ δὲ ὅτε καὶ εὐχλείς τοῦτο οἱ Κίλικες ἐνόμιζον εἶναι, ὡς καὶ τοὺς ἐν ληστείᾳ τελευτήσαντας τιμῆ^ρ ἀξίους εἶναι δοκεῖν. καὶ ὁ Νέστωρ δὲ παρὰ τῷ ποιητῇ, μετὰ τὸ φιλοφρονήσασθαι τοὺς περὶ τὸν Τηλέμαχον, φησὶ πρὸς αὐτοὺς:

...ἢ μασιδίως ἀλάλησθε

οἷά τε ληϊστῆρες;

καίτοι εἰ ἄποπον ἦν τὸ ληστεύειν, οὐκ ἂν οὕτως αὐτοὺς φιλοφρονήσάμενος διὰ τὸ ὑποπέσειν μὴ ἄρα τοιοῦτοί τινες εἶεν.—Ср. *Odys.* III, 72 сл.

⁶⁾ Тамъ же III, 215: ἀλλὰ καὶ κλέπτειν παρ' ἡμῖν μὲν ἀδικον καὶ παράνομον ἐστίν· οἱ δὲ καὶ κλεπτίστατον εἶναι θεὸν λέγοντες τὸν Ἑρμῆν οὐκ ἀδικον τοῦτο νομίζεσθαι ποιοῦσιν· πῶς γὰρ ἂν θεὸς εἴη κακός; φασὶ δὲ τινες ὅτι καὶ οἱ Λάκωνες τοὺς κλεπτας ἐκόλαζον οὐ διὰ τὸ κελοφῆναι ἀλλὰ διὰ τὸ πεφωρᾶσθαι.

своего врага. Руководясь указаніями, которыя намъ даетъ изолированность домашняго культа греческой семьи ¹⁾, мы должны полагать, что въ ранній періодъ *всякая чужая семья считалась враждею*. Германнъ, рисуя картину международныхъ отношеній въ древнѣйшей Греціи, говоритъ, что понятія „чужой и врагъ не отличались даже въ языкѣ (?). Въ отношеніи къ праву (in rechtlicher Hinsicht)—продолжасть онъ—всѣ народы находятся въ вѣчномъ военномъ положеніи, послѣдствія котораго угрожаютъ всему, чтѣ человѣку свято и дорого, и не останавливаются ни предъ какими средствами... Такъ и разбой вообще, какъ и въ частности, считается дѣломъ позволительнымъ и похвальнымъ (ehrenwerth)“ ²⁾. Поэтому будетъ, кажется, гораздо вѣрнѣе, смотрѣть и на Мессенскія войны, какъ на обстоятельство, только благопріятствовавшее сохраненію въ Спартѣ-тѣхъ отношеній, которыя, при первоначальной враждебности семей, были лишь естественнымъ проявленіемъ ея.

Итакъ, нельзя отрицать, что воровство и разбой, столь часто встрѣчающіеся въ греческихъ мифахъ, коренились глубоко въ первобытной нравственности этого народа. Какую же роль играли въ Греціи *ложь и обманъ*, это достаточно явствуетъ изъ того, чтѣ сказано выше о клятвопреступленіяхъ. Въ этомъ отношеніи могу, въ заключеніе, указать еще на Эсхила, у котораго все еще говорится о „лжи божества“ ³⁾, и на Платона, который, даже въ своемъ идеальномъ государствѣ, не можетъ обойтись безъ обмана. Платонъ предлагаетъ, какъ извѣстно, регулировать сожитіе мужчинъ съ женщинами посредствомъ „хитраго жеребьеванья“ (κλήροί τινος ποιητέου χομφοί), результаты котораго зависѣли бы отъ усмотрѣнія людей, управляющихъ государствомъ. Признавая, такимъ образомъ, необходимость „многой лжи и обмана“ (συχνῆ τῆ ψευδεί καὶ τῇ ἀπάτῃ χρῆσθαι), онъ ихъ оправдываетъ тѣмъ, что они полезны государству ⁴⁾.

¹⁾ Эта мысль высказана, хотя и недостаточно обоснована, въ соч. *Fustel de Coulanges: La cité antique* (1864), стр. 33—40.

²⁾ *Hermann. Gr. Ant. I, § 9* (4 изд. стр., 37 сл.).

³⁾ *Lesch. Ag. 476*, хоръ, не довѣря быстро распространившейся молвѣ о паденіи Трои, говоритъ:

πόλιν διήκει θεῶν
βᾶξιν· εἰ δ' ἐτητύμως,
τίς οἶδεν; ἢ τοι θεῖόν ἐστι μὴ ψῆθος.

⁴⁾ *Plat. De rep., 459 сл.*

§ 13.

Убийство.

Чтобы прослѣдить значеніе этическихъ моментовъ въ греческихъ мифахъ, мы указали, какую роль играютъ въ нихъ преимущественно обманъ и воровство, и насколько эти черты соотвѣтствуютъ бытовому развитію греческаго народа. При этомъ мы ограничились указаніемъ только на двѣ мифическія фигуры: Гермеса и Автолика, оставляя въ сторонѣ весь громадный матеріалъ, который мы могли бы почерпнуть изъ другихъ мифовъ. Даже относительно и этихъ, приведенныхъ нами, двухъ примѣровъ не представлялось необходимости останавливаться на всѣхъ данныхъ, которыя говорятъ въ пользу доказываемой нами мысли. Такъ напр., видя въ Автоликѣ, т. е. „волкѣ“, олицетвореніе греческаго идеала, мы могли бы въ подтвержденіе мнѣнія, что Греки когда-то сами называли себя волками, указать на Ликию (Λικίη), какъ на прежнюю родину этихъ „волковъ“, т. е., „волчью страну (λυχία χώρα). Дѣйствительно, нельзя отрицать самую тѣсную связь этой страны съ древнѣйшими религиозными воспоминаніями Грековъ, производившихъ отсюда, между прочимъ, и свой чисто народный культъ Аполлона. Въ случаѣ же невѣроятности подобнаго предположенія, представлялась бы еще возможность утверждать по крайней мѣрѣ, что Греки перенесли на эту страну названіе первобытнаго жилища своихъ предковъ, вслѣдствіе грубости и примитивности религиозныхъ культовъ, найденныхъ въ этой странѣ и напоминавшихъ ихъ собственныя древнѣйшія преданія ¹⁾. Затѣмъ мы оставляли совершенно въ сторонѣ новѣйшія этнографическія данныя, которыя указываютъ несомнѣннымъ образомъ, что воровство считается и до сихъ поръ многими народами дѣломъ прекраснымъ ²⁾.

¹⁾ Относительно связи Ликии съ древнѣйшими культами Греціи ср. *Кондакова: Памятникъ Гарпій изъ Малой Азіи и символика греческаго искусства, Одесса, 1873 г., стр. 31 слл.*

²⁾ См. напримѣръ статью *Эдуарда Тэйлора* «Первобытное общество» въ журналѣ *«Знание»*, 1873 г., № VIII, стр. 118 слл., гдѣ особенно удаченъ такого рода примѣръ: «Англійское правительство недавно занято было прекращеніемъ преступныхъ дѣйствій влановъ или кастъ Британской Индіи, которымъ ихъ нравственныя правила, безъ сомнѣнія, кажутся весьма доблестными, но въ глазахъ правительственной власти представляются несовѣстными съ благосостои-

Тѣмъ не менѣе, довольствуясь даже очень не многими данными, мы могли уже заключить, что обманъ, воровство и даже разбой не только не должны считаться элементомъ противонаравственнымъ, но напротивъ — дѣломъ, игравшимъ когда-то замѣчательную роль въ кодексѣ нравственности. Идя такимъ образомъ далѣе, т. е., слѣдя за безнравственными, повидимому, мотивами мнѣювъ и стараясь, при этомъ, опредѣлять ихъ значеніе въ исторіи развитія нравственности, мы дойдемъ до вопроса о значеніи убійства, примѣрами котораго такъ богаты мнѣи. Не желая вдаваться въ разсмотрѣніе этого вопроса въ его общности, я ссылаюсь на упомянутое сочиненіе Тэйлора: „Первобытное общество“. Приведа нѣсколько примѣровъ не только позволительности, но даже и похвальности убійства, Тэйлоръ доказываетъ, что первоначально, если убійство въ своей средѣ и воспрещалось, то только потому, что всякое, даже самое дикое племя уничтожилось бы и распалось, если бы позволило своимъ членамъ убивать безъ разбора своихъ собственныхъ соплеменниковъ ¹⁾. „Если бы“, продолжаетъ Тэйлоръ, „законъ о человѣкоубійствѣ у дикихъ расъ представлялъ хотя намекъ на безусловный принципъ, запрещающій убійство человѣка потому, что онъ человѣкъ; если бы онъ выказывалъ какой бы то ни было признакъ, по которому его можно было бы счесть выродившимся остаткомъ общаго закона противъ человѣкоубійства: тогда интуитивная школа моралистовъ имѣла бы въ немъ сильный доводъ въ свою пользу“ (утверждая безнравствен-

ніемъ общества. Одинъ изъ этихъ клановъ, Цака Кайль (Zaka Khail), въ сѣверо-западной Индіи, занимается по ночамъ подкапываніемъ стѣнъ жилищъ и жилищъ съ цѣлю грабежа. Когда у нихъ рождается мальчикъ, то кланы посвящаютъ его будущей специальности посредствомъ слѣдующей любопытной символической церемоніи: они проносятъ ребенка три 'раза черезъ отверстіе, проделанное въ стѣнѣ дома, приговаривая: «Г'халъ Шахъ!», то-есть, «Да будешь ты воромъ!»

¹⁾ Къ числу примѣровъ о позволительности у дикарей убійства слѣдуетъ присоединить и прежнее вѣрованіе одного бенгальскаго клана, что тотъ будетъ на томъ свѣтѣ счастливѣе всѣхъ, кто успѣлъ на этомъ свѣтѣ совершить побольше убійствъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ самый народъ считалъ въ прежнее время ловкое воровство высочайшимъ искусствомъ; теперь воровство (конечно, если оно совершено въ своемъ племени) наказывается у него лишеніемъ свободы. См. *Beschreibende Ethnologie Bengalens aus officiellen Documenten zusammengestellt von Colonel Dalton, deutsch bearbeitet von Oscar Flex in Zeitschrift für Ethnol.* V (1873), стр. 208.

ность челоѡкоубійства, какъ факта самого по себѣ ¹⁾). Но на самомъ-то дѣлѣ подобныхъ признаковъ не оказывается.

Не останавливаясь болѣе на этическомъ значеніи убійства самого по себѣ, на сколько оно мыслимо внѣ зависимости отъ разныхъ условій, мы обратимся теперь къ болѣе опредѣленнымъ вопросамъ: какое значеніе имѣло первоначальное убійство, совершаемое въ своей собственной семьѣ, и затѣмъ, какое значеніе слѣдуетъ признать въ особенности за дѣтоубійствомъ. Это послѣднее насъ интересуетъ преимущественно потому, что, какъ увидимъ, существуютъ нѣкоторыя причины, заставляющія полагать, что началомъ каннибализма было убиваніе и пожираніе челоѡкомъ собственныхъ дѣтей.

Тэйлоръ утверждаетъ, что убійство, совершаемое въ своей средѣ, у всѣхъ народовъ считается преступленіемъ и большею частью подвергается строгому наказанію. Но это оказывается не безусловно справедливымъ. Мы знаемъ, что у нѣкоторыхъ народовъ позволительно убивать своихъ женъ и дѣтей. У иныхъ же, какъ увидимъ, обычай требовалъ пожиранія жены вмѣстѣ съ дѣтьми, которыхъ она родила сверхъ опредѣленнаго количества. Мы знаемъ также, что умерщвленіе состарѣвшихъ родителей до сихъ поръ считается у нѣкоторыхъ дикарей долгомъ, и это они считаютъ, быть можетъ, своего рода нравственностью, ибо другіе кочующіе народы, не желающіе или не имѣющіе возможности заботиться о пропитаніи дряхлыхъ стариковъ, оставляютъ ихъ совершенно на произволъ судьбы, обрекая ихъ, такимъ образомъ, на голодную смерть или на съѣденіе дикимъ животнымъ. Еще дальнѣйшимъ шагомъ на этомъ пути представляются тѣ случаи, когда любовь къ старику-родителю, не довольствуясь его убіеніемъ, заставляетъ родственниковъ съѣдать его невкусное мясо. Въ виду чрезвычайнаго множества подобныхъ фактовъ, уже Яковъ Гриммъ говоритъ: „Жизнь безъ здоровья тѣла и безъ власти надъ его членами представлялась вполне ничтожною въ глазахъ языческихъ народовъ [между прочимъ, и древнихъ Германцевъ]. Поэтому, считалось похвальнымъ (*recht*) бросать слабыхъ дѣтей, умерщвлять неизлѣчимо больныхъ и освобождать ихъ, такимъ образомъ, отъ продолжительныхъ страданій. Отсюда вытекало и такое презрѣніе къ безсильному старчеству, которое должно бы намъ казаться особенно варварскимъ, еслибы не оказывалось, что оно совпа-

¹⁾ Въ указ. журн., стр. 116.

дало съ желаніемъ и понятіями самихъ стариковъ, предаваемыхъ смерти. Считалось желательнымъ умереть въ полномъ сознаніи послѣдней силы, пока человѣкомъ не овладѣваетъ совершенное безсиліе. Подобнымъ образомъ и мы прославляемъ воина, который падаетъ въ бою, вмѣсто того, чтобы умереть отъ болѣзни" ¹⁾).

Очевидно, что уже и эти факты значительно противорѣчатъ предположенію о не позволительности убійства въ своей средѣ. Но аргументъ, что позволительность его должна бы повлечь за собою распаденіе и исчезновеніе общества, оказывается окончательно несостоятельнымъ въ виду фактически существовавшего и до сихъ поръ существующаго права отца располагать жизнью новорожденныхъ дѣтей совершенно произвольно ²⁾). Ко всему этому слѣдуетъ еще замѣтить, что если у теперешнихъ народовъ позволительность убійства оказывается дѣйствительно ограниченою, то изъ этого нельзя еще дѣлать прямого вывода о подобномъ состояніи первобытнаго человѣчества, отъ котораго, слѣдуетъ полагать, значительно ушли впередъ даже самыя дикіе народы теперешнихъ временъ. Сохранившіеся въ мѣстахъ слѣды первобытной грубости указываютъ намъ на такое состояніе человѣчества, въ которомъ не существовало ни малѣйшаго понятія о преступности какого бы то ни было убійства. Поэтому придется признать, что въ самомъ человѣкѣ есть множество данныхъ и въ окружающей его природѣ множество условій, гарантирующихъ существованіе человѣчества даже и при воплѣ безусловной позволительности убійства. При этомъ не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что животныя чрезвычайно рѣдко бываютъ способны загрызть другое животное той же породы; что они только въ очень исключительныхъ случаяхъ умерщвляютъ своихъ дѣтенышей, и что, напротивъ, міръ животныхъ изобилуетъ примѣрами самой нѣжной привязанности другъ къ другу. Нѣтъ причины отрицать существованіе подобныхъ условій и въ первобытномъ человѣчествѣ, такъ что представляется возможность вдуматься въ такое состояніе общества, въ которомъ

¹⁾ Grimm, D. Alterth., стр. 486.

²⁾ J. Grimm, D. A., стр. 455: das erste und älteste recht des Vaters äussert sich gleich bei der geburt des Kindes, er kann es aufnehmen (tollere, ἀναρρεῖσθαι), oder anssetzen (exponere [ἐκτιθέναι])... von aussetzung der Kinder sind alle sagen voll, nicht allein deutsche, auch römische, griechische und des ganzen morgenlands. es lässt sich nicht zweifeln, dass diese grausame Sitte in der rohheit des heidenthums rechtlich war.

убійство, особенно же родственниковъ, требуя значительной энергіи, могло даже считаться громаднѣмъ подвигомъ, достойнѣмъ удивленія.

Если обратимся къ греческимъ мифамъ, то тамъ мы именно найдемъ слѣды подобнаго состоянія общества, особенно въ тѣхъ мифахъ, въ которыхъ умерщвленіе ребенка мотивируется опасеніемъ, чтобы онъ, выросши, не убилъ отца или не лишилъ его престола. Для дальнѣйшаго поясненія служатъ примѣрами: Кропосъ, оскотившій своего отца Урана и овладѣвшій его престоломъ; затѣмъ Зевсъ, который, низвергнувъ Кроноса, беретъ себѣ въ жены его супругу Рею (свою собственную мать), и, наконецъ, Эдипъ, убивающій своего отца Лая и женящійся на своей матери Эпикастѣ или Іокастѣ ¹⁾. Изъ такихъ данныхъ мы должны заключить, что даже отцеубійство нѣкогда было нравственнымъ подвигомъ, и то единственно потому, что въ немъ проявлялось, по тогдашнимъ грубымъ понятіямъ, особенное геройство. Дѣйствительно, въ виду того, что отецъ могъ располагать жизнью сына совершенно произвольно; въ виду вытекающаго отсюда рабскаго положенія послѣдняго, удержавшагося въ Греціи и особенно въ Римѣ до значительно позднихъ историческихъ временъ, можно объяснить смѣлость — рѣшиться на отцеубійство и посредствомъ выполненія этой мысли овладѣть достояніемъ и властью отца, но прежде всего его женою или женами, такъ какъ мать семейства считалась, должно быть, символомъ отцовской власти. Извѣстно, что и до сихъ поръ у многихъ народовъ жена или весь гаремъ отца переходятъ послѣ смерти послѣдняго во власть сына ²⁾.

¹⁾ Что Эдипъ совершаетъ все это въ невѣдѣніи, это, очевидно, принадлежность поздней редакціи (тригиковъ), въ которой дошло до насъ сказаніе. Въ древнѣйшемъ указаніи, *Odys.* XI, 271 слл., гдѣ говорится (не безъ нравственно-тенденціознаго оттенка) о «красивой Эпикастѣ»,

ἦ μέγα ἔργον ἔρετον ἀϊδραίησι νόστοι,
ὑψιμαίνῃ φ' οἰεῖ,

въ, однако, ни малѣйшаго намека на такое невѣдѣніе со стороны Эдипа; напротивъ, изъ него легче заключить о противоположномъ.

²⁾ См., между прочимъ, приведенное уже выше описаніе бенгальскихъ народовъ Далътона въ *Zeitschr. f. Ethnol.* V, стр. 189 и 200. На счетъ наследственности гарема у древнихъ Евреевъ см. *Ghillany*, въ указ. м. прим. 3;— у Персовъ—*Fr. Spiegel*, *Eranische Alterthumskunde*, II (1873), стр. 306, ср. 315. Сравни также и сомнительныя указанія въ назв. соч. *Валлофена*, въ аравитномъ указателѣ подъ словомъ *Mutterbegattung*; между прочимъ, онъ ссылается и на *Cl. Alex.*, *Paedag.* I, 7, 55 (изд. Поттера, стр. 131) и *Strom.* III, 2, 11 (стр. 515)!

Обращаясь къ гомеровскимъ пѣснямъ, мы находимъ въ нихъ отчасти подтвержденіе тому, что убійство не считалось дѣломъ постыднымъ и преступнымъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно представляется намъ въ настоящее время. Благодаря преимущественно тщательному изслѣдованію Лобска въ его ученомъ трудѣ о греческихъ мистеріяхъ, мы знаемъ, что по древнимъ понятіямъ, отразившимся въ гомеровскихъ пѣняхъ, убійца не нуждался даже въ очищеніи, а платилъ только штрафъ родственникамъ или бѣжалъ отъ ихъ мести ¹⁾. Кромѣ того, изъ описанія, какъ Одиссей умерщвляетъ всѣхъ жениховъ и изъ названія этого поступка „великимъ дѣломъ“ (μέγα ἔργον), мы можемъ заключить, что необходимость мести со стороны родственниковъ, оставалась дѣломъ вполне частнымъ, не мѣшала тогдашнему обществу видѣть въ подобномъ поступкѣ нѣчто, достойное удивленія. Мнѣніе Аллипа, что отсутствіе въ гомеровскихъ пѣняхъ порицательнаго слова для подобныхъ „песлыханныхъ преступленій“ доказываетъ будто бы ихъ небывалость и крайнее осужденіе обществомъ, свидѣтельствуется только о необычайной наивности этого ученаго ²⁾. Изъ

¹⁾ *Lobbeck, Aglaophamus*, стр. 300: [haruspicum] non nomina solum sed artem quoque ignorat Homerus, plurima domesticarum caedium exempla proferens, expiationis nullum. Neque id inobservatum priscis magistris; Schol Venet. XI, 680: παρ' Ὀμήρῳ οὐκ οἶδαμεν φονέα καθαιρόμενον, ἀλλὰ ἀντιτίθοντα ἢ φραγευόμενον... Стр. 301: Heroico enim aevo (слѣдуетъ понимать: въ гомеровскихъ пѣняхъ), quicumque tale facinus (убійство) in se admiserant, aut «exilium dira poenam pro caede luebant» aut culpam pretio redimebant; cuius generis ille (Homerus) multos inducit et domi cum civibus et foris cum hospitibus impune innoxieque conversantes, quod fieri nullo modo potuisset, si jam tum viguisset opinio homicidarum interventu deorum religiones et hominum coetus contaminari, omniumque rerum exitus vitari, aut si creditum esset illud quod Plato populo assensus sanxit: ὁ θανατωθεὶς βιαίως θυμοῦται τε τῷ δράσαντι καὶ τὸν ἑαυτοῦ φονέα δειραίνει καὶ ταραττεῖ, Legg. IX, 865 D, sive ut Valerius ait: «Ira manet duratque dolor». Сравни. *Hermann, Gottesd. Alterth.* § 23, прим. 20. Объ очищеніяхъ Аполлонова культа, насколько они затрогиваютъ нашъ вопросъ, см. тамъ же § 5, прим. 2 (2-е изд.).

²⁾ *I. H. Th. Allihn, De idea justi qualis fuerit apud Homerum et Hesiodum ac quomodo a Doricensibus veteris et a Pythagora exulta sit*, Diss. inaug. (1847), стр. 22. Saepe adeo singularis vox ad *inauditum* aliquod *scelus* accuratius significandum deesse videbatur, quapropter vox σχέτιος, Od. XXII, 15 [гдѣ это слово вовсе не встрѣчается] sensu malo haud raro usurpatur. De Oedipi autem matre poeta dicit: ἢ [ἢ] μέγα ἔργον ἔρεξεν ἀϊδρείῃσι [ἀϊδρείῃσι] νόοιο. Qua mente etiam Eupheithes senex caedem omnium procorum ab Ulysse factam μέγα ἔργον appellat. Od. XXIV, 426. При этомъ онъ не указываетъ на мѣсто, несравненно больше доказывающее въ его пользу, именно, гдѣ говорится объ Эгистѣ, что трупъ его, брошенный

приведенныхъ имъ примѣровъ, ровно ничею не доказывающихъ въ пользу его мнѣнiя, особенно неудачно указанiе именно на то мѣсто Одиссеи, гдѣ отецъ одного изъ убитыхъ жениховъ въ своемъ воззванiи къ мести называетъ поступокъ Одиссея, между прочимъ, „великимъ дѣломъ“. Аллинъ забываетъ, что въ другомъ мѣстѣ тотъ же поступокъ именуется точно такъ же при совершенно противоположныхъ условiяхъ, а именно, гдѣ описывается, какъ преданная Одиссею семейству Эвриклiя приходитъ въ восторгъ, увидавъ трупы жениховъ. „Она застала Одиссея окруженнаго трупами убитыхъ, замараннаго кровью и пылью, и похожаго на льва, который (гордо) идетъ, пожравши быка; вся грудь и обѣ щеки у него (то-есть, льва) окровавлены, и страшно взглянуть ему въ лицо! Такъ и у Одиссея руки и ноги были сверху замараны кровью. Она же, увидавъ трупы и жестокость крови, громко заливовала: ибо увидала огромное дѣло“¹⁾. Вотъ какъ смотрѣлъ народъ на подобный поступокъ.

на сѣжденiе животнымъ, никѣмъ не былъ оплакиваемъ, потому что онъ (Эгистъ) задумалъ (и исполнилъ) очень великое дѣло. *Odysss.* III, 261:

... μάλα γάρ μέγα μήσατο ἔργον.

Въ этомъ мѣстѣ, какъ и въ словихъ Эвнейта, *Odysss.* XXIV, 426:

... ἡ μέγα ἔργον ἀνὴρ ὃ γε μήσατ' Ἀχαιοῖς,

Амеисъ считаетъ необходимымъ переводить μέγα ἔργον: eine gewaltige, schreckliche That. Но тутъ эти слова означаютъ собственно только: *огромное дѣло*; настоящее же указанiе на *враждебность* поступка слѣдуетъ усматривать въ глаголѣ μήδομαι, которое подобно μηχανάομαι употреблялось, большею частью, въ *дурномъ* смыслѣ.

¹⁾ *Odysss.* XXII, 401:

εὔρεν ἔπειτ' Ὀδυσῆα μετὰ κταμένοισι νέκυσι
αἵματι καὶ λούθρῳ πεπαλαγμένον ὡς τε λέοντα,
ὅς ῥά τε βεβρωκὼς βοὸς ἔρχεται ἀγραύλοιο·
πάν δ' ἄρα οἱ στήθος τε παρήϊά τ' ἀμφοτέρωθεν
αἵματόεντα πέλει, δεινὸς δ' εἰς ὧπα ἰθέσθαι·
ὡς Ὀδυσσεὺς πεπάλακτο πόδας καὶ χεῖρας ὑπερθεύ.
ἡ δ' ὡς οὖν νέκυιάς τε καὶ ἀσπετον εἶσιδεν αἶμα,
ἰθυσέν ῥ' ὀλολόξαι, ἔπει μέγα εἶσιδεν ἔργον.

Что ὀλολόξειν здѣсь означаетъ «громко ликовать», это мы видимъ изъ слѣдующихъ затѣмъ словъ Одиссея, высказывающихъ, впрочемъ, уже несравненно болѣе развитый взглядъ на убійство:

«ἐν θυμῷ, γρηῷ, χαῖρε, καὶ ἴσχεο μὴδ' ὀλολόξει·
οὐχ ὀσίη κταμένοισιν ἐπ' ἀνδράσιν εὐχετάσθαι.
τοῦσδε δὲ μοῖρ' ἐδάμασσε θεῶν καὶ σχέτλια ἔργα» κ. т. л.

Такимъ образомъ, единственнымъ обстоятельствомъ, могущимъ вызвать наказаніе за убійство, является первоначально только месть родственниковъ. Лишь благодаря тому, что съ этой стороны убійство подвергалось преслѣдованію, оно могло съ теченіемъ времени получить характеръ дѣла преступнаго. Но слѣды первоначальнаго значенія убійства сохранились даже до позднихъ, историческихъ временъ Греціи, когда оно уже давно стало считаться преступленіемъ, *оскверняющимъ* челоуѣка. Въ Атіиѣ право судебного преслѣдованія за убійство имѣли только родственники и домочадцы, въ объясненіе чего уже Отфридъ Мюллеръ остроумно замѣчаетъ: „Всякое преслѣдованіе убійцы всегда вытекало лишь изъ обязанности (родственниковъ) отомстить за смерть убитаго“ ¹⁾. Если не было людей, имѣющихъ право жаловаться на убійство, то убійца не могъ быть наказанъ. Принципъ мести, который намъ кажется столь неблаговиднымъ, ложится, такимъ образомъ, въ основаніе идеи справедливости. Законодатели, руководясь нравственными мотивами своей среды, признаютъ святость мести и ограждаютъ ее законами, которые, вслѣдствіе этого, сами получаютъ въ глазахъ народа особенную санкцію (сравн. французское: *vengeance des loıs*). Вотъ какимъ путемъ выработалось, наконецъ, и самое идеальное пониманіе справедливости: *fiat justitia, percat mundus*.

¹⁾ К. О. Müller. Aesch. Eumeniden, стр. 126: Die gerichtliche Verfolgung des Mörders konnte durchaus nicht stattfinden, ohne dass die, welche sie übernehmen wollten, schwuren, dass der Ermordete ihr Angehöriger sei. Sklaven des Hauses wurden hierbei mit zur Familie gerechnet... Kommen Fälle vor, welche gegen diese Regel zu sprechen scheinen, so kann man gewiss sein, dass ein gewissenhafter Ausleger alter Bräuche und Gesetze die Verfolgung für widerrechtlich erklärt haben würde. Ein solcher gestattete selbst in dem Fall, wo ein Hausgenosse ermordet worden, der weder Verwandter noch Knecht des Hausherrn war, dem Letztern nur bei der Bestattung einen Speer auf's Grab zu stecken, und die Ermordung am Grabe zu verkünden, damit der zur Blutrache Berechtete und Verpflichtete herbeikommen und den Speer—das Symbol der Verfolgung des Mörders—aufnehmen möge. *Alle Verfolgung des Mörders wird also fortwährend aus der Pflicht der Rache gegen den Ermordeten abgeleitet.* Сравн. К. F. Hermann. Griech. Staatsalterthümer, § 104: [Die Gesetze Drakon's über Tödtungen] behielten unsomemr ihre Gültigkeit als Drakon selbst hier nur *uraltte durch Religion und Gewohnheit geheiligte Rechte* aufgezeichnet hatte, welchen deshalb auch später unter allen Veränderungen *das eigenthümliche Gepräge ihrer Entstehungszeit* unangetastet verblieb. So beschränkte sich das Recht und die Pflicht, einen Todtschläger gerichtlich zu verfolgen, fortwährend auf des Getödteten nähere Angehörige, und *fiel weg, wenn der Kläger auf seine Rache verzichtete* oder der Getödtete selbst vor seinem Ende dem Mörder verziehen hatte.

Есть, конечно, люди, которые и тутъ стараются извратить факты въ пользу своихъ интуитивныхъ теорій: вслѣдствіе невниманія къ законамъ естественнаго развитія, они считаютъ нужнымъ „оправдывать“ аттическихъ законодателей, утверждая, что они руководствовались соображеніемъ о бесполезности наказанія людей, на которыхъ никто не жаловался. Странно: въ оправданіе чисто нравственнаго мотива они указываютъ, такимъ образомъ, на принципъ чрезвычайно сомнительнаго достоинства въ нравственномъ отношеніи,—на принципъ бесполезности наказанія! Лучше бы ужъ сослаться въ такомъ случаѣ на нѣкоторыя данныя въ аттическомъ законодательствѣ, по которымъ будто бы людямъ, и не принадлежавшимъ къ семейству убитаго, предоставлялась возможность жаловаться на убійцу¹⁾.

Итакъ мы видимъ, что найденныя нами въ миоахъ указанія относительно первоначальнаго значенія убійства не только не опровергаются историческими данными, а напротивъ, находятъ въ нихъ свое подтвержденіе. При этомъ для исторіи этики обнаруживается еще одно важное обстоятельство, на которое слѣдуетъ указать хоть мимоходомъ. Въ древнѣйшихъ миоахъ убійство, какъ мы видѣли, не представляется дѣломъ преступнымъ, и единственнымъ мотивомъ, могущимъ вызвать преслѣдованіе убійцы, является *месть*. Эта послѣдняя становится, такимъ образомъ, чрезвычайно важнымъ факторомъ въ развитіи нравственности. Съ теченіемъ времени она получаетъ характеръ священнаго долга и оставляетъ затѣмъ явные слѣды своего вліянія даже на позднѣйшемъ законодательствѣ. Но, чтобы достигъ такого громаднаго значенія, само это чувство должно было постепенно развиваться, ибо, мы не имѣемъ никакого основанія полагать, что съ древнѣйшихъ поръ оно было присуще человѣческой природѣ въ столь замѣчательной степени. Поэтому все, что могло развить въ человѣкѣ это чувство; все, что въ немъ усиливало жажду мести, становится въ нашихъ глазахъ необходимымъ условіемъ для развитія нравственности. Даже самая неблагоприятная на первый взглядъ жестокость получаетъ, такимъ образомъ, важное этическое значеніе, заставляющее

¹⁾ См. *Schömann*, Gr. Alterth. I, стр. 495 (3-е изд.): aber das attische Recht gewährte ausserdem (то-есть, помимо Аргонага и Эстонага, принимавшихъ жалобы только отъ родственниковъ и домочадцевъ) auch noch andere Mittel, einen Mörder zur Strafe zu ziehen, die von jedem vollberechtigten Bürger, nicht blos von den Angehörigen des Ermordeten in Anwendung gebracht werden konnten. Сравн. что говорить К. О. Мюллеръ въ предъидущемъ примѣч.

насъ смотрѣть иными глазами, между прочимъ, и на существующее до сихъ поръ систематическое приучиваніе къ жестокости у нѣкоторыхъ дикарей, которые заставляють своихъ жепъ и дѣтей истязать плѣнныхъ враговъ самыми мучительными способами. Съ другой стороны, вдумавшись въ настоящее значеніе первыхъ порывовъ мести, добытыхъ путемъ такихъ истязаній, мы поймемъ, какой громадный подвижъ въ исторіи нравственности представляютъ нѣкоторые примѣры мести, встрѣчающіеся въ мифахъ, на примѣръ, въ разказѣ о жестокостномъ обращеніи Ахилла съ мертвымъ тѣломъ Гектора,—разказѣ, напоминающемъ намъ извѣстный обычай кроваваго мщенія (Blutrache).

Не считая однако умѣстнымъ останавливаться на всѣхъ затронутыхъ здѣсь вопросахъ, я долженъ довольствоваться сдѣланными мною немногими указаніями, изъ которыхъ все-таки, надѣюсь, уясняется какой драгоцѣнный матеріалъ даютъ мнѣ для исторіи нравственнаго развитія.

Л. Воеводскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

БИБЛИОГРАФІЯ.

C. Lucilli saturarum reliquiae. Emendavit et adnotavit Lucianus Mueller. Accedunt Acci (praeter scaenica) et Suel carminum reliquiae. Lipsiae in aedibus B. G. Teubner.

Благодаря трудамъ Лахмана, Ричля, Моммзена, Корсена, Бергка и другихъ, теперь все ревностнѣе и успѣшнѣе стали заниматься латинскимъ языкомъ и его исторіею, такъ что можно надѣяться, что уже не далеко то время, когда возможно будетъ приступить и къ составленію полной исторической грамматики латинскаго языка. Теперь начали уже понимать, что вѣрнѣхъ и надежнѣхъ результатовъ на этомъ поприщѣ можно будетъ достигнуть только тогда, когда еще разъ изучать въ точности всѣ источники, изслѣдуютъ по рукописнымъ основамъ всѣ тексты и издадутъ ихъ въ такомъ видѣ, что каждый, желающій самостоятельно заниматься какимъ-нибудь вопросомъ, будетъ имѣть возможность убѣдиться, почему такъ, а не иначе читается въ текстѣ извѣстное мѣсто или выраженіе. Особенно много сдѣлано по части древней латыни съ пятидесятихъ годовъ и, если не принимать въ разчетъ еще не оконченные и все вновь возбуждаемые споры о Плавтѣ, то всѣ авторы и источники времени, предшествовавшихъ классическому періоду, издавы цѣлымъ рядомъ ученыхъ, съ Ричлемъ во главѣ, и изданія эти снабжены чтеніями всѣхъ главныхъ рукописей, за исключеніемъ Луциліи. Авторъ этотъ въ изданіи Л. Миллера, явился накопецъ въ такомъ видѣ, что съ трудомъ узнаешь его въ прежнихъ изданіяхъ, которыя уже не могли болѣе удовлетворить теперешнимъ потребностямъ науки и при томъ только два изъ нихъ находились въ продажѣ: 1) изданіе Корне (Corpet, Paris, 1845), помещенное въ Папковомъ извѣстномъ собраніи латинскихъ писателей, съ французскимъ переводомъ, и 2) из-

даніе Герлаха, явившееся въ Цюрихѣ въ 1846 году. Оба они пахотятся еще въ полной зависимости отъ устарѣвшихъ въ настоящее время воззрѣній и явно доказываютъ только то, что въ сороковыхъ годахъ еще рано было приниматься за изданія отрывковъ такого автора, какъ Луцілій. Подобная задача могла быть выполнена только послѣ важныхъ изслѣдованій и тѣхъ несомнѣнныхъ результатовъ по древнелатинскому языку, которые достигнуты трудами выше названныхъ ученыхъ. При томъ же, въ изданіяхъ Корпе и Герлаха находится мало такого, что не было бы заимствовано изъ стариннаго изданія Дузы, и они вовсе не отличаются тою блестящею *дисциплиною*, которою изданіе 16-го столѣтія выставило себя въ столь благовидномъ свѣтѣ.

Кромѣ того, изданія Корпе и Герлаха страдаютъ такимъ недостаткомъ, при которомъ даже и съ помощью остроумнѣйшихъ соображеній нельзя достигнуть вѣрныхъ результатовъ, а именно, Корпе только поверхностно, Герлахъ же и совсѣмъ не указываетъ, *почему* извѣстный отрывокъ цитируется какимъ-нибудь авторомъ; оба издателя вовсе не задаютъ себѣ подобнаго вопроса и поэтому лишаютъ себя одного изъ самыхъ важныхъ средствъ къ вѣрному установленію текста. Къ этому приходится еще и то обстоятельство, что изданіе Корпе, какъ и вообще собраніе Пацкука, почти не снабжено рукописнымъ аппаратомъ и не даетъ читателю возможности провѣрить трудъ издателя; а изданіемъ Герлаха можно пользоваться только вмѣстѣ съ его Ноніемъ, на котораго онъ постоянно ссылается. При этомъ мы уже не говоримъ о затрудненіяхъ, причиняемыхъ читателю множествомъ опечатокъ.

Наконецъ, у обоихъ названныхъ ученыхъ недостаетъ — впрочемъ, у Корпе въ меньшей мѣрѣ, — знанія метрики. Въ настоящее время цюрихское изданіе еще къ чему нибудь полезно своими *Quaestiones Lucilianae* (р. I — CLIV), такъ какъ въ нихъ затронуты нѣкоторые такіе вопросы, которые г. Миллеромъ оставлены въ сторонѣ. Лежащій передъ нами Луцілій, въ изданіи г. Миллера, отличается въ особенности тѣмъ, что даетъ со всевозможною полнотою рукописный матеріалъ, собранный, повидимому, съ большимъ трудомъ, вслѣдствіе чего будущему изслѣдователю становится возможнымъ приступить къ цѣлому ряду изслѣдованій, о которыхъ до сихъ поръ нельзя было и думать. Къ этому присоединяется и то, что г. Миллеръ, слѣдуя извѣстному совѣту Горация: *si quid scripseris—nonum—prematuro in annum membranis intus positus*, собирая въ продолженіе многихъ лѣтъ мате-

ріалъ, сдѣлалъ множество предварительныхъ изслѣдованій, которыхъ до него никто и не касался. Прежде всего онъ предпринялъ проложившее новые пути изслѣдованіе о метрахъ у латинскихъ поэтовъ, изложенное въ извѣстной книгѣ: „De re metrica poetarum Latinarum. Lipsiae, 1861“, въ которой онъ (особенно стр. 70 sqq., 375 sqq.) во многихъ мѣстахъ ¹⁾ излагаетъ размѣры, употребляемые и Луциліемъ.

Далѣе, г. Миллеръ въ своемъ трудѣ постоянно указываетъ издателямъ отрывковъ, приводимыхъ различными авторами, на необходимость не ограничиваться только внимательнымъ изученіемъ одного текста этихъ отрывковъ, но прежде всего ознакомиться съ привычками самихъ писателей, ихъ особенностями, источниками, и проч.; онъ уже не разъ говорилъ, что изданіе отрывковъ изъ комиковъ и трагиковъ, выполненное Риббекомъ, не поставившимъ себѣ подобной задачи, отличается значительными недостатками.

Что касается собственно Луцилія, то г. Миллеръ прежде всего убѣдился въ томъ, что безъ основательнаго изученія различныхъ грамматиковъ, въ особенности Нонія, у котораго сохранилась большая часть отрывковъ изъ Луцилія, невозможно будетъ выполнить предложенную имъ себѣ задачу. Теперь всѣмъ извѣстно, что грамматикъ Ноній, жившій въ III-мъ или IV-мъ столѣтіи по Р. Х., съ одной стороны вполне добросовѣстно пользовался самыми лучшими источниками, съ другой же стороны, онъ былъ чрезвычайно ограниченный ученый, къ которому дѣйствительно можно примѣнить сказанное однажды Липсіемъ на счетъ Свиды, а именно, что его слѣдуетъ назвать *resus*, но *resus augei velleis*. Впрочемъ, здѣсь не мѣсто распространяться объ отдѣльныхъ грамматикахъ и особенно о Ноніѣ; мы повторяемъ только что сказано у г. Миллера въ его *Quaestiones Lucilianarum liber p. XVII*, именно, что писатели, жившіе послѣ Геллія и которыми приводятся отрывки изъ Луцилія, не черпали изъ него самого, а пользовались только обильными изслѣдованіями и матеріаломъ, собраннымъ грамматиками, особенно же тѣми, которые жили или во время Цезаря и Августа, или же въ первомъ столѣтіи императоровъ, а частью, наконецъ, и во времена Фронтоня, когда любовь къ древнимъ латинскимъ писателямъ еще разъ оживилась и усилилась. Намъ завлекло бы слишкомъ далеко и мы были бы принуждены пускаться въ разныя подробности, если бы приня-

¹⁾ Ср. Mueller de re metr. Index, p. 483.

лись указывать на то, какія заключенія г. Миллеръ выводитъ изъ этого факта и на сколько такое убѣжденіе повліяло на установленіе текста отрывковъ Луцілія. Наше намѣреніе и не состоитъ теперь въ томъ, чтобы писать рецензію названной книги, тѣмъ болѣе, что рецензія ея возможна только послѣ многосторонняго и продолжительнаго изученія этого новаго труда. Поэтому мы убѣждены, что нѣкоторые неблагопріятные отзы́вы о ней, помѣщенные въ различныхъ заграничныхъ журналахъ (напримѣръ, въ *Mnesosyne* — Франкеномъ и въ *Rhein. Museum* прошлаго года Риббекомъ etc.), по крайней мѣрѣ, написаны преждевременно и послѣшно, а отчасти и подъ вліяніемъ пристрастныхъ воззрѣній. Впрочемъ, быть можетъ, Риббекъ сдѣлалъ неблагопріятный приговоръ о новомъ трудѣ г. Миллера и потому, что послѣдній въ своей книгѣ, стр. XXX, отозвался о названномъ ученомъ слѣдующимъ игривымъ образомъ: *itaque donec tales errores (какъ, напримѣръ, admiscē etc.) exuerit vir doctissimus, ignoscāt mihi ingenue professo ostreas multo magis quam criticos orae Holsaticae nobis probari.*

Кромѣ текста, въ книгѣ г. Миллера мы находимъ еще слѣдующія прибавленія: 1) всѣ *testimonia de Lucilio*, встрѣчающіяся у древнихъ; 2) комментарий, въ которомъ авторъ прежде всего защищаетъ установленный имъ текстъ и гдѣ, кромѣ того, находится немало различныхъ соображеній, служащихъ для уясненія дѣла; здѣсь г. Миллеръ могъ бы быть нѣсколько пространнѣе: вѣдь, на этомъ поприщѣ, кажется, еще не мало остается сдѣлать. 3) *Acci (praeter tragoedias) et Suci librorum reliquiae* съ комментариемъ. Что касается этого послѣдняго писателя, то онъ дѣйствительно обязанъ г. Миллеру восстановленіемъ своего имени, такъ какъ г. Миллеръ первый доказалъ въ *Rhein. Museum*, р. 553, что формы *Sucvius* (какъ онъ называется у Макробія) и *Suetius* (у Варрона) не вѣрны (ср. *Lucil.*, ed. *Muell.*, р. 319).— 4) Разнаго рода полные *indices*, благодаря которымъ, всякій, посвятившій себя этимъ занятіямъ, легко можетъ найти все для себя необходимое.

Если вообще мы должны высказать какое-нибудь сужденіе о книгѣ г. Миллера, то не можемъ не замѣтить, что ожиданія, питаемыя столь продолжительное время многими, сбылись вполне. Дѣйствительно, даже если и не соглашаться съ нѣкоторыми подробностями, гдѣ такъ много зависитъ отъ догадки; даже если многія мѣста будутъ писать, быть можетъ, иначе и вѣрнѣе, чѣмъ написалъ ихъ г. Миллеръ, — то все-таки нельзя сомнѣваться въ томъ, что г.

Миллеръ исполнилъ свою задачу съ полнымъ знаніемъ дѣла, съ должною добросовѣстностію и остроуміемъ. Кромѣ того, при этомъ не слѣдуетъ забывать еще и того, что критика отрывковъ никогда не будетъ вполне заповѣдана и что часто тотъ или другой результатъ, добытый наукой, влечетъ за собой въ подобныхъ изданіяхъ цѣлый рядъ измѣненій. Мы позволимъ себѣ, наконецъ, высказать надежду, что г. Миллеръ окончитъ скорѣе обѣщанное имъ изданіе Нонія, столь нетерпѣливо ожидаемое учеными.

Э. Вертъ.

Handbuch der römischen Alterthümer von Iochim Marquardt und Theodor Mommsen. Vierter Band. Römische Staatsverwaltung, von I. Marquardt, I. Leipzig. 1873. 8, pp. 523.

И. Марквардтъ и Т. Момзенъ, безъ сомнѣнія, два извѣстнѣйшіе ученые нашего времени, рѣшились совершенно переработать и поставить въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки „*Handbuch der römischen Alterthümer*“, начатый еще въ 1843 году В. Беккеромъ и доведенный до конца И. Марквардтомъ. При этомъ Момзенъ взялся за обработку римскаго государственнаго права, „*das Römische Staatsrecht*“, въ трехъ томахъ, изъ которыхъ первый уже явился въ 1872, а второй обѣщанъ къ Пасхѣ 1874 года; дальнѣйшіе же 3 тома, гдѣ будетъ заключаться *Römische Staatsverwaltung*, то-есть, государственное управленіе, принялъ на себя И. Марквардтъ. Седьмой, заключительный томъ, содержащій „*Privatalterthümer*“ — самыя древности, явится въ прежнемъ не измѣненномъ видѣ, какъ онъ былъ написанъ самимъ же Марквардтомъ для перерабатываемаго теперь сочиненія Беккера.

Четвертый томъ, о которомъ собственно идетъ здѣсь рѣчь, представляетъ почти вездѣ вновь переработанный, первый отдѣлъ третьей части „Руководства Беккера“, вышедшаго въ свѣтъ въ 1851 году; въ немъ разсматриваются Италия и провинціи. Въ высшей степени важно то обстоятельство, что для уразумѣнія государственнаго строя при концѣ республики и при первыхъ императорахъ нужно было воспользоваться здѣсь результатами, основанными на надписяхъ (эпиграфика), которыми столь богата Италия и провинціи и которые такъ отлично сортированы и съ такимъ знаніемъ дѣла уяснены въ сборникѣ Ваддингтона и Момзена. Кромѣ того, сюда же вошли и труды дру-

гихъ ученыхъ, особенно E. Kuhn's „Städtische und bürgerliche Verfassung des Römischen Reiches bis auf die Zeiten Justinians“, Leipzig, 1864—65; затѣмъ, Grotefend's „Imperium Romanum tributum descriptum“, 1863, A. W. Zumpt's „Epigraphische Abhandlungen“ и другіе. На сколько вслѣдствіе всего этого увеличился уже одинъ только внѣшній объемъ книги, можно заключить изъ того, что 388 страницъ перваго изданія возросли во второмъ до 523 страницъ. Разумѣется, что при изложениіи организаціи римскаго государства, во времена его наибольшаго территоріальнаго разширенія, необходимо было отдѣлить, какъ главные части, Италію и римскія провинціи. Далѣе, относительно самой Италіи нужно различать три періода, изъ которыхъ первый начинается постепеннымъ подчиненіемъ италіанскихъ народностей; второй — *lex Julia*, по которому федераціи, оставшіяся до тѣхъ поръ вѣрными союзниками, а именно всѣ латинскіе города Италіи, получили, если они только того хотѣли, право римскаго гражданства; третій періодъ начинается со времени раздѣленія императоромъ Августомъ Италіи на провинціи. Общій характеръ этихъ трехъ періодовъ есть прежде всего уничтоженіе противоположностей между Римлянами и вообще Италіанцами съ сохраненіемъ, однакожъ, этого неравенства относительно провинцій; затѣмъ, въ третьемъ періодѣ — постепенный переходъ къ провинціальнымъ учрежденіямъ, вслѣдствіе возникновенія могущества императоровъ, которые сѣмъли все болѣе и болѣе лишать италіанское народонаселеніе принадлежавшаго ему участія въ управленіи. Съ другой стороны, при разсмотрѣніи провинцій,—такъ какъ здѣсь все еще много неясныхъ и разпорѣчивыхъ пунктовъ,—Марквардтъ съ практической цѣлію положилъ себѣ за правило сдѣлать прежде всего, въ географическомъ порядкѣ, статистическій очеркъ, въ которомъ подробно будутъ изложены всѣ внѣшнія событія, время подчиненія провинцій и проч. Затѣмъ во второмъ главнѣйшемъ отдѣлѣ, содержащемъ въ себѣ управленіе провинцій, будетъ представлено, во первыхъ, устройство ихъ вмѣстѣ съ внѣшнимъ, чрезвычайно различнымъ ихъ политическимъ положеніемъ сравнительно съ собственно римскимъ управленіемъ, а во вторыхъ, все касающееся намѣстниковъ — правителей и ихъ служебнаго персонала. Наконецъ, въ послѣднемъ отдѣлѣ будетъ говоритья объ устройствѣ и внутренней организаціи городовъ римскаго государства, именно, двухъ ихъ главнѣйшихъ разрядовъ: 1) городовъ съ учрежденіями подобными римскимъ; 2) колоній и муниципій, а потомъ 3) тѣхъ, которые удержива-

ли отчасти или вполнѣ свои прежнія, не римскія учрежденія, то есть, городовъ свободныхъ, а также провинціальныхъ, подчиненныхъ городовъ.

Мы не можемъ входить здѣсь ближе во всѣ подробности; скажемъ только, что ученія достоинства книги такъ необыкновенны, что многія до этого времени необходимыя монографіи и изслѣдованія становятся теперь вполнѣ уже бесполезны; ихъ выводы, на сколько они вѣрны, занесены въ рассматриваемое нами сочиненіе; выраженные въ нихъ мнѣнія объ отдѣльныхъ спеціальныхъ вопросахъ получаютъ въ общемъ трудѣ Марквардта свою вѣрную оцѣнку и освѣщеніе.

Желательно было бы, чтобъ два еще не вышедшіе тома, которые спеціально будутъ излагать управление финансами, воинскою частью и религіею, не замедлили явиться въ свѣтъ.

М.

W. H. Roscher: Studien zur vergleichenden Mythologie der Griechen und Römer. I. Apollon und Mars. Leipzig, 1873. 8, pp. 93.

Однимъ изъ главнѣйшихъ и важныхъ результатовъ сравнительной филологіи есть, во первыхъ, совершенно доказанное нынѣ близкое родство и коренное единство такъ-называемыхъ индо-европейскихъ народовъ во всей ихъ совокупности и затѣмъ, въ частности, коренное единство и тѣсное родство югозападныхъ европейскихъ группъ въ индоевропейской семьѣ народовъ, составившихся изъ Грековъ, Италіанцевъ и, можетъ быть, Кельтовъ.

Доказательствомъ этому служило до сихъ поръ, почти единственно, неоспоримое и въ настоящее время ни однимъ здравомыслящимъ человѣкомъ не опровергаемое родственное отношеніе языковъ греческаго и латинскаго. Указывать же близкое сходство и въ другихъ отношеніяхъ, какъ, напримѣръ, на очень важной почвѣ мѣровъ, культа и религіозныхъ воззрѣній, еще почти совсѣмъ и не пробовали. Такимъ образомъ, пополненіе этого пробѣла и пролитіе новаго луча свѣта на время прежняго совмѣстнаго существованія разрознившихся впоследствии группъ Грековъ и Италіанцевъ, или, на такъ-называемый греко-латинскій періодъ, и составляетъ задачу, которую предложилъ себѣ авторъ вышешюименованнаго нами сочиненія. Не подлежитъ сомнѣнію, что подобное предпріятіе достойно полной

благодарности и, правильно оцѣненное, уже само въ себѣ заключаетъ награду за трудъ. Но, однакъ, остается сомнительнымъ, устоитъ ли и выдержитъ ли пробу мнѣніе Рошера о первоначальномъ тождествѣ греческаго Аполлона и италійскаго Марса въ виду рѣшительнаго противорѣчія этого мнѣнія со всѣми, существовавшими до сихъ поръ воззрѣніями Грековъ, Римлянъ и новѣйшихъ ученыхъ. Но такъ какъ разборъ этой гипотезы завлекъ бы насъ слишкомъ далеко, а съ другой стороны, такъ какъ разсматриваемое сочиненіе написано старательно и толково и во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія, то всего лучше будетъ, отказавшись отъ собственныхъ замѣчаній, просто изложить тѣ доводы, которые приводятся Рошеромъ въ подтвержденіе его мнѣнія. Онъ изложилъ сходство всѣхъ существенныхъ, встрѣчающихся въ культѣ этихъ обоихъ боговъ воззрѣній и согласныхъ съ ними обычаевъ, при чемъ греческій Аполлонъ, хотя его культъ и мионъ въ историческомъ періодѣ никогда не имѣли вліянія на культъ Марса, вначалѣ былъ тождественъ съ италійскимъ Марсомъ; Аресъ, отождествляемый съ Марсомъ какъ Греками, такъ и самими Римлянами, не былъ національно греческимъ, но оракійскимъ божествомъ. Въ началѣ Марсъ имѣлъ гораздо больше функцій и значенія, чѣмъ приписывается только богу войны, а почти все это согласуется и съ функціями Аполлона. Такимъ образомъ, оба эти бога первоначально были боги солнца съ различными наименованіями, имѣющими въ своемъ корнѣ *lux, luc, leuchten* (Ἀπόλλων *λόχ—Εἰος, λόχ—Αἰος; Mars Leuc—etius, Louc—etius*). Затѣмъ оба они были божествами года, временъ года, мѣсяцевъ. Начало года, — древнеримскій новый годъ, какъ извѣстно, начинался мартомъ мѣсяцемъ, а январь и февраль были только впоследствии прибавлены, — сопровождалось празднествомъ, совершаемымъ у Грековъ въ честь Аполлона, а у Римлянъ—Марса. Затѣмъ оба эти божества были преимущественно божествами *теплыхъ* временъ года и поэтому общіе ихъ праздники приходились на время между мартомъ и октябремъ. Весна была посвящена обоимъ этимъ божествамъ и начало ея праздновалось торжественно, какъ время ихъ рожденія.

Съ другой стороны, оба они суть боги *жаркаго* лѣтнаго времени года и при томъ являются то доброжелательными и благодѣтельными, то карающими и гнѣвными; почему и нужно было умилостивлять ихъ различными молитвами и жертвоприношеніями. Точно такимъ же образомъ Марсъ и Аполлонъ являются божествами предсказаній и оракуловъ. Вѣщій воронъ Аполлона (Aelian. hist. anim, 48) соотвѣтствуетъ Марсову дятлу

(Dionys. Halic. Antiq. Rom. I, 14). Далѣе, Аполлонъ не менѣе, чѣмъ и Марсъ, является богомъ войны, какъ, напримѣръ, у Гомера.

Оба одинаковымъ образомъ считаются родоначальниками племенъ и основателями городовъ и что Магъ Quirinus при основаніи Рима, то Аполлонъ въ сказаніяхъ, касающихся основанія Милета и Кидоніи. Съ этимъ вмѣстѣ находится въ связи ихъ дѣятельность, какъ охранителей и путеvodителей колонистовъ, и слѣды ver застали Италійцевъ встрѣчаются также и въ культѣ Аполлона (Dionys. Halic., A. K. 1, 16. Strabo, p. 250). Наконецъ, оба имѣютъ одинаковые символы: волкъ, ястребъ и лавръ играютъ роль какъ въ культѣ Аполлона, такъ точно и Марса.

М.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНИИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ“

въ 1874 году.

Цѣль изданія „Филологическихъ Записокъ“, какъ мы не разъ заявляли, заключается въ сообщеніи изслѣдованій по языку и литературѣ, сравнительному языковеденію, классической лингвистикѣ и славянскимъ нарѣчіямъ.

Представляя ежегодно рядъ разработанныхъ статей по разнымъ отдѣламъ нашей программы, мы не обинуясь можемъ сказать, что доставили достаточный запасъ матеріаловъ для пособія при преподаваніи не только отечественнаго языка и литературы, но и древнихъ и новыхъ языковъ. Благодаря дѣятельному и живому участию въ трудахъ Редакціи многихъ извѣстныхъ ученыхъ и профессоровъ, мы и въ будущемъ надѣемся также не безплодно служить интересамъ науки и педагогическому дѣлу, по мѣрѣ силъ своихъ и средствъ.

Долгомъ считаемъ довести до свѣдѣнія нашихъ подписчиковъ, что, въ видахъ расширенія и усиленія дѣятельности по изданію, въ настоящее время въ составъ Редакціи мы намѣрены пригласить, въ качествѣ соредактора, нашего постояннаго сотрудника А. Н. Чудинова; такимъ образомъ, съ новыми силами мы будемъ зорче и строже слѣдить за всѣми явленіями языка и литературы.

Извѣстно, что потребность въ филологическомъ и классическомъ образованіи въ настоящее время признава настоятельною не въ однихъ лишь классическихъ гимназіяхъ; реальное образованіе рав-

нымъ образомъ нуждается въ основательномъ и отчетливомъ изученіи отечественнаго языка и литературы, слѣдовательно, тоже не можетъ обойтись безъ филологическихъ требованій. Область обученія одинаково зиждется и здѣсь на началахъ строгой филологіи и историко-сравнительной науки о языкахъ, — въ области изученія старославянскаго и родственныхъ ему языковъ. При такомъ положеніи учебнаго дѣла, изданіе особаго филологическаго органа, полагаемъ, нельзя не считать существеннымъ научно-педагогическимъ пособіемъ.

Но кромѣ того, и всякій образованный человѣкъ, кому не чужда широкая область знанія, кого интересуютъ полныя глубокаго смысла выводы современнаго языкознанія, исторіи литературы, сравнительной мѣологии, народной психологіи, этнологіи и этнографіи, — найдетъ въ нашемъ изданіи, за все время его существованія, обильный матеріалъ для удовлетворенія своей любознательности, а при болѣе серьезныхъ требованіяхъ — разностороннія пособія для научныхъ занятій. Что изданіе наше по возможности удовлетворяетъ требованіямъ той части общества, для которой оно назначается, въ этомъ служатъ намъ ручательствомъ постоянныя наши подписчики, а еще болѣе отзывы ученыхъ учреждений и компетентныхъ лицъ, какъ въ Россіи, такъ и за границей. Вотъ, на примѣръ, одинъ изъ послѣднихъ печатныхъ отзывовъ о нашемъ журналѣ, помѣщенный въ № 254 „Рижскаго Вѣстника“ 1873 года. Авторъ статьи, И. Сербовъ, помѣстивши замѣтку, подъ заглавіемъ „Древне-русскіе азбукovníки и алфавиты“, въ заключеніе говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Приведа эту краткую выдержку изъ весьма любопытной статьи Н. Баталина, помѣщенной въ 3-й кн. „Ф. З.“ за нынѣшній годъ, мы не можемъ не привѣтствовать этого весьма дѣльнаго повременнаго изданія пожеланіемъ ему на будущее время успѣха и надлежащаго роста и расширенія извѣстности въ кругу читателей русской публки. Такое пожеланіе мы признаемъ выраженіемъ долга и признательности въ виду того неутомимаго рвенія къ развитію словесныхъ знаній, съ которымъ г. Хованскій подвизается уже 12 лѣтъ среди почти повсемѣстнаго у насъ филологическаго банкротства. Тѣмъ многовѣснѣе участіе въ серьезномъ изданіи, каковы „Филологическія Записки“, тѣхъ искреннихъ служителей науки, которые охотно вносятъ отъ своихъ трудовъ лепту въ ея сокровищницу. Изъ Прибалтійскаго края имѣетъ редакція въ И. М. Желтовъ хотя и единственнаго, но постоянно и усерднаго сотрудника. Свѣдущій въ языкахъ древнихъ, начитанный въ литературѣ славянскои и вполнѣ владѣющій языкомъ

нѣмецкимъ, этотъ почтенный и скромный дѣятель посвятилъ свой досугъ доставленію въ редакцію Ф. З. перевода извѣстнаго капитальнаго филологическаго труда Гейзе: „Система языковѣдѣнія“. 1-й томъ этого сочиненія изданъ отдѣльною книгой. Вѣроятно, тоже самое будетъ сдѣлано и со второю частью по окончаніи перевода“. Не знаемъ, заслуживаетъ ли наше изданіе такого отзыва, но мы желали бы одного, чтобы большинство спеціалистовъ и просвѣщенныхъ людей обратили свое вниманіе на наше скромное изданіе, — можетъ быть, многимъ еще неизвѣстное, не смотри на то, что оно существуетъ уже *дванадцать* лѣтъ, — и поддержали его своею выпискою.

Для невнакомыхъ съ нашимъ изданіемъ приводимъ оглавленіе статей, помѣщенныхъ на страницахъ Ф. З. за 1873 годъ.

Вотъ перечень этихъ статей:

„Современный взглядъ на сравнительное языковѣдѣніе“ (извлеченіе изъ рѣчи пр. Мейера въ переводѣ съ нѣм.), ст. *И. М. Николаича*. — Его же: „Сопоставленіе формъ въ нѣкоторыхъ словахъ и оборотахъ рѣчи“ (граматич. замѣтки). — „Космогоническій миѳъ“ *Н. И. Карцева*. — Его же: Миеологическіе этюды: I. Біологическіе миѳы и демонологія: 1) душа; 2) болѣзнь; 3) вѣра въ демоновъ. II. Миѳическія представленія о загробной жизни души: 1) вѣра въ переселеніе душъ; 2) загробная жизнь; 3) локалізація загробнаго міра. III. Миеологія магіи: 1) происхожденіе магіи; 2) вѣщее слово; 3) магическій обрядъ. IV. Политеизмъ. V. Индоевропейская миеологія. VI. Рѣчь и миеологія. VII. Миѳъ и религія. — Его же: „Очерки изъ настоящаго и прошедшаго науки о языкѣ“, статья I. — „Народное творчество“, (по поводу Причитаній сѣвернаго края, собранныхъ Барсовымъ) *Н. И. Баталіна*. — Его же: „Древне-русскіе азбуковники“. I. Общій характеръ азбуковниковъ въ XVII в. II. Языковѣдѣніе, граматика, философія, бібліографія. III. Географія, этнографія, исторія, миеологія. IV. Статьи фізіологическаго содержанія. — Его же: „Онежскія былины“, записанныя А. Ф. Гильфердингомъ (бібліографическая замѣтка). — Фонетика Кошубскаго языка“, филологическое изслѣдованіе *П. А. Стремлера*. — „Этнографическій очеркъ Кошубовъ“, *П. А. Лавровскаго*. — „Изъ записокъ по русской граматикѣ“. Введеніе. I. Что такое слово. II. Представленіе и значеніе. III. Различныя понятія о корнѣ слова. IV. Граматическая форма. V. По чемъ узнается присутствіе этой формы въ данномъ словѣ. VI. Формы этимологическія и синтаксическія. VII. Созданіе и разрушеніе граматическихъ формъ. VIII. Граматика и логика. IX. Трудности при опредѣленіи

предложенія и его членовъ. X. Члены предложенія и части рѣчи. *А. А. Потевни*. — Филологическая замѣтка о происхожденіи слова „оселокъ“, *М. М. Шапиро*. — Его же: „Словарь Бѣлорускаго нарѣчія“, сост. Пословичемъ (библіогр. замѣтка). — „Яркіе факты насущной потребности“ (замѣтка по поводу объясненія нѣкоторыхъ словъ въ Словарѣ Церк.-Слав. и Русс. яз.), *В. И. Новиковскаю*. — „Замѣтка по поводу одного неяснаго выраженія Константина Багрянороднаго“ *В. П. Лобанова*. — „Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго и донынѣ“. Филологическія розысканія *Я. К. Грота*, (библіогр. замѣтка) *А. А. Хованскаю*. — „Старо-славянская грамматика. Учебникъ для гимназій“, сост. *М. А. Колосовымъ* (библіограф. замѣтка). — „Скандинавскія народныя пѣсни“ (отрывокъ изъ Сборника Скандинавской поэзіи), (оттуда же): „Очеркъ біографіи Тегнера“ *Я. К. Грота*. — Ученыя извѣстія: „Протоколы засѣданій Спб. Филологическаго Общества“. — „Новости малоизвѣстныхъ иностранныхъ литературъ“, *А. Н. Чудинова*. — „Дѣятели новаго періода Чешской литературы“, *Н. П. Задерацкаю*. — „Система языковѣдѣнія“, Гейзе. Перев. съ нѣм. *И. М. Желтова*.

Въ 1874 году будутъ продолжаться статьи:

А. А. Потевни — „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“.

Н. И. Карѣева — „Міеологическіе этюды“ и „Очерки изъ настоящаго и прошедшаго науки о языкѣ“.

А. Н. Чудинова — „О преподаваніи отечественнаго языка“. Очеркъ исторіи языкознанія въ связи съ исторіей обученія родному языку, съ приложеніемъ бібліограф. указателя.

Его же — „Искусство въ Греціи“, лекціи *И. Тэна* (переводъ).

Его же — „Языки и племена“, изслѣд. *Г. Шаве* (переводъ).

П. А. Стремлера — „Фонетика Кошубскаго языка“.

Вновь будутъ помѣщены:

О. Э. Миллера — „Публичныя лекціи по народной словесности“ (десять лекцій).

Сочиненія *Макса Мюллера* въ переводѣ *А. Н. Чудинова*. Томъ 1-й, содержащій въ себѣ слѣдующія статьи: 1) Сравнительная міеологія, 2) Философія міеологіи, 3) Греческая міеологія, 4) Норманны въ Исландіи, 5) Народныя сказки и преданія, 6) Сказки племени Зулу, 7) Народныя Скандинавскія сказки, 8) Сравнительное изслѣдованіе нравовъ и обычаевъ, 9) Міеическое значеніе касты, 10) Миграція сказокъ, 11) Древнѣйшій манускриптъ Пандитантры, статья *Бенфеа*.

Н. П. Задварацкаго — „Очеркъ библиографіи Чешской литературы съ 1860 по 1873 годъ“.

Сверхъ того намъ обѣщаны и другія статьи.

Уступая просьбамъ желающихъ приобрести Ф. З. за прежніе годы, по пониженной цѣнѣ, Редакція допустила опять временно объявленную прежде уступку, именно 30%, — но только съ 1863 по 1870 г. включительно.

1-й томъ „Сборника классическихъ иностранныхъ произведеній“: „Избранныя произведенія Скандинавской поэзіи“, печатающійся Редакціей, приближается къ концу. Печатаніе этой книги нѣсколько замедлилось по причинѣ особенно тщательной обработки, какой потребовало изданіе. Согласно прежнему нашему заявленію, подписчики будутъ пользоваться уступкой 20%.

„Филологическіи Записки“ издаются въ *Воронежѣ*; выходятъ безсрочными выпусками, — по 6 выпусковъ въ годъ.

Цѣна годовому изданію *шесть* рублей.

Подписка преимущественно принимается въ Редакціи Филологическихъ записокъ въ *Воронежѣ*; желающіе могутъ подписываться также въ столичныхъ и другихъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель—Редакторъ **А. Хованскій.**

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

О сатирахъ Д. Ю. Ювенала. I. С. Опацбаго.

Каннибализмъ въ греческихъ мифахъ (Продолженіе). Л. Ф. Воеводскаго.

Библиографія:

C. Lucilii saturarum reliquiae, emendavit et adnotavit
L. Mueller Э. Верта.

Handbuch der römischen Alterthümer, von *J. Marguardt* und *T. Mommsen*. М.

W. H. Roscher's Studien zur vergleichenden Mithologie Его же.

РЕДАКТОРЪ Е. ФЕОКТИСТОВЪ.

(Вышла 1-го марта).

Учен - За

1865

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич. и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того желающіе могутъ приобретать въ редакціи журналъ Министерства за прежніе годы, платя за полный экземпляръ (12 книжекъ), начиная съ 1869 года, шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала съ 1862 года — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

Р. 51. 31. 10

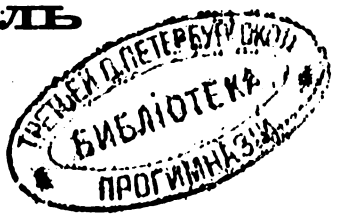
ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АПРѢЛЬ

1874.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXII.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографіи В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49-2.
1874.

Printed in USSR
(Russia)

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

- Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка (Окончаніе) I. I. Первольфа.
- Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII вѣка до учрежденія министерствъ (Продолженіе) М. Ф. Владимірскаго-Буданова.
- Древне-русскія отреченныя вѣрованія и календарь Брюса. I. О. Керенскаго.
- Интернаціональный Институтъ международнаго права въ Генѣ В. П. Безобразова.
- Бритическія и библиографическія замѣтки:**
- Замѣтки по исторической грамматикѣ русскаго языка:
1) очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе. Соч. М. Колосова. Варшава, 1872. 2) Starobulgarská fonologie se stáleм zretelem k jazyku Litevskému. Seřsal dr. Leopold Geitler. v. Praze, 1873. А. А. Потевни.
- Два міра. Лирическая драма А. Н. Майкова. (Стхотворенія А. Н. Майкова, т. III. Спб. 1872.) А. В. Никитенко.
- Замѣтки по поводу «Филологическихъ размыслиній» академика Грота В. Новаковскаго.
- Техническія учебныя заведенія въ Европѣ. (Продолженіе.) А. М. Гезена.
- Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты, б) низшія училища.
- Объ ученикахъ перешедшихъ въ реальныя училища изъ гимназій и прогимназій въ началѣ 18⁷³/₇₄ учебнаго года.
- Письмо изъ Парижа Л. Л — ра.
- Отдѣлъ классической филологіи. (См. на 3-й стр. обѣтки).

PS/20318.10

21

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD GARY COOLIDGE FUND
JUL 25 1933

05

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛХХІІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).

1874.

сп 2617

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

13. (9-го января 1874 года). *О преобразованіи существующей въ г. Ригѣ городской гимназіи.*

Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совета положено:

І. Существующую въ г. Ригѣ городскую гимназію преобразовать изъ пятиклассной въ семиклассную, съ отнесеніемъ всей суммы, потребной на ея содержаніе, въ количествѣ девятнадцати тысячъ четырехсотъ пятидесяти руб. въ годъ, на средства г. Риги, и съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ:

1) Высшіе три класса гимназіи состоятъ изъ двухъ отдѣленій — гимназическаго и реального.

2) Гимназія имѣетъ печать съ гербомъ г. Риги и съ надписью «Рижская городская гимназія».

3) Директоръ гимназіи полагается по должности въ V классѣ и по мундиру въ V разрядѣ; помощникъ директора по должности въ VI классѣ и по мундиру въ VI разрядѣ; одиннадцать старшихъ учителей по должности въ VIII классѣ и по мундиру

въ VIII разрядѣ; три младшіе учителя по должности въ IX классѣ и по мундиру въ IX разрядѣ; учитель рисованія по должности въ X классѣ и по мундиру въ X разрядѣ; врачъ по должности въ VIII классѣ и по мундиру въ VIII разрядѣ; письмоводитель по должности въ X классѣ и по мундиру въ X разрядѣ; канцелярскій служитель по должности въ XIV классѣ.

4) Директоръ, преподаватели, врачъ и письмоводитель гимназій избираются городскою училищною коллегіею и утверждаются въ должностяхъ: директоръ—министромъ народнаго просвѣщенія, а всѣ прочіе — попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа.

5) Всѣ служащіе при гимназій пользуются тѣми же служебными правами, какія предоставлены занимающимъ таковыя же должности въ прочихъ гимназіяхъ Дерптскаго учебнаго округа. Пенсіи и единовременныя пособія служащимъ въ этой гимназій производятся на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ другихъ гимназіяхъ Дерптскаго учебнаго округа, но только не изъ казны, а изъ средствъ г. Риги.

6) Директоръ, старшіе и младшіе учителя и учитель рисованія, по прослуженіи десяти лѣтъ, получаютъ изъ городскихъ суммъ прибавочныя къ штатному содержанию деньги: директоръ въ количествѣ ста руб., старшіе учителя по пятидесяти руб., а остальные по сорока руб. въ годъ. Означенное прибавочное содержаніе производится имъ въ такомъ же размѣрѣ и за каждое слѣдующее пятилѣтіе службы при гимназій.

7) Воспитанники гимназій, окончившіе въ ней курсъ и получившіе одобрительный аттестатъ, пользуются всѣми правами и преимуществами, предоставленными воспитанникамъ гимназій Дерптскаго учебнаго округа; выдержавшіе удовлетворительно выпускной экзаменъ, по гимназическому отдѣленію, могутъ поступать безъ экзамена во всѣ университеты имперіи и по всѣмъ вообще факультетамъ, а выдержавшіе удовлетворительно выпускной экза-

мень, по реальному отдѣленію, могутъ поступать въ высшія спеціальныя училища, подвергаясь только повѣрочному испытанію.

II. Предоставить министру народнаго просвѣщенія утвердить уставъ и штатъ Рижской городской гимназіи.

14. (22-го января 1874 года). *Объ учрежденіи гимназіи въ г. Бѣлгородѣ (Курской губерніи).*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Бѣлгородѣ (Курской губерніи) гимназіи, *мнѣніемъ положилъ*: представленіе сіе утвердить и, вслѣдствіе того:

1) Согласно ходатайству Бѣлгородскихъ (Курской губерніи) земства и городского общества, учредить въ г. Бѣлгородѣ гимназію, на основаніи Высочайше утвержденныхъ 30-го іюня 1871 года устава и штатовъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

2) На содержаніе этой гимназіи, въ дополненіе къ 10.000 руб., жертвуемымъ ежегодно Бѣлгородскими земствомъ и городскимъ обществомъ, ассигновать къ отпуску изъ государственнаго казначейства по четырнадцати тысячъ триста шестидесяти руб. въ годъ, со внесеніемъ обѣихъ суммъ (10.000 руб. и 14.360 руб.), составляющихъ въ совокупности 24.360 руб., въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія, и съ показаніемъ первой изъ нихъ (10.000 руб.) пособіемъ государственному казначейству.

3) Могущіе быть отъ штатныхъ суммъ Бѣлгородской гимназіи остатки раздѣлять на двѣ части: одну часть, пропорціональную общему ассигнованію казны на означенную гимназію, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство,

а другую часть оставлять въ распоряженіи земства и городского общества, для употребленія на нужды гимназій,

и 4) Въ случаѣ, если бы земство и городское общество пожелали прекратить отпускъ, жертвуемыхъ на содержаніе Бѣлгородской гимназій, суммъ и закрыть это заведеніе, то они обязаны заявить объ этомъ учебному вѣдомству, по крайней мѣрѣ, за одинъ учебный годъ, не позже іюня мѣсяца, предшествующаго закрытію гимназій года.

Его Императорское Величество мнѣніе это Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

15. (5-го февраля 1874 года). *Объ учрежденіи при Новороссійскомъ университетѣ должности секретаря по студентскимъ дѣламъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта объ учрежденіи при Новороссійскомъ университетѣ должности секретаря по студентскимъ дѣламъ Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта

Константинь.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при Новороссійскомъ университетѣ должности секретаря по студентскимъ дѣламъ, мнѣніемъ положилъ:

1) Учредить при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ особую должность секретаря по студентскимъ дѣламъ, съ назначеніемъ сему секретарю жалованья, при казенной квартирѣ, по восьмисотъ рублей въ годъ и съ причисленіемъ его, подобно

секретарямъ по студентскимъ дѣламъ въ другихъ университетахъ, по должности къ IX классу, по мундиру къ IX и по пенсіи къ VII разрядамъ; и

2) Означенный расходъ въ количествѣ 800 руб., начиная съ 1-го января 1875 года, вносить установленнымъ порядкомъ въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія; въ 1874 же году, по расчету со времени утвержденья настоящаго постановленія, удовлетворить оный сверхсмѣтнымъ кредитомъ на счетъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ.

16. (5-го февраля 1874 года). *Объ учрежденіи при гимназіи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества двухъ должностей помощниковъ классныхъ наставниковъ.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при гимназіи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества должностей двухъ помощниковъ классныхъ наставниковъ, *мнѣніемъ положилъ:*

1) Для надзора за приходящими учениками гимназіи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, опредѣлить двухъ помощниковъ классныхъ наставниковъ, со всѣми правами и преимуществами, присвоенными таковымъ же должностямъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія; и

2) Отпустить изъ государственнаго казначейства на содержаніе означенныхъ лицъ, начиная съ 1874 г., по 300 руб. каждому, а всего по *шестисотъ руб.* въ годъ, со включеніемъ сего расхода въ подлежащее подраздѣленіе смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Государь Императоръ означенное мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

2-го февраля 1874 года (№ 2). *Утверждаются на три года:* почетными попечителями гимназій: Александровской Сумской, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій совѣтникъ *Кондратьевъ*, Тульской, инженеръ подполковникъ *Торочаниновъ* и Бердянской, потомственный почетный гражданинъ *Константиновъ*; почетными попечителями реальныхъ училищъ: Зарайскаго, генераль-маіоръ *Дивовъ*, Ливенскаго, коллежскій секретарь *Башкатовъ*, Харьковскаго, отставной поручикъ *Бразоль* и Сумскаго, почетный гражданинъ, Сумскій 1-й гильдіи купецъ *Харитоненко*.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлю: ординарному профессору Императорскаго Харьковскаго университета *Гаттенбергеру*—по 15-е августа 1874 года; кандидату Императорскаго Московскаго университета *Роговичу*—по 16-е августа 1874 года; магистрамъ Императорскихъ университетовъ: св. Владиміра, *Луцишкому*—по 1-е сентября 1874 года и С.-Петербургскаго, *Бодуэнъ-де-Куртене*—на одинъ годъ.

Командируются за границу съ ученою цѣлю: преподаватель Казанской второй гимназіи *Гвоздевъ*—съ 5-го мая по 7-е августа 1874 года; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Любимъ*—на одинъ годъ; заслуженный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Буславъ*—съ 1-го мая 1874 года по 1-е сентября 1875 года; доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета *Алексѣенко*—на два года, съ 1-го сентября 1874 года.

Продолжается срокъ отпуска за границу: почетному смотрителю Ранненбургскаго уѣзднаго училища *Верману*—на три мѣсяца, по болѣзни.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Министръ народнаго просвѣщенія, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ *Толстой*, Императоромъ Австрійскимъ пожалованъ большимъ крестомъ ордена Леопольда, на принятіе и ношеніе коего послѣдовало, въ 21-й день истекшаго февраля, по всеподданнѣйшему докладу государственнаго канцлера, Высочайшее Государя Императора соизволеніе.

Государь Императоръ, согласно положенію комитета гг. министровъ, вслѣдствіе представленія по министерству народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 22-й день истекшаго февраля, на награжденіе почетнаго понечптеля учительской семинаріи въ с. Новомъ, Мологскаго уѣзда Ярославской губерніи, потомственнаго почетнаго гражданина, московскаго 1-й гильдіи купца Николая *Шубина*, и московскаго 1-й гильдіи купца Дмитрія *Матѣева*, за значительныя пожертвованія ихъ въ пользу учреждений министерства народнаго просвѣщенія, золотыми медалями съ надписью «за усердіе» для ношенія на шеѣ: перваго на Александровской и послѣдняго на Анненской лентахъ.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

8. (23-го января 1874 года). *Распределение суммы на содержание Ревельской женской 3-хъ классной прогимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

	Число лицъ.	Число уроковъ.	Годовое содержание.
			рублей.
Начальницъ (при казенной квартирѣ) . . .	1	—	500
Надзирательницъ (при казенной квартирѣ).	1	—	300
Законоучителю православнаго исповѣданія .	1	7	280
Законоучителю лютеранскаго исповѣданія .	1	6	240
Учителямъ:			
Русскаго языка	1	14	560
Исторіи и географіи	1	9	360
Арифметики	1	10	400
Чистописанія	1	5	150
Руководъля	1	4	120
На наемъ дома	—	—	1200
> канцелярскіе расходы	—	—	50
> учебныя пособия	—	—	200
На содержаніе дома, плату служителямъ и другіе хозяйственныя расходы . . .	—	—	500
	—	—	4860

9. (23-го января 1874 года). Таблица числа недѣльных уроковъ въ Ревельской женской прогимназіи.

(Утверждена г. министромъ народнаго просвѣщенія).

Предметы.	Классы.			Общее число уроковъ.
	1-й.	2-й.	3-й.	
1) Законъ Божій (православнаго исповѣданія)	3	2	2	7
Законъ Божій (лютеранскаго исповѣданія)	(2)	(2)	(2)	(6)
2) Русскій языкъ	5	5	4	14
3) Французскій языкъ	3	4	4	11
4) Нѣмецкій языкъ	3	4	3	10
5) Ариметика	3	3	4	10
6) Исторія	—	—	4	4
7) Географія	—	3	2	5
8) Чистописаніе	3	2	—	5
9) Руководѣлье	1	1	2	4
10) Пѣніе	2			
11) Танцованіе или гимнастика	2			
Итого въ каждомъ классѣ, кромѣ уроковъ пѣнія, танцованія и Закона Божія лютеранскаго исповѣданія	21	24	25	70
Всѣхъ же уроковъ вообще въ недѣлю	—	—	—	80

10. (26-го января 1874 года). *Уставъ ссудо-сберегательной кассы при Курскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Ссудо-сберегательная касса при Курскомъ реальномъ училищѣ учреждается съ цѣлію доставить возможность добровольнымъ ся участникамъ: 1) помѣщать въ ней на сбереженіе извѣстную долю изъ своего содержанія и 2) дѣлать изъ нея займы при временной надобности въ деньгахъ.

§ 2. Членами кассы могутъ быть служащіе въ Курскомъ реальномъ училищѣ; но могутъ быть допущены и служащіе по министерству народнаго просвѣщенія и проживающіе въ г. Курскѣ; при этомъ завѣдываніе кассою остается, безусловно, при Курскомъ реальномъ училищѣ и кассиръ избирается только изъ служащихъ въ этомъ училищѣ. Съ оставленіемъ службы, эти лица теряютъ право на участіе въ кассѣ.

§ 3. Касса составляетъ неприкосновенную собственность всѣхъ членовъ ея.

§ 4. Вступленіе въ члены кассы и оставленіе ея не ограничивается никакими сроками и стѣсненіями и вполне предоставляется на волю каждаго изъ служащихъ въ Курскѣ по министерству народнаго просвѣщенія; но желающій оставить кассу обязанъ предупредить за мѣсяць впередъ о своемъ желаніи выбыть изъ членовъ кассы.

§ 5. Каждый изъ желающихъ быть членомъ кассы обязанъ внести въ первые три мѣсяца по 10%, получаемаго мѣсячнаго оклада и затѣмъ ежемѣсячно вносить по 5%, того же оклада.

Примѣчаніе 1-е. Касса считается открытою со дня утвержденія ея высшимъ начальствомъ.

Примѣчаніе 2-е. Желающіе могутъ вносить и болѣе 5%, своего содержанія на храненіе, но не болѣе 150 руб. на каждаго члена. Эти деньги могутъ быть взяты обратно во всякое время безъ процентовъ и поэтому никому не могутъ быть выдаваемы займообразно. О желаніи получить

обратно добровольный вкладъ желающій обязанъ предупредить кассира за недѣлю.

Примѣчаніе 3-е. Членъ, прекратившій мѣсячные платежи по взносу или по уплатѣ долговъ, считается выбывшимъ изъ кассы.

§ 6. Одинъ изъ членовъ кассы избирается, въ общемъ собраніи членовъ оной, абсолютнымъ большинствомъ голосовъ присутствующихъ членовъ въ кассирѣ, а двое кандидатами къ нему, срокомъ на одинъ годъ. Эти лица составляютъ комитетъ, завѣдывающій кассою. Выборы производятся посредствомъ закрытой баллотировки въ первой половинѣ января, при чемъ повѣряются книги и свидѣтельствуется касса. Никто не имѣетъ права отказаться отъ избранія для завѣдыванія кассою, исключая директора училища и тѣхъ, которые уже разъ занимали эти должности.

Примѣчаніе. Общее собраніе считается состоявшимся, если присутствуютъ не менѣе $\frac{2}{3}$ всѣхъ членовъ кассы.

§ 7. Кассиръ ведетъ шнуровую книгу, гдѣ на имя каждаго члена вписываются всѣ его вклады и проценты.

§ 8. Каждый членъ имѣетъ право дѣлать заемъ въ кассѣ срокомъ не болѣе шести мѣсяцевъ и уплачиваетъ за это впередъ по 1% въ мѣсяцъ. О желаніи своемъ получить ссуду онъ обязанъ заявить кассиру заблаговременно, по меньшей мѣрѣ за три дня впередъ. Возвратъ занятой суммы производится или единовременно, или по частямъ, согласно желанію заемщика, но съ непремѣннымъ соблюденіемъ условія, чтобы заемъ былъ уплаченъ къ сроку, назначенному заемщикомъ.

§ 9. Проценты всегда высчитываются за мѣсяцъ, хотя срокъ займа можетъ быть и менѣе мѣсяца.

§ 10. Заемъ не долженъ превышать суммы, составившейся изъ взносовъ заемщика и его мѣсячнаго содержанія. Въ случаѣ смерти члена, занявшаго деньги изъ кассы и невозможности изъ его вклада, если онъ семейный, и изъ вклада и имущества, если

онъ не семейный, пополнить долгъ, вся сумма раскладывается на всѣхъ членовъ кассы, соразмѣрно ихъ взносамъ.

Примѣчаніе. Заемъ подъ государственныя процентныя бумаги не имѣетъ нормы и разрѣшается комитетомъ, за вѣдывающимъ кассою, причемъ процентныя бумаги принимаются по курсу и возвращаются въ той же цѣнѣ, въ которой онѣ приняты. Проценты при подобномъ займѣ взимаются такіе же, какъ и при займѣ безъ процентныхъ бумагъ.

§ 11. Для облегченія расчетовъ заемъ дѣлается цѣлыми рублями; дроби копѣекъ при всѣхъ вообще расчетахъ процентовъ, какъ для вкладчиковъ, такъ и для заемщиковъ отбрасываются.

§ 12. Кассиръ ведетъ книгу займовъ, гдѣ записываются: а) занятая сумма, б) срокъ уплаты, в) уплаченная сумма, г) причитающіеся по займу проценты. Все это скрѣпляется подписью члена, дѣлающаго заемъ. Кромѣ поименованныхъ книгъ ведется еще книга протоколовъ.

§ 13. Ежемѣсячно, предъ выдачею жалованья, кассиръ составляетъ вѣдомость о томъ, сколько слѣдуетъ удержать изъ жалованья каждаго члена въ кассу и передаетъ ее выдающему жалованье для исполненія. Въ то же время кассиръ составляетъ вѣдомость о вкладахъ и займахъ, которая повѣряется комитетомъ. Вѣдомость объ удержаніи въ кассу денегъ, съ роспискою на ней кассира, принявшаго деньги, хранится при дѣлахъ училища.

§ 14. Въ первой половинѣ января каждаго года всѣ накопившіеся проценты раздѣляются между членами кассы пропорціонально вкладамъ каждаго и приписываются на имя каждаго члена къ его вкладамъ. Отказывающіеся отъ участія въ кассѣ по собственному желанію или по случаю прекращенія службы въ Курскѣ, заявляя объ этомъ кассиру за мѣсяць впередъ (§ 4), получаютъ обратно весь внесенный ими капиталъ, псключая процентовъ текущаго года, которые остаются въ кассѣ.

§ 15. Въ случаѣ смерти члена кассы, всѣ свободные его вклады передаются наследникамъ его, а если наследниковъ нѣтъ, то вклады его поступаютъ въ пользу бѣдныхъ учениковъ Курскаго реального училища, преимущественно изъ сиротъ училищныхъ чиновниковъ, по опредѣленію абсолютнаго большинства наличныхъ членовъ кассы, въ общемъ ихъ собраніи.

§ 16. При накопленіи суммъ въ кассѣ, часть свободныхъ суммъ изъ вкладовъ и изъ процентовъ можетъ быть обращена въ государственныя бумаги, но не иначе, какъ съ согласія $\frac{2}{3}$ членовъ общаго собранія. Такія бумаги составляютъ неотъемлемую принадлежность всѣхъ членовъ кассы, когда бы онѣ ни были пріобрѣтены. Всѣ проценты по этимъ бумагамъ дѣлятся пропорціонально вкладамъ и въ январѣ записываются по счету каждаго изъ членовъ кассы.

Примѣчаніе. Въ случаѣ выигрыша на билеты внутреннихъ 5% съ выигрышами займовъ постановлены слѣдующія правила: а) имѣютъ право на полученіе части выигрыша только члены кассы, состоявшіе въ ней въ день тиража; б) самый выигрышъ дѣлится между членами пропорціонально времени, которое каждый состоялъ членомъ кассы; в) для членовъ, выбывшихъ изъ кассы и вновь поступившихъ въ оную, при распредѣленіи выигрыша, принимается въ расчетъ время отъ послѣдняго поступленія ихъ въ число членовъ кассы до дня тиража; г) если выигрышъ не превышаетъ за одинъ разъ 1.000 руб., то онъ дѣлится между членами кассы на вышепомянутомъ основаніи и въ свое время приписывается къ ихъ вкладамъ; если же выигрышъ превышаетъ 1.000 руб., то онъ раздѣляется немедленно между членами кассы и выдается имъ на руки.

§ 17. Всѣ суммы, не идущія въ обращеніе, хранятся въ сундукѣ въ губернскомъ казначействѣ, или могутъ быть положены въ мѣстные банки на текущій счетъ; но у кассира всегда можетъ находиться на рукахъ, на непредвидѣнный случай, до 200 руб. подъ его личною отвѣтственностію.

§ 18. Повѣрка книгъ и суммъ производится ежемѣсячно комитетомъ, но можетъ быть производима и во всякое время членами кассы числомъ не менѣе трехъ.

§ 19. Въ случаѣ прекращенія существованія кассы, вся сумма съ процентами возвращается вкладчикамъ по счету каждаго изъ нихъ.

§ 20. Всякая растрата и пропача суммъ кассы взыскивается съ виновнаго на основаніи общихъ законовъ.

§ 21. О всѣхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ къ настоящему уставу, которыя будутъ признаны необходимыми по общимъ соображеніямъ членомъ кассы, члены ходатайствуютъ у господина министра народнаго просвѣщенія.

11. (16-го февраля 1874 года). *Циркулярное предложеніе начальствамъ учебныхъ округовъ объ обязательномъ ношеніи учениками гимназій классныхъ принадлежностей въ ранцахъ обыкновенной солдатской формы.*

Предложеніемъ отъ 6-го сентября 1872 года г. управлявшій въ отсутствіе мое министерствомъ, статсъ-секретарь Деляновъ, просилъ васъ, милостивый государь, оказать содѣйствіе ко введенію въ среднихъ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія установившагося въ германскихъ училищахъ обычая ношенія учениками классныхъ принадлежностей въ ранцахъ обыкновенной солдатской формы. При этомъ было указано на превосходство такого обычая предъ ношеніемъ классныхъ принадлежностей въ портфеляхъ, связкахъ и узлахъ, а именно: при ранцахъ дѣти несутъ тяжесть на обонхъ плечахъ, чрезъ что обязаны держаться прямо; съ переходомъ же въ высшій классъ прибавляется количество классныхъ принадлежностей и увеличивающійся мало по малу грузъ на плечахъ ученика, укрѣпляя спинную кость, постепенно подготавливаетъ его къ той порѣ, когда, при всеобщей воинской повинности, ему придется, ставъ въ ряды войска, помѣстить всѣ походныя принадлежности въ такомъ же ранцѣ, только бѣльшаго размѣра.

Хотя со времени означеннаго предложенія прошло уже почти полтора года, но способ ношенія классныхъ принадлежностей въ ранцахъ, не смотря на всю его полезность, далеко еще не вошелъ вполнѣ въ употребленіе, а въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ мною лично замѣчено, даже вовсе не существуетъ. Посему, и принимая во вниманіе, что повсемѣстное введеніе помянутаго обычая служило бы только къ пользѣ воспитанниковъ учебныхъ заведеній, не представляя никакихъ затрудненій, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, сдѣлать распоряженіе, чтобы съ будущаго 1874/75 учебнаго года ношеніе учащимся въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ ввѣреннаго вамъ учебнаго округа классныхъ принадлежностей въ ранцахъ было сдѣлано для нихъ обязательнымъ.

12. (2-го марта 1874 года). *Циркулярное предложеніе начальствамъ учебныхъ округовъ о срокѣ представленія инспекторами народныхъ училищъ отчетовъ о состояніи сихъ училищъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему, въ 25-й день истекшаго февраля, Высочайше соизволилъ разрѣшить попечителямъ учебныхъ округовъ сдѣлать распоряженіе, чтобы инспекторы народныхъ училищъ губерній, входящихъ въ составъ подвѣдомыхъ имъ округовъ, представляли годовые отчеты о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ не позже 20-го января каждаго года съ тѣмъ, чтобы эти отчеты окружными начальствами доставлялись въ министерство народнаго просвѣщенія, вмѣсто 1-го марта, къ 15-му числу сего мѣсяца, вмѣстѣ съ общими годовыми отчетами по округамъ.

У. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

12-го января 1874 года (№ 2). *Утверждаются*: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ *Григорьевъ*—деканомъ факультета восточныхъ языковъ сего университета, съ 7-го декабря 1873 года; ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета *Зарубинъ*—деканомъ медицинскаго факультета сего университета, на три года, съ 12-го декабря 1873 года; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пахманъ*—деканомъ юридическаго факультета сего университета, съ 21-го декабря 1873 года; ординарные профессора Императорскаго Дерптскаго университета: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бетхеръ* и надворный совѣтникъ *Шоарцъ*—деканами сего университета: первый—медицинскаго факультета, на три года, а послѣдній—физико-математическаго, оба съ 1-го января 1874 года; доцентъ Императорскаго Московскаго университета *Зертковъ*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ анатоміи здороваго человѣка, съ 10-го ноября 1873 года; доценты Императорскаго С.-Петербургскаго университета: докторъ минералогіи и геологіи, надворный совѣтникъ *Иностранцевъ*, докторъ математики *Сохоцкій* и докторъ арабской словесности *Гиргасъ*—экстраординарными профессорами сего университета по кафедрамъ: Иностранцевъ—геологіи и палеонтологіи, Сохоцкій—математики, и Гиргасъ—арабской словесности, всѣ трое съ 17-го декабря 1873 года; исправляющій должность экстраординарнаго профессора русской словесности въ специальныхъ классахъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, докторъ русской словесности, коллежскій ассессоръ *Поповъ*—экстраординарнымъ профессоромъ специальныхъ классовъ сего института; директоръ Варшавской ветеринарной школы, доцентъ тамошняго университета *Зейфманъ*—директоромъ Казанскаго

ветеринарнаго института, съ 1-го января 1874 года; профессоръ Харьковскаго ветеринарнаго училища, преобразованнаго въ ветеринарный институтъ, магистръ ветеринарныхъ наукъ, статскій совѣтникъ *Полоти* — ординарнымъ профессоромъ сего института, съ 1-го іюля 1873 года; исправляющій должность правителя канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа *Никольскій* — въ сей должности; наставникъ Байрамчской учительской семинаріи *Исаинъ* — инспекторомъ народныхъ училищъ Бессарабской губерніи, съ 31-го декабря 1873 года; предсѣдатель Екатеринбургской уѣздной земской управы *Казанцевъ*, горный инженеръ подполковникъ *Штейнфельдъ*, мировой судья *Клестининъ*, горный инженеръ, надворный совѣтникъ *Полковъ* и гласные Екатеринбургской городской думы: горный инженеръ, коллежскій совѣтникъ *Ивановъ*, коллежскій совѣтникъ *Нуровъ* и титулярный совѣтникъ *Севастьяновъ* — членами попечительства Алексѣевского Екатеринбургскаго реального училища, на три года; членъ Саратовской конторы иностранныхъ поселенцевъ, статскій совѣтникъ *Талеръ* — членомъ попечительства Саратовскаго реального училища, на три года; коллежскій совѣтникъ *Трусовъ*, коллежскіе ассессоры: *Пелепелкинъ* и *Дарновъ*, городской врачъ, лекаръ *Георгіевскій*, купецъ *Ярцевъ*, купеческіе сыновья: *Курнатовъ*, *Потоловской* и *Ермолиевъ*, купеческій братъ *Бочарниковъ* и мѣщанинъ *Сафоновъ* — членами попечительства Зарайскаго реального училища, на три года.

Назначаются: окружный инспекторъ Московскаго учебнаго округа, состоящій въ V классѣ *Семеновичъ* — директоромъ Московской шестой гимназіи; землевладѣлецъ Пинскаго уѣзда, управляющій Милскою казенною палатою, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дела-Гарди*, Пинскій уѣздный предводитель дворянства, коллежскій ассессоръ баронъ *Витте*, завѣдывающій 1-ю дистанціею II отдѣленія IX округа путей сообщенія, инженеръ надворный совѣтникъ *Велиминовъ*, управляющій свѣчными и мыловаренными заводами въ гор. Пинскѣ, прусскій подданный *Фишеръ* и Пинскій 1-й гильдіи купеческій сынъ *Дурге* — членами попечительства Пинскаго реального училища, на три года; Ли-

венскій уѣздный предводитель дворянства, капитанъ *Бълаго*, поручикъ *Апушкинъ*, потомственный почетный гражданинъ *Горбовъ* и купецъ *Масловъ* — членами попечительства Ливенскаго реальнаго училища, на три года; коллежскій секретарь *Тельминъ* и купцы: *Ситниковъ*, *Авиловъ*, *Булаткинъ* и *Астоминъ* — членами попечительства Орловскаго реальнаго училища, на три года.

Черемъщаются: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра по кафедрѣ зоологій *Ковалевскій* — въ Императорскій Новороссійскій университетъ ординарнымъ профессоромъ по той же кафедрѣ, съ 3-го ноября 1873 года; директоръ Гродненской гимназіи и училищъ, коллежскій совѣтникъ *Балвановичъ* — директоромъ Виленской гимназіи и училищъ; директоръ Александровской гимназіи Смоленскаго земства въ гор. Вязьмѣ, статскій совѣтникъ *Гебель* — директоромъ Московской четвертой гимназіи.

Оставаются на службѣ на пять лѣтъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, тайный совѣтникъ *Варюинскій* — съ 17-го ноября 1873 года; директоръ Бѣлостокскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Рончевскій* — съ 23-го ноября 1873 года; предсѣдатель Виленской комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Головацкій* — съ 13-го декабря 1873 года.

Увольняются въ отпускъ: въ С.-Петербургъ: помощникъ попечителя Дерптскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Зессель* — на десять дней; Динабургскій директоръ училищъ, статскій совѣтникъ *Невзоровъ* — на четырнадцать дней; *за границу*: завѣдывающій читальною залою Императорской Публичной библіотеки, надворный совѣтникъ *Юзъ*, и учитель Пинчовской мужской прогимназіи *Островскій* — на десять дней, послѣдній съ 31-го января 1874 года; библіотекаръ Императорской Публичной библіотеки, надворный совѣтникъ *Феттерлейнъ* — на четырнадцать дней; доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра *Неметти* — на три недѣли; попечитель Одесской второй прогимназіи, отставной подпоручикъ *Гумалинъ* и архитекторъ

Императорскаго Харьковскаго университета *Гиния*... на два мѣсяца.

Увольняются согласно прошеніямъ отъ службы: директоръ С.-Петербургской второй гимназіи, статскій совѣтникъ *Скворцовъ* и инспекторы народныхъ училищъ губерній: Бессарабской, надворный совѣтникъ *Афанасьевъ* и Владимірской, коллежскій ассесоръ *Мельничій*; изъ нихъ Афанасьевъ съ 31-го декабря 1873 года, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Увольняется отъ службы, на основаніи Св. зак. (изд. 1857 г.) т. III уст. о сл. прав., ст. 1239: директоръ Московской четвертой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Копосовъ*.

Исключается изъ списковъ умершій: профессоръ православнаго богословія Императорскаго С.-Петербургскаго университета, протоіерей *Сидонскій*.

2-го февраля 1874 года (№ 3). *Утверждаются:* экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ чистой математики *Коркинъ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ математики, съ 17-го декабря 1873 года; доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ теоріи и исторіи искусствъ *Герцъ*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ теоріи и исторіи искусствъ, съ 3-го ноября 1873 года; доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ ботаники, надворный совѣтникъ *Руссовъ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ ботаники, съ 31-го января 1874 года.

Назначаются: инспекторъ С.-Петербургской третьей гимназіи, статскій совѣтникъ *Смирновъ*—директоромъ С.-Петербургской второй гимназіи, съ 19-го января 1874 года; инспекторъ Ковенской дирекціи народныхъ училищъ, титулярный совѣтникъ *Чеховичъ*—инспекторомъ народныхъ училищъ Владимірской губерніи; коллежскій секретарь *Семеновъ*—членомъ попечительства Ливенскаго реальнаго училища, на три года.

Оставляется на службу на полтора года: Слуцкій директоръ училищъ, статскій совѣтникъ *Фурсовъ* — съ 23-го декабря 1873 года.

Опредѣляется: кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Дмитрій *Дубяго* — вычислителемъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи.

Уволяется отъ отпуска: директоръ училищъ Полтавской губерніи *Кулжинскій* — въ С.-Петербургъ и Москву, на двадцать дней.

Уволяются, согласно прошеніямъ: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Вилькомъ* и инспекторъ народныхъ училищъ Воронежской губерніи, статскій совѣтникъ *Петропавловскій* — отъ службы, изъ нихъ Вилькомъ съ 31-го января 1874 года; чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Кочетовъ* — отъ должности члена особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія за труды по составленію учебныхъ плановъ и примѣрныхъ программъ предметовъ, преподаваемыхъ въ реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія: члену совѣта министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительному статскому совѣтнику *Георіевскому*, помощнику попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, дѣйствительному статскому совѣтнику *Любовскому*, состоящему при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительному статскому совѣтнику *Гезену*; ординарнымъ академикамъ Императорской академіи наукъ, заслуженнымъ ординарнымъ профессорамъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайнымъ совѣтникамъ: *Чебышеву* и *Сомову*, директору С.-Петербургскаго перваго реального училища, дѣйствительному статскому совѣтнику *Эвальду*, членамъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительному статскому совѣтнику *Ходневу*, инспектору С.-Петербургскаго перваго реального училища, стат-

скому совѣтнику *Дмитріеву* и преподавателю Императорскаго историко-филологическаго института, надворному совѣтнику *Беллярминову*, профессору института инженеровъ путей сообщенія, дѣйствительному статскому совѣтнику *Андрееву*, экстраординарнымъ профессорамъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскимъ совѣтникамъ: *Меншуткину* и *Вредену*, преподавателю Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса, дѣйствительному статскому совѣтнику *Эвальду*, профессорамъ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института: коллежскому совѣтнику *Евнесичу* и титулярному совѣтнику *Лабзину*, исправляющему должность директора строительнаго училища, преподавателю Императорской академіи художествъ, статскому совѣтнику *Бернарду*, директору ремесленнаго училища въ С.-Петербургѣ *Ерябеку*, наставнику Императорскаго историко-филологическаго института и преподавателю гимназіи при ономъ, коллежскому совѣтнику *Варону*, наставнику-руководителю гимназіи при семь институтѣ, надворному совѣтнику *Гаврилову*, преподавателю С.-Петербургской третьей гимназіи, статскому совѣтнику *Довнару*, законоучителю С.-Петербургскаго перваго реальнаго училища, протоіерею *Черепнину*, преподавателямъ сего училища: *Гришину*, статскому совѣтнику *Анонимову*, коллежскимъ совѣтникамъ: *Скопину*, *Маику* и *Томасу* и надворнымъ совѣтникамъ: *Геннину* и *Ковалевскому*, воспитателю С.-Петербургской второй военной гимназіи, штабсъ-капитану *Армакову*, воспитателю С.-Петербургской учительской семинаріи *Латышевцу* и кандидату коммерціи *Повѣткину*. За пожертвованія изъ пользы *Порошинскаго сельскаго училища* и заботливость объ этомъ училищѣ: землевладѣльцу Нижне-Ломовскаго уѣзда, Пензенской губерніи, *Рутланду*.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. исполняющимъ обязанности товарища министра, постановлено:

Книгу: «*Отечественная исторія въ связи со всеобщемою. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. С. Рождественскимъ.* Изданіе третье, исправленное. Спб. 1873 г.» — одобрить въ видѣ руководства для гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. исполняющимъ обязанности товарища министра, постановлено:

1) Книгу: «*Дешевая историческая бібліотека для юношества. № 1-й. Завоеваніе Кавказа.* Разказъ изъ отечественной исторіи М. Остротурскаго. Цѣна 10 коп. С.-Петербургъ 1874 г.» — допустить въ ученическія бібліотеки мужскихъ и женскихъ гимназій.

2) Брошюру, подъ заглавіемъ: «*Какъ надо жить, чтобы добро нажить.* Изд. 2-е. Спб. 1866 г.» — одобрить для употребленія въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

3) Книгу: «*Краткая русская исторія.* Выпускъ первый. Отъ основанія Руси до вступленія на престолъ дома Романовыхъ (862 — 1613). Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. С.-Петербургъ. Изданіе редакціи народнаго журнала «Мірской Вѣстникъ». 1873 г. Цѣна 45 коп.» — одобрить для бібліотекъ народныхъ школъ, а равно для употребленія въ видѣ учебнаго пособія при занятіяхъ русскою исторіею въ двухклассныхъ народныхъ училищахъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія о соисканіи премій Императора Петра Великаго на 1874 г., за *руководство по синтаксису латинскаго языка, приспособленное къ потребностямъ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.*

1. На соисканіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, на 1874 годъ предлагается составить *Руководство по синтаксису латинскаго языка, приспособленное къ потребностямъ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.*

2. Отъ представляемаго на этотъ конкурсъ сочиненія требуется:

а) Чтобы оно не ограничивалось какою-нибудь одною частью синтаксиса, а заключало въ себѣ весь синтаксисъ латинскаго языка въ объемѣ нынѣшняго гимназическаго курса.

б) Чтобы во всемъ курсѣ латинскаго синтаксиса вообще, а въ особенности при объясненіи значенія и употребленія латинскихъ временъ и склоненій, также отрицаній и условныхъ предложеній, изложеніе было основано на сопоставленіи свойствъ и особенностей латинскаго языка со свойствами и особенностями языка русскаго, — при чемъ для уясненія употребленія латинскихъ временъ должно быть обращено вниманіе на сравнительное значеніе видовъ русскаго глагола для показанія сходства и различія оборотовъ и отгнговъ латинскаго спряженія съ соотвѣтственными выраженіями русскихъ видовъ; также необходимо особенно употребительные и классически установленные обороты латинской рѣчи переводить всякій разъ правильными и принятыми въ литературѣ русскими выраженіями, хотя бы они не буквально передавали подлинникъ.

в) Чтобы *verba timendī* были изложены въ строгой связи съ разнообразіемъ и особенностями русскаго словосочиненія при подобныхъ глаголахъ—въ виду псевдовлстворительнаго изложенія этого предмета въ существующихъ уже на русскомъ языкѣ учебникахъ.

г) Чтобы употребленіе нѣкоторыхъ числительныхъ было уяснено болѣе обстоятельно и независимѣе отъ иностранныхъ учебниковъ.

д) Чтобы при изложеніи словосочиненія союзовъ было обращено вниманіе не только на употребленіе при нихъ извѣстныхъ наклоненій, но и на тѣ не рѣдкіе случаи, когда при русскомъ переводѣ возможно и совершенное опущеніе союзовъ (напримѣръ, *ut*, *quominus* и др.).

е) Чтобы примѣры, приводимые для объясненія и подтвержденія правилъ, были избираемы преимущественно изъ классическихкихъ авторовъ, изучаемыхъ въ гимназіяхъ, при чемъ не должна быть ослабляема общность правилъ внесеніемъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаевъ даже изъ писателей, употребляемыхъ въ гимназическомъ курсѣ; но для уясненія особенно руководящихъ правилъ полезно было бы приводить, по мѣрѣ возможности, и русскіе примѣры, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ были рѣдки, и исключительны въ современномъ нашемъ языкѣ; при чемъ, конечно, необходимо показать, что извѣстное словосочиненіе, составляя въ латинскомъ языкѣ общее правило, въ русскомъ является рѣдкимъ исключеніемъ, и наоборотъ.

3. Представляемое на конкурсъ сочиненіе должно быть изложено на русскомъ языкѣ ясно, правильно и удобопонятно; оно должно быть трудомъ самостоятельнымъ, хотя бы сочинитель и пользовался лучшими иностранными учебниками и отдѣльными трактатами по избранному имъ предмету.

4. За сочиненіе, вполне удовлетворяющее означеннымъ требованіямъ, назначается премія въ *два тысячи рублей*; за сочиненіе же, которое, по своему содержанію и изложенію, будетъ

наиболѣе приближаться къ указаннымъ требованіямъ, назначается малая премія въ *пятьсотъ рублей*.

5. Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены авторами въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія не позже 1-го ноября 1874 года. Извѣстія объ удостоенныхъ премій сочиненіяхъ съ отзывами о нихъ будутъ обнародованы во всеобщее свѣдѣніе.

6. Въ случаѣ, если бы ни одно изъ сочиненій, представленныхъ къ вышеозначенному сроку, не было удостоено преміи, конкурсъ по тому же предмету продолжается по 1-е ноября 1875 года.

— Вслѣдствіе представленія начальства Московскаго учебнаго округа, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ правленію Московскаго университета принять отъ члена общества естествознанія, антропологіи и этнографіи П. І. Губонина 15.000 р. и Г. Пермикина 10.000 руб., а всего 25.000 руб., для употребленія сихъ денегъ, согласно волѣ жертвователей, на разширеніе и разныя нужды зоологическаго музея упомянутаго университета; при чемъ гг. Губонину и Пермикину выражена признательность министерства народнаго просвѣщенія за означенныя ихъ значительныя пожертвованія на пользу науки.

— Согласно ходатайству комитета общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ и въ виду того, что проценты съ собраннаго капитала на учрежденіе при Харьковскомъ университетѣ стипендіи общества, имени покойнаго председателя онаго, сенатора Е. П. Ковалевскаго, превышаютъ въ настоящее время сумму, необходимую на выдачу первоначально учрежденной стипендіи въ 300 руб., г. министръ народнаго просвѣщенія, отъ 23-го февраля 1874 г., разрѣшилъ § 1 утвержденаго имъ 10-го апрѣля 1871 г. положенія объ упомянутой стипендіи изложить въ слѣдующемъ видѣ: «Въ память бывшаго председателя общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, изъ процентовъ пожертвованнаго по подпискѣ капитала, учреж-

даются при означенномъ обществѣ двѣ стипендіи Егора Петровича Коваленскаго, одна въ 300 руб., а другая въ 150 руб. въ годъ. Стипендія въ 150 руб. можетъ быть назначена студенту Харьковскаго университета, пользующемуся другою стипендіею или инымъ пособіемъ, если только размѣръ этого пособия или стипендіи не превышаетъ 150 руб. въ годъ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ принять жертвуемые почетнымъ попечителемъ Сумскаго реальнаго училища, купцомъ 1-й гильдіи Иваномъ Харитоненко, деньги на воспитаніе въ Сумскомъ реальномъ училищѣ десяти воспитанниковъ, по *двѣсти десяти* руб. въ годъ на каждого.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ устроить въ Ларинской гимназій, во внѣклассное время, литературныя чтенія съ учениками трехъ старшихъ классовъ, на основаніяхъ, изложенныхъ въ запискѣ преподавателя русской словесности г. Острогорскаго, но съ тѣмъ, чтобы чтенія эти происходили подъ наблюденіемъ начальства гимназій и не мѣшали своевременному приготовленію уроковъ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ открыть въ Псковскомъ реальномъ училищѣ два низшіе класса, то-есть, I и II, съ отнесеніемъ расходовъ по содержанію этихъ классовъ на средства Псковскаго губернскаго земства и тамошней городской думы, но съ тѣмъ, чтобы классы эти были открыты съ начала будущаго 1874/75 учебнаго года.

— Вслѣдствіе ходатайства Сумскаго земства, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать съ 1-го января 1874 года за ученіе въ Александровской Сумской гимназій по 20 руб. въ годъ съ учениковъ, родители которыхъ принадлежатъ къ числу жителей Сумскаго уѣзда и г. Сумъ, и по 40 руб. въ годъ съ учениковъ, поступающихъ въ эту гимназій изъ другихъ уѣздовъ и губерній, сверхъ разрѣшеннаго особаго съ каждого ученика сбора по одному руб., для образованія фонда на покупку лекарства немущимъ больнымъ гимназистамъ.

— Г. министр народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать, съ начала 18⁷⁴/₇₅ академическаго года, то-есть, съ 1-го будущаго іюля, со всѣхъ приходящихъ учениковъ Рязанской гимназіи по *двадцати* руб. въ годъ съ каждаго и съ учениковъ приготовительнаго при ней класса по *дотнадцати* руб. въ годъ съ каждаго.

— Вслѣдствіе представленія начальства Казанскаго учебнаго округа и согласно ходатайству совѣта тамошняго университета, г. министр народнаго просвѣщенія, 2-го марта 1874 г., разрѣшилъ, на основаніи § 42, лит. В, п. 3 общ. уст. рос. унив., курсъ физической химіи сдѣлать обязательнымъ для студентовъ 3 и 4 курсовъ физико-химической спеціальнойности естественнаго разряда физико-математическаго факультета упомянутаго университета.

— 3-го февраля 1874 г. совершено было освященіе пожертвованнаго Костромскимъ городскимъ обществомъ дома для реального училища, а съ 4-го февраля классныя занятія открыты въ собственномъ училищномъ зданіи.

СЛАВЯНСКАЯ ВЗАИМНОСТЬ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО XVIII ВѢКА ¹⁾.

II.

Чехи и Балтійско-Лабскіе Славяне.

1. Сношенія Чеховъ и Балтійско-Лабскихъ Славянъ.

Чехи, столкнувшись, подобно другимъ своимъ сосѣдямъ и соплеменникамъ на Лабѣ, съ врагами всего славянства Нѣмцами, вышли изъ этой борьбы побѣдителями и не лишились, подобно своимъ сѣвернымъ братьямъ, ни національной, ни политической самостоятельности. Но хотя Чехи и мужественно продолжали отражать напоръ Нѣмцевъ, у нихъ все-таки возникали иногда опасенія, устоятъ ли они въ этой неравной борьбѣ, и не постигнетъ ли и ихъ судьба ихъ лабскихъ и балтійскихъ братьевъ. Вѣдь Чехи всегда знали, что когда-то на сѣверѣ ихъ сосѣдами были не Мишенскіе и Бранденбургскіе маркграфы, а Сербы и Стороряне; что и въ Лужицахъ, присоединенныхъ позже къ чешской коронѣ, жили Сербы, хотя уже подъ властью нѣмецкихъ господъ; что и дальше на сѣверъ была земля Славянъ (Slovakia), Водричей и Лютичей, съ которыми нѣмецкіе государи безпрестанно воевали ²⁾. Хотя чешскіе полки и не разъ помогали нѣмецкимъ войскамъ противъ языческихъ Славянъ Балтійскихъ, но все-таки они не забывали, что это ихъ соплеменники. Языкъ чешскій и языки

¹⁾ Окончаніе второго и послѣдняго отдѣла статьи. См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* ноябрь и декабрь 1873 года, январь и февраль 1874 года.

²⁾ Названія «Сербы, Сербія», въ смыслъ земель Мишенской и Лужицкой, встрѣчаются у чешскихъ летописцевъ и у другихъ писателей до XVI—XVII вѣка. О походахъ Нѣмцевъ противъ Славянъ разсказываетъ нѣмецкій летописецъ Косма подъ 985—987 годами.

Лабскихъ и Валтійскихъ Славяпъ, сосѣдей Саксоніи, были такъ близки другъ другу, что Пражскими епископами назначались и Саксонцы, „знающіе совершенно языкъ славянскій“: таковы были первый и третій епископы Пражскіе Титмаръ (973 г.) и Титагъ (998 г.). Изъ племени Лютичей, изъ Стодорской земли, вышла мать святаго ихъ князя Вячеслава, Драгоміръ; съ Лютичами издревле были у чешскихъ князей договоры о взаимной помощи, которые всегда вѣрно соблюдались и еще въ концѣ X вѣка возобновлялись: еще тогда чешскій князь Болеславъ, разставаясь съ своими вѣрными союзниками Лютичами и зная ихъ непримиримую вражду къ Нѣмцамъ, утѣшалъ ихъ, что прійдетъ время, когда и они имъ отомстятъ ¹⁾.

Но это время не явилось: Лютичи, вмѣстѣ съ Сербами и Бодричами, вскорѣ были истреблены Нѣмцами. И даже сами Чехи способствовали гибели своихъ сѣверныхъ братьевъ: еще въ 1147 году моравскіе князья и Оломуцкій епископъ участвовали въ крестовомъ походѣ Нѣмцевъ и Датчанъ противъ Бодричей и Лютичей. Земли побѣжденныхъ Славянъ заняли, общіе всѣмъ западнымъ Славянамъ враги, Нѣмцы.

При дружественныхъ отношеніяхъ Чеховъ и Лютичей весьма вѣроятно, что чешскіе язычники сносились съ Радигощю и съ Арконой, и что Боги балтійскихъ Славянъ были извѣстны и Чехамъ. Такъ въ одномъ древнечешскомъ словарѣ XIII вѣка, въ такъ-называемой *Mater Verborum*, приводятся и нѣкоторыя божества Балтійскихъ Славянъ: Сватовитъ, Радигость, Триглавъ, Бѣлбогъ и др. ²⁾.

2. Мифы Чеховъ о гибели Валтійско-Лабскихъ Славянъ.

Послѣ паденія лабскаго и балтійскаго славянства, не могли и Чехи остаться нетронутыми отъ притязаній Нѣмцевъ, ненависть и надменность которыхъ противъ всѣхъ Славянъ характеризовала такъ хорошо чешскій лѣтописецъ XII вѣка Косма.

Нѣмцы стали распространяться въ землю Чешскую и Моравскую, и такимъ образомъ, угрожать и чешской народности. Эту опасность почувствовали Чехи преимущественно во время великой своей борьбы XV вѣка почти со всю Европой вообще, и съ имперіей Римско-Гер-

¹⁾ Сравн. лѣтописи Космы (I, 36, 49, 62) и Титмара (ad a. 990).

²⁾ Гильєрддингъ. Ист. балт. Славянъ, 237, *Časopis Česk. Mus.* 1863, 157. Не забудемъ, что послѣдніе волхвы оставили Чехію только въ самомъ концѣ XI вѣка (Созная, I, 197).

манскою въ особенности. Нѣмцы тогда съ яростью бросились на древнихъ своихъ національныхъ враговъ, которые, кромѣ того, какъ еретики, были подѣ проклятіемъ римской церкви. Чехи хорошо узнали цѣли Нѣмцевъ и усердно приглашали всѣхъ вѣрныхъ и ревностныхъ любителей своего народа къ борьбѣ съ „природными врагами нашими. Нѣмцами, которые, не имѣя никакой причины, на нашъ языкъ всегда злятся, и какъ нашему языку сдѣлали на Рейнѣ, въ Мишиніи, въ Пруссіи и его прогнали, такъ и намъ думаютъ сдѣлать и занять мѣста прогнанныхъ“¹⁾.

Въ это бурное время, когда національная ненависть Чеховъ и Нѣмцевъ и вообще Славянъ проявилась въ высшей степени, Чехи не разъ вспоинали съ грустью и горечью о судьбѣ своихъ Лабскихъ и Балтійскихъ братьевъ. „Нѣмцы“, жалуется неизвѣстный авторъ въ одномъ памятникѣ того времени,—„вездѣ славянский языкъ преслѣдовали и вытѣсняли; такъ, занявъ этотъ нѣмецкій сбродъ Лужицкую и Сербскую земли и заселивъ страны первоначально чешскаго и славянскаго происхожденія. Сербскій народъ занималъ когда-то всѣ земли отъ Саксоніи, начиная отъ Старгарда на востокъ до земли Прусской. Нѣмецкій языкъ укралъ у насъ и землю Брауншвейгскую, Люнебургскую, Магдебургскую, Гальберштадтскую, Бранденбургскую, Мекленбургскую и Бѣлгардскую“²⁾.

Чехи, зная объ опѣмеченіи большей части лабскаго и балтійскаго славянства и съ огорченіемъ вспоиная объ этомъ, знали, вмѣстѣ съ тѣмъ, и о жалкомъ состояніи языка и соціального положенія остатковъ Славянъ въ Германіи. Такъ одинъ лѣтописецъ чешскій XVI вѣка не согласенъ съ производствомъ Чеховъ отъ „Ванда-ловъ, то-есть, Сербовъ“, и возстаетъ противъ этого мнѣнія, которое противно не только всѣмъ историкамъ, писавшимъ о началѣ Чешской земли, но и характеру чешскаго языка: „Ибо“, замѣчаетъ онъ, „не мы говоримъ сербскою рѣчью, а Сербы смѣшали нашу съ своею, то-есть, нѣмецкою, и употребляютъ ее“. Другіе писатели чешскіе XVI и XVII вѣковъ упрекаютъ современныхъ Чеховъ въ томъ, что они портятъ свой языкъ нѣмецкимъ, какъ Сербы; они знаютъ, что памятуя Славянъ или Виндовъ служатъ до сихъ поръ множество названій городовъ и селъ въ Лабскихъ земляхъ, и что ихъ остатки живутъ въ

¹⁾ Манифестъ Пражанъ, 1420 г. (Archiv český, III, 212.

²⁾ Krátké vebrání z Kronic českých (1437 г.), изд. Ганинъ, 229, 241. Сравни выше стр.

Саксоніи, въ Маркахъ, въ Лужицѣ и въ другихъ" странахъ, но въ такомъ презрѣніи, что Нѣмцы не позволяютъ имъ селиться ни въ какихъ городахъ, изъ которыхъ вытѣснили ихъ предковъ, и что они вынуждены работать, какъ холопы, по деревнямъ: „Славянскій нашъ языкъ уже слишкомъ униженъ и оскорбленъ, такъ какъ онъ истребленъ не только во всей землѣ Мишенской, Брауншвейгской, Люнебургской, Бременской и друг., но также и на Лабѣ. Во всѣхъ этихъ земляхъ до самого моря Сѣвернаго, иначе Балтійскаго, простирающихся больше, чѣмъ на сто миль, какъ въ Лужицахъ, въ обѣихъ Маркахъ Бранденбургскихъ, Саксоніи, Поморьѣ, Мекленбургѣ, Лауенбургѣ, Гольштейнѣ до самыхъ заливовъ Даніи. Народъ такъ безчестно оскорбленъ пришлцами за то, что они не позволяютъ никому, родившемуся отъ славянскихъ или сербскихъ родителей, учиться ремеслу, не терпятъ никого въ цѣхѣхъ и не допускаютъ къ ремесламъ и занятіямъ, пока онъ не докажетъ присягой, что происходитъ не отъ славянской, а отъ нѣмецкой крови ¹⁾).

Было надъ чѣмъ призадуматься Чехамъ, глядя на судьбу лабскихъ и балтійскихъ своихъ братьевъ: вѣдь и положеніе Чеховъ— послѣ паденія ихъ независимости (1620 г.)—стало все больше и больше подходить къ положенію презираемыхъ остатковъ Лабскихъ Сербовъ. Съ ужасомъ смотритъ на упадающую чешскую народность ревностный патріархъ XVII вѣка Богуславъ Вальбинъ. Разказывая объ охраненіи чешскаго языка предками, онъ думаетъ, что ихъ побуждали къ тому примѣры сосѣднихъ земель лабскихъ и балтійскихъ, бывшихъ некогда славянскими, и въ которыхъ славянскій языкъ, вслѣдствіе разныхъ происковъ, осужденъ на рабство или совсѣмъ изчезъ; съ огорченіемъ вспоминая о жестокомъ и безчеловѣчномъ поведеніи Нѣмцевъ противъ несчастныхъ Балтійскихъ и Лабскихъ Славянъ, онъ обращается къ своему народу съ слѣдующими словами: „Эти примѣры, будучи близки и ясны, могутъ Чехамъ и народамъ славянскаго имени напомнить общую опасность и наставить ихъ съ величайшей пользой, чтобы предупредить угрожающее имъ зло“ ²⁾.

Съ другой стороны, и Лужицкіе Сербы хорошо сознавали, что ихъ

¹⁾ Чешскія хроники Кутена (1539) и Велеславина (1585), введеніи; Кроника Boleslavská (то-есть, Далимія), изд. П. Ешина 1620 г. (предисловіе), Благослава Чешская грамматика (232).

²⁾ Balbin: Miscellanea histor. regni Bohemiae (lib. III, p. 236), Dissertatio apologetica pro lingua slavo. praecipue bohem., 21.

одноплеменные находятся въ Чехіи, въ Польшѣ и въ другихъ странахъ. Это сознаніе, какъ мы видѣли выше, имѣло и практическіе результаты относительно сербскаго языка. Взаимныя сношенія между Чехами и Лужицкими Сербами поддерживала учрежденная позже (1704, 1716 гг.) для Сербовъ и до сихъ поръ существующая католическая семинарія въ Прагѣ.

III.

Поляки и Славяне Балтійско-Лабскіе.

1. Сношенія Поляковъ съ Балтійско-Лабскими Славянами.

Славянскія племена, заселившія обширныя равнины по рѣкамъ Одрѣ и Вислѣ на сѣверъ до Балтійскаго моря, на западъ до самой Лабы, происходили отъ одного корня. Эти жители „полей“ и „лѣхъ, лядъ“— всѣ они были „Ляхи“. Это подтверждаетъ общій этимъ Славянамъ языкъ, ихъ бытъ и древнія преданія. Объ этомъ національномъ единствѣ Ляховъ Балтійскихъ и Вислянскихъ знали и другіе Славяне: такъ русскій лѣтописецъ разказываетъ, что „Словѣне пришедши сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лютичи, или Мазовшане, или Поморяне“¹⁾.

Ляховъ раздѣлила исторія: восточная ихъ половина—Поляне, Слизане, Хорваты, Мазовшане и Поморяне сложились въ одно политическое цѣлое съ христіанскимъ устройствомъ, между тѣмъ какъ западные Ляхи, Бодричи и Лютичи, очутившись въ особомъ положеніи, погибли въ неравной борьбѣ съ Нѣмцами. Не удалась попытка Болеслава Храбраго соединить всѣхъ Ляховъ и вообще всѣхъ западныхъ Славянъ въ одно государственное тѣло. Лютичи и старинные ихъ союзники Чехи сами воспрепятствовали осуществленію этого плана. Ему благопріятствовали только Лабскіе Сербы. Хотя ихъ земли, въ борьбѣ Болеслава съ Нѣмцами, были главнымъ театромъ войны, хотя многочисленныя толпы Гломачей, Сербинчанъ и другихъ вводились въ плѣнъ въ Польшу: но все-таки сербскіе городскіе стражи, „вѣтники“, сносятся съ своими польскими соплеменниками и передаютъ имъ вѣренныя себѣ города. Но не всѣ Сербы присоединились тогда къ

¹⁾ П. С. Р. Л., I, 3. Польскій языкъ оказалъ большія услуги апостолу Поморянъ и Лютичей, Оттону Вамбергскому (Bielowski—Monum. Polon. histor. II, 126, 128).

Польшѣ; по рѣкѣ Сала, на которой Болеславъ отмѣтилъ новыя границы Польскаго государства, отдѣляла его отъ Германіи, а только Лабе и Галштровъ (Эльстеръ), и отъ нѣмецкаго яга освободились только одни восточные Сербы, Мильчане и Лужичане и присоединились къ Польшѣ.

Польша не оказалась на столько сильною, чтобы навсегда удержать за собою эти пріобрѣтенія: скоро послѣ смерти великаго Болеслава, границы Польскаго государства были оттѣснены опять дальше на востокъ до Бобра, Лабскіе Сербы выданы на жертву алчному нѣмецкому элементу, и на всегда пропало время, когда они, по одной народнои нѣснѣ, не зная еще ни словечка по нѣмецки, ходили на Нѣмцевъ.

Съ другой стороны подпали, и Балтійскіе Славяне подъ власть Нѣмцевъ; напрасно старается еще ихъ защищать могучій польскій князь Болеславъ III: и Рана, и западное Поморье сдѣлались добычей Нѣмцевъ, равно какъ и земля Бодричей, и земля Сторорянъ.

2. Мнѣнія Поляковъ о гибели Валтійско-Лабскихъ Славянъ.

Утрату славянскихъ земель лабско-балтійскихъ Поляки долго не могли забыть. О „железныхъ столбахъ“, водруженныхъ на Салѣ или Солалѣ, какъ границъ Польши, не разъ вспоминаютъ и позднѣйшіе Поляки, и еще въ 1454 г. Краковскій кастелянъ Янъ изъ Чижева, въ присутствіи короля Казимира и многихъ вельможъ, справедливо жалуется на то, сколько земель Польша дозволила, въ своей безопасности, занять Нѣмцамъ, особенно Лужицы и землю Любушскую безправно оторванныя отъ польской короны ¹⁾.

Отголоски древняго національнаго и отчасти и политическаго единства всѣхъ Лиховъ звучать еще въ памяти Поляковъ не только XIII-го, но и позднѣйшихъ вѣковъ. Въ Польшѣ хорошо знали, что эти „Вандалы или Венды и Поляки—были и суть одинъ народъ“. Польскіе летописцы, разказывая, что какой-то мифическій польскій князь, Лешекъ III, раздѣлилъ свою землю между двадцатью своими сыновьями, приводятъ въ числѣ удѣловъ и Камубію, нижнее Поморье, Рану, Бодричей, Варшововъ, Древлянъ—названныхъ такъ отъ лѣсовъ или

¹⁾ Boguslawski: *Rus dziejów-serbo-łużyckich*, 208. Еще въ концѣ XVII вѣка одинъ польскій поэтъ восклицаетъ: «Jelba, twój korony ściana niegdy, sny Bolesławie», который «żelazne Kazał Kolumny Kopac i na Elbie». (*Lipski—Wojna Chocimska*, 3, 196).

деревъ, — Сгорѣлецъ, называемый теперь Бранденбургъ, Силезію и разныя земли по рѣкамъ Лабѣ, Одрѣ, Пѣнѣ, Доленцѣ, Укрѣ, Реке-ницѣ, Варнавѣ, Гаволѣ, Спревѣ, Травнѣ или землю Травлянъ, и дру-гія области Польши между моремъ Балтійскимъ, Лабой и Гаволой. Во всѣхъ этихъ земляхъ жили прежде Славяне и построили, существую-щія и до сихъ поръ, города: Буковецъ или Любекъ, Плона, Временъ (отъ бремени), Добинъ, Висмаръ, Рагиборъ, Иловъ, Звѣринъ, Розтокъ и другіе. Всѣ эти Славяне или большая ихъ часть — такъ рассу-ждаютъ польскіе историки — находились когда-то подъ властью Боле-слава Храбраго, но послѣ его смерти оторваны отъ польской орлицы и подпали подъ власть разныхъ господъ.

На отмеченіе этихъ славянскихъ земель часто жалуются и позд-нѣйшіе польскіе писатели и напоминаютъ своимъ соотечественни-камъ, чтобъ они вспомнили, „сколько польскихъ земель отнято у нихъ Нѣмцами“. Почти всѣ эти Славяне (Лехиты - Ляхи, Венды, Вандали), жившіе при морѣ Балтійскомъ, поработены нѣмецкими государями, вытѣснены и прогнаны, особенно высшія сословія, и за-мѣнены нѣмецкими колонистами, такъ что изъ Славянъ остались не-многіе по деревнямъ, говоря „на польскомъ или славянскомъ язы-кѣ“, хотя и испорченномъ. Такъ, и въ Бранденбургіи жили Сла-вяне, говорившіе на польскомъ языкѣ, и въ Саксоніи Сербы или Вандали, и память Славянъ сохраняютъ здѣсь и до сихъ поръ мно-гія названія мѣстъ; да и Мекленбургскіе князья происходятъ отъ князей славянскихъ Бодричей, именно отъ Прибислава Никлотовича; также и князья поморскіе польско-ляшской крови; и если они сражаются въ рядахъ Нѣмцевъ противъ Поляковъ (какъ это случилось при Тан-ненбергѣ), то поступаютъ противъ своего народа ¹⁾.

Лужицкіе Сербы, пробудившись къ новой, хотя и ограниченной, литературной жизни, стали изучать ближайшіе себѣ языки славянскіе, польскій и чешскій, и сравнивать ихъ съ своимъ: такъ, напри-мѣръ, дѣйствовали уже въ XVII вѣкѣ оба Френцеля. Между Сербами въ Нижней Лужицѣ возобновилъ, или скорѣе, началъ литературное дви-женіе природный Полякъ Богумилъ Фабриціусъ (1701—1741 гг.).

¹⁾ Такъ рассуждаютъ польскіе историки Вогухвалъ и Паско (Bielowski Mon. Pol. hist. II, 470, 479), Длугошъ (I, 66, 185, 267), Матвѣй изъ Мѣхова (предисло-віе къ польской исторіи, описаніе Сарматіи), Сарницкій (402), Пясецкій (71), и друг.

Наконецъ замѣтимъ, что и на умирающіе остатки Водричей, на Древянъ, имя которыхъ было извѣстно Полякамъ еще въ XIII вѣкѣ, первый у Славянъ обратилъ вниманіе польскій ученый Іоаннъ Потоцкій ¹⁾.

IV.

Поляки и Русскіе.

1. Древнія преданія о происхожденіи Ляховъ и Руск. — Поляки и юго-западныя Русскіе (Русины). — Польскій языкъ на Руси и русскій въ Польшѣ. — Унія. — Воряба Поляковъ и юго-западныхъ Русскихъ въ XVII вѣкѣ.

Национальное единство и родство поселившихся на сѣверъ отъ Карпатъ, на Вислѣ и на Днѣпрѣ племенъ славянскихъ, позднѣйшихъ Ляховъ и Руси, является въ древнихъ польскихъ и русскихъ преданіяхъ. Они выводятъ этихъ Славянъ изъ дунайскихъ земель, изъ Панноніи или Угорской земли. На это родство указываютъ и разныя, болѣе или менѣе древнія сказанія о трехъ братьяхъ-выходцахъ — Чехѣ, Лѣхѣ и Русѣ, выселившихся будто съ юга на сѣверъ, о происхожденіи Поляковъ изъ русскихъ земель, изъ Новгорода, и проч. Память о первоначальномъ родствѣ и общемъ происхожденіи отдѣльныхъ племенъ славянскихъ за Карпатами сохранилась, кромѣ того, и въ нѣкоторыхъ одинаковыхъ ихъ названіяхъ. Такъ, на примѣръ, племя, поселившееся на сѣверномъ склонѣ Карпатъ или Хребтовъ, Карваты или Хорваты, раздѣлилось со временемъ на двѣ половины, изъ которыхъ западная примкнула къ Польскому народу, восточная же — къ Русскому; жившіе на самомъ восточномъ краю тогдашняго славянскаго міра племена, Вятичи и Радимичи, производились отъ Ляховъ еще въ XII вѣкѣ; близки и названія Кіевскихъ и Куявскихъ Полянъ, Сѣверянъ на Деснѣ и въ Силезіи, поморскихъ и русскихъ Волянянъ, и пр. ²⁾.

Въ IX—X вѣкахъ изъ этихъ закарпатскихъ Славянъ составились

¹⁾ Voyage dans quelques parties de la Basse Saxe pour la recherche des antiquités slaves ou vendes (1795).

²⁾ Замѣтимъ, что этнографическія границы между Ляхами и Русью почти не измѣнились; онѣ идутъ и теперь по Вислѣ, Вепрѣ и Бугу, какъ было, вообще говоря, уже въ IX—X вѣкахъ. Только между Вислой и Бугомъ Ляшское племя подвинулось немножко на востокъ, въ ущербъ русскому. Сравн., между прочимъ, соч. Петрушевича: Холмская епархія (Львовъ, 1867, также въ Холмскомъ мѣсяцесловѣ на 1871 годъ).

два государства и два народа: на западѣ — Польша (Ляхи), на востокѣ — Русь. Оба они стали развиваться своимъ особымъ путемъ: Поляки, применивъ къ западу, приняли и его цивилизацію, Русскіе же вошли въ кругъ цивилизаціи восточной, византійской. Это религиозное и культурное разъединеніе обоихъ славянскихъ народовъ придало ихъ исторіи рѣшительный поворотъ и имѣло сильное вліяніе на взаимныя ихъ отношенія въ послѣдующіе вѣка.

Польша и Русь, два смежныя государства, находились въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ. Польскіе князья безпрестанно вмѣшиваются въ дѣла Руси, особенно юго-западной, Карпатской, Волынской и Киевской, и наконецъ завладѣваютъ ею. Съ другой стороны, и русскимъ князьямъ не чужды интересы сосѣдней Польши. Польскіе поляки стояли часто подъ Галичемъ, Владиміромъ, Киевомъ, Полоцкомъ, Смоленскомъ и Москвою, Русскіе же — подъ Краковомъ, Завихостомъ и Варшавой; нерѣдко въ древне-славянскихъ земляхъ по Вислѣ, Днѣпру, Двинѣ и Волгѣ, въ братоубійственныхъ войпахъ, проливалась кровь Лѣха и Руса, долго не рѣшался споръ о ихъ первенствѣ на сѣверо-востокѣ Европы, пока, наконецъ, не водружено было русское знамя надъ Варшавой.

Не смотря на упорную борьбу и вражду Поляковъ и Русскихъ, на ихъ частыя столкновенія, эти два Славянскіе народа всегда ясно сознавали общее свое происхожденіе и родство. Поляки не забывали, что Русь, будто бы другой міръ, есть часть славянской земли и что народъ Русскій, безчисленнымъ своимъ множествомъ, равняется звѣздамъ; въ Польшѣ раздавались голоса: „братья милая Руси, потягнѣте за едино сердце“; въ случаѣ же враждебнаго столкновенія обоихъ народовъ, сознавались, „яко дьяволъ есть вовергъ вражду сію межи нами“, и не разъ „створиша межи собою клятву Русь и Ляхове, аще по семь коли будетъ межи ими усобица, не воевати Ляхомъ русское челяди, ни Руси лядьской¹⁾).

¹⁾ Письмо Краковскаго епископа Матвѣя (см. выше); такъ-называемая Ипатіевская лѣтопись, то-есть, лѣтопись княжества Волынско-Галичскаго, хорошо знающая событія въ сосѣдней «лядской» землѣ (П. С. Р. Л., II, 156, 169, 209). Подробностей о частыхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ Ляховъ и Руси мы здѣсь, разумѣется, не можемъ приводить; ими исполнены лѣтописи польскія и русскія. Замѣтимъ, что послѣдніе называютъ Поляковъ всегда «Ляхи» (adject. «лядскій»); какъ и югозападные Русскіе до сихъ поръ. Объ этомъ названіи сравн. особенно Шафарика, Слав. Древности, § 38, ч. 3, и статью П. Лавровскаго (Ж. М. Н. П., СХLXI).

Взаимныя сношенія Поляковъ съ югозападными Русскими (Русянами) были болѣе близки и тѣсны, чѣмъ ихъ связи съ Русью сѣверо-восточной или, какъ она обыкновенно называлась, съ Московскимъ государствомъ. Между Польшею и югозападной Русью рано завязались частыя сношенія, особенно между ближайшими другъ другу князьями Краковско-Судомірскими и Мазовскими и Галичско-Владимірскими, областю которыхъ Польша рано завладѣла. Остальная югозападная Русь досталась Польшѣ вслѣдствіе присоединенія къ ней Литвы. Такимъ образомъ, вся югозападная Русь тѣсно примкнула къ Польшѣ и во многомъ испытала польское вліяніе. Оно распространилось и на матеріальную, и на духовную сторону жизни этой половины Русскаго народа.

Польскія учрежденія и порядки, политическіе и соціальные, польскій языкъ и литература проложили себѣ путь не только до Львова и Владиміра, но и дальше до Кіева, Чернигова, Полоцка и даже до Смоленска. Во всей этой карпатской, поддѣпровской и подвинской Руси еще до XVI вѣка являються, по образцу польскому, воеводы, кастеляны, старосты, и образовывается изъ древнихъ русскихъ князей и боярь—новое особое сословіе, шляхта, которая захватываетъ въ свои руки всю политическую власть, собирается уже не на вѣчахъ вмѣстѣ съ остальнымъ народомъ, а приходитъ одна только на сеймики и на сеймы, постановляетъ законы, выбираетъ судей и другихъ чиновниковъ, наконецъ, вмѣстѣ съ польской шляхтой, и короля польскаго и великаго князя литовскаго и русскаго ¹⁾).

Мало того. Посредствомъ Польши и собственной Литвы, югозападная Русь стала входить въ кругъ и западно-европейской цивилизаціи. Польскій языкъ и литература стали проникать и въ русскія

¹⁾ Польскіе порядки и учрежденія казались иногда и Московскимъ Русскимъ лучшими ихъ собственныхъ. Такъ, Максимъ Грекъ, обличая безпорядки и злоупотребленія въ управленіи и судопроизводствѣ Московскаго государства, указываетъ на Поляковъ: «Аще и Латыня Ляховы суть по ереси, но всякимъ правосудіемъ и чловѣколюбіемъ правятъ вещи подручниковъ по уставленнымъ градскихъ законовъ» (Опис. рукоп. синодальн. библи., II, 2, стр. 528). Но, съ другой стороны, Русскіе тоже замѣтили, что Поляки-бояре «вся творятъ по своей воли, крадей же имѣютъ особно избранныхъ, и сихъ мало слушаютъ, и все творятъ по своему хотѣнію, и самовольствія государемъ своимъ не допускаютъ ни единого, купеческихъ же людей и поселянъ имѣютъ въ великой неволѣ» и пр. (Русская космографія XVII вѣка, у А. Попова: Изборникъ изъ русской хроногр., 525).

земли. Русская шляхта XVI вѣка стала все больше и больше отступать отъ стародавней своей православной вѣры и принимать разныя вѣроученія западно-европейской реформаціи и, послѣ католической реакціи, и католицизмъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, распространилось у нихъ и знаніе польскаго языка. На этомъ языкѣ была тогда знаменитая литература, какъ ни у одного другого народа славянскаго того времени. На польскомъ языкѣ процвѣтала не только самая важная, по духу того времени, литературная отрасль—переводы библій и вообще литература теологическая, но и довольно богатая и разнообразная свѣтская литература, между тѣмъ, какъ русская литература того времени, исключая строго юридическихъ памятниковъ, сухихъ лѣтописей и нѣкоторыхъ богословскихъ сочиненій, не представляла ничего особеннаго, да хранилась почти исключительно въ рукописяхъ—была мало доступна.

Съ другой стороны, русская шляхта стала все чаще сходиться съ польскою на сеймахъ и, такимъ образомъ, знакомиться и на практикѣ съ польскимъ языкомъ. Такъ, наиримѣръ, на достопамятномъ сеймѣ Люблинскомъ (1568—1569 г.) говорилось все на польскомъ языкѣ, хотя здѣсь южные Русскіе (Волинскіе и Кіевскіе) еще выговорили себѣ право исключительнаго употребленія русскаго языка въ своей публичной жизни, и чтобы всѣ ихъ письменности писались вѣчно не другимъ какимъ языкомъ, какъ русскимъ.

Вслѣдствіе совершившагося на этомъ сеймѣ полнаго слиянія Польши и Литвы въ одно государство, съ однимъ общимъ народнымъ (шляхетскимъ) представительствомъ, польскій языкъ съ тѣхъ поръ раздавался на сеймахъ почти исключительно; оригинальная русская рѣчь Смоленскаго кастеляна Мелешка на сеймѣ 1589 года—есть едвали не послѣдняя, сказанная на этомъ языкѣ въ собраніи представительства рѣчи посполитой¹⁾.

Такимъ образомъ, польскій языкъ дѣлалъ все большіе успѣхи между шляхтою югозападной Руси. Уже въ началѣ XVII вѣка пуженъ былъ польскій переводъ литовско-русскаго статута „для тѣхъ, которые не умѣютъ читать на русскомъ языкѣ, или чаще употребляютъ польскій“. Не забудемъ, что литовскій статутъ былъ обязателенъ только для Литовско-Русскихъ, а не для Польскихъ земель, и что въ немъ выразительно постановлено „писати по руску литерами

¹⁾ Акты южной и западной Россіи II, 188; Wi-zniewski: Hist. lit. pol. VIII, 480.

и словы рускими вси листы, выписы и позы, а не инымъ языкомъ и словы“.

Правда, шляхта юго-западной Руси часто вступаетъ въ пользу древняго своего языка русскаго, возстаетъ противъ навязываемаго ей польскаго языка, но противъ колонизаціи протестуетъ и на польскомъ языкѣ; русская шляхта и духовенство, „Русь стародавней религіи греческой“ заступается за свою православную вѣру, но свои требованія, свои статуты и книги по этому предмету пишетъ на польскомъ языкѣ¹⁾. Такъ какъ шляхта юго-западной Руси мѣнялась все больше въ католическую и польскую, то и убывали заступники русской народности и вѣры, и часто раздаются отъ русскихъ патриотовъ горькія жалобы на такое печальное положеніе дѣлъ въ польско-литовской Руси²⁾.

При такомъ значеніи и важности польскаго языка въ юго-западной Руси, не удивительно, что онъ въ значительной мѣрѣ повліялъ и на очень близкій ему языкъ русскій, который былъ въ употребленіи, особенно въ свѣтской литературѣ, въ югозападной Руси. Польское вліяніе на этотъ языкъ усиливалось со временемъ все больше и больше; въ русскій языкъ входили польскія слова, не только передѣланныя на русскій ладъ, но и въ чисто польской формѣ, противной духу русскаго языка; принимались разные термины юридическіе, военные и другіе, и наконецъ, цѣлыя обороты и фразы; хорошо замѣчаетъ одинъ юго-западный Русскій, что „якъ Поляцы у свои языкъ намѣшали словъ латинскихъ, которыхъ южь и простые люди з налогу (привычки) уживають: таеъ же и Русь у свои языкъ намѣшали словъ польскихъ и оныхъ уживають“³⁾. Поэтому не мудрено, что лучшему знатоку славянскихъ языковъ XVII вѣка, Хорвату Крижаничу, „бѣлорусское нарѣчіе“ показалось не особымъ „нарѣчіемъ, а скорѣе измѣненіемъ польскаго нарѣчія или просто искаженіемъ“, такъ какъ Русины въ своемъ языкѣ во всемъ подражаютъ Полякамъ, въ матеріальномъ и формальномъ отношеніи⁴⁾.

¹⁾ Сравни. Архивъ юго-западной Россіи II, 7 (Постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ въ юго-западной Россіи), литературу по церковной униі, и пр.

²⁾ Сравни., напримѣръ, Смотрницкаго Ореновъ, Рагаенсіс и др. Интересный примѣръ перерожденія Русина въ Поляка представляетъ Кіевскій епископъ Верещинскій въ концѣ XVI вѣка (см. его Wizerunek, изд. Туровскаго, 101).

³⁾ Акты западной Россіи (IV, стр. 229, запис. ок. 1600—1605 гг.).

⁴⁾ Вліяніе польскаго языка на русскій является, на сколько знаемъ, свидѣ-

При такомъ перерожденіи большей части Русскаго народа, именно что высшихъ, образованныхъ сословій, разумѣется, и многіе Русскіе стали писать на польскомъ языкѣ, сознавая еще вполне, что они не Поляки, а Русскіе; извѣстный Орѣховскій самъ называетъ себя „родомъ Русинъ, народомъ Полякъ“, и извиняется за свой польскій языкъ, какъ „грубый Русинъ“. Въ рядъ польскихъ писателей поступили и многіе Русскіе, такъ: Будный, Смотрицкій, Шимоновичъ, Зиморовичъ, Барановичъ и другіе. Они же ввели и многія русскія слова въ польскій языкъ, которыя въ немъ и остались ¹⁾.

Съ другой стороны, и русскій языкъ былъ довольно рано извѣстенъ въ Польшѣ. Такъ, уже въ началѣ XIII вѣка находилась у Ярослава, капоника Плоцкаго, русская лѣтопись ²⁾. Изъ королевской канцеляріи выходили грамоты на русскомъ языкѣ уже въ XIV вѣкѣ (при Казимірѣ), особенно же со времени восшествія Ягайловичей на польскій престолъ. Тогда русскій языкъ чаще раздавался и въ королевскомъ дворцѣ Краковскомъ. Владиславъ-Ягайло, не зная ни по-латински, ни по-польски, говорилъ по-русски; на этомъ же языкѣ говорили и писали его преемники до Сигизмунда-Августа, который первый поднялъ, заброшенный до тѣхъ поръ въ публичной жизни, языкъ польскій. На русскомъ языкѣ писана и надгробная надпись короли Казимира († 1492 г.), въ часовнѣ св. Креста въ Краковѣ ³⁾. Кардиналъ Збигнѣвъ Олешницкій пріобрѣлъ себѣ пріизнъ Витовта особенно тѣмъ, что хорошо зналъ русскій языкъ. Длугошъ, чтобы пользоваться

иже всего въ привилегіи Бѣльской землѣ 1501 года (Акты западной Россіи I, № 189); въ ней встрѣчаемъ даже такія слова: вѣнцей, вѣнстки, праца, кмѣть и др., названія «Русинъ» и «Полякъ» (не «Ляхъ») въ значеніи холопа и землина. Да и обыкновенное въ польскомъ стилѣ XVII вѣка примѣшаніе латинскихъ словъ и оборотовъ вошло въ русскій языкъ, какъ это встрѣчается, напримѣръ, въ волынской грамотѣ 1606 года (Архивъ юго-западной Россіи, ч. II, № 7). Польскія слова и термины: кгродъ, кгвалтъ, ницваніе, хоругваная шляхта, древцо съ прапорцемъ, панцыръ, шиховати и др., встрѣчаются постоянно въ статутахъ, грамотахъ и др. памятникахъ юго-западной Руси.

¹⁾ Орѣховскій называетъ себя «gente Roxolanus, natione Polonus» въ Fidei catholicae confessio (1561), и въ Quincunx (изд. Туровскаго, 38). Барановичъ въ своихъ стихотвореніяхъ «Lutnia Apollinowa» (1671) замѣчаетъ смѣль, что «Rusin do Polaka coś po polsku gdaka», и «że twój język i w Rusinie, ciesz się eńy Polaku, słynie» (р. 543).

²⁾ Wisniewski, Hist. lit. pol. II, 108, Biblioteka Warszawska, 1853, III, 23.

³⁾ Приводитъ еѣ Сарпицкій (Annales, 369).

русскими лѣтописями, учился уже въ старости русскому языку ¹⁾. Этотъ языкъ знали и другіе историки польскіе; между ними особенно Стрыйковскій, который пользовался многими русскими лѣтописями. Польскіе писатели любили примѣшивать въ свои сочиненія русскія слова, обороты и цѣлыя разговоры. Наконецъ, оба эти славянскіе языка часто раздавались въ одно и то же время и были понятны и Полякамъ, и Русскимъ ²⁾.

Общаго славянскаго происхожденія Поляковъ и Русскихъ не забыли и виновники роковой для обоихъ народовъ церковной уни. О „заблужденіяхъ Русскихъ бѣлыхъ, то-есть, Москвитянъ, и Русскихъ Червоныхъ, живущихъ въ Польшѣ и въ Литвѣ“ ³⁾, давно жалѣли въ Польшѣ, особенно же католическое духовенство. Такъ какъ первая униа Флорентинская съ теченіемъ времени разрушилась, то польскіе ревнителѣи ся, черезъ полтора столѣтія, стали хлопотать о ея возобновленіи. Однимъ изъ первыхъ поборниковъ этой мысли былъ иезуитъ Скарга. Посвящая знаменитое свое сочиненіе „О единствѣ церкви Божіей“ Польскому королю Сигизмунду III, онъ говоритъ, что издастъ эту книгу „о греческомъ расколѣ, жалѣя погибели славныхъ народовъ греческихъ, издавна погруженныхъ въ великій духовный мракъ и турецкою неволей уничтоженныхъ, и гораздо большую жалость имѣя къ нашимъ братьямъ Русскаго народа, соединеннымъ съ нами сосѣдствомъ, языкомъ и однимъ государствомъ, которые держатся этого раскола“. Разказывая о крещеніи многочисленныхъ и славныхъ народовъ славянскихъ, особенно стараніемъ римскихъ папъ, онъ замѣчаетъ, что одна только Русь приняла крещеніе отъ Грековъ. Упомявая

¹⁾ *Sano jam carite ad perdiscendas literas rutenas me ipsum appuleram.* Какъ пользовался Длугошъ русскими лѣтописями, объ этомъ сравн. Вестужева-Рюмина: О составѣ русскихъ лѣтописей (приложенія, 64).

²⁾ Въ помѣщенной у Стрыйковскаго (742) польской пѣснѣ о сраженіи Оршанскомъ князь Острожскій кричитъ на своихъ воиновъ по-русски; въ «Figliki» Рея Полякъ говоритъ по-русски съ Литвиномъ (то-есть, Руссиномъ), а въ другомъ мѣстѣ (Чтенія, 1246, I. Изслѣд., 35)—съ Москвитяниномъ; въ драмѣ М. Вѣльскаго «Sejm niewieści» (изд. 1595) Поликсена говорятъ по-русски, и пр. Въ разныхъ польскихъ сочиненіяхъ того времени встрѣчаются, напримѣръ, такіа русскія слова: *rohibel, dugować, sołowij, kniehuńie, druh, kniha* и др. На сѣздѣ евангеликовъ и православныхъ въ Вильнѣ 1599 года русскій священникъ Лука отвѣчалъ Поляку Гличнеру по-русски (*Regenvolscius, 486*), и пр.

³⁾ Сравн. записку Гвизненскаго архіепископа Іоанна Ласкаго «*de Ruthenorum nationibus eorumque erroribus*» 1514 года (*Turgenev: Hist. Russ. Monum. I, 123*).

дальше объ униі Флорентинской, онъ приводитъ въ числѣ полезныхъ сторонъ ея возобновленія и ту, что въ такомъ случаѣ сосѣдство католическихъ Поляковъ съ Русью было бы болѣе пріятно и мило, и сама Польша стала бы могущественнѣе. Къ такому возсоединенію Руси способствуетъ и одинъ общій государь, подъ которымъ Божіе провидѣніе соединило Русь съ Польшей и съ Литвой, и одинъ общій языкъ, и милое сосѣдство, и хорошее, спокойное сожителство. Русь не должна обращать вниманіе на Московскаго князя и народъ одинаковаго съ ней языка и религіи, потому что можетъ-быть и Москва послѣдуетъ примѣру Польско-Литовской Руси и соединится съ Римомъ ¹⁾.

Унія русской церкви въ государствѣ Польско-Литовскомъ состоялась, хотя не вполне, на извѣстномъ соборѣ Врестскомъ. Она дала поводъ къ непрерывной борьбѣ религіозныхъ, и наконецъ, и политическихъ партій въ Польшѣ. Напрасно нѣкоторые польскіе патріоты, предвидя гибельныя послѣдствія такой опасной борьбы для своего отечества, встаютъ противъ навязыванія униі Русскому народу; напрасно Гербуртъ и Збаражскій вопіютъ противъ преслѣдованія православной вѣры у „народа Русскаго, братіи и крови нашей“, указывая на возникающую по этому поводу ненависть противъ Польши не только всего Русскаго народа въ Польшѣ, Литвѣ и Москвѣ, но и остальныхъ Славянъ въ Турціи ²⁾. Но такіе отъезды были гласомъ вопіющаго въ пустынь, равно какъ и всѣ прошенія, протесты и угрозы православнаго русскаго дворянства. Оскорбленія православной русской вѣры не мало способствовали возстаніямъ казацкимъ и грознымъ бурямъ, волновавшимъ Польшу почти все XVII столѣтіе. Но и тогда, въ этой братоубійственной борьбѣ между Поляками и Русскими, когда нечего было и думать о примиреніи обоихъ остервененныхъ народовъ, тогда нѣкоторые болѣе дальновидные Поляки и Русскіе глубоко грустили надъ такою гибелью двухъ родственныхъ народовъ славянскихъ „той же крови и того же языка, разнящихся только нарѣчіемъ“ ³⁾.

Самъ Богданъ Хмельницкій, вызывая всю Русь къ возстанію противъ Лиховъ, не забываетъ, что начинается братоубійственная война;

¹⁾ O jedności Kościoła brzożego (Krak. 1590, 1-е изд. 1577 г.) Сравни. его же Obrona synodu Brzeskiego.

²⁾ Zdanie o narodzie Ruskim (сравни. выше).

³⁾ Kochowski: Annal. Polon. Climaet. (1683, введеніе).

по его словамъ, Поляки „отъ насъ Савроматовъ и Руссовъ уродившись и изшедши, и за едино съ початку, съ самовладною братією нашою Савроматами и Руссами бѣвши, повстали напрасно и беспо-вѣстно, якоже иногда Каинъ на Авеля, на Руссовъ альбо Савроматовъ, властную съ древности и природную братію свою“¹⁾.

Въ смыслѣ примиренія Ляховъ и Руси дѣйствовалъ тогда и знаменитый русско-польскій панъ Адамъ Кисель, православный русскій шляхтичъ, по вполнѣ прижкнувшій къ польскому государственному устройству, котораго однако Поляки, не довѣряя ему, называли „тайнственнымъ“, Русскіе же—„кость отъ костей нашихъ, отценившійся и приставшій къ Ляхамъ“. Кисель, съ одной стороны, всячески старался примирить казаковъ съ Польшей, а съ другой стороны, дѣйствовалъ и на польское правительство въ пользу Руси, особенно относительно ея вѣры. Уже въ самомъ началѣ борьбы, онъ написалъ Хмельницкому трогательное письмо (27-го августа 1648 г.), умоляя его прекратить свои враждебныя дѣйствія противъ Польши: „Въ торжественный день Вознесенія Богородицы, небесной царицы и единственной покровительницы народа Славянскаго, пишу это свое жалобное письмо и прошу эту наисвятѣйшую Мать Бога нашего, чтобъ укротила сердце ваше“²⁾.

Раздавались и въ Польшѣ голоса, что вражда и борьба Поляковъ и казаковъ лежитъ только въ интересахъ Турціи, и что обоимъ народамъ слѣдовало бы примириться и освободить стонущихъ подъ турецкимъ игомъ христіанъ. Съ упрекомъ спрашиваетъ одинъ современный польскій поэтъ Русскихъ, зачѣмъ они не пошли скорѣе освободить свою братію одной вѣры и одного племени, Сербовъ и Волгаръ Дунайскихъ, которне просили Хмельницкаго объ этомъ³⁾.

Съ другой стороны, и русскій авторъ, Лазарь Барановичъ, глубоко жалѣетъ о непрерывныхъ войнахъ польско-русскихъ въ ущербъ обоимъ народамъ и турецкимъ христіанамъ. Возставая противъ пословицы „пока свѣтъ свѣтомъ—не будетъ Русинъ Поляку братомъ“, онъ

¹⁾ Влоцерковскій универсалъ 1648 года (Акты западн. Россіи V, стр. 79).

²⁾ Памятники Киевской комиссіи III, 239, Iak. Michałowskiego Księga pamiętnicza 164. О спорахъ религіозныхъ Кисель выразился: „Mówmy sobie prawdę: duchowni nas wadzą z obu stron“. (Michałowski 608). Для характеристики славянскаго сознанія Киселя сравн. ниже его рѣчь царю Алексію Михайловичу.

³⁾ Momenta rationum, quibus adduci debet Chmielnicius ad pacem, 1651--1652 (Michałowski, 652); Sam. Twardowski: Wojna domowa (Krak. 1660, 2 изд. Kalisz, 1681, p. I, 44).

просить помощи у самого Бога: „Боже умножи любовь между ними, потуши въ нихъ искру гнѣва, и самъ Духъ Святой примири Русь съ Ляхами, сжался надъ несчастною порой, гдѣ сарматскіе слпони бьются между собою на радость Турку; прекрати обоюдную вражду мужественнаго Русина и могучаго Ляха и обрати ихъ дѣятельность противъ Турка, чтобъ они соединенными силами освободили свою братію. Молдаване, Волохи и Сербы умножать войско польскос, и если орлы московскій и польскій вмѣстѣ полетятъ на Турка, то его навѣрное истребятъ“¹⁾.

Но объ искреннемъ примиреніи шляхетской и католической Польши и казанкой народной православной Руси—ничего было и думать. Напрасно раздавались тогда прекрасныя слова, что „въ соединеніи знаменитыхъ народовъ Польскаго, Литовскаго и Русскаго въ одно государство, въ ихъ неразлучномъ единодушіи и любви и соединенныхъ силахъ состоитъ защита всего христіанства противъ врага святаго креста“; напрасно Польша обѣщала всевозможныя выгоды Руси и ея „стародавней религіи греческой“ въ предѣлахъ, „докуда языкъ народа русскаго досигаетъ“: все это оставалось пустыми словами и неисполнимымъ желаніемъ.

Тогда казалось, что обоихъ славянскихъ народовъ примирить ближайшій ихъ сосѣдъ и соплеменникъ, царь Русскій, что вся Рѣчь—исполнитая Польская добровольно примкнетъ къ восточному государству Русско-Московскому, и такимъ образомъ, осуществится уже за сто лѣтъ до того являвшійся нѣсколько разъ планъ образованія одного огромнаго восточно-славянскаго государства отъ Одры и Балтійскаго моря на востокъ за Волгу далеко въ Азію, до границъ Китая.

Но эта надежда только мелькнула и прекратилась въ самомъ зародышѣ.

2. Польша и сѣверо-восточная Русь (Москва).—Мысли объ избраніи Русскаго царя въ Польскіе короли и о союзѣ обоихъ славянскихъ государствъ въ XVI—XVII вѣкахъ.

Съ восточною Русью или великимъ княжествомъ Московскимъ Польша познакомилась посредствомъ, соединенной съ нею подъ одною

¹⁾ Lutnia Apollinowa (1671, p. 427), Nowa iniaara staréj wiary (1675, p. 343); послѣдняя книга посвящена царю Алексѣю Михайловичу, первая — царевичу Іоанну Алексѣевичу,

династіей—Ягайловичей, Литвы. Король Польскій, будучи и великимъ княземъ Литовскимъ и Русскимъ, имѣлъ частыя сношенія и столкновения съ смежнымъ восточно-русскимъ государствомъ. Иногда оба государя общаются, какъ „братья“, другъ другу взаимную „помощь на всякаго недруга“¹⁾; но гораздо чаще они сами являются заклятыми врагами.

Не смотря на вражду, которая завязалась между государствами Польско-Литовскимъ и Русско-Московскимъ изъ-за первенства на европейскомъ востокѣ, оба народа, Поляки и Москвитяне, всегда сознавали, что они одного славянскаго происхожденія. И если Поляки и называли „Москалей“ наследственными своими врагами, варварами и пр., то все-таки никогда не забывали, что „во всей Москвѣ говорятъ на русскомъ или на славянскомъ языкѣ“, и что „сама одинаковость у насъ и Москвы языка, явно свидѣтельствуетъ, что мы приходимъ отъ одного народа и поэтому мы несомнѣнно дѣти общаго отца“; всегда помнили, что Русь—„славное царство славянскаго народа, населенное Русинами или Русскими, раздѣлена между двумя государями, Московскимъ и Польскимъ“, что рѣки Сечь, Сула, Пселъ и Ворскла отдѣляютъ „два славянскіе народа“. Съ другой стороны знали и Русскіе, что Польское государство основано „словенскимъ княземъ Ляхомъ“, и что Поляки, хотя „вѣры лядской, римской, папешской, языкъ же имутъ словенскій“²⁾.

Съ государствомъ Русско-Московскимъ Польша сносилась особенно посредствомъ юго-западной Руси. Переговоры съ Москвою велись на русскомъ или такъ-называемомъ бѣлорусскомъ языкѣ³⁾. Поэтому туда ходили польскими послами обыкновенно паны изъ православной юго-западной Руси, которые съ царями и ихъ боярами умѣли говорить

¹⁾ Сравни, напримѣръ, договоръ великаго князя Василія Васильевича съ королемъ Казиміромъ 1449 г. (Акты Запад. Россіи I, № 60).

²⁾ Matth. de Miechow (Tractatus de duabus Sarmatiis lib. II.), I. Bielski (Kron. polska 14), Kochowski (Annal. Polon. Climact. I, 3), Morsztyn Zbigniew (Pieśni miłosne 1647 г., wyd. 1844, p. 37). Русскіе хронографы и космографіи XVI—XVII в. (А. Поповъ: Изборникъ изъ русск. хронографовъ, 131, 464, 525).

³⁾ «Издавна повелось, что грамоты королевскія къ великому государю пишутся бѣлорусскимъ письмомъ», говорятъ 1646 года московскіе послы польскимъ панамъ, споря съ ними объ одной формѣ этого языка. (Соловьевъ: Ист. Россіи X, 136). «Бѣлорусскимъ» называютъ въ Москвѣ языкъ югозападной Руси.

на русскомъ языкѣ; таковы, напримѣръ, были Тышкевичъ, Ходкевичъ, Гарабурда, Сапѣга, Кисель и др. ¹⁾.

Славянское сознание Поляковъ и Русскихъ проявлялось особенно тогда, когда представлялся случай соединить Польшу и восточную Русь въ одно государство. Это было нѣсколько разъ въ XVI и XVII столѣтїяхъ. Русскіе цари, считаясь законными государями всей юго-западной Руси, отъ Карпатъ до Смоленска, „отчины св. Владиміра“, стремились уже съ конца XV вѣка присоединить ее къ своему государству. Эти стремленія ихъ нерѣдко раздѣляли и Литовцы, то-есть, по большей части Русскіе; наконецъ и сами Поляки не были прочь отъ избранія русскаго царя въ свои короли, надѣясь на укрѣпленіе своего государства, особенно противъ Турокъ и Татаръ. Что оба славянскіе государства, Польско-Литовское и Русско-Московское не были соединены еще въ XVI—XVII вѣкѣ мирнымъ образомъ, тому препятствовало преимущественно различіе вѣроисповѣданій: царь русскій не хотѣлъ да и не могъ сдѣлаться католикомъ, не желая измѣнить своему народу, и наоборотъ, король польскій не могъ, по той же самой причинѣ, принять православіе.

Послѣ прекращенія династіи королей польскихъ и великихъ князей литовско-русскихъ изъ дома Ягайла, въ числѣ кандидатовъ на польскую корону явился и царь русскій. Сами Поляки и Литовцы имѣли его въ виду какъ государя „славянскаго“.

Еще при жизни бездѣтнаго Сигизмунда - Августа, Поляки и Литовцы преемникомъ Сигизмунда желали имѣть царя или царевича Ивана. Это передали царю и сами польскіе послы, прибывшіе въ 1570 году въ Москву, для заключенія вѣчнаго мира между Польшей и Москвой. Въ тайной конференціи съ государемъ они объявили ему, что „польскіе и литовскіе вельможи, видя короля своего безъ наследника и не желая отъ бусурманскихъ или иныхъ земель для себя государя, положили намѣреніе избрать государя отъ словенскаго роду по волѣ, и прихилиются къ тебѣ, великому государю и твоему потомству“. Послы же Московскіе Польшѣ тоже извѣщали царя, что „въ Варшавѣ говорятъ, что кромѣ Московскаго государя — другаго

¹⁾ Ходкевичъ, посолъ къ царю 1563 года, извѣщалъ, что по поводу частаго пребыванія въ Польшѣ «языкъ мой русскій помѣшанъ съ польскимъ языкомъ, такъ что рѣчей моихъ и не узнать, что стану говорить». Но царь ему велѣлъ говорить, какъ умѣетъ, и «если что и по-польски скажешь, мы поймемъ». (Соловьевъ, Ист. Россіи VI, 260).

государя не искать; говорятъ, что паны уже и платъе заказываютъ по Московскому обычаю и многіе уже посятъ; что королевѣи очень хочется быть за государемъ-царемъ" ¹⁾).

Скоро послѣ смерти послѣдняго Ягайловича, раздался въ западномъ углу Польши голосъ въ пользу русскаго царя. Въ концѣ 1572 года безыменпый шляхтичъ изъ Калиша издаетъ брошюру „Показаніе пользъ, которыя произошли бы отъ припятія Московскаго князя и вреда отъ выбора короля изъ западныхъ господъ“. Калишскій шляхтичъ обращается особенно къ мелкой шляхтѣ и приводитъ на память совѣтъ короля Сигизмунда, чтобы по его смерти, ради многихъ пользъ, выбранъ былъ никто другой, какъ князь Московскій: вѣдь не даромъ же Чешская княгиня, вѣщая Любуша, послала въ сѣверныя страны и взяла въ мужья крестьянина отъ плуга. Самъ Богъ такъ искони постановилъ, чтобы Сарматы ни откуда большаго умноженія не могли имѣть, кромѣ сѣверныхъ странъ, подобно тому какъ нѣкогда Римлянамъ ни одинъ другой народъ не могъ сопротивляться, кромѣ Сарматовъ и Скивовъ. Авторъ рекомендуетъ царя Ивана въ короли польскіе между прочимъ и кромѣ „понятнаго его языка“, и мечтаетъ о сляніи Москвы, Литвы и Польши въ одно государство по примѣру присоединенія Литвы къ Польшѣ при Ягайлѣ.

Мысль объ избраніи русскаго царя въ короли польскіе и о соединеніи Польши съ Русью была тогда очень распространена въ Польшѣ и особенно въ Литвѣ; не мало содѣйствовало тому и „сходство языка и обычаевъ“. По словамъ секретаря французскаго посла въ Польшѣ, партія русская была для другихъ самая опасная, такъ какъ не было чловѣка въ Рѣчи Посполитой, который не сознавалъ бы выгоды проч-

¹⁾ Бантышъ-Каменскій: Переписка между Россіей и Польшею по 1700 г., составленная по дипломатическимъ бумагамъ Московскаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ, I, 33 (въ Читеніяхъ 1860, 1861 гг.). На основаніи тѣхъ же самыхъ бумагъ А. Малиновскій составилъ статью: Историческія доказательства о давнемъ желаніи Польскаго народа присоединиться къ Россіи (пис. 1815 года, сравн. Опис. рукоп. Румянцевск. Муз. 381, напечатано съ прибавленіемъ разныхъ бумагъ 1833 г. въ Трудахъ и лѣтописяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс. VI.). Сравн. Соловьева (пользовавшася тѣми же самыми бумагами) Ист. Россіи VI, 272. Въ пользу соединенія Польши и Московской Руси высказался еще при жизни Сигизмунда-Августа Андрей Цесельскій, совѣтовавшій Полякамъ выбрать себя еще при жизни короля второго сына царя Ивана, который пожаловалъ бы его Смоленскомъ, Псковомъ и Новгородомъ. (Ad equites, legatos ad conventionem Varsov. publice designatos etc. oratio, Cracov, 1572).

наго мира и соединенія этихъ двухъ большихъ, сильныхъ и могущественныхъ государствъ ¹⁾).

Когда, черезъ два года (1575), тронъ польскій вновь лишился государя, Поляки опять обратили свое вниманіе на восточнаго царя, котораго сопоставляли съ „Пястомъ“, то-есть, съ домашнимъ шляхтичемъ. Его желала выбрать въ короли шляхта многихъ воеводствъ, Краковляне, Ланчичане, Сандомиряне, Волыняне, Люблиняне, Кіевляне и др.; ему благопріятствовали вліятельныя лица, какъ напримѣръ, Шафранецъ и Замойскій. Послѣдній, бывшій тогда старостою Белзскимъ, возставая противъ избранія иностранца, особенно Нѣмца, прямо говорить, что великій князь Московскій мало разнится отъ Пяста и представляетъ почти тѣ же самыя выгоды, какъ землякъ, а Ланчицкій воевода Сераковскій, говоря въ пользу такого короля, который „былъ бы пожилыхъ лѣтъ и употреблялъ нашъ языкъ для отправленія разныхъ дѣлъ“, замѣтилъ, что такимъ королемъ представляется лучше всего великій князь Московскій, но по причинѣ его молчанія, нельзя о немъ и говорить. Наконецъ и самъ примасъ-архіепископъ Уханскій тайно прислалъ царю, съ русскимъ посломъ, образцы грамотъ на польскомъ языкѣ, какъ слѣдуетъ ему писать въ Польшу духовенству, шляхтѣ и отдѣльно каждому вельможѣ, то-есть, упомянуть, что „онъ не еретикъ, а христіанинъ, крещенъ во имя св. Троицы, что Поляки и Русскіе, будучи одного племени Славянскаго или Сарматскаго, должны, какъ братья, имѣть одного государя“ ²⁾).

Различіе вѣроисповѣданій и вообще слишкомъ трудное соглашеніе интересовъ польскихъ и русскихъ помѣшали избранію русскаго царя въ польскіе короли, въ большому удовольствію иностранцевъ. „Только Богъ удалилъ Москвитянина“, восклицаетъ вышеупомянутый секретарь французскаго посла въ Польшѣ,—„ибо если бы оба эти государства соединились другъ съ другомъ, то у Германіи не хватило бы

¹⁾ Miscellanea 1572—1576 (рукоп. Варшавск. унив. библ. № 599, fol. 25 sq.); Broel-Plater: Zbiór pamietników do dziejów pol. III, 40; Записка аббата Giovanni (Turgenev Histor. Russ. Monum. I, 232, 270); Choisin (изд. Лондон. 248). Сравни. Трачевскій: Польское безкоролье, Малиновскій: Ист. доказ. 15, 201; Соловьевъ, Ист. Россіи VI, 317; Noailles: Henri de Valois (III), и др.

²⁾ Современный Orzelski: Bezkrólewia Ksiąg ośmiorgo II, 230; Ваптышъ-Каменискій: Переписка I, 144; Малиновскій: Ист. доказ. 25; Соловьевъ, Ист. Россіи VI, 330. Одинъ польскій воевода писалъ тогда Розенбергу: «Очень боюсь Москвы, ибо шляхта и народъ ей благопріятствуютъ» (Bieżan: Żivot Vil. z Rosenberka 218).

средствъ защищаться, и равнымъ образомъ, на остальное христіанство напалъ бы большой страхъ“¹⁾).

Но самая мысль о соединеніи обоихъ славянскихъ государствъ не оставляла Поляковъ, и они еще нѣсколько разъ пытались осуществить ее. Не помѣшала тому и жестокая война, которую началъ король Стефанъ Баторій съ царемъ Иваномъ. И тогда въ Польшѣ не забывали, что восточные Русскіе—ихъ соплеменники. „Москвитяне и Поляки“, писалъ въ это время первый польскій поэтъ того времени, Кохановскій, — „одного рода славянскаго; ихъ, тѣсно связанныхъ, раздѣлило разное вѣроисповѣданіе — зло, которое раздѣляетъ единодушныхъ братьевъ; за княженіе Русское были многіе споры и очень кровавыя войны между обоими, и миръ не установился и до сихъ поръ; устарѣлую ненависть возбудило новое оскорбленіе“²⁾).

Стефанъ въ концѣ своей жизни, задумывая планъ похода противъ Турокъ, намѣревался, во первыхъ, завоевать государство Русско-Московское, и такимъ образомъ, соединить силы всей восточной Европы противъ азіатскихъ варваровъ³⁾. Но такъ какъ этотъ планъ оказался неисполнимымъ, то Стефанъ сталъ думать о соединеніи обоихъ государствъ мирнымъ путемъ. Еще при жизни короля самъ примасъ-архіепископъ Карнковскій сказалъ Московскимъ посламъ, что по смерти короля „думаемъ быть съ вами вмѣстѣ подъ рукою вашего государя“, и польскій носоль въ Москвѣ, Гарабурда, предлагалъ соединеніе Польши, Литвы и Москвы въ одно государство, въ случаѣ кончины короля Стефана или царя Θεодора. Польскіе и литовскіе министры и сенаторы, духовные—въ ихъ главѣ примасъ-архіепископъ—и свѣтскіе, указывали митрополиту Московскому и ближнимъ боярамъ, „своей братіи“, на выгоды соединенія обоихъ государствъ и народовъ „одно и не розное рѣчи и языка; и сперва идемъ съ собою, кабы изъ однихъ народовъ; къ тому съ вами одного Бога хвалимъ, многіе изъ насъ будучи тоежъ однос вѣры хрестьянскія, греческія; и потомъ которая жъ бы сила непріятельская противъ такимъ государствамъ въ единачество межъ себя случоннымъ стояти могла?“ Польскіе вельможи усиленно просили бояръ хлопотать о такомъ соединеніи, кото-

¹⁾ Choisinin, 388.

²⁾ Ad Stephanum Bathorrhœum (sic) regem Poloniae inclytum Moscho debellato epinicion a. 1582 (Cracov, 1583).

³⁾ Bielakí Kron. pol. 804; Heidenstein: Rer. polon. ab excessu Sigism. Aug. libri XII (изд. Франкѳуртское, р. 238, сравн. также 225).

рое было бы очень полезно всѣмъ тѣмъ народамъ. Въ такомъ смыслѣ говорилъ и Гарабурда царю и боярамъ, заявляя желаніе, чтобы въ случаѣ смерти того или другаго государя соединились Польша, Литва и Москва подъ одною рукою, „Краковъ противъ Москвы, а Вильна противъ Новагорода, и стояти государствамъ обѣма за одно въ докончальи“. Царь и бояре соглашались жить съ Польшею въ братской любви, и „государствамъ бы обоимъ быти въ соединеніи“ противъ всѣхъ враговъ ¹⁾.

И дѣйствительно, по смерти Стефана (1586 г.), въ Польшѣ стали стараться объ избраніи царя Феодора польскимъ королемъ. Опять стали указывать на то обстоятельство, что русскій царь—славянскаго рода и мало рознится отъ Поляковъ языкомъ и обычаями, и на большія выгоды, которыя произошли бы отъ соединенія обоихъ сосѣднихъ государствъ „одного языка и народа славянскаго“. Объ избраніи Феодора особенно хлопотали Литовцы; они уже на своемъ сеймикѣ, въ Волковыскѣ, обязались не принимать въ короли другаго, кромѣ русскаго царя. Въ пользу его дѣйствовали и у Поляковъ самыя вліятельныя лица литовскія, воеводы Виленскій — Радивиль, Троцкій—Глѣбовичъ и Брацлавскій — Збаражскій. Съ другой стороны, и самъ царь и его бояре серьезно думали о соединеніи обоихъ государствъ, или по крайней мѣрѣ, о присоединеніи Литвы „одной вѣры и одного обычая“ съ Москвою. Бояре сами признавали большой вредъ, протекающій изъ вражды и ненависти обоихъ государствъ для всего христіанства, и большія выгоды изъ соединенія: тогда Молдавія, Валахія, Воснія, Сербія и Венгрія, подвластныя Туркамъ, достались бы Польшѣ и Литвѣ. Въ соединеніи обоихъ государствъ Поляки и Русскіе вообще видѣли большую славу и пользу не только для себя, но и для всего христіанства.

На избирательномъ сеймѣ (1587 г.) литовская шляхта, посредствомъ своего маршалка Паца, объявила, что единогласно принимаетъ Феодора и съ тѣмъ готовилась уѣхать домой. Около двухъ тысячъ мазовской шляхты кричало также сенаторамъ, что не Нѣмца хотятъ, а князя Московскаго; воевода Иновлоцлавскій предлагалъ Пяста или шведскаго королевича, а еслибы не всѣ согласились, то—Московскаго князя.

И послѣ избранія Максимилиана въ польскіе короли и Сигизмунда

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи VII, 270, 273. Вагтышъ-Каменскій: Переписка II, 10; Малиновскій: Ист. доказат. 32, 209—235 (грамоты).

Шведскаго, паны литовскіе не перестали хлопотать объ избраніи Теодора, или по крайней мѣрѣ, о присоединеніи Литвы, Руси, Подлѣсья и Мазовіи къ государству Русско-Московскому, никакъ не желая имѣть на троугъ Нѣмца. „У насъ писанное дѣло“, сказали Радивилъ и Глѣбовичъ русскимъ посламъ, — „что нѣмецкій языкъ словенскому языку никакъ добра не мыслить; и намъ какъ котораго Нѣмчина взять себѣ за государя?“

Избраніе русскаго царя въ короли польскіе не удалось на этотъ разъ по тѣмъ же самымъ причинамъ, которыя воспрепятствовали избранію его отца¹⁾.

Но если не удалось соединеніе обоихъ государствъ въ одно, то по крайней мѣрѣ сами Поляки старались о заключеніи вѣчнаго мира и самаго тѣснаго союза съ русскимъ царемъ. По этому поводу (1600 г.) прибыли въ Москву польско-литовскіе послы, литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, Варшицкій и Цельгримовскій, предлагая царю Борису такой союзъ. Въ инструкціи, данной посламъ самимъ королевемъ Польскимъ Сигизмундомъ, между прочимъ сказано слѣдующее: „Второй посолъ долженъ говорить: замѣчая и соображая, какъ важны согласіе, любовь и соединеніе наше, великихъ государей, не только для тѣхъ народовъ, которыми по Божьей милости счастливо владѣемъ, и которые будто одной вѣры и одного языка и происходятъ отъ одного народа славянскаго, но и для всего христіанства, то желаемъ съ тобою, Борисомъ Теодоровичемъ всяя Руси, жить въ согласіи, любви и соединеніи“. Въ проектѣ же союзнаго трактата, предложеннаго Сапѣгой, первая статья гласитъ о томъ, чтобъ оба государя и всѣ жители Польши, Литвы и Москвы были въ вѣчной, нераздѣльной любви братской, какъ люди одной вѣры христіанской, одного языка и народа славянскаго“. Остальныя статьи касаются взаимнаго престола-наслѣдія и помощи обоихъ государей и почти совершеннаго сліянн

¹⁾ *Diaryusz elekcji Zygmunta III.* (Turgenev *Histor. Russiae Monum.* II, 22); *Bielski Kron. Polska* (продолженіе, изд. Туровскаго стр. 1543); *Малиновскій: Ист. доказат.* 35, 236; *Соловьевъ, Ист. Россіи VII*, 281; *Źródła do dziejów polskich* (wyd. Malinowski i Przewdziecki II, 141). Сравни также Варшавскаго *Regum polon. etc.* (ed. Ciampi 38, 99), *Нясецкаго Chronic.* (70).—О тогдашнемъ настроеніи умовъ противъ Нѣмцевъ на литовской Руси можно судить и по интересной рѣчи Смоленскаго кастеляна Мелешка на сеймѣ 1589 г. (*Акты Южн. и Зап. Россіи II*, 188). Мелешко между прочимъ говоритъ о королѣ Сигизмундѣ I, что онъ «Нѣмцевъ якъ собакъ не любилъ, и Ляховъ зъ нихъ хитрослыми велмъ не любилъ, але Литву и нашу Русь любительно миловалъ».

обоихъ государствъ въ одно; да и „для крупчайшаго соединенія этихъ славянскихъ государствъ и для объявленія его передъ цѣлымъ свѣтомъ, должны быть сдѣланы двойныя короны; одна посломъ Московскимъ возлагается при коронаціи на короля Польскаго, а другая посломъ польскимъ возлагается на государя Московскаго“. Этотъ проектъ, разумѣется не состоялся ¹⁾.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, казалось, должна была осуществиться мысль о тѣсномъ союзѣ и даже и о соединеніи Московскаго государства съ Польшей.

Царскій вѣнецъ всея Руси принимаетъ мнимый царевичъ Дмитрій; его поддерживаютъ польскіе вельможи, и съ ихъ помощію, онъ занимаетъ ураздненный престолъ Рюриковичей и приводитъ въ Москву супругу свою Марину, дочь Сандомірскаго воеводы Юрія Мнишка ²⁾. Въ этомъ событіи видѣли тогда въ Польшѣ прекращеніе вѣковыхъ споровъ и примиреніе обоихъ народовъ славянскихъ. Польскій поэтъ Станиславъ Гроховскій, воспѣвалъ этотъ бракъ, призываетъ Поляковъ и Русскихъ къ общей радости: „Съѣзъ въ государствѣ своемъ мужъ сердца великаго, царь Димитрій Ивановичъ, при которомъ Москва процвѣтаетъ, побратавшись съ Польшей и соединившись съ нею кровью. Славный подъ солнцемъ Славянскій народъ, радуйся своему согласію; до границъ свѣта проникаетъ твоя слава и касается самого неба! Сандомірскій воевода, посредствомъ тебя произошло согласіе съ Польшей! Тебя мои славянскія струны будутъ прославлять на всѣ стороны, и ты будешь слыть между славными богатырями славянскими!“ ³⁾.

Когда царь Димитрій (3-го мая 1606 г.) принималъ родственниковъ Марины и польскихъ пословъ, то отъ имени первыхъ Мартынъ Стадницкій, гофмейстеръ царицы, выразилъ надежду на лучшую будущность. „Въ настоящія времена упадка царствъ христіанскихъ“, сказалъ между прочимъ ораторъ, — „Богъ, на страхъ невѣрнымъ, даровалъ христіанамъ утѣшеніе въ томъ, что, подвергнувъ ваше ве-

¹⁾ Сборникъ князя Оболенскаго № 7; Poselstwo Lwa Sapiehy w r. 1600 do Moskwy, podług dyaryusza El. Pielgrzymowskiego sekretarza poselstwa, z rękopiśm przez wład. Trębickiego opisane, 29; Соловьевъ, Ист. Россіи VIII, 23. Сравни также Когновикіи: *Życia Sapiehów* I, 63, Adelung: *Reisende in Russland* II, 1.

²⁾ Отецъ Юрія, Николай († 1553), коронный подкоморій, прибылъ въ Польшу изъ Чехіи.

³⁾ *Pieśni na fest ucieszny wielkim dwiema narodom, polskiemu i moskiewskiemu Dymitra Iwanowica cara i M. Mniszkówny r. 1606* (изд. Туровекаго 103).

личество искушеніямъ, которыми обыкновенно укрѣпляетъ своихъ избранныхъ, восхотѣвъ соединить ваше царское величество родственнымъ союзомъ съ народомъ, мало различнымъ отъ вашего народа по языку, обычаямъ и отъ вѣковъ равнымъ по силѣ, великодушію, храбрости и мужеству. Теперь угаснуть притворство и недоверіе между Поляками и Русскими, прекратятся жестокия и варварскія кровопролитія между нами, и взаимныя силы обоихъ народовъ съ благословенія Божія обратятся съ успѣхомъ противъ невѣрныхъ. Этого желаемъ не только мы, но и всѣ христіанскіе народы¹⁾.

Надежды эти, однако, не сбылись. Вслѣдствіе занятія русскаго престола мнимымъ царевичемъ Димитріемъ произошли въ Русскомъ царствѣ страшныя смуты, въ которыя вмѣшалась и Польша, желая воспользоваться ими для завладѣнія Москвою. Русскіе по неволѣ выбираютъ въ свои цари Польскаго королевича Владислава. Въ Польшѣ надѣются на прекращеніе обоюдной вражды между обоими государствами и народами въ ущербъ басурманамъ и мечтаютъ о сліянніи обоихъ государствъ въ одно. Гетманъ Жолкевскій указываетъ королю Сигизмунду на то, что въ случаѣ избранія Владислава въ русскіе цари, онъ легко могъ бы быть избранъ и въ короли польскіе, такъ какъ ни одинъ изъ кандидатовъ не могъ бы принести Рѣчи Посполитой такой пользы, какая послѣдовала бы отъ соединенія нашей Рѣчи Посполитой съ Московскимъ государствомъ. Сто-шестьдесятъ лѣтъ прошло отъ Ягайла до той поры, какъ великое княжество Литовское слилось съ Польшей; такъ будетъ со временемъ и съ Московскимъ государствомъ²⁾. Наконецъ, являются и планы о преобразованіи Московскаго государства посредствомъ польскаго вліянія: болѣе важнымъ городамъ пусть жалуютъ права городовъ прусскихъ или нѣмецкихъ, пусть устроятся колонизація изъ Польши въ Москву, пусть высылаются молодые люди на воспитаніе въ Польшу, весь народъ Русскій пусть будетъ пожалованъ польскими правами и свободами, и проч. Но съ другой стороны, многіе Поляки считали соединеніе Поляковъ и Москвитянъ невозможнымъ, „ибо чтобы они оба ужились, потребно содѣйствіе Духа Святаго“²⁾.

¹⁾ Turgenev: *Histor. Russ. Monum.* II, 166; Костомаровъ: *Смутное время*, I, 323. Тогда приготовлялся союзъ Польши и Московской Руси противъ Турокъ. (Turgenev, II, 103, 115; *Акты Зап. Россіи*, IV, 251).

²⁾ Письмо короля Сигизмунда Московскимъ боярамъ 1610 г. (*Временникъ* I, смѣсь 35); Записки гетмана Жолкевскаго о Московской войнѣ (108); *Pisma Żół-*

Соединеніе обоихъ государствъ не осуществилось и тогда, преимущественно по поводу разницы вѣроисповѣданій: Владиславъ не занялъ Московскаго трона. Но не смотря на всѣ долготѣнія враждебныя дѣйствія между Поляками и Русскими, въ Польшѣ осталось и въ слѣдующихъ годахъ желаніе видѣть Владислава царемъ русскимъ, желаніе, чтобы „польскій орелъ и Московскій коршунъ летали вмѣстѣ и сѣли на одномъ деревѣ“; тогда оба примиренные народа могли бы сообща обратиться противъ Турокъ и освободить христіанъ изъ неволи. Представители обоихъ государствъ въ послѣдствіи нерѣдко совѣщаются, „какъ и чѣмъ унять кровь христіанскую и обонимъ великимъ христіанскимъ государствамъ и народамъ оставить всякую недружбу, и жить съ собою въ пріязни, согласіи и братской любви во вѣки нерушимо“, такъ чтобы и ихъ друзья, и враги особенно Турки и Татары, узнали, что „оба эти народа ради общаго добра слились въ одно и то же тѣло“¹⁾. И когда, наконецъ, оба государства заключили (1634 г.) вѣчный миръ, предложены были тѣ же самыя условія, какія предлагали польскіе послы царю Борису Годунову, и первая статья гласитъ опять: быть „въ вѣчной, нераздѣльной любви братской, яко люди одное вѣры христіанское, одного языка и народа словенского“; опять предлагаются „двоинстыя коруны“, и вообще тѣснѣйшій союзъ обоихъ „славныхъ, широкихъ и великихъ государствъ“, и въ случаѣ смерти того или другаго государя — соединеніе обоихъ государствъ въ одно. Обо всемъ этомъ польскіе послы желали уговариваться „въ любви по братерску“; но дѣло не состоялось, такъ какъ послы Московскіе не приняли этихъ предложеній)²⁾.

Объ общемъ происхожденіи обоихъ сосѣднихъ государствъ, краснорѣчиво заговорилъ новому царю Алексѣю Михайловичу польскій

kiewskiego (103). Срви. Костомарова, Смутное время III, 69, и II, 147; Marchocki: *Historya wojny moskiewskiej 1633*; Palczowski *Kolegda Moskiewska (1609 г.)*; Соловьевъ И. Р. VIII, 350. Замѣтимъ, что съ другой стороны, нѣкоторые недозвольные Поляки въ 1605—1606 гг. намѣревались пригласить Дмитрія на польскій тронъ. (Костомаровъ I, 302).

¹⁾ Срви. стихотворенія Яковскаго (*Zbiór wiythmów 1622 г.* II, 66—70), переговоры польскихъ и русскихъ пословъ подъ Смоленскомъ 1615 г. (Акты Зап. Россіи, IV, стр. 469, 491, 498; срви. 315, 436 и др.), записку Владислава 1617 г. (Turgenew, *Hist. Russ. Monum.* II, 410) и др.

²⁾ Соловьевъ, *Ист. Рос.* IX, 239; Малиновскій: *Ист. доказат.* 51, 240. Срви. оду Сарбевскаго (*lib. V, ode 17*) къ канцлеру Зидзигу, заключившему этотъ миръ Полянскій.

посоль, кастелянъ Кіевскій, православный панъ русскій, Адамъ Кисель (1646 г.). „Великое королевство Польское съ великими княжествами своими“, говорилъ Кисель,— „и великое государство Русское, какъ два кедра ливанскіе отъ одного корня, создала десница Вседержителя Господа отъ единой крови славянской и отъ единого языка славянскаго народа; свидѣлствуютъ о томъ греческіе и латинскіе лѣтописцы и историки, особенно истинный свидѣтель есть самъ языкъ, обоемъ великимъ государствамъ, какъ единому народу, общій и непремѣнный. Поэтому вамъ, великимъ государямъ, и намъ всѣмъ, обоемъ великимъ государствамъ жителямъ, отъ единой славянской крови происходящимъ, свидѣлствуютъ слова, Духомъ Святымъ реченныя: коль добро и коль красно еже жити братіи вкупѣ! Сему боговдохновенному указанію послѣдствуя, блаженной памяти великій государь царь Михайлъ Феодоровичъ закрѣпилъ союзъ вѣчнаго братства съ великимъ государемъ паномъ моимъ. Съ того времени звѣзда смутнаго разрыва, кровопролитія и междоусобной брани погасла; наступило и сіяетъ незаходимое солнце вѣчнаго мира, дружбы и любви братской!“ Такія же дружескія отношенія между обоими государствами, надѣялся посоль,—будутъ навѣрное и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Кисель предложилъ царю и боярамъ дѣленіе славянской исторіи на три періода: „1) счастливыи, когда Славяне, чрезъ соединеніе силъ своихъ, по всему свѣту славились; Римъ старій и Римъ новый свидѣлствуютъ о дѣлахъ храбрости славянской; 2) вѣкъ несчастный, вѣкъ междоусобной брани, когда Славяне, разлучившись другъ отъ друга, многообразнымъ разореніемъ и кровопролитіемъ братскую любовь растерзали; въ это время многими вотчинами народовъ нашихъ чужіе народы и поганскіе овладѣли; 3) теперь Божьей милостію третье время настало: время вѣчнаго союза и братской любви величествъ вашихъ и обоемъ государствамъ, какъ-бы возвращеніе въ первый чинъ единородствія и единоплемянныя любви“¹⁾.

Эти прекрасныя слова и остались только словами. Время вѣчной братской любви между обоими славянскими народами еще не настало. Напротивъ того, оба государства, Польское и Русское, вскорѣ вновь

¹⁾ Соловьевъ Ист. Рос. X. 138. (По свидѣтельству Малиновскаго (предисловіе къ 2 т. его изданія: *Zrzodła do dz. pol.*) существуетъ дневникъ объ этомъ посольствѣ Киселя, но не знаемъ, гдѣ онъ теперь находится). Два года спустя Кисель пишетъ примасу (31-го мая 1648 г.), что царь вслѣдствіе заключеннаго братскаго имъ союза посылаетъ 40,000 войска противъ Татаръ (Памятники Кіевск. комисс. III, 33; Michałowski: *Księga pamiętnicza* 28).

враждебно столкнулись по поводу возстанія Хмельницкаго. Уже въ самомъ началѣ возстанія казацкій гетмапъ заявилъ желаніе, „чтобы православный царь Алексѣй Михайловичъ былъ и Лихамъ, и намъ государемъ и царемъ, чтобы Ляхи за вѣру нашу съ нами больше биться не помышляли“¹⁾).

Къ той же самой мысли обнаружили склонность нѣсколько лѣтъ спустя и сами Поляки. Тѣснимая со всѣхъ сторонъ врагами, Польша сама увидѣла одно спасеніе для нея въ соединеніи съ Русскимъ царствомъ и въ избраніи царя Алексѣя Михайловича въ короли польскіе. Объ этомъ толковалось уже въ 1656 году въ переговорахъ Поляковъ съ царемъ, которые велись при посредничествѣ императорскихъ пословъ у Вильны. Послѣднимъ не понравился проектъ избранія русскаго царя въ польскіе короли, такъ какъ они уже думали объ избраніи какого-нибудь Габсбурга. Но сами польскіе комиссары связали тогда Московскимъ боярамъ, что „намъ цесарева племени австрійскаго дома короли уже паскучили. Какъ у насъ государствовало потомство Ягайла короли, то мы благоденствовали, а когда начали у насъ быть короли нѣмецкой природы, то мы отъ ихъ потомства теперь мало что не пищіе, и государству своему видимъ запустошеніе. Цесарскіе послы рады не соединенію, а разорванію между нами. Такъ мы и станемъ между собою говорить о добромъ дѣлѣ“. Польскіе комиссары выразили надежду, что между обоими государствами установится „братская дружба и любовь, вѣчное докончанье и миръ и неразорванный покой“, и что сбудется ихъ „вѣчное соединеніе“. Польскій посоль отправленный отъ Вильны къ царю, Корсакъ, поздравлялъ „обращаго короля польскаго и великаго князя литовскаго“, благодарилъ Бога за это событіе, и отъ имени Рѣчи Посполитой обѣщалъ вѣрное подданство. Съ другой стороны, самъ царь Алексѣй обрадовался этому избранію въ короли польскіе и велѣлъ по этому поводу отправлять во всѣхъ церквахъ Московскихъ молебствія²⁾).

Дѣло должно было рѣшиться на слѣдующемъ сеймѣ, на которомъ—по словамъ Корсака—„единакими гласы завоеванную ту коруну, которую Богъ на благоговѣйную главу вашей царской милости полагаетъ, съ коруною польскою и княжествомъ Литовскимъ счастливе бы взложили“. Но съ созваніемъ сейма въ Польшѣ долго ме-

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Росс. X, 229.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Росс. X, 415, XI, 45. Срн. Милиновскій: Ист. доказат., 59, 245.

длили, и только года через полтора король Польскій Іоаннъ-Казиміръ универсаломъ (19-го мая 1658 г.) созвалъ сеймъ въ Варшаву, на которомъ должны были упрочиться и установиться непрерывный миръ и крѣпкій союзъ и соединеніе съ княземъ и съ сосѣднимъ народомъ Московскимъ, который происходитъ отъ одной и той же съ нами крови и источника славянскаго рода и вѣрой, языкомъ и обычаями лишь мало отличается, въ смущеніе сосѣдей, завистныхъ всему славянскому имени“ и надѣется, что осуществится „это необходимое и для широко распространеннаго славянскаго имени славное дѣло.“ Этими дѣломъ интересовались въ Польшѣ еще цѣлый годъ спустя. Поляки видѣли въ этомъ предстоящемъ соединеніи Россіи и Польши въ одно государство предзнаменованіа всемірнаго его господства. Необыкновенны причины этого сліянія двухъ сильнѣйшихъ народовъ Сармаціи—разсуждаютъ они; первое—славянское происхожденіе обоихъ, сходные нравы и обычаи; если между ними и существуетъ нѣкоторая разница вѣроисповѣданія, то она не такъ важна. Еще на сеймѣ Варшавскомъ (1659 г.) разсуждали о большой пользѣ соединенія Россіи и Польши въ одно государство, такъ какъ „Русскіе и Поляки народы одного племени и мало различны по языку“¹⁾.

Но и этотъ планъ по примѣру всѣхъ предыдущихъ, не сбылся, вслѣдствіе различія вѣроисповѣданій и вообще почти невозможнаго соглашенія интересовъ польскихъ и русскихъ. Но, не смотря на то, мысль о добровольномъ соединеніи Польши и Россіи появлялась въ послѣдствіи еще нѣсколько разъ. Такъ, десять лѣтъ спустя (1668 г.), когда король Іоаннъ-Казиміръ намѣревался отречься отъ трона, многіе Поляки—въ томъ числѣ и примасъ-архіепископъ—и особенно Литовцы желали выбрать королемъ царевича Алексѣя Алексѣевича; литовскій канцлеръ, Христофоръ Паць, совѣтовалъ царю послать войско къ границамъ. Въ началѣ 1673 года литовскіе сенаторы угрожали короннымъ, что если Польша не станетъ воевать съ Турками, а будетъ имъ платить подать, то Литва скорѣе поддается рус-

¹⁾ Kochowski Annal. Poloniae Climacter II, 293, 373, и неизвѣстный авторъ *Historja paowania Jana Kazimierza I*, 346, II, 18; Костомаровъ: *Гетманство Выговскаго* (Истор. монографіи II, 180). Въ такомъ смыслѣ пишетъ также современный поэтъ польскій, Сам. Твардовскій; онъ утѣшается, что вслѣдствіе избранія царя Польша усилится, и надѣется, что оба соплеменные народа заключатъ подобную Литовской унію, что Русскіе пріймутъ свободу польскую и церковную унію (*Wojna domowa 1660 г. изд. 1681 г., стр. 211*).

скому царю. Когда въ томъ же году польскій тронъ опять сталъ празднымъ, то польскіе и литовскіе вельможи подумали объ избраніи царевича Θεодора, хотя самъ царь Алексѣй заявилъ желаніе быть польскимъ королемъ. Между прочимъ, въ Польшѣ тогда сообщали, что „давно тѣ обои народы языкомъ, правомъ, строемъ себѣ подобны, въ вѣрѣ мало что разны, на единой живи землѣ, безъ раздѣленія моремъ или великою трудностію границъ между собою будучи, при семъ имѣя сосѣдей, по большей части общихъ, и пользы едины могли бы быть стѣною непреодолимою христіанству“. Оба государства, вмѣстѣ съ императоромъ Римскимъ, успѣшно могли бы дѣйствовать противъ Турокъ и распространить свои границы „безъ взаимной между собою обиды“, и „могло бы случиться освобожденіе греческихъ и славянскихъ народовъ христіанскихъ изъ бусурманской неволи“. И когда избранъ былъ въ короли Собѣсскій, то это не понравилось Литовцамъ, и воевода Троцкій, Огинскій, прямо сказалъ русскому резиденту Тяпкину, что „вся Литва отложится совсѣмъ отъ короны и приклонится къ царскому величеству, усмотря время“¹⁾.

Мысль объ общемъ дѣйствованіи Польши и Руси противъ Турокъ и Татаръ приобрѣтала себѣ вообще все больше и больше популярности. На такое общее дѣйствованіе указываютъ сами польскіе послы, прибывшіе въ Москву для подтвержденія Андрусовскаго перемирія (1667 г.). „Надобно обоимъ великимъ монархамъ противъ бусурманскихъ войскъ вмѣстѣ стоять. Непріятель христіанскій, слыша о союзѣ обоихъ монарховъ, испугается, и народы христіанскіе, находящіеся подъ властью басурмана, Греки, Сербы, Болгары, Волохи и Молдаване начнутъ искать освобожденія изъ подъ поганскаго насилія“. Эти слова встрѣтили одобреніе со стороны царя и бояръ²⁾.

Эта мысль повторяется часто. Такъ, польскій посолъ въ Москвѣ, воевода Хелменскій, Гниинскій (1671 г.), въ цвѣтистой рѣчи къ царю Алексѣю, разказывалъ, какъ всѣ древніе народы и государства пропали и осталась, съ одной стороны, только Польша, соединенная съ домомъ Австрійскимъ, — „а ваше царское величество заступааете Европу съ другой стороны. Въ предѣлахъ владѣній нашихъ родятся, расгуть, разливаются Донъ, Двица и Волга. Ты побѣждаешь дикихъ

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Росс. XII, 59, 199, 204; Малиновскій: Истор. доказат. 77, 260; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ IV, 295.

²⁾ Соловьевъ Ист. Росс. XI, 251; Relucya poselstwa do W. X. Moskiewskiego odprawienego przez Kaz. Bieniewskiego etc. (Hubert, Pamiętniki histor. I, 90).

наслѣдниковъ Батлы и Темиръ-Аксака и защищаешь Европу, зѣницу вселенныя; ты стремишься къ странѣ, орошаемой Дономъ, дабы и тамъ, въ незнаемой части вселенныя, положить имя славянское, паче всего улаждаешь неудобства полупочина милосердіемъ правленія. Оба народа Польскій и Русскій Богъ превѣчный положилъ стѣною христіанства: какой же страшный отчетъ дать долженъ передъ небомъ тотъ, кто дерзнетъ ихъ ослаблять или дѣлать несогласіемъ или дружбою неискреннею!"

Въ такомъ же смыслѣ высказался и польскій подканцлеръ, епископъ Ольшовскій, въ тайномъ разговорѣ съ русскимъ резидентомъ въ Варшавѣ, Тяпкинымъ, когда Русскій царь поздравилъ новаго короля Польскаго, Собѣскаго (11-го іюля 1674 г.). Ольшовскій, сообщивъ Тяпкину, что король желаетъ тѣснаго союза Польши и Россіи противъ Татаръ и Турокъ, продолжалъ: „Если это соединеніе послѣдуетъ, то силами обоихъ народовъ навѣрное прогонимъ Турка до Дуная, потому что мы уже знаемъ, какъ въ битвахъ съ Турками промышлять, только бы при нихъ не было Татаръ, которые нашему народу всегда тяжки. А христіанскіе народы, живущіе по Дунаю, Волохи, Сербы, Молдаване, Славяне какъ скоро слышатъ, что царскія войска соединились съ польскими, то сейчасъ же приставутъ къ нимъ, особенно къ людямъ царскаго величества. Они всякими способами проповѣдываютъ, тайно и явно, какъ бы имъ далъ Богъ, чтобы царское величество съ королевскимъ были въ братской дружбѣ и соединеніи, и тогда немедленно поддадутся обомъ великимъ государямъ, потому что единовѣрные они христіане не только съ народомъ Московскимъ, но и съ нами, римскими католиками, и хотя есть между нами въ вѣрѣ какое различіе, то несогласія эти произошли отъ гордости папы и греческихъ патріарховъ. Если же войска обоихъ народовъ задунайскія земли у Турокъ отобьютъ, то этимъ самымъ получатъ способъ къ вѣчному покою“.

Тогда доходили въ Польшу слухи, что Румыны, Югославяне и Греки съ нетерпѣніемъ ждутъ соединенныхъ войскъ польскихъ и русскихъ, чтобы сбросить съ себя несносное иго турецкое и поддаться польскому королю или русскому царю ¹⁾. Отъ общаго содѣйствія Польковъ и Русскихъ противъ Татаръ и Турокъ много ожидали пользы

¹⁾ Соловьевъ Ист. Росс. XII, 76, 214; Симбирскій сборникъ (Малоросс. дѣла 1673—1674 годовъ, №№ 17, 23). Сравни. выше мысли Хорвата Крижанича о союзѣ Польши и Руси противъ Турокъ и Татаръ.

въ Польшѣ при заключеніи вѣчнаго мира съ Россіей (1686 г.). Польскій посоль въ Москвѣ, Гримултовскій, выразилъ тогда желаніе, чтобъ „оба доблестные и славные народы славянскіе радовались своему примиренію и показали свѣту, что у нихъ сабли въ гибель бусурманамъ, и чтобъ соединенныя войска обоихъ государей и народовъ по Днѣпру и по Дунаю наполняли Черное море и водружали на ихъ берегахъ святыя кресты“. Подобныя тому мысли высказывала тогда и царевна Софія ¹⁾).

Итакъ, видимъ, что Поляки и Русскіе, не смотря на всю упорную борьбу между собою, не переставали считать другъ друга близкородственными другъ другу по общему своему происхожденію славянскому и часто желали — особенно Поляки — болѣе тѣснаго союза и даже соединенія въ одно государственное тѣло.

Но историческія обстоятельства сложились не въ пользу этого мирнаго соединенія. Напрасно еще въ концѣ XVII вѣка русскій резидентъ въ Польшѣ, Никитинъ, заявлялъ желаніе о добровольномъ соединеніи Польши и Россіи. „Дай Господи“, сказалъ Никитинъ литовскому канцлеру Санѣгъ, по поводу завоеванія Азова царемъ Петромъ (1696 года), — „великому государю взять на договоръ не только всю Турецкую землю, но и самое государство Польское и княжество Литовское въ вѣчное подданство привести; тогда вы, Поляки, будете всегда жить въ покоѣ и тишинѣ, а не такъ, какъ теперь, въ вѣчной ссорѣ другъ съ другомъ отъ неурядка своего“ ²⁾).

Но не смотря на это неудавшееся дѣло, въ Польшѣ не переставали сознавать, что въ сосѣдствѣ на востокѣ существуетъ родственное государство, Россія, съ которою слѣдуетъ жить въ мирѣ „по славянскому братству обоихъ народовъ“ ³⁾. Да, Россія считалась, въ случаѣ нужды, иногда и убѣжищемъ Поляковъ. Когда въ началѣ XVIII вѣка гоненіе некатоликовъ въ Польшѣ достигло высшей степени (1717 г.), и они стали помышлять о переселеніи изъ отечества на западъ въ Пруссію или на востокъ въ Россію, то многіе литов-

¹⁾ Źródła do dziejów pol. (wyd. Malinowski i Przędzicki II, 40; сравн. 47, 34). Гримултовскій говорилъ свою рѣчь на польскомъ языкѣ съ примѣсью нѣсколькихъ русскихъ словъ.

²⁾ Соловьевъ, Н., Ист. Россіи XIV, 234.

³⁾ Сравн. письмо князя Вишневецкаго князю Трубецкому 1733 года. (Соловьевъ, Н., Ист. Россіи XX, 17).

скіе кальвинисты предпочли выселиться въ Россію „ради сходства языка“ ¹⁾).

3. Польскій языкъ въ сѣверовосточной Руск.

Знаніе польскаго языка и польской литературы, стоявшей въ XVI и XVII вѣкахъ несравненно выше, чѣмъ литература на всей Руси польско-литовской и Московской того времени,—стало проникать посредствомъ юго-западной Руси и дальше на востокъ, въ сѣверо-восточную Русь. Уже съ первой половины XVI столѣтія польскіе переводы Библии проникали въ смежныя съ Литвой края Московской Руси ²⁾. Въ началѣ же XVII вѣка польскій языкъ сталъ часто слышаться въ Москвѣ среди многочисленныхъ польскихъ гостей и вонновъ, прибывшихъ туда съ царемъ Димитріемъ ³⁾.

Съ постепеннымъ распространеніемъ разныхъ западно-европейскихъ учреждений и порядковъ, въ Московской Руси въ XVII вѣкѣ распространялось и знаніе польскаго языка и литературы. Русскіе послы въ Варшавѣ уже не отклоняютъ отъ себя желанія познакомиться съ польскимъ и латинскимъ языкомъ, довольствуясь, что они „по милости Божіей держатъ преданный имъ славянскій языкъ твердо и нерушимо“, а сами покупаютъ разныя книги польскія и латинскія. Такія книги находились въ разныхъ бібліотекахъ, царей, Московской академіи и частныхъ лицъ (напримѣръ, Медвѣдева, Матвѣева и др.). Многія сочиненія переводятся съ латинскаго и „славено-польскаго“ языка на „славено-россійскій“, напримѣръ, часть хроники Стрыйков-

¹⁾ Письмо кальвинск. священника на Жмуди, Рекуця, къ старѣйшимъ чешскимъ братьевъ Яблонскому (23-го ноября 1717 г.): «propter analogiam linguae będą woleli pojsć gaszěj do Moskwy». (Łukaszewicz: Dzieje kościołow wyzn. helwet. w Litwie I, 328). Около того же времени (въ сентябрь 1718 г.) польскіе диссиденты обратились къ царю Петру за защитой (Соловьевъ, Ист. Росс., XVII, 287).

²⁾ Еще во второй половинѣ XVII вѣка монахъ Чудова монастыря Евсеий ратуетъ противъ пользованія бібліями польскою и латинскою при исправленіи славянской Библии (Опис. рукоп. синод. библ. II, 3, стр. 413). Вліяніе польскаго языка замѣтно и въ сочиненіяхъ князя Курбскаго; онъ употребляетъ, напримѣръ, такія слова: або, либо (или), повѣтранный (воздушный, заразительный), пожиточный (полезный), мѣскій (городскій), и др.

³⁾ Дмитрій, любя вообще польскіе обычаи, ввертывалъ въ русскій говоръ польскіе обороты и поговорки (Костомаровъ: Смутное время I, 248). Русско-Московскіе послы въ Польшѣ присутствуютъ въ польскомъ театрѣ, слушаютъ польскія проповѣди.

скаго „о Славянахъ и о началѣ Руси“, космографія и хроника М. Бѣльскаго и др.; издаются буквари не только славено-россійскихъ писемъ, но и греческихъ, латинскихъ и польскихъ. Польскіе псалтыри въ стихахъ (перевода Кохановскаго) вошли въ употребленіе не только „во всѣхъ странахъ Малыя, Бѣлыя, Черныя и Червонныя Россіи, паче же во Велицѣй Россіи въ самомъ царствующемъ градѣ Москвѣ“, и только позже были переведены и на славяно-русскій языкъ. На всей Руси польская литература XVI—XVII вѣковъ заняла, нѣкоторымъ образомъ, мѣсто юго-славянской прежнихъ временъ. Посредствомъ польской литературы Московскіе Русскіе познакомились со многими произведеніями западной Европы, съ разными сказаніями, съ рыцарскимъ романомъ, новеллами, апофтегматами, фацеціями, театральными мистеріями и представленіями, духовными стихами или „виршами“ и пр. Въ русскихъ ихъ переводахъ встрѣчаются частые полонизмы; въ одномъ сборникѣ духовныхъ стихотвореній рядомъ съ церковно-славянскими „виршами“ помѣщено и много польскихъ, написанныхъ славянскими буквами.

Во второй половинѣ XVII вѣка стали и при дворѣ царскомъ учиться польскому языку: такъ, говорили по-польски царь Θεодоръ (воспитанникъ Симеона Полоцкаго) и царица Софія. Лазарь Барановичъ, южно-русь, писавшій стихи по польски, посвятилъ два своихъ поэтическихъ произведенія: «Żywoty świętyck» (Kijów, 1670) царевичу Феодору Алексѣевичу и «Lutnia Anollinowa» (Kijów, 1671) царевичу Иоанну Алексѣевичу. По этому поводу онъ пишетъ царю Алексѣю Михайловичу: „Издахъ же языкомъ польскимъ, яко писахъ въ то время, егда Поляки отъ имени твоего царскаго къ скипетру корупы польскіе молити помыслиху, да крѣпчайше союзъ мирнаго соединенія укрѣпятъ. Издахъ языкомъ лядкимъ: извѣстепъ бо есмь, яко царевичъ Θεодоръ Алексѣевичъ не точію нашимъ природнымъ, но и лядкимъ языкомъ чететь книги. Благовѣрному же государю царевичу Иоанну Алексѣевичу книгу „Духовныя струны“ приписахъ; издахъ же языкомъ лядкимъ, вѣмъ бо, яко и вашего пресвѣтлаго величества сигелить сего языка не гнушается, но чтуть книги и исторіи лядкіи въ сладость“¹⁾.

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Росс., XIII, 179, 250; А. Поповъ: Обзоръ русск. хронографовъ II, 87 слав.; Пыпинъ: Очеркъ литературной исторіи старинныхъ поэмъ и сказокъ русскихъ, 249; Галаховъ: Исторія русской словесности I, 197, 230, 251, 275; Пекарскій: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ I,

Это польское вліяніе на духовную жизнь сѣверо-восточной Руси прекратилось только при Петрѣ Великомъ, который въ своихъ преобразованіяхъ обратился къ непосредственнымъ источникамъ европейской цивилизаціи — въ Германію, Голландію и др. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ не упускалъ изъ виду и польскихъ силъ; такъ на-примѣръ, по его приказанію русскій агентъ въ Европѣ, баронъ Гюйзенъ, приглашалъ „на русскую службу офицеровъ, художниковъ, ремесленниковъ и пр., особенно изъ такихъ, которые понимали бы по-польски или по-чешски ¹⁾).

4. Паденіе Польши. — Соединеніе юго-западной и сѣверо-восточной Руси.

Вслѣдствіе событій второй половины XVIII вѣка, произошелъ между обоими славянскими народами, Польскимъ и Русскимъ, новый бѣдственный разрывъ. Но замѣчательно, что и тогда уже, въ послѣдніе годы существованія Рѣчи Посполитой, большинство Поляковъ, видя неминуемую гибель отечества, усердно желало, чтобъ оставшаяся его часть досталась Россіи, по крайней мѣрѣ, всецѣло, а не по раздѣлу съ Нѣмцами. „Россія и Пруссія“, восклицаетъ на достопамятномъ сеймѣ Гродненскомъ (1793 г.) одинъ Мазовскій депутатъ, — „не одно и то же. Россія происходитъ отъ одного съ нами племени и мало отъ насъ разнится по образу мыслей, обычаямъ и нравамъ; въ соединеніи съ Россіей мы, можетъ-быть, увидимъ обоюдное счастье обоихъ народовъ. Но съ Пруссіей мы не сойдемся никогда. Старая пословица говорить: пока свѣтъ свѣтомъ, Полякъ Нѣмцу не будетъ братомъ“ ²⁾.

372; Описаніе библ. Толстаго 334, 365, 370; Описаніе библ. и рукоп. Царскаго 5, 193 и пр. Русско-Московскіе послы, переговариваясь въ 1615 году подъ Смоленскомъ съ польскими, приводили также доказательства изъ польской исторіи, о Премыславѣ, Лѣшкахъ, Попелѣ и другихъ польскихъ князьяхъ «нецарскаго корня». (Акты Зап. Россіи IV, 497).

¹⁾ Пекарскій I, 92. Попытка писать польскій языкъ русско-славянскимъ письмомъ не ограничилась только духовными стихами; при Петрѣ Великомъ Данилъ Гурчинъ напечаталъ свою польскую пѣснь о побѣдѣ Русскихъ подъ Калишемъ 1706 г. латиницей и кириллицей, въ Москвѣ (Пекарскій II, 133); и приведенная въ одномъ русскомъ хронографѣ грамота Александра Славянамъ изобилуетъ полонизмами (А. Поповъ: Изборникъ изъ русск. хроногр., 440).

²⁾ Костомаровъ: Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой (621). Уже въ 1718 году примасъ-архіепископъ заявилъ русскому послу въ Варшавѣ, что Польша желаетъ

Россія не воспользовалась тогда случаемъ присоединить къ себѣ всю Польшу.

О взаимныхъ отношеніяхъ юго-западныхъ Русскихъ съ сѣверо-восточными не станемъ здѣсь распространяться. Общее русское происхожденіе, православная вѣра, культура, письмо и пр. искони соединяли Русскій народъ въ Бѣлой, Малой и Великой Руси, хотя и юго-западные Русскіе (Русины), рано подпавъ подъ власть Польши и Литвы, стали развиваться во многомъ различно отъ своихъ братьевъ въ сѣверо-восточной Руси, или какъ обыкновенно она тогда называлась, въ государствѣ Московскомъ. Посредствомъ юго-западной Руси проникали въ Москву первые зачатки европейской цивилизаціи и преобразованій: припомнимъ себѣ только имена Симеона Полоцкаго, Славинецкаго, Сатановскаго, Барановича, Гизеля, Яворскаго, Прокоповича и др. ¹⁾ Русско-славянскія книги, печатаемыя во Львовѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ юго-западной Руси, распространились и на сѣверо-восточной Руси, даже и переводились съ „бѣлороссійскаго на истинный славенороссійскій языкъ“ ²⁾.

Долго пришлось обѣимъ частямъ Руси жить порознь. Со второй половины XV вѣка, въ юго-западной, Литовской Руси являются стремленія присоединиться къ сѣверо-восточной независимой Руси Московской, и государи послѣдней „великіе князи и цари всея Руси“, простираютъ свои притязанія на всю отчину св. Владиміра до самихъ Карпатъ ³⁾. Въ половинѣ XVII вѣка казалось, что вся Бѣлая

быть всегда въ союзѣ съ Россіей и царя имѣть протекторомъ, потому что прусскій дворъ болѣе всѣхъ опасенъ Польшѣ. Тогда же и староста Бобруйскій, Сапѣга, говорилъ русскому послу о «природной гордости нѣмецкой и ненасытной хищности Австріи». Когда король Августъ говорилъ нѣкоторымъ польскимъ панамъ о выгодахъ союза Польши съ императоромъ противъ властолюбивыхъ замысловъ Россіи, то паны отмолчались и толковали между собою, что союзъ и дружба нѣмецкая имъ подозрительны, и что нельзя допускать короля до разрыва съ Россіей (Соловьевъ, Ист. Росс. XVII, 289—290).

¹⁾ Эти юго-западные Русскіе, призываемые съ юга на сѣверъ «ради наученія Славено-россійскаго народа», часто не совсѣмъ нравились своимъ «великороссійскимъ» братьямъ, которые съ недовѣріемъ смотрѣли на «малороссійскихъ» пришельцовъ или «черкашешекъ», привыкшихъ «латинскимъ всѣмъ обычаямъ и мудрованію», и честили ихъ прозвищами «еретиковъ, лишенковъ (полячишекъ), обливаниковъ». Сравни. уважительное слово патріарха Іоакима (Опис. рукоп. синод. библ. II, 3, стр. 431—435) и письмо Ст. Яворскаго патріарху Адриану 1700 г. (Соловьевъ, Ист. Росс. XV, 120), и др.

²⁾ Рукописи Царскаго 74.

³⁾ Уже въ 1479 г. король Польскій Казиміръ, говоритъ Литовцамъ по ново-

и Малая Русь присоединится къ Великой Руси. Но не состоялась тогда это соединеніе: только заднѣпровская часть Малой Россіи, этого „преддверія Великой Россіи“,—какъ ее назвалъ украинскій гетманъ Брюховецкій,—присоединена была къ царству Русскому¹⁾. Наконецъ, черезъ сто лѣтъ, возвратилась почти вся юго-западная Русь (кромя Галицкой и Угорской) подъ скипетръ государей русскихъ.

V.

Русскіе и Чехи.

1. Свѣдѣнія о Чехахъ на Руск.

Слѣдить за взаимными сношеніями двухъ народовъ, которые живутъ въ такомъ разстояніи другъ отъ друга, какъ Русскій и Чешскій, которые наконецъ, развивались каждый своимъ особымъ путемъ, гораздо труднѣе, чѣмъ нарисовать картину взаимныхъ сношеній двухъ смежныхъ и болѣе близкихъ, своимъ историческимъ и культурнымъ развитіемъ, народовъ, какъ напримѣръ, Поляковъ и Чеховъ, или Поляковъ и юго-западныхъ Русскихъ²⁾. По этой причинѣ очередь взаимныхъ отношеній Чеховъ и Русскихъ не можетъ не страдать нѣкоторою неполнотою и отрывочностію.

Мы имѣли нѣсколько разъ случай говорить о сознаніи Чеховъ и Русскихъ, что они одного происхожденія славянскаго; мы видѣли, что это сознаніе являлось въ наукѣ и въ жизни, и что оно даже повело къ интереснымъ спорамъ о томъ, вышли ли Чехи изъ Хорватіи, или изъ Руси.

ду ихъ воинственнаго настроенія противъ Москвы, — чтобы *parvam in Ruthenis suae ditionis sui que ducatus spem ponerent, quos sibi propter disparitatem vitus suapte sponte infestos nosset, nec tam pro victoria Lithuanorum, quam pro ruina, si dimicatio cum Moskwensibus fieret, adnisiuros. Vera praedicere visus est et an-nunciare*,—замѣчаетъ Длугошъ (II, 589).

¹⁾ Гетманъ Мазепа обязался (1687 г.) «народъ малороссійскій всякими мѣрами и способы съ великороссійскимъ народомъ соединять и въ неразорванное и крѣпкое согласіе приводить супружествомъ и инымъ поведеніемъ». (Маркевичъ: Ист. Малороссіи III, 315).

²⁾ Чехи и Мораване примыкають къ Русскимъ (въ Угріи и Галиціи) посредствомъ Словаковъ; но эти ближайшіе родственники Чеховъ и Мораванъ развивались, со времени паденія великой Моравіи, нѣсколько иначе и составили во многомъ отдѣльное цѣлое.

Итакъ, знали и Чехи, что у нихъ родные братья не только на Днѣпрѣ, но и дальше на востокъ на Волгѣ, на Кавказѣ и Уралѣ; знали и Русскіе, что Чехи и Моравы часть тѣхъ же самыхъ Славянъ изъ которыхъ вышли и Днѣпровскіе Поляне, Древляне, Дреговичи, Сѣверяне и другія племена, принявшія потомъ названіе Русь, что „бѣ единъ языкъ словѣнскъ... Моравы, Чеси и Лихове и Поляне, яже нынѣ зовомая Русь“. Еще въ позднѣйшіе вѣка мы находимъ Хорватовъ, Лучанъ, Дулѣбовъ (Дудлебовъ), Воляннъ, Нетоличей, Стадичей, Кіевъ, Бѣлградъ, Вышеградъ, Луку или Луки и пр. не только въ Татрахъ и по Днѣпру, но и въ горахъ Креконошскихъ и на берегахъ Лабы и Волтавы.

Мы видѣли, что Славяне не сберегли своего народнаго единства, и что подвигъ славянскихъ апостоловъ Константина и Меѳодія соединить посредствомъ одного вѣроисповѣданія, письма и языка всѣхъ Славянъ, западныхъ, южныхъ и восточныхъ, не удался вполне: западные и частью южные Славяне отдѣлились, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, отъ приготавлимаго единства религіознаго, а слѣдовательно, и культурнаго, и стали развиваться иначе, чѣмъ восточные и юго-восточные Славяне.

Этотъ фактъ, что главная дѣятельность обоихъ славянскихъ апостоловъ происходила въ областяхъ чешско-моравскихъ, остался навсегда извѣстнымъ въ русскихъ земляхъ. Искони извѣстно было на Руси, что въ земляхъ моравскихъ князей Ростислава, Святополка и Коцела „первое преложены книги Моравѣ, яже прозва ся грамота словѣнская, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ“. Дѣятельность славянскихъ апостоловъ у западныхъ Славянъ въ Моравіи, Панноніи, въ Ляхахъ и въ Чехахъ извѣстна была на Руси особенно по ихъ жизнеописаніямъ, составленнымъ ихъ учениками еще въ Моравіи. Эти жизнеописанія читались и списывались на Руси съ древнѣйшихъ временъ; ими пользовались и ихъ дополняли русскіе лѣтописцы.

Кромѣ дѣятельности славянскихъ апостоловъ, Константина и Меѳодія, у западныхъ Славянъ, знали на Руси и жизнеописанія другихъ святителей и дѣятелей западо-славянскихъ въ первыя времена введенія христіанства. Такъ, на примѣръ, были на Руси распространены до позднѣйшихъ вѣковъ жизнеописанія: чешской княгини Людмилы „отъ земли Сербскія, дочери князя Сербскаго“, сказаніе „о Боривоѣ, князѣ Муравскомъ“, жизнеописаніе пустышника Ивана королевича Хорватскаго, съ которымъ встрѣтился Боривой, князь Маворскій (то-

есть, Моравскій), христіанинъ греческаго закона; два важныя жизнеописанія св. Вячеслава, чешскаго князя и пр. ¹⁾).

Таковыми жизнеописаніями чешскихъ дѣятелей и князей, изъ которыхъ Вячеславъ и Людмила причислены и православною русскою церковью къ лику святыхъ,—сохранялись и распространялись историческія знанія о государствѣ и народѣ Чешско-Моравскомъ. По нимъ знали на Руси хотя немного о судьбахъ нѣкоторыхъ чешско-моравскихъ историческихъ лицъ; изъ такихъ жизнеописаній узналъ русскій читатель о князьяхъ Ростиславѣ, Святополкѣ, Коцелѣ, Боривоѣ и его женѣ Людмилѣ, князѣ Воротиславѣ, его женѣ Дорогомири и ихъ сыновьяхъ Вячеславѣ и Болеславѣ; узналъ о землѣ чешскихъ Хорватовъ, о городахъ чешскихъ и моравскихъ, о „славномъ градѣ Прагѣ, Волеславлѣ, Будчѣ, Тетинѣ, о многихъ церквахъ въ этихъ городахъ, о разныхъ древнеславянскихъ обычаяхъ, сохранившихся на Руси гораздо дольше, чѣмъ въ Чехіи, напримѣръ, о „постригахъ“ чешскихъ князей, о ихъ сажаніи на „столъ отень и дѣдень“, о ихъ военныхъ играхъ и пр.

Эти историческія свѣдѣнія на Руси о первыхъ христіанскихъ дѣятеляхъ у западныхъ Славянъ дополнялись другими русскими литературными памятниками, особенно лѣтописями, хронографами и космографіями; въ хронографы и космографіи вошли извѣстія о Чехахъ посредствомъ польскихъ источниковъ, особенно „чешской хроники“ Н. Бѣльскаго. Изъ нихъ узнали Русскіе и древнія мѣстныя преданія чешскія, читая „о началѣ государствъ Польскаго и Чешскаго“, основанныхъ двумя братьями Чехомъ и Ляхомъ которые пришли изъ славянскихъ земель, „о Крокѣ, королѣ польскомъ, иже отъ племени Чехова“, и пр. Оттуда жъ узнали они и о грамотѣ Александра Великаго, данной „славному и храброму словенскому народу“. Въ русскихъ космографіяхъ описывается также „Ческое королевство и Моравская земля“; стольные города въ нихъ Прага на рѣкѣ Волтавѣ и Оломуць на рѣкѣ Моравѣ; Чехи—народъ храбрый и гордый, льву подобный, „языкъ имуть словенскій подобенъ польскому; прежде имяху особнаго краля; вѣроу нынѣ заблудили, да у нихъ есть не только папезники, но и Гусати отъ еретика Яна Гуса“, и пр. ²⁾.

¹⁾ Эти жизнеописанія, прологи, службы и пр. часто изданы, послѣдній разъ въ *Fontes rer. bohém. I. Сравн. опис. рукоп. Румянцевск. муз. 778, рукоп. Царскаго 330, Rad jugoslav. akad. XXI, 134. Сравн. выше стр.*

²⁾ Поповъ: Изборникъ изъ хронографовъ русской редакціи 131, 438, 491 и

Изъ своихъ лѣтописей Русскіе знали, что ихъ князья, особенно юго-западной Руси, Галичской и Волынской, не разъ сносились съ чешскими князьями и дружески и враждебно, и что чешскіе полки часто бывали въ русскихъ земляхъ. По мѣшю Русскихъ, вѣсти о славныхъ подвигахъ ихъ князей доходили не только до Грековъ, Угровъ и Ляховъ, но и до Чеховъ и до Моравы: такъ вѣсть о побѣдахъ князей надъ Половцами, такъ и вѣсть о сраженіи Куликовскомъ ¹⁾.

Изъ своихъ лѣтописей Русскіе узнали, что князь Святославъ Владиміровичъ, гонимый Божіимъ гнѣвомъ, прибѣжалъ въ пустыню „между Ляхи и Чехи“ и здѣсь „испроверже злѣ животь своей“; что въ этомъ же самомъ Чешскомъ лѣсѣ и Владиміръ Мономахъ ходилъ четыре мѣсяца, находясь въ Ляхахъ. Вѣсть о злой кончинѣ братоубійцы Святослава „между Ляхи и Чехи“ вкоренилась глубоко въ памяти народа Русскаго въ южной и въ сѣверной Руси и осталась въ ней долго, когда тамъ давно уже забыли настоящее значеніе словъ „между Ляхи и Чехи“, придавъ имъ совсѣмъ другое значеніе: въ давнихъ Новгородскихъ колоніяхъ, Двинской землѣ и Заволочѣ, въ нынѣшней Архангельской губерніи, до сихъ поръ извѣстная, но въ первоначальномъ своемъ значеніи уже совсѣмъ непонятная для народа поговорка „между Чахи и Ляхи“ значитъ такъ и сякъ, ни дурно ни хорошо, безъ работы, безъ дѣла ²⁾.

Событія въ Чехіи, особенно позднѣйшихъ временъ, доходили до русскихъ земель часто въ довольно искаженномъ видѣ. Такъ, напримеръ, очень вѣроятно, что если не вся шляхта польская, то по крайней мѣрѣ значительная ея часть, приняла гербы отъ Чеховъ, и что подобно тому, и литовско-русская шляхта приняла гербы отъ польской (на сѣздѣ Городельскомъ, 1413 г.). Но эти факты одинъ литовско-русскій лѣтописецъ передѣлалъ по своему; онъ разказываетъ, что на сѣздѣ императора Сигизмунда, короля Владислава и великаго князя Витовта въ Луцкѣ (1429 г.), первый совѣтовалъ литовскимъ панамъ, чтобъ они сбратались съ польскими посредствомъ гербовъ. „И цесарь тежь почалъ паномъ литовскимъ мовити, ижь панови ляхкии не могли иначей въ покою вчинити межи кролевствомъ ческимъ и польскимъ,

пр.; Опис. рукоп. Руминцев. муз. 767, 773. «Исторіи словенскіи или чески» были и въ рукахъ выше упомянутого Зах. Копыстенскаго (1621 г.).

¹⁾ П. С. Р. Д., II, 3, Слово о полку Игоревѣ, Задонщина (издан. Эрбена 10, 62).

²⁾ П. С. Р. Д., I, 63, 85, 103. Опытъ областного великорусск. словаря, 112.

а завжды межѣ тыми кролевскими вальки бывали, а такъ панове ляхкіи зъ паны чешскими тымъ збратилися, ижъ гербы себе ляхове побрали у пановъ чешскихъ, и коли гербы побрали, а тымъ ся збратили и отъ тыхъ же мѣсть валька межѣ ними перестала, и въ покою межѣ себе живутъ“. Тотъ же самый лѣтописецъ думаетъ, что въ сраженіи подъ Грюнвальдомъ или Таппенбергомъ „гетманъ былъ найвыжшій во войску Ягайловомъ панъ Соколъ Чехъ“, и обширно разказываетъ о мнимои войнѣ и о переговорахъ королей Чешскаго Юрія (Ирика) и польскаго Казимира, къ которому послали „Вроцлавляне и Слезаци, прослячи, абы въ нихъ господаремъ зосталъ, а одъ Ирика короля чешскаго абы ихъ вборонилъ“, и пр. ¹⁾.

Наконецъ, Чехія нашла себѣ дорогу и въ народныя сказанія и сказки русскія. Въ сказаніи о смерти Батыя является Влаславъ или Владиславъ, король Уграмъ, Чехамъ и Нѣмцамъ и всему поморью, тайный приверженецъ православія, который, осаждаемый въ Варадинѣ, убиваетъ Батыя. На Руси знали сказку „о Василиѣ королевичѣ златовласомъ чешскія земли“ и „повѣсть умилительную о Брунцвикѣ, королевичѣ чешскія земли“, о его приключеніяхъ и борьбѣ съ разными „потворами“. Последняя сказка навѣрное взята прямо изъ Чехіи, гдѣ она съ давнихъ временъ и до сихъ поръ одна изъ любимыхъ книгъ простаго народа ²⁾.

Итакъ, ископи и всегда было извѣстно на Руси сѣверо-восточной — Московской и юго-западной — Польско-Литовской, не только, что „бѣ единъ языкъ словѣнскъ, и Морова, Чеси и Ляхове, и Русь“, но и что „Чехове суть люди на западѣ слонца на горахъ, люди дощепны, мало отъ рускаго языка отторгнены, а Русь есть люди близки ричи свое языка чешска“ ³⁾.

Во всѣхъ этихъ русскіихъ памятникахъ, съ древнѣйшихъ временъ

¹⁾ Pomniki do dziejów litew. (Быховець), wyd. Narbutt, 40, 43, 58—61.

²⁾ Сказаніе о смерти Батыя (Никоновск. лѣт. III, 27, Воскрес. лѣт. (П. С. Р. Л. VII, 157), хронографъ изд. Попова 44); сравн. Соловьева Ист. Россіи IV, 364); Пыпинъ: Очеркъ литер. исторіи стар. повѣстей и сказокъ русскіихъ 223—228 (сравн. рукоп. Царскаго 23, 551). Русскій переводчикъ романа «Аполлонъ король Тирскій» пользовался, вѣроятно, и чешскимъ переводомъ, какъ видно изъ употребленія словъ: краљь, краљевичъ, краљевна (подлѣ король и пр.), хладничекъ. (Сравн. Тихонравовъ: Лѣтоп. русск. лит. I, Časopis Česk. Mus. 1864).

³⁾ Въ предисловіи къ червоно-русскому переводу Вислицкаго статута изъ первой половины XV вѣка, напечаталъ (съ ошпбками) Wiszniewski, Hiss. lit. pol. VIII, 442.

до XVII вѣка, встрѣчаются только славянскія названія земель, рѣкъ и мѣстъ западо-славянскихъ; вездѣ есть только Чехи, Моравя, Угре, рѣки: Волтава, Одра, Писина (Шптивна), Опава, Солоная, города: Воротьславль, Опава, Середя, Глубичичи, Особолога, Насилье, Козлий, Бардуевъ (Бардѣевъ), Зъпишь (Спишь) и др. Такія славянскія названія проглядываютъ даже въ русскихъ космографіяхъ и другихъ памятникахъ XVII вѣка, переведенныхъ или передѣланныхъ съ латинскаго или нѣмецкаго языка; на примѣръ, „Богемія сирѣчь Ческое королевство“, „Волтава“, „Одра“ подлѣ „Албисъ, сирѣчь Елва“, „Мишенскіе“ города подлѣ „Мисніа“, „Аустрія сирѣчь Ракуская земля“, „Гунгарія, Венгерская земля“ подлѣ „Угорская земля“, и пр.¹⁾.

2. Свѣдѣнія о Русскихъ у Чеховъ.

Чехи, съ своей стороны, тоже всегда знали и сознавали, что на востокѣ, за Польскою землею, есть обширная славянская земля, Русь. Къ нимъ доходили и вѣсти, что эту страну постигло страшное бѣдствіе: Татары завоевали два царства „старій Кіевъ и Новыградъ (то-есть, Владиміръ) пространъ“, и наложили на христіанъ большую дань. Темная вѣсть объ убіеніи внучки князя Михаила Кіевскаго, у города Середы въ Силезіи, подала чешскому поэту поводъ подумать, что это была дочь татарскаго хана Кублая, который изъ-за этого убійства грануль на Европу²⁾.

Хотя Чехи и знали, что на Руси живетъ народъ славянскій, но они все-таки, вслѣдствіе своего присоединенія къ западной латинской церкви и вообще къ западной Европѣ, смотрѣли на Русскихъ, какъ на болѣе отдаленныхъ родственниковъ, чѣмъ, на примѣръ, на болѣе близкихъ имъ географически и духовно Поляковъ. Одною изъ главныхъ причинъ этого взгляда Чеховъ на Русскихъ было именно православное вѣроисповѣданіе послѣднихъ, вѣра „русская“.

Такъ какъ между славянскими народами, принявшими славянское

¹⁾ Въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ географическія названія въ чешскихъ и словенскихъ (словацкихъ) земляхъ приводятся обыкновенно по-нѣмецки и по-мадьярски; такъ, вышеупомянутыя древнерусскія названія находятся на русскихъ картахъ подлѣ слѣдующими формами: Богемія, Моравія (лат.), Венгрія (польск.), Молядау, Одеръ, Цинна, Оппа, Шаю, Бреславль, Троппау, Неймарктъ, Леобшиць, Готценлоць, Насидель, Козель, Бартельдъ, Ципсь. Сравни. русскія космографіи у А. Попова: Изборникъ изъ русск. хроногр. 459.

²⁾ Повесть «Ярославъ Краледворск. рукоп.; сравни. П. С. Р. Л., II, 177.

богослуженіе, первенствовали Русскіе, то у Чеховъ рано стали называть исповѣдывателей славянскаго богослуженія и православной вѣры Русскими. Уже папа Іоаннъ XIII, дозволяя учрежденіе особой епископіи въ Прагѣ, требуетъ, чтобъ она была латинская, а не по обрядамъ или по сектѣ Болгарскаго или Русскаго народа, или славянскаго языка“ (971). И въ самомъ дѣлѣ, Чехи думали позже въ XIII—XIV вѣкѣ, что, „св. Меодій былъ Русинъ, служившій литургію по славянски“, и называли греко-славянское письмо русскимъ (alphabettum rutenicum); въ чешскомъ послѣсловіи такъ-называемаго Сазаво-Эмаузскаго Евангелія, писаннаго въ 1395 году отчасти письмомъ греко-славянскимъ, отчасти „словѣнскимъ“ (глаголицей), первая часть называется книгой русскаго закона, русскаго письма¹⁾.

Кромѣ того, были и другія причины, по которымъ Чехи и Русскіе все больше и больше отдалялись другъ отъ друга: Русь, принявъ христіанство и культуру изъ восточной церкви, стала иначе развиваться, чѣмъ западная и средняя Европа, къ которой примкнули всѣ западные Славяне; эта Европа стала смотрѣть на Русь, какъ на страну, стоящую внѣ ея, стала все больше ея чуждаться, особенно послѣ поработенія ея Татарами, и наконецъ, смотрѣть на нее враждебно, преимущественно по поводу ея „схизматическаго“ исповѣданія. Римскіе папы, увидавъ что ихъ притязанія на Русскія земли оказываются напрасными, что русскіе князья вовсе не намѣрены повиноваться римскимъ намѣстникамъ Христа, стали не только одобрять враждебные подвиги западно-европейскихъ государей противъ Руси, но и прямо проповѣдывать крестовые походы противъ „схизматическихъ“ Русскихъ, равно какъ и противъ языческихъ Прусовъ, Литвы и Татаръ.

Изъ западныхъ народовъ показались папамъ Чехи, или скорѣе чешскіе государи, выгоднымъ орудіемъ противъ всѣхъ восточныхъ

¹⁾ Cosmas (Script. rer. boh. I, 49); Ergben Regesta Boh. I, 29; Далемилъ изд. Ганки 42, Сазаво-эмаузское благовѣствованіе, изд. Ганки 187—188; Hapuš: Dodavku k Jungmannově Hist. lit. české I, 5. Съ другой стороны, въ русскихъ памятникахъ замѣна слова «словѣнскій» словомъ «русскій» встрѣчается часто; такъ, въ прибавленіи въ паннонскій легендѣ о св. Константинѣ говорится объ изобрѣтеніи имъ «русскаго» письма; въ нѣкоторыхъ рукописяхъ той же самой легенды (гл. XVII) вмѣсто «словѣнскимъ языкомъ» читается «руску» (Сравни. Чтенія 1863, 1864 годовъ). Въ одномъ житіи св. Константина сказано: «се же есть буква словенска и болгарска, еже есть руская» (Опис. рукоп. синодальн. библ. II, 3, стр. 296).

народовъ, которые не хотѣли признавать папской власти. Вѣдь и Чехи смотрѣли на Русскихъ, какъ на „схизматиковъ“, равно какъ и на Грековъ, Болгаръ, Сербовъ (Расичей) и на Босанскихъ еретиковъ. Такъ называетъ ихъ самъ Чешскій король Премысль Отоваръ II въ письмѣ къ папѣ Александру IV (1260 г.) ¹⁾. По милости папъ, чешскимъ государямъ отерывалась громадная дѣятельность на востокѣ. Папа Урбанъ IV вызываетъ (1264 г.) Чешскаго короля Премысла Отокара II помогать Польшѣ противъ нападенія Русскихъ „схизматиковъ“, Литовцевъ и Татаръ, ихъ союзниковъ, и по своей апостольской власти, уступаетъ ему въ наслѣдство земли русскія и литовскія, которыя онъ съ Божіею помощію обратилъ бы въ „христіанскую“ вѣру или завоевалъ бы, въ случаѣ, если другіе католики не имѣютъ на нихъ права ²⁾.

Не удивительно, что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ у западныхъ Славянъ, этотъ взглядъ высшихъ церковныхъ властей на отношенія восточной Европы привился и къ чешскимъ государямъ, проникъ и въ чешское общество. Король Премысль II пошелъ крестовымъ походомъ если не на русскихъ „схизматиковъ“ — они были слишкомъ далеко, — то по крайней мѣрѣ, на языческихъ Прусовъ, въ землѣ которыхъ основалъ городъ Кролевецъ ³⁾. Но желаніе подчинить папской власти и остальные восточные народы, между прочимъ и Русскихъ, осталось въ чешскомъ обществѣ и въ послѣдствіи: такъ и во второй половинѣ XIII вѣка авторъ одного изъ лучшихъ памятниковъ чешской народной литературы, воспѣвающаго подвиги Александра

¹⁾ Script. rer. boh. I. 400; Пулкава (Dobner Monum. III, 229); Turgenev, Hist. Russ. Mon. II. 348; Emler: Regesta Bohem. et Morav. II 103. Чешскій Пулкава переводитъ «schismatici» — rozdvojenci (раздвоенные). Впрочемъ не забудемъ, что эти народы помогали тогда Уграмъ противъ Чеховъ.

²⁾ Turgenev, Hist. Russ. Monum. II, 350; Theiner, Monum. Polon. I, 77. Emler, Regesta Bohem. et Moraviae. II, 176. Папа Александръ IV въ 1257 году поручаетъ монаху Вироломею изъ Чехіи (fratri Bartholomaeo de Bemia ord. frat. Minor) проповѣдывать слово Божье «у Литовцовъ, Ятвяговъ и Русскихъ и другихъ язычниковъ и схизматиковъ» этихъ странъ; его же назначаетъ онъ и епископомъ Луковскимъ (Emler, Regesta Bohemiae et Morav. II, 52, 57).

³⁾ Въ одной русской космографіи XVII в. сказано: «Кролевиць городъ, по немцу Кинсбергъ (Königsberg) нареченный, который король Чешскій поставилъ» (А. Поповъ: Изборникъ изъ русск. хронографовъ 489). Король Премысль хлопоталъ тогда (1268) о возвышеніи епископіи Оломудской въ архіепископство, которому принадлежали бы новыя епархіи въ Литвѣ, Галиціи и въ землѣ Ятвяговъ. (Theiner, Mon. Polon. I, 79; Emler, Reg. Boh. et Morav. II, 229).

Македонскаго, просить Бога, чтобы такимъ, какъ побѣдитель Александръ, былъ и чешскій король: тогда бы, навѣрное, вскорѣ Литва, Татары, Бусурманы, Прусы и „неутвержденныя“ (то есть, схизматическія) Русскіе такъ устрашились, что ухватились бы за крестъ и отказались бы отъ своихъ идоловъ ¹⁾.

Кромѣ тогдашнихъ общеевропейскихъ взглядовъ на Русь, заявило въ этомъ дѣлѣ свою силу на Чеховъ и польское вліяніе. Польша, находясь издавна въ постоянныхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ сосѣдними русскими землями, рано стала распространяться на востокъ и, присоединивъ къ себѣ Литву и завладѣвъ цѣлою юго-западною днѣпровскою Русью, стала смотрѣть враждебно на самостоятельную сѣверо-восточную Русь. Религіозная вражда шла здѣсь рука объ руку съ политической.

Такъ какъ Чехи, отдѣленные отъ Руси особенно Польшей, не могли непосредственно сноситься съ Русскими и между тѣмъ находились въ постоянныхъ, по большей части, дружескихъ сношеніяхъ съ сосѣднею Польшей, то не мудрено, что они очень часто подвергались въ своихъ взглядахъ на восточную Европу вліянію своихъ ближайшихъ сосѣдей и родственниковъ. Этимъ польскимъ вліяніемъ слѣдуетъ объяснить себѣ многія явленія въ общественномъ мнѣніи у Чеховъ о Руси, особенно восточной.

Мы видѣли, что свѣдѣнія Чеховъ о славянскомъ мірѣ увеличились особенно во время гуситскаго движенія, и что тогда Чехи ближе познакомились особенно съ югозападными Русскими, жившими въ государствѣ Польско-Литовскомъ, съ которымъ Чехи входили въ тѣсныя сношенія. Свѣдѣнія Чеховъ о Русскомъ народѣ и о его языкѣ все больше и больше распространялись: доказательствомъ служатъ вышеупомянутыя литературныя памятники чешскіе: грамота Александра Македонскаго Славянамъ, труды Благослава, Бенешовскаго, Судетскаго и другихъ. Чешскіе историки, космографы и филологи, говоря о разныхъ славянскихъ народахъ, касались, разумѣется, и Русскихъ. Но, какъ уже выше сказано, не рѣдко руководились чужими взглядами, особенно на восточную, Московскую Русь. Такъ, напримѣръ, пишетъ чешскій переводчикъ Мюнстеровой космографіи, Сигизмундъ изъ Пухова, что „народъ Московскій употребляетъ языкъ славянскій, хотя

¹⁾ Výbor z literatury české. I, 166.

другими языками такъ смѣшанный и испорченный, что его Славянинъ съ трудомъ понимаетъ“ ¹⁾.

Больше узнали Чехи о восточной Руси и о „Руслахъ и Рупакахъ“ (то-есть о Русскихъ и Русинахъ) изъ чешскаго перевода книги Гва-нини, которую перевелъ Матѣй Госіусъ, мѣщанинъ Колинскій ²⁾. Издатель этого посмертнаго сочиненія, Давіиль Адамъ изъ Велесла-вина, посвящая его думѣ города Колина, не сомнѣвается, что она его прійметъ не только какъ трудъ любимаго ихъ согражданина, „но и ради его пользы, которая, вопервыхъ, относится къ вамъ и къ вашей общинѣ, потомъ и ко всѣмъ соотечественникамъ этой чеш-ской земли. Ибо такъ какъ Москвитане и Русскіе произошли изъ того же самаго народа сарматскаго, какъ и мы, Чехи, и употреб-ляютъ тотъ же самый языкъ, который мы и другіе народы славян-скіе, хотя съ разными отгѣнками, какъ Поляки, Хорваты, Словаки, Сербы: полезно нашимъ Чехамъ это знать и вѣдать, какъ далеко распространенъ ихъ народъ, и что онъ не только въ этихъ странахъ, между черными лѣсами, и отсюда къ Уграмъ и Полякамъ, но и го-раздо дальше на востокъ и на сѣверъ простирается, отъ Ледовитаго моря, которое находится далеко за Москвою, до моря Средиземнаго и Адриатическаго, такъ что почти половину двухъ частей свѣта, Азіи и Европы, обнялъ и наполнилъ“.

Сѣверо-восточная Московская Русь заинтересовала и другаго чеш-скаго писателя того времени, Марка Флорентина Быдзовскаго, кото-рый подробно описалъ войну Стефана Баторія съ Московскою Русью (1579 и слѣд.), жизнь царя Іоанна Грознаго и русское посольство въ Прагѣ 1595 года ³⁾.

На Русскія земли обратили вниманіе и чешскіе генеалоги XVI—XVII вѣковъ. При жалкомъ состояніи тогдашней исторической кри-тики, нельзя удивляться, что многіе западно-славянскіе дворянскіе роды производили свое начало если не прямо изъ Ноева ковчега, то, по крайней мѣрѣ, отъ братьевъ Чеха и Лѣха, мнимыхъ основателей Чешскаго и Польскаго государствъ. Подобострастные генеалоги — въ томъ числѣ и извѣстный Варѣ. Папроцкій—умножали такія нелѣпости

¹⁾ Kosmografia česká (1554 г., fol. 537).

²⁾ М. Hosius: Kronyka Mozkevská (1590 и 1602, сокращено 1786).

³⁾ Рукопись его «Rudolphus Rex» въ универс. библ. Пражской (срви. Сазор. Česk. Mus. 1846, I). Разказъ Быдзовскаго о русскомъ посольствѣ въ Прагѣ см. ниже.

и даже приводили ихъ въ полную систему. Славный родъ чешско-моравскихъ пановъ Жеротиновъ Папроцкій производитъ отъ русскихъ князей Рюриковичей, именно отъ Олега Святославича (у него называется онъ „Колга“). По разказамъ этого славянскаго генеалoga, „Колга“, узнавъ о козняхъ брата своего Ярополка, послалъ тайно своего сына въ западныя страны на службу князей чешскихъ; такъ какъ „Колга“ часто употреблялъ поговорку „въ своей прирожденной русской рѣчи, иди къ врагу, или предайся врагу (что по чешски толкуется чортъ): по этой причинѣ онъ называлъ Врагомъ“. Отъ него происходятъ Враговскіе а отъ нихъ Жеротины. Отъ своего отца получилъ онъ „письмо, золотую грамоту (то-есть, русскимъ письмомъ) писанное“, которое его потомки берегли, какъ большое сокровище. Позже пошелъ панъ Плихта изъ Жеротина на Русь, чтобы добиться отъ князей русскихъ подтвержденія этой грамоты, и пр. ¹⁾. Все это, разумѣется, выдумки или Папроцкаго, или Жеротиновъ: по крайней мѣрѣ нельзя доказать связи Жеротиновъ съ какими-нибудь русскими князьями. Но самому Папроцкому нечего удивляться: онъ былъ вѣрный сынъ своего времени, для котораго не существовала историческая критика. Вѣдь, спустя почти сто лѣтъ послѣ Папроцкаго, Калинъ изъ Мариенберга издалъ особое сочиненіе, въ которомъ съ большимъ ученымъ аппаратомъ, даже съ приложеніемъ родословныхъ таблицъ и пр., пространно доказываетъ, что изящная кровь древнихъ и могущественныхъ князей русскихъ перелилась въ пресловутый и благородный родъ Жеротиновъ, потомковъ св. Владиміра, именно его сына Изяслава ²⁾.

Если у нѣкоторыхъ чешско-моравскихъ родовъ существовали преданія, основательныя или неосновательныя, о ихъ происхожденіи изъ Руси, то на оборотъ, встрѣчаются и преданія о чешскихъ выходцахъ въ русскія земли. Такъ, на примѣръ, въ 1538 году разказываетъ одинъ чешскій панъ Генрихъ изъ Ризенберга, въ генеалогическомъ очеркѣ своего рода, что сынъ Премысловича Дѣполята, Брячиславъ (лице не историческое), „женился на дочери князя Вратиславскаго и отправился, съ шуриномъ своимъ, Генрихомъ княземъ Вратиславскимъ, на Русь, завоевалъ ее и поселилъ тутъ своего сына ³⁾“.

¹⁾ Zrcadlo markrabství Moravského, fol. 89; Ogród Królewski, fol. 204.

²⁾ Calin de Marienberg: Virtus Leonina etc. (1683).

³⁾ Современный списокъ въ архивѣ Требонскомъ (въ южной Чехіи). Ризенберги, древлеченскіе Дерславичи, производились, безъ основанія, отъ Дѣпольтичей, отпрыскъ Премысловичей, потомковъ князя Дѣполята (Theobald).

Мы ужь упомянули выше, что вслѣдствіе частыхъ дружелюбныхъ сношеній Чеховъ съ Поляками, польскіе взгляды перѣдко имѣли вліяніе на чешскіе относительно Руси, особенно восточной. Кромѣ того, нельзя забывать, что до Петра Великаго во всей Европѣ смотрѣли на восточную Русь, или какъ ее обыкновенно называли, на Московію, какъ на государство, стоящее внѣ остальныхъ европейскихъ государствъ.

Не удивительно, что и Чехи раздѣляли этотъ общеевропейскій взглядъ на Московію, и будучи подъ вліяніемъ польскимъ, смотрѣли иногда на нее также враждебно, какъ и сами Поляки. Такъ, напримѣръ, панъ Ладиславъ изъ Штернберга наивысшій канцлеръ чешскій, отъ сердца радуется пораженію Москвитинъ подъ Оршею; сообщая изъ Угорскаго Будина (1514 г., 3-го октября) разныя вѣсти наивысшему буреграфу (первому министру) чешскому пану Зденку Льву изъ Рожмитала, Штернбергъ пишетъ ему и объ этой побѣдѣ короля Сигизмунда, прибавляя, „что навѣрное радуетесь за короля Польскаго, что Господь Богъ изволилъ ему даровать побѣду надъ этими разбойниками (лотры)“¹⁾.

Не мало повредило Московской Руси въ глазахъ всѣхъ европейскихкихъ государствъ и царствованіе Ивана Грознаго. Такъ было и у Чеховъ, которыхъ познакомили съ жизнью этого царя Госіусъ и Биджовскій.

О войнахъ между Польшей и Московскою Русью выходили въ Прагѣ разныя печатныя вѣдомости; такъ, напримѣръ, въ 1563 году „Вѣдомости грозныя, страшныя и жалостныя, какъ Ненталимъ (sic!), великій князь Московскій, его величеству королю польскому съ значительнымъ числомъ войска напалъ на Литовскую землю и поджогами, убійствомъ людей обоего пола, нехристіанскимъ и безстыднымъ плѣненіемъ, завоеваніемъ городовъ и замковъ, большой и значительный ущербъ сдѣлалъ“; въ 1580 году „Объявленіе войны его величества короля Польскаго Мозку (sic), мерзкому врагу и тирану“, и пр. Кончину этого „страшнаго и грознаго тирана“ записалъ и Николай Да-

¹⁾ Списокъ въ архивѣ чешскаго музея. Побѣду Поляковъ надъ Русскими «подъ Дубомъ» (вѣроятно, Стародубомъ въ Сѣверчинѣ) 1517 г. праздновали также въ Прагѣ. Польскій воевода Николай (Шидловецкій?), находясь тогда посломъ короля Сигизмунда въ Прагѣ, велѣлъ зажечь огни на Старомѣстской площади; съ башни ратуши трубили трубачи, а студенты пѣли *Te Deum laudamus* (Stah letop. čestí, 408).

чицкій изъ Геслова въ запискахъ о своемъ времени ¹⁾). Данилъ Адамъ изъ Велеславина, въ упомянутомъ уже предисловіи къ „Кроникѣ Московской“ Госіуса, коснувшись царствованія Ивана Грознаго, приписываетъ: „Узнаемъ особенную Божию милость въ томъ, что насъ изволилъ ласково охранять отъ этихъ народовъ, каковы суть Турки, Москвитяне и Татары“.

Вопросъ о родствѣ Чеховъ и Русскихъ получилъ въ началѣ XVII вѣка, какъ мы видѣли, и практическую важность въ тогдашней исторической наукѣ чешской. Нѣкоторые Чехи протестовали тогда противъ мнѣнія, будто бы ихъ народъ происходитъ отъ „варварскихъ“ Русскихъ ²⁾).

3. Взаимныя сношенія Чеховъ и Русскихъ.

Все, что мы сказали о взаимныхъ отношеніяхъ Чеховъ и Русскихъ до начала XVII вѣка, то-есть, до паденія Чешскаго государства, относится, по большей части, къ литературѣ, наукѣ и вообще болѣе къ теоретическому сознанию общаго происхожденія славянскаго Чеховъ и Русскихъ.

Но кромѣ этого, былъ и другой путь узнавать другъ друга: это—непосредственныя сношенія Чеховъ и Русскихъ. Хотя взаимныя сношенія обонихъ этихъ народовъ не могли быть такія, какъ отношенія двухъ сосѣднихъ народовъ, но все-таки существовали болѣе или менѣе тѣсныя связи между самими западными и самими восточными Славянами.

Уже при первыхъ князьяхъ русскихъ изъ рода Рюрика были торговныя связи между Чехами и Русскими: русскому князю Святослану Игоревичу Чехи привозили серебро даже въ Переяславецъ на Дунаѣ. Между многочисленными женами сына Святослава, Владиміра, были и двѣ Чехини, матери Вышеслава, Святослава и Мстислава или Станислава. При Владимірѣ государства Чешское и Русское даже граничили другъ съ другомъ, чешскіе князья Болеславъ I и II распространили предѣлы своего княжества далеко на востокъ въ земли Карпатскія, и князья русской и чешскій жили въ мирѣ и въ любви ³⁾).

Во время безпрестанныхъ междоусобицъ русскихъ князей, въ числѣ

¹⁾ Сазор. Cesk. Mus. 1828, II, 87.

²⁾ Сравни. выше стр.

³⁾ П. С. Р. Л., I, 28, 34, 54.

разныхъ помощниковъ боровшихся между собою Рюриковичей являются, въ XII и въ началѣ XIII вѣковъ, и чешскіе полки. Они ходятъ подъ Владимірѣмъ Волинскій, Галичѣмъ, Бѣлгородѣмъ, Кіевѣмъ, даже и противъ Суздаля. Такъ было особенно съ половины XII вѣка, послѣ встрѣчи между великимъ княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ и чешскимъ княземъ Владиславомъ, когда тотъ возвращался изъ второго крестоваго похода черезъ Царыградъ, Кіевъ и Краковъ домой (1148 г.). Между обоими славянскими князьями завязались дружескія связи, и Изяславъ называлъ Владислава (Володислава) своимъ сватомъ⁴.

Русскіе полки бывали рѣдко въ чешскихъ земляхъ, по крайней мѣрѣ до половины XIII вѣка: „не бѣ первѣе никоторый князь Рускый воевалъ землѣ Чешскоѣ, ни Святославъ хоробры, ни Володимерь святый“. Такъ сдѣлалъ только князь Галичскій Даниилъ Романовичъ, выступивъ, какъ союзникъ угорскаго короля, противъ Чеховъ (1253 г.). вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Львомъ и съ князьями Краковскимъ Болеславомъ и Опольскимъ Владиславомъ, онъ вторгнулся въ Опавскую землю; здѣсь около Опавы, Насилья, Глубичичей и Особологи, соединенные „Русь и Лихове“ воевали съ Чехами, которыми командовали оба Бенешевича, Андрей и Бенешъ, и Гербортъ изъ Фульштейна. Въ другой разъ воевалъ Даниилъ съ Чехами, какъ союзникъ угорскаго короля, въ сраженіи на Моравскомъ полѣ (1260 г.).

Если Даниилъ Романовичъ ради короля угорскаго и ради славы выступилъ враждебно противъ чешскихъ королей Вячеслава I и Премысла II, то его сынъ, Левъ Даниловичъ, сдѣлался большимъ другомъ Чешскаго короля Вячеслава II. Когда Левъ, участвуя во внутреннихъ междоусобицахъ польскихъ князей и въ ихъ и короля чешскаго борьбѣ за Краковскій столъ, стоялъ (1291 г.) съ войскомъ подъ Краковомъ, „ѣха въ Чехы на снемъ ко королеви, за не любовь держаше съ нимъ велику; и докончавъ съ нимъ миръ до своего живота; король же одаривъ Лва дарми всякими дорогами, и тако отпусти съ великою честью“. Дружбу свою къ Вячеславу показалъ Левъ и въ послѣдующихъ его войнахъ съ польскимъ княземъ Владиславомъ Локеткомъ, сдѣлавъ, вмѣстѣ съ другими русскими князьями, въ пользу Вячеслава нападеніе на Судомірскую землю¹).

¹) Сравни лѣтописи Лаврентьевскую, Ипатіевскую и Никоновскую. Извѣстия изъ лѣтописей русскихъ о взаимныхъ отношеніяхъ Чеховъ и Русскихъ до начала XIV вѣка собралъ Эрбелъ (Sazop. Česk. Mus. 1870, 69). Съ высказаннымъ здѣсь мнѣніемъ о пѣсняхъ Кралецворской рукописи нельзя согласиться.

Итакъ, видимъ, что чешскіе князья Премысловичи и русскіе князья Рюриковичи, особенно Кіевскіе и Галичско-Владимірскіе, сносились другъ съ другомъ съ древнѣйшихъ временъ. Эти взаимныя сношенія, разумѣется, не могли быть такими, какъ, напримѣръ, сношенія Чеховъ съ Поляками, или Поляковъ съ Русскими, но все-таки продолжали хотя кое-какъ поддерживать связи между западными и восточными Славянами.

На отчужденіе чешскихъ князей отъ русскихъ не мало повліяло, кромѣ отдаленности, и то обстоятельство, что чешскій и русскій княжескіе роды почти не сближались между собою посредствомъ браковъ: чешскіе князья женились преимущественно на Нѣмкахъ, Польшахъ и Угоркахъ, а на русскихъ княжнахъ очень рѣдко, вѣроятно — не только по причинѣ большого разстоянія, но и по причинѣ различнаго вѣроисповѣданія. Мы знаемъ только двухъ русскихъ княженъ, вышедшихъ за чешскихъ князей: одна — неизвѣстнаго имени и происхожденія за моравскаго князя берненскаго Вратислава (1132 г.); другая, Кунигунда или Кинька, дочь Ростислава Михайловича Галичскаго, потомъ угорскаго бана въ сербской Мачвѣ, за короля Премысла Отокара II (1261 г.)¹⁾. Русскому вліянію можно приписать и имя моравскаго князя Оломуцкаго Владиміра (1145—1200 гг.), единственнаго члена княжескаго рода Премысловичей того имени. О чешскихъ князьяхъ, которыя выходили за русскихъ князей, — не знаемъ ничего, развѣ только двѣ вышеупомянутыя Чехини, жены Владиміра Святославича, были княжескаго рода.

Когда въ XIV вѣкѣ многія русскія земли были присоединены къ Польшѣ, то и Чехи могли ближе и легче сношиться и съ русскими подданными соединенныхъ Польши и Литвы. Взаимныя связи между Чехами и юго-западными Русскими сдѣлались съ тѣхъ поръ болѣе тѣсными и проявились особенно живо во время гуситскаго движенія²⁾.

4. Чешскій языкъ на Руси.

Чехи и Русскіе, находясь въ личныхъ сношеніяхъ, употребляли всякій свое родное нарѣчіе и хорошо понимали другъ друга. Чешскій говоръ былъ слышенъ и понимаемъ у Кіева, Владиміра Волынскаго,

¹⁾ Script. rer. boh. I, 306, 405. Первую гѣтописецъ очень восхваляетъ изъ-за ея красоты. (Срвн. также Сазор. Cesk. Mus. 1842, I, 23.

²⁾ Срвн. отдѣлъ: Чехи и Поляки.

Галича; русская же рѣчь воиновъ Данила Галичскаго раздавалась и въ Опавской землѣ, и на нее отвѣчали по чешски. Такъ было и позже въ гуситскія и за ними послѣдующія времена, когда чешскіе войны приходили въ Русскія земли, и Русскіе — въ Чехію. Особенно близки Чехамъ были и остаются до сихъ поръ Русскіе въ Галиціи, въ древнемъ Галичско-Владимірскомъ княжествѣ ¹⁾. Лѣтопись этого княжества XII—XIII вѣковъ довольно хорошо знакома съ чешскими отношеніями; она передаетъ совершенно вѣрно и названія чешскихъ городовъ, даже хорошо измѣняя ихъ въ духѣ русскаго языка: такъ, изъ чешскихъ формъ Глубчицы, Особлага, Воротьславъ и др. лѣтописецъ сдѣлалъ совсѣмъ правильно русскія Глубичичи, Особолога, Воротьславъ и др. Даже и нѣкоторыя чужія, не славянскія имена измѣнены на чешскій ладъ, если только не приписать это польскому вліянію, таковы: Индрихъ (Генрихъ), Волдрихъ (Удальрихъ), Альжбѣта (Елисавета), Вацлавъ чешскій и др. Подобное тому видимъ и въ другихъ памятникахъ юго-западной Руси, Галичской и Литовской, напримѣръ: „Ганусъ“, „панъ Ольдрихъ“ (въ галичской грамотѣ 1401 года). „панъ Бедрихъ“ (Фридрихъ, бояринъ подольскій, въ грамотѣ 1414—1429 гг., неужели панъ Бедрихъ Острожскій?) ²⁾, названія Австрійцевъ и Силезцевъ, „Ракушане (Ракужане) и Слезаци или Сляжане“ въ литовско-русскихъ лѣтописяхъ суть чисто чешскія: „Ракушане, Слезаци или Слезане“ ³⁾. Изъ чешскаго языка перешли въ русскій и нѣкоторыя слова по военной терминологіи, по большей части, конечно, посредствомъ польскихъ: гетманъ, атаманъ, пицаль, пушка и др.

Но мало того. Чешскій языкъ повліялъ и на литературный языкъ русскій, который былъ въ употребленіи въ юго-западной Руси Польско-Литовской, въ юридическихъ и вообще свѣтскихъ памятникахъ и въ духовной литературѣ.

¹⁾ Еще ближе къ Русинимъ Словаки, такъ что недавно чешско-словенскій литературный языкъ былъ распространенъ и между соседями Словаковъ, Угорскою Русью. Сравни. Бесѣда 1871, VI, 231.

²⁾ Акты южной Россіи I, № 69, Акты западной Россіи I, № 22. Польское «Тѣсзун» перевѣяно одинаково по-русски и по-чешски «Тычинъ—Тіѣинъ» (Акты южной Россіи I, № 9, Archiv český III, 18); такъ и «andomiegtz» въ Судомірѣ и др.

³⁾ «Ракушка» или «Ракуша земля» (то-есть, Австрія) пишеть и волынскія лѣтописи. «Ракушская земля» встрѣчается еще въ русскихъ космографіяхъ XVII вѣка (А. Поповъ: Изборникъ изъ русск. хронограф., 492).

Чешскій языкъ выработался гораздо раньше, чѣмъ польскій и русскій: первый слинкомъ долго, до XVI вѣка, находился подъ властью совѣтъ чуждаго языка латипскаго; второй, еще до недавняго времени боровшись съ церковнымъ, хотя и роднымъ языкомъ, долго не устанавливался.

Если посмотримъ на письменные памятники юго-западной, литовской и польской Руси, XV и XVI вѣковъ, то насъ поражаетъ необыкновенное ихъ сходство съ современными памятниками чешскими, не только относительно словъ, но и цѣлыхъ оборотовъ. Объ исключительномъ польскомъ вліяніи здѣсь нельзя подуматъ, по крайней мѣрѣ до первой половины XVI вѣка, такъ какъ въ грамотахъ, статутахъ и вообще въ публичной письменности польскій языкъ сталъ употребляться только съ конца первой половины XVI вѣка, замѣнивъ господствовавшій до тѣхъ поръ латинскій языкъ; до того времени языкъ польскій рѣдко употреблялся въ письменности, и когда это случалось, то онъ всегда являлся довольно грубымъ, не выработаннымъ, подъ сильнымъ вліяніемъ чешскаго языка.

Съ другой стороны, возьмемъ во вниманіе, что чешскій языкъ уже съ конца XIV вѣка и особенно съ начала XV, во времена гуситскія, почти исключительно употреблялся во всѣхъ публичныхъ грамотахъ, и приобрѣлъ себѣ чрезвычайную гладкость и совершенство въ формахъ и въ стилѣ и сталъ извѣстенъ не только въ Польшѣ, но и въ Литвѣ. Мы видѣли, что изъ велико-княжеской литовской канцелярии выходили даже письма на чешскомъ языкѣ. Это предполагаетъ если не знаніе его литовско-русскими княжескими секретарями, то по крайней мѣрѣ существованіе въ канцеляріи и Чеховъ. Поэтому съ большою вѣроятностью можно предполагать вліяніе чешскаго языка на русскій канцелярскій стиль, употреблявшійся въ литовской Руси¹⁾.

¹⁾ Сходство чешскихъ и литовско-русскихъ памятниковъ еще болѣе бросается въ глаза, если сравнимъ послѣдніе съ современными имъ польскими переводами статутовъ польскихъ и мазовскихъ XV вѣка. Чтобы сравнить чешскій и литовско-русскій языкъ и стиль XV вѣка, приведемъ здѣсь грамоту князя Швентригайла 1424 года (Акты западной Россіи I, № 32) и сопоставимъ ей вѣрный переводъ чешскій такъ, какъ сдѣлалъ бы его какой-нибудь чешскій писарь того времени (Русское и слѣдуетъ читать какъ чешское h):

Во имя Божье, аминь. Мы Болеславъ синко Швентригайло, зъ Божьей милости князь Черниговскій и иныхъ, знаемо то чинимъ сямъ нашимъ листомъ

Ve jméno božie, amen. My Boleslav jinak Švidrgal, z božie milosti kněz Černihovský i jiných, známo to činíme tím našim listem každému dobrému, nyníjším

Приведемъ изъ грамотъ и литовско-русскихъ статутовъ XV и начала XVI вѣка нѣсколько словъ и оборотовъ, которыя, такъ-сказать, буквально сходны съ чешскими въ стилѣ того времени, напримѣръ: „до-свѣдчито, непорушнѣ, предречены, службы наши не были замѣпканы, женское поглавле, взказати, взяти передъ себе, водлѣ жадапья, отповѣдны листы, радни и помощни (помочни), горла не лютуетъ, естли бы его милости Богъ не въховалъ, знаменавъ службу николи неомѣшканую, приказалъ и поручилъ, про то жадаемъ, абы твоя милость рачила намъ въ томъ порадити, како быхомъ мѣли брату нашему отповѣдити, было бы прекажено и къ вчинку не пришло, королевское величество слышелъ, ажъ бы есте паматовали на присѣвги предковъ вашихъ, вѣрнѣ его милости служити, якожь есте и служили, да-ли Богъ, ажъ и до его милости скопанья“, и пр. и пр. ¹⁾.

Вліяніе чешскаго языка видно и въ духовной литературѣ юго-западной Руси. Съ конца XV вѣка сдѣланы были въ польско-литовской Руси

каждому доброму, нынѣшнимъ и потомъ будущимъ, сего листа чтучимъ и слушающимъ, аже даровали есмо и даемъ слузѣ нашему Юркови Козеняти на своемъ селѣ на Хватовцѣхъ 50 копъ, руской личбы, Краковской монеты *). А имѣеть тое село держати и уживати со всеми его пожитки и ужитки, што къ нему здавна прислухаютъ, и такожь по немъ его дѣти; а пакъ ли тое перворѣченное село намъ ся бы слюбило, а любо которому нашему слузѣ поволли быхомъ е выкупити, тогда тыхъ 50 копъ имаетъ быти дано слузѣ нашему Юркови, а любо по немъ его дѣтемъ. А на потверженъ сему листу привѣсили есмо нашу печать. А то ся доконало у Коломыи, у недѣлю по усжкоческомъ глави **) св. Ивана, подъ дѣты 1424.

i potom budúcim, toho listu čtúcim i poslúchajícím, že darovali sme i dávame služu našemu Jirkovi Kozeněti na své vsi na Chvatovcech 50 kop, ruského čisla, Krakovské mince (rázu). A má tu ves držeti i užívati se všemi jejimi požitky i užitky, co k ní z dávna příslušie, i takéž po něm jeho děti; a pakli ta prvé řečená ves nám se by slíbila, a nebo kterému našemu služu povolili bychom ji vykúpiti, tehdy těch 50 kop jmá býti dáno služu našemu Jirkovi, a nebo po něm jeho dětem. A na potvrzenie tomu listu přivěsili sme naši pečeť. A to se dokonalo v Kołomyji, v neděli po stěti sv. Jana léta 1424.

¹⁾ Эти слова мы взяли случайно изъ перваго литовскаго статута и изъ Актовъ западной Россіи I. Съ ними сравн. разныя письменности чешскія XIV—XV вѣковъ въ сборникѣ Archiv Český.

*) Въ др. гр. (1424 г.) „Краковскаго рѣзу“.

**) Церковно-слав.

попытки замѣнить хотя отчасти старинный церковно-славянской языкъ мѣстнымъ русскимъ языкомъ. Эти попытки усилились особенно послѣ распространенія реформации въ польскихъ и литовско-русскихъ земляхъ; тогда стали издаваться тамъ русскія книги „людемъ посполитымъ къ доброму наученію“. Имѣлъ ли чешскій гуситизмъ на Руси до этой реформации какіе-нибудь успѣхи—не знаемъ.

Между духовными книгами у всѣхъ народовъ первое мѣсто занимала Библия. Изъ Славянъ полный сводъ Библии является раньше всѣхъ у Чеховъ. Они уже въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка имѣли на своемъ языкѣ три печатныя изданія: Пражское (1488); Кутногорское (1489) и Венеціанское (1506), чего не было тогда еще нигдѣ у другихъ Славянъ. Чешскій текстъ переведенъ по латинской вульгатѣ; на первомъ переводѣ (1488 г.) основаны и остальные до второй половины XVI вѣка, только позднѣйшіе издатели все больше и больше исправляютъ текстъ. Чешскими переводами Библии пользовались не только Поляки, но и юго-западные Русскіе, когда сочли нужнымъ толковать Библию народнымъ русскимъ языкомъ. Въ этихъ русскихъ переводахъ встрѣчаются иногда поразительные чехизмы, свидѣтельствующіе, что русскіе переводчики не только пользовались чешскою Библией, но подобно польскимъ, списывали чисто чешскіе слова и обороты.

У Русскихъ докторъ Францискъ Скорина изъ Полоцка первый „положилъ“ всѣ книги Библии ветхаго и новаго закона „на рускій языкъ“, то-есть, письменный языкъ, который употреблялся тогда въ Литовской Руси, съ нѣкоторою примѣсью церковно-славянскаго языка. Большую ихъ часть онъ издалъ въ Чехіи въ Прагѣ, „у славномъ великомъ (старомъ) месте Празскомъ“, въ теченіе 1517; 1518, 1519 гг. (Апостоль въ Вильнѣ 1525—1528). Кромѣ этого печатнаго изданія, — первой печатной книги на русскомъ языкѣ, — сохранились нѣкоторыя части той же самой рецензии и въ рукописяхъ.

При этомъ своемъ русскомъ переводѣ Скорина пользовался особенно чешскою Библией; даже можно предполагать, что онъ перевелъ прямо съ чешскаго текста вульгаты, именно по Венеціанскому изданію 1506 года ¹⁾).

¹⁾ Экземпляры Библии Скорины чрезвычайно рѣдки. Мы могли пользоваться одной только книгой Инсуса сына Сирахова, которая хранится въ библіотекѣ чешскаго музея. Заглавія въ Библии Скорины показываютъ, что онъ руководился именно Венеціанскимъ изданіемъ чешской Библии; въ изданіяхъ Пражскомъ и Кутногорскомъ ихъ нѣтъ.

Сравнимъ хотя вѣсколько мѣстъ книги Исуса Сираха изъ Библии Скорини съ чешскою и съ позднѣйшею Острожскою.

Чешская Библия 1506 года. Библия Скорини 1517 года. Библия Острожская 1581 года.

(Гл. 16). Uposlechni mne synu, a nauč se kázni a gozumu, a slov mých bud pilen v srdci tvém. Послухай сыну мой, и научиса наказанія и разуму, и словъ моихъ буди пиленъ въ сердци своемъ. Послушай мене чадо и научиса художеству, и пи словеса моя внимай сердцемъ своимъ.

(Гл. 18). Jako kamének pieskový, tak jsú malá léta proti věku. Іако каменекъ песковый, тако мала суть лѣта противъ вѣку. Іако число пѣска тако мало лѣтъ въ день вѣка.

Blázen přikře omluvi a dar nekázáného rodmúří oči. Безумный прикро отмовить, и даръ ненаказаннаго посмурить очи. Буи исподативъ поновить и даяніе занидливаго мучить око.

(Гл. 28). Města hrazená bohatých zkázil jest, a domy mohovitých rozkopal. Грады ограженныя богатыхъ зкавилъ есть, а дома многоможныхъ раскопалъ. Грады твердыя разори, и дома вельможамъ разврати.

(Гл. 29). A paklit bude moci oplátiti, ale rozhněvát se: jistinyt ledva polovici opláti, a počte to jako nálezek. Пакли же возможесть заплатить первой съпротивитси и истинны ледвы половину валлатить, и почитать то себя за знайденное. Аще же възможесть едва полъ принесть, и възвѣнать е Іако обрѣвеніе.

(Гл. 31). Ktož zláto miluje, sei miluje, nebudeť spravedliv učiněn, a ktož následuje utrácenie majetného, parňón bude psotú. Кто злато милуетъ, сей неоправдится, и кто наследуетъ утрату мирную, сей наполненъ будетъ псотю. Любии злато неоправдятся, гонии раставниа самъ несытитса.

(Гл. 32). Kamének karbunkulový vokrasc zláta: a zrovňanie hudab na kvasu víra. Каменекъ карбункуловый во окрасе злата: а зровнаніе худаб на квасу вина. Печатавниъ авераѣ на маниеть златъ, и рассуженіе мусикомъ въ питіи вина.

(Гл. 43). V velikosti své položil jest oblaky, a zetrjeno jest kamenie krupobitie. Въ вѣдичестве своемъ положилъ есть облаки, и зотрѣно есть каменіе крупобити. Величїемъ своимъ укрѣпи облаки и съкруши каменіе градное.

Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ тѣсно подходитъ русскій перенодъ Скорины къ чешскому, принимая даже чисто чешскія слова. Вообще въ Библію Скорины перешло много чешскихъ словъ, формъ и реченій, напримѣръ: безъ похибы (безъ сомнѣнія), лагвица (бутылка), настрои гудебны (инструменты музыкальные), чародейникъ, небскій, кофликъ (чаша), рѣрюха (жеруха), покладица (вазна), утирадла (полотенце), выникали (отличались), кдыжь (когда), коналося (совершалось); формы: стоиваше, храниваше (стоялъ, хранилъ), слютуется надо мною (помилуешь меня), обадва грехъ спахали суть (оба грѣхъ совершили), бы пакъ пригодилося (когда случилось), обѣтовати на запалную обѣтъ (приносить жертву въ сожженіе), и пр.

Одинъ переписчикъ такого рукописнаго перевода прибавилъ по образцу чешскому и чешское удареніе (всегда на первомъ слогѣ) и даже иногда и протяжность нѣкоторыхъ слоговъ; онъ пишетъ, напримѣръ: тогда, лѣдѣй, рѣдѣннхъ, трубѣти нѣмолишися, принесеши, нѣ всему, нѣдѣвали, дѣбрѣго, шѣтого, и пр. ¹⁾.

Чешское вліяніе особенно замѣтно въ одномъ южно-русскомъ переводѣ „Пѣсни пѣсней“ начала XVI вѣка. Мы здѣсь встрѣчаемъ чехизмы въ словахъ и въ оборотахъ даже совсѣмъ противъ духа русскаго языка, напримѣръ: межи дцерами (mezi dcerami—дочерьми), боіговали суть (боролись, чисто чешское выраженіе, даже съ древне-чешскимъ правописаніемъ: bogowali sú), витежный (vůtečný, отличный), преналь (príeval—проливной дождь), вечерядло (večefadlo—столовая), заграда (zahrada, садъ), заветли (zakvetli, зацвѣли), квѣtie (kvietie, цвѣты), противъ кацеромъ а еретикомъ, про страхи ночныи; чисто чешскія фразы: „ать ся тулять непочну по стадахъ товаришовъ твоихъ (Острожская Библія: „да некогда буду тако облагающася по стадахъ друзей твоихъ“), „ездьцомъ моимъ у возехъ Фараоновыхъ прировналъ есмь тобѣ, пріетелько моя“ (Острожская Библія: „Кони мои въ колесницы Фараоновъ уподобихъ тя близъ мене“), „Глядала есмь, его же милуетъ душа моя“ (Острожская Библія: „Искахъ, его же възлюби душа моя“), и пр.

Это едва-ли писалъ Русскій, даже юго-западный, привыкшій къ польской рѣчи: переводчикъ былъ, вѣроятно, природный Чехъ или Словакъ ²⁾.

¹⁾ Головацкій: Нѣсколько словъ о Библии Скорины и о рукописной русской Библии изъ XVI в. (Науковый Сборникъ галицко-русской Матицы 1865 г.).

²⁾ Основа 1861, № XI, XII. Срвн. Спмс. рукоп. синод. библ. II, 3, стр. 763.

Но въ теченіе первой половины XVI вѣка вліяніе чешскаго языка на русскій въ юго-западной Руси совсѣмъ уступило польскому. Впрочемъ, чешская Библия оставалась на Руси извѣстною и въ позднѣйшія времена; она была и въ рукахъ переводчиковъ Острожской Библии ¹⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ Библии и другія чешскія книги расходились на Руси Польско-Литовской и дальше на Руси Московской. Чешскіе издатели не даромъ печатали и издавали свои книги въ пользу „народовъ, которые употребляютъ нашъ благородный и обширный славянскій языкъ“ ²⁾.

() чешскомъ вліяніи на другія явленія общественной жизни юго-западныхъ Русскихъ трудно пока сказать что-нибудь болѣе опредѣленное. Такимъ образомъ, трудно еще рѣшить вопросъ, заявило ли чешское право какое-нибудь вліяніе на сводъ литовско-русскихъ законовъ, или было ли, по крайней мѣрѣ, извѣстно въ Литовской Руси чешское уложение, то-есть, земскіе законы (на чешскомъ языкѣ), въ Чехіи первый разъ собранные, сведенные и напечатанные при Владиславѣ Ягайловичѣ (1500 г.), слѣдовательно, раньше, чѣмъ это случилось съ польскими (на латинскомъ языкѣ) и литовскими статутами (на русскомъ языкѣ).

Оставляя рѣшеніе этого вопроса славянскимъ юристамъ, мы укажемъ только на одинъ фактъ, изъ котораго видно, что въ концѣ XV вѣка чешское право было, по крайней мѣрѣ, извѣстно на Литвѣ. Когда въ 1492 году наивысшій маршалокъ литовскій Литаворъ Хребтовичъ вручилъ новоизбранному великому князю литовско-русскому Александру обнаженный мечъ, то потребовалъ отъ него, отъ имени всѣхъ пановъ литовскихъ, чтобъ онъ справедливо княжилъ, управлялъ и судилъ „не по обычаю италіанскому, чешскому или нѣмецкому, а по истинному литовскому и по примѣру Витовта“ ³⁾.

Итакъ, до XVI вѣка взаимныя сношенія между Чехами и Русскими, преимущественно юго-западными жителями Польской и Ли-

¹⁾ «Сія третія книги Мязкавейскія въ прочіихъ библіяхъ не обрѣтаются, ниже въ самой томъ словенъской, и ни в латинскихъ ани в ласкихъ, точію в греческой и в чешкой, но и мы ихъ неоставихомъ». Рукописная чешская Библия изъ первой половины XV в. хранится у купца Лопкова въ Москвѣ. (Срви. статью І. Колара въ засѣданіяхъ чешск. общ. наукъ 1867, 4-го марта).

²⁾ Такъ чешскія лѣтописи и сказки.

³⁾ Decius: De Jagellonum familia (Сгас. 1521, р. 49); оттуда взялъ и Стрыйковскій (Kronika etc. р. 667).

товской Руси, были довольно живы и являлись въ разныхъ отношеніяхъ общественной ихъ жизни. Справедливо замѣчаетъ русскій переводчикъ статута Вислицкаго, переведеннаго по порученію Ванька Кердесевича, кастеллана Холмскаго, въ первой половинѣ XV вѣка, что „Чехи мало отличаются отъ русскаго языка, и что Русь рѣчью своею близка языку чешскому.“¹⁾ Это знали въ Чехіи и на Руси не только въ теоріи, но и на практикѣ.

Этимъ славянскимъ родствомъ Чеховъ и Русскихъ хотѣла воспользоваться и римско-католическая пропаганда между народомъ Русскимъ въ XVI вѣкѣ. Извѣстный іезуитъ Поссевинъ (1581 г.), представляя разныя предложенія для обращенія всего народа Русскаго въ Польско-Литовской и въ Московской Руси въ католицизмъ, совѣтуетъ, между прочимъ, основать семинарію въ Вильнѣ или Полоцкѣ для польскихъ Русскихъ; но которые прибывали бы изъ Москвы, продолжаетъ этотъ іезуитъ, „тѣ пусть посылаются въ Оломуць (въ Моравѣ) или въ Прагу въ епископскія семинаріи, въ которыхъ, вслѣдствіе родства ихъ языка съ русскимъ, легче приобрѣли бы нужныя свѣдѣнія“; дальше совѣтуетъ, чтобъ изъ статей Царьградскаго патріарха Геннадія издали статью о приматѣ римскаго папы и раздавали ее въ коллегіи Ярославской и въ семинаріяхъ Оломуцкой, гдѣ есть нѣсколько Русскихъ, и Пражской, чтобы чешскіе католики ими пользовались для уничтоженія гуситскаго раскола²⁾.

б. Чехи и сѣверо-восточные Русскіе.—Русско-Московскія посольства въ Прагѣ.—Чехи въ Московской Русіи.—Петръ Великій и Чехи.

Сношенія Чеховъ съ сѣверо-восточной Великою Русью, или какъ она и у нихъ называлась по примѣру остальной Европы, съ Москвою, не могли быть такія, какъ съ Русью Польско-Литовскою. Причиной того, кромѣ большой отдаленности, было и то обстоятельство, что Москва, съ своими особенностями государственными, общественными и религіозными, долго стояла, такъ-сказать, внѣ остальныхъ европейскихъ государствъ.

Со вступленіемъ династіи Ягайловичей на столъ чешскій и угорскій, чешскіе государи считали интересы польскіе и литовскіе близ-

¹⁾ См. выше стр.

²⁾ Possevin: *Moscovia et alia opera* (Coloniae, 1596, p. 10), также у Тургеви: *Histor. Russ. Monum., Supplem.* 36, 39.

ними и себѣ. Такъ было и относительно литовско-московскихъ дѣлъ. Въ концѣ XV вѣка Чехи вмѣстѣ съ Ляхами считаются врагами великихъ князей Московскихъ, и великій князь Литовскій призываетъ чешскаго короля на помощь противъ Москвы не только во имя родства, но и во имя католическаго вѣроисповѣданія, которому угрожаетъ опасность со стороны всей православной Руси, Литовской и Московской ¹⁾.

Съ XVI вѣка Москва, однако, начала входить въ болѣе близкія и частыя сношенія съ Европой, особенно съ Римскими императорами, по поводу общихъ дѣйствій противъ Турокъ.

Такъ какъ тогда императоры римскіе были вмѣстѣ съ тѣмъ и королями чешскими и угорскими, съ столицей въ чешской Прагѣ, то русско-московскіе послы стали являться и въ Прагу къ императору и королю чешскому и угорскому, въ „Чешскую землю“, въ „Чешское государство“, а еще не въ „Богемію“. Такимъ образомъ, Чехи и представители восточной Руси вошли въ болѣе близкое соприкосновеніе. Русскіе послы, сходясь съ Чехами, съ чешскими министрами и панами не только официальнымъ образомъ, но и частно, за обѣдами и пр., навѣрное говорили съ ними и безъ помощи нѣмецкихъ толмачей, на своемъ языкѣ. Чешскимъ вліяніемъ можно объяснить разныя названія въ донесеніяхъ пословъ, напримѣръ: „Раковскій“ или „Рабузскій“ (австрійскій), „Слезская земля“ (Силезія), „Матіяшъ“ (Матвѣй), „Вилимъ“ (Вильгельмъ) и проч.; титулъ императора всегда „король чешскій и угорскій“, а не „богемскій и венгерскій“. Въ одномъ донесеніи Московско-русскіе послы, отправленные къ императору римскому, описываютъ путешествіе (1583 г.) изъ „Оломонца въ Муравской землѣ“ (Оломуць въ Моравѣ) въ Чехію „на Литомышль, цесарева канцлера Вратислава Перстена (то-есть, Пернштейна), а отъ Литомышля... къ Мету (то-есть, Мейто, какъ Чешскій простой народъ до сихъ поръ называетъ городъ Высокое Мыто)... къ Пардовицамъ (Пардубице), къ чешскому столярному городу, къ Прагѣ“, гдѣ „боркграфъ воевода Вилимъ Розберкъ (то-есть, наивысшій бургграфъ или пуркграбе Вильгельмъ изъ Розенберга) и канцлеръ Вратиславъ Перстенъ“ послали къ нимъ трехъ Нѣмцевъ и пр. ²⁾

Въ донесеніи 1595 года послы описываютъ аудіенцію у импера-

¹⁾ Акты Западной Россіи I, № 188. Страни. выше стр.

²⁾ Памятники дипломат. сношеній древней Россіи съ державами иностранными I, 866.

тора и короля Рудольфа. Ихъ встрѣтили „думные люди“ и повели къ императору; при немъ стояли „цесаревы думные люди: Петръ Волфъ (то-есть, Вокъ) Розонберкъ, большой (то-есть, вельможа) въ Чешскомъ королевствѣ, Адамъ Снейгавъ (sic, то-есть, изъ Градца, по нѣмцки Neuhaus), чешскій королевскій бургрграфъ, Еганъ Волштентъ (то-есть, Янъ изъ Вальдштейна), чешскій королевскій большой коморпой (то-есть, наивысшій коморникъ), Венцлавъ Срискинъ (sic, то-есть, Вячеславъ изъ Ричанъ), чешскій королевскій большой (то-есть, придворный) судья, Хриштофъ Попель, воевода города Праского (Христофоръ Попель изъ Лобковиць, президентъ апелляціоннаго суда), коморные бояре“, и др. ¹⁾.

Но если Русскіе такъ коверкали чешскія фамаліи, то и Чехи не оставались у нихъ въ долгу. Такъ, напримѣръ, въ одножъ современномъ чешскомъ извѣстіи о томъ же самомъ русскомъ посольствѣ въ Прагѣ (1595 г.) говорится, что во главѣ его стоялъ „Михаилъ Ивановичусъ или Ивановитскій рейтманъ Рахыненскій (sic), канцлеръ великаго княжества Московскаго“ (то-есть, Михаилъ Ивановичъ Вельяминовъ, на мѣстникъ Кашинскій, думный дворянинъ), и „Янъ (Согніа) Власинусъ, секретарь Оппомасениусъ“ (sic! то-есть, Ооонасей Ивановъ, сынъ Власъевъ, дьякъ). Посольство привѣтствовано въ Прагѣ (16-го августа) упомянутыми выше чешскими министрами Вальдштейномъ и Лобковицомъ (которыхъ сами послы называютъ правильно: Янъ Вальштентъ или Вальштейнъ, какъ и тогда по чешски назывался и писался, и Хриштофъ или Криштофъ Попель въ Лобковиць); и помѣщено на Малой Стронѣ на Увздѣ. Чешскій авторъ замѣчаетъ у этихъ Московскихъ пословъ строгое соблюденіе поста („ихъ пища была утромъ и вечеромъ: лукъ, чеснокъ, рыба, питье—медъ, вино, водка“); описываетъ аудіенцію у императора, сообщая и письмо царя Ѳедора императору Рудольфу. „Эти послы остались въ Прагѣ до 27-го дня мѣсяца сентября, въ который день съ честью провожаемые господами Пражанами возвратились опять къ своему великому князю“ ²⁾.

Чехи и Русскіе въ Великой Руси вообще сходились только посредствомъ отдѣльныхъ лицъ, а не какъ народы. Но и эти путеше-

¹⁾ Памятники дипломат. сношеній, II, 334.

²⁾ Изъ рукописи М. Выдзовскаго «Rudolphus rex», напечатано, въ Casop. Česk. Mus. 1844, 305. Вышеупомянутый Власъевъ былъ въ 1599 году опять царскимъ посломъ у императора Рудольфа, съ которымъ тогда встрѣтился въ городѣ Шльзні.

ственники, конечно, поддерживали сознание общаго происхожденія, память котораго хранилась у обоихъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ. Къ сѣверо-восточнымъ Русскимъ изъ Чеховъ прибыли Іеронимъ Пражскій (въ Плесковѣ), вышеупомянутый моравскій панъ, спѣшившій на помощь къ Новгородцамъ противъ Нѣмцевъ, рыцарь Кокочецъ, чешскій братъ Рокита). Въ XVII вѣкѣ были изъ Чеховъ въ восточной Руси: Эразмъ Гейдель (Гейделіусъ) изъ Рассенштейна, совѣтникъ чешскаго аппеляціоннаго суда, Пражскій іезуитъ Бернадъ Таннеръ и чешскій рыцарь Юрій изъ Драхова. Гейделіусъ присланъ императоромъ Матвѣемъ (1615 г.) подъ Смоленскъ, какъ посредникъ между переговаривающимися послами польскими и русскими. Съ послѣдними онъ говорилъ „безъ толмача, старымъ славянскимъ языкомъ“, какъ они думали (вѣроятно по чешски). Но Гейделіусъ скоро понялъ, что примирять Поляковъ и Русскихъ, значить „помирить воду съ огнемъ“, и разумѣется, не достигъ своей цѣли ¹⁾. Таннеръ поѣхалъ въ Москву съ польскимъ посольствомъ (1678 г.); здѣсь, между прочимъ, онъ часто разговаривалъ съ Русскими при помощи чешскаго языка: такъ, напримѣръ, спорилъ съ однимъ попомъ о формѣ креста, къ удивленію пословъ, которые, какъ онъ замѣчаетъ, не ожидали, что онъ можетъ столько говорить „по русски“. На вопросъ царскихъ слугъ, „*kaqu ty czlowiek? posolsky?*“ отвѣчалъ по чешски; „*tak jestit*“, къ ихъ удовольствію, „*dobroster zustay (sic), id est: bene, bene, maneas*“. Русскія слова царя и польскія—посла князя Чарторыйскаго,—онъ приводитъ въ подлинникъ, и пр. ²⁾. Юрій изъ Драхова описалъ путешествіе свое изъ Москвы въ Китай, которое совершилъ съ русскимъ посломъ Ибрандомъ (1693 г.). Пребывая въ городѣ „Устыцъ“ на Сухонѣ, видѣлъ празднованіе Пасхи и крашеніе яицъ, припоминаая, что это древній и принятый обычай во всей Русской землѣ и почти у всего народа славянскаго“, и пр. ³⁾.

Вслѣдствіе паденія самостоятельности Чешскаго государства въ XVII вѣкѣ и разныхъ печальныхъ послѣдствій этого событія, осо-

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи IX, 58. Срви. Акты зап. Россіи, IV, 449.

²⁾ *Legatio polono-lithuania in Moscoviam a 1678 suscepta* (Norimberg, 1680 г., изд. 1689 г.). Переведено и на русскій языкъ (тукон. въ Румянц. муз. Опис. 803). Таннеръ называется здѣсь «богемо-прагекій нѣмецкій камердинеръ госп. посла князя».

³⁾ По латински въ Гамбургѣ 1697; чешскій переводъ Рулика въ Прагѣ. 1800 г.

бенно постепеннаго означенія чешской интеллигенціи и вообще высшихъ сословій, потерѣло и славянское сознание Чеховъ.

Эти отношенія въ чешскихъ земляхъ отражались и на остальныхъ земляхъ славянскихъ, на Польшѣ и на Руси. Здѣсь, по крайней мѣрѣ въ болѣе значительныхъ кружкахъ, стали мало по малу забывать, что и Чехи — народъ славянскій. Этому способствовало и распространеніе нѣмецкаго вліянія въ восточной Европѣ. Съ конца XVII вѣка Русское государство все болѣе сближалось съ остальною Европой, особенно посредствомъ Нѣмцевъ. Такъ какъ нѣмецкое вліяніе въ публичной и литературной жизни на Руси стало приобретать себѣ все большее значеніе, то не мудрено, что и во взгляды Русскихъ на Чеховъ примѣшалась доля этого чуждаго вліянія. Съ тѣхъ поръ Русскіе нерѣдко стали смотрѣть на „Богемію“ и на „Богемцевъ“ или „Бемчанъ“ немного иначе, чѣмъ на прежнюю „Чешскую землю“, на „Чешское государство“ и на „Чеховъ“. Впрочемъ, не забудемъ, что и „Богемцы“, окружавшіе тогда „Богемскаго“ короля, не были уже прежніе „Чехи“ XV и XVI вѣковъ.

Съ половины XVII вѣка стали доходить до Руси извѣстія уже не изъ Моравіи, а „изъ города Брина (то-есть Берно, по нѣмецки Brünn) изъ Меренскія земли“ (то-есть, Моравской, по нѣмецки Mähren) ¹⁾. Русскіе того времени говорятъ уже о „Бемской комнатѣ“, о своемъ путешествіи изъ „Маршинъ-Будовицъ“ (то-есть, Моравскія Будѣвицы, по нѣмецки Mährisch-Budwitz) въ Дейчбродъ“ и „Бембродъ“ (то-есть, Нѣмецкій и Чешскій Бродъ, по нѣмецки Deutsch-Brod, Böhmisch-Brod), и пр. ²⁾. Подобныя тому нѣмецкія названія встрѣчаются иногда раньше, смотря по тому, кто были окружавшіе русскихъ пословъ императорскіе слуги — Нѣмцы или Чехи, но исключительное господство въ русской литературѣ приобрѣли эти названія только съ XVIII вѣка.

Вѣдственное положеніе Чешскаго народа того времени не осталось, впрочемъ, неизвѣстнымъ и на Руси; въ Москвѣ раздается голосъ, вопіющій къ Русскому царю, о помощи всѣмъ Славянамъ, и въ томъ числѣ — Чехамъ. Хорватъ Юрій Крижаничъ напоминаетъ царю Алексѣю Михайловичу, что Славяне въ Чехіи и Моравѣ, вслѣдствіе

¹⁾ Куранты 1665 г. Буслаява Истор. Христом. 1143).

²⁾ Срвн. Памятники дипломат. сношеній IX, 1033; Дневникъ путешествія Петра Великаго 1698 г. (Устряловъ: Исторія царствованія Петра Великаго III, 611) и др.

своей разрозненности, общенія и сватанія съ Нѣмцами, подпали подъ нѣмецкую власть и въ постыдное рабство и онѣмечились такъ, что они теперь ни Славяне, ни Нѣмцы.

Свѣдѣнія о существованіи Чеховъ, какъ Славянъ, являются и въ другихъ памятникахъ русской литературы того времени, у Коліевича, Поливарпова, Манкіева и др.; съ другой стороны, и въ чешской научной литературѣ XVII—XVIII вѣковъ Русскіе признаются родственниками Чеховъ.

Родство Русскихъ и Чеховъ сознавалъ особенно Петръ Великій. Когда Петръ и его свита пребывали въ Вѣнѣ, то ихъ окружали преимущественно Чехи, находившіеся при императорскомъ дворѣ. Такъ, на одномъ придворномъ вечерѣ (1697 г.) къ боярину Борису Петровичу Шереметьеву императрица прислала двухъ фрейлейнъ, умѣвшихъ говорить „по чехскому“. Петръ, пребывая въ Вѣнѣ (1698 г.), самъ просилъ императора, чтобы къ нему назначили дворянина, знающаго по-славянски; къ нему присланъ былъ чешскій маршалокъ, графъ Чернинъ; и на придворномъ маскарадѣ за столомъ царя стояли два благородные Чеха ¹⁾.

Петръ Великій, нуждаясь, для преобразования своего государства на европейскій ладъ, въ разныхъ людяхъ, офицерахъ, инженерахъ, художникахъ, мастеровыхъ и др., обращалъ особенное вниманіе на такихъ, которые понимаютъ по польски или по чешски, и приглашалъ на русскую службу канцеляристовъ, „шрейберовъ, которые бывали въ службѣ цесарской изъ Бемчанъ, изъ Шленцовъ или изъ Моравцовъ, которые знаютъ по словенски“. Петръ даже велѣлъ своему агенту въ Вѣнѣ „нанять изъ Праги компанію комедіантовъ такихъ, которые умѣютъ говорить по славянски или по чешски“. Но при тогдашнемъ печальномъ положеніи чешской народности трудно было

¹⁾ Пекарскій: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел. I, 229; Устряловъ, Исторія царствов. Петра Вел. III. 125, 141. (Въ Памятникахъ диплом. снош. X, 1614 вмѣсто «по-чехскому» стоитъ «по-черкасскому» то-есть малорусскому; можетъ-быть, Шереметьеву чешскій языкъ показался «черкасскимъ»). *Пеллцель* (Geschichte der Böhmen. 3, Aufl. 836) разказываетъ, что въ 1698 г. Петръ, проѣзжая изъ Дрездена въ Вѣну, пробылъ въ Прагѣ, и здѣсь за обѣдомъ разговаривалъ съ чешскими дворянами по славянски. Но изъ дневника путешествія Петра видно, что царь въ Прагѣ не останавливался, а что 6-го іюня «передъ вечеромъ пріѣхали въ городъ Прагу; ѣхали сквозь городъ, и городъ великій, столица чехская. И стали за городомъ, въ корчмѣ кушали, и отъѣхали одну милю» (Устряловъ. III, 611; Пекарскій I, 230).

найти такихъ артистовъ, хотя царь непремѣнно требовалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, папаяли половину труппы „съ чешскимъ языкомъ“, не смотря на донесеніе агента, что „языкъ ихъ зѣло трудно разумѣть“.

Кромѣ шрейберовъ и комедіантовъ изъ Чеховъ, Петръ задумалъ воспользоваться помощью чешскихъ ученыхъ при сочиненіи или переводахъ разныхъ книгъ на русскій языкъ. Поэтому уже въ 1712 году онъ велѣлъ искать въ Прагѣ ученыхъ, которые писали бы „о началѣ славянскаго народа и о ихъ языкѣ“, и собирать здѣсь книги, касающіяся этого предмета. Позже (1716 г.) велѣлъ своему агенту Веселовскому отыскать энциклопедіи и другія книги на разныхъ языкахъ и потомъ „сѣздить въ Прагу и тамъ въ езуицкихъ школахъ учителемъ говорить, чтобы они помянутыя книги перевели на словенскій языкъ. И попсже нѣкоторые рѣчи ихъ не сходны съ нашимъ словенскимъ языкомъ, и для того можемъ къ нимъ прислать русскихъ нѣсколько человекъ, которые знаютъ по латини и лучше могутъ не сходныя рѣчи на нашемъ языкѣ изъяснить“.

Веселовскій нашелъ въ Прагѣ такого переводчика іезуита, „исторіографа чешскаго“, который, подъ надзоромъ ректора Либертина, взялся за переводъ требуемыхъ книгъ. Ему въ помощь высланы въ Прагу въ томъ же самомъ году (1716 г.) двое русскихъ, Иванъ Воейковъ, ученикъ славяно-латинской школы Московской; и Теофиль Кроликъ, монахъ Спасскаго монастыря, съ двумя писарями. Но эти Русскіе скоро увидѣли, что „чешскій переводъ съ нѣмецкаго чинится напрасно; Кроликъ примѣнился уже такъ къ нѣмецкому языку, что самъ съ онаго переводить безъ всякой трудности, не требуя чешскаго, понеже уже въ Россіи имѣлъ твердый фундаментъ того языка; а Воейковъ съ чешскаго переводить и всего разумѣть не можетъ, чего ради переводятъ ему съ нѣмецкаго на латинскій языкъ. И тако за чешскій языкъ деньги платятся токмо напрасно, ибо мочно то чинить въ Россійскомъ государствѣ безъ многого иждивенія“. Какъ кончились всѣ эти работы — неизвѣстно. Около того времени было и нѣсколько учениковъ Московской академіи въ Прагѣ, гдѣ у іезуитовъ учились „либеральнымъ наукамъ“, именно Анохинъ, Козловскій и Суворовъ ¹⁾.

¹⁾ Разныя письма (1715—1720 гг.) объ этомъ см. у Пекарскаго. I, 92, 231, 238, 436; у Соловьева: Ист. Росс. XVI, 187, XVII, 403. Срви. также встрѣчу Петра съ чешскимъ живописцемъ Купецкимъ; оба говорили другъ съ другомъ по славянски (Пекарскій, I, 230; *Slovnik Česk. Mus.* 1855, 220).

Въ сношеніяхъ Петра съ Чехами была политическая сторона. Когда Петръ потребовалъ отъ Вѣйскаго правительства выдачи своего сына Алексѣя, то по этому дѣлу сошлась конференція (18-го августа 1717 г.), состоявшая изъ министровъ Цицендорфа, Штаренберга и Траутзона. Министры разсуждали такъ: это происшествіе чрезвычайно важно и опасно, потому что царь, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, можетъ съ многочисленными войсками, расположенными въ Польшѣ, по силезской границѣ, вступить въ Силезію и тамъ остаться до выдачи ему его сына, а по своему характеру онъ можетъ ворваться въ Чехію, гдѣ волнующаяся чернь легко къ нему пристанетъ. Поэтому не слѣдуетъ терять ни минуты бездѣйствія и какъ можно скорѣе найти средство къ отпору ¹⁾.

VI.

Чехи и Юго-славяне.

1. Раздѣленія южныхъ и западныхъ Славянъ Мадьярами. — Югославянскіе войны въ Чехіи и чешскіе у Югославянъ.

Какъ взаимныя отношенія между Чехами и Русскими ограничивались, по большей части, теоретическимъ признаніемъ общаго славянскаго происхожденія, также было и между Славянами западными — Чехами и Поляками, и южными — Словенцами, Хорватами, Сербами и Болгарами.

Кратковременно было сосѣдство этихъ двухъ отраслей славянскихъ. Словенцы не долго находились въ государственномъ единствѣ съ западными Славянами (при Самѣ), не долго сосѣдили Хорваты и Болгаре—посредствомъ Паннонскихъ Славянъ, княжества Блатенскаго и „задунайской“ Болгаріи—съ Великою Моравіей Мойміровичей. Скоро наѣхали въ дунайскія земли Мадьяры, и ворвавшись въ сплошную массу славянскую, разрубили ее павсегда. Этимъ наѣздомъ Мадьяры и послѣдующимъ затѣмъ основаніемъ Угорскаго королевства южные и сѣверо-западные Славяне отдалены были другъ отъ друга. На это разъединеніе жалуются еще въ позднѣйшія времена нѣкоторые славянскіе писатели ²⁾.

Сознаніе родства и національнаго единства сѣверныхъ и южныхъ

¹⁾ Устряловъ VI, 392; Солоньскъ XVII, 191.

²⁾ Сравни. выше слова Поляка Мѣховиты и Дубровничанина Червы.

Славянъ видно въ особенности въ преданіяхъ о ихъ происхожденіи. Какъ, съ одной стороны, Чехи и Поляки толковали о выходѣ мнимыхъ праотцевъ своихъ, братьевъ Чеха и Лѣха, изъ югославянской Хорватіи, такъ, съ другой стороны, Хорваты, Сербы и Болгаре производили себя, исторически вѣрнѣе, изъ сѣверныхъ странъ чешскихъ, польскихъ и русскихъ ¹⁾.

Въ болѣе близкія сношенія, или скорѣе, столкновения приходили Чехи съ Югославянами въ войнахъ чешско-угорскихъ. Не разъ сражались Хорваты, Сербы и Болгаре въ угорскихъ войскахъ противъ Чеховъ: такъ было, на примѣръ, въ XIII вѣкѣ, во время короля Премысла II Отокара, на котораго, вмѣстѣ съ угорскимъ королемъ, пошли разные Славяне, и „схизматическіе“ Греки, Болгаре и Сербы, и еретическіе Босняки ²⁾. Такъ было и въ XV вѣкѣ, во время гуситскихъ войнъ, когда „Расы“ или „Рацы“ (то-есть, Сербы) являлись въ войска угорскихъ королей, Сигизмунда и Матвѣя, въ чешскихъ земляхъ. Въ XV вѣкѣ, въ свою очередь, чешскіе войны приходили все чаще въ югославянскія земли и здѣсь, въ войска угорскихъ королей, сражались противъ Турокъ. Чешскія знамена развѣвались тогда не только въ Хорватіи, но и на Балканѣ и на Шарской планинѣ. Въ Хорватіи и въ Славоніи воевалъ, съ 1441 года, Чехъ Юаннъ Витовець изъ Гребена, позднѣйшій банъ Славонскій ³⁾.

Когда въ 1443 году угорскій король Владиславъ предпринялъ походъ въ Сербію и въ Болгарію, были въ его войска и чешскіе полки, и главнымъ начальникомъ военныхъ воевъ былъ Чехъ Еникъ

¹⁾ Позже распространилась теорія о выходѣ Чеха и Лѣха изъ Хорватіи и къ Югославянамъ (сравни Орбини). Въ половинѣ XVII вѣка одинъ хорватскій поэтъ хвалится, что Чехія и Польша основаны Хорватами (Kukuljević: Književnici u Hrvatah, 46).

²⁾ Сравни письмо Премысла папѣ 1260 г. Еретиковъ Патаренъ въ Боснѣ знаетъ и Гусъ (Sebrané Spisy, I, 39). При заключеніи мира 1271 г. между королями чешскимъ и угорскимъ упоминаются на сторонѣ послѣдняго и сербскій король Урошъ и его сынъ Стефанъ, царь болгарскій Святославъ, и нѣсколько русскихъ князей. (Emler: Regesta Boh. et Morav. II, 302). Если Чехи называли Югославянъ «схизматиками», то съ другой стороны, въ одной древлеболгарской статьѣ о разныхъ народахъ (около 1200 г.) Чехи причислены къ «половѣрнымъ языкамъ» (то-есть, неправославнымъ). Шафарика, Слав. Древности, послѣднее прибавленіе.

³⁾ Palacký: Dějiny nář. česk. IV, 1, p. 451.

изъ Мечкова ¹⁾). Чешскіе и польскіе полки были и въ несчастномъ сраженіи на Косовомъ полѣ (1448 г.), и послѣ пораженія Угровъ, защищались въ своихъ возахъ полдня, до тѣхъ поръ, пока не были совсѣмъ истреблены множествомъ Турокъ ²⁾). Чешскіе полки служили и обомъ Гуниадамъ—угорскому, губернатору Іоанну и королю Матвѣю. Между ними отличался особенно, такъ-называемый, „черный полкъ (чвойска, рота)“, состоявшій почти исключительно изъ Чеховъ, Мораванъ и Сербовъ (1467—1492 гг.) ³⁾).

Воинственность Чеховъ была тогда извѣстна и славилась на всемъ славянскомъ югѣ, и современный историкъ Дубровницкій, Туберо Черва, въ памятникахъ своего времени (1490—1522 гг.), не находитъ словъ для восхваленія чешской храбрости. Онъ называетъ Чеховъ самымъ воинственнымъ народомъ не только въ открытомъ сраженіи, но и въ осадѣ городовъ; Нѣмцы не смѣютъ сражаться съ ними и даже не выносятъ ихъ взгляда и пр.

На несчастіе южныхъ своихъ братьевъ, подпавшихъ подъ иго Турокъ, не рѣдко жалуется Чехи и выражаютъ надежду, что эти земли „нашего языка“ не всегда останутся въ такомъ жалкомъ состояніи. Но и судьба Хорватіи и Далмаціи, подпавшихъ подъ верховную власть Угріи, внушала Чехамъ—послѣ соединенія коронъ чешской и угорской (1490)—опасенія; по крайней мѣрѣ, на чешскомъ сеймѣ (1518), вслѣдствіе частаго пребыванія короля въ Угріи, выразилось опасеніе, чтобы Чешское королевство не постигло то, что случилось съ королевствомъ Хорвато-Далматскимъ, сдѣлавшимся вассальною угорскою землею ⁴⁾).

2. Славянскій монастырь въ Прагѣ.

Чехи и Югославяне встрѣчались не только съ оружіемъ въ рукахъ, но знакомились и другимъ, болѣе мирнымъ способомъ. Стараніемъ императора и короля Карла IV, основанъ былъ (1347 г.) въ Прагѣ монастырь,

¹⁾ *Časopis Česk. Mus.* 1859, 156. Не знаемъ, были ли чешскіе полки и въ сраженіи подъ Варной. О немъ существуетъ одна современная чешская пѣснь. (*Sitzungsberichte des Kais. Akademie*, XXXIX, 664).

²⁾ Длугошъ, II, 47.

³⁾ *Palacký*, IV, 1, p. 461; V, 1, p. 327. I. Вальскій замѣчаетъ, что «король Матвѣй пользовался службой славянскаго народа больше, чѣмъ другаго, то-есть, Поляковъ, Чеховъ, Мораванъ и Силезійцевъ» (*Kron. Pol.*).

⁴⁾ *Stafi letop. čeští*, 422. *Palacký*, V, 2, p. 348.

такъ-называемый славянской, и сюда были приглашены монахи изъ Хорваціи, отправлявшіе богослуженіе по римскому обряду на славянскомъ языкѣ, писанномъ глаголицей. Не знаемъ ближе побужденій чешскаго короля къ такой мысли—было ли это какъ приготовленіе къ задуманной имъ уніи православныхъ Югославянъ съ Римомъ, или были тутъ еще другія причины,—довольно того, что Карлъ еще при жизни своего отца, будучи маркграфомъ моравскимъ (1346 г.), взялся за осуществленіе своего плана. Для этой цѣли онъ припомнилъ папѣ Клименту VI, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ, съ соизволенія папскаго, отправляется богослуженіе на народномъ славянскомъ языкѣ, и такъ какъ въ смежныхъ съ Чехіей странахъ того же самаго языка есть много схизматиковъ и не вѣрующихъ, которые не хотятъ понимать латинскаго языка, то славянскіе монахи оказали бы и здѣсь большія услуги къ умноженію славы Божьей и христіанства.

Папа одобрилъ мысль основанія славянскаго монастыря въ Чехіи. Черезъ годъ (1347 г.) Карлъ, тогда уже король чешскій, основалъ монастырь бенедиктинцевъ въ Прагѣ, въ которомъ богослуженіе должно было отправляться на славянскомъ языкѣ, въ честь св. Иеронима, переводчика Священнаго Писанія на „славянской языкъ, отъ котораго происходитъ и рѣчь нашего королевства чешскаго“, такъ чтобъ этотъ святитель прославлялся въ Чехіи не менѣе, чѣмъ среди своего народа, на своей родинѣ¹⁾.

Первые монахи въ этомъ монастырѣ были Хорваты, католики-глаголаши. Они ввели здѣсь и свои славянскія книги, писанныя глаголицей, и отъ нихъ научились позже вступившіе въ монастырь природные Чехи славянскому языку и письму.

Карлъ вообще продолжалъ особенно заботиться о своемъ созданіи и о монахахъ, соединенныхъ съ нимъ „сладкими связями роднаго языка“, прямо выражаясь, что славянское богослуженіе придаетъ большій почетъ и славу чешскому языку; монастырскаго писаря славянскихъ книгъ онъ пожаловалъ годичнымъ доходомъ за такія усердныя услуги. оказанныя имъ въ честь монастыря и „благороднаго языка славянскаго“²⁾. Въ этотъ монастырь Карлъ подарилъ и Евангеліе,

¹⁾ Pelzel: Kaiser Karl IV, I (Urkundenbuch, 90); также Ginzel: Geschichte der Slawenapostel (Codex, 92).

²⁾ Pelzel: Karl IV, Urkundenbuch, I, 95, 98, 100; II, 385.

писанное греко-славянскимъ „рускимъ“ письмомъ, по преданію, св. Прокопіемъ ¹⁾).

Посредствомъ славянскаго монастыря Чехи познакомились опять съ церковнымъ славянскимъ языкомъ, который не былъ у нихъ слышенъ два съ половиною вѣка; познакомились и съ славянскимъ письмомъ, съ кириллицей и особенно глаголицей. Тому и другому письму они учились по особымъ „азбуквиднакамъ“ ²⁾. Мало того, монахи-Чехи стали писать и на своемъ природномъ языкѣ чешскомъ глагольскимъ письмомъ. Между прочимъ, въ началѣ XV вѣка (1416 г.) списана глаголицей чешская Библия „братьями монастырскими, а не писцами хорватскими“ ³⁾.

Монастырь славянскій существовалъ до начала гуситскаго движенія, именно до 1419 года; тогда онъ былъ уничтоженъ, и съ нимъ пропало богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Въ монастырѣ сталъ жить съ тѣхъ поръ утраквистскій приходскій священникъ. Только въ концѣ XVI вѣка возобновленъ былъ монастырь, но уже латинскихъ бенедиктинцевъ. Само же названіе „Славянскій“ монастырь („на Слова-нехъ“) осталось до сихъ поръ ⁴⁾.

Съ прекращеніемъ славянскаго богослуженія въ этомъ монастырѣ, растерялись и славянскія книги, подобно тому, какъ это случилось двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ монастырѣ Сазавскомъ. Но еще во второй половинѣ XVI вѣка и даже въ началѣ XVII вѣка, въ этомъ монастырѣ хранилось много славянскихъ книгъ ⁵⁾.

¹⁾ Сазаво-емаузское благовѣствованіе, изд. Ганка, Биларскій: Судьбы церковнаго языка, II.

²⁾ Jungmann: Hist. liter. české, 27; Паушъ: Dodavky, I, 5; Срезненскій, Древн. глаголь. память., 27.

³⁾ Вторая ея часть хранится въ университет. библиотекѣ Пражской. Сравни статьи I. Коляра въ засѣд. учен. общ. Праж., 1866, 3-го декабря, и въ Časop. Česk. Mus. 1870, 391; Сазаво-емаузское благовѣств., 187; Dobrowsky: Glagolicea (2-е изд. 80, отрывокъ всеобщей исторіи на чешскомъ языкѣ, написаннымъ глаголицей)

⁴⁾ Истор. очеркъ этого монастыря см. въ журн. Památky archaeolog., I, 193. По примѣру Пражскаго учрежденъ славянскій монастырь и въ Краковѣ.

⁵⁾ Lupáč: Calend. histor. (1584 г., ad 2.), mart. 1372), Paprocký: Diadohus (1602 г., 362, приводитъ и три глагольскія надписи). Папроцкій, разказывая объ уничтоженіи монастыря по хроникѣ Гайка (fol. 318), прибавляетъ, что гуситамъ на встрѣчу вышелъ архимандритъ съ братіей, просилъ не разрушать монастыря, основаннаго Карломъ «въ честь народа славянскаго, изъ котораго

3. Взаимныя сношенія Чеховъ и Югославянъ.

Сношенія Чеховъ и Югославянъ ограничивались большею частію сношеніями между отдѣльными лицами. Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ.

Когда Сербскій царь Стефанъ Душанъ заявилъ намѣреніе принять упію съ римскою церковью, то императоръ и Чешскій король Карлъ IV старался укрѣпить его въ этомъ намѣреніи (1355 г.), радуясь тому особенно по той причинѣ, что имъ обонимъ государямъ есть общій „благородный и знатный языкъ славянскій“¹⁾.

На соборѣ Базельскомъ, въ числѣ католическихъ прелатовъ и противниковъ присутствовавшихъ тамъ чешскихъ гуситовъ, находился Іоаннъ Стойковичъ изъ Дубровника, или какъ его Чехи называли, „Славянинъ, докторъ славянскій“. Стойковичъ, въ разгарѣ преній, называлъ иногда Чеховъ еретиками. Когда же противъ этого обвиненія возсталъ самъ чешскій гейтманъ, попъ Прокопій Великій, съ упрекомъ, что „нашъ землякъ (contegnanus) наноситъ намъ оскорбленія“, то Стойковичъ возразилъ ему: „Такъ какъ я вашъ землякъ по языку и по народу, то поэтому усердно и желаю, чтобы вы возвратились къ матери церкви“²⁾.

Извѣстный реформаторъ Франковичъ (Flaccius Illyricus), урожденный Далматъ, сносясь съ чешскими братьями въ Польшѣ (1558 г.), заявлялъ имъ свою пріязнь, какъ происходящимъ тоже изъ славянскаго народа, и старался обратить ихъ къ партіи Виттенбергскихъ теологовъ³⁾.

Вячеславъ Вратиславъ изъ Митровицъ, чешскій дворянинъ, провозжавшій императорскаго посланника въ Царьградъ (1599 г.), путешествуя туда черезъ югославянскія земли, замѣтилъ о Болгарахъ,

произошли Чехи». Въ славянскомъ монастырѣ были и выше упомянутые Бенешовскій и Лодерекеръ — архимандритами. Нѣкоторые отрывки слав. книгъ издана Ганка: Остатки слав. богослуж. у Чеховъ (1859).

¹⁾ Palacký: Gesch. v. Böhmen. II, 2, p. 306. Časop. Česk. Mus. 1839, II, 242.

²⁾ Appendini: Notizie storico-critiche sulle antichità, storia e letteratura dé Ragusei II, 77.

³⁾ Ласятскаго: Ист. чешск. братьевъ въ чешскомъ переводѣ, изд. 1765 г., стр. 250. О сношеніяхъ Франковича съ братьями см. также Časop. Česk. Mus. 1856, I, 33, и Gindely: Quellen zur Gesch. der böhm. Brüder, 275 sq.

что они „употребляютъ славянскій языкъ, такъ что мы, Чехи, можемъ съ ними объясняться“¹⁾.

4. Чешскія книги у Югославянъ.

На общность югославянскихъ нарѣчій съ чешскимъ языкомъ разчитывали въ Чехіи, еще въ концѣ XVII вѣка, издатели католическихъ церковныхъ книгъ чешскихъ, выпущенныхъ въ свѣтъ такъ-называемымъ „наслѣдствомъ (то-есть, фондомъ) св. Вячеслава“. Они думали, что чешскія книги найдутъ себѣ сбытъ и въ югославянскихъ земляхъ, и такимъ образомъ, утвердится и распространится католицизмъ „не только въ Чешскомъ королевствѣ, но и въ другихъ славянскихъ странахъ“. Самъ же архіепископъ Пражскій, графъ Вальдштейнъ, утверждая это „наслѣдство“ (1692 г.), замѣтилъ, что до самой, происходившей тогда, войны турецкой, чешскія католическія книги потребовались въ страны, „гдѣ употребляется чешскій или мало отъ этого отличающійся языкъ, именно не только въ Моравію, но и въ Далмацію, Боснію и другія Туркамъ подданныя земли“. Такъ случилось и теперь, когда императоръ Леопольдъ отнялъ у Турокъ обширные края въ Славоніи, Сербіи и др. Для утвержденія католицизма въ этихъ земляхъ выслано было туда наслѣдствомъ св. Вячеслава большое число чешскихъ богослужебныхъ книгъ, библій, катехизисовъ, молитвенниковъ и др. отчасти даромъ, отчасти за умѣренную цѣну²⁾.

VII.

Поляки и Югославяне.

1. Сношенія Поляковъ и Югославянъ. — Польскіе войны у Югославянъ и югославянскіе—въ Польшѣ.

Тѣ же отношенія, какія существовали между Чехами и Югославянами, были и между Поляками и сими послѣдними. Оба народа

¹⁾ Příhody V, V, z M., vyd. Pelzel (1777 г., 40). Въ доказательство пользы чешскаго языка въ Царьградѣ, гдѣ тоже говорятъ по-славянски, приводитъ чешскій грамматикъ Роса (1672, предисловіе) слѣдующій случай: знаніе чешскаго языка спасло одному члену императорскаго посольства жизнь. Другой чешскій путешественникъ въ Іерусалимѣ (1490 г.) знаетъ, что въ Бриндизи поселились «Словаки» (то-есть, Югославяне), и называетъ Далмацію «Славянскою землей» (Savor. Česk. Mus., 1861, 272).

²⁾ Riegger: Materialien zur alten u. neuen Statistik von Böhmen (Prag u. Leipzig, 1787, IV, 769).

производили себя одинъ отъ другаго: Поляки выводили своего праотца Лѣха изъ Югославянъ, Югославяне же себя — изъ закарпатскихъ странъ ¹⁾).

Хотя позже, вслѣдствіе поселенія Мадьяръ между сѣверными и южными Славянами, Поляки встрѣчались съ своими южными соплеменниками рѣже, чѣмъ съ своими славянскими сосѣдями на западѣ и на востокѣ, но все-таки взаимныя ихъ связи не совсѣмъ прекратились. Поляки сносились съ южными Славянами особенно посредствомъ дружескаго имъ Угорскаго государства, короли котораго два раза соединяли на своей головѣ короны угорскую и польскую. Польскіе полки провожали короля польско-угорскаго Владислава въ Сербію и Болгарію и здѣсь, по предположенію одного историка польскаго ²⁾, „Болгаре, будучи одного съ Поляками языка, вездѣ добровольно имъ предавались“; польскіе полки окружали своего короля въ несчастномъ сраженіи подъ Варной (1444 г.); польскіе войны вмѣстѣ съ чешскими сражались въ своихъ возахъ противъ Турокъ и на Косовомъ полѣ (1448 г.). Съ другой же стороны, и Югославяне, особенно Сербы (Рацы), стали приходять и въ Польшу наемными воинами. „Рацы, то-есть, Славяне изъ Расціи изъ Русскаго народа“, пишетъ Март. Бѣльскій въ своей стратегіи ³⁾, „первые принесли къ намъ на Подолье обычай военной службы ѣздить съ коньемъ и щитомъ, еще при Людовикѣ и Владиславѣ, короляхъ польскихъ и угорскихъ. Потомъ и Поляки, служа съ ними, переняли у нихъ этотъ обычай, а прежде ѣздили съ кушами и рогатинами“. Такіе наемные Сербы встрѣчаются въ Польшѣ и въ соединенной съ ней Литвѣ и Руси до XVII вѣка.

2. Польша какъ защитница Югославянъ.—Сербъ Константиновичъ въ Польшѣ.—Стрыговскій и Збаражскій у Югославянъ.—Варшевицкій.—Твардовскій.

Когда несчастные Югославяне подпали, по большей части, подъ иго азіатскихъ варваровъ, когда Турки стали подступать дальше къ сѣверу за Дунай, и королевство Угорское не было уже въ состояніи задерживать этотъ страшный напоръ, тогда Югославяне съ тоской стали ози-

¹⁾ Еще въ X вѣкѣ родъ сербскихъ жупановъ Захоломскихъ производился отъ рѣки Вислы.

²⁾ Bielski: Kron. pol., 372.

³⁾ Sprawa guserska (1569 г., изд. Войццкаго въ Archiwum domowe, 334). Бѣльскій подобно Черевъ смѣшиваетъ «Расцію» (то-есть, Сербію) и «Россію».

ратся на сильное государство славянское за Карпатами, возлагая на него всѣ свои надежды. Прекрасно выразилъ эту мысль вышеупомянутый Далмать Андроникъ, вызывая Поляковъ къ защитѣ ихъ южныхъ соплеменниковъ. Такой же голось раздается и изъ Дубровника, изъ устъ перваго югославянскаго поэта, Ивана Гундулича. Гундуличъ прославляетъ подвиги Польскаго королевича Владислава, который сокрушилъ турецкую змѣю, и короля Сигизмунда, подъ мечомъ котораго лопнула отоманская сабля. Польско-русскій союзъ противъ Татаръ и Турокъ и въ пользу освобожденія Югославянъ горячо предлагаетъ и Юрій Крижаничъ.

Съ своей стороны, и Поляки съ грустью вспоминаютъ судьбу своихъ южныхъ собратьевъ. Они знаютъ, что Югославыне разорваны на много частей и подпали подъ власть чужеземцевъ; записываютъ судьбу и паденіе королевства Босанскаго, „славянскаго языка“, сѣтуютъ на несчастье Югославянъ, стонущихъ подъ игомъ варваровъ, которымъ они должны отдавать свой цвѣтъ, свою молодежь въ янычары. Вспоминая о непрерывной борьбѣ остальныхъ Югославянъ, не подпавшихъ подъ турецкое иго, особенно храбрыхъ Ускоковъ, они удачно сравниваютъ ихъ съ низовыми казаками, и пр. ¹⁾

Съ отношеніями югославянскими и турецкими XV вѣка познакомилъ Поляковъ одинъ Сербъ, Мих. Константиновичъ изъ Островицы. Онъ, погнавъ въ плѣнъ къ Туркамъ и проживъ нѣкоторое время между янычарами, прибылъ наконецъ въ Польшу и здѣсь, въ концѣ XV вѣка, написалъ на польскомъ языкѣ замѣчательныя записки о положеніи дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ того времени, прибавивъ нѣкоторые разказы изъ югославянской исторіи, напримѣръ, о войнѣ между Болгарами и Сербами (1330 г.), о сраженіи Косовскомъ и о паденіи Сербіи, о деспотахъ Стефанѣ и Георгіѣ, о сраженіяхъ подъ Варной, на Косовомъ полѣ (1448 г.), о паденіи Босніи и пр. Польскій языкъ въ этомъ интересномъ памятникѣ довольно чистъ, и только кое-гдѣ встрѣчается нѣсколько чехизмовъ и еще менѣе сербизмовъ: bugarski подлѣ bulgarski, Stewan, zgraditi (сдѣлать), swem (всѣмъ), wojnik (воинъ) ²⁾.

¹⁾ Сравни. Длугоша, Мѣховиту, обоихъ Вѣльскихъ (космографію и хроники), и др.

²⁾ Pamiętniki jańczyka, z rękop. ok. 1550 (Zbiór pis. pol. częśc II, tom V, Warszawa, 1828). Эти записки переведены были уже въ половинѣ XVI вѣка на чешскій языкъ и изданы 1565 и 1581 гг. въ Лютомышлѣ. Сравни. Rozprawy z oboru historie, filologie i literatury, братьевъ Иречковъ (1860 г., р. 1).

Съ интересомъ и съ сочувствіемъ отпосыта къ своимъ югославянскимъ братьямъ и польскіе путешественники, бывавшіе въ ихъ земляхъ. Такъ, Стрыйковскій, пребывая (1574 г.) у Болгаръ и Сербовъ, часто разговаривалъ съ ними, какъ онъ выражается, о ихъ происхожденіи изъ Пафлагонской земли; онъ обращаетъ вниманіе и на разные историческіе памятники въ тѣхъ странахъ: такъ, напримѣръ, разказываетъ о разныхъ оружіяхъ, находящихся въ Адрианополѣ со времени болгарско-греческихъ войнъ, о побоищѣ Варненскомъ, которое посѣтилъ самъ, о происхожденіи Янычаръ изъ „славянскаго народа“ и ихъ умноженіи въ его время и пр.; въ Царьградѣ онъ слышалъ богатырскія пѣсни, пѣтыя, подъ сербскія гусли, по-сербски и по-турецки; такія пѣсни поютъ Сербы и о Варненскомъ сраженіи ¹⁾.

Когда князь Христофоръ Збаражскій на пути въ Царьградъ (1622) былъ въ Болгаріи и въ Сербіи, то онъ и его спутники вспомнили, что ихъ предки когда-то занимали эти земли, что оттуда вышли и ихъ пращѣдъ Ляхъ, и что эти Югославыне говорятъ на сходномъ съ польскимъ языкѣ. Въ Царьградѣ же Збаражскій объяснялся съ турецкими сановниками посредствомъ хорватскаго и сербскаго языковъ ²⁾.

Въ пользу угнетенныхъ Югославянъ раздаются въ Польшѣ голоса на сеймахъ и въ печати; польскіе патриоты, публицисты и депутаты не разъ увѣщываютъ своихъ соотечественниковъ помочь южнымъ своимъ братьямъ, и такимъ образомъ, отстранить и отъ своего отечества все болѣе и болѣе угрожающую ему бѣду отъ Турокъ. „Если мы не перемѣнимся“, восклицаетъ Христофоръ Варшевицкій, — „то Турки, подобно другимъ славянскимъ народамъ, легко поработятъ и насъ, Поляковъ, такъ какъ у насъ такія же качества, что у на-

¹⁾ Kron. pol. lit. ruska (1582, passim).

²⁾ Kuszewicz: Narratis legationis Zbaravianaе 1622 (Dantisci 1645, 56; сравн. Niemcewicz: Zbiór pamiętników II, 313); Pwardowski: Trzewaźna legocya Kr. Zbaraskiego (Kрак., 1639, 48); Relacya poselstwa s. Zbaraskiego, Dziennik Wileński, 1827, III, 255, также рукоп. Варшавск. унверс. библ., № 9). Когда Полякъ Иеронимъ Ласкій въ 1527—1528 гг. находился, какъ посолъ короля Іоанна Запольскаго, въ Царьградѣ, то Мустафа паша, Сербъ изъ Босны, сказалъ ему: «Мы одного народа, ты Ляхъ, и я Боснякъ. Не естественно ли—любить свой собственный народъ больше, чѣмъ всякій другой?» (См. Красискаго: Histoire religieuse des peuples slaves 132, изъ дневника, Ласкаго; въ дневникѣ, напечатанномъ у Катоны, Ист. Угорск. кор. XX, 260 и слѣд., изъ этого мѣста).

шихъ одноплеменниковъ, и мы начинаемъ отказываться отъ давнихъ обычаевъ" ¹⁾).

Стрыйковскій, вызывая Поляковъ противъ Турокъ, плачетъ надъ несчастіемъ Югославянъ вмѣстѣ съ пророкомъ Іереміей: „Наши слѣдства достались иностранцамъ, жестокиі руки отобрали у сиротъ ихъ собственный хлѣбъ; мы пили свою собственную воду за деньги, мы покупали себѣ дрова у поганыхъ въ неволѣ; у насъ надъ горломъ стояли грозные палачи; удрученнымъ работой, намъ не давали отдыха" ²⁾. На неволю Сербовъ, Босняковъ и другихъ Югославянъ между Далмаціей, Дунаемъ и Чернымъ моремъ „нашей крови и давнихъ родственниковъ" сѣтуеть и поэтъ Твардовскій, но надѣется, что, можетъ-быть, позднѣйшіе за нами внуки займутъ эти земли ³⁾.

О печальномъ положеніи Югославянъ подъ турецкимъ игомъ вспоминаетъ и Замойскій въ своемъ достопамятномъ разговорѣ съ чешскимъ министромъ Розенбергомъ.

3. Польскіе публицисты какъ сторонники Югославянъ.

Въ самомъ концѣ XVI вѣка (1595—1597 гг.) раздаются почти одновременно голоса Папроцкаго, Грабовскаго и Верещинскаго, предлагающихъ польскимъ сеймамъ свои мысли о дѣйствиі противъ Турокъ и объ освобожденіи Югославянъ. О Польшѣ издавна вздыхаютъ измученные Греки, Сербы, Хорваты, Босняки; еслибы Поляки, въ союзѣ съ казаками, воюя противъ Турокъ, прибыли къ Дунаю, тогда бы земли славянскія, Дакія, Болгарія, Сербія, Рация, Боснія, знаменитыя прежде государства, къ Полякамъ больше, чѣмъ къ другимъ христіанскимъ государямъ, расположенныя вслѣдствіе единства языка и ихъ свободы,—присоединились къ нимъ, и даже многіе войны славянскіе между янычарами, знакомые съ турецкими обычаями, и турецкіе невольники-Славяне болѣе бы благопріятствовали Полякамъ, какъ людямъ своего языка, чѣмъ Нѣмцамъ. Еслибы Поляки, въ союзѣ съ другими христіанскими государями, пошли противъ Турокъ, то скоро завладѣли бы не только Тавридой, Молдавіей, Валахіей, но и знаменитыми прежде государствами славянскими за Дунаемъ. Въ такомъ смыслѣ говорятъ и въ XVII вѣкѣ Гербуртъ, Збаражскій, Мясковскій,

¹⁾ Warszewicki: Wenecja (Krak., 1572, 1587).

²⁾ O wolności korony polskiej (Krak., 1575, поэма «O niewoli tureckiej»).

³⁾ Legacya Zbaraskiego 211, 236.

Гавинскій, Рысинскій и др. Последній выражаетъ мысль, что уже Стефану Баторію слѣдовало соединить съ Польшею не только Семиградію, но и Болгарь, Сербовъ и Албанцевъ ¹⁾).

Но напрасно южные Славяне ожидали своего спасенія отъ Польши.

Польша давно забыла и пренебрегла своимъ славянскимъ призваніемъ: вмѣсто того, чтобы сдѣлаться средоточіемъ и зацитою всѣхъ Славянъ, она выслала на „схизматическихъ“ Русскихъ толпы необузой своей шляхты, на „еретическихъ“ Чеховъ—хищныхъ Лисовчиковъ, и довершила, наконецъ, свою государственную мудрость кровавыми войнами съ соединеннымъ съ нею народомъ Русскимъ, котораго изъ всѣхъ силъ стремилась передѣлать изъ „схизматиковъ“ въ униатовъ и католиковъ. Вмѣсто не понимающей своего славянскаго призванія и падающей Польши, выдвигается другое государство славянское—Россія.

VIII.

Русскіе и Югославяне.

1. Общее происхожденіе Русскихъ и южныхъ Славянъ.—Стремленія Руси въ югу.—Русскіе и Югославянскіе князья.

Взаимныя отношенія Русскихъ и Югославянъ отчасти сходны съ отношеніями, которыя существовали между Чехами и Поляками. Связи между Русью и южными Славянами, особенно православными, были съ давнѣйшихъ временъ самая тѣсная и проявлялись во всѣхъ областяхъ жизни обоихъ народовъ.

Многія племена, принявшія впоследствии названіе Руси, производили себя изъ южныхъ дунайскихъ странъ, „гдѣ есть нынѣ угорска земля и болгарска“, такъ Поляне, Древляне, Дреговичи, Полочане, Словѣне и Сѣверяне и пр. На оборотъ, изъ этихъ сѣверныхъ племенъ, въ первыхъ столѣтіяхъ по Р. Х., множество выходцевъ переселилось въ южныя альпскія, дунайскія и балканскія страны, до самаго моря Адриатическаго и Эгейскаго. Здѣсь, на Дунаѣ и на Бал-

¹⁾ Paprocki: Gwałt na pogany (1595); P. Grabowski: Zdanie syna Koronnego o pięciu rzeczach rzpltej Polskiej należących (1595), Polska niżna (1596); Wereszczyński (1597 na сеймъ, Piśma polityczne, wyd. Turowskiego 72); Rysiński: Satyr na twarz Rzpltej (1640); письмо Мясковскаго, польскаго посла въ Царьградъ, 1641 года (Niemcewicz: Zbiór pamiętników V. 78). О Гербуртѣ, Збаражскомъ и Гавинскомъ говорено выше. Сравни. также политическое стихотвореніе Кліновича: Pożar (1597).

канскомъ полуостровѣ, равно какъ и на Руси, встрѣчаемъ племена Словѣнъ или Славянъ, Драговичей или Дреговичей, Сѣверянъ, Смоленъ, Хорватовъ, Сербовъ, Сусловъ и другихъ—города: Плесковъ, Прѣславль или Переяславль, Кіевъ—Кіевецъ, Галичъ, Мельникъ, Лука—Луки и др.,—рѣки: Великую, Ситню и Ситницу, Мораву, Рось (Рьсь) и Расу (Расицу, Рашку), Санъ и Сану, Стырь и Штыру и др.

Славяне, сѣверные и южные съ начала составили одно, болѣе или менѣе, сплошное цѣлое. Съ одной стороны, Карпатская Русь примыкала къ Югославянамъ посредствомъ славянскихъ племенъ въ Дакіи (дунайской Болгаріи) и въ Панноніи; съ другой стороны, еще въ началѣ XII вѣка, русскіе Тиверцы „сѣдяху по Днѣстру до моря и присѣдяху къ Дунаеву въ Великой Скуфи (Скиѳии)“, и здѣсь, на нижнемъ Дунаѣ, примыкали къ болгарской Малой Скиѳии (Добричи или Добруджѣ).

Хотя въ послѣдствіи разныя инородныя племена безпрестанно вривались между сѣверныхъ и южныхъ Славянъ и наконецъ Мадьяры и Румыны ихъ раздѣлили навсегда, но тѣмъ не мѣнѣе взаимныя связи Югославянъ и Руси остались и впредь особенно тѣсными и близкими.

Стремленіе славянскихъ племенъ съ сѣвера къ югу, къ Дунаю и за Дунай, начавшееся въ первыхъ столѣтіяхъ по Р. Х., продолжалось и въ послѣдующіе вѣка, послѣ образованія Руси. Вспомнимъ, между прочимъ, миѳическое преданіе о походѣ Кіа на Царьградъ, походы на югъ первыхъ князей русскихъ, Олега, Игоря, и особенно, воинственнаго Святослава, думавшаго о завоеваніи Болгаріи и о перенесеніи сюда своей столицы. Эти походы Русскихъ на Дунай продолжались и въ XI вѣкѣ, и еще въ самомъ концѣ того вѣка князь Василько Владиміровичъ думалъ о завоеваніи Болгаріи. На нижнемъ Дунаѣ, близъ его устьевъ, соприкасались владѣнія русскихъ и болгарскихъ государей; здѣсь еще во второй половинѣ XII вѣка галичско-русскій князь Ярославъ Осмомыслъ „затворилъ Дунаю ворота, суди риди до Дуная“¹⁾.

Князья югославянскіе и русскіе находились и позже въ дружескихъ сношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, царь болгарскій Іоаннъ II Асѣпъ искалъ убѣжища на Руси и съ помощію русскихъ полковъ завладѣлъ своею отчиной (1210—1217 гг.). Сербскій король Стефанъ Драгутичъ,

¹⁾ Сравни. Повѣсть временныхъ лѣтъ и Слово о полку Игоревѣ.

жилъ въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ Владиміро-волинскимъ княземъ Василюемъ Ромаповичемъ († 1269 г.), „очень любезнымъ его пріателемъ“; въ его Русскую землю посылалъ онъ часто своихъ пословъ съ многочисленными подарками церквамъ и монастырямъ, вообще оказывая ему большое уваженіе „глаголами сладкими и веливолѣпными дарами царскими“. Галичско-русскій князь Ростиславъ Михайловичъ былъ угорскимъ баномъ въ сербской Мачвѣ, а его сынъ Михаилъ (Мича) занялъ, вѣроятно, и болгарскій столъ (1258 г.). Въ войскѣ болгарскаго царя Михаила Страшимировича (1330 г.) былъ полководцемъ одинъ Русскій, по имени Иванъ, и пр. ¹⁾

Событіями на славянскомъ югѣ всегда интересовались на Руси, и многія такія событія, жизнеописанія сербскихъ и болгарскихъ государей и святителей, и разные разказы „сербскихъ и болгарскихъ лѣтописцевъ“, вошли и въ русскіе хронографы и лѣтописи ²⁾.

2. Отношенія турецкихъ Югославянъ къ Руск, къ русскимъ царямъ и къ казакамъ.—Петръ Великій и Югославяне.

Болѣе тѣсныя сношенія между Русскими и Югославянами завязались послѣ паденія независимости югославянскихъ государствъ и все больше усиливавшася возрастанія силы турецкой. На несчастіе поработенныхъ Турками единовѣрцевъ и единоплеменниковъ обращаютъ свое вниманіе Русскіе, угрожаемые съ востока и съ юга равно опасными врагами—Татарами. Еще въ XV—XVI вѣкахъ русскіе лѣтописцы плачутъ съ пророкомъ Іереміей надъ „запустѣніемъ Бѣлграда и всей Сербской земли отъ безбожныхъ Турокъ“, и увѣщаваютъ „храбрыхъ мужественныхъ сыновей Русскихъ беречь свое отечество, Рускую землю, отъ поганыхъ, чтобъ она не пострадала отъ нихъ, какъ

¹⁾ Акрополита гл. 13, 20; Сербск. лѣтоп. архіеп. Данила (изд. Даничича 40). О Ростиславѣ см. статьи Палацкаго (Сазор. Česk. Mus. 1842) и Палаузова (Журн. Мин. Нар. Просв. 1851); дочери Ростислава Кунигунда и Гренида вышли первая за чешскаго короля Премысла II, вторая за польскаго князя Лешка. О Иванѣ Русскомъ см. Кантакузина I, 172.

²⁾ Сравн. прекрасныя сочиненія А. Попова: Обзоръ хронографовъ русской редакціи, Изборникъ русск. хрон. (сравн. Rad jngoslav. akad. XIII, 213). Изъ русскихъ лѣтописей особенно Никоновская разказываетъ о событіяхъ на славянскомъ югѣ. О сраженіи Косовскомъ упоминаетъ и спутникъ русскаго митрополита Пимена, Игнатій, провожавшій его въ Царьградъ 1389 г. (Сахаровъ: Путешествія русскихъ людей).

страдають отъ Турковъ Болгаре, Греки, Албанцы, Хорваты и Босна⁴⁾ 1).

Порабощенные Турками, Югославяне обращались за помощью во всѣ стороны, особенно же къ сосѣднимъ королямъ Угорскимъ, къ императорамъ Римско-гѣмецкимъ и къ обоимъ сѣвернымъ славянскимъ государямъ, королю Польскому и царю Русскому. Отъ ихъ общаго союза ожидали они освобожденія отъ турецкаго ига. У православныхъ Югославянъ приобрѣли себѣ большія симпатіи особенно единоувѣрные цари Русскіе, значеніе которыхъ на цѣломъ востокѣ возвысилось особенно послѣ завоеванія ими Татарскихъ ханствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго. Русскіе цари съ XVI вѣка стали все больше и больше обращать на себя вниманіе православныхъ Болгаръ и Сербовъ, которые съ нетерпѣніемъ ждали своего освобожденія отъ единоувѣрныхъ и единоплеменныхъ Русскихъ царей. Лучше всѣхъ выразилъ эту надежду знаменитый Хорватъ Крижаничъ²⁾. Сверхъ того, явился и планъ—вирочемъ не удавшійся—освободить Болгаръ и Сербовъ отъ духовнаго ига Фанаріотовъ: русскій патріархъ Іоакимъ въ концѣ XVII вѣка задумалъ присоединить православныхъ Югославянъ къ Московскому патріархату³⁾.

Симпатіи православныхъ Югославянъ къ Русскимъ царямъ становились все живѣе, по мѣрѣ того какъ все яснѣе выдавались планы Римскихъ императоровъ и королей Угорскихъ на счетъ политическаго и религіознаго положенія этихъ Югославянъ. Уже въ 1688 году Афонскій архимандритъ Исаія, отъ имени патріарховъ Царьградскаго и сербскаго (Арсенія Церноевича) и господаря Валашскаго, вызываетъ молодыхъ царей Русскихъ выступить за освобожденіе православныхъ Грековъ, Славянъ и Румынъ, которые съ радостью ожидаютъ царскія войска; онъ просилъ, чтобы цари не дозволили занять православныя земли католическими войсками императора и Вевеціанъ; эти на-

¹⁾ А. Поповъ: Изборникъ изъ русскихъ хронографовъ 81; Соейская лѣтоп. П. С. Р. Л. VI, 232. «Королевство Сербское» и «царство Болгарское» описываютъ еще русскіе космографы XVIII вѣка (Поповъ: Изборникъ 461, 520).

²⁾ Свидѣтельство о возлагаемыхъ на царей русскихъ надеждахъ Югославянъ не станемъ приводить подробно: ихъ слишкомъ много.

³⁾ Ламанскій: О слав. рукоп. въ Вѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ 118. Сравни. Отзывъ русскаго священника Лукьянова о Фанаріотахъ (начала XVIII вѣка), въ Русскомъ Архивѣ 1863, 179.

роды, Румыны, Сербы и Болгаре, не любятъ Нѣмцевъ и будутъ имъ помогать только въ случаѣ крайней нужды ¹⁾.

Кромѣ Русскихъ царей, обращали на себя вниманіе южныхъ Славянъ и воснныя товарищества, расположенныя на всѣхъ южныхъ окраинахъ русскаго міра—казаки, особенно болѣе близкіе къ Дунаю и къ Черному морю—Запорожцы. Казаки, перенявъ походы Русскихъ X вѣка на югъ, съ половины XVI вѣка стали наступать на общаго врага христіанства, съ одной стороны воюя съ Крымскими Татарами, съ другой же—падала на Румынскія княжества и подходя къ берегамъ Болгаріи и подъ самый Царьградъ. Припомнимъ себѣ подвиги Вишневецкаго, Свирговскаго, Богданка, Конашевича-Сагайдачнаго и другихъ. Отъ Хмельницкаго ожидали освобожденія Румыны и Югославяне; они въ самомъ началѣ возстанія просили его безпрестанно объ этомъ, и Хмельницкій приготовлялся уже „промышлять надъ Турскимъ царемъ“. Надежды турецкихъ христіанъ возрасли особенно послѣ подданства Малороссіи Русскому царю; эти христіане ждали только появленія царскихъ войскъ и казаковъ на Дунаѣ чтобы возстать ²⁾.

Это значеніе казаковъ относительно турецкихъ Югославянъ хорошо поняли и Поляки, которые сами указывали Туркамъ на опасность возвышенія малорусскаго казачества. „Хмельницкій“, говорятъ въ 1654 году польскій посоль въ Царьградѣ, „явно провозглашаетъ, что онъ воюетъ за православную вѣру; онъ стремится къ присоединенію къ единовѣрной Москвѣ, къ завоеванію православныхъ государствъ Молдавіи и Валахіи. Еслибъ ему удалось создать изъ южной Руси и Румыніи одно государство, то оно имѣло бы большую притягательную силу на православныя страны—Болгарію, Сербію и Грецію, находящіяся подъ турецкимъ владычествомъ“ ³⁾.

Югозападные Русскіе имѣли, впрочемъ, часто случай познакомиться съ воиптвенными Югославянами и у себя дома. Сербскіе наемные воины стали являться въ Польшѣ и въ югозападной Руси въ XVI вѣкѣ, да и раньше. „Казаки Сербь“ упоминаются въ началѣ XVII

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи XIV, 54; Slawische Bibliothek II, 282.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи X, 261, 375.

³⁾ Grabowski Амбг.: Ojczyzste spominki I. 95. Сравн. также письма Легата Комуловича 1593 г. казакамъ и казацкому гетману (Theiner: Monum. hist. Polon. III. 210).

вѣка на Волини, въ службѣ князя Іоанна Острожскаго; наемные сербскіе воины часто являются и въ войнахъ казацкихъ; они окружали Выговскаго и Юрія Хмельницкаго, и въ числѣ ихъ былъ и полковникъ Брацлавскій Иванъ Сербинъ ¹⁾.

Русское государство хотя значительно усиливалось, но все-таки не было тогда еще такъ сильно, чтобъ освободить своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ отъ турецкаго ига, и слѣдовательно, не могло еще исполнить горячее желаніе Крижанича. Между Русскимъ царствомъ и дунайскими Славянами жили еще тогда хищные Татары крымскіе; на него съ подозрѣніемъ стали смотрѣть и Польша, и императоръ. Кромѣ того, у Русскихъ царей было еще другое, болѣе близкое имъ дѣло, чѣмъ освобожденіе далекихъ Югославянъ: вѣдь почти вся югозападная Русь находилась еще въ чужихъ, иновѣрныхъ рукахъ, хотя и родственныхъ, подъ властью Польши, и только черезъ сто лѣтъ послѣ Крижанича удалось Россіи присоединить по крайней мѣрѣ болшую часть этой „отчины св. Владиміра“.

Но не смотря на эти препятствія, Россія никогда не теряла изъ виду своихъ южныхъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Вопросъ объ ихъ освобожденіи поднималъ особенно Петръ Великій, „православный царь Славянскій“, какъ его называли сами Югославяне. Этотъ государь Русскій понялъ идею славянскую, какъ никто до него и послѣ него. Онъ, съ одной стороны, вслѣдствіе старался воспользоваться умственными способностями западныхъ и южныхъ Славянъ для своего преобразовываемаго государства, съ другой же — нисколько не скрывалъ своего намѣренія освободить Югославянъ отъ турецкаго ига, „чего до послѣдняго издыханія желать не перестану“, какъ онъ самъ пишетъ въ 1697 году изъ Голландіи патриарху Адріану. Для него было лишнимъ, что одинъ вступившій въ русскую службу Югославянинъ, Сава Владиславичъ изъ Герцеговины, указывалъ на важность для Россіи жителей Черной Горы, Болгаріи, Сербіи, Македоніи, Восты и Далмаціи, одного съ Русскими вѣроисповѣданія и языка, которые всѣ готовы ввязаться за оружіе противъ Турокъ за общую славу и религію.²⁾

¹⁾ Акты о казакахъ I, 203; Костомаровъ: Гетманство Выговскаго (Ист. Монографіи II, 82).

²⁾ Мавушевъ: Матеріалы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Ругузской республикой, 7.

За то и всѣ Югославяне, не только православные, но и католическіе, были въ восторгѣ отъ предприимчиваго Русскаго царя; Хорватъ Витезовичъ и Дубровничане Гродичъ и Ружичъ прославляютъ его высокопарными одами и приглашаютъ его освободить весь христіанскій востокъ и прогнать Турокъ изъ Царьграда ¹⁾. Таково и было намѣреніе Петра, когда онъ началъ войну съ Турціей (1711 г.). Готовясь освободить „стонущихъ подъ варварскимъ игомъ Грековъ, Румынъ, Болгаръ и Сербовъ“, онъ вызываетъ Югославянъ возстать противъ Турокъ по примѣру своихъ предковъ „славянскаго языка“. Югославяне были готовы на все и съ восторгомъ принимали Югославянина Милорадовича, „посла христіанскаго православнаго Славянскаго царя“; онъ побуждаетъ къ войнѣ и воинственныхъ Черногорцевъ „чтобъ освободить христіанскій народъ и прославить славянское имя“, и замѣчаетъ имъ, что они „съ Русскими одного рода, одной вѣры, одного языка“ ²⁾.

Всѣ эти надежды однако погибли вслѣдствіе несчастнаго Прутскаго мира. Но не смотря на это печальное событіе, Петръ признавалъ услуги Югославянъ, особенно Черногорцевъ, которыя они оказали ему „ради единовѣрія и единоплеменности съ нами, и подражая древній славы предковъ вашихъ словенскаго единоплеменнаго съ вами народа“, продолжалъ сноситеся съ ними, и по возможности, поддерживать ихъ, если не оружіемъ, то по крайней мѣрѣ деньгами, книгами церковными и другими, учителями и проч. „Будь намъ второй апостолъ, просвѣти и насъ, какъ просвѣтилъ своихъ людей, да не скажутъ враги наши: Гдѣ есть Богъ ихъ?“ Съ такими словами обращаются къ нему Сербы посредствомъ своего архіепископа Моисея Петровича, прибывшаго въ Россію поздравить Петра съ Ништадтскимъ миромъ.

Кромѣ турецкихъ Славянъ, и Сербы, поселившіеся въ Угрію питали къ Петру живѣйшія симпатіи, тѣмъ больше, что они не нашли въ своей новой родинѣ ожидаемаго счастья ни въ политическомъ, ни въ религіозномъ отношеніи. Ихъ воеводу держалъ императоръ въ тюрьмѣ, ихъ православная вѣра подвергалась безпрестаннымъ преслѣ-

¹⁾ Чтенія 1862, II; Макушевъ: Матеріалы 74, 90.

²⁾ Сравни истор. пѣснь у Милутиновича: Исторія Црне-Горе, 50. О сношеніяхъ Черногорцевъ съ Россіей сравни. Макушева: Задунайскіе и Адриатическіе Славяне, 151.

дованіямъ со стороны угорско-хорватскихъ католиковъ. Уже въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ Сербскій патріархъ Арсеній, да и самъ воевода Юрій Бранковичъ, обращались къ Русскому царю за помощью, по поводу разныхъ притѣсненій православной религіи; но заступничество царя и его пословъ при Вѣнскомъ дворѣ въ пользу угорскихъ Сербовъ было напрасно ¹⁾. Угорскіе Сербы два раза отправляли особыхъ пословъ къ Русскому царю, прося его взглянуть на нихъ бѣдныхъ и считать ихъ своими вѣрнопопданными, и предлагая свои услуги противъ Турокъ „своему православному царю“. Да, они, безпрестанно оскорбляемые въ своей религіи, ждали вооруженной помощи со стороны Россіи ²⁾. Эти-то симпатіи угорскихъ Сербовъ къ Россіи и беспокоили Вѣнскій дворъ; онъ не хотѣлъ принять помощи Петра противъ возставшихъ Мадьяръ (1707 г.), опасаясь, что Русскій царь могъ бы утвердиться въ Угріи, опершись на живущихъ здѣсь православныхъ Сербовъ ³⁾.

Это значеніе Россіи у Югославянъ осталось и въ послѣдующее время. Они видѣли въ Россіи государство, которое соединено съ ними „единовѣріемъ, единопольемъ и единокровіемъ“, и отъ котораго они ожидали спасенія „какъ Израиль иногда въ Египтѣ“ ⁴⁾.

¹⁾ Рашъ: Исторія разныхъ словенскихъ народовъ IV, 336; Гласник друштва серб. словесности XVI, 260.

²⁾ Сравни. письмо Ракоцы 1722 г. (Fiedler: Actenstücke zur Geschichte Franz Rákóczy's II, 520).

³⁾ Вкратцѣ здѣсь начертанныя отношенія Петра къ Югославянамъ обширно описалъ особенно Соловьевъ: Ист. Россіи т. XIV—XVIII. Сравни. также Чтенія 1872, II.—Замѣтимъ здѣсь, что исторія Петра Великаго явилась у Югославянъ раньше, чѣмъ у самихъ Русскихъ. Въ 1772 году издалъ Димитрій Теофоси въ Венеціи на славянскомъ языкѣ „Житіе и славныя дѣла государя императора Петра Великаго“; онъ написалъ эту книгу потому, что Югославяне «отъ Россіянъ того ожидать уже и утомились» (Голякова Дѣянія Петра Великаго вышли 1788—1790; сочиненія Неплюева и Крекшина—записки). По донесеніямъ русскаго посла въ Царьградъ, Вешнякова, 1745 г., самое пріятное чтеніе турецкихъ Славянъ—жизнь Петра Великаго, которую они имѣютъ на разныхъ своихъ нарѣчіяхъ не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, и даютъ богатыя награды тѣмъ, кто лучше напишетъ такую жизнь (Соловьевъ Ист. Россіи XXII, 92).

⁴⁾ Сравни. между прочими многими свидѣтельствами по этому предмету особенно ходатайство Ѳ. Прокоповича 1730 года у императрицы Анны въ пользу угорскихъ Сербовъ (Русскій Архивъ 1863, 357) и письмо Черногорскаго митрополита Савы Московскому митрополиту Платону 1776 года объ удачѣ сербской церкви въ Турціи (Гласник серб. друштва 1867, 357).

3. Взаимныя сношенія и некоторыхъ Русскихъ и Югославянъ. Симеонъ Суздальскій у Югославянъ. Герберштейнъ, Комуловичъ, Гудуличъ на Руси.

Русскіе и Югославяне, сходясь лично другъ съ другомъ, чувствовали, разумѣется, свое родство и сходство. Это сознаніе хорошо выразилъ спутникъ русскаго митрополита Исидора во Флоренцію. Симеонъ изъ Суздали, въ описаніи своего путешествія (1437 г.). О Хорватахъ („Ховратинахъ“), черезъ страну которыхъ онъ проѣзжалъ, онъ замѣчаетъ, что у нихъ „языкъ съ Руси, а вѣра латинская“; сравнивая же нарѣчія, которыя слышалъ въ сѣверной и южной Германіи, онъ говоритъ, что они отличаются „яко: Русь съ Сербы“¹⁾.

Этимъ родствомъ Югославянъ и Русскихъ не разъ пользовались римскіе императоры и папы, отправляя къ Русскимъ царямъ послами южныхъ Славянъ или людей, знающихъ ихъ языкъ. Сигизмундъ изъ Герберштейна, дворянинъ Краинскій, который два раза (въ 1517 и 1526 годахъ) былъ въ Москвѣ посломъ императора, сознаетъ, что знаніе словенскаго языка принесло ему большую пользу на Руси, такъ какъ *словенскій языкъ одинаковый съ русскимъ и Московскимъ*²⁾.

Въ концѣ XVI вѣка (1593—1597 гг.) посломъ папы въ Польшу и на Руси былъ Югославянинъ, далматскій іезуитъ Александръ Комуловичъ. Онъ, по порученію папы, долженъ былъ побуждать къ войнѣ съ Турками польскаго короля, польскихъ вельможъ, румынскихъ господарей, казаковъ и русскаго царя; послѣдняго онъ долженъ былъ уговаривать освободить христіанскіе народы „одного языка съ Русскими, или мало отъ него отличающагося“, которые вопять подъ турецкимъ игомъ и съ радостью примутъ „своихъ собственныхъ родственниковъ“ въ государи. Въстѣ съ тѣмъ, Комуловичъ долженъ былъ стараться и объ униі русской церкви съ Римомъ; папа надѣялся, что царь будетъ дѣйствовать въ такомъ духѣ и ради самого посла, замѣтивъ—думаетъ папа,—что уже болѣе семисотъ лѣтъ со времени введенія христіанства на Руси не случилось, „чтобъ отъ святаго престола былъ къ нимъ посланъ кто-либо знающій ихъ языкъ“.

¹⁾ Новиковъ: Древняя російск. вѣдѣювка (2-е изд., VI, 35, 47); Сахаровъ: Путешествія русскихъ людей, 84, 88.

²⁾ Въ *Reum moscovit. commentarii* (предисловіе) и въ своей автобіографіи (*Fontes rer. austr. Scriptores*, I, 70). То же самое утверждаетъ и его землякъ *Вальвазоръ* (1689). Сравни. выше о посольствѣ Чеха Гейделя.

На это послѣднее обстоятельство папа не перестаетъ напирать, повторяя царю и Борису Годунову, что къ нимъ послалъ Славянина. такъ какъ онъ „знаетъ и вашъ языкъ“¹⁾.

Особенно интересно посольство императора Леопольда въ Москву (1655 г.), когда тотъ старался о заключеніи мира между Польшей и Московскою Русью. Во главѣ этого посольства стоялъ Дубровничанинъ Аллегретти (Алегретичъ). Въ числѣ его свиты находился и его землякъ, Францискъ Гундуличъ, сынъ извѣстнаго поэта. Посольство, прибывъ въ Москву, принято было очень радушно. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ, узнавъ, что Аллегретичъ „славянскаго языка“, очень обрадовался, такъ какъ онъ считалъ возможнымъ говорить съ нимъ непосредственно на своемъ языкѣ. То же самое было и съ царскими уполномоченными при посольствѣ. Когда замѣтили, что они хорошо понимаютъ другъ - друга, пустились въ дружескій разговоръ о разныхъ дѣлахъ; между прочимъ, одинъ царскій дворянинъ замѣтилъ Гундуличу, что слѣдовало бы всѣмъ государямъ назначать въ послы людей, знающихъ языкъ страны, такъ какъ нельзя всегда и во всемъ положиться слѣпо на переводчиковъ. За придворнымъ обѣдомъ, царь Алексѣй бесѣдовалъ особенно съ Гундуличемъ, оба на своихъ природныхъ языкахъ, и вообще былъ съ нимъ болѣе любезенъ, чѣмъ съ другими членами посольства, которые не знали говорить „по нашему“²⁾.

4. Духовныя связи Русскихъ и православныхъ Югославянъ. «Славянскій» языкъ.

Важнѣйшимъ соединительнымъ звеномъ Славянъ южныхъ и Русскихъ сдѣлалось христіанство и церковный языкъ „словѣнскій“ или „славянскій“, на который апостолы Кириллъ и Меѳодій перевели богослужебныя книги для южныхъ и западныхъ Славянъ. У послѣд-

¹⁾ *Новиковъ*: Древн. рос. вивл. XII, 456; *Thürgener*: Monum. Russ. histor. II, 46. Срвн. Памятники дипломат. сношеній древней Россіи, X, 393; *Theiner*: Monum. hist. Polon. III, 210. Комуловичъ, во время своего пребыванія въ Польшѣ (1595 г.), обратилъ польскаго историка Юах. Вальскаго въ католицизмъ. (Kron Polska, продолженіе, изд. Туровскаго, стр. 1725).

²⁾ Описание посольства Гундуличемъ, въ сборникъ Dubrovnik (1868 г., 57). Срвн. Памятники дипломат. сношен. III, 253, *Соловьева*: Ист. Росс. X, 397, и выше. Описание Московіи (De rebus Moschorum) Хорвата *Главилича*, спутникъ императорскихъ пословъ въ Москвѣ, Мейерберга и Кальвуччи (1661 — 1663), знаемъ только по заглавію (*Adelung*: Reisende in Russland, II, 333).

нихъ, вслѣдствіе разныхъ историческихъ событій, славянское богослуженіе скоро замѣнено было латинскимъ; по за то оно перешло къ болѣе многочисленнымъ Славянамъ сѣвернымъ. Русь приняла христіанство изъ Царьграда, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и славянское богослуженіе, и славянскій языкъ, который употреблялся въ Болгаріи, въ Сербіи и отчасти и въ Хорватіи, и на которомъ явились и зачатки литературы.

Такимъ образомъ, Славяне русскіе, болгарскіе и сербскіе вступили въ духовное общеніе. Святители церкви болгарской и сербской сдѣлались и святителями церкви русской, и на оборотъ. Такъ св. Петка, Іоанпъ Рыльскій, Георгій Срѣдецкій, Сава, Стефанъ, царь „великаго и славнѣйшаго сербскаго языка“; свв. Ольга, Мстиславъ, Борисъ и Глѣбъ, и другіе „рушскіе“ князья и духовныя лица ¹⁾). Славянскія книги (то-есть, преимущественно переводы съ греческаго), писанныя въ Болгаріи и Сербіи, стали переходить и на Русь. Такъ, переводы Библии и другихъ богослужебныхъ книгъ, житія святыхъ (напримѣръ, паннонскія легенды о свв. Кириллѣ и Меодіѣ), разныя статьи религіознаго, моральнаго и философскаго содержанія, собираемыя въ такъ-называемые сборники (Сборникъ 1073 года переписанъ былъ для русскаго князя Святослава съ сборника болгарскаго царя Симеона); Номоканонъ или Кормчая книга ²⁾, филологическія статьи (напримѣръ, грамматика Іоанна Экзарха, статья о письменахъ черноризца Храбра), лѣтописи сербскія и болгарскія, жизнеописанія сербскихъ и болгарскихъ государей, юго-славянскіе переводы греческихъ хронографовъ, которыми пользовались и русскіе лѣтописцы (напримѣръ, Несторъ хронографомъ Георгія Амартала), и пр. Наконецъ, посредствомъ болгарскихъ переводовъ Русскіе познакомились и съ разными сказа-

¹⁾ Срви., напримѣръ, въ Описаніи рукоп. Румянцевск. музея прологи, псалтыри, службы и др. Ламанскаго: Слав. рукоп. въ Бѣлградѣ, Загребѣ, 112, и др. И Кіевскій архимандритъ Зах. Коныстенскій (1621, срви. выше) приподитъ много сербскихъ и болгарскихъ святыхъ, мощи которыхъ хранятся до сихъ поръ, такъ св. Савы въ Милешевѣ, Симеона Немани въ Студеницѣ, кралей Стефановъ въ Сопочанахъ, Дечанахъ, Морачѣ, князя Лазаря въ Раваницѣ, деспота Стевана въ Крушедолѣ, св. Іоанна Рыльскаго въ Рыльскомъ монастырѣ и др. (Опис. рукоп. синод. библ. II, 3, стр. 340).

²⁾ Окт. 1260 г. русскій митрополитъ Кириллъ просилъ болгарскаго деспота Якова Святослава о доставленіи кормчей книги. Святославъ велѣлъ ее списать (1262 г.) и послалъ Кириллу, архіепископу „всея русьскыя земля, благодръжавнаго родня моего, ихъ же отрасль и корень азъ быхъ святыхъ прѣвотць моихъ“. (Извѣстія Импер. Акад. Наукъ, X, 203. Срви. Описаніе рукоп. Румянцевск. музея, 291).

ніями восточнаго и западнаго міра (объ Акирѣ, о Дракулѣ, о Варлаамѣ и Іоасафѣ, о Соломонѣ и Китоврасѣ, объ Александрѣ Македонскомъ и пр.), съ апокрифическими сочиненіями — „болгарскими баснями“, какъ ихъ на Руси называли еще въ XVI вѣкѣ, и пр. ¹⁾).

Такимъ путемъ завязались очень близкія и тѣсныя сношенія между славянскимъ югомъ и востокомъ, сношенія по единовѣрію и единопольчю. Вслѣдствіе этихъ сношеній создалась одна общая литература болгарско-сербско-русская, разрабатываемая на одномъ языкѣ „словенскомъ“ или „славянскомъ“. Этотъ языкъ, конечно, принималъ извѣстные отгѣнки—болгарскій, сербскій и русскій, смотря по тому, писалъ ли на немъ Болгаринъ, Сербъ или Русинъ ²⁾). Но не смотря на эти отгѣнки, сходство всѣхъ этихъ нарѣчій было такъ сильно, что на Руси распространилось мнѣніе, что „словѣньскій языкъ и русьскій единъ есть“ ³⁾). Этотъ славянскій языкъ остался долго общимъ литературнымъ языкомъ Русскихъ, Болгаръ и Сербовъ, пока мѣстныя нарѣчія не развились въ самостоятельныя литературныя языки. Однако, церковный языкъ не пересталъ отстаивать свое значеніе и впослѣдствіи, особенно въ языкахъ болгарскомъ и русскомъ, въ которыхъ замѣтно вліяніе славянскаго языка до сихъ поръ. Въ церквахъ же православныхъ Славянъ остался до сихъ поръ языкъ славянскій, именно русской редакціи.

Впрочемъ, не смотря на сходство литературнаго языка у всѣхъ православныхъ Славянъ, они всѣ знали объ его отгѣнкахъ югославянскихъ и русскихъ и вообще о разницѣ славянскихъ языковъ. Такъ, вышеупомянутый Русскій, Симеонъ изъ Суздаля, сравнивая нѣмецкія нарѣчія, замѣчаетъ, что они отличаются „яко Русь съ Сербы“. Другой Русскій XVI вѣка, Нилъ Курлятевъ, признавая, что у Русскихъ и у Сербовъ есть „единъ нашъ языкъ, сирѣчь словенскій, да мы говоримъ по своему языку чисто и шумно, а они говорятъ молодево,

¹⁾ О множествѣ такихъ рукописей разныхъ редакцій срви. Описанія бібліотекъ Румянцевской, Синодальной, Царскаго, Хлудова и др. Срви. также *Д. Попова*: Обзоръ русск. хронографовъ.

²⁾ На эту пеструю смѣсь книжнаго языка жалуются Русскіе XV—XVI вв. и замѣчаютъ, что прежніе переводчики, «не зная хорошо нашего языка, перевели ово словенскы, и ино сербскы, и другая болгарскы, пже неудоволишася предложити на рускый языкъ»; поэтому считалось нужнымъ объяснять нѣкоторыя слова этихъ славянскихъ языковъ (Іоаннъ Эккартъ болгарск. 196, Рукописи Царскаго № 327).

³⁾ П. С. Р. Д., I, 12.

и въ писаніи рѣчи наши съ ними не сходятся“. Съ другой стороны, Сербы жалуются, что имъ трудно рукописи „бугарскаго языка прѣставлѣти на сръбскы языкъ“, и что „вельми тежко нашему сръбскому языку на чтеніе, яко мпозѣмъ не знати, чѣто чѣтуть, рускыхъ рѣчей не разумѣюще“¹⁾.

Вслѣдствіе единовѣрія Русскихъ, Болгаръ и Сербовъ, священники послѣднихъ двухъ народовъ особенно же изъ Болгаръ, переходили на Русь не только въ періодъ вѣкѣ введенія христіанства на Руси, но и позже. Такъ, напримѣръ, русскіе митрополиты Кипріанъ (1376—1406 гг.) и Григорій Цамблакъ (1415—1419 гг.) были православные Юго-славяне—Сербы и Болгаринъ. Первый не зная достаточно русскаго языка, вводилъ сербскіе обороты и изрѣченія въ славянской книжной языкъ на Руси, что — по свидѣтельству Курлятева — дѣлалось здѣсь еще и въ XVI вѣкѣ²⁾. При избраніи Григорія въ митрополиты на Литовскую Русь, владыки литовско-русскіе прямо ссылаются на примѣръ самостоятельныхъ церквей болгарской и сербской. „Такъ поступили и у прежде насъ крещеныхъ Болгаръ, нашихъ сродниковъ“, говорятъ владыки и великій князь литовско-русскій Витовтъ, „епископы и поставили себѣ первосвятителя. Такъ и епископы сербскіе поставили себѣ первосвятителя, и даже до дпесь есть первосвятитель въ Сербіи, имѣя подъ собою многихъ епископовъ. Вѣдь Сербія не такъ велика, какъ Русь, находящаяся подъ властью великаго князя Александра Витовта“³⁾. Особенно же послѣ порабоженія Юго-славянъ Турками, стало являться много болгарскихъ и сербскихъ духовныхъ лицъ на Руси. прося о помощи⁴⁾

Изъ духовныхъ лицъ, перешедшихъ изъ южныхъ Славянъ на

¹⁾ Русская псалтырь 1552 г. Рукописи Царскаго № 327; Сербск. цвѣтная тріодъ 1374 г. (Учен. Записки II отд. Импер. Акад. Наукъ, т. II, 2, стр. 102), сербск. рук. 1585 г. (Истковичъ: Обзоръ авон. древн. 57).

²⁾ Кипріанъ по греческы гораздо не разумѣлъ и нашего языка довольно не зналъ же, и онъ мнилъ, что поправилъ псалмы по нашему, а большее неразуміе въ нихъ написалъ въ рѣчахъ и словехъ все по сербски написалъ. (Предисловіе къ псалтыри 1552 г. Рукописи Царскаго № 327).

³⁾ Акты западной Россіи I, №№ 24, 25. О патріархатахъ болгарскомъ и сербскомъ разказывается въ Кормчей книгѣ (въ началѣ), о сербскомъ также въ одномъ Московскомъ сборникѣ XVI вѣка (Опис. рукоп. синодальн. библ. II, 3, стр. 648) и др.

⁴⁾ Срвн. Голубинскій: Краткій очеркъ исторіи православн. церк. болгарской, сербской и румынской (1871), Чтенія 1866, IV (Охрод. архіеп.), 1867, IV (мон. Хиландар.), Starine jugoslav. akad. IV, и др.

Русь, особенно замѣчательнъ Сербъ Пахомій, „иже прииде изъ Сербскія земли къ великому князю Василью Васильевичу всея Руси“ (въ XV вѣкѣ), и здѣсь на Руси, въ Новгородѣ, былъ литературнымъ дѣятелемъ¹⁾.

Когда у поработенныхъ Турками Югославянъ литературная дѣятельность упала, а между тѣмъ на Руси Польско-Литовской и Московской она стала все больше процвѣтать, русско-славянскіе писатели и издатели книгъ не забывали, что они пишутъ и издають книги не только для своего Русскаго народа, но и для православныхъ Югославянъ, Сербовъ и Болгаръ.

Когда во второй половинѣ XVI вѣка приготовлялась на южной Руси полная печатная Библія славянская, то искали рукописи и книги во многихъ монастыряхъ греческихъ, сербскихъ и болгарскихъ, и вообще „во всѣхъ странахъ роду нашего языка словенскаго“; и послѣ окончанія перевода этой Библии (1581 г.), русскій князь Константинъ Острожскій объявляетъ этотъ важный трудъ „избраннымъ въ народѣ русскомъ, сыномъ церкви восточныя, и всѣмъ съгласующимся языку словенскому и съединяющимся тояжде церкви православію“²⁾. Въ такомъ смыслѣ говоритъ и знаменитый современникъ Острожскаго, князь Андрей Курбскій; онъ занимался и литературой, и переводами „на вождѣленный и любимый праотцевъ прирожденный языкъ словенскій“, не только изъ „любви къ единоплеменной Россіи, но и всему словенскому языку“. Курбскій такого высокаго мнѣнія о славянскомъ языкѣ, что считаетъ даже невозможнымъ хорошій переводъ съ него на другой языкъ; по его мнѣнію, „еслибы и не мало ученыхъ сошло словенска языка клоняющіе чины грамматическіе и прелагающе въ польскую барбарію, ложити не возмогутъ“³⁾.

Подобно тому на Руси издавались разныя богослужебныя книги „въ общую пользу великаго и славнаго народа російскаго и прочихъ народовъ пресладчайшаго языка словенска“ и „ко спасенію душамъ христіанскаго народа многочисленнаго словенскаго языка“; обращаются „къ избраннымъ въ народѣ великоросійстѣмъ и въ прочихъ сыномъ сущемъ церкви восточныя, и всѣмъ согласующимся языку словенскому и соединяющимся тояжде церкви православію“; радуют-

¹⁾ О немъ срви. особенно статью *Некрасова* въ Запискахъ Новоросійскаго университета 1871, VI.

²⁾ Предисловіе къ Острожской Библии.

³⁾ Сказанія ки, Курбскаго II, 158, 165.

ся, что книги выходятъ „цнымъ и родовитымъ языкомъ словенскимъ“, „въ всѣхъ странахъ языка словенскаго, намъ единомудрѣныхъ и съгласныхъ“, гдѣ богослуженіе отправляется „богоугоднымъ языкомъ словенскимъ въ Великой и Малой Руси, въ Сербѣхъ и Болгарѣхъ и по инымъ странамъ“¹⁾.

Словари и грамматики „славянскаго“ языка, издаваемые на Руси, назначаемы были не только для Русскихъ, но и для остальныхъ православныхъ Славянъ. Такъ, Павла Берннда издаетъ свой „Лексиконъ славенороссій“ (Кіевъ, 1627) для всѣхъ Славянъ, у которыхъ въ богослуженіи употребляется „широкій и великославный языкъ словенскій, въ Великой и Малой Россіи, Сербіи, Болгаріи и по инымъ странамъ“. Также и „Грамматика словенскія правильное синтагма“ (1619 г.) Мелетія Смотрицкаго распространилась не только по всей Руси Литовской и Московской, но и у Югославянъ, у которыхъ еще во второй половинѣ XVIII вѣка издана для Сербовъ (1755 г.) и для Хорватовъ, отправляющихъ богослуженіе по-славянски (переведено на латинскій языкъ Совичемъ до 1774 года)²⁾.

„Славянскимъ“ или „словенскимъ“ языкомъ Русскіе вообще очень дорожили, предпочитая его своему мѣстному нарѣчію, и даже возставали противъ употребленія послѣдняго въ церкви и въ школахъ; здѣсь вездѣ долженъ былъ господствовать одинъ только „словенскій языкъ, плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимѣйшій“³⁾. Съ конца XVI вѣка на Руси издавались „словенскія“ или „славенскія“ гра-

¹⁾ Эти фразы собраны изъ разныхъ богослужебныхъ книгъ (библей, мѣней, октоиховъ, тріодей и др.), печатанныхъ особенно въ XVII в. въ Кіевѣ, Львовѣ, Емя, Москвѣ и другихъ мѣстахъ югозападной и сѣверо-восточной Руси.

²⁾ Смотрицкій, въ описаніи своего путешествія въ Палестину (*Apologia peregrinatioe do Krajów wschodnich*, 1628) говоритъ, между прочимъ, что онъ въ Св. землѣ отправлялъ литургію не на обыкновенномъ тамъ языкъ греческомъ, а на славянскомъ, такъ какъ онъ молился «*za siebie przepajmilszy mój narodzie ruskі i za wszystkie te narody, które językiem słowieńskim stworzyciela chwala*». Въ томъ же самомъ сочиненіи Смотрицкій выражаетъ желаніе, чтобы всѣ славянскіе народы жили въ церковномъ единствѣ.

³⁾ Срвн. посланіе русскаго монаха Аеоискаго, Іоанна изъ Вишни, князю Острожскому по поводу Брестской уніи. (Акты южной и западной Россіи II, 210); уставы братскихъ училищъ Львовскаго, Луцкаго, Кіевскаго (Памятники Кіевск. комисс. I, 115; II, 66; III, 89) и пр. Въ письменностяхъ югозападной Руси говорится вообще о типографіяхъ, школахъ и семинаріяхъ «греческаго и словенскаго языка», иногда и «рускаго языка». (Срвн., напримѣръ, Акты западн. Россіи III, 301; IV, 38, 42, 112, 172, 506 и пр.).

матики (Зизанія, Смотрицкаго, Максимова), а не „простаго русскаго діалекта“; позже составили „граматику славянороссійскую или Московскую“ (Копіевичъ, 1706 г.). Еще авторъ первой русской грамматики (на латинскомъ языкѣ) Лудольфъ (1696 г.) свидѣтельствуеъ, что „безъ помощи славянскаго языка никто изъ Русскихъ не можетъ писать или разсуждать объ ученыхъ предметахъ, а въ домашней жизни не употребляется славянскій языкъ потому, что многихъ словъ житейскаго быта нѣтъ въ тѣхъ книгахъ, изъ которыхъ почерпается языкъ славянскій. Поэтому, считается правиломъ: говорить по-русски, а писать по-славянски“ ¹⁾. Это господство славянскаго языка прекратилось только со временъ преобразованій Петра, или скорѣе, съ Ломоносова, хотя не сразу; но слѣды его остались и до сихъ поръ ²⁾.

Духовное единство всѣхъ православныхъ Славянъ проявилось опять, когда въ половинѣ XVII вѣка, побужденіемъ Московскаго патріарха Никона „пастыря словенскаго стада Христова“, издавна тянувшееся дѣло объ исправленіи церковныхъ книгъ, наконецъ привели въ исполненіе. Тогда собирали въ Москву изъ греческихъ и югославянскихъ земель, особенно же изъ Аѳонскихъ монастырей, много греческихъ и „харатейныхъ словенскихъ и сербскихъ древнихъ книгъ“; такія „ветхія словенскія“ книги и рукописи прислали Никону и патріархи Сербскій и Охридскій. Послѣдній, Гавріилъ Раичъ, явился и самъ лично на Московскомъ соборѣ (1655 г.) ³⁾.

Исправленныя богослужебныя книги русско-славянскія разсылались потомъ и въ Сербамъ и Болгарамъ, у которыхъ существовавшія въ XV и XVI вѣкахъ типографіи давно упали. Такимъ образомъ, Русь, освобожденная отъ ига азіятскихъ варваровъ, оплатила своимъ прежнимъ учителямъ, своимъ несчастнымъ, попавшимъ въ тяжкое иго, единоплеменникамъ и единовѣрцамъ на славянскомъ языкѣ, поддерживая у нихъ религіозное образованіе ⁴⁾.

¹⁾ О русско-славянскихъ грамматикахъ до Ломоносова см. введеніе къ изданію грам. Ломоносова Давыдовымъ (въ Ученыхъ Запискахъ II отдѣл. Импер. Акад. Наукъ, кн. III; срви. также кн. I, 254).

²⁾ Интересны, наприимѣръ, причины, по которымъ Тредьяковскій (1730 г.) пишетъ простымъ русскимъ языкомъ, а не «темнымъ словенскимъ».

³⁾ Срви., между прочимъ, предисловіе къ новому Служебнику (Москва, 1655), и Гласникъ русскогъ ученогъ друштва 1869 г. (VI, 55).

⁴⁾ При введеніи въ Россіи лѣтосчисленія отъ Рождества Христова (1699 г.) ссылались на обычай не только остальной Европы, «но и народовъ славянскихъ, которые съ восточною нашею церковью во всемъ согласны, какъ Во-

Б. Русскіе и Югославяне католики. Исправленіе хорватско-глагольскихъ книгъ.

Вліяніе славянскаго языка, употребляемаго въ русской церкви, не ограничилось одними только православными Югославянами, но распространилось и на часть Югославянъ римско-католическаго исповѣданія, именно на Хорватовъ.

Мы уже видѣли выше, что у Хорватовъ католиковъ, населяющихъ адриатическое побережье, богослуженіе издавна отправлялось на двухъ языкахъ, на латинскомъ и на славянскомъ, писанномъ глаголицей,—на послѣднемъ съ половины XIII вѣка, съ разрѣшенія папы.

Славянскій языкъ въ богослуженіи оставленъ папами и принявшимъ унию съ римско-католическою церковью православнымъ Славянамъ, Сербамъ и Русскимъ. Церковно-славянскій языкъ, употребляемый въ церкви хорватской, униатско-сербской и униатско-русской, конечно, не имѣлъ ужь одинаковаго характера, подвергнувшись болѣе или менѣе сильному вліянію мѣстныхъ нарѣчій. При тогдашнемъ положеніи славянской—если такъ позволительно выразиться—филологіи въ Римѣ и даже у самихъ Славянъ, не всегда умѣли отличить разницу церковно-славянскаго языка, употребляемаго у Славянъ католиковъ, униатовъ и православныхъ; они довольствовались тѣмъ фактомъ, что у большей части Славянъ употребляется въ церкви не латинскій и не греческій, а „славянскій“ языкъ. Поэтому не удивительно, что могло возникнуть духовное единеніе Русскихъ не только съ православными Югославянами, но даже и съ католиками. Такъ, уже въ концѣ XV вѣка одинъ католикъ Югославянинъ участвовалъ въ переводѣ полной Библии славянской на Русь. Доминиканецъ Веніаминъ, „родомъ Словѣнинъ, а вѣрою латинянинъ“, прибывшій около 1490 года на Русь, здѣсь въ Новгородѣ (1493 г.), повелѣніемъ архіепископа Геннадія, перевелъ Мавкавейскія книги съ латинскаго языка на „русскій“¹⁾.

Когда первый царь Лжедимитрій, желая распространить въ своемъ государствѣ чтеніе Библии, потребовалъ отъ извѣстнаго іезуита Поссевина доставить ему печатную славянскую Библию и другія бо-

лохи, Молдавы, Сербы, Далматы, Болгары, Черкасы (то-есть, Малороссіяне) и Греки». (Полн. Собраніе Законовъ №№ 1735, 1736; *Соловьевъ*, Ист. Россіи, XIV, 325.

¹⁾ Опис. рукоп. Румянц. муз. 164; Опис. рукоп. синод. библ. I, 128.

гослужебныя книги, то Поссевинъ отыскалъ служебникъ, Новый За-вѣтъ и маленькій катехизисъ, печатанные для Далматовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обратился къ тогдашнему Тосканскому герцогу, который занимался печатаніемъ книгъ на разныхъ языкахъ, и просилъ его обратить вниманіе на изданіе славянскихъ книгъ для Московскаго государства. Разумѣется, главною цѣлью Поссевина было подготовить подчиненіе русской церкви папѣ и въ этомъ государствѣ ¹⁾.

Вслѣдствіе Брестской церковной уніи и присоединенія значительной части русской церкви, по крайней мѣрѣ въ польско-литовскихъ владѣніяхъ, къ римско-католической, въ Римѣ ближе познакомились съ обрядами и съ языкомъ, употребляемымъ въ русской церкви, не только по теоріи, но и на практикѣ: русскіе уніатскіе священники часто пребывали въ Римѣ и лично знакомились съ пребывающими здѣсь юго-славянскими священниками. Не надо забывать, что именно тогда распространялось и у самихъ Славянъ мнѣніе, что ихъ прародина—Русь, и что русско-славянскій языкъ—о строгомъ раздѣленіи чисто-русскаго и церковно-славянскаго языковъ тогда нечего было и думать—есть самый чистый славянскій языкъ.

Такимъ образомъ Югославыне и Русскіе приходили къ взаимному сравненію „славянскаго“ языка, употребляемаго въ ихъ церквахъ; это сравненіе имѣло и практическія послѣдствія. Когда въ первой половинѣ XVII вѣка ощутилась надобность новаго изданія славянскихъ богослужебныхъ книгъ для Хорватовъ, то папская столица поручила это изданіе монаху хорватскому, позже епископу Рафаилу Леваковичу, который прожилъ нѣкоторое время въ Польшѣ и въ карпатской Руси и выказалъ значительное усердіе въ обращеніи „схизматиковъ особенно нашего языка“ ²⁾. Нѣкоторое вліяніе русско-славянскаго языка замѣтно уже въ его служебникѣ (1631 г.). Къ исправленію его Часослова (бreviарія), одобреннаго уже въ 1635 г. двумя русскими цензорами въ Римѣ, приставленъ ему на помощь русскій епископъ Холмскій, Меѳодій Терлецкій, который тогда пребывалъ въ Римѣ по поводу важныхъ для всей русской церкви вопро-

¹⁾ Ciampi: *Esame critico con documenti inediti della storia di Demetrio*, 190. Костомаровъ: *Смутное время*, I, 252. «Катехизисъ» есть, вѣроятно, упомянутая книга Буданнича.

²⁾ Срвн. біографію и письма Леваковича у Кукулевича: *Knjževnici u Hrvatah*, 136.

совъ, особенно же по вопросу о распространеніи уніи на Руси и въ другихъ славянскихъ странахъ ¹⁾).

Оба Славянина, Леваковичъ и Терлецкій, взялись за часословъ и псалтырь. Они собрали старія книги и рукописи югославянскія (имерскія) и такія, которыя искони употребляетъ церковь русская и вся славянская; послѣ того стали исправлять текстъ по вульгатѣ, то-есть, выбрасывать нѣкоторыя „простонародныя слова далматскаго языка“, которыя, по произволу писателей, замѣшались въ древніе югославянскіе часословы, даже и въ послѣдній переводъ Леваковича, и замѣнять ихъ „чистыми словами славянскими“, которыя находились въ „не искаженныхъ“ изданіяхъ русскихъ. Такимъ образомъ была пересмотрѣна ими псалтырь и очищена отъ чужихъ далматскихъ словъ, такъ что стала во всемъ согласна съ псалтырью желаемого часослова ²⁾).

Отъ этого уравниенія церковно-славянскаго языка у Югославянъ и у Русскихъ югославянскіе священники въ Римѣ ожидали уже тогда, большихъ успѣховъ въ будущемъ, для распространенія католицизма или уніи между „далеко и широко въ Европѣ распространенными народами славянскими“ ³⁾).

Помощью русскихъ священниковъ пользовались и при вторичномъ исправленіи югославянскихъ служебника и часослова Пастричемъ (1688, 1706 гг.), и особенно при третьемъ исправленіи служебника, принятомъ въ 1741 году, по порученію Задерскаго архіепископа Змае-

¹⁾ Терлецкій дѣйствовалъ въ 1628 — 1629 гг. какъ миссіонеръ уніи между православными Сербами въ Хорватской Военной Границѣ, около Копривницы, Крижвцець, Марчи и др. — Къ уніи съ Римомъ побуждали тогда Русь, между прочимъ, и примѣромъ «волоскихъ, сербскихъ и болгарскихъ бискуповъ», которые заявили готовность подчиниться папѣ (письмо короля Сигизмунда 1595 г., Акты Зап. Россіи, IV, стр. 107), и примѣромъ патріарха сербскаго и болгарскаго Іоны, который въ 1601 г. со всеми митрополитами, епископами, воеводами, князьями и главарями царства Сербскаго отступилъ отъ Царьградскаго патріарха и поддался папѣ. (Święte pobudki do jedności świętej w cerkwi Ruskiej wielce potrzebnej, въ сборникѣ: Prawa i przywileje od królów Polskich, nadane obywatelom religii greckiej w jedności z kościołem rzymskim będące, Wilno, 1632, p. 60—62).

²⁾ Предисловіе Терлецкаго къ изданію псалтыри и часослова Леваковича (1648).

³⁾ Срв. бреве папы Иннокентія къ часослову 1648 г., предисловіе далматскаго іезуита Кашича къ славянскимъ переводамъ римскаго ритуала (1640 г.) и Новаго Завѣта (рукоп.).

вича, священникомъ Караманомъ, который пробылъ нѣкоторое время и въ Россіи. Тогда введенъ въ церковныя книги и русскій акцентъ.

Такимъ образомъ, церковный языкъ славянской, употребляемый въ богослуженіи католическихъ, униатскихъ и православныхъ Славянъ, принялъ вездѣ одинаковый характеръ. Когда же появилось мнѣніе о необходимости введенія простаго нарѣчія югославянскаго въ богослуженіе, Караманъ, будучи уже архіепископомъ Задерскимъ (1753 г.), сталъ защищать единство церковно-славянскаго языка у всѣхъ Славянъ отъ моря Адриатическаго до Ледовитаго; это единство, быть можетъ, и проложитъ путь къ униі другихъ, пока еще „схизматическихъ“, Славянъ съ Римомъ ¹⁾.

Заключеніе.

Прослѣдивъ внимательно взаимныя сношенія Славянскихъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка, мы видимъ, что Славяне хотя и лишились національнаго единства, но не лишились, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознанія племеннаго родства и никогда не переставали считаться членами одного рода. Это сознаніе видно не только въ ихъ духовной, литературной жизни, но заявляло свою силу и въ политическихъ ихъ сношеніяхъ: народы Славянскіе ищутъ себѣ другъ у друга правителей „славянскаго рода“, и если и ссорятся, то все-таки, въ концѣ концовъ, приходятъ къ убѣжденію, что имъ слѣдуетъ жить „въ согласіи и въ вѣчной нераздѣльной любви братской, какъ людямъ одного языка и народа славянскаго“.

Такъ было у Славянъ до XVII—XVIII вѣка.

¹⁾ Identità della lingua letterale slava e necessità di conservar la ne' libri sacri (рукоп., извлеченіе у Энгеля: Geschichte v. Serwien, 457). Объ исправленіи глагольскихъ книгъ у Югославянъ см. особенно Assemanni: Calendaria ecclesiae universae, I, 114, IV, 426; также Копитара (Glagol. Cloz.), Шаарика (Slowen. u. glagol. Schriftthum) и др.

I. Первольфъ.

ГОСУДАРСТВО И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ РОССИИ СЪ XVIII ВѢКА ДО УЧРЕЖДЕНІЯ МИНИСТЕРСТВЪ¹⁾.

V.

Корпорации (братства); переходъ элементарнаго образованія въ среднее; братскія училища.

Приходскія общины могли сообщать только элементарное образованіе, что онѣ и дѣлали по мѣрѣ своихъ силъ. Дальнѣйшее его движеніе становилось при этомъ сомнительнымъ. Прошло много вѣковъ, а образованіе ни въ Московскомъ государствѣ, ни въ Литовско-Русскомъ не шло далѣе элементарнаго. Учебныя заведенія, открываемыя богатыми землевладѣльцами въ южной Руси, сообщали весьма мало высшихъ знаній.

Государства западной Европы обязаны своими успѣхами на этомъ пути сословной своей организаціи; тамъ высшее сословіе основываетъ университеты, среднее—*Bürgerschule*. Съ одной стороны, сословія несравненно богаче приходскихъ общинъ; съ другой—среднее и высшее образованіе необходимо для самаго существованія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Слѣдовало бы ожидать, что и у насъ обнаружится то же самое явленіе.

Но сословная организація была совершенно чужда Русскому народу. Въ Московскомъ государствѣ сословія организуются вполнѣ только въ XVIII вѣкѣ, именно подъ вліяніемъ законовъ о народномъ образованіи. Въ государствѣ Литовско-Русскомъ сословный складъ общества сдѣлалъ значительные успѣхи, особенно со времени окончательнаго соединенія этой страны съ Польшей; однако, и здѣсь онъ былъ такъ противенъ духу народа, что тотчасъ послѣ Люблинской уніи является сильнѣйшій протестъ противъ него въ казацкихъ воз-

¹⁾ *Продолженіе. См. Журналъ Мин. Народн. Просв. ноябрь 1873 года.*

станіяхъ, которыя опять возвращаютъ общество почти къ первобытному равенству. Итакъ, съ этой стороны, пока нечего было ожидать для успѣховъ образованія. Хотя, какъ уже было нами замѣчено, въ государствахъ, чуждыхъ сословной организаціи, сословія замѣняются земствами, но ни эти послѣднія, ни правительство не брались, по разнымъ причинамъ, за указанную задачу въ продолженіе шести вѣковъ со времени принятія христіанства.

Неужели же Русскому народу предстояло навсегда остаться при низшемъ образованіи? Нѣтъ, эта опасность, дѣйствительно существовавшая, была устранена, и, какъ мы полагаемъ, устранена не поворотомъ къ сословно-профессіональному образованію при Петрѣ I, а ранѣе Петра — дѣятельностью корпорацій, заботившихся о распространеніи средняго общаго образованія.

Корпораціи эти были основаны на свободномъ взаимномъ соглашеніи. Для новой задачи требовался и новый органъ; не вливаютъ вино новое въ мѣхи ветхіе. Только они и въ состояніи были взяться за столь трудное дѣло. Для этого, кромѣ мѣстныхъ, указанныхъ нами, причинъ были еще и другія; и въ сословныхъ странахъ всѣ вновь возникающія государственныя задачи сначала рѣшаются обыкновенно корпораціями, ибо новыя потребности, новыя идеи признаются и усваиваются сначала лишь меньшинствомъ, которое не можетъ осуществить ихъ иначе, какъ создавъ изъ себя особое общество. Когда подобныя общества достигаютъ своихъ цѣлей, то или прекращается отдѣльное существованіе ихъ, или они входятъ въ число нормальныхъ и постоянныхъ органовъ государства. И въ томъ, и въ другомъ случаяхъ остаются въ государственномъ организмѣ весьма замѣтные слѣды обновленія: силой обновляющею является именно свободная воля людей, выражаемая въ корпораціяхъ.

Такія корпораціи у насъ назывались братствами (согласно съ духомъ русскаго государственнаго права). По объему своей дѣятельности онѣ весьма разнообразны. Первоначальная форма ихъ — это приходскія братства, братства общегородскія, наконецъ земскія. Выѣстъ съ расширеніемъ ихъ дѣятельности, расширяются и ихъ задачи; такъ, между прочимъ, и образованіе переходитъ изъ низшихъ формъ въ среднія и высшія.

Изъ нѣкоторыхъ уже приведенныхъ нами фактовъ оказывается, что *въ каждомъ приходѣ*, для завѣдыванія собственно призрѣніемъ, существовало братство; но задачи его еще не отличались отъ обыч-

ныхъ задачъ приходской общины. Братство дѣлается органомъ общины, представителемъ одной ея функціи ¹⁾.

Братства въ этомъ смыслѣ едва ли составляютъ особенность юго-западной Руси. Существуетъ поразительное сходство между ними и другими братчинами, сколько можемъ судить по различнымъ сѣвернорусскимъ жалованнымъ и уставнымъ грамотамъ ²⁾. Совершенно не

¹⁾ Вотъ факты, не оставляющіе въ томъ сомнѣнія: «року 1675 предо мною, сотникомъ Погарскимъ, ставши очевисто Константъ Ивановичъ мещанинъ и обиватель Погарскій» продалъ домъ съ мѣстомъ въ Погарѣ «объ мѣшу шпнтала старецкаго Николаекаго паномъ ктиторомъ Николскимъ и иными братчиномъ, въ реестрѣ братерскомъ церковномъ записаннымъ за суму копѣ 100, на домъ брацкій Николскій, и розныя потребности церковныя». По дѣлу 1758 г. о лавкахъ погарскаго собора приносили «словесное прошеніе урядовіе церквей Пр. Троицы и св. Николая и Аеоносія старшіе брати... То три церкви имѣють свои собственные дворы». Року 1677 мар. 16, я Ярошъ Коривевичъ, Якимъ Лавка, Василь Березный, 3 попомъ *уся братія* села Обложковъ отиѣнили (вымынили) сію книгу...» (написано на мѣстномъ Евангеліи). «Такимъ образомъ (заключаетъ авторъ, сообщившій эти свѣдѣнія), а) изъ лучшихъ лицъ въ приходѣ обыкновенно составлялся кружокъ, называвшійся братствомъ, или братерствою; б) члены братства вписывались въ книгу или реестръ; в) между ними были старшіе и младшіе; г) къ праздникамъ храмовому и нѣкоторымъ другимъ варила медь, и угощаемые этимъ медомъ вносили въ кружку кто что можетъ; д) братства имѣли то дома, то лавки, то земли, и доходъ съ арендныхъ земель поступалъ въ кружку; е) братская скриня хранилась всегда въ церкви, а ключъ отъ нея у одного избраннаго братчика; ж) братства заботились о строеніи и украшеніи храмовъ и за то пользовались нѣкоторыми отличіями въ храмѣ; ихъ же дѣломъ было устранивать и содержать школы и богадѣльни; з) кромѣ того они были лучшими помощниками священнику при исправленіи различныхъ беспорядковъ въ приходѣ: на безобразниковъ они налагали штрафы; и) кромѣ мужскихъ общинъ, были женскія, члены коихъ назывались *сестричками*, *микроносицами*, *бабками*, *пчелочками*; онѣ отправлялись по селу и хуторамъ и собирали, какъ пчелки, кто что пожертвуетъ» (*Черн. Епарх. Изв.* 1862, 1-го сентября). Эти свѣдѣнія относятся къ Черниговскому краю. О слободской Украинѣ, см. пр. *Филарета*: «Ист. Ст. Опис. Харьк. Епарх.» Отд. II, стр. 44—46 Между прочимъ, «при Архангельской церкви (г. Харьков) прихожане имѣють братскій церковный дворъ; дворъ этотъ занимается частью членами причта, частью жъ отдается въ наемъ; здѣсь продавался обыкновенно въ храмовой праздникъ медъ и деньги должны поступать въ пользу храма... Между прихожанами Троицкой церкви было духовное братство и отличіемъ его (?) служило то, что на его содержаніи существовала богатая и обширная школа».

²⁾ Общія черты тѣхъ и другихъ могутъ быть опредѣлены по грамотѣ короля Сигизмунда III 1608 г., данной Виленскому братству и постановляющей порядокъ братскихъ праздничныхъ собраній (пиршествъ). Между прочимъ: «Еслибъ кто въ дому братскомъ учинилъ ссору или аваду, обиженный... долженъ тотчасъ же обратиться съ жалобой къ старостамъ, которые, сошедшись на другой

изслѣдованный вопросъ о великорусскихъ братчинахъ важенъ съ точки зрѣнія исторіи корпорацій въ древней Руси. Простое, случайно сошедшееся для пира общество едва ли могло бы такъ много занимать тогдашнее законодательство; правительство едва ли рѣшилось бы поручить ему судебную власть наравнѣ съ органами государственнаго суда. Не слѣдуетъ ли предположить, что братчина, занимавшаяся пиршествами въ храмовые праздники своего погоста, есть тотъ же погостъ, лишь измѣнившій свою форму?

Возникновеніе братствъ отнюдь не связано съ усиленіемъ католической пропаганды въ югозападной Руси конца XVI и начала XVII вѣка. „Начала Ставропигиннаго, сперва Успенскимъ названнаго, братства относятся, по преданіямъ, къ началу основаніи гор. Львова и Львовской Успенской церкви (около 1250 г.), при которой и братство тое, ведя стариннаго Руси звычай, для цѣлей богоугодныхъ составила. Найдавнѣйшимъ однакожь писменнымъ свидѣтельствомъ о существованіи братства сего есть грамота короля Польскаго Казимира IV зъ г. 1439. Больше же значенія и вліянія стало братство тое набирати ажъ зъ другой половины XVI столѣтія, то-есть, зъ той поры, якъ въ составъ его начали вступати самыи знаменитыи миряне греческаго вѣроисповѣданія“¹⁾.

Дальнѣйшее движеніе корпорацій, и вмѣстѣ, связь братства съ общинами вполне несомнѣнно проявляется въ братствахъ цеховыхъ.

день въ дому братскомъ, «вся братія того братства судебнымъ порядкомъ рѣшаютъ то дѣло между собою и виновного мають виною братскою карати». Посторонніе, участвующіе въ пирѣ, подчиняются суду братства (*Собр. Вил. Грам. ч. II*). Съ удовольствіемъ встрѣчаемъ мы подтвержденіе того же самого въ слѣдующихъ словахъ И. Д. Бялева: «первоначальная исторія церковныхъ братствъ скрывается въ глубокой древности (въ братчинахъ)... Церковныя братчины имѣли въ виду только заботы о благолѣпіи своей приходской церкви и объ устройствѣ общественныхъ пировъ на храмовой праздникъ....; но и въ этомъ вѣродышѣ церковныхъ братствъ уже заключалось весьма сильное жизненное начало—единенія церкви и прихода... Самая организациа древнихъ братчинъ, общая и въ Полотскѣ и въ Новгородѣ Великомъ, и во Псковѣ и на всемъ сѣверовостокѣ Руси, съ ихъ выборными властями и братчиннымъ самостоятельнымъ судомъ, и признаніе и общественнаго значенія и правъ со стороны князя, послужили для позднѣйшихъ братствъ важнымъ и существеннымъ пособіемъ для собственной организациа. При древнихъ братчинахъ позднѣйшія церковныя братства являлись не новымъ учрежденіемъ, а только продолженіемъ прежняго вѣковаго учрежденія, хотя и съ измѣненнымъ характеромъ». Разк. изъ Русск. Ист. Кн. 4-я. М. 1872 г., стр. 234—235.

¹⁾ «Начало и дѣйствиованіе Львов. Ставроп. братства». *Головинскаго*. Львовъ, 1860.

Городской цехъ какъ въ Германіи, такъ и въ Польшѣ, есть прежде всего корпорація, существующая съ дозволенія правительства и преслѣдующая промышленныя цѣли. Но корпорація эта стремится получить территориальное значеніе, осѣстья вокругъ братскаго храма, сю созданнаго, словомъ составить территориальную общину; затѣмъ она начинаеть преслѣдовать цѣли не промышленныя только, но и религіозныя, принимаетъ на себя заботу о бѣдныхъ и т. д., — она получаетъ характеръ публичный, выходитъ за предѣлы частнаго права въ область государственнаго, становится органомъ государственнаго управления, вѣтвію государственнаго устройства. Этотъ публичный характеръ частныхъ корпорацій, который, конечно, можетъ быть наблюдаемъ и теперь, особенно рельефно проявляется въ средневѣковой исторіи.

Изъ приходскихъ и цеховыхъ корпорацій въ западно-русскихъ городахъ скоро выдѣляется особый ихъ родъ — корпораціи, не связанные ни съ какою приходскою общиною; кругъ ихъ дѣйствія простирается на цѣлый городъ, онѣ превращаются въ *общегородскія братства*. Такія братства не сливаются уже со старыми государственными органами, не приурочиваются къ нимъ; начало свободы, лежащее въ корпораціяхъ, проявляется въ нихъ уже болѣе осязательно. Это сообщило имъ характеръ такихъ широкихъ государственныхъ учреждений, которыя именно были въ состояніи вывести образованіе изъ его элементарной замкнутости и поставить его на другую, высшую степень. При этомъ очень важно опредѣлить отношеніе общегородскаго братства къ городу, какъ общинѣ. Почему цѣлый городъ не могъ принять на себя заботы о среднемъ образованіи, подобно городамъ западно-европейскимъ? Ни старыя русскіе города Московскаго государства, ни городскія общины, основанныя на Магдебургскомъ правѣ, не въ состояніи были взяться за эту задачу. Что касается до городовъ старыхъ, то самыя главныя изъ нихъ давно ужъ утратили характеръ цѣльныхъ общинъ. Большой русскій городъ (какъ, наприкладъ, Москва) ни въ какомъ государственномъ отпращеніи не составлялъ ужъ одного цѣлаго (ни въ представительствѣ на земскихъ соборахъ, ни въ завѣдываніи полиціею безопасности). Меньшіе города и посады ничѣмъ не отличаются, въ этомъ отношеніи, отъ сельскихъ общинъ. Такимъ образомъ и тамъ, и здѣсь образованіе и призрѣніе оставались, по прежнему, на попеченіи приходскихъ общинъ.

По видимому, совершенно другое должно было происходить въ городахъ Магдебургскаго права, которые представляютъ стройное юри-

дическое цѣлое. Но отношенія общегородскихъ братствъ къ городскому Магдебургскому управленію въ Литовско-Русскомъ государствѣ показываютъ, что, по крайней мѣрѣ въ началѣ, между тѣми и другими существовалъ полный антагонизмъ. „Безъ всякаго преувеличенія должно сказать, что братскія права и привилегіи соблюдались столько, сколько это угодно было городскимъ властямъ—бурмистру, радцамъ, старостѣ и магистрату... Имъ (братствамъ) нерѣдко препятствовали избирать и принимать священниковъ къ своимъ церквамъ; весьма часто ожесточались даже противъ ихъ школъ; постоянно оспаривали у братствъ право исключительнаго печатанія книгъ церковно-славянскихъ“ ...¹⁾ Печальныя подтвержденія всего этого можно найти въ лѣтописи Зубрицкаго²⁾. Все это показываетъ, что интересы народнаго образованія были далеки еще отъ сознанія большинства въ городскомъ населеніи. Отсюда очевидна высокая важность дѣятельности общегородскихъ братствъ.

Отношеніе общегородскихъ братствъ къ приходскимъ и цеховымъ было отношеніемъ высшей администраціи къ низшей. Братства предмѣстій города Львова должны, по грамотѣ Могилы, „оказывать ставропигіи (успенскому братству) подчиненность и уваженіе“³⁾. Выразилось это, напримѣръ, въ томъ, что общегородскія братства налагали, въ особенно важныхъ случаяхъ, особые поборы на приходскія братства⁴⁾. Правда, эти административныя отношенія проявлялись въ формахъ, по видимому, не юридическихъ: въ формахъ совѣта, наставленія и приглашенія со стороны высшихъ и уваженія, нравственнаго подчиненія со стороны низшихъ. Но извѣстно, что строгія юридическія нормы всегда зарождаются первоначально въ такихъ формахъ, что нравственная сфера, предупреждая юридическую, впоследствии переходитъ въ нее; а такъ какъ корпораціи суть только еще зарождающіяся государственныя формы, то имъ и не могли быть присущи иныя начала администраціи. Впрочемъ, такъ какъ болѣе сильныя изъ городскихъ корпорацій успѣли утвердить себя юридически, посредствомъ королевскихъ и патріаршихъ грамотъ, то и отношенія ихъ къ приходскимъ братствамъ вскорѣ сдѣлались строго формальными. Онѣ обладали привилегіями, сообщавшими имъ

¹⁾ *О. Флеровъ*, О прав. церковн. братствахъ, стр. 50 и 51.

²⁾ *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1849, апрѣль, май, іюнь.

³⁾ Лѣтоп. *Зубрицкаго* въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1849, іюнь.

⁴⁾ См. *Журн. Мин. Народн. Просв.*, май 1849 года.

нѣкоторыя исключительныя права; только чрезъ это мѣстныя братства переставали быть мѣстными, возвышались надъ узкими интересами общины. Въ частности, по вопросу объ образованіи, между общегородскими братствами и приходскими возникло соперничество и борьба; первыя стремятся укрѣпить за собою, въ своихъ уставахъ, право на исключительное завѣдываніе образованіемъ въ цѣломъ городѣ. Въ 1590 году нѣкоторые мѣщане, члены братствъ церквей, находившихся въ предмѣстіяхъ города Львова, а именно Благовѣщенской, Боголюбленской, Оедоровской и Николаевской, распространяли о братской Львовской школѣ (то-есть, привилегированной) весьма невыгодные слухи, „запрещали многимъ людямъ приходить въ нее, граматическаго, діалектическаго и риторическаго и церковнаго согласія научатися ¹⁾“. За это они были отлучены митрополитомъ Рагозой отъ церкви. Думаютъ, что это были враги просвѣщенія, да еще подученные Гедеономъ Балабаномъ, личнымъ врагомъ привилегированнаго братства (которое контролировало дѣйствія самого епископа). Но эти невѣжественные клеветники сами принадлежали къ братствамъ, цѣлю коихъ было, главнымъ образомъ, оказывать поддержку школамъ. Причина ихъ нерасположенія къ братской привилегированной школѣ была, вѣроятно, другая, а именно, объяснять ее слѣдуетъ тѣми привилегіями, какими главное братство было снабжено и отъ вселенскихъ патріарховъ, и отъ Кіевскихъ митрополитовъ. Вотъ 2-й пунктъ грамоты Іереміи, вселенскаго патріарха: „Не быть другому общественному („общему“) училищу въ городѣ Львовѣ, кромѣ одного училища братскаго — Успенія Пречистой Богородицы, и только въ немъ учить дѣтей благочестивыхъ и православныхъ христіанъ божественному и священному писанію, также славянскому и греческому языку, если со временемъ найдутся учителя. Если же кто будетъ имѣть частнаго учителя для своихъ дѣтей, то такому учителю можно заниматься только этими дѣтьми, а не другими. Также и каждый священникъ можетъ учить одного или двухъ дѣтей для прислуги („послуги“ — прислуживанія при богослуженіи), но не болѣе; и это послужило бы къ уничтоженію и вреду общественной школѣ“ ²⁾. Изъ дѣла, возбужденнаго братствомъ Успенія противъ Гедеона Балабана на Брестскомъ соборѣ, видно, что школы продолжали существовать, какъ и прежде, при каждой церкви, но

¹⁾ Акты Зап. Россіи. IV, № 24.

²⁾ Пам. Кіевск. комм. т. III, отд. I, стр. 39.

школы съ низшимъ образованіемъ, и что причиною борьбы привилегированнаго братства съ прочими была конкуренція этихъ школъ съ школою центральнаго братства. „Соборную братскую школу въ городѣ Львовѣ при храмѣ Успенія Богородицы для ученія греческимъ и славянскимъ наукамъ, получившую патріаршее благословеніе, — одну эту школу мы благословляемъ, соборно одобряемъ и утверждаемъ, запрещая быть школамъ при другихъ церквахъ, какъ въ предмѣстіяхъ, такъ и въ самомъ городѣ, и отвергая оныя подѣвлятвою, обшириѣе поясненною въ правилѣ патріаршемъ“¹⁾. Это, по видимому, странное распоряженіе объ уничтоженіи приходскихъ школъ ставитъ въ нѣкоторое затрудненіе историка Кіевской братской школы, и онъ дѣлаетъ слѣдующее предположеніе: „Можетъ быть, тутъ была и другая причина, ибо въ ту пору уже зародилась въ этомъ лжепастырѣ (Раговѣ) мысль объ отступничествѣ, и слѣдовательно, распространеніе училищъ православныхъ не могло не быть противно его цѣлямъ“²⁾. Но патріархъ Іеремія, конечно, не былъ еретикъ; далѣе мы увидимъ, что точно также дѣйствовали и архипастыри несомнѣнно православные, и свѣтское русское правительство, которыхъ нельзя обвинять въ преступныхъ цѣляхъ. Конкуренціи между корпораціями за право народнаго образованія вовсе не была такъ гибельна, какъ можно было бы думать, ибо отъ воли частныхъ лицъ зависѣло вступать въ то или другое братство, или въ нѣсколько братствъ одновременно. Мы уже видѣли, что братскія школы не только не подавили приходскихъ элементарныхъ, но содѣйствовали ихъ оживленію.

Таково было значеніе общегородскихъ братствъ и ихъ отношеніе къ приходскимъ общинамъ и низшимъ корпораціямъ. Но развитіе корпорацій не остановилось на братствахъ общегородскихъ; эти послѣднія переходятъ въ *земскіи*, что совершалось слѣдующимъ образомъ. Сословное государственное устройство Литвы и Польши признавало городскою общиною только мѣщанскій городъ (поэтому, между прочимъ, и цеховое устройство было сословнымъ мѣщанскимъ). Между тѣмъ, братства явились учрежденіями сословными даже тогда, когда эти корпораціи были лишь городскими; въ члены братствъ могли поступать лица всякаго состоянія, живущія въ городѣ, а это тотчасъ повело къ расширенію ихъ дѣятельности далѣе предѣловъ извѣст-

¹⁾ Ibid. стр. 60—61.

²⁾ Кіевъ съ его древнѣйш. уч. Акад. I, стр. 37.

наго города. Уже въ старѣйшей привилегіи Львовскому братству читаемъ: „Если кто хочетъ поступить въ сіе братство, мѣщанинъ или шляхтичъ, или живущій въ предмѣстьи, или вообще изъ какого бы званія кто ни былъ, какъ туземець, такъ и сторонній, то долженъ дать при вступленіи 6 грошей“¹⁾. Это былъ протестъ противъ нерусскаго государственнаго строя, вводимаго въ государство Литовско-Русское.

„Кіевское братство становится почти безчисленнымъ. Мы видимъ вписавшимся въ него самаго гетмана войска запорожскаго (Петра Жицкаго) со всѣми есаулами и полковниками и со всѣмъ войскомъ, все шляхетство воеводства Кіевскаго и другихъ, и наконецъ митрополита съ архимандритами, игуменами и всѣмъ духовнымъ чиномъ“²⁾. При другихъ условіяхъ историческаго развитія государства Литовско-Русскаго, эти корпораціи могли бы превратиться въ земства, сдѣлаться органическою частью государства. Съ распространеніемъ круга лицъ, входящихъ въ нихъ, и съ расширеніемъ ихъ цѣлей до такой всеобщности, какая свойственна государству и его органамъ, совпаденіе братствъ и земствъ сдѣлалось бы весьма возможнымъ. И дѣйствительно, въ Малороссіи государствомъ сдѣлалась корпорація, именно военная (козацкое „лицарство“), а не мирныя религіозно-политическія братства (благодаря враждебнымъ отношеніямъ къ навязанному польскому государственному строю). Однако, и братства не были лишены не только административнаго, но и политическаго значенія, каждое въ своей, далеко не одинаковой, сферѣ. Одни изъ нихъ, какъ Кіевское, Виленское и Львовское, распространяютъ свою дѣятельность на цѣлыя области: Малороссію, Бѣлороссію и Галицію, другія—лишь на собственное воеводство или землю, наконецъ, нѣкоторыя—на одинъ городъ и его ближайшій округъ. Административное значеніе братствъ въ той обширной сферѣ, которая тогда называлась церковною, не подлежитъ никакому сомнѣнію и потому не требуетъ особаго разсмотрѣнія. Политическое

¹⁾ Грамота Іоакима, патріарха Антіохійскаго, 1586 (Пам., изд. Кіевск. комм., I, отд. I, стр. 7, п. 3). О. Флеровъ говоритъ: «Происхожденію братствъ изъ ремесленныхъ цеховъ ни мало не противорѣчитъ то, что къ братствамъ принадлежали многіе, потому что старѣйшія братства Львовское и Виленское сначала, при первомъ своемъ появленіи, состояли изъ однихъ простолюдиновъ.... а дворяне стали вписываться въ нихъ уже *впоследствии*». Стр. 18, пр. 44.

²⁾ Пр. Макарія: Ист. Кіевск. Акад.

значеніе ихъ было признано самимъ польскимъ правительствомъ ¹⁾. Братства отнюдь не могутъ быть названы церковными учрежденіями; они имѣютъ двойственный характеръ—учрежденій церковно-государственныхъ; важнѣйшія изъ нихъ всегда получали привилегіи и отъ патріарховъ, и отъ королей. Постоянная привычка подводить новыя явленія государственнаго права подъ формы прежнихъ сообщила имъ лишь кажущееся значеніе церковныхъ учреждений; братства продолжали группироваться около церкви или монастыря — юридическихъ лицъ, давно извѣстныхъ государству, которое и рассматриваетъ ихъ какъ монастырь или какъ церковь. Во всякомъ случаѣ, братства представляли такой видъ государственныхъ учреждений, который не повторился ни въ какой другой странѣ, ни въ какое другое время; едипственное, сходное съ ними явленіе, это — рыцарскіе и монашескіе ордена. Извѣстно, что и въ западной Европѣ задачи, не исполняемыя правительствомъ, преслѣдовались корпораціями. Между прочимъ, именно для цѣлей народнаго образованія возникла тамъ такая могущественная корпорація, какъ іезуитскій орденъ. Но русскія братства отличаются столько же отъ этихъ духовныхъ орденовъ, сколько русское государственное право отличается отъ германскаго, православная церковь — отъ католической. Въ обоихъ случаяхъ эту разницу провело, главнымъ образомъ, рѣзкое отдѣленіе интересовъ западной церкви отъ интересовъ государствъ. Русское братство не есть церковный орденъ ни по своему составу, ни по своимъ задачамъ.

Народное образованіе, какъ задача братствъ, разнится отъ образованія приходскаго прежде всего болѣе широкимъ своимъ объемомъ. Это—явленіе естественное, объясняемое болшею матеріальною независимостью и болѣе широкимъ кругозоромъ братствъ. Приписывать его исключительно религіозной борьбѣ съ католичествомъ и уніей, было бы слишкомъ односторонне. Отрицательное вліяніе религіозной борьбы на успѣхи образованія въ Западной Руси несомнѣнно, но вліяніе такого рода никогда не бываетъ творческимъ. Протестъ былъ лишь вѣнчимъ толчкомъ къ проявленію внутреннихъ силъ, достаточныхъ для удовлетворенія собственныхъ, вполне сознанныхъ, потребностей. Какъ всесословная организація братствъ коренилась въ сознаніи русскаго общества и въ остаткахъ стариннаго государствен-

¹⁾ «Польскіе короли считали братства какъ бы представителями всего народа въ Югозападной Руси и потому приглашали ихъ на сеймы, по дѣламъ всего русскаго народонаселенія». *Флеровъ*: О прав. церк. брат., стр. 50.

наго устройства, такъ и для расширенія элементарнаго образованія готовы были собственныя силы и средства, на которыя мы укажемъ ниже. Въ этомъ только смыслѣ нужно понимать слова, сказанныя депутатомъ Древинскимъ на Варшавскомъ сеймѣ 1620 года: „Еслибъ отъ насъ ишедшіе на насъ не возстали, то *таковыя* науки, *таковыя* училища, толико достойныя и ученые люди въ народѣ россійскомъ никогда бы не открылись“ ¹⁾).

Какія жь это „таковыя“ науки? Если община переходитъ въ корпорацію рядомъ безусловныхъ посредствующихъ звѣньевъ, то и элементарное образованіе возвышается до средняго съ незамѣтною постепенностью. Никакихъ рѣзкихъ признаковъ, составляющихъ пограничныя межи, здѣсь указать нельзя.

Болѣе широкіе размѣры образованія въ братскихъ среднихъ школахъ отнюдь не ставятъ его въ противорѣчіе съ образованіемъ элементарнымъ. Весьма важенъ при этомъ вопросъ, возникаетъ ли среднее образованіе естественно изъ прежнихъ началъ образованія элементарнаго? *Связь братскихъ школъ съ приходскими* не подлежитъ никакому сомнѣнію; учебный ихъ курсъ различался, смотря по положенію братства, но въ каждой школѣ лежало въ основѣ его, начальное обученіе — азбука, часословъ и псалтырь. „Должны учиться по частямъ псалтыря или граматикѣ съ разборами и инымъ многимъ полезнымъ наукамъ, какъ усмотритъ на то время учитель сообразно съ потребностію“ ²⁾). Судя по одному мѣсту Луцкаго устава, все образованіе въ школѣ, по видимому, ограничивается чтеніемъ и усвоеніемъ прочитаннаго: „Дѣти въ школѣ должны быть раздѣлены на трое: одни, которые будутъ учиться распознавать буквы и складывать; другіе, которые будутъ учиться читать и выучивать наизусть разные уроки; третьи будутъ приучаться объяснять читанное, рассуждать и понимать“ ³⁾). Но въ другомъ мѣстѣ того жь устава учебный курсъ опредѣленъ совершенно иначе: „Школы словенской ученіе начинается такъ: сперва научатся складывать буквы, потомъ обучаются граматикѣ, чтенію, пѣнію. Также приучаютъ ежедневно, чтобы дѣти одинъ другаго спрашивали по гречески, а отвѣчали бы по словенски, а также чтобы спрашивали по словенски, а отвѣчали на греческомъ языкѣ. Но вообще они не должны между собою разговаривать на (*одномъ*) про-

¹⁾ См. Ист. объ униі *Вангитъ-Камискаго*, 1805, стр. 62.

²⁾ Второй уставъ Луцкой школы.

³⁾ Тамъ же.

стомъ языкѣ, но на словенскомъ и греческомъ. И такимъ образомъ *нынѣ тому учатся* (то-есть, во время составленія устава), приступая къ высшимъ наукамъ — къ діалектикѣ и риторикѣ, которыя переведены по словенски. На русскомъ языкѣ написаны діалектика и риторика и другія философскія сочиненія, принадлежащія къ школѣ¹⁾. Эта статья, очевидно, прибавлена къ уставу уже позднѣе (самый уставъ составленъ еще въ то время, когда Луцкая школа была элементарною). Приписка, содержащая въ себѣ и отчетъ о тогдашнемъ состояніи школы, указываетъ, что школа эта возвысилась до средняго учебнаго заведенія, а въ будущемъ можетъ даже получить значеніе высшаго училища. Такимъ образомъ, предъ читателемъ раскрывается постепенный ростъ заведенія изъ низшаго въ среднее, а изъ средняго въ высшее.

Такой естественный переходъ служить, по нашему мнѣнію, новою характерною чертой училищъ, основанныхъ корпораціями. Тѣсная связь низшихъ школъ съ средними (а ѣтихъ съ высшими) не можетъ быть достигнута вполне при широкомъ развитіи и развѣтвленіи общественаго образованія. Но она всегда останется желательною и выполнимою до извѣстной степени.

Изъ предыдущихъ замѣчаній видно, что не только среднее и высшее образованіе естественно развивалось изъ элементарнаго, но что братскія училища суть тѣ же самыя приходскія школы въ ихъ дальнѣйшемъ преуспѣяніи. Дѣйствительно, братства не изобрѣтали новой учебной системы; вся дѣятельность ихъ состояла въ усовершенствованіи школъ приходскихъ. „Въ г. Луцкѣ устроилась греческая и русская школа *по стародавнимъ обычаямъ* и правиламъ св. отцовъ исповѣданія греческаго“²⁾. Кіевское братское училище было ничѣмъ инымъ, какъ приходскою Богоявленскою школою; братство „рѣшилось всѣми мѣрами содѣйствовать успѣхамъ и процвѣтанію лучшей изъ Кіевскихъ приходскихъ школъ, находившейся при Богоявленской церкви“. Оно „на обратномъ пути патріарха Іереміи II изъ Москвы въ Константинополь, испросило у него благословеніе преобразовать свою школу въ высшее православное училище“³⁾.

Такимъ путемъ возникаетъ среднее образованіе изъ національной

¹⁾ Второй уставъ Луцкой школы, стр. 115.

²⁾ Первый уставъ Луцкой школы, стр. 89.

³⁾ *Пр. Макарія*: «Ист. Кіевск. Акад.» и *Митр. Евменія*: «Описаніе Кіево-Сое. Собора». Прибав. стр. 209.

системы приходскаго, а не заимствуется въ готовомъ видѣ извѣстѣ. Но само собою очевидно, что образованіе, выходя изъ элементарной формы, перестаетъ быть узко-національнымъ, и получаетъ *общечеловѣческія основы*. Внѣшнимъ выраженіемъ этого, а виѣстѣ и отличіемъ среднихъ школъ отъ низшихъ, служитъ *изученіе иностранныхъ языковъ* въ среднихъ училищахъ. Хотя Сигизмундъ III въ 1592 г. (октября 15-го) выдалъ привиллегію братской Львовской школь „*pro tractandis liberis artibus*“ (кругъ этихъ свободныхъ наукъ всѣмъ извѣстенъ), но изученіе языковъ составляло ближайшую ея цѣль, какъ указано еще въ грамотѣ патриарха Іереміи 1590 года (при чемъ было упомянуто о необходимости изученія греческаго и славянскаго языковъ, если это окажется возможнымъ, то-есть, „если со временемъ найдутся для этого благочестивые и добродѣтельные учителя“). Иванъ Борецкій (въ послѣдствіи знаменитый архипастырь Іовъ), до поступленія своего въ священники Кіево-Воскресенской церкви, будучи ректоромъ Львовской школы, училъ тамъ по-гречески и по-латыни. Виленское братство въ 1617 году пишетъ Львовскому, что оно (Виленское) раздѣлило школу на 5 классовъ: въ первыхъ трехъ преподается латинскій языкъ, въ 4-мъ—русскій, въ 5-мъ—славянскій. Этими наименованіями классовъ, конечно, не указывается на то, что въ школахъ преподавались только языки; оно означаетъ—въ какомъ классѣ на какомъ языкѣ преподавались науки ¹⁾).

Изъ приведенныхъ нами свѣдѣній о старинномъ учебномъ курсѣ въ братскихъ школахъ оказывается, съ одной стороны, что внѣшнюю отличительную чертой его служитъ преподаваніе иностранныхъ языковъ, именно классическихъ (что и составляетъ, какъ мы сказали, отличительный признакъ средняго образованія); съ другой, что братства держались слѣдующаго принципа: для пріобрѣтенія *научныхъ* знаній классическіе языки служатъ столь же необходимымъ средствомъ, какъ для пріобрѣтенія элементарныхъ знаній—грамотность; развитіе научныхъ знаній въ народѣ невозможно безъ общенія съ умственною жизнію другихъ народовъ, болѣе двинувшихся въ про-

¹⁾ Въ грамотахъ королевскихъ и патриаршихъ братское ставропигійное Львовское училище обыкновенно называется школою наукъ греческаго, славянскаго, русскаго, латинскаго и польскаго письма, пзъ чего можно заключить, будто бы тамъ, кромѣ этихъ предметовъ, ничего болѣе не преподавали. «Тое названіе давасю было училищу, безъ сомнѣнія, только для того, що въ тѣхъ языкахъ въ братской школь читалися всѣ науки». *Головацкій*: «Начало и дѣйствованія Львовскаго братства», стр. 17.

свѣщеніи. Языкознаніе сдѣлалось единственною цѣлью братскихъ школъ уже тогда, когда братства утратили свое вліяніе на нихъ, при чемъ обпаружилось то же самое, что и въ элементарныхъ приходскихъ школахъ XVIII вѣка, когда въ этихъ послѣднихъ грамотности отошла на задній планъ. Что въ братскихъ школахъ подъ изученіемъ классическихъ языковъ подразумѣвалось именно изученіе наукъ, это видно изъ той осторожности, съ которою допускали онѣ латинскій языкъ. Въ большинствѣ школъ основной образованія былъ лишь языкъ греческій. Учебный курсъ въ братскихъ школахъ, безспорно классическій, имѣлъ цѣлью освободить народное образованіе отъ его вѣковой замкнутости; но не меньшая важность придавалась въ упомянутомъ курсѣ и изученію роднаго языка, которое считалось главнымъ средствомъ для возбужденія національнаго сознанія въ борьбѣ съ чуждыми народностями. Братскія школы оказали славянскою филологіи до сихъ поръ незабвенныя услуги (первыя грамматики, лексиконъ Памвы Беринды и пр.). Такъ въ образованіи братскихъ школъ отразились обѣ его стороны—общечеловѣческая и національная.

За неимѣніемъ болѣе подробныхъ свѣдѣній объ учебномъ курсѣ въ братскихъ школахъ, мы принуждены уяснить отличительныя его черты на примѣрѣ той школы, которая пользовалась значительнѣйшимъ вліяніемъ, т. е., Киевской братской, хотя она существенно измѣнила свой характеръ въ эпоху Петра Могилы, а въ XVIII в. перестала быть братскимъ училищемъ. Вотъ что преподавалось въ ней послѣ реформы Петра Могилы: „три языка—славянскій, греческій и латинскій; потное пѣніе, православный катехизисъ, ариѳметика, поэзія, риторика, философія и богословіе. Есть основаніе думать, что, по крайней мѣрѣ первоначально, здѣсь обучали юношей геометріи, музыкѣ и отчасти астрономіи. Для обученія юношей этимъ языкамъ и наукамъ было восемь классовъ: 6 низшихъ — классъ начальный, называвшійся аналогіей, или фарою, гдѣ обучали только читать и писать, впрочемъ на всѣхъ трехъ языкахъ, а не на одномъ славянскомъ, какъ было въ школахъ приходскихъ; затѣмъ классъ или школа инфимы, далѣе классъ грамматики и за нимъ классъ синтаксисы, гдѣ учили уже постепенно грамматикамъ тѣхъ языковъ, переводили разныя писанныя на нихъ сочиненія и преподавали катехизисъ, ариѳметику, потное пѣніе и отчасти музыку; далѣе классъ поэзіи или піитики и наконецъ риторическій; и два класса высшихъ—философскій, гдѣ, кромѣ философіи, обучали геометріи и астрономіи, и бо-

гословскій, гдѣ, кромѣ богословія, предлагались правила гомилетическія“¹⁾).

Такимъ образомъ, въ школахъ, основанныхъ братствами, почти до конца XVIII в. (1784 г.) образованіе развивалось преимущественно въ сферѣ филологіи и отчасти математики, которыя и считались основой общаго образованія. Не надо, слѣдовательно, придавать значенія длинному перечню наукъ, упоминаемыхъ въ ихъ курсѣ. Замѣчательно, что изъ всѣхъ русскихъ семинарій XVIII вѣка исключеніе именно составляла кievская академія (не смотря на то, что со времени реформы Петра Могилы въ ней постоянно стремились утвердить учебный курсъ, господствовавшій въ іезуитскихъ коллегіяхъ какъ увидимъ ниже). Въ крѣпкой національной жизненности ея, даже въ самомъ концѣ XVIII в.. можно убѣдиться изъ безпристрастныхъ показаній современниковъ²⁾).

Связь элементарнаго образованія съ среднимъ и высшимъ опирается не на томъ только, что высшія училища были въ то же время и элементарными, но преимущественно на томъ, что самое образова-

¹⁾ Пр. *Макарія*: «Исторія Кіев. Акад.», стр. 51 — 52. Дальнѣйшее развитіе учебнаго курса въ XVIII вѣкѣ, когда училище сохраняло еще свою первоначальную жизненность, и существовало собственными средствами, — тотъ же писатель представляетъ въ такихъ чертахъ: «Въ 1707 г. возобновлено въ академіи преподаваніе геометріи; въ 1738 г. явились каведры для трехъ языковъ: нѣмецкаго, прежде вовсе неизвѣстнаго, еврейскаго, который введенъ нѣсколько прежде, но за недостаткомъ искусныхъ наставниковъ почти не преподавался, наконецъ греческаго, которому хотя обучали изстари, но неудовлетворительно. Въ 1753 году вновь открыта каведра для французскаго языка, а въ 1775 году для польскаго. Съ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка въ учебномъ курсѣ совершается полный переворотъ, подъ явнымъ вліяніемъ возрвннй тогдашняго правительства. Не имѣя еще учебныхъ заведеній для высшаго факультетскаго образованія, правительство возлагало задачи его на среднія школы. Общее образованіе, страннымъ образомъ, понято было, какъ сумма всѣхъ специальныхъ знаній. Въ 1784 году въ Кіевской академіи открыты классы всеобщей исторіи, естественной исторіи, географіи, математики чистой и смѣшанной, которыя хотя и прежде были здѣсь преподаваемы, но только по временамъ (есть, напр., учебники по этимъ наукамъ за 1735 годъ), классы архитектуры, которая впрочемъ преподавалась не долго, и живописи, изстари бывшей, подобно вокальной и инструментальной музыкѣ, однимъ изъ любимѣйшихъ произвольныхъ занятій учениковъ». Тамъ же, стр. 123—125).

²⁾ См. *Тимковскаго*: «Мое опредѣленіе на службу». (Ч. 2. *Москвит.* 1852, № 18—Сент. кн. 2).

ніе и его цѣли признавались существенно единими для учебныхъ заведеній всѣхъ трехъ разрядовъ.

Преобладающимъ отличіемъ братскихъ школъ былъ ихъ *общеобразовательный* курсъ въ строгомъ и точномъ смыслѣ этого слова. Всякія спеціальныя техническія знанія были устранены, какъ нѣчто не только лишнее, но и препятствующее достиженію главной цѣли. „Такъ какъ наши ученики, кромѣ наукъ и добродѣтели, ничему другому учиться не будутъ, то мы предостерегаемъ, чтобы они не имѣли у себя для сихъ двухъ предметовъ никакого препятствія. И такъ какъ два занятія, другъ другу мѣшающія, часто одно другое разстраиваютъ, то ученики не должны держать никакихъ военныхъ снарядовъ, ни инструментовъ другихъ ремеслъ, кромѣ принадлежностей школьных“¹⁾.

Изъ всего этого видно, что отношенія братствъ къ ихъ школамъ должны были быть такими же, въ какихъ находилась приходская община къ школамъ приходскимъ. Прежде всего братскія училища были *всесловныя*, то-есть, предназначались не для средняго только сословія (какъ Bürgerschule) и не для высшаго (какъ средневѣковые университеты). „Кіевское училище“, говоритъ его историкъ, „было открыто и поддерживаемо братствомъ, состоявшимъ изъ людей всѣхъ сословій; потому и вступать въ него имѣли право дѣти всякаго званія“²⁾. Анна Гулевичева, въ своей записи въ пользу Кіевского училища, предоставляетъ это право „правовѣрнымъ благочестивымъ христіанамъ народу російскаго, въ повѣтахъ военодствъ Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго будучимъ, станомъ духовнымъ и свѣцкимъ, инокамъ, священникамъ и діаконамъ чину мнишескаго и чину мірскаго, также освѣцоннымъ княжатамъ, вельможнымъ паномъ, шляхте и якожь-колкевъ инога заволянъ и стану людемъ російскимъ, которые неизмѣнно пребываютъ и пребывать будутъ въ православной благочестивой вѣрѣ церкви восточной обряда греческаго“. Даже впоследствии, въ XVIII вѣкѣ, когда (какъ увидимъ ниже) правительствомъ нашимъ были припеты сильныя мѣры для сообщенія школамъ сословнаго характера, братскія училища удержали на долго свой характеръ *всесловный*. Кіевская академія „была тогда открыта для всѣхъ приходящихъ“³⁾; всякъ воленъ былъ вступать въ нее и не вступать,

¹⁾ 1-й Уставъ Луцк. школы, стр. 89.

²⁾ Пр. Макарія: «Ист. Кіевской академіи».

³⁾ Въ 1744 году было здѣсь учениковъ изъ духовнаго званія—388, а малочастъ CLXXII, отд. 2.

быть въ ней и оставить когда угодно; это продолжалось, по крайней мѣрѣ, до половины проплага вѣка, а для разночинцевъ и всегда". Историкъ Львовскаго братства отмѣчаетъ ту же черту въ Львовской академіи, какъ замѣтную особенность ея среди школъ Польско-Литовскаго государства: „училища въ тогдашней Польшѣ были преимущественно для шляхты; наша же (Львовская) школа не исключала любознательное юношество всякаго положенія (происхожденія); въ братскую школу принимали дѣтей всякаго сословія — убогихъ за прости Богъ, а богатыхъ за разнымъ даткомъ“¹⁾.

Уважемъ здѣсь и на другую особенность братскихъ школъ, — на господствовавшую въ нихъ свободу преподаванія, какъ весьма опредѣленно свидѣлствуютъ о томъ ихъ уставы.

Братскія школы, чуждаясь сословныхъ отличій, подчинились сами собою, по естественному ходу вещей, земскимъ (административнымъ) дѣленіямъ Литовско-Русскаго государства. Высшія изъ этихъ училищъ въ важнѣйшихъ, прежде столичныхъ, городахъ были учреждены въ 80-хъ годахъ XVI вѣка, а именно: Львовское—въ 1586, Виленское—1588, Кіевское—1588. Затѣмъ среднія школы, въ городахъ менѣе значительныхъ, основаны были въ 90-хъ годахъ того же столѣтія и въ первой половинѣ XVII, а именно: Могилевская прежде 1597 г., Брестская—въ 1591, Минская—1592, Бѣльская—1594, Луцкая—1617, Пинская—1633, Оршанская—1648 г. Меньшія школы, въ нисходящей градаціи, постепенно сливаются съ древнѣйшими приходскими. Сообразно съ распространеніемъ учебнаго курса въ той или другой изъ нихъ, расширялись и размѣры ихъ дѣятельности. Школы перваго разряда существовали для цѣлой провинціи или страны. Кіевское училище, какъ сказано въ приведенномъ выше за-

россійскихъ и заграничныхъ разночинцевъ—772; въ 1765 году первыхъ—486, послѣднихъ—674; въ 1768 году первыхъ—507, послѣднихъ—543. Уже съ 1787 года, когда митрополитъ Самуилъ предписалъ всѣмъ духовнымъ отдавать немедленно въ академію дѣтей своихъ, число разночинцевъ, сравнительно съ духовными, начало годъ отъ году уменьшаться. Именно въ 1790 году разночинцевъ малороссійскихъ и заграничныхъ было только 232, а дѣтей духовнаго званія—419; въ 1803 году разночинцевъ—172, а духовныхъ—1.015... (Тамъ же, стр. 107—108). Какъ могла сохраниться эта всесословность академіи почти до конца XVIII вѣка? Это объясняется особенностями какъ гражданской, такъ и духовной службы, сохранявшимися въ Малороссіи почти до конца означеннаго періода.

¹⁾ Головацкаю: «Нач. и дѣйств. Львовскаго Братства», стр. 12.

вѣщаниі Гулевичевой, существуетъ для воеводствъ Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго, то-есть, для нынѣшняго юго-западнаго края, или Малороссіи въ собственномъ смыслѣ; Виленское — для Бѣлоруссіи и Литвы, Львовское — для Галиціи. Школы втораго разряда учреждались каждая для одного изъ воеводствъ; наконецъ школы, составляющія уже переходъ къ элементарнымъ, ограничиваютъ свое вліяніе однимъ городомъ и его ближайшимъ округомъ.

При этомъ порядкѣ вещей, никогда не закрѣпленномъ какими-либо узаконеніями, отнюдь не воспрещалось жителямъ отдавать дѣтей въ школы не своей только, но и другихъ провинцій или воеводствъ. Мы находимъ въ Кіевской школѣ учениковъ изъ всѣхъ краевъ восточной Малороссіи, Бѣлоруссіи и Червонной Руси.

Система эта измѣнилась въ XVIII вѣкѣ: распространеніе уніи и католичества привело, или къ закрытію нѣкоторыхъ братскихъ школъ, или же къ отторженію ихъ отъ русскихъ учебныхъ заведеній. Такова именно была судьба (изъ разряда высшихъ) Львовскаго и Виленскаго училищъ.

Общаго, центральнаго управленія всѣми этими школами не было ¹⁾, но бытовая зависимость ихъ одна отъ другой была столь же значительна, какъ и зависимость меньшихъ братствъ отъ болѣе сильныхъ. На это указываетъ полнѣйшее сходство и внѣшней ихъ организаціи, и внутренняго развитія. Впрочемъ, зависимость среднихъ школъ отъ высшихъ едва ли не слѣдуетъ признать административною въ точномъ смыслѣ слова, при извѣстныхъ уже намъ правахъ старшихъ братствъ надъ младшими. Во всякомъ случаѣ, нравственная соподчиненность совершенно прикрывала собою административную зависимость.

По общему приговору, управленіе школою cadaго братства принадлежало самому братству, которое имѣло право издавать постановленія какъ вообще по своему вѣдомству, такъ и въ частности отно-

¹⁾ Королевскія привилегіи говорятъ о независимости братствъ и ихъ школъ отъ общихъ органовъ государственнаго управленія, какъ о чемъ-то весьма дорогомъ и желательномъ для нихъ. (См. *Нам. Кіев. Ком.* т. I, отд. I, стр. 6—7, привилегія короля Сигизмунда III Луцкому братству). Высшее церковное правительство (Константинопольскій патріархъ) ограничивалось утвержденіемъ уставовъ, а для непосредственнаго управленія не имѣло ни средствъ, ни желанія.

сительно школь¹⁾). Для управленія школою оно назначало отъ себя депутатовъ, обязанныхъ дѣйствовать сообща съ братствомъ духовнымъ, то-есть, монастыремъ. „Волею Божіею мы всѣ совокупно братія о Христѣ храма Воздвиженія честнаго и животворящаго креста Господня, граждане Луцкіе, желая имѣть надлежащее устройство въ семь (Луцкомъ) училищѣ, къ учащимъ въ немъ словенскому и русскому писанію придали еще двухъ мужей отъ нашей братіи для всякаго наблюденія и чтобы всякій безпорядокъ, противный устройству, основанному на этомъ уставѣ („и всяко не по узаконенію строенія сего“) исправляли они дѣломъ и словомъ, что и да будетъ извѣстно каждому, хотящему на опытѣ увидѣть устройство сего училища, или отдать свое дитя для изученія“²⁾). Ближайшее участіе въ управленіи принадлежало низшей, подчиненной корпораціи—духовной, то-есть, членамъ монастырскаго братства, дѣйствовавшаго по указаніямъ общаго собранія братства. Для непосредственнаго и постояннаго завѣдыванія школою игумень и братія монастыря избирали ректора, „который, не требуя за науку никакой платы, долженъ будетъ повседневно наблюдать за исполненіемъ обязанностей какъ со стороны учителя, такъ и со стороны учениковъ, и въ каждыя четыре недѣли производить экзамены—чему научатся; дабы молодые годы порученныхъ имъ дѣтей напрасно не тратились, за что учителя должны отдать отвѣтъ Богу“³⁾).

Но школа пользовалась вмѣстѣ съ тѣмъ и самоуправленіемъ. Корпоративный духъ проникалъ въ самыя низшіе слои братствъ и здѣсь точно также вызывалъ къ жизни новыя корпораціи.

Впослѣдствіи Петръ Могила раздѣлилъ учениковъ Кіевской школы на двѣ „конгрегаціи“ (корпораціи): *sodales majoris ac minoris congregationis*. Но это учрежденіе, заимствованное изъ іезуитскихъ коллегіумовъ, не имѣло ничего общаго съ естественно возникавшими корпораціями въ средѣ учениковъ братскихъ школъ. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательно посланіе Кіевскаго митрополита Исаи Копинскаго къ младшей братіи Луцкаго братства (какъ назвали его

¹⁾ См. «Постановленіе объ общежительствѣ въ братствѣ Луцкомъ 1624 г.». (Пам. Кіев. Ком. т. I, отд. I, стр. 55 и дал.) и второй Уставъ Луцкой школы (тамъ же, стр. 94).

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, стр. 67—68.

издатели Памяти. Кіевской комиссіи), или „братіямъ братства юношескаго“, какъ правильно называетъ его само посланіе. Люди, составляющіе это братство — „отроки по возрасту, но мудрствующіе, какъ мужи“, приглашаются питать почтеніе къ старшимъ и родителямъ, но въ то же время имъ преподаются слѣдующія правила: „Прилагайте каждый по возможности своей попеченіе объ училищѣ и богоугодныхъ дѣлахъ милосердія въ нашемъ братствѣ“. Для этой цѣли младшее братство состоитъ въ нѣкоторой (впрочемъ, болѣе нравственной) зависимости отъ старшаго: „для надзора, совѣта, порядка... и наставленія вашего... имѣйте всегда двухъ честныхъ людей изъ старѣйшаго братства, духовнаго званія или свѣтскаго, которые, по праву фундаціи, не должны приписывать себѣ власти и ктиторства, но должны, изъ отеческой любви, за вами, какъ за своими любимыми дѣтьми, ухаживать и внушать вамъ все богоугодное“. Вообще же означенное посланіе утверждаетъ уставъ, составленный для себя младшимъ братствомъ (къ сожалѣнію, мы его не имѣемъ), и допускаетъ даже возможность дальнѣйшаго развитія его постановленій: „а еслибы не достало вамъ чего къ устройству, заимствуйте отъ другихъ“. Власти этого братства надъ своими членами не поставлено никакихъ границъ: оно имѣетъ право грозить, наказывать и вразумлять безчинствующихъ, и само избираетъ свое начальство: „если у васъ будетъ какой братъ, обратившійся отъ еретиковъ, да не начальствуетъ надъ вами. По совѣту вашему что признаете благимъ для себя, то и дѣлайте“¹⁾.

Что посланіе обращается къ братству, состоявшему изъ учениковъ, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Такимъ образомъ, мы узнаемъ здѣсь знакомыя намъ черты коллегіальнаго устройства западныхъ университетовъ.

Управленіе корпорацій и самоуправленіе школъ вскорѣ должны были уступить мѣсто сначала церковной администраціи, а потомъ и государственной. Послѣдствія этого переворота не замедлятъ обнаружиться передъ нами. Во всякомъ случаѣ слѣдовало бы, по видимому, ожидать, что онѣ окажутся благоприятными для развитія школъ. Въ самомъ дѣлѣ, разрозненность управленія, отсутствіе общей системы порождали только вредъ; однимъ изъ существенныхъ неудобствъ такого порядка вещей была трудность обновленія школы новыми

¹⁾ Тамъ же, стр. 121 и слѣд.

просвѣтительными силами. Приходскія школы оставили въ наслѣдство братскимъ уже извѣстный намъ традиціонный способъ замѣщенія учительскихъ должностей изъ своей собственной среды, при чемъ достоинства учителя оцѣнивались не степенью только его знаній. Способъ этотъ казался не только удобнымъ, но и единственно безопаснымъ.

Безопасенъ онъ былъ потому, что требованія братствъ далеко не ограничивались спеціальными знаніями учителя по тому или другому предмету: „даскаль или учитель школы долженъ быть благочестивъ, разсудителенъ, смиренномудръ, кротокъ, воздержливъ, не пьяница, не блудникъ, не лихоимецъ, не гнѣвливъ, не завистливъ, не смѣхотворецъ, не сквернословъ, не чародѣй, не басносказатель, не способникъ ересей, но поспѣшникъ благочестія, во всемъ представляя собою образъ благихъ дѣлъ“ ¹⁾.

Братскія школы могли неуклонно и съ достоинствомъ настаивать на этихъ требованіяхъ потому, что дѣятельность учителя совершалась тамъ на глазахъ родителей, которымъ и принадлежалъ главный контроль надъ нею. Общество могло ошибиться и назначить учителемъ челоуѣка порочнаго, но въ томъ случаѣ, „если... учитель... оказался виновнымъ въ поступкахъ, которые законъ не только не предписываетъ, но еще запрещаетъ, былъ бы, на примѣръ, пьяница, воръ, кощунъ, нерадивецъ, сребролюбецъ, клеветникъ, гордецъ,—то такой отнюдь не долженъ быть здѣсь *не только учителемъ, но и жителемъ*“ ²⁾. При извѣстномъ составѣ и правахъ братствъ, эта угроза легко могла быть приводима въ исполненіе.

Но упомянутый нами способъ назначенія учителей не былъ единственно вѣрнымъ. Въ братскихъ школахъ вошло въ обычай, что окончившій успѣшно курсъ наукъ обязывался прослужить извѣстное время учителемъ, какъ бы въ благодарность за собственное обученіе (обычай этотъ перешелъ потомъ и въ восточную Русь, гдѣ, однако, онъ не удержался: государственныя цѣли тотчасъ же привлекали тамъ молодаго челоуѣка къ исполненію тѣхъ спеціальныхъ занятій, къ которымъ онъ готовился). Нельзя выпустить изъ вниманія и дру-

¹⁾ Тамъ же, стр. 97. Выше было приведено мѣсто изъ грамоты патр. Іереміи, которымъ позволяется открыть преподаваніе греческаго и славянскаго языковъ, когда найдутся *благочестивые и добродѣтельные* учителя.

²⁾ Тамъ же, стр. 113—114.

гихъ хорошихъ сторонъ способа самоснабженія школы учителями: только при этомъ способѣ школа можетъ приобрести и сохранить свой собственный нравственный обликъ (то, что называется духомъ школы).

Было сказано уже, что отсутствіе административнаго единства восполнялось въ братскихъ школахъ тѣсною бытовою связію между ними; онѣ держались одной общей системы національнаго образованія. Связь между ними обнаруживалась именно во взаимномъ снабженіи ихъ учителями. Особенно при первомъ основаніи школы это было совершенно необходимо. Мѣстный контингентъ людей, образованныхъ въ приходскихъ школахъ, не могъ дать учителей по новымъ предметамъ. Виленская школа, хотя почти современная Львовской, развивалась, однако, вслѣдствіе разныхъ причинъ, медленнѣе этой послѣдней. Еще въ 1592 г. она прислала Виленской учителей; тоже повторилось и въ 1617 году; въ этомъ году, въ письмѣ къ львовскому братству, виленское извѣщаетъ его, что для преподаванія латинскаго языка, „скудости ради своихъ учителей“, оно должно было прибѣгнуть къ учителямъ-нѣмцамъ; но считаетъ эту мѣру лишь неизбѣжнымъ зломъ и, желая имѣть учителей „своего рода (національности) и благочестія“, обращается за ними ко львовскому братству.

Изъ письма этого видно, между прочимъ, съ какою осторожностью школа прибѣгала, повидимому, къ столь легкому способу замѣщенія учительскихъ должностей, т. е., къ вызову иностранцевъ. Связь школы съ національностью признаваема была не только требованіемъ педагогики, но и дѣломъ государственнаго разчета.

Особенно въ то время, когда въ западной Руси вопросы національные и религіозные имѣли столь важное значеніе, нужно еще удивляться, что Нѣмцы были привлекаемы къ педагогической дѣятельности. Впрочемъ, иначе не могло и быть: братскія школы, или по крайней мѣрѣ одна изъ нихъ, вынуждены были обращаться за просвѣтительными средствами къ народамъ старѣйшей цивилизаціи. Братствамъ извѣстны были оба способа, практиковавшіеся впоследствии и въ имперіи, а именно: вызовъ учителей иностранцевъ и посылка своихъ за границу.

Когда изъ однородной массы приходскихъ школъ стали выдвигаться среднія и высшія, то прежде всего обратились братскія школы къ странѣ, которая нѣвогда оказала уже помощь нашимъ приходскимъ училищамъ. Конецъ XVI в. былъ второю эпохою русскаго

просвѣщенія христіанскими началами изъ Греціи. При самомъ учрежденіи Львовской (старѣйшей изъ братскихъ) школы въ 1586 году, въ теченіе двухъ лѣтъ преподавалъ въ ней митрополитъ Димонитскій и Еланскій Арсеній. Затѣмъ въ 1589 г. на Тарнопольскомъ соборѣ защитникомъ правъ братства противъ Гедеона Балабана выступилъ учитель братской школы Кириллъ по-гречески. Для восточной Европы этотъ наплывъ учителей-Грековъ въ концѣ XVI вѣка былъ тѣмъ же, чѣмъ для западной—возрожденіе наукъ въ XV-мъ. Правда, вымиравшая на западѣ схоластика нашла впоследствии приютъ у насъ и вытѣснила здѣсь живую и непосредственную передачу просвѣщенія съ востока; но это не уменьшаетъ заслуги первыхъ распространителей образованія—Грековъ. Въ ихъ школахъ, не только допускавшихъ національный языкъ, но и требовавшихъ его, вовсе не было той мертвенности, какая водворилась въ среднихъ русскихъ, мнимоклассическихъ училищахъ XVIII вѣка.

Итакъ, первый опытъ обращенія братскихъ школъ къ иностранцамъ былъ удаченъ; вызовъ учителей изъ Греціи не имѣлъ, по крайней мѣрѣ относительно, тѣхъ невыгодъ, съ которыми обыкновенно соединяется эта мѣра.

Мы знакомы со взглядомъ братствъ на учителей, пріѣзжавшихъ изъ Германіи; впоследствии учителями въ братскихъ школахъ мы встрѣчаемъ только такихъ Нѣмцевъ, которые являлись для принятія православія.

Относительно Германіи и Италиіи братства прибѣгали охотнѣе къ другому способу, т. е., посылаѣ за границу Русскихъ для приготовленія къ учительской должности. Однако и эта мѣра, казавшаяся болѣе надежною, возбуждала въ братствахъ справедливыя опасенія. Событія, предшествовавшія реформѣ, произведенной Петромъ Могилою въ Киевскомъ училищѣ, и слѣдовавшія за нею, достаточно оправдываютъ эту осмотрительность. Могила, задумавъ создать въ Киевѣ высшее училище, отправилъ за границу одновременно нѣсколько лицъ: Иннокентія Гизеля, Тарасія Земку, Сильвестра Коссова, Исаію Трофимовича, и др.; по возвращеніи ихъ, онъ рѣшился образовать новый составъ учителей, по направленію своему не имѣющихъ никакой связи съ прежними началами народнаго образованія, а потому желалъ совершенно изолировать ихъ отъ существовавшихъ доселѣ школъ. Отношенія къ этому предпріятію братства кievскаго и зем-

ства цѣлой Малороссіи затемнены историками (какъ можно догадываться, изъ уваженія къ памяти знаменитаго іерарха), но легко могутъ быть восстановлены въ надлежащемъ свѣтѣ.

Могила, бывшій тогда архимандритомъ Печерской Лавры, намѣревался открыть при ней свою школу съ преподаваніемъ наукъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ. И вотъ „три просительные листа отъ трехъ главнѣйшихъ тогда сословій въ Малороссіи, участвовавшихъ въ лицѣ нѣсколькихъ представителей своихъ въ семь кievскомъ братствѣ, одинъ за другимъ были поданы Петру Могила въ той силѣ, чтобы онъ не заводилъ особаго училища въ Лаврѣ, а соединилъ бы его съ Богоявленскимъ братскимъ, находящимся на Подолѣ. Гетманъ Иванъ Пестржицкій съ своими есаулами, полковниками и со всѣмъ запорожскимъ войскомъ клятвенно обѣщали защищать братское училище и все ему принадлежащее изъ рода въ родъ отъ всѣхъ непріятелей и притѣснителей, хотя бы то стоило крови; дворянство давало обѣтъ—назначать ежегодно изъ среды своей старость для попеченія о содержаніи сего училища; митрополитъ Исаія Копинскій съ епископами и архимандритами, отъ лица всего духовенства предлагали Могила титулъ „старшаго брата“ въ богоявленскомъ братствѣ, опекуна, смотрителя и защитника братскаго училища; а всѣ вмѣстѣ преклоняли его выгодностію мѣстоположенія этого училища и тѣмъ еще, что оно утверждено уже грамотами патріарха Теофана и грамотою польскаго короля. Могила согласился на условія, принявъ (1631 г. марта 11-го) предложенный ему титулъ...“¹⁾

Пр. Макарій полагаетъ, что образъ дѣйствій чиновъ Малороссіи объясняется лишь опасеніемъ сильной конкуренціи, угрожавшей братскому училищу. Но при этомъ совершенно непонятно, почему земство, ревнуя о народномъ просвѣщеніи, придавало важность тому обстоятельству, что центръ образованія будетъ находиться не на Подолѣ, а въ Лаврѣ? Можно бы предположить, что братство не хотѣло выпустить изъ своихъ рукъ завѣдываніе школами; но Могила были сдѣланы представленія со стороны всѣхъ сословій и высшихъ органовъ управленія Малороссіи.

Вѣроятно, эти послѣдніе видѣли другую, болѣе опасную сторону въ предпріятіи Могила, и надѣялись, что опасность будетъ отстра-

¹⁾ Пр. Макарій: Ист. Кіев. Акад., стр. 36—38.

нена, если новые учителя сольются съ прежними въ школъ, имѣвшей пятилѣтнія преданія, если они не измѣнятъ основныхъ началъ обученія, а только оживятъ его.

Когда соединеніе состоялось, то расчетъ этотъ оказался ошибочнымъ: масса новыхъ учителей подавила собою небольшой составъ прежнихъ; начала, принесенныя ею изъ-за границы, восторжествовали надъ существовавшими до тѣхъ поръ въ школъ. Какъ извѣстно, заключались онѣ въ системѣ преподаванія, которая господствовала въ средневѣковыхъ европейскихъ университетахъ, но въ описываемое время отжила тамъ свой вѣкъ и нашла себѣ послѣднее пристанище лишь въ церковныхъ католическихъ школахъ. Эта же система воспитанія была принята и въ іезуитскихъ коллегіумахъ, которые послужили Могиля образцомъ для Кіевской академіи.

Могъ ли народъ отнестись равнодушно къ такой реформѣ? Послѣдующія событія доказали, что земство страшилось не конкуренціи только для братской школы со стороны новыхъ преподавателей. Противодѣйствіе народа, имѣвшее грубый видъ насилія (сообразно съ нравами той эпохи), совершенно уясняется для насъ, не смотря на то, что историки Кіевской академіи и здѣсь, щадя память Петра Могилы, стараются представить дѣло въ иномъ видѣ. Одинъ изъ нихъ говоритъ: „Отчаявшись побѣдить коллегію открытою силою, іезуиты и монахи другихъ ордеповъ рѣшились прибѣгнуть къ злобой хитрости. Изъ-подъ руки стали они распускать слухи, что вновь сформированная коллегія отнюдь не есть православное училище, что самъ Петръ Могила есть не-русскій, а какой-то злопамѣренный выходецъ, что онъ нарочно для развращенія простаго народа посылалъ за границу молодыхъ людей, которые, воротившись оттуда аріанами, кальвинистами и лютеранами, нынѣ, въ качествѣ наставниковъ юношества, распространяютъ ученіе, совершенно противное православію. Преподаваніе наукъ на языкѣ латинскомъ служило какъ бы подтвержденіемъ клеветы, распускаемой іезуитами и ихъ клеветами. Простодушные (!) Кіевляне начали уже неблагосклонно смотрѣть на коллегію и воспитанниковъ ея величали брагичинымъ названіемъ латинниковъ и уніатовъ. Поджигаемые католическимъ духовенствомъ, они требовали, что если уже нельзя обойтись безъ иностраннаго языка, то чтобы вмѣсто латинскаго введенъ былъ греческій“ (католическое духовенство поощряетъ требованіе уничтожить преподаваніе латинскаго и ввести греческій языкъ!) „и, наконецъ, начали присту-

пять съ угрозами къ стѣнамъ самой коллегіи. Около 1634 г. волненіе это достигло высшей степени; толпами стекались казаки, *подушаемые* нѣкоторыми неучеными *священниками изъ православныхъ*, требуя немедленнаго прекращенія ученія, угрожая, въ противномъ случаѣ, убить и Петра Могилу, и всѣхъ коллегіальныхъ учителей...¹⁾

Не знаемъ, на чемъ основано предположеніе о подстрекательствахъ со стороны іезуитовъ. Если нѣчто подобное и происходило, то, конечно, враги русской народности хотѣли раздуть искру и воспользоваться волненіемъ, вызваннымъ, однако, не ими. Иначе, можно ли предположить, что „простодушіе“ Кіевлянъ (сейчасъ увидимъ, что въ возстаніи участвовали дворяне) располагало ихъ вѣрить болѣе іезуитамъ, чѣмъ собственнымъ пастырямъ? Намъ кажется, что они болѣе довѣряли собственнымъ глазамъ и что событіе, о которомъ идетъ рѣчь, гораздо точнѣе объяснено другимъ писателемъ: „Когда мы говоримъ“, пишетъ г. Образцовъ, „объ ученыхъ кіевскихъ, то разумѣемъ вовсе не тѣхъ ученыхъ, которые получили образованіе въ Кіевѣ подъ вліяніемъ Грековъ и воспитывались въ народныхъ малорусскихъ, на примѣръ, братскихъ школахъ. Подъ учеными кіевскими разумѣются у насъ тѣ ученые, которые стали являться въ Кіевѣ послѣ реформы, произведенной знаменитымъ Петромъ Могилою“. Сказавъ далѣе, что у этихъ ученыхъ уже нельзя искать честности убѣжденій домогилянскихъ ученыхъ, авторъ продолжаетъ: „За то честные патріоты—Малороссы скоро и показали, какъ пріятны были имъ новые ученые. Когда началось образованіе на новыхъ началахъ, новыми, образованными за границей учителями и когда узнали объ этомъ православные Кіевляне, они сошлись и едва не разобрали всей школы, едва не убили и тѣхъ, которые преподавали въ ней (въ кіевской коллегіи), и того, кто учредилъ ее. „Какіе перуны, какіе громы и молніи посыпались на насъ—и выразить невозможно“, писалъ одинъ изъ новыхъ ученыхъ—Сильвестръ Коссовъ: „это было такое время, когда мы, исповѣдавшись, только ожидали, пока дворяне (не простой только народъ) вздумаютъ начинить нами дѣпровскихъ осетровъ и когда одного огнемъ, а другаго мечемъ отправятъ на тотъ свѣтъ“. „Въ то время“, пишетъ другой ученый, жаркій защитникъ кіевскихъ ученыхъ въ Великороссіи—Гавр. Домецкій, „веле было негодованіе—

¹⁾ «Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ — академією», стр. 128—129.

на што латинскія и польскія училища заводите, чего у насъ дотуду не бывало. Было-хотѣли самого Петра Могилу и учителей до смерти побити, едва уговорили“¹⁾).

Независимо отъ измѣненія началъ народнаго образованія, переворотъ, произведенный инициативою и вліяніемъ Петра Могилы (вскорѣ сдѣлался онъ митрополитомъ кievскимъ), измѣнилъ самую сущность братскихъ школъ: приблизивъ ихъ къ характеру профессиональныхъ духовныхъ, онъ содѣйствовалъ позднѣйшему переходу ихъ въ духовныя училища и постепенному ослабленію, а потомъ и совершенному прекращенію вліянія на нихъ братствъ. Одновременно съ тѣмъ понизилось и вліяніе училищъ на народныя массы,—онѣ становятся чужды національной жизни.

Во всемъ этомъ отнюдь нельзя винить братства, которыя, утративъ вліяніе на народное образованіе, постепенно вымирали и, наконецъ, окончили свое существованіе.

Но прежде, чѣмъ мы займемся этимъ явленіемъ, намъ предстоитъ рѣшить еще одинъ вопросъ: откуда почерпались средства, необходимыя для того, чтобы поднять образованіе на степень средняго и высшаго?

Экономическія средства братствъ для цѣлей народнаго образованія превышали, конечно, не только средства приходскихъ общинъ, но были таковы, что едва ли и правительства (литовско-русское и московское), при тогдашнемъ крайнемъ истощеніи своемъ, могли съ ними соперничать въ этомъ отношеніи.

Матеріальныя средства, о которыхъ идетъ рѣчь, замѣчательны не столько даже своею многочисленностью, сколько тѣмъ способомъ, какимъ они пріобрѣтались. Въ этомъ заключалась отличительная черта какъ самихъ братствъ, основанныхъ на свободной ассоціаціи, такъ и образованія, чуждаго внѣшней принудительности. Средства эти состояли: а) въ церковныхъ доходахъ братскихъ храмовъ, или монастырей; б) въ членскихъ взносахъ; в) въ недвижимыхъ фондахъ, и г) въ суммахъ, пріобрѣтаемыхъ самими школами и другими органами распространенія образованія.

Первый изъ исчисленныхъ способовъ пріобрѣтенія средствъ не отличаетъ братства отъ приходскихъ общинъ и едва ли могъ быть

¹⁾ «Кіевскіе ученые въ Великороссіи», стр. 4.

обилнѣ; и второй не служилъ также главнымъ источникомъ дохода. Только въ нѣкоторыхъ изъ братствъ взносы были опредѣленные: такъ, напримѣръ, въ львовскомъ и лудкомъ братствахъ ежегодный взносъ простирался до 6 грошей. Для лицъ, живущихъ въ городѣ, и посѣщавшихъ братскія собранія, взносъ этотъ былъ разсрочиваемъ помѣсячно (по $\frac{1}{2}$ гроша). Отсутствовавшіе члены вносили всю сумму единовременно ¹⁾. Впослѣдствіи количество взноса было увеличено и сдѣлалось неодинаковымъ для людей состоятельныхъ и небогатыхъ (для первыхъ—по 1 злоту, для вторыхъ—по 24 гроша) ²⁾. Въ остальныхъ братствахъ ежегодный взносъ соразмѣрялся „съ волею каждаго и возможностью“ ³⁾.

Недвижимые фонды братствъ вообще, и братскихъ школъ въ частности, составлялись изъ имущества, пожертвованныхъ благотворителями или купленныхъ на средства братствъ ⁴⁾. Упомянутое завѣщаніе Анны Гулевичевой есть истинная фундація Кіевской академіи. Имущество такого рода, не принося большаго дохода и притомъ вовлекающая шеолу въ заботы и занятія, ей несвойственныя, были дороги для братскихъ училищъ тѣмъ, что сообщали имъ характеръ независимости ⁵⁾. Кіевское училище, владѣвшее большими участками земли, получало, однако, и во второй половинѣ XVIII-го вѣка сравнительно небольшой доходъ отъ недвижимыхъ своихъ имуществъ: вѣдомость 1771 года марта 19-го показываетъ, что въ это время оно владѣло десятью вотчинами, а весь ежегодный доходъ съ нихъ простирался до 859 двойницъ и 16 четвериковъ хлѣба, и 3.194 р. 97 коп. деньгами ⁶⁾. Эти имущества были секуляризованы вмѣстѣ съ монастырскими, причемъ братскія школы оплатились за свою старую связь съ церковію, за свое сходство, въ этомъ отношеніи, съ школами приходскими. Мы говорили уже, что братства были фиктивно подведены подъ формы извѣстныхъ юридическихъ лицъ (монастырей,

¹⁾ *Пам. Кіев. Ком.* т. III, отд. I, стр. 40, 42—43.

²⁾ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1849, июнь, стр. 148.

³⁾ *Собр. Виленск. грам.* ч. II, № 4.

⁴⁾ «Для содержанія училища (Кіевскаго) и учителей, съ самаго основанія его служили частію доходы церковные, а частію доходы съ грунтовъ, огородовъ и садовъ, которые члены братства то сами жертвовали на пользу школы, то прибрѣтали покупкою». *Пр. Макарія: Ист. Кіев. Акад.*, стр. 22.

⁵⁾ Конечно, не безъ причины Соединенные Штаты смотрятъ на надѣлъ училищъ поземельною собственностью, какъ на лучшій способъ обезпеченія ихъ.

⁶⁾ *Пр. Макарія: Ист. Кіев. Ак.*, стр. 51—52.

церквей), обличенныхъ имущественными правами; относительно этихъ правъ, школы, основанныя ими, разсматривались какъ монастырь или церковь. Правительству второй половины XVIII-го вѣка, руководимому просвѣдительными пачалами, слѣдовало бы разрѣшить это недоразумѣніе въ пользу органовъ просвѣщенія. Но случилось иначе: училищныя имущества были отобраны, какъ монастырскія. „Въ 1786 году, когда находившійся при академіи Братскій монастырь Высочайшимъ указомъ на время былъ упраздненъ, *общія* ихъ деревни и всѣ прочія недвижимыя имѣнія навсегда отошли отъ нихъ въ казенное вѣдомство. Тогда на академію, вмѣсто отобранныхъ вотчинъ и прежняго жалованья, состоявшаго изъ 500 руб., положено императрицею Екатериною великою уже 8.400 руб. въ годъ“ ¹⁾.

Вознагражденіе за эту экспроприацію, повидимому, не только равнялось прежнимъ доходамъ, но и превосходило ихъ. Однако, именно съ этого времени академія начинаетъ клониться къ упадку и теряетъ свой прежній обликъ.

Наконецъ, послѣднимъ способомъ приобрѣтенія средствъ служили типографія и плата за ученіе. Во львовской братской типографіи „въ продолженіе трехъ вѣковъ напечатано, по крайней мѣрѣ, 300.000 церковныхъ и учебныхъ книгъ“ ²⁾. Эта наслѣдница московской типографіи Ивана Осдорова начала свою дѣятельность рапѣ учрежденія львовскаго братства; но дѣятельность ея сдѣлалась обширною лишь съ того времени, когда она перешла въ вѣдомство братства, особенно съ начала XVII вѣка. Въ 1608 году было напечатано въ ней 500 часослововъ и 1.900 псалтырей; въ 1616 году въ журналахъ засѣданія братства отмѣчено: „Далемъ о. Памбѣ 10 граматикъ и 20 книжекъ о воспитаніи чадъ до распроданія“ ³⁾. Продажа элементарныхъ учебныхъ книгъ, служившая однимъ изъ главныхъ средствъ для содержанія среднихъ училищъ, указываетъ на новую тѣсную связь братскихъ школъ съ элементарными.

Плата за ученіе вносилась учениками единовременно при поступленіи ихъ въ школу: „Рѣшившійся (поступить послѣ испытанія) объявляетъ о томъ старшему и даетъ въ школьную кассу 4 гроша“. Дѣти

¹⁾ *Пр. Макарія*: Ист. Киев. Ак., стр. 118—119.

²⁾ *Флеровъ*: О правосл. церковн. братствахъ, стр. 123.

³⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1849 июнь, стр. 140.

членовъ братства, вписанныхъ въ реестръ, дѣти бѣдныхъ и сироты освобождались отъ платы: „Да подають помощь (пишетъ патріархъ Іеремія въ грамотѣ ко львовскому братству 1590 года), въ потребу дѣтемъ, хотящимъ учиться священнаго писанія, нищимъ“.

Главное достоинство исчисленныхъ нами способовъ пріобрѣтенія средствъ заключается въ томъ, что всѣ они истекали изъ доброй воли платящихъ; школы не возбуждали ни въ комъ того озлобленія, съ какимъ относились къ училищамъ въ XVIII в. лица и общества, обязанныя содержать ихъ ¹⁾. Но въ распоряженіи братствъ находились, кромѣ того, средства другого рода, которыми распорядились только корпораціи и на которыя не могли разчитывать никакіе другіе органы государственнаго управленія. Денежныя средства нужны были братствамъ только на подготовку учителей; содержаніе же ихъ почти ничего не стоило: „Профессоры и учителя коллегіи, которые постоянно были и братьями монастыря, не получали изъ монастырскихъ и училищныхъ доходовъ никакого жалованья и довольствовались изъ монастыря однимъ пропитаніемъ и одѣяніемъ — самымъ простымъ, какъ и прочая братія до послѣдняго: они служили мѣсту своего воспитанія, посвящали ему свои способности, труды и званія изъ одной благодарности“ ²⁾. Служба была для нихъ однимъ изъ видовъ исполненія ихъ аскетическаго обѣта. Такія явленія, повторяемъ, возможны лишь въ обществахъ, добровольно составившихся для пропаганды великой идеи, сознаваемой всѣми ихъ членами одинаково. Постоянное жалованье учителя начали получать лишь съ тѣхъ поръ, какъ академіи, вмѣсто отобранныхъ отъ нея имуществъ, стали выдавать казенное содержаніе. До того же времени денежные

¹⁾ Вообще средства братствъ болѣе богатыхъ могутъ быть приблизительно опредѣлены при пособіи слѣдующихъ цифръ, относящихся ко Львовскому братству: 1648 г. 12-го мая въ кассѣ его оказалось въ наличности 8.215 зл. и 17 гр., подъ разными залогами—12.160 зл. и 8 гр., по заемнымъ письмамъ—15.036 зл. Вскорѣ послѣ этого іеромонахъ Вишневецкій отнялъ у братства наличными деньгами и драгоценностями 27.398 зл. и 15 гр. Въ 1690 г., по ревизіи кассы оказалось: 24.521 зл. 19 гр. Въ 1695 г., за издержкою болѣе 24.000 зл., осталось въ кассѣ 49.747 зл. и 25 гр. Конtribusiя, взятая со Львова королемъ Карломъ XII въ 1704 году, принесла братству ущербъ въ 120.000 зл. (См. въ разныхъ мѣстахъ *Лѣтон. Зубрицкаго*).

²⁾ *Пр. Макарія: Ист. Кіевск. Ак., стр. 51—52.*

награды, изрѣдка назначаемыя учителямъ, не превышали 37 р. на каждаго ¹⁾).

Когда русское общество болѣе сблизилось съ другими просвѣщенными народами, то и приготовленіе учителей не могло обходиться братству слишкомъ дорого. Не представлялось почти надобности отправлять, на средства братствъ, молодыхъ людей за границу для приготовленія къ учительству. „Два или три товарища, бѣдные и безпріютные, безъ всякихъ средствъ, съ одною котомкою за плечами, да съ парюю книгъ или нѣсколькими тетрадами, пѣшіе отправляются за границу, всячески скрываютъ свое имя, употребляютъ всѣ средства для избѣжанія опасностей и, переходя изъ училища въ училище, обходятъ почти всю Европу, чтобы, наконецъ, съ запасомъ познаній и съ радостію возвратиться во свояси“ ²⁾. Откуда все это? спрашиваетъ историкъ, и дѣйствительно, въ наше время трудно понять источникъ этой самоотверженности. Въ такомъ обычаѣ повторилось въ высшихъ формахъ странствованіе народныхъ учителей уже не изъ села въ село, а изъ одного европейскаго государства въ другое, и результаты его были уже иные, хотя цѣль и значеніе тѣ же. Такимъ образомъ сила, двигавшая впередъ образованіе, заключалась далеко не въ большихъ только экономическихъ средствахъ братства. Какъ само братство не есть простой союзъ общинъ, связанныхъ случайными обстоятельствами, а союзъ для опредѣленной цѣли, такъ и средства ихъ заключались не во внѣшнемъ соединеніи экономическихъ силъ, а въ нравственной энергіи, ихъ одушевлявшей.

Эта неравномѣрность успѣха со средствами особенно поразительна въ виду крайней нищеты воспитанниковъ Кіевскаго училища, стескавшихся въ него въ огромномъ количествѣ. О числѣ ихъ можно судить по слѣдующей таблицѣ, находящейся въ книгѣ пр. Макарія:

1715 г.	1.100	1768 г.	1.079
1742 г.	1.234	1777 г.	899
1744 г.	1.160	1790 г.	635
1763 г.	897	1798 г.	950
1765 г.	1.059		

¹⁾ Тамъ же, стр. 114—117. Впрочемъ, можетъ быть, въ другихъ братствахъ принято было выдавать жалованье учителямъ, какъ на это намекаютъ слѣдующія слова о Львовскомъ училищѣ: «Христолюбивые люди (должны) подавати отъ богатствъ и удѣляти отъ того, що пріяли отъ Бога учителямъ и похвальнымъ ученикамъ». См. *Головацкаго*: Нач. Ставр. Львов. Брат., стр. 17.

²⁾ *Пр. Макарія*: Ист. Кіевск. Ак., стр. 162.

Братства пали въ началѣ XVIII вѣка, не уничтоженныя никакимъ законодательнымъ актомъ; они пали потому, что главная функція ихъ — завѣдываніе народнымъ образованіемъ, была изъята изъ ихъ рубъ. Но благія послѣдствія ихъ дѣятельности сохранились еще и до сихъ поръ.

М. Владимірскій-Будановъ.

(До слѣд. книжки.)

ДРЕВНЕ-РУССКІЯ ОТРЕЧЕННЫЯ ВѢРОВАНІЯ И КАЛЕНДАРЬ БРЮСА ¹⁾.

II.

Кругая и спѣшная реформа Петра, потрясая умственную жизнь Русскаго народа, внесла оживленіе и въ міръ отреченныхъ его вѣрованій. Всѣ эти вѣрованія стянуло и сгруппировало вокругъ себя имя Я. В. Брюса, или вѣрнѣе, это сдѣлалъ календарь, названный его именемъ. Долго жило и будетъ жить чудное имя ученаго Нѣмца не только въ русской исторіи, но и въ памяти Русскаго народа среди котораго царскій любимецъ до сихъ поръ не утратилъ репутаціи величайшаго знахаря и колдуна. Такая репутація ни мало, однако, не отвращаетъ народъ отъ загадочнаго Нѣмца; народъ считаетъ его знахаремъ и колдуномъ или кудесникомъ въ томъ почтенномъ смыслѣ, какой придавался древнимъ русскимъ вѣдунамъ, которые пользовались, вмѣстѣ съ удивленіемъ, высокимъ почетомъ, какъ люди знанія, стоявшіе выше толпы по своему кудесничеству, — люди, которыхъ, пожалуй, всѣ боялись, но къ которымъ и стремились всѣ за совѣтомъ.

Гдѣ-жь, однако, причина таинственной связи всего Русскаго народа съ именемъ хитраго басурмана? Гдѣ источникъ того обаятельнаго вліянія, которое произвелъ и до сихъ поръ производитъ въ народѣ извѣстный календарь съ именемъ Брюса? Брюсъ былъ умный и образованный Нѣмецъ, но народъ ничего не зналъ объ его умѣ и образованіи. Съ этой стороны зналъ своего любимца одинъ Петръ. Для него былъ дорогъ Брюсъ, какъ человекъ, приносявшій на пользу Русской земли свои знанія и труды, искренно уважавшій государя и

¹⁾ См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* мартъ 1874 года.

его дѣло, весь отдавшійся интересамъ и волѣ Петра. „За симъ вручаю тебя, моего милостивѣйшаго государя, въ сохраненіе Божіе, а я остаюсь твой всѣмъ сердцемъ холопъ Якушко Брюсъ“, писалъ Петру Яковъ Вилимовичъ ¹⁾. Такая преданность Брюса государевой волѣ не могла не нравиться Петру. Петръ, съ своей стороны, умѣлъ цѣнить преданность и при случаѣ постоять за своего вѣрпаго холопа. Онъ не смѣнялъ его однажды на князя Ѡ. Ю. Ромодановскаго, когда послѣдній сильно обидѣлъ маломощнаго Нѣмца. Петръ сдѣлалъ обидчику бранный выговоръ. „Звѣрь“, писалъ онъ князю, — „долго ли тебѣ людей жечь: и сюда (въ Голландію) раненые отъ васъ пріѣхали: перестань знаться съ Ивашкой, быть отъ него рожѣ драмой!“ ²⁾ Петръ не одинъ разъ дѣлилъ съ Брюсомъ труды астрологическихъ и математическихъ занятій; они вмѣстѣ наблюдали, измѣряли, вычисляли. Занятія эти наводили простяковъ на недобрыя думы о хитромъ Нѣмцѣ и онѣмечившемся царѣ; Сухарева башня знала поэтому видное мѣсто въ ряду другихъ диковинъ Петровскаго времени. Но и не здѣсь, не въ таинственныхъ занятіяхъ Петра съ Брюсомъ — источникъ чудесныхъ толковъ о послѣднемъ. Брюсъ славець въ народѣ по своему календарю. Мы не можемъ ничего сказать о томъ, какъ велико было участіе его въ созданіи календаря, который, какъ извѣстно, былъ главнымъ трудомъ бібліотекаря Кипріанова. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что народная молва приписала календарь одному Брюсу, усвоивъ чудесной книгѣ имя чудеснаго знахаря. Весь интересъ для насъ въ самомъ календарѣ. Какъ увидимъ ниже, календарь этотъ сообщилъ мало новаго или даже не сообщилъ ничего, чего не было бы, въ извѣстной мѣрѣ, если не въ письменныхъ древне-русскихъ памятникахъ, то въ ходячихъ вѣрованіяхъ и въ практической жизни народа. Но въ этомъ отождествленіи давнихъ запретныхъ вѣрованій съ календаремъ и кроется вся сила послѣдняго.

Брюсовъ календарь есть итогъ многовѣковыхъ вѣрованій, гаданій и примѣтъ русскаго человѣка, подведенный рукою знатока, не того только Русскаго, который цѣлые вѣка прожилъ жизнию разрозненною отъ родственныхъ народовъ запада, а такого, который жилъ когда-то въ одинаковыхъ условіяхъ съ этими народами, подъ одинаковымъ вліяніемъ природы вѣшной и внутренней. Въ итогъ оказалось и то, что росилъ Русскій народъ у себя дома, и то, что выростили народы

¹⁾ *Шкарскій*, Наука и литература при Петрѣ Великомъ, I, 290.

²⁾ *Устряловъ*, Исторія Петра Великаго III, 95.

запада; въ томъ и другомъ—много общаго. Русскій народъ отнесся къ Брюсову календарю, не какъ къ выдумкѣ хитраго Нѣмца,—тогда календарь Брюса изчезъ бы скоро и безслѣдно; народъ принялъ эту книгу какъ что-то родное, какъ исповѣдь души своей, пережившей такъ много и начавшей бояться того, что пережито, что тѣсно слилось съ самою жизнію. Разомъ поднять предъ глазами всѣхъ панораму потаенной жизни, открыть застилавшее ее покрывало, смѣло заговорить со всѣмъ Русскимъ народомъ о вещахъ хитрыхъ и животрененцихъ,—все это могъ сдѣлать не простой умный человѣкъ, а величайшій знахарь, чудодѣй. Между Русскими, православными найдти такого знахаря было нельзя; давно перевелись они въ Русской землѣ. Носились въ народѣ однѣ воспоминанія о томъ, что были-де когда-то и на Руси люди вѣщіе, обладавшіе силою вліять не только на предметы земные—на огонь, воду, корни и на самого человѣка, но даже и на небесныя свѣтила—на солнце, мѣсяцъ и звѣзды. Теперь же, когда древнее знахарство стало бѣсовскимъ чаромутьемъ, когда оно сильно преслѣдовалось и Божескимъ писаніемъ, и государевымъ указомъ, когда первое мѣсто въ обществѣ заняли люди новые, нишіе духомъ и смиренныя сердцемъ,—теперь не было между Русскими такого человѣка, который рѣшился бы въ слухъ всѣхъ говорить или писать о стародавнихъ вѣдунствахъ. Слова его и писанія могли показаться для всѣхъ дѣломъ бѣсовскимъ, проклятымъ, чернокужиемъ. Теперь у Русскаго человѣка была новая сила, сильнѣе всякаго чарующаго слова, произносимаго хитрыми знатцами. Онъ отмаливался отъ нихъ, знатцевъ, Богу христіанскому, просилъ, чтобы завязалъ Господи колдуну и колдунѣ, вѣдуну и вѣдунѣ уста и языкъ на раба Вожія зла не мыслить ¹⁾). Въмѣсто этихъ людей, отверженныхъ и проклятыхъ, древне-русскій человѣкъ давно призывалъ въ моленіяхъ своихъ святыхъ заступниковъ христіанскихъ. „Михайло архангелъ“, говорилъ онъ въ одномъ заговорѣ,—„Гавріилъ архангелъ, Никола Милостивъ, снидите съ небесъ и снесите ключи и замкните колдуну и колдунѣ, вѣдуну и вѣдунѣ и упирцу на крѣпко и твердо“ ²⁾). Не подъ силу было старымъ вѣдунамъ спорить со всемогущими словами и дѣлами святыхъ угодниковъ, особенно Николы Милостиваго. „И сойдетъ Никола Милостивый“, заключаетъ заговоръ,—„и снесетъ желѣза, и поставитъ отъ земли до небесъ и запретъ тремя ключами позолоченными, и тѣ

¹⁾ *Архивъ*, изд. *Калачова*, 1854 г., кн. II.

²⁾ Тамъ же.

ключи бросить въ окіанъ-море“... Глубоко погружившись въ умственно-религіозное невѣжество, наши предки считали страшнымъ грѣхомъ пускаться въ великія тайны звѣзднаго неба, въ смотрѣніе луны и прочихъ планетъ; они давно привыкли вѣрить, что все, что ни дѣлается въ той высшей сферѣ, все это—отъ Бога: Богъ, а не планеты, управляетъ судьбою міра и человѣка. А кому хотѣлось прозрѣть поглубже въ міровые вопросы, добраться до начала и значенія вещей, тотъ на всѣ вопросы свои могъ найти готовые отвѣты въ народной еоогоніи. Отвѣты эти мирили человѣка съ его безпокойною пытливостію, ни мало не смущая его совѣсти, какъ изреченія, согласныя съ божескимъ ученіемъ. Нелѣпой стороны отвѣтовъ простой человѣкъ не замѣчалъ и искренно вѣрилъ, что

У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія;
Солнце красное отъ лица Божьяго,
Самого Христа Царя Небеснаго,
Младъ свѣтелъ мѣсяць отъ груди его,
Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ,
Ночи темныя отъ думъ Господнихъ,
Зори утренныя отъ очей Господнихъ,
Вѣтры буйныя отъ Святѣ Духа;
У насъ умъ-разумъ Самаго Христа,
Самаго Христа, Царя Небеснаго, и проч.

И вотъ, при полной созрѣлости и ходячести истинныхъ и ложныхъ христіанскихъ взглядовъ на природу вообще и на твердь небесную въ частности, является, въ первые годы XVIII вѣка, новая книга, на удивленіе всѣмъ начетчикамъ и ихъ слушателямъ. Она напоминаетъ имъ старыя, заглохшія и забытыя взгляды на міръ и на человѣка. Она мѣтко ударяетъ въ самыя живыя струны человѣческаго духа, пытливаго и склоннаго къ чудесному. Она разомъ заслоняетъ собою всю прежнюю отреченную литературу, отражая въ себѣ одной множество завѣтныхъ вѣрованій древне-русскаго человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ показывая ему и новыя ученія, добытыя на западѣ. Естественно, что эта удивительная книга должна была представиться русскому человѣку плодомъ ума самаго умнаго человѣка, и притомъ не русскаго,—иноземца. И дѣйствительно, вскорѣ настоящій составитель книги былъ забытъ современниками, и они приписали трудъ его тому, о комъ давно носились самыя чудовищныя слухи, какъ о необыкновенномъ черно-книжникѣ и самомъ хитромъ астрологѣ. Только этотъ человѣкъ, умѣвшій, по народной молвѣ, добывать живую и мертвую воду, долго

жившій въ самой могилѣ своей, гдѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ, нашли его живымъ, съ отросшими волосами на головѣ и бородѣ, съ длинными ногтями на рукахъ ¹⁾,—только этотъ заморскій чародѣй, околдовавшій Русскаго царя при жизни своей и напугавшій его по смерти, только онъ могъ быть авторомъ чудной тетради—календаря, названнаго именемъ Брюса. Русскіе не могли надивиться, какъ заморской новинкѣ, тому, что изстари вѣковъ было предметомъ ихъ вѣрованій, что наполняло ихъ практическую жизнь, что по частямъ писано было во многихъ запретныхъ тетрадяхъ и сборникахъ,—только въ послѣднихъ все то ученіе не было такъ хитро и занимательно, какъ въ нѣмецкомъ календарѣ. Въ настоящее время самый календарь Брюса—рѣдкость, но ученіе его продолжаетъ служить до сихъ поръ богатымъ матеріаломъ для календарей народныхъ, полныхъ интереса для современныхъ грамотниковъ.

Составляя одно изъ явленій, современныхъ реформъ Петра, календарь Брюса, съ своей стороны, владетъ рѣзкую черту на характеръ ея. Онъ указываетъ, что дѣло Петра не сходило съ родной почвы и цѣлко вязалось съ предшествовавшей жизнью Русскаго народа. Поворотъ этотъ какъ ни былъ силенъ, все-таки былъ въ порядкѣ вещей; ибо величайшимъ беспорядкомъ было то, что Русскіе впали въ отчужденіе отъ другихъ Европейцевъ, и что вслѣдствіе того, чрезъ нѣсколько вѣковъ, условія жизни тѣхъ и другихъ сдѣлались совершенно различными. Петръ поставилъ себѣ цѣлью уничтожить эту рознь. Усибіиное начало Петровскаго дѣла лежитъ, между прочимъ, въ родствѣ Русскихъ съ другими Европейцами, въ тожествѣ коренныхъ началъ ихъ народностей. Длинную нить, связующую народы запада съ Русскими, представляютъ, между прочимъ, и наши древнія отреченныя вѣрованія. Нося теперь имя отреченныхъ, они на самомъ дѣлѣ больше, чѣмъ что-нибудь другое, составляютъ природенную и цѣльную собственность народа. Даже дальнѣйшее развитіе отреченной русской литературы, подъ вліяніемъ христіанства, имѣетъ много общаго съ литературою другихъ народовъ Европы. Народамъ тѣмъ, опередившимъ насъ вѣжнимъ образованіемъ, принадлежитъ починъ въ составленіи многихъ изъ отреченныхъ книгъ, которыя были переносимы и въ Россію, давая готовую литературную форму для книжныхъ работъ нашихъ книжниковъ, падкихъ на всякую отреченную

¹⁾ *Лекарскій, Науки и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, I, стр. 289.*

тетрадь, потому что видѣли въ ней отблескъ своихъ собственныхъ воззрѣній.

Исторія древне-русской литературы не представляетъ пока положительныхъ отвѣтовъ на многіе вопросы о происхожденіи и судьбѣ отреченныхъ книгъ въ Россіи; но основательное уясненіе этихъ вопросовъ могло-бы уяснить вопросъ о томъ, всѣ ли древне-русскія вѣрованья и повѣрья заимствованы изъ чужихъ книгъ, или они существовали въ русской жизни самобытно, и имѣли ли вообще книги большое вліяніе на появленіе суевѣрій. Большинство изслѣдователей русской литературы стоитъ на томъ мнѣніи, что русскія отреченныя вѣрованія цѣликомъ заимствованы изъ запрещенныхъ книгъ, а что самыя книги рабски списывались нашими грамотниками съ чужихъ образцовъ ¹⁾. Наши грамотники, стало быть, перенимали цѣликомъ греческія или южно-славянскія отреченныя книги и запрещенія противъ нихъ; они обходили въ этихъ книгахъ только тѣ изъ чужихъ суевѣрій или обычаевъ, которые слишкомъ рѣзко говорили о своемъ греческомъ происхожденіи, или иначе говоря, которыхъ необразованные грамотники не могли назвать русскимъ именемъ, какъ, напримеръ, ипподромъ. При оцѣнкѣ такого взгляда на происхожденіе древне-русскихъ отреченныхъ вѣрованій въ связи съ отреченными книгами, необходимо имѣть въ виду различіе между запрещенными памятниками нашей древней письменности. Изъ византійскихъ или славяно-южныхъ памятниковъ апокрифическаго характера, съ христіанскимъ догматико-нравственнымъ ученіемъ, переносилось на Русь все цѣликомъ, безъ малѣйшихъ прибавокъ и убавокъ, и здѣсь русскіе грамотники и даже сами учителя русской церкви молчали предъ чужимъ авторитетомъ и были только переписчиками въ полномъ смыслѣ слова. Напротивъ того, пользуясь литературными произведеніями, имѣвшими близкое отношеніе къ народной жизни или направленными противъ богомерзкихъ языческихъ суевѣрій, наши грамотники твердо стояли на родной почвѣ и слѣпо приурочивать чужіе обычаи къ своимъ, которыхъ на дѣлѣ не было, не могли. Тѣмъ болѣе имъ не зачѣмъ было обличать Русскій народъ въ такихъ слабостяхъ, которыхъ онъ совсѣмъ не зналъ. Живое отношеніе отреченныхъ книгъ къ русской жизни доказывается измѣненіями, дополненіями и сокращеніями, какія видимъ мы въ переводныхъ отреченныхъ книгахъ и въ индексѣ

¹⁾ См., напримеръ, мнѣніе г. *Лымина* въ статьѣ объ отреченныхъ книгахъ, въ *Русск. Слово*, 1862 г., № 1, 92.

сахъ ихъ. Одинъ изъ изслѣдователей исторіи русскихъ отреченныхъ книгъ, г. Пыпинъ, говоритъ, что статья о ложныхъ книгахъ дополняла постоянно свой списокъ запрещеній, уже независимо отъ своего греческаго образца, но что съ извѣстной эпохи она мало слѣдитъ за ложнымъ матеріаломъ, который продолжаетъ появляться въ народномъ чтеніи и обычаяхъ ¹⁾. Дополненія въ индексахъ дѣлались, безъ сомнѣнія, съ цѣлю обличать двоевѣрно живущихъ.

Для обличителей было важно не то, что извѣстныя суевѣрія помѣчены были въ греческомъ, болгарскомъ или какомъ-либо другомъ памятникѣ, а то, что суевѣрія эти существовали въ самой жизни Русскаго народа, получивъ начало свое не изъ книгъ, занесенныхъ съ чужбины, а изъ условій самой жизни. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, согласиться съ тѣмъ, чтобъ отреченныя книги могли, напримѣръ, къ XI вѣку вкоренить въ народъ Русскій вѣру въ чехъ, во встрѣчу, во вороноградъ и тому подобныя суевѣрія, которыя обличаетъ наша письменность XI вѣка. Мнѣніе, что ложныя книги и суевѣрія часто смѣшивались нашими книжниками въ одно понятіе, что суевѣрія запрещались ими, какъ книги, въ книгахъ же преслѣдовалось то, чего никогда не было въ жизни ²⁾, — не имѣетъ за собою никакихъ доказательствъ. Не думаемъ, чтобы наши древніе грамотники и даже учителя церкви были такъ недалъновидны, что могли смѣшивать съ книгой чиханье, ржанье коня, вой собаки или волка, мышъ, изгрызшую портъ, и т. п. Дѣло въ томъ, что составители индексовъ говорили иногда о суевѣріяхъ, записанныхъ въ книгѣ рядомъ съ суевѣріями, жившими только въ практической жизни народа или же, означивъ общее содержаніе суевѣрной книги, дѣлали потомъ частный перечень суевѣрій порознь. Все это наводило нѣкоторыхъ изслѣдователей отреченной литературы на мысль о неумѣннѣ грамотниковъ отдѣлять суевѣрія отъ книгъ. Значительная близость чужихъ индексовъ запрещенныхъ книгъ и суевѣрій къ русской жизни нисколько не доказываетъ рабской зависимости нашей древней письменности отъ письменности греческой; ибо отреченныя книги хотя и были въ большомъ количествѣ заносимы изъ Византіи и изъ славянскихъ земель, но все-таки близко отвѣчали русской жизни; рядомъ съ ними потомъ являлось не мало книгъ чисто русской редакціи. Послѣднія были на столько оригинальны, на сколько самобытны были самыя вѣрованія у всѣхъ народовъ древняго и новаго

¹⁾ Въ указанной выше статьѣ, 98.

²⁾ Пыпинъ въ той же статьѣ, 101.

міра. При полной зависимости отреченныхъ книгъ отъ чужихъ образцовъ, всѣ обличенія запрещенныхъ вѣрованій со стороны нашей древней письменности были бы пустымъ повтореніемъ чужихъ словъ, праздною забавой досужныхъ грамотѣевъ. Всѣ вѣрованія старины мало измѣнились не только у Русскихъ, но и у другихъ народовъ востока и запада, съ тѣхъ поръ, какъ христіанство остановило дальнѣйшій ростъ ихъ. Въ индексѣ русскихъ суевѣрій и примѣтъ XVII вѣка ¹⁾ читаемъ тѣ же главныя суевѣрія, какія указаны были въ памятникахъ древнѣйшихъ; разница и тамъ, и здѣсь въ одной дробности, въ исчисленіи различныхъ случаевъ одного и того же повѣрья.

При всегдашнемъ и общемъ желаніи представителей религіи хранить ея ученіе отъ примѣси ученій ложныхъ, обыкновенными кажутся всѣ запрещенія на русскихъ ложныя книги и требованія беречься отъ чтенія ихъ. Все это мы видимъ не только у христіанъ, но и у язычниковъ. Древняго Грека ожидало уголовное наказаніе за всякое живое ученіе о богахъ. Римская власть также зорко смотрѣла за чистотою своей религіи. Еще законъ Ромула требовалъ, чтобы никто не вѣрилъ баснямъ, то-есть, фальшивымъ толкамъ о богахъ. *Deorum fabulas ne credunto, гласилъ законъ тотъ* ²⁾. Діонисій Галикарнаскій такъ поясняетъ смыслъ закона: никто не долженъ вѣрить толкамъ о богахъ, въ которыхъ раскрываются недостатки и пороки ихъ, но всѣ пусть думаютъ и говорятъ о богахъ свято, благочестиво и чинно, ничего не прибавляя непристойнаго блаженнымъ натурамъ ³⁾. Въ послѣднее время Римской республики, по свидѣтельству Цицерона, оказывалось много неурядицъ даже въ государственной жизни Римлянъ отъ того, что не всегда были строго отличаемы истинныя книги или изреченія отъ фальшивыхъ. Знаменитый ораторъ жалуется на то, что современники его давали иногда много вѣры стихамъ Сивилль, смыслъ которыхъ былъ такъ теменъ, что одинъ и тотъ же стихъ могъ показаться выгоднымъ въ томъ и другомъ дѣлѣ. Цицеронъ сравниваетъ подобныя изреченія съ двусмысленными акростихами поэта Эппія ⁴⁾. Заботливостію римскаго правительства сохранить религіозное ученіе въ возможной чистотѣ вызванъ былъ въ 615 году законъ Корнелія Гиспилла, которымъ повелѣвалось, чтобы всѣ

¹⁾ Опис. Рум. Муз., ст. 551.

²⁾ *Jus antiquum Romanorum*, edit. *Christ. Debelow*, 15.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Cicer. de Divinat.*, lib. II, 643.

Халдеи, въ продолженіе десяти дней, выбрались вонъ изъ города и изъ Италіи ¹⁾. Халдеи эти разсѣвали въ Римскомъ народѣ ложныя книги и ученія.

Еще бдительнѣе и строже смотрѣла за ложными книгами церковь христіанская. Ея заботы объ этомъ дѣлѣ возрастали съ возрастаніемъ ересей, учителя которыхъ редактировали свои учительныя книги въ духѣ еретическомъ. Хотя многія еретическія книги сохранились до нашего времени, по къ древней русской церкви онѣ не имѣли никакого отношенія. Только съ появленіемъ ересей и расколовъ на Руси, нѣкоторые изъ запрещенныхъ книгъ нашли сочувствіе въ русскихъ лжеучителяхъ. Въ этомъ случаѣ наши книжники выписывали и обнародовали чужіе индексы, въ предостереженіе неопытныхъ отъ еретическихъ оболщений. Русскіе проповѣдники, которымъ, безъ сомнѣнія, были извѣстны ложныя книги, не считали нужнымъ говорить о нихъ, а если говорили, то кратко и въ случаѣ нужды. „Ложныхъ книгъ не почитайте“, говоритъ митрополитъ Кирилль II отцамъ Владимірскаго собора (1274 г.),— „и отъ еретикъ уклоняйтесь, и общенія съ ними не имѣйте, а бусловцемъ и сквернословцемъ и во всяческихъ богохульникомъ, не отъ божественныхъ писаней и суетная и ложная глаголющимъ, яже на пагубѣ правовѣрныхъ душамъ, устие заграждайте и возбраняйте“. Бусловіе, сквернословіе, толки не отъ божественныхъ писаній на пагубу правовѣрныхъ, все это было самымъ большимъ мѣстомъ русскаго общества въ первое время его христіанской жизни. Боль развивалась и усиливалась не отъ вліянія отреченныхъ книгъ, а отъ естественной борьбы ученій языческихъ съ христіанскими, отъ неизбѣжной смѣси однихъ съ другими. Ни одинъ проповѣдникъ не указывалъ намъ того, что подобныя толки возникли изъ книгъ. А если въ книгахъ приводились названія суевѣрій, то одни названія не могли привить къ русскому человѣку самыхъ суевѣрій; для этого требовались не слова, а длинный процессъ извѣстныхъ комбинацій человѣческаго духа съ предметами и явленіями природы. Суевѣрія, проникавшія всю жизнь русскаго человѣка, окутавшія его съ ногъ до головы, не могли создаться разомъ, подъ вліяніемъ чужихъ книгъ, даже тогда, когда допустимъ раннее и обширное распространеніе ихъ въ древне-русской литературѣ. Подобнаго явленія не могло быть при благоприятныхъ условіяхъ для письменности,— тѣмъ болѣе не могло его быть въ древне-русскомъ обществѣ, кото-

¹⁾ Römische Zeittafeln, 1841 г., 134.

рое, по малоразвитости своей, тупо относилось къ книгѣ. Извѣстно, что всѣ учителя древней русской церкви горько жалуются на невниманіе своихъ пасомыхъ къ проповѣди, на косность ихъ въ понятіяхъ и обычаяхъ старины. Положительно можно сказать, что отреченныя наши книги говорили о суевѣріяхъ и примѣтахъ, дѣйствительно существовавшихъ въ русской жизни; онѣ стояли въ тѣсной связи съ жизнію народа, а не приурочивали къ ней обычаевъ чужихъ, не существовавшихъ на дѣлѣ. Сказанное, замѣтимъ еще разъ, простирается на отреченныя книги суевѣрно-языческаго содержанія, хотя бы книги эти были заимствованы изъ Византіи или изъ другаго мѣста. Когда же христіанство на Руси начинало осиливать язычество, наши грамотники, любители старины, начали сами работать надъ литературною обработкой древнихъ вѣрованій и примѣтъ. Одни изъ нихъ дѣйствовали безкорыстно, другіе же, позднѣйшіе, — изъ желанія потрафить на вкусы общества и извлечь изъ того выгоды. Волхвники, Трепетники, Сносудцы и подобныя книги суть произведенія русскія, въ большинствѣ своемъ. Положительно рѣшить, которал изъ такихъ книгъ русская, которая не русская, пока трудно. Затрудненіе происходитъ не отъ того, что многіе памятники этого рода не извѣстны ¹⁾, а отъ невозможности различить содержаніе книгъ; ибо у насъ слишкомъ мало основаній, чтобы утверждать, что это вѣрованіе русское, а это греческое, болгарское или чье-либо другое. Затрудненіе простирается даже на тѣ изъ отреченныхъ книгъ, чужеземное происхожденіе которыхъ нельзя не видѣть съ перваго раза — по ихъ заглавію. Скажемъ здѣсь о подобныхъ книгахъ — о Рафляхъ и Аристотелевыхъ Вратахъ.

Мало положительныхъ свидѣтельствъ о степени распространенія этихъ книгъ въ нашемъ древнемъ обществѣ. О нихъ, какъ злыхъ ересяхъ, упоминаетъ Стоглавъ. Книги тѣ, по выраженію Стоглава, отъ Бога отлучаютъ, и въ тѣ прелести вѣруючи, многіе люди отъ Бога отдаляются и погибаютъ. Различны мнѣнія о томъ, какія именно прелести были въ Рафляхъ и Аристотелевыхъ Вратахъ. Были ли охочи до этихъ прелестей люди простые или только записные книжники, въ родѣ Семейки дьячка, жестоко поплатившагося, какъ мы видѣли, за богомерзкую книгу. Утверждать, что Рафли были въ большомъ употребленіи въ древней Россіи — нельзя потому уже, что онѣ были

¹⁾ *Пыпинъ* въ статьѣ «Два исторіи ложныхъ книгъ», 9, въ *Архивъ*, изд. *Калачова*.

занятіемъ книжнымъ, съ книжными вопросами и отвѣтами; книжное же дѣло въ древности было у насъ не въ слишкомъ большомъ употребленіи. Если бы Рафли были въ большомъ ходу, то онѣ, какъ вещь извѣстная и общепотребительная, не произвели бы большой тревоги, когда случайно были найдены у дьячка Семейки. Патріаршая грамота объ этомъ дьячкѣ видитъ въ Рафляхъ что-то рѣдкое и диковинное, достойное русскаго аутодафе. Но это не особенно важно. Интереснѣе вопросъ о томъ, что за книги были Рафли и Аристотелевы Врата. Г. Пыпинъ, приводя толкованіе слова *Raffla* изъ глоссарія Дю-Канжа, видитъ въ книгѣ Рафля родъ азартной игры. Но такому значенію Рафлей у насъ, въ Россіи, противорѣчитъ свидѣтельство Стоглава, по которому въ Рафли смотрѣли во время тяжбъ и спорныхъ полевыхъ поединковъ. Въ этомъ случаѣ Рафли приравнены къ Аристотелевымъ Вратамъ, звѣздамъ и планитамъ. Употребленіе Рафлей въ самыхъ критическихъ случаяхъ жизни, съ цѣлію узнать роковой исходъ борьбы, далеко выдѣляетъ ихъ изъ ряда игръ, даже азартныхъ. Онѣ получали здѣсь значеніе гадальныхъ тетрадей, на что указываетъ и г. Пыпинъ. Для гаданія бросались шарики (зернь) на кругъ тетради, размѣченной цифрами, указывавшими номеръ отвѣта. По экземпляру Рафлей, напечатанному въ *Архивѣ* г. Калачова, можно безошибочно заключать, что книги эти были дѣйствительно гадальными тетрадями, похожими на гадальную книгу царя Соломона. На это значеніе ихъ указываютъ выраженія „метъ добра“ или „метъ зла“. Необходимо поэтому думать, что русскія Рафли служили и игрой, въ извѣстное время и у извѣстныхъ лицъ, и гадальными тетрадями. Это показываетъ, какъ мало наши грамотники церемонились съ привозными съ запада тетрадями, и какъ скоро измѣняли ихъ по-своему. Оказывалось, что западная книга чрезъ нѣсколько времени удерживала одно западное названіе, получая въ Россіи новое содержаніе и значеніе. Подобныя измѣненія были, разумѣется, и на западѣ, но тамъ онѣ являлись не вслѣдствіе личнаго произвола книжниковъ, а по условіямъ самой жизни въ различныхъ классахъ общества. Сначала въ XIV вѣкѣ, западныя Рафли, по указанію Дю-Канжа, могли быть игорною забавой знатныхъ людей, которая не могла интересовать людей низшаго разбора. Люди эти, перенимая потомъ важную забаву въ свой кругъ, незамѣтно давали ей другое назначеніе, связанное съ житейскими интересами, съ практическою приложимостію ея къ различнымъ случаямъ общежитія. Такимъ образомъ мы видимъ, по словамъ регестъ 1399 года, что какой-то Боде и нѣкоторые другіе ра-

зыграли по Рафлямъ жеребенка ¹⁾. Въ послѣдующее затѣмъ время практическое употребленіе Рафлей въ народѣ распространилось сильно и стало называться Loteriam. Имя это взято отъ значковъ, какія употреблялись при лотерей; они назывались lota. Впрочемъ, такое отвлеченное названіе Рафлей было извѣстно только въ болѣе образованномъ классѣ людей, простой же народъ продолжалъ называть ихъ прежнимъ именемъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ объ этомъ одинъ изъ западныхъ писателей первыхъ годовъ XVII вѣка, епископъ Симонъ Маіоль. Употребленіе Рафлей въ Европѣ было въ то время сильно распространено, подобно тому, какъ въ настоящее время распространены у насъ различныя лотереи. „Въ большомъ употребленіи въ Европѣ“, говоритъ Симонъ,—„сдѣлка, которую зовутъ лотереей, loteriam. Она бываетъ частно и публично. Частная лотерея открывается по желанію каждаго, когда предлагаютъ разыграть лошадь или что-нибудь другое, назначивъ той вещи установленную цѣну. Сообразно съ этою цѣной, желающіе берутъ жеребьи (symbola) и бросаютъ ихъ въ урну (alea), чтобы узнать, кому достанется вещь. Многіе предлагаютъ для розыгрыша перстни, книги, зеркала и другую домашнюю утварь, чтобы разыграть эти вещи между знакомыми, собравъ значки (symbola), которые называются еще lota; въ народѣ же все то зовется la gaffe или riffe. Нѣкоторые называли все это ludum ollae, вѣроятно, по урнѣ или горшку, въ который клали жеребьи“ ²⁾. Таковы были Рафли на западѣ.

Трудно понять, какимъ образомъ у насъ, еще въ XVI вѣкѣ, Рафли сдѣлались достояніемъ шарлатановъ знахарей и волхвовъ и что было общаго между западною рафлей—лотереей и нашими тетрадами или инымъ чѣмъ, во что, по Стоглаву, волхвы и чародѣйники смотрѣли. Намъ кажется, что Рафли этихъ гадальщиковъ были не тетради, а просто что-нибудь въ родѣ горшка, въ который клались гадальныя принадлежности, по извѣстнымъ измѣненіямъ которыхъ дѣлалось заключеніе объ успѣхѣхъ или неуспѣхѣхъ гадавшего о судьбѣ своей. Это была ворожба, похожая, можетъ-быть, на ту, которая до сихъ поръ извѣстна между суевѣрными старухами, ворожеями; онѣ употребляютъ ее при умываніи съ глазу, съ притки и при другихъ гаданіяхъ. Здѣсь также употребляютъ чашки или горшки съ водой, угольями, лучинками и прочими принадлежностями. Почему наши древнія чародѣй-

¹⁾ Указанная статья *Пипина* въ *Архивъ*, изд. *Калачова*, 1860 г.

²⁾ *Simonii Majoli, Dies Caniculares*, 575.

скія продѣлки, ничего общаго не имѣющія съ рафлями западными, названія тѣмъ же именемъ, — рѣшить трудно. И Рафли—тетради, книги недобрыя и ересныя, одинъ экземпляръ которыхъ напечаталъ г. Пининъ, мало также похожи на рафли западныя. На западѣ, какъ указано выше, рафли—можетъ-быть, даже въ книжной формѣ—имѣли простое, практическое значеніе, были дѣломъ хозяйственныхъ операцій; у нашихъ же грамотниковъ онѣ сдѣлались отвлеченными и темными бреднями, гдѣ искаженныя до бессмыслицы библейскія изреченія впуывались въ отвѣтъ на не менѣе бессмысленные вопросы. Вопросовъ и отвѣтовъ не много; главныхъ только четыре: о домѣ, о болѣзни, о пути, о недругѣ. Во многіе изъ нихъ вводится совершенно безсвязно фраза о царѣ Давидѣ, въ родѣ слѣдующей: „что еси думалъ и гадалъ, то тебѣ и будетъ; о томъ царь Давидъ рече: клятва и все правда“ ¹⁾. Не меньше, если даже не больше бессмыслицы въ другихъ отвѣтахъ, при всей прикрасѣ ихъ священными личностями. Укажемъ на одинъ изъ подобныхъ: „апостолу Петру идущу... великую пагубу являетъ ни на земли, ни на травѣ, листу обильно, ничего отъ родовъ не будетъ, орудіе кажетъ зло“ ²⁾. Едва ли древняя Пифія, въ полномъ разстройствѣ своихъ нервовъ, въ состояніи была изобразить подобную бессмыслицу. Такимъ образомъ ни рафли волхвовъ, ни гадальныя тетради книжниковъ не имѣли ничего общаго съ рафлями западными.

Дѣлать различіе между нашими Рафлями мы можемъ на основаніи словъ Стоглава. Два царскіе вопроса, 17-й и 22-й, толкуютъ о рафляхъ чародѣйскихъ или діавольскихъ дѣйствахъ, и о рафляхъ ересныхъ, какъ заблуденіяхъ различныхъ, по употребленію своему и значенію. Нельзя говорить, чтобы рафли западныя, соединенныя съ бросаніемъ жеребьевъ, были новостью для нашихъ предковъ. Жеребьевка была у нихъ издавна въ большомъ ходу и рѣшала важныя вопросы въ быту семейномъ и общественномъ. О выборѣ невѣсты по жребію читаемъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ: „на седьмомъ вѣдѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицѣхъ себѣ любу“ ³⁾. Выборъ людей въ должности по жребію оставался долгое время очень обыкновеннымъ. Судъ по жребію былъ также обыченъ у всѣхъ Славянъ, особенно судъ Божій. Гаданіе по жребію, говоритъ г. Срезневскій, распространено

¹⁾ Памятники Стар. Русск. Лит., изд. Кушелева-Безбородко, III, 161.

²⁾ Тамъ же, 162.

³⁾ Слово о П. И., Христ. Миллера, 103.

во время язычества, доселѣ составляет у простаго народа Славянскаго очень важную часть суевѣрій ¹⁾). Можетъ-быть, въ силу этого общеславянскаго обычая, имѣла на Руси успѣхъ заморская выдумка—рафли, завезенныя въ Москву не раньше XVI вѣка. Выдумка эта, по самому происхожденію своему, не могла на долго удержать свое прежнее серьезное значеніе. Рафли, какъ лотерейная операція, могли быть усносны прежде всего людьми высшими изъ нашихъ предковъ, отъ нихъ перешли въ народъ и потомъ попали въ руки людей, занимавшихся колдовствомъ, которые не замедлили придать рафлейному горшку волшебнотайинственное значеніе и ввели его въ разрядъ другихъ средствъ морочить простяковъ ради собственныхъ выгодъ. Такого рода рафли могли быть и у насъ, и на западѣ не писанныя. Вѣроятно, гадальными тетрадами онѣ сдѣлались въ Россіи. Изъ свидѣтельствъ западныхъ писателей не видно, чтобы западныя рафли были писанныя; а если и была въ нихъ письменность, то самая незначительная, похожая на письменность при нашихъ лотереяхъ, гдѣ записываются номера вещей и подписчиковъ. Можетъ-быть, эта незначительная роспись западныхъ лотерей, если только она была при нихъ, или что вѣрнѣе всего, догадливость нашихъ грамотниковъ, положили начало длиннымъ рафлейнымъ тетрадамъ, съ ихъ обширнымъ и бессмысленнымъ содержаніемъ. Во всякомъ случаѣ, древне-русскіе грамотники были первыми редакторами Рафлей, какъ ересныхъ писаній. Писанія эти были однимъ изъ тѣхъ продуктовъ древне-русской письменности, которая усилилась отъ користолюбія нашихъ грамотѣевъ XVI и XVII вѣковъ, когда „при церквахъ среди приходскаго клира шла цѣлая фабрикація разнаго рода суевѣрныхъ тетрадей, которыя по заказу составлялись членами клира и дѣтьми ихъ, находившими въ этомъ темномъ промыслѣ и доходную статью, и выгодную поддержку своего значенія въ народѣ“ ²⁾). Можетъ-быть, думаетъ г. Пыпинъ, Рафли были книгою метанія, которую запрещаетъ статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ. Это мнѣніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что и Домострой упоминаетъ о какихъ-то костяхъ волшебныхъ, причисляя ихъ къ кознямъ бѣсовскимъ. Эти кости могли быть употребляемы при метаніи на Рафли. Съ другой стороны, едва-ли возможно, чтобы Рафли и волшебныя кости могли быть у насъ дѣломъ одной бѣсовской козни. Кости, на которыя указалъ Домострой, безъ всякаго сомнѣ-

¹⁾ Срезневскій, Святیلیницы и Обряды, 95.

²⁾ Знаменскій, Приходское духовенство на Руси, 160.

пія принадлежность извѣстной на западѣ игры въ кости (*talum ludus*), которая въ XVI вѣкѣ, а можетъ-быть и раньше, перешла въ Россію. Она была распространенною игрой еще у древнихъ Грековъ и Римлянъ и отъ нихъ унаслѣдована западомъ. Нашимъ древнимъ благочестивцамъ были извѣстны подобныя забавы на Руси, и они не умолчали объ нихъ. Одинъ изъ царскихъ вопросовъ, предложенныхъ на Стоглавѣ, замѣчаетъ: „да дѣти боярскіе, и люди боярскіе и всякіе бражники зерню играютъ и пропиваются, ни службы служатъ, ни промышляютъ, и отъ нихъ всякое зло чинится, крадутъ и разбиваютъ, души губятъ, и то бы зло искоренити“¹⁾. На эти игры бражниковъ еще яснѣе указываютъ слѣдующія слова того же Стоглава, по рукописи Волоколамскаго монастыря: „шахматы и тавлесси и ликами играютъ“²⁾. Оказывалось такимъ образомъ, что азартныя игры и игра въ кости были извѣстны на Руси въ XVI вѣкѣ, и занимались ими люди боярскіе и ихъ дѣти, люди со средствами бражничать и пропиваться. О поведеніи игроковъ печалуетъ и авторъ Домостроя. Подобно другимъ моралистамъ нашей старины, онъ возстаетъ противъ игроковъ не по одному византійско-аскетическому направленію, какъ принято думать, а по простому здравому смыслу, потому, что всякія игры служили дурною репутаціей для игроковъ, погрязавшихъ въ бездѣльи, въ объяденіи, пьянствѣ и дикомъ развратѣ. Сопоставивъ Рафли съ средневѣковою западною азартною игрой, потомъ съ лотереей и наконецъ съ игрой въ кости, мы видимъ, что онѣ—ни то, ни другое, ни третье. Остается думать, что наши древнія Рафли были волшебнымъ гаданьемъ у чародѣевъ и гадальною тетрадью—у книжниковъ; въ первомъ случаѣ онѣ не обходились безъ горшка, замѣнившаго западную урну, а во второмъ—безъ зерна или какихъ-нибудь шариковъ; только кости едва ли были въ употребленіи. Въ томъ и другомъ случаѣ наши Рафли сохранили одно иностранное названіе, при совершенно русскомъ значеніи ихъ.

Для уясненія того, какое значеніе и содержаніе имѣла другая ореченная книга—Аристотелевы Врата, имѣется еще менѣе данныхъ, чѣмъ для Рафлей. Одинъ только Стоглавъ помѣстилъ эту книгу въ число злыхъ ересей, на которыя самъ царь обратилъ должное вниманіе отцовъ собора. Нѣтъ сомнѣнія, что Аристотелевы Врата—книга

¹⁾ Стоглавъ, вопросъ 20-й.

²⁾ *Лѣтописи Русск. Лит. и Древн.*, изд. Тихонова, т. V, 138.

чужая. Но взята ли она съ греческаго, или солгана была болгарскимъ попомъ Іереміей, или имѣла какой-либо другой источникъ, — рѣшить это не берется даже издатель отреченныхъ книгъ, а другіе историки русской литературы находятъ, что Аристотелевы Врата есть часть извѣстнаго средневѣковаго сборника „Тайная Тайныхъ“ (*Secreta secretorum*). Сборникъ этотъ вмѣщаетъ въ себѣ различныя наставленія, будто бы предложенныя Аристотелемъ Александру Македонскому. Здѣсь предложены, между прочимъ, наставленія о примѣтахъ и о врачеваніи; онѣ раздѣляются на главы, названныя по-славянски „вратами“. Отсюда, говоритъ г. Буслаевъ, Аристотелевы Врата, одна изъ еретическихъ книгъ ¹⁾. Если только запрещеніе собора имѣло въ виду наставленія о примѣтахъ и врачеваніяхъ, то во всѣхъ нихъ трудно было найти самую малѣйшую ересь. Чтò, напримѣръ, еретическаго во вратахъ 21-хъ, гдѣ указывается знамя храбраго, то есть, физическіе признаки сильнаго организма? Тамъ указывается только, что станъ такого храбраго человѣка — правъ, кости его — крѣпки, и кудри его, и ребра его, и суставы его — тверды и велики, перси его, и чрево его, и плеча его — широки, и т. д. ²⁾. Чтò потомъ еретическаго въ слѣдующемъ врачебномъ наставленіи: „Дабы ходилъ въ лазню двоицы на недѣлю, или въ пять дней одна, а не сидѣлъ бы въ ней долго, а тербися въ ней зеліи горячими... ѣлъ бы ѣству свою послѣ лазни, и пилъ бы на се вина добраго или меду по мѣрѣ“, и т. д. ³⁾. Подобныя наставленія совершенно въ русскомъ вкусѣ и вполне согласны съ обычаями древне-русскаго благочестія; едва ли бы сталъ говорить противъ нихъ грозный царь, стоявшій въ этомъ случаѣ не выше понятій своихъ подданныхъ. Дѣло въ томъ, что подъ Аристотелевыми Вратами нельзя разумѣть указаннаго отдѣла изъ Тайная Тайныхъ. Кажется, одно случайное совпаденіе двухъ славянскихъ терминовъ дало изслѣдователямъ русской старины поводъ назвать Аристотелевыми Вратами такую книгу, которая, въ сущности, совсѣмъ не Аристотелевы Врата, какъ книга, отреченная въ древности. При настоящихъ нашихъ пособіяхъ, трудно положительно сказать, чтò такое были Аристотелевы Врата, а онѣ были въ довольно большомъ ходу въ древне-русскомъ обществѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, содержаніе ихъ казалось волшебствомъ, и волшебство

¹⁾ Истор. Христом., 1404.

²⁾ Тамъ же, 1400.

³⁾ Тамъ же, 1401.

это состояло въ желаніи выводить изъ извѣстныхъ комбинацій человѣческихъ именъ и цифръ предсказанія или отвѣты на заданные вопросы о будущемъ. Противъ такихъ стремленій не могъ не вооружаться строгій Стоглавъ.

Высказанное нами мнѣніе о значеніи Аристотелевыхъ Брать основывается на свидѣтельствѣ о такомъ значеніи ихъ на западѣ. Гаданіе по различнымъ сочетаніямъ словъ и чиселъ ведетъ свое начало изъ глубокой древности. Аристотель играетъ въ этомъ дѣлѣ позднюю роль. Онъ, считавшійся всегда и вездѣ первостепеннымъ авторитетомъ человѣческой мудрости, только соединилъ въ лицѣ своемъ выводы и догадки своихъ предшественниковъ. Первые попытки находить таинственный смыслъ въ числовыхъ знакахъ принадлежатъ Халдеямъ, которые раздѣлили всѣ числа на три части, придавъ каждой изъ нихъ особое значеніе и силу доводить человѣка до прозрѣнія сокровеннѣйшихъ тайнъ. Греческіе мудрецы подвинули это дѣло дальше. Пифагорійцы систематизировали способъ предугадыванія будущаго по именамъ и числамъ. Они приписали элементамъ буквъ точныя и священныя числа, а числамъ—непогрѣшимую способность указывать будущее и сокровенное. Всѣ числа были раздѣлены ими на три декады. Въ первую входили числа простыя или единицы, во вторую—десятки, въ третью—сотни. Чтобы предсказать что-нибудь, нужно было разложить на числа имена тѣхъ, которые предлагали вопросъ. Подобный анализъ чиселъ и словъ вошелъ также въ содержаніе іудейской кабалы. Здѣсь сочетанія именъ и буквъ брались изъ именъ Іеговы, ангельскихъ чиновъ и демоновъ. Впрочемъ, область такихъ именъ составляетъ содержаніе только одной кабалы, Меркана, другая же, названная Врешить, есть космологія. Между тѣмъ численные и буквенные знаки уносили еврейскихъ гадателей въ непроницаемую дебрь мистико-богословскихъ тонкостей, практическіе Греки относились къ дѣлу попроче, преслѣдуя только мірскія цѣли. Съ большою замысловатостію прилагали они свои исчисленія къ дѣламъ политики. По выводамъ числовыхъ знаковъ велись нѣкоторыми изъ греческихъ политиковъ тонкія философствованія о времени тѣхъ или другихъ политическихъ учрежденій и о необходимости перемѣнъ ихъ. Пропорціи чиселъ должны были имѣть вліяніе на возстановленіе, упроченіе, обезопасеніе государствъ, и пр.

Всѣми указанными данными, которыхъ, необходимо замѣтить, было много, пользовался въ своихъ политическихъ сочиненіяхъ зна-

менитый Аристотель. Его громкое имя закрыло собою всѣ предшествовавшія работы. У всѣхъ народовъ и во всѣ времена Аристотель пользовался неувыдаемою до сихъ поръ славой мудраго философа, математика и политика. Являлась новая, затѣйливая книга, полная глубокой философіи или хитрыхъ исчисленій, — книгу ту приписывали Аристотелю. Поэтому казалось, что только его необъятному уму возможно было выдумать и ту загадочную книгу, которая извѣстна подъ именемъ Тайная Тайныхъ. Не даромъ и переводчикъ ея на славянскій языкъ назвалъ языческаго мудреца преподобнымъ, считая, можетъ-быть, недостаточными для него всѣ нехристіанскія названія ¹⁾. Самъ Аристотель признавалъ, что элементы буквъ (*literarum elementa*) обладаютъ таинственно вѣрными цифрами (числами), съ помощію которыхъ возможны гаданія по собственнымъ именамъ людей. Сложивъ и высчитавъ числа именъ, отдавали первенство (*palmarum*) тому, чья сумма знаковъ превосходила сумму другого лица. Отвѣты давались по различію вопросовъ, а спрашивали — о войнѣ, объ исходѣ тяжбъ, о супружествѣ и о другихъ важнѣйшихъ случаяхъ жизни. Изъ этихъ-то исчисленій, получившихъ значеніе мудрыхъ гаданій, возникли знаменитые въ свое время гороскопы. Есть, говоритъ Симонъ Маіюль, такіе люди, которые, съ помощію численныхъ смѣтъ, надѣются найдти гороскопы ²⁾. Этого мало. Выдумкѣ Пифагора, усовершенствованной Аристотелемъ, приписывали величайшіе чудеса. По разказу Плинія, находкѣ Пифагора приписывали, что отъ неровнаго числа гласныхъ въ собственныхъ именахъ людей зависѣла потеря ими глазъ, охромленіе и подобные случаи ³⁾. Впослѣдствіи изъ различныхъ сочетаній буквъ и чиселъ образовалось извѣстное у всѣхъ народовъ Европы повѣрье на счетъ равнаго и неравнаго числа, иначе говоря, вѣра въ четъ и нечетъ. Римляне золотого вѣка чтили неравное число. «*Numero Deus impari gaudet*», говоритъ Вергилій. Но это все же не касалось такихъ именъ, въ которыхъ ровное число считалось счастливымъ для человека. Въ средневѣковой Европѣ были, какъ видно, въ большомъ ходу хитрыя тетради, въ которыхъ чрезъ числовыя и буквенныя исчисленія указывались пути къ глубочайшимъ тайнамъ бытія. Замѣчательно, что всѣ подобныя книги приписывались если не самому Аристотелю, то непременно лицу съ име-

¹⁾ Ист. Христом. *Буслаева*, 1402.

²⁾ *Simonis Majoli, Dies Caniculares*, 578.

³⁾ Тамъ же, 579.

немъ ученика Аристотелева. Всюду, напримѣръ, была въ ходу книга какого-то Альхиндрипа (Alchindrines), полная, по выраженію епископа Симона, всякаго вздора, и всё утверждали, что авторъ той книги былъ ученикъ Аристотеля. На первомъ листѣ ея изображена была круглая фигура, въ срединѣ которой намѣчены были различныя арифметическія числа; въ другомъ ближайшемъ кругу — написаны слова: жизнь, счастье, несчастіе, смерть, болѣзнь, здоровье; въ слѣдующемъ кругу — имена планетъ съ извѣстными числами; въ третьемъ кругу — алфавитъ заглавными латинскими буквами; въ четвертомъ — извѣстные арифметическіе знаки. Дальнѣйшую часть книги составлялъ текстъ ея ¹⁾. Книга эта, безъ всякаго сомнѣнія, была гадальною и запрещенною на западѣ. Подобныхъ произведеній было много въ Германіи, откуда заносились они и къ намъ.

Не подходя подъ уровень понятій древнихъ нашихъ грамотниковъ, для которыхъ не сподручно было пускаться въ темную область цифръ и буквъ, западныя гадальныя книги подвергались на Руси очень значительнымъ измѣненіямъ. Прежде всего наши переписчики исключили изъ нѣмецкихъ тетрадей непонятныя фигуры съ планетами, алфавитами, цифрами и пр., оставляя въ нихъ одинъ текстъ, или же, если оставляли при текстѣ знаки, то въ упрощенномъ видѣ. Нельзя сомнѣваться и въ томъ, что сами древне-русскіе грамотники, по слышкѣ объ Аристотелѣ, смастеривъ хитрую книжицу, называли се, для большей важности, громкимъ именемъ греческаго мудреца. Относя къ этому философу волшебный ключъ къ открытію глубочайшихъ тайнъ путемъ цифръ и буквъ, грамотники, какъ западные, такъ и наши, называли иногда хитрыя тетради Аристотелевыя Вратами. Не думаемъ, чтобы можно было считать за большую натяжку мнѣніе, что Аристотелевы Врата, обличаемыя Стоглавомъ, суть какой-нибудь сборникъ книжныхъ хитростей, съ цифрами или безъ цифръ. Такихъ сборниковъ, по всей вѣроятности, было не мало у насъ въ XVI вѣкѣ, при сильномъ стремленіи тогдашнихъ грамотниковъ дать книгамъ практическое, провѣщательное значеніе, заманчивое для народа и выгодное для самихъ грамотѣевъ. Во всякомъ случаѣ, именемъ Аристотелевыхъ Вратъ не называлась въ старину книга или часть книги, извѣстная подъ именемъ „Тайная Тайныхъ“. Допустивъ мнѣніе объ Аристотелевыхъ Вратахъ, какъ гадальной тетради, цифирной или какой-либо другой, мы поймемъ выраженіе

¹⁾ Dics Cauiculares, 580.

царя Ивана IV: „и въ Аристотелевы Врата смотрятъ“. А въ Тайная Тайныхъ нечего было и смотрѣть, потому что въ нихъ ничего нельзя было увидѣть, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ, всѣмъ извѣстныхъ назиданій, не имѣвшихъ никакой связи съ гаданіемъ, въ критическія минуты судебныхъ тяжбъ или полевыхъ побоищъ.

Гораздо проще Рифлей и Аристотелевыхъ Вратъ исторія и значеніе книгъ астрологическихъ и вообще всѣхъ математическихъ. Всѣ они, какъ извѣстно, были у насъ отречены. Изъ всѣхъ научныхъ книгъ наши предки уважали одну грамматику, какъ толковницу Священнаго Писанія. Она притомъ была дверію къ риторикѣ и философіи. „Что-бъ ученія азбуки худѣйши?“ спрашиваетъ авторъ Миротворнаго Круга, — „но обаче отъ сихъ и риторы, и мудрецы, и философы бывають,—они грамматикіи начало“ ¹⁾. Всѣ остальные книги, касавшіяся мірскихъ предметовъ, были отвержены нашими предками въ XVI и XVII вѣкахъ „Маемайскія книги“, говоритъ древній азбуконикъ, — „отреченныя книги, ихъ же есть четыре: ариѳметикія, мусикія, геометрія, астрономія“ ²⁾. Особенно сильно была преслѣдуема въ старину послѣдняя. Она же вмѣстѣ съ тѣмъ больше другихъ развивалась, или правильнѣе, обольщала любопытныхъ. Она совмѣщала въ себѣ и астрологию—въ тѣсномъ смыслѣ слова—и зодіи, и альманахи, и звѣздочетье, и иные составы; при ея пособіи можно было смотрѣть по звѣздамъ и по планидамъ, наблюдать дни и часы, и т. д. Обширная область астрономическихъ наблюденій породила въ древности множество книгъ по этой части. При самомъ незначительномъ вліяніи астрологическихъ книгъ, не могли не усиливаться древне-русскія астрономическія вѣрованія и примѣты, которыя жили въ народѣ споконъ вѣку и живутъ до сихъ поръ. Астрономічныя книги ведутъ свое начало изъ глубочайшей древности, и трудно указать, что въ нихъ принадлежитъ одному народу, что — другому, что — третьему; ибо главное содержаніе ихъ вынесено человѣчествомъ изъ временъ до-историческихъ. Первичная редакція астрономическихъ книгъ принадлежитъ такимъ народамъ, исторія которыхъ темна до сихъ поръ. Извѣстно, что начало и развитіе астрологическихъ вѣрованій и наблюденій положено было Халдеями и Египтянами. Евреи также увлекались этими знаніями. При этомъ не легко рѣшается вопросъ: были ли у означенныхъ народовъ астрологическія книги, и если были, то

¹⁾ Кругъ Миротворный, сборникъ Солов. библ., № 479, л. 47.

²⁾ *Архивъ*, изд. Калачова, 1850 г., кн. I, IV, 25.

переходили ли онѣ къ другимъ народамъ, или народы эти знакомились съ вѣровапіями востока путемъ предапія? Отвѣты на всѣ эти вопросы очень не ясны. Знаменитый борецъ съ астрологическими вѣровапіями западной Европы, Пика Мирандола говоритъ, что астрологія отъ Египтянъ перешла къ другимъ народамъ чрезъ посредство малозначущихъ авторовъ (*ignobiles auctores*) ¹⁾. Но кто были эти авторы, малозначущіе ли писатели, или плохіе астрологи — понять трудно. Далѣе Мирандола замѣчаетъ, что астрологія, принимаемая въ домахъ шарлатановъ, не входила въ греческій лицей и академію. И здѣсь нѣтъ указаній на то, были ли въ ту пору астрологическія книги, или нѣтъ. Освоившись съ Греками, астрологическія вѣровапія получили у нихъ книжную легитимацію, и починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ философу Эпикуру. Самъ Эпикуръ, говоритъ тотъ же авторъ, вѣрилъ въ астрологію, а въ 140 г. Птоломей, умнѣйшій астрологъ, почтилъ ее въ своихъ сочиненіяхъ. Съ него начинается рядъ людей, посвящавшихъ труды свои астрологическимъ занятіямъ ²⁾ (вѣроятно, книжнымъ). Мы видимъ далѣе, что еще въ древности являлись люди, опровергавшіе астрологическое ученіе. Цицеронъ говоритъ о Скилакѣ Галикарнасскомъ, что онъ, умнѣйшій астрологъ, опровергъ всѣ способы Халдеевъ предсказывать будущее ³⁾. Собственно книжная обработка астрологическихъ и другихъ гадальныхъ книгъ была сдѣлана въ первый разъ у Этруссовъ, отъ которыхъ книги эти перешли къ Римлянамъ. Этрусски славилась въ древности искусствомъ наблюдать небесныя явленія; даже женщины ихъ упражнялись въ этомъ. По крайней мѣрѣ, объ одной изъ нихъ, Танаквилы, Титъ Ливій разсказываетъ, какъ она съумѣла съ радостію принять одно предзнаменованіе, изумившее ее мужа, Тарквинія; она, замѣчаетъ Ливій, женщина искусная въ небесныхъ пророчаніяхъ, какъ и весь Этрусскій народъ ⁴⁾. У Этруссовъ, по свидѣтельству Цицерона, въ первый разъ явились книги гадальныя (*libri haruspicini*), съ ученіемъ о молніи и громѣ (*fulgurales et tonitruales*), иначе говоря, наши молніянники и громники ⁵⁾. Собственно Римлянами составлены одиѣ авгурныя книги.

¹⁾ Pici Mirand. liber XII, cap. VII.

²⁾ Pici Mirand, ibid.

³⁾ De divinatione, lib. II, 633.

⁴⁾ T. Livii t. I, cap. 33.

⁵⁾ De divinatione, lib. II, 563.

Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшею исторіей астрологическихъ книгъ у народовъ древнихъ и новыхъ, но укажемъ на то, что появленіе этихъ книгъ, то-есть, ихъ первоначальнаго содержанія, всегда и вездѣ обставлялось чудесностію, которая возвела всѣ астрологическія вѣрованія на степень сверхъестественныхъ откровеній. Чудесность манила къ астрологическимъ книгамъ и читателя ихъ, и слушателя, развивая въ обоихъ сильную вѣру въ таинственныя знанія. Христіанская эпоха, съ ея длинною исторіей отреченныхъ книгъ и съ упорною борьбою противъ нихъ, ничего не даетъ намъ въ этомъ дѣлѣ новаго, чего не было бы у народовъ древности. Всѣ древніе мотивы человѣческаго воображенія, почерпнутые изъ мощной и непостижимой для юнаго человѣчества природы, повторились въ христіанскомъ мірѣ. Чистые и глубокіе догматы христіанства не могли уложиться, какъ слѣдуетъ, въ понятіяхъ вѣрующихъ, на первыхъ же порахъ столкнулись съ понятіями долговѣчнаго космогонизма и произвели оригинальную смѣсь понятій христіанскихъ съ языческими. При этомъ оказалось, что понятія языческія, въ силу своей давности и крѣпости, легли въ основу вѣрованій христіанскихъ. Первоначальная исторія астрологическихъ вѣрованій и книгъ, какъ языческихъ, такъ и христіанскихъ — отреченныхъ, окрашена одинаково яркими красками человѣческой фантазіи. Цицеронъ приводитъ преданіе, что однажды, во время паханія земли, когда проведена была глубокая борозда, вдругъ выскочилъ изъ земли нѣкто Тагесъ (Tages) и заговорилъ съ тѣмъ, кто пахалъ. Этотъ Тагесъ, какъ значитъ въ этрусскихъ книгахъ, былъ съ юношескимъ лицомъ, но съ старческою мудростію. Когда пастухъ (bubulentus), испуганный появленіемъ его, отъ удивленія сталъ громко кричать, произошла бѣготня, и въ короткое время сошлась на то мѣсто Этрурія (Etruriam convenisse); онъ, Тагесъ, сказалъ своимъ слушателямъ очень многое; они усвоили слова его и записали ихъ въ книги. Вся эта рѣчь была именно та, которая содержится въ ученіи гадателей; она послѣ того увеличилась новыми предметами, достойными замѣчанія. Эти - то письмена и сохранили Этрусски, и таковъ источникъ ихъ ученій ¹⁾. Далѣе Цицеронъ упрекаетъ современниковъ своихъ, не перестававшихъ вѣрить подобнымъ сказкамъ. Разказъ о Тагесѣ и его ученіи, дашемъ содержаніе гадальнымъ книгамъ, въ основѣ своей имѣетъ много общаго съ отреченными разказами подобнаго рода изъ эпохи христіанской.

¹⁾ De divinat., lib. II, 616.

Не также ли чудесна и наша Голубиная книга, со всею исторіей своего появленія, со всею обстановкой дѣла, когда сходились къ ней, съѣзжались князья и князевичи, цари и царевичи, попы и дьяки, и много народу-людей мелкихъ. Не также ли чудесно проливаетъ и она первый свѣтъ на непостижимые вопросы про наше жьтье про святорусское, про наше житіе свѣту вольнаго? Не также ли чудесенъ нашъ вѣщій Давидъ Ессеевичъ, какъ чудесенъ этотъ мудрѣйшій Тагесъ Тарквинскій?

Еще болѣе, чѣмъ въ указанномъ случаѣ, видимъ мы эпического сходства въ исторіи другихъ ложныхъ книгъ, острономѣйныхъ, съ исторіей книгъ древне-языческихъ. Только въ ложныхъ книгахъ христіанскихъ, при участіи въ дѣлѣ лицъ библейскихъ, много дано участія и сатанѣ. Его роль, безъ сомнѣнія, создана позднѣйшими апологетами христіанскаго ученія, съ цѣлю покрыть всю область отреченныхъ вѣрованій чернымъ именемъ бѣса, какъ первѣйшаго астролога. Извѣстно, что всѣ отреченныя книги астрологическаго содержания названы были отъ христіанскихъ учителей бѣсовскими кобыми. „Симъ же дѣломъ (то-есть, астрологическими и имъ подобными вѣрваніями) безумніи челоувѣцы, оставя Божію помощь, уклоняются въ развращенная, а не вѣдуща, яко нѣсть се Божіе повелѣніе, ни святыхъ апостолъ, ни святыхъ отецъ преданіе, но богоненавистно и мерзко быть Богу такое окаянное дѣло; второе бо идоловѣріе именуется, понеже еретицы отъ бѣсовъ такой племель всѣяше невѣгласомъ и неразумнымъ и бунимъ душамъ на пагубу“¹⁾. Вообще, всѣ наши обличители астрологическихъ ученій, въ заключеніе своихъ разсужденій, не забывали указать на то, что первый и главный виновникъ астрологіи есть діаволъ. Максимъ Грекъ, въ заключеніе почти всякаго слова противъ скверныхъ звѣздоблазнителей, сквернословцевъ, не забываетъ поугаты читателей своихъ діаволомъ. „Врагъ бо нашъ“, говоритъ онъ, „извѣстно вѣдый, яко спасеніе наше есть отъ вѣры неложныя и надежи, яже въ Бога, всякимъ числомъ лукавствуетъ безпрестанно отлучати насъ ихъ; предлагаетъ же намъ всѣмъ прелесть предрицанія звѣздоблазнителейъ, ихъ же множайшимъ онъ ухищраеть по дѣлу, красти насъ тѣсяса, якоже священный Августинъ и божественный Златоустъ о водіихъ извѣстиша насъ“²⁾.

¹⁾ Поученіе къ вѣрующимъ въ роженіи мѣсяца и пр. въ *Летописяхъ Русск. Литер.*, т. V, 99—103.

²⁾ *Прав. Собесѣдн.* 1860 г., апрѣль, 433—434.

Богѣ чистое, свободное отъ участія діавола происхождение приписываютъ себѣ сами отреченныя астрологическія книги. Происхождение это вполнѣ чудесно, но чудо принадлежитъ самому Богу; впрочемъ, и здѣсь почему-то архангелъ хотѣлъ уничтожить астрономѣйную книгу. По разказу объ этомъ дѣлѣ, приписанному Меѳодію Патарскому, выходитъ, что астрономію изобрѣлъ Мунтъ, сынъ Носичъ. „Мунтъ живише на полуношной странѣ, и пріялъ даръ много и милость отъ Бога, и мудрость астрономѣйную обрѣте“¹⁾. Другой разказъ объ изобрѣтеніи астрономіи передаетъ объ этомъ дѣлѣ слѣдующія подробности: „Отъ Монда, внука Ноева, сына Симова, астрономіи списася. Явися ему Михаилъ Архангелъ, глаголетъ ему: гдѣ есть Михаилъ, угони.—Мондъ же рече: на небеси вѣсть его, а въ преисподняя не сошелъ.—Паки рече ему: ты еси Михаилъ.—Онъ же удари его руки запястіемъ, и вземъ отъ него книгу астрономію, и вверже ея въ море, „да къ тому, рече, не угадываеши“. Онъ же паки обумъ состави отчасти сію книгу астрономію“²⁾. По смыслу этого разказа выходитъ, что астрономѣйное, книжное дѣло — дѣло своеволіи Мондова, который не послушался архангела, сказавшаго: „да къ тому не угадываеши“. Угадки Монда, составленныя имъ обумъ, не могли имѣть прежней полноты и чудесности; тѣмъ не менѣе, для насъ важно стремленіе книжниковъ и цѣлаго народа отводить начало запрещеннымъ книгамъ въ отдаленнѣйшей, мифической древности, и давать этимъ книгамъ всю чудесную обстановку книгъ вѣщихъ, непосильныхъ уму обыкновеннаго человѣка. Только позднѣйшее время сняло съ отреченныхъ книгъ покровъ чудесности. Всѣ звѣздословцы и альманашники оказались людьми простыми, бездѣльными шарлатанами, даже безъ всякихъ связей съ черною силою. Но такого взгляда на астрономѣйныя книги далеко не раздѣляетъ весь Русскій народъ. Въ его глазахъ календарь Брюса, послѣдняя изъ чудесныхъ книгъ, есть книга глубочайшихъ тайнъ, до которыхъ человѣкъ могъ дойти не безъ помощи нечистаго. Поэтому самъ Брюсъ, этотъ русскій Фаустъ, прослылъ, какъ мы видѣли, величайшимъ вѣщуномъ, который былъ, думали, въ побратимствѣ съ самимъ сатаной.

III.

Переходя отъ историческихъ замѣтокъ о древне-русскихъ отреченныхъ вѣрованіяхъ къ изложенію ихъ содержанія, мы, для больш-

¹⁾ Памятники Стар. Русск. Лит., III, 18.

²⁾ Тамъ же, 19.

шей ясности, подраздѣляемъ всѣ вѣрованія на отдѣлы: сначала разберемъ вѣрованія, прямо касающіяся личности самого человѣка, — потомъ—вѣрованія, перенесенныя на животныхъ, птицъ, на предметы и случаи изъ домашней жизни, и наконецъ изложимъ, въ связи съ календаремъ Брюса, вѣрованія касательно небесныхъ явленій, добрыхъ и злыхъ дней и пр. Начнемъ дѣло съ краткихъ замѣтокъ о заговорахъ и наузахъ.

Въ индексахъ отреченныхъ книгъ не говорится прямо о заговорахъ и наузахъ. Но молчаніе индекса не означаетъ того, чтобы повѣрять эти не имѣли значенія въ древне-русской жизни. Напротивъ того, они проникали всю жизнь древняго русскаго человѣка; за нихъ, особенно за заговоры, онъ брался во всѣхъ критическихъ случаяхъ жизни, пользуясь ими или въ чисто-языческой формѣ, или въ смѣси съ христіанскими молитвами. „Не тако зло творимъ просто“, говоритъ христіанецъ, „но и мѣшаемъ нѣкія чистыя молитвы съ проклятымъ моленьемъ идольскимъ“. За такое безобразіе христіанецъ страшитъ своихъ слушателей страшною карою Божіей: „Павель рече: видѣхъ облакъ кровавъ распротертъ надъ всѣмъ міромъ, и спросихъ глаголя: Господи, что се есть. И рече ми: се есть молитва человѣческа, смѣшена съ безаконьемъ“, и пр. ¹⁾ Съ неменьшею строгостію осуждаетъ вѣру въ заговоры и наузы Слово св. Кирилла о злыхъ дусѣхъ. Приведши Юва въ примѣръ терпѣнія недуговъ тѣлесныхъ и душевныхъ, проповѣдникъ говоритъ: „А мы нынѣ хотя мало поболимъ, или жена, или дѣтя, то оставльше Бога, врача душамъ и тѣломъ, ищемъ проклятыхъ бабъ чародѣйницъ, наузовъ и словъ прелестныхъ слушаемъ; глаголютъ намъ, навязываячи наузы и инакую дьяволю прелесть, абы чадо бѣса бѣсомъ изгонити. О горе намъ, прельщеннымъ бѣсомъ и скверными бабами!“ ²⁾ Съ заговорами тѣсно связаны наузы. Буслаевъ, указавъ значеніе этого слова по памятникамъ древней письменности и особенно по азбуковникамъ, связываетъ наузы съ заговорами. Мы видимъ, говоритъ онъ, что узлами или наузами заговаривали оружіе ³⁾. Наузъ былъ видимымъ знакомъ невидимой цѣлительной силы, низводимой на предметъ рѣчью заговора; онъ хранилъ потомъ цѣлительную силу въ томъ предметѣ, на который былъ вѣшаемъ. Наузъ могъ охранять отъ злой немочи, отъ адо-

¹⁾ Слова нѣкоего христіанца.

²⁾ Слова св. Кирилла о злыхъ дусѣхъ. *Москвитинимъ* 1844 г., № 1-й.

³⁾ *Архивъ*, изд. Калачова, 1854, IV, 3.

витой змѣи, могъ заградить стрѣльцамъ всѣ пути и дороги, замыкать всѣ пищали, опутывать всѣ луки, повязать всѣ ратныя оружія, и пр. Но повторяемъ, вся сила науза заключалась въ вѣщемъ заговорѣ, читанномъ при завязи и привязи науза. Въ позднѣйшее время наши знахари и волхвы не довольствовались завязываніемъ простыхъ узловъ, а ввязывали въ нихъ разныя зелья, ладонки и камешки, способные проводить на человѣка или на его домашній скотъ спасительную охрану. Изъ этого же обычая образовались различныя притиранія и намазыванія, какія употреблялись народными знатцами въ приткахъ и прострѣлахъ. Многія изъ подобныхъ операций изчислены въ индексѣ отреченныхъ вѣрованій и примѣтъ XVII вѣка: „Солю потретъ, или мастію коею либо, масломъ или скипидаромъ, и нефтью, и мышьякомъ, или кровію человѣческою, и млекою женскимъ или скотскимъ, или медомъ, и росою, или сѣрою, или дехтемъ, или хмелемъ“¹⁾.

Всѣ русскіе обычаи, связанные съ заговорами и наузами, связываются, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ подобными обычаями другихъ, самыхъ отдаленныхъ народовъ. Еще въ доисторическомъ быту людей сложились такіе обычаи, вызванные культомъ религіознаго поклоненія солнцу. Въ извѣстные дни солнечнаго равноденствія, у народовъ востока—Египтянъ, Евреевъ и другихъ мазали нѣкоторыя части дома кровію или окровавленнымъ тѣстомъ, въ знакъ красноты солнечнаго свѣта. О Египтянахъ, между прочимъ, разказываютъ слѣдующее: въ весеннее равноденствіе они мажутъ овецъ, мажутъ деревья, смоквы и прочіе предметы, наговаривая при этомъ и сплетая узлы, потому что, говорятъ они, солнце въ тотъ день (въ который мажутъ) возжгло нѣкогда вселенную²⁾. Въ этомъ древнѣйшемъ обычаѣ лежитъ начало извѣстнаго обряда у Евреевъ, во время Пасхи. Только позднѣйшіе писатели придали ему совершенно иной, таинственный для однихъ Евреевъ и потомъ христіанъ, смыслъ. Если даже древнѣйшее сплетаніе касалось вѣтвей деревъ, то и въ этомъ случаѣ оно живо напоминаетъ наше русское суевѣрье, по которому „волхви и еретицы и богомерскія бабы кудесницы и иная множайшая волшебствуютъ, и березки подвизываютъ и вѣтвіе слетаютъ“...³⁾. Обычай вязать узлы съ причитаніями и мазями перешелъ съ востока къ древнимъ

¹⁾ Опис. Рун. Муз., 551.

²⁾ *Bohlen*, *Das alte Indien*, 140.

³⁾ Опис. Рун. Муз., 551.

народамъ Европы, или можетъ-быть, онъ возникъ здѣсь и самостоятельно. Его держались потомъ древніе Нѣмцы и Славяне. Римлянинъ, говоритъ Фюстель-Куланжъ, носить на себѣ разные талисманы. Стѣны дома своего онъ покрываетъ письменными заговорами отъ пожаровъ. Онъ знаетъ заговоры въ упрежденіе болѣзней и другіе— въ избавленіе отъ нихъ. Но каждый заговоръ надо повторить 27 разъ и при каждомъ разѣ отплеиваться особымъ манеромъ ¹⁾. Преданія о наузахъ, говоритъ г. Буславъ, сохранились въ одномъ древне-нѣмецкомъ стихотворномъ заклятїи оружія, найденномъ въ рукописи X вѣка, имѣющей заглавіе: *Vabani expositio super missam*. Заговоръ этотъ читается такъ: „Нѣкогда сидѣли жены, сидѣли тамъ и сямъ: однѣ вязали паузы, инныя укрощали войско, инныя рвали вѣнки (то-есть, зелье на вѣнки). Вырвись изъ оковъ, убѣги отъ враговъ!“ ²⁾. Подобныхъ заговоровъ, при коихъ употреблялись, вѣроятно, внѣшніе знаки, было много и у нашихъ предковъ. „А будешь ты ратнымъ человѣкомъ“, говорится въ одномъ изъ заговоровъ русскихъ,— „ино будь сбережень: отъ топора, отъ бердыша, отъ пищали, отъ татарскія пика, отъ краснаго булата, отъ борца, единоборца, отъ бойца-врага супостата, отъ всей поганой татарской силы, отъ казанской рати, отъ литовскихъ богатырей, отъ черныхъ Божїихъ людей, отъ бабьихъ зазоръ, отъ хитрой немочи, отъ всѣхъ недуговъ“... ³⁾. Общность русско-славянскихъ заговоровъ съ заговорами другихъ народовъ объясняется племеннымъ духовнымъ родствомъ ихъ. Еще въ Ведахъ и въ Зендавестѣ имѣются гимны и молитвы къ солнцу, мѣсяцу, землѣ, огню, свѣту, водѣ и прочимъ стихійнымъ предметамъ. Греки, какъ видно изъ пѣсенъ Гомера, заговорами лѣчили физическія болѣзни и останавливали теченіе крови. Гомеръ разказываетъ о томъ, какъ Улиссъ стихомъ остановилъ теченіе крови изъ раненной бедра ⁴⁾. Теофрастъ передаетъ, какъ тѣмъ же средствомъ лѣчились имѣвшіе боль въ лядвяхъ ⁵⁾. Оба случая живо напоминаютъ наши старинные заговоры отъ руды и ломоты. Необходимо замѣтить, что наши древніе заговоры, сравнительно съ классическими, отличаются большею полнотою, болѣе ясными мнѣческими намеками, нерѣдко очень трудными

¹⁾ *Фюстель-Куланжъ*, *Община античнаго міра*, 282.

²⁾ *Архивъ*, изд. *Калачова*, 1854 г., IV, 4.

³⁾ *Сахаровъ*, *Сказанія Русск. народа*, т. I, Чернокижїе, 27.

⁴⁾ *Одиссея*, 455.

⁵⁾ *Naturalis Histor. Plinii Secundi*, lib. XXVII, cap. II.

для пониманія; этихъ чертъ не видно въ заклѣтіяхъ греческихъ. Съ появленіемъ письменности вошло въ обычай у всѣхъ народовъ писать извѣстныя молитвы на прогнаніе злыхъ немощей, особенно трясавицъ. Русскій обычай этого рода одинаковъ съ обычаемъ греческимъ. Одно изъ древнихъ русскихъ поученій выставляетъ на видъ, что суевѣрные христіане „жертву приносятъ бѣсомъ, недуги лѣчатъ чарами, и паузы немощнаго бѣса, глаголемаго тряскою, мнятъ прогоняюще нѣкими ложными писмяны, проклятыхъ бѣсовъ эленскихъ ниша нмапа на лблоцѣ... и того ради разгнѣвленъ Богъ не пушаетъ дожда на землю“ и т. д. ¹⁾). Христіанскіе проповѣдники, какъ видно изъ указаннаго мѣста, приписываютъ возможность карать волшебство только силою Божию. Но по убѣжденіямъ древняго Римлянина, словомъ самого человѣка можно было низводить на человѣка же и добро, и зло; священнымъ словомъ человѣка можно было прежде всего повліять на хлѣбное поле или плодовое дерево другаго человѣка, желая сдѣлать ему пользу или вредъ. Наша письменность мало представляетъ подобныхъ заговоровъ, хотя и въ ней есть указанія, что такое знахарство было извѣстно и въ древней Руси. Довольно для этого припомнить покаянныя слова грѣшницы: „еще душа Богу согрѣшила: въ соломахъ я заломы заламывала, со всякаго хлѣба споръ отнимывала“. Грѣшница не сказала, какимъ способомъ отнимывала она хлѣбный споръ; быть можетъ, она ограничивалась для этого однимъ внѣшнимъ дѣйствіемъ, но вѣроятнѣе предположеніе, что дѣло грѣшницы не обходилось безъ вѣщихъ словъ. Злой грѣхъ нашей грѣшницы былъ въ большой силѣ у древнихъ Римлянъ, которые въ послѣдствіи имѣли даже, какъ извѣстно, богиню — защитницу полей и садовъ отъ злыхъ людскихъ порчей полевыхъ плодовъ. Третій законъ седьмой изъ XII таблицъ „de frugibus excantatis“ имѣетъ въ виду именно того преступника, который заговаривалъ поля и плоды: „qui frugibus excantassit“ ²⁾). Плиній, Сепека и блаженный Августинъ согласно думаютъ, что этотъ законъ XII таблицъ имѣлъ въ виду именно злыхъ наговорщиковъ ³⁾). О подобномъ злодѣйствѣ соболѣзняетъ и наша грѣшница: „въ полюшкахъ душа мои хаживала, не поправедно землю раздѣливала; я межу черезъ межу перекладывала,

¹⁾ Слово о клятвахъ и суевѣріяхъ. Истор. Христ. *Буслаева*, 533.

²⁾ *Jus antiquum Romanorum*, 244.

³⁾ *Histor. Natur.*, lib. XXVII, cap. II, 258. *De civitate Dei*, VIII, 12.

съ чужой нивы яемлю украдывала“¹⁾). Это украдыпанье земли, вмѣстѣ съ другими продѣлками, имѣло цѣлю перевести плоды съ чужаго поля на свое. Иные комментаторы разбираемаго закона XII таблицъ видятъ въ немъ запрещеніе переводить на свое поле чужую жатву; но Гофманнъ даетъ слову *excantari* двойное значеніе — первое, что наговоромъ можно было вывести плодъ вонъ (*foras*), вѣроятно, изъ стебля или съ дерева, — и другое, что можно было перевести или переманить (*pellicere*) чужіе плоды на свою ниву. Вообще, послѣ многихъ толкованій указаннаго закона, онъ читается такъ: кто заговоритъ плоды или переведетъ чужую жатву, тотъ да будетъ проклятъ²⁾). Помимо указаннаго злоупотребленія вѣщимъ словомъ, оно было сильно въ мольбахъ о плодородіи. Извѣстно, что во время римскихъ флорарій были читаемы стихи Сивиллы о томъ, чтобы все хорошо разцвѣло (*ut omnia bene deflorescant*)³⁾. Многимъ священнымъ стихамъ Римляне, подобно Грекамъ, приписывали силу изцѣлять различные недуги. Катонъ говоритъ, что одинъ стихъ помогалъ при исправленіи вывихнутыхъ членовъ, а Маркъ Варронъ утверждаетъ, что подобный стихъ помогалъ страдавшимъ отъ подагры⁴⁾. Были, говоритъ Плиніи, стихи противъ града и различныхъ болѣзней, противъ обжоговъ; нѣкоторые изъ такихъ были испытанные... Предки наши вѣрили въ такія даже слова, силою которыхъ можно было вызвать громъ и молнію⁵⁾.

Люди разсудка или христіанскихъ идеаловъ, разумѣется, громко осуждали всѣ подобныя увлеченія. Цицеронъ, съ свойственною ему издѣвкой, говоритъ о современникахъ своихъ, хранившихъ стихи Сивиллы. Христіанскіе учителя, умертвивъ въ себѣ всего, какъ говорили они, встхаго человѣка, стремились и въ другихъ искоренить грѣховныя проявленія человѣческой природы, насадивъ на мѣсто ихъ стремленія чистыя, чуждыя всего мірскаго и плотскаго. Но на этомъ-то пунктѣ, какъ философія, такъ и христіанство, встрѣчали больше всего камней преткновенія. Въ древнемъ языческомъ обществѣ дольше, чѣмъ гдѣ-нибудь, жили тѣ магическіе заговоры и стихи, которые по преимуществу дѣйствовали на человѣческое сердце, на поддержаніе

¹⁾ Стихъ о великой грѣшницѣ.

²⁾ *Qui fruges excantassit vel alienam segetem pollexerit—sacer esto.*

³⁾ *Römische Zeittafeln*, 1841 г., 80.

⁴⁾ *Historia Naturalis*, lib. XXVIII, 259

⁵⁾ Тамъ же, 257.

въ немъ чувства пріятнаго и на искорененіе горестнаго и страшливаго. Особенно живучи были наговариванья любовныя, наши привороты и отвороты. Плиній видитъ ихъ въ произведеніяхъ греческаго поэта Теокрита, потомъ изъ римскихъ поэтовъ — въ стихахъ Катуллы и даже ближайшаго къ его времени, Вергилія ¹⁾. Этотъ же родъ заговоровъ долѣе другихъ сохранился и у насъ, не смотря на всѣ усилія христіанскихъ учителей дать любовному чувству христіанъ спокойныя и чистыя формы. На эти же вопросы существовало множество чаръ, производимыхъ съ причитаніями. Объ одной изъ такихъ чаръ упоминаетъ еще Кирикъ, просившій Нифонта дать эпитемію тѣмъ женамъ, которыя „аже не возлюбятъ ихъ мужи, то омываютъ тѣло свое водою и ту воду даютъ мужемъ“ ²⁾. Разнообразія запрещенныя чары, люди, нуждавшіеся въ нихъ, какъ будто больше всего надѣялись при этомъ на силу слова. Многіе заговоры полны самыхъ порывистыхъ и бурныхъ моленій объ успѣхѣ или неуспѣхѣ любовнаго дѣла. Укажемъ на одинъ: „Мечитесь, тоски; киньтесь, тоски, въ буйную ея голову, въ тыль, въ лѣкъ, въ ясныя очи, въ сахарныя уста, въ ретивое сердце, въ ея умъ и разумъ, въ волю и хотѣніе, во все ея тѣло бѣлое и во всю кровь горячую, и во всѣ ея кости, и во всѣ составы: въ 70 составовъ, полусоставовъ и подсоставовъ... чтобы она тосковала, горевала, плакала бы и рыдала во всякъ день, во всякъ часъ, во всякое время... кидалась бы, бросалась бы изъ окошка въ окошко, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота“, и проч. ³⁾. Въ полномъ паѳосѣ страсти, заговорщикъ переходитъ потомъ къ живымъ и нѣжнымъ эпическимъ краскамъ: чтобы онъ ей казался „милѣ свѣту бѣлаго, милѣ солнца пресвѣтлаго, милѣ луны прекрасныя, милѣ всѣхъ и даже милѣ сну своего, во всякое время: на молоду, подъ полнѣ, на передроѣ и на исходѣ мѣсяца“... ⁴⁾. Трудно было христіанству побороть подобныя вдохновенія древне-русской натуры, и оно не поборолъ ихъ окончательно до сихъ поръ.

Не менѣе сильны были, чѣмъ притворы и отвороты, и тѣ изъ отреченныхъ словъ, которыя употреблялись челоѣкомъ съ цѣлію охранить себя отъ различныхъ опасностей. У всѣхъ народовъ были заговоры противъ звѣрей, вмѣй, противъ оружія, противъ злыхъ людей на пути

¹⁾ Тамъ же, 258.

²⁾ Памятники Русск. Слов. XII вѣка, 202.

³⁾ Сахаровъ, Сказ. Русск. народа. Чернокишиѣ, 28.

⁴⁾ Тамъ же, 29.

и др. Плиній говоритъ, что нѣкто Атталъ утверждалъ, что, если кто, увидѣвъ скорпіона скажетъ „duo“, то пресмыкающееся не въ состояніи будетъ двигаться и жалить ¹⁾). Интересна у того же Плинія замѣтка о Цезарѣ: будучи диктаторомъ, Цезарь, послѣ одного непредвидѣннаго паденія колесницы, усвоилъ себѣ обычай, прежде чѣмъ садился въ экипажъ, три раза прочитаннымъ стихомъ обезопасивать свой путь. Это дѣлаютъ, прибавляетъ историкъ, какъ извѣстно намъ, очень много и теперь ²⁾). Всѣ подобные заговоры были извѣстны у другихъ народовъ. Особенно извѣстны въ большомъ количествѣ заговоры противъ лихорадокъ. У Римлянъ эти послѣдніе, вѣроятно, имѣли значеніе храмовыхъ молитвъ, такъ какъ для Febris былъ у нихъ храмъ на Палатіумѣ ³⁾). Въ храмѣ отправлялись опредѣленныя службы и моленія, которыя перешли потомъ къ другимъ народамъ. Русскій проповѣдникъ, какъ замѣтили мы выше, указывалъ на заимствованіе Русскими ложныхъ молитвъ противъ лихорадки изъ Византіи. Но взгляды нашего народа на трясавицу и на лѣченіе ея издавна были различны; нельзя всѣ ихъ относить ко вліянію Византіи или ересей. Выраженіе Сахарова, „понятія Русскаго народа о лихорадкахъ заимствованы отъ павликіанъ“ слишкомъ обще и потому не вѣрно ⁴⁾). Понятія о болѣзни, которую порождаютъ климатическія условія страны, и противъ которой человекъ, по чувству самосохраненія, долженъ изыскивать средства,—не могутъ быть вполне заимствованными. Если религиозно-апокрифическая литература внесла въ грамотное сословіе на Руси извѣстныя сказанія павликіанъ или богомиловъ о трясавицахъ,—это не значитъ, что только эти сказанія дали понятіе о болѣзни и о средствахъ противъ нея. Понятія о лихорадкѣ извѣстны были народу ранѣе всякихъ христіанскихъ ересей; издавна извѣстны были и средства избавленія отъ злой болѣзни. Задолго до знакомства Русскихъ съ христіанско-еретическими сказаніями о трясавицахъ были употребляемы Русскимъ народомъ чары и заговоры отъ нихъ. Книжныя сказанія могли только измѣнить отчасти содержаніе заговоровъ, переполнивъ ихъ христіанскими именами. Это замѣчается и въ отношеніи другихъ заговоровъ. Заговоры, напримѣръ, отъ руды были знакомы народу издавна, а

¹⁾ Historia Naturalis, XXVII, 260.

²⁾ Тамъ же, 259.

³⁾ Cicero, De natura deorum, III, 25.

⁴⁾ Сказанія Русск. народа, I, кн. 2-я, 25-е прим. къ главѣ о Чернокнижніи.

въ христіанскую пору они получили другую форму, въ родѣ слѣдующей: „Аще пойдетъ кровь изъ носа, напиши сія словеса на хартии и привяжи къ челу: страхъ и трепеть ему же хотяци предстати священницы и двоеженцы, въ страшное твое Христа Бога нашего Иисуса Христа пришествіе“¹⁾).

Между другими отреченными вѣрованіями укажемъ на одно весьма знаменательное и сильно распространенное во всей христіанской Европѣ—о чудесномъ значеніи стиховъ. У насъ оно примѣнялось къ псалмамъ Давида. Книга псалмовъ съ самыхъ первыхъ временъ христіанства на Руси пользовалась величайшимъ авторитетомъ въ глазахъ русскихъ христіанъ. По значенію своему, какъ христіанскаго оракула, псалмы царя Давида примыкали къ древне-языческимъ письменамъ, имѣвшимъ провѣщательный смыслъ. Они были въ своемъ родѣ Сивиллиною книгой, стихи которой долго держались въ римскомъ обществѣ. Псалтирь премудраго царя, столь опоэтизированнаго народными стихами, разгибалась иногда нашими предками для узнанія исхода важнаго дѣла, для того, чтобы священнымъ словомъ псалмопѣвца поруководиться въ случаяхъ сомнительныхъ. Набѣжало тяжелое сомнѣніе на благочестиваго Владиміра Мономаха, и печальный князь обратился къ Псалтири. „Отрядивъ я, пословъ“, говоритъ князь,—„вземъ псалтирю, въ печали разгнухъ я, и то ми ся выня: вскую печалуеши, душе, вскую смущаеши мя“ и пр.²⁾ Этими словами псалма успокоился смущенный князь, вполне увѣрившись въ правотѣ своего поступка. Тяжело на душѣ у другаго князя, несчастнаго плѣнника въ Татарской землѣ, и онъ, въ утѣшеніе себя, просить книгу Псалтирь. „Дадите ми Псалтирь“, говоритъ князь Михаилъ,—„вельми бо прискорбна душа моя“. Но не до чтенія псалтири было русскому страдальцу въ эти тяжкія минуты; душу ег давило тяжелое сомнѣніе о близкой участи своей, и онъ спѣшитъ взяться за книгу премудраго царя съ цѣлью узнать роковую тайну... „И разгнувъ псалтирь, и обрѣте псаломъ: внуши, Боже, молитву мою и воми моленіе мое, въ скорбѣхъ печали моя смутихся отъ гласа вражія, яко въ гнѣвѣ враждоваху мнѣ... Сердце мое смутися во мнѣ и страхъ смертный прииде на мя“. Скорбныя слова разрѣшили сомнѣніе: поняли это князь и священники. „И рече Михаилъ попомъ: что молвить псаломъ сій, скажите ми? Они рокоша, не хотяци болши

¹⁾ Сборникъ Сол. библ. № 889, Зелениникъ, листъ 151.

²⁾ Поученіе Владиміра Мономаха дѣтямъ.

его смутити: се, господине, знакомити псалмы въ послѣдней главѣ: възвръзи на Господа печаль свою, и той ты препитаеть и не дасть въ вѣки смятенія праведнику“. Послѣдними словами было сказано все, и несчастный князь, близкая жертва злыхъ варваровъ, смѣло ждетъ смерти. „Онъ же паки глаголаше: кто дасть ми крилъ, полечу и почию,—и паки: се удалихся бѣгая и въдворихся въ пустыню, чаю Бога, спасающаго мя. И тако скончавъ псалмы и согнувъ Псалтирь.“; Михаилъ услышалъ о приходѣ убійцъ“ ¹⁾). Глубочайшая мудрость и просвѣтительное значеніе Псалтири постоянно выставлялись на видъ нашими древними грамотниками. Они сравнивали свѣтъ ученія ея съ свѣтомъ солнечнымъ. „Вопрошенъ бысть великій Златоустъ отъ братіи: добро ли оставити Псалтирь? Онъ же рече имъ: уне есть солнцу перестати отъ теченія своего, нежели оставити Псалтирь“ ²⁾). „Книжная премудрость“—а Псалтирь была настольною книгой древнерусскаго книжника—„подобна есть солнечной свѣтлости, но и солнечную свѣтлость облака закрываютъ, а книжныя премудрости не можетъ ни вся тварь скрыти“ ³⁾). Поэтому, ни для одной книги не требовалось въ старину такого прилежанія и такой горячей любви, какъ для Псалтири. „Толикаго сокровища преисполнену книгу сію читателю приими, любовнѣ лобызай, чти прилежно, внимаи разумно, суди благодарно“, говоритъ предисловіе или похвала Псалтири, изданной въ XVI вѣкѣ ⁴⁾). Послѣ сказаннаго о Псалтири легко понять, почему именно эта книга сдѣлалась предметомъ суевѣрныхъ гаданій нашихъ предковъ. Этого явленія никакъ нельзя объяснять однимъ влияніемъ византійскихъ книгъ, хотя въ нихъ и были, правда, указанія на гадальное значеніе Псалтири, книги Давида, собесѣдника Володимира, который, въ свою очередь, близокъ къ Волоту. Какъ ни плотна во всемъ этомъ христіанская покрывка, но нельзя не видѣть подъ нею древне-эпической подкладки, на которой сотканъ весь стихъ о Голубиной книгѣ—этой книгѣ ни малой, ни великой, но разказать ее по старой по своей памяти могъ одинъ только царь Давидъ Ессеевичъ. Смѣло можно сказать, что между Псалтирью и Голубиною книгой есть доля взаимнаго отношенія. Неизвѣстно, съ какого времени книга псалмовъ стала употребляться нашими предками для га-

¹⁾ Повѣсть о кончинѣ Михаила Тверскаго.

²⁾ Рукописный свитокъ конца XVII вѣка.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Сборникъ Сол. библ. № 889, л. 16 (предисловіе на псалтирь).

данія. Подробное описаніе этого гаданія, отреченнаго нашею церковію, мы видимъ въ Номоканонѣ, во второй разъ изданномъ въ XVII вѣкѣ, и повторилось то, что сказано было въ Кормчей книгѣ, по славянскому списку 1262 года. „Чаровницы сіи суть“, говоритъ статья Номоканона,—„иже негли Давидскія псалмы поюще, мученическая имена, и самыя Пресвятая Богородица въспоминающе, и сими еже отъ Ѳсовъ слагають чарованія“¹⁾. Изъ дальнѣйшихъ словъ видно, что имена псалмовъ, вмѣстѣ съ именами мучениковъ, тѣсно связывались съ наузами: „Давидская псалмы и имена мученическая поминающе на выю си вѣшаютъ“²⁾. Псалтирь, какъ гадальная книга, употреблялась въ Греціи не только людьми простыми, но даже священниками. „Ипъ нѣкій священникъ“, говоритъ Номоканонъ,—„съ евангелиемъ... испытаніе творяше о нѣкоихъ вещехъ, съ псалмы Давидовыми“³⁾. Гаданью скоро придана была извѣстная форма. Церковное правило передаетъ суду тѣхъ, „иже имена на хартіяхъ пишутъ и ключи въ Псалтирь влагаютъ, оттуду ложная вѣщающе“. Вѣра въ вѣщательную силу псалмовъ и влаганіе ключа въ нихъ были извѣстны въ древней Руси и были, вѣроятно, дѣломъ ходячимъ въ народѣ. Составитель перечня игръ, суевѣрій и примѣтъ, жившихъ въ Русскомъ народѣ въ XVII вѣкѣ, передаетъ проклятію и тѣхъ, которые вѣрятъ въ Псалтирь какъ въ гадальную книгу, „иже ключа въ Псалтирь влагаютъ“⁴⁾.

Обычай гадать по книгамъ существовалъ у народовъ языческой древности и у западныхъ христіанъ. У Грековъ такое гаданіе называлось гаданіемъ по стихамъ. Обращались они преимущественно къ стихамъ Гомера. Открывъ книгу, Грекъ останавливался на первомъ стихѣ, какой попадется на глаза; по смыслу его или по извѣстнымъ словамъ, заключали объ исходѣ загаданнаго. Разказываютъ, говоритъ епископъ Симонъ, что Сократъ такимъ образомъ предузналъ день своей смерти⁵⁾. Римляне, при гаданіяхъ своихъ, любили обращаться къ стихамъ Вергилія. Многіе императоры ихъ—Клавдій, Макринъ, Гордіанъ младшій и др. гадали по стихамъ о времени своего царствованія и самой жизни. Древній языческій

¹⁾ Истор. Хрест. *Буслаева*, 1049.

²⁾ Тамъ же, 1052.

³⁾ Тамъ же, 1053.

⁴⁾ Описаніе Рум. Музея, 552.

⁵⁾ *Simonis Majoli, Dies can.*, 580.

обычай гадать по книгамъ перешелъ потомъ къ новымъ народамъ западной Европы. Они употребляли для этого дѣла, не только псалтирь, но и другія книги Ветхаго и Новаго Завѣта. По безмѣрному богохулію, говоритъ Маіоль, гаданіе по священнымъ книгамъ, и особенно по книгѣ Дѣяній Апостоловъ, называли „жребіями апостоловъ“ (sortes apostolorum). Онъ приводитъ, на основаніи Исторіи Григорія Турскаго, нѣсколько случаевъ, въ которыхъ самыя важныя вопросы рѣшались чрезъ гаданіе по библейскимъ книгамъ. Нѣкоторые суевѣры употребляли въ своемъ гаданіи обрядъ особаго рода: они клали три кодекса Священнаго Писанія на гробницу св. Мартина и потомъ открывали каждый порознь. Гадавшій смотрѣлъ на открывшееся мѣсто въ каждомъ изъ трехъ кодексовъ и по-своему заключалъ по нимъ о разгадкѣ задуманнаго. Суевѣріе это не одинъ разъ было осуждаемо и запрещаемо декретами католической церкви ¹⁾. Во всѣхъ указанныхъ нами гаданіяхъ по книгамъ нигдѣ не видно разъясненія того, что означаютъ слова „ключи въ Псалтирь владѣютъ“. Былъ ли это обыкновенный ключъ, или слово это имѣетъ смыслъ аллегорическій, — неизвѣстно. Сахаровъ, въ своемъ описаніи гаданья по Псалтири, разумѣетъ здѣсь простой замочный ключъ; ворожеи владѣваютъ его винтовымъ концемъ въ Псалтирь, а круговой конецъ связываютъ веревочкой съ книгою; во время самаго гаданья посторонній человекъ держитъ на указательномъ пальцѣ ключъ съ Псалтиремъ и т. д. ²⁾. Но и при этомъ указаніи, остается непонятнымъ вопросъ: откуда возникъ обычай употреблять при Псалтири именно ключъ, а не другую вещь, и каково значеніе этого ключа.

Изъ древнихъ языческихъ вѣрованій рано были отречены христіанскимъ ученіемъ на Руси вѣра въ чехъ, въ встрѣчу и въ птичій грай. Вѣрованія эти не указаны въ извѣстныхъ индексахъ отреченныхъ вѣрованій; но это не мѣшаетъ отнести ихъ къ отреченнымъ, на основаніи русской обличительной проповѣди, постоянно заботившейся искоренить ихъ изъ жизни русскаго человѣка. Но всѣ заботы проповѣдниковъ, какъ видно, не скоро приводили къ желанному результату, и въ длинномъ перечнѣ суевѣрій, по списку XVII в., указаны вѣра въ чехъ, въ встрѣчу и птичій грай. Вѣра въ чехъ осуждена однимъ изъ первыхъ русскихъ проповѣдниковъ, Θεодосіемъ Печерскимъ. Онъ называетъ погански живущими тѣхъ „иже

¹⁾ Ibidem, 580.

²⁾ Сказанія, т. I, кн. 2-я, 61.

зачиханью вѣруютъ, юже бываетъ многожды на здравіе главѣ“. Кирилль Туровскій, ополчаясь грознымъ словомъ о мытарствахъ на поганскіе обычаи Русскихъ, не упускаетъ изъ виду и чеха. Вѣрующихъ въ чехъ, по его словамъ, ожидаетъ 15-е мытарство, по которому чехъ приравненъ не только къ баянью басней и гудѣнью въ гусли, но даже къ блуду: „всяка ересь, и вѣруютъ въ чехъ, и еже уніи блудъ творять“. Упорство ли языческихъ вѣрованій или бѣлая, чѣмъ прежде, требовательность христіанскихъ учителей, или и то, и другое вмѣстѣ—вызывало въ дальнѣйшей русской проповѣди еще болѣе грозныхъ осужденій вѣры въ чехъ. Въ русскомъ словѣ, съ псевдопимомъ Ефрема Сирина, вѣрующіе въ чехъ осуждаются къ принятію вѣчной муки рядомъ съ тѣми, которые чинятъ волшбы, гудѣнья, сопѣли, пѣсни, пьянство, разбой, дѣтогубленіе, яденіе идоложертвенныхъ, кровоуленіе и давленіны и пр. ¹⁾. „О злое наше безуміе!“, восклицаетъ св. Кирилль въ словѣ о злыхъ дусѣхъ,—„аще ны гдѣ будутъ поити, то мы течемъ къ волхвомъ, то вѣруемъ чеху“ ²⁾. Тяжесть грѣха за вѣру въ чехъ проповѣдникъ хочетъ усилить указаніемъ на запрещеніе его еще закономъ Моисеевымъ. „Тако бо глагола Богъ въ законѣ Моисеовѣ: Да не будетъ во Израили ни волхвы, ни чародѣи, да не вѣруютъ чху“. Совершенно излишне говорить здѣсь о какомъ-нибудь заимствованіи изъ Византіи вѣры въ чехъ и другихъ повѣрій, отреченныхъ русской проповѣдью. Иначе мы должны будемъ отказать ей въ самостоятельномъ обличеніи слабыхъ сторонъ русской жизни и признать въ ней стремленіе бороться съ такими пороками, которыхъ въ русской жизни никогда не было. Если проповѣдники наши говорили иногда, что указанныя вѣрованія суть обычаи невѣрныхъ, они не хотѣли этимъ сказать того, что обычаи тѣ взяты отъ невѣрныхъ, и что сами русскіе люди, будучи христіанами, жили по обычаямъ невѣрныхъ. „Лучши Бога истиннаго познати“, говоритъ одна изъ древне-русскихъ проповѣдей,—„и имя святое Его прославити, нежели въ встрѣчу, въ чехъ вѣровати; сія бо есть прелесть, а не Божіе преданіе, ниже святыхъ отецъ повелѣніе“. Всѣ, соблюдающіе эти суевѣрія, продолжаетъ учитель, „послѣдуютъ обычаю невѣрныхъ языкъ, не знающихъ Бога, отъ нихъ же такая прелесть въ православіе преселится“ ³⁾. Послѣднія слова очень важны въ томъ еще отношеніи, что

¹⁾ Соборникъ Солов. библи., № 847, л. 130.

²⁾ Слово св. Кирилла, *Москвитянинъ* 1844 г. № 1.

³⁾ Слово учителя о вѣровавшихъ въ страчу и въ чехъ. *Литониси русской литературы*, т. V (смѣсь), стр. 97—98.

указываютъ на единство вѣрованій Русскаго народа съ вѣрованіями другихъ народовъ, слывшихъ у насъ за невѣрныхъ. Обобщеніе этихъ вѣрованій шло не чрезъ посредство византійской христіанской письменности, а естественнымъ путемъ передачи духовныхъ воззрѣній отъ поколѣнія къ поколѣнію и далѣе отъ народа къ народу.

Обращаясь къ народамъ Запада, мы видимъ, что вѣра въ чехъ уходитъ тамъ въ глубочайшую древность. На нее прежде всего указываетъ Гомеръ въ одной изъ пѣсней Одиссеи ¹⁾. Впослѣдствіи чиханье было взято греческими жрецами и вѣщателями, какъ одна изъ вѣрныхъ примѣтъ къ худу или къ добру. Когда Ксенофонтъ говорилъ рѣчь къ воинамъ, кто-то чихнулъ, и чехъ былъ принятъ за счастливый знакъ, такъ что Ксенофонтъ принялъ начальство надъ всѣмъ войскомъ. БиографъThemistocle рассказываетъ, что во время Персидской войны, этотъ вождь готовился принести жертву около главнаго корабля; въ это время привели къ нему трехъ плѣнныхъ, необыкновенно красивой наружности. Ихъ увидѣлъ вѣщатель Евфрандять. Въ то самое время высоко поднялось жертвенное пламя, и направо отъ него кто-то чихнулъ, что также было предзнаменованіемъ. Вѣщатель въ силу этого велѣлъ заколотъ плѣнныхъ. Вообще чиханье, какъ видно и изъ другихъ указаній древней греческой литературы, было сильно распространено въ народѣ; этимъ повѣрьемъ хотѣли руководиться въ серьезныхъ случаяхъ жизни. Тимофей Аѳинскій, по разказу Секста Фронтинна, въ морскомъ сраженіи противъ Корцирянъ, сказалъ своему кормчему: чему ты удивляешься, когда изъ столькихъ воиновъ только одинъ перезабъ (perfrixisse)? Кормчій же тотъ далъ уже знакъ къ отступленію корабля, потому что слышалъ, какъ одинъ изъ гребцовъ чихалъ ²⁾. По древне-русскому вѣрованію въ чехъ, чихнувшему слѣдовало желать здоровья или выполненія желанія. Замѣчательно при этомъ болѣе частное повѣрье, по которому здравствование при чиханьи спасало чихнувшего отъ зубной боли. „Если кто учнетъ чихать“, говоритъ лечебникъ XVII вѣка,—„и ему надобно противъ чиханья здравствовать, хотя бы и недругу: отъ того зубы не стануть болѣть“ ³⁾. На эту связь зубной боли съ чиханьемъ есть любопытное указаніе въ слѣдующихъ словахъ Геродота. Онъ говоритъ, что когда Плиніи чих-

¹⁾ Одиссея, переводъ Жуковскаго, I, 540 и дальн. стихи.

²⁾ Sext. Frontini opera, Strategematicon, lib. I, 40.

³⁾ Буслевъ, Очерки, II, 44.

нулъ, у него выпалъ зубъ: это принято было за правило будущаго несчастія. Можетъ-быть, поэтому многіе изъ Грековъ боялись чиханія. Чиханіе, говорить Фюстель-Куланжъ, могло остановить Грека въ любомъ предпріятіи ¹⁾. Здравствование при чиханьи не было простымъ только суевѣріемъ. Ученые люди древности пытались даже осмыслить народный обычай желать чихнувшему здоровья. Пытливый Аристотель задавался вопросомъ: почему за признакъ здоровья принято чиханье, а не отрыжка, или что-либо другое? Причиной того глубокомысленный философъ считаетъ то, что голова есть важнѣйшая часть организма, а чиханье освѣжаетъ голову, которая, по мнѣнію Аристотеля, по преимуществу священная часть (*pars sacra prae-sacra est*) ²⁾. Мы уже приводили выше мнѣніе Θεодосія Печерскаго, что чиханье служитъ на здравіе главѣ. Въ жизни древнихъ Римлянъ мы видимъ также сильное распространеніе разбираемаго суевѣрія. Чиханье считалось тамъ важнымъ условіемъ для опредѣленія успѣха или неуспѣха въ предпринимаемомъ дѣлѣ. Если мы что-нибудь предпринимаемъ, говорить Цицеронъ, то необходимымъ считаемъ обращать вниманіе, между другими примѣтами, на чиханье. Впослѣдствіи обычай этотъ, подобно другимъ обычаямъ того же рода, утратилъ свое прежнее значеніе, но не смотря на то, его не чужды были даже великіе люди Римской имперіи. „Зачѣмъ мы“, спрашиваетъ Плиній, „при чиханьяхъ желаемъ другъ другу добраго здравія? Говорятъ, что это дѣлалъ даже Тиверій Цезарь, серьезнѣйшій, какъ извѣстно, человекъ. Нѣкоторые думаютъ, что гораздо религіознѣе поздравить чихнушаго чѣмъ-либо именемъ“ ³⁾. Христіанскіе народы западной Европы долго не могли отрѣшиться отъ вѣрованій старины, при всѣхъ усиліяхъ церкви искоренить эти вѣрованія. Въ ряду другихъ суевѣрій этихъ народовъ видное мѣсто занимаетъ чехъ. Наблюдаемо было даже время дня, въ которое человекъ чихалъ. Если чиханье было утромъ, оно считалось вреднымъ предзнаменованіемъ и обѣщало дурной исходъ начатаго дѣла; чиханье среди дня считалось, напротивъ, предзнаменованіемъ благонадежнымъ. Нѣкоторые считали чехъ за доказательство истинности извѣстныхъ мнѣній или соображеній, также за предсказаніе свободы отъ опасныхъ козней ⁴⁾. Первое повѣрье до

¹⁾ Гражд. община античнаго міра, 288.

²⁾ *Dies caniculares*, 567.

³⁾ *Histor. Naturalis*, XXVII, 260.

⁴⁾ *Dies caniculares*, 567.

сихъ поръ существуетъ у насъ въ обычаѣ суевѣровъ говоритъ чихнувшему „правда“, подтверждая тѣмъ справедливость думъ или желаній его. Памятники славянской и въ частности древне-русской письменности ясно указываютъ на существованіе у Славянъ вѣры въ чехъ въ до-христіанскую пору жизни ихъ; только изъ этихъ указаній не видно такой разницы въ значеніи чиханія, какую придавали ему народы запада. Ясно одно, что былъ чехъ на здравіе, о чемъ, кромѣ Θεодосія и послѣдующихъ проповѣдниковъ, говоритъ преподобный Несторъ: „Друзія же и закыханью вѣрують, еже бываетъ на здравіе главѣ“.

Рядомъ съ чехомъ, древне-русская проповѣдь отрекла вѣру во встрѣчу. По византійскимъ индексамъ отреченныхъ книгъ и вѣроуказаній видно, что встрѣча была темою для цѣлыхъ сочиненій, авторы которыхъ разъясняли различное значеніе встрѣчаемыхъ челоувѣкомъ предметовъ. Существовала „путникъ кинига, въ ней же есть писано о встрѣчахъ коби всякія еретическія“. Трудно положительно сказать, были ли распространены подобныя книги въ древней Руси; но несомнѣнно то, что и русское суевѣріе имѣло разнообразное значеніе, по различію встрѣчаемыхъ предметовъ. Была у Русскихъ встрѣча добрая и злая, и скотская, и птичія, и звѣриная, и челоувѣческая ¹⁾. Кромѣ этихъ общихъ указаній на различные предметы встрѣчи, есть свидѣтельства о разной встрѣчѣ съ предметами христіанскаго характера. Здѣсь прежде всего возникаетъ вопросъ, были ли примѣты эти цѣликомъ пересажены изъ греческой жизни, или онѣ, бывши въ русскомъ язычествѣ, самобытно переименовались подъ условіями русско-христіанской жизни? Не отвергая вліянія греческой литературы, особенно въ такихъ древнѣйшихъ памятникахъ, какова лѣтопись Нестора, мы не можемъ, съ другой стороны, отрицать и того, что вѣра русскихъ язычниковъ во встрѣчу сама собою измѣнялась потомъ, сообразно съ условіями новой народной жизни, то-есть, суевѣріе это глубоко коренилось въ русской жизни до христіанскаго вліянія, которое только измѣнило его по-своему. При этомъ измѣненіи въ русское повѣрье не вошло много такого, что было въ томъ же повѣрьи византійскомъ. Выше замѣтили мы, что Іоаннъ Златоустъ указалъ на вѣру Антиохійцевъ во встрѣчу съ честною дѣвицей и съ вѣтрепою женщиной. Ничего подобнаго мы не видимъ въ нашей древней жизни. Напротивъ того, древне-русская проповѣдь рано

¹⁾ Описаніе Рум. Музея, 551.

стала обличать вѣру во встрѣчу съ священникомъ и съ чернцомъ. Кромѣ этихъ, чисто христіанскихъ личностей, указаны еще Θεοδοсіемъ—лысый конь и свинья: „Се бо не погански ли творимъ“, говоритъ проповѣдникъ, „аще кто усрящеть чернца или черницу, то възращаются, ли свиню, ли конь лысъ, то се не погански ли есть“. Нельзя по однимъ христіанскимъ именамъ чернца или черницы дѣлать заключеніе къ тому, что самое вѣрованіе насаждено на Руси византійскою письменностію, ибо трудно доказать, что Греки смотрѣли на лысаго коня и на свинью, какъ на предметы неблагопріятныя при встрѣчѣ; вѣрнѣе, что животныя или звѣри, съ которыми приходилось человѣку встрѣчаться, у различныхъ народовъ были различны, по различію самой фауны страны и по разнымъ условіямъ экономической жизни. Встрѣчная прелесть Славянъ вообще и Русскихъ въ частности, подобно прелести чеховой, коренится въ общечеловѣческой увѣренности, что боги какъ въ милости, такъ и въ гнѣвѣ, сами указываютъ человѣку его будущее и различными знаменіями земными и небесными даютъ ему знать, удача ли ожидаетъ его въ извѣстномъ дѣлѣ, или бѣда. У однихъ изъ Славянскихъ народовъ было больше животныхъ, знаменательныхъ при встрѣчѣ, у другихъ меньше; но у всѣхъ безъ исключенія была вѣра въ такую встрѣчу. У Рунъ, на примѣръ, каждое встрѣтившееся животное предсказывало будущее. У Редарей, по словамъ Титмара, особенно важно было появленіе вепря: какъ предвѣщатель страшной войны, онъ выходилъ изъ моря, огромный, съ блестящими кликами, покрытый пѣной, и съ ужаснымъ ревомъ ваялся по тинѣ ¹⁾. Встрѣча съ подобнымъ звѣремъ не могла считаться хорошею и во всякое другое время. Почему въ древней Россіи лысый конь и свинья считались животными, неблагопріятными для встрѣчи, и было ли это въ одной Россіи—рѣшить трудно. Относительно встрѣчи со свиньею можно сказать только слѣдующее: извѣстно, что животное это еще въ баснословную пору римской жизни имѣло значеніе предвѣщающаго животнаго. Суевѣрный взглядъ на свинью долго держался въ жизни народовъ запада. Перечисливъ сначала нѣсколько другихъ суевѣрій, епископъ Маіолъ говоритъ: „Иные—это отвратительно—собирають предвѣщанія о будущемъ супружествѣ при хлѣвахъ свиней по ихъ хрюканью. Если кто желаетъ узнать, на дѣзущкѣ ли онъ женится, или на вдовѣ,—онъ ищетъ совѣта, или ру-

¹⁾ У *Срезневскаго*, въ сочин. Святкища и обряды изыскан. богослуженія древнихъ Славянъ, 9.

ководительства не у Бога и не у людей, а ровно въ полночь извѣстнаго дня идетъ къ хлѣву, въ которомъ заперта свинья съ поросятами. Подошедши туда, онъ молча стучитъ въ дверь хлѣва, и если на этотъ стукъ захрючить прежде поросятъ свинья, то онъ вполне убѣжденъ, что женится на вдовѣ; если же прежде свинья захрюкаетъ поросята, то радуется, что соединится съ дѣвицей¹⁾. У народовъ запада очень сильна была вѣра во встрѣчу съ различными животными. Вѣрили въ несчастный путь въ такомъ случаѣ, когда заяцъ быстрыми скачками перебѣжитъ дорогу, также когда встрѣтится чреватая волчиха или собака, или когда змѣя переползетъ дорогу. Кроме того, считалось дурнымъ предзнаменованіемъ, если между гуляющими друзьями окажется камень, собака или ребенокъ (puer). Друзья считали необходимымъ попить камень ногами, а ребенка прибить²⁾.

Изъ приведенныхъ указаній легко понять, что вѣра во встрѣчу, подобно другимъ суевѣріямъ, есть общее достояніе всѣхъ народовъ Европы, вызванное древнею религіей и оразнообразившееся потомъ по разности мѣстныхъ условій страны. Русское суевѣріе нельзя считать навѣянныиъ византійскою письменностію. Даже начало вѣры во встрѣчу съ священникомъ и монахомъ кроется не въ письменности, а въ общемъ всѣмъ народамъ взглядѣ на жрецовъ. Извѣстно, что въ языческомъ мірѣ избѣгали встрѣчи со жрецомъ, и встрѣча эта считалась неблагопріятною. Очень можетъ быть, что подобный взглядъ на жрецовъ раздѣляли и наши предки-язычники. Съ распространеніемъ христіанства прежній взглядъ перенесенъ былъ на христіанскихъ священниковъ и на чернцовъ. Приведемъ здѣсь замѣчательныя слова русскаго проповѣдника, обличающаго вѣру во встрѣчу со священникомъ, монахомъ и нищимъ: „Духъ святыи дѣйствуетъ во священницехъ и діаконехъ и во мнишескомъ чину и во братіи Христовѣ, рекше въ нищихъ: таковіи бо чини отъ Бога вси благословени суть. Мы же всѣхъ тѣхъ чиновъ на встрѣчѣ гнушаемся, и отвращаемся отъ нихъ, и укоряемъ ихъ на первой встрѣчѣ, и поносимъ ихъ въ то время на пути многимъ поношеніемъ“. Далѣе проповѣдникъ вразумляетъ, что священниковъ не нужно укорять на встрѣчѣ— „понеже бо іерей образъ Господень носитъ въ службѣ“, монаховъ— „понеже мниси подобіе носятъ ангельскаго образа“, нищихъ и худородныхъ—понеже самъ Господь нарицаетъ нищихъ меньшую

¹⁾ Dies caniculares, 555.

²⁾ Тамъ же, 570.

свою братію. По сихъ же всѣхъ еще ли кто первый ради встрѣчи укоряетъ какого либо богоугодника человѣка, той убо укоряетъ образъ подобія Вожія". Обличитель замѣтилъ, что встрѣчная прелесть невѣрныхъ языкъ увѣреніе, вѣрнымъ же о семь божественная писанія нигдѣ не описуетъ быти". Слова эти также указываютъ на то, что древняя русская проповѣдь имѣла дѣло съ суевѣріемъ не заносимъ, а вполнѣ самобытнымъ ¹⁾).

Видѣтъ съ другими приключеніями, какія могли встрѣчаться на пути, какъ указанія на счастливый или несчастный исходъ дѣла, не мало важнымъ считалось въ древности преткновеніе ногъ. Въ кодексахъ отреченныхъ вѣрованій суевѣріе это осуждено на ряду съ другими. Тамъ оно названо словами: „падетъ человѣкъ“. Не думаемъ, чтобы вѣрованіе „падетъ человѣкъ“ было въ большой силѣ у нашихъ предковъ. Въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности не встрѣчаемъ не только обличенія, но даже простаго указанія на разбираемое суевѣріе. Оно не указано также въ длинномъ перечнѣ народныхъ повѣрій XVII вѣка, по списку Румянцовскаго музея. Это, съ своей стороны, доказываетъ ничтожность вліянія отреченныхъ чужихъ книгъ на Русскій народъ. Можетъ-быть впрочемъ, молчаніе древней литературы о вѣрованіи въ преткновеніе ногъ происходило вслѣдствіе кажущейся неважности этого суевѣрія; можетъ-быть, обличители неправой русской жизни смотрѣли сквозь пальцы на такую невинную примѣту. Но во всякомъ случаѣ, эти обличители не смолчали бы и объ этомъ суевѣрїи, еслибъ обличенія ихъ вызывались книжностію, а не самою жизнію.

Гораздо распространеннѣе была вѣра въ птичій грай, или по индексу Іоанна Болгарскаго, въ воронограй. Суевѣріе это имѣло многоразличные виды; но мы разберемъ въ немъ лишь то, какимъ образомъ предки наши, подобно другимъ народамъ древняго и новаго міра, заключали по граю птицъ объ удачѣ или неудачѣ предпринимаемаго дѣла. Изъ слова св. Кирилла о злыхъ дусѣхъ можно видѣть, что вѣра въ птичій грай преимущественно касалась знаменій для добраго или недобраго пути. „Вѣруемъ“, говоритъ проповѣдникъ,—„въ потки и въ датля, и въ вороны, и въ синици. Коли гдѣ хотимъ пойти, которая переди пограетъ, то станемъ послушающе, правая ли или лѣвая; лидаще ны пограетъ по нашей мыслѣ, то мы къ собѣ глаголемъ, добро ны потка си, добро ны кажетъ, ркуще

¹⁾ *Литоп. Русск. Литер.*, т. V, стр. 97—98.

окаляніи, чи не Богъ той поткѣ указалъ добро намъ повѣдати. Егда ли, что ны на пути зло створитьсь. то учнемъ дружинѣ своей глаголати, почто не вратихомся...“¹⁾ Хотя суевѣріе это указано въ литературѣ греческой, напимѣръ, въ словѣ Григорія Назіанзіна, рано переведенномъ на славянскій языкъ, но тѣмъ не менѣ нельзя не видѣть въ суевѣріи русскомъ извѣстной доли самобытности. Вѣра въ птичій грай присуща была древне-русскому человѣку въ эпоху не-христіанской жизни его. Прежде всего это видно, какъ не разъ было замѣчено, изъ того, что суевѣріе это было обличаемо русскими проповѣдниками самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства на Руси, когда византійская проповѣдь не могла еще привиться къ русской жизни. На него указываетъ не одинъ разъ и „Слово о Полку Игоревѣ“.

Должно однако замѣтить, что птичій грай не есть исключительно русское или греческое повѣрье; оно тѣсно связано съ культомъ самыхъ древнѣйшихъ народовъ арійской семьи. У Индійцевъ между другими священными птицами самою священной считался ибисъ. Онъ былъ постояннымъ проводникомъ Браны и Карасваты, считался символомъ благоразумія и сострадательнаго участія, являясь иногда вѣрнымъ вѣстникомъ любви, какъ, напимѣръ, между Налемъ и Дамаанти. Понятно поэтому, какъ легко въ самой глубокой древности могло образоваться суевѣрное воззрѣніе на полетъ священной птицы. При встрѣчѣ съ нею и при наблюденіи за полетомъ ея, всякій могъ заключать объ успѣхѣ или неуспѣхѣ своихъ намѣреній. Египетская теологія возвела священныя воззрѣнія на вѣщихъ птицъ на степень строгихъ догматовъ. За умерщвленіе копчика (spërber) всякій Египтянинъ подвергался смерти; не обращали даже вниманія на то, намѣренно или не намѣренно совершено было преступленіе²⁾. У народовъ Эллады вѣра въ птичій грай оразнообразилась по различію самыхъ птицъ и по условіямъ религіознаго культа. Въ пѣсняхъ Гомера есть прямыя указанія на вѣщупство встрѣчаемыхъ птицъ. Грекъ не предпринималъ ничего серьезнаго, не обративъ предварительно вниманія на полетъ птицъ. Онъ никогда не пускался въ море, не посовѣтовавшись напередъ съ предзнаменованіями. „Мы для васъ, людей“, говорятъ птицы въ комедіи Аристофана, — „Аммонъ, Дельфы, Дидона, Фебъ Аполлонъ; ибо, пришедши къ птицамъ, вы обращаетесь къ нимъ при всякомъ слу-

¹⁾ *Москвитянинъ* 1844, № 1.

²⁾ *Hermann Göll, Mythologie*, 190.

чаѣ—при торговомъ путешествіи, при стяжаніи имущества, при бракѣ мужчины“¹⁾. Птицы замѣняли для Грека всевозможныя предзнаменованія²⁾. Не меньше давалось значеніи птичьему граю и въ жизни Римлянина. Здѣсь наблюденіямъ за полетомъ птицъ, помимо частнаго значенія, усвоено было значеніе официальное. Римское авгурство, какъ извѣстно, тѣсно связано съ птичьимъ граемъ. Самое названіе его взято отъ обязанности авгура наблюдать за полетомъ птицъ, чтобы предузнать по немъ будущее. Мы не будемъ здѣсь входить въ подробности римскихъ авгуралій; замѣтимъ только, что между птицами, грай которыхъ былъ важенъ въ римскомъ культѣ, есть и такія, на которыхъ простирается суевѣрное воззрѣніе нашихъ предковъ. Извѣстно, что вѣщими птицами у Римлянъ были слѣдующія: орель, коршунъ и ястребъ, которые наблюдаемы были въ ихъ полетѣ. По пѣнію священными птицами были слѣдующія: воробъ, ворона, сова и пѣтухъ. Куры имѣли значеніе по клеванію. Не имѣя въ древне-русской отреченной литературѣ указаній на значеніе всѣхъ поименованныхъ птицъ въ русской жизни, мы все-таки можемъ заключить, что даже орель, птица рѣдкая въ Русской землѣ, считался когда-то вѣщимъ. Пѣвецъ „Слова о Полку Игоревѣ“ упомянулъ, между другими знаменіями, и о томъ, что „орли клектомя на кости звѣри зовуть“. Другое выраженіе „Слова“: „дивъ кличетъ врѣху древа“ не безъ основанія можетъ быть отнесено къ совѣ или къ филину. Послѣдній въ древности считался птицею неблагопріятною³⁾. Что касается до ворона и вороны, они до сихъ поръ, въ понятіяхъ простаго народа, слывятся птицами зловѣщими. Самымъ большимъ значеніемъ въ древне-римскихъ суевѣріяхъ пользовались пѣтухъ и курица. Цицеронъ обличаетъ современниковъ своихъ въ томъ, что они заключали о побѣдѣ или пораженіи на войнѣ по пѣнію или молчанію пѣтуха, на томъ, вѣроятно, основаніи, что пѣтухъ побитый (въ дракѣ съ другимъ) чаще молчитъ, а побившій поетъ. „Неужели“, дивится ораторъ, — „Юпитеръ чрезъ куръ давалъ знаменіе такому городу, какова Лебадія, побѣдившая Оивы? Неужели бы птицы не пѣли, если бы не было побѣды?“⁴⁾ Вообще, по словамъ Цицерона, птицы предсказывали Римлянамъ счастливый

¹⁾ *Orvibes, comœdia Aristophanis, 715—717.*

²⁾ Тамъ же, ст. 717 и слѣд.

³⁾ *Göll, 185.*

⁴⁾ *De divinatione, 619.*

или несчастный исходъ дѣла ¹⁾). Римлянинъ никогда не выходилъ со двора, чтобы не оглянуться, не видно ли гдѣ зловѣщей птицы. Наблюденіе за вѣщами птицами, какъ уже было замѣчено, проникло и въ государственннй строй римской жизни. Ни походъ на войну, ни официальное собраніе народа, ни вступленіе въ должность высшихъ чиновниковъ, ни посвященіе въ духовныя должности, ни закладка городовъ или храмовъ, ни укрѣпленіе лагеря не начиналось безъ предварительныхъ гаданій авгура ²⁾). При гаданіяхъ различалась не одна порода птицъ, но и то, съ какой стороны летѣла птица; воронъ, напримѣръ, долженъ былъ пролетѣть съ правой стороны, а ворона съ лѣвой ³⁾). Во время общественныхъ невзгодъ народъ зорко смотрѣлъ за полетомъ птицъ, желая вызнать въ немъ тѣ или другія предвѣстія. Самымъ страшнымъ явленіемъ въ птичьемъ мірѣ, по молвѣ народной, было то, когда курица обращалась въ пѣтуха, а пѣтухъ въ курицу.

Пѣтухъ, птица тѣсно связанная, по мнѣнію ученыхъ, съ поклоненіемъ домашнему очагу, была знаменательною птицей у древнѣйшихъ Славянъ. По свидѣтельству Льва діакона, Руссы, сожигая трупы убитыхъ, погружали въ воды Истра младенцевъ и пѣтуховъ. Ибъ-Фодланъ, описывая древній русскій обрядъ сожженія умершихъ, упоминаетъ, между прочимъ, и о сожженіи пѣтуха, какъ обычной жертвѣ на похоронахъ. По словамъ одного Румянцевскаго сборника, въ новый домъ шли у насъ съ чернымъ куромъ. Это значеніе кура породило много другихъ примѣтъ, имѣвшихъ вѣщій смыслъ. „Пѣтель стоя поетъ, и курица поетъ“ — худо будетъ, говорить индексъ русскихъ суевѣрій XVII вѣка. Въ немъ же упоминаются и другія домашнія птицы: „гусь кокочетъ или утица криклетъ“. Какъ ни усиливалась древне-русская проповѣдь вразумить русскаго человѣка, что вѣра въ птичій грай и курокликъ есть обычай невѣрныхъ, что послушать поткѣ — значить поступать по дьяволу ученію, суевѣріе жило въ народѣ. Онъ не въ состояніи былъ разорвать тѣхъ вѣрованій, затвердѣлыя корни которыхъ уходили слишкомъ глубоко.

Укажемъ теперь на суевѣрія, вызванныя особыми явленіями въ человѣческомъ тѣлѣ — это различныя трепетанія и ухозвонъ. Изданная г. Пышинымъ книга „Трепетникъ“ была, кажется, болѣе досу-

¹⁾ Тамъ же, 629.

²⁾ *Göll*, 184.

³⁾ *Göll*, 185.

жимъ издѣлиемъ корыстолюбиваго книжника, чѣмъ вѣрнымъ перечнемъ народныхъ суевѣрій по этой части. 99-ть трепетаній на всевозможныхъ частяхъ тѣла едва ли могли быть наблюдаемы и объяснены большинствомъ; между ними есть даже такія, мѣсто которыхъ трудно угадать, въ родѣ слѣдующаго: „аще у рукъ ногти трепещуть, кажетъ осудъ и укоръ при бесѣдѣ, кажетъ злое слово и думу“ (58), или: „аще лѣвыя руки малый перстъ потрепещеть, многу имѣнію погибель кажетъ,—чрево съ пупомъ потрепещеть, чрево безъ пупа потрепещеть“ и т. под. Есть и такія трепетанья, при записи которыхъ забавникъ-грамотникъ рассчитывалъ на одну праздную любознательность, непозволительную въ старину, на примѣръ, „аще въ лѣвой ногѣ большой перстъ потрепещеть.... то будетъ во снѣ греза велика“, или „съ кѣмъ подерешиси“ (96). Намъ кажется, наблюденіямъ самыхъ отъявленныхъ суевѣровъ доступны были однѣ общія трепетанья извѣстныхъ органовъ — руки, ноги, особенно глаза (окомигъ) и др. Поэтому ближе и общѣе указываетъ на трепетаніе перечень примѣтъ по сборнику Румянцевскаго музея: „Кости болятъ и подколѣнники свербятъ — путь будетъ, и длани свербитъ — пѣвнзи иматъ, очи свербитъ — плакати будутъ“¹⁾. Объ этихъ примѣтахъ можно сказать словами г. Пыпина, что онѣ до сихъ поръ находятся въ народномъ обращеніи и идутъ, конечно, съ давняго времени. Еще въ греко-латинскихъ обычаяхъ былъ обычай наблюдать за трепетаніями членовъ тѣла и по нимъ видѣть добрыя или недобрыя указанія. Къ послѣднимъ принадлежалъ зудъ въ ногахъ, свербящіи глаза, скрежетаніе или щелканье зубами и др. Эти же примѣты были въ ходу у западно-европейскихъ народовъ, которые дали повѣрью большее разнообразіе. О трепетаніяхъ думали тамъ, что онѣ возникаютъ противъ воли человѣка, въ силу неестественныхъ движеній въ тѣлѣ. Чуждость появленія даетъ трепетаніямъ силу указывать человѣку добрыя или недобрыя случаи изъ жизни его. Въ числѣ другихъ трепетаній, извѣстныхъ на западѣ, были слѣдующія: если потрепещеть глазъ — правый или лѣвый, если потрясутся или подрожать мускулы, плечи или бедра, если посвербятъ ноги, если по кожѣ, при сильномъ трепетаньи, пробѣжитъ дрожь, если заскрячатъ зубы, если будутъ необыкновенныя чиханья слишкомъ частыя, или рѣдкія, если всѣ члены будутъ подергиваться то такъ, то иначе, если члены вдругъ

¹⁾ Описаніе Рум. Музея, 551.

окоченѣють, сдѣлаются какъ будто нечувствительными, если будетъ заикаться или запинаться языкъ и т. д. ¹⁾

Изъ другихъ примѣтъ, вошедшихъ въ трепетникъ, особенно важень былъ звонъ въ ухахъ, или по индексамъ, уховонъ. Трепетникъ, изданный г. Пыпинимъ, различаетъ десять примѣтъ, относящихся къ уховону. Большая часть ихъ есть плодъ излишней находчивости книжника. Его многословіе видно изъ того даже, что звону въ одномъ и томъ же ухѣ дано различное значеніе только на словахъ: вмѣсто „ухо десное“, сказалъ книжникъ, „ухо правое“, и вышли у него два уховона, которые оба повѣдаютъ различное. Не смотря на эту дробность примѣтъ по уховону, тѣмъ не менѣе это было суевѣріе общераспространенное у всѣхъ народовъ. Русскіе держатся его до сихъ поръ. Въ жизни древняго Грека и Римлянина звонъ въ ухахъ игралъ также очень важную роль и могъ остановить суевѣра отъ исполненія любого предпріятія. Плиній, выводя наружу другія суевѣрія, съ уликой говорить и объ уховонѣ. „Принято по звону въ ухахъ угадывать, что говорить объ насъ кто-либо изъ отсутствующихъ“ ²⁾. Но еще задолго до Плинія Римляне вѣрили въ звонъ уха, различая при этомъ лѣвое ухо отъ праваго. Звонъ въ лѣвомъ ухѣ указывалъ, что вспоминалъ объ извѣстномъ человѣкѣ его недругъ, правое же ухо говорило о другѣ. Вѣщій звонъ въ ухахъ былъ извѣстенъ и у Нѣмцевъ и считался, по обстоятельствамъ, дурнымъ или хорошимъ предзнаменованіемъ.

Въ ряду другихъ вѣрованій древне-русскаго человѣка сильна была вѣра въ сны. „Брате, воистину ти глаголю, яко въ нынѣшняя времена, оскудѣвшимъ наставникомъ, не требуеши ничтоже, да вѣруеши, или внутрь, или внѣ, или явственнѣ, или въ снѣ, или свѣтъ, или нѣкая мечтанія — не приеми отнуду, понеже бо хочещи погибнути. Иже бо совіемъ и мечтаніямъ вѣруа, безъ иного грѣха съ діаволомъ осудится, яко еговъ случа“ ³⁾. Такъ обличаетъ вѣру въ сны почти одинокій голосъ древне-русской проповѣди. Проповѣдникъ считаетъ вѣру эту мерзостью предъ Богомъ: „Ничто же бо не мерзско предъ Богомъ, точию сія бѣды, еже въ мечтанія вѣровати“ ⁴⁾. Изъ

¹⁾ Simon Majolis, 571.

²⁾ Histor. Natur., lib. XXVII, 260.

³⁾ Памятники Стар. Русской литературы, изд. Кушелева-Безбородко, т. IV. Слово о снѣхъ.

⁴⁾ Тамъ же.

всѣхъ вѣрованій русской старины вѣра въ сонъ была обличаема меньше всего. Молчаніе проповѣдниковъ указываетъ не на то, чтобы вѣра въ сонъ не была сильна, а скорѣе на то, что вѣра эта была дѣломъ слишкомъ обыкновеннымъ, общераспространеннымъ во всѣхъ классахъ общества. Сами проповѣдники и пастыри церкви стояли въ этомъ отношеніи не много выше массы. Для нихъ вѣра въ сонъ была тѣмъ безопаснѣе, чѣмъ больше и скорѣе могли они найдти въ немъ признаки сверхъестественнаго озаренія. Возможность послѣдняго допускалась легко каждымъ грамотникомъ, сколько-нибудь знакомымъ съ св. книгами Новаго и Ветхаго Завета. Наши древніе учителя, не ратуя много противъ вѣры въ сны, отвергли однакоже тетради, извѣстныя подъ именемъ сносудцевъ или сонниковъ. По содержанію, древніе сносудцы сходны съ тѣми, которые въ ходу до сихъ поръ у нашихъ грамотѣевъ. Давно, впрочемъ, сонники потеряли то довѣріе къ себѣ, какимъ пользовались они въ старину, когда сонъ считался вѣщимъ голосомъ неба; онъ внушалъ сонному человѣку волю высшихъ существъ, открывалъ ему современное будущее. Такой взглядъ на сны, какъ на голоса боговъ, присущъ былъ всѣмъ народамъ древняго міра. Религиозное значеніе сновъ видно между прочимъ изъ того, что у многихъ народовъ снотолкователи принадлежали къ сословію жрецовъ и волхвовъ, — людей, одаренныхъ способностью прозрѣвать во всѣ тайны естества. Въ первобытную эпическую эпоху народной жизни сонъ принимался за руководящее начало человѣческой дѣятельности: по вѣрѣ въ вѣщій и благоприятный сонъ, человѣкъ смѣлѣе рѣшался на самые трудные подвиги. Древніе памятники народной поэзіи свидѣлствуютъ о томъ, какъ сонъ мотивировалъ иногда общій ходъ людскихъ дѣйствій, какъ герои древности, могучіе богатыри, руководились въ геройствѣ своимъ вѣщими снами. Былина рассказываетъ, что царица Панталоновна видитъ во снѣ русскаго богатыря Вольгу Буслаевича въ видѣ птицы, малой пташечки¹⁾. Самые важные вопросы нравственные, каковъ вопросъ о кривдѣ и правдѣ, по народному мировоззрѣнію, открывались во снѣ. По извѣстному духовному стиху, возговорилъ Володиміръ князь: „Ой ты гой еси, премудрый царь Давидъ Евсеевичъ! Мнѣ почесь, сударь, мало спалось, мнѣ во снѣ много видѣлось: какъ бы съ той стороны со восточной...

¹⁾ Олегъ Святославичъ. Сборникъ Рыбникова, I, стр. 1—6.

кабы два звѣря собиралися, одинъ одного звѣрь одолѣть хочетъ¹⁾. По снотолкованію Давыда Евсеевича оказалось, что два тѣ звѣря — кривда съ правдою; правда кривду переспорила. Если сонъ служилъ откровеніемъ важнѣйшихъ истинъ въ области народной нравственности, то еще больше онъ значилъ, какъ предвѣстіе важныхъ событій въ жизни общественной. Сонъ Святослава, въ Словѣ о Цолку Игоревѣ, полный поэтической красоты, отличается подробностями, пѣщавшими о бѣдѣ Русской земли; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣлствуетъ о силѣ вѣры нашихъ предковъ XII в. въ сны: „А Святославъ мутенъ сонъ видѣ: въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахте мя, рече, чрѣною паполомою, на кровати тисовѣ“. Этотъ сонъ русскаго князя напоминаетъ собою сны другихъ народныхъ героевъ. Въ Эддѣ, напримѣръ, Атли разказываетъ Гудрунѣ сны, которые беспокоятъ его. Съ своей стороны, Гудруна истолковываетъ Атли, что видѣть во снѣ желѣзо — значить огонь. Въ другихъ мѣстахъ Эдды имѣются слѣдующія толкованія сновъ: медвѣдя видѣть во снѣ — къ вѣтру и къ погодѣ; если приснится птица, влетающая въ домъ, — это означаетъ скорбь. Вой собакъ во снѣ предвѣщаетъ войну. Сонъ Кримгильды, въ лѣсни о Нибелунгахъ, предвѣщаетъ ей всю будущность, которая составляетъ главное содержаніе поэмы. Въ этомъ снѣ соколъ означаетъ юношу²⁾. Сонъ и толкъ его были важны не у однихъ Славянъ и Германцевъ; оно составляло жизненный вопросъ у всѣхъ народовъ Востока и классической древности. Народъ Еврейскій нѣсколько разъ получалъ отъ Іеговы заповѣдь не вѣрить снамъ и снотолкователямъ. Греки и Римляне смотрѣли на сны, какъ на внушенія боговъ, которые чрезъ сны желали руководить достойными людьми древности. Мудрецы Греціи вѣрили въ сны сами и толковали ихъ другимъ. Платонъ разказываетъ о Сократѣ, какъ онъ видѣлъ во снѣ прекрасную женщину, которая дала знать философу о его смерти, имѣющей быть черезъ три дня. Сократъ повѣрилъ ему самъ и увѣрилъ въ истинномъ значеніи его Критона³⁾. Сильная вѣра въ сны расплодила въ Греціи, особенно въ Аѳинахъ, толкователей сновъ, объ изобиліи которыхъ упоминаетъ Оукидидъ. Сонъ Римлянина имѣлъ нѣрѣдко большое вліяніе на ходъ

¹⁾ Стихи о Голубиной книгѣ.

²⁾ *Полевой*. Опытъ сравнит. обозрѣн. древн. памяти. нар. повѣст. Герм. и Слав., II, стр. 27—28.

³⁾ Cic. De divinatione. Lib. I, стр. XXV.

государственныхъ дѣлъ; дѣла эти начинались или прекращались, въ силу видѣнныхъ сновъ. Ко времени Цицерона эти вѣрованія дошли до крайности и вызвали обличенія со стороны мыслящихъ людей. Самъ Цицеронъ сильно издѣвается надъ тѣми, которые вѣрили въ сонъ, какъ въ божеское откровеніе. И однако, вѣрованія эти раздѣляли многіе знаменитые дѣятели римской исторіи.

Въ жизни народовъ новой Европы мы видимъ ту же сильную вѣру въ сны. Сны, принимаемые людьми темными просто, объяснялись людьми учеными и изучались самымъ серьезнымъ образомъ. Прежде всего рассуждали о причинѣ сновъ. Съ этой стороны, ученые средне-вѣковые не согласны были съ древними философами, которые считали сны заявленіемъ воли боговъ; въ средніе вѣка сны объясняли вліаніемъ на человѣка небесныхъ свѣтилъ или воздуха. Авиценна, напримѣръ, объясняетъ сонъ вліаніемъ луны, которая въ извѣстное время дѣйствовала на фантазію спящихъ людей (*dupn dormiunt*)¹⁾, Альбертъ Великій выводилъ различіе сновъ изъ разности человѣческихъ темпераментовъ, не исключая притомъ и небесныхъ причинъ. О различномъ значеніи сновъ Альбертъ говоритъ: одни сны означаютъ прибыль, другіе—убытокъ, одни—радость, другіе—скорбь, одни—болѣзнь, другіе—здоровье, войну, трудъ, покой и пр. Въ примѣръ снотолкованій своихъ онъ приводитъ слѣдующее: ловить во снѣ птицу значить—прибыль, потерять птицу—вредъ; плакать во снѣ значить—радость, смѣяться—скорбь, усиливаться бѣжать во снѣ и все-таки не убѣжать значить—встрѣтить препятствіи па-яву и т. д.²⁾ Объясняя различныя сны различіемъ темпераментовъ, Альбертъ такъ говоритъ о снахъ холерика: холерикъ видитъ во снѣ горящій огонь, горячіе уголья, искры, печь, молніи, слышитъ грома, видитъ пламенное небо, воспламеняющіеся камни, споръ, битву, пораженіе, шумъ, жаръ и пр. Совершенно противоположнаго характера сны флегматика³⁾. Такими толкованіями средне-вѣковыхъ ученыхъ наполнялись многочисленныя книги и сборники, съ разными трактатами о толкованіи сновъ (*De somniorum interpretatione*). Симонъ Маіоль приводитъ двухъ авторовъ подобнахъ книгъ—Далдеана и Артемидора. Оба они выдали свои сонники съ именемъ Авра-

¹⁾ *Praedictiones Physicae. Dies Caniculares Majoli*, p. 656.

²⁾ Старинный рукоп. сборникъ сочиненій Альберта Великаго и Михаила Скота въ русскомъ переводѣ, глава 45.

³⁾ Тамъ же, 47 и 48.

ама, ибо Авраамъ считался первымъ толкователемъ сновъ. Переходя изъ рукъ въ руки, сонники больше и больше разнообразились въ содержаніи своемъ: въ нихъ передавались самыя разнообразныя и нелѣпыя сновидѣнія съ замысловатыми толкованіями. Въ одномъ изъ подобныхъ сносудцевъ читаемъ: видѣть во снѣ мертвыхъ чистыми или въ бѣлыхъ одеждахъ считалось знакомъ хорошимъ, также хорошее означало — получить что-нибудь отъ нихъ. Если же кто увидитъ во снѣ мертвыхъ пагими или одѣтыми въ черныя одежды, или нечистыми, или—если мертвые сами будутъ брать что-нибудь и уносить изъ дома, — все это не хорошо, не къ благополучію, ибо означаетъ болѣзнь¹⁾. Стремясь овладѣть медицинскимъ искусствомъ и особенно искусствомъ діагностики болѣзней, средневѣковыя медики связывали иногда болѣзни человѣка съ сновидѣніями и по характеру послѣднихъ опредѣляли характеръ болѣзни. „Если кто“, говоритъ медикъ и снотолкователь Разесъ (Rhases), — „увидитъ во снѣ, что онъ летаетъ; нападаетъ и хватаетъ, какъ хищная птица, — это означаетъ уменьшеніе сухости (въ тѣлѣ) и усиленіе влаги. Если кто видитъ, будто онъ проходитъ по садамъ, издающимъ хорошей запахъ, — это означаетъ равновѣсіе мокротъ, которыя не причастны гнилости“, и т. п.²⁾. Въ силу такихъ ученій совѣтовалось за объясненіемъ сновъ обращаться къ лѣкарямъ. Въ XV—XVI вѣкахъ, въ эпоху господства астрологическихъ вѣрованій, сонники толковали о вліяніи луны на сны человѣка. Отгадчики сновъ прежде всего обращали вниманіе на то, подъ какимъ зодіемъ была та ночь, въ которую снялся сонъ. Эти наблюденія вносились потомъ въ календари и объяснялись людьми, посвященными въ календарныя тайны. Симонъ Маіоль приводитъ календарную таблицу, въ которой указано, что означаетъ всякій сонъ соотвѣтственно знаку луны, подъ которымъ онъ видѣлся. Плакать, на примѣръ, во снѣ—значитъ ссору, подъ зодіемъ Овна; страхъ за друга, подъ Тельцомъ, — радостную надежду, подъ „Близнецами“, далѣе смерть друга, смерть владѣтеля, приходъ вѣстника и пр. Всѣ указанныя разности въ значеніи сна обуславливались разностію планетъ, подъ которыми было сновидѣніе. Или слышать пѣніе во снѣ значило — узнать новость, имѣть дорогу, скорбь душевную и пр. Иногда же въ отвѣтъ на сонъ стояла простая за-

¹⁾ *Majoli, Dies caniculares*, p. 664.

²⁾ *Ibid.*, p. 665.

мѣтка „*nihil*“ или „*somnus vanus*“ ¹⁾). Само собою понятно, что подобныя снотолкованія дѣлались не всѣми, а только знатоками астрологическихъ мудростей. Люди болѣе простые, хотя и не менѣе суевѣрные, отдѣлывались, по словамъ Маіола, общими выраженіями, по которымъ видно было, что значеніе сна имѣло обратный смыслъ относительно видѣннаго во снѣ. Пдакать, напримѣръ, во снѣ, быть биту, удушену, ограблену и пр. значило встрѣтить что-либо совершенно въ обратномъ видѣ, благополучномъ для того, кому снился сонъ, и на оборотъ. Смѣяться во снѣ, радоваться, пріятно бесѣдовать, быть подарену золотомъ, все это значило получить вредъ и изгнанъ. Боязнь во снѣ означала приближеніе болѣзни ²⁾). Всѣ эти вѣрованія и толки заносились въ древности въ особыя тетради, коими небезкорыстно пользовались книжники, которые умѣли выдавать себѣ за снотолкователей. Масса охотно довѣрялась имъ, желая какъ-нибудь удовлетворить своей склонности провѣдать во снѣ тайны будущаго. Невѣжество еще болѣе усиливало это естественное желаніе человѣка.

Не сомнѣваясь въ томъ, что вѣра въ сны и обычай толковать ихъ существовали на Руси въ самой глубокой древности, изслѣдователи старины однако не указали точно времени, когда явились у насъ сонники или сносудцы. По нашему мнѣнію, книги эти явились вмѣстѣ съ другими древнѣйшими произведеніями русской письменности. Онѣ, вѣроятно, имѣли въ старину большое число читателей и переписчиковъ, которые съ своей стороны оразнообразили содержаніе сонниковъ. Указать на то, какія изъ снотолкованій принадлежать специально Русскимъ, и какія заимствованы ими у другихъ народовъ — нѣтъ никакой возможности. Ясно одно, что вѣрованія въ сны, отреченныя нашею церковію, были распространены какъ въ жизни Русскаго народа, такъ и въ жизни другихъ народовъ древняго и новаго міра. Максимъ Грекъ написалъ нѣсколько обличительныхъ словъ „На общую прелесть мечтаемыхъ во снѣ соніихъ“. Впрочемъ, благочестивый инокъ не пускался въ подробныя обличенія, а просто излилъ свое негодованіе на сквернаго бѣса, какъ виновника сновидѣній. „Вскую“, говоритъ онъ, — „о злѣйшій и губительнѣйшій душамъ человѣческимъ враже и всяческа беззаконія обрѣтателю, мечтаніи нощными безпрестани смущаеши мя, иногда бо сѣтовными, иногда же паки радостными?... Изчезни, скверне, изчезни отъ мене,

¹⁾ Таблица и приложеніе къ главѣ *Praedictiones Physicae*, стр. 664—665.

²⁾ *Maiohi, Dies caniculares*, p. 664.

вкупѣ съ своими ухищреніями" ¹⁾. Максимъ высказалъ при этомъ, что скверный бѣсъ есть виновникъ и другихъ многихъ прелестей, увлекающихъ грѣшнаго человѣка: „Сѣмя беззаконія всякаго въ тебѣ есть, богомерскій, изъ тебе навѣ рожено бывше во своемъ естествѣ, и твое тщаніе всегда и изрядно дѣло сіе есть, како человѣчески душа всякимъ дѣломъ предѣстия— звѣздами, вороженіи беззаконными, и летаніемъ птичьимъ, и облачными смотрѣніи..., ими же льстя души зломисленно безумныхъ вержеши въ сушай подъ землею пленныя муки" ²⁾.

Прежде вѣрованій, указанныхъ Максимомъ Грекомъ, укажемъ на всякія другія „зоби— еже есть— храмъ трещить, огонь бучить, песь воетъ, мышей пискъ, мышъ порты погрызетъ, кошка въ огнѣ, изгорить нѣчто, огонь пищитъ, искра изъ огня, конь, пчела... волкъ воетъ" и пр. ³⁾.

Трескъ въ какой-либо части дома имѣлъ въ глазахъ нашихъ предковъ вѣщее значеніе. Это вѣрованіе возникло въ ту отдаленную пору, когда очагъ домашній служилъ жертвенникомъ для домашнихъ боговъ, когда самая хранина была домашнимъ храмомъ. Присущіе ей боги иногда видимо являли о себѣ обитателямъ дома, и эти явленія сопровождались, между прочимъ, трескомъ извѣстной части зданія. Между другими частями его самое важное значеніе имѣла матица или брусъ, поддерживающій потолочину. Зловѣщимъ дѣломъ было то, что брусъ или „кпесь" совсѣмъ исчезалъ съ дома или переламывался. Въ мутный сонъ Святослава вошло, между прочимъ, и то, что уже дѣски были безъ кпѣса въ его теремѣ влотоверхомъ. Разсматриваемое вѣрованіе извѣстно было и у другихъ народовъ. У Грековъ и Римлянъ трескъ матицы или другой части дома считался также дѣломъ зловѣщимъ, грозившимъ неудачей. „Домъ для Римлянина", говоритъ Фюстель-Куланжъ, — „былъ то же, что для насъ храмъ Господень: стѣны, двери, порогъ— все это боги" ⁴⁾. Уваженіе Римлянина къ чудеснымъ примѣтамъ внутри дома было такъ сильно, что всякій неожиданный шумъ или трескъ въ стѣнахъ, даже въ сѣдалищѣ главы семейства или гадателя, могъ прекратить жертвоприношеніе и остановить наблюденія. Испуганный гадатель говорилъ обыч-

¹⁾ *Прив. Собесѣдникъ* 1861 г., мартъ, стр. 154.

²⁾ *Прив. Собесѣдникъ* 1861 г., мартъ, стр. 155.

³⁾ Памят. Отр. Рубск. Лит., изд. Тихонякова, I, VIII.

⁴⁾ *Фюстель-Куланжъ*, Гражданскія общины античнаго міра, стр. 280.

ную фразу „до другаго дня“ ¹⁾). Шумъ и трескъ въ зданіяхъ общественныхъ, особенно во храмахъ, волновалъ весь народъ. Во время неудачныхъ войнъ всѣ робѣли, когда о подобномъ явленіи разносилась молва ²⁾). Повѣрье „храмъ трещить“ было сильно распространено и въ жизни народовъ западной Европы. Симонъ Маіоля говоритъ: многіе вѣрятъ, что, если заскрипитъ матица (*tignum*), или затрещать столы и брусья,—страшное что-нибудь должно совершиться ³⁾). Трескъ въ домѣ до сихъ поръ извѣстенъ у Нѣмцевъ, какъ зловѣщая примѣта (*das Krachen der Bretter oder Balken*). Подъ русскимъ суевѣріемъ „храмъ трещить“ также слѣдуетъ разумѣть трескъ на извѣстныхъ частяхъ дома, особенно на брусьяхъ и матицѣ. Суевѣріе это указано въ ряду другихъ суевѣрій XVII вѣка, указанныхъ въ сборникѣ Румянцевскаго музея. Тамъ говорится: „изба хрестить“ ⁴⁾).

Самыми важными и наиболѣе распространенными суевѣріями въ древней Руси были вѣрованія въ явленія, которыя замѣчались на огнѣ. Изъ нихъ ясно видно, что стихія эта имѣла когда-то божеское значеніе. Огнепоклоненіе, общее всѣмъ народамъ индійской семьи, было извѣстно въ древности и у насъ. Классическимъ мѣстомъ въ доказательство этого служить извѣстное Слово Христомлюбца. Онъ говоритъ: „и огневи молятся, зовуть его Сварожичемъ“; или: „и огневи молятся подъ овиномъ“. О томъ же говоритъ и другой древній проповѣдникъ: „Безумніи челоуѣцы осуетишася умы своими и не познаша твари Божія истиннымъ разумомъ, понеже вѣруютъ волхвованію и еретическому обычаю и нечестію и прилагають вѣру къ бездушному и къ безсловесному огню... Подобаеть же намъ, братіе, своею истинною и съ горящею любовію Божія помощи къ себѣ искати во всякихъ дѣлехъ, нежели безсловесному и бездушному огню вѣровати“ ⁵⁾). Апокрифическія сказанія толковали объ огнѣ, какъ о стихіи божественной. Въ одномъ изъ вариантовъ бесѣдъ трехъ святителей говорится: „Григорій рече: протолкуй мнѣ Троицу.—Иванъ рече: въ тѣхъ комарехъ—Отецъ и Сынъ и Св. Духъ—свѣтъ есть, а другій свѣтъ—огнь есть.—Василій рече: отъ чего суть ангелы сотворены?—Григорій рече: отъ духа Господня и отъ свѣта и отъ огня“ ⁶⁾).

¹⁾ *Hermann Gölz*, p. 184.

²⁾ *T. Livii*, lib. XXVIII, c. XI.

³⁾ *Vaticinia*, Majoli, *Dies Canicul.*, p. 571.

⁴⁾ *Опис. Рум. Муз.*, стр. 551.

⁵⁾ *Лѣтопись Русск. Лит. и Древности*, т. V, 102.

⁶⁾ *Прив. Собесѣдн.* 1861 г., мартъ, стр. 252.

Съ распространеніемъ на Руси христіанства долженъ былъ искорениться изъ жизни народа культъ огнепоклоненія. „Уже не нарекутся богомъ стихія, ни солнце, ни огнь“, говорилъ Кириллъ Туровскій. Но не смотря на это, взглядъ на огонь, какъ на вещество священное, долго держался въ вѣрованіяхъ народа. Вѣрованія эти принадлежали не одному Русскому народу, но и другимъ Славянамъ: У Поляковъ, Сербовъ, Чеховъ, Хорутанъ и Лужичанъ сохранились обычаи огнепочитанія, не утратившіе своего значенія до сихъ поръ. Огонь, какъ первозданная стихія, какъ обиталище божественнаго духа, какъ само божество, будучи предметомъ поклоненія, служилъ для совершенія таинствъ очищенія и гаданія. Ему молились на очагѣ, подъ овиномъ, у костра; ему приносили жертвы. Его брали судьей при рѣшеніи дѣлъ, не ясныхъ для человѣка. Служеніе огню совершалось въ важнѣйшіе годовые праздники, каковы Коляда и Купало; ему посвящали особый день въ недѣлѣ, четвергъ, и служеніе ему предоставлялось дѣвамъ ¹⁾. Послѣднее условіе указывало на то, что чистой и священной стихіи могли служить существа только чистыя, непричастныя плотской грѣховности. Это условіе еще строже соблюдалось древними Греками и Римлянами. У Грековъ запрещалось даже подходить къ домашнему очагу послѣ полового совокупленія супруговъ ²⁾. Въ домѣ Грека и Римлянина непременно былъ алтарь, а на алтарѣ всегда—немного зола и горячихъ угольевъ. Священною обязанностью всякаго хозяина было поддерживать огонь во весь день и во всю ночь. Горе тому дому, гдѣ огонь потухалъ ³⁾. „Конечно“, замѣчаетъ еще Фюстель-Куланжъ, „ни Греки не заняли этой религіи у Индусовъ, ни Индусы у нихъ. Но Греки, Италійцы и Индусы принадлежали къ одному племени; предки ихъ въ давнюю пору жили вмѣстѣ въ срединной Азіи. Тамъ впервые возникли у нихъ эти вѣрованія и установились эти обряды“. Въ дополненіе къ этимъ словамъ историка можно сказать, что и Славяне вообще, и Русскіе въ частности, не заняли огнепочитанія у Грековъ, Италійцевъ и Индусовъ; оно было самостоятельною чертой ихъ религіознаго культа, основныя начала которому положены въ доисторическую эпоху жизни нашихъ предковъ, когда они не выдѣлялись еще изъ общей семьи человѣчества.

¹⁾ *Срезневскій*, Святѣлища и обряды языч. богосл. древн. Слав., стр. 28—29.

²⁾ *Дѣла и дни*, Гезіода, ст. 731 и слѣд.

³⁾ *Фюстель-Куланжъ*, стр. 23.

Почитаніе домашняго очага не могло, разумѣется, уцѣлѣть въ жизни нашихъ предковъ, какъ скоро они приняли христіанство; но память объ этомъ вѣрованіи до сихъ поръ живетъ въ извѣстномъ обычаѣ, который исполняютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при встрѣчѣ и проходахъ домоваго изъ стараго въ новый домъ. Близко также стоятъ къ древнему языческому огнечитанію различные обычаи и обряды надъ огнемъ во время нѣкоторыхъ народныхъ праздниковъ. Гораздо дальше отъ первоначальной формы огнечитанія отошли тѣ отреченныя вѣрованія нашихъ предковъ, которыя замѣнены въ индексахъ. Выраженія „огнь бучить, свѣща угаснетъ, искра отъ огня, огнь пищитъ“ и др. утратили первоначальный смыслъ; ими опредѣляются все-таки извѣстныя явленія или перемены, замѣчаемыя на огнѣ. Перемены эти дѣлались потомъ примѣтами относительно тѣхъ или другихъ сторонъ практической дѣятельности. Тѣмъ сильнѣе и живучѣе были примѣты, чѣмъ чаще и вѣрнѣе, по замѣчанію наблюдателей, онѣ оправдывались въ дѣйствительности. Многія изъ примѣтъ этого рода касались переменъ въ атмосферѣ. „Огнь бучить“, говорили предки наши, „и искра приметъ, и дымъ высоко въ избѣ ходитъ — къ погодію“¹⁾. Всѣ подобныя вѣрованія были въ ходу и на западѣ. Тамъ извѣстны были народные обычаи огнечитанія, которые общи всѣмъ народамъ славянскимъ. На этотъ разъ нельзя довольствоваться мнѣніемъ тѣхъ ученыхъ, которые обычаи огнечитанія приписываютъ только Славянамъ. Разумѣемъ здѣсь обычаи огневозжиганія въ полѣ въ праздники Коляды и Купала, при чемъ у многихъ народовъ Славянскихъ происходятъ перескакиванья чрезъ огонь и жертвоприношенія. Обычаи эти долго держались и у народовъ запада. На западѣ, по замѣчанію епископа Маіола, также было въ обычаѣ наблюдать за пламенемъ, и по различной формѣ или виду его дѣлать различныя заключенія: если, напримѣръ, пламя факеловъ сливалось во едино, это означало благополучіе; если-жь оно показывалось въ раздѣльности, значило несчастіе; пламя, разнообразно дробившееся, предвѣщало больному смерть, здоровому — болѣзнь; пламя съ трескомъ значило несчастіе, внезапно потухшее — великую опасность и т. д.²⁾. Изъ сказаннаго видно, какъ поразительно сходство между вѣрованіями западными и русскими, которыя указаны въ индексахъ отреченныхъ вѣрованій: „свѣща угаснетъ,

¹⁾ Описание Рум. Муз., 551.

²⁾ *Dies Caniculares Majori*, p. 540.

искра изъ огня принеть, огонь бучить и др.¹⁾; только составители нашихъ индексовъ слишкомъ голословно записали народныя вѣрованія, ничего не сказавъ о значеніи ихъ.

Въ ряду другихъ вѣрованій древне-русскаго человѣка очень видное мѣсто занимаютъ тѣ, которыя связаны съ воззрѣніями на животныхъ. Между животными различаются домашнія, прирученныя человѣкомъ, или по самой природѣ своей, живущія при жилищахъ человѣка, какова мышь, и дикія, то-есть, звѣри. Изъ насѣкомыхъ указаны пчелы. Въ основаніи этихъ вѣрованій лежитъ, безъ сомнѣнія, древнѣйшій культъ обоготворенія животныхъ. На таинственную связь между богами и животными указываютъ извѣстныя у всѣхъ народовъ сказанія о мифическихъ герояхъ, полубогахъ, вѣщихъ богатыряхъ, которые принимали, въ случаѣ надобности, образы звѣрей. Таковы въ нашей поэзіи Волкъ Всеславичъ. Народныя преданія объ этихъ личностяхъ даютъ потомъ рядъ различныхъ сказаній и ученій, которыя у насъ названы чародѣйствомъ. Отреченная книга о нихъ называется Чаровникъ: „въ нихъ же суть 12 главизнъ стихи опромѣтныхъ лицъ звѣриныхъ и птичіихъ; еже есть сіе: тѣло свое мертво хранить; летаетъ орломъ, ястребомъ, ворономъ, дятломъ, совою, рыщутъ рысію, лютымъ звѣремъ, звѣремъ дикимъ, медвѣдемъ, летаютъ зміемъ“²⁾. Для насъ важно указать на то, что животныя и звѣри, окруженныя вѣрованіями нашихъ предковъ, пользовались таинственно-религіознымъ значеніемъ и у другихъ народовъ древняго и новаго міра. Во всѣхъ случаяхъ жизни, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, непостижимыхъ для простаго ума, животное или звѣрь наводили на разгадку тайны. Сами они или ихъ дѣйствія принимались за средство предузнать тотъ или другой исходъ темнаго дѣла или объяснить себѣ недовѣдомыя явленія природы. „Волки воютъ и бѣлки скачутъ... И вода пребудетъ и плодовъ въ лѣтѣ въ коемъ не будетъ, или ушпожится... Мышь въ живнѣ высоко гнѣздо совіетъ—и снѣгъ велико будетъ и погода будетъ“³⁾. Этими словами указано провѣщательное значеніе мыши; въ другихъ перечняхъ отреченныхъ вѣрованій нѣтъ подобныхъ объясненій.

Обращаясь къ суевѣріямъ, обозначеннымъ словами: „мышей пискъ“, „мышь порты погрызетъ“, прежде всего замѣтимъ, что мышь

¹⁾ Индексъ вѣрованій, указ. въ Кирилловой книгѣ.

²⁾ *Тыкопразовъ*, Пам. Отр. Лят., т. I, IX.

³⁾ Опис. Рум. Муз., стр. 551.

имѣла священное, вѣщее значеніе еще у Индійцевъ и Египтянъ. Мышь, говоритъ историкъ Индіи, была чтима въ городѣ Атрибѣ, будто потому, что глаза ея глубоко лежали въ головѣ, и она казалась слѣпою, подобно кроту ¹⁾. Египтяне также благоговѣли предъ священной мышью. Для похоронъ они переносили ее въ городъ Буть ²⁾. Въ жизни Грековъ и Римлянъ жило долгое время вѣрованіе въ таинственное значеніе мыши. Грызеніе мыши, замѣченное во время греческихъ гаданій, заставляло гадателя немедленно прекращать свои дѣйствія. У Римлянъ не только платье, изъѣденное мышами, по и всякій другой предметъ, тронутый и подточенный ими, наводили страхъ на самаго храбраго человѣка. Во время общественныхъ неурядицъ и злополучныхъ войнъ обращали, между прочимъ, вниманіе на изъѣденныя мышами вещи, какъ на предзнаменованіе самое зловѣщее. Во время Пуническихъ войнъ, по свидѣтельству Т. Ливія, между другими зловѣщими слухами изъ провинцій разнесся слухъ о томъ, что въ Кумахъ мыши источили золото въ храмѣ Юпитера ³⁾. Впослѣдствіи, стали различать мышъ домашнюю (*mus*) отъ мыши полевой, дикой (*soxex*). Боялись, когда первая изъѣдала или подтачивала что-нибудь изъ домашнихъ вещей, мышъ же полевая особенно страшна была, когда изгрызала платье ⁴⁾. Суевѣрный страхъ предъ мышью, что-нибудь испортившею, еще болѣе усилился подъ вліяніемъ средневѣковыхъ религіозныхъ легендъ о томъ, какъ и за что были съѣдены мышами грѣшныя люди. Къ числу подобныхъ произведеній относится извѣстная легенда объ епископѣ Гаттонѣ. Христіанскій историкъ Кассіодоръ разказываетъ о томъ, какъ нѣкогда святѣйшіе мужи и христіанскіе мученики были преданы мучителямъ на съѣденіе мышамъ.

На развитіе и укрѣпленіе русскаго суевѣрія относительно мышей должна была повліять между прочимъ и христіанская письменность. Блжстители церковной дисциплины смотрѣли на это животное, какъ на самое нечистое и сквернящее человѣка. Въ требникахъ имѣются очистительныя молитвы на различные случаи, когда мышь, живая или мертвая, попадетъ въ жизненные припасы, въ посуду или въ воду. Въ древнихъ отреченныхъ тетрадахъ, въ худыхъ номоканун-

¹⁾ *Bohlen*, p. 188.

²⁾ *Göll*, 190.

³⁾ Т. Livii. lib. XXVII, c. XXIII.

⁴⁾ *Majoli*, p. 571.

цахъ этотъ взглядъ на мышъ изложенъ съ нѣкоторыми подробностями: „Аще калочетъ или впадетъ... жаба или мышъ“, говоритъ правило“, молитва сътворити, а мышъ или съгніетъ и разыдется гноемъ, то не ясть“, или еще: „Аще мышъ или ино что скверно впадетъ въ ядене, а вкуситъ невѣдый, нѣсть за то епитемьи; аще въ кладязь впадетъ мышъ, да выльютъ 40 ведеръ и молитву сътворятъ и покрпятъ святою водою“¹⁾. Такимъ образомъ, и здѣсь церковно-христіанскія воззрѣнія близко подошли къ древнѣйшимъ народнымъ вѣрованіямъ, общимъ съ вѣрованіями другихъ народовъ Индо-европейской семьи.

Изъ домашнихъ животныхъ, близкихъ къ человѣку, издавна прирученныхъ имъ, кошка окружена таинственными вѣрованіями. „Кошка въ окнѣ“, „кошка мяукаетъ“, замѣчаютъ индексы отреченныхъ вѣрованій. Изъ такихъ краткихъ указаній нельзя видѣть того, какія вѣрованія соединяемы были съ мяуканіемъ кошки. Несомнѣнно, что кошка чаще всего предуказывала что-либо неблагопріятное. Одно появленіе черной кошки въ домъ считалось, по народному вѣрованію, дѣломъ зловѣщимъ. Начало суевѣрному воззрѣнію на кошку лежитъ въ древнѣйшихъ вѣрованіяхъ Индіи и Египта. Съ теченіемъ времени вѣрованіе это принимало разнообразныя формы, по различію наблюдаемыхъ случаевъ изъ жизни кошки. По законамъ Ведъ, кошка, выѣсть съ ихневомомъ, считалась животнымъ неприкосновеннымъ. За памѣренное умерщвленіе ея налагалось строгое наказаніе²⁾. Религіозное почтеніе къ этому животному еще болѣе усилилось въ Египтѣ. Тамъ кошка, послѣ смерти ея, переносилась въ священныя мѣста города Бубаста, гдѣ, набальзамированная, была похороняема³⁾. Эти вѣрованія отдаленной эпохи, утративъ свое прежнее значеніе, удержались въ жизни всѣхъ народовъ Европы, въ формѣ вѣщихъ примѣтъ, какія указывались кошкой. Больше всего имѣло значенія разнообразное мяуканье ея. Средневѣковые ученые, каковъ Альбертъ Великій и др., разсуждая о вѣщихъ животныхъ, ставили въ рядъ ихъ и кошку. Особенно страшна казалась кошка черная, чужая. Подъ вліяніемъ подобнаго страха предъ кошкой, легко могли образоваться тѣ примѣты, которыя въ индексахъ называются выраженіями: „кошка мяукаетъ“ или „кошка въ окнѣ“. Церковь христіанская, осуждая

¹⁾ Тихомирова, Пам. Отр. Литер., II, стр. 298—299.

²⁾ Böhlen, p. 189.

³⁾ Göll, p. 190.

волхвующихъ всякими коби, осуждала, безъ сомнѣнія, и повѣря от-носительно кошки.

Другая кобь относительно домашнихъ животныхъ высказана въ слѣдующихъ словахъ: „песь воетъ“. По индексу русскихъ суевѣрій XVII вѣка, это вѣрованіе формулировано такъ: „пса слушаютъ“¹⁾. Древне-индійская религія чтитъ собаку на ряду съ другими священными животными. Это почитаніе повліяло на послѣдующій суевѣрный взглядъ на собаку. Въ христіанскую эпоху взглядъ этотъ усиливался апокрифическими сказаніями о виновности пса въ грѣхопадѣніи чело-вѣка, о наказаніи, наложенномъ самимъ Богомъ на это поганое жи-вотное. Помимо всего сказаннаго, есть основаніе думать, что на суе-вѣріе касательно пса имѣли вліяніе самыя свойства собачьихъ ин-стинктовъ. Благодаря тонкости этихъ инстинктовъ, собачья служба чело-вѣку издавна отличалась замѣчательными чертами, удивлявшими чело-вѣка. Плиній, указавъ нѣсколько случаевъ собачьей вѣрности и сметливости, называетъ собаку животнымъ самымъ вѣрнымъ (*fidelissimum*), и только лошадь, по его мнѣнію, достойна стать рядомъ съ собакой²⁾. Можетъ-быть, тонкость собачьяго чуты была причи-ною того, что вой собакъ всею древностію считался предвѣстіемъ политическихъ неурядиць, кровавыхъ битвъ и гибели многихъ на войнѣ. Изъ римскихъ историковъ и поэтовъ видно, какой страхъ на-водилъ на жителей ночной вой собакъ, особенно во время неудач-ныхъ войнъ и гражданскихъ мятежей³⁾. Римлянинъ умѣлъ понимать всякій лай и вой собаки, умѣлъ узнавать по немъ вора, наступающую бурю, пожаръ и другія явленія. Эти примѣты были такъ популярны, что метафорически переносились на извѣстные случаи или черты чело-вѣческой дѣятельности. Цицеронъ на оскорбительный вопросъ Октавія отвѣтилъ сравненіемъ себя, какъ смѣлаго и честнаго ора-тора, съ собакой, которая лаетъ при видѣ вора, а воромъ обозвалъ онъ врага республики. Средневѣковые западные писатели не щадятъ своего краснорѣчія для достойнаго описанія собачьихъ доблестей. Изъ этихъ описаній видно, какъ слагался въ практикѣ рядъ тѣхъ наблюденій, которымъ вѣрили и до сихъ поръ вѣрятъ читатели бес-тіаріевъ. Древній пастушескій бытъ нашихъ предковъ не могъ не

¹⁾ Опис. Рум. Муз., 551.

²⁾ *Historiæ Naturalis*, lib. VIII, c. 40.

³⁾ *Dion. Cassii—Historia Rom.* Vol. I, lib. XL, cap. XX. *Ovid. Nas. Metamor- phoseon*, t. II, s. 796.

привести и ихъ къ практическому знакомству съ полезностію и тонкостію собачьяго чутья. Практика породила примѣты. Больше всего наблюдали за воемъ собаки. Вѣщее значеніе собаки было причиною того, что животное это играло важную роль и въ гаданіяхъ. Собаку, которая пробѣгала между гуляющими, били изъ боязни посориться между собою, благодаря этой собакѣ. Въ русскихъ повѣрьяхъ подобное значеніе имѣетъ черная кошка. Въ малонаселенныхъ пространствахъ Русской земли, изобиловавшихъ дикими звѣрями и гулящими людьми, необходимо было держать при всякомъ дворѣ собакъ. Большими стадами бродили онѣ по деревнямъ и городамъ. Изобиліе ихъ, дикій вой и лай приводили въ изумленіе чужестранцевъ, посѣщавшихъ Россію. Понятно, что русскій человѣкъ, прислушиваясь къ собачьему вою, привыкъ находить въ немъ нѣчто зловѣщее. Онъ боится его до сихъ поръ.

Подобно собакѣ, воющей волкъ наводитъ иногда раздумье на древне-русскаго человѣка, и онъ вѣрилъ въ зловѣщее значеніе этого воя. Индексы отреченныхъ вѣрованій отмечаютъ вѣру въ волчій вой такъ же, какъ и прочія различныя волхвованія. „Волкъ воетъ“— это значило еще у древнихъ Римлянъ приближеніе великой бѣды. Среди множества страшныхъ явленій во время междоусобной войны въ Римѣ (705 г.) народъ съ ужасомъ замѣчалъ, что въ городѣ показывалось много волковъ и шакаловъ ¹⁾. И въ походѣ Красса на Паряевъ шакалы и волки являлись повсюду ²⁾. Лѣтонисцы и поэты всѣхъ временъ и народовъ часто замѣчали, какъ волки, съ страшнымъ воемъ, сопровождали въ походѣ воиновъ, заставляя тѣмъ страшиться злополучнаго исхода войны. „Свистъ звѣринъ въ стасби; подобію волцы грозу всерожатъ по аругамъ....“, съ чувствомъ грусти говоритъ пѣвецъ „Слова о Полюкѣ Игоревѣ“. Подобныя примѣты указаны въ поэтическихъ памятникахъ и другихъ народовъ. Въ Эддѣ, напримѣръ, рассказывается, что волки, слѣдующіе за войскомъ предвѣщаютъ, по словамъ Хникара, благопріятный исходъ битвы. Кажется, что вой волковъ считался зловѣщею примѣтой вездѣ, гдѣ водились эти звѣри. Суевѣрный взглядъ на волка сложился, по всей вѣроятности, вслѣдствіе того, что, по своимъ плотояднымъ инстинктамъ, онъ чуетъ къ мертвому тѣлу. Вой волка въ военную пору ужасалъ поэтому возможнымъ изобиліемъ человѣческихъ труповъ на полѣ битвы. „Волки

¹⁾ Dion. Cas. Hist. Rom. vol. II, lib. XII, c. 14.

²⁾ Dion. Cas. Hist. Rom. vol. I, lib. XI, c. 17.

воють и бѣлки скачуть — морь будетъ и война востанеть“¹⁾). Изъ этихъ словъ видно, что вой волковъ страшнѣе былъ также и въ гонимую болѣзней. Напуганное воображеніе жителей рисовало страшный образъ смерти, какъ скоро слышны были завыванія голоднаго волка.

Изъ животныхъ домашнихъ, кромѣ кошки и собаки, лошадь служила также предметомъ различныхъ вѣрованій. „Конь ржетъ“, замѣчаютъ отреченныя книги. Близко связанный съ человѣкомъ въ его поѣздкахъ и подвигахъ, часто трудныхъ и опасныхъ, конь дѣлилъ съ нимъ и геройскую славу. Поэтому почти всѣ сказанія объ эпическихъ герояхъ, рисуя величіе самого героя, упоминаютъ и о конѣ его. Богатырскій конь былъ вѣрнымъ товарищемъ героя, понималъ радость и горе своего всадника, бросался съ нимъ во всѣ опасности, дѣлилъ смерть, или по сказаніямъ, оплакивалъ смерть героя, если самъ оставался живымъ. Гудруна, просыпающаяся на окровавленномъ ложѣ своего супруга, ломаетъ руки и испускаетъ жалобные вопли, которыми вторятъ кони въ стойлахъ. Вѣрный конь Сигурда, Грани, уныло склоняетъ голову надъ его трупомъ, когда Гудруна, со слезами на глазахъ, спрашиваетъ у него объ участи господина²⁾). Въ славянской эпической поэзіи упоминаются также чудесные кони. Въ дохристіанскую эпоху чествованіе коней было знакомо Славянамъ; извѣстны также преданія славянскаго зноса о виноватомъ или вѣщемъ конѣ Момчилѣ, о Сивѣ-Буркѣ Вѣщей-Коуркѣ и пр.³⁾ Чудесный взглядъ на коня высказался и въ такихъ сказаніяхъ народной фантазіи, которыя слагались въ христіанскую эпоху. Таково сказаніе о Меркуріѣ Смоленскомъ. Конь, ожидавшій Меркурія при выходѣ изъ церкви, былъ необыкновенный. Обезглавленный Меркурій привелъ этого коня съ битвы въ городъ, гдѣ онъ сталъ невидимъ. Этотъ прехрабрый конь чудесно былъ посланъ Меркурію пречистою госпожею Богородицею. Коню изстари приписывалось вѣрное чутье близкой битвы или пораженія. Ржаніе коня всегда считалось голосомъ вѣщимъ, который особенно устрашалъ самого хозяина коня. Еще Плиній замѣтилъ о смысленности коней, что ingenia eorum incantabilia⁴⁾). Между прочимъ онъ говоритъ, что кони предчувствуютъ

¹⁾ Опис. Рум. Муз., 552.

²⁾ Полевой, Пам. народа. повѣст., стр. 28.

³⁾ Тихомировъ, Лѣт. Русской лит. II, 38.

⁴⁾ Plin. Sec. Hist. Nat. lib. VIII, 117 p.

битву и оплакиваютъ потерянныхъ владѣтелей своихъ, иногда отъ жалости проливаютъ слезы. Особенно знаменательно было ржаніе коня. Оно, по общему вѣрованію всѣхъ народовъ запада, вѣщало о приближающейся войнѣ или битвѣ.

Въ древне-русской письменности мало указаній на то, какъ и когда выражалась вѣра нашихъ предковъ въ ржаніе коня. Но несомнѣнно, эта вѣра существовала. Пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ, между другими знаменательными чертами воинственныхъ сборовъ князей на бой съ Половцами, указываетъ и на ржаніе коня: „кони ржутъ за Сулюю...“ Что и въ другихъ отношеніяхъ конь былъ предметомъ суевѣрныхъ вѣрованій Русскаго народа въ глубокой древности, на это указалъ въ XI вѣкѣ св. Ѳеодосій. Онъ осудилъ въ проповѣди своей, какъ народный предразсудокъ, вѣру во встрѣчу съ лисимъ конемъ.

Были въ древней Руси темныя вѣрованія относительно пчелъ и рыбы. По индексу отреченныхъ книгъ и вѣрованій, изд. Тихомировымъ, указаны одни названія ихъ „пчела“, „рыба“. Въ другихъ же спискахъ, напримѣръ, въ Кирилловой книгѣ, говорится полнѣе: „пчела поетъ“, „рыба вострепещетъ“. Какое значеніе приписывали трепетапію рыбы — трудно понять. Ничего не говоритъ объ этомъ письменность русская и иностранная. О пчелахъ въ спискѣ русскихъ повѣрій XVII вѣка замѣчено, что пчела шумитъ — рой будетъ ¹⁾. Вѣщій взглядъ нашихъ предковъ на пчелу, особенно на рой пчелъ, имѣетъ много общаго со взглядомъ другихъ народовъ. Медъ пчелы считался у Римлянъ веществомъ чудеснымъ — то цѣлительнымъ, то ядовитымъ. Объ этихъ свойствахъ меда разказываетъ Плиній. Между прочимъ онъ говоритъ, что медъ былъ лучшимъ лѣкарствомъ отъ болѣзней селезенки ²⁾. И наши предки не безъ причины считали медъ веществомъ, годнымъ на различныя чары и ворожбу выѣстъ съ солью, мышьякомъ, млекою женскимъ или скотскимъ ³⁾. О пчелѣ слагались иногда чудесныя сказанія; еще Римляне придавали полету пчелъ вѣщее значеніе. „Пчелы“, говоритъ Плиній, „дѣлаютъ предзнаменованія публичныя и частныя; когда рой ихъ привѣтся къ дому или храму, это очень часто служить указаніемъ на великія событія. Съли онѣ“, продолжаетъ историкъ, „на уста младенца Платона и указали тѣмъ на пріятность

¹⁾ Опис. Рум. Муз., 552.

²⁾ Hist. Natur. lib XXI, c. 13.

³⁾ Опис. Рум. Муз., 551.

его сладкой рѣчи; сѣли на лагерь полковъ Друза, когда онъ счастливо воевалъ при Арбалонѣ; напрасно гадатели постоянно толкуютъ, что подобныя случаи имѣють дурное предзнаменованіе“¹⁾). Суевѣрный взглядъ на пчель и на медъ ихъ извѣстенъ былъ потомъ въ жизни новыхъ народовъ Европы. Епископъ Маіолъ говоритъ, что пролить медъ значило у современниковъ его получить насчастіе²⁾). Христіанство не уничтожило разсматриваемаго суевѣрія. Сами христіанскіе писатели указывали на пчель, летавшихъ надъ дѣтьми и садившихся на нихъ, какъ на чудесный символъ будущей ихъ мудрости.. Такъ, объ Амвросіѣ Медиоланскомъ разказываютъ, что въ дѣтство святаго на лице его сѣлъ рой пчель, и это приняли за предзнаменованіе дивнаго краснорѣчія этого мужа. Біографъ приравнялъ указанный случай къ подобному случаю изъ жизни Самсона, полной чудеснаго. Многіе изъ нашихъ древнихъ грамотниковъ, падкіе на чудесныя разказы, вписывали въ сборники свои чудесныя повѣсти о пчелахъ. Повѣсти эти апокрифическаго характера очень были любимы въ старину. Приводимъ одну изъ нихъ. Одна жена чародѣйствовала святыми дарами надъ пчелами, положивъ въ улей пречистое тѣло, которое „не поглунувъ удержа въ устѣхъ. Пчелы, создателя своего познавши, отъ бѣлыхъ и сладкихъ своихъ сотовъ пресладкому гостю теремецъ удивительный сотвориша, стѣны, окна чудныя, всходъ кровъ, а на верху крестъ, такожде и звонницу и все въ подобіе церкви, и посреди терема престоль тоя же вещи воздаша и пречистое тѣло Господа своего на немъ положиша. Жена та сказала іерею. Онъ съ люди своя приде къ улію и узрѣша пчелы окрестъ чинно летающихъ, неизреченно сладко поющихъ Создателю своему... О елико“, заключаетъ книжникъ, „дивенъ Богъ во святыхъ своихъ! Дивнѣйши же въ малѣй сей твари своей показася“³⁾). Не удивительно, что вліяніемъ подобныхъ чудныхъ повѣстей, суевѣрный взглядъ нашихъ предковъ на пчель привелъ къ различнымъ суевѣрнымъ примѣтамъ. Церковныя учителя знали и отрекли эти примѣты.

Отреченныя вѣрованія или коби волхвователей простирались, кромѣ звѣрей, еще на нѣкоторыхъ птицъ. Прежде всего сильна была вѣра въ оборотничество въ птицъ: „летаетъ орломъ, ястребомъ, ворономъ, дятломъ, совою“. Всѣ эти птицы имѣли для человѣка вѣ-

¹⁾ Hist. Natur. lib XI, p. 287.

²⁾ Dies Coniculares, 571.

³⁾ Сборникъ Сол. библиот. № 240, стр. 56.

щее значеніе. Въ индексахъ вѣрваній указаны еще—курокликъ, со- рока пощекочеть, дятель¹⁾). Изъ другихъ зловѣщихъ птицъ особен- но важень былъ воронъ, какъ вѣстникъ несчастій и смерти. Въ древ- не-русской письменности, особенно поэтической, много указаній на вѣщее значеніе грая птицъ. Довольно указать на Слово о Полку Иго- реві. Въ самомъ началѣ дѣла птицы вѣщаютъ Игорю ожидающія его неудачи. „Игорь къ Дону вонъ ведетъ: уже бо бѣды его пасеть птицъ... орли клеткомъ на кости звѣри зовуть“. Птицы сочувствуютъ потомъ радостному бѣгству Игоря изъ плѣна. Онѣ смолкаютъ и не смѣютъ подать голоса, когда ханы идутъ слѣдомъ за Игоремъ. „Тогда врани не граахуть, галици помолкоша, сороки не трескоташа, по- ловію ползоша только, дятлове тектомъ путь въ рѣкѣ кажутъ; соло- вѣи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ“. Въ этихъ словахъ пѣвца указаны почти всѣ птицы, составляющія птичникъ различныхъ птицъ по индексу отреченныхъ вѣрваній. Эпическія пѣсни другихъ наро- довъ богаты также образами, въ которыхъ птицы указываютъ на ра- достный или печальный результатъ человѣческой дѣятельности.

¹⁾ Пам. Отр. Литер., I, IX.

О. Керенскій.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА ВЪ ГЕНТЪ.

Въ сентябрѣ 1873 года основано было въ Европѣ международное ученое учрежденіе, которое не можетъ оставаться чуждымъ нашей образованной публикѣ. Не одно только то обстоятельство, что въ числѣ учредителей были русскія имена, даетъ этому совѣмъ новому предпріятію право и въ нашемъ отечествѣ на такое же вниманіе, какое имъ уже возбуждено было въ другихъ странахъ. При всей скромности своихъ нынѣшнихъ размѣровъ и круга дѣятельности, Институтъ международнаго права можетъ, со временемъ, получить значеніе не только въ исторіи науки международнаго права, но и въ дѣйствительной международной жизни образованнаго міра. Надо думать, что именно въ нынѣшнюю знаменательную эпоху оживленія связей Россіи съ другими націями, и въ тому же связей самаго миролюбиваго свойства, ни наше правительство, ни публика не останутся равнодушны къ предпріятію, которое уже теперь, самымъ своимъ возникновеніемъ, доказываетъ успѣхъ въ развитіи идей взаимности интересовъ, справедливости, умственного общенія и дружбы между народами, а въ будущемъ можетъ даже сдѣлаться однимъ изъ существенныхъ элементовъ, въ развитіи этихъ идей.

Участвовавъ въ интернаціональной конференціи, собиравшейся въ сентябрѣ прошлаго года въ Гентѣ, для учрежденія Института международнаго права, я считаю своею обязанностью объяснить здѣсь вкратцѣ его происхожденіе, цѣли и общія основанія его устройства ¹⁾).

¹⁾ Все это подробно изложено въ особой брошюрѣ, изданной Институтомъ, подъ заглавіемъ: «Communications et documents relatifs à la fondation de l'institut de droit international, Gand, 1873». Тутъ же помѣщены и статуы института.

Уже давно, въ европейскомъ ученомъ мірѣ, была заявляема мысль о пользѣ соединенія публицистовъ ¹⁾ и юристовъ разныхъ странъ, для содѣйствія и покровительства успѣхамъ науки международнаго права, для установленія и опредѣленія его основннхъ началъ и для споспѣшествованія ихъ водворенію въ дѣйствительной жизни государствъ. Между двигателями этой мысли, въ ученыхъ кругахъ Европы, были знаменитѣйшіе сподвижники государственныхъ наукъ и международнаго права въ обѣихъ частяхъ свѣта: *Либсръ*, всѣми уважаемый и популярнѣйшій американскій публицистъ, скончавшійся въ 1872 году, *Блумчли*, профессоръ гейдельбергскаго университета, *Эскиру де Парьё*, членъ французскаго института, предсѣдатель государственнаго совѣта второй имперіи, *Друенъ де-Люисъ*, министръ иностранныхъ дѣлъ той же имперіи, *Манчини*, профессоръ римскаго университета, бывшій итальянскій министръ, *Вестмакъ*, англійскій публицистъ, *Карлосъ Кальво*, французскій публицистъ, бывшій посланникъ аргентинской республики въ Парижѣ, *Муаньс*, основатель международныхъ обществъ пособія равнымъ, *Гольцендорфъ*, бывшій профессоръ берлинскаго университета (нынѣ профессоръ мюнхенскаго), и друг. Ко всѣмъ этимъ именамъ особенно пріятно присоединить нашего соотечественника, харьковскаго профессора *Д. И. Каченовскаго*, котораго преждевременная кончина была чувствительна не только для русской, но и для европейской науки; онъ, къ сожалѣнію, не дожился до осуществленія идеи, которая воодушевляла его, въ послѣдніе годы его жизни, вмѣстѣ со всѣми другими вышеупомянутыми европейскими учеными. Всѣ эти лица и многія другія вели нѣсколько лѣтъ дѣятельную между собою переписку объ организаціи какой-либо международной ассоціаціи для означенныхъ выше цѣлей, и энергически распространяли и поддерживали эту мысль посреди многочисленныхъ затрудненій и возраженій, какія она встрѣчала и въ политическомъ, и даже въ самомъ ученомъ мірѣ.

Возраженія преимущественно сосредоточивались на двухъ пунктахъ ²⁾. Одни были противъ всякой коллективной (совокупной) ученой

тута. Тоже было напечатано въ журналѣ, издаваемомъ въ Гентѣ главнымъ секретаремъ института *Ролемъ-Жакменъ*, — въ «*Revue de droit international et de législation comparée*». Этотъ журналъ, пользующійся первостепеннымъ авторитетомъ въ юридическихъ наукахъ, избранъ органомъ института.

¹⁾ Подъ публицистомъ разумется здѣсь занимающійся вообще публичными правами, и въ особенности международными.

²⁾ См. мемораръ, составленный г. *Ролемъ-Жакменъ* и напечатанный въ

дѣятельности, какъ непроизводительной на почвѣ науки, а между тѣмъ поставленной главною цѣлюю настоящаго предпріятія. Но никто изъ его двигателей, слишкомъ опытныхъ въ дѣлѣ научныхъ работъ, не могъ и думать объ исполненіи ихъ собирательнымъ трудомъ ученыхъ. Совокупное дѣйствіе (*l'action scientifique collective*) замѣчательнѣйшихъ представителей науки всѣхъ образованныхъ націй предположено учредителями института въ качествѣ новой силы, еще не дѣйствовавшей въ области международнаго права; это высказано какъ главное ихъ побужденіе ¹⁾. Но при этомъ нисколько не разумѣется совокупное производство ученыхъ трудовъ и изслѣдованій, а лишь поощреніе и возбужденіе ихъ, подобно всѣмъ существующимъ академіямъ и ученымъ обществамъ. Сверхъ того, нужно замѣтить, что международное право—наука по преимуществу прикладная, и ея важнѣйшіе вопросы—не чисто теоретическіе, а вопросы приложенія общихъ началъ справедливости къ практическимъ отношеніямъ законодательства и политики, и потому, по самой натурѣ своей, какъ вопросы практическіе и къ тому же очень сложные. они допускаютъ обсужденіе въ средѣ спеціалистовъ и даже нуждаются въ немъ.

Другіе находили, что при бесполезности проектируемаго учрежденія для успѣховъ самой науки, оно не можетъ имѣть никакого вліянія и на международную практику, такъ какъ въ ней господствуютъ могущественныя политическіе интересы, которые не доступны дѣйствію отвлеченныхъ соображеній частныхъ лицъ, не имѣющихъ никакаго значенія въ политическомъ мірѣ, какъ бы ни былъ великъ ихъ ученый авторитетъ. Лучшимъ на это отвѣтомъ служить вся исторія науки международнаго права, начиная съ ея основателя *Гуго Гроція*, написавшаго свое безсмертное твореніе „*De jure belli ac pacis*“ ²⁾, въ началѣ XVII столѣтія, посреди кровавыхъ войнъ и самыхъ варварскихъ военныхъ обычаевъ. Даже въ то время начала международной справедливости и гуманности, проповѣданная Гроціемъ, осужденнымъ на пожизненное тюремное заключеніе въ своемъ отечествѣ и потомъ изгнаннымъ изъ него, возбудили къ себѣ уваже-

Revue de droit international 1873 г.: «De la nécessité d'organiser une institution scientifique permanente pour favoriser l'étude et les progrès du droit international».

¹⁾ См. въ приложеніяхъ къ настоящей статьѣ объяснительную записку учредителей института международнаго права къ его уставу.

²⁾ Первое изданіе вышло въ Парижѣ въ 1625 году. См. статью *Дженса* «Grotius» въ *Deutsches Staats-Wörterbuch* Влуича и Братера.

ніе въ политическомъ мірѣ, а впоследствии сдѣлались руководящими принципами и отчасти даже аксіомами для дипломатіи. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе двухъ съ половиною столѣтій, сколько бы непрерывно и всячески ни нарушались въ международной жизни понятія права и человеколюбія, эти понятія не переставали укрѣпляться въ сознаніи людей, располагавшихъ судьбами войны и мира въ образованномъ человечествѣ. Достаточно сравнить правила веденія войнъ, военной чести, военные права и обычаи каждой исторической эпохи съ предыдущею, чтобы убѣдиться въ этомъ успѣхѣ; а въ особенности нужно сравнить общеніе, установившееся нынѣ, въ періоды мира, между народами Европы и Америки и распространяющееся даже на другія части свѣта, со всѣми прошедшими вѣками всемірной исторіи, въ такіе же періоды; это общеніе не только сходно, но дѣлается почти тождественнымъ со взаимными отношеніями подданныхъ одного и того же государства. Въ этой международной жизни война, — какъ бы она жестоко ни свирѣпствовала, — и отношенія воюющихъ представляются исключеніемъ, нарушающимъ нормальный, общепринятый ходъ жизни. Ничего подобнаго не было въ предыдущіе вѣка, когда право войны, и на войнѣ только право сильного, только право кулачное (*vae victis*), признавались за верховныя права государствъ и народовъ¹⁾; мирныя связи между націями составляли исключеніе, а возможность во всякую минуту войны норму всѣхъ ихъ взаимныхъ отношеній. *Предположеніе мира*, презумпція мира, хотя бы она еще и оставалась на степени юридической фикціи, есть основное начало, на которомъ нынѣ зиждется вся международная жизнь историческаго, европейско-американскаго человечества, и съ нею внутренняя жизнь каждаго его члена. Безъ этой презумпціи невозможны всѣ нынѣ существующія условія экономическаго, умственного и правственнаго быта образованныхъ народовъ, — и потому война является въ немъ такимъ бѣдствіемъ, которое невыносимо и для правительствъ и для частныхъ лицъ, если длится долгое время. Бѣдствіемъ казалось даже для нейтральныхъ всякое единоборство и столкновеніе между націями, а отъ общей европейской войны, какая бывала не разъ въ прежнія времена, многіе, и не безъ основанія, ожидаютъ разрушенія всей нынѣшней европейской цивилизаціи. Весь этотъ историческій прогрессъ, ко-

¹⁾ См. о возрастаніи элементовъ мира въ наше время въ сочиненіи нашемъ: «О вліяніи экономической науки на государственную жизнь современной Европы». С.-Петербургъ, 1867.

нечно, былъ главнѣйше результатомъ практической необходимости, истекавшей изъ самаго быта и цивилизаціи современныхъ образованныхъ націй, вынужденныхъ своими экономическими интересами жить въ дружбѣ между собою; это былъ результатъ лучше сознанный взаимности ихъ интересовъ, преимущественно промышленныхъ и торговыхъ. Но этотъ прогрессъ совершался и совершается значительно также подъ влияніемъ общихъ идей мира, проповѣдуемыхъ съ особенною силою всѣми государственными и общественными науками, съ половины прошедшаго столѣтія; эти идеи поселили въ правительствахъ и обществахъ то сознание солидарности всѣхъ націй и необходимости опредѣленій права между ними, которое нынѣ такъ энергически борется со страстями, невѣжествомъ и всядкими своекорыстными попятными, нарушающими добрыя отношенія между государствами и увлекающими ихъ до рѣшенія ихъ взаимныхъ несогласій посредствомъ меча.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти постоянно развивающіяся и усложняющіяся международныя отношенія нуждаются въ юридическихъ опредѣленіяхъ и общихъ понятіяхъ, которыя могутъ быть выработаны только наукою. Это особенно замѣтно въ области такъ называемаго *частнаго* международного права, уголовного и гражданскаго, — между прочимъ, въ особенности коммерческаго. Для всего этого, далеко еще не полнаго и не соответствующаго всѣмъ потребностямъ нашего времени, международного законодательства всѣ просвѣщенные правительства сами прибѣгаютъ къ помощи ученыхъ, юристовъ, публицистовъ, экономистовъ, и т. д. Не только для такихъ законодательныхъ работъ, имѣющихъ, впрочемъ, по существу своему громадное значеніе для успѣховъ какъ всемірной цивилизаціи, такъ и мира между народами, но даже въ случаяхъ враждебныхъ между собою столкновеній, правительства стали обращаться къ совѣтамъ и мнѣніямъ представителей науки и ея воззрѣній; такимъ образомъ, было обсуждаемо и рѣшено въ послѣдніе годы нѣсколько международныхъ вопросовъ, угрожавшихъ войною. Не рѣдко бываетъ также, что государственные люди и дипломаты ищутъ, для разрѣшенія своихъ недоразумѣній и споровъ, общихъ положеній въ ученіяхъ международного права, и не находятъ ихъ вслѣдствіе пробѣловъ теоріи, пополнить которые могутъ только люди науки. Такъ напримѣръ, во время американскаго междоусобія, правительство С. Американскихъ штатовъ, за неимѣніемъ положительныхъ законовъ о политическихъ правилахъ войны, приняло въ руководство книгу *Либера* (Instruction for the government

of armies, etc.) и обязало свою армію подчиняться ея указаніямъ, какъ закону.

Въ такомъ духѣ, вопліѣ соотвѣтствующемъ практическимъ нуждамъ политическаго міра, замыслили учредители международнаго права свое предпріятіе, надѣясь соединеніемъ въ одну ученую корпорацію силъ, разрозненныхъ на пространствѣ двухъ частей свѣта, усилить авторитетъ теоріи и сдѣлать ее болѣе доступною для практики. Этотъ духъ, который они старались съ самаго начала вложить въ свое дѣло, чуждъ всякимъ утопическимъ мечтаніямъ проповѣдниковъ и обществъ вѣчнаго мира, которыхъ вліяніе было такъ ничтожно, начиная съ ихъ знаменитыхъ предшественниковъ: аббата Сенъ-Пьера, Руссо, Бенгтама и Канта, и которые, не смотря на свою многочисленность въ обѣихъ частяхъ свѣта и на свои добросовѣстныя, благороднѣйшія усилія, скорѣе компрометировали, чѣмъ усилили авторитетъ приверженцевъ мира въ глазахъ практическихъ политическихъ людей. Ученые, задумавшіе институтъ международнаго права на положительной научной почвѣ, желали самымъ рѣшительнымъ образомъ отличить его дѣятельность отъ неясныхъ стремленій этихъ проповѣдниковъ вѣчнаго мира, вдохновляясь для своихъ будущихъ трудовъ плодотворнымъ направленіемъ, принятымъ Гуго Гроціемъ, который говорилъ: „Сочиняя мою книгу о правѣ войны и мира, я въ особенности имѣлъ цѣлью *умирить* (*temperer*), *по миру* *моихъ силъ* ту грубость, недостойную не только христіанина, но даже всякаго человѣка, съ которою войны *произвольно* (*arbitrairement*) начинаются и *произвольно* ведутся“ ¹⁾. Приобрѣсти какую-нибудь власть рѣшающаго дѣйствія среди великихъ историческихъ элементовъ, изъ сплетенія которыхъ возникаютъ войны, не могло быть въ мысляхъ учредителей Института международнаго права; они желали только содѣйствовать выработкѣ и упроченію тѣхъ правовыхъ основаній, которыми поддерживаются мирныя международныя отношенія и очеловѣчиваются даже военныя отношенія. Все это направленіе и выражено въ уставѣ Института международнаго права, прилагаемомъ нами къ этой статьѣ, и во всѣхъ предложенныхъ для него занятіяхъ и способахъ дѣйствія.

Нѣкоторые недавнія обстоятельства, служившія знаменіями настроеній и движеній въ цивилизованномъ мірѣ, благопріятныхъ для этого предпріятія, ободрили его двигателей и ускорили его исполне-

¹⁾ См. конфиденціальную (литографированную) ноту, разосланную къ лицамъ, приглашеннымъ на гентскую конференцію.

ніе. Таковъ былъ блистательный успѣхъ женевскаго посредническаго суда по англо-американскому конфликту, въ 1872 году. Затѣмъ, принятое Великобританскою палатою общинъ и возбудившее повсемѣстное громкое сочувствіе предложеніе ея члена Гейнриха Ричарда, въ 1873 году, „чтобъ правительство вошло въ соглашеніе съ другими державами объ улучшеніи дѣйствующаго международнаго права и объ устройствѣ постояннаго международнаго посредничества.

Въ теченіе 1873 года г. *Роленъ Жакменъ*, редакторъ журнала „Revue de droit international et de legislation comparée“, издаваемого имъ въ Гентѣ и успѣвшаго въ короткое время пріобрѣсти значительный авторитетъ въ литературѣ юриспруденціи и государствовѣдѣнія, составилъ записку съ изложеніемъ всѣхъ заявленныхъ ему изъ разныхъ странъ мнѣній о пользѣ созванія интернаціональной ученой конференціи для обсужденія всего этого дѣла. Г. *Роленъ*, извѣстный своими трудами въ области международнаго права, отличающійся въ ней истинно научнымъ безпристрастіемъ по всѣмъ щекотливымъ національнымъ вопросамъ, многостороннимъ образованіемъ и знакомствомъ съ главнѣйшими европейскими языками, и сверхъ того стоящій во главѣ изданія, въ которомъ участвуютъ замѣчательнѣйшіе публицисты всѣхъ націй, сдѣлался естественнымъ центромъ всего этого предпріятія; его энергіи и самоотверженію оно всего болѣе обязано своимъ осуществленіемъ. Его записка была отлитографирована и конфиденціальною образомъ разослана, въ мартѣ 1873 г., къ двадцати двумъ лицамъ, наиболѣе извѣстнымъ въ Европѣ и Америкѣ своею дѣятельностью по государственнымъ и общественнымъ наукамъ, съ приглашеніемъ высказать свои замѣчанія и соображенія по предполагаемому учрежденію интернаціональнаго института или академіи. Впослѣдствіи эта записка была передѣлана¹⁾, на основаніи всѣхъ этихъ замѣчаній и соображеній, и съ изложеніемъ ихъ вновь разослана къ тѣмъ же лицамъ, къ которымъ было присоединено нѣсколько новыхъ лицъ, съ цѣлью привлечь къ предпріятію представителей всѣхъ безъ изыятія образованныхъ странъ обѣихъ частей свѣта. При этомъ имъ былъ сообщенъ предварительный проектъ статутровъ Института международнаго права и всѣ они были приглашены на конференцію въ Гентѣ, 8-го септѣбря 1873 года.

¹⁾ Въ этомъ видѣ она была отпечатана въ *Revue de droit international* 1873 года.

Уже изъ этого очерка продолжительныхъ переговоровъ, происшедшихъ между европейскими и американскими учеными по этому предмету, можно видѣть, съ какою серьезностью они имъ занялись. То же настроеніе господствовало впослѣдствіи и на сѣздѣ въ Гентѣ. Хотя каждый членъ добровольно, по собственному влеченію взялся за это дѣло, хотя оно ни на кого не было возложено никакою властью, хотя оно не имѣло и не имѣетъ безусловно никакого официальнаго оттѣнка и должно оставаться на всегда независимымъ отъ всякихъ правительственныхъ учреждений, — тѣмъ не менѣе каждый участникъ старался внести въ свои занятія все то сознание долга и связанной съ нимъ отвѣтственности, всю ту осмотрительность, какія требуются при исполненіи самыхъ важныхъ государственныхъ обязанностей. Необходимость такого взгляда на дѣятельность въ институтѣ была въ самомъ началѣ высказана его учредителями, и они остались ему вѣрны.

Вся внѣшняя обстановка гентской конференціи соотвѣтствовала этому взгляду и была сама по себѣ весьма внушительна; она несколько не походила на разные политическіе международные сѣзды, слѣлавшіеся столь частыми въ новѣйшее время. Все, что не относилось къ существу дѣла и имъ не требовалось, также какъ и преждевременная гласность, журнальный шумъ и всякая агитація въ публикѣ были устранены. Засѣданія были не публичныя, и таковы будутъ всѣ собранія Института, чтобы отстранить всякое давленіе на него чувствъ и страстей времени, всякія недоразумѣнія, возникающія въ непросвѣщенныхъ слояхъ общества, всякіе соблазны краснорѣчія. Засѣданія происходили въ исторической залѣ гентской городской ратуши и были открыты бургомистромъ города Гента (уважаемымъ графомъ Кергове де-Дентергемъ), привѣтствовавшимъ сочувственною рѣчью членовъ конференціи, въ присутствіи представителей отъ разныхъ высшихъ государственныхъ учреждений Бельгіи. Въ ежедневныхъ засѣданіяхъ, съ 8-го по 16-е сентября, былъ переработанъ первоначальный проектъ устава и единогласно утверждёнъ вмѣстѣ съ объяснительною запискою или деклараціею мотивовъ и цѣлей учрежденія; то и другое написаны въ оригиналѣ на французскомъ языкѣ, и въ русскомъ переводѣ прилагаются нами къ настоящей статьѣ ¹⁾. Едва ли есть надобность излагать здѣсь содержаніе этихъ документовъ, которые такъ кратки,

¹⁾ Оба эти документа были опубликованы на всѣхъ важнѣйшихъ европейскихъ языкахъ, но на русскомъ еще не были.

что читатели могутъ сами съ ними ознакомиться. Не только общій планъ устройства Института, но малѣйшія его подробности и редакція каждаго параграфа были подвергнуты всестороннему обсужденію, такъ что каждое слово устава зрѣло обдуманно.

Нужно упомянуть здѣсь объ одной чертѣ этого собранія, знаменательной какъ для характеристики нынѣшняго положенія науки международнаго права и всѣхъ государственныхъ знапій, такъ и для будущихъ дѣйствій института. Хотя члены конференціи съѣхались изъ разныхъ странъ, и даже изъ разныхъ частей свѣта, хотя большая часть ихъ были между собою незнакомы, хотя почти каждый изъ нихъ пользуется значеніемъ въ кругу своихъ занятій, придающимъ ему полную въ ней самостоятельность и независимость отъ авторитета другихъ и хотя наконецъ многіе вопросы вызвали весьма оживленные пренія, но при всемъ этомъ всѣ рѣшенія были приняты единогласно. Все это собраніе людей самыхъ разнообразныхъ національностей отличалось удивительнымъ единодушіемъ и миролюбіемъ; въ немъ не было и тѣни ни національныхъ, ни политическихъ враждебностей. По предметамъ, возбуждающимъ самое рѣзкое разногласіе и ожесточенные споры въ практической политической жизни, всѣ понимали тутъ другъ друга и, казалось, давно привыкли думать одинаково. Это явленіе доказывало въ очію единство въ общемъ направленіи науки у всѣхъ разноплеменныхъ ея представителей, отсутствіе между ними всякихъ національныхъ предубѣжденій и также политическихъ партій, и что всего важнѣе, обѣщало возможность соглашенія по самымъ спорнымъ и щекотливымъ вопросамъ международнаго права.¹

Вслѣдствіе быстроты созванія конференціи, не всѣ лица, приглашенныя на нее и обремененныя множествомъ обязанностей, могли лично на ней присутствовать; однако всѣ главнѣйшія образованныя націи имѣли своихъ представителей¹⁾. Присутствовали на конференціи: уже упомянутый выше г. *Манчини* (отъ Италіи), председательствовавшій на ней по единогласному выбору членомъ, и своею

¹⁾ Вслѣдствіе нѣкоторыхъ недоразумѣній, распространенныхъ первоначально во Франціи на счетъ гентской конференціи, а именно ошибочно предполагавшагося политическаго ея значенія, французскіе ученые воздержались на ней присутствовать. Впослѣдствіи, когда сдѣлался очевиднымъ безпристрастный научный характеръ этого предпріятія, всѣ эти недомыслія, порожденные исключительными отношеніями Франціи къ Германіи, разъяснились и французскіе ученые вступили въ число учредителей Института.

государственной опытностью, политическимъ тактомъ и ораторскими дарованіями много содѣйствовавшей ея успѣху; также уже упомянутый г. *Блуичи* (отъ Германіи); г. *Дудлейфильдъ* (отъ с. Америки), кодификаторъ Нью-Йоркскаго штата и авторъ проекта международнаго кодекса; г. *Карлосъ Кальво* (отъ ю. Америки), уже упомянутый нами; г. *Лавеле* (отъ Бельгіи), адвокатъ и профессоръ въ Люттихѣ; г. *Лоримеръ*, профессоръ Единбургскаго университета; г. *Ассеръ* (отъ Голландіи) профессоръ въ Амстердамѣ; уже упомянутый г. *Муанье* (отъ Швейцаріи); г. *Пьерантони* (отъ Италіи), профессоръ въ Неаполѣ, г. *Роленъ-Жакменъ* (отъ Бельгіи), секретарь конференціи, и *В. П. Безобразовъ* (отъ Россіи). Не могли присутствовать, по разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ, но заявили себя, съ самымъ горячимъ сочувствіемъ къ Институту, въ числѣ его учредителей: въ Германіи г. *Гестеръ* профессоръ въ Берлинѣ, г. *Гольцендорфъ*, профессоръ въ Мюнхенѣ, г. *Гольдшмитъ*, членъ германскаго верховнаго коммерческаго суда въ Лейпцигѣ; въ с. американскихъ штатахъ г. *Бичъ-Лауренъ*, с. американскій публицистъ, г. *Вартонъ*, филadelphійскій и г. *Вульзэй* коннектикутскій юристы; въ Бельгіи г. *Лоранъ*, профессоръ Гентскаго университета; въ Испаніи публицистъ г. *Никазіо Ланда*; во Франціи, гг. *Друенъ-де-Люисъ*, *Эскиру-де-Шаръ*, *Отфель* (Hautefeuille, извѣстный публицистъ по морскому праву), Люка и Верже, члены французскаго института; въ Великобританіи, г. *Мунтеъ-Бернардъ*, профессоръ оксфордскаго университета, г. *Вернонъ-Гаркюръ*, профессоръ кембриджскаго университета и уже упомянутый публицистъ г. *Вестлакъ*; въ Италіи, графъ *Склописъ*, предсѣдатель женевскаго посредническаго суда по англо-американскому конфликту, гг. *Эсперсонъ* и *Видари*, профессора павійскаго университета; въ Швеціи, гг. *Науманъ* и *Д'Оливекрона*, члены верховнаго суда; наконецъ въ Россіи, профессоръ Дерптскаго университета г. *Бульмерингъ*.

Нѣтъ, кажется, никакой надобности говорить здѣсь объ ученыхъ, литературныхъ и практическихъ государственныхъ трудахъ всѣхъ перечисленныхъ нами учредителей Института международнаго права; всѣ они были двигателями успѣховъ науки въ этой области въ нынѣшнемъ столѣтіи и почти со всѣми ихъ именами связана всемірная извѣстность. Послѣ утвержденія статутовъ Института, на гентской конференціи были единогласно избраны въ его члены еще слѣдующія лица: г. *Аренсъ*, профессоръ Лейпцигскаго университета, г. *Массе*, членъ верховнаго кассационнаго суда въ Парижѣ, г. *Лоренцъ Штейнъ*, профессоръ Вѣнскаго университета и г. *Эмори Вацбургъ*,

профессоръ въ Гарвардскомъ университетѣ (въ Массачузетахъ). Все это перечисленіе именъ, входящихъ въ составъ Института, необходимо было здѣсь сдѣлать собственно потому, что подобное учрежденіе, не располагающее никакою властью въ политическомъ мірѣ и безусловно никакими въ немъ официальными правами, можетъ получить какое-нибудь значеніе только силою личнаго нравственнаго авторитета, принадлежащаго его членамъ. Въ этомъ отношеніи Институтъ не могъ бы лучше явиться въ свѣтъ: къ его составу принадлежатъ нынѣ всѣ безъ изыятія замѣчательнѣйшіе представители науки международнаго права у всѣхъ образованныхъ народовъ нашего времени и знаменитѣйшіе представители всей вообще области публичнаго права и государственныхъ знаній. Число членовъ Института, по уставу, никогда не можетъ быть болѣе 50; цифра эта именно и ограничена такимъ тѣснымъ предѣломъ, чтобы упрочить навсегда ученый авторитетъ Института возможно большею цѣнностью заслугъ, дающихъ право на выборъ въ дѣйствительные члены. Сверхъ нихъ, къ Институту будутъ принадлежать (но безъ права голоса) члены-сотрудники, число которыхъ не ограничено и которые могутъ быть избираемы изъ болѣе юныхъ и менѣе извѣстныхъ дѣятелей по международному праву и всѣмъ безъ изыятія сродственнымъ наукамъ. При крайней ограниченности числа дѣйствительныхъ членовъ, Институтъ можетъ находить въ своихъ членахъ-сотрудникахъ чрезвычайно обильный запасъ разнообразныхъ талантовъ, знаній и труда для приведенія въ исполненіе своихъ работъ и предпріятій. Въмѣстѣ съ тѣмъ надо думать, что при нынѣшнемъ блистательномъ составѣ Института и при повсемѣстномъ интересѣ, возбуждаемомъ его занятіями и засѣданіями¹⁾, лучшіе ученые не будутъ отказываться отъ званія его членовъ-сотрудниковъ; это званіе будетъ въ особенности привлекать къ себѣ молодыхъ людей всѣхъ странъ, открывая имъ путь къ занятіямъ, подъ руководствомъ первостепенныхъ авторитетовъ науки.

Въ этомъ видѣ Институтъ международнаго права имѣетъ, кажется, всѣ задатки для того, чтобы пріобрѣсти въ скоромъ времени высокое положеніе не только въ ученой, но и въ политической интернаціо-

¹⁾ Нужно замѣтить, что на засѣданіяхъ Института, сверхъ дѣйствительныхъ членовъ, могутъ присутствовать только члены-сотрудники. Они же могутъ быть докладчиками и пользоваться, по приглашенію Института, совѣщательнымъ голосомъ въ его собраніяхъ.

нальной средѣ Европы; не только теорія, но и практическая дипломатія и положительное международное законодательство могутъ заимствоватьъ отъ него указанія для разрѣшенія своихъ недоумѣній. Такимъ образомъ, на примѣръ, когда будетъ возникать въ официальныхъ сферахъ надобность въ подготовительныхъ законодательныхъ работахъ, предшествующихъ заключенію международныхъ конвенцій по той или другой части международнаго права (въ особенности частнаго), тогда въ Институтѣ можетъ быть найденъ готовый и организованный контингентъ личныхъ силъ и онъ могъ бы быть даже прямо приглашаемъ и привлекаемъ правительствами къ такимъ работамъ. Онъ можетъ вообще служить для ученыхъ консультацій, къ которымъ всѣ правительства стали нынѣ прибѣгать по разнымъ затруднительнымъ международнымъ спорамъ. Чѣмъ независимѣе поставленъ Институтъ относительно официальныхъ сферъ, тѣмъ удобнѣе будетъ правительственнымъ лицамъ всѣхъ странъ пользоваться его совѣтами и свѣдѣніями и подкрѣплять свои политическія дѣйствія его нравственнымъ авторитетомъ.

Вся организація Института, какъ это можно видѣть изъ всѣхъ параграфовъ его устава, обдумана преимущественно въ томъ направленіи, чтобы поставить его дѣятельность внѣ всякихъ официальныхъ вліяній и всякихъ національныхъ пристрастій. Къ этому, между прочимъ, клонятся правила устава, воспреещающія имѣть въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ количество лицъ, принадлежащихъ къ одному и тому же государству, превосходящее одну пятую всего этого числа, лишаящія членовъ право голоса въ вопросахъ, прямо затрагивающихъ ихъ государства, и наконецъ, лишаящія членовъ, занимающихъ дипломатическіе посты, вовсе голоса, на все время ихъ службы. Затѣмъ нужно замѣтить, что избранный на гентской конференціи нынѣшній и вмѣстѣ съ тѣмъ первый личный составъ бюро Института столько же отличается общеуризнаннымъ ученымъ авторитетомъ своихъ членовъ, какъ и весьма характериченъ въ смыслѣ своего національнаго безпристрастія. Президентомъ Института избранъ г. *Манчини*, обладающій, сверхъ перворазряднаго ученаго авторитета, обширнымъ государственнымъ и дипломатическимъ опытомъ, всесвѣтною извѣстностью и высокимъ, независимымъ положеніемъ въ своемъ отечествѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, нынѣшній глава Института принадлежитъ, по своей національности и своей ученой и государственной дѣятельности, государству, хотя и ближе всѣхъ другихъ стоящему къ такъ называемымъ великимъ державамъ Европы, но еще не

считающемуся въ числѣ этихъ великихъ ея силъ, рѣшающихъ ея судьбы. При нынѣшней крайней чувствительности и щекотливости взаимныхъ международныхъ сношеній двухъ великихъ европейскихъ національностей, которыхъ ученые представители будутъ занимать самыя видныя и многочисленныя мѣста въ Институтѣ, выборъ такого президента можно назвать очень счастливымъ. Громкая популярность г. Манчини, одинаковая въ ученomъ мѣрѣ и Германіи, и Франціи (что не часто встрѣчается), возрасла въ послѣднее время заявленіемъ о международномъ арбитражѣ, сдѣланнымъ имъ въ итальянскомъ парламентѣ, по примѣру г. Ричарда въ великобританской палатѣ общинъ. Остальные члены бюро прекрасно довершаютъ этотъ безпристрастный интернаціональный его характеръ. Два вице-президента: гг. Блунчли и Эскиру де Парьё, нейтрализуютъ своими именами на самой вершинѣ Института обѣ политически враждующія между собою націи; оба они, не смотря на свой пламенный патриотизмъ, поставили себя, своею ученою дѣятельностью, выше всякихъ національныхъ предубѣжденій и предрасудковъ. Книга г. Блунчли ¹⁾, составляющая нынѣ лучшее и единственное въ своемъ родѣ руководство по дѣйствующему международному праву, издача была въ прошедшемъ году въ Парижѣ, на французскомъ языкѣ. Имя г. *de Парьё* не столько связано спеціально съ международнымъ правомъ, сколько со всѣмъ кругомъ государственныхъ знаній и также съ обширными работами во Франціи ²⁾; особенно полезное его значеніе для института заключается въ той замѣчательной эрудиціи и знакомствѣ съ иностранными законодательствами, которыми по преимуществу отличается онъ между французскими учеными въ этой области. Наконецъ, главный секретарь института г. *Роленъ - Жакманъ*, сосредоточивающій въ себѣ всю его дѣятельность и единственный постоянный его органъ въ продолжительные промежутки между сессіями, принадлежитъ самой нейтральной и едва ли не самой миролюбивой

¹⁾ Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten, als Rechtsbuch dargestellt von Dr J. C. Bluntschli, zweite mit Rücksicht auf die Ereignisse von 1868 bis 1872 ergänzte Auflage. Nördlingen, 1872. (Новѣйшее международное право образованныхъ государствъ, представленное въ видѣ законодательнаго кодекса; второе изданіе, исправленное соотвѣтственно событіямъ съ 1868 по 1872 г.).

²⁾ Наиболее распространенный, имѣющій классическую извѣстность трудъ г. Эскиру де-Парьё «Traité des impôts» (Трактатъ о налогахъ). Въ послѣднемъ его сочиненіи «Principes de la science politique, Paris, 1870» (Общія начала государственной науки) цѣлая особая глава посвящена международному праву.

европейской странѣ — Бельгіи, гдѣ и будутъ находиться, между сессіями, секретариатъ и легальная резиденція Института. Такой личный составъ его бюро вполне соотвѣтствуетъ принятому имъ девизу „Justitia et pax“.

При всѣхъ указанныхъ выше благопріятныхъ для дѣятельности Института условіяхъ, успѣхъ ея будетъ зависѣть отъ множества разнообразнѣйшихъ обстоятельствъ, которыя отчасти зависятъ и отчасти не зависятъ отъ воли его членовъ. Учрежденія имѣютъ также свою историческую судьбу, свой фатумъ, который предвидѣть невозможно, въ особенности для столь новаго въ своемъ родѣ и столь смѣлаго по своей новизнѣ учрежденія, какъ этотъ Институтъ. Даже тѣ или другія политическія событія, которыхъ безчисленныя сплетенія теперь и разчитать нельзя, будутъ могущественно вліять на его участь. Между прочимъ его успѣхъ, въ особенности въ первые годы, будетъ обусловленъ количествомъ труда, которое пожертвуютъ на него его члены, всѣ обремененные другими важными обязанностями у себя дома. Тутъ впервые будетъ сдѣланъ опытъ постоянного ученаго учрежденія, дѣйствующаго исключительно трудами членовъ, разбросанныхъ на пространствѣ двухъ частей свѣта; ихъ непрерывное совокупное дѣйствіе, соглашеніе и даже самый сѣздъ на засѣданія будутъ сопряжены съ большими затрудненіями, какъ все это ни облегчено матеріальными усовершенствованіями международной жизни нашего времени, безъ которыхъ въ прежніе вѣка подобное предпріятіе было бы немислимо.

Ближайшая сессія института назначена въ Женевѣ; и откроется 31-го августа 1874 года; это будетъ собственно первая его сессія, которая и должна дать первый положительный отвѣтъ на вопросъ о практической ея состоятельности, такъ какъ собраніе въ Гентѣ было посвящено исключительно его организаціи. Сверхъ того, вслѣдствіе чрезвычайной современной важности вопросовъ, назначенныхъ къ обсужденію на ближайшей сессіи и именъ лицъ, которыя въ немъ будутъ участвовать, она представляетъ животрешущій интересъ для всякаго человѣка, слѣдящаго сколько нибудь за успѣхами международного права и за движеніемъ международной политики въ образованномъ мірѣ. Первый изъ упомянутыхъ вопросовъ заключается въ опредѣленіи формъ для международного посредническаго суда (арбитража); коммиссія, обязанная разработать этотъ предметъ и представить свой докладъ на обсужденіе Института, состоитъ изъ гг. *Дудлея Филда, Гольдшмита, Вернона Гаркура, де-Лавеле* и *Шьерам-*

тони. Докладчикомъ будетъ г. *Гольдшмитъ*, который представитъ свою работу Институту, съ замѣчаніями на нее всѣхъ прочихъ членовъ. Такой порядокъ принять для всѣхъ занятій Института. Вторымъ вопросомъ на очереди для той же сессіи поставлено разсмотрѣніе трехъ правилъ международнаго морскаго права, предложенныхъ въ Вашингтонскомъ договорѣ между Великобританіей и Сѣверо-Американскими Штатами; комиссія состоитъ изъ гг. *Блунчли* (докладчика), *Карлоса Кальво*, *Отфрѣля* и *Роленя-Жакмена*; сверхъ того изъ членовъ-консультантовъ (только съ совѣщательнымъ голосомъ), отъ Великобританіи, г. *Доримера*, и отъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, г. *Вульзель*. Наконецъ третій вопросъ: польза установленія обязательной силы нѣкоторыхъ началъ частнаго международнаго права, посредствомъ одного или нѣсколькихъ трактатовъ для разрѣшенія всѣхъ возникающихъ по гражданскому и уголовному законодательству международныхъ конфликтовъ; комиссія составлена изъ гг. *Ассера* (докладчика по уголовному праву), *Блунчли*, *Бичъ Лауренса*, *Манчини* (докладчика по гражданскому праву), *Массе* и *Вестлаки*.

Докладчиками и членами комиссій по каждому предмету избраны лица, наиболѣе извѣстныя своими трудами по каждому вопросу. Поэтому можно сказать, безъ всякаго преувеличенія, что если только всѣ эти предположенныя работы состоятся, то литература науки международнаго права значительно обогатится, если бы даже всѣмъ этимъ работамъ и не было суждено произвести на первое время никакого дѣйствія на разрѣшеніе громадныхъ практическихъ вопросовъ, съ ними связанныхъ.

Гентская ученая конференція для учрежденія Института международнаго права была смѣшиваема въ нѣкоторыхъ органахъ европейской печати (отчасти и у насъ) совсѣмъ съ другимъ международнымъ собраніемъ; отсюда произошло не мало недоразумѣній, которыя необходимо устранить. Послѣ Гентской конференціи устроенъ былъ въ Брюсселѣ, въ октябрѣ 1874 года, Сѣверо-Американскими друзьями мира и Ньюйоркскимъ комитетомъ для международнаго кодекса (International code committee)¹⁾, интернаціональный конгрессъ, состоявшій изъ публицистовъ, писателей и филантроповъ разныхъ странъ и возбудившій не мало толковъ въ журналахъ. Его цѣли и организація, какъ и самая исторія его возникновенія, были совсѣмъ иныя и не имѣли ничего общаго съ Институтомъ.

¹⁾ Это совершенно частное учрежденіе, основанное въ 1873 году.

Высказанная въ приглашеніяхъ на этотъ митингъ цѣль его должна была заключаться въ „обсужденія наилучшихъ способовъ къ составленію кодекса международнаго права и ко введенію его во всеобщее дѣйствіе между государствами“ („for consultation upon the best method of preparing an international code, and the best promising means of procuring its adoption“). Такая цѣль чисто практическаго свойства и для нея нужно какое-либо прямое дѣйствіе на правительство, или по меньшей мѣрѣ нужны пропаганда и агитація въ общественныхъ сферахъ. Все это совсѣмъ чуждо задачамъ и характеру дѣятельности нашего Института, долженствующаго оставаться исключительно на почвѣ науки и пользоваться исключительно ея способами дѣйствія. Эти способы очень медленны, и не всегда соотвѣтствуютъ нетерпѣливымъ ожиданіямъ политическихъ агитаторовъ и филантроповъ, но тѣмъ не менѣе они самыя вѣрныя въ рукахъ частныхъ людей, стоящихъ въ сторонѣ отъ государственныхъ дѣлъ, и единственно доступныя для людей науки. Сверхъ всего этого остается, при нынѣшнихъ условіяхъ политической жизни, сомнительнымъ вопросъ о самой возможности кодификаціи международнаго права въ ближайшемъ будущемъ, и весь этотъ вопросъ, какъ онъ формулированъ, получаетъ при своей неопредѣленной общности утопическій отбѣнокъ, нисколько несоотвѣтствующій точнымъ понятіямъ науки. Общая кодификація международнаго права, какъ закона обязательнаго для всѣхъ образованныхъ націй, если даже она и мыслима съ точки зрѣнія теоріи, требуетъ предварительной продолжительной обработки многихъ частей международнаго права, еще недостаточно созрѣвшихъ даже въ области науки; опыты такой кодификаціи, въ качествѣ чисто ученыхъ трудовъ и матеріаловъ для будущаго зданія, были впрочемъ уже производимы отдѣльными публицистами ¹⁾ и они будутъ продолжаться. Наконецъ, кромѣ всего сказаннаго и самый личный составъ брусельскаго конгресса, въ который должны были входить не одни представители науки, не позволялъ обоимъ предпріятіямъ слиться во едино, какъ того желали сперва многие участники того и другаго.

При всемъ этомъ члены Института не могли отказать въ своемъ сочувствіи къ благороднымъ побужденіямъ и возвышеннымъ, испол-

¹⁾ Такова упомянутая выше книга г. Блаунчи, въ которой уже соединены въ одно цѣлое всѣ дѣйствующія положенія международнаго права и результаты всѣхъ ученыхъ изслѣдованій въ кругу практическихъ его вопросовъ.

неннымъ христіанской любви, усиліямъ въ пользу междунаго мира со стороны учредителейъ брусельскаго конгресса, на который потому и была отряжена депутація съ привѣтствіями отъ Института. Сверхъ многихъ самыхъ почтенныхъ по своей филантропической или политической дѣятельности членовъ брусельскаго собранія, лице, ставшее въ самомъ началѣ во главѣ этого дѣла, секретарь центральнаго Сѣверо-Американскаго общества друзей мира пасторъ Мейльсъ (I. Miles), снискалъ себѣ, своимъ самоотверженіемъ, всеобщее уваженіе по обѣ стороны Атлантическаго океана. Учредители брусельскаго конгресса отнеслись къ гентской конференціи съ величайшимъ уваженіемъ, и въ самыхъ сочувственныхъ выраженіяхъ пригласили ихъ на свое собраніе, въ которомъ, однако, лишь весьма немногіе изъ нихъ могли принять личное участіе.

Этотъ конгрессъ, состоявшій изъ тридцати лицъ, сдѣлалъ въ заключеніе своихъ засѣданій слѣдующее постановленіе, объясняющее его отношеніе къ Институту: „Принимая въ соображеніе, что Институтъ междунаго права, основанный въ Гентѣ 10-го октября 1873 года,—корпорація исключительно ученая, и что его цѣль заключается въ покровительствѣ успѣхамъ междунаго права, формулированіи его общихъ началъ и содѣйствіи всякой серьезной попыткѣ къ постепенной кодификаціи междунаго права, что сообразно съ этою цѣлію Институтъ уже назначилъ для своей разработки три вопроса,—объ арбитражѣ, вашингтонскомъ договорѣ и объ обязательныхъ основныхъ началахъ частнаго междунаго права; что большая часть юристовъ, приглашенныхъ американскимъ комитетомъ, суть члены Института; что учредительный комитетъ брусельскаго собранія состоитъ не изъ однихъ юристовъ, но также изъ лицъ, заявившихъ себя по разнымъ отраслямъ дѣятельности (въ политикѣ, публицистикѣ, политической экономіи, филантропіи), и что наконецъ его цѣль заключается въ содѣйствіи успѣхамъ междунаго права, въ *его практическихъ примѣненіяхъ и въ общественномъ мнѣніи*, — заявляетъ: 1) что по его мнѣнію, было бы согласно съ цѣлями и интересами обѣихъ корпорацій, если бы онѣ, сохраняя каждая свою независимость, оказывали одна другой содѣйствіе; 2) что по своей натурѣ и своему составу, Институтъ междунаго права обладаетъ всѣми условіями, нужными, чтобы дѣйствовать какъ сенатъ юристовъ, и ему по преимуществу принадлежать силы, необходимыя для подготовительныхъ работъ по составленію кодекса междунаго права, потому и слѣдуетъ оказать ему содѣйствіе въ разрѣшеніи этой за-

дачи; 3) что съ своей стороны бруссельское собраніе предоставляет себѣ право (?) разсмотрѣть¹⁾, со всѣхъ точекъ зрѣнія и въ особенности политической, экономической и соціальной, результаты этихъ работъ, также предпринимать въ этой области всякіе труды, какіе оно признаетъ нужными, избѣгая по возможности одновременныхъ съ институтомъ занятій по одному и тому же предмету, и наконецъ дѣйствовать всѣми способами, какіе оно признаетъ наиболѣе цѣлесообразными для упроченія мирныхъ отношеній между народами и для успѣховъ международной цивилизаціи“.

Мы распространились о бруссельскомъ международномъ собраніи лишь на сколько это было необходимо, чтобы показать его отношенія къ гентской конференціи и къ Институту международного права, съ которыми это собраніе было ошибочно смѣшиваемо. Очевидно, что то и другое предпріятіе, ни въ своихъ цѣляхъ, ни въ способахъ дѣйствія, не имѣютъ ничего общаго, кромѣ развѣ предмета международного права (или лучше, международныхъ отношеній), къ которому однако оба предпріятія отнеслись совсѣмъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Впрочемъ до сихъ поръ намъ неизвѣстно, какое дальнѣйшее развитіе получитъ бруссельскій конгрессъ: останется ли онъ случайнымъ опытомъ, интернаціональнымъ митингомъ, предназначеннымъ лишь къ воодушевленію общественнаго мнѣнія въ пользу идей мира, безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, или же онъ превратится въ постоянное учрежденіе, долженствующее имѣть организованный кругъ дѣйствій, какъ того желали многіе его члены. Этотъ послѣдній вопросъ былъ переданъ бруссельскимъ собраніемъ на разработку своего бюро, и затѣмъ оно разошлось, постановивъ двѣ резолюціи, имѣющія значеніе скорѣе общихъ желаній, выражаемыхъ на публичныхъ митингахъ, чѣмъ постановленій, имѣющихъ какую-либо и для кого бы то ни было обязательную силу. Въ одной изъ этихъ резолюцій, собраніе объявляетъ, что „въ высшей степени желателенъ, для интересовъ мира, дружественныхъ международныхъ сношеній и общаго благоденствія, международный кодексъ, который съ наибольшою точностью опредѣлитъ бы взаимныя права и обязанности націй и ихъ членовъ“. Въ другой своей резолюціи конгрессъ заявляетъ, что „онъ смотритъ (?) на третейскій судъ, какъ на самый

¹⁾ Это право относительно обсужденія работъ института ни у кого не можетъ быть оспариваемо. Труды института будутъ публикуемы въ всякое учрежденіе, всякое частное лице могутъ свободно высказывать о нихъ свои мнѣнія.

справедливый, разумный и даже обязательный (?) для націй способъ окончанія всѣхъ международныхъ споровъ, не получившихъ своего разрѣшенія посредствомъ однихъ дипломатическихъ переговоровъ“.

Вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ резолюцій брусельскаго конгресса и о какой либо постоянной для него организаціи предоставленъ былъ имъ на разрѣшеніе своего бюро, котораго приговоръ до сихъ поръ намъ неизвѣстенъ. Если этому предпріятію суждено получить какое либо развитіе, то надо думать что оно будетъ, или лучше, можетъ заключаться въ устройствѣ международнаго общества или цѣлаго ряда ассоціацій, распространенныхъ по всѣмъ образованнымъ странамъ и повсемѣстно споспѣшествующихъ международному миру и всякимъ установленіямъ его поддерживающимъ, каково, на примѣръ, введеніе обязательнаго международнаго кодекса, пропандируемаго нынѣ друзьями мира. Такое общество, чуждое всякой ученой замкнутости, было бы напротивъ открыто для всѣхъ образованныхъ людей, желающихъ умственно и нравственно дѣйствовать въ пользу мира и согласія въ международной жизни. Въ такомъ видѣ надо понимать дальнѣйшее развитіе брусельскаго конгресса, на сколько высказались о томъ мысли его членовъ ¹⁾).

Нѣчто подобное предполагалось и въ первоначальномъ проектѣ Института международнаго права, подъ наименованіемъ „интернаціональной ассоціаціи для успѣховъ международнаго права“. Такая ассоціація заключала бы въ себѣ общества, организованныя во всѣхъ государствахъ, уже не изъ спеціалистовъ по международному праву, а изъ всѣхъ дружественныхъ ему просвѣщенныхъ людей, и она дѣйствовала бы подъ руководствомъ Института, въ помощь ему, какъ выразительница общественнаго мнѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ органъ для распространенія его свѣдѣній. Такія свободныя и открытыя для публики общества были бы сочувственными звеньями между нею и Институтомъ, который при своей строгой организаціи, какъ ученая корпорація, будетъ нѣсколько удаленъ отъ всякихъ непосредственныхъ сношеній съ публикою, а между тѣмъ, для самой своей дѣятельности, нуждается въ живыхъ связяхъ съ нею. Какъ, однако, ни казалось желательнымъ осуществленіе этого предположенія, оно было, послѣ зрѣлаго обсужденія на гентской конференціи, единогласно (въ томъ числѣ и самими авторами проекта) оставлено пока безъ послѣдствій, въ виду значительныхъ трудностей, его окру-

¹⁾ См. вышеупомянутую брошюру «Communications et documents», etc.

жающихъ. На первое время конференція ограничилась гораздо болѣе скромными размѣрами этой идеи, предоставивъ дѣйствительнымъ членамъ Института въ каждомъ государствѣ право организоваться, совокупно съ членами-сотрудниками, въ мѣстные комитеты для содѣйствія предпріятіямъ Института въ своемъ отечествѣ; въ эти комитеты могутъ быть приглашаемы лица, посвятившія себя изученію государственныхъ и общественныхъ наукъ (ст. 9 устава). При такихъ условіяхъ этой дополнительной къ Институту организаціи, онъ все-таки не сходитъ съ своей чисто научной почвы дѣятельности и сохраняетъ характеръ ученой корпораціи. Къ мѣстнымъ комитетамъ могутъ принадлежать только люди науки, и ихъ совокупныя дѣйствія не могутъ выйти за предѣлы ученыхъ совѣщаній въ интересахъ науки и Института.

Даже и въ этихъ предѣлахъ, положенная въ основу Института идея такъ нова, что было бы неблагоразумно отваживаться на болѣе широкое поприще дѣйствій прежде, чѣмъ будутъ испытаны его силы въ болѣе тѣсной сферѣ чисто ученаго міра и чисто научной дѣятельности. Во всякомъ случаѣ, это учрежденіе заслуживаетъ своими просвѣщенными и гуманитарными цѣлями не только вниманія людей науки, но и глубокаго сочувствія и уваженія всѣхъ образованныхъ и благомыслящихъ людей нашего времени. Именно въ настоящую эпоху, когда, подъ вліяніемъ невѣжественныхъ страстей, непрерывно соединяются къ интернаціональному дѣйствію разрушительные, революціонные элементы европейскаго общества, отрадно видѣть подобное же международное соединеніе силъ зиждительныхъ, подъ руководствомъ строгой науки и ея просвѣтительныхъ, разумныхъ началъ. Въ этомъ отношеніи предпріятіе людей, рѣшившихся дѣйствовать на свой собственный страхъ и на счетъ собственныхъ своихъ ничтожныхъ средствъ, должно вызвать признательность со стороны самого европейскаго общества, которому идеи мира и права не могутъ не быть дороги. По этому нужно надѣяться, что Институтъ найдетъ поддержку со стороны тѣхъ самыхъ интересовъ, для которыхъ практически необходимо развитіе и распространеніе этихъ идей. Подъ такою поддержкою мы разумѣемъ частныя денежныя пожертвованія въ пользу Института; безъ нихъ были бы весьма затруднены матеріальныя условія его дѣятельности.

Объяснительная записка учредителей Института международного права, опубликованная при его уставѣ.

Великія событія, совершившіяся въ послѣднее время въ Европѣ и Америкѣ, всюду пробудили глубокое сознаніе недостаточности дѣйствующаго международного права. Чѣмъ болѣе развиваются взаимныя сношенія народовъ, чѣмъ болѣе они дѣлаются пріязненными и дружественными, чѣмъ болѣе эта недостаточность охраны права тревожитъ и устрашаетъ интересы, связанные съ международными отношеніями, тѣмъ болѣе возрастаетъ въ средѣ образованныхъ націй стремленіе къ водворенію въ этой области положенія вещей, сколько-нибудь соответствующаго успѣхамъ, достигнутымъ по всѣмъ остальнымъ отраслямъ юридическихъ наукъ.

Сожалѣютъ, что еще не существуетъ такихъ ясныхъ, точныхъ и общепринятыхъ правилъ, на основаніи которыхъ могло бы быть всегда узнаваемо нарушеніе справедливости въ наступленіи одного государства на другое, могла бы быть опредѣлена законность въ дѣйствіяхъ воюющихъ, какъ во время войны, такъ и послѣ побѣды, могли бы быть въ точности извѣстны права и обязанности нейтральныхъ государствъ, и т. д.

Недавнія столкновенія обнаружили самую плачевную шаткость понятій о правѣ въ вопросахъ самыхъ важныхъ и даже полное невѣдѣніе этихъ понятій со стороны лицъ, на которыхъ возложена обязанность примѣнять ихъ въ практической жизни. Крутой и никѣмъ не предвидѣнный образъ дѣйствій, которыми открылась послѣдняя война, возбудилъ пламенное желаніе, чтобы были усилены способы, посредствомъ которыхъ участвующія въ спорѣ стороны были бы, по крайней мѣрѣ, принуждаемы къ болѣе продолжительному размышленію и къ употребленію мирнаго посредничества, если еще нельзя пайдти способовъ къ предотвращенію всякихъ вооруженныхъ столкновеній между государствами.

Всѣ громко заявляютъ, что отношенія народовъ должны быть никакъ не менѣе, чѣмъ отношенія лицъ, подчинены законамъ справедливости; а между тѣмъ въ кругу международныхъ отношеній право еще не имѣетъ органа, который бы изслѣдовалъ его опредѣленія и предлагалъ ихъ образованнымъ государствамъ къ осуществленію.

Эта неопредѣленность международного права является постоян-

ною угрозой миру и она же увеличиваетъ бѣдствія, неизбежно сопровождающія всякую войну.

До сихъ поръ международное право совершенствовалось двумя путями:

Во первыхъ, дѣятельностью дипломатіи, т. е., дѣйствіями, перепискою и собраніями (конгрессами) официальныхъ, аккредитованныхъ, представителей государствъ.

Во вторыхъ, личною ученою дѣятельностью, т. е., сочиненіями, въ которыхъ авторы излагаютъ правила международныхъ отношеній, уже дѣйствительно существующія или только желательныя, по ихъ убѣжденію.

Эти оба способа развитія международного права дѣйствуютъ слишкомъ медленно и часто встрѣчаютъ въ практикѣ препятствія, почти непреодолимыя.

Съ одной стороны, для дипломатовъ, какъ бы ни были велики ихъ образованіе и опытность, затруднительно опредѣлять и формулировать безусловныя требованія права, потому что они не могутъ никогда оставить въ забвеніи ни специальныхъ инструкцій своихъ правительствъ, ни исключительныхъ интересовъ націй, ими охраняемыхъ.

Съ другой стороны, частныя ученые труды, каковы бы ни были достоинства и слава ихъ авторовъ, не пользуются въ государственной сферѣ достаточнымъ авторитетомъ, чтобы подчинять себѣ страсти и предрасудки.

Но на ряду съ дѣятельностью дипломатовъ и единичными усиліями ученыхъ, остается еще много мѣста для дѣйствія новой силы: для коллективной научной дѣятельности. Организовать постоянную корпорацію, безъ всякаго официального характера, изъ специалистовъ, которые бы принадлежали по своей національности къ возможно большому количеству государствъ и которые бы старались изыскивать и опредѣлять правила справедливости, нравственности и братства, должествующія служить основаніемъ для взаимныхъ отношеній народовъ,—вотъ путь, на которомъ можетъ всего лучше проявиться дѣйствіе этой новой коллективной силы науки на усовершенствованіе международного права, и съ этою цѣлію учрежденъ нашъ *Институтъ*.

Этотъ Институтъ не можетъ искать для себя поддержки со стороны правительствъ, онъ не могъ бы даже принять ее, потому что

наука необходима полная независимость въ сужденіяхъ, затрогивающихъ самые существенные интересы разныхъ народовъ.

Институтъ не можетъ открыть доступъ въ свою среду для всѣхъ лицъ, ему сочувственныхъ. Онъ долженъ былъ ограничить число своихъ дѣйствительныхъ членовъ, потому что основательное изслѣдованіе вопросовъ международнаго права, во многихъ случаяхъ очень трудныхъ, требуетъ специальныхъ свѣдѣній и не можетъ быть дѣломъ слишкомъ многочисленнаго собранія.

Наша главная задача состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ свободной дѣятельности небольшого круга замѣчательнѣйшихъ публицистовъ, установить, возможно болѣе точнымъ образомъ, юридическое мнѣніе просвѣщеннаго міра по вопросамъ международнаго права, и дать этому мнѣнію выраженіе достаточно ясное, достаточно опредѣлительное, чтобы оно могло быть принято различными государствами въ руководство по ихъ внѣшнимъ отношеніямъ. Такимъ образомъ Институтъ подготовилъ бы мало по малу ту кодификацію международнаго права, которую нынѣ съ такою настоятельностью требуютъ съ разныхъ сторонъ; попытки этой кодификаціи уже были отчасти сдѣланы нѣкоторыми изъ нашихъ членовъ въ сочиненіяхъ, которыя общезвѣстны и часто пользуются авторитетомъ даже въ политической практикѣ.

Въ случаѣ возникновенія спора между двумя государствами о примѣненіи и толкованіи правилъ международнаго права, наша корпорація можетъ подвергнуть спорный предметъ серьезному изслѣдованію и подать о немъ свое мнѣніе, научнымъ образомъ мотивированное. Уже теперь правительства любятъ въ подобныхъ случаяхъ ссылаться на личныя мнѣнія отдѣльныхъ ученыхъ. Надо думать, что они еще съ большимъ уваженіемъ отнесутся къ совокупнымъ мнѣніямъ цѣлой ученой корпораціи, которая, состоя изъ членовъ, принадлежащихъ къ разнымъ государствамъ, возвышалась бы надъ всякими вліяніями исключительнаго духа національности или школы и могла бы черезъ это приходить къ рѣшеніямъ безпристрастнымъ, согласнымъ со всемірною справедливостью.

Можно также надѣяться, что наше учрежденіе будетъ содѣйствовать распространенію третейскаго суда (арбитража) между государствами, а это было бы успѣхомъ, необходимость котораго всѣми чувствуется. Этотъ вопросъ бесспорно заслуживаетъ ближайшаго вниманія Института; гуманнаго начала, воодушевляющія его учредителей,

ручаются за особенное усердіе, съ которымъ онъ посвятитъ себя разрѣшенію этого вопроса.

Дѣятельность Института не будетъ сосредоточена исключительно въ его средѣ. Онъ будетъ всячески поощрять изученіе международнаго права, какъ публичнаго, такъ и частнаго, помогать распространенію свѣдѣній о немъ, наконецъ содѣйствовать его кодификаціи какъ вообще, такъ и по отдѣльнымъ частямъ.

Если когда-нибудь нашему учрежденію удастся внушить довѣріе къ себѣ правительствамъ и общественному мнѣнію, то, можетъ быть, въ этомъ частномъ предпріятіи будетъ усмотрѣнъ первообразъ того международнаго ареопага, на созданіе котораго указываютъ великіе умы и благородныя сердца, какъ на конечное звено въ судебной организаціи міра.

Все заставляетъ насъ думать, что основаніе нашего Института встрѣтитъ всеобщее сочувствіе. Мысль о немъ одновременно возникла съ разныхъ сторонъ. Лишь только она была высказана, какъ всюду вызвала многочисленныя и горячія одобренія. Общественное мнѣніе, безъ котораго самое полное единодушіе людей науки было бы не дѣйствительно, какъ нельзя лучше расположено къ признанію этого новаго органа международнаго права; судя по нѣкоторымъ фактамъ послѣдняго времени, можно ожидать того же и со стороны официальной дипломатической сферы. Когда возникали чисто техническіе и филантропическіе вопросы въ области международныхъ сношеній, тогда сами правительства обратились за помощію къ компетентнымъ частнымъ лицамъ, и впоследствии придавали законную силу рѣшеніямъ, состоявшимся въ совѣщаніяхъ этихъ лицъ. Такой порядокъ въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ проложилъ отчасти путь и нашему предпріятію. Такимъ образомъ, была заключена женеvская конвенція (о помощи раненымъ), разныя монетныя, телеграфныя и почтовыя конвенціи, а въ прошедшемъ году засѣдала въ Парижѣ международная метрическая коммиссія. Обнаружившееся по всѣмъ этимъ предметамъ единство между европейскими правительствами было обусловлено ежедневно возрастающимъ сознаніемъ взаимности интересовъ между всѣми образованными націями; то же сознаніе требуетъ нынѣ подобнаго же соглашенія государствъ по совѣмъ иной, еще болѣе важной, категоріи ихъ интересовъ, то-есть, въ кругу вопросовъ о правѣ войны и мира, отъ которыхъ зависятъ успѣхи цивилизаціи.

Это новѣйшее направленіе умовъ особенно явственно заявило себя въ той всеобщей восторженной радости, съ которою всюду рукопле-

скали рѣшенію англо-американскаго спора посредствомъ третейскаго суда; такой же успѣхъ имѣло недавно предположеніе Гейнриха Ричарда въ англійскомъ парламентѣ.

Мы сознаемъ затрудненія, ожидающія насъ въ исполненіи нашей задачи. Мы знаемъ также, что одинаково опасны для дѣла крайности оптимизма (или самоувѣренности), и крайности преувеличенной осторожности. Еслибы нашему учрежденію суждено было когда-либо вѣдаться въ тотъ или другой порокъ, то это значило бы, что оно утратило духъ науки, который прежде всего долженъ въ немъ господствовать. Истинная наука права учить столько же уважать законъ прогресса, какъ и принимать въ разчетъ недостатки человѣческой природы. Наука не увлекается преувеличеннымъ довѣріемъ къ своимъ собственнымъ силамъ. Воодушевляясь стремленіями къ реформѣ, она не забываетъ уроковъ исторіи и опыта. Только принимая въ соображеніе то, что существуетъ, *дѣйствительными* отношенія между людьми, она ищетъ осуществленія того, что *должно быть*,—и этого осуществленія не думаетъ достигать ни посредствомъ силы положительной власти, которою не располагаетъ, ни даже посредствомъ подавленія личныхъ мнѣній и трудовъ какимъ-либо превосходствомъ совокупнаго корпоративнаго дѣйствія. Слишкомъ чуждые желанію сколько-нибудь подрывать или даже ослаблять всякія нынѣ уже содѣйствующія успѣхамъ науки силы, мы, напротивъ того, будемъ стараться воспользоваться всѣми ими для созданія новой силы, на пользу права и человѣчества.

Публикѣ всѣхъ странъ предлежитъ теперь поддержать наше дѣло и его значеніе въ дѣйствительной жизни. Мы надѣемся, что не ошибемся, разчитывая на эту поддержку, потому что правильныя идеи находятъ всегда откликъ въ честныхъ сердцахъ. Нѣсколько засѣданій нашихъ, употребленныхъ на опредѣленіе и установленіе основныхъ правилъ организациі нашего Института, потомъ на первыя исполнительныя распоряженія по нашему предпріятію и на начертаніе программы ближайшихъ нашихъ работъ убѣдили насъ въ возможности полнаго согласія между людьми добросовѣстными, по самымъ щекотливымъ вопросамъ, послѣ искренняго ихъ обсужденія. Мы убѣждены, что то же самое возможно для великаго множества вопросовъ, существенно связанныхъ съ охраною справедливости и мира между народами. Главная задача въ области права заключается не въ томъ, чтобы его заново творить, а единственно въ томъ, чтобы искать его въ этомъ внутреннемъ чувствѣ справедливости, составляю-

щемъ общую всѣмъ людямъ совѣсть. Пожелаемъ, чтобъ эта всемирная совѣсть, отъ которой мы будемъ всегда ожидать высшей санкціи для всѣхъ нашихъ трудовъ, одобрила ихъ первое начало. Гентъ, 11-го сентября 1873 года.

Подписали члены-учредители института:

Ассеръ (Амстердамъ). *В. Безобразовъ* (С.-Петербургъ). *Блунчи* (Гейдельбергъ). *Карлосъ Кальво* (Буеносъ-Айресъ). *Д. Дудлей Фильдъ* (Нью-Йоркъ). *Эм. де Лангле* (Люттихъ). *Ж. Лоримеръ* (Эдинбургъ). *Манчини* (Римъ). *Муанье* (Женева). *Пьерантони* (Неаполь). *Ролингъ-Жакменъ* (Гентъ).

УСТАВЪ

института международнаго права, утвержденный интернаціональною конференціей въ Гентѣ 10-го сентября 1873 года.

§ 1. Институтъ международнаго права есть чисто ученая корпорація, безъ всякаго официальнаго характера.

Онъ имѣеть цѣлю:

- 1) Содѣйствовать успѣхамъ международнаго права, стараясь служить органомъ для юридической совѣсти образованнаго міра.
- 2) Опредѣлять общія начала науки, также какъ и истекающія изъ нихъ частныя правила, и распространять о нихъ свѣдѣнія.
- 3) Оказывать ученую помощь всякому серьезному опыту постепенной и прогрессивной кодификаціи международнаго права.
- 4) Стремиться къ официальному признанію началъ международнаго права, соотвѣтствующихъ потребностямъ современныхъ обществъ.
- 5) Трудиться, въ кругу своей дѣятельности, въ сохраненію мира и къ соблюденію законовъ войны.
- 6) Изслѣдовать затрудненія, возникающія въ толкованіи и примѣненіи принциповъ международнаго права и высказывать, въ случаѣ надобности, мотивированныя юридическія мнѣнія по вопросамъ сомнительнымъ и спорнымъ.
- 7) Споспѣшествовать, посредствомъ разныхъ изданій, публичнаго преподаванія и всякихъ другихъ зависящихъ способовъ, осуществленію началъ правды и человѣколюбія въ международныхъ отношеніяхъ.

§ 2. Институтъ имѣетъ засѣданія въ полномъ собраніи своихъ членовъ. На каждой такой сессіи назначаются время и мѣсто для слѣдующей сессіи.

§ 3. Институтъ состоитъ изъ членовъ: дѣйствительныхъ, сотрудниковъ и почетныхъ. Каждый членъ получаетъ дипломъ на свое званіе.

§ 4. Въ дѣйствительные свои члены Институтъ избираетъ лицъ, оказавшихъ замѣчательныя услуги теоріи или практикѣ международнаго права.

Число дѣйствительныхъ членовъ никогда не можетъ быть болѣе 50, но оно всегда можетъ быть менѣ этого числа.

§ 5. Число дѣйствительныхъ членовъ, находящихся въ подданствѣ одного государства или одной государственной федераціи, не можетъ быть увеличено новыми выборами, если оно въ это время не менѣ одной пятой части числа всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ Института.

§ 6. Лица, находящіяся на дѣйствительной (service actif) дипломатической службѣ, не могутъ быть выбраны въ члепы Института.

Членъ Института, получившій отъ какого-либо государства назначеніе по дѣйствительной дипломатической службѣ, лишается права голоса въ собраніяхъ Института на все время этой службы.

§ 7. Члены-сотрудники избираются дѣйствительными членами изъ числа лицъ, могущихъ своими различными спеціальными свѣдѣніями быть полезными институту. Количество ихъ не ограничено и къ нимъ не примѣняется сила § 5.

Члены-сотрудники присутствуютъ на собраніяхъ Института съ голосомъ совѣщательнымъ.

§ 8. Званіе почетнаго члена предоставляется каждому лицу, обществу, городской общинѣ (муниципалитетѣ) и всякому вообще юридическому лицу, сдѣлавшему въ пользу общества пожертвованіе на сумму не менѣ 3.000 фр.

Почетные члены получаютъ всѣ изданія Института.

§ 9. Въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ дѣйствительные члены, совокупно съ членами-сотрудниками, могутъ образовать изъ себя мѣстные комитеты для споспѣшествованія дѣятельности Института въ своемъ отечествѣ.

§ 10. Въ началѣ каждой сессіи, избирается президентъ и два вице-президента Института, вступающіе въ свои должности вслѣдъ за выборами.

§ 11. Главный секретарь Института избирается изъ дѣйствительныхъ членовъ на 6 лѣтъ.

Тотъ же самый членъ, бывшій въ должности главнаго секретаря до выборовъ, можетъ быть всегда вновь избранъ на эту должность.

Главный секретарь составляетъ всѣ протоколы засѣданій Института, ведетъ всю его корреспонденцію и исполняетъ его постановленія, за исключеніемъ тѣхъ особыхъ случаевъ, въ которыхъ Институтъ возлагаетъ такія обязанности на другихъ лицъ. На его отвѣтственность возлагается храненіе печати и архива Института. Его мѣсто жительства служитъ постояннымъ мѣстопробываніемъ для Института.

Въ каждую обыкновенную сессію главный секретарь представляетъ отчетъ о предшествовавшихъ трудахъ Института.

§ 12. По предложенію главнаго секретаря, Институтъ можетъ назначить одного или нѣсколько секретарей въ помощь ему, по исполненію лежащихъ на немъ обязанностей, или же назначить другое лице, для временнаго исправленія его должности.

Всѣ такія лица, исполняющія обязанности секретарей, тѣмъ самымъ приобрѣтаютъ званіе членовъ-сотрудниковъ Института, если они до этого не состояли въ числѣ его членовъ.

Сроки службы всѣхъ секретарей истекаютъ съ прекращеніемъ службы главнаго секретаря, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда вслѣдствіе смерти послѣдняго или какой-нибудь другой причины одинъ изъ секретарей былъ назначенъ къ исправленію должности главнаго секретаря до избранія его преемника.

§ 13. Институтъ назначаетъ на 3 года: казначея, которому поручается завѣдываніе всею денежною частію и счетоводствомъ, и также контрольную комиссію для обревизованія суммъ и наблюденія за доходами и расходами Института.

Казначей и контрольная комиссія могутъ быть избраны изъ знающихъ эту часть лицъ, живущихъ вблизи отъ мѣста пребыванія Института, хотя бы они не принадлежали къ его личному составу.

Къ каждой сессіи казначей представляетъ денежный отчетъ.

§ 14. Всѣ рѣшенія Института постановляются имъ въ засѣданіяхъ, послѣ преній и открытой подачи голосовъ.

Выборы производятся закрытою баллотировкою и въ ней участвуютъ только присутствующіе члены.

Для выборовъ новыхъ членовъ отсутствующіе могутъ присылать свои голоса, въ запечатанныхъ конвертахъ.

§ 15. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ видѣ особаго исключенія, если президентъ, вице-президенты и главный секретарь единогласно признаютъ это полезнымъ, голоса отсутствующихъ членовъ могутъ быть собраны письменно и по всякимъ другимъ предметамъ.

§ 16. Когда обсуждается въ Институтѣ вопросъ спорный между двумя или нѣсколькими государствами, тогда члены, находящіеся въ подданствѣ этихъ государствъ, могутъ выражать и развивать свои мнѣнія, но не участвуютъ въ голосованіи рѣшенія по этому вопросу.

§ 17. Институтъ назначаетъ докладчиковъ, изъ среды своихъ членовъ дѣйствительныхъ и сотрудниковъ, или учреждаетъ комиссіи для предварительнаго изученія вопросовъ, предназначенныхъ къ обсужденію.

Въ промежуткахъ между сессіями, то же право предоставляется бюро, а въ случаѣ необходимости, доклады и проекты заключеній готовятся главнымъ секретаремъ.

§ 18. Институтъ публикуетъ ежегодно бюллетень своихъ трудовъ и избираетъ одинъ или нѣсколько ученыхъ журналовъ, въ которыхъ помѣщаются его сообщенія, для обнародованія въ публикѣ.

§ 19. Для покрытія расходовъ Института служатъ слѣдующія денежныя средства:

- 1) Ежегодные взносы его дѣйствительныхъ членовъ.
- 2) Пожертвованія почетныхъ членовъ.
- 3) Всякія другія пожертвованія, сдѣланныя въ пользу Института.

Институтъ озаботится постепеннымъ составленіемъ особаго фонда, доходы съ котораго были бы достаточны для покрытія расходовъ секретариата, публикацій каждой сессіи и по всѣмъ другимъ постояннымъ частямъ его дѣятельности.

§ 20. Особая комиссія, къ составу которой будетъ принадлежать главный секретарь, изготovitъ регламентъ Института на основаніи настоящаго устава.

Этотъ регламентъ вступить въ дѣйствіе лишь послѣ его утверженія институтомъ въ ближайшей сессіи.

§ 21. Настоящій уставъ можетъ быть пересмотрѣнъ по частямъ или весь, по требованію шести дѣйствительныхъ членовъ.

В. Безобразовъ.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ¹⁾.

ЗАМѢТКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАМАТИКѢ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Очеркъ петоріи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе. Соч. М. Колосова. Варшава, 1872. XII, 190.

Starobulgarská fonologie se stálým zretelem k jazyku litevskému. Sepsal dr. Leopold Geitler, v. Praze. 1873.

VI.

Два ѣ или ѣ по обѣ стороны р или л между двумя другими согласными составляютъ такую крупную особенность правописанія нѣкоторыхъ древне-русскихъ памятниковъ, что не замѣтить ея не возможно, почему ея касался почти каждый, кому былъ для того случай.

Востоковъ въ словарѣ къ Остромирову Евангелію полагаетъ, что *влькъ* стоитъ вмѣсто *вълькъ*, то-есть, что послѣднее написаніе древнѣе; *вър'хоу* стоитъ вмѣсто *въръ'хоу*; „правильнѣе, чѣмъ *дръжати*, *дръзати* было бы *дър'жати* или *дъръжати*, *дъръзати*“ и пр., изъ чего видно, что онъ считалъ различеніе ѣ и ѣ при плавныхъ, на которое указываютъ памятники русскаго нисьма, болѣе древнимъ, чѣмъ безразличіе этихъ глухихъ, чтó и мы старались доказать; вторыхъ, что на второмъ мѣстѣ ѣ и ѣ (если на первомъ ѣ), на его взглядъ, безразличны, не извѣстно, по сущности ли дѣла, или потому, что онъ не могъ рѣшить, который изъ двухъ глухихъ здѣсь умѣстнѣе. Къ этому его же Словарь Церковно-славянскаго языка, кажется, не прибавляетъ ничего новаго, или по крайней мѣрѣ, не противорѣчитъ вышеизложенному. Въ немъ Востоковъ пишетъ, напримѣръ, *вълькъ*, но тутъ же и *въльци*; *вълна* и рядомъ *въльнѣникъ*; *въльхвовати*; въ красной строкѣ

¹⁾ Продолженіе. См. Журналъ Мин. Народн. Просв. за мартъ 1874 года, отд. II, стр. 103—127.

върста и пр.,—смотря по написанію въ памятникѣ, изъ коего слово взято.

Г. Миклошичъ замѣчаетъ, что „написаніе *дързати* и пр., защищаемое Востоковымъ, основано на Остромировомъ Евангеліи“ (точнѣе было бы „и на другихъ древнихъ памятникахъ, какъ Сборникъ 1073 годъ“) „которое въ этомъ отношеніи представляетъ удивительныя колебанія, а потому должно быть исправлено по другимъ памятникамъ“ (V. Gr. I, 42). Исправленіе Миклошича состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что онъ пишетъ постоянно какъ *влькь*, такъ и *дързати*.

Г. Максимовичъ, согласно со своимъ мнѣніемъ о большей древности полногласія въ обширномъ смыслѣ этого слова (то-есть, не только *оро=ра* и пр., но и *ор*, *ол* и пр.=*ър* и пр.), говоритъ: „Древняя церковная правопись тѣмъ важна для филологіи нашей, что по ней можно заключать, въ какихъ полногласныхъ формахъ нѣкогда были въ славянской рѣчи слова, теперь употребительныя уже сокращенно. Такъ, напримѣръ, изъ слова *върхъ* можно заключать, что оно сокращено изъ *верехъ*; и такое заключеніе оправдывается поднаръчіемъ Новгородскимъ, въ которомъ вмѣсто *верхъ* говорится *верѣхъ* (а *верхомъ* называется мѣра вершокъ); изъ слова *сѣмрить* видно, что вмѣсто *смерть* говорили нѣкогда *сомереть*; и подобная форма встрѣчается въ глаголитской письменности—*смереть*. Она видна и въ уменьшительныхъ словахъ *семерѣтка*, *семерѣточка*, весьма извѣстныхъ въ нарѣчій Верхнерусскомъ (Начатки Русской филологіи 1848, 68—69).

Г. П. Лавровскій въ статьѣ о полногласіи (1859 г.): „Катковъ (Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка) приводитъ слово *молонья*, въ Остромировомъ Евангеліи *мълнниа*, въ доказательство того, что письменность древняя указываетъ на большую древность полногласной формы; примѣръ, во первыхъ, единичный (?), а во вторыхъ, не можетъ быть подтвержденъ ни однимъ нарѣчіемъ родственнымъ: сербск. *муня* свидѣтельствуетъ (?), напротивъ, объ отсутствіи между *м* и *л* въ старо-славянскомъ и о тождествѣ въ фонетическомъ отношеніи съ *вуна*, *пук* и др., въ русск. *волна*, *полкъ*. Отсюда скорѣе должно, думаемъ, заключить, что и форма Остромирова Евангелія *мълнниа* вошла въ памятникъ подъ вліяніемъ русскаго переписчика, діакона Григорія, вмѣсто старо-славянск. *мълнниа*, обыкновенной для всѣхъ древнѣйшихъ памятниковъ, болѣе обычной и въ самомъ Остромировомъ Евангеліи. Отсюда же понятнo, почему до сихъ поръ съ большою силою господствуетъ и въ простомъ народѣ форма *молніа*, вполне (?) соответствующая церк.-славянск. *мъл-*

ниа и сербск. *муня*; форма *молонья* явилась посредственно, въ слѣдствіе господства полногласія при плавныхъ въ другихъ случаяхъ, слѣдовательно позднѣе, неорганически, потому что въ противномъ случаѣ соотвѣтствовала бы церк.-славянскои *мааниа*, сербск. *мааня*⁴. Какъ примѣчаніе къ первому изъ поставленныхъ мною вопросительныхъ знаковъ, приведу здѣсь слова того жъ автора изъ болѣе ранняго его сочиненія „О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей, 1852, стр. 45. Упомянувъ о русскомъ полногласіи (оро = ра и пр.), онъ продолжаетъ: „Любовь къ гласнымъ въ народѣ Русскомъ столь сильна, что онъ прибѣгалъ къ удвоенію *о* при *р* и въ такихъ словахъ, въ которыхъ, по требованію древней фонетики общеславянскои, *р* соединенъ былъ съ глухимъ звукомъ *э*; такъ, и въ лѣтописяхъ, и въ грамотахъ въ XIII вѣкѣ вмѣсто *Тържскъ*, *Новотържыци* читаемъ *Торрожокъ*, *Новоторожыци* (Новг. I, 45; Собр. Гос. Гр. I, № 1)“⁴. Итакъ, *молонья* не единичный случай. Впрочемъ, не подлежитъ для насъ сомнѣнію, что это полногласіе слѣдуетъ отличать отъ того, гдѣ русск. *оро* и проч. = старославянск. *ра* и проч.

Г. Ягичъ ¹⁾ (Napredak Slovinske filologije posljednih godina, *Rad Jugosl. Ak.*, XIV, 205 слѣд.) высказываетъ свое мнѣніе о нашемъ вопросѣ по поводу статей о полногласіи г. П. Лавровскаго и моеи. Въ этой послѣдней (31—34) я слѣдовалъ тому мнѣнію, что глухой звукъ послѣ плавнаго (мрѣтвь) предполагается всѣми славянскими нарѣчіями (чего теперь не думаю); что, между прочимъ, и въ русскомъ на такое мѣсто глухаго звука указываютъ слова какъ *бровь* (заключеніе отъ брѣвь къ большей древности *важъ*, *мрѣтвъ*—ошибочно); что глухой звукъ послѣ плавнаго есть слѣдствіе того же стремленія языка, въ силу котораго чистый звукъ слѣдуетъ за плавнымъ, а не предшествуетъ ему, какъ въ литовск. *garsas*; что изъ этого и для русскаго языка вытекаетъ вѣроятность большей древности формы *маць* сравнительно съ *юльсь*.

Положенія г. Ягича слѣдующія:

„Извѣстно, что полугласнымъ *э* и *ь* въ нашемъ случаѣ обыкновенное мѣсто послѣ *р*, *л*: это способъ писанія, составляющій правило въ древнѣйшихъ памятникахъ. Чтò выводимъ отсюда?—Что и та чистая гласная, которую принимаемъ за болѣе древнюю, исходную

¹⁾ Статья того же автора «Podmladjena vokalizacija u hrvatskom jez. (IX вв. Rada)» осталась мнѣ неизвѣстною, равно какъ и всѣ книги *Rada* съ VII по XIII.

для позднѣйшихъ полугласныхъ, въ общемъ имѣла мѣсто послѣ *p, л*“ (204).

„Прежде, чѣмъ полугласные появились въ организмѣ славянскаго языка, когда вмѣсто нихъ еще вездѣ стояли чистые гласные, вполне было уже развито стремленіе славянскихъ языковъ измѣнять *per metathesin* такія сочетанія, какъ *ap* и согл., *al* и согл., *ep* и согл. и т. д. въ такія, какъ *pa* и согл. и т. д. Напримѣръ, хотя литовскому *wilna* соотвѣтствуетъ славянск. (ст. - болгарск.) *вльна*, но эта историческая славянская форма предполагаетъ, что уже въ болѣе древнюю, доисторическую пору, когда краткіе гласные еще не сократились въ полугласные, въ славянскомъ должна была жить форма *влѣна* или *влѣна*, какъ и въ литовскомъ *wilna* предполагаетъ болѣе древнюю форму *walna*“ (207).

„Русскія формы, какъ *полнъ*, *мертвъ*, *торгъ* суть не что иное, какъ реакція, отпоръ болѣе древнимъ полугласнымъ, какъ проявленіе „подновленной“ вокализации, коей физиологическое развитіе можемъ себѣ представить такимъ образомъ. Прежде, чѣмъ дошло до того, что гласный звукъ послѣ *p, л* изнемогъ и ослабѣлъ до полугласнаго, прежде чѣмъ исчезъ и этотъ полугласный звукъ, и его задачу приняло на себя одно *p, л*, нѣкоторые славянскіе языки, какъ русскій, польскій, сербо-лужицкій, стали избѣгать такихъ сочетаній, какъ *плн*, *маня*, *мртв*, *срдце* и искать отъ нихъ отдыха и облегченія, колеблясь въ выговорѣ приблизительно такъ, какъ показываетъ написаніе Остромирава Евангелія *мъртъвъ*, *мъл'ниа* и пр. Вскорѣ *p, л* освободились отъ этого плаванья въ двухъ гласныхъ такимъ образомъ, что первый, некоренной звукъ *ъ*, на который, по причинѣ сокращенія слова на концѣ, могло пасть еще и удареніе, взялъ перевѣсъ надъ другимъ *ъ* (*ь*), и чѣмъ болѣе первый раздвигался и расширялся (въ *o, e* и пр.), тѣмъ болѣе сжимался второй, пока наконецъ изъ перваго *ъ* (*ь*) не вышло чистое *o* (*e*), а другое *ъ* (*ь*) вовсе не исчезло. Такой процессъ, давно совершившійся въ русскомъ языкѣ, діалектически возобновляется въ южно-славянскихъ, можно сказать, передъ нашими глазами и въ наши дни, ибо есть края, гдѣ у насъ вмѣсто *крв*, *грг* говорится *карв*, *гарг* (на нѣкоторыхъ островахъ Далмаціи), или *кєрв*, *гєрг* (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Хорватіи, напримѣръ въ Загорьи, около Крапини)“ (206).

Такимъ образомъ, г. Ягичъ принимаетъ форму *нлькъ* за переходную ступень отъ *плькъ* къ *полкъ*, а весь рядъ принимаемыхъ имъ формъ (для русскаго языка) слѣдующій: а) чистый гласный звукъ

передъ плавнымъ (вѣлна); б) чистый гласный послѣ плавнаго (вѣна); в) глухой гласный послѣ плавнаго (вѣпа); г) плавный между двумя глухими (вѣпа); д) чистый передъ плавнымъ (волна).

Совсѣмъ иначе представляетъ себѣ это дѣло г. Гейтлеръ. Какъ мы видѣли выше, онъ за древнѣйшія славянскія формы принимаетъ нынѣшнія русскія съ чистымъ гласнымъ (мертъ). Затѣмъ написанія одновременно данныя въ Остроміровомъ Евангеліи, онъ приводитъ ко времени ихъ возникновенія въ такой порядокъ: а) ѣ, ѣ стоятъ *еще* передъ плавнымъ (мертъ, испѣтъ); б) для устраненія стеченія плавной со слѣдующею согласною (какъ въ алѣкати изъ алкати) появляется второй глухой звукъ послѣ плавнаго: мѣлѣа, смѣрѣтъ; в) затѣмъ, за устраненіемъ перваго полугласнаго, смѣрѣтъ и проч. (Starobulg. fonolog. § 37—42).

Что для насъ окажется возможнымъ удержать изъ этихъ мнѣній, будетъ видно изъ слѣдующаго.

Мы различимъ здѣсь два вопроса: одинъ о распространеніи такихъ формъ, какъ *вѣръѣ*, по русской почвѣ и объ отношеніи ихъ къ соответственнымъ діалектологическимъ явленіямъ нынѣшняго русскаго языка, другой — объ отношеніи этихъ формъ къ соответственнымъ явленіямъ другихъ славянскихъ языковъ.

1) Для краткости, назовемъ какъ нынѣшнее явленіе *доложно*, такъ и древнее *дѣлжно* однимъ именемъ *второго полногласія*, желая пока этимъ только отличить это явленіе отъ другаго, которое назовемъ *первымъ полногласіемъ*: *юлова* = *лава*. Кажется, что, пользуясь наличными свидѣтельствами о нынѣшнемъ состояніи языка, мы въ правѣ сказать: второе полногласіе есть явленіе не только исключительно русское, но даже почти исключительно свойственное сѣверо-великорусскимъ говорамъ. Я думаю, слѣдуетъ отдѣлнить то стремленіе, по которому мѣстами говорится *доложникъ*, *твередить*, отъ того болѣе распространеннаго, въ силу котораго говорится въ м.-русск. *пов-е-и*, *чов-е-и*, въ польск. *pef-e-p* (русск. литер. полн, чолн). О малорусскихъ словахъ мы говоримъ навѣрно, что они возникли изъ *човнъ*, *повнъ*, такъ какъ если бы въ основной ихъ формѣ гласная стояла послѣ *л* (въ родѣ *плнъ*), то *л* не измѣнилось бы въ *е*, и что *е* появилось въ нихъ послѣ *е* лишь тогда, когда конечное *ъ* (пѣлнъ, чѣлнъ) исчезло; *е* въ этихъ словахъ должно быть отнесено къ такъ-называемымъ бѣглымъ гласнымъ, то есть, къ такимъ, коихъ существованіе и исчезновеніе условлено качествомъ слога. Съ точки исторіи языка слѣдуетъ здѣсь различать во

всѣхъ славянскихъ нарѣчійхъ: а) замѣну глухой гласной внутри слога соотвѣтственною чистою, вслѣдствіе отпаденія конечной глухой и слиянія двухъ прямыхъ слоговъ въ одинъ средній, какъ въ русск. *зол* изъ *зъ-лъ*, *юрек* изъ *юрь-къ*; сюда же русск. *пѣлоть*, польск. *połec*, чешск. *polet*, для которыхъ принимаемъ основную форму *по-лъ-ть* (три слога, 2 второго слога принадлежитъ къ суффиксу, какъ въ *деять*), не смотря на то, что по в.-луж. *rówс* и литовск. *paltis* можно бы заключать объ основной формѣ *пѣ-лъ-ть*; кажется сомнительнымъ, чтобы въ *пѣ-лъ-тъма*, пополамъ (Востоковъ, Слов. ц.-слав.), первое 2 было правильнѣе, чѣмъ *о*; б) выпаденіе глухого (иногда и чистаго) гласнаго звука, сопровождаемое слияніемъ двухъ прямыхъ слоговъ въ одинъ прямой, какъ въ русск. *зло*, *зъ-ло*; в) случай сходный съ а: появленіе неорганической гласной, вслѣдствіе потери гласной въ слѣдующемъ слогѣ и превращеніе прямого слога съ двумя согласными въ средній, какъ въ русск. *въ-тер*, *ви-хорь* изъ изъ *въ-тръ*, *ви-хръ*; сюда же слѣдуетъ отнести образованіе средняго слога съ неорганическою гласною съ привлеченіемъ къ этому слогу конечной согласной предыдущаго слога, какъ въ м.-русск. *по-вен* изъ *пѣ-лъ-нь*. Загѣчу, что съ русскимъ *въ-тер* совершенно тождественны въ латышскомъ случаѣ, какъ *weppars* (съ неорганическимъ *a*) изъ *weprs* (съ потерей гласной передъ *s*), которое изъ *wepris*, вопрь (*Bielenstein*, Lett. Spr., 100—101, § 58, в). Къ одному разряду съ *повен* и *репен* относятся и распространенныя въ русскомъ литературномъ языкѣ формы *по-лон* (=пѣ-лъ-нь), *до-логъ* (дѣ-лъ-тъ, между тѣмъ существ. *debitum*—*долъ*, съ однимъ *о*), *ве-рѣв-ка* (=въ-ръ-въ-ка), которыхъ нельзя приурочить къ какой-нибудь одной части великорусскаго языка. Можетъ, быть, сюда же относится и в.-русск. форма *посо-лонъ* (три слога, по теченію солнца, справа на лѣво вверхъ или впередъ, изъ *по-съ-лъ-нь*). Но уже форма *мо-ло-нья* отмѣчена въ Великорусск. Областномъ Словарѣ, какъ встрѣченная въ сѣверно-великорусскихъ мѣстностяхъ (въ губерніяхъ Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Костромской, Псковской), и лишь въ одной южно-великорусской (Тамбовской) — *мо-лонья*. Форма *мо-лонья*, отмѣченная у Даля какъ принадлежащая губерніямъ Казанской и Пермской, или совершенно иначе образована, то-есть, имѣетъ суффиксъ *ын* (какъ *мынь*, *помынь*), или есть грубое искаженіе, такъ какъ *о* ударяемое не должно бѣ измѣниться въ *ы*. Остальныя извѣстныя слова этого рода (то-есть, со вторымъ полъогласіемъ) въ нынѣшнемъ русскомъ приурочиваются къ сѣверно-великорусскимъ мѣстностямъ.

Сто-лоб и *сто-лобъ*, род. *сто-лаба* (Псковская) — *столбъ*, *столобѣнька*

(Псковская, Тверская) — ударъ по головѣ; но тамъ же *столбѣнь*, *столбѣха*, *столбецъ*.

доложно, *доложникъ*, Псковская.

коломы, *холомокъ*, Псковская, Тверская.

колоб, шаровидный хлѣбецъ и пр. (Арх., Волог., Нижегород., Пск., Тверск.), *колобокъ* (Арх., Олонецъ, Вятск., Влад., Нижегород., Костр.), *колобушка* (Новг., Пск.), *колобан*, толстая лепешка (Тверск.), *колобашка* id. (Пск.). Предполагая основную форму *кълбъ* (сравни. *колблянь*—отрубокъ, Саратов.), мы ожидаемъ южн. в.-русск. формы *колоб*, *колобок*.

полѡкъ, *полка́*, *полчокъ дѣвокъ*, Влад.

полонѹшка, сборъ разныхъ сельскихъ произведеній (?), Тв.; сравни. *полн*—.

толонѹтъ = толнуть, толкнуть (Пск., Тверск.).

кѡром, *кормно*, *кормникъ*, Пск., Тверск. (=кормъ).

челонѡкъ (Арх., Новгородск.).

беревено, Пск. (сравни. Смол. беревено, польск. *biegwiopo*, *biegzwiono*, *biegziwo* = бървьно; между тѣмъ Курск. *беревно* = чешск. *біевно* = брѣвьно).

веревныя книги (Арх.), писцовыя (вѣрвь); *веревно*, *вервь* (Вятск.) можетъ сюда не относиться, такъ какъ суффиксъ можетъ быть — *ево*, какъ *варево*; неясно *-оро* въ *воровѣна*, *веревка*.

верѣх, *верха́*, Новг., Арх., Олон., Пск., Тверск.

завереть, *вихорь* (заверть), Пск., Тверск.

дерень, *дерня*, *дернь*, Новг.

жередь, Пск., Тверск.

жерѣнко, *жерновка* раковая, Пск. Тверск., *жерѣнное* время, лѣтнее, когда въ ракахъ можно найти жерновки, Тверск. (=жърньоноѣ).

зереньѣ, Новгор. *зерѣмье*, Пск., Тверск., *зерновой хлѣбъ* (сравни. Пск., Тверск. зѣрно).

сверѣбитъ, -ся, *безпокоить*, *сердить*, -ся.

скатереть, Арх., Новг.

смерѣтушка, Новг., Пск., Тверск. (сравни. *смѣрточка*, Арх., *смѣртушка*, Моск., Тамб.).

смерѣдушка (=смѣрд—), *нестерпимо*, *невыносимо*, Пск., Тверск.

чѣрев, *чѣрева*, *червь*, Пск., Тверск.

чѣрень, *черени*? *Черни*?, *чернолѣсье*, Пск., Тверск.

черемнушка, *корь*, *сыпь* (=чърм—), Пск., Тверск.

четвереть, -рти, Арх.

шерестить, мѣнять шерсть на шерсть, то-есть, лошадь на лошадь безъ придачи, Перм.

шерёшь, колоть, замерзая грязь, Тамб.; *шорюшь*, -и, разбитый, мелкій ледъ въ водѣ, Тверск. (сравни шерхпуть, шершавый; впрочемъ, и въ литературномъ языкѣ *шероховатый*).

Списокъ этотъ, по всей вѣроятности, очень не полонъ относительно количества словъ и указанія мѣстностей, гдѣ они встрѣчаются. Одно остается вѣрнымъ, что въ южно-великорусскихъ (со включеніемъ бѣлорусскихъ) мѣстностяхъ слова со вторымъ полногласіемъ (какъ *моловня*, *шерешь* — въ Тамбовской губерніи) встрѣчаются, какъ исключеніе. Притомъ на сѣверѣ Тамбовской и Пензенской губерній, кажется, проглядываютъ нѣкоторые сѣверно-великорусскіе признаки: *смотриль*, *у женъ*.

Подобнымъ словамъ съ *оло*, *оро*, *ере*, въ другихъ современныхъ русскихъ нарѣчіяхъ соотвѣтствуютъ по правилу слова съ гласною *о*, *е* передъ *р*, *л* со слѣдующею согласною, а въ древнемъ языкѣ, по одному способу написанія, — слова, заключающія въ себѣ согласную + *эл*, *эр*, *ер* + согласную. Ограниченія этого правила незначительны. Такъ, Пск., Тверск. *судорожь*, *дрожь*, *легкій ознобъ*, предполагаетъ не *држь*, *доржь*, а обще-русскую форму *држь* = *дрожь*, если только по строепію корня оно не тождественно съ *судорога*, которому соотвѣтствовало бы ст.-славянск. **сѣдрага*. Допустивъ, что исходною точкою втораго полногласія служитъ глухой звукъ *передъ р*, *л*, мы аргіогі приходимъ къ вопросу: чтó же бываетъ въ такихъ случаяхъ, когда слово должно бы имѣть *э*, *е* передъ *р*, *л*, но не имѣетъ его или потому, что начинается съ гласной, которая въ началѣ слова глухою не бываетъ, или потому, что начинается съ *ј*, послѣ котораго тоже не возможенъ глухой звукъ? Словъ со вторымъ полногласіемъ, начинающихся съ гласнаго, мы вовсе не знаемъ, а изъ начинающихся съ *ј* знаемъ Пск., Тв. *ерѣш* (то-есть, *жерѣш*, родит. *жершá*), для котораго можно предположить основную форму *ѣршъ*; впрочемъ, вошедшее въ литературный языкъ *ѣрошить* волосы (= *ѣршítъ*) указываетъ на основную форму съ *э*: *ѣршъ*. Подобнымъ образомъ Костр. *ѣлоха* (то-есть, *јолоха*) можетъ предполагать форму не *ольха*, а *јолха* (фамилія Іолшинъ).

Въ словахъ со вторымъ полногласіемъ второй гласный звукъ обыкновенно равенъ первому, то-есть, онъ есть *о*, если первый есть *о* = *о* или *о* = *э*, послѣ шипящаго; онъ есть *е* или позднѣйшая замѣна этого *е*, *ѣ*, если первый есть *е*. Исключеніе составитъ *челонѣк*, если перваго *е* не слѣдуетъ считать за *о*. Въ *ѣлубец*, родъ лавки съ ши-

комъ (коникъ), лежанка, деревяная придѣлка къ печи съ ходомъ въ подполье, Влад., Костр.; *юлубица*—ходъ въ подполье, Тв.; *юлубецъ*—деревянная придѣлка къ печи, Каз., Костр., Тв., родъ надгробнаго памятника, Орл., Донск., сочетаніе *олу* произошло изъ *ол* (какъ показываютъ формы *юлбецъ*, *юлбчикъ*, Арх., Костр. Тв. Оренб., Тобольск., Томск.) черезъ посредство *оло* (Тверск. *юлобецъ*), въ коемъ неударяемое *о* перешло, какъ мѣстами часто, въ *у*. Присутствіе формы *юлубецъ* въ мѣстностяхъ южн. в.-русскихъ (Орл., Донск.), быть можетъ, слѣдуетъ объяснять не фонетическимъ путемъ, а ошибочною этимологіей, сближеніемъ этого этимологически неяснаго слова (вѣроятно, сроднаго съ *жолобъ*) съ *юлубъ*.

Въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ весьма трудно отдѣлать, по отношенію къ процессу, второе полногласіе отъ бѣгло-сти гласной, ибо хотя далеко не всякая вторая гласная въ разсматриваемыхъ словахъ можетъ быть названа бѣглою, но такое названіе прилично, напримѣръ, второму *о* въ *столобъ*, род. *столба*, если только эта послѣдняя форма достовѣрна. Второе полногласіе въ нынѣшнемъ своемъ видѣ можетъ заключать въ себѣ два наслоенія и болѣе, почему и трудно опредѣлимо въ процессуальномъ отношеніи.

Если не относить слишкомъ многое на счетъ неточности записывателей, то мы въ правѣ думать, что второе полногласіе вездѣ имѣетъ характеръ спорадическій; та же форма въ той же мѣстности произносятся двояко: Тв. *юлбецъ* и *юлобецъ*. Отсюда а priori мало вѣроятности, чтобъ и въ древнихъ памятникахъ можно было найтти второе полногласіе, какъ постоянное правописаніе.

Второе полногласіе въ нынѣшнемъ видѣ, то-есть, съ *о* или *е* по обѣ стороны плавнаго, навѣрно восходитъ къ XIV—XV вѣкамъ. Въ Новгородскихъ кунчихъ этого времени, рядъ конхъ находится въ Акт. юридич., 110 и слѣд., два слова въ обычныхъ выраженіяхъ этихъ актовъ имѣютъ постоянно *оло*, *ере*: „се купи N и да на той земли (столько-то), а *пополомка* корову (куря, пузъ невѣ(н)ничі, ржаной и т. п.)“, или: „а тутъ (въ цѣнѣ) имъ (ему) и *пополонокъ*“, „а купи N собѣ *одерень* и своимъ дѣтемъ“. Изрѣдка оба слова неполногласны (куря *пополянъка*, *одернь*, 113), или съ *ъ*, *ь* на второмъ мѣстѣ: *одернь*, *пополянъка*, *ивъ*, *одрънь* (въ прокъ, безъ выкупа) и грамоты *дерноватый* (Собр. госуд. грам. I, № 13 и др.)—отъ *дрнь* *caespes* (Mikl., Lex. дрнь). Въ купчей княгини Θεодосіи (послѣ 1389, *Орезневскій*, Пам. русск. письма, 268), памятнику замѣчательномъ указаніями на позднее присутствіе или замѣнъ въ сѣверно-великорус-

скомъ глухихъ звуковъ, потерянныхъ въ другихъ говорахъ (съ путыюмо, за Кузьмокою, на Словѣнобѣ), находимъ „овцю пополонока“. Восходя къ болѣе древнему времени, въ Новгородскихъ грамотахъ XIII вѣка и начала XIV, находимъ: на Торожку, въ Торъжку, въ Търъжку и тамъ же „на Новотъръжкой земли“ (Собр. госуд. грам. I, № 1—11, 1265—1307)¹⁾. Здѣсь ужь умѣстно сомнѣніе: имѣемъ ли мы передъ собою чистые звуки, или глухіе, ибо отъ такихъ формъ, какъ напримѣръ, „чорныхъ людѣй“ (1317, ib. № 13), гдѣ чистое *o* предполагаетъ *e* изъ *ь*, еще нельзя заключать, что въ другихъ случаяхъ (напримѣръ, държати, повьргя, кърмилъ, 1307 ib.) глухіе звуки ставились только по старой памяти.

Новгородская 1-я лѣтопись по Синодальному списку, писанная, какъ полагаютъ, частью въ XIII вѣкѣ (первые два почерка до 1234 года), частью въ XIV, — памятникъ, весьма важный въ разсматриваемомъ отношеніи. Извѣстно, что въ изданіи археографической комиссіи не вполнѣ соблюдаются многія древнія и характерныя формы этого памятника, что помѣщаются онѣ лишь въ выпискахъ и то, кажется, не всегда, между тѣмъ какъ въ текстѣ ставятся формы, исправленныя по личному разумѣнію, напримѣръ—*тъ* вмѣсто достигабельнаго на—*тъ*; *исѣькоша*, изъ Смольньска вмѣсто *исѣькоша*, и — Смольньска, зятю (дат.) вмѣсто зяти, Переяславию вмѣсто Переяслаю, наконецъ—что для насъ важно въ настоящемъ случаѣ—„на търъжку“ вмѣсто „на търъжку“ и т. п. Тѣмъ не менѣе, памятникъ этотъ и въ томъ видѣ, въ какомъ изданъ, позволяетъ замѣтить слѣдующее:

а) тѣ немногія слова, въ коихъ сравненіе русскаго съ польскимъ и лужицкими указываетъ на мѣсто глухаго звука послѣ *p*, *л*, пишутся въ Новгородской 1-й лѣтописи постоянно одинаково, съ глухимъ или его замѣною послѣ плавныхъ: дръва, крѣва, въ брѣвѣ, яблѣковѣ, крестъ и хрестъ, прибрѣде, 9 (Сравн. непрѣбрьдомъни, Сб. 1073. *Буслаева* Хрестом., 261), Гръцинь и Гръцьскыи, просльзиться; разнообразіе написанія — только въ случаяхъ, для коихъ сравненіе части русскихъ говоровъ съ польскимъ и другими, даетъ основную форму съ *ь*, *ѣ* передъ *p*, *л*. Здѣсь

¹⁾ Слова *Перемь* и *Мърмь*, *Голомарь*, *ив*, сюда нейдуть, какъ болѣе близкія ко второму *e*, *ь* къ первоначальной формѣ, чѣмъ *Перми*: *ѣ*ниск. *Регѣтаа*, задняя, дальняя страна, изъ *регѣ*, позади и *таа*, земля; см. *Гротъ*, *Филолог.* розысканія, 260.

б) изрѣдка, какъ-бы по опискѣ, глухой стоитъ послѣ плавнаго: на Тръжку, 33, на трѣгу, 17, дръжаще, 14, цръжн, 21; это, быть можетъ, книжное вліяніе;

в) въ большинствѣ случаевъ *ъ*, *ь* или *о*, *е* — передъ плавными по общерусски: хълмъ, мълня, въ бързѣ, по върху и пр.;

г) въ значительномъ меньшинствѣ — *ъръ*, *ьрь*, *ьръ*, или *ьро*, *ьре*: на трѣжку 23; изъ трѣжку 31 (описка вмѣсто *ьро*), на трѣжку 33; съ торожку 33, Морѣдва 3, Яропѣлькъ 24, Съмена Стѣльпника 29, 21, новоложье 34 (по Вѣма), къ надолобомъ 51, мълвити 6, церенцемъ (дат. мн.) 7, въ церенцихъ 45, църенци 49, на вѣрбеницю 11, 13 и др., вѣрбенои недѣли 24, вѣрьшь 5, мъртва 19, мъртвою 30; Церънигова 24, сѣверши 24, дързну 26, държа 75.

Къ этому прибавимъ нѣсколько словъ изъ другихъ Новгородскихъ памятниковъ того же времени и болѣе древнихъ.

Въ Новгородской духовной до 1270 года (*Срезневскій*, Свѣд. и зам. IV, 38)—съ борѣтью, одерънь.

Въ Паремейникѣ 1271 года (*Срезневскій*, Пам. русск. письма и *Буслаевъ*, Хрестом., 73 и слѣд.) съ замѣтными сѣверно-великорусскими признаками [*е* вмѣсто *ь* на концѣ: рабъ твоѣ, *Буслаевъ*, Хрестом., 74, отць моѣ, братъ ваше 75, уклонитесь (3 л. ед.) *iv*. 76, терпите (3 л. ед.) *iv*., раздѣляте (3 л. мн.) *iv*.; дѣюте 78, въ покоѣ (винит. ед.)]—находимъ: вѣребныя недѣли (*Срезневскій*, Пам., 235) въспользуются (*Буслаевъ*, Хрестом., 77) рядомъ съ „удръжати“ и общерусскимъ върху, скорбъ и пр.

Въ Мстиславовомъ Евангеліи до 1117 г. (*Срезневскій*, Пам. и *Буслаевъ*, Хрестом.)—стѣл'пъ, на тр'жищахъ, съ вѣр'ши, дѣр'жасте, отъвѣр'зостася, извѣр'гоша, вѣр'хоу, пѣр'стѣмъ, пѣр'вѣи, сѣмѣр'ти и рядомъ отъврѣсся и др.

Такимъ образомъ, современные сѣверно-великорусскіе говоры относительно *доложно* и пр. могутъ быть связаны посредствомъ ряда памятниковъ съ древнѣйшимъ извѣстнымъ памятникомъ Новгородскаго письма, Остромировымъ Евангеліемъ. Сходство этого послѣдняго съ другими Новгородскими не можетъ быть случайно.

а) И въ Остромировомъ Евангеліи слова, отмѣченныя выше подъ *а*, именно кровь=крьвь, пишутся только однимъ способомъ, съ глухимъ послѣ плавнаго, хотя не всегда этотъ глухой звукъ соотвѣтствуетъ требованію русскаго языка: бръникъ, крьвь, плъть и плть, тръсть (вмѣсто ожидаемаго тръсть) скръжьть, плъвати, прослъзися, вльнѣте.

Въ такихъ словахъ, гдѣ *э*, *ь* ожидается передъ *р*, *л*, находимъ въ Остроміровомъ Евангеліи:

β) написанія общія этому памятнику съ другими старо-славянскими не русскаго письма, безъ соблюденія различія между *э* и *ь*: влѣкъ, мрътъвъ, жрънѣвахъ, истръгнетъ; иногда съ сохраненіемъ *ь* послѣ *р*: зръно. Эти написанія находились уже въ памятникѣ съ котораго списывалъ дьяконъ Григорій, или его русскій предшественникъ, такъ какъ, съ одной стороны, они не могли быть внесены изъ русскаго языка, а съ другой—они находятся въ такихъ памятникахъ, какъ Супрасльскія рукописи Клоціева глололита, Саввина книга и др. (ср. *Срезневскій*, Пам. юсоваго письма, 176);

γ) написаніе русское съ однимъ глухимъ и съ различеніемъ еровъ: вѣвр'гуть (sic), вѣрви, вѣрха, дѣржите, дѣрзянѣвъ, мѣркнетъ, мѣртъвици, испѣльнъ и проч.

δ) наконецъ, написаніе съ двумя глухими по обѣ стороны плавнаго, при чемъ или оба глухіе одинаковы, согласно съ правиломъ втораго полногласія въ нынѣшнихъ сѣверно-русскихъ говорахъ (бѣрвьвно, вѣрвѣтъ, вѣрвѣхъ (= оу), дѣрзянѣвъ, зѣрно, извѣржетъсѣ, пѣрвоуе, пѣрси, сѣмьрѣти, вѣльнѣнню, дѣльгѣн, дѣльжѣни, дѣльжѣнникомъ, мѣльва, мѣльчаше), или второй глухой остается неопредѣленнымъ (вѣвр'гошѣ, вѣр'тоградарь, вѣр'тъпѣ, вѣр'хоу, жѣр'тву, мѣр'зость, чѣр'норивѣдемъ, чѣр'та, гѣр'личища, пѣр'та, скѣр'би, дѣльжѣнѣ, мѣльчѣ, пѣльнѣ), или на первомъ мѣстѣ *ь*, на второмъ *э* (вѣр'тоградѣ, дѣр'зави, пѣр'стѣн), или наконецъ первый глухой не соотвѣтствуетъ нынѣшней замѣнѣ въ русскомъ: вѣр'хоу, пѣр'вѣнѣць.

Я не согласенъ съ догадкою г. Колосова, что въ случаяхъ *б* лишь первый глухой звукъ поставленъ по русскому произношенію, второй же изъ подражанія оригиналу списка (Очеркъ, 59). До тѣхъ поръ, пока не будетъ доказана ошибочность сближенія современныхъ сѣв. в.-русскихъ формъ, какъ *доложникъ*, съ формой Остромірова Евангелія *дѣльжѣнѣ*, эту послѣднюю нужно считать за явленіе, находящееся въ памятникахъ, потому что оно было въ говорѣ писцовъ.

Затѣмъ спрашивается, находится ли написаніе *э* и *б* въ древнихъ памятникахъ, хотя бѣ и русскихъ, но не сѣверныхъ, и если—да, то въ какой мѣрѣ оно имъ свойственно? Конечно, было бѣ ошибкой отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно, ссылаясь на памятники южно-русскіе по происхожденію, но переписанные на сѣверѣ, какъ Ипатьевская лѣтопись (гдѣ, напримѣръ, свои полокъ Ип. 24, на вербеницю, ib. 29), или указывая на случаи изъ различныхъ древнихъ памятни-

ковъ со вторымъ глухимъ или чистымъ, принадлежащимъ къ суффиксу, напримѣръ, отъръши, зѣлоба, въ сб. 1073 — золоба, сквьрьно, жьрьць.

Выше было замѣчено, что второе полногласіе въ нынѣшнемъ видѣ есть явленіе сложное; оно состоитъ частью въ присутствіи бѣглой гласной послѣ *р*, *л* тамъ, гдѣ ея нѣтъ въ другихъ русскихъ говорахъ (напримѣръ, верѣх, верха), частью же въ двухъ *о*, *е* по обѣ стороны плавнаго, изъ которыхъ ни одно не условлено качествомъ слога. Первоначально второе полногласіе могло состоять только въ этомъ послѣднемъ случаѣ, потому что вообще появленіе вліянія качества слога на измѣненіе гласныхъ есть въ славянскихъ языкахъ явленіе относительно позднее. Согласно съ этимъ изъ возможныхъ доказательствъ того, что второе полногласіе въ древности (приблизительно до XII вѣка) было свойственно не однимъ сѣверно-русскимъ памятникамъ, наиболѣе удовлетворительныя должны бы состоять въ указаніи на формы, со вторымъ *ъ*, или *о*, *е* послѣ плавной передъ другою согласною, послѣ которой стоитъ чистая гласная, напримѣръ *дълъгы*. Если бы была указана, была напримѣръ, форма *дълъгы*, *longus*, то можно было бы спросить, точно ли въ ней—*ы* составляетъ слогъ, и не есть ли второе *ъ* того же происхожденія, какъ второе *о* въ литературномъ русскомъ дологъ, въ коемъ это *о* вызвано качествомъ слога и не могло существовать, когда конечное *ъ*, какъ гласная, еще не было потеряно? Если бы было указано слово со вторымъ *ъ*, напримѣръ, *вьрькъ*, *поскърьби*, то мы спросили бы, дѣйствительно ли оно соотвѣтствуетъ сѣверно-велико-русскому *верѣх*, и не есть ли второй *ъ* не гласная, а лишь знакъ смягченія предыдущаго *р*, какъ въ нынѣшнемъ в.-русск. *верхъ* (=вер'х) и польск. *wierzch*? Кажется несомнѣннымъ, что уже въ памятникахъ очень древнихъ *ъ* кое-гдѣ имѣетъ такое значеніе, напримѣръ, въ перлмъ, сб. 1076, *Буслаевъ*, Хрестом. 291.

Въ Святославовомъ сборникѣ 1073 года находимъ: испъл'нь (*Срезневскій*, Пам. Р. п. 138), испъл'нь (*Буслаевъ* Хр. 261, 270), вѣдхвуиц (*ib.* 273), бѣл'ванъ (*Востокоевъ*, Сл. ц. сл. s. v.), въ гър'нци *ib.*, отъ газѣ дѣлгы *ib.*, мъртва, *ib.* и *Срезневскій* пам. 145, мъртъвца, гър'нацимъ, *ib.*

Въ Сборникѣ 1076 года: мъртъвца, *Срезневскій* пам. 143, не мъртъвца *ib.*, поскърьби *ib.*, мъртъвина, *Буслаевъ*, Хр. 295; удъръжа, *ib.* 296, пьрси, *ib.*

Въ Чудовской псалтыри XI вѣка (*Срезневскій*, Пам. юсов. письма

172) — възгър'дишася, отъвр'зѣмъ, пр'вѣна, смьр'тнаа, сьрѣдѣа, въ пьрьсть, сьр'дѣце, дьржавѣ.

Въ переводѣ словъ Григорія Богослова XI вѣка (*Будиловичъ*, Исслѣд. языка 13-ти словъ Григорія Богослова, 11): кър'мити, мьрѣтъвъ одьржании, сьрѣдѣю, сьвр'шаша, дьр'зѣ, въздър'жаниа, тьр'пите

Въ словарѣ *Востокова* дьрънѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что есть примѣры, вполне удовлетворяющіе вышепоставленному требованію (дѣльги); но остается вопросомъ, кто были писцы этихъ памятниковъ, ибо, напримѣръ, ни *у* изъ *ъ* (оузирал), ни на оборотъ *ъ* изъ *у* (въгодникъ), ни *и* изъ *н* (съ стинъ, смотрити) не должны быть разсматриваемы непремѣнно какъ слѣды южно-русскаго происхожденія писца, какъ это дѣлаетъ г. Будиловичъ относительно перевода словъ Григорія Богослова (24): признаки эти могли быть свойственны и говору сѣверно-русскаго писца, на который можетъ указывать и замѣна конечнаго *ъ* черезъ *о* въ томъ же памятникѣ: „свѣтъ женомо но не постижемо (ib. 10)“. Взавъ во вниманіе, что южно-велико-русскіи и мало-русскіи формы *торъ*, *волк*—*воок*, а равно древнерусскіи *търъ*, *сѣкъ*, предполагаемыя и сѣверо-западными славянскими нарѣчїями, отнюдь не предполагаютъ формъ *търъ*, *сѣкъ* и не нуждаются въ нихъ для своего объясненія, мы спросимъ себя, что вѣроятнѣе: то ли, что писцы сборниковъ 1073 и 1076 годовъ, Чудовской псалтири и перевода словъ Григорія Богослова были сѣвернаго происхожденія, или если это не такъ, то что формы съ двумя *ъ*, *ь* были у нихъ не народнымъ, а личнымъ явленіемъ, или же то, что формы, какъ дѣльги, были нѣкогда общерусскими, но затѣмъ въ большей части русскихъ говоровъ исчезли безслѣдно? Я полагаю, вѣроятнѣе первое, а вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятнѣе другихъ и предположеніе, что формы съ двумя *ъ*, *ь* въ Остромировомъ Евангелїи суть явленіе только областное и свидѣтельствуютъ объ особности сѣверно-велико-русскихъ говоровъ (или говора) въ XI столѣтіи.

2) Перехожу къ другому вопросу—объ отношеніи такихъ формъ, какъ *мѣзва* и *мѣва*, къ формамъ въ родѣ *мѣва* и пр. Что мѣшаетъ намъ принять, что написаніе *мѣзва* пришло къ намъ оттуда жѣ, откуда—переводы церковныхъ книгъ, и на русскомъ сѣверѣ случайно сошлось съ подобнымъ туземнымъ явленіемъ? Конечно, помѣхой служить недостатокъ или большая рѣдкость такихъ формъ въ древнихъ не русскихъ памятникахъ церковно-славянскаго языка. Но остается возможность другаго предположенія: мѣсто глухаго звука позади плавнаго (търъ, сьмьръ), быть можетъ, предполагаетъ, что въ тѣхъ говорахъ, коимъ

принадлежать такія формы, нѣкогда имѣло мѣсто произношеніе *търъъ*, *сьмъръть*, то-есть, что второе полногласіе (съ глухими) могло быть переходомъ отъ *търъ* къ *тръъ*. Чтобы дать этому предположенію большую устойчивость, нужно показать, что другаго средства измѣнить *ър* въ *ръ* и пр., кромѣ временнаго полногласія, не бываетъ, или что по крайней мѣрѣ такое полногласіе есть наиболѣе обычное средство такъ-называемой перестановки плавныхъ. Къ этому мы еще вернемся. Предварительно я соберу здѣсь положенія, которыхъ теперь считаю нужнымъ держаться, отчасти во вредъ прежнимъ своимъ мнѣніямъ:

а) Различеніе словъ съ глухимъ послѣ плавнаго (бръвъ, слъза) отъ словъ съ глухимъ передъ плавнымъ (търгъ, вълкъ, пьръсть) древнѣе безразличія этихъ словъ относительно мѣста *ъ*, *ь*, каково бы ни было это мѣсто.

б) Различеніе *ъ* отъ *ь* при плавныхъ (пъртъ и пьръсть, слъза, кльнѣ и мълва, блѣха) древнѣе безразличія этихъ звуковъ, будетъ ли графически выражаться это безразличіе постояннымъ употребленіемъ *ъ* или *ь*, какъ въ сербскихъ памятникахъ.

в) За вычетомъ такихъ словъ, какъ *бръвъ*—русск. соврем. *бровь*—польск. *brew*, во всѣхъ остальныхъ сюда относящихся русское написаніе *търъ*. *пърсть* древнѣе постпозиціи глухихъ. Иначе: я считаю менѣе вѣроятнымъ мнѣніе г. Лгича, что *вълма* возникло прямо изъ такой формы, въ которой чистая дославянская гласная стояла послѣ плавной. Держась мнѣнія, что *ъ*, *ь* кромѣ завѣдомо позднѣйшихъ глухихъ въ хорутанскомъ и болгарскомъ и немногихъ другихъ случаевъ въ другихъ нарѣчіяхъ, суть общее достояніе славянскихъ языковъ, я думаю, что уже по возникновеніи этихъ звуковъ при *р*, *л* между славянскими нарѣчіями произошелъ расколъ относительно ихъ мѣста при *р*, *л*. Одна часть нарѣчій въ общемъ осталась при старинѣ (търгъ, но бръвъ). Сюда относятся русское и сѣверо-западная, при чемъ предполагается, что чешское нарѣчіе отклонилось позже. Въ другой части произошла перестановка частью такая, что *тръъ* уравнилось съ *бръвъ*, а *пърсть* съ *кърсть*, частью же обратная ¹⁾, состоящая въ препози-

¹⁾ Ср. хорут. *bolha* (русск. блоха=блѣха), *solza* (русск. слеза=сльза), *berzi* (р. брость=брьсть), *keru* (р. кровь=крвь), *kert* (р. кротъ=кртъ). Нарѣдія то же и въ сѣверо-западныхъ нарѣчіяхъ: ниже-лужицкое *gerc* (музыкантъ=ириць); н. л. *jabowin* = *jabwon*; быть можетъ н. л. *geln* (муж. р. „sgelnom“), уменьшит. *gelnizik* = польск. *glen*, ломоть хлѣба, сушкой (если основная форма есть *glno*).

ціи глухаго и тамъ, гдѣ онъ прежде слѣдовалъ за плавнымъ: *кърсть*, *къръь*, *съза*. Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что звукъ, слышимый теперь передъ *р* въ сербо-хорватскомъ и передъ *р*, *л* въ хорутанскомъ тамъ, гдѣ онъ по мѣсту совпадаетъ съ русскимъ, есть прямой остатокъ (относительно мѣста) общеславянской старины, а гдѣ отклоняется отъ русскаго (карв), тамъ повѣе. Сербск. *у* въ *вук* могло произойти изъ *ѡ* (= русск.) подобно тому, какъ въ полабск. *tust* изъ *tāust* = тѣлсть, в.-лужицк. *stup* изъ *stowp*; но сербск. *у* въ *суза*, хотя тоже изъ *ѡ*, но изъ позднѣйшаго, возникшаго на сербской почвѣ изъ *ѡ*. Въ той части, гдѣ вообще правило требуетъ постпозиціи *ъ*, *ь* могло быть всего одно нарѣчіе, именно то, которое сильно повліяло на старинную церковную письменность. Образцами этого нарѣчія могутъ служить памятники, на которые указываетъ г. Срезневскій, какъ на наиболѣе подходящія къ такъ-называемому имъ чистому славянскому языку, именно Туровское Евангеліе и Чудовская Псалтирь, оба XI в. (Памяти. юсоваго писма, 168 сл.), гдѣ читаемъ: отврѣзи, поврѣгъ, протрѣзаахъ, одръжааше, милосръди, исплѣнишъ, прискрѣбна, впрочемъ, при нерѣдкихъ отклоненіяхъ (сърдце и пр), объяснимыхъ вліяніемъ русскаго языка. Изъ этихъ памятниковъ видно, что смѣшеніе *ъ* и *ь* въ старославянскомъ не восходитъ до начала письменности на этомъ языкѣ.

Постпозиція еровъ могла быть внесена въ письменность изъ какого-либо болгарскаго говора. Въ нынѣшнемъ болгарскомъ, по словамъ Цанковыхъ, глухой звукъ можетъ ставиться и передъ плавными, и послѣ нихъ, притомъ, какъ видно изъ примѣровъ, безразлично какъ въ случаяхъ, подобныхъ русскимъ *блоха*, *слеза*, такъ и въ случаяхъ, подобныхъ русскимъ *торъ*, *чернь*: *blùhâ* и *bùlhâ*, *slùzâ* и *sùlzâ*; *Blügarin* и *Blügarin*, *črùn* и *čèrn*, *črùvén* и *čèrvén*, *smrùt*, и *smùrt* (Gram. der Bulg. Spr., 4). То же подтверждаетъ и г. Безсоновъ. По его словамъ, когда глухой звукъ находится послѣ плавнаго, то онъ всегда бываетъ *ъ* (зръно, сръпъ, чрънь), но когда является передъ нимъ, то подвергается вліянію предыдущаго согласнаго и потому послѣ шипящихъ и свистящихъ (?) является большею частью *ь*: *съза*, *сърце*, *чърни*, *жълти* (Гл. вопр. яз. н.-болг. 78, *Временникъ общ. ист. и дрвин.* XXI, 1855 г.). Впрочемъ, сомнительно, чтобы *ь* въ *съза* стояло въ силу вліянія предыдущаго свистящаго; если эта форма дѣйствительно существуетъ (у Цанковыхъ *съза* = *sùlzâ*), то въ качествѣ глухаго звука скорѣе слѣдуетъ видѣть остатокъ старины.

Что касается прежняго моего мнѣнія: „вообще въ славянскихъ на-

рѣчіяхъ перестановка плавныхъ (*morъ, larg* изъ *mrъ*) есть позднѣйшее отступленіе отъ правила, что плавная не сходится съ послѣдующею согласною" (Два изслѣд., 34), то оно, какъ мнѣ теперь кажется, выведено изъ ошибочныхъ предположеній. Изъ уравненія „мрътъв: mortuus=глась: garsas“, то-есть, изъ соответствія, по мѣсту гласной, формъ *mrътъв* и *masъ*, отнюдь не слѣдуетъ, что въ нарѣчіяхъ, требующихъ чистой гласной послѣ *p*, *л* въ *masъ*, должна была стать на то же мѣсто и глухая въ *mrътъв*. Искомая гармонія между явлениями языка можетъ и не быть столь прямолинейна. Чтò же невѣроятнаго, что при однихъ условіяхъ языкъ терпитъ стеченіе плавной со слѣдующею согласною, а при другихъ нѣтъ? Вся сила и трудность въ томъ, чтобъ узнать эти условія.

Мнѣніе, что *влькъ* относительно мѣста глухаго звука древнѣе чѣмъ *влькъ*, можно бы было поддерживать ссылкой на санскр. *p' = рй* (връка=влькъ), какъ это слѣлалъ я (Два изслѣд., 31 — 32). лишь въ томъ случаѣ, еслибъ эти явленія были не только сходны, но и связаны историческою преемственностью, то есть, если бы ближайшимъ основаніемъ формы *влькъ* служило санскритск. *врѣка*. Но въ настоящее время не можетъ быть сомнѣнія, что славянскіе глухіе при *p*, *л* и санскр. *p'* гласное возникли совершенно независимо другъ отъ друга, какъ и кое-что другое сходное въ обоихъ языкахъ, напримѣръ. шипящіе изъ гортанныхъ (*Jagić Rad. XIV, 203*). Санскр. *p'*, *л'* не предполагаются даже индійскими нарѣчіями, ближайшими родичами языка ведъ и санскрита; тѣмъ менѣе они могутъ предполагаться какимъ-либо изъ другихъ индо-европейскихъ языковъ. Въ надписяхъ Ашока (между 263 и 226 г. до Р. Х.), въ пали и языкахъ праkritскихъ санскритскимъ формамъ съ *p'* соответствують почти исключительно такіа, которыя произошли не изъ *рй* и не изъ ближайшихъ къ нему сочетаній, о которыхъ—ниже, а изъ *ар*, напримѣръ въ надписяхъ Ашока *ката* изъ *карта* (санскр. *крта*), *камвâ* изъ *картвâ* (санскритск. *кртвâ*), о чемъ см. *Benfey* въ *Orient. u. Occ.*, III, Ueber *r'*, § 8).

Традиціонное произношеніе санскритскаго *p'* (гласнаго) какъ *рй*, едва отличимое отъ согласнаго *p+й*, едва восходитъ ко времени до VII вѣка нашего счисленія (*Benf. ib.*, стр. 34). Гдѣ это *рй* возникло изъ *ар* со слѣдующею согласною, тамъ произношенію *p' = рй*, по мнѣнію Вебера и Бенфея, основанному на показаніяхъ туземныхъ комментаторовъ ведъ, предшествовало произношеніе *p* между двумя краткими гласными, близкими къ *a* или неопредѣленными. Произноше-

піе $m^a p^a t\acute{a}$ (въ ведахъ) возникло изъ *мартá* посредствомъ вставки второго *a*; *мрй́тá*, вслѣдствіе усилившагося вліянія ударенія, падающаго на слогъ, большею частью слѣдующій за тѣми, которые заключали въ себѣ *p*, потеряло первое *a* и ослабило второе до неопредѣленнаго *й* (і).

Санскритскому *p* во многихъ случаяхъ соотвѣтствуетъ вендск. ёрѣ: *кёрѣта*—санскр. *кр́та* (прич. страдат. отъ *кар*—дѣлать), *кёрѣса*—санскр. *кр́са*, худой, тощій, и проч. Это ёрѣ, не смотря на согласіе съ санскр. *p*, возникло не изъ него, а изъ *ар*, затѣмъ со вставнымъ *a*—*арá*, съ ослабленіемъ второго *á* до ё—*арё*, и съ уподобленіемъ перваго гласнаго второму ёрѣ (*Benf.*, ib. § 28, *Vorp.* V, Gr. I, 2—3; относительно происхожденія *л*: *Benfey*, ib. § 31).

Случаи, когда удареніе падаетъ въ санскр. на *p*, должны быть сочтены позднѣйшими (*Benf.*, ib. § 32).

Итакъ, кромѣ санскр. *p*—*pй*, напоминающаго слав. *з* при *p*, *л*, въ языкѣ Ведъ и Зендѣ есть явленіе, сходное съ русск. *зр* и пр.; но это только аналогіи, которыя при ближайшемъ разсмотрѣніи, быть можетъ, окажутся болѣе отдаленными, чѣмъ можно думать съ перваго взгляда; ибо пока не можетъ считаться доказаннымъ, что ослабленіе первоначальнаго звука въ до-славянское время и затѣмъ превращеніе его въ глухой въ славянскомъ языкѣ могли произойти какъ образованіе *p* въ санскритѣ, только въ слогѣ не ударяемомъ.

Стало бытъ, отъ мнѣнія, котораго я держался прежде, — о ранней древности постпозиціи глухаго (вѣкъ), остается только думать, что въ памятникахъ весьма древнихъ эта постпозиція еще встрѣчается.

А. Погобинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Два міра. Лирическая драма А. Н. Майкова (Стихотворенія А. Н. Майкова, т. III. Спб. 1872) ¹⁾.

Изыщная литература наша находится, какъ извѣстно, не въ блестящемъ состояніи. Не будемъ входить въ разбирательство причинъ этого явленія: различна бывають причины умственного застоя. Мы скажемъ только о главной причинѣ того состоянія нашей изыщной ли-

¹⁾ Статья изъ собранія критико-литературныхъ очерковъ, приготовляемаго къ печати.

тературы, не требующей особеннаго труда въ ея объясненіи. Она состоитъ въ отсутствіи новыхъ, свѣжихъ талантовъ, которые бы въ состояніи были одушевить умы ко всему возвышенному и прекрасному, лежащимъ въ основѣ литературы какъ искусства, и сами, въ свою очередь, одушевляясь произведеннымъ ими дѣйствіемъ, сообщали ей жизнь и движеніе. Тѣ изъ немногихъ сильныхъ талантовъ, которые еще остаются намъ отъ не далекаго прошедшаго, не имѣютъ наслѣдниковъ. Другіе, покорствуя духу времени, устремились къ предметамъ, составляющимъ насущныя потребности внѣшняго нашего положенія и благосостоянія; въ этомъ направленіи спѣшатъ оказать обществу услуги гораздо значительнѣе тѣхъ, какія обѣщаютъ ему чистое искусство или чистая наука. Такъ и должно быть. Общество вступило на новый путь. Оно настоятельно требуетъ разъясненія и разрѣшенія вопросовъ, съ которыми соприкасаются самыя существенныя нужды его прогресса и развитія. Писатель, желающій служить обществу, долженъ уловлять вслкій моментъ его движенія на этомъ пути, долженъ всякій разъ, по возможности, помогать ему идти по немъ безостановочно и безпрепятственно. Никто, конечно, не стапеть оспаривать важности этого назначенія писателя: но исчерпывается ли этимъ назначеніе самой литературы и науки? И то, что мы называемъ развитіемъ и прогрессомъ, развѣ не вмѣщаетъ въ себѣ задачу, рѣшеніе которыхъ спеціально предоставлено имъ? И возможны ли были бы вполнѣ это развитіе и прогрессъ въ прямомъ человѣческомъ смыслѣ, еслибы наука и искусство измѣнили своимъ естественнымъ принципамъ и утратили свое высшее, на этихъ принципахъ основанное, значеніе въ обществѣ? Миссія, къ которой онѣ призваны, предполагаетъ нѣкоторыя имъ одними свойственныя начала и условія. Наука невозможна безъ отвлеченнаго стремленія къ истинѣ, искусство невозможно безъ живаго стремленія къ идеалу. Все великое и прекрасное, чѣмъ мы возвышаемся надъ обычнымъ теченіемъ и механизмомъ жизни, что самой практической сторонѣ жизни, ея пользамъ придаетъ истинно человѣческое достоинство, — всѣ умственныя, моральныя и эстетическія блага не есть ли плодъ этихъ стремленій?

Во всякомъ положеніи развивающагося и цивилизованнаго общества не можетъ не ощущаться необходимость въ идеяхъ и силахъ, приводимыхъ въ движеніе и питающихъ его нравственно-разумные и эстетическія инстинкты, глубоко положенныя въ натурѣ человѣческой, помимо всѣхъ иныхъ естественныхъ расположеній. Только умы огра-

ниченныя могутъ представлять себѣ чловѣка не иначе, какъ отнимающа въ пользу одной его стороны то, что принадлежитъ другой. Но если та сторона, которая можетъ выразиться только въ стремленіяхъ высшихъ творческихъ силъ, въ данное время не выказывается ярко, то мы въ правѣ заключить не то, что ее нѣтъ въ насъ, а только то, что этихъ силъ не достаетъ теперь.

Конечно, мы должны утѣшиться, что въ замѣнъ этихъ силъ мы приобрѣли въ нашей литературѣ нѣсколько умныхъ и хорошо пишущихъ дѣятелей; но все-таки это не таланты (если исключить двѣ-три личности, и то напоминающія болѣе прошедшее время), и даже не такіе таланты, какихъ мы недавно еще имѣли въ лицѣ Жуковскаго, Пушкина, Грибоѣдова, Крылова, Гоголя и еще ранѣе Карамзина. Чтожь дѣлать? скажутъ намъ. На нѣтъ и суда нѣтъ. Остается ждать. Таланты не являются по призыву нашихъ желаній; поэтому, точно надобно ждать, значить терпѣть, тѣмъ болѣе, что и въ другихъ отрасляхъ дѣятельности мы не можемъ похвалиться Плутарховскими героями. Сносить мужественно неизбежное лишеніе есть уже нравственное достоинство, добродѣтель, хотя пассивная, однако почтенная, когда не остается ничего другаго. Мы, впрочемъ, слишкомъ далеки отъ того, чтобъ осуждать писателей, честно служащихъ текущимъ интересамъ. Мы только, какъ говорится, констатируемъ фактъ. Мы и сѣтуемъ совсѣмъ не на это, а на направленіе, обыкновенно устанавливающееся въ литературѣ и жизни, когда онѣ лишены возбужденій со стороны сильныхъ умовъ и характеровъ, и угрожающее поглотить другія направленія, которыя имѣютъ законное право существовать. Отсутствіе высшихъ дѣйствующихъ силъ, способныхъ доводить въ литературѣ до очевидности фактовъ, образцовъ и примѣровъ великія истины, ознаменовывается и въ обществѣ измелчапіемъ понятій, искаженіемъ вкуса и упадкомъ эстетическаго образованія, съ которымъ, какъ извѣстно, связаны тѣсно лучшія наши стремленія и вѣрованія.

По понятіямъ извѣстной школы, только тѣ литературныя произведенія заслуживаютъ вниманія, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ такъ-называемымъ современнымъ и тенденціознымъ вопросамъ, къ вопросамъ дня. Полагаю, что едва ли есть такой писатель, который бы стоялъ внѣ умственнаго и общественнаго движенія своего времени, и еслибъ такой тощій писатель нашелся, то па него, конечно, слѣдовало бы смотрѣть, какъ на пришельца чуждаго, невѣдомаго намъ міра. Но дѣло въ томъ, что современность многими

понимается необыкновенно въ узкомъ смыслѣ. Еслибы въ каждую эпоху, въ каждый историческій моментъ рождались новыя человѣческія существа совершенно съ новою умственною и психологическою организаціей, съ новою природою, или лучше сказать, съ новыми отличными другъ отъ друга природами, то естественно, каждое поколѣніе подобныхъ существъ должно было бы жить подѣ влияніемъ такихъ понятій и законовъ и рѣшать такіе вопросы, какіе были бы вовсе неизвѣстны и прежнимъ людямъ и не будутъ извѣстны грядущимъ. Это и была бы та настоящая современность, о которой такъ заботятся нѣкоторые литературные дѣятели. Но этого нѣтъ и быть не можетъ. Развѣ какой-нибудь геологическій переворотъ измѣнитъ устройство населяемой нами планеты и создастъ новыя виды живыхъ существъ, и въ томъ числѣ, новый видъ человѣка. Ожидать, однако, такого превращенія нельзя, по крайней мѣрѣ, рагѣе тысячей и даже милліоновъ лѣтъ. Поэтому, человѣчество живетъ и будетъ жить и впредь не иначе, какъ по человѣчески, не отрѣшаясь отъ коренныхъ основъ и законовъ своего настоящаго типа. Мы смѣло можемъ назвать эти основы и законы вѣчными и всеобщими истинами. Успѣхи знанія, гражданственности, которыми гордится нашъ вѣкъ, были бы невозможны безъ этихъ истинъ. Онѣ забываются только въ броженіи маленькихъ страстей и маленькихъ понятій. Различіе расъ, поколѣній, племенъ, климатовъ и вѣковъ не есть отрицаніе общаго типа. Формы, оттѣнки общественныхъ положеній, нравовъ, религій, образованностей могутъ и различаться, и измѣняться; но ни въ логикѣ ума человѣческаго, ни въ волѣ и чувствѣ не произойдетъ такихъ перемѣлъ и отличій; по которымъ человѣкъ, когда бы то ни было, могъ сказать, что дважды два не четыре, а пять, что зло и добро одно и то же, что безобразіе можетъ возбуждать въ нашемъ сердцѣ такія же чувствованія, какъ и красота воображаемая или дѣйствительная. Сама всемогущая мода можетъ перемѣнять покрой, цвѣта платья, навязывать на женщину кринолинъ или обматывать ее тканями, какъ египетскую мумію; но не можетъ же она измѣнить формъ человѣческаго тѣла и одѣть человѣка, какъ медвѣдя или обезьяну. Много бываетъ такого, что хорошо сегодня и можетъ быть дурнымъ завтра; но есть также много такого, что хорошо и дурно всегда. Хорошо, напримѣръ,—любить истину, любить прекрасное для нихъ самихъ, и дурно—смотрѣть на нихъ, какъ на аксессуарныя украшенія извѣстныхъ тенденцій или какъ на приправу къ продукту нашихъ своеобразныхъ замысловъ. Всякая эпоха вноситъ въ исторію свои

вопросы, которые и старается разрѣшить; но эти вопросы возникаютъ на почвѣ прошедшаго, въ нихъ лежитъ сѣмя будущаго; ихъ соединяетъ нерасторжимая связь принциповъ, идей, инстинктовъ мысли и духа, принадлежащихъ равно и прошедшему, и будущему. И люди всегда будутъ искать себѣ опоры въ этой связи, чтобы не потеряться въ тревогахъ и волненіихъ минуты.

Вотъ почему мы не думаемъ, чтобы какаи-нибудь современность была въ правѣ отталкивать отъ себя истины, идеи, убѣжденія, образовавшіяся въ міровоззрѣніи, объемлющемъ весь ходъ человѣческаго развитія и прогресса, сложившемся изъ многихъ современностей и свойственномъ столько же настоящей современности, сколько и будущимъ. Иначе это была бы какая-то оторванная, бродячая, жалкая современность, готовая оправдать всякій совершившійся фактъ единственно ради его успѣха, считать нравственное достоинство, величіе дѣянія и мысли за ни къ чему не пригодную идеологию, готовая позорить Державина, Карамзина, Пушкина, Жуковскаго за то, что они не стояли на точкѣ нынѣшнихъ прогрессивныхъ стремленій, не были посвящены въ таинства нынѣшнихъ политическихъ, социальныхъ, физиологическихъ ученій, не знали ни Милля, ни Дарвина, ни Конта, хотя оказали значительныя услуги обществу, облагораживая и возвышая его понятія и содѣйствуя его умственному и эстетическому образованію.

Литература, которая отдаляетъ частные вопросы времени отъ общихъ, сама себя стѣсняетъ. Это ставитъ ее въ зависимость отъ повседневныхъ тревоженій житейскихъ, отъ страстей минуты, дѣлаетъ ее мелочною и останавливаетъ, или по крайней мѣрѣ, затрудняетъ творческую дѣятельность таланта, которому трудно явиться на аренѣ, гдѣ подвизаются силы, собирающія около себя большую толпу. Думая служить исключительно своему времени, она меньше служитъ ему, чѣмъ могла бы, потому что та доля добра, какую она приноситъ, разъясняя нужды его и желанія, уменьшается отстраненіемъ пружинъ, которыми достигается всякое добро, и желанія становятся болѣе упругими и зыбательными.

Но въ мірѣ не бываетъ состоянія вещей, куда не могло бы вторгнуться нѣчто съ нимъ не вполне согласное, противоположное ему, родъ протеста, оппозиціи, которая—мимоходомъ замѣтимъ—не всегда бываетъ преступна, а часто благотворна. Такимъ образомъ, и въ настоящемъ направленіи литературы въ нее проникаютъ иногда, хотя рѣдко, и мысли, и исполненія истинно художественныя, въ которыхъ

не видно ничего походяго на угождение преобладающему вкусу. Этимъ характеромъ въ высшей степени отличается одно изъ послѣднихъ поэтическихъ произведеній А. Н. Майкова—„Два міра“. Нѣкоторые, можетъ быть, осудятъ его за несовременность его содержанія. Намъ, напротивъ, все произведеніе кажется какъ нельзя болѣе современнымъ въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ и какъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ понимать современность, особенно въ нашъ вѣкъ, отличающійся такою высокою образованностію. Ибо извѣстно, что тѣмъ выше степень образованности въ данное время, тѣмъ шире кругъ идей и тѣмъ не возможнѣе замкнуть умъ и чувство человѣческое въ какія бы то ни было тѣсныя рамки. Мы согласны, что произведенія, подобныя тому, какое сейчасъ названо, могутъ быть чужды большинству современныхъ людей; но это ничего не доказываетъ. Извѣстно, что въ меньшинствѣ очень часто или почти всегда находятся лица, которымъ принадлежитъ значительная доля въ правильномъ пониманіи важнѣйшихъ вопросовъ, и часто истина только отъ нихъ и черезъ нихъ впослѣдствіи переходитъ въ обладаніе многихъ или всѣхъ.

„Два міра“ г. Майкова означаютъ двѣ великія эпохи историческаго развитія человѣчества. Одна относится къ міру классическому, другая къ христіанскому. Авторъ свѣточемъ поэзіи озаряетъ предъ нами встрѣчу этихъ двухъ міровъ: одного, который уже выполнилъ свое назначеніе и въ предсмертныхъ томленіяхъ, съ трагическою скорбію предстоящей смерти, готовъ уступить свое мѣсто другому міру, — и этотъ въ тихой, мерцающей зарѣ новаго лучезарнаго дня готовится стать, такъ-сказать, въ зенитѣ человѣческихъ судебъ. Изъ этого читатель можетъ уже видѣть, какая глубокая мысль положена авторомъ во главу его произведенія. Она родилась не въ фантазіи его, но исходитъ прямо изъ историческаго хода вещей. Міросозерцаніе классическаго человѣка покоилось на видимой окружающей его природѣ. Первенствующій въ ней, онъ не думалъ надъ нею господствовать; онъ принялъ ея дары съ восторгомъ своей развѣтающей юности, и пользуясь могуществомъ отъ нея же полученныхъ силъ, въ тѣсномъ союзѣ съ нею нашлъ и задачи, и цѣль своего существованія. Его мысль, воля и чувство раскрылись подъ непосредственными впечатлѣніями природы во всемъ богатствѣ стихій, какими знаменуетъ себя въ настоящемъ жизнь въ самой себѣ и для себя самой. Онъ создалъ удивительное искусство, науку, гражданственность, руководимый единственно естественными влеченіями своей природы и разума, не выходявшаго

за предѣлы окружавшей его дѣйствительности. Отъ того насъ болѣе всего поражаетъ строгая опредѣлительность и ясность понятій классическаго человѣка во всемъ, что, касалось жизни, искусства, права. Его идеалы были не иное что какъ сосредоточенные, типичные образы того, что душа его воспринимала въ раздробленности извнѣ. Религія, какъ олицетвореніе стихій той же природы, которой онъ былъ вѣрнымъ отголоскомъ и представителемъ, освящала естественныя его наклонности и міросозерцаніе. И посреди всего этого классическій человѣкъ, честно и блистательно выполнилъ свою роль, завѣщавъ потомству богатое наслѣдство умственныхъ и художественныхъ сокровищъ. Онъ былъ полонъ гармоніи и изящень, какъ природа, могучъ какъ геній, ея вдохновенный и воспитанный, доблестенъ какъ гражданинъ, не видѣвшій предъ собою другой цѣли и другой славы, какъ быть опорой существовавшаго государственнаго порядка вещей. Далѣе древній классическій человѣкъ идти не могъ, и если бы роль человечества состояла въ томъ, чтобы довольствоваться столь счастливо, по видимому, достигнутымъ и установившимся порядкомъ вещей, то и порываться идти ему было бы некуда и не зачѣмъ. Но достигнутое и установившееся было далеко не все, что судьба приготовила ему впереди. И то, и другое было классическимъ человѣкомъ изжито безъ остатка; природа и собственный геній его не могли ему дать болѣе того, что уже было дано. Возвращаться вспять или повторять себя не въ натурѣ человѣка и противно господствующему въ немъ закону беспредѣльнаго развитія. Итакъ, надобно было идти; но для этого нужна была новая руководящая сила. Сила эта и была въ человечествѣ, но она такъ глубоко лежала въ его основахъ, что самые великіе мыслители древности не могли не только выдвинуть ее для новой дѣятельности, но даже примѣнить. То былъ духъ, но духъ не Греціи и Рима, а духъ человечества. Классическій человѣкъ, не бывъ въ состояніи понять этого всеобщаго и всеоживляющаго духа, остановился предъ нимъ въ скептическомъ, печальномъ недоумѣніи. И когда высшія стремленія, не возбуждаемыя болѣе ослабѣвшими прежними двигателями, онѣмѣли, тогда вмѣсто нихъ должны были выступить и выступили на сцену инстинкты низшіе, грубые, чувственныя и съ необузданностію какого-то дикаго отчаянія о невозможности лучшаго бросились къ предметамъ, способнымъ ихъ удовлетворять. Открылось зрѣлище мрачное, зрѣлище цѣлаго разрушающагося міра, забрызганнаго кровію и грязью. Оно представляется теперь въ Римѣ, сосредоточившемъ въ себѣ всѣ умственныя и вещественныя сокрови-

вища Греціи и другихъ странъ и пожиравшемъ послѣднія съ непасытимомъ алчностью, присоединяя къ нимъ созданную классическимъ разумомъ образованность, какъ приправу своихъ страстей. Человѣчеству угрожало совершенное паденіе; поднять его могла только новая сила, въ немъ таившаяся, о которой я сейчасъ сказалъ. Но ее надлежало вызвать, и ее вызвало для полной реорганизации челоѣка христіанство. Залогомъ его возрожденія оно поставило не союзъ съ природой, а въ союзѣ съ Божествомъ господство надъ нею. Оно открыло передъ нимъ то, о чемъ классической міръ и мечтать не могъ: открыло путь безконечнаго прогресса въ собственномъ его духѣ, руководимомъ уже не природою, но соприущею ему и теперь возбужденною идеей совершенствованія. И вотъ христіанство, полное этою идеей въ лицѣ первыхъ своихъ героев-мучениковъ, вступило въ борьбу съ классическимъ челоѣкомъ, чтобы дать исторіи новаго челоѣка христіанскаго. Гоимое, презрѣнное, находящее себѣ убѣжище въ подземномъ Римѣ, въ его катакомбахъ, оно противопоставляетъ растлѣнію правовъ—чистѣйшую добродѣтель, скептическому настроенію умовъ—вѣру въ вѣчную истину и благодать Провидѣнія, кровавому преслѣдованію—непобѣдимое мужество правоты; враждѣ, разъединявшей людей,—братскую любовь. Изъ этого-то историческаго момента авторъ извлекъ все содержаніе своей драматической поэмы.

Ея дѣйствіе происходитъ въ Римѣ въ цезарствованіе Нерона. Децій, молодой римскій богатый патрицій, сохранившій въ себѣ доблестный духъ классическаго гражданина, получилъ отъ Нерона приказаніе умереть за то, что онъ не восхитился произнесенною цезаремъ публично декламацией. Это напоминаетъ Бурра, который за такую же вину подвергся подобному же наказанію. Децію, по присвоенному тогда лучшимъ гражданамъ едва ли не единственному праву, предоставленъ былъ выборъ смерти. Онъ выбралъ ядъ. Но онъ хотѣлъ сойти со сцены жизни всенародно съ блескомъ триумфатора, окруженный святою кліентовъ и гражданъ и торжествующій надъ ихъ позорнымъ рабствомъ и нравственною испорченностію. Онъ даетъ имъ въ своемъ дворцѣ великолѣпный пиръ. Пьеса начинается приготовленіями, которыми распорядается домоправитель Деція вмѣстѣ съ толпою рабовъ, и между ними является много христіанъ, обремененныхъ болѣе другихъ тяжкими работами. Въ слѣдующей затѣмъ сценѣ является Децій, отдыхающій послѣ бани на богатомъ ложѣ въ ожиданіи гостей. Прежде всѣхъ приходитъ поэтъ-сатирикъ Ювеналь. Между ними пачиается бесѣда, и здѣсь читатель знакомится съ характеромъ Деція,

главнаго дѣйствующаго лица. Децій—представитель классическаго міра, со всею его образованностію, законченною въ дни всеобщаго Римскаго владычества. Онъ вѣритъ только въ разумъ, создавшій эту образованность, въ вѣчность Рима, олицетворившаго ее въ себѣ. Децій хорошо знакомъ съ Лукреціемъ, и въ его міросозерцаніи выражается полный матеріализмъ этого знаменитаго поэта-философа, котораго ученіе есть послѣдній выводъ всего, что могъ памнслить классическій человѣкъ о планѣ міроустройства и назначеніи самого человѣка, точно такъ какъ мрачная философія стоиковъ была послѣднимъ выводомъ тогдашней морали. Децій не подозрѣваетъ, что, вѣруя въ авторитетъ классическаго или Римскаго разума, онъ впадаетъ въ самообожаніе, въ обожаніе своего разума индивидуальнаго. Но онъ исполнѣ Римскій гражданинъ, гордый, мужественный и свободный посреди всеобщаго рабства, гражданинъ лучшихъ временъ; онъ твердо убѣжденъ, что вѣчный и несокрушимый разумъ Рима не дастъ погибнуть тому порядку вещей, какой имъ созданъ, и что окружающій его правственный хаосъ, вмѣстѣ съ кровожаднымъ деспотизмомъ цезарей, есть явленіе случайное, преходящее. Бесѣда его съ Ювеналомъ ведется въ этомъ духѣ. Ювеналь сѣтуетъ на современное состояніе вещей:

Въ какое время мы живемъ!...
И жизнь, и смерть — всему значенье,
Цѣна утрачена всему!

Децій отвѣчаетъ ему въ духѣ Лукреціевой философіи:

Что значить жизнь? Изъ тьмы и въ тьму
Промчался мотылекъ, мгновенье
Блеснуть на солнцѣ!... Человѣкъ,
Самъ по себѣ, что значить въ мірѣ?
Кому онъ нуженъ? Конченъ вѣкъ,
И за приборъ его на пиръ
Другой садится...
Для старыхъ Римлянъ, для фамилій,
Которыхъ съ Римомъ жизнь слилась,
Которыхъ предки Риму были
Отцами и которыхъ духъ
Изъ рода въ родъ передавался
И держитъ Римъ, — ужъ то нейдетъ
Сравненья!... Въ Римъ теперь собрался
Со всей вселенной всякій сбродъ;
Въ курульныхъ креслахъ возсѣдаютъ
Чуть не вчерашніе рабы

И грязнымъ пальцемъ наклоняютъ,
 Куда хотятъ, вѣси судьбы...
 Отъ этой сволочи презрѣнной
 Мы устали и смиренно
 Живемъ въ провинціяхъ, въ поляхъ;
 На Римъ, пока онъ въ ихъ рукахъ,
 Глядимъ пассивъ, какъ чужестранцы
 Или какъ трезвые Спартанцы
 На переннвшихся рабовъ....
 Мы ждемъ; и наша вся забота
 Лишь въ томъ, чтобъ старый духъ отцовъ
 Являлся требовать отчета
 Въ палаты кесарей порой:
 Чтобъ у поруганнаго трона
 Онъ появлялся судіей,
 Грозившимъ призракомъ Катона, —
 А этотъ призракъ всякій разъ
 Встаетъ, во всѣ дома стучится,
 Лишь только новое свершится
 Самоубійство между насъ!

Ювеналь, въ полной безнадежности, склоняется къ мысли, что
 тутъ и искусство, и поэзія безсильны:

Самоубійство, мечъ, отравя!
 И въ этомъ — лучшихъ изъ мужей
 Теперь величіе и слава!
 Чтожь съ бѣдной музою своею
 Поэтъ тутъ дѣлаетъ?... Не знаешь,
 На чемъ стоишь! Почти теряешь
 Ужь и понятіе о томъ,
 Чтò называть добромъ и зломъ!

Децій соглашается, что среди всеобщаго разврата и ополгненія
 нравовъ пекому отозваться на призывъ поэзіи; она возможна только
 тамъ, гдѣ чувство живо и не притуплено порокомъ, и гдѣ мысль
 поэта и мысль народа сливается въ одно общее одушевление:

Да, жаль мнѣ васъ!.. На вашу лиру
 Изъ міра нечому пахнуть,
 Чтобы аккордомъ звучнымъ міру
 Ей отозваться какъ-нибудь!..
 У дикихъ Скивовъ и Тевтоновъ
 Видалъ ночные я лиры:
 Среди глухихъ, глѣсныхъ притоновъ
 Зажгутъ они свои костры,

Въ кругу усядутся въ долину
 И пьютъ меду, а посрединѣ
 Поетъ пѣвецъ. Напѣвъ ихъ дикъ,
 Для насъ, пожалуй, непріятенъ, —
 Но какъ могучъ простой языкъ,
 Какъ жестъ торжественъ и понятенъ!
 И кто тамъ больше былъ поэтъ,
 Пѣвецъ или слушатели сами, —
 Но эта ночь въ лѣсу, съ кострами,
 И между листьевъ лунный свѣтъ,
 И въ лихорадочной тревогѣ
 Кругомъ косматый этотъ людъ,
 Все,—даже самые ихъ боги,
 Чтѣ въ вихряхъ мчатся, тоже тутъ,
 Съ высотъ внимають, — все дышало
 Въ тѣхъ пѣсняхъ пламенныхъ... Но въ нихъ
 Пѣвецъ вливалъ въ свой звучный стихъ
 То, чтѣ толпа ему давала....
 А вы? Куда васъ повлекутъ
 И чтѣ вамъ слушатели скажутъ?
 Какія цѣли вамъ укажутъ,
 И въ ваши пѣсни чтѣ вольють?

Децій, однако, не хочетъ разстаться съ мыслью о несокрушимости
 Рима и его разума. Онъ отвѣчаетъ на слова Ювенала, который го-
 ворить, что *почти не вѣрится въ Римъ*:

Кто вѣрится въ разумъ, тотъ не вѣрится
 Не можетъ въ Римъ.... Афинны! Въ нихъ
 Искусства намъ явилось солнце;
 Ихъ геній въ юномъ Македонцѣ
 Протекъ между племенъ земныхъ,
 Съ мечемъ неся рѣзецъ и лпру.
 Римъ все собой объединилъ,
 Какъ въ человѣкѣ разумъ; міру
 Законы далъ и все скрѣпилъ.
 Находятъ временныя тучи,
 Но разумъ бодрствуетъ, могучій
 Не выкинетъ духъ. И сядь на тронъ
 Философъ—съ трона свѣтъ полетится,
 И будетъ кесаревъ законъ
 Закономъ разума. Вернется
 Златой, быть можетъ, вѣкъ. Твой даръ—
 Сатира. Помни жь, что сатира —
 Дочь разума. Ея ударъ
 Разить передъ глазами міра.
 Чтѣбъ міръ призналъ твои права,

Ты долженъ самъ стоять высоко:
Стрѣла тогда лишь бьетъ далеко,
Когда здорова тетива.
Вотъ что тебѣ я на прощанье
Сказать могу!...

Но вотъ начинается предсмертный пиръ Деція; одинъ за другимъ собираются гости, все почему-нибудь значительныя лица Рима, — патриціи, сенаторы, адвокаты, преторъ, прѣхавшій изъ провинціи, философы, великій жрецъ, шпіоны, обязанные наблюдать, не станеть ли кто подшучивать надъ стихотворствомъ и пѣніемъ кесаря, и пр. Каждый изъ этихъ людей служить представителемъ какой-нибудь стороны правовъ въ Римскомъ обществѣ, и всѣ вмѣстѣ составляютъ картину полнѣйшей испорченности и разложенія его. Одинъ Децій сохраняетъ въ себѣ остатки лучшаго классическаго человѣка. Ему и должно быть такимъ; ему, по плану автора поэмы, слѣдуетъ выразить законченность классическаго міра и не въ разлагающемся только его состояніи, а вообще во всей его цѣлости, — выразить предъ лицомъ исторіи, которая ставитъ передъ нимъ, лицомъ къ лицу, новую великую, всеобъемлющую будущность христіанскаго духа. Децій вступить въ борьбу съ нимъ, потому что въ консервативномъ вѣрованіи своемъ онъ считаетъ невозможнымъ что-либо лучше того, что исповѣдывали его предки, что исповѣдуетъ онъ самъ, — онъ вступить въ борьбу за классическое человѣчество, за его разумъ, за все прошедшее — и падеть въ этой борьбѣ, доказавъ однако, что отжившее начало имѣло свое достоинство и свою заслугу и сдѣлалось виновнымъ единственно потому, что хотѣло быть неподвижнымъ, быть не прошедшимъ, но однимъ и тѣмъ же вѣчнымъ. Сцена пира есть одно изъ самыхъ мастерскихъ созданій поэзіи. Здѣсь разыгрывается, доведенная до осязательной очевидности, драма страстей, идей и чувствованій, какія только возможны въ обществѣ, лишенномъ единства высшаго всеоживляющаго духа и нравственныхъ опоръ. Хоръ пѣцовъ! служить какъ-бы прологомъ всего, что тутъ будетъ сдѣлано и сказано. Вотъ что поетъ этотъ хоръ:

Лоните, ловите
Часы наслажденья!
Спѣшите, спѣшите
Пожать хоть мгновенье!
Какъ мошкы на солнцѣ
Въ зенрѣ роями
Кружатся и блещутъ,

Мы, Оры, блистаемъ
 Мгновеніе въ мірѣ, —
 Ловите, ловите,
 Не то — улетимъ.

Здѣсь въ повсемѣстномъ движеніи мелькаютъ и проходятъ предъ вами лица, каждое со своею физиогноміей, съ отпечаткомъ своего нравственнаго упадка. Во всемъ видна волшебная кисть поэта, и гдѣ только коснулся онъ хоть кончикомъ этой кисти, тамъ рождается какая-нибудь живая характеристическая черта или часть образа, которая тотчасъ, при другомъ прикосновеніи кисти, превращается въ цѣлый стройный, гармоническій образъ.

У автора нѣтъ ничего, набросаннаго случайно; вездѣ видны обдуманность, соображеніе и согласованіе съ общою идеей его произведенія. И между тѣмъ, какъ тутъ въ великолѣпныхъ пиршественныхъ залахъ повсюду блистаетъ роскошь и гремитъ веселье, надъ упоенною толпой паритъ гений смерти. Никто этого не хочетъ знать, хотя всѣмъ извѣстно, что не дни уже, а часы виновника торжества изотчены, и передъ нимъ стоитъ подарокъ смерти, кубокъ съ ядомъ. Каждому дорога всякая минута наслажденія, и никто не хочетъ не только омрачить ее мыслию о смерти, но и никакою мыслию. Чтобы исполнѣть оцѣнить прелесть сцены пиршества и силу драматическаго движенія въ ней, надобно всю ее прочесть. Разумѣется, я могу остановить вниманіе читателя только на немногихъ, нѣкоторыхъ лицахъ. Вотъ одинъ изъ молодыхъ патриціевъ; онъ сокрушается о томъ, что отецъ его слишкомъ долго живетъ, и онъ не имѣетъ возможности проматывать, безъ помѣхи, нажитое старикомъ достояніе:

А мой старикъ—моя печаль
 И сокрушенье — процвѣтаетъ!
 Въ одинъ объѣдъ съѣдаетъ три,
 И съ астрологомъ до зари
 Все гороскопы составляетъ!...
 Боятся смерти! А жь ему
 Твержу, что смерть его боятся...
 У варваровъ не засидится,
 Не бось, старикъ: они отцовъ
 Торжественно, въ виду боговъ,
 При всемъ народѣ, убиваютъ!
 И это старики считаютъ
 Себѣ за честь!

Нѣсколько прежде, въ восторгѣ опьяненія, онъ восклицаетъ:

«Флейты, трубы! Шумъ и грохотъ,
«Пѣсни, пляски! Все верхъ дномъ!
«Въ головѣ хаосъ и въ чувствахъ,
«И хаосъ — кругомъ!»

Это вѣрное изображеніе того, что происходитъ въ этомъ бушующемъ обществѣ.

Встрѣчаются два адвоката, которымъ живется недурно и при Неронѣ, по милости разныхъ процессовъ и клаузъ. Они довольны своимъ положеніемъ и восхваляютъ римское міродержавство, диктатуру. Одинъ изъ нихъ, родомъ Галлъ, говоритъ своему товарищу:

Вы посмотрите, сколько насъ:
Я — Галлъ, вопъ — Свевъ, ты — Фессалиецъ,
Онъ — изъ Египта, тотъ — Сириецъ, —
А что же общаго у насъ
Съ Египтомъ, съ Галліей, странами,
Гдѣ и выросли бѣ мы дикарями,
Когда бѣ не Римъ!.. Въ одно насъ слылъ
Его языкъ, законъ, свобода!
Міръ онъ въ жилище обратилъ
Для человѣческаго рода;
На общій мы сошлись пиръ,
И хотъ мы всѣ разноплеменны,
Но всѣ, какъ граждане пселенной,
Чтнимъ за отечество — весь міръ!

Другой вторитъ ему:

Единство въ мірѣ водворилось.
Центръ — кесарь. Отъ него прошли
Лучи во всѣ концы земли,
И гдѣ прошла тамъ появилась
Торговля, тога, циркъ и судъ,
И вѣковѣчныя бѣгутъ
Въ пустыняхъ римскія дороги.

Иначе судитъ старый патрицій Фабій, бесѣдуя съ своимъ пріателемъ квесторомъ:

Пойми: я — Фабій, я въ сенатѣ
Мнѣ мѣста нѣтъ!... Кто жъ тамъ сидитъ?
Иберецъ, Грекъ, Сириецъ, Бриттъ!
И что же сталъ сенатъ? Въ развратѣ
Всѣ чувства ихъ притуплены;
Въ особыхъ засѣданьяхъ судятъ —
Что значать кесаревы сны!
Ну, что въ нихъ слово «Римъ» пробудитъ!
Имъ лишь погрѣться-бѣ отъ казны!

Понятно, что въ космополитизмѣ такихъ господъ уже нѣтъ отечества, а есть только цезарь.

Между женщинами, украшающими пиршество Деція, блистаетъ, какъ звѣзда первой величины, красавица Лезбія; безстыдство гетеры спорить въ немъ съ красотой одной изъ трехъ грацій, но это не мѣшаетъ ей быть идоломъ юношей, мужей и старцевъ. Самъ Неронъ удосгоиваетъ ее своего вниманія. Она и пріѣхала на пиръ прямо изъ собранія, которое кесарь забавлялъ своимъ пѣніемъ, пріѣхала съ тѣмъ, чтобы склонить Деція къ уступчивости: ему стоило только похвалить декламацию этого кесаря - лицедѣя, и онъ былъ бы спасенъ. Децій съ негодованіемъ отвергаетъ подобную позорную сдѣлку. Передать, говорить онъ,

Нерону, что, собравши силы,
Я, издыхая, изъ могилы,
Предъ дѣльнымъ міромъ прокричать
Ему хочу! Пускай онъ знаетъ,
Что съ легионами рабовъ
Не сломить въ насъ онъ духъ отцовъ,
Что кесарь — самъ онъ забываетъ, —
Что этотъ духъ въ лицѣ его
Себя лишь чтитъ за божество,
И кесарь онъ — пока лишь полонъ
Самъ этимъ духомъ!...

Децій не перестаетъ мечтать о вѣчности Рима, не замѣчая, что все совершающееся передъ нимъ указываетъ на его драхлость и подготавливающееся паденіе.

Но вотъ является странное существо, человѣкъ прикрытый лохмотьями, съ дубиною въ рукахъ, съ видомъ и манерами полудикаго варвара. Это *циникъ*. Онъ выражаетъ въ себѣ крайній предѣлъ, до котораго дошелъ упадокъ нравовъ и свое безобразіе ставитъ въ уровень съ утонченными виѣшними прикрасами этихъ нравовъ, которыя въ сущности хуже того, что онъ въ себѣ представляетъ, потому что онъ не что иное, какъ гнусное лицемѣріе. Это полное, открытое отрицаніе общественнаго строя его времени. Его наглая рѣчь, обращенная къ Децію, вся растворена горькою ироніей. Онъ говоритъ:

Пріятель, умирать собрался
И не подумалъ, не позвалъ
Меня взглянуть на представленье!
Ишь вокругъ тебя какой букетъ!
Сенаторы, мое почтенье!

Философы, вамъ мой привѣтъ!
 Все жь бѣсъ меня букетъ не полонъ:
 Въ среднѣй главной розы пѣтъ!
 Вѣдь мудрости вѣнецъ и цвѣтъ —
 Во мнѣ!.. За то я вамъ и солонъ!
 Ужь дальше моего нейдетъ
 Умъ человѣческій! По малу
 Свой циклъ свершилъ, пришелъ къ началу
 И больше — некуда впередъ!

Потомъ продолжаетъ:

Нерону я сказалъ, что двое
 Людей на свѣтѣ: опъ да я.
 Все прочее — такъ, тля, пустое!
 Мы чтò хотимъ, то и беремъ,
 И ничего не признаемъ!
 Онъ тотчасъ понялъ, что свобода
 Вся въ этомъ! Прочее все — ложь!
 (*къ Харидему*).

Ну, чтò ты морщишься? Все—ложь!
 Будь счастливъ тѣмъ, чтò дастъ природа!
 Родился голъ—и голъ умрешь!
 Въ природѣ-жь, въ этой общей чашѣ,
 Нѣтъ ярлыковъ: мое и ваше!
 Бери чтò хочешь! Все твое,
 На чтò глаза лишь разбѣжались!
 А чтобы люди не кусались,
 Кусайся самъ!.. Вотъ вамъ и все!..
 А то, глядяшь, нагромоздили
 Повятій, тонкостей, интригъ,
 Да и не въ мочь пришлось! Улыли—
 И ходять, высунувъ языкъ!
 Неронъ поправитъ васъ: устроитъ
 По Діогену! Самъ возьметъ
 Дубину, города сожжетъ,
 И всѣхъ васъ по лѣсамъ разгонитъ!

Между собесѣдниками идетъ оживленный разговоръ о христіанахъ,
 которыхъ множество въ Римѣ. Всѣ единогласно признаютъ ихъ са-
 мыми опасными и вредными людьми:

Живутъ всегда особнякомъ, —

говоритъ сенаторъ Аспицій

Ужь тѣмъ внушаютъ подозрѣнье:
 Отъ всякихъ должностей бѣгутъ,

Ни кесаря не признають,
Ни государства Рима!...

Великій жрецъ замѣчаетъ:

Пьютъ,
Свершая жертвоприношенье,
Кровь человеческую!

Миртиллъ, любимецъ Нерона, успокоиваетъ говорящихъ, объявляя, что уже приняты противъ нихъ мѣры: они всѣ обречены на мучительную смерть, если не признають Нерона богомъ.

Пиръ оканчивается боемъ гладиаторовъ, на которомъ, между прочимъ, Лезбія держитъ закладъ за одного изъ двухъ сражающихся невольниковъ. Децій въ заключеніе объявляетъ, что даритъ гостямъ все, что они видятъ въ его чертогахъ. Гости расходятся, или лучше сказать, разбѣгаются, каждый захвативъ съ собою какую-нибудь драгоценность изъ богатствъ Деція, который посылаетъ имъ проклятіе и затѣмъ готовится принять идъ, говоря:

Нужна не сила воли намъ,
Чтобъ жизнь поввать, а отвращенье,
Да, отвращенье къ жизни!

Въ сценѣ, изложенной нами въ краткомъ очеркѣ, авторъ старался изобразить хаотическое состояніе общественности, которая, такъ сказать, сама себя пожирала, не въ состояніи быть ни подняться до высоты древней образованности, ни создать новой. Въ слѣдующей затѣмъ сценѣ вопросъ формулируется ясно и окончательно: изъ двухъ враждебно встрѣтившихся міровъ, какому изъ нихъ предназначена будущность? Децій, весь проникнутый, какъ мы уже видѣли, духомъ древняго міра, остается непреклонно вѣрующимъ въ него. Пока онъ, послѣ прекратившейся оргіи, готовится къ смерти, къ его дому приближается процессія христіанъ, идущихъ, вслѣдствіе состоявшагося декрета, на народную площадь, чтобы тамъ или поклониться Нероновой статуѣ, какъ изображенію бога, или услышать свой смертный приговоръ. Они давно уже рѣшили, что имъ предпринять,—они рѣшились умереть. Ихъ сопровождаютъ Лида и Марцеллъ, также христіане, недавно обращенные и друзья Деція. Они въ послѣдній разъ хотятъ видѣть его. Лида—прелестная молодая дѣвушка, замѣчательная тѣмъ, что не предавалась объятію вихря, въ которомъ кружились другія римскія женщины. О ней сложены были даже стихи такого содержанія:

«Съ зеленѣющихъ полей
 «Въ область блѣдную тѣней
 «Залетѣла разъ Психея,
 «На отжившихъ вдругъ повѣя
 «Жизнью, счастьемъ и тепломъ.
 «Тѣни вокругъ нея толпятся,
 «Одного онѣ боятся,
 «Чтобы сохиде къ нимъ лучемъ
 «Въ вѣчный сумракъ не запало;
 «Чтобъ она не увидала,
 «И отъ нихъ бы въ тотъ же часъ
 «Въ свѣтлый лучъ не унеслась.»

Въ ней нерѣдко пробуждалось недовольство всѣмъ, что ее окру-
 жало; она сдѣлалась христіанкой и съ тѣхъ поръ вполне возродилась
 къ новой жизни. Она любитъ Деція; сердце ея страдаетъ отъ его
 заблужденія, и теперь она приходитъ къ нему, чтобы спасти его,
 указавъ ему на зарю новаго свѣта, готоваго озарить человѣчество.
 Марцеллъ мужественный, закаленный въ бою воинъ, былъ обращенъ
 Павломъ, когда апостоль былъ взятъ подъ стражу. Онъ присоеди-
 няетъ свои усилія къ усиліямъ Лиды, но тщетно. Классическій че-
 ловѣкъ со своими преданіями, своею наукой и искусствомъ, не можетъ
 быть инымъ, какимъ былъ. Напрасно Лида истощаетъ передъ нимъ
 всю силу убѣжденія, какое могутъ внушать только чувство и истина;
 въ ней онъ видитъ не болѣе какъ красоту, боготворимую древнимъ
 міромъ, а въ рѣчахъ ея—порывы женскаго энтузіазма, неспособнаго
 возвыситься до мысли о всемірномъ величіи.

Между тѣмъ до слуха Деція доходятъ звуки священныхъ гимновъ,
 которые поютъ христіане, ведомые на казнь.

Кто эти люди?—спрашиваетъ онъ. Лида отвѣчаетъ съ восторгомъ:

Новый Римъ!

Децій! Здѣсь

У васъ пиры — а тамъ, подъ вами
 Въ землѣ, тамъ, въ катакомбахъ, — весь
 Всечастно молигъ со слезами
 О васъ же христіанскій Римъ,
 Чтобъ Богъ вселюбящій далъ силъ
 Ему спасти васъ!...

Децій говоритъ съ ужасомъ и удивленіемъ:

Новый Римъ!!

Такъ христіане — новый Римъ?
 Тутъ, въ катакомбахъ, гдѣ могилы
 Великихъ предковъ!...

Онъ не выноситъ страшной мысли, что подъ его могучій Римъ подкопалось другое могущество и грозитъ ему ниспроверженіемъ: онъ беретъ чашу съ ядомъ; Лида бросается, чтобъ остановить его, онъ ее отталкиваетъ и выпиваетъ ядъ.

Слѣдуетъ заключительная сцена:

Децій.

О, умирать теперь ужасно!
Или игралищемъ судьбы
И былъ досель? Съ врагами бился,—
А злѣйшій врагъ межъ тѣмъ подрылся
Уже подъ самые столбы
Насъ всѣхъ вмѣщающаго храма!
Я тѣни предковъ вызывалъ,
Противу моря зла упрямо
Средь ярыхъ воиновъ его стоялъ
Живымъ укоромъ и проклятьемъ,
Непобѣдимъ, непоколебимъ....

Лида (*закрывая лицо руками
и падая на колѣна*).

Боже, я
Имѣла вѣры педовольно!

Децій (*увидавъ вошед-
шихъ христіанъ*).

Прочь!

Старикъ.

Боже сильный, отпусти
Ему грѣхъ вольный и невольный!
(*приближаясь къ Децію*)

Ты-жь, господи, ты насъ прости,
Коль въ чемъ виновны предъ тобою!

Децій (*сурово*).

Кто вы, кто вы?

Лида.

Твои рабы
Идутъ на смерть, и молятъ, Децій,
Чтобъ Богъ простилъ тебя, и ты
Простилъ бы ихъ!..

„Но, Лида, я-бъ васъ гналъ!“ говоритъ умирающій Децій.

Лида.

Ты-бъ гналъ, покуда-бъ не узналъ,
 Покуда-бъ не прозрѣлъ, какъ Павелъ,
 И больше-бъ насъ тогда Христа
 Великимъ разумомъ прославилъ!
 Въ тебѣ была вѣдь прямота!
 Прозрѣвъ, отдался-бъ въ искупенье
 Всѣхъ золь, что сотворилъ!... Прощать
 Ты-бъ научился.... да!... прощать!
 Вѣдь христіанство, все ученье,
 Нѣтъ, не ученье, — жизнь! — прощенье,
 Ежеминутное прощенье,
 Прощенье вѣчное!...

Децій (*приподнимаясь и пристально
но смотря на Лиду*).

Не та!...

Не та!... Такъ кто же ты?... Видѣнье?...
 Дай руку.... (*съ ужасомъ*) Свѣтъ вокругъ тебя!
 Что-жь это, что? (*надаешь и умираешь*).

Лида (*опускаясь передъ
нимъ на колѣни*).

Онъ былъ одинъ,
 Кто былъ мнѣ дорогъ въ этомъ мѣрѣ!...

Марцеллъ (*смотря на Деція*).

Сынъ вѣка, свѣтъ былъ передъ тобой...
 Не видѣлъ ты! (*взглянувъ на восходящее солнце*).

Ужъ солнце!... Вотъ онъ —
 Нашъ день!...

Лида (*подымалась*).

... . Твоя теперь, Господь,
 Вся, вся Твоя!... (*Солнце полнымъ бле-
скомъ озаряетъ сцену*).

Старикъ и всѣ христіане (*обра-
тятся къ востоку*).

Слава Тебѣ, Показавшему намъ свѣтъ!
 (*Уходятъ*).

Задача поэта кончена. Онъ желалъ не выдумать, не изобрѣсти что-нибудь новое; цѣль его была поставить насъ, такъ-сказать, лицомъ къ лицу съ величайшимъ изъ событій въ исторіи человѣчества и возбудить въ насъ сочувствіе къ тѣмъ нравственно-духовнымъ силамъ, которыя были главными его двигателями. Кажется, онъ успѣлъ въ этомъ. Нѣтъ въ виду подобныя цѣли и достигать ихъ можетъ только талантъ, глубоко одушевленный важностію предмета

и въ значительной степени обладающій средствами художественнаго творчества. Произведенія такого рода, какъ мы сейчасъ видѣли, съ характеромъ зрѣлой серьезной мысли и строго обдуманнаго изящнаго исполненія, не могутъ не дѣйствовать сильно и благотворно на душу: отъ нихъ вѣетъ здоровьемъ ума и чувства.

Но гдѣ же современность? Вѣдь это сюжетъ и вопросъ вовсе не современные!

Болѣе восемнадцати вѣковъ прожило христіанство какъ идея, какъ законъ, какъ убѣжденіе, проникая во всю жизнь народовъ—въ ихъ умы, сердце, въ нравы, въ общественное устройство и государство, и повсюду, гдѣ только оно сохранило чистоту своего всеобъемлющаго духа, оно оставило неизгладимые слѣды. То, что оно совершило въ мірѣ, продолжаетъ совершаться и нынѣ, и въ настоящій день. Все, что мы можемъ сказать и говоримъ о прогрессѣ нравственномъ, умственномъ и общественномъ сообразнаго съ человѣческимъ достоинствомъ, все это плодъ истинъ, ведущихъ свою генеалогію отъ того всеобщаго кризиса, когда ветхій человѣкъ преобразился въ новаго христіанскаго человѣка. Произведеніе, написанное въ духѣ этихъ безсмертныхъ истинъ, безъ потворствъ страстямъ, искажающимъ ихъ и ложному вкусу, не знающему другой современности, кромѣ модной или такой, которая завтра уже окажется устарѣвшею, такое произведеніе не будетъ ли вполне современнымъ? Тутъ—вопросы не дня, а дней, которымъ числа нѣтъ. Развѣ общество до того погрузится въ матеріализмъ, что человѣкъ перестанетъ слышать голосъ, говорящій къ нему изнутри его духа. Но этого, конечно, не случится; иначе человѣкъ пересталъ бы быть человѣкомъ, и самыя общества сдѣлались бы невозможными. Міросозерцаніе, изъ котораго авторъ разбираемой нами пьесы извлекъ свои идеалы, есть міросозерцаніе, возникшее въ новомъ мірѣ; это однако не препятствуетъ и въ міросозерцаніи классическомъ находить черты, которыя мы можемъ и должны признать своими. Во всякомъ случаѣ нужно только подняться на высоту, съ которой открывался бы горизонтъ нѣсколько шире ежедневно намъ представляющагося въ тѣснотѣ нашихъ обычныхъ помѣщеній. Будемъ же благодарны писателямъ, въ томъ числѣ и нашему автору, помогающимъ нашей мысли всходить иногда на эту высоту, чтобы мы могли подышать тамъ воздухомъ болѣе чистымъ, чѣмъ тотъ, которымъ мы дышемъ въ другихъ средахъ.

А. Никитенко.

Замѣтки по поводу „Филологическихъ разысканій“, академика Грота.

Весьма цѣнную услугу русскому языку окажетъ почтенный трудъ Я. К. Грота. Не вдаваясь въ подробный разборъ его, я рѣшаюсь высказать здѣсь лишь нѣсколько замѣчаній.

О приставкахъ *раз* и *роз*.

Заглавіе самой книги нашего уважаемаго академика наводитъ на мысль, слѣдуетъ ли писать *разысканіе* или *розысканіе*? Съ выходомъ въ свѣтъ „Филологическихъ розысканій“ въ объявленіи о нихъ въ *С.Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* напечатано было *разысканія*, какъ и у автора, а въ *Голосѣ* — *розысканія*; на переплетѣ книги въ Публичной Библиотекѣ означено послѣднее правописание, съ которымъ и я въ началѣ былъ согласенъ. Но вдумавшись хорошенько, я убѣдился, что Я. К. Гротъ правъ. По Буслаеву приставка *раз* — церковно-славянская, а *роз* — русская. Казалось бы, что русскую приставку въ составѣ русскихъ словъ и слѣдовало бы употреблять болѣе и чаще, чѣмъ церковно-славянскую. На практикѣ, въ основаніи которой лежитъ историческое развитіе нашего языка, приставка *роз* составляетъ только исключеніе, утвержденное удареніемъ, безъ котораго и она подчинилась бы общему правилу, а въ массѣ русскихъ словъ съ подобнымъ составомъ безъ ударенія на приставкѣ ходила и ходитъ приставка *раз*. Мы пишемъ: „разсказывать, разсказъ“ и одно только слово изъ этой категоріи „рѣсказни“; пишемъ: „разгавливаться и рѣзговипы, разваливаться и рѣзвальни, расписываться и рѣсписъ“; пишемъ: „рѣзыскъ“ и „разыскивать“, отчего же не писать „розысканіе“? При общемъ образованіи у насъ словъ съ приставкою *раз* народный говоръ внесъ въ ихъ число свою особенность; ее такъ нужно и оставить, а не передѣлывать по этой частности, ограничивающейся однимъ словомъ въ каждой категоріи, общаго правила въ образованіи многихъ словъ.

То же должно сказать и о буквѣ *с* послѣ приставки *раз* или *рас*: нужна ли она въ составѣ слова, или нѣтъ, напримѣръ, въ словахъ: „разсказъ“ и „расчетъ“? Въ первомъ словѣ она нужна, потому что это слово составлено изъ *раз* и *сказать*, какъ и въ словахъ съ другими приставками: „высказать, досказать, подсказать“, а состоятъ изъ *раз* и *казать* она не можетъ, ибо тогда выразились бы другія понятія, какъ видно изъ словъ: „высказать и выказать, досказать и

доказать, насказать и наказать". Во второмъ словѣ она не нужна: это слово состоитъ изъ *раз* (рас) и *четъ*, а не *счетъ*, какъ въ словахъ съ другими приставками: „вычетъ, начетъ, зачетъ, отчетъ“, хотя при другой формѣ *чит* удерживается с: „высчитать, насчитать, засчитать, отсчитать“, а слѣдовательно и „разсчитать“. Позволяю себѣ прибавить къ объясненію г. Грота послѣдняго слова еще слѣдующее: есть формы *честъ* и *счестъ*; къ какой изъ нихъ вѣрнѣе поставить приставку *раз*—*расчестъ* или *разсчестъ*? Отъ перваго соединенія выходитъ „расчетъ“, а отъ втораго — „разсчетъ“; какое же изъ нихъ вѣрнѣе? Мы говоримъ: расчестъ—разочту, но не говоримъ: расчестъ—разсочту; и потому вѣрнѣе образованіе слова „расчетъ“, нежели „разсчетъ“.

Но съ Я. К. Гротомъ нельзя согласиться въ томъ, что онъ говоритъ на 547 стр., именно, что послѣ приставки *раз* „буква *э* даже и мыслима“. Какое же основаніе для этого? Потому что она, продолжаетъ г. Гротъ, „вовсе не употребляется отдѣльно“: *causa pop causa*. Какъ же выговаривать и писать: „разъяренный звѣрь, развѣхались гости, развѣденное мѣсто въ ранѣ“?

О буквахъ *э*, *е*, *ь*.

Много было толковъ объ этихъ буквахъ, и это потому, что ими выражается собственно одинъ звукъ, имѣющій три отбѣнка, которые въ нашемъ сознаніи представляются просто и ясно. Буква *э* изображаетъ твердый звукъ, буква *е* — мягкій, и она есть йотированное *э* (йэ), буквою *ь* — еще болѣе мягкій и она есть йотированное *е* (йе), т. е., два раза йотированное *э* (ййэ). Это фактъ, выработанный исторіею нашего языка, не понятный для иностранцевъ, которые, привывши говорить *der*, затрудняются выговорить по-русски „дерево“. И въ устахъ Русскихъ слово „театръ“ звучитъ совсѣмъ не такъ, какъ въ устахъ иностранцевъ *théâtre*, хотя тамъ и здѣсь употреблена одна и та же буква *е*.

Смѣшивать эти три буквы въ русскомъ языкѣ нельзя, и г. Гротъ напрасно полагаетъ (540 стр.), что *э* послѣ согласной произносится не иначе, какъ наше *е* (не скорѣе ли какъ иностранное *е*?). Напримеръ, *Бэкомъ* или *Беконъ* — ужели мы прочитаемъ эти слова одинаково? По крайней мѣрѣ, слѣдуя коренному закону русскихъ звуковъ, мы не должны читать ихъ одинаково. Допускать тожество звуковъ *е* и *ь*, какъ дѣлаетъ это г. Гротъ (482 стр.), тоже не слѣдуетъ. Чтобъ дать буквѣ *ь* права гражданства въ нашей азбукѣ, почтенный ака-

демикъ требуетъ, чтобъ ее можно было узнавать по слуху. Иногда это возможно, напримѣръ, въ словахъ: „мѣсто и мѣсть, видѣніе и введеніе, сѣмя и семеро“. Но различіе рѣзко замѣтно здѣсь потому, что эти гласныя находятся въ составѣ словъ при одинаковыхъ условіяхъ, т. е., имѣютъ на себѣ удареніе, а передъ собою — тѣ же согласныя. Если бы и во всѣхъ словахъ соблюдалась такая обстановка, то по одному слуху можно было бы угадывать, гдѣ пишется *ь*, какъ того требуетъ г. Гротъ (479 стр.), утверждающій (562 стр.), что „первоначальное употребленіе ея въ древности основывалось, конечно, на особенномъ ея произношеніи“. Но обстановка этихъ буквъ въ составѣ словъ бываетъ различная и приученіе языка (органа) къ точному произношенію, а слуха къ точному воспринятію ихъ, встрѣчается рѣдко, такъ что два различные оттѣнка звука смѣшиваются въ употребленіи. Но изъ этого не слѣдуетъ, что они тождественны, и Ломоносовъ былъ правъ, что отстаивалъ букву *ь* безусловно, такъ какъ безъ нея не можетъ обойтись наша азбука.

Не понятно для насъ, почему у г. Грота гласная *э* помѣщена въ одной категоріи съ *и*, въ числѣ тонкихъ гласныхъ (472 стр.)? Не скорѣе ли подъ эту категорію подходитъ другое *е*, а гласную *э* слѣдуетъ отнести къ тяжелымъ?

Г. Гротъ не дѣлаетъ разграниченія случаевъ, гдѣ послѣ буквъ: *ж*, *ч*, *ш*, *щ* пишется *о* и гдѣ *е*, а только спрашиваетъ: „гдѣ же положить границу употребленію *о* послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*“ (550 стр.)? Въ статьѣ моей, напечатанной въ *Русскомъ Мирѣ*, разграниченіе это показано.

Овъ употребленіи прописныхъ буквъ.

Неточное выраженіе слѣдующей фразы: „съ большой буквы пишутся только слова, служащія названіями“, (580 стр.) можетъ повести къ слѣдующему заключенію: т. е., всѣ существительныя, какъ въ нѣмецкомъ языкѣ, хотя авторъ не имѣлъ въ виду такого вывода, ибо съ большой буквы всегда начинался у насъ лишь собственный имена.

Если собственное имя выражается двумя словами — прилагательнымъ и существительнымъ, то для обозначенія, что оно — имя собственное, достаточно съ большой буквы начинать прилагательное. Намъ кажется, что г. Гротъ поступаетъ при этомъ не совсѣмъ послѣдовательно. Онъ пишетъ: „Псковская губернія“, „Бѣлое море“ и „Царское Село“, „Черная Грязь“, т. е., одни нарицательныя имена—

губернія и *море* начинаются малыми буквами, а другія—*село* и *грязь* большими. Основаніе для этого, какъ сказано далѣе, то, что *село* и *грязь* „употреблены какъ собственныя имена“ (581): но развѣ нельзя сказать того же и о словахъ *губернія* и *море*? Если бы *село* и *грязь* употреблены были какъ собственныя имена, то и назывались бы одно „Селомъ“, а другое „Грязью“; тогда и писать ихъ приходилось бы съ большой буквы. А какъ собственными именами они слывятся въ формѣ: „Царское село, Черная грязь“, то должны и писаться на общемъ основаніи, подобно какъ „Псковская губернія, Бѣлое море“. Это общее правило допускаетъ исключеніе для подобныхъ выраженій: Большая Морская, такъ какъ тутъ собственное имя „Морская“ улица подраздѣлилась на Большую и Малую.

Давая собственныя имена всѣмъ улицамъ въ городѣ, несправедливо не давать ихъ всѣмъ языкамъ на земномъ шарѣ; а г. Гротъ позволяетъ писать „русскій языкъ“. Мы полагаемъ, что слѣдуетъ писать на общемъ основаніи: Русскій языкъ, Французскій языкъ, такъ какъ между языками, положимъ, Русскій, есть имя собственное.

Объ окончаніяхъ: *чикъ* и *щикъ*, *аго*, *яю* и *его*.

Окончанія: *чикъ* и *щикъ* или не замѣняютъ своими буквами *ч* и *ш* никакой другой буквы, или смягчаютъ въ словахъ другія буквы. Такъ въ словахъ: переводчикъ, переплетчикъ, барабанчикъ, спорщикъ, кровельщикъ нѣтъ такой замѣны; а въ словахъ: ларчикъ (ларецъ) въ *ч* смягчилось *и*, голубчикъ (голубокъ) въ *ч* смягчилось *к*, сыщикъ (сыскать) въ *ш* смягчились *ск*, помѣщикъ (помѣстье) въ *ш* смягчились *ст*. Въ нашемъ языкѣ существуетъ такой законъ, что *к* и *ц* смягчаются въ *ч*, *ск* и *ст*—въ *ш*. Если предъ *к* будетъ другая какая-нибудь буква, обыкновенно *з*, то упомянутый законъ сюда не примѣняется; въ словѣ „извозчикъ“ (возка) только *к* смягчилось въ *ч*, ибо нѣтъ закона, чтобы *зк* смягчилось въ *ш*, хотя и пишутъ „извозчикъ“. Подобное смягченіе до того въ духѣ русскаго языка, что иногда и *ск* смягчается не въ *ш*, а лишь *к* въ *ч*, удерживая *с*: писчий (переписка), песчаный (песокъ), или выкидывая его послѣ *ж*: отъ женскій *женщина*, а отъ мужской *мужчина*. Для правописанія словъ: „приказчикъ, извозчикъ, рѣзчикъ, образчикъ, мужчина“ есть основаніе въ наукѣ; а для другаго: „прикащикъ, извозчикъ, рѣщикъ, обращикъ, мущина“ нѣтъ такого основанія. Основаніе это нужно искать лишь въ фонетикѣ, если допустить такой выводъ: *з* передъ *к* въ выговорѣ слышно какъ *с* и въ этомъ видѣ смягчается въ *ш*.

Допустивъ такой выводъ, мы можемъ писать подобныя слова съ производственнымъ слогомъ *щикъ*, не дѣляя между ними исключеній, отчего практика должна остаться въ выигрышѣ по отношенію къ однообразію письма. Но съ г. Гротомъ, защищающимъ правописание послѣдняго рода, нельзя согласиться въ предположенномъ имъ составѣ слова *помѣстчикъ* (549 стр.): слово это образовалось вполнѣ правильно, ибо *ст* смягчилось здѣсь въ *ш* (помѣстье — помѣщикъ). На слогъ *щикъ* г. Гротъ смотритъ какъ на окончаніе, между тѣмъ какъ звукъ *ш*, смягченный изъ *ст*, принадлежитъ къ корню слова (мѣст=мѣщ) и положительно не допускаетъ выраженія *помѣстчикъ*, слѣдовательно, не замѣняетъ собою трехъ буквъ, какъ кажется это г. Гроту. Почтенный академикъ не различаетъ, по видимому, въ окончаніи *щикъ*, — принадлежитъ ли звукъ *ш* къ корню слова въ смягченномъ его видѣ, или къ окончанію, и постоянно относитъ его къ окончанію, что не вѣрно: въ словѣ „временщикъ“ этотъ звукъ относится къ окончанію, а въ словѣ „помѣщикъ“ въ немъ заключаются и коренныя буквы *ст*. То же слѣдуетъ сказать и о словѣ *часче*: оно образовалось отъ *часто* самымъ правильнымъ образомъ; но какъ г. Гротъ производитъ отъ него *часче*—непонятно.

Г. Гротъ предлагаетъ (554 стр.) окончаніе родительнаго падежа у прилагательныхъ *аю* (молодаго) замѣнить другимъ *ою* (молодого). Но на какомъ же основаніи? Извѣстно, какъ исторически образовалось въ нашемъ языкѣ окончаніе *аю-юю*: къ прилагательному съ краткимъ окончаніемъ присоединилось мѣстоименіе *ею* (старлаго), впоследствии гласная мѣстоименія стала уподобляться окончанію темы (старлаго), наконецъ мѣстоименіе съ темою слились совершенно и вышло „старого“. Во всѣхъ періодахъ въ темѣ прилагательнаго сохранялось *а*, какъ и должно быть: тутъ *а* есть окончаніе родительнаго падежа именъ существительныхъ, по образцу коихъ склонялись краткія прилагательныя; до сихъ поръ мы такъ и склоняемъ ихъ, говоря „отъ мала до велика“. На какомъ же основаніи Я. К. Гротъ предлагаетъ въ окончаніи *аю* букву *а* замѣнить *о*? и что вышло бы отъ такой замѣны? Почтенный академикъ имѣетъ въ виду окончаніе мѣстоименій: кого, того, какого и др., и хочетъ распространить его на всѣ прилагательныя, особенно имѣющія удареніе на предпоследнемъ слогѣ (молодаго). Дѣйствительно, у означенныхъ выше мѣстоименій должно быть *о*: *тѣ*, *тѣтъ*=*тотъ*, то-есть, *ѡ* замѣнялось *о*, а не *а*. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что приведенный нами процессъ въ склоненіи

прилагательныхъ съ мѣстоименіемъ *ею*, выработанный исторіею языка въ теченіе вѣковъ, долженъ утратить свое значеніе? Да и нужна ли въ практикѣ переимѣна, о которой идетъ рѣчь? На практикѣ явилась бы новая трудность: пришлось бы дѣлать прилагательныя на новые разряды—на пишущіеся съ *аю* и пишущіеся съ *ою*, а распространить *ою* на всѣ прилагательныя невозможно. Для однообразія лучше было бы и самыя мѣстоименія писать: *таю, каю, какаго*; тогда всѣ слова въ нашемъ языкѣ, имѣющія форму прилагательныхъ, не исключая и мѣстоименій, склонялись бы по образцу личнаго мѣстоименія 3-го лица, которое входило бы въ окончаніе или цѣликомъ (ч-его, мо-его, наш-его), или въ научно измѣненномъ видѣ (молод-аго, одн-аго, син-лго). Проиграла бы только старинная практика, твердившая, что *ъ* замѣняется *о*; зато современная выиграла бы, разставшись съ пестрымъ дробленіемъ правилъ; наука же ничего не потеряла бы: единство въ ней важное условіе, а тутъ всѣ случаи подвоятся къ одному.

О словахъ: *ити, полагать, отидишущій*.

Останавливаюсь на удвоеніи буквъ, требуемомъ фонетикою, на примѣрѣ, въ словахъ: „сдѣланный“, „деревянный“. Къ этому разряду словъ г. Гротъ относитъ и слово *ити*, предлагая писать его *итти* (530 стр.), хотя и считаетъ первую форму древнею и единственно правильною (594 стр.). Но мы видимъ тутъ натяжку: удвоеніе буквъ, требуемое фонетикою, необходимо въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда выговоръ слова выходитъ легче, но неужели легче выговорить *итти*, чѣмъ *ити*? Гдѣ удвоеніе буквъ условливается фонетикою, тамъ оно слышно и въ выговорѣ: *масса* безъ удвоенія было бы *маса*, а такого слова нѣтъ, по крайней мѣрѣ съ послѣднимъ звукомъ мы не соединяемъ никакого понятія, а безъ понятія и звукъ въ языкѣ не терпимъ. Многихъ вводитъ въ соблазнъ буква *д*, слышимая въ формѣ *иду*; но ужели въ латинскомъ *ire* можно придавать къ корню *i* и букву *v* (*ivi*), и букву *b* (*ibo*), и букву *t* (*itum*)? Чтобъ избѣжать такой необходимости, рѣшили въ словѣ „ити“ букву *д* замѣнить буквою *т*; такъ какъ она ни въ какой другой формѣ этого слова не слышна, то и стали насиловать произношеніе и придрались къ теоріи удвоенія звуковъ, совсѣмъ не нужнаго для этого слова, какъ видно изъ цѣлаго ряда предложныхъ словъ: *найти, зайти, дойти, обойти, войти, разойтись*, хотя Я. К. Гротъ и здѣсь допускаетъ удвоеніе *т*: вмѣсто *выйти*, *прійти* онъ предлагаетъ писать: *вытти, притти* (594 стр.), то-

есть, отнимаетъ у словъ корень и оставляетъ у нихъ однѣ приставки, удвоеніе и окончаніе.

Я. К. Гротъ полагаетъ, что во второмъ слогѣ слова *полагать* пишется *а* „согласно съ утвердившимся обычаемъ“ (548 стр.); а обычай этотъ, думаетъ онъ, условливается „произношеніемъ гласной окончательнаго слога“ (547 стр.). Не проще ли и не вѣрнѣе ли будетъ объяснить здѣсь *а* путемъ многократнаго вида, которому оно свойственно въ нашемъ языкѣ: *колоть-калывать-калатъ*, отсюда *закалаю*; (по)ложить—(по)лагать, гдѣ въ слогахъ *ка* и *ла* должно писаться *а*, а не *о*. Точно также въ словахъ: *горѣть*—(до)гарать, *клонить*—*клянцать*(ся), (по)клониться—(по)кланяться, въ однихъ пишется *о*, въ другихъ неперемѣнно *а*; хотя г. Гротъ считаетъ послѣднее правописаніе неправильнымъ и оставляетъ *а* у одного глагола „полагать“, а у другихъ совѣтуетъ писать *о*, но въ невѣрности такого вывода убѣждаетъ и самое удареніе: „клянцаться“ или параллель двухъ глаголовъ: „поклониться“ и „покланяться“. Мнѣ кажется, что путемъ многократнаго вида образуется *а* и въ глаголахъ: *коснуть*(ся)—*касать*(ся), *родить*—*раждать*, *ростъ*—*вырастать*, хотя у другихъ остается *о* согласно возрѣнію почтеннаго академика: *угодить*—*угождать*, *упростить*—*упрощать*. Жаль, что г. Гротъ въ своихъ „Разысканіяхъ“ не указалъ здѣсь границы.

Правописаніе слова „огнедышущій“ г. Гротъ считаетъ неправильнымъ (556 стр.); по его мнѣнію, тутъ вмѣсто *у* должно быть *а*. Едва ли такъ: причастія „дышущій“ и „дышѣщій“ различаются удареніемъ, и мы говоримъ „огнедышущій“. Г. Гротъ смѣшалъ двѣ формы, различаемыя удареніемъ; на стр. 328-й онъ говоритъ: *дышишь-дышнѣтъ* и *дышишь-дышнѣтъ*, а кажется вѣрнѣе сказать: *дышишь-дышишь* и *дышишь-дышишь*. Оттого причастіе у него *дышѣщій* отъ *дышатъ*, а слѣдовало бы *дышѣщій* отъ *дышатъ*. Мы говоримъ: *огнедышущая гора*, а не *огнедышѣщая*, то-есть, причастіе производимъ отъ „дышутъ“, а не отъ „дышатъ“, и наши говоръ и правописаніе совершенно правильны. Г. Гротъ, какъ кажется, заблуждается въ томъ, что форму „дышу—дышешь“ производитъ не отъ „дышать“, а отъ „дыхать“. Послѣдній глаголь у насъ безъ приставки не употребляется, а если бы и употреблялся, то настоящее было бы у него не „дышу“, а „дыхаю“, какъ видно изъ предложныхъ глаголовъ: *вдыхаю*, *отдыхаю*, *задыхаюсь*, *вздыхаю*. У глагола же „дышать“ есть своя особенность въ спряженіи: настоящее его „дышу“ измѣняется по двумъ спряженіямъ, опредѣляемымъ удареніемъ: *дышешь*—*дышишь*, *дышутъ*—

дышѣть, какъ и у глагола блестятъ, блещеть и блестятъ, блещутъ и блестятъ, также у глагола хотѣть, хочеть и хотѣтъ. Едвали вѣрна аналогія: какъ отъ пахать—пашу, такъ и отъ дыхать—дышу? Не основательнѣе ли неупотребительный глаголь „дыхать“ сравнить съ употребительнымъ „слыхать“: у послѣдняго нѣтъ настоящаго времени, а „слышу“ происходитъ отъ „слышать“, какъ и „дышу“ отъ „дышать“, прошедшее же „слыхалъ“, а отсюда „неслыханный“, какъ и отъ неупотребительнаго: дыхалъ—бездыханный.

ОБЪ ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВАХЪ.

Совершенно справедливо мнѣніе Я. К. Грота, что „въ начертаніи пришлыхъ словъ всего естественнѣе держаться произношенія“ (568 стр.). Съ чужимъ словомъ въ такомъ случаѣ дѣлается то же, что дѣлаетъ природа, если растеніе съ одной почвы переносится на другую. Сохранить ли оно на другой почвѣ свои свойства, или измѣнить ихъ, зависитъ какъ отъ качества почвы, такъ и отъ ея природы. Въ сферу нашего языка попало чужое слово; въ этой сферѣ оно является такимъ, какимъ принялъ его нашъ выговоръ. Осталось ли оно при своемъ составѣ, измѣнило ли свой видъ, все зависитъ отъ выговора: мы выговариваемъ и пишемъ шеколадъ, а не шоколадъ, греческое ἀναλόγος сдѣлалось у насъ налой, французское *calicot*—коленкоръ, *traiteur*—трактиръ, нѣмецкое *teller*—тарелка, *futtermal*—футляръ. Этимологія тутъ въ сторонѣ и должна уступить фонетикѣ; по отношенію къ роднымъ словамъ, первая играетъ важную роль, изрѣдка только уступая второй; по отношенію къ иностраннымъ словамъ, наоборотъ фонетика играетъ главную роль, изрѣдка только уступая этимологіи. Это и есть, выражаясь словами, Я. К. Грота, „принаровленіе чужаго слова къ своимъ звукамъ и привычкамъ“ (566 стр.).

Съ этой точки зрѣнія, иностранныя слова, подобныя слѣдующимъ: масса, касса, ванна, миссія, группа, должны писаться съ удвоеніемъ согласныхъ; съ такимъ удвоеніемъ принялъ ихъ русскій выговоръ, чтобъ сохранились понятія, выражаемыя ими; безъ удвоенія для насъ потерялись бы самыя понятія, а безъ понятій и звуки намъ не нужны. Другое дѣло: коллегія, комисія, профессоръ (относимыя г. Гротомъ къ той же категоріи); и безъ удвоенія буквъ онѣ сохраняютъ за собою выражаемыя ими понятія, и потому не имѣютъ надобности въ удвоеніи: какъ обращаются они въ русскомъ говорѣ, такъ должны и писаться. Отсюда для удвоенія буквъ въ иностранныхъ словахъ можно установить слѣдующее правило: удвоеніе буквъ соблюдается, если

слово безъ него теряетъ свое понятіе, и совсѣмъ не нужно, если слово безъ него сохраняетъ свое понятіе.

Мы говоримъ и пишемъ: катаръ, партеръ, адресъ, интересъ, офицеръ, команда, эпюлеты, камергеръ, геморой, литература, драма, куда было бы кстати отнести и слова: привилегія, грамматика и подобныя имъ. Непонятно одно: мы знаемъ, что нашему языку не свойственно сочетаніе мягкой гласной *и* съ твердою *а*, и все-таки пишемъ: христіанинъ вм. христіанинъ, колоніальный вм. колоніальнѣй, хотя начали уже писать матеріалъ вм. материалъ. Знаемъ, что въ словѣ „Кронштадтъ“ нѣмецкое сочетаніе буквъ *dt*, поддерживаемое г. Гротомъ, не свойственно нашему языку, и все-таки продолжаемъ писать Кронштадтъ вм. Кронштатъ, какъ пишемъ уже Рашетъ (Rachette), Рейфъ (Reiff), Радзивиль (Radzivil). Звукъ *йо* въ иностранныхъ словахъ не замѣняется нашимъ *ѣ*, и мы пишемъ: батальюнъ, медальюнъ. Нельзя согласиться съ г. Гротомъ, что писать ли *йо* или *ю* все равно (572 стр.); различіе ихъ видитъ даже глазъ: *йо* читается какъ одинъ слогъ, а чтобъ *ю* читалось какъ одинъ слогъ, необходимо ставить надъ нимъ какой-нибудь надстрочный знакъ, а то придется и въ словѣ „приохотить“ не различать двухъ слоговъ (*прио*). Карамзинъ былъ правъ, что писалъ „майоръ“, а г. Гротъ не правъ, что находить лучшимъ писать „маіоръ“.

О слитномъ письмѣ составныхъ словъ.

Основаніемъ для слитнаго письма г. Гротъ, подобно Ломоносову, полагаетъ соображеніе, употребляется ли слово съ предлогомъ и безъ него, или не употребляется: если употребляется, то его пужно писать отдѣльно отъ предлога (по прежнему), а если не употребляется, то нужно писать слитно съ предлогомъ (понутру). Но въ числѣ приведенныхъ имъ примѣровъ для слитнаго письма есть и такіе, которые противорѣчатъ указанному основанію: *взаимы*, *поодинокѣ*, *вовѣкъ*, *вслѣдъ*, кстати, *спачала*, *свздѣтства*, *вдвое*, *заодно*, *вопервыхъ* насколько. Тутъ каждое слово употребляется и безъ предлога и имѣетъ соответствующее себѣ падежное окончаніе, подобно выраженію „по прежнему“. Слитно писать „попрежнему“ не позволяетъ лексикографія (583 стр.); образованіе словъ въ нашемъ языкѣ по этой формѣ слишкомъ обильно, обнимаетъ собою обширную область словъ: *собака*—по *собачьи*, *медвѣдь*—по *медвѣжьи*, *звѣрь*—по *звѣрски*, *рыба*—по *рыбы*, *христіанинъ*—по *христіански*, *деревня*—по *деревенски*, *Москва*—по *московски*, *Русскій*—по *русски*, *братъ*—по *братски*, какъ

бывало—по бывалому, какъ видно—по видимому, какъ дома—по домашнему, какъ у меня—по моему, какъ прежде—по прежнему, какъ нынѣ—по нынѣшнему. Для подобнаго рода словъ потребовалось бы въ словарѣ слишкомъ много мѣста безъ особенной надобности; чтобъ не обременять словарь, г. Гротъ допускаетъ черточку и совѣтуетъ писать: по-русски, по-французски (588 стр.). Отчего же не быть послѣдовательнымъ и не допустить черточки во всѣхъ словахъ подобнаго состава (по-прежнему, по-моему), такъ какъ всѣ они имѣютъ въ предложеніи значеніе нарѣчій и образованіе ихъ согласовалось бы такимъ образомъ со смысломъ въ предложеніи, а письмо съ тѣмъ и другимъ? Подобное правописаніе не затруднитъ лексикографію и практика выиграетъ, избѣжавъ ненужнаго дробленія правилъ, когда слѣдуетъ писать: „по-русски“ и когда „по прежнему“ или „по-стариковски“ и „по старому“. Касательно образованія другихъ нарѣчій, ограничивающихся однимъ или двумя словами, справедливо замѣчаніе Я. К. Грота, что „не для чего быть слишкомъ щедрымъ на образованіе подобныхъ нарѣчій, что, напримеръ, должно писать отдѣльно слова: въ добавокъ, въ заключеніе, въ старину, за границу, съ размаху, съ разу, со временемъ, въ волю, въ пору и мног. друг.“ (585 стр.).

Мѣстоименіе *тотъ-же* г. Гротъ предлагаетъ писать безъ черточки (тотъ же, 589 стр.) и, такимъ образомъ, изъ одного слова дѣлаетъ два. Оправдывается ли такое правописаніе русскою рѣчью, въ которой каждое слово составляетъ какую-нибудь часть предложенія, имѣющую свое особенное названіе? Въ предложеніи: „я пойду въ садъ, ты же оставайся дома“, дѣйствительно, слово *же* имѣетъ значеніе, какъ часть его, и носитъ названіе союза, потому и должно писаться отдѣльно. А въ предложеніи: „заведенъ тотъ же порядокъ“, какую часть его составляетъ это слово? Слѣдуетъ ли, однако, предположить, что оно здѣсь совсѣмъ не нужно и поставлено безъ всякой цѣли? Нѣтъ, оно нужно, только не для предложенія, а для слова *тотъ*, которому сообщаетъ нѣкоторый отгѣнокъ, ибо не все равно сказать: „заведенъ тотъ порядокъ“ и „заведенъ тотъ же порядокъ“. Этотъ-то отгѣнокъ и не позволяетъ согласиться съ Я. К. Гротомъ, что слѣдуетъ писать „тотъ же“ безъ черточки.

Чрезвычайно важно показать, когда *не* пишется слитно съ словами и отдѣльно отъ нихъ; но эти случаи обозначены у Я. К. Грота не вполне удовлетворительно (590 стр.). Онъ взялъ въ основаніе такого различенія французское письмо: *il m'est désagréable* и *il ne m'est*

pas agréable и нашель разницу: „отрицается ли только положительное качество, или придется качество отрицательное“. Такое правило приложимо къ французскому языку, въ которомъ для выраженія въ прилагательномъ отрицательнаго качества существуютъ особыя приставки: in, dé, dés, отличныя отъ отрицанія при положительномъ качествѣ не pas; въ русскомъ же языкѣ для выраженія отрицанія въ томъ и другомъ случаѣ существуетъ одно только нарѣчіе *не*. На основаніи этого приходится писать: мнѣ не пріятно (при отрицаніи положительнаго качества) и мнѣ непріятно (при придаваніи отрицательнаго качества), что сбивчиво не только для учащихся, но и для взрослыхъ, которые каждый разъ должны задумываться надъ словомъ и повторять у себя въ умѣ грамматическій разборъ фразы. Учащимся по крайней мѣрѣ не слѣдуетъ вмѣнять въ ошибку того или другаго правописанія.

Синтаксическая замѣтка.

Г. Гротъ говоритъ: „Нѣкоторые пишутъ: *въ теченіи, въ продолженіи*, но это противно общему закону, по которому въ русскомъ языкѣ протяженіе дѣйствія во времени выражается винительнымъ падежомъ съ помощію предлога *въ*, напริมѣръ, *въ жизнь* не видѣлъ, сдѣлалъ *въ недѣлю, въ мѣсяцъ, въ годъ*, случилось *въ твою бытность*“ (585 стр). Не смѣшаны ли тутъ два различные закона? Извѣстно, что предлогъ *въ*, при обозначеніи времени на вопросъ *когда?* ставится какъ съ винительнымъ падежомъ, такъ и съ предложнымъ: мы говоримъ: „прибылъ въ часъ“ и „прибылъ въ первомъ часу“, и различіе такъ совсѣмъ не противно „общему закону“ нашего языка. Когда нужно обозначить количество времени, то предлогъ *въ* ставится съ винительнымъ падежомъ: сдѣлалъ въ день, въ недѣлю, въ мѣсяцъ, въ годъ. Г. Гротъ говоритъ не о количествѣ времени, но о „протяженіи дѣйствія во времени“; съ этой точки зрѣнія нужно искать для винительнаго падежа другаго основанія; оно указано почтеннымъ академикомъ въ нѣкоторыхъ приведенныхъ имъ примѣрахъ: „въ твою бытность, въ отечественную войну“, только не объяснено, почему здѣсь непременно долженъ быть винительный падежъ. *Въ твою бытность*—это обстоятельственные слова, вышедшія изъ сокращенія обстоятельственнаго предложенія *когда ты былъ*: случилось *въ твою бытность* = случилось, *когда ты былъ*, или случилось *въ отечественную войну* = случилось, *когда была отечественная война*. Изъ разбора

этихъ примѣровъ видно, что при сокращеніи обстоятельственнаго предложенія, сказуемое-глаголь обращается въ имя существительное въ винительномъ падежѣ съ предлогомъ *въ*. Лишь подъ этотъ законъ и подходятъ приведенныя г. Гротомъ примѣры: когда течеть время—въ теченіе времени, когда продолжается обѣдъ—въ продолженіе обѣда, когда царствовалъ Петръ Великій—въ царствованіе Петра Великаго.

В. Новаковскій.

ТЕХНИЧЕСКІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ ЕВРОПѢ ¹⁾.

IV.

ШВЕЙЦАРІЯ.

⁵/₁₇ іюля, вечеромъ, я выѣхалъ изъ Парижа въ Бернъ, куда прибылъ на другой день. Такъ какъ для швейцарскихъ среднихъ учебныхъ заведеній тогда уже наступило вакаціонное время, и притомъ эти училища подробно описаны въ отчетѣ А. И. Георгіевскаго ²⁾ на стр. 114—138, то я не имѣлъ намѣренія останавливаться въ Бернѣ долѣе одного дня и желалъ только повидаться съ директорами промышленнаго и кантонскаго училищъ. Но первый былъ уже въ отъѣздѣ, а новый директоръ кантонской школы г. Миллеръ подтвердилъ мнѣ то же самое, что А. И. Георгіевскій слышалъ ровно за два года передъ тѣмъ отъ врезняго директора, о постоянной пустотѣ высшихъ классовъ реального отдѣленія кантонской школы, вслѣдствіе чего предполагается преобразовать это отдѣленіе въ такомъ смыслѣ, чтобы ученики уже въ среднихъ классахъ получали болѣе законченное образованіе, пригодное для практической жизни.

Собираясь ѣхать въ Цюрихъ, мнѣ было желательно имѣть предварительно нѣкоторыя свѣдѣнія, для полученія коихъ я хотѣлъ обратиться въ канцелярію нашего посольства; но тамъ засталъ посланника князя Горчакова, который самъ сообщилъ мнѣ желаемыя мною свѣдѣнія и весьма обязательно предложилъ познакомить меня съ ли-

¹⁾ Продолженіе. См. *Журналъ Мин. Народн. Просв.* февраль и мартъ 1874 года.

²⁾ См. *Журн. Мин. Народн. Просв.* декабрь 1871 года.

цами, стоящими во главѣ управленія народнымъ просвѣщеніемъ. Но такъ какъ я желалъ и надѣялся доѣхать до Вѣны прежде наступленія вакаціоннаго времени, а мнѣ предстояло еще останавливаться въ Цюрихѣ и Мюнхенѣ, то я не счелъ себя къ правѣ безъ крайней необходимости оставаться долѣе въ Бернѣ, и потому поблагодаривъ князя за его любезное предложеніе и крайне радушный пріемъ, на другое утро, 7/19 іюля, выѣхалъ и прибылъ въ Цюрихъ.

Устройство цюрихскихъ специальныхъ училищъ также описано подробно въ отчетѣ А. И. Георгіевскаго. Изъ видѣнныхъ имъ въ Цюрихѣ лицъ я уже не засталъ профессора химіи Визлиценуса, перешедшаго въ Вюрцбургъ, и профессора Боллея, скоропостижно умершаго въ августѣ 1871 г. Директоръ политехническаго института, знаменитый авторъ графостатики Кульманъ, былъ еще въ Вѣнѣ, откуда лишь наканунѣ моего пріѣзда возвратился его товарищъ, профессоръ Ландольтъ, который принялъ меня очень дружески и познакомилъ съ профессоромъ агрономіи Кремеромъ и профессоромъ машиностроенія Фейтомъ, предстоятелемъ механическаго отдѣленія. Съ послѣднимъ я имѣлъ довольно продолжительный разговоръ о преподаваніи механики, причѣмъ онъ высказался въ томъ смыслѣ, что *вообще* при училищахъ практическія механическія работы не удобны. Что же касается до подготовки молодыхъ людей къ политехническимъ институтамъ, то онъ съ своей стороны самымъ положительнымъ образомъ подтвердилъ все, высказанное объ этомъ вопросѣ другими лицами въ Цюрихѣ г. Георгіевскому (см. его отчетъ стр. 121—125). Онъ сказалъ: „для насъ самые желанные ученики—бывшіе воспитанники классическихъ гимназій; и мы крайне сожалѣемъ, что ихъ такъ мало къ намъ постуиаютъ. Если съ начала они и слабѣе въ математикѣ, то обыкновенно уже черезъ годъ преодолеваютъ это затрудненіе, и тогда становятся лучшими учениками, нежели реалисты“. Эти слова почтеннаго профессора особенно вѣски во 1-хъ, потому что его предметъ — машиностроеніе — въ высшей степени практическій и требуетъ основательныхъ свѣдѣній въ математикѣ и умѣнія въ черченіи, а во 2-хъ, что въ Цюрихскомъ политехническомъ институтѣ еще сохранился строгій контроль надъ учениками, обязательное посѣщеніе лекцій, экзамены и еженедѣльные репетиціи, такъ что профессора могутъ судить объ успѣхахъ студентовъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ ихъ товарищи въ Германіи, съ тѣхъ поръ какъ тамъ введена свобода ученія. Я познакомился также съ ректоромъ индустріальной школы, профессоромъ

Гофмейстеромъ, который говоритъ, что около $\frac{2}{3}$ учениковъ, оканчивающихъ курсъ въ этой школѣ, поступаютъ въ политехнической институтъ; что по значительному числу кандидатовъ политехнической институтъ все возвышаетъ свои требованія относительно математики и что вслѣдствіе этого въ индустриальной школѣ теперь еще усилено, противъ прежняго, преподаваніе математики, а именно введены основанія новѣйшей геометріи и ученія о детерминантахъ. И не смотря на все это, профессора предпочитаютъ гимназистовъ, получившихъ гораздо слабѣйшее математическое образованіе!

V.

БАВАРІЯ.

Изъ Цюриха я выѣхалъ $\frac{11}{23}$ іюля, утромъ, въ Мюнхенъ, куда прибылъ вечеромъ того же дня. Отправившись на слѣдующее утро въ политехнической институтъ, я не засталъ директора г. Вауэррейфа. Считаю непремѣнною обязанностью воспользоваться пребываніемъ въ Мюнхенѣ, чтобы познакомиться съ извѣстнымъ химикомъ, членомъ королевско-баварской академіи наукъ, докторомъ Эрленмейеромъ, я зашелъ въ лабораторію, гдѣ и засталъ почтеннаго профессора, съ которымъ насъ очень скоро сблизили воспоминанія объ общемъ нашемъ учителѣ Либихѣ и о многихъ общихъ знакомыхъ, бывшихъ къ нему въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ во время Гиссенскаго періода дѣятельности знаменитаго ученаго.

Скоро нашъ разговоръ перешелъ на способы преподаванія химіи, какъ ближайшей спеціальности профессора Эрленмейера. Мнѣнія его объ этомъ вопросѣ будутъ сообщены мною въ спеціальной части моего отчета; здѣсь же считаю умѣстнымъ изложить его взгляды на нѣкоторые общіе педагогическіе вопросы. Его взгляды были для меня тѣмъ болѣе интересны, что профессоръ Эрленмейеръ — единственный, изъ встрѣтившихся мнѣ за границею и бесѣдовавшихъ со мною объ общихъ педагогическихъ вопросахъ, *серьезный* ученый, пользующійся общепризнаннымъ авторитетомъ въ своей наукѣ, который придастъ естественнымъ наукамъ въ извѣстномъ отношеніи столь же важное образовательное значеніе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ и древнимъ языкамъ. Такъ какъ онъ обязательно сообщилъ мнѣ записку, поданную имъ по этому

вопросу въ баварское министерство, то я могу его же словами передать его мнѣніе. Оно заключается въ слѣдующемъ: „Причина тому, что баварскія реальныя гимназіи до сихъ поръ не развиваютъ умственныхъ способностей (точнѣе: разсудка, den Verstand) учениковъ въ одинаковой степени съ гуманистическими гимназіями, заключается не въ томъ, чтобы древніе языки представляли болѣе пригодный для этой цѣли учебный матеріалъ, чѣмъ математика, естественныя науки и новѣйшіе языки со включеніемъ нѣмецкаго; но единственно въ томъ, что для древнихъ языковъ существуетъ методъ преподаванія (Lehrmethode), уже издавна выработанный, который, такъ сказать, *руководитъ* самого учителя, между тѣмъ какъ методы преподаванія математики, и въ особенности естественныхъ наукъ, для цѣлей формальнаго развитія находятся еще въ дѣтствѣ.

„Если бы мы имѣли достаточное количество вполне *дѣльныхъ* учителей для техническаго обученія, тогда они болѣе и болѣе усовершенствовались бы методы преподаванія“.

Для образованія такихъ *дѣльныхъ* учителей, профессоръ Эрленмейеръ предлагаетъ учрежденіе учительскихъ семинарій, въ коихъ кандидаты получали бы педагогическое образованіе.

Затѣмъ слѣдовало бы 1) подвергать кандидатовъ возможно строгѣйшему экзамену; 2) требовать отъ нихъ самостоятельной работы, въ доказательство ихъ способности быть *двигателями* науки, и 3) посредствомъ пробной лекціи убѣждаться въ ихъ способности преподавать свой предметъ такимъ образомъ, чтобы привлекать вниманіе слушателей.

„Тогда“, говоритъ онъ, „мы *со временемъ* получили бы для промышленныхъ училищъ и реальныхъ гимназій преподавателей столь же *дѣльно* образованныхъ и способныхъ содѣйствовать формальному образованію учениковъ, какіе уже давно имѣются для гуманистическихъ гимназій“.

Здѣсь было бы неумѣстно входить въ критическій разборъ личнаго мнѣнія высокоуважаемаго профессора о сравнительномъ значеніи, съ одной стороны, древнихъ языковъ, а съ другой—математики, естественныхъ наукъ и новѣйшихъ языковъ при воспитаніи юношества. Позволю себѣ замѣтить лишь слѣдующее: 1) профессоръ Эрленмейеръ сравниваетъ значеніе обоихъ родовъ учебныхъ предметовъ лишь относительно развитія *разсудка*; но такъ какъ ни одинъ здравомыслящій

педагогъ не скажетъ, что воспитаніе должно имѣть въ виду только развитіе одного разсудка, то очевидно, что какъ бы ни была велика образовательная сила математики, естественныхъ наукъ и новѣйшихъ языковъ, эти предметы никакъ не могутъ *замѣнить* древнихъ языковъ, развивающихъ гармонически всѣ способности, всего *человѣка*, почему основанная на нихъ система воспитанія и называется гуманистическою. 2) Вліяніе математики, естественныхъ наукъ и новѣйшихъ языковъ на развитіе умственныхъ способностей никакъ нельзя признавать равносильнымъ, и даже между естественными науками физика имѣетъ иное значеніе, нежели естественная исторія. Математика упражняетъ и развиваетъ уже въ низшихъ классахъ *мыслительную* способность учениковъ, тогда какъ естественныя науки въ тѣхъ же классахъ могутъ только изощрять въ извѣстной степени наблюдательную способность и память. Поэтому математика въ системѣ средняго общеобразовательнаго или гуманистическаго воспитанія имѣетъ, на ряду съ древнимъ языками, весьма важное значеніе, какого не могутъ имѣть ни естественныя науки, особенно чисто описательныя, т. е., естественная исторія, — ни новѣйшіе языки. 3) Мнѣніе профессора Эрленмейера чисто *субъективно*, не подкрѣпляемое никакими *объективными* доказательствами, какихъ и быть еще не можетъ, ибо самъ онъ, какъ челоѣкъ глубоко и многосторонне образованный, съ полнѣйшею добросовѣстностію и откровенностію сознается, что методы преподаванія естественныхъ наукъ находятся еще въ дѣтствѣ и что для усовершенствованія ихъ нужно предварительно образовать вполнѣ *дѣльныхъ* учителей. Далѣе, это мнѣніе не раздѣляется большинствомъ даже ближайшихъ товарищей ученаго профессора. Такъ, на примѣръ, при нашемъ разговорѣ присутствовалъ и принималъ въ немъ живое участіе извѣстный минералогъ, профессоръ д-ръ Гаусгоферъ, и рѣшительно отстаивалъ преимущество древнихъ языковъ, какъ образовательнаго средства, передъ естественными науками. Съ неменьшею рѣшительностію то же преимущество древнихъ языковъ даже въ сравненіи съ математикою доказывалъ при бесѣдѣ со мною ученый зодчій великолѣпнаго мюнхенскаго политехническаго института, почетный членъ академіи художествъ въ Вѣнѣ и Мюнхенѣ, профессоръ архитектуры Нейрейтеръ, предстоятель строительнаго отдѣла этого института; также директоръ онаго, членъ баварской академіи наукъ, профессоръ геодезіи и инженерныхъ наукъ Вауэрнфейндъ. И военное министерство въ Баваріи ставитъ классическое

образованіе выше реальнаго, ибо, какъ мнѣ сообщилъ профессоръ физики при военной академіи, д-ръ Карль, въ военное училище принимаются безразлично всѣ абитуриенты гуманистическихъ гимназій: изъ реальныхъ же училищъ только *отличнѣйшіе*, не смотря на то, что въ послѣднихъ математика проходится весьма серьезно, а въ первыхъ, т. е., гуманистическихъ гимназіяхъ, абитуриенты бывають до того слабы въ этой наукѣ, что, по замѣчанію профессора Гаусгофера, многіе изъ нихъ не имѣють даже яснаго понятія о томъ, что такое параллельныя линіи. Наконецъ самъ профессоръ Эрленмейеръ потому собственно и настаиваетъ на важности преподаванія математики и естественныхъ наукъ, что на эти предметы, какъ я сейчасъ упомянулъ, въ баварскихъ гуманистическихъ гимназіяхъ обращается ужъ слишкомъ мало вниманія. Что же касается подготовки молодыхъ людей въ индустріальныхъ школахъ для поступленія въ политехнику, то профессоръ Эрленмейеръ вовсе не считаетъ такой подготовки за лучшую, ибо индустріальная школа сама есть лишь низшая степень политехники, почему вышедшіе оттуда воспитанники слишкомъ много думаютъ о своихъ техническихъ познаніяхъ, и притомъ умственно не такъ развиты, какъ воспитанники гимназій. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, профессоръ Эрленмейеръ соглашается, что лучшею подготовкою для высшихъ специальныхъ училищъ, по крайней мѣрѣ въ наше время, былъ бы все-таки курсъ гуманистическихъ гимназій, еслибы только въ нихъ было обращено болѣе серьезное вниманіе на математику и физику.

Кромѣ названныхъ уже лицъ, меня интересовало знакомство съ профессоромъ механики и машипостроенія Людвигомъ, который съ полною готовностію сообщилъ мнѣ свои взгляды на преподаваніе механики при высшихъ и среднихъ техническихъ училищахъ.

Въ бытность мою въ Мюнхенѣ, въ промышленномъ училищѣ происходили экзамены; къ нимъ же готовились и въ индустріальной школѣ. Не смотря на то, благодаря любезности гг. ректоровъ Миллера и Клейнфеллера, я бывалъ по нѣскольку разъ въ этихъ заведеніяхъ и особенно подробно осмотрѣлъ механическую мастерскую, принадлежащую индустріальной школѣ.

Впрочемъ, устройство баварскихъ реальныхъ, промышленныхъ и индустріальныхъ училищъ, а также политехническаго института, съ достаточною подробностію описано въ отчетѣ А. И. Георгіевскаго на

стр. 91 — 114, такъ что мнѣ остается лишь указать на перемѣны, послѣдовавшія послѣ его пребыванія въ Баваріи. Объ одной изъ нихъ, и притомъ чрезвычайно важной, я уже имѣлъ случай упомянуть: съ 1-го декабря 1871 года всѣ техническія учебныя заведенія, состоявшія дотолѣ въ вѣдѣніи министерства торговли, подчинены министерству народнаго просвѣщенія. Такою перемѣною весьма довольны всѣ тѣ лица, съ которыми мнѣ приходилось говорить объ этомъ; отъ нея ожидаютъ важныхъ улучшеній и особенно большаго единства въ направленіи всѣхъ учебныхъ заведеній. Уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ подчиненія политехники министерству просвѣщенія, именно 16-го мая 1872 года, послѣдовало королевское разрѣшеніе объ открытіи при ней новаго отдѣленія — сельскохозяйственнаго, которое и было открыто съ 18⁷²/₇₃ учебнаго года подъ руководствомъ профессора Леманна.

Я имѣлъ удовольствіе познакомиться и съ этимъ ученымъ, который мнѣ показывалъ рядъ опытовъ надъ взращиваніемъ растений въ водѣ, пескѣ и толченомъ торфѣ. Эти опыты были для меня тѣмъ болѣе интересны, что имѣютъ важное практическое значеніе и не были еще обнародованы; поэтому считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ ихъ результатѣ.

Извѣстно, что можно воспитывать растенія безъ твердой почвы если корни ихъ будутъ находиться въ водномъ растворѣ неорганическихъ составныхъ частей растенія, съ примѣсью соли, содержащей азотъ, для чего употреблялась иногда азотнокислая соль, напр., селитра, а иногда соль амміачная, напр., сѣрнокислый амміакъ. Но такія взращиванія не всегда удавались, а причины этихъ неудачъ были неизвѣстны. Профессоръ Леманнъ разрѣшилъ этотъ вопросъ, доказавъ, что причина кроется не во внѣшнихъ или случайныхъ обстоятельствахъ, но въ самомъ растеніи. Онъ нашелъ, что растенія не могутъ извлекать необходимый имъ азотъ безразлично изъ азотнокислой или амміачной соли; нѣкоторыя способны разлагать лишь азотнокислую соль, а другія только амміачную. И потому, для успешнаго воспитанія даннаго растенія нужно знать или предварительно опредѣлить, къ какой изъ этихъ двухъ категорій оно принадлежитъ.

Другой рядъ опытовъ, не менѣе любопытныхъ, произведенъ профессоромъ Леманномъ надъ одновременнымъ вскармливаніемъ молодыхъ животныхъ различною пищею, для доказательства вліянія фосфорнокислыхъ солей на образованіе костной системы. Вообще новый

агрономическій отдѣлъ политехническаго училища принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ. Курсъ ученія въ немъ двухлѣтній: въ первый годъ проходятся предметы общіе и приготовительные: физика, химія, естественная исторія, механика, землемѣріе, финансовая наука; во второй — физиологія питанія и спеціальные предметы по агрономіи.

Кромѣ этого агрономическаго отдѣла мюнхенской политехники, я посѣщала еще спеціальное агрономическое училище, находящееся близъ Фрейзинга, на разстояніи около часа ѣзды отъ Мюнхена.

Вейенстефанское центральное агрономическое училище.

Это учебное заведеніе именуется Вейенстефанскимъ по названію казеннаго имѣнія, отданнаго въ распоряженіе училища и состоящаго приблизительно изъ 250 десятинъ земли. При немъ устроены: большая пивоварня, винокурня, заводы для обжиганія кирпичей и извести, сыроварня, пчеловодство, газовый заводъ, опытные поля, сады, огороды, паркъ, метеорологическая станція, химическая и физиологическая лабораторіи; хорошо снабженные кабинеты по разнымъ отраслямъ преподаванія и вообще всѣ нужныя учебныя пособия, которыхъ я, по недостатку времени, не могъ осмотрѣть въ подробности, хотя ученый директоръ училища, д-ръ Вентцъ, съ обязательнымъ радушіемъ предлагалъ мнѣ показать всѣ принадлежности онаго.

Воспитанники принимаются не моложе 16-ти лѣтъ, окончившіе курсъ ученія въ промышленной школѣ или въ секундѣ реальной гимназій и занимавшіеся практически 2 года сельскимъ хозяйствомъ. Последнее условіе можетъ быть замѣняемо пребываніемъ въ особомъ приготовительномъ практическомъ курсѣ при самомъ училищѣ въ продолженіе одного года.

Преподавателей при училищѣ девять, ассистентовъ и завѣдующихъ практическими работами семь. Воспитанниковъ въ 187½ году было 131.

Курсъ ученія продолжается два года; предметы распределены по слѣдующему плану:

ТЕХНИЧЕСКІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ ЕВРОПѢ.

Предметы.	С Е М Е С Т Р Ы .				ВСЕГО.
	1-й зими.	2-й лѣтн.	3-й зими.	4-й лѣтн.	
а) Чтенія:					
1) Ариметика и начала геометріи.	4	—	—	—	2
2) Физика	3	—	—	—	1 ¹ / ₂
3) Химія	4	4	—	1	4 ¹ / ₂
4) Естественная исторія.	4	3	—	—	3 ¹ / ₂
5) Анатомія и физиологія растений.	—	3	—	—	1 ¹ / ₂
6) Анатомія и физиологія домашнихъ животныхъ	4	—	—	—	2
7) Патологія растений	—	—	—	2	1
8) Ученіе о почвѣ	—	3	—	2	2 ¹ / ₂
9) Разведеніе растений	—	—	5	2	3 ¹ / ₂
10) Скотоводство	—	2	4	1	3 ¹ / ₂
11) Наружный осмотръ животныхъ .	—	—	—	2	1
12) Лѣченіе животныхъ	—	—	—	2	1
13) Технологія	—	—	4	3	3 ¹ / ₂
14) Прикладная механика	—	—	2	—	1
15) Земледѣльческія орудія	4	—	—	—	2
16) Землемѣріе.	1	—	—	—	¹ / ₂
17) Строительное искусство	—	—	2	—	1
18) Закоповѣдѣніе	—	—	2	2	2
19) Счетоводство и книговодство. .	2	4	—	1	3 ¹ / ₂
20) Народное хозяйство	—	—	3	—	1 ¹ / ₂
21) Земледѣльческое хозяйство. . .	—	—	2	1	1 ¹ / ₂
22) Лѣсоводство	—	—	2	2	2
23) Оцѣнка имѣній	—	—	—	2	1

Предметы.	Семестры.				Всего.
	1-я зимн.	2-я лѣтн.	3-я зимн.	4-я лѣтн.	
б) Практическія занятія:					
1) Работы въ химической лабораторіи	—	4	—	—	2
2) Работы въ технической лабораторіи	—	—	4	2	3
3) Работы въ микроскопической лабораторіи	—	2	—	—	1
4) Ботаническія экскурсіи	—	2	—	—	1
5) Экскурсіи по садоводству, сельскому хозяйству, лѣсоводству	—	—	—	8	4
6) Землеѣріе и нивелировка	—	4	—	2	3
7) Рисованіе и черченіе	4	—	2	—	3
Итого	30	31	32	35	64

Кромѣ этого общаго курса, есть еще спеціальнѣй для пивоваровъ и винокуровъ, продолжающійся два семестра.

Мюнхенское городское коммерческое училище.

Въ Мюнхенѣ существуетъ городское трехклассное коммерческое училище, довольно значительное по числу воспитанниковъ (около 250). Въ это училище принимаются мальчики не моложе 12-ти лѣтъ, усвоившіе учебные предметы элементарной школы и начала французскаго языка. Не удовлетворяющіе этимъ условіямъ могутъ поступить въ приготовительный курсъ, продолжающійся одинъ годъ. Учебный планъ коммерческаго училища въ Мюнхенѣ:

Предметы.	К л а с с ы.				В С Е Г О.
	Приготовительн.	1.	2.	3.	
1) Законъ Божій	2	1	1	1	5
2) Языкъ нѣмецкій	8	4	3	2	17
3) > французскій	3	4	4	4	15
4) > англійскій	—	3	4	4	11
5) > итальянскій	—	—	3	3	6
6) Исторія	2	2	2	2	} 15
7) Географія	3	2	2	—	
8) Ариѳметика и алгебра	5	5	4	4	} 20
9) Геометрія	—	—	—	2	
10) Коммерческія науки	—	3	4	5	} 14
11) Коммерческая географія и исторія торговли	—	—	—	2	
12) Естественная исторія съ товаро-вѣдѣніемъ	3	3	—	—	} 13
13) Физика	—	—	3	—	
14) Химія и минералогія	—	—	—	4	} 4
15) Стенографія	—	2	1	1	
16) Рисованіе и черченіе	2	2	2	—	6
17) Чистописаніе	4	3	2	2	11
Итого	32	34	35	36	137

По этому плану на языки приходится около 35% всего учебнаго времени, изъ нихъ на нѣмецкій нѣсколько болѣе одной трети, именно 12%; на математику 14 1/2, то-есть, на 2 1/2% болѣе, нежели въ Парижскомъ торговомъ училищѣ, и въ 1 1/2 раза болѣе, чѣмъ въ тамошнемъ высшемъ коммерческомъ училищѣ; а на коммерческія науки съ небольшимъ 10%, то-есть, на 3% менѣе, чѣмъ въ Парижскомъ

торговомъ, и въ $2\frac{1}{2}$ раза менѣе, чѣмъ въ высшемъ коммерческомъ училищѣ.

Мюнхенское промышленно-художественное училище.

Вполнѣ заслуженною славою пользуется промышленно-художественное училище, основанное въ Мюнхенѣ въ 1868 году. По уставу своему оно имѣетъ задачей сообщать воспитанникамъ ту степень художественнаго образованія, которая необходима для того, чтобы быть ремесленникомъ-художникомъ. Предметы обученія: рисованіе и живопись, архитектурное черченіе, ученіе о перспективѣ и тѣняхъ; моделированіе изъ глины, воску и дерева; чеканеніе и эмальированіе; исторія искусствъ. При училищѣ 10 профессоровъ, со включеніемъ директора, живописца Дика, который показывалъ мнѣ училище и работы воспитанниковъ, достигающія замѣчательнаго совершенства, и подробно изложилъ мнѣ ходъ обученія, въ основаніе котораго полагается изученіе образцовъ и формъ древняго искусства, а затѣмъ формъ эпохи возрожденія, какъ переходныхъ къ современному искусству.

Для оцѣнки употребляемыхъ въ баварскихъ промышленныхъ училищахъ при рисованіи и черченіи оригиналовъ была учреждена, два года тому назадъ, особая коммиссія. Работы этой коммиссіи не обнародованы, но такъ какъ я считалъ полезнымъ узнать о результатахъ ея дѣятельности, то обратился съ этою цѣлію въ завѣдывающему въ министерствѣ отдѣломъ техническихъ училищъ правительственному совѣтнику (Regierungsrath) Цейтльману, который съ полною готовностію исполнилъ мое желаніе и прислалъ мнѣ подробные списки тѣхъ сочиненій по части рисованія и черченія, которыя означенною коммиссіею были одобрены, какъ хорошія и весьма хорошія.

VI.

АВСТРІЯ.

Пробывъ 6 дней въ Мюнхенѣ, я выѣхалъ оттуда $18\frac{1}{2}$ -го іюля, утромъ, въ Вѣну. Къ сожалѣнію, въ Австріи всѣ учебныя заведенія были уже закрыты, ибо въ 1873 году, по случаю вѣнской выставки, вакаціи начались почти мѣсяцемъ раньше обыкновеннаго. Поэтому могу лишь изложить то, что мнѣ удалось узнать изъ бесѣдъ съ нѣкоторыми лицами и изъ печатныхъ источниковъ.

Считая обязанностію осмотрѣть, хотя бѣглымъ взоромъ, педагогическій отдѣлъ всемірной выставки, я обратился прежде всего къ завѣдывавшему выставкою учебныхъ предметовъ Австрійской имперіи, областному инспектору училищъ (Landes-Schulinspektor) Праусеку, автору нѣсколькихъ брошюръ о первоначальномъ обученіи и большаго сочиненія объ улучшеніи народныхъ школъ въ Австріи. Этотъ почтенный и опытный педагогъ съ необыкновеннымъ радушіемъ объяснялъ всѣмъ посѣтителямъ выставки все, что было интереснаго въ его отдѣлѣ, и этимъ оказывалъ истинное благодѣяніе особенно тѣмъ, кто не могъ оставаться довольно долго въ Вѣнѣ, чтобы вникнуть въ подробности выставки, при помощи однихъ каталоговъ.

Какъ въ австрійскомъ, такъ и въ прочихъ отдѣлахъ, я обращалъ вниманіе преимущественно на учебныя пособія, изъ коихъ о нѣкоторыхъ буду имѣть случай упомянуть въ спеціальной части настоящаго отчета. Изъ напечатанныхъ въ Вѣнѣ по поводу выставки изданій я имѣлъ случай пріобрѣсти, кромѣ каталоговъ, слѣдующія: 1) Отчетъ объ австрійскомъ учебномъ вѣдомствѣ, составленный министерски совѣтникомъ Фиккеромъ; книга весьма подробная и интересная, содержащая исторію австрійскихъ училищъ съ 1750 года. 2) Краткій отчетъ объ успѣхахъ среднихъ промышленныхъ училищъ въ Австріи въ 1872 году, составленный барономъ фонъ-Думрейхеромъ. 3) Исторія вѣнской коммерческой академіи. Эти сочиненія мнѣ были подарены ихъ авторами.

Въ брошюрѣ г. Думрейхера, основанной на официальномъ отчетѣ министерства просвѣщенія за 1872 г., изложено, между прочимъ, какія училища въ Австріи подвѣдомы министерству торговли и какія министерству просвѣщенія.

Къ первымъ принадлежатъ только тѣ училища, которыя имѣютъ рѣзко выраженный частно-спеціальный (fachlich) характеръ и примыкаютъ къ *отдѣльному* фабричному или домашнему промыслу, и то лишь тогда, когда въ ихъ учебный планъ вовсе не входятъ или входятъ лишь въ ограниченномъ объемѣ предметы не только общеобразовательнаго, но даже *общепромышленнаго* характера; таковы, напримеръ, ткацкія училища, но въ такихъ только случаяхъ, когда они не составляютъ отдѣленія общепромышленнаго учебнаго заведенія.

Затѣмъ всѣ остальные техническія училища подвѣдомы министерству народнаго просвѣщенія, и при томъ не только высшія, каковы

политехническіе институты и вѣнская коммерческая академія, но и среднія и низшія. Г. Думрейхеръ перечисляетъ слѣдующія:

1) Училища, въ учебный планъ коихъ входятъ, въ нѣсколько болѣе обширномъ объемѣ, общеобразовательные предметы, напримѣръ, математика, механика, общая химія. (Замѣчательно, что здѣсь и механика, и химія отнесены къ общеобразовательнымъ предметамъ).

2) Училища, имѣющія назначеніемъ восполнять недостатки образованія, даваемого въ народныхъ школахъ, каковы такъ называемыя ремесленныя образовательныя школы для рабочихъ (Gewerbliche Fortbildungsschulen), или отдѣльныя курсы при народныхъ училищахъ.

3) Собственно среднія промышленныя училища, какъ напримѣръ, строительныя, машиностроительныя, а также и тѣ, въ которыхъ есть нѣсколько спеціальныхъ отдѣленій, какъ торговопромышленная академія въ Градцѣ или строительно-механическое промышленное училище въ Вѣнѣ.

Изъ преподавателей Вѣнскаго политехническаго института я имѣлъ удовольствіе познакомиться лишь съ профессоромъ машиностроенія, фонъ-Гримбургомъ, благодаря тому обстоятельству, что онъ, какъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ специалистовъ по части практической механики, былъ назначенъ предсѣдателемъ машиннаго отдѣленія всемірной выставки и потому, не смотря на вакаціи, не могъ уѣхать изъ Вѣны.

Вѣнское промышленное училище.

Г. Гримбургъ совѣтовалъ мнѣ ознакомиться, на сколько то было возможно, съ Вѣнскимъ строительно- и механико-промышленнымъ училищемъ (Bau- und Maschinen-Gewerbeschule) и для этой цѣли навѣстить председателя машиннаго отдѣленія этого училища, профессора машиновѣдѣнія и машиностроенія г. Вейнера.

Отыскавъ г. Вейнера, я былъ крайне смущенъ, когда узналъ, что я пріѣхалъ къ нему наканунѣ его свадьбы; но еще болѣе, когда онъ съ величайшимъ радушіемъ предложилъ мнѣ тотчасъ же ѣхать съ нимъ въ училище, гдѣ хотя и не было ученія, но онъ показалъ мнѣ ходъ преподаванія машиностроенія на чертежахъ воспитанниковъ.

Училище это, первое въ такомъ родѣ въ Австріи, лишь съ 18⁷⁰/₇₁ учебнаго года преобразовало изъ промышленно-рисовальной школы, и въ первый годъ имѣло уже 163 воспитанника. Оно состоитъ изъ

трехъ отдѣленій: приговорительнаго съ одногодичнымъ курсомъ, строительнаго и механическаго съ двухгодичнымъ. Воспитанники принимаются не моложе 14 лѣтъ, кончившіе ученіе въ 4-хъ-классной народной школѣ и занимавшіеся практически какою-нибудь отраслю техники. Плата за ученіе лишь 6 гудденовъ (около 4-хъ рублей) за полугодіе. Преподаваніе въ 1-мъ приговорительномъ классѣ общее, а во 2-мъ и 3-мъ—отдѣльное для техниковъ-строителей и для механиковъ. Вотъ учебный планъ приговорительнаго и механическаго отдѣленій:

Предметы.	СЕМЕСТРЫ.						ВСЕГО.
	1-й.	2-й.	3-й.	4-й.	5-й.	6-й.	
1) Нѣмецкій языкъ	2	3	—	—	—	—	2 ¹ / ₂
2) Исторія и географія	2	2	—	—	—	—	2
3) Математика	5	6	3	3	—	—	8 ¹ / ₂
4) Физика	3	4	—	—	—	—	3 ¹ / ₂
5) Механика	—	—	12	10	—	—	11
6) Механическая технология	—	—	3	3	—	—	3
7) Строительное искусство	—	—	3	2	—	—	2 ¹ / ₂
8) Землемѣріе и нивелировка	—	—	—	6	—	—	3
9) Машиновѣдѣніе	—	—	—	—	12	12	12
10) Машиностроеніе:							
а) Машины-орудія	—	—	—	—	4	—	} 10
б) Насосы и водопроводы	—	—	—	—	4	—	
в) Мельницы	—	—	—	—	—	4	
г) прядильныя и ткацкія машины (необязательно) ¹⁾	—	—	—	—	4	4	
11) Построеніе вагоновъ	—	—	—	—	—	4	2
12) Промышленная бухгалтерія	—	3	—	—	—	—	1 ¹ / ₂

¹⁾ Не желающіе слушать этотъ курсъ употребляютъ назначенные для него часы на составленіе исполнительныхъ чертежей машинъ.

Предметы.	Семестры.						Всего.
	1-я.	2-я.	3-я.	4-я.	5-я.	6-я.	
13) Рисованіе	10	10	—	—	—	—	10
14) Черченіе.	10	10	4	—	—	—	} 22
15) > ситуационное	—	—	—	2	—	—	
16) > машинъ	—	—	10	8	—	—	} 12
17) Исполнительные чертежи машинъ	—	—	—	—	12	12	
Итого	32	38	35	34	36	36	105½

При сравненіи этого учебнаго плана съ планомъ механическаго отдѣла прусскихъ промышленныхъ училищъ, въ послѣднемъ оказывается значительный перевѣсъ общеобразовательныхъ предметовъ, а въ первомъ — специальныхъ. Напримѣръ, въ прусскихъ училищахъ на математику приходится 20 часовъ, въ вѣнскомъ лишь 8½ часовъ; но за то въ послѣднемъ приходится на механику, механическую технологию и машиповѣдѣніе 26 часовъ, противъ 10-ти часовъ въ прусскихъ, по черченію 22—противъ 15-ти, а по машиностроенію вмѣстѣ съ составленіемъ исполнительныхъ чертежей 22, противъ 7-ми часовъ въ прусскихъ промышленныхъ училищахъ.

Такое необыкновенно большое число уроковъ по специальнымъ предметамъ обуславливается, по словамъ профессора Вейнера, слишкомъ плохую подготовкою поступающихъ въ училище воспитанниковъ, вслѣдствіе чего приходится преподавать чрезвычайно медленно, дѣлать постоянно репетиціи и такимъ образомъ какъ бы *удалбливать* имъ въ голову изучаемые предметы. И въ годовомъ отчетѣ о состояніи училища высказывается отъ лица всѣхъ преподавателей сдѣланное ими наблюденіе, что недостаточная предварительная подготовка учениковъ сильно препятствуетъ успѣхамъ обученія и затѣмъ выражается убѣжденіе, что только поднятіе уровня народныхъ и городскихъ школъ можетъ устранить это препятствіе. Съ такимъ мнѣніемъ соглашается и профессоръ фонъ-Гримбургъ, хотя онъ, съ другой стороны, вовсе не желаетъ, чтобы промышленное училище получило само значеніе подготовительной къ политехническому институту

школы; для послѣдней цѣли онъ, подобно его цюрихскимъ и мюнхенскимъ товарищамъ, отдаетъ самое рѣшительное предпочтеніе гуманическимъ гимназіямъ и, вслѣдствіе того, считаетъ реальныя училища нѣмецкаго образца совершенно ненужными и жалѣеть о ихъ существованіи. На вопросъ мой, не извѣстно-ли ему, какъ объ этомъ думаютъ его ближайшіе товарищи, то-есть, прочіе профессора вѣнской политехники, уважаемый профессоръ отвѣтилъ, что предварительная подготовка воспитанниковъ считается всѣми профессорами весьма важнымъ для института дѣломъ; что они не рѣдко объ этомъ бесѣдовали между собою; что большинство его товарищей безусловно раздѣляетъ его убѣжденіе въ *превосходствѣ* гимназической подготовки и что, наконецъ, онъ можетъ положительно утвердить, что ни одинъ изъ нихъ не отдастъ *преимуществва* воспитанникамъ, получившимъ образованіе въ реальныя училищахъ. „Вслѣдствіе такого-то общаго убѣжденія“, заключилъ онъ, „я и утверждаю съ полною угрѣненностію, что реальныя училища совершенно бесполезны“.

Во время пребыванія своего въ Вѣнѣ, я нѣсколько разъ имѣлъ удовольствіе бесѣдовать съ о. протоіереемъ Раевскимъ, который, съ обычною ему ревностію и готовностію служить интересамъ отечества на всякомъ доступномъ ему поприщѣ, предлагаетъ министерству народнаго просвѣщенія свое посредничество для отысканія учителей реальныя училищъ изъ австрійскихъ. Славяны, на случай, еслибы у насъ въ Россіи оказался недостатокъ въ преподавателяхъ по нѣкоторымъ спеціальностямъ.

30-го іюля
11-го августа я отправился изъ Вѣны въ Прагу, куда прибылъ вечеромъ того же дня. На другое утро я поѣхалъ въ Чешскій политехническій институтъ, гдѣ засталъ одного профессора архитектуры, извѣстнаго архитектора Никласа, который сообщилъ мнѣ нѣкоторыя замѣчанія о способахъ обученія рисованію и строительному искусству. Въ Чешскомъ музеѣ я засталъ помощника директора, Адольфа Осиповича Патеру, извѣстнаго всѣмъ Русскимъ, посѣщавшимъ Прагу, по необыкновенному радушію и самоотверженію, съ какимъ онъ готовъ служить каждому путешественнику по чешской столицѣ. Г. Патера поѣхалъ и со мною къ разнымъ профессорамъ, съ коими я желалъ познакомиться; изъ нихъ мы застали одного г. Студничку, профессора высшей математики при Пражскомъ университетѣ, съ которымъ мнѣ было тѣмъ болѣе приятно познакомиться, что онъ приписываетъ

часть СЛХХІІ, отд. 3.

самое живое участіе въ нашемъ учебномъ дѣлѣ и, будучи знакомъ съ русскимъ языкомъ, даже слѣдитъ за нашею учебною литературою. Такъ, когда у насъ зашла рѣчь о томъ, на сколько въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ умѣстно преподаваніе ученія о детерминантахъ, то профессоръ Студничка подарилъ мнѣ изданное имъ сочиненіе о детерминантахъ (переведенное въ Прагѣ же на русскій языкъ студентомъ Кіевскаго университета Мацѣевскимъ), но въ то же время указалъ мнѣ на статью объ этомъ предметѣ въ алгебрѣ извѣстнаго нашего математика А. Ю. Давидова, отзываясь какъ объ этой статьѣ, такъ и о всей книгѣ самымъ лестнымъ для автора образомъ, и притомъ изъявилъ желаніе, чтобы алгебра г. Давидова была переведена на чешскій языкъ, какъ одно изъ лучшихъ руководствъ, изданныхъ по этой наукѣ для среднихъ учебныхъ заведеній не только на русскомъ языкѣ, но и на нѣмецкомъ.

Г. Студничка обязательно предложилъ познакомить меня съ профессоромъ нѣмецкой политехники Шмидтомъ, преподававшимъ нѣсколько лѣтъ машиностроеніе, а затѣмъ, по недостатку въ свободномъ времени, перешедшимъ на кафедру механики и машиновѣдѣнія, и потому одинаково опытнымъ во всѣхъ частяхъ механики. Но мы не застали г. Шмидта и я отправился къ нему на слѣдующее утро. Ученый профессоръ принялъ меня чрезвычайно любезно и съ удовольствіемъ вспоминалъ о времени, проведенномъ имъ въ Россіи, гдѣ онъ находился около года, во время основанія Рижскаго политехническаго института. У него и въ тотъ же день имѣлъ удовольствіе познакомиться съ извѣстнымъ ученымъ профессоромъ геодезіи Коржисткомъ, которому мы обязаны замѣчательною запискою объ устройствѣ реальныхъ училищъ въ Россіи (см. отчетъ А. И. Георгіевскаго, стр. 72—84). Затѣмъ уже профессоръ Шмидтъ посвящалъ во все время пребыванія моего въ Прагѣ, каждый день по нѣскольку часовъ на бесѣду со мною. Получивъ, передъ отъѣздомъ изъ Вѣны, пересланные мнѣ изъ министерства чрезъ о. Раевского учебные планы и примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ реальныхъ училищахъ, я показывалъ г. Шмидту программу механики и учебный планъ составленія исполнительныхъ чертежей машинъ. Опъ нашелъ ихъ достаточно подробными и очень хорошо составленными. Касательно же учителей механики, какъ опъ, такъ и профессора Студничка и Коржистка, подтвердили слышанное мною уже прежде отъ многихъ специалистовъ по части механики мнѣніе, что эти учителя, кромѣ солиднаго теоретическаго образованія, непременно должны

имѣть навыкъ и въ практическихъ работахъ, для каковой цѣли г. Шмидтъ указывалъ на мастерскія, состоящія при Люттихскомъ спеціальному училищѣ и въ особенности на Московское техническое училище, коего устройство ему извѣстно какъ по Вѣпской выставкѣ, такъ и по знакомству съ главнымъ инженеръ-механикомъ этого училища, г. Бузеромъ.

Наконецъ, г. Шмидтъ обязательно предлагаетъ, въ случаѣ, еслибы наше министерство народнаго просвѣщенія пожелало выписывать учителей механики изъ Чеховъ, подвергать ихъ предварительному испытанію, словесному и письменному, для удостовѣренія учебнаго начальства въ ихъ преподавательскихъ способностяхъ. Какъ онъ, такъ и другіе профессора пражскихъ политехническихъ институтовъ, чешскаго и нѣмецкаго, находятъ такое предварительное испытаніе, и притомъ весьма серьезное, тѣмъ болѣе необходимымъ, что со времени введенія свободы обученія многіе изъ воспитанниковъ перестали заниматься съ надлежащимъ усердіемъ и прилежаніемъ.

Изъ Праги я выѣхалъ 6/18 августа въ Бреславль, а оттуда на другой день въ Бригъ, гдѣ посѣщалъ промышленныя училища мужское и женское, о коихъ уже упомянуто выше при описаніи прусскихъ промышленныхъ училищъ вообще.

Въ Бригѣ существуетъ еще агрономическое среднее училище, основанное Силезскимъ центральнымъ сельско-хозяйственнымъ обществомъ, открытое лишь въ концѣ прошлаго года. Оно не устроено еще окончательно, ибо помещается временно и весьма неудобно въ наемномъ домѣ. Директоръ г. Шульцъ, человекъ весьма образованный и опытный, показывалъ мнѣ имѣющіяся тамъ учебныя пособия и сообщилъ мнѣ учебный планъ училища. Это училище состоитъ изъ приготовительнаго полугоднаго класса и двухъ классовъ спеціальныхъ, въ коихъ ученіе продолжается по одному году. Воспитанники принимаются въ приготовительный классъ не моложе 14-лѣтняго возраста, прошедшіе съ успѣхомъ курсъ хорошей элементарной школы. Желаящіе поступить прямо въ 1-й спеціальный классъ, должны выдержать экзаменъ изъ предметовъ, преподаваемыхъ въ приготовительномъ классѣ.

Предметы раздѣляются на: а) общеобразовательныя; б) основныя и вспомогательныя, и с) спеціально-агрономическія.

Учебный планъ Бригскаго агрономическаго училища:

Предметы.	Семестры.					Всего.
	1-й.	2-й.	3-й.	4-й.	5-й.	
А. 1) Нѣмецкій языкъ	4	4	4	2	—	7
2) Исторія и географія	6	6	6	—	—	9
3) Математика	2	4	4	4	—	} 11
4) Упражненія въ арифметическихъ дѣйствіяхъ	4	2	2	—	—	
5) Рисованіе и черченіе	4	2	—	2	—	4
6) Чистописаніе	2	—	—	—	—	1
В. 1) Зоологія	3	2	—	—	—	} 8
2) Ботаника	3	2	2	—	—	
3) Минералогія	—	2	2	—	—	
4) Физика съ метеорологією	2	2	2	2	—	4
5) Химія съ технологією	2	2	2	2	2	5
6) Землемѣріе и нивелировка	—	—	2	—	2	2
7) Сельская архитектура	—	—	—	2	2	2
8) Сельскія орудія	—	—	—	2	2	2
9) Лѣченіе животныхъ	—	—	—	2	2	2
10) Исторія сельскаго хозяйства	—	—	—	2	2	2
В. 1) Воздѣлываніе растений	—	3	4	4	4	7 $\frac{1}{2}$
2) Садоводство	—	—	—	—	3	1 $\frac{1}{2}$
3) Скотоводство, пчеловодство и т. под.	—	3	4	4	7	9
4) Земледѣльческое хозяйство	—	—	—	4	6	5
5) Земледѣльческое счетоводство	—	—	—	2	2	2
6) Репетиціи изъ сельскаго хозяйства	—	—	—	—	2	1
Итого	32	34	34	34	36	85

Такъ какъ училище открыто недавно, то нельзя еще имѣть свѣдѣній ни о результатахъ, ни даже объ объемѣ, въ какомъ будетъ преподаваться большинство изчисленныхъ здѣсь предметовъ. Тѣмъ не менѣе, я счелъ этотъ учебный планъ достойнымъ вниманія потому, что основаніемъ ему послужилъ нормальный учебный планъ, составленный въ 1868 году королевскою экономическою коллегіею.

⁹/21 августа я выѣхалъ изъ Брига въ Глейвицъ. Тамошнее промышленное училище было послѣднее изъ видѣнныхъ мною за границею учебныхъ заведеній. Но такъ какъ оно было закрыто, то я на другой же день отправился въ Варшаву, ибо дальнѣйшее пребываніе за границею, по случаю наступившихъ всадѣ ваканцій, не могло бы уже принести никакой оцутительной пользы.

А. Гезенъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ ПЛАНА ¹⁾.

		Величина отдѣльныхъ комнатъ въ прусскихъ футахъ.	
		Глубина.	Длина.
<i>A. Трехклассная приготовительная школа.</i>			
a, a, a.	Комнаты классныя	20' —	26' —
b.	Комната для храненія учебн. пособій	20' —	9' —
c.	Зала рисовальная	20' 5"	64' 1"
d.	» для кабинетовъ естеств. исторіи	20' 10"	37' 7"
<i>B. Двухклассное промышленное училище.</i>			
e.	Комната классная для естественныхъ наукъ	20' —	26' —
f.	Комната для физическаго кабинета .	20' —	17' 6"
g.	» » собраній минераловъ и препаратовъ	20' —	17' 6"
h.	Комната классная для математики .	20' 5"	26' 5"
i, i.	Залы рисовальныя для I и II классовъ, каждая	20' 5"	64' 1"
<i>C. Специальный классъ.</i>			
k.	Аудиторія для архитекторовъ . . .	20' 10"	19' 6"
l.	Зала для упражненій архитекторовъ	20' 10"	44' 7"
m.	Комната для моделированія . . .	20' 10"	26' 5"
n.	Аудиторія для механиковъ	20' 10"	19' 6"
o.	Зала для упражненій механиковъ .	20' 10"	44' 7"
p.	Комната для храненія моделей архитектурныхъ	20' 10"	26' —
q.	Комната для храненія моделей машинныхъ деталей	— —	— —

¹⁾ См. Журн. Мин. Народн. Просв., февраль, 1874 г., стран. 63.

		Величина отдѣльных комнатъ въ прусскихъ футахъ.	
		Глубина.	Длина.
r.	Комната для храненія мѣрильныхъ (землемѣрн.) инструментовъ	20' 10"	10' —
s.	Комната для натягиванія рисоваль- ной бумаги	20' 10"	9' —
t.	Комната для гипсовъ	8' —	17' 6"
u.	Лабораторія	20' —	44' 10"
v.	Рабочая комната для учителя есте- ственныхъ наукъ	11' 2"	17' 6"

(Въ подвалѣ помѣщенія для аппаратовъ и др.)

D. Общія помѣщенія.

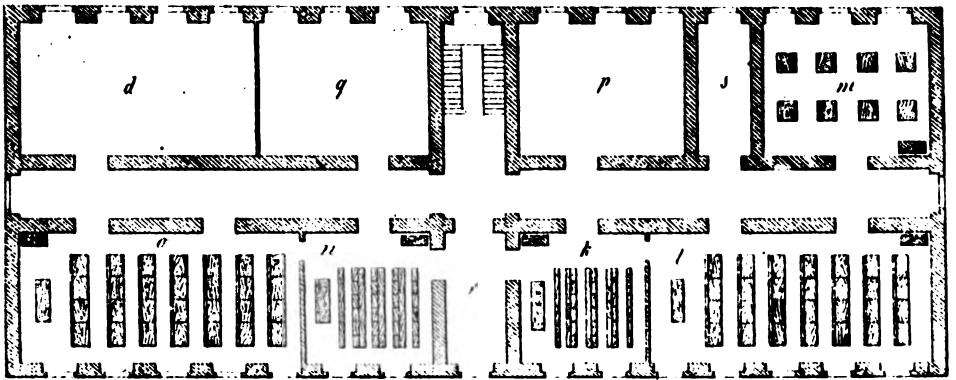
w.	Пріемная директора и конференцъ- зала	20' —	17' 6"
x.	Библиотека	20' —	17' 6"
y.	Комната для учителей	20' 5"	10' —
z.	Комната для храненія гипсов. моде- лей и оригинал. рисов.	20' 5"	26' —
a.	Комната для натягиванія рисоваль- ной бумаги	20' 5"	9' —

(Помѣщеніе для топлива въ подвалѣ).

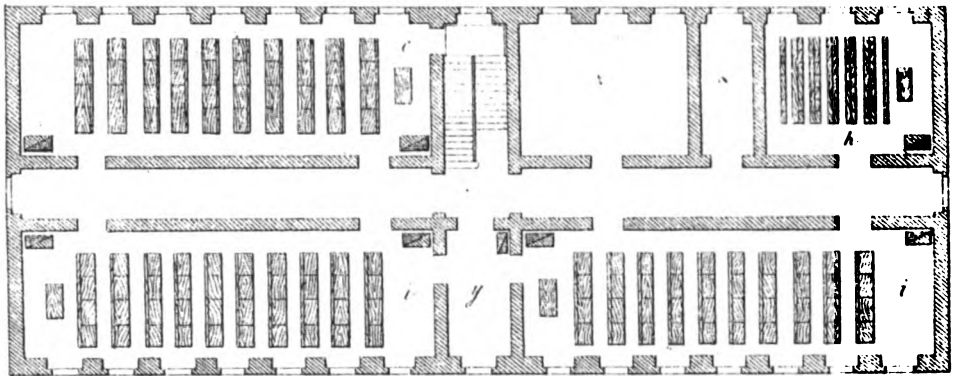
Вся застроенная площадь = $8.118\frac{3}{4}$ кв. фут.

ПРИМЕРНЫЙ ПЛАНЪ ПРУССКАГО ПРОМЫШЛЕННАГО УЧИЛИЩА
 съ 3^{ей} классною приготовительною школою.

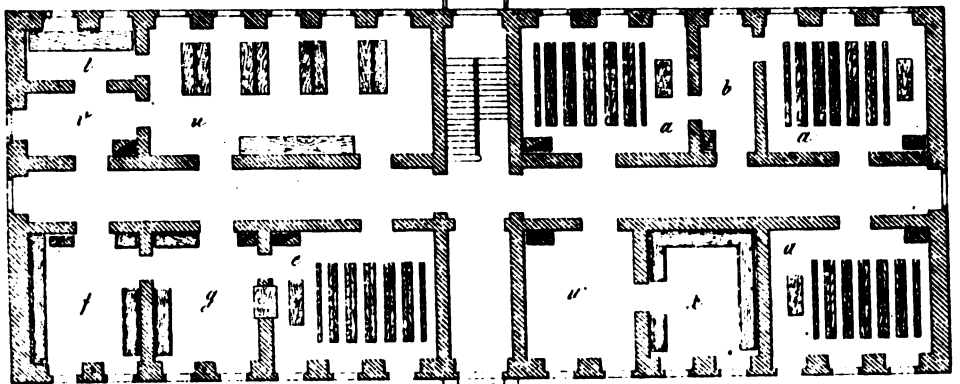
Третій этажъ.

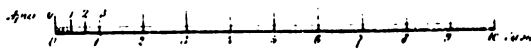
Второй этажъ.

Нижний этажъ.

Арх. 2 В К V

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Новороссійскаго университета въ 1873 году (раздѣленіе на факультеты и ихъ разряды; личный составъ преподавателей; вакантныя катедры; мѣры для усиленія учебной дѣятельности студентовъ; темы для соисканія награды медалями и присужденіе ихъ; ученые труды преподавателей и читанныя ими публичныя лекціи; удостоеніе ученыхъ степеней и званій; командированіе преподавателей по дѣламъ службы и съ ученою цѣлю; свидѣнія объ учащихъ; занятія въ учебно-вспомогательныхъ заведеніяхъ). — О возведеніи экстраординарнаго профессора Новороссійскаго университета Цитовича въ званіе ординарнаго профессора. — Заявленіе ординарнаго профессора университета св. Владиміра Иконникова о включеніи политической экономіи и статистики въ число обязательныхъ предметовъ курса историческаго отдѣленія историко-филологическаго факультета.

Къ 1-му января 1874 года въ Новороссійскомъ университетѣ состояло профессоровъ по факультетамъ: историко-филологическому — 6 ординарныхъ, 1 экстраординарный и 3 доцента; по физико-математическому — 13 ординарныхъ профессоровъ, 4 доцента, 1 астрономъ-наблюдатель и 4 лаборанта; по юридическому — 7 ординарныхъ профессоровъ, 1 экстраординарный и 3 доцента; сверхъ того, профессоръ православнаго богословія и 2 лектора новѣйшихъ иностранныхъ языковъ. Общее число наличныхъ штатныхъ преподавателей было: ординарныхъ профессоровъ, включая и профессора православнаго богословія — 27; экстраординарныхъ — 2, астрономъ-наблюдатель — 1, лекторовъ — 2 и лаборантовъ — 4. Независимо отъ сего, въ историко-

филологическомъ факультетѣ сторонній преподаватель читалъ лекціи по всеобщей исторіи, и въ физико-математическомъ факультетѣ состоитъ одинъ сверхштатный лаборантъ. Преподавательскихъ вакансій было: 8 — экстраординарныхъ профессоровъ, 2 — лектора иностранныхъ языковъ, а всего—10. Незамѣщенными оставались слѣдующія каѳедры: въ историко-филологическомъ факультетѣ — а) всеобщей исторіи и б) всеобщей литературы; въ физико-математическомъ — а) физической географіи и б) технической химіи; въ юридическомъ — а) энциклопедіи законовѣдѣнія, б) римскаго права и в) международнаго права; изъ нихъ вакантны: 1-я — съ 22-го марта 1872 года, 4-я—съ 13-го ноября 1869 года, 5-я—съ 14-го октября 1872 года, а остальные со времени открытія Новороссійскаго университета, то есть, съ 1-го мая 1865 года.

Въ теченіе 1873 года факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій—25, физико-математическій—37 и юридическій—24. Въ распредѣленіи предметовъ и порядкѣ преподаванія факультеты руководствовались прежними правилами, остававшимися въ силѣ и въ теченіе всего 1873 года. Вызванныя положеніемъ дѣль перемѣны заключались въ слѣдующемъ: въ историко-филологическомъ факультетѣ преподаваніе по вакантной каѳедрѣ всеобщей исторіи раздѣлено было между стороннимъ преподавателемъ, заслуженнымъ профессоромъ *Бруномъ* и ординарнымъ профессоромъ русской исторіи *Смирновымъ*; въ физико-математическомъ факультетѣ преподаваніе по вакантной каѳедрѣ физической географіи поручено было ординарному профессору физики *Шведову*, а преподаваніе по каѳедрѣ технической химіи—ординарному профессору химіи *Веригу*; преподаваніе химіи раздѣлено между профессоромъ *Веригу* и вновь вступившимъ въ число преподавателей доцентомъ *Климско*, а преподаваніе механики — между ординарнымъ профессоромъ *Карастелевымъ* и возвратившимся изъ за границы доцентомъ *Лининимъ*; преподаваніе практической астрономіи возложено на опредѣленнаго въ 1873 году астронома-наблюдателя, магистра *Блока*; въ юридическомъ факультетѣ поручено преподаваніе по вакантнымъ каѳедрамъ: энциклопедіи — доценту государственнаго права *Приартъ*, международнаго права—доценту полицейскаго права *Штислевскому*, римскаго права—ординарному профессору гражданскаго права *Кунцицкому*. Такъ какъ въ составъ этого факультета въ 1873 году вошли два новые преподавателя, то чтеніе лекцій по гражданскому судоустройству и судопроизводству возложено было на доцента *Маликина* и открыто вновь преподаваніе торговаго права экстра-

ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ гражданского права *Цитовичемъ*. По случаю командировки профессора *Болиншча* за границу, приостановлено преподаваніе исторіи славянскихъ законодательствъ.

Мѣрами къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ и способами контроля надъ ихъ занятіями служили, сверхъ полугодовыхъ и годовыхъ испытаній, въ историко-филологическомъ факультетѣ: особія практическія упражненія подъ руководствомъ профессора по классическимъ языкамъ, специальная разработка какого-либо отдѣла въ видѣ самостоятельныхъ сочиненій по предметамъ историческимъ, чтенія и переводы по славянскимъ нарѣчіямъ. Съ цѣлю усиленія преподаванія греческаго языка, чтеніе по этому предмету на II, III и IV курсахъ поручено, сверхъ наличнаго преподавателя, еще профессору сравнительнаго языкознанія *Мичу*. Юридическій факультетъ удержалъ письменныя работы студентовъ,—мѣру, введенную два года тому назадъ, и которая, по убѣжденію факультета, можетъ сохраниться и на будущее время только въ томъ случаѣ, если не будетъ найдено болѣе цѣлесообразныхъ способовъ усилить научную дѣятельность студентовъ. Доцентъ полицейскаго права *Шпилевскій* представилъ программу практическихъ занятій со студентами. Факультетъ отнесся къ такому предложенію съ полнымъ вниманіемъ, разрѣшилъ г. Шпилевскому ввести означенныя занятія со студентами IV курса въ систему своего преподаванія, а самый проектъ передалъ на разсмотрѣніе остальныхъ членовъ факультета въ видахъ выработки какой-нибудь общей мѣры. Въ физико-математическомъ факультетѣ практическія занятія студентовъ составляютъ необходимое условіе серьезнаго изученія факультетскихъ предметовъ. Для соисканія наградъ медалями, назначены были слѣдующія темы: отъ историко-филологическаго факультета—„Исторія изученія и раздѣленія славянскихъ нарѣчій отъ I. Добровскаго до нашихъ временъ“, и отъ юридическаго факультета—„Исторія крестьянскаго вопроса въ нынѣшнее царствованіе“. За представленныя на эти темы сочиненія удостоены медалями: за первое—студентъ IV курса Семень *Коропачинскій* золотую, за второе—студентъ IV курса Алексѣй *Попельницкій* серебряною.

Члены университетскаго сословія, сверхъ исполненія прямыхъ обязанностей по службѣ, напечатали въ 1873 году въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ или отдѣльно слѣдующіе ученые труды: заслуженный ординарный профессоръ Григоровичъ напечаталъ въ актовѣ книжкѣ Одесскаго благотворительнаго общества обзорніе подъ за-

главіемъ „Что принесть намъ годъ промедній?"; заслуженный ординарный профессоръ Юргевичъ—въ IX томѣ „*Записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей*“ 1) допесеніе о своей поѣздкѣ въ Крымъ и 2) статью о древне-эллинской могилѣ близъ Севастополя; ординарные профессора: Ягичъ—въ запискахъ южно-славянской академіи наукъ въ Загребѣ на сербско-хорватскомъ языкѣ: 1) описанія и извлеченія изъ различныхъ южно-славянскихъ рукописей, и 2) сочиненія поэта XVIII столѣтія Дмитровича; Некрасовъ—въ *Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей* „Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя“; Вальцъ—въ запискахъ Общества сельскаго ховяйства южной Россіи: 1) „Сушка сливъ“, 2) „Какіе элементы принадлежатъ къ числу необходимыхъ составныхъ частей пищи растений“, 3) „О разведеніи спаржи“ и 4) вмѣстѣ съ ученымъ садовникомъ Рудольфомъ „Index seminum, quae hortus botanicus universitatis novae Rossiae mutuae commutandae offert“; Сабявинъ—въ XII томѣ 2-й серіи *Nouvelles Annales de Mathématiques* статью: „Sur l'accélération normale à la trajectoire d'un point d'un système invariable mobile dans son mouvement le plus général“; Шведовъ—въ Poggendorf's Annalen der Physik und Chemie статью „Ueber die elektrischen Strahlen“; Мечниковъ—въ *Извѣстіяхъ географическаго общества* замѣтку „О населеніи Калмыцкой степи Астраханской губерніи“; Сѣченовъ—изслѣдованіе „О поглощеніи CO₂ кровью“; Вериго—въ Annalen der Chemie und Pharmacie, вмѣстѣ съ Окуличемъ, изслѣдованіе „Ueber die Einwirkung des Chlorphosphors auf Glycerinsäure“, и тамъ же, вмѣстѣ съ Вернеромъ, изслѣдованіе „Ueber Bichlorpropionsäureäther aus Glycerinsäure“; Синцовъ—въ *Запискахъ Новороссійскаго общества естествоиспытателей* дополнительную замѣтку къ статьѣ „Геологическій очеркъ Саратовской губерніи“; Ярошенко—въ *Запискахъ Новороссійскаго университета* „Начала новой геометріи“ и „Отрывки греческаго текста правилъ митрополита Іоанна II“; исправляющій должность ординарнаго профессора Войткевичъ—въ Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ: 1) статью „Леванасій, Солунскій митрополитъ XII столѣтія“, и 2) нѣсколько словъ и рѣчей, сказанныхъ имъ по разнымъ случаямъ церковно-общественной жизни; сторонній преподаватель, заслуженный профессоръ Брунь: 1) въ издаваемомъ Императорскою археологическою комиссіею сборникѣ „*Древности Геродотовой Скии*“ статью: „Essai de concordance entre les opinions contradictoires relatives à la

Scythie“, и 2) отдѣльною брошюрою переводъ съ нѣмецкаго „Путешествіе Эриха Лассоты въ Запорожье“, съ примѣчаніями; экстраординарный профессоръ Цитовичъ: въ *Запискахъ Новороссійскаго университета*—лекціи по торговому праву и въ *Журналъ гражданскаго и уголовнаго права*—разборъ проекта устава акціонерныхъ обществъ; доценты: Умовъ, въ *Запискахъ Новороссійскаго университета*, „Теорія простыхъ средъ и ея приложеніе къ выводу основныхъ законовъ электростатическихъ и электродинамическихъ взаимодействій“, и „Замѣтка по поводу сочиненія г. Лигина „Геометрическая теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы“, въ Математическомъ сборникѣ, издаваемомъ Московскимъ математическимъ обществомъ—статью „Теорія взаимодействій на разстояніяхъ конечныхъ и ея приложеніе къ выводу основныхъ электростатическихъ и электродинамическихъ законовъ“; Лигинъ: въ *Запискахъ Новороссійскаго университета*—„Отвѣтъ на статью г. Умова: „Замѣтка по поводу сочиненія г. Лигина“ „Геометрическая теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы“, „Объ ускореніяхъ высшихъ порядковъ въ движеніи неизмѣняемой системы“ и „Отчетъ о занятіяхъ во время заграничной командировки“; въ *Bulletin de la Société mathématique de France* статьи—„Sur le lieu des points d'un système invariable mobile d'une manière générale dans l'espace, dont les accélérations du premier ordre sont constantes“ и „Note historique sur le problème des engrenages cylindriques“; въ *Nouvelles Annales de mathématiques* — „Sur quelques propriétés géométriques du déplacement d'une figure plane dans son plan“ и въ Математическомъ сборникѣ, издаваемомъ Московскимъ математическимъ обществомъ—„Обобщеніе на случай конечныхъ перемѣщеній одной теоремы Шаля относительно сопряженныхъ осей“; Малининъ—въ *Запискахъ Новороссійскаго университета* „Убѣжденіе судьи въ гражданскомъ процессѣ“; Клименко—въ *Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft zu Berlin* замѣтку „О разложеніи двухлоропропіоноваго эфира“; Кочубинскій: въ актовомъ книжкѣ Одесскаго славянскаго благотворительнаго общества—сдѣланное имъ въ годичномъ собраніи общества сообщеніе подъ заглавіемъ „Минувшій годъ“; въ *Запискахъ Новороссійскаго университета*—сочиненіе „Чешскіе католики XVII вѣка“; Кондаковъ—въ томъ же изданіи „Памятникъ гарпій изъ малой Азіи и символика греческаго искусства“; Шпилевскій—въ *Вѣдомостяхъ* Одесскаго градоначальства прочтенную имъ публичную лекцію „Дороговизна квартиръ въ большихъ городахъ и мѣры противъ нея“; астрономъ-наблюдатель Блокъ

напечатавъ магистерскую диссертацию подъ заглавіемъ „Beiträge zur Theorie der Lichtbrechung in Prismsensystemen“; лаборантъ: Петріевъ—въ Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft работу „О продуктахъ сплавленія пиротеребиновой кислоты съ ѳвѣнимъ кали“, Тегартенъ—въ Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft zu Berlin статьи „Ueber Dichloraceton“ и „Ueber Chlorbromaceton“; помощникъ бібліотекаря Брунъ—въ *Запискахъ Новороссійскаго университета* „Библіографическій указатель иностранныхъ путешественниковъ по Россіи“.—Въ Новороссійскомъ университетѣ читаны были публичныя лекціи ординарными профессорами: Мечниковымъ—по зоологіи и эмбриологіи; „О борьбѣ за существованіе и подборѣ народовъ“; Сѣченовымъ—по физиологіи животныхъ и „О цѣлесообразности устройства человѣческаго организма“; Вериго—по органической химіи и о Днѣстровской водѣ; Вальцемъ—по физиологіи растений; Шведовымъ—по физикѣ по 2 часа въ первомъ полугодіи и по физической географіи по одному часу въ недѣлю во второмъ полугодіи; астрономомъ-наблюдателемъ Блокомъ—по космографіи; доцентомъ Шпилевскимъ—„О дороговизнѣ квартиръ въ большихъ городахъ и о мѣрахъ противъ нея“; лекторомъ Турнефоромъ—по французской литературѣ.

Въ 1873 году подверглись въ Новороссійскомъ университетѣ устному испытанію на степень магистра: по русской исторіи—кандидатъ сего университета Маркевичъ, по мипералогіи и геогнозис—докторъ Іенскаго университета Ковалевскій, по зоологіи—кандидатъ Московскаго университета Спиро, по астрономіи—кандидатъ Новороссійскаго университета Кононовичъ; закончили начатія въ предшествовавшемъ году испытанія на ту же степень: по политической экономіи—кандидатъ Московскаго университета Львовъ и по международному праву—кандидатъ Новороссійскаго университета князь Канталузинъ-графъ Сперанскій. Всѣ названныя лица, за исключеніемъ одного, окончили испытанія съ полнымъ успѣхомъ. Разсмотрѣна диссертация на степень магистра славянской словесности, представленная кандидатомъ Московскаго университета, выдержавшимъ устное испытаніе въ историко-филологическомъ факультетѣ Новороссійскаго университета, Кочубинскимъ. Диссертация эта, равно какъ и публичное защищеніе ея, признаны удовлетворительными и соискатель удостоенъ степени магистра.

Совѣтъ Новороссійскаго университета имѣлъ въ 1873 году 19 засѣданій. По распоряженію его, въ правила для студентовъ университета вписаны всѣ повдѣйшія распоряженія начальства и особые

параграфы, строже, сравнительно съ прежнимъ, опредѣляющіе порядокъ испытанія студентовъ, являющихся на экзамены. Существенно важенъ § 45, гласящій, что и тѣ студенты, которые не могутъ закончить экзаменовъ въ маѣ, по законнымъ причинамъ, допускаются къ испытанію въ августѣ, но „обязываются экзаменоваться уже по всѣмъ предметамъ курса, слѣдовательно и по тѣмъ, по которымъ они экзаменовались до вакацій“. Утверждены въ степени магистра: **Малининъ**—гражданскаго права и **Кочубинскій**—славянскоѣ словесности; магистръ же духовной академіи **Павловъ**, по представленію юридическаго факультета и на основаніи примѣчанія къ § 113 университетскаго устава, возведенъ въ степень доктора церковнаго законовѣдѣнія. Затѣмъ изъ окончившихъ въ Новороссійскомъ университетѣ курсъ студентовъ, а равно и подвергавшихся окончательнымъ испытаніямъ въ семь университетѣ, удостоены: а) степени кандидата: по историко-филологическому факультету—7, по физико-математическому—8 и по юридическому—29; б) званія дѣйствительнаго студента: по историко-филологическому факультету—6, по физико-математическому—8, по юридическому—32, изъ нихъ 12-ти предоставлено право въ установленный срокъ представить диссертацию на степень кандидата. Для приготовленія къ профессорскому званію оставлены при университетѣ на два года кандидаты: историко-филологическаго факультета **Козубскій**—по всеобщей исторіи, и юридическаго факультета **Бершадскій**—по государственному праву; состоявшіе же стипендіатами при университетѣ князь **Каптакузинъ-графъ Сперанскій** и **Кононовичъ**, по выдержаніи устныхъ испытаній на степень магистра, отправлены за границу на два года для дальнѣйшаго усовершенствованія, первый—по международному праву, а второй—по астрономіи.

По распоряженію начальства Одесскаго учебнаго округа ординарные профессора **Юргевичъ**, **Беркевичъ** и **Сабининъ** были командированы для присутствованія на окончательныхъ испытаніяхъ: **Юргевичъ**—во 2-й одесской гимназій, **Беркевичъ**—въ одесскихъ частныхъ классическихъ гимназійхъ и **Сабининъ**—въ гимназій **Екатеринославской**. Сверхъ того, командированы были: ординарные профессора: **Павловъ**—въ Москву и Петербургъ, съ 15-го мая по 1-е сентября, для занятій въ тамошнихъ архивахъ; **Ягичъ**, **Мельниковъ** и **Вальцъ**—за границу съ ученою цѣлію; доцентъ **Кондаковъ**—въ Москву, для защищенія диссертациі на степень магистра.

Учащихся въ Новороссійскомъ университетѣ къ 1-му января 1873

года состояло 365; въ теченіе года поступило 80, въ томъ числѣ изъ гимназій—26, изъ духовной академіи—1, изъ духовныхъ семинарій—37, изъ другихъ университетовъ—10, изъ лицеевъ—1, изъ раввинскихъ училищъ—4, изъ заграничной гимназій—1; выбыло: до окончанія курса—61, по окончаніи курса—87; затѣмъ къ 1-му января 1874 года состояло на лицо 297 студентовъ, которые по факультетамъ были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: въ историко-филологическомъ—39, въ юридическомъ—189 и въ физико-математическомъ—69 (по разряду математическихъ наукъ 28, по разряду естественныхъ наукъ 32, по технико-агрономическому 9). Постороннихъ слушателей къ 1-му января 1873 года состояло 46, къ 1-му января 1874 года оставалось 19. Изъ общаго числа состоявшихъ въ 1873 году студентовъ освобождено было отъ платы за ученіе 105. Всѣхъ стипендіатовъ было 114.

По смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на 1873 годъ ассигновано было на Новороссійскій университетъ: на содержаніе личнаго состава университета—128.188 руб., на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы—53.400 руб., на стипендіи и пособія студентамъ—17.500 руб., на пособіе Обществу естествоиспытателей при университетѣ—2.500 руб.; сверхъ того, на дополнительное содержаніе двухъ профессоровъ и на полное содержаніе одного—4.268 руб. 33 коп. и на приготовленіе профессоровъ и учителей и на ученыя командировки—1.796 руб. 65 коп., такъ что вся ассигнованная изъ казны сумма составляла 207.652 руб. 98 коп. Спеціальныя средства университета представлялись въ слѣдующемъ видѣ: а) сбора платы со студентовъ за слушаніе лекцій, вмѣстѣ съ остаткомъ отъ 1872 года, 10.768 руб. 17½ коп.; б) сбора со студентовъ за матриккулы, съ остаткомъ отъ 1872 года, 527 руб. 50½ коп.; в) пожертвованныхъ капиталовъ на стипендіи студентамъ и ученикамъ отъ 1872 года оставалось 68.800 руб., въ 1873 году поступило пожертвованій 28.800 руб., процентовъ, вмѣстѣ съ остаткомъ 1872 года, 7.631 руб. 10¼ коп.; всего же 105.231 руб. 10¼ к.

Въ апрѣлѣ 1873 года, профессоръ астрономіи, въ бытность свою въ Пулковѣ, по соглашенію съ директоромъ Пулковской обсерваторіи, въ виду того, что южный климатъ чрезвычайно благоприятенъ для астро-физическихъ наблюденій, принялъ за одну изъ главныхъ задачъ обсерваторіи опредѣленіе силы свѣта неподвижныхъ звѣздъ, желая тѣмъ пополнить пробѣлъ, существующій относительно этихъ наблюденій. Такъ какъ обсерваторія не располагала ни однимъ изъ

инструментомъ, служащихъ для означенной цѣли, то былъ заказанъ у механика Аусфельда въ Готѣ астро-фотометръ Цельнера. Кромѣ того, такъ какъ по недостатку средствъ обозначенная на планѣ башня съ неподвижнымъ куполомъ не могла быть выстроена и нѣтъ надежды на ея постройку, то для возможности поставить трубу параллактически установленную, при которой будетъ прикрѣпленъ астро-фотометръ, заказана въ Пулковѣ подвижная желѣзная башня, на подобіе тѣхъ, которыя приготовляются теперь въ Пулковѣ для предстоящихъ наблюденій прохожденія Венеры чрезъ дискъ солнца. На обсерваторіи университета подъ руководствомъ астронома-наблюдателя, магистрантъ Кононовичъ изслѣдовалъ переносный инструментъ Репсольда, произвелъ цѣлый рядъ наблюденій, имѣющихъ цѣлю опредѣленіе мѣстныхъ координатъ; студентъ Сленинскій занимался изслѣдованіемъ ошибокъ теодолита, студенты Волинцевичъ и Сипицынъ—изслѣдованіемъ ошибокъ пассажнаго инструмента, Островскій и Пащенко—секстанта. Студенты II курса, подъ руководствомъ профессора астрономіи, занимались вычисленіемъ различныхъ задачъ, встречающихся въ астрономіи. Занятія въ кабинетахъ практической механики и физическомъ состояли въ слѣдующемъ: студенты III и IV курсовъ физико-математическаго отдѣленія занимались упражненіями, подъ руководствомъ доцента, по слѣдующимъ вопросамъ: сравненіе числа колебаній камертоновъ по способу Лиссажу, опредѣленіе длины свѣтовой волны, опредѣленіе времени колебанія маятника, опредѣленіе горизонтальной силы магнетизма, магнитнаго момента полосы; крученіе нити, сравненіе сопротивленій и электровозбудительной силы въ абсолютныхъ единицахъ. Студенты первыхъ двухъ курсовъ всѣхъ разрядовъ физико-математическаго факультета занимались повтореніемъ лекціонныхъ опытовъ. На метеорологической обсерваторіи производились постоянныя наблюденія студентомъ Станевичемъ. Въ минералогическомъ кабинетѣ студенты I курса практически занимались по кристаллографіи, а студенты III курса и кандидаты естественныхъ наукъ—по геологіи. Въ ботаническомъ кабинетѣ студенты занимались преимущественно изслѣдованіями по анатоміи и исторіи развитія растений; съ особеннымъ усердіемъ студенты: Шельтингъ—изслѣдованіями по исторіи развитія головневыхъ грибовъ, о вліяніи свѣта на развитіе папоротниковъ, и Бородинъ—изслѣдованіями по исторіи развитія грибовъ. Консерваторъ кабинета Л. Рятави занимался изслѣдованіями надъ черноморскими водорослями; завѣдывающій кабинетомъ, ординарный профессоръ Вальцъ—по исторіи разви-

тія *Urogena mirabilis* и изслѣдованіемъ по вопросу о вліяніи свѣта и среды на развитіе растений вообще и ихъ цвѣтковь и корней въ особенности. Ботаническій садъ доставлялъ матеріалы для демонстрацій на лекціяхъ, а также для научныхъ занятій по систематикѣ, анатоміи, исторіи развитія и физиологіи растений. Садъ издалъ въ 1873 году каталогъ сѣмянъ, предлагаемыхъ имъ для обмѣна, и производилъ обмѣнъ съ различными отечественными и заграничными садами. Въ зоологическомъ и зоотомическомъ кабинетахъ студенты занимались подъ руководствомъ профессора Мечникова изученіемъ нашихъ животныхъ. Въ физиологическомъ кабинетѣ практическими упражненіями занимались трое студентовъ.

— Въ Новороссійскомъ университетѣ экстраординарный профессоръ г. Цитовичъ избранъ былъ въ ординарные профессора. По этому поводу прочтенъ былъ слѣдующій отзывъ объ его ученыхъ трудахъ „Г. Цитовичъ, въ теченіе своей педагогической дѣятельности, начавшейся съ 1867 года сперва въ Харьковскомъ, а затѣмъ въ Новороссійскомъ университетѣ, успѣлъ издать слѣдующіе труды: „Исходные моменты въ исторіи русскаго права наследованія“ (магистерская диссертация), „Деньги въ области гражданскаго права“ (докторская диссертация), „Проектъ положенія объ акціонерныхъ обществахъ“, „Лекціи по торговому праву“. Уже въ первомъ трудѣ г. Цитовичъ заявилъ себя, какъ одинъ изъ лучшихъ и даровитѣйшихъ нашихъ историковъ—цивилистовъ. Несомнѣнная заслуга его состоитъ прежде всего въ томъ, что онъ, можно сказать, первый у насъ понялъ всю научную важность примѣненія къ исторіи русскаго права метода догматическаго анализа и изученія законодательныхъ памятниковъ и успѣлъ, путемъ такого анализа, блистательно разрѣшить одинъ изъ наиболѣе спорныхъ и трудныхъ вопросовъ по древней исторіи русскаго права,—вопросъ о системѣ и характерѣ русскаго права наследованія эпохи Русской Правды. Положенія, развитія магистерскою диссертациею г. Цитовича, принадлежатъ къ существеннымъ научнымъ приобрѣтеніямъ, добытымъ въ послѣднее время въ нашей весьма небогатой историко-юридической литературѣ. Такимъ же методомъ и достоинствами отличаются и остальные работы г. Цитовича. Его лекціи по торговому праву, кромѣ педагогическаго значенія, важны уже въ виду отсутствія у насъ литературы торговаго права; авторъ вполне могъ сказать, что „онъ пробиваетъ брешь, откуда въ замѣтныхъ контурахъ открывается перспектива на обширную terra incognita“. Догматическій методъ, вполне характеризующій направленіе

ученых трудов г. Цитовича, вмѣстѣ съ добытыми имъ результатами изслѣдованій, показываетъ, что почтенный профессоръ стоитъ на твердой почвѣ историческаго и теоретическаго анализа и изученія избранной специальности“.

— Ординарный профессоръ университета св. Владиміра *Иконниковъ* выразилъ въ историко-филологическомъ факультетѣ сего университета слѣдующее мнѣніе. Нѣтъ сомнѣнія, что при господствующей въ настоящее время специализации факультетскихъ отдѣленій очень важно опредѣлить со всею ясностью кругъ наукъ, необходимыхъ для того или другаго разряда специальности, имѣя въ виду не только чисто-педагогическую цѣль—приготовленіе опытныхъ преподавателей для гимназій, но и другую, не менѣе существенную—развитіе научныхъ силъ. Въ высшей степени неудобно, поэтому, что на историко-филологическомъ факультетѣ университета св. Владиміра не преподаются политическая экономія и статистика. Незнакомство студентовъ съ экономическими явленіями, при изученіи исторіи, можетъ со временемъ отозваться весьма вредно. Къ этому присоединяется еще весьма страннымъ аномалія. Въ магистерскомъ испытаніи по предмету какъ русской, такъ и всеобщей исторіи необходимо требуется политическая экономія: спрашивается, могло ли бы это случиться, если бы не предполагалось обязательное слушаніе лекцій политической экономіи, съ экзаменомъ по ней на степень кандидата? Этого мало: существуютъ заведенія (напримѣръ, Нѣжинскій лицей), гдѣ кафедра статистики соединена съ русскою исторіей, а послѣднюю не можетъ преподавать лицо, не имѣющее степени кандидата историко-филологическаго факультета. Ясно, что существующее нынѣ распредѣленіе предметовъ противорѣчитъ настоятельнымъ требованіямъ практики. Это произошло съ тѣхъ поръ, какъ преподаваніе статистики и политической экономіи было перенесено на юридическій факультетъ. Означенный выше недостатокъ не трудно, однако, исправить, ибо для этого не потребуется ни особаго преподавателя, ни особаго расхода. Со введеніемъ обязательнаго слушанія для историко-филологическаго отдѣленія политической экономіи и статистики, необходимо будетъ только назначать часы по этому предмету для историковъ одновременно съ юристами, такъ какъ объемъ знаній для послѣднихъ совершенно достаточенъ и для первыхъ. Но при этомъ слѣдуетъ постановить, чтобы слушатели историческаго отдѣленія подвергались экзамену по означенному предмету и отмітки объ ихъ успѣхахъ вносились бы въ дипломъ на степень и званіе. — Мнѣніе г. Иконникова было принято какъ исто-

рико-филологическимъ факультетомъ, такъ и совѣтомъ университета св. Владиміра и вслѣдствіе того совѣтъ постановилъ ходатайствовать чрезъ г. попечителя: 1) о включеніи въ число обязательныхъ предметовъ историко-филологическаго факультета, по историческому отдѣленію, политической экономіи и статистики въ томъ объемѣ, въ какомъ эти науки излагаются нынѣ студентамъ юридическаго факультета; 2) о томъ, чтобы при окончательномъ испытаніи изъ упомянутыхъ предметовъ требовать отмѣтки: „весьма удовлетворительно“ отъ лицъ, экзаменующихся на степень кандидата, и „удовлетворительно“ отъ ищущихъ званія дѣйствительнаго студента. Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ привести въ исполненіе вышеизложенное ходатайство университета св. Владиміра.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Съѣзды учителей начальныхъ училищъ въ различныхъ дирекціяхъ Варшавскаго округа.

Въ прошломъ году происходили съѣзды народныхъ учителей во всѣхъ дирекціяхъ Варшавскаго округа. Мы имѣемъ теперь возможность сообщить о нихъ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія.

Въ *Ломжинской* дирекціи созвано было на съѣздъ, происходившій отъ 15-го іюня до 15-го августа, 50 учителей, при чемъ сочтено болѣе удобнымъ раздѣлить ихъ на двѣ группы и заниматься съ каждою по три недѣли. Прежде чѣмъ говорить о результатѣ этихъ занятій, упомянемъ, что мѣстное учебное начальство раздѣлило свою дирекцію на 30 районовъ: въ центральномъ пунктѣ каждаго изъ нихъ находится, по возможности, образцовая школа съ лучшимъ преподавателемъ; около нея группируются другія, не далѣе какъ на разстояніи 20-ти верстъ; учителя центральныхъ школъ, такъ-называемые „старшіе“ учителя, должны служить примѣромъ для младшихъ и отвѣчаютъ за правильный ходъ дѣла какъ въ своей школѣ, такъ и въ цѣломъ районѣ. Они не разъѣзжаютъ по училищамъ, но должны однажды или дважды въ годъ, въ праздничное время, произвести подробный экзаменъ воспитанникамъ этихъ училищъ, чтобы составить вѣрное о нихъ понятіе; замѣтивъ какіе-либо недостатки, они обязаны принять всѣ зависящія отъ нихъ средства для ихъ устраненія; находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ какъ съ учителями, такъ

и съ окрестными жителями, они хорошо знакомы съ положеніемъ школъ и болѣе чѣмъ кто-либо могутъ вліять на своихъ товарищей. Все это говоримъ мы для того, чтобъ выяснитъ роль старшихъ учителей по окончаніи сѣзда: имъ поручено было, по возвращеніи домой, собрать въ центральную школу младшихъ учителей своего района и объяснить имъ все, съ чѣмъ они сами успѣли ознакомиться. Эти малые сѣзды происходили отъ 16-го августа до 1-го сентября.

Что касается до главнаго сѣзда, то занятія его были слѣдующія: гимнастика, русскій языкъ, ариѳметика, чистописаніе, пѣніе и понятія о томъ, какъ слѣдуетъ вести школу.

За нѣсколько времени до сѣзда, начальникъ Ломжинской дирекціи обратился къ г. Клостерманну съ просьбою составить краткое руководство по гимнастикѣ для народныхъ школъ,—руководство, содержащее въ себѣ лишь основные, самые необходимые приемы, для выполненія коихъ не требуется никакихъ машинъ и приборовъ. Учебникъ этотъ былъ изготовленъ г. Клостерманномъ къ началу сѣзда и розданъ всѣмъ собравшимся наставникамъ; занятія по гимнастикѣ ограничивались разъясненіемъ его и упражненіемъ въ тѣхъ движеніяхъ, которыя въ немъ изложены. Старшіе учителя сдѣлали весьма замѣтные успѣхи въ теченіе трехъ недѣль и могутъ, въ свою очередь, быть теперь руководителями тѣхъ наставниковъ, которые не присутствовали на сѣздѣ. Занятія по русскому языку состояли въ разъясненіи книгъ, употребляемыхъ въ школахъ, а именно, двухъ изъ нихъ, особенно распространенныхъ въ Ломжинской дирекціи: „Грамоты“ г. Грушецаго и „Друга дѣтей“ г. Максимовича. Чтеніе и объясненіе текста, пересказъ прочитаннаго, диктовка и письменныя упражненія—такое было содержаніе уроковъ. Грамматика не преподавалась систематически, но при случаяхъ были объясняемы главнѣйшія ея правила; при чтеніи дозволено было отмѣчать краснымъ карандашомъ ударенія надъ ошибочно прочтенными словами. Гг. руководители сѣзда побуждали учителей вести между собою разговоръ по поводу той или другой прочтенной статьи, съ цѣлью практиковать ихъ въ русской рѣчи, при чемъ тщательно указываемы были всякія погрѣшности въ произношеніи словъ и постройкѣ фразы. Письменныя упражненія и диктовки исправляемы были руководителями на дому и на слѣдующій день возвращались практикантамъ съ тѣмъ, чтобы они снова переписали ихъ и въ исправленномъ видѣ представили начальнику дирекціи. Избравъ какое-либо стихотвореніе, преподаватель, объяснивъ въ немногихъ словахъ отличительныя свойства того размѣра,

какимъ оно написано, сначала читалъ его самъ, а затѣмъ повторяло его все собраніе хоромъ; если преподаватель замѣчалъ, что то или другое слово было произнесено неправильно, онъ тотчасъ же заставлялъ повторять его и, такимъ образомъ, чтеніе повторялось до тѣхъ поръ, пока стихотвореніе было усвоиваемо вполне правильно. Метрическое чтеніе принесло большую пользу, показавъ, чѣмъ долженъ руководиться читающій въ случаяхъ ошибочныхъ удареній. По ариметикѣ объяснены были лишь 114 страницъ изъ книги Груббе, но такъ, что учителя вполне ознакомились съ изложенною въ нихъ методою; были также разрѣшены всѣ относящіяся сюда задачи, при чемъ требовалось отъ учителей весьма подробное объясненіе, какими соображеніями и правилами руководились они въ арифметическихъ дѣйствіяхъ. Кромѣ того, былъ указанъ имъ легчайшій способъ производить въ умѣ первыя основныя четыре дѣйствія.

Въ 1872 году были заданы учителямъ слѣдующія конкурсныя темы: 1) „Расположить русскую азбуку въ такомъ порядкѣ, чтобы для письма былъ постепенный переходъ отъ легчайшаго къ труднѣйшему“. 2) „Выбрать изъ всей русской грамматики такія правила, которыя необходимо преподавать въ элементарныхъ школахъ для скорѣйшаго ознакомленія съ правильною рѣчью“. Всѣхъ представленныхъ на эти темы работъ было 116. По разсмотрѣніи ихъ, полная награда (25 руб.) не была присуждена никому; половинная премія (12 руб. 50 коп.) выдана 8-ми учителямъ, и 20 изъ нихъ удостоились почетнаго отзыва. На 1874 годъ заданы слѣдующія темы: 1) „Основательно изучить Словарь Грушецкаго, введенный нынѣ во всѣхъ школахъ Ломжинской дирекціи“. 2) „Передѣлать всѣ задачи, находящіяся на 112 страницахъ учебника Груббе и письменно представить подробное ихъ рѣшеніе, доступное дѣтскому возрасту“. На съѣздѣ было объяснено, какъ слѣдуетъ приступать къ этой работѣ.

Выше было сказано, что по окончаніи главнаго съѣзда происходили съѣзды частныя, на которыхъ возвратившіеся учителя знакомили своихъ товарищей со всѣмъ тѣмъ, что было объяснено имъ самимъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно, въ гор. Ломжѣ, Остроленкѣ, Пултускѣ, Маковѣ и въ деревняхъ Сероцкѣ, Вышковѣ, Длугоседлѣ, Говоровѣ, Снядовѣ, Насельскѣ и Гонсевѣ присутствовалъ самъ начальникъ дирекціи. Результаты оказались весьма удовлетворительными. Прежде всего нужно упомянуть о томъ удобствѣ, что эти частныя съѣзды отнюдь не обременительны и не сопряжены съ большими издержками: вызванные учителя, находясь вблизи своего дома,

не беспокоятся ни о своемъ семействѣ, ни о хозяйствѣ; канторы, по той же причинѣ, въ случаѣ крестинъ или смерти, могутъ немедленно явиться для исполненія требъ; въ праздничные дни они отправляются къ себѣ для богослуженія, а затѣмъ снова собираются въ центральномъ пунктѣ. Учителя помѣщаются обыкновенно въ самой школѣ, а столъ имѣютъ у старшаго учителя за самое незначительное вознагражденіе. Нельзя отрицать, что въ педагогическомъ отношеніи польза подобныхъ сѣздовъ несомнѣнна: учителя, присутствовавшіе на главномъ сѣздѣ, занимались съ особеннымъ рвеніемъ, не желая уронить себя впослѣдствіи предъ своими товарищами. И дѣйствительно, объясняя на частныхъ сѣздахъ все слышанное и усвоенное ими, они обнаружили не мало знанія и опытности.

Въ *Радомской* учебной дирекціи сѣздъ происходилъ отъ 22-го августа до 2-го октября, при Солецкой учительской семинаріи. Вызвано было 25 учителей, но при этомъ можно было надѣяться, что много изъ наставниковъ народныхъ школъ явятся добровольно; къ сожалѣнію, не за долго до открытія сѣзда, во всей губерніи и, между прочимъ, въ Сольцѣ распространилась холера, и это удержало дома не только намѣревавшихся, по собственному желанію, прибыть на сѣздъ, но почти половину тѣхъ, которые должны были участвовать въ немъ обязательно. Лишь впослѣдствіи стали они собираться мало по малу, но тѣмъ не менѣе къ занатіямъ было приступлено въ заранѣе назначенный срокъ, то-есть, 21-го августа. Изъ находившихся на сѣздѣ учителей, 12 были воспитанники учительской семинаріи, 5—вышли изъ низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, двое окончили въ нихъ курсъ и только 6 не получили никакого школьнаго образованія; кромѣ того, явились 4 учительницы, изъ коихъ двѣ обучались въ Радомской женской гимназіи, но уже значительно утратили свѣдѣнія въ русскомъ языкѣ.

Руководителемъ сѣзда былъ начальникъ дирекціи, при которомъ состоялъ педагогическій совѣтъ изъ преподавателей Солецкой учительской семинаріи. Предварительно приступилъ онъ къ письменному и устному испытаніямъ каждого изъ явившихся учителей, съ цѣлью убѣдиться, въ какой степени владѣютъ они русскимъ языкомъ,—и на основаніи этого испытанія была опредѣлена программа предстоявшихъ занятій. На первомъ мѣстѣ стояли упражненія въ русской разговорной и письменной рѣчи: сочтено было необходимымъ обращать особенное вниманіе на ознакомленіе учителей съ различными спосо-

бами выраженія одной и той же мысли, на указаніе оттѣнковъ въ словахъ сходныхъ и однозначущихъ, а также на правильное сочетаніе словъ и предложеній, съ объясненіемъ при этомъ главнѣйшихъ педагогическихъ правилъ. Уже на предварительномъ испытаніи учителя заявили, что въ преподаваніи грамоты особенно затрудняетъ ихъ изученіе двухъ алфавитовъ, сперва русскаго, а потомъ польскаго; происходитъ это отъ того, что русскій алфавитъ они вынуждены объяснять дѣтямъ, которыя еще совершенно не знакомы съ русскою рѣчью. Чтобы помочь этому недостатку, предположено было прибѣгнуть къ практическимъ урокамъ совокупнаго обученія русскому и польскому языку, по методу сравнительному, въ мѣстномъ начальномъ училищѣ. Еслибы эта попытка удалась, то занятія могли бы продолжаться до тѣхъ поръ, пока собравшіеся учителя вполне овладѣли бы этимъ новымъ и далеко не легкимъ для нихъ приѣмомъ. Затѣмъ было рѣшено объяснить также учителямъ правила совмѣстнаго обученія чтенію и письму по звуковому методу: объясненія эти должны были происходить и теоретически, и практически съ воспитанниками Солецкой посадской школы, ибо въ школѣ образцовой не оказалось дѣтей только что начинающихъ учиться грамотѣ.

При занятіяхъ ариѳметикою, руководители также не упускали изъ виду русскаго языка: они старались знакомить учителей съ русскою ариѳметическою терминологіею и приучать ихъ къ точному и правильному склоненію именъ числительныхъ. Что же касается собственно ариѳметики, то положено было пройти элементарную ея часть и объяснить при этомъ учителямъ сущность метода Груббе.

На предварительномъ испытаніи, о которомъ упомянуто выше, было заявлено учителями, что они не мало затрудняются преподаваніемъ естественной, а отчасти и священной исторіи, по картинкамъ, ибо они еще весьма недавно ознакомились съ этими учебными пособиями и не умѣли обращаться съ ними. Обстоятельство это не могло быть оставлено безъ вниманія во время занятій на сѣздѣ.

Означенныя занятія происходили по утрамъ отъ 8-ми до 3-хъ часовъ; между уроками были небольшіе промежутки, а послѣ первыхъ трехъ уроковъ—получасовая перемѣна. На послѣдней недѣлѣ сѣзда положено было заниматься, въ послѣобѣденное время, гимнастикою, — довольствуясь, разумѣется, только такими упражненіями, которыя не требовали гимнастическихъ снарядовъ.

Изъ всего этого видно, что занятія были весьма разнообразны и руководители никогда не упускали изъ виду главной цѣли —

упражнять учителей въ русской рѣчи, письменной и устной. На чтеніе было обращено особенное вниманіе: между прочимъ, прочтены были всѣ четыре книжки, употребляемыя въ начальныхъ школахъ Радомской дирекціи при обученіи грамотѣ, а именно, двѣ части „Роднаго Слова“ Ушинскаго, книга для первоначальнаго чтенія Водовозова и „Грамота“ Грушецкаго. Въ этихъ книгахъ, особенно въ двухъ изъ нихъ — второй части „Роднаго Слова“ и „Грамотѣ“ Грушецкаго, — были нарочно выбраны такія статьи, которыя могли служить переходомъ отъ легкаго механическаго чтенія къ чтенію толковому и объяснительному. Вообще оказалось, что упражненія учителей въ русскомъ чтеніи шли гораздо успѣшнѣе и оживленнѣе, чѣмъ на сѣздѣ 1872 года; происходило это, конечно, и отъ того, что учителя сочли долгомъ еще предварительно ознакомиться съ принятыми въ ихъ школахъ книгами.

Точно также успѣшными, сравнительно съ прежними, оказались и занятія ариметикою. Методъ Груббе былъ уже отчасти извѣстенъ всѣмъ преподавателямъ. Онъ имѣетъ, конечно, большія достоинства, но г. начальникъ дирекціи, при посѣщеніи имъ начальныхъ школъ, имѣлъ случай неоднократно убѣдиться, что, слѣдуя ему, недостаточно опытные преподаватели часто запутываютъ свое изложеніе и ведутъ дѣло очень медленно. Г. начальникъ дирекціи остановился на мысли, что необходимо снабдить наставниковъ хорошимъ учебнымъ пособіемъ, дать имъ такой аппаратъ, который представлялъ бы всѣ удобства для изученія чиселъ по методу Груббе. Аппаратъ былъ изготовленъ по его начертанію и примѣненъ во время занятій на сѣздѣ: состоитъ онъ изъ обыкновенной классной доски съ ариметическимъ ящичкомъ, дробными счетами и вертикальными проволоками съ шарами или кольцами. По этой модели велись на сѣздѣ практическіе уроки первоначальнаго обученія счисленію. Они оказались вполнѣ удовлетворительными. Дѣти, не имѣвшіе до тѣхъ поръ ни малѣйшаго понятія объ ариметикѣ, изучили очень твердо, не болѣе какъ въ 4 урока, числа отъ 1 до 10, а когда дѣло дошло до десятковъ, надо было видѣть, съ какою охотою и удовольствіемъ производили они счисленіе на основаніи указаннаго имъ приѣма.

Учителямъ было задано нѣсколько письменныхъ упражненій на темы, въ родѣ слѣдующихъ: 1) какъ слѣдуетъ вести совмѣстно обученіе чтенію и письму и какая отъ того польза; 2) полезно ли учить писать подъ тактъ и удобно ли это въ сельской школѣ; 3) нужно ли назначать сроки для поступленія дѣтей въ школу и какіе имен-

но, и т. д. Конечно, всѣ эти темы были предварительно разъясняемы при участіи самихъ учителей; но въ объясненіяхъ этихъ не содержался отвѣтъ на вопросъ, а было только указываемо, какъ слѣдуетъ приступать къ дѣлу. Всѣ подобныя сочиненія были тщательно исправлены и снабжены примѣчаніями относительно встрѣтившихся въ нихъ подробностей; онѣ были подвергнуты подробному разбору на урокахъ, причѣмъ обращено было вниманіе, удовлетворительно ли выполнилъ каждый изъ учителей свою работу и вѣрно ли отвѣчалъ онъ на предложенную ему тему.

Самъ начальникъ дирекціи взялся объяснить собравшимся учителямъ, въ какомъ порядкѣ и размѣрѣ слѣдуетъ преподавать законъ Божій въ сельскихъ школахъ. Преподаваніе это должно состоять изъ трехъ частей: 1) главнѣйшія молитвы, съ объясненіемъ не только общаго ихъ содержанія, но и въ отдѣльности каждаго слова; 2) священная исторія ветхаго и новаго завѣта по картинамъ; 3) краткій катехизисъ, отнюдь не буквально по книгѣ, но съ сознательнымъ и вполне толковымъ усвоеніемъ его содержанія. Учителямъ предложено было преподавать законъ Божій концентрически, ибо во первыхъ, придерживаясь этого метода, они сами отвыкнутъ отъ механическаго заучиванья по книгѣ, а во вторыхъ, дѣти, остающіяся въ школахъ даже не болѣе одного года или двухъ лѣтъ, все-таки приобрѣтутъ хотя краткія, но довольно цѣльныя свѣдѣнія по закону Божию. На сѣздѣ былъ повторенъ элементарный курсъ священной исторіи, главнымъ образомъ для того, чтобы показать преподавателямъ, какъ должны они пользоваться картинами Шнорра, которыми снабжены всѣ начальныя школы.

Особенно трудно было объяснить собравшимся наставникамъ совмѣстное изученіе алфавитовъ русскаго и польскаго, ибо для этого не оказалось вовсе учебника. Нужно было поэтому прибѣгнуть къ примѣрнымъ урокамъ. Выбраны были пять мальчиковъ и одна дѣвочка, вовсе не знакомые съ русскою грамотою, и въ восемь уроковъ пройденъ съ ними весь алфавитъ русскій и польскій (за исключеніемъ польскихъ носовыхъ звуковъ и соотвѣствующихъ имъ буквъ въ нашемъ языкѣ). Работа шла медленно лишь въ началѣ, но вскорѣ дѣти освоились съ нею и обоюдныя старанія, какъ ихъ самихъ, такъ и наставниковъ, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. До сего времени, даже при аккуратномъ посѣщеніи дѣтьми классовъ, на изученіе лишь одного русскаго алфавита требовалось отъ 2 до 4 недѣль, да на алфавитъ польскій—двѣ недѣли: опытъ же, произведенный на сѣздѣ,

показалъ, что оба алфавита, при совмѣстномъ ихъ изученіи, могутъ быть усвоены въ восемь дней. „Неимѣніе нарочно составленнаго для этой цѣли буквара“, говоритъ въ своемъ отчетѣ г. начальникъ дирекціи, „связало намъ руки и не позволило идти далѣе въ нашихъ практическихъ занятіяхъ“.

За невозможностью изложить подробно всѣ занятія съѣзда, о которомъ идетъ рѣчь, мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что, по заявленію начальника дирекціи, результаты его были весьма удовлетворительны. „Таково было личное мое впечатлѣніе“, говоритъ онъ, „и то же самое было засвидѣтельствовано лицами, раздѣлявшими со мною труды, и единогласно утверждавшими, что если сравнить познанія въ русскомъ языкѣ, съ какими прибыли учителя, съ тѣми познаніями, которыя были усвоены ими въ теченіе шести недѣль, то теперешній съездъ стоитъ несравненно выше происходившаго въ 1872 году“.

Съездъ въ *Кълецкой* учебной дирекціи при Андреевской учительской семинаріи былъ открытъ 10-го іюля. Приглашены были 25 учителей для занятій и трое для содѣйствія руководителямъ: между этими послѣдними одинъ принадлежалъ къ лучшимъ воспитанникамъ Солецкой учительской семинаріи, а двое обратили на себя вниманіе своими успѣхами на съездѣ 1872 года. Что касается до вызванныхъ 25 наставниковъ, то и изъ нихъ трое также принимали участіе въ предшествовавшемъ съездѣ и оказались на столько трудолюбивыми, что можно было ожидать большой пользы отъ пребыванія ихъ и на новомъ съездѣ. Остальные являлись въ первый разъ: по большей части вышли они изъ 2-го или 3-го класса гимназій, а нѣкоторые обучались только въ начальныхъ училищахъ. На предварительномъ испытаніи оказалось, что по-русски читаютъ они правильно, но дѣлаютъ весьма грубыя ошибки въ удареніяхъ; прочитанное понимали и разговорною русскою рѣчью владѣли удовлетворительно, то есть, умѣли объясняться на столько, что можно было ихъ понять, но вообще замѣчено было, что въ этомъ отношеніи познанія собравшихся учителей оказались слабѣе, чѣмъ на съездѣ 1872 года.

Какъ во всѣхъ другихъ дирекціяхъ, такъ и въ *Кълецкой*, положено было преимущественно занимать собравшихся учителей упражненіями въ русскомъ языкѣ. „Опытъ доказалъ, однако“, говоритъ въ своемъ отчетѣ г. начальникъ дирекціи, „что на съездѣ, продолжающемся всего шесть недѣль, трудно достигнуть этой цѣли. Въ 1872 году обращено было на нее особенное вниманіе; учителя, подъ руководствомъ трехъ опытныхъ наставниковъ, прочитали значительное ко-

личество статей изъ книгъ Грушецкаго и Паульсона, выучили нѣкоторые отрывки наизусть, вели между собою разговоръ не иначе какъ по-русски, но все это не принесло желаемыхъ результатовъ. При послѣдующей ревизіи школъ оказалось, что бѣольшая часть учителей, затвердивъ даже преподавныя имъ правила, читали и говорили съ такими же ошибками относительно удареній, какъ и прежде. Ясно, что при недостаткѣ практики, знанія, усвоенныя памятью, не долго удержались въ ихъ головѣ". Въ виду этого, г. начальникъ дирекціи предпочелъ ограничиться скромною задачею, а именно, позаботиться, чтобы учителя какъ можно болѣе усвоили произношеніе, по крайней мѣрѣ, такихъ словъ, которыя чаще другихъ встрѣчаются въ разговорѣ. Кромѣ того, слѣдовало занять учителей самостоятельную работою, а именно правильною разстановкою удареній въ статьяхъ изъ книги Паульсона и въ тетрадяхъ предметныхъ бесѣдъ.

Бесѣды эти, по примѣру предшествовавшаго года, взялъ на себя самъ начальникъ дирекціи, а занятіе чтеніемъ было поручено штатному учителю семинаріи Гасаненко. Сначала было оно ведено по книгѣ Грушецкаго: различныя ударенія обозначены въ ней печатными черточками, а потому задача руководителя состояла лишь въ томъ, чтобы слѣдить, правильно ли произносилъ слова учитель, когда, окончивъ какую-либо статью, онъ повторялъ ее собственными словами. Если при такомъ изложеніи встрѣчались ошибки, то другіе учителя исправляли ихъ и кромѣ того записывали каждое, не вѣрно произнесенное, слово въ особую тетрадь. Одновременно съ этимъ происходили объясненія и разговоръ по поводу прочитаннаго. Вслѣдъ за книгою Грушецкаго было приступлено къ точно такому же чтенію по книгѣ Паульсона.

Виѣстѣ съ тѣмъ объяснены были учителямъ правила грамматическія, а также главнѣйшія синтаксическія. Конечно, при слабыхъ ихъ познаніяхъ было бы неумѣстно преподавать имъ синтаксисъ въ настоящемъ смыслѣ слова, но по крайней мѣрѣ, задавая имъ письменныя упражненія, слѣдовало приучить ихъ къ правильному употребленію формъ и къ такой же правильной связи различныхъ частей рѣчи.

На предварительномъ испытаніи оказалось, что 16 изъ собравшихся учителей были уже знакомы съ звуковымъ методомъ и даже примѣняли его въ своихъ школахъ. Вслѣдствіе того, руководитель прибѣгнулъ къ объясненію новѣйшаго способа обученія чтенію по-

средствомъ письма, т. е., къ способу Фогеля Вема, обработанному Паульсономъ въ его первой „Учебной книжкѣ“.

Г. начальникъ дирекціи свидѣтельствуеетъ, что результаты съѣзда вообще слѣдуетъ признать удовлетворительными. Такъ, напримѣръ, по русскому языку 16 изъ собравшихся учителей приобрѣли вполне достаточныя свѣдѣнія, 6—посредственныя; что касается остальныхъ 8, то они должны быть причислены къ плохимъ, хотя нѣкоторымъ изъ нихъ нельзя поставить этого въ вину, ибо они или слишкомъ поздно, по домашнимъ обстоятельствамъ, прибыли на съѣздъ, или же были удержаны отъ занятій по болѣзни. Только двое, вслѣдствіе совершенной непригодности къ дѣлу, были удалены отъ должностей.

Относительно нѣкоторыхъ старательныхъ, но не вполне успѣшныхъ, учителей г. инспекторъ счелъ нужнымъ принять особыя мѣры, а именно, устроить для нихъ дополнительныя занятія. Занятія эти начались съ половины сентября, такъ какъ въ это время въ школахъ еще не бываетъ ученья, и продолжались 4 недѣли въ зданіи кѣлецкаго начальнаго училища. Кромѣ плохо подготовленныхъ учителей, которыхъ оказалось четверо, было приглашено еще нѣсколько изъ разныхъ школъ, такъ что общее число ихъ простиралось до 12, и всѣ они получили даровое помѣщеніе. Г. начальникъ дирекціи свидѣтельствуеетъ о ревностномъ содѣйствіи, которое онъ встрѣтилъ для упомянутыхъ занятій со стороны преподавателей мѣстной мужской гимназіи.

Занятія были распределены такимъ образомъ, что двумъ, особенно плохо подготовленнымъ, учителямъ были объясняемы главнѣйшія грамматическія правила по „Родному Слову“ Ушинскаго, а остальнымъ десяти—этимологія въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, объяснительное чтеніе статей изъ книги Паульсона и предметные уроки. Результатъ вышелъ весьма удовлетворительный. Изъ 12 учителей 9 написали, въ присутствіи начальника дирекціи, сочиненія безъ всякихъ грамматическихъ ошибокъ. Только одинъ преподаватель оказался до такой степени плохъ, что былъ удаленъ отъ должности. Точно также успѣшно шли занятія ариметикой.

Въ *Лодзинской* учебной дирекціи съѣздъ происходилъ съ 1-го іюля по 12-е августа. Предположено было вызвать на него 35 учителей, но кромѣ того многіе выразили намѣреніе явиться добровольно, а пасторы пожелали прислать нѣсколько преподавателей евангелическихъ духовныхъ школъ, для усовершенствованія ихъ въ русскомъ языкѣ. Съ одной стороны, нельзя было не одобрить подобнаго сочув-

ствія къ сѣзду, съ другой же оно представляло не малое затрудненіе. Лодзь—городъ фабричный и очень густо населенный; дешевыхъ или даже даровыхъ квартиръ въ немъ не оказалось, сѣстные припасы были очень дороги, а вслѣдствіе этого учителя рисковали не найти себѣ помѣщенія и, сверхъ того, нельзя было устроить для нихъ столъ по умѣренной цѣнѣ. Хотя начальникъ дирекціи и ожидалъ, что соберется учителей очень много, но число собравшихся превзошло даже его ожиданія. А именно, къ назначенному сроку явилось преподавателей начальныхъ школъ католическихъ 47, евангелическихъ 10, кандидатовъ на учительскія должности 9, кандидатовъ 7, канторовъ духовныхъ училищъ 37, кандидатовъ на эти должности 7, — всего же 117, тогда какъ на заранѣ приготовленныхъ квартирахъ можно было помѣстить — и то съ трудомъ — только 50 человѣкъ. Затрудненіе увеличивалось еще и отъ того, что въ отчетномъ году вся тяжесть занятій лежала почти исключительно на самомъ начальникѣ дирекціи, и было очень трудно раздѣлить собравшихся учителей на нѣсколько отдѣленій. Приходилось поэтому отказать многимъ изъ нихъ (67); но когда это было имъ объявлено, они выразили готовность удовольствоваться самымъ ничтожнымъ пособіемъ, нѣкоторые же, помѣстившіеся у знакомыхъ или родственниковъ, не требовали его даже вовсе: такъ было непреодолимо желаніе ихъ участвовать въ занятіяхъ сѣзда. Упорствовать въ отказѣ было невозможно уже и по той причинѣ, что всякій разъ, когда начальникъ дирекціи, при ревизіи школъ, указывалъ на ихъ недостатки, почти всѣ канторы оправдывались тѣмъ, что они сами начали лишь недавно учиться по русски, что кромѣ нѣсколькихъ экземпляровъ книги Грушецкаго у нихъ нѣтъ другихъ руководствъ, а покупать подобныя руководства на собственный счетъ, при скудномъ своемъ жалованьи, они не могутъ. Справедливо ли же было бы лишить ихъ возможности усовершенствоваться на сѣздѣ въ русскомъ языкѣ? Вотъ почему всѣмъ канторамъ и кандидатамъ на учительскія должности разрѣшено было принять участіе въ занятіяхъ сѣзда.

Но познанія канторовъ въ русскомъ языкѣ оказались чрезвычайно низки. Явилась вслѣдствіе того необходимость образовать два отдѣленія: первое, изъ учителей народныхъ школъ (63), а второе—изъ учителей школъ духовныхъ и изъ кандидатовъ на учительскія должности въ этихъ школахъ (всего 55).

Скажемъ сначала нѣсколько словъ о первомъ изъ этихъ отдѣленій. Познанія принадлежавшихъ къ нему учителей въ русскомъ языкѣ

оказались слѣдующія: 15 читали довольно правильно и объяснялись болѣе или менѣе свободно; 32 часто ошибались въ произношеніи словъ, не всегда останавливались на знакахъ препинанія и не умѣли связно разказать прочитанное; что же касается до остальныхъ, бывшихъ на съѣздѣ по собственному желанію, то они оказались слабы даже въ механическомъ чтеніи. Точно также не удовлетворительны были и свѣдѣнія въ ариметикѣ: хотя значительная часть слушателей разрѣшали заданныя имъ на предварительномъ испытаніи задачи, но объясняли способы этого рѣшенія крайне сбивчиво. Въ виду того, постановлено было не проходить съ учителями никакого теоретическаго курса, а занимать ихъ практическими упражненіями, то есть, ознакомить ихъ съ приемами и методами элементарнаго обученія по тѣмъ руководствамъ, которыхъ они должны держаться въ школѣ, а также и со школьными дисциплинарными порядками. Всѣ слушатели перваго отдѣленія раздѣлены были на три группы. Такъ какъ большинство учителей заблаговременно разставили ударенія въ своихъ учебникахъ по книгамъ своихъ товарищей, участвовавшихъ на съѣздѣ 1872 года, то не всѣ они, а лишь слабѣйшіе, должны были упражняться въ правильномъ произношеніи словъ. Занятія велись обыкновенно въ слѣдующемъ порядкѣ: слушателямъ указывался рядъ статей, которыя слѣдовало имъ приготовить для чтенія къ слѣдующему дню, а также статьи для передачи ихъ содержанія собственными словами. На этихъ послѣднихъ урокахъ обращено было вниманіе на правильное построеніе предложеній и на умѣнье выражаться плавно и отчетливо. Для разказовъ избираемы были преимущественно статьи по географіи; слушатели, упоминая о различныхъ мѣстностяхъ, должны были показывать ихъ на картахъ Россіи—Шевелева, Европы—Зуева, и на полушаріяхъ Пльина, а при объясненіи времени года служили пособіемъ глобусъ и теллуриій. Кромѣ того, вмѣнялось имъ въ обязанность начертить карту Россіи послѣ предварительнаго объясненія поперечныхъ и продольныхъ линій. Занятія эти привели къ тому, что почти всѣ учителя приблизительно вѣрно чертили на доскѣ границы Россіи съ обозначеніемъ сосѣднихъ государствъ, а также внутреннихъ озеръ, горъ, плоскихъ возвышенностей и главныхъ городовъ. На практическихъ урокахъ они какъ нельзя лучше доказали, что усвоили себѣ понятіе о положеніи и видѣ земли, земной оси и полюсахъ, о движеніи земли около своей оси и солнца и т. д.

Мы не имѣемъ возможности излагать здѣсь во всѣхъ подробно-

ствяхъ занятія какъ русскимъ языкомъ, такъ и другими предметами, напримѣръ, ариметикою. На урокахъ слушателямъ было постоянно внушаемо, что точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей и умѣньемъ держать себя они должны расположить къ себѣ дѣтей и приобрести довѣріе мѣстнаго общества, что ихъ обязанность—не только учить, но и воспитывать молодежь, то-есть, пользоваться всѣми удобными случаями, чтобы развивать и укрѣплять въ ней религиозно-нравственныя чувства.

Второе отдѣленіе, какъ уже замѣчено выше, состояло изъ учителей духовныхъ школъ и изъ кандидатовъ на учительскія должности. Познанія канторовъ въ русскомъ языкѣ оказались до такой степени слабыми, что сочтено было за лучшее ограничить занятія съ ними лишь тѣмъ, чтобы выучить ихъ читать и сколько нибудь правильно писать по русски, а также передавать своими словами статьи легкаго содержанія. Чтеніе велось такимъ образомъ: каждая статья обыкновенно прочитывалась по два раза руководителемъ,—сначала крайне медленно, при чемъ слушатели ставили ударенія надъ слогами; потомъ, съ большею выразительностью и съ объясненіемъ непонятныхъ словъ, а вслѣдъ затѣмъ приступали къ чтенію той же статьи и сами слушатели. При такомъ способѣ занятій дѣло шло сперва весьма туго; въ продолженіе трехъ недѣль прочитано было не болѣе 60 страницъ изъ книги Водовозова; но медленность эта принесла, однако, хорошіе плоды. „Толковое, хотя и не спѣшное чтеніе, замѣчаетъ г. начальникъ дирекціи въ своемъ отчетѣ, употребленіе русскаго языка и въ классѣ, и въ домашнихъ бесѣдахъ, постоянное объясненіе репетиторами непонятныхъ для канторовъ словъ и выраженій,—все это принесло значительную пользу“. Конечно, по окончаніи сѣзда оказалось, что свѣдѣнія канторовъ по чтенію, грамматическому разбору, диктовкѣ, а также по ариметикѣ отнюдь нельзя было назвать удовлетворительными; но если сравнить эти свѣдѣнія съ тѣми, съ которыми они прибыли на сѣздъ, то обнаружилась видимая разница. „Можно быть увѣреннымъ, говоритъ г. начальникъ дирекціи, что сѣздъ 1873 года не останется безъ благотворнаго вліянія на дальнѣйшее самоусовершенствованіе канторовъ, на болѣе толковое преподаваніе ими русскаго языка въ школахъ. Если не всѣ, то нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали такіе успѣхи, что тотчасъ по окончаніи сѣзда сочтено было возможнымъ шестерыхъ изъ нихъ назначить управляющими должность учителей во вновь образованныхъ изъ канторовъ начальныхъ школахъ“.

При *Холмской* учительской семинаріи съѣздъ происходилъ отъ 3-го августа до 14-го сентября. Сочтено было за лучшее вызвать на него учителей преимущественно не-русскаго происхожденія и притомъ такихъ, которые уже были достаточно подготовлены къ своей дѣятельности.

Мѣра эта условливалась слѣдующими соображеніями. Г. начальникъ *Холмской* учебной дирекціи говорить, что на предшествовавшій съѣздъ (1872 года) приглашены были преподаватели вообще посредственные и устранены тѣ, которые болѣе или менѣе удовлетворительно владѣли русскимъ языкомъ. При ревизіи школъ оказалось, что на преподавателяхъ этой послѣдней категоріи невыгодно отразилось упомянутое нами распоряженіе. Правда, они весьма спосно объяснились по русски, но имъ не доставало многихъ необходимыхъ и полезныхъ свѣдѣній, приобрѣтенныхъ ихъ товарищами на съѣздѣ: такъ, на примѣръ, они не были знакомы съ улучшенными приемами обученія, не умѣли одновременно записывать работою различными отдѣленіи своей школы и даже, не смотря на знакомство свое съ русскимъ языкомъ, не сознавали безусловную обязательность этого языка для всѣхъ учащихся. А между тѣмъ, если съѣздъ 1872 года принесъ и слабымъ учителямъ значительную пользу, то еще болшую могъ бы онъ принести учителямъ достаточно подготовленнымъ. Вотъ почему эти послѣдніе и вызваны были теперь для занятій при *Холмской* учительской семинаріи.

Всего приглашено было 25 преподавателей, но двое изъ нихъ не явились; изъ 23, участвовавшихъ на съѣздѣ, 22 были польскаго и 1 нѣмецкаго происхожденія. Г. начальникъ дирекціи раздѣлилъ ихъ на 4 приблизительно равныя группы, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи каждой недѣли группы эти послѣдовательно переимѣщались изъ одного класса въ другой, такъ, чтобы къ концу съѣзда всѣ онѣ поочередно перебивали во всѣхъ классахъ. Это оказалось удобнымъ уже потому, что давало возможность распредѣлить ежедневныя занятія между 4 преподавателями.

Предметы занятій были тѣ же, что и на съѣздѣ 1872 года, за однимъ лишь исключеніемъ. Г. начальникъ дирекціи замѣтилъ, при осмотрѣ школъ, что многіе наставники весьма ревностно желаютъ обучать дѣтей пѣнію, но при неумѣнни взяться за дѣло и при недостаточномъ знакомствѣ съ правильными напѣвами достигаютъ лишь весьма жалкихъ результатовъ. Вслѣдствіе того, чтобы облегчить

имъ эту задачу, былъ приглашенъ для занятій съ ними учитель пѣнія изъ Холмской учительской семинаріи.

Занятія по всѣмъ предметамъ были ведены руководителями весьма усердно и результаты ихъ, по свидѣтельству г. начальника дирекціи, оказались вообще удовлетворительными, хотя, конечно, не въ такой степени, чтобы не оставалось желать ничего лучшаго. Нѣтъ сомнѣнія, какъ и было заявлено руководителями, что явилась бы возможность достигнуть еще бѣльшаго, если бы сѣзды были болѣе продолжительны; но это сопряжено съ весьма важными неудобствами какъ для самихъ учителей, такъ и для наставниковъ, обязанныхъ заниматься съ ними.

Сьдлецкая учебная дирекція, по сравненію съ другими, находится относительно личнаго состава учителей начальныхъ школъ въ исключительномъ положеніи. Значительное большинство ея школъ предназначено для населенія греко-уніатскаго и ей предоставлена возможность вызывать въ случаѣ нужды наставниковъ изъ имперіи. Что касается до католическихъ училищъ, то ихъ во всей дирекціи—95, но и тутъ является во всякое время столь значительное число кандидатовъ на учительскія должности, что не трудно замѣщать ихъ людьми, владѣющими русскимъ языкомъ и вообще достаточно подготовленными къ своему званію. Вслѣдствіе всего этого личный составъ преподавателей въ Сьдленкой дирекціи на столько удовлетворителенъ, что къ участію на сѣздахъ привлекаются лишь отличающіеся слабыми познаніями. На сѣздѣ, происходившей при Вѣльской учительской семинаріи отъ 4-го августа по 13-е сентября, прибыли по вызову, а отчасти добровольно, 30 учителей и учительницъ и 11 кандидатовъ и кандидатокъ на учительскія должности.

Главнымъ предметомъ занятій былъ русскій языкъ. Такъ какъ свѣдѣнія слушателей оказались далеко не одинаковыми, то образовались двѣ группы. Съ слабѣйшею изъ нихъ, при чтеніи какой-либо статьи, руководитель останавливался на самыхъ простыхъ вещахъ—на значеніи чаще всего встрѣчающихся словъ, правильной разстановкѣ удареній и т. п.;—а съ лучшею группою занимался разборомъ главныхъ и второстепенныхъ частей предложенія, взаимнымъ отношеніемъ ихъ и т. д. Все это сопровождалось домашними упражненіями слушателей. Результатомъ этихъ занятій было то, что даже самые слабые учителя вполне овладѣли прочитанными статьями и могли представить обстоятельный о нихъ отчетъ. Читались не только прозаическія статьи, но и стихотворенія, при чемъ многія изъ нихъ

заучивались наизусть. Руководствомъ служила первая часть книги Водовозова.

Письменные упражненія состояли въ изложеніи на бумагѣ бесѣдъ, веденныхъ при чтеніи и въ составленіи описаній и разказовъ на основаніи прочитаннаго.

Что касается до обученія чтенію и письму по звуковому способу, то руководитель старался объяснить его слушателямъ преимущественно практическимъ путемъ. Для занятій этихъ были составлены двѣ группы изъ совершенно неграмотныхъ дѣтей, только что поступившихъ въ образцовое училище. Послѣ каждаго урока, всѣмъ учителямъ представлено было требовать объясненій по его поводу. Результаты оказались вполне удовлетворительными. Руководителю удалось познакомить всѣхъ учителей съ главнѣйшими приемами, употребляемыми при обученіи по звуковому способу и убѣдить ихъ въ превосходствѣ этого способа.

Не менѣе вниманія было посвящено объяснительному чтенію, которое для большинства собравшихся учителей представлялось чѣмъ-то совершенно новымъ. Причина этому та, что въ польскихъ начальныхъ школахъ считалось до послѣдняго времени вполне достаточнымъ обучать русскому чтенію механически, нисколько не стараясь заинтересовать дѣтей содержаніемъ читаемой статьи или книги. Одновременно съ этимъ происходили бесѣды о природѣ, цѣлью коихъ было сообщить слушателямъ и слушательницамъ свѣдѣнія, необходимыя для того, чтобы отвѣчать имъ на вопросы дѣтей, если они хотятъ развить въ дѣтяхъ способность наблюдать и мыслить. Чтобы удостовѣриться, до какой степени воспользовались слушатели подобными бесѣдами, предложено было имъ самимъ испробовать въ нихъ свое искусство, и попытки эти оказались весьма удовлетворительными.

Надѣмся, что приведенныя нами выше свѣдѣнія достаточно знакомы съ характеромъ сѣздовъ, происходившихъ въ 1873 году въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, а потому, для избѣжанія повтореній, мы не будемъ говорить о подобныхъ же занятіяхъ въ остальныхъ дирекціяхъ. Ограничимся лишь слѣдующими свѣдѣніями: въ *Плоцкой* учебной дирекціи сѣздъ происходилъ съ 15-го августа по 25-го сентября при Вымыслинской учительской семинаріи; всѣхъ преподавателей было вызвано 25; такъ какъ при ревизіи евангелическихъ канторовъ замѣчено было, что канторы весьма мало знакомы съ русскимъ языкомъ, то г. начальникъ дирекціи постарался о привлеченіи ихъ на сѣздъ. Весьма многіе изъ нихъ отвѣчали на этотъ призывъ

и вслѣдствіе того число всѣхъ собравшихся учителей простиралось до 75. Въ *Сувалкской* дирекціи сѣздѣ происходилъ въ с. Вейверахъ; всѣхъ преподавателей было 34, изъ коихъ 9 явились по собственному желанію. На этотъ разъ, по вызову начальства, участвовали въ сѣздѣ лишь лучшіе изъ наставниковъ. По свидѣтельству г. начальника *Сувалкской* дирекціи, онъ руководился при этомъ слѣдующими соображеніями: „Вейверская семинарія уже доставила дирекціи 46 вообще удовлетворительныхъ учителей, но вмѣстѣ съ другими, которые такъ или иначе подготовили себя къ исполненію своихъ обязанностей, число это возрасло теперь до 60; оно должно постоянно увеличиваться новыми выпусками изъ учительской семинаріи и не далеко то время, когда всѣ школы *Сувалкской* дирекціи будутъ снабжены хорошими преподавателями. Необходимо отъ времени до времени освѣжать ихъ свѣдѣнія, доставлять имъ практику въ русскомъ языкѣ, котораго они вовсе не слышатъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ расположены ихъ училища“.—Въ *Калишской* дирекціи сѣздѣ происходилъ при Ленчицкой учительской семинаріи; занимались на немъ 25 прибывшихъ по приглашенію начальства преподавателей. По окончаніи сѣзда, а именно 25-го сентября, произведенъ былъ имъ устный и письменный экзаменъ изъ русскаго языка: десять человѣкъ отвѣчали вполне удовлетворительно, да и многимъ изъ остальныхъ занятія на сѣздѣ принесли видимую пользу; благопріятный отзывъ этотъ не относится лишь къ самому незначительному меньшинству.

ОБЪ УЧЕНИКАХЪ, ПЕРЕШЕДШИХЪ ВЪ РЕАЛЬНЫЯ УЧИЛИЩА ИЗЪ ГИМНАЗИЙ И ПРОГИМНАЗИЙ ВЪ НАЧАЛЪ 18^{73/74} УЧЕБНАГО ГОДА.

По ст. 25 Высочайше утвержденнаго устава реальныхъ училищъ ученики гимназій и прогимназій, удостоенные перевода во II, III, IV и V классы сихъ заведеній, принимаются въ соответствующіе классы реальныхъ училищъ безъ предварительнаго экзамена.

Послѣ открытія въ началѣ текущаго учебнаго года 23-хъ новыхъ реальныхъ училищъ, г. министръ народнаго просвѣщенія, для полученія свѣдѣній о числѣ гимназистовъ, воспользовавшихся правомъ, предоставленнымъ имъ означенною статьею, циркулярно предложилъ гг. попечителямъ доставить въ министерство по каждому реальному училищу именныя списки учениковъ, перешедшихъ изъ гимназій и прогимназій, съ отмѣтками по всѣмъ предметамъ балловъ, полученныхъ ими въ сихъ послѣднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

По полученіи этихъ списковъ, изъ нихъ была составлена прилагаемая при семъ сводная вѣдомость, изъ которой видно, что всѣхъ гимназистовъ перешло :

а) въ 7 реальныхъ училищъ, преобразованныхъ изъ бывшихъ реальныхъ гимназій	162
б) въ 23 вновь открытыя реальныя училища	728
Всего	890

Среднимъ числомъ на каждое училище приходится около 30-ти гимназистовъ, но во вновь открытыя поступило относительно болѣе (32), чѣмъ въ преобразованныя (23 на каждое училище).

Интересно прослѣдить относительное число перешедшихъ по разнымъ округамъ, особенно при сравненіи со степенью развитія промышленности въ данныхъ мѣстностяхъ. Для этого сравненія мы воспользуемся новѣйшими статистическими данными, опубликованными

въ „Статистическомъ временникѣ Россійской Имперіи“, изданномъ въ 1872 г. Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, и преимущественно таблицей общихъ итоговъ фабричной и заводской производительности по губерніямъ, съ распредѣленіемъ по суммѣ производства (стр. XLVIII).

Наименьшее число гимназистовъ, перешедшихъ въ реальныя училища, было въ московскомъ учебномъ округѣ—66 человекъ, 16,5 на каждое училище, не съ большимъ 7⁰/₁₀₀ всего количества, а между тѣмъ къ этому округу принадлежатъ тѣ губерніи, которыя (вмѣстѣ съ С.-Петербургскою, Лифляндскою и Эстляндскою) стоятъ выше всѣхъ другихъ относительно развитія промышленной производительности, именно: Московская, Владимірская, Костромская, Тверская, Ярославская и Рязанская.

Замѣчательно, что въ этихъ наиболѣе промышленныхъ губерніяхъ между гимназистами обнаружилось наименьшее стремленіе къ переходу въ реальныя училища; но не менѣе замѣчательно, что почти столь же мало перешло и въ округахъ Виленскомъ (67) и Казанскомъ (70), изъ коихъ первый состоитъ изъ губерній (за исключеніемъ Гродненской) наименѣе промышленныхъ, а во второму принадлежатъ губерніи средней производительности. И такъ въ трехъ названныхъ округахъ степень развитія промышленности не оказала въ текущемъ учебномъ году никакого видимаго вліянія на количество перешедшихъ гимназистовъ.

Въ остальныхъ затѣмъ округахъ было гораздо болѣе перешедшихъ, именно: въ Харьковскомъ—124 (среднимъ числомъ по 25 на училище, около 14⁰/₁₀₀ всего количества), въ С.-Петербургскомъ—135 (15⁰/₁₀₀, 27 на каждое училище) въ Кіевскомъ—179 (20⁰/₁₀₀, а на каждое училище по 45 человекъ), въ Одесскомъ даже—249, что составляетъ около 28⁰/₁₀₀ всего количества и по 62 ученика на каждое училище. Здѣсь, если оставить въ сторонѣ С.-Петербургскій округъ, какъ соединяющій въ себѣ много исключительныхъ условий, которыя должны были имѣть вліяніе на увеличеніе числа перешедшихъ, такое увеличеніе замѣтно все болѣе по мѣрѣ приближенія къ югу, начиная отъ Орла и до Одессы; развитіе же промышленности, если оказало какое вліяніе, то въ обратномъ отношеніи къ количеству перешедшихъ, ибо изъ всѣхъ названныхъ округовъ промышленность наименѣе развита именно въ Одесскомъ.

По классамъ, въ какіе перешли бывшіе гимназисты, число ихъ возрастаетъ отъ 1-го до 4-го.

Въ 1-й классъ поступило всего	64
„ 2-й „ „ „ „ „	150
„ 3-й „ „ „ „ „ „	254
„ 4-й „ „ „ „ „ „	301.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что при восьми училищахъ не существуетъ двухъ низшихъ классовъ, какъ при большинствѣ вновь учрежденныхъ не открыты еще два высшіе класса, то-есть, 5-й и 6-й, въ которые поступило 121 человѣкъ. Поступившіе въ 6-й классъ должны были выдержать экзаменъ, но не во всѣхъ спискахъ показано, сколько было таковыхъ; однако, судя по числу перешедшихъ вообще изъ 6-го класса гимназій, ихъ могло быть около двадцати, такъ что въ одинъ 5-й классъ поступило по крайней мѣрѣ 100 гимназистовъ. Хотя это число абсолютно меньше числа поступившихъ во 2-й, 3-й и 4-й классы, по такъ какъ эти 100 человѣкъ распределяются лишь на 9-ть училищъ, то на каждое приходится среднимъ числомъ по 11-ти. Два низшіе класса состоятъ при 22 училищахъ, слѣдовательно въ каждое изъ нихъ поступило среднимъ числомъ въ 1-й классъ лишь по 3, а во 2-й классъ по 7-ми гимназистовъ.

3-й классъ существуетъ при 25 училищахъ, такъ что на каждое приходится по 10 перешедшихъ въ этотъ классъ, тогда какъ въ 4-й, существующій при 24 училищахъ, поступило среднимъ числомъ по 12, 5.

Изъ 890 учениковъ, перешедшихъ изъ гимназій, 819 представили свидѣтельства съ обозначеніемъ успѣховъ по предметамъ гимназическаго курса. Изъ этихъ свидѣтельствъ извлечены свѣдѣнія объ успѣхахъ, помѣщенные въ прилагаемой вѣдомости. Изъ общаго итога видно, что менѣе половины учениковъ, именно—404, оказали въ гимназіяхъ успѣхи *удовлетворительные*, а болѣе половины, 415, оказали столь слабые успѣхи, что не могли надѣяться на переводъ въ слѣдующій классъ, и потому о нихъ трудно рѣшить, на сколько они, помимо вліянія родителей, были побуждены къ переходу сознательнымъ стремленіемъ къ реальному образованію, и на сколько—опасеніемъ предстоявшихъ имъ испытаній. Изъ нихъ ровно половина—208, оказали неудовлетворительные успѣхи по однимъ древнимъ языкамъ; 180—около 43, 5%—по древнимъ языкамъ и математикѣ, и только у 27 учениковъ или 6, 5% успѣхи были неудовлетворительны по одной математикѣ.

По округамъ численное отношеніе между слабыми и хорошими

учениками, перешедшими изъ гимназій, представляетъ значительныя разности. Наименѣе хорошихъ учениковъ оставили гимназій:

Въ Казанскомъ округѣ, . . .	39%	противъ	61%	слабыхъ.
„ Виленскомъ	40	„	60	„
„ С.-Петербургскомъ	43	„	57	„
„ Кіевскомъ	45	„	55	„
„ Московскомъ	46	„	54	„
„ Одесскомъ	53	„	47	„
„ Харьковскомъ	69	„	31	„

Изъ этихъ чиселъ оказывается, что хотя Одесскій и Кіевскій округи превзошли Харьковскій по количеству перешедшихъ въ реальныя училища гимназистовъ, но въ качественномъ отношеніи перешедшихъ, Харьковскій округъ далеко оставляетъ за собою всѣ прочіе. И такъ, если стремленіе къ реальному образованію болѣе *распространено* въ Одесскомъ и Кіевскомъ округахъ, то оно достигаетъ наибольшаго напряженія въ Харьковскомъ, гдѣ болѣе $\frac{2}{3}$ перешедшихъ изъ гимназій имѣли удовлетворительныя отгѣтки и потому могли надѣяться на успѣшное продолженіе ученія и въ гимназійхъ. Сверхъ того нѣкоторые родители перевели своихъ дѣтей изъ 5-го класса гимназій въ 4-й классъ трехъ реальныхъ училищъ Харьковскаго округа за неоткрытіемъ въ нихъ 5-го класса. Такихъ учениковъ поступило въ Харьковское, Орловское и Сумское реальныя училища всего 15, что составляетъ болѣе четверти общаго числа—58, перешедшихъ въ 4-й классъ этихъ училищъ.

ВѢДОМОСТЬ

объ ученикахъ, перешедшихъ изъ гимназій и прогимназій въ реальныя училища въ началѣ 18⁷³/₇₄ учебнаго года.

	Общее число принятыхъ изъ гимназій.	Число учениковъ, коихъ успѣхи обозначены въ свидѣльств. гимназій.						
		В С Е Г О.	Степень успѣховъ.					В С Е Г О.
			Удовлетворительно.	Неудовлетворительно.				
				По математикѣ.	По древнимъ языкамъ.	По общимъ главнымъ предметамъ.		
I. По С. Петерб. Учебн. Округу:								
1) Въ С.-Петербург. 1-е реальное училище:								
во 2-й классъ	1	1	—	—	1	—	1	
> 4-й >	5	5	4	—	1	—	1	
> 5-й >	6	6	5	1	—	—	1	
> 6-й >	3	3	1	—	2	—	2	
	15	15	10	1	4	—	5	
2) Въ С.-Петербургское 2-е:								
въ 1-й классъ	6	1	—	—	—	1	1	
> 2-й >	14	9	8	—	1	—	1	
> 3-й >	20	11	5	1	3	2	6	
> 4-й >	20	16	9	1	6	—	7	
	60	37	22	2	10	3	15	
3) Въ Кронштадтское:								
въ 1-й классъ	12	10	—	—	4	6	10	
> 2-й >	26	26	8	1	7	10	18	
	38	36	8	1	11	16	28	

	Общее число принятыхъ изъ гимназій.	Число учениковъ, коихъ успѣхи обозначены въ свидѣльств. гимназій.						
		В с е г о.	Степень успѣховъ.					В с е г о.
			Удовлетворительно.	Неудовлетворительно.				
				По математикѣ.	По древнимъ языкамъ.	По общимъ главнымъ предметамъ.	В с е г о.	
4) Въ Псковское:								
въ 3-й классъ	10	10	2	—	7	1	8	
» 4-й »	10	10	4	2	2	2	6	
	20	20	6	2	9	3	14	
5) Въ Череповское:								
во 2-й классъ	2	2	1	—	—	1	1	
Всего по С. Петерб. учебн. округу:								
а) въ реальн. учил., преобразов. изъ реальн. гимназій:								
1) С. Петербургское 1-е	15	15	10	1	4	—	5	
б) во вновь открытыя:								
2) С. Петербургское 2-е	60	37	22	2	10	3	15	
3) Кронштадтское	38	36	8	1	11	16	28	
4) Псковское.	20	20	6	2	9	3	14	
5) Череповское	2	2	1	—	—	1	1	
	120	95	37	5	30	23	58	
<hr/>								
Итого по С. Петерб. учебн. округу . . .	135	110	47	6	34	23	63	
II. По Московск. учеб. округу:								
1) Въ Московское реальное училище:								
во 2-й классъ	6	6	6	—	—	—	—	

	Общее число принятыхъ изъ гимназій.		Число учениковъ, коихъ успѣхи обозначены въ свидѣтельств. гимназій.					
			Степень успѣховъ.					
			В С Е Г О.	Удовлетворительно.	Неудовлетворительно.			В С Е Г О.
					По математикѣ.	По древнимъ языкамъ.	По общимъ главнымъ предметамъ.	
въ 3-й классъ	14	13	7	—	3	3	6	
» 4-й »	18	18	7	—	8	3	11	
	38	37	20	—	11	6	17	
2) Въ Костромское:								
изъ 3-го класса гимназій	13	13	3	1	7	2	10	
» 4-го » »	8	8	3	—	3	2	5	
« 5-го » »	1	1	1	—	—	—	—	
	22	22	7	1	10	4	15	
3) Въ Зарайское:								
въ 1-й классъ	5	5	3	—	1	1	2	
4) Въ Иваново-Вознесенское:								
во 2-й классъ	1	1	—	—	—	1	1	
Всего по Московскому учебн. окр.:								
1) Въ Московское реальн. учил.	38	37	20	—	11	6	17	
2) » Костромское	22	22	7	1	10	4	15	
3) » Зарайское	5	5	3	—	1	1	2	
4) » Иваново-Вознесенское	1	1	—	—	—	1	1	
Итого	66	65	30	1	22	12	35	

	Общее число принятых въ гимназій.		Число учениковъ, концы успѣхи обозначены въ свѣдѣтельствѣ гимназій.				
			Степень успѣховъ.				
			Удовлетворительно.	Неудовлетворительно.			В С Е Г О.
По математикѣ.	По древнимъ языкамъ.	По общимъ главнымъ предметамъ.					
III. По Виленск. учебн. округу:							
1) Въ Виленское реальное училище:							
Изъ 1-го и 2-го класс. гимназій	4	3	1	—	—	2	2
> 3-го класса	6	6	2	—	4	—	4
> 4-го >	16	16	7	—	8	1	9
> 5-го >	8	8	2	—	4	2	6
	34	33	12	—	16	5	21
2) Въ Динабургское реальное училище:							
въ 1-й и 2-й классы.	3	3	1	1	—	1	2
> 3-й классъ	3	3	1	—	2	—	2
> 4-й >	3	3	2	—	1	—	1
> 5-й >	7	7	1	—	5	1	6
	16	16	5	1	8	2	11
3) Въ Бѣлостокское:							
по 2-й классъ	2	2	2	—	—	—	—
> 4-й >	7	7	2	—	3	2	5
> 5-й >	7	7	5	—	2	—	2
	16	16	9	—	5	2	7
4) Въ Личское:							
въ 5-й классъ	1	1	—	—	1	—	1
	16	16	9	—	5	2	7
Всего по Виленск. учебн. округу:							
1) Въ Виленское реальн. учил.	34	33	12	—	16	5	21

	Общее число принятыхъ изъ гимназій.		Число учениковъ, конхъ успѣхи обозначены въ свидѣльств. гимназій.				
	В С Е Г О.	Удовлетворительно.	Степень успѣховъ.				В С Е Г О.
			Неудовлетворительно.				
			По математикѣ.	По древнимъ языкамъ.	По общимъ главнымъ предметамъ.		
2) Динабургское реальн. учил.	16	16	5	1	8	2	11
3) Вѣлостокское > >	16	16	9	—	5	2	7
4) Пинское > >	1	1	—	—	1	—	1
Итого	67	66	26	1	30	9	40
IV. По Казанск. учебн. округу:							
1) Въ Саратовское реальное училище:							
въ 1-й и 2-й классы.	7	6	3	—	—	3	3
» 3-й классъ	11	11	3	1	—	7	8
» 4-й >	6	6	1	—	2	3	5
Итого							
2) Въ Сызранское:							
въ 1-й и 2-й классы.	2	2	1	—	—	1	1
въ 3-й классъ	3	3	1	—	2	—	2
Итого							
3) Въ Саранское:							
въ 3-й классъ	4	4	1	—	1	2	3
» 4-й >	5	5	2	—	2	1	3
Итого							
4) Въ Екатеринбургское:							
Изъ 3-го класса гимназій. . .	13	13	5	—	3	5	8

	Общее число принятыхъ изъ гимназій.	Число учениковъ, коихъ успѣхи обозначены въ свидѣльств. гимназій.					
		Степень успѣховъ.					
		В С Е Г О.	Удовлетворительно.	Неудовлетворительно.			
По математикѣ.	По древнимъ языкамъ.			По обоимъ главнымъ предметамъ.	В С Е Г О.		
Изъ 4-го класса гимназій.	16	16	8	—	4	4	8
» 5-го » »	3	3	2	—	—	1	1
Всего по Казанскому учебн. округу:	32	32	15	—	7	10	17
1) Въ Саратовск. реальн. учил.	24	23	7	1	2	13	16
2) » Сызранское » »	5	5	2	—	2	1	3
3) » Саранульское » »	9	9	3	—	3	3	6
4) » Екатеринбург. » »	32	32	15	—	7	10	17
Итого.	70	69	27	1	14	27	42
V. По Харьковск. учебн. округу:							
1) Въ Харьковское реальное училище:							
въ 1-й классъ	3	—	—	—	—	—	—
» 3-й »	13	13	9	—	2	2	4
» 4-й »	20	19	15	—	1	3	4
2) Въ Орловское:	36	32	24	—	3	5	8
въ 3-й классъ	15	15	14	—	1	—	1
» 4-й »	23	23	20	—	3	—	3
3) Въ Курское:	38	38	34	—	4	—	4
въ 1-й и 2-й классы.	13	11	4	—	3	4	7

	Общее число принятыхъ изъ гимназій.		Число учениковъ, коихъ успѣхи обозначены въ свидѣтельств. гимназій.				
			Степень успѣховъ.				
	В С Е Г О.	Удовлетворительно.	Неудовлетворительно.			В С Е Г О.	
			По математикѣ.	По древнимъ языкамъ.	По общимъ главнымъ предметамъ.		
4) Въ Сумское:							
въ 3-й классъ	15	15	7	—	4	4	8
> 4-й >	15	15	8	2	2	3	7
	30	30	15	2	6	7	15
5) Въ Ливенское:							
въ 1-й и 2-й классы.	7	6	3	—	—	3	3
Всего по Харьковск. учебн. округу:							
1) Въ Харьковск. реальн. учил.	36	32	24	—	3	5	8
2) > Орловское > >	38	38	34	—	4	—	4
3) > Курское > >	13	11	4	—	3	4	7
4) > Сумское > >	30	30	15	2	6	7	15
5) > Ливенское > >	7	6	3	—	—	3	3
Итого.	124	117	80	2	16	19	37
VI. По Кіевскому учебн. округу:							
1) Въ Бѣлоцерковск. реальн. училище:							
въ 1-й и 2-й классы.	5	3	—	2	—	1	3
> 3-й классъ	3	3	—	—	3	—	3
> 4-й >	3	3	1	2	—	—	2
> 5-й >	25	23	10	1	7	5	13
> 6-й >	7	7	2	—	5	—	5
	43	39	13	5	15	6	26

	Общее число принятыхъ изъ гимназій.		Число учениковъ, коихъ успѣхи обозначены въ свидѣльств. гимназій.				
			Степень успѣховъ.				
	В С Е Г О.	Удовлетворительно.	Неудовлетворительно.			В С Е Г О.	
			По математикѣ.	По древнимъ языкамъ.	По общимъ главнымъ предметамъ.		
2) Въ Ровенское:							
Изъ 1-го и 2-го классовъ	4	3	—	—	—	3	3
> 3-го >	2	2	—	—	—	2	2
> 4-го >	7	7	3	1	2	1	4
> 5-го и высш. клас.	24	23	6	2	12	3	17
	37	35	9	3	14	9	26
3) Въ Кіевское:							
въ 1-й и 2-й классы.	14	12	7	—	3	2	5
> 3-й >	24	21	14	1	3	3	7
> 4-й >	24	23	14	—	8	1	9
	62	56	35	1	14	6	21
4) Въ Кременчурское:							
въ 1-й и 2-й классы.	15	12	6	—	3	3	6
> 3-й >	16	16	7	1	5	3	9
> 4-й >	6	4	3	—	—	1	1
	37	32	16	1	8	7	16
Всего по Кіевскому учебн. округу:							
а) въ реальныя училища, преобразованныя изъ реальн. гимназій:							
1) Бѣлоцерковское	43	39	13	5	15	6	26
2) Ровенское	37	35	9	3	4	9	26
	80	74	22	8	29	15	52

	Общее число принятыхъ въ гимназій.	Число учениковъ, конхъ успѣхи обозначены въ свидѣтельств. гимназій.					
		В с е г о .	Степень успаховъ.				
			Удовлетворительно.	Неудовлетворительно.			
				По математикѣ.	По древнимъ языкамъ.	По общимъ главнымъ предметамъ.	В С Е Г О .
б) во вновь открытыя:							
3) Киевское	62	56	35	1	14	6	21
4) Кременчугское.	37	32	16	1	8	7	16
	99	88	51	2	22	13	37
Ктогo по Киевскому учебному округу.							
	179	162	73	10	51	28	89
VII. По Одесск. учебн. округу:							
1) Въ Одесское реальное училище:							
въ 1-й классъ	13	8	—	—	4	4	8
» 2-й »	20	18	10	—	2	6	8
» 3-й »	28	25	10	—	4	11	15
» 4-й »	34	31	9	1	7	14	22
	95	82	29	1	17	35	53
2) Въ Николаевское реальное училище:							
въ 3-й классъ ¹⁾	10	10	8	—	2	—	2
» 4-й »	6	6	4	—	2	—	2
» 5-й и 6-й классы.	8	7	5	—	2	—	2
	24	23	17	—	6	—	6

¹⁾ Изъ поступившихъ изъ Николаевской гимназій здѣсь показаны лишь тѣ, которые имѣли отиѣтки изъ латинскаго языка. Кромѣ этихъ, поступили еще въ 3-й классъ—31, изъ конхъ у 25-ти были неудовлетворительныя отиѣтки изъ математики, при совершенномъ отсутствіи отиѣтокъ изъ древнихъ языковъ.

	Общее число принятыхъ изъ гимназій.	Число учениковъ, коихъ успѣхи обозначены въ свидѣтельств. гимназій.						
		В С Е Г О.	Степень успѣховъ.					В С Е Г О.
			Удовлетворительно.	Неудовлетворительно.				
				По матерн-тнкѣ.	По древнимъ языкамъ.	По общимъ главнымъ предметамъ.		
3) Въ Ростовское реальное училище:								
въ 1-й классъ	1	1	—	—	1	—	1	
» 2-й »	28	27	24	—	—	3	3	
» 3-й »	16	16	13	1	2	—	3	
» 4-й »	24	24	22	1	—	1	2	
	69	68	59	2	3	4	9	
4) Въ Кишиневское:								
въ 3-й классъ	15	14	3	1	3	7	11	
» 4-й »	21	19	3	1	5	10	16	
» 5-й »	25	24	10	1	7	6	14	
	61	57	16	3	15	23	41	
Всего по Одесскому учебн. округу:								
1) въ Одесское реальн. учил.	95	82	29	1	17	35	53	
2) » Николаевск. » »	24	23	17	—	6	—	6	
3) » Ростовское » »	69	68	59	2	3	4	9	
4) » Кишиневск. » »	61	57	16	3	15	23	41	
Итого	249	230	121	6	41	62	109	
Всего принято изъ гимназій въ реальныя училища.								
а) преобразованныя изъ реальныхъ гимназій:								
1) По округу С.-Петербург. въ 1 учил.	15	15	10	1	4	—	5	

	Общее число принятыхъ въ гимназiя.	Число учениковъ, коихъ успѣхи обозначены въ свѣдѣтельств. гимназiй.						
		Степень успѣховъ.						
		В С Е Г О.	Удовлетворительно.	Неудовлетворительно.				
				По математикѣ.	По древнимъ языкамъ.	По общимъ главнымъ предметамъ.	В С Е Г О.	
2) По округу Виленскому въ 4 учил.	67	66	26	1	30	9	40	
3) » » Кiевскому » 2 »	80	74	22	8	29	15	52	
Всего въ 7 учил.		162	155	58	10	63	24	97
б) во вновь открытыя реальныя училища:								
1) По округу С.-Петербур. въ 4 учил.	120	95	37	5	30	23	58	
2) » » Московскому » 4 »	66	65	30	1	22	12	35	
3) » » Казанскому » 4 »	70	69	27	1	14	27	42	
4) » » Харьковск. » 5 »	124	117	80	2	16	19	37	
5) » » Кiевскому » 2 »	99	88	51	2	22	13	37	
6) » » Одесскому » 4 »	249	230	121	6	41	62	109	
Всего въ 23 учил.		728	664	346	17	145	156	318
Общiй итогъ.								
1) По округу С.-Петербур. въ 5 учил.	135	110	47	6	34	23	63	
2) » » Московск. » 4 »	66	65	30	1	22	12	35	
3) » » Виленскому » 4 »	67	66	26	1	30	9	40	
4) » » Казанскому » 4 »	70	69	27	1	14	27	42	
5) » » Харьковск. » 5 »	124	117	80	2	16	19	37	
6) » » Кiевскому » 4 »	179	162	73	10	51	28	89	
7) » » Одесскому » 4 »	249	230	121	6	41	62	109	
Всего въ 30 учил.		890	819	404	27	208	180	415

По классамъ этотъ итогъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Прпята всего изъ гимназій.	К л а с с ы.					Всего.
	1.	2.	3.	4.	5 и 6.	
1) По округу С.-Петербургскому . .	18	43	30	35	9	135
2) » » Московскому	5	7	27	27	—	66
3) » » Впленскому.	5	4	9	26	23	167
4) » » Казанскому	4	5	31	30	—	70
5) » » Харьковскому.	10	13	43	58	—	124
6) » » Кіевскому	8	30	45	40	56	179
7) » » Одесскому	14	48	69	85	33	249
Итого	64	150	254	301	121	890

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

I.

Въ послѣднее время было много толковъ о Французской Академіи. Я уже извѣщалъ о предстоявшемъ приѣмѣ г. Эмиля Оливье, который былъ избранъ въ ея члены въ 1870 году, когда онъ былъ министромъ, не за долго до войны съ Пруссією. Академіи, открывая ему свои двери, хотѣла почтить въ немъ только политическаго дѣятеля, пытавшагося возстановить у насъ парламентское правленіе, ибо его рѣчи, отличавшіяся напыщенностью формы и скудостью содержанія, не давали ему права на литературную извѣстность. Увѣряютъ, будто бы успѣхамъ своей кандидатуры онъ былъ обязанъ, главнымъ образомъ, могущественной поддержкѣ со стороны г. Гизо. Во всякомъ случаѣ избраніе его надѣлало много шума; затѣмъ вспыхнула война, и г. Оливье, подавленный бременемъ вполне заслуженной имъ непопулярности, переселился на время въ Италію. Съ тѣхъ поръ прошло около трехъ лѣтъ; нужно же было, наконецъ, принять его установленнымъ порядкомъ въ лоно Академіи и приѣмъ этотъ былъ назначенъ на 14-е марта. Такъ какъ страсти съ тѣхъ поръ уже достаточно успокоились, то слѣдовало надѣяться, что означенная церемонія пройдетъ безъ скандала, хотя рѣчь новаго академика, — г. Оливье долженъ былъ произнести похвалу г. Ламартину, — не могла не коснуться различныхъ вопросовъ современной политики. Любопытство публики было возбуждено въ высшей степени, какъ вдругъ случилось нѣчто неожиданное, или вѣрнѣе сказать, то, чего слѣдовало ожидать. Въ свой панегирикъ Ламартину г. Оливье включилъ панегирикъ Наполеону III, и конечно, это не могло бы показаться страннымъ, если бы ораторъ выразилъ личное чувство признательности къ памяти покойнаго государя, но дѣло въ томъ, что означен-

ная похвала была включена имъ въ свою рѣчь совершенно не встати, безъ всякаго къ тому повода: *non erat hic locus*. Академія, имѣющая безусловное право обсуждать вступительныя рѣчи своихъ членовъ, устрашилась, что упомянутый нами дифирамбъ подастъ поводъ къ шумнымъ демонстраціямъ, а потому предложила г. Оливье исключить его, но встрѣтила съ его стороны отказъ. Увѣряютъ, будто бы г. Гизо сдѣлалъ нѣсколько безпощадныхъ замѣчаній новому академику. По словамъ однихъ, онъ сказалъ ему: „вы понимаете, что мы не можемъ слушать съ легкимъ сердцемъ (*d'un coeur léger*) похвалу правителю, навлекшему на наше отечество неслыханныя бѣдствія“, а по словамъ другихъ, выразился еще рѣзче: „можно обладать легкимъ сердцемъ, но не позволительно имѣть легкой умъ“ (*esprit léger*). Какъ бы то ни было, въ виду положительнаго отказа г. Оливье, Академія постановила, что торжественнаго приѣма не будетъ вовсе. Обманувшаяся въ своихъ ожиданіяхъ публика утѣшилась тѣмъ, что прочла въ газетахъ какъ вступительную рѣчь г. Оливье, такъ и отвѣтную на нее рѣчь г. Эмиля Ожье. Первая изъ нихъ очень длинна и, по общему приговору, не отличается большими достоинствами; очевидно, что, составляя ее, авторъ помышлялъ не столько объ апологіи Ламартина, сколько о своей собственной; слогъ его не ровень и даже не всегда правиленъ,—словомъ, бывший ораторъ потерпѣлъ полное *fiasco*. Несравненно довольнѣе осталась публика краткою, но остроумною рѣчью г. Эмиля Ожье, который почти ничего не говорилъ о Ламартинѣ, какъ о политикѣ, а ограничился лишь тѣмъ, что привелъ лучшія изъ его стихотвореній.

Тѣмъ не менѣе г. Эмиль Оливье признанъ членомъ академіи, получаетъ сопряженное съ этимъ званіемъ содержаніе и можетъ даже участвовать въ составленіи пресловутаго словаря, который, вѣроятно, никогда не будетъ приведенъ къ концу. Соперничество съ капитальнымъ трудомъ г. Литтре крайне опасно.

Академія нравственныхъ и историческихъ наукъ избрала на дняхъ преемника г. Мишле. Борьба происходила между гг. Целлеромъ и Жефруа, и послѣдній одержалъ верхъ. Въ свое время я упоминалъ, что таже академія назначила премію за лучшее сочиненіе о Чаннингѣ: премія эта была присуждена двумъ мемуарамъ одинаковаго достоинства, которые вскорѣ появятся, конечно, въ печати.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Академіи надписей и изящной словесности, непремѣнный ея секретарь, г. Валлонъ, читалъ отчетъ о различныхъ трудахъ, изданныхъ ею въ 1873 году. Между

прочимъ напечатала она XXVI томъ „Литературной исторіи Франціи“ (XIV вѣкъ), въ который вошли проповѣди и chansons de gestes; XIII томъ полнаго собранія французскихъ историковъ уже печатается; приготовленъ также IV томъ западно-европейскихъ историковъ, I-й томъ историковъ византійскихъ и II-й—историковъ арабскихъ. Кромѣ того, приступлено къ изданію „Corpus inscriptionum semiticarum“, къ предпріятію, о которомъ было заявлено еще въ засѣданіи академіи 17-го апрѣля 1867 года. Членомъ-корреспондентомъ на мѣсто умершаго археолога, г. Комона, избранъ генераль Ганотъ, авторъ весьма почтеннаго труда о Берберахъ и Кабилахъ, подвергнутого недавно г. Репаномъ подробному разбору въ *Revue des deux mondes*.

Въ академіи, о которой идетъ рѣчь, не рѣдко постороннія лица читаютъ свои мемуары, которые печатаются затѣмъ или въ ея биллетеняхъ, или въ специальныхъ изданіяхъ. Особенное вниманіе обратилъ на себя недавно мемуаръ г. Эрнеста Гаве о томъ, „къ какой эпохѣ относятся сочиненія, приписываемыя Верозу и Мансону“. Авторъ сильно оспариваетъ подлинность этихъ знаменитыхъ памятниковъ и старается доказать, что они написаны двумя столѣтіями позднѣе той эпохи, къ которой ихъ обыкновенно относятъ. Трудъ г. Гаве (профессора римской литературы въ Collège de France) уже появился въ печати.

Въ Римѣ начались лекціи въ той школѣ, которая учреждена тамъ по образцу Аѳинской, и *Revue archéologique* приступила, между прочимъ, къ печатанію курса г. Альбера Дюмона объ археологіи. Курсъ этотъ (по три лекціи еженедѣльно) посвященъ: 1) археологіи вообще и исторіи искусства; 2) эпиграфикѣ, и 3) разсмотрѣнію работъ воспитанниковъ съ спеціальною цѣлью подготовить ихъ къ путешествіямъ по Востоку и Греціи. Г. Дюмонъ представлялся на дняхъ кардиналу Аптонелли, который разрѣшилъ ему пользоваться всѣми художественными сокровищами въ папскихъ галлерейхъ. По общему мнѣнію, этотъ почтенный ученый считается теперь лучшимъ представителемъ нашихъ молодыхъ археологовъ.

Министерство иностранныхъ дѣлъ приняло недавно мѣру, которая, безъ сомнѣнія, будетъ встрѣчена весьма сочувственно какъ французскими, такъ и иностранными учеными. Извѣстно, что архивы его обладаютъ множествомъ въ высшей степени важныхъ документовъ; для XVI и первой половины XVII вѣка документы эти не полны и по большей части отрывочны, но начиная съ 1662 года и до послѣдняго времени дипломатическая корреспонденція не оставляетъ же-

лать ничего лучшаго относительно своей полноты. Архивы были организованы и приведены въ порядокъ еще со времяъ первой революціи, но доступъ къ нимъ былъ всегда чрезвычайно труденъ. Только взрѣдка тѣ или другіе документы становились достояніемъ ученыхъ. „Эти привилегированные изслѣдователи“, говоритъ министр иностранныхъ дѣлъ, г. Деказь, въ докладѣ своемъ президенту республики отъ 21-го февраля, „не всегда оказывались достойными дѣлаемаго имъ свисхожденія; нѣкоторые изъ нихъ непростительно злоупотребили довѣріемъ лицъ, завѣдующихъ архивами и похитили оттуда важные документы. Вслѣдствіе этого доступъ къ архивамъ министерства иностранныхъ дѣлъ былъ почти безусловно воспрещенъ. На основаніи издавна установленныхъ правилъ, означенные архивы должны были быть открыты лишь для центральной администраціи и для посланниковъ, желавшихъ изучить дипломатическую корреспонденцію и мемуары своихъ предшественниковъ. Но въ послѣднее время министерство отступало отъ этого правила въ пользу иностранныхъ ученыхъ: такъ, напримѣръ, въ теченіе времени отъ 1867 до 1874 года сорока пяти лицамъ разрѣшено было заниматься въ архивахъ“.

Нельзя не видѣть въ этомъ, продолжаетъ министр, значительнаго улучшенія, и естественно рождается вопросъ, не слѣдуетъ ли еще болѣе расширить льготу для различныхъ ученыхъ и историковъ? Не предрѣшая собственною властью этотъ вопросъ, герцогъ Деказь передалъ его на обсужденіе спеціальной комиссіи, въ средѣ коей засѣдаютъ гг. Камилль Руссе, Альфредъ Мори, Жефруа и нѣсколько дипломатовъ. Комиссія должна рассмотретьъ, въ какой мѣрѣ архивы могутъ быть доступны публикѣ, въ какой мѣрѣ правительство должно заниматься обнародованіемъ хранящихся въ нихъ документовъ и къ какимъ средствамъ слѣдуетъ прибѣгнуть, чтобы возвратитъ въ архивы документы, удержанные частными лицами. Конечно, комиссія имѣетъ лишь совѣщательный голосъ и министерство предоставило самому себѣ окончательное рѣшеніе столь важнаго вопроса. Надѣются, впрочемъ, что приговоръ его будетъ благопріятенъ для успѣховъ историческихъ изслѣдованій, которыя были стѣсняемы очень часто совершенно бесполезными препятствіями. Трудно понять, напримѣръ, какое неудобство могло бы представить обнародованіе документовъ, относящихся къ 1685. году?

По этому поводу не могу не упомянуть о слѣдующемъ обстоятельстве. Авторъ знаменитыхъ мемуаровъ, герцогъ Сенъ-Симонъ, умеръ въ 1755 году; тотчасъ же мемуары эти, а также и другія

бумаги покойнаго были, по приказанію тогдашняго правительства, отобраны у его наслѣдниковъ и переданы въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Лишь въ 1829 году мемуары были возвращены потомкамъ герцога, получившимъ возможность ихъ напечатать; но, что касается до корреспонденціи и многочисленныхъ документовъ, относящихся къ 1721 году, когда герцогъ С.-Симонъ былъ посломъ въ Испаніи, то еще и теперь остаются они не изданными. Всѣ эти подробности узнаемъ мы изъ появившейся на дняхъ весьма любопытной книги г. Армана Баше: „Герцогъ С.-Симонъ и судьба его рукописей по подлиннымъ и совершенно неизданнымъ документамъ“ (Le duc de Saint-Simon et l'histoire de ses manuscrits d'après les documents authentiques et entièrement inédits, par Armand Bachet). Свѣдѣнія, сообщаемыя почтеннымъ авторомъ объ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и его сокровищахъ, въ высшей степени заинтересовали нашихъ ученыхъ и не останутся, конечно, безъ послѣдствій.

Педагогическій нашъ міръ по прежнему сильно занятъ вопросомъ о высшемъ преподаваніи. Повсюду слышатся толки о томъ, будетъ ли разрѣшено учрежденіе частныхъ факультетовъ и получать ли они право раздавать ученые степени; особенно заинтересована въ этомъ клерикальная партія, ибо она одна обладаетъ достаточными средствами, чтобы тотчасъ же учредить на свой счетъ высшія учебныя заведенія, что дастъ ей возможность еще болѣе усилить свое вліяніе; въ настоящее время она уже завѣдуетъ значительнымъ количествомъ начальныхъ школъ, да и среднее образованіе забрала она отчасти въ свои руки посредствомъ семинарій, то-есть, духовныхъ гимназій; для окончательнаго успѣха остается ей только имѣть собственные факультеты. Органомъ тѣхъ лицъ, которыя противятся всякимъ полезнымъ преобразованіямъ въ системѣ нашего народнаго просвѣщенія служило до сихъ поръ извѣстное изданіе *L'instruction publique*, но несостоятельность его до такой степени очевидна, что въ средѣ педагоговъ родилась мысль основать другой педагогическій журналъ, который бы болѣе удовлетворялъ требованіямъ лучшей части публики.

Между литературными произведеніями, относящимися къ педагогикѣ, слѣдуетъ прежде всего упомянуть о продолженіи извѣстнаго труда г. Максима Дюкана: „Paris, ses organes, ses fonctions et sa vie“. Нѣсколько главъ въ появившемся нынѣ новомъ томѣ посвящены парижскимъ учебнымъ заведеніямъ; авторъ постепенно обозрѣваетъ

школы всѣхъ разрядовъ— и высшія, и низшія, включая сюда школы и для глухо-нѣмыхъ, и для слѣпыхъ. Приговоръ его о теперешнемъ состояніи среднеучебныхъ заведеній чрезвычайно строгъ: „Надъ ними такъ таготять“, говоритъ онъ, „старинныя преданія, установившаяся издавна система, что всѣ попытки преобразовать эти училища остаются безплодными и что даже само правительство сознаетъ въ этомъ свое безсиліе. Можно было создать въ нынѣшнемъ вѣкѣ начальное образованіе, ибо прежде его у насъ не существовало; но гораздо труднѣе дѣйствовать въ области образованія средняго, ибо тутъ мы встрѣчаемся съ системою, завѣщанною намъ отъ прошлаго, въ свое время славною, но нынѣ представляющею множество слабыхъ сторонъ, и отъ которой мы все-таки не рѣшаемся отказаться“. Авторъ доказываетъ, что ученіе въ нашихъ лицейхъ развиваетъ главнымъ образомъ память и мало способствуетъ возбужденію самостоятельности ума, онъ возстаетъ противъ теперешнихъ испытаній на степень бакалавра и т. д. Все это изложено у него съ замѣчательнымъ талантомъ и вполне доступно для массы образованной публики, которая не читаетъ специальныхъ сочиненій. Много интересныхъ подробностей находится также въ главѣ, посвященной высшему образованію. Г. Дюканъ говоритъ здѣсь о главнѣйшихъ нашихъ высшихъ школахъ—Сорбоннѣ, Музеѣ естественной исторіи и т. д.,—выставляетъ на видъ ихъ далеко неудовлетворительное матеріальное положеніе и требуетъ увеличенія ихъ бюджета. Вотъ заключительныя его слова: „Если въ преподаваніи наукъ мы будемъ упорно держаться за старинныя методы, если мы не обеспечимъ положеніе учителей, не достигнемъ того, чтобы лапы министры народнаго просвѣщенія не смѣнялись непрерывно по требованію политики, если по прежнему каждая изъ подобныхъ переменъ будетъ отзываться крайне невыгодно на педагогической нашей дѣятельности, если Франція не рѣшится принести значительныя матеріальныя пожертвованія для народнаго просвѣщенія, если мы, говоря словами Монтеня, „будемъ, воплѣ по-французски, учиться всему по немногу и ничему основательно“,—то едва ли удастся Франціи удержать за собою въ Европѣ мѣсто, завѣщанное ей всею минувшею вѣковою ея жизнью“.

Конечно, авторъ—нѣсколько пессимистъ. То, что говоритъ онъ о нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не даетъ понятія о богатствахъ, которыми нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ въ Парижѣ. Было бы несправедливо не упомянуть о двухъ чрезвычайно интересныхъ гла-

вахъ, въ которыхъ г. Дюканъ сообщаетъ свѣдѣнія о школахъ для слѣпыхъ и глухо-нѣмыхъ.

II.

Въ первыхъ мѣсяцахъ текущаго года появилось, по обыкновенію, нѣсколько болѣе или менѣе интересныхъ ежегодниковъ (annuaires). Г. Морисъ Блокъ издалъ „Annuaire économiq̄ue“, отличающійся обиліемъ статистическихъ свѣдѣній, г. Луи-Фигье — семнадцатый томъ своего „Annuaire scientifique“, г. Вивьенъ С. Мартенъ — двѣнадцатый томъ „Année géographiq̄ue“.

Въ сборникѣ г. Луи-Фигье мы находимъ перечень главнѣйшихъ изобрѣтеній и открытій за прошлый годъ въ области астрономіи, физики, химіи, метеорологіи и т. д., а также отчеты о занятіяхъ академій и ученыхъ обществъ. Авторъ, не принадлежа къ числу ученыхъ въ настоящемъ смыслѣ слова, умѣетъ излагать въ популярной, вполне доступной для публики, формѣ вопросы естествознанія и книга его не бесполезна для справокъ. Сборникъ г. Вивьена С. Мартена отличается болѣе серьезными достоинствами, ибо этотъ писатель ревностно занимается наукою и слѣдитъ за всѣмъ, что появляется по предмету географіи какъ во Франціи, такъ и за границею. Въ новомъ томѣ „Année géographiq̄ue“ особенно любопытны свѣдѣнія о различныхъ путешествіяхъ въ Азію и центральную Африку; Россіи отведено также весьма почетное мѣсто, но, къ сожалѣнію, авторъ вовсе не знакомъ съ русскимъ языкомъ, и вотъ почему, между прочимъ, въ подробномъ библиографическомъ указателѣ, приложенномъ къ его книгѣ, помѣщены лишь тѣ русскія сочиненія по географіи, о которыхъ случайно было упоминаемо во французскихъ и нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ. Неудомимый авторъ объявилъ о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ „Всеобщаго словаря новѣйшей географіи“, въ двухъ томахъ, а также объ обширномъ атласѣ для исторіи древней, средневѣковой и новой: одновременно съ нимъ появится и краткій историческій атласъ, предназначенный для училищъ.

Не могу не упомянуть о весьма интересной статьѣ въ *Revue des deux mondes*, въ которой г. Эрнестъ Дежарденъ познакомилъ публику съ жизнью и трудами г. Марьетта и вообще съ успѣхами египтологіи во Франціи. Почтенный авторъ, продолжая заниматься приготовленіемъ къ печати карты Пейтингера, находитъ время и для другихъ работъ, относящихся къ области географіи и эниграфіки. Недавно напечаталъ онъ въ Пештѣ, на иждивеніе венгерскаго правительства,

большой трудъ (еще не появившійся въ продажѣ) о римскихъ надписяхъ, хранящихся въ музеѣ этого города, а въ Парижѣ—брошюру, долженствующую служить дополненіемъ къ „*Copius inscriptionum latinaarum*“ Моммзена. Г. Дежарденъ утверждаетъ, что въ III томѣ Моммзеновскаго сборника встрѣчаются весьма важныя опущенія. Такъ, напримѣръ, изъ 336 надписей, которыя хранятся въ венгерскомъ національномъ музеѣ, 76 вовсе не вошли въ сборникъ, 52 были истолкованы такъ, что остаются совершенно непонятными, другія же, наконецъ, были напечатаны по ошибкамъ, потому что или вовсе ихъ нѣтъ въ музеѣ, или же слѣдуетъ ихъ считать апокрифическими. Если это такъ, то трудъ г. Дежардена не лишень весьма серьезнаго значенія, и французскіе ученые весьма довольны тѣмъ, что соотечественнику ихъ удалось обнаружить ошибки г. Моммзена.

Въ области національной археологій считаютъ весьма замѣчательнымъ новое сочиненіе г. М. Делюша „*La trustis et l'antrustion royal sous les deux premiéres races*“. Извѣстно, что слово „*antrustio*“, встрѣчающееся въ древнѣйшихъ французскихъ лѣтописяхъ, вызывало различныя предположенія и подвергалось самымъ разнообразнымъ толкованіямъ. Тацитъ, описывая бытъ Германцевъ, говоритъ, что главнѣйшихъ вождей окружали сподвижники, которые были для нихъ „*in pace decus, in bello praesidium*“. Эти люди клялись охранять своихъ вождей, и проливали свою кровь за нихъ въ то время, какъ вожди вступали въ бой для приобрѣтенія славы. Выйти невредимыми изъ битвы, въ которой погибъ самъ вождь, считалось для нихъ неизгладимымъ позоромъ. Съ своей стороны, вожди раздавали и содержаніе, и почести своимъ сподвижникамъ. Г. Делюшъ старается доказать, что это военное товарищество сохранилось и при дворѣ франкскихъ королей въ Галліи: подъ названіемъ „*trustis*“ оно было однимъ изъ коренныхъ учрежденій завоевателей; сподвижники, о которыхъ разказываетъ Тацитъ, превратились въ Галліи въ „*antrustiones*“.

Я уже упоминалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ объ обширномъ изданіи французскихъ классиковъ, въ которомъ появился, между прочимъ, Мольеръ подъ редакціею г. Делюа. Занимаясь твореніями нашего знаменитаго драматурга, почтенный авторъ сдѣлалъ много любопытныхъ изслѣдованій не только о Мольерѣ, но вообще о театрахъ и драматической литературѣ въ царствованіе Лудовика XIV. Нынѣ появились они подъ заглавіемъ „*Le théâtre français sous Louis XIV*“. Самое заглавіе показываеъ, что г. Делюа не имѣлъ въ виду изложить литературную исторію нашего театра при Лудовикѣ XIV, ибо

предметъ этотъ уже достаточно изслѣдованъ: цѣлью его было выяснитъ матеріальныя и нравственныя условія, существовавшія въ то время для драматическаго искусства. Ему удалось познакомиться съ документами, хранящимися въ архивахъ парижской *Comédie française*, изъ которыхъ онъ почерпнулъ много новыхъ и чрезвычайно интересныхъ свѣдѣній. Авторъ разказываетъ послѣдовательно о различныхъ труппахъ актеровъ, смѣнявшихся въ Парижѣ отъ 1658 до 1715 года, объ организаціи тогдашнихъ театровъ, о положеніи актеровъ, о цензурѣ и административномъ надзорѣ за театрами, о правахъ драматическихъ авторовъ, о сношеніяхъ Людовика XIV съ актерами и писателями, — наконецъ, о различныхъ перемѣнахъ въ настроеніи публики. Книга г. Депуа проливаетъ новый свѣтъ на многое, что представлялось доселѣ еще неяснымъ въ литературной исторіи XVII вѣка. Изъ нея же узнаемъ мы, что документы, принадлежащіе *Comédie française*, будутъ вскорѣ обнародованы.

Извѣстный писатель и бывший министръ иностранныхъ дѣлъ г. Ремюза, давно уже занимающійся изученіемъ Англій, издалъ недавно книгу о лордѣ Шербѣри, подъ заглавіемъ: „*Lord Herbert de Cherbury, sa vie et ses oeuvres sur les origines de la philosophie du sens commun et de la théologie naturelle en Angleterre*“. Авторъ вступаетъ здѣсь въ открытую борьбу съ школою позитивистовъ и доказываетъ, что лоръ Шербѣри создалъ философію здраваго смысла прежде шотландской школы. Жизнь избраннаго имъ героя чрезвычайно интересна; она исполнена военныхъ и галантныхъ приключеній, которыя изображены г. Ремюза съ обычнымъ его искусствомъ. Недавно появилась также диссертациа г. Гастона Фѣжера объ Эразмѣ, за которую онъ получилъ докторскую степень. Книга эта, написанная весьма талантливо, раздѣляется на двѣ части: въ первой разказана жизнь Эразма, а во второй содержится разборъ главнѣйшихъ его произведеній съ точки зрѣнія религіозной, философской и литературной. Хотя объ Эразмѣ достаточно писано у насъ, — между прочимъ г. Низаръ посвятилъ ему нѣсколько отличныхъ страницъ, а г. Дюрантъ Дюлоръ цѣлыхъ два тома, — все-таки трудъ г. Фѣжера далеко не исчерпываетъ предмета, тѣмъ болѣе, что и эрудиція автора не возбуждаетъ большаго довѣрія. Въ предисловіи къ своему труду онъ упоминаетъ о значительномъ количествѣ нѣмецкихъ сочиненій, которыхъ, очевидно, не читалъ. Въ Англій также появилось недавно новое изслѣдованіе объ Эразмѣ: „*Erasmus, his life and character, by R. A. Drummond*“. По существующимъ у насъ правиламъ, г. Фѣжеръ дол-

женъ былъ, одновременно съ диссертациею на французскомъ языкѣ, представить и диссертацию латинскую; предметомъ послѣдней онъ избралъ: *De doctrinae Socraticae vestigiis apud Euripidem*.

Что касается до педагогической литературы, то нельзя обойти молчаніемъ новую латинскую грамматику г. Гантреля (*Gantrelle*), занимающагося преподаваніемъ въ Бельгii и редактора бельгійскаго *Revue de l'instruction publique*. Грамматика эта, сравнительно съ тѣми, которыя распространены у насъ теперь, представляетъ значительный шагъ впередъ. Г. Бенуа, которому принадлежитъ изданіе Вергілія въ коллекціи классическихъ авторовъ, издалъ замѣчательнѣйшіе отрывки изъ этого поэта для чтенія въ школахъ: онъ присоединилъ къ нимъ жизнеописаніе Вергілія, краткое изслѣдованіе объ его просодіи, метрикѣ и грамматикѣ, словарь географическихъ и историческихъ названій, вслѣдствіе чего трудъ г. Бенуа представляетъ весьма пріятное явленіе въ нашей педагогической литературѣ. Вотъ еще одно обстоятельство, которое придаетъ цѣну упомянутому изданію: слѣдуя призыву, поданному Англичанами и Американцами, г. Бенуа воспроизвелъ въ немъ нѣсколько барельефовъ и медалей, заимствованныхъ имъ изъ „Археологическаго словаря“ (поощіе пастухи, крестьянинъ, пашущій землю, два медальона Энея и т. д.), а также присоединилъ къ нему географическую карту тѣхъ мѣстностей, о которыхъ упоминается въ Энеидѣ (*Publii Vergilii Maronis opera, édition à l'usage des classes, par E. Bencist*).

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о „Школьной гигиенѣ“ (*Hygiène scolaire*) доктора Ріана. Эта книга представляетъ у насъ совершенно новое явленіе въ своемъ родѣ, ибо до сихъ поръ если и упоминалось, въ общихъ трактатахъ, о школьной гигиенѣ, то еще не посвящалось этому предмету отдѣльныхъ изслѣдованій. Автору, врачу при Парижской нормальной школѣ, неоднократно было поручаемо осматривать столичные учебныя заведенія, и онъ могъ при этомъ убѣдиться, какъ мало обращаютъ тамъ вниманія на здоровье дѣтей. Въ появившейся нынѣ книгѣ онъ излагаетъ результаты своихъ наблюденій. Ничто не упущено имъ изъ виду,—даже такія подробности, которыя съ перваго взгляда представляются мелочными и ничтожными, ибо, по справедливому его замѣчанію, ничѣмъ не слѣдуетъ пренебрегать въ столь важномъ дѣлѣ. Къ книгѣ приложено 49 рисунковъ и плановъ, что не мало облегчаетъ читателя.

Л. Л—ръ.

ОТДѢЛЪ
КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

МАРМОР ПАРИУМ.

F. C. *Wagner*: «Die parische Chronik griechisch übersetzt und erläutert». Göttingen, 1790.

Derselbe: «Chronicon Parium adnotationibus illustratum». Marburg, 1832, 1833, 4 partes.

A. *Boeckh*: Corpus inscriptt. Graecae. vol. I, nr. 2374 p. 293—343.

C. *Müller*: Fragm. Hist. Graec. vol. I, p. 533—590, vol. V prolegg. p. XXXIV—L.

A. *Schöne*: Symbola philologorum Bonensium in honorem F. Ritschelii collecta, Lips., 1864—67, p. 756.

L. *Mendelsohn*: «Acta societatis philologiae Lipsiensis, ed. F. Ritschelius», vol. II, I p. 168 sq.

Изъ многихъ тысячъ греческихъ надписей, которыя были найдены въ теченіе столѣтій, наибольшее вниманіе филологовъ и историковъ обратилъ на себя, съ самыхъ первыхъ временъ своего открытія и обнаруженія И. Зельденомъ (Лондонъ, 1628, 4), такъ называемый Мармор Паріумъ. Въ настоящее время, къ сожалѣнію, эта надпись существуетъ въ неполномъ и жалкомъ видѣ (осколки хранятся съ 1667 года въ Оксфордѣ); прежде же она заключала въ себѣ всѣ главнѣйшія событія греческой исторіи, при чемъ особенное вниманіе было обращено на исторію литературы и притомъ, считая обратно, съ 264 г. до Р. X. по 1318 г., то-есть, до Кекропса, временемъ котораго собственно и начинается. Уцѣлѣвшіе остатки, однако, начинаются съ 79 эпохъ, считая и введеніе, до 354 г. до Р. X.

Чтобы дать болѣе ясное понятіе объ этой надписи, мы приведемъ нѣсколько краткихъ образцовъ ея содержанія въ буквальномъ пере-

водѣ, выбравъ для этого, по многимъ причинамъ, въ высшей степени интересную средину, начинающуюся съ 40-й эпохи.

40. „Съ тѣхъ поръ, какъ Пизистратъ сдѣлался аѳинскимъ тираномъ—297 годъ. Архонтомъ въ Аѳинахъ былъ Коміасъ“.

41. „Съ тѣхъ поръ, какъ Крезъ отправилъ изъ Азіи пословъ въ Дельфы—292 годъ. Архонтомъ въ Аѳинахъ былъ Эвондеиъ“.

42. „Съ тѣхъ поръ, какъ Киръ, царь персидскій, завладѣлъ Сардами и взялъ въ плѣнъ обманутаго Писіеіея Креза—278 годъ. Архонтомъ въ Аѳинахъ былъ..... Въ его время жилъ также ямбографъ Гиппонаксъ“.

43. „Съ тѣхъ поръ, какъ поэтъ Эспіасъ, первый, поставившій на сцену въ городѣ драмы, выступилъ на сцену и преміей былъ назначенъ козелъ—272 годъ. Архонтомъ въ Аѳинахъ былъ.....“

44. „Съ тѣхъ поръ, какъ Дарій сдѣлался властелиномъ Персіи и послѣ того какъ былъ убитъ магъ—256 годъ. Архонтомъ въ Аѳинахъ былъ“....

45. „Съ тѣхъ поръ, какъ Гармодій и Аристокитонъ убили аѳинскаго тирана Гиппарха, сына Пизистрата, а Аѳиняне изгнали изъ пелазгической стѣны пизистратидовъ—248 годъ. Архонтомъ въ Аѳинахъ былъ“.....

46. „Съ тѣхъ поръ, какъ первые мужскіе хороводы начали составлять изъ за преміи и Гиподикъ Халкидець, обучившій первый хороводъ, одержалъ побѣду,—244 годъ. Архонтомъ въ Аѳинахъ былъ Исагоръ“.

47. „Съ тѣхъ поръ, какъ Несторъ, сынъ Гиппія, ¹⁾ умеръ, въ Аѳинахъ—231 годъ. Архонтомъ въ Аѳинахъ былъ Писокритъ“.

48. „Съ тѣхъ поръ, какъ Аѳиняне при Марафонѣ противъ Персовъ и Артаферна, племянника Дарія, полководца, дали сраженіе, въ которомъ Аѳиняне побѣдили—227 годъ. Архонтомъ въ Аѳинахъ былъ Фениппъ второй. Въ этой битвѣ участвовалъ также и поэтъ Эсхиллъ, 35 лѣтъ отъ роду“.

49. „Съ тѣхъ поръ, какъ Симонидъ, дѣдъ поэта Симоида и самъ тоже поэтъ, побѣждаетъ въ Аѳинахъ, Дарій умираетъ, а Ксерксъ, сынъ его, дѣлается властелиномъ Персіи,—225 годъ. Архонтомъ въ Аѳинахъ былъ Аристидъ“.

50. „Съ тѣхъ поръ, какъ Эсхиллъ въ первый разъ прославился

¹⁾ Дополненіе этихъ строкъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно представлено въ переводѣ, ведетъ свое начало отъ Бекка.

своею трагедіей, а Эврипидъ родился, Стесихоръ же поэтъ прибылъ въ Грецію—222 годъ. Архонтомъ въ Аѣнахъ былъ Филократъ“.

51. „Съ тѣхъ поръ, какъ Ксерксъ построилъ судовой (пловучій) мостъ черезъ Геллеспонтъ и прорылъ Аѣонъ, а при Термопилахъ была дана битва и у Саламина было морское сраженіе съ Персами, въ которомъ Элліны побѣдили — 217 годъ. Архонтомъ въ Аѣнахъ былъ Калліадъ“.

52. „Съ тѣхъ поръ, какъ Аѣиняне дали при Платѣ Мардонію, полководцу Ксеркса, сраженіе, въ которомъ они побѣдили, а Мардоній палъ въ битвѣ и огонь охватилъ Этну въ Сициліи,—216 годъ. Архонтомъ въ Аѣнахъ былъ Ксантиппъ“.

Къ этимъ числамъ, взятымъ изъ достовѣрныхъ историческихъ временъ, можетъ быть удобно присоединенъ, какъ совершенно равнозначущій, образчикъ изъ свѣдѣній о миѣнческомъ времени. Для этого мы избираемъ эпоху 19-ю и слѣд.

19. „Съ тѣхъ поръ, какъ въ Аѣнахъ случился неурожай и Аполлонъ велѣлъ Аѣинянамъ, обращавшимся къ его оракулу, подвергнуться всѣмъ наказаніямъ, которыя наложить на нихъ Миносъ—1031 годъ. Царемъ въ Аѣнахъ былъ Эгей“.

20. „Съ тѣхъ поръ, какъ Тезей, господствовавшій въ Аѣнахъ, соединялъ въ одну общину 12 городовъ, установилъ государство и народное правленіе и самъ, по убіеніи Синиса, вышедши изъ Аѣнъ, положилъ начало истмійскимъ играмъ,—995 годъ“.

21. „Со времени похода амазонокъ противъ Аттики—992 годъ. Царемъ въ Аѣнахъ былъ Тезей“.

22. „Съ тѣхъ поръ, какъ Аргивяне, подъ предводительствомъ Адраста, выступили противъ Фивъ и основали немейскія игры въ честь Зевса—987 годъ. Царемъ въ Аѣнахъ былъ Тезей“.

23. „Съ тѣхъ поръ, какъ Элліны выступили противъ Трои—954 годъ. Царемъ въ Аѣнахъ 13-й годъ былъ Менесей“.

24. „Съ тѣхъ поръ, какъ Трои была взята 24-го числа мѣсяца Таргеліона, на 22 году господства Менесея въ Аѣнахъ,—945 годъ.“

Итакъ, если мы, для обозначенія послѣднихъ двухъ эпохъ, будемъ соображаться съ употребляемымъ теперь нами лѣтосчисленіемъ по годамъ до Р. Х., то походъ Элліновъ противъ Трои приходится на 1218 годъ до Р. Х., а самое взятіе города падеть на 1209 годъ. Странное опредѣленіе, скажетъ всякій, съ самаго дѣтства привыкшія относить Троянскую войну къ 1193—1183 годамъ до Р. Х. Дѣйствительно, уже и древнѣйшіе хронологи не знали, какъ поступить съ этимъ, вліяю-

цимъ на все остальное, числомъ. Но по такъ давно былъ найденъ къ этому ключъ Іоанномъ Брандисомъ въ замѣчательномъ его сочиненіи: „De temporum graecorum antiquissimorum rationibus“, Bonn, 1857, 4; съ этимъ слѣдуетъ сравнить и статью Гутшмидта въ *Fleckeisens „Jahrb. für Philol.“* 1861 (стр. 21 и сл.). Брандисъ, не говоря о нѣкоторыхъ его незначительныхъ ошибкахъ, имѣеть то достоинство, что въ его сочиненіи видно строгое различіе между аттическимъ и спартанскимъ преданіями и между хронологическимъ опредѣленіемъ мифическихъ и полуйсторическихъ временъ, и это различіе было принято всѣми позднѣйшими изслѣдователями ¹⁾.

Слѣдуетъ замѣтить, что аттическое преданіе было сперва опредѣлено Гелланикомъ ²⁾, къ которому впоследствии присоединился Филохоръ ³⁾, и которое издателемъ *Magnum Patium* ⁴⁾ положено въ основаніе.

Точно также и Евсевій воспользовался этимъ аттическимъ преданіемъ въ своемъ *χρονικός κανών*, но съ различными измѣненіями, которыя были вызваны стремленіемъ согласовать аттическое преданіе съ спартанскимъ. Послѣднимъ воспользовался сперва Ктезій въ своихъ *περὶ αἰώνων*, потомъ оно положено Эратосѣеномъ въ основаніе 1-й части его *χρονογραφία* и потому самому сдѣлалось общепринятымъ, а въ особенности послѣ того какъ послѣдователь его Аполлоторъ изъ Аоніи популяризировалъ результаты хронологическихъ изслѣдованій своего великаго предшественника въ своихъ *χρονικά*, написанныхъ въ такъ называемыхъ трагиямбахъ. А такъ какъ почти всѣ историки и хронографы слѣдовали эратосѣеновской и аполлоторовской системѣ, то послѣдняя скоро вытѣснила систему Гелланика, основанную на

¹⁾ Исключить слѣдуетъ, собственно говоря, только C. Müller Fr. *Hist. Graec.* V p. XXXIV sq., о совершенно ложныхъ, по нашему мнѣнію, воззрѣніяхъ котораго мы здѣсь распространяться не можемъ.

²⁾ Сравни. C. Müller F. *Hist. Gr.* I p. XXIII sq. p. 45—69; L. Preller «*de vita et scriptis Hellanici*». Dorpati 1840, въ его «*Ausgewählte Aufsätze*» Berlin 1864, стр. 23 и сл.

³⁾ См. Böckh «*Ueber den Plan der Atthis des Philochoros*» 1832, въ его «*Kleinere Schriften*» Bd. V p. 397 ff; Preller въ *Ersch's und Gruber's Encyclopädie*, Sect. III Bd. 23, стр. 340 и сл.; Jul. Strenge «*quaestiones Philochorae*» Gottingae 1868.

⁴⁾ Кроме того, какъ объ источникахъ, слѣдуетъ еще упомянуть о такъ называемой *Excerpta barbarolatina* (Eusebius ed. Scaliger p. 76), объ александрийской лѣтописи въ латинскомъ переводѣ, данными которой впрочемъ нужно пользоваться съ большою осторожностью.

аттическомъ преданіи; она коренится даже и въ теперешнихъ учебныхъ книгахъ.

Итакъ, если мы признаемъ паросскую хронику главною представительницей системы, основанной на аттическомъ преданіи, то наша задача будетъ состоять въ болѣе подробномъ изложеніи выше указанныхъ краткихъ замѣчаній, то-есть, главнымъ образомъ, намъ пужно будетъ констатировать важнѣйшія разногласія между аттической и спартанскою системами. Особенно при этомъ не слѣдуетъ забывать, что дѣло идетъ здѣсь о древнѣйшихъ временахъ, предшествовавшихъ первой олимпіадѣ,—776 г. до Р. Х.; тогда какъ съ этого времени уже начинается вѣрное счисленіе по олимпіадамъ, прочно установленное сперва Тимесомъ, а потомъ вполне принятое Эратосеномъ и его послѣдователями ¹⁾.

Во-первыхъ, ясно, что Геланикъ и Ктезій, жившіе въ V столѣтіи до Р. Х., не могли для установленія хронологіи мионическаго времени обойтись безъ вспомогательныхъ средствъ, ведущихъ свое начало изъ болѣе древнихъ, даже самыхъ мионическихъ временъ ²⁾. Притомъ они должны были имѣть какое-либо выдающееся, извѣстное всѣмъ и достовѣрное событіе изъ того мионическаго времени, которое могло бы служить основною точкой для всѣхъ ихъ исчисленій и на которой могла быть основана вся ихъ система. Но еслибы упомянутыя нами средства оказались, по какой-либо причинѣ, недостаточными, то нужно было найти другой прочный принципъ и вѣрный путь для того, чтобы пополнить пробѣлы и вполне закончить все строеніе. Итакъ, какъ же относились къ этимъ требованіямъ, какія были первоначальныя вспомогательныя средства и какъ ими пользовались?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ, при теперешнемъ положеніи изслѣдованій, можетъ быть вполне точный: основаніемъ для всѣхъ счисле-

¹⁾ О счисленіи по олимпіадамъ недавно трактовалъ очень подробно Г. Ф. Унгеръ (Philologus t. XXXIII p. 227 sq.), стараясь доказать, что олимпійскія игры, отъ которыхъ ведется счисленіе по олимпіадамъ, праздновались не во время аттической перемѣны года (въ мѣсяцъ Hecatombaeon), а четырьмя недѣлями позже, въ мѣсяцъ Metageitnion, то-есть, въ августъ или въ послѣднихъ числахъ іюля. Во всякомъ случаѣ, этотъ чрезвычайно запутанный вопросъ нуждается въ тщательной проверкѣ.

²⁾ Безъ сомнѣнія, они сами считали свои результаты совершенно вѣрными.

ній послужили и Гелланику, и Ктезию *списки высших чиновниковъ*, именно въ Аѳинахъ—архонтовъ, а въ Спартѣ—царей и эпонимовъ-эфоровъ. Какъ извѣстно, въ Аѳинахъ былъ введенъ въ Ол. 7, 1, т. е., въ 752 г. до Р. Х., десятилѣтній архонтатъ ¹⁾, за которымъ въ Ол. 24, 2, или въ 683 г. до Р. Х., послѣдовалъ однолѣтній, уже болѣе не измѣнявшійся. Итакъ, 752-й годъ есть исходная точка аттической хронологіи для счисленія, какъ впередъ, такъ и назадъ: *спередъ*, ибо съ этого времени велись списки (ἀναγρῆαι) архонтовъ, которые въ позднѣйшія времена, будучи постоянно пополняемы, не допускали никакого сомнѣнія, такъ какъ 752-й годъ служилъ точкой опоры при хронологическомъ опредѣленіи ряда прежнихъ высшихъ магистратовъ (пожизненныхъ архонтовъ или, вѣрнѣе, царей). Однакожь, затрудненіе заключается въ томъ, что вѣрное письменное преданіе, существовавшее относительно десятилѣтнихъ архонтовъ, прекращалось относительно постепенныхъ архонтовъ и царей. Какимъ образомъ помочь этому? На это пусть дастъ отвѣтъ пріемъ Ктезія, касающійся его спартанской системы. Извѣстно, что и въ Спартѣ около половины VIII-го столѣтія, какъ выше сказано, официально велось записываніе высшихъ чиновниковъ. Съ Ол. 14, около 724 года до Р. Х., были уже эпонимы-эфоры, учрежденіе же этой должности произошло около 776 года до Р. Х. Они, въ позднѣйшее время, записывались на ряду съ царями, до того же времени одни только цари принимались въ соображеніе при этомъ записываніи, которое впрочемъ, было таково, что знали только приблизительно или даже только воображали, что знаютъ имена царей, о числѣ же ихъ и о продолжительности ихъ правленія извѣстій никакихъ не имѣли. Дѣло это еще болѣе затруднялось тѣмъ, что въ Спартѣ было два царствующихъ дома: Эвресенидовъ и Проклидовъ, на которые слѣдовало обращать равное вниманіе. При счисленіи царей изъ дома Эвресенидовъ было по крайней мѣрѣ то преимущество, что тутъ имѣлась вѣрная точка опоры въ смерти Алькаменеса, которую вѣрно можно отнести къ 573 году до Р. Х.

¹⁾ Этыхъ десятилѣтнихъ архонтовъ, собственно говоря, нельзя называть *ἀρχοντες*, такъ какъ они, подобно такъ называемымъ пожизненнымъ архонтамъ въ Аѳинахъ, всегда назывались *βασιλεις*, а названіе *ἀρχοντες* употреблялось для обозначенія однолѣтнихъ высшихъ магистратовъ. Ср. превосходныя изслѣдованія профессора Люгебиля въ *Fleckeisen's Jahrbh. f. klass. Philol. Suppl. V (1871)*, p. 359 ff.

Что же касается Афинъ, то выше приведенныя разсужденія наводятъ насъ на 752 годъ, въ которомъ избранъ былъ первый десятилѣтній архонтъ Харопсъ; въ этомъ году прекратились также и Нелиды, господствовавшіе, по всеобщему мнѣнію, въ званіи царей и пожизненныхъ архонтовъ въ Афинахъ, начиная съ Меланѳа, отца Кодра. Итакъ, если бы была возможность пополнить промежутокъ отъ 752 года до Меланѳа, то существенное было бы сдѣлано. Дѣйствительно, Гелланикъ разрѣшилъ эту задачу и притомъ съ помощію такого приема, который дѣлаетъ честь его остроумію. Онъ привелъ всѣ имена, завѣщанныя преданіемъ, въ такую системѣ, что съ Аלקмеона, послѣдняго пожизненнаго архонта, и до Меланѳа, въ Афинахъ будто бы господствовало 16 царей или архонтовъ и притомъ продолжительность господства всѣхъ ихъ вмѣстѣ была 397 года, считая отъ 752 до 1149 года; вслѣдствіе сего возвращеніе Гераклидовъ въ Пелопонесъ приходится на 1149 годъ ¹⁾. Теперь мы прослѣдимъ вліяніе 753 года на Спарту. Если и здѣсь въ Меланѳѣ и въ господствѣ Нелидовъ видѣли надежную точку опоры, то исчисленіе Ктезія въ принципѣ не могло слишкомъ разниться отъ исчисленія Гелланика. Преданіемъ же, дѣйствительно, нужная точка къ его исправленію дается въ возвращеніи Гераклидовъ въ Пелопонесъ и въ изгнаніи Атридовъ. Значить, и здѣсь пужно было только довести до этой точки исхода рядъ царей обоихъ упомянутыхъ царствующихъ домовъ, что мы можемъ проверить на Эврисенидахъ: отъ Аלקамена, умершаго въ 753 году и до Эврисеена, сына Аристоклема и брата Прокла, насчитывалось до 10 царей, полагая продолжительность царствованія ихъ въ 350 лѣтъ, такъ что завоеваніе Гераклидами Пелопонеса приходилось на 1103 годъ до Р. X. ²⁾.

Итакъ, очевидно, результатъ всѣхъ этихъ изслѣдованій совершенно отрицательный. Какъ для Ктезія въ Спартѣ, такъ и для Гелланика въ Афинахъ настоящихъ вспомогательныхъ, при опредѣленіи предшествовавшихъ временъ средствъ, далѣе половины VIII столѣтія,

¹⁾ Hellenic, fr. 10 (Schol. in Platon., p. 376): Μελανθός Ἡρακλειδῶν ἐπιόντων ἐκ Μεσσήνης εἰς Ἀθῆνας ἀνεχώρησε, καὶ αὐτῷ γίνεται παῖς Κόδρος. Strabon., p. 393 Meinek.: μετὰ δὲ τῶν Ἡρακλειδῶν κίθροδον καὶ τὸν τῆς χώρας μερισμὸν ὑπ' αὐτῶν καὶ τῶν συγκατελθόντων αὐτοῖς Δωριέων ἐκπεσεῖν τῆς οἰκείας συνέβη πολλοὺς εἰς τὴν Ἀττικῆν, ὧν ἦν καὶ ὁ τῆς Μεσσήνης βασιλεὺς Μελανθός, οὗτος δὲ καὶ τῶν Ἀθηναίων ἐβασίλευσεν ἐκόντων, νικῆσας ἐκ μονομαχίας τὸν τῶν Βοιωτῶν βασιλέα Σίνθον.

²⁾ Ср. Врандисъ, стр. 28 и сл.

не было. Оба они должны были пользоваться дошедшимъ до нихъ тѣмъ устнымъ преданіемъ, которое касалось высшихъ сановниковъ и опирался на которое они дѣлали уже дальнѣйшія комбинаціи. Однакожь во всякомъ случаѣ, надо помнить, что времена, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, не совсѣмъ лишены историческаго свѣта, и это уже значить много, особенно если эти времена называть полу-миоическими; имъ предшествовали совершенно миоическія времена, настоящіе періоды блеска эллинской доисторической эпохи: эти счисленія не затрогивали ни похода аргонавтовъ, ни похода семи противъ Фивъ, ни въ особенности прославляемаго событія — Троянской войны. Очевидно, обойдти молчаніемъ только что названныя событія невозможно было какъ въ Афинахъ, такъ и въ Спартѣ, находившейся въ столь тѣсной связи съ исторіей Троянской войны по Меллау и его брату Агамемнону, властителю Микенъ.

Теперь мы дошли до того времени, когда Гелланикъ и Ктезій должны были исполнить вторую и третью задачу, относящуюся къ спартанской системѣ и аттической. Ктезій, посредствомъ чрезвычайно искусственнаго счисленія, установилъ связь между своими спартанскими списками и списками ассирійскими, дополнилъ ряды Гераклидовъ 33¹/₃ генераціями; потомъ эти дополненные ряды Гераклидовъ онъ согласовалъ съ Атридами, тогдашними властителями Спарты, и такимъ образомъ пришолъ къ заключенію, что Троя взята Греками на 18 году царствованія Агамемнона весной 1183 года до Р. Х., въ правленіе ассирійскаго царя Тевтама, союзника Пріама. Результатъ его исчисленія былъ принятъ Эратосѣеномъ и даже послужилъ руководствомъ для послѣдующихъ временъ. Распространяться о томъ, на сколько все это произвольно и вымышленно, мы считаемъ излишнимъ

Проще и гораздо достовѣрнѣе было счисленіе Гелланика, которому нужно было только пополнить царями или именами ихъ, заключающимися въ преданіяхъ, промежутки между Меланеомъ и Менесеемъ, на 22 году царствованія котораго пришлось завоеваніе Трои: этимъ онъ могъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Задача облегчалась для него еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ аттическомъ преданіи разказывается, что между паденіемъ Трои и восшествіемъ на престолъ Меланеа прошло 60 лѣтъ.

Согласно этому онъ составилъ слѣдующую таблицу, ведя счетъ *обратно*:

Меланеъ отъ 1149 года.

Θιμοεѣ до 1149 года: 9 лѣтъ.

Λοιδѣ до 1158 года: 1 годѣ.

Οκсинѣ до 1159 года: 14 лѣтъ.

Δемофонѣ до 1173 года: 35 лѣтъ.

Все это, взятое вмѣстѣ, составило 59 лѣтъ и дошло до 1208 года. Менесоеѣ же, предшественникъ Демифона, по преданію, царствовалъ еще годѣ послѣ паденія Трои, случившагося на 22-мъ году его царствованія, значить, отъ 1209 по 1208 годѣ, а завосваніе Трои пришлось на 1209 годѣ. Другими словами: между паденіемъ Трои и новою династіеѣ Меланѣа въ Аѣинахъ (1209—1149) прошло два *ποκομνία*, въ 30 лѣтъ каждое.

Если мы обратимся теперь къ паросской хроникѣ, то прежде столь загадочныя слова ер. 23: ἀφ' οὗ οἱ ["Ἑλλη]νες εἰς Τροίαν ἐ[στ]ρατευο[αν], ἔτη ΓΝΗΝΗΓ'ΙΙΙ (т.е. = 954), βασιλεύοντος Ἀθη[νῶν Μεν]εσθέως τριςκαδεκάτου ἔτους; ер. 24: ἀφ' οὗ Τροία ἤλω, ἔτη Γ'ΝΗΝΗΔΔΔΔΙ' (т. е. = 945), βασιλεύοντος Ἀθη[νῶν [Μενεσθέ]ως δευτέρου [καὶ εἰκοστῆ] ἔτους, μηνὸς Θ[αργηλιῶ]νος ἐβδόμη φθίνοντος, то-есть, походѣ Ἐллиновъ 1218 и взятіе города 1209 г. получать свой настоящій смыслъ.

Было бы излишне съ подобною же подробностью обсуждать и всѣ вышеозначенныя эпохи нашей надписи; будемъ надѣяться, — а имѣя въ виду данныя уже нами образчики, намъ повѣрять, — что каждое число хроники можетъ быть пояснено; намъ повѣрять еще легче, если постараются припомнить связь хроники съ системою Гелланика. Мы довольствуемся краткимъ обсужденіемъ одной первой эпохи, чтобы хотя въ главныхъ чертахъ нарисовать приблизительную картину происхожденія дотройнскихъ чиселъ; въ буквальномъ переводѣ они слѣдующія: „Съ тѣхъ поръ какъ Кекропсѣ господствовалъ въ Аѣинахъ и страна, носившая прежде отъ туземца Актеона названіе Актика, стала называться Кекропееѣ, 1318 лѣтъ“¹⁾, то-есть, 1582 (1318+264=1582).

Теперь, если мы вспомнимъ приемы, употребляемыя уже при прежнихъ нашихъ провѣркахъ, то прежде всего постараемся опредѣлить отношеніе Гелланика къ аттическому преданію, которое онъ взялся хронологически установить; другими словами—намъ придется возстановить списокъ аттическихъ царей. Здѣсь Гелланикѣ поступалъ чрезвычайно произвольно и, поэтому, совершенно измѣнилъ ста-

¹⁾ Ἀφ' οὗ Κέκροφ Ἀθη[νῶν] ἐβασίλευσε καὶ ἡ χώρα Κεκροπία ἐκλήθη, τὸ πρότερον καλούμενη Ἀκτικὴ ἀπὸ Ἀκταίου τοῦ αὐτόχθονος, ἔτη ΧΗΝΗΓ'ΙΙΙ (=1318).

рое преданіе; если это преданіе знало до Тезея, предшественника Менесоя, бывшаго основателемъ аттическаго государства, только четырехъ царей: Кекрона, Эрехея (Erichtonios), Пандіона и Эгея ¹⁾, то пространство времени, прожитое этимъ небольшимъ числомъ царей, было, по мнѣнію Гелланика, слишкомъ незначительно для того, чтобы въ промежутокъ отъ Тезея до Кекрона можно было вмѣстить всѣ происшедшія мионическія событія.

Итакъ, опъ внесъ въ списокъ, на свой собственный рискъ, пять новыхъ именъ и установилъ слѣдующій порядокъ:

1. Cecrops.
2. Cranaos.
3. Amphiktyon.
4. Erichtonios.
5. Pandion.
6. Eréchteus
7. Cecrops II.
8. Pandion II.
9. Aegeus.
10. Théseus.
11. Menestheus (Паденіе Трои—1209).

Но и этимъ еще не обозначена продолжительность правленія каждаго изъ царей въ отдѣльности, а равно и общая сумма лѣтъ. Относительно послѣдняго пункта Гелланикъ поступилъ слѣдующимъ образомъ: онъ уравнивалъ время правленія одиннадцати мионическихъ, предполагаемыхъ имъ, царей съ временемъ правленія Нелидовъ, относимымъ уже къ полуйсторическому времени. Какъ эти господствовали въ Аѣинахъ 397 лѣтъ, отъ 1149 по 752 годъ, такъ и тѣ одиннадцать мионическихъ царей управляли государствомъ тоже будто бы въ продолженіе 397 лѣтъ, то-есть, $1209 + 397 = 1606$ г. до Р. X. Вслѣдствіе того, Кекропсъ вступилъ на престолъ въ 1606 году, а на каждаго изъ одиннадцати царей въ отдѣльности приходится среднимъ числомъ будто бы 36 лѣтъ.

„Но“, скажутъ намъ, „вѣдь это совершенно противорѣчитъ даннымъ паросской хроники, по которой Кекропсъ жилъ въ 1582 году до Р. X.“. Правда, между Гелланикомъ и авторомъ *Marbor Parium* — очевидное разногласіе, причина котораго еще не совсѣмъ выяснена, но, тѣмъ не менѣе, самый фактъ не допускаетъ никакихъ

¹⁾ Ср. *Iliad.* II, 547. *Herod.* I, 173, VIII, 44; Брандисъ, стр. 7 слл.

сомнѣній. Для рѣшенія этихъ недоумѣвій большую важность имѣеть отрывокъ Юлія Африканскаго у Эвсевія, Праер. *Evang.* X, 10, p. 489 ¹⁾, изъ котораго неоспоримо вытекаетъ, что Гелланикъ и Филохоръ помѣстили въ 1795 году до Р. X. современника Эоронея, Огига, отъ котораго до Кекропса предполагаютъ промежутокъ въ 189 лѣтъ, значить, отъ 1795 — 189 = 1606, хотя Филохоръ и не желаетъ вѣрить въ предполагаемая Гелланикомъ имена царей.

Далѣе, съ 1606 года приводятъ равнымъ образомъ данныя упомянутыхъ нами *Excerpta Barbarolatina* въ Эвсевіи Скалигера, восстановление которыхъ въ томъ видѣ, въ какомъ они даны Брандисомъ. стр. 11, не подлежитъ сомнѣнію.

Однимъ словомъ, числа нашей хроники, какою бы опѣ не имѣли причину ²⁾, разнятся на 24 года отъ аттической системы.

О данныхъ хроники, касающихся миѣнскихъ временъ, мы надѣмся, сказано достаточно; остается прибавить только нѣсколько замѣчавій на счетъ чиселъ изъ достовѣрныхъ историческихъ временъ (отъ ОI. I или 776 года) для того, чтобы можно было безошибочно судить о вышеприведенныхъ хронологическихъ данныхъ. Бѣкъ первый доказалъ въ *Coop. Inscr. Gr.* II, p. 305 sq., что и было всѣми приято ³⁾. что въ общемъ авторъ паросской хроники зависитъ отъ ученика Аристотеля, Фанія, специально посвятившаго себя изученію исторіи и исторіи литературы.

¹⁾ 'Από 'Ωγύγου τοῦ παρ' ἑκείνοις (Αττικῶν) αὐτόχθονος πιστευθέντος, ἐφ' οὗ γέγονεν ὁ μέγας καὶ πρῶτος ἐν τῇ 'Αττικῇ κατακλισμὸς, Φωρωνέως 'Αργείων βασιλεύοντος, ὡς 'Ακουσίλαος ἱστορεῖ, μέχρι πρώτης 'Ολυμπιάδος, ὅπουθεν Ἕλληνας ἀκριβοῦν τοὺς χρόνους ἐνόμισαν ἐτη συνίχεται χίλια εἰκοσι... Ταῦτα γὰρ τὰ 'Αθηναίων ἱστοροῦντες Ἑλλάδικός τε καὶ Φιλόχορος οἱ τὰς 'Ατθίδας [συγγράψαντες]... ἐμνήσθησαν... Μετὰ δὲ 'Ωγύγον διὰ τὴν ἀπό, τοῦ κατακλισμοῦ πολλὴν φθορὰν ἀβασίλευτος ἔμεινεν ἢ νῦν 'Αττικῇ μέχρι Κέκροπος ἐτη ρπθ' (189). Τὸν γὰρ μετὰ 'Ωγύγον 'Ακταίων ἢ τὰ πλασσόμενα (и именно Гелланикомъ) τῶν ὀνομάτων οὐδὲ γενέσθαι φησὶ Φιλόχορος.

²⁾ По всему видно, что здѣсь они приурочены къ спартанской системѣ.

³⁾ Напримѣръ: К. Миллеромъ въ *Fr. Hist. Gr.* I, p. 537, II, p. 293; Брандисомъ, p. 13; Штиде, *Philologus*, t. VIII, p. 398; Шееромъ, «*Abriss der griechischen Quellenkunde*» ed. II, p. 93 и другими. Единственное противорѣчье, появившееся въ новѣйшее время со стороны Бергки въ «*Griechische Litteraturgeschichte*» I, p. 277, Anm. 25, кажется лишено основанія.

Его сочиненіи (самый лучший сборникъ отрывковъ разработать С. Mueller, *Er. Hist. Gr.* II, p. 293 sq.) — περί ποιητῶν, περί πρωταγώνων Ἑρεσιῶν, περί τῶν ἐν Σικελίᾳ τυράννων, τυράννων ἀναίρεσις ἐκ τιμωρίας, — представляли разнаго рода матеріалъ въ большемъ объемѣ. Но при всемъ томъ, какъ это старался доказать и Мендельсонъ, слѣдуетъ, для вѣрной оцѣнки чиселъ, перешедшихъ въ нашу хронику изъ сочиненія Фанія, строго различать данныя о *не греческихъ* событіяхъ и данныя о греческихъ, собственно *аттическихъ* дѣлахъ: при первыхъ встрѣчаются всякаго рода хронологическія ошибки, при послѣднихъ же — и особенно при числахъ, касающихся *аттической исторіи литературы*, — опредѣленія хроники *вездѣ неоспоримы*. Объясненіе этого факта, невѣрная оцѣнка коего привела нѣкоторыхъ, и въ томъ числѣ даже Бекка, *S. S. Gr.* II, p. 303, къ неблагоприятнымъ сужденіямъ объ общемъ достоинствѣ хроники, очевидно: Фанію, какъ приверженцу перипатетической школы, занимавшейся специально изслѣдованіемъ исторіи аттической литературы, были болѣе чужды *не греческія* дѣла; при томъ же, для этихъ событій у него не доставало вспомогательныхъ средствъ и не было работъ его предшественниковъ, тогда какъ аттическая исторія, какъ политическая, такъ и литературная, была обработана уже съ давнихъ временъ. Отъ болѣе подробнаго изложенія этихъ мѣстъ, которыя могутъ быть подтверждены лишь самымъ обстоятельнымъ обсужденіемъ отдѣльныхъ эпохъ *Magnum Regnum*, намъ нужно отказаться: въ томъ фактѣ, что для историческихъ временъ вездѣ, даже и въ ошибочныхъ мѣстахъ, источникомъ былъ Фаній нельзя сомнѣваться, какъ и въ томъ, что для автора нашей хроники, если не единственнымъ, то по крайней мѣрѣ главнѣйшимъ источникомъ при опредѣленіи данныхъ изъ мнѣніекаго времени послужилъ Гелланикъ и его хронологическая система, основанная на аттическомъ преданіи.

M.

О САТИРАХЪ Д. Ю. ЮВЕНАЛА ¹⁾.

РАЗВОРЪ МНѢНІЙ ОТТО РИББЕКА.

Признавая непримиримый дуализмъ между первыми и послѣдними сатирами Ювенала какъ въ отношеніи ихъ характера такъ и содержаніи, Риббекъ усматриваетъ такой же дуализмъ и въ самомъ языкѣ этихъ произведеній. Въ первыхъ видитъ онъ художественное, блестящее краснорѣчіе (*glänzende Rhetorik*), математическую точность выраженій, не соблюдаемую развѣ только вслѣдствіе поэтическихъ требованій, силу слова и богатство мыслей,—въ послѣднихъ замѣчаетъ крайнюю вялость, отсутствіе художественности, бѣдность мыслей, пустословіе, напыщенное декламаторство и даже насиліе языку, дѣлаемое мнимымъ декламаторомъ. Оставляя на время общій выводъ о вѣрности результатовъ, добытыхъ Риббекомъ, я займусь въ настоящее время разборомъ тѣхъ упрековъ, которые дѣлаетъ онъ второй половинѣ сатиръ Ювенала въ отношеніи ихъ слога и языка.

На 32 стр. Риббекъ замѣчаетъ, что чѣмъ бѣднѣе по содержанію сатиры мнимаго декламатора, тѣмъ болѣе онѣ изобилуютъ разными подробностями, которыя и обличаютъ декламаторскія тенденціи автора, нисколько не характеризую самого дѣла; между тѣмъ какъ Ювеналъ, по замѣчанію Риббека, приводитъ подробности или весьма характерныя, или же совсѣмъ избѣгаетъ ихъ. Такъ, на примѣръ, критикъ упоминаетъ на сат. XIV, ст. 59—60, гдѣ Ювеналъ представляетъ, съ какимъ прилежаніемъ заботятся о томъ, чтобы гость за-

¹⁾ *Продолженіе. См. Журналъ Мин. Народн. Просв. мартъ 1874 года.*

сталъ въ домѣ все въ надлежащемъ порядкѣ, и какъ мало стараются о томъ, чтобы дѣти не видѣли въ домѣ своихъ родителей примѣровъ дурной нравственности. Риббекъ нападаетъ также и на ст. 126—134 этой сатиры, гдѣ поэтъ описываетъ жалкую обстановку домашней жизни скупца. Какъ мѣста, только что упомянутыя мною, такъ и приводимыя Риббекомъ изъ другихъ сатиръ, вовсе не безхарактерны, и въ самомъ дѣлѣ, сказать о скупцѣ, что онъ скупъ, или что онъ бережетъ свои деньги болѣе надлежащей мѣры, значило бы тоже самое, что не сказать о немъ ровно ничего. Задача поэта не *сказать*, а *показать* описываемый имъ предметъ; для поэзии недостаточно ясности, ей надобна наглядность, которая рождается только тогда, когда поэтъ добирается до самыхъ фактовъ. Вспомнимъ, какъ Гоголь, описывая скупца, касается самыхъ мелочныхъ подробностей. Тоже можно замѣтить и о другихъ отрывкахъ, приводимыхъ Риббекомъ. Слабая сторона ихъ заключается не въ безхарактерности подробностей, а въ ихъ излишкѣ. Таковы мѣста: XII, 95 sq., XIII, 60—70 и друг. Но эти явленія не чужды и первымъ сатирамъ Ювенала; у него это не рѣдкость. Безъ сомнѣнiя, подробности эти часто очень характерны, но поэтъ не всегда знаетъ мѣру въ употребленiи ихъ. Вспомнимъ сат. I, 1 sq.

Semper ego auditor tantum? numquamne reponam,
Vexatus toties rauci Theseide Cordi?
Impune ergo mihi recitaverit ille togatas,
Hic elegos? impune diem consumpserit ingens
Telephus aut summi pleno jam margine libri
Scriptus et in tergo nec dum finitus Orestes?

Такъ равно и дальше: вмѣсто того, чтобы сказать, я знакомъ съ поэзiей,—онъ говоритъ (ст. 6):

Nota magis nulli domus est sua, quam mihi lucus
Martis et Aeoliis vicinum rupibus antrum
Vulcani. Quid agant venti, quas torqueat umbras
Aeacus, unde alius furtivae devehat aurum
Pelliculae, quantas jaculetur Monychus ornos
Etc.

Въ числѣ мѣстъ, страдающихъ подобнымъ же недостаткомъ, Риббекъ указываетъ и на XII, 95 sq:

Libet exspectare, quis aegram
Et claudentem oculos gallinam impendat amico
Tam sterili; verum haec nimia est impensa: coturnix
Nulla unquam pro patre cadet.

Конечно, это мѣсто страдаетъ декламаторствомъ; но чѣмъ же лучше въ этомъ отношеніи II, 25 sq.

Quis coelum terris non misceat et mare coelo,
Si fur displiceat Verri, homicida Miloni,
Clodius accuset moechos, Catilina Cethegum,
In tabulam Sullae, si dicant discipuli tres?

или II, 149 sq:

Esse aliquos manes et subterranea regna
Et contum et Stygio ranas in gurgite nigras,
Atque una transire vadum tot milia cymba,
Nec pueri credunt, etc.

или II, 153 sq:

Curius quid sentit et ambo
Scipiadae, quid Fabricius manesque Canilli,
Quid Cremerae ligio et Cannis consumpta juvenus,
Tot bellorum animae, quoties hinc talis ad illos
Umbra venit?

Не лучше и VII, 24 sq:

*Lignorum aliquid posce ocius et quae
Componis, dona Veneris, Telesine, marito;
Aut claude et positos tinea pertunde libellos.
Frange miser calamos vigilataque proelia dele.*

Это послѣднее мѣсто можетъ даже назваться *chef-d'oeuvre* въ своемъ родѣ. Здѣсь всѣ подробности—не болѣе, какъ только пустыя слова. Прошу затѣмъ самого читателя обратиться къ III, 26—28, VI, 1—14, VI, 329—334, VII, 94—95, VII, 229—236, VIII, 1—8, VIII, 30—38, VIII, 56—68, VIII, 211—221 и XI, 12—21.

Всѣ эти мѣста показываютъ, насколько Ювеналь склоненъ къ описательнымъ, пустымъ подробностямъ. Ихъ особенно много находится въ VI и IX сатирахъ, гдѣ онѣ тѣмъ болѣе поражаютъ насъ, что отличаются въ высшей степени циническимъ характеромъ, при чемъ я готовъ даже утверждать, что отъ соблюденія поэтомъ большей умѣренности въ употребленіи такихъ циническихъ мелочей, эти сатиры рѣшительно ничего не потеряли бы. Мало этого: слѣдуетъ замѣтить, что вся V сатира преисполнена подобными же подробностями. Поэтъ, желая показать, какъ унижительно патронъ обращается съ своимъ кліентомъ, приглашеннымъ имъ на обѣдъ, приводитъ длин-

ную карту кушаній, съѣдаемыхъ богачемъ въ противоположность скуднымъ яствамъ, предлагаемымъ бѣдняку-кліенту: въ то время, напримѣръ, какъ патронъ пьетъ Албанское или Сетинское вино, помнящее первыхъ консуловъ, кліенту подаютъ вино, которое было-бы негодно даже для чистки шерстяной матеріи; патрону вино подается въ драгоценныхъ чашахъ, украшенныхъ дорогими камнями, кліентъ же употребляетъ простые кубки изъ Беневентинской глины; патрону подаютъ воду прозрачную и холодную, какъ сѣверные снѣга, кліенту—мутную и теплую; одному прислуживаетъ „цвѣтъ азіатскаго рабства“, другому—прекрасивый Гетуль или черный Африканецъ; патрону подносятъ свѣжій хлѣбъ изъ ослѣпительно бѣлой пшеницы, кліенту—черный, черствый и заплеснѣвъшій; патронъ лакомится громаднымъ морскимъ ракомъ ¹⁾, гарнированнымъ превосходною спаржей, кліенту подносятъ мелкихъ рачковъ съ половинками яицъ; патронъ орошаетъ свое блюдо лучшимъ сортомъ Венафранскаго масла, а въ то же время кліенту подаютъ самое дрянное масло; патронъ съѣдаетъ мулла (nullus) или мурену (murgasna), привезенную изъ Корсики или Сициліи, кліенту предлагаютъ угорь или другую дешевую рыбу, питающуюся стокомъ нечистотъ въ римскихъ клоакахъ; передъ патрономъ дымится печенка громаднаго гуся, жаркое изъ дикихъ птицъ и изъ дикаго кабана, ему подносятъ рѣдкіе сморчки и грибы, какіе ѣдалъ императоръ Клавдій, а кліентъ изъ этихъ кушаній не получаетъ ничего; наконецъ, патрону подаютъ десертъ изъ душистыхъ плодовъ, созрѣвающихъ только въ садахъ царя Феаковъ или Гесперидъ, кліенту предлагаютъ кислыя яблоки.—Мнѣ скажутъ, что эти подробности очень характерны. Безъ сомнѣнія. Но перечень ихъ превосходитъ всякую мѣру и потому онѣ крайне скучны. Сатира достигла бы своей цѣли и при меньшемъ количествѣ этихъ подробностей, которыя могутъ превратить ее въ дидактическую поэму о кушаніяхъ. Равнымъ образомъ скучны и обильные примѣры, которыми поэтъ въ VIII сатирѣ старается подтвердить ту мысль, что незнатное происхожденіе еще не исключаетъ богатыхъ дарованій челоуѣка и добродѣтелей; для подтвержденія этой мысли поэтъ приводитъ: Цицерона, Маріа „плебейскія души Деціевъ“, Сервія Туллія, Муція Сцеволу, Горація Коклеса, Клелія, раба, допущаго первымъ консуламъ о заговорѣ молодыхъ патриціевъ противъ

¹⁾ «*Squilla*» — я понимаю въ смыслѣ рака, обращая вниманіе на то, что ему противопоставляется *sattagnis*; другіе переводятъ *squilla* — «морской лукъ».

республики,—однимъ словомъ, тутъ повторена чуть ли не вся исторія римской республики.

Эти изслѣдованія, произведенныя мною надъ сатирами, которыя признаеть Риббекъ подлинными, убѣдили меня въ томъ, что вообще Ювеналь любитъ при изображеніи своихъ сюжетовъ вдаваться въ такія подробности, которыя далеко не всегда употребляются авторомъ для охарактеризованія дѣла и почти всегда обличаютъ въ поэтѣ декламаторскія наклонности. Впрочемъ, я готовъ согласиться съ Риббекомъ, что во второй половинѣ сатиръ Ювенала мы дѣйствительно находимъ болѣе подробностей, но это замѣчаніе, строго говоря, не можетъ быть отнесено ко всѣмъ позднѣйшимъ сатирамъ, а только къ одной X-й, въ которой, въ самомъ дѣлѣ, встрѣчается много мѣстъ, страдающихъ вышеупомянутымъ недостаткомъ, какъ, напримѣръ, X, 190 sq.—Явленіе это находится въ связи съ нѣкоторыми другими декламаторскими недостатками Ювенала, которые хотя и даютъ себѣ чувствовать уже и въ первыхъ сатирахъ, но все еще не такъ сильно, благодаря болѣе обильному запасу положительнаго матеріала и болѣе живой чувствительности негодованія, часто замѣнявшаго у нашего автора поэтическое вдохновеніе; во второй же половинѣ сатиръ, написанныхъ въ поздней старости, положительныя достоинства этихъ произведеній уменьшились,—и тѣмъ рѣзче и нагляднѣе выступаютъ ихъ слабыя стороны, заключающіяся въ декламаторско-реторическомъ направленіи поэта.

На стр. 36-й Риббекъ указываетъ на гиперболы, находящіяся во второй половинѣ сатиръ, считая ихъ слишкомъ преувеличенными и потому недостойными Ювенала. Но тутъ Риббекъ уже ничего не доказываетъ, а только обнаруживаетъ свое пристрастіе и предубѣжденіе противъ позднѣйшихъ сатиръ. Хотя Ювеналь отличаетъ себя (IV, 17) отъ тѣхъ, «qui de magnis majora loquuntur», но уже Мейнертцъ замѣтилъ, что и самъ поэтъ страдаетъ этою слабостью: дѣйствительно, она какъ нельзя болѣе идетъ къ риторическому его направленію. Выше, говоря о пессимизмѣ Ювенала, я уже показалъ, что онъ вообще любитъ преувеличивать. Да и самъ Риббекъ, для сравненія, приводитъ изъ прежнихъ сатиръ нѣсколько гиперболъ, нѣсколько не отличающихся отъ тѣхъ, на которыя онъ нападаетъ, и различіе между ними могло замѣтить только предубѣжденное воображеніе Риббека. Такъ, напримѣръ, онъ указываетъ на XIV, 12, гдѣ говорится: *„хотя бы ты приставилъ къ нему (мальчику) тысячу бородатыхъ наставниковъ съ одной стороны и столько же съ дру-*

той...“ — Что же тутъ особеннаго? Развѣ и мы не говоримъ подобнымъ образомъ? Чѣмъ же лучше III, 76:

Grammaticus, rhetor, geometres, pictor, aliptes,
Augur, schoenobates, medicus, magus: omnia novit
Graeculus esuriens; in coelum, jusseris, ibit.

или въ той же сатириѣ, ст. 103:

si dixeris «aestuo», — sudat.

Риббекъ не правится XIV, 25: „adultera Largaе filia, quae nunquam maternos dicere moechos tam cito nec tanto poterit contexere cursu, ut non ter decies respiret!“ — Нужно замѣтить, что это немногимъ лучше правящагося Риббекъ II, 15: „supercilio brevior coma“, и во сто кратъ хуже III, 258: „obtritum vulgi perit omne cadaver moe animae“. — Къ этимъ вычурнымъ гиперболамъ можно отнести еще и VI, 337: „repem majorem quam sunt duo Caesaris Anticatores“, и тамъ же 440:

«verborum tanta cadit vis,
tot pariter pelves, tot tintinnabula dicas
pulsari. Jam nemo tubas, nemo aera fatiget;
una laboranti poterit succurrere Lunae»,

и мног. друг.

„Es ist dem loseren Stil der Satire angemessen“, говоритъ Риббекъ на 37 стр., „Periode und Gedanken gelegentlich durch eine Parenthese zu unterbrechen“. Парентезы, какъ замѣчаетъ и самъ критикъ, находятся, конечно, и въ первыхъ сатирахъ, при чемъ подобныхъ примѣровъ онъ приводитъ цѣлую дюжину; но тамъ онѣ, по мнѣнію нашего критика, представляютъ вставку какой-нибудь остроты, ѣдкаго сарказма или дѣльной мысли и притомъ никогда не разрываютъ внутренней связи рѣчи; тогда какъ въ послѣднихъ сатирахъ такіа парентезы будто приводятся авторомъ совсѣмъ не кстатѣ, при чемъ заключаютъ въ себѣ еще не созрѣвшее остроуміе или плоское замѣчаніе.

Риббекъ указываетъ на X, 31: „mirandum est unde ille (у Гераклита) oculis suffecerit humor“, и говоритъ, что здѣсь заключается „eine alberne Skepsis über die Thränenvorrath des Heraclit“. Но здѣсь нѣтъ ничего глупаго (albern). Эта сатира — плодъ старческаго опыта, именно того времени, когда нашъ поэтъ болѣе спокойными глазами сталъ смотрѣть на человѣческіе недостатки и когда онъ считалъ ихъ бо-

лѣе достойными смѣха, чѣмъ плача или глубокаго негодованія. Оттого смѣхъ Демокрита казался ему болѣе приличнымъ, чѣмъ плачь Гераклита. Сообразно съ этимъ онъ говоритъ въ сатирѣ XIV, 261:

Ergo omnia Florae
Et Cereris licet et Cybeles aulaea relinquas;
Tanto majores humana negotia ludi!

Нападкамъ Риббека подверглось также и известное мѣсто въ той же (X-й) сатирѣ (ст. 179), которое я здѣсь намѣренно привожу цѣликомъ. Упомянувъ объ экспедиціи Ксеркса и его громадныхъ средствахъ, Ювеналь замѣчаетъ:

Ille tamen qualis rediit Salamine relictâ,
In Corum atque Eurum solitus saevire flagellis
Barbarus, Aeolio numquam hoc in carcere passos,
Ipsum compedibus qui vinxerat Ennosigaeum?
Mitius id sane, quod non et stigmatè dignum
Credidit! Huic quisquam vellet servire deorum?
Sed qualis rediit? nempe una nave, cruentis
Fluctibus ac tarda per densa cadavera prora.

Первые четыре стиха представляютъ здѣсь очень употребительную въ риторическомъ слогѣ фигуру вопроса. Что же касается слѣдующихъ двухъ стиховъ, то Ювеналь въ нихъ относится съ нѣкоторою ироніею къ подробностямъ, которыя разказываетъ Геродотъ относительно экспедиціи Ксеркса; поэтому онъ уже выше (стихъ 174) замѣтилъ: „quidquid Graecia mendax audet in historia“. Такой скептицизмъ относительно греческихъ мѣтовъ заявляется имъ не разъ и, между прочимъ, въ XIV, 239: „si Graecia vera“. Парентеза „mitius id sane quod non et stigmatè dignum credidit“ — замечательна именно такого рода ироніею, при чемъ поэтъ намекаетъ на клейма, выжигаемыя рабамъ. Ювеналь имѣлъ здѣсь въ виду слова Геродота (VII, 35): „Ἦδῦ, δὲ ἤκουσα ὡς καὶ στήθεας ἀπέπεμψε στίζοντας τὸν Ἑλλήσποντον“. И такъ вся неловкость парентезы происходитъ отъ того, что поэтъ, приводя многія нелѣпыя подробности греческихъ разказовъ, уклонился отъ своего предмета и не могъ удержаться, чтобы не уколоть насмѣшкой часто осмѣиваемые имъ греческіе мѣтовъ. Главная же тема этой сатиры заключается въ томъ, чтобы показать, что боги глухи къ многимъ просьбамъ, исходящимъ отъ неблагообразныхъ людей. Къ этой-то мысли онъ и возвращается и продолжаетъ: „Huic quisquam vellet servire deorum“, что и находится уже въ ближайшей связи со слѣдующею затѣмъ рѣчью. Эти слова изложены въ рето-

рической фигурѣ вопроса вмѣсто простаго выраженія „*neque deorum voluit oreis ferre tam crudeli eidem imprudenti tyranno*“.. И такъ, не отрицая въ этомъ мѣстѣ X сатиры нѣкоторой непослѣдовательности въ токъ рѣчи, я узнаю въ немъ слишкомъ знакомое мнѣ перо Ювенала. Впрочемъ, на столь же несостоятельное мѣсто можно указать и въ первой половинѣ сатиры, именно въ III, 278.

*Ebrius ac petulans, qui nullum forte cecidit,
Dat poenas, noctem patitur lugentis amicum
Pelidae, cubat in faciem, mox deinde supinus.
Ergo non aliter poterit dormire? Quibusdam
Somnum rixa facit.*

Съ этою вопросительною парентезой Риббекъ, не смотря на все желаніе, не могъ справиться и счелъ весьма удобнымъ призвать ее интерполиціею,—что и удалось ему тѣмъ легче, что къ счастію находящеяся въ томъ же стихѣ „*quibusdam*“, можетъ быть выброшено почти безъ всякаго нарушенія смысла. Впрочемъ, есть разница между „*quibusdam somnum rixa facit*“ и „*somnum rixa facit*“ и попадись это послѣднее во второй половинѣ сатиры, Риббекъ не замедлилъ бы усмотрѣть тутъ отсутствіе здраваго смысла. Во всякомъ случаѣ жаль, что и *предъ* парентезой въ X сатиры гѣтъ подобнаго „*quibusdam*“; тогда, подражая Риббеку, можно было бы весь 184-й стихъ зачеркнуть, и такимъ образомъ, все дѣло окончилось бы благополучно. — Риббеку не правится и слѣдующія мѣста, за ихъ парентезы: XII, 34.

*imitatus Castora, qui se
Eunuchum ipse facit, cupiens evadere damno
Testiculi: adeo medicatum intelligit inguen.*

XII, 78, гдѣ поэтъ, описывая Остійскую гавань, замѣчаетъ:

«*Non sic igitur mirabere portus, quos natura dedit.*»

XV, 10, гдѣ при описаніи египетскихъ культовъ, поэтъ прибавляетъ:

«*sanctas gentes, quibus haec nascuntur in portis
Numina!*»

и нѣсколько другихъ. — Но нѣкоторыя изъ этихъ парентезъ далеко не лишены такого же остроумія, какое, по замѣчанію Риббека, характеризуетъ и парентезы первыхъ сатиръ. Иныя же хотя и не претендуютъ на остроуміе, но отнюдь не мѣшаютъ ходу мысли и находятся въ ближайшей связи съ ними. Таковы, наприимѣръ, въ

той же XV сатирѣ, ст. 69, сравненіе современнаго поэту поколѣнія съ гомеровскимъ, и ст. 110—замѣчаніе о современномъ поэту распространеніи греческаго и римскаго образованія въ Галліи и Британіи, совершенно незаслуженно навлекающія на себя порицаніе Риббека. Риббекъ только съ трудомъ отыскиваетъ два — три мѣста (упомянуты мною уже выше), въ которыхъ, дѣйствительно, трудно привести парентезу въ удобную связь съ сосѣдними мыслями. Поэтому, не желая прибѣгать къ натяжкамъ, будемъ лучше смотрѣть на эти мѣста, какъ на слабыя риторическія попытки Ювенала, не увѣнчавшіяся успѣхомъ. Это будетъ гораздо лучше, чѣмъ составить себѣ вмѣстѣ съ Риббекомъ понятіе о непогрѣшимости Ювенала и на этомъ основаніи выбрасывать изъ текста все, что заблаго-разсудится, и часто выбрасывать только потому, что Ювеналъ говоритъ не такъ, какъ бы мы желали.—Что же касается парентезъ, то онѣ составляютъ именно не что иное, какъ риторическія уловки, съ которыми Ювеналъ былъ очень знакомъ, и которыя даже вошли у него въ привычку. Кромѣ очень слабой парентезы, приведенной мною для примѣра изъ III сатиры, мы можемъ встрѣтить еще не одну и въ первой половинѣ сатиръ Ювенала; да и самъ Риббекъ приводитъ изъ нихъ не менѣе 12, обличающихъ привычку автора употреблять риторическія фигуры, которыя ему не всегда удаются. Такъ, парентеза VII, 179: „*Anne serenum exspectet spargatque luto jumenta recenti?*“ — можетъ считаться не вполнѣ удачною остротой. Такова же и парентеза въ V, 110: „*namque et titulis et fascibus olim major habebatur donandi gloria*“, которую Риббекъ выбрасываетъ.

Еще слабѣе, вслѣдствіе парентезы, слѣдующее мѣсто сат. XI, 27:

E coelo descendit γυνῆ: σαυτόν,

*Figendum et memori tractandum pectore, sive
Conjugium quaeras vel sacri in parte senatus
Esse velis; (nec enim lorica[m] poscit Achillis
Thersites, in qua traducebat Ulissem
Ancipitem) seu tu magno discrimine caussam
Protegere affectas, te consule: dic tibi, quis sis,
Orator vehemens, an Curtius an Matho, buccae.*

Эта парентеза, переносящаяся съ положительной римской почвы на почву греческихъ мѣровъ, самымъ лучшимъ образомъ обличаетъ наклонность автора къ подобнымъ риторическимъ причудамъ.

Сюда же можно отнести и мѣсто VIII, 200:

*Dedecus urbis habes, nec Mirmillonis in armis,
Nec clypeo Gracchum pignantem aut falce supinâ,*

(*Damnat enim tales habitus, et damnat et odit,
Nec galea faciem abscondit: movet ecce tridentem...*)

Здѣсь введенная парентеза затемнила связь предложеній, вслѣдствіе чего многіе издатели, усматривая интерполяцію одного стиха, заключаютъ этотъ стихъ въ скобки, хотя и не всѣ согласны относительно самого мѣста этихъ скобокъ; но, очевидно, парентеза здѣсь больше одного стиха, именно „*damnat—abscondit*“.

Не лучше подобныхъ мѣстъ и IV, 11:

*Sed nunc de factis levioribus: et tamen alter
Si fecisset idem, caderet sub iudice morum.
Nam quod turpe bonis, Titio Sejoque, decebat
Crispinum. (Quid agas, quum dira et foedior omni
Crimine persona est?) Mullum sex milibus emit, etc.*

Рупперти колеблется въ указаніи связи этой парентезы съ другими мыслями того же мѣста. Притомъ, что именно авторъ хочетъ сказать своимъ замѣчаніемъ? Хотя Ювеналь, по мнѣнію Риббека, и не скупится на слова и картины, но у него нѣтъ ни одного лишняго слова: полнота рѣчи сопряжена съ богатствомъ картинъ и мыслей. „*Aber*“, замѣчаетъ онъ на 40 стр., „*auf welche Proben setzt der Declamator unsere Geduld, theils in dem vergeblichen Bemühen scherzhaft zu sein, theils um Worte zu machen!*“ — „*Neben kurzweiligen Pleonasmen*“, говоритъ онъ дальше (стр. 44), „*wimmelt es noch von allerhand Tautologieen im Kleinen, denen auch nur eine leise Schattirung des Gedankens abzugewinnen der subtilsten Synonymik schwerlich immer gelingen wird*“. — Затѣмъ Риббекъ приводитъ нѣсколько десятковъ плеоназмовъ изъ второй половины сатиръ, и приводитъ ихъ совсѣмъ не кстати, такъ какъ они казались плеоназмами только ему. Но слѣдующія мѣста покажутъ, что и признаваемая Риббекомъ сатиры Ювенала вовсе не свободны отъ плеоназмовъ и тавтологій, которая находится именно тамъ, гдѣ Риббекъ не хочетъ ее видѣть.

Sat. I, 118. *Sportula quid referat, quantum rationibus addat.*

II, 43. *Quod si vexantur leges, ac jura* ¹⁾. citari
Ante omnes debet Scantinia.

¹⁾ Вѣроятно для избѣжанія этой тавтологіи К. Ф. Германъ принялъ натянутое чтеніе «*at jura*».

110. *Hic nullus verbis pudor aut reverentia mensae
Hic turpis Cybeles et fracta voce loquendi
Libertas.*
122. *Scilicet horreres majoraque monstra putares?*
127. *Unde nefas tantum Latii pastoribus? Unde
Haec tetigit, Gradive, tuos urtica nepotes?*
131. *Vade ergo et cede severi,
Jugeribus campi, quem negligis.*
80. *sicut grex totus in agris
Unius scabie cadit et porrigine porci.*
- III, 26. *Dum nova canities, dum prima et recta senectus,
Dum superest Lachesi quod torqueat, et pedibus me
Porto meis, nullo dextram subeunte bacillo.*
47. *tanquam
Mancus et extinctu corpus non utile dextra.*
96. *Vacua et plana omnia dicas
Infra ventriculum. . .*
104. *Melior qui semper et omni
Nocte dieque potest alienum sumere vultum.*
121. *Qui gentis vitio numquam partitur amicum,
Solutus habet.*
149. *Si toga sordidula est et rupta calceus alter
Pelle patet.*
187. *Accipe et istud
Fermentum tibi habe.*
210. *quod nudum et frustra rogantem
Nemo cibo, nemo hospitio tectoque juvabit.*
230. *Est aliquid, quocumque loco, quocumque recessu,
Unius sese dominum fecisse lacertae.*
276. *Ergo optes votumque feras miserabile tecum.*
300. *Pulsus rogat et pugnis concisus adorat.*
135. *Haeres et dubitas.*
268. *Alia ac diversa pericula.*
287. *Candelæ cujus dispenso ac tempero filum.*
- IV, 47. *Quum plena et litora multo
Delatore forent.*
115. *Grande et conspicuum nostro quoque tempore
monstrum.*
125. *Omen habes, inquit, magni clarique triumphi.*
84. *Si clade et peste sub illa.*
152. *Impune et vindice nullo.*
- V, 47. *Siccabis calicem nasorum quattuor ac jam
Quassatum et rupto poscentem sulphura vitro.*
- VI, 11. *Quippe aliter tunc orbe novo coeloque recenti*
21. *Antiquum et vetus est alienum, Postume, lectum
Concutere atque sacri genium contemnere fulcri.*

146. Collige sarcinulas, dicet libertus, et exi
Jam gravis es nobis et saepe emungeris, *exi*
Ocius et propere.
200. Si tibi legitimis *paclam junctamque* tabellis
Non es amaturus.
277. Quae *scripta* et quot *lecture tabellas*
Si tibi *zelotypa* retogantur *scrinia mœchae!*
393. *Dic* mihi nunc, quæso, *dic*, antiquissime *divûm*.
Respondes his, *Jane pater? magna otia coeli;*
Non est, ut video, *non est quod agatur apud vos!*
408. *Famam rumoresque* illa *recentes*
Excipit ad portas, quosdam facit.
452. Quae *repetit volvitque* *Palacmonis* artem.
474. *toto*
Quid faciant agitentque die.
504. *si breve parvi*
Sortita est lateris spatium breviorque videtur
Virgine Pygmæa.
237. *Abditus* interea *latet* et *secretus* adulter.
268. Semper habet *lites* alternaque *jurgia* lectus.
359. Quem *dedit* haec *posuitque* modum.
286. *Unde* haec monstra tamen vel *quo de fonte*, requiris?
493. *Taurca* punit
Continuo flexi *crimen facinusque* capilli.
658. *Insulsam* et *fatuam*.
- VII, 5. Nec *foedum* alii nec *turpe* putaront
Praecones fieri.
24. Lignorum aliquid posce *ocius* et quae
Componis, dona *Veneris*, *Telesine*, marito;
Aut *claude* et *positos* *tinea* pertunde *libellos*
Frange miser *calamos* *vigilataque* *proelia* dele.
50. Nam si *discedas*, *laqueo* tenet *ambitiosi*
Consuetudo mali; tenet *insanabile* *multos*
Scribendi cacoëthes...
59. *Neque* enim *cantare* sub *antro*
Pierio *thyrsunque* potest *contingere* *maesta*
Paupertas atque *aeris inops*.
103. Quae tamen *inde* *seges?* *terrae* quis *fructus* *apertae?*
207. *Tenuem* et *sine pondere* *terram*.
- VIII, 50. Qui *juris* *nodos* et *legum* *aenigmata* solvat
57. *nempe* *volucrem*
Sic *laudamus* *equum*, *facili* *cui* *plurima* *palma*
Fervet et *exsultat* *rauco* *victoria* *circo*.
183. Quid si numquam *adeo* *foedis* *adeoque* *pudendis*
Ut *imur* *exemplis*, ut non *pejora* *supersint?*

203. *Nec galea faciem abscondit: movet ecce tridentem
Postquam vibrata pendentia retia dextra
Nequicquam effudit, nudum ad spectacula vultum
Erigit.*
71. Haec satis ad juvenem, quem nobis fama *superbum*
Tradit et *inflatum plenumque Nerone propinquo.*
80. *ambiguae* si quando citabere testis
incertaeque rei.
88. pone irae *frena modumque.*
272. Et tamen, ut *longe repetas longeque revolvas*
- IX, 79. *Instabile, ac dirimi coeptum et jam pacis solutum* ¹⁾
Conjugium in multis domibus servavit adulter.
43. an *facile et pronum*
71. ni tibi *deditus* essem
Devotusque cliens.
- XI, 44. Non praematuri *cineres, nec funus acerbum*
Luxuriae, sed morte magis metuenda senectus.
93. Nemo *inter curas et seria* duxit habendum,
Qualis in Oceano fluctu testudo nataret
Clarum Trojugenis factura ac nobile fulcrum.
159. Hic tibi vina dabit diffusa in montibus illis
A quibus ipse venit, quorum sub vertice lusit:
Namque ana atque eadem est vini patria atque ministri.
8. *Scripturus leges et regia verba lanistae*
28. *figendum et memori tractandum pectore.*

Эти мѣста и самое ихъ число показываетъ, что Риббекъ и здѣсь, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, несправедливъ. Ювеналь, благодаря своему риторическому образованію, любилъ излишнюю полноту рѣчи и, слѣдуя слабости своего вѣка, гонялся за эффектомъ, думая достигнуть его не только остроуміемъ и затѣйливыми тропами и фигурами, но даже и простымъ варьированіемъ выраженій, въ чемъ и заключается тавтологія. Слѣдуетъ, однакожъ, замѣтить, что и этотъ недостатокъ, какъ и многіе другіе, сталъ болѣе замѣтенъ въ старческомъ возрастѣ поэта, отчего мы въ позднѣйшихъ сатирахъ и находимъ болѣе плеоназмовъ, чѣмъ въ первыхъ, хотя эта разница и весьма небольшая. Однакожъ, если бы кто нибудь сталъ читать сатиры Ювенала безъ спеціальной цѣли—отыскивать въ нихъ плеоназмы, тому, безъ сомнѣнія, показалось бы, какъ показалось и Риббеку, что въ первыхъ сатирахъ этого недостатка почти нѣтъ,

¹⁾ Найдутся, быть можетъ, такіе, которые въ этомъ выраженіи увидятъ только постепенность, а не плеоназмъ; но одно не исключаетъ другаго.

тогда какъ послѣднія сатиры сильно страдаютъ отъ него. Въ этомъ заключается подтвержденіе того, что я уже сказалъ выше, а именно, что хотя реторика и искажаетъ вообще всѣ произведенія Ювенала, но она гораздо меньше бросается въ глаза въ первыхъ сатирахъ, благодаря большому запасу положительныхъ матеріаловъ и разнообразію сюжетовъ; въ послѣднихъ сатирахъ мы замѣчаемъ ее болѣе потому, что фантазія поэта уже находится въ упадкѣ,—что онъ тамъ гораздо менѣе *изображаетъ*, чѣмъ *разсуждаетъ*, впадая часто въ скучное декламаторство. Риббекъ не обратилъ на это вниманія. Также мало онъ сознаетъ и то, въ какое противорѣчіе съ самимъ собою приходитъ онъ, нападая (на 47 стр.) на мнимаго декламатора за то, что этотъ декламаторъ иногда прибѣгаетъ къ слишкомъ лаконической рѣчи. Въ этомъ отношеніи Низаръ гораздо лучше понимаетъ Ювенала, признавая извѣстный дуализмъ между самимъ характеромъ этого поэта и его воспитаніемъ. Хотя въ пониманіи характера Ювенала я не согласенъ съ Низаромъ, какъ и покажу это въ послѣдствіи,—но, во всякомъ случаѣ, выѣстъ съ Низаромъ я готовъ признать извѣстную двойственность между природнымъ Ювеналомъ и Ювеналомъ — питомцемъ декламаторскихъ школъ. Обладая большою впечатлительностью, онъ былъ отъ природы гораздо болѣе склоненъ къ рѣчи краткой, рѣзкой и энергической, вся сила которой сосредоточивалась въ острой и меткой мысли; воспитаніе же повело его слогъ совсѣмъ по другой дорогѣ, сдѣлавъ его широкимъ и распыляющимся. Отъ того-то такъ часто мы и находимъ у него тавтологію: что задумалъ и прочувствовалъ онъ, то онъ говоритъ тотчасъ же; по декламаторское воспитаніе научило его выбирать слова, и вотъ онъ повторяетъ одну и ту же мысль, перифразируя уже употребленное имъ выраженіе. Но воспитаніе, однакожъ, было слишкомъ слабо для того, чтобы пересоздать мысленный процессъ нашего поэта: Ювеналъ мыслялъ по своему, говорилъ по школьному, и дуализмъ этотъ проявляется нерѣдко въ его слогѣ, заставляя его склоняться то на сторону своей природы, то на сторону школы, причемъ отъ долгой привычки послѣднее гораздо чаще брало перевѣсъ. Низаръ совершенно справедливо указываетъ на это явленіе въ сатирахъ Ювенала: „Que resultera-t-il“, говоритъ онъ, „de cette contradiction entre la nature du talent de Juvenal et son éducation? Ne pouvant lâcher son styl, c'est son talent qu'il lâchera; où plutôt, selon que le caractère ou l'habitude dominera, il sera serré jusqu'à l'excès pour des choses qui demanderaient du developpement, ou developpé

jusqu'à l'épuisement pour des choses qui demanderaient peu de mots— contradiction qui le rend inégal et le fait lire avec fatigue“.

Этимъ почти и оканчиваются тѣ сколько нибудь достойныя критики упреки, которыя дѣлаеть Риббекъ позднѣйшимъ сатирамъ Ювенала. Дальше слѣдуютъ мелочныя придирки, при посредствѣ которыхъ, если бы даже онъ и былъ правъ, ему все-таки ничуть не удалось бы заподозрить подлинность второй половины сатиръ Ювенала; теперь же эти мелочи обличаютъ только явное пристрастіе автора. Однакожъ, чтобы ничѣмъ не пренебречь для полноты моего труда, я разберу критически также остальные доводы, представляемые Риббекомъ для подкрѣпленія его мнѣнія о подложности послѣднихъ сатиръ.

„Den Vers zu füllen“, говоритъ онъ на стр. 48, „müssen allerhand bedeutungslose Flickworte dienen“. Тутъ онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ (впрочемъ, не во всѣхъ) поэтъ употребляетъ малозначущія слова для пополненія стиха. Но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ мы уже видѣли, что Ювеналь часто употребляетъ плеоназмы и тавтологическія перифразы для пополненія извѣстной мѣры рѣчи, начертанной ему декламаторскими теоріями. Отчего же бы ему и не употребить лишняго слова для пополненія стиха, который не разъ могъ привести его въ затрудненіе? Вѣдь о той плавности и поэтической небрежности рѣчи, которая придаетъ такую грацію языку Горация, у Ювенала не можетъ быть и рѣчи.

„Zu demselben Zwecke werden Archaismen und länggedehnte Worte beliebt, besonders dispondeische Worte“. — Въ доказательство Риббекъ приводитъ два примѣра: *induperator* и *defendier*, прибавляя правда „zum Beispiel“; но это „zum Beispiel“, котораго Риббекъ, однакожъ, въ другихъ случаяхъ не употребляетъ, здѣсь употреблено не безъ цѣли: во всѣхъ 5-ти послѣднихъ сатирахъ Ювенала нѣтъ болѣе ни одного архаизма. Но, какъ на бѣду Риббеку, пресловутый „*induperator*“ попадаетъ въ сатиру IV, 29. Кромѣ того, можно указать на другой архаизмъ, часто встрѣчаемый у Ювенала, на древній родительный падежъ (i вмѣсто ii), какъ, на примѣръ, *Palati*, IV, 30, *Pacci*, VII, 12 и проч. Риббекъ приводитъ также примѣровъ десять изъ послѣднихъ сатиръ, въ которыхъ находятъ диспндеическія слова. Этихъ примѣровъ во второй половинѣ сатиръ есть и больше. Всего въ пяти послѣднихъ сатирахъ (X, XII, XIII, XIV и XV) такихъ 28

случаевъ; въ первой же половинѣ сатиръ мы находимъ 22 стиха съ диснонденческими словами.

„Ein Wort“, замѣчаетъ дальше Риббекъ (стр. 49), „das allezeit aufhelfen muss und dem trocken, abstracten Stil unseres Schulpedanten recht bequem sein musste, ist „pars“. Слѣдуетъ затѣмъ коллекція цитатъ изъ позднѣйшихъ сатиръ, въ которыхъ попадаетъ слово *pars*. Этихъ примѣровъ Риббекъ приводитъ 16, не прибавляя уже „zum Beispiel“, такъ какъ онъ собралъ всѣ подходящія сюда цитаты, кромѣ только одной—въ XIV, 94. Это заставляетъ меня отвѣтить такую же коллекцію цитатъ изъ первыхъ сатиръ, гдѣ тоже находится „*pars*“. Самъ Риббекъ приводитъ такія выраженія, какъ I, 26, „*pars Niliacae plebis*“, V, 8, „*tegetis pars dimidia brevior*“ и VIII, 44, „*vulgi pars ultima nostri*“, и обращаетъ вниманіе на то, что слово „*pars*“ имѣетъ здѣсь особенный колоритъ и силу. Съ этимъ я соглашаюсь, но указываю также и на то, что кромѣ силы нельзя не замѣтить здѣсь и реторики, которая весьма не рѣдко усматривается и во многихъ мѣстахъ изъ первой половины сатиръ Ювенала. Такъ:

- IX, 121. *lingua mali pars pessima servi.*
- IV, 28. *Quales tunc epulas ipsum glutisse putamus
Induperatorem, quum tot sestertia, partem
Exiguam et modicae sumptam de margine coenae,
Purpureus magni ructarit scurra Palati?*
- III, 193. *Nos urbem colimus tenui tibicine fultam
Magna parte sui.*
- VI, 436. *inde Maronem
Atque alia parte in trutina suspendit Homerum.*
- VII, 43. *Scit dare libertos extrema in parte sedentes.*
114. *hinc centum patrimonia causicorum,
Parte alia solum russati pone Lacernae.*
158. *Culpa docentis
Scilicet arguitur, quod laeva in parte mamillae
Nil salit Arcadico juveni.*
182. *Parte alia longis Numidarum fulta columnis.
Surgat et argentem rapiat coenatio solem.*
- XI, 28. *sive
Conjugium quaeras vel sacri in parte senatus
Esse velis;*
70. *Grandia praeterea tortoque calentia foeno
Ova adsunt ipsis cum matribus, et servatae
Parte anni,*

100. Tunc rudis et Grajas mirari nescius artes
 Urbibus eversis praedarum in parte reperta....
 VII, 123. Inde cadunt partes ex foedere pragmaticorum.
 IX, 32. Fata regunt homines; fatum est in partibus illis
 Quas sinus abscondit.
 I, 41. Partes quisque suas, ad mensuram inguinis haeres.
 IV, 148. diversis partibus orbis.

Кто слѣдитъ эти мѣста съ мѣстами, осужденными Риббекомъ за то, что въ нихъ находится „parts“, тотъ убѣдится, что критикъ и здѣсь руководился предвзятымъ мнѣніемъ. Совершенно тоже можно сказать и объ изслѣдованіяхъ его надъ архаизмами, встрѣчающимися у Ювенала.

На стр. 50-й Риббекъ говоритъ: „Zu der Noth, seinen Vers wohl oder übel zu Stande zu bringen, verfällt er (мнимый декламаторъ) bald in Unklarheit, bald in Härten und Verkehrtheiten des Ausdrucks, ja er thut bisweilen der Sprache geradezu Gewalt an“.

Онъ нападаетъ, между прочимъ, на два выраженія изъ XIV сатиры: 221 ст. „quibus illa premetur per somnum digitis!“....—вызвало у него лишь бездоказательное замѣчаніе: „sollte dieses „quibus“ nicht lächerlich sein?“ — Скорѣе, чѣмъ что-либо смѣшное, можно видѣть здѣсь неопредѣленность, столь не чуждую выраженіямъ Ювенала. Вотъ почему комментаторы истолковали это „quibus“ различно.

Сильнѣе нападаетъ Риббекъ на ст. 241 той же сатиры:

dilexit Thebas, si Graecia vera, Menoecus,
 in quorum sulcis legiones dentibus anguis
 cum clypeis nascuntur etc.

Ему не нравится *quorum*, относящееся къ *Thebas*. Слѣдуетъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ кодексахъ находится чтеніе *quarum*, и хотя эти кодексы пользуются меньшимъ авторитетомъ, чѣмъ Питеанскій, я думаю, что отъ принятія такого чтенія нисколько не пострадаетъ духъ и содержаніе XIV сатиры. Впрочемъ, если даже и оставить чтеніе *quorum*, то Риббекъ все-таки не будетъ въ состояніи оправдать своихъ нападокъ, такъ какъ подобнаго рода обороты, въ которыхъ, такъ сказать, естественная логика преодолеваетъ грамматику, не рѣдки у римскихъ писателей. Напримѣръ, у Цезаря, De b. g. I, 40, мы читаемъ: „factum (esse periculum) etiam nuper in Italia servili tumultu, quos tamen aliquid usus ac disciplina, quae a nobis acciperent sublevarent“; тоже у Ливія (XII, 47): „.... calliditatis Graecae, apud quos fallere hostem gloriosius fuit“; подобный же обо-

ротъ въ другомъ мѣстѣ у Ливія (I, 59) и у Сал. (V, 495 и X, 306). Странно, что Риббекъ, не довольствуясь даже и *quarum*, хочетъ, чтобы непремѣнно было: „Graeci apud quos in sulcis“, какъ будто языкъ поэзіи вѣкъ не долженъ отличаться отъ языка прозы. Мѣста, подвергшіяся нападеніямъ Риббека за неправильность языка, изъ другихъ сатиръ, я оставляю въ сторонѣ, такъ какъ ихъ защищаль уже Мейнертцъ, справедливо замѣтившій Риббеку, что онъ какъ бы нарочно въ позднѣйшихъ сатирахъ очень часто слѣдуетъ самому плохому чтенію и, руководясь этимъ, часто осуждаетъ многія такія мѣста, которыя наименѣе достойны осужденія. Онъ нападаетъ на нѣкоторыя послѣднія сатиры за небрежное употребленіе словъ въ ихъ значеніи. Но каждый, кто изучалъ Ювенала, знаетъ, къ какимъ причудливымъ выраженіямъ прибѣгаетъ онъ, благодаря своему риторическому направленію. Употребленіе эпитетовъ, по словамъ Риббека, въ первыхъ сатирахъ волюнѣ безусловно, а въ послѣднихъ сопряжено съ крайними натяжками и произволомъ. Въ числѣ нѣсколькихъ мѣстъ, осуждаемымъ за это Риббекомъ, приводится и XIV, 6:

Nec melius de se cuiquam sperare propinquo
Concedit juvenis, qui radere tubera terrae,
Boletum condire et eodem jure natantes
Mergere ficedulas didicit, nebulone parente
Et cana monstrante gula.

Риббеку очень не нравится „cana gula“, употребленное вмѣсто „sene guloso“, конечно, не безъ риторической причудливости. Но, спрашиваю, кто, не руководясь предвзятымъ мнѣніемъ, найдетъ менѣе причудливымъ „plorante gula“ (V, 158), чѣмъ „cana gula?“ Тѣмъ не менѣе Риббекъ считаетъ первое изъ этихъ выраженій волюнѣ ювеналовскимъ, прибавляя, что оно составляетъ „vielleicht ein wirklicher Mimentitel“, догадка эта, ровню ни на чемъ не основанная, показываетъ только пристрастіе Риббека. Древній схолиастъ не говоритъ объ этомъ ничего. Да и кто станетъ прибѣгать къ подобнаго рода объясненію „plorante gula“, когда въ XIV же сатирѣ находится „cana gula?“

Ниженриведенныя мною мѣста покажутъ, что „plorante gula“ не единственный примѣръ въ этомъ родѣ, какъ утверждаетъ Риббекъ

II, 131. *cede severi jugeribus campi*

(то-есть, изъ Марсоваго поля, назначеннаго для веденія важныхъ дѣлъ).

170. *praetextatos mores*

(то-есть, нравы, свойственные знатному римскому юношеству, носившему претексту).

III, 275. *nocte patent vigiles te praetereunte fenestras
ergo optes votumque feras miserabile tecum
ut sint contentae patulas defundere pelves.*

„*Vigiles fenestras*“ здѣсь значить окна тѣхъ домовъ, въ которыхъ еще не спать; имъ же приписывается эпитетъ *contentae*, хотя на самомъ дѣлѣ довольными могли быть лишь тѣ, которые проходили подъ окнами.

XI, 19. *Et quadringentis nummis condire gulosum
Fictile.*

Причудливость этого эпитета не разъ заставляла комментаторовъ обращаться къ различнымъ насильственнымъ толкованіямъ; между прочимъ, Руперти считаетъ возможнымъ то объясненіе, по которому *gulosum fictile* равно *sarax fictile*; но, очевидно, гораздо лучше другое, имъ же приводимое объясненіе, которое принимаетъ „*gulosum fictile*“ въ смыслѣ „*quale est hominum gulosorum*“. Затѣмъ, кромѣ этихъ мѣстъ, приведенныхъ Мейнертцомъ ¹⁾, я считаю также слишкомъ смѣлыми въ употребленіи эпитетовъ слѣдующіи:

IV, 116. *Dignus Aricinos qui mendicaret ad axes* ²⁾

(то-есть, у осей повозокъ, которыя везутъ богомольцевъ изъ Рима въ Арицію).

Менѣе, быть можетъ, смѣло, но все-таки довольно затѣйливо и слѣдующее:

V, 30. *«Capillato consule»*,

въ смыслѣ консула, жившаго до 454 г. отъ осн. гор. Таково же и

VI, 31. *caligantesque fenestras*,

(т. е., окна верхнихъ этажей, которыя находятся такъ высоко надъ землею, что выглядывающему изъ нихъ темнѣетъ въ глазахъ).

VII, 173. *Ad pugnam qui rhetorica descendit ab umbra*

(т. е., отъ скромной жизни ритора, который не обращаетъ на себя глазъ публики).

¹⁾ Vind. Juvenal., стр. 27.

²⁾ Чтеніе Руперти «ad axes» не оправдывается кодексами.

195. te
 a matre rubentem.

(т. е., впервые увидѣвшаго дневной свѣтъ).

206. gelidas cicutas,

(т. е., цикуту, наводящую холодъ на животный организм¹⁾).

VIII, 1. longo
 Sanguine censerî

(т. е., считать свои заслуги древностью своего рода). Обыкновенно сопоставляютъ это мѣсто съ Верг. Аен. IV, 230: *genus alto a sanguine Teucrî proderet*; но въ этомъ мѣстѣ у Вергилія гораздо менѣе натяжки: *altus* въ переносномъ значеніи употребляется въ смыслѣ *знаменитаго*, какъ и здѣсь: „знаменитая кровь“, а не „долгая кровь“.

71. Haec satis *ad iuvenem*
 plenum(que) Nerone propinquo

(т. е., всегда готоваго гордиться родствомъ съ Нерономъ).

158. pervigiles porinas

(въ такомъ же смыслѣ, какъ выше *pervigiles fenestras*).

Менѣе смѣлыми могутъ считаться:

186. *clamosum ageres ut Phasma Catulli,*

(т. е., чтобы сдѣлаться актеромъ и играть извѣстную роль въ „Phasma“, мимикѣ Кв. Лутациі Катулла, гдѣ одинъ изъ героев кричалъ на сценѣ).

II, 55. *praegnantem* *fusum*

(т. е., веретено, на которое навито много пряжи).

109. *Actiaca* *carina*

(т. е., на кораблѣ, участвовавшемъ въ сраженіи при Авціумѣ).

108. *pharetrata Semiramis*

(т. е., воинственная Семирамида).

I, 26. *pars Niliacae plebis*
 Crispinus

23. *aestivum* *aurum,*

(т. е., золотые перстни, сдѣланные изъ небольшого количества золота, чтобы не обременять руки, такъ какъ ихъ носили лѣтѣмъ).

¹⁾ См. Плин. XXV. В. S. 95, 4.

57. Doctus ad calicem *vigilanti* stertere *naso*.72. *nigros maritos*

(т. е., трупы мужей, посинѣвшіе отъ яда).

167. *tacita* *culpa*,

(т. е., сознаниемъ преступленія, о которомъ не вѣдаетъ никто, кромѣ совершившаго его).

На стр. 58-й Риббекъ говоритъ: „Während derselbe (Ювеналь) überhaupt in Metonymieen sehr sparsam ist, gehört diese Figur zu den entschiedenem Liebhabereien des Declamators“. Изъ второй половины сатиры критикъ приводитъ полтора десятка примѣровъ, въ которыхъ употреблена метонимія, при чемъ нападаетъ на XIV, 14: „a magna non degenerare culina“, и приписываетъ въ скобкахъ: „d. h. von dem Vater, der ein grosser Küchenheld war“. Ничто не заставляетъ насъ объяснять эту метонимію подобнымъ образомъ. Вѣдь не только говорятъ „degenerare a maioribus“, но и „degenerare a virtute maiorum“; поэтому „a magna non degenerare culina“ должно понимать „non degenerare a paterno luxu, qui praecipue culinam spectat“.

Риббеку не нравятся и слѣдующія выраженія въ XIV 24: „inscripta ergastula“ (вмѣсто „inscripti servi in ergastulis collocati“) и тамъ же, 174:

nec plura venena
miscuit aut ferro grassatur saepius ullum
humanae mentis vitium

Слѣдуетъ замѣтить, что видъ метониміи, въ которомъ олицетворяются различныя качества, принадлежитъ къ числу наиболѣе употребительныхъ. Это такъ называемая *προσωποποιία*, которая участвовала и въ образованіи языка и которой обязаны своимъ происхожденіемъ всѣ существительныя, производныя отъ прилагательныхъ. Она свойственна и языку тѣхъ писателей, которые нисколько не страдаютъ риторическимъ стремленіемъ. Даже и разговорный языкъ прибѣгаетъ къ подобной метониміи на каждомъ шагѣ. Ювеналь употребляетъ ее очень часто: I, 79: „facit *indignatio* versum“; *ibid* 110: „sacro ne cedat *honori*“; *ibid* 74: „*probitas* laudatur et alget“; *ibid* 88: „quando major *avaritiae* patuit sinus“; III, 152: „nil habet *infelix* *paupertas* durius in se “ и проч. Но XIV, 124 „cogit minimas ediscere sordes“ совершенно неосновательно подверглось нападкамъ Риббека за свою мнимую пелѣность. „Der kleinste Schmutz“, замѣчаетъ онъ: „ist übrigens in diesem Falle vielmehr der grösste“

Но онъ упустилъ изъ виду, что „*minimus*“ значить не только „самый меньшій“, но и „мельчайшій“, „мелочной“,—какъ и употреблено здѣсь.

Изъ первой части сатиръ Ювенала Риббекъ приводитъ только четыре будто бы единственныхъ примѣра:

- I, 117. *Sed quum summus honor finito computet Anno.*
 III, 35. *Notaeque per oppida buccae.*
 V, 89. *Retibus adsiduis penitus scrutante Macello praxima*
 и VI, 295. *Hinc fluxit Amintos ¹⁾ Et Sybaris sollers ²⁾, hinc et Rhodos et Miletos Atque coronatum et petulans madidumque Tarentum.*

Но уже Мейнертцъ ³⁾ замѣтилъ, что эти примѣры метониміи далеко не единственны въ первыхъ сатирахъ, при чемъ указалъ еще на слѣдующія мѣста:

- III, 115. *audi facinus majoris abollac.*
 62. *Jam pridem Syrus in Tiberim defluxit Orontes.*
 VIII, 112. *Despicias tu Imbelles Rhodios unctamque Corinthon.*
 XI, 197. *Totam hodie Romam circus capit*
 I, 121. *densissima centum Quadrantes lectica petit.*
 140. *quanta est gula, quae sibi totos Ponit apros.*
 II, 10. *castigas turpia, cum sis Inter Socraticos notissima fossa cinaedos.*
 120. *Ingens coena sedet.*
 III, 20. *et ejectis mendicat silva Camenis.*
 72. *Viscera magnarum domuum dominique futuri.*
 84. *Usque adeo nihil est, quod nostra infantia coelum Hausit Aventini.*
 109. *Praeterea sanctum nihil est et ab inguine tutum.*
 201. *Ultimus ardebit, quum tegula sola tuetur.*
 225. *Quanti nunc tenebras unum conducis in annum.*
 261. *domus interea secura patellas Jam lavat.*
 VII, 86. *fregit subsellia versu.*
 XI, 194. *similisque triumpho Praeda caballorum praetor sedet.*

¹⁾ Въмсто «ad istos».

²⁾ Въмсто «colles».

³⁾ Vind. Juven. стр. 29.

Затѣмъ, кромѣ вышеуказанныхъ случаевъ, можно привести также еще слѣдующіе, гдѣ тоже употреблена Ювеналомъ метонимія:

- I, 51. Haec ego non credam *Venusina digna lucerna?*
 127. Ipse dies pulchro distinguitur ordine rerum:
Sportula, deinde forum jurisque peritus Apollo.
- III, 151. Atque recens linum ostendit non una *cicatrix.*
 160. Quis gener hic placuit censu minor atque puellae
Sarcinulis impar.
 167. magno
Servorum ventres.
- IV, 5. quantis jumenta fatiget
Porticibus.
 39. Incidit Adriaci *spatium admirabile rhombi.*
 70. nihil est quod credere de se
 Non possit, quum laudatur, dñs aequa *potestas.*
 72. Sed deerat pisci *patinae mensura.*
 81. Venit et *Crispi jucunda senectus.*
 107. Montani quoque *venter* adest abdomine tardus.
 116. Dignus Aricinos qui mendicaret ad *axes.*
- V, 78. fremeret saeva quum grandine *vernus*
Jupiter.
- VI, 90. famam contempserit olim,
 Cujus apud molles minima est jactura *cathedras.*
 204. quum lance beata
Dacicus et scripto radiat Germanicus auro.
 238. nec vitii contingi parva sinebant
Tecta.
 504. si breve parvi
Sortita est lateris spatium.
- VII, 18. nectit quicumque *canoris*
cloquium vocale modis.
 183. argentem rapiat *coenatio solem.*
 207. Di, majorum umbris tenuem et sine pondere terram,
 Spirantesque crocos et in urna perpetuum *ver!*
- VIII, 58. *facili cui plurima palma*
Fervet, et exsultat rauco victoria circo.
 63. si rara jugo *victoria sedit.*
 73. Rarus enim ferme sensus communis in illa
Fortuna (то-есть, между питомцами Фортуны).
 116. Horrida vitanda est Hispania, *Gallicus axis*
Illyricumque latus.

Всѣ эти изслѣдованія надъ языкомъ Ювенала показываютъ, что общіе недостатки тяготятъ не только надъ позднѣйшими, но и надъ первыми его сатирами; Риббекъ, проводя на этомъ основаніи стро-

гій дуализмъ между тѣми и другими сатирами, поступаетъ еще менѣе основательно, чѣмъ въ отношеніи къ самому содержанию и духу произведеній Ювенала. Возьмемъ какую угодно сатиру — даже самую лучшую, и мы, безъ сомнѣнія, увидимъ извѣстную двойственность между мыслию поэта и ея выраженіемъ, которое почти никогда не довольствуется одною только вѣрною передачею мысли, но претендуетъ на извѣстный блескъ, эффектъ. Конечно, если въ головѣ поэта былъ цѣлый рой картинъ и мыслей, если грудь его согрѣвалась непритворнымъ чувствомъ, — этимъ лучшимъ источникомъ вдохновенія, — тогда чувство, ища быстрого выраженія, одѣвалось довольно часто въ роскошную и изящную форму слова и не позволяло поэту вдаваться въ скучное декламаторство: тогда, дѣйствительно, мы находимъ у Ювенала то, что Риббекъ называетъ блестящею риторикою. Но такихъ мѣстъ немного и въ первыхъ сатирахъ. Напротивъ, какъ часто мы замѣчаемъ, что поэтъ, гоняясь за фразой, даетъ время живому чувству охладѣть въ его груди; тогда за пышными картинками, глубокими и мѣткими мыслями слѣдуютъ безсодержательныя, вялыя фразы, повторяющія, на подобіе бессознательнаго эхо, то, что уже давно прозвучало въ его душѣ, — тогда нашъ поэтъ съ Парнасса падаетъ въ декламаторскую школу, насквозь пропитанную „*crambe repetita*“. Таково, на примѣръ, то мѣсто VII сатиры, которое, признаюсь, я никогда не могъ читать безъ негодованія (ст. 207):

Di, majorum umbris tenuem et sine pondere terram
Spirantesque crocos et in urna perpetuum ver,
Qui praceptorem sancti volvere parentis
Esse locol Metuens virgae jom grandis Achilles
Cantabat patriis in montibus et cui non tunc
Eliceret risum citharoedi cauda magistri.

Таковы и нѣкоторыя другія мѣста у Ювенала. Но за то посмотрите на тѣ строфы, гдѣ выражается искреннее негодованіе, — гдѣ поэтъ слѣдуетъ только теченію своихъ мыслей и наплыву чувствъ, гдѣ онъ забываетъ о правилахъ, которыми въ школѣ внучилъ его декламаторъ при содѣйствіи скутики: тогда произведенія Ювенала дышатъ такою грандіозностью, что въ состояніи подѣйствовать потрясающимъ образомъ даже на душу наименѣе впечатлительнаго человѣка. Такъ III, 153:

Exeat, inquit,
Si pudor est et de pulvino surgat equestri,
Cujus res legi non sufficit, et sedeant hic
Lenonum pueri quocumque in fornice nati;

Hic plaudat nitidi praeconis filius inter
Pinnirapi cultos juvenes juvenesque lanistae!
Sic libitum vano, qui nos distinxit, Othoni.

или тамъ же, 104:

Non sumus ergo pares: melior, qui semper et omni
Nocte dieque potest alienum sumere vultum,
A facie jactare manus, laudare paratus,
Si bene ructavit, si rectum minxit amicus,
Si trulla inverso crepitum dedit aurea fundo.

Вотъ эти-то мѣста, вѣроятно, дали поводъ Скалигеру предпочесть сатиры Ювенала даже сатирамъ Горациа¹⁾. Истинное негодованіе всегда служило нашему поэту лучшимъ источникомъ вдохновенія, въ которомъ, впрочемъ, даже по его собственному признанію, можно замѣтить недостатокъ поэтической фантазіи. „Si natura negat, facit indignatio versum“ говоритъ онъ въ сат. I, ст. 79. Этому-то мотиву мы и обязаны наилучшими сатирами, каковы—первая и третья; и въ нихъ, впрочемъ, лучшія мѣста тѣ, въ которыхъ негодованіе поэта доходитъ даже до озлобленія. Поэтому, вообще, первыя сатиры лучше позднѣйшихъ, такъ какъ въ нихъ Ювеналъ выражалъ долго накипѣвшій гнѣвъ. Но по мѣрѣ того, какъ поэтъ, вслѣдствіе старости и извѣстнаго переворота въ своихъ убѣжденіяхъ, заставлялъ этотъ гнѣвъ охладѣвать; по мѣрѣ того, какъ исчерпывался матеріалъ положительнаго содержанія для его сатиръ, — онъ сходитъ въ область морали и дидактизма, влѣтся въ холодное декламаторство. Вслѣдствіе того риторическій отгѣнокъ болѣе замѣтенъ намъ въ позднѣйшихъ сатирахъ Ювенала, хотя и первыя вовсе не чужды этого недостатка. Да и какимъ образомъ можетъ Риббекъ требовать отъ языка Ювенала Горациевой граціи и простоты, когда римская жизнь, а съ тѣмъ вмѣстѣ и воспитаніе давно уже свернули съ той дороги, по которой шли они во времена Горациа,—когда ораторство, оставивъ положительную почву политической жизни и какъ бы мстя за область, изъ которой его вытѣснили обстоятельства, хлынуло, въ видѣ наводненія, на римскія школы, на римскую литературу? Простота уступила мѣсто роскоши, вычурности всей обстановки жизни, шедшей рука объ руку съ вычурностью и напыщенностью языка, состояніе

¹⁾ «Juvenalis autem candidus et satyrarum facile princeps, nam ejus versus longe meliores quam Horatiani, sententiae acriores: phrasis apertior» (Poetices VI, cap. VI).

котораго въ періодъ Ювенала такъ мастерски охарактеризовалъ Руперти ¹⁾. „Eloquentia“, говоритъ онъ, „libertate primum et deinde comitiis populi a Tiberio sublatis mutatisque moribus ac studiis, a lumine forensi, et causarum tam veritate, quam gravitate, ad judicia centumvirorum ad adulatorios panaegyricos in senatu habendos, et ad scholarum umbram fictarumque causarum simulacra traducebatur, et sic omnis oratio a naturali pulchritudine ac veritate, a simplicitate, gravitate et sublimitate, ad rhetorum subtiles orgutias et puerilem in dicendo ornatum, ad quacsitam quamdam elegantiam et verborum luxuriam, robore nervisque destitutam, ad inanem doctrinae ostentationem adfectionemque artis deflectebat. Poetica oratio, vis et facultas a natura, ingenio rectoque iudicio, a quibus tota pendet, ad artem et praecepta, quae sine illis parum valent, quaeque sensum verum ac pulchrum, acrem et acutum, alere quidem et regere, non vero in illis quibus a natura denegatus est, gignere et excitare possunt, jam exeunte saeculo Augusteo, devertebat, et exinde magis vana eruditione atque Asiatico tumore ornatus verborum phrasiumque aucupio et variatione, servili imitatione aliorum et frigida sermonis ubertate, transitionum audacia et inversionum duritie, dialectico sententiarum acumine rerumque obscuritate et amplificatione, comparationum, figurarum troporumque multitudine et insolentia, verborum vel antiquorum obsoletorumque sectatione, vel vulgarium perplexa structura, declamatoria vanitate et prolixis sine succo ac sanguine disputationibus,—quam naturae simplicitate ac venustate, genuino urbanitatis veritatisque colore, nullo fuco inlito, ingenii ubertate atque elegantia quadam admirabili, inventionis pulchritudine ac novitate, imaginum veritate et proprietate sententiarum ac verborum, argumenti exquisito delectu et scita tractatione, apta serie et conlocatione rerum et orationis ad eas adcommodatione continebatur“.

Въ такое-то время жилъ Ювеналъ. И Низаръ въ своихъ очеркахъ упадка римской литературы показываетъ намъ, какъ дѣйствовала на человѣка повсюду окружавшая его вычурность, надутость и холодное декламаторство. Онъ приводитъ въ примѣръ Квинтиліана, который не въ состояніи былъ выразить просто своихъ мыслей и чувствъ даже и въ томъ случаѣ, когда человѣкъ, потрясенный до глубины души, обыкновенно освобождается изъ подъ владычества всякихъ заученныхъ формъ и дѣйствуетъ въ силу однихъ только внутреннихъ своихъ влеченій. Я говорю о несчастіяхъ, постигшихъ

¹⁾ De Satiris Horatii, Persii et Juvenalis, стр. 54.

Квинтилиана, какъ-то о смерти его жены и старшаго сына, любимаго имъ болѣе другихъ дѣтей. Казалось бы, уже самый этотъ фактъ долженъ былъ пробудить въ Квинтилианѣ много неподдѣльнаго чувства и ему слѣдовало бы довольствоваться однимъ только выраженіемъ дѣйствительной своей боли. Но, однакожь, не смотря на все это, въ его жалобахъ мы видимъ много притворной экзальтаци, множество фразъ, представляющихъ съ выраженіемъ дѣйствительнаго чувства странный дуализмъ. Квинтилианъ, приступая къ своимъ жалобамъ, дѣлаетъ оговорку, что онъ на этотъ разъ отказывается отъ всякой задней мысли писателя и декламатора¹⁾. Но все-таки вышло на оборотъ. Справедливо замѣчаетъ Низаръ: „il avait en lui, à son insu, une portion de ce non-sens universel qui avait empoisonné jusqu'aux sources de sa pensée“. Въ самомъ дѣлѣ, скорѣе можно сохранить нравственную чистоту среди окружающей насъ испорченности, чѣмъ удерживать здравый умъ или вкусъ, находясь въ средѣ, страдающей недостаткомъ того и другого, въ чемъ убѣждаетъ насъ и сама исторія: вспомнимъ господство схоластики и псевдоклассической теоріи въ ново-европейской литературѣ. Примѣръ Лессинга нисколько не противорѣчитъ этому замѣчанію. Онъ только показываетъ, что мысль гениальнаго человѣка можетъ, наконецъ, возстать противъ уродливыхъ явленій человѣческой жизни, но обыкновенно только тогда, когда эти послѣднія уже отжили свой вѣкъ, когда ихъ недостатки обнаруживаются сами собою; но пока это еще не наступило, даже и гениальные люди, наравнѣ съ людьми посредственныхъ дарованій, подчиняются общимъ недостаткамъ своего времени: какъ ни гениальны были Расинъ и Корнель, все же они оставались псевдоклассиками; какъ ни гениаленъ Ломоносовъ, но и онъ также положилъ начало господству въ Россіи псевдоклассической теоріи. Поэтому-то тѣмъ менѣе мы можемъ требовать отъ Ювеналовой поэзіи простоты и естественности наперекоръ направленію, покорившему себѣ умы всего современнаго ему римскаго общества,—направленію, выше котораго не могли стать даже люди, гораздо болѣе гениальные, чѣмъ Ювеналъ. А Риббекъ именно и предъявляетъ такое требованіе въ отношеніи къ Ювеналу и такъ какъ, по его мнѣнію, однѣ только послѣднія сатиры не удовлетворяютъ этому требованію, то онъ и отвергнулъ ихъ, считая первыя совсѣмъ свободными отъ этихъ недостатковъ. Но я уже показалъ, что Риббекъ и здѣсь ошибается. Самъ Ювеналъ

¹⁾ «Non sum ambitiosus in malis, nec augere lacrimarum causas volo».

свидѣтельствуеть, что онъ владѣлъ всѣми принадлежностями тогдашняго римскаго образованія:

I, 7. Nota magis nulli domus est sua, quam mihi lucus
Martis et Aeoliis vicinum rupibus antrum
Vulcani. Quid agant venti, quas torqueat umbras
Aeacus, unde alius furtivae devehat aurum
Pelliculae, quantas jaculetur Monychus ornos etc.

Дальше онъ говоритъ (I, 15):

Et nos ergo manum ferulae subduximus, et nos
Consilium dedimus Sullae, privatus ut altum
Dormiret.

Кромѣ того, по свидѣтельству всѣхъ биографій, Ювеналъ до средняго своего возраста („ad mediam fere aetatem declamavit“) занимался декламаторствомъ и только затѣмъ уже сталъ писать сатиры. Возможно ли, чтобы такое воспитаніе поэта прошло безслѣдно для его литературной дѣятельности? Риббекъ говоритъ „да“ и ссылается на тѣ мѣста I-й сатиры, которыя только что приведены мною, чтобы показать, что Ювеналъ, достигнувъ возмужалаго возраста, отказался отъ всѣхъ плодовъ своего воспитанія. Но слова Ювенала показываютъ только то, что онъ сознавалъ нѣкоторые недостатки декламаторскаго воспитанія и желалъ отдѣлаться отъ нихъ; желать же и исполнить — не одно и тоже. И Квинтиліанъ высказываетъ желаніе излить скорбь осиротѣвшаго отца въ незатѣшливыхъ словахъ; но на дѣлѣ вышло иначе. Мы видѣли уже, что и мифологическія прикрасы осуждаются Ювеналомъ, но, однакожь, онъ все-таки прибѣгаетъ къ нимъ очень часто.

Наблюденія свои надъ сатирами Ювенала Риббекъ оканчиваетъ изслѣдованіями надъ составомъ Ювеналовскихъ стиховъ и тутъ также находитъ непримиримый дуализмъ между первыми и послѣдними сатирами. Но если гдѣ, то именно здѣсь бросается въ глаза ни на чемъ не основанный произволь Риббека и его желаніе воспользоваться такими результатами, изъ которыхъ вовсе ничего нельзя извлечь. Притомъ весь этотъ анализъ просодіи и метрики Ювеналовскихъ произведеній, затѣянный Риббекомъ, отличается мелочнымъ характеромъ. Риббеку не нравятся спонденческія стопы, отъ которыхъ, однакожь, произведенія, писанныя гекзаметромъ, никогда не бываютъ свободны. Такимъ образомъ этотъ недостатокъ (если только это можно назвать недостаткомъ) принадлежитъ и гекзаметру Юве-

нала, который, по словамъ самого Риббека, ничуть не претендуетъ на особенную изящность стиха ¹⁾. Тѣмъ не менѣе Риббекъ упрекаетъ послѣднія сатиры въ томъ, что въ нихъ, въ началѣ стиха, 4 спондеи попадаются гораздо чаще, чѣмъ въ первыхъ сатирахъ. На сколько это справедливо, покажутъ таблицы геометрическихъ отношеній, весьма тщательно составленныя самимъ Риббекомъ. Онѣ опредѣляютъ въ каждой сатирѣ отношеніе числа стиховъ, снабженныхъ четырьмя спондеями, къ числу всѣхъ стиховъ сатиры. Эти отношенія слѣдующія:

Въ	I сат.	= 1:16/17	Помѣщая рядомъ эти отноше-
"	II "	= 1:23	нія въ остальныхъ сатирахъ:
"	III "	= 1:29	Въ X сат.
"	IV "	= 1:23	" XII "
"	V "	= 1:39/40	" XIII "
"	VI "	= 1:18	" XIV "
"	VII "	= 1:21/22	" XV "
"	VIII "	= 1:20/21	
"	IX "	= 1:27	
"	XI "	= 1:34	

Думаю, что изъ этихъ чиселъ нельзя вывести никакихъ результатовъ, положительно доказывающихъ разницу между стихами многихъ двухъ авторовъ.

Таковы же и результаты, добытыя Риббекомъ въ отношеніи участія *σπουδαίωντων* въ гекзаметрахъ Ювенала. Въ первыхъ сатирахъ, по словамъ самого критика, „das Verhältniss schwankt zwischen“:

0 : 237	1 : 168	1 : 116	1 : 74
1 : 247	1 : 158	1 : 106	1 : 34

А вотъ отношенія, составленныя тоже Риббекомъ для второй половины сатиръ:

1 : 249 (XIII)	1 : 174 (XV)	1 : 91/92 (X)
	1 : 130 (XII)	1 : 83 (XIV).

Отсюда, мнѣ кажется, нельзя вывести ничего опредѣленнаго. Но, замѣчаетъ Риббекъ, въ первыхъ сатирахъ эти примѣры почти всегда

¹⁾ Der echte u. der unechte Juven. стр. 64: «auf besondere Eleganz des Versbaues macht Juvenal keinen Anspruch :

I, 79. Si natura negat, facit indignatio versum,
Qualemcumque potest, quales ego vel cluvenus....

БИБЛІОГРАФІЯ.

K. Lehrs (Professor in Königsberg), *Die Pindar schollen. Eine kritische Untersuchung zur philologischen Quellenkunde.* Leipzig, 1873. (199 стр.).

Передъ нами трудъ, составляющій въ обработкѣ вышеозначенной темы эпоху; это результатъ многолѣтнихъ и обширныхъ изслѣдованій автора, давно пользующагося заслуженною извѣстностью въ области греческой грамматики. Найти руководящую идею въ неурядицѣ пиндаровыхъ схолій въ настоящемъ ихъ видѣ,—идею, способную современемъ привести ихъ въ надлежащій порядокъ,—могъ только писатель, обладающій не только обширными свѣдѣніями, но тонкимъ чутьемъ и неутомимымъ прилежаніемъ. Кто занимался собраніями этихъ схолій, тотъ въ состояніи оцѣнить всѣ трудности настоящаго изслѣдованія; ибо въ схоліяхъ мы имѣемъ дѣло не съ рядомъ систематически послѣдовательныхъ редакцій, а съ беспорядочною смѣсью древняго съ новѣйшимъ, дѣльнаго съ плохимъ, совѣщеннаго безъ мысли и толка въ одну общую кучу. Дѣйствительно, требуется болѣе нежели обыкновенной догадливости, чтобы по отрывочнымъ остаткамъ заключить объ исчезнувшихъ цѣльныхъ произведеніяхъ, при чемъ требуется также найти и указать еще и тотъ источникъ, которому мы обязаны отдѣльными схоліями. Имена писателей еще мало тутъ доказываютъ; здѣсь имѣетъ значеніе самое близкое знакомство съ ихъ языкомъ, съ ихъ манерой писать, съ своеобразностями языка и особенностями обстановки каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, такъ что и при открытіяхъ, бросающихъ въ окончательномъ своемъ видѣ необыкновенно яркій свѣтъ на эту темную область языкознанія, авторомъ руководили сужденія, основанныя большею частію на внутреннихъ свойствахъ самого предмета. Однимъ словомъ, что касается матеріальной стороны изслѣдованія, то мы можемъ считать себя болѣе чѣмъ удовлетворенными; другое дѣло форма, въ которую авторъ об-

лекъ свои, сами по себѣ ясныя, соображенія: она ни коимъ образомъ, къ крайнему сожалѣнію, не способствуетъ усвоенію его соображеній; напротивъ, приходится сознаться, что пониманіе этого дѣльнаго сочиненія значительно затрудняется, а иногда и совершенно дѣлается невозможнымъ, вслѣдствіе манеры, съ которою авторъ излагаетъ свои мысли. Только вооружившись неистощимымъ терпѣніемъ, можно, не впадая въ отчаяніе, слѣдить за перепутанными нитями его изслѣдованій. Главный недостатокъ изложенія состоитъ въ томъ, что Лерсъ не сообщаетъ прямо, какъ бы то слѣдовало, результаты своихъ изслѣдованій, а излагаетъ ихъ со всѣми мелочными подробностями, такъ что читатель по неволѣ принужденъ испытывать на себѣ всю утомительность продѣланной авторомъ процедуры. Мы нигдѣ не встрѣчаемъ дедуктивнаго заключенія изъ тѣхъ выводовъ, до которыхъ дошелъ авторъ тяжкимъ путемъ индукціи и такимъ образомъ сообразительности самого читателя предоставляется отыскивать ту руководящую идею, которая изъ этихъ разрозненныхъ матеріаловъ соорудила цѣлое зданіе. Не рѣдко даже мы совершенно не знаемъ, къ чему ведетъ та или другая подробность, и только перевернувъ не малое число страницъ, открываемъ связь той или другой, иногда забытой давно, подробности со всѣми остальнымъ. Ясно по этому, что мы на первыхъ же порахъ должны отказаться отъ всякой мысли воспроизвести хотя бы приблизительно общій ходъ разсматриваемаго нами изслѣдованія; цѣль наша дать читателю довольно опредѣленное понятіе о всемъ новомъ и цѣнномъ, что находится въ этомъ сочиненіи, и для этой цѣли намъ нужно совершенно самостоятельно привести въ систему все, что разрознено, хотя одно, по самому существу своему, непременно принадлежитъ другому.

Схоліи къ Пиндару издалъ въ первый разъ въ Римѣ, въ 1515 г., Zacharias Calergus Cretensis, при чемъ текстъ стихотвореній помѣщался на одной и той же страницѣ съ соответствующими ему схоліями. Кромѣ того, въ концѣ олимпійскихъ одъ, между ними и пифійскими, находился рядъ другихъ схолій позднѣйшаго происхожденія; схоліи эти относились также и къ олимпійскимъ одамъ, были совершенно отдѣльны отъ первой древнѣйшей группы, и номинально приписывались Триклинію. Къ сожалѣнію Бекъ, Гейне и наконецъ Боекъ не удовлетворились отдѣльнымъ издапіемъ каждой изъ вышеупомянутыхъ двухъ группъ схолій, а обработали ихъ въ одну, чрезъ что и лишили ихъ внутренней связи. Вотъ этотъ-то конгломератъ въ изслѣдованіяхъ Лерса приведенъ къ тремъ главнымъ источникамъ,—

назовемъ ихъ α , β , γ , — которые имѣютъ одну общую точку соприкосновенія именно въ томъ, что всѣ три суть на самомъ дѣлѣ только парафразы, снабженныя коментаріемъ, который въ свою очередь заимствованъ изъ болѣе древнихъ и часто лучшихъ толкователей. Разсходятся же эти источники относительно времени своего появленія, а также въ языкѣ и обработкѣ матеріала. При разсмотрѣніи ихъ одинъ за другимъ по установленному Лерсомъ порядку, а не представляетъ собою независимой отъ текста стиховъ передѣлки цѣлаго поэтическаго произведенія въ прозу, но параллельно тексту парафразируетъ отдѣльно каждое слово поэта. Нерѣдко вмѣсто Пиндарова слова, употребляется другое, въ свою очередь поясняемое еще другимъ, болѣе знакомымъ и болѣе обыкновеннымъ выраженіемъ; Пиндарово слово, болшею частію въ леммѣ, освобождается отъ своей діалектической оболочки. Характеристичны при этомъ частички, которыя присоединяются къ леммѣ; это обыкновенно: $\alpha\nu\tau\acute{\iota}$, $\tau\omicron\upsilon$, $\eta\gamma\omega\upsilon\upsilon$, $\tau\omicron\upsilon\tau\acute{\epsilon}\sigma\tau\iota$, рѣже $\delta\eta\lambda\omicron\nu\sigma\tau\iota$, $\lambda\acute{\epsilon}\gamma\omega$. Этими частичками β отличается отъ α , ибо въ β ту же роль играетъ преимущественно $\kappa\alpha\iota$, напримѣръ, $\epsilon\acute{\omega}\nu$ $\kappa\alpha\iota$ $\upsilon\pi\acute{\alpha}\rho\chi\omega\nu$; кромѣ того, въ β мы почти повсюду находимъ самыя выраженія Пиндара въ первобытномъ видѣ, и при этомъ не исключены обыкновенныя діалектическія формы, напримѣръ, $\nu\chi\acute{\omega}\nu\tau\epsilon\sigma\tau\iota$ $\kappa\alpha\iota$ $\nu\chi\acute{\omega}\sigma\tau\iota$; $\epsilon\nu\tau\iota$ $\kappa\alpha\iota$ $\epsilon\iota\sigma\iota$ и т. д.; наконецъ γ почти всегда отбрасываетъ выраженіе самого Пиндара и замѣняетъ его болѣе извѣстнымъ, прозаическимъ, по этимологически родственнымъ. При этомъ каждое объясненіе сопровождается объяснительная частичка; но когда таковая находится, то это бываетъ, какъ и въ β , болшею частію $\kappa\alpha\iota$, впрочемъ парафраза эта существенно отличается отъ β тѣмъ, что объясненіе находится впереди, за тѣмъ слѣдуетъ $\kappa\alpha\iota$ и только уже послѣ Пиндаровское слово, напримѣръ, для объясненія $\chi\omega\mu\acute{\alpha}\zeta\omicron\nu\tau\iota$ говорится $\chi\omicron\rho\acute{\epsilon}\upsilon\sigma\omicron\nu\tau\iota$ $\kappa\alpha\iota$ $\chi\omega\mu\acute{\alpha}\zeta\omicron\nu\tau\iota$. Вообще говоря, эта 3-я парафраза господствуетъ въ *sholia vetera*, тогда какъ парафразы α и β стоятъ въ *sholia recentiora*. Поэтому γ донныя сохранилась въ преобладающемъ количествѣ во всѣхъ 4-хъ группахъ стихотвореній поэта и представляетъ собою въ нѣкоторомъ родѣ спасительную нить Ариадны въ лабиринтѣ пиндаровыхъ *sholia vetera*; α и β прежде всего находится исключительно въ *sholia recentiora*, и поэтому существуютъ только для олимпійскихъ одъ, при чемъ β въ очень неполномъ видѣ, а α почти въ полномъ.

Что касается мѣста и времени появленія этихъ трехъ родовъ схолій, то мы находимъ разбѣянные по разнымъ мѣстамъ слѣдующія извѣстія. *Sholia vetera* съ парафразой γ Боекъ относитъ къ эпохѣ

Плутарха. Но Лерсъ, основываясь какъ на особенностяхъ языка, такъ и на содержаніи, опровергаетъ упомянутого ученаго и говоритъ, что такое опредѣленіе времени заходитъ слишкомъ далеко; по его мнѣнію, γ хотя относительно и старше другихъ, тѣмъ не менѣе позднѣе время Плутарха. Что же касается α и β, то Лерсъ не только опредѣляетъ ихъ время, но и автора, и приписываетъ ихъ перу византійскихъ грамматиковъ XIV столѣтія — Мануила Мосхопула и Дмитрія Триклинія. Ибо одна по своему характеру и тону вполне соответствуетъ комментарию Мосхопула къ „Ерга“ Гезіода, а другая — комментарию Триклинія къ Софоклу. Обоихъ этихъ авторовъ характеризуетъ Лерсъ на стр. 73-й обстоятельно и весьма интересно; поразительно сходство ихъ языка даже въ мелочахъ; при этомъ Лерсъ вполне обнаруживаетъ прелесть и тонкость своихъ наблюденій; особенно замѣчательно сходство сколій Мосхопула съ его извѣстною слягою, напечатанною въ 1524 году въ Венеціи, а въ 1532 году въ Парижѣ. Такимъ образомъ отнынѣ почти всегда возможно будетъ, пользуясь многочисленными указаніями Лерса, безъ труда отличить сколіи Мосхопула отъ сколій Триклинія. И если такимъ образомъ вопросъ о соединенномъ изданіи сколій можно считать теперь существенно рѣшеннымъ, то спрашивается, что же затѣмъ можемъ мы сказать о двухъ отдѣльно изданныхъ собраніяхъ сколій, какъ-то: 1) *Thomae Magistri et Demetrii Triclinii sholia in Pythia quattuor prima*. ed. K. E. C. Shneider. 1844, и 2) *Sholia recentiora Thom. Tricliniana in Pindari Nemea et Isthmia e codicibus antiquis hoc libro primum eduntur Francofurti 1865*. Tycho Mommsen.

О первомъ изъ этихъ собраній Лерсъ думаетъ, что и здѣсь точно также мы имѣемъ дѣло съ Триклиніемъ, но только предварительно нужно исключить нѣкоторыя прибавленія позднѣйшаго времени. Имя *Thomas Magister*, по его мнѣнію, — совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ; нѣтъ тутъ также ничего напоминающаго и Мосхопула. Итакъ достоверно, что Триклиній комментировалъ не однѣ олимпійскія оды; чѣмъ именно еще, кромѣ комментаріевъ къ 4 пивійскимъ одамъ, мы ему обязаны, этого мы пока не знаемъ. Дѣло иное съ Моммзеновскими сколіями, разъясняющими немейскія и истмійскія оды Пиндара. Сколіи эти составлены очень оригинально; обѣ первыя немейскія въ главныхъ чертахъ тождественны съ *sholia vetera*; остальное же все такъ молодо и ново, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приписано Мосхопулу или Триклинію.

До сихъ поръ я вкратцѣ излагалъ содержаніе книги Лерса, на

скільки онъ касается въ ней основной своей темы. Далѣе онъ на трехъ примѣрахъ уясняетъ практически свою теорію образованія сколій. Во первыхъ, онъ подробно излагаетъ парафразу IX олимпійской и IV пифійской одъ по способу γ ; затѣмъ предлагаетъ для IX пифійской оды опытъ систематически-подробнаго изложенія всей работы, а именно, сперва выдѣляетъ парафразу, затѣмъ прилагаетъ весь необходимый коментарій, принадлежащій къ ней, приведя все въ надлежащій порядокъ, и въ результатѣ получаетъ одно стройное, по своей послѣдовательности вполне доступное читателю, цѣлое. Результатъ, полученный Лерсомъ такимъ путемъ, на столько блестящъ, что изданіе сколій по старому образцу навсегда дѣлается немыслимымъ. Во всякомъ случаѣ, будущій изслѣдователь, идя по стопамъ Лерса, встрѣтитъ еще много тяжелаго труда, ибо Лерсъ указалъ только путь въ общихъ чертахъ, а на самомъ дѣлѣ своей работы онъ не довелъ до надлежащаго конца.

Мы разсмотрѣли только тѣ отдѣлы, которые запяты разборомъ пиндаровыхъ схолій. Но книга Лерса содержитъ въ себѣ, кромѣ того, массу интересныхъ подробностей, чрезвычайно важныхъ для ознакомленія съ древними грамматиками. Въ особенности замѣчательна глава V, гдѣ идетъ рѣчь о распространенности парафразы въ древности, что придаетъ всему этому отдѣлу грамматическихъ работъ очень высокое значеніе. Не менѣе богата содержаніемъ и значеніемъ гл. VII; въ ней обсуждается вопросъ объ особенностяхъ языка, что навѣрное не останется безъ многосторонняго вліянія на классификацію и хронологію трудовъ по грамматикѣ.

Въ заключеніе авторъ помѣстилъ двѣ небольшихъ монографіи, бывшія извѣстными уже и прежде: „О ложномъ Гезихіѣ Милезіапцѣ“ и „Ложномъ Филемонѣ“ (изд. Осанномъ 1821 г.). Особенно послѣдній трудъ заслуживаетъ того, чтобъ на него обратили вниманіе, потому что подложность Филемона еще далеко не общеизвѣстна.

Однако, пора проститься съ этою весьма и весьма почтенною книгой; отъ души желаемъ ей какъ можно больше читателей; конечно, она не бойко читается, но за то содержаніе сторицей вознаграждаетъ трудъ терпѣливаго читателя.

W. H.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О ПРЕМІИ

ЗА УЧЕНОЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ ЛОМОНОСОВА.

Непремѣнный секретарь Императорской академіи наукъ имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что по § 10-му утвержденныхъ академіею 13-го декабря 1868 года правилъ о преміи за ученое жизнеописаніе Ломоносова, срокомъ представленія сочиненій на конкурсѣ этой преміи было назначено 1-е марта 1874 года, но что въ этому сроку не доставлено академіи ни одного сочиненія.—Вслѣдствіе сего конференція академіи, въ засѣданіи 1-го марта, положила возобновить этотъ конкурсъ на прежнихъ правилахъ и назначила новымъ срокомъ для представленія на него сочиненій 1-е марта 1879 года. Правила объ этой преміи, утвержденныя академіею наукъ, суть слѣдующія:

§ 1. Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, въ 9-й день февраля 1868 года, Высочайше соизволилъ на назначеніе, изъ собранныхъ для образованія Ломоносовскаго капитала суммъ, двухъ тысячъ рублей на премію и изданіе въ пользу автора строго-ученаго жизнеописанія Ломоносова съ оцѣнкою его дѣятельности, какъ писателя, ученаго и гражданина, съ тѣмъ, чтобы всѣ доходы съ этого изданія принадлежали автору. Премія будетъ состоять изъ означенной суммы въ 2.000 руб. и изъ процентовъ, которые наростутъ на нее ко времени присужденія преміи.

§ 2. Разборъ ученаго жизнеописанія Ломоносова и присужденіе за него преміи предоставлены Императорской академіи наукъ, кото-

рою, въ мартовскомъ засѣданіи общаго собранія, будетъ назначена коммиссія изъ академикомъ для предварительнаго разсмотрѣнія сочиненій, представленныхъ на соисканіе. На основаніи донесенія этой коммиссіи, присужденіе преміи будетъ произведено общимъ собраніемъ конференціи, въ декабрьскомъ засѣданіи онаго.

§ 3. Въ ученоемъ жизнеописаніи Ломоносова, кромѣ пользаго изображенія всѣхъ сторонъ его дѣятельности, излагается оцѣнка его трудовъ въ области физики, химіи, минералогіи, геологіи, металлургіи, русской исторіи, филологіи и словесности, съ изъясненіемъ, въ какомъ состояніи находились эти отрасли вѣдѣнія въ его время; и что именно сдѣлано имъ по каждой изъ нихъ. Въ отношеніи къ заслугамъ Ломоносова по словесности должно быть обращено особенное вниманіе на значеніе его въ развитіи русскаго письменнаго языка.

§ 4. На соисканіе преміи принимаются оригинальныя сочиненія на русскомъ языкѣ, какъ печатныя, такъ и рукописныя. Последнія должны быть четко писаны и съ подписью имени автора или же безъ оной, но съ девизомъ и приложеніемъ запечатаннаго пакета, содержащаго имя автора.

§ 5. Въ случаѣ присужденія преміи за рукописное сочиненіе, она выдается автору не прежде, какъ по напечатаніи сочиненія.

§ 6. Дѣйствительные члены Императорской академіи наукъ не имѣютъ права участвовать въ соисканіи этой преміи.

§ 7. Въ случаѣ, если бы по обширности и многосложности предлагаемой задачи былъ представленъ трудъ двухъ или болѣе лицъ, вполнѣ соответствующій изложеннымъ требованіямъ, премія присуждается авторамъ его совокупно.

§ 8. Сочиненія, удостоенныя награды графа Уварова, могутъ участвовать въ соисканіи преміи за біографію Ломоносова.

§ 9. Премія будетъ выдава лишь самому автору, или его законнымъ наслѣдникамъ, но не издателю.

§ 10. Срокомъ представленія сочиненій на соисканіе преміи начнется 1-е марта 1879 года. Отчетъ о присужденіи преміи будетъ прочтенъ въ годичномъ публичномъ засѣданіи академіи и затѣмъ напечатанъ во всеобщее свѣдѣніе.

РУССКІЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРОФЕССОРОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА И. И. БЕРЕЗИНЫМЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Въ западной Европѣ энциклопедическіе словари составляютъ непремѣнную принадлежность каждому образованнаго семейства: оттого иностранные словари и расходятся въ такомъ невѣроятномъ количествѣ. Нѣмецкій словарь Брокгауза, наиболѣе распространенный и служащій по размѣрамъ своимъ образцемъ нашему Словарю, имѣлъ уже одиннадцать изданій и разошелся въ числѣ трехъ сотъ тысячъ экземпляровъ. Въ настоящее время объявили въ Германіи разомъ три словари о новыхъ изданіяхъ: словарь Брокгауза двѣнадцатымъ изданіемъ, словарь Пирера (больше предшущаго по размѣрамъ) шестымъ изданіемъ и наконецъ словарь Мейера, очень большихъ размѣровъ, напечатанный въ числѣ сорока двухъ тысячъ экземпляровъ, выходитъ также новымъ изданіемъ. Во Франціи издается весьма большой словарь Ларуссомъ.

Русскій Энциклопедическій Словарь предполагаетъ также удовлетворить существенной потребности нашей литературы, и въ этихъ видахъ, какъ размѣры изданія, такъ и способъ составленія статей по возможности принаровлены къ потребностямъ нашей публики. Нѣкоторые отдѣлы, пренебреженные въ Словарѣ Брокгауза, въ Русскомъ Энциклопедическомъ Словарѣ обработаны съ удовлетворительною подробностію (военный отдѣлъ, морской отдѣлъ, статьи по реальнымъ наукамъ, художественный отдѣлъ, и др.). Само собою разумѣется, что отдѣлъ о Россіи, въ иностранныхъ словаряхъ занимающій скромное мѣсто, въ нашемъ Словарѣ разработанъ специалистами очень тщательно.

Согласно опубликованной прежде программѣ, вышло до сихъ поръ Русскаго Энциклопедическаго Словаря два съ половиною тома, почему издатель съ увѣренностью можетъ сказать, что въ теченіе пер-

ваго, наиболѣе труднаго для изданія года, выйдетъ три тома. На все же изданіе потребуется еще не болѣе трехъ лѣтъ, тѣмъ болѣе что издатель надѣется не выйти изъ пятнадцати томовъ.

Въ настоящее время открывается подписка на годичное изданіе Русскаго Энциклопедическаго Словаря, составляющее шесть тетрадей или три выпуска, равняющихся тремъ томамъ. Цѣна за три выпуска и съ пересылкою двѣнадцать рублей. Деньги уплачиваются при подпискѣ и на полученіе Словаря выдается билетъ. Гг. помѣстившіеся на второй годъ могутъ получить первый годъ изданія (три выпуска) за тринадцать рублей и съ пересылкою. Казенныя заведенія и бібліотеки могутъ, въ избѣжаніе переписки, уплачивать всю сумму сполна уже по полученіи всѣхъ выпусковъ того или другаго года.

Подписка принимается для живущихъ въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ *О. В. Базуова* (Невскій, 39). Гг. иногородныхъ просятъ съ своими заявленіями обращаться на имя издателя *И. Н. Березина*, въ контору „Русскаго Энциклопедическаго Словаря“, Вознесенскій проспектъ, 27, квар. 30.

Отдѣльно каждый выпускъ стоить съ пересылкою пять рублей.

Складъ изданія находится на Литейной, 38, квар. 22. Тамъ же помѣщается и редакція.

И. Березинъ.

СОДЕРЖАНІЕ
СТО СЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. 21-ю декабря 1873 года. Объ учрежденіи стипендіи при Архангельской женской гимназіи	3
2. 21-ю декабря 1873 года. О предоставленіи лицамъ, какъ служащимъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ и прослужившимъ въ нихъ не менѣе десяти лѣтъ, — права бесплатнаго обученія дочерей ихъ въ этихъ заведеніяхъ	—
3. 21-ю декабря 1873 года. О наименованіи устроеннаго купцомъ Подаруевымъ училища въ Тюменскомъ округѣ Тобольской губерніи, Алексѣевскимъ	4
4. 24-ю декабря 1873 года. Объ учрежденіи трехъ стипендій при Московскомъ университетѣ	5
5. 21-ю декабря 1873 года. Объ открытіи въ городѣ Ригѣ двухъ начальныхъ училищъ съ наименованіемъ оныхъ „Петровскими“	6
6. 21-ю декабря 1873 года. Объ учрежденіи стипендіи въ Симбирской гимназіи	7
7. 21-ю декабря 1873 года. Объ учрежденіи стипендіи при Берченской Александровской гимназіи	—

8. 31-ю декабря 1873 года. Объ описаніи медалъ для награжденія студентовъ Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи	8
9. 31-ю декабря 1873 года. Объ учрежденіи стипендіи при Орловскомъ реальномъ училищѣ	—
10. 31-ю декабря 1873 года. Объ учрежденіи стипендіи при Александровскомъ двуклассномъ мужскомъ училищѣ въ городѣ Курскѣ	9
11. 31-ю декабря 1873 года. Объ учрежденіи стипендіи при Тобольской губернской гимназій	10
12. 9-ю января 1874 года. Объ учрежденіи въ г. Ревелѣ трехклассной женской прогимназій	11
14. 9-ю января 1874 года. О преобразованіи существующей въ г. Ригѣ городской гимназій	57
14. 22-ю января 1874 года. Объ учрежденіи гимназій въ г. Вѣлгородѣ (Курской губерніи)	59
15. 5-ю февраля 1874 года. Объ учрежденіи при Новоросійскомъ университетѣ должности секретаря по студентскимъ дѣламъ	60
16. 5-ю февраля 1874 года. Объ учрежденіи при гимназій Императорскаго Человѣколюбиваго Общества двухъ должностей помощниковъ классныхъ наставниковъ	61

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

28-го декабря 1873 года (№ 15)	12
1-го января 1874 года (№ 1)	13
2-го февраля 1874 года (№ 2).	62

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

28-го декабря 1873 года	14
21-го февраля 1874 года	63

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. 13-ю октября 1873 года. Положеніе о стипендіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Батурина при Вятской Маринской женской гимназій	34
--	----

2. 13-го октября 1873 года. Положеніе о стипендіи дѣйстви- тельного статскаго совѣтника Батурина при Вятской гимназій.	35
3. 19-го января 1874 года. Уставъ ссудо - сберегательной кассы при Воронежской прогимназій.	42
4. 19-го января 1874 года. Положеніе о стипендіи имени бывшаго генералъ-губернатора Восточной Сибири, генерала отъ кавалеріи Николая Петровича Сипельникова	46
5. 2-го февраля 1874 года. Инструкція совѣту Харьковскаго всеринарнаго института	47
6. 2-го февраля 1874 года. Инструкція директору Харьков- скаго ветеринарнаго института	48
7. 2-го февраля 1874 года. Положеніе о курсѣ повивальнаго искусства при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.	49
8. 23-го января 1873 года. Распредѣленіе суммы на содер- жаніе Ревельской женской 3-хъ классной прогимназій.	64
9. 23-го января 1874 года. Таблица числа недѣльныхъ уро- ковъ въ Ревельской женской прогимназій	65
10. 26-го января 1874 года. Уставъ ссудо - сберегательной кассы при Курскомъ реальномъ училищѣ	66
11. 16-го февраля 1874 года. Циркулярное предложеніе на- чальствамъ учебныхъ округовъ объ обязательномъ ношеніи уче- никами гимназій классныхъ принадлежностей въ ранцахъ обык- новенной солдатской формы	70
12. 2-го марта 1874 года. Циркулярное предложеніе началь- ствамъ учебныхъ округовъ о срокѣ представленія инспекторами народныхъ училищъ отчетовъ о состояніи сихъ училищъ.	71

Приказы министра народнаго просвѣщенія.

1-го января 1874 года (№ 1)	51
12-го января 1874 года (№ 2).	72
2-го февраля 1874 года (№ 3).	75

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Отечественная исторія въ связи со всеобщемъ“. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній“. Сост. С. Рождествен- скимъ. Изданіе третье, исправленное.	78
---	----

**ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОСОБОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

	СТРАН.
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Дешевая историческая библіотека для юношества. № 1-й. Завоеваніе Кавказа“. Разказъ изъ отечественной исторіи <i>М. Остроюрскаю</i>	78
О брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Какъ надо жить, чтобъ добро нажить“. Изданіе второе	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Краткая русская исторія“. Выпускъ первый. Отъ основанія Руси до вступленія на престолъ дома Романовыхъ (862 — 1613). Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. С.-Петербургъ. Изданіе редакціи народнаго журнала „Мірской Вѣстникъ“	—
Официальныя извѣщенія	52 и 79

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Политическое устройство германской имперіи. <i>А. Градовскаю</i>	1
Древне-русскія отреченныя вѣрованія и календарь Брюса. <i>А. Керенскаю</i>	53 и 278
Очерки художественной жизни современной Европы. <i>А. Прахова</i>	80
Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка. <i>І. Пирвольфа</i>	149
Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII вѣка до учрежденія министерствъ. <i>М. Владимірскаю-Буданова</i>	246
Интернаціональный институтъ международнаго права въ Гентѣ. <i>В. Безобразова</i>	343

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе. Соч. <i>М. Колосова</i> . <i>Starobulgarská fonologie stálým zretelem k jazyku Litevskému</i> . Sepsal dr. Leopold Geitler. <i>А. Потемни</i>	103 и 372
Религія востока: конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ. Сочиненіе <i>В. Васильева</i> . <i>И. Минаева</i>	127
Замѣтки по поводу „Филологическихъ разысканій“ академика Грота. <i>В. Новаковскаю</i>	390

„Два Міра“. Лирическая драма А. Н. Майкова. (Стихотворенія А. Н. Майкова, т. III). А. В. Никитенко.	389
---	-----

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Техническія учебныя заведенія въ Европѣ. А. Гезена	1 и 71
Къ вопросу о нормальной школьной мебели. Н. Новикови.	50

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты и б) низшія училища	1 и 39
Адресъ Императорскаго историко - филологическаго института И. Д. Делянову	24
Объ ученикахъ, перешедшихъ изъ гимназій и прогимназій въ реальныя училища	68
Письма изъ Парижа. Л. Л—ри	27

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

О сатирахъ Д. Ю. Ювенала. С. Опацкаго.	1 и 95
Каннибализмъ въ греческихъ мифахъ. Л. Воеводскаго	44
Marmor parium. М.	83
Библиографія:	
С. Lucilii saturarum reliquiae. Emendavit et adnotavit Lucianus Mueller. Э. Верта	71
Handbuch der römischen Alterthümer von Iochim Marquardt und Theodor Mommsen. Vierter Band. Römische Staatsverwaltung, I. М.	75
W. H. Roscher: Studien zur vergleichenden Mythologie der Griechen und Römer. I. Apollon und Mars. М.	77
K. Lehrs (Professor in Königsberg) Die Pindar scholien. Eine kritische Untersuchung zur philologischen Quellenkunde. W. H.	125

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Magnum Parium М.

О сатирахъ Д. Ю. Ювенала. II С. Опацкаго.

Библиографія:

К. Lehrs (Professor in Königsberg) Die Pindar scholien. W. II.

РЕДАКТОРЪ Е. ФЕОКТИСТОВЪ.

(Вышла 4-го апрѣля).

2272

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогійи и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежѣдневно отъ 8 до 11. часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того желающіе могутъ пріобрѣтать въ редакціи журналъ Министерства за прежніе годы, платя за полный экземпляръ (12 книжекъ), начиная съ 1869 года, шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала съ 1862 года — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

6122

1

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

Preservation photocopying and binding

by

**Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts**

1994

3 2044 022 674 428

Digitized by Google

